

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

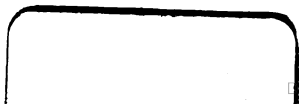
- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

3 3433 07920043 6

*QCA

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

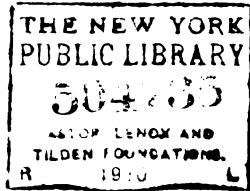
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

ТОМЪ IV

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 3 іюля 1861 года

Ценсоръ *О. Веселого*

МОЕ ДѢТСТВО

ИЗЪ ОДНИХЪ ЗАПИСОКЪ

Родился я въ пустынь полудикой,
Я росъ межъ буйныхъ дикарей,
И мнѣ судьба, по милости великой,
Дала въ руководители псарей.

Н. НЕКРАСОВЪ.

I

Родился я въ 18... году, августа 1. Такъ гласить календарь, на страницахъ котораго мой отецъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать всевозможныя замѣтки и искать всѣ свои мысли и чувства. Развернувъ толстую, замасленную книгу на стр. 79, я увидѣлъ цѣлый рядъ іероглифовъ, который, по толкованію людей свѣдущихъ, означалъ:

«Четыре часа вѣчера. Погода хорошая — дождикъ моросить. Мать (такъ называлъ отецъ свою жену, мою матушку) родила сына, имя: Михаилъ. Имянины его будутъ праздноваться вмѣстѣ съ другимъ Михаиломъ — старшимъ.»

Затѣмъ слѣдовала выписка изъ календаря, въ такомъ родѣ:

«Родившійся подъ вліяніемъ планеты Сатурнъ, бываетъ храбръ и мужественъ, индѣ золь и вспыльчивъ, индѣ добръ и мягкосердечевъ; при умѣренной жизни доживаетъ до 85-ти лѣтъ. Родившійся въ хорошую погоду — сангвиникъ, въ дурную — флегматикъ или мелахоликъ (зри: календарь, стр. 476).»

Іероглифы продолжались еще нѣсколько строкъ, но никто до сихъ поръ, кромѣ стоящаго въ срединѣ фразы слова «шельма», ничего не могъ разобрать. Подобными іероглифами былъ

вспешрѣнь весь календарь, потому что мать моя, женщина тихая и добрая, дарила отцу аккуратно каждый годъ по ребенку, а иногда даже и сокращала этотъ срокъ. Впослѣдствіи, изъ разсказовъ матери, я узналъ, что я родился мертвымъ, такъ что бабушка, принимавшая меня, пророчила, что я не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Что было со мною дальше: какъ я росъ — ничего не помню ясно до самаго переѣзда отца съ мѣста моей родины въ одну изъ юго-восточныхъ губерній, гдѣ отецъ мой поступилъ въ гражданскую службу (прежде онъ служилъ въ военной).

Вотъ наше родословное древо. За краткость свѣденій прошу извинить!

Дѣдъ мой, какъ я узналъ стороною, былъ гороховецкій крестьянинъ (Владимірской губерніи). Отецъ самъ не любилъ разсказывать о своемъ первобытномъ званіи и о своихъ родныхъ. «Дѣти болтливы, говаривалъ онъ: — пойдутъ толковать да разсказывать, а тамъ, чего добраго, откажутся отъ всего, и отъ отца и отъ родныхъ: они-дескать мужики»... Матушка, впослѣдствіи, говорила мнѣ, что дѣдъ былъ человѣкъ богатый и могъ бы нанять вмѣсто отца охотника, но отецъ самъ пожелалъ идти въ военную службу. Службу свою отецъ началъ и окончилъ въ кавалеріи, прослужилъ царю и отечеству, вѣрою и правдою, тридцать лѣтъ. «Я до сорока-пяти лѣтъ былъ необразованнымъ человѣкомъ, часто говорилъ онъ намъ въ поученіе: а всегда былъ на виду у начальства и считался добрымъ служакой. — Да, если бы не Герасимовъ, обыкновенно прибавлялъ онъ, можетъ быть до сихъ поръ такъ и оставался бы необразованнымъ». Въ самомъ дѣлѣ, Герасимовъ (какой-то военный писарь) оказалъ отцу великую услугу: онъ научилъ его читать русскія книги (до той поры отецъ читалъ только церковно-славянскія), научилъ его даже излагать свои мысли начертательно, посредствомъ гіероглифовъ, и можетъ быть научилъ бы еще многому, если бы офицерскій чинъ, а за нимъ женитьба не отбили въ немъ охоты къ дальнѣйшему образованію. Кто были мой дѣдъ и бабушка по матери, не могу сказать. Помню только, что разъ одинъ изъ моихъ братьевъ, ласкался къ матери, наивно спросилъ ее: «кто былъ вашъ папенька?» Услыхавши такой вопросъ, отецъ рѣзко закричалъ любопытному: «Какъ! ты не знаешь кто были Симеонъ и Ирина?!» Несчастный вздрогнулъ и замолкъ. «Ты не знаешь, продолжалъ отецъ тѣмъ же то-

номъ, кто были Симеонъ и Ирина, записанные въ поминальной книжкѣ?..» «Дѣдушка и бабушка»... со слезами отвѣчалъ любопытливый.» «Ну, такъ чего же спрашиваешь?» замѣтилъ отецъ, опуская глаза на лежавшую передъ нимъ псалтирь. Получивши первый офицерскій чинъ и женившись, отецъ еще съ большимъ рвеніемъ принялся за службу и прослужилъ до штабсъ-капитанскаго чина съ честью и славой. «Тутъ пошли новыя порядки, говорилъ обыкновенно онъ: ученыхъ начали вездѣ набирать; пошли эти экзамены разные... ну, и вышелъ въ отставку: вижу, ничего не добьешься»... Стрелковой службой отецъ мало занимался; вся его дѣятельность поглащалась обученіемъ лошадей, ремонтированіемъ и фуражировкой. Общество его состояло, по преимуществу, изъ людей, подобно ему добившихся офицерскаго чина потомъ и кровью. — «У благородныхъ да у разныхъ экзаменованныхъ одно на умѣ, какъ бы подсмѣяться да подшутить надъ тобою, простымъ человѣкомъ; а свой братъ, дослужившійся, не возгордится... нечѣмъ»... твердилъ отецъ. Вышедши въ отставку, отецъ мой уѣхалъ на югъ Россіи управлять имѣніемъ, гдѣ и прожилъ шесть лѣтъ въ сообществѣ татарскаго мурзы, большого знатока вина (вѣроятно служителямъ корана разрѣшается знать вкусъ въ винѣ), постоянно пьянаго лекаря, отставнаго гусарскаго поручика и приходскаго священника, любившаго верховую ѣзду. Скучная, безцвѣтная, а подчасъ и грязная жизнь, общество, стоявшее гораздо ниже моего отца, умѣвшаго, по крайней мѣрѣ, вести разговоръ о винѣ и винѣ, — все это не давало моему отцу ровно никакой возможности выйдти изъ положенія полковаго вахмистра, понять, что жизнь и потребности семейства стоятъ нѣсколько выше потребностей конюшенной прислуги и полковыхъ лошадей. На службѣ отецъ не успѣлъ увидѣть порядочной семейной жизни, а вышедши въ отставку, онъ увидѣлъ ее въ такомъ видѣ, что, какъ человѣкъ неслухъ, сразу понялъ превосходство прежней, казарменной, забытой дисциплиною и служебными обязанностями. Грубое, тяжелое обхожденіе съ подчиненными отецъ перенесъ въ семейство, вовсе не думая о томъ, умѣстно оно или нѣтъ... Отсюда начинается требованіе полнаго подчиненія отъ своей жены, грубое обращеніе съ дѣтьми, которыхъ онъ судилъ по военному, и наконецъ, вслѣдствіе всего этого, совершенный разладъ въ семействѣ, члены котораго такъ и рвутся въ разные

стороны, лишь бы представилась малѣйшая возможность къ тому. Связанные съ семьей одними только преданіями о рожденіи и непремѣнномъ условіи держаться исключительно ея, они стараются быть по возможности рѣже въ ней — такъ противень имъ деспотизмъ и тяжелое обращеніе отца!

Проживши шесть лѣтъ управляющимъ, отецъ рѣшился испробовать счастья въ гражданской службѣ, надѣясь получить теплое мѣстечко; притомъ скучная, вѣчно будничная жизнь управляющаго видимо наскучила ему. Не долго думая, купилъ онъ фургонъ, въ который легко было запрячь всю семью, и отправился искать счастья въ одинъ изъ юго-восточныхъ губернскихъ городовъ. По дорогѣ, какъ рассказывала мнѣ матушка, заѣзжали въ Воронежъ, а оттуда двинулись далѣе. По пріѣздѣ отецъ сталъ усердно хлопотать о мѣстѣ, ссылаясь на бѣдность и многочисленное семейство и особенно напирая на множество сыновей, «которые (писалось въ прошеніяхъ) готовы хоть сейчасъ сдѣлаться усердными слугами царю и отечеству» (старшему было лѣтъ одиннадцать). Поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ: открылось мѣсто смотрителя тюремнаго замка, и отецъ получилъ его. Нужно замѣтить, что прежде всего этого, тотчасъ по прибытіи на мѣсто, былъ купленъ домъ, устройствомъ котораго отецъ мой занимался около года; переѣзжая въ тюремный замокъ, на казенную квартиру, отецъ сдалъ его.

Воспоминанія мои, какъ видно теперь, могутъ начаться только съ этого времени, потомучто только съ поступленіемъ моего отца въ смотрители острога, я начинаю помнить себя ясно и опредѣленно; вся же предыдущая жизнь моя рисуется какъ бы въ туманѣ, и нѣтъ ни одного событія, которое запечатлѣлось бы въ моей памяти такъ отчетливо и вѣрно, какъ всѣ приведенныя ниже.

Тюремный замокъ, смотрителемъ котораго былъ назначенъ мой отецъ, помѣщался близь заставы, на самомъ концѣ города. Онъ считался самымъ большимъ зданіемъ въ городѣ и вмѣщалъ въ себѣ болѣе восьми-сотъ арестантовъ, хотя выстроены были только для двухъ-сотъ. Какимъ образомъ помѣщались въ немъ остальные шесть-сотъ человѣкъ; до сихъ поръ не могу объяснить себѣ... Помню только, что въ нѣкоторыхъ камерахъ сидѣло человѣкъ по семидесяти, между тѣмъ какъ въ такой комнатѣ съ трудомъ могли бы помѣститься человѣкъ тридцать. Въ

самую жестокую зиму, въ такія камеры вставлены однѣ только зимнія рамы, то есть вторыя, — о существованіи лѣтнихъ не было и помину... Замокъ имѣлъ при себѣ три двора: два переднихъ, обнесенныхъ высокою стѣною, и одинъ задній, окруженный валомъ и рвомъ. На первомъ переднемъ дворѣ помѣщалась кухня и огороженное высокимъ заборомъ мѣсто, на которое выпускали арестантовъ прогуливаться; на второмъ жилъ смотритель въ укрѣпленномъ домѣ съ желѣзными рѣшотками; тутъ же помѣщались арестантская баня, прачешная и цейхгаузъ. Женщины и пересыльные арестанты помѣщались въ особыхъ флигеляхъ, выходившихъ окнами на первый дворъ. На заднемъ дворѣ находились погреба, колодезь, конюшни для рабочихъ лошадей и огороды для посѣва различныхъ овощей.

Въ первые дни послѣ нашего переѣзда отецъ былъ сильно занятъ приѣмомъ новой должности, почему дома бывалъ очень рѣдко, и то не надолго. Недѣли черезъ три, когда все совершенно устроилось, онъ сталъ поговаривать о необходимости учить насъ; помощникомъ себѣ въ этомъ дѣлѣ онъ выбралъ одного изъ арестантовъ, дворянина, посаженнаго въ острогъ «за обманъ и мошенство», какъ гласила реестровая книга. Новый учитель былъ высокаго роста, широкоплечій, рябой и съ разорванной ноздрею; онъ съ перваго же раза навелъ ужасъ на меня, двоихъ братьевъ и сестру, обреченныхъ на жертву наукъ. Пылкое дѣтское воображеніе сейчасъ представляло себѣ этого варвара съ нагайкою въ рукѣ — и глаза невольно застилались слезами при видѣ такого чудища.

Отецъ, какъ теперь помню, сидѣлъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, куда позвали и насъ; будущій учитель стоялъ у двери, вытянувши руки по швамъ и уставя глаза на отца, который говорилъ ему что-то. Разговоръ прекратился тотчасъ, какъ вошли мы.

— Вотъ вамъ учитель, сказалъ отецъ.

Учитель посмотрѣлъ на насъ, мы на него.

— Теперь ужь не я буду васъ сѣчь, а онъ, вотъ и плеть отдастъ ему, и отецъ отдалъ учителю нагайку.

— А вы-то какъ же? робко спросилъ учитель.

— Не беспокойтесь, у меня есть другая: я себя не обижу, возразилъ отецъ.

— Они меня, надѣюсь, и безъ этого будутъ слушать, робко замѣтилъ учитель, переминаясь на мѣстѣ, и положивъ нагайку на стуль.

— Нѣтъ, нѣтъ, возьмите; съ ними безъ этого не обойдетесь: они ужь такъ приучены, перебилъ его отецъ.

Учитель взялъ нагайку и началъ раскланиваться.

— Такъ вы будете учить ихъ въ комнатѣ около церкви; объ успѣхахъ каждый день говорите мнѣ, а чистописанье приходите показывать вмѣстѣ съ ними.

Учитель еще разъ поклонился и вышелъ.

На другой день мы отправились вмѣстѣ съ отцомъ въ назначенную для насъ комнату, куда позвали и учителя; но вмѣсто одного явилось вдругъ двое: бывшій частный приставъ, посаженный въ острогъ за выпускъ арестантовъ изъ своей части на разбой, взялся преподавать намъ ариметику и грамматику, увѣряя, что онъ знаетъ секретъ самаго скорого изученія этихъ наукъ.

— Молитесь! провозгласилъ отецъ, когда вошли учителя.

Мы начали креститься.

— Ну, теперь, съ Богомъ, начинайте!

Мы размѣстились въ слѣдующемъ порядкѣ: два брата, на одной сторонѣ стола, подлѣ арестанта, посаженного «за обманъ и мошенство»; я и сестра одесную и ошую пристава, выпускавшаго разбойниковъ, на другой сторонѣ; отецъ на третьей.

Нужно замѣтить, что каждый изъ насъ зналъ даже писать, а читали мы довольно бойко.

Содержавшійся «за обманъ и мошенство» и его ученики сразу поняли другъ друга и занялись сперва чтеніемъ, потомъ изображеніемъ ариметическихъ знаковъ и наконецъ письмомъ; но приставъ, выпускавшій разбойниковъ, никакъ не могъ объяснить намъ, что въ грамматикѣ главное — предложеніе и его части: подлежащее, сказуемое, связь, опредѣлительныя и дополнительныя слова, хотя и подкрѣплялъ свои доводы съ одной стороны авторитетомъ Греча, съ другой угрозою наказанія, которому должны подвергнуться безтолковыя дѣти. Сестра и я толковали сквозь слезы «связь», «подлежащее», «сказуемое», по ровню ничего не понимали. Видя, что предложеніе и его части остаются непонятными, приставъ началъ толковать объ употре-

бленіи строчныхъ и прописныхъ буквѣ, на что отецъ замѣтилъ ему, что дослужился до штабсъ-капитанскаго чина, а фамилію свою пишетъ со строчной буквы; слѣдовательно для дѣтей это совершенно не нужно.

— Лишь бы писали четко да красиво, да бойко читали, да ариметику знали, потомучто счеты не всегда подъ руками, а ужъ эти мудрости не для нихъ, замѣтилъ отецъ.

Приставъ уступилъ.

Началось объясненіе арифметики и ея тайнъ, причемъ слѣланъ былъ легкій намекъ на то, что извлеченіе корней вовсе не такая трудная вещь, какъ предполагають многіе: что стоятъ только дѣлить и помножать, дѣлить и помножать, отчасти складывать и вычитать, и такимъ образомъ исчерпывается вся премудрость. Не знаю, какъ сестра, но у меня забѣгали мурашки вдоль спины, когда грифель, визжа и свистя, изобразилъ на доскѣ число съ крючкомъ наверху. — «Господи! Господи! подумалъ я: — вотъ столько нагаекъ прійдется получить, прежде чѣмъ извлечешь хоть половину такого корня!»

До сихъ поръ не понимаю, зачѣмъ ему непременно хотѣлось учить насъ корнямъ, когда мы и четырехъ правилъ хорошенько не знали. Это онъ все отцу пылъ въ глаза пускалъ.

— Понимаете? спросилъ насъ приставъ.

— Понимаемъ, жалобно произнесла сестра, но такъ скоро, что я успѣлъ проговорить съ ней только послѣдній слогъ.

Дальше рассказывалось намъ о дробяхъ, именованныхъ числахъ, пропорціяхъ, отношеніяхъ и проч., причемъ приставъ каждую такую штуку изображалъ на доскѣ, а отецъ съ любопытствомъ произносилъ: «а ну-ка, дайте я взгляну.»

Часа два тянулся урокъ; наконецъ отецъ торжественно произнесъ: «довольно.» Онъ былъ весьма доволенъ нашими успѣхами, почему послѣ новой молитвы, съ улыбкой замѣтилъ, обращаясь къ намъ: «да, хорошо-то оно, хорошо... только много еще прійдется васъ сѣчь, пока выучитесь»...

На крыльцѣ насъ встрѣтила матушка и очень осталась довольна, когда узнала, что никто изъ насъ не былъ наказанъ. Вечеромъ насъ засадили учить уроки; хотя миѣ и сестрѣ не было ихъ задано, но отецъ настаивалъ, чтобы мы повторили о корняхъ, и даже самъ попытался изобразить что нибудь подобное, но, по замѣчанію няни, «нацарапалъ только хвостъ вѣдьмы».

Слѣдующій урокъ былъ на другой день. Приставъ, выпущавшій арестантовъ на разбой, не явился, и мы, всѣ четверо, остались на рукахъ посажоннаго «за обманъ и мошенство», который оказался добрѣйшимъ и смиреннѣйшимъ существомъ. Отецъ явился въ срединѣ урока, спросилъ, какъ мы учимся, и получивъ удовлетворительный отвѣтъ ушолъ. Занятія наши съ учителемъ ограничивались «Начатками христіанскаго ученія», арифметикой, десятью первыми страничками безтолковой грамматики Греча и чистописаніемъ, — дальше этого мы не заблагоразсудили двигаться. Учитель нашъ, не смотря на свою отвратительную фizioномію, отлично писалъ; такъ что даже отецъ приходилъ въ восторгъ отъ его почерка.

— Какъ, каналья, ловко пишетъ! говорилъ отецъ. Хоть бы и не эдакой рождъ, такъ и то дай Богъ такъ писать! прибавлялъ онъ.

Каждый день, вмѣстѣ съ учителемъ, мы отправлялись въ контору, къ отцу, показать свои тетрадки, причемъ онъ дѣлалъ различныя замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: «у кого это *b* такъ пузо выпятило?» или: «отчего ты, Ваня, не стараешься ставить буквы въ шеренгу?» или: «кто это *и* написалъ? — это ногой написано...» Разъ учитель, желая разукрасить мою тетрадь, сдѣлалъ на оберткѣ ея надпись: «сія тетрадь» и т. д., причемъ букву *c* откаллиграфировалъ на славу. Когда пришли мы показывать свои произведенія отцу, онъ съ гнѣвомъ спросилъ меня: «это ты самъ такъ испортилъ свою тетрадь?» Я сказалъ, что это сдѣлалъ учитель. — «Мальчишкѣ только позволительно дѣлать такія глупости!» рѣзко замѣтилъ отецъ. — Это каллиграфія... скромно замѣтилъ учитель. — «Не каллиграфія, а дурной примѣръ... Вы хотите учить моихъ дѣтей чортъ знаетъ чему! и отецъ бросилъ тетрадь на полъ.

Такъ тянулось время нашего ученія, скучно и однообразно. Не рѣдко отецъ, соскучившись такою монотонностью, допрашивалъ учителя: «хорошо ли они учатся? не шалятъ ли? — Вы скажите, ради Бога, прибавлялъ онъ, — не скрываете отъ меня, вѣдь я имъ отецъ... Вѣдь вы сами знаете, что скрывать этого нельзя: хорошо, такъ хорошо; дурно — нужно сѣчь, нечего дѣлать...» — Она хорошо себя ведутъ, ей-Богу, хорошо! божился учитель.

— То-то, хорошо ли? недовѣрчиво и съ грустью твердилъ

отецъ. Онъ никакъ не могъ представить себѣ, чтобы дѣти, приученныя къ нагайкѣ, могли обойтись безъ нея.

Вотъ и лѣто прошло. Наступившая осень памятна для меня по двумъ замѣчательнымъ событіямъ, которыя спѣшу передать: первое — знакомство съ заплечнымъ мастеромъ (палачемъ), второе — ночное посѣщеніе караульной, въ которой наказывали буяна-арестанта.

Мы только что возвратились съ урока, которыхъ, нужно замѣтить, было два: утренній и вечерній, какъ нянька, бѣгавшая неизвѣстно зачѣмъ на арестантскую кухню, сообщила намъ, что заплечный мастеръ «лопааетъ» тамъ говядину. Младшій мой братъ и я тотчасъ побѣжали посмотрѣть на лопающаго палача. Слѣдующее зрѣлище предстало нашимъ невиннымъ, дѣтскимъ глазамъ:

Въ огромной, законченной комнатѣ съ кирпичнымъ поломъ, съ громадной русской печью по срединѣ, столами и лавками по стѣнамъ, толпилось человекъ десять у одного изъ оконъ. На подоконникѣ сидѣлъ широкоплечій мужчина лѣтъ 35, съ черною бородою и черными курчавыми волосами, въ красной рубашкѣ и синемъ жилетѣ съ металлическими пуговицами. Передъ нимъ стояла деревянная чашка съ кусками вареной говядины; ломоть хлѣба, отрѣзанный во весь коровай съ кучкой соли на сторонѣ, лежалъ на мѣшкѣ изъ толстой холстины, помѣщавшемся на его колѣняхъ. Заплечный мастеръ (это былъ онъ) быстро уничтожалъ лежавшую передъ нимъ провизію, посылая въ ротъ огромные куски хлѣба и мяса. Завтракъ подходилъ къ концу, какъ изъ толпы выдѣлился коренастый арестантъ, лѣтъ 25, съ клинообразною бородкою и плутоватыми сѣрыми, узенькими глазками, вертлявый и веселый, и между нимъ и палачемъ произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Такъ, какъ же твой Николашка? спросилъ арестантъ палача.

— Дрянъ, Николашка! одно слово: ученикъ! отвѣчалъ тотъ, отправляя въ ротъ малую толику говядины.

— А онъ изъ себя-то видный... замѣтилъ арестантъ.

— Елова твоя голова! съ упрекомъ отозвался палачъ. — Я ничего не говорю о томъ, что изъ себя-то онъ видный; а я говорю, что дѣло свое плохо знаетъ: въ кои-то еще вѣки сдѣ-

дается мастеромъ, — ученикъ, одно слово! и палачъ снова наколотилъ ротъ говядиной.

— Да вѣдь это дѣло не мудреное: долго ли научиться, замѣтилъ парень; онъ видимо старался досадить палачу противорѣчїями.

— Ну-ка ты, шустрый, язвительно вскрикнулъ палачъ, ну — на вотъ кнутъ: убей человѣка съ трехъ разъ...

Арестантъ замаялся. Такое милое предложеніе смутило его.

— Съ десяти не убьешь... важно продолжалъ палачъ.

— А ты убьешь съ трехъ? спросилъ кто-то изъ толпы.

— Не хошь ли? — ложись, попробую, отвѣчалъ палачъ, обращаясь къ любопытному.

Раздался общій смѣхъ.

— Да чего тутъ съ вами разсуждать... Дай вонъ кружокъ съ кадки!

Арестантъ съ плутоватыми глазками отправился за кружкомъ, а палачъ слѣзъ съ окна, и, взявши съ колѣней мѣшокъ, досталъ изъ него кнутъ.

— Клади кружокъ вотъ здѣсь! палачъ указалъ на средину комнаты.

— Постой я тебѣ задачу задамъ, сказалъ арестантъ, проводя углемъ черту на кружкѣ. — Вотъ, попади три раза по одному мѣсту.

— Велика задача... съ улыбкой замѣтилъ палачъ. — Смотри, ребята! палачъ обратился къ толпѣ: — попаду три раза по одному мѣсту, не глядя, — онъ отвернулся.

Раздался свистъ кнута и черта вдавилась въ кружокъ. Палачъ снова отвернулся въ сторону, снова ударилъ — черта вошла еще глубже; за вторымъ — третїй, и на кружкѣ осталась глубокая борозда.

Всѣ бросились къ кружку и начали измѣрять глубину борозды.

— Вотъ у тебя на спинѣ этакихъ канавъ нароютъ, замѣтилъ съ улыбкой одинъ арестантъ другому, сморщенному, сухому старичку лѣтъ 55.

— Да, повыпрямлю спину-то, торжественно изрекъ палачъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ. — А что, развѣ конфирмація пришла? спросилъ онъ старичка.

— Да, бають 35 ударовъ, грустно отвѣтилъ тотъ.

— Зѣ, ничево... У меня Зѣ бабы вылеживають, хладнокровно замѣтилъ палачъ. — Нѣтъ нынче я, братцы, какъ-то милостивъ сталъ: бьешь — небьешь, какъ ровно руки не владѣють. Лѣтъ пятокъ тому назадъ — ну, тогда занимался своимъ дѣломъ; а теперь охоты нѣтъ.

— А вотъ Николашку коришь, что плохъ, опять замѣтилъ арестантъ.

— Смѣшной ты человѣкъ! Николашка долженъ быть прилеженъ къ этому дѣлу опять потому же, что ученикъ; долженъ доподлинно разузнать все, — а то какой же изъ него мастеръ выйдетъ?

— Вотъ, глянь-ка, смотрителивы шенки тамъ подслушиваютъ, шепнулъ кто-то, указывая на насъ.

— А подай-ка мнѣ ихъ сюда да положи на кружокъ, я маленько поцарю ихъ! крикнулъ палачъ, обращаясь къ намъ.

Мы стремглавъ бросились въ дверь и, едва переводя духъ, пустились бѣжать домой.

— Куда это вы бѣгали? спросила насъ няня.

— Палача посмотрѣли, отвѣчали мы.

— Ахъ вы, дѣти, дѣти! Вы и не знаете, какой вы принимаете грѣхъ на свои душеньки: вѣдь онъ отъ отца, отъ матери отказывается — на него и смотрѣть-то грѣхъ!

Но мы нимаго этимъ не смутились, и послѣ, припоминая видѣнное нами, сильно тужили, что не имѣемъ такой силы, — а то бы въ палачи пошли. Братъ прибавлялъ при этомъ, что своего учителя онъ бы легко наказалъ, а кучера, Сергѣича, который не хочетъ покатать верхомъ, высѣкъ бы больно-пребольно.

Впослѣдствіи я имѣлъ случай лично познакомиться съ этимъ самымъ заплочнымъ мастеромъ и отъ него узналъ всѣ подробности наказанія.

— А клеймите вы какъ? спросилъ я его, узнавъ, что они же накладываютъ клейма.

— Это дѣло не хитрое, отвѣчалъ палачъ. Въ праву щеку како, въ лобъ живете, въ лѣву рыц, — вотъ и готовъ человѣкъ!.. Впрочемъ, прибавлялъ онъ, вы пожалуйте къ намъ на площадь, когда наказаніе будетъ, такъ и увидите все: это дѣло стоить посмотреть.

Прошло недѣли двѣ послѣ разсказаннаго мною событія. Разъ, поздно вечеромъ, мы сидѣли въ кабинетѣ отца цѣлой семь-

ей. Отецъ, осѣдлавъ свой носъ большими серебрянными очками, читалъ намъ житіе св. Кирики и Улиты. Вдругъ вбѣжалъ въ комнату солдатъ и съ ужасомъ объявилъ :

— Куровъ буянить, ваше благородіе ! дверь вышибъ.

— Опять... проворчалъ отецъ и началъ натягивать скюртукъ.

— Пойдемъ со мной, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Не стоило бы ребенка водить на такія зрѣлища, робко замѣтила матушка.

Отецъ промолчалъ, но взялъ меня за руку, и мы отправились.

Пройдя дворъ, мы вошли въ полутемный, сырой корридоръ, подъ сводами котораго глухо отдавались шаги часоваго, бродившаго въ противоположномъ концѣ. Гнилой, удушливый запахъ, двери съ огромными замками и маленькими окошечками, сквозь которыя пробивался тусклый свѣтъ ночниковъ ; изрѣдка болѣзненный, глухой кашель, вырывавшійся изъ чьей нибудь страдальческой груди, — все это навело на меня какой-то ужасъ, и я плотно прижался къ отцу и вцѣпился въ полу его скюртука.

— Чего боишься, глупый ? съ улыбкой спросилъ отецъ.

— Страшно, папенька ! прерывающимся голосомъ, тихо пролепеталъ я.

Въ это время мы поравнялись съ пустымъ номеромъ, дверь въ который была полуотворена.

— А вотъ тутъ страшно ? спросилъ меня отецъ, отворивъ совершенно дверь.

Но прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, сильная рука толкнула меня впередъ, и дверь затворилась. Я совершенно обмеръ отъ ужаса. Хотѣлъ закричать — голосъ не выходитъ изъ груди. Морозъ пробѣжалъ влодь спины, и я чувствовалъ, что вотъ-вотъ упаду. Въ безпамятствѣ, я прислонился къ мокрой и сырой стѣнѣ, штукатурка на которой совершенно отстала и образовала пузыри въ родѣ опухоли, въ которые проскакивали мои пальцы. Милліоны чертей, вѣдьмъ и прочей страшной дряни, о которой такъ усердно толковала наша нянька, готовы были, казалось, сейчасъ предстать предо мною — какъ дверь отворилась снова, и отецъ схватилъ меня за руку и вывелъ въ корридоръ.

— Эхъ, трусь ! съ упрекомъ сказалъ онъ. Даже позеленѣлъ, дуракъ... А еще хотѣлъ я отдать тебя въ военную службу : какой же изъ тебя воинъ бы вышелъ ?

Я молчалъ и сильнѣе прежняго вцѣпился въ полу его сюртука.

Такъ прошли мы одинъ корридоръ, за нимъ другой, потомъ повернули въ третій, маленькій, и только послѣ перехода въ четвертый очутились передъ разбитой дверью, висѣвшей на одной нижней петлѣ. Нѣсколько человѣкъ солдатъ, съ ружьями на перевѣсъ, дежурный офицеръ и дежурный ключникъ стояли въ корридорѣ въ ожиданіи отца.

— Гдѣ же онъ? спросилъ отецъ.

— Вонъ, на парахъ сидитъ, отвѣчалъ офицеръ.

Все вошли въ камеру, гдѣ на парахъ преспокойно сидѣлъ коренастый молодецъ съ звѣрской физиономіей, подвернувши ноги подъ себя, и отъ нечего дѣлать ковырялъ въ носу.

— Что ты дѣлаешь, разбойникъ? закричалъ отецъ.

— Миѣ скучно одному сидѣть, хладнокровно отвѣчалъ арестантъ.

— Возьмите его, сказалъ отецъ, обращаясь къ солдатамъ — Я тебя развеселю! я тебя развеселю! задыхаясь отъ гнѣва прибавилъ онъ и совершенно машинально взялъ меня за руку.

Мы прошли два неболшія корридора и вышли на главный входъ, налѣво отъ котораго помѣщалась караульная. Отецъ такъ же машинально поставилъ меня у самой лавки, на которую долженъ быть положенъ арестантъ, и закричалъ: «розогъ!»

— Раздѣть его! прибавилъ офицеръ.

Я стремглавъ бросился изъ комнаты и нѣсколько минутъ простоялъ за дверью, закрывши глаза и заткнувши уши. Ототкнувъ ихъ, я ясно слышалъ, какъ свистали розги при каждомъ взмахѣ, слышалъ поощренія отца и офицера, — но ни одного крика, ни одного вздоха не вылетѣло изъ груди арестанта. Я простоялъ довольно долго, дрогъ и отъ холода и сильныхъ ощущеній. Наконецъ, слышу, отецъ закричалъ: «довольно!» Дверь широко распахнулась и трое солдатъ пронесли мимо меня что-то закутанное въ шинели.

— Несите въ больницу, приказалъ отецъ.

— Миша! гдѣ ты? крикнулъ онъ.

Я подошолъ.

— Дрянъ! съ сердцемъ замѣтилъ отецъ. Теперь я никогда не буду брать тебя съ собою. А завтра будутъ наказывать за заставой: возьми когонибудь другого...

Я по прежнему схватился за полу его сюртука, и мы отправились домой опять тѣми грязными и воюющими корридорами. Отецъ по временамъ заглядывалъ въ небольшія стекла, вѣрзанныя въ двери, иногда приподнималъ и меня, чтобы я могъ видѣть полуосвѣщенную внутренность камеръ.

Наконецъ мы воротились домой. Матушка спросила меня, что я видѣлъ; и когда я рассказалъ ей, что именно, она со вздохомъ взяла меня за руку и повела спать.

Утромъ братья ходили съ отцомъ за заставу, смотрѣть, какъ гоняли еквозъ строй военныхъ арестантовъ; а меня, въ наказаніе за вчерашнюю мою трусость, отецъ не захотѣлъ взять съ собою.

До сихъ поръ я ничего не говорилъ о своемъ старшемъ братѣ, въ то время уже учившемся въ гимназіи, и которому было лѣтъ тринадцать. Не говорилъ я объ немъ собственно потому, что онъ уже мало по малу началъ отбиваться отъ семьи, надъ которой тяготѣлъ деспотизмъ отца, и день проводилъ въ гимназіи, а по вечерамъ, не смотря на брань и побой, уходилъ изъ дома Богъ вѣсть куда; слѣдовательно, онъ мало принималъ участія въ общемъ строѣ семейной жизни. Отдавая его въ гимназію, отецъ ввѣрилъ надзоръ надъ нимъ инспектору, человѣку грубому и жестокому, и надзирателю — выслужившемуся изъ рядовыхъ. Въ каждый большой праздникъ онъ отправлялся къ этимъ двумъ лицамъ съ поклономъ и подарками, прося беречь нравственность своего сына и сѣчь его за каждый проступокъ. Съ какою точностью исполнялась родительская воля, можно судить потому, что брата сѣкли раза четыре въ недѣлю, по собственному усмотрѣнію, и непремѣнно раза два въ мѣсяцъ съ разрѣшенія отца. Мальчикъ озлобился и началъ дѣлать такія вещи, которыя скоро доставили ему громкую извѣстность между товарищами, а надзирателей его заставили побаиваться за собственную безопасность. Опасенія ихъ дѣйствительно скоро сбылись...

Въ одинъ прекрасный день братъ почему-то опоздалъ въ классъ нѣсколько минутъ. Инспекторъ поставилъ его за это на колѣни въ дежурной комнатѣ, гдѣ онъ простоялъ полтора часа. Начался слѣдующій урокъ, а инспекторъ и не думалъ отпустить его. Такъ прошло еще полчаса, и инспекторъ ушелъ домой, оставивъ брата на колѣняхъ. Выведенный изъ терпѣнія такимъ тиранствомъ, мальчикъ придумалъ слѣдующую штуку... Въ ком-

ватѣ, гдѣ онѣ стоялъ, висѣли единственные въ гимназіи часы, по которымъ производились звонки по окончаніи классовъ: братъ перевелъ ихъ впередъ, а явившійся сторожъ, увидя, что прошло урочное время — зазвонилъ. Учителя и ученики вышли изъ классовъ и хотя сомнѣвались въ точной быстротѣ времени, однако преспокойно разошлись по домамъ; вмѣстѣ съ другими отправился и братъ. Штука открылась, разумеется, тотчасъ же; и вновь явившійся въ гимназію, братъ былъ жестоко наказанъ розгами и посаженъ въ карцеръ. Постоянно направляемый розгами на путь истины, бѣдный мальчикъ окончательно совратился съ него и явившемуся съ увѣщаніями надзирателю, грозившему запороть его до смерти, далъ нѣсколько ударовъ въ лицо и изорвалъ тщательно сберегаемый темносиній фракъ. Окровавленный и ободранный, надзиратель прискакалъ прямо къ отцу и увезъ его съ собою. Что было дальше — неизвѣстно...

Такъ прошолъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго мы ни разу не видѣли брата и ничего не слышали о немъ, хотя догадывались въ чемъ дѣло. Матушка плакала чаще обыкновеннаго и все о чемъ-то шепталась съ няней; отецъ, постоянно мрачный и суровый, теперь сдѣлался еще мрачнѣе. Намъ приказывали ходить какъ можно тише и не шумѣть и постоянно усаживали за книгу или высылали на дворъ, не смотря на осеннюю погоду.

Наконецъ, какъ-то поутру, когда мы только что воротились съ урока, братъ встрѣтилъ насъ съ сіяющей, хотя значительно похудѣвшей, фізіономіей. Начались разпросы и онъ торжественно объявилъ намъ, что хотя и вылежалъ больше мѣсяца въ постели за «проклятую» гимназію, зато теперь перешелъ въ уѣздное училище.

— Тамъ, съ восторгомъ объяснялъ онъ: — не то, что въ гимназіи: тамъ семинарія рядомъ и кулачные бои бываютъ каждый день; а когда есть свободное время, такъ даже раза по два...

Мы тоже радовались такому счастью, хотя скоро должны были разочароваться по слѣдующему обстоятельству:

Мѣсяца черезъ полтора, уже зимою, братъ воротился домой изъ училища въ ужаснѣйшемъ видѣ!.. Вмѣсто носа у него образовался какой-то наростъ, угрожавшій заслонить собою все лицо, расплывшійся направо и налево по щекамъ; на лбу торчали такія ужаснѣйшія шишки, что не было никакой возможно-

сти прикрыть ихъ козырькомъ фуражки; кромѣ того онъ жаловался на боль въ правой рукѣ и спиѣ. Показаться въ такомъ видѣ отцу, значило заранѣе обречь себя на гибель; по тому братъ укрывался кое-гдѣ, натирая лицо бодягой и упрасивая всѣхъ говорить отцу, что онъ готовится къ полугодичному экзамену. Но всѣ эти хитрости были слишкомъ слабы, чтобы скрыть горькую истину. Отецъ наконецъ узналъ все и только покачалъ головою, проворчавъ про себя: «отъ рукъ отбился, мальчишка...»

Такой оборотъ дѣла совершенно ободрилъ брата, и онъ разсказалъ намъ все.

— Что же, что онъ мнѣ шишки набилъ?.. говорилъ братъ. — Вѣдь за то считается первымъ силачомъ въ семинаріи: онъ вонъ, въ воскресенье, цѣлую стѣну калачниковъ разопалъ. Да и я бы ему самъ роговъ наставилъ, если бы было гдѣ повернуться; а то онъ меня сбросилъ на кучу кирпичей, да и ну валять! Еслибъ я не упалъ, я бы его подъ ножку, да потомъ вотъ такъ!.. Потомъ вотъ элакъ!.. а потомъ вотъ какъ!.. и братъ началъ показывать намъ всѣ хитрости кулачнаго боя.

Мы смотрѣли на него съ какимъ-то уваженіемъ, видя передъ собою такого великаго героя, украшеннаго всѣми принадлежностями лучшаго кулачнаго бойца: синяками, шишками, рубцами, фонарями и проч.

Между тѣмъ наступившая зима брала свое. Снѣгъ шолъ почти каждый день и морозы стояли довольно крѣпкіе. Отецъ купилъ намъ двои салазки, на которыхъ позволялось кататься вечеромъ, послѣ урока. Иногда случалось смотрѣть намъ на травлю зайцевъ и волковъ, которая производилась на огромномъ полѣ за острогомъ, по желанію сидѣвшаго въ то время въ замкѣ помѣщика охотника и съ разрѣшенія отца. Другой помѣщикъ, тоже большой охотникъ, посаженный въ острогъ «за какую-то засѣченную имъ дѣвку», какъ говорилъ онъ, не хотѣвшую, какъ оказалось, сдѣлаться предметомъ его сладострастія, трубилъ при этомъ въ рогъ съ такимъ остервененіемъ, что постоянно перепутывалъ всѣхъ — и собакъ, и охотниковъ. Садки бывали довольно часто, и мы являлись на каждую, или оффиціально, съ разрѣшенія отца, или тихонько пробирались за стѣну острога и смотрѣли оттуда. Послѣ одной изъ такихъ прогулокъ, на которую намъ не дано было разрѣшенія, отецъ, въ наказаніе, заперъ насъ въ холодный сарай возлѣ бани, гдѣ стояла огромная кадка,

служившая резервуаромъ для воды. Мы усѣлись на полу и плотно прижались другъ къ другу; но холодъ былъ до того пестерпимъ и насъ продержали такъ долго, что позабывъ всякую боязнь худшаго наказанія, мы начали голосить цѣлымъ хоромъ. Руки и ноги у каждаго изъ насъ до того одеревенѣли, что мы совершенно не могли ими ворочать. Особенно плакала сестра, которая, разумѣется, была нѣжнѣе и слабѣе насъ. Наконецъ отецъ догадался выпустить насъ, наказавъ предварительно зато, что мы осмѣлились плакать, между тѣмъ какъ сами были всею причиною. Вѣроятно это наказаніе послужило въ нашу пользу, сразу поднявъ температуру крови, потомучто мы не почувствовали ни малѣйшей простуды.

Ученье мое, между тѣмъ, быстро подвигалось впередъ: я уже довольно бойко читалъ, а писалъ далеко лучше отца, хотя онъ иногда и сравнивалъ мои буквы съ свонми гіероглифами и даже увѣрялъ, что онъ лучше меня пишетъ; другимъ же отецъ меня рекомендовалъ какъ геніальнаго мальчика, прибавляя: «вы посмотрите, какъ онъ пишетъ, точно печатаетъ.» Но вскорѣ моею геніальности суждено было испытать самый жестокой ударъ...

Комната, въ которой учились мы, имѣла, какъ всѣ комнаты въ острогѣ, окна съ желѣзными рѣшотками. Дѣло было передъ пасхой. Выставили рамы, и мнѣ непременно хотѣлось просунуть голову сквозь рѣшотку и подышать чистымъ весеннимъ воздухомъ. Не смотря на увѣщанія учителя, я вскарабкался на окно и началъ приводить въ исполненіе задуманную мысль. Промежутки между прутьями рѣшотки оказались слишкомъ узкими, такъ что попытка моя удалась послѣ чрезвычайныхъ усилій. Совершенно довольный успѣхомъ, я съ жадностью смотрѣлъ то направо, то налево и наконецъ до того увлекся, что началъ плевать внизъ, стараясь попадать въ одно и тоже мѣсто. Учитель нѣсколько разъ совѣтовалъ мнѣ сойти съ окна, но я не слушалъ. Послѣ долгихъ упражненій я дѣйствительно началъ плевать въ одну и ту же точку, разъ за разомъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя голоса отца и еще кого-то.

— Отлично пишетъ, ваше превосходительство, говорилъ отецъ. — У ребенка девяти лѣтъ совершенно министерской почеркъ... совершенно... Да гдѣ же онъ? спросилъ отецъ учителя.

— Они вонъ на окнѣ, смиренно отвѣчалъ тотъ.

Положеніе ребенка съ министерскимъ почеркомъ было совершенно критическое : онъ упирался и руками, и ногами, стараясь высвободить голову изъ рѣшотки, повертывался то направо, то налѣво, пятился назадъ, подвигался впередъ, — все напрасно, ничто не помогало.

— Да онъ къ тому же бойкій мальчикъ, замѣтило постороннее лицо, и подоидя къ окну посмотрѣло на меня, съ боку. — Что, мой другъ, застряла голова? прибавило лицо съ улыбкой, уходя.

Я продолжалъ биться и прыгать, какъ лошадь въ кузнечномъ станкѣ.

— Вы совершенно осрамили меня, тихо замѣтилъ отецъ учителю. — Оставьте такъ его до вечера, прибавилъ онъ, и поспѣшилъ за постороннимъ лицомъ, мимоходомъ вытянувъ меня чѣмъ-то по спинѣ.

Тотчасъ по уходѣ отца учитель побѣждалъ за мыломъ; мнѣ намылили уши и щеки, и тогда только кое-какъ освободили голову изъ добровольнаго заключенія.

Но вотъ наступило лѣто, и отецъ сталъ поговаривать о томъ, какъ бы отдать меня въ гимназію. Притомъ же братъ мой, такъ увлекавшійся сначала уѣзднымъ училищемъ, теперь сталъ упрашивать отца перевести его обратно въ гимназію: онъ понялъ, наконецъ, что гимназія все-таки лучше уѣзднаго училища.

Утромъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, отецъ приказалъ мнѣ одѣваться, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Я съ радостью исполнилъ его приказаніе, и мы отправились. До сихъ поръ я ни разу не видѣлъ хорошенько города и съ любопытствомъ озирался на обѣ стороны, распыривая отца обо всемъ, встрѣчавшемся на пути. Чтобы отдѣлаться отъ моихъ докучныхъ вопросовъ, отецъ объявилъ мнѣ, что скоро я самъ узнаю обо всемъ, когда буду ходить въ гимназію. Мы приѣхали въ гимназію, въ квартиру директора, который встрѣтилъ насъ въ залѣ. Это былъ низенькій, толстенькій человѣчекъ, съ порядочнымъ брюшкомъ, по которому онъ постоянно похлопывалъ, какъ бы стараясь дать другимъ замѣтить, что вотъ-де оно какое у меня! Послѣ различныхъ китайскихъ церемоній: поклоновъ, вопросовъ и отвѣтовъ о здоровьи и погодѣ, отецъ наконецъ представилъ меня ему.

— Вотъ хотѣлъ бы я, ваше превосходительство (директоръ былъ статскій совѣтникъ) опредѣлить его въ гимназіи подъ покровительство ваше, сказалъ отецъ.

— Что же, что же, можно, можно... и директоръ захлопалъ по брюху.

— Дома-то онъ совсѣмъ избаляется; а у васъ все-таки...

— У насъ все-таки... у насъ все-таки... и опять хлопанье по брюху.

— Онъ законъ божій, арифметику и грамматику знаетъ, пояснилъ отецъ.

— Больше ничего и не нужно... больше ничего и не нужно... Мы латыни выучимъ, и всему выучимъ... и всѣму выучимъ... твердилъ директоръ, опуская докучную ладонь на брюхо.

— Пишетъ отлично, вернулъ таки отецъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше... а то у насъ учитель чистописанія злой: всѣ уши обобьетъ линейкой, всѣ уши обобьетъ линейкой.

Тутъ отецъ и директоръ подались впередъ, и протянули правыя руки, послѣ каковаго рукоприкладства отецъ, какъ чело-вѣкъ военный, опустилъ свою на шовъ, а директоръ, какъ гражданскій чинъ, понесъ свою сначала въ лѣвый карманъ жилета, а потомъ ужъ захлопалъ по брюху.

— Когда же, ваше превосходительство, приволить его прикажете? спросилъ отецъ.

— Въ августъ, въ августъ... въ первыхъ числахъ, въ первыхъ числахъ...

— А старшаго-то какъ же, ваше превосходительство?

— Не приму, не приму. . Негодяй! возразилъ директоръ. Начальство не уважаетъ и бьетъ, начальство бьетъ...

— Онъ исправится, ваше превосходительство... Отецъ и директоръ опять совершили рукоприкладство, послѣ чего директоръ забормоталъ:

— Хорошо, хорошо... приму, приму... только пусть исправится, пусть исправится...

— Да ужъ въ этотъ будьте благонадежны — исправится, поручился отецъ.

Мы раскланялись съ директоромъ и отправились къ инспектору, который жилъ тоже въ гимназіи. Съ инспекторомъ (онъ былъ полякъ) отецъ обходился гораздо безцеремоннѣе, чѣмъ съ

директоромъ , и даже иногда позволялъ себѣ подшучивать надъ нимъ , увѣряя , напримѣръ , что отлаесть полную справедливость его уму , но никакъ не можетъ простить того , что онъ , вмѣстѣ съ другими поляками , « проспалъ Варшаву » (извѣстный упрекъ , дѣлаемый полякамъ нашимъ простонародьемъ). Инспекторъ сердился и отвѣчалъ отцу колкостями . Послѣ долгихъ споровъ подали водку , и инспекторъ началъ толковать о трудности своей обязанности , за что и получилъ отъ отца бѣленькую...

Отъ инспектора мы поѣхали домой . Дорогой отецъ толковалъ о новой жизни , въ которую предназначается мнѣ вступитъ , и совѣтовалъ прилежно учиться и хорошо вести себя , увѣряя , что инспекторъ и директоръ такіе люди , которые готовы съѣсть лѣнливаго и безправственнаго ученика .

По пріѣздѣ домой я рассказалъ обо всемъ братьямъ и сестрамъ , которые позавидовали моему счастью ; няня при этомъ объявила мнѣ , что будетъ звать меня не иначе , какъ красной говядиной или грачемъ (клички гимназистовъ , чрезвычайно распространенныя въ то время).

Я былъ въ совершенномъ восторгѣ ! Къ тому же у меня образовался въ это время порядочный альтъ , и отецъ позволилъ мнѣ вѣтъ на клиросѣ въ тюремной церкви , гдѣ мы вмѣстѣ съ гусявымъ дѣлчкомъ и дряхлымъ ключникомъ , пѣвшимъ дискантомъ , отличались на лѣвой сторонѣ , образуя тріо . Но счастью моему , какъ и всякому счастью въ сей жизни , суждено было на нѣкоторое время помрачиться... Дѣло было вотъ какого рода :

Въ первый воскресный день , забѣжавъ въ кабинетъ отца , я уронилъ на полъ и разбилъ въдребезги любимый его фарфоровый стаканъ . Отецъ окончательно вышелъ изъ себя... Но покуда онъ ходилъ въ дѣтскую за нагайкой — я скрылся . Зазвонили къ обѣднѣ и отецъ , сопровождаемый кучей дѣтей мужескаго и женскаго пола , отправился въ церковь , приказавъ нянѣ отыскать меня и привести туда же . Дѣлать нечего — нужно повиноваться . Вошедши въ церковь (обѣдня уже началась) я , по обыкновенію , сталъ пробираться на лѣвый клиросъ , какъ былъ остановленъ рѣзкимъ крикомъ отца : — куда ты ? — Я совершенно оторопѣлъ . Діаконъ , услышавъ крикъ , сбился въ произносимой имъ ектеніи , но къ счастью скоро поправился и продолжалъ . Отецъ между тѣмъ подозвалъ меня къ себѣ и взявши за ухо поставилъ на колѣни на амвонъ , противъ образа Богоматери . Я опустилъ глаза

въ землю и началъ утѣшенно накладывать на себя крестное знаменіе и дѣлать поклоны, стараясь хотя сколько-нибудь скрыть отъ другихъ свое волненіе и свое тяжелое положеніе. Оправившись, я взглянулъ на лѣвый клиросъ, и грустныя лица дьячка и ключника, сочувствовавшихъ моему горю и убитыхъ тѣмъ, что разстроилось тріо, глубоко тронули мое дѣтское сердце. Совершенно уничтоженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, я уставилъ глаза на образъ Богоматери, и на ея святомъ ликѣ ясно прочелъ печаль и сожалѣніе обо мнѣ. Это меня нѣсколько ободрило, и я спокойно выстоялъ на колѣнахъ цѣлую обѣдню, послѣ которой отецъ посадилъ меня читать житія св. Отецъ и поддержалъ въ дѣтской за этой книгой цѣлыхъ три дня. Наконецъ въ одинъ прекрасный день я получилъ амністію, потому что скоро долженъ былъ отправиться въ гимназію.

II

Наконецъ время моего отправленія въ гимназію наступило. Разъ, поутру, отецъ разбудилъ меня часовъ въ шесть и велѣлъ готовиться къ отправленію на пріемный экзамень. Я тотчасъ одѣлся, взялъ въ руки ариметику и началъ перелистывать ее, вовсе не думая читать, потому что голова моя была занята совершенно другимъ. Фантазія быстро представляла одинъ за другимъ различные образы, въ которые воплощалась моя собственная персона: то являлся маленькій гимназистикъ; бойко отвѣчающій свой урокъ и хвалимый учителемъ; то рослый, плечистый молодецъ, побивающій цѣлую толпу своихъ товарищей; то, наконецъ, робкое, забитое, чахлое существо, отъ котораго я съ негодованіемъ отворачивался, какъ отъ страннаго порожденія праздной фантазіи... Подержавъ въ рукахъ ариметику, я принялся перелистывать точно такимъ же образомъ грамматику, въ которой былъ гораздо слабѣе. Пересматривая цифры на страницахъ, я, наконецъ, остановился на самой большой изъ нихъ, думая, что ужь тутъ непременно должно быть что-нибудь важное. Начиная вчитываться... Разъ прочелъ — не понимаю; въ другой — тоже; въ третій читаю — таже исторія. Я уже хотѣлъ бросить мудреную книгу, какъ вдругъ подходитъ отецъ и спрашиваетъ меня, что я читаю? Я отвѣчалъ: грамматику. — Ну,

вотъ ты это мѣсто долго читаешь; дай я спрошу: знаешь ли? Отецъ взявъ у меня книгу и громогласно произнесъ: говори отсюда: глаголы начинательные... Я молчалъ. — Какъ же ты училъ, училъ, а ничего не знаешь? спросилъ отецъ. — Да этого я не училъ; это я такъ только просмотрѣлъ. — А, такъ-то ты готовишься къ экзамену?.. протянулъ отецъ. Стань на колѣни и учи, что нужно, прибавилъ онъ. Я повиновался и со слезами на глазахъ началъ бормотать какое-то давно мнѣ извѣстное правило. Наконецъ встали мои братья и сестры, и начали бѣгать мимо меня, стараясь узнать, за что я поставленъ на колѣни. Я уткнулъ лицо въ книгу, читая мертвыя и сухія правила, которыя едва ли могли пойти въ голову, и на всѣ разспросы братьевъ отвѣчалъ только энергическимъ движеніемъ головы. Такъ выстоялъ я до девяти часовъ. Отецъ не велѣлъ мнѣ даже давать чаю, потому что, говорилъ онъ, сытое брюхо къ ученью глухо... Такъ отравлена была заря моего счастья!

Часовъ въ девять мы отправились: я, старшій братъ и отецъ. Дорогой отецъ дѣлалъ наставленія брату въ такомъ родѣ: — Ой, берегись, Миша! ой, берегись дѣлать такія шалости! Ты вѣдь знаешь, что у меня нѣтъ пощады... Я тогда тебѣ полтораства розогъ далъ, теперъ двѣсти дамъ — и въ кантонисты! Я тебѣ, какъ передъ Богомъ, говорю это! Братъ молчалъ и нервически подергивалъ губами, вѣроятно припоминая «полтораства».

По пріѣздѣ въ гимназію, мы вошли въ публичный залъ, гдѣ производились въ это время экзамены. Директоръ сидѣлъ у одного стола, вмѣстѣ съ вертлявымъ господиномъ, тонкимъ и изящно одѣтымъ и другимъ господиномъ, толстымъ, опухшимъ, хриплымъ и грязнымъ; инспекторъ, на противоположномъ концѣ залы, у другаго стола, тоже съ двумя существами, изъ которыхъ одно было нѣмецкой расы, другое русской съ сивушнымъ запахомъ, какъ случилось мнѣ замѣтить, проходя мимо него. Передъ обоими столами стояли гимназисты, человѣкъ по пяти. Мы направились къ директорскому столу.

— Вотъ, ваше превосходительство, привезъ дѣтей, произнесъ отецъ, обращаясь къ директору.

— Прекрасно, прекрасно, сказалъ директоръ. Мы сейчасъ этого маленькаго проэкзаменуемъ, проэкзаменуемъ... и директоръ обратился къ вертлявому господину, приказавъ ему проэкзаменовывать меня изъ математики и прочихъ наукъ.

— Они-съ въ первый-съ классъ? спросилъ вертлявый директоръ.

— Да, въ первый, отвѣчалъ тотъ.

Вертлявый господинъ не безъ граціи приподнялся съ своего мѣста, осторожно взявъ меня двумя пальцами за рукавъ и повелъ къ доскѣ. Тутъ онъ скорчилъ серьезную мину и задаль мнѣ какую-то задачу, которую я разрѣшилъ удовлетворительно, за что и былъ подаренъ отъ моего экзаменатора привѣтливой улыбкой. Потомъ онъ спросилъ меня кое-что изъ закона Божія, причемъ не замедлилъ пуститься даже въ различныя тонкости. Спросилъ меня также вертлявый господинъ и изъ грамматики, въ которой, наобно замѣтить, онъ не былъ такимъ знатокомъ, какъ извѣстный приставъ, выпускавшій разбойниковъ изъ части, хотя тоже пробовалъ пускаться въ различныя отвлеченности. Тѣмъ мой экзаменъ и кончился. Вертлявый опять схватилъ меня двумя пальцами за рукавъ и повелъ къ директорскому столу.

— Они прекрасно-съ выдержали экзаменъ, съ лакейскими поклонами и ухватками сообщили мой экзаменаторъ директору.

Дальше начался разговоръ между отцомъ и директоромъ по поводу брата; причемъ директоръ объявилъ, что принимаетъ его не иначе, какъ на прежнихъ условіяхъ, т. е. съчь четыре раза въ недѣлю, по собственному усмотрѣнію, и два раза въ мѣсяцъ, съ разрѣшенія отца.

— Завтра можно въ классы приходить, въ классы приходить, сказалъ намъ директоръ, когда мы откланивались.

На лѣстницѣ догналъ насъ опухшій, хриплый толстякъ, сидѣвшій за директорскимъ столомъ, и схвативши отца за руку спросилъ:

— Какую, я забылъ, наливку вы мнѣ хвалили?

— Вишневка, вишневка, отвѣчалъ отецъ. Пріѣзжайте попить.

— То-то, то-то... А я все сижу да думаю: какую, молъ, наливку онъ мнѣ хвалилъ? а спросить-то не ловко. Теперь пріѣду; теперь ужъ не отвертитесь, сыновей въ гимназію отдаете, нужно вспрыснуть, прибавилъ опухшій и захохоталъ.

— Милости прошу, отвѣчалъ отецъ, и мы пошли дальше, оставивши толстяка въ пріятной надеждѣ на изрядную выливку.

Я пріѣхалъ домой въ совершенномъ восторгѣ. Экзаменъ выдержалъ отлично, завтра пойду въ гимназію, стало быть все-

таки рѣже буду встрѣчаться съ отцомъ, — какое счастье! Ко всему этому, въ довершеніе моей радости, послѣ обѣда портной изъ арестантовъ принесъ мнѣ гимназическій сюртукъ и фуражку съ краснымъ околышемъ.

— Вотъ, ваше благородіе, говорилъ портной отцу, никогда не шивалъ фуражекъ, а для вашей милости сшилъ.

Фуражка, въ самомъ дѣлѣ, была верхъ совершенства, на проволокѣ, кардонѣ, китовомъ усѣ и проч., такъ что представляла собою полный цилиндръ съ отверстіемъ въ одномъ изъ основаній, назначенномъ для всовыванія головы. Три четверти края отверстія занималъ козырекъ, чуть ли не изъ жести, который служилъ въ послѣдствіи ужасомъ для моихъ товарищей и набилъ не одну шишку. По поводу ея и сюртука между отцомъ и портнымъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Эхъ, братецъ, говорилъ отецъ, обращаясь къ портному, ты бы вверху-то пошире пустилъ, оно красивѣе бы было.

— Я пушалъ, ваше благородіе, и много пушалъ, да какъ-то не вышло. И какъ это оно не вышло? допытывался портной, осматривая фуражку.

— Опять вотъ воротникъ у сюртука, замѣчалъ отецъ, какъ ты его сдѣлалъ?.. Онъ долженъ подпирать шею, чтобы прямѣе стояла голова, а ты вонъ какой маленькій сдѣлалъ.

— Это ничего, ваше благородіе, эдакъ еще лучше, красивѣе, замѣчалъ портной.

Послѣ таковыхъ разсужденій сюртукъ былъ сложенъ и отнесенъ въ шкафъ, а фуражка, не помѣщавшаяся ни въ одну картонку, повѣшена въ залѣ на гвоздь, рядомъ съ какимъ-то генераломъ.

На слѣдующій день я отправился въ гимназію вмѣстѣ съ братомъ. Я отказался даже пить чай, утверждая, что никогда не любилъ его. Матушка и няня напихали мнѣ въ карманы разныхъ припасовъ и долго давали наставленія брату, чтобы онъ присматривалъ за мною и берегъ меня. Когда мы выѣхали изъ дома, братъ далъ мнѣ замѣтить, что вовсе не намѣренъ быть моимъ гувернеромъ, на что, впрочемъ, я и не рассчитывалъ.

— Спиши росписаніе, да узнай какія книги тебѣ нужны, вотъ и все, объявилъ мнѣ братъ; да дома совѣтую помельше болтать, а то пойдешь рассказывать всѣмъ и про себя и про меня.

Я принялъ все это къ свѣдѣнію, стараясь по возможности слѣдовать добрымъ совѣтамъ.

Вотъ, наконецъ, и гимназія, объ устройствѣ которой я скажу теперь нѣсколько словъ.

Гимназія находилась въ лучшей части города и отличалась необыкновенною вѣтхостью и грязнымъ наружнымъ видомъ. Во время моего поступленія стали поговаривать объ ея передѣлкѣ, потому что, дѣйствительно, нѣкоторыя части зданія угрожали паденіемъ; съ потолковъ сыпалась штукатурка цѣлыми глыбами, а полы совершенно сгнили. Зданіе состояло изъ трехъ этажей: въ среднемъ помѣщались классы, въ нижнемъ — пансіонъ и квартира директора, въ верхнемъ — библіотека и физическій кабинетъ. Классы гимназіи располагались по обѣимъ сторонамъ грязнаго, узкаго корридора, въ одномъ концѣ котораго помѣщалась дежурная комната (мѣстопробываніе инспектора и надзирателя), въ другомъ сборный залъ. Пансіонъ, занимавшій нижній этажъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ спаленъ, одной столовой, одной гардеробной и одной *занимательной* комнаты. Онъ назначался для тѣхъ изъ учениковъ гимназіи, которые отдавались на собственный или казенный счетъ и обязаны были жить въ самой гимназіи. Объ гимназической библіотекѣ и физическомъ кабинетѣ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, потому что въ первую никто не допускался, а во второй иногда водили учениковъ, какъ будто именно для того, чтобы показать имъ, что всѣ инструменты находятся въ совершенной негодности. Объ библіотекѣ ходили слухи, что главная достопримѣчательность ея — самоваръ, назначавшійся для директора, который любилъ иногда выпить чашку чаю съ Ломоносовымъ или Державинымъ въ рукахъ; что на случай пріѣзда ревизоровъ книги собирались по городу, и тогда полки шкафовъ совершенно ломались подъ различными отечественными и иностранными изданіями. Кромѣ главнаго зданія гимназія имѣла при себѣ нѣсколько флигелей, въ которыхъ нельзя было жить по ихъ ветхости, и необходимыя надворныя строенія, въ которыхъ помѣщались кухня, баня, конюшни, саран, погреба и проч.

Когда я вошелъ въ залъ, куда собирались ученики гимназіи до классовъ, меня, какъ новичка, сейчасъ окружили и начали спрашивать, какъ моя фамилія? въ который классъ поступилъ? сколько мнѣ лѣтъ? кто мой отецъ? и проч. Я, по возмож-

ности, удовлетворялъ всѣмъ этимъ вопросамъ; но такъ какъ они сыпались на меня цѣлымъ градомъ, то наконецъ я разсудилъ не отвѣчать на нихъ и смиренно усѣлся за ученической столъ, неизвѣстно зачѣмъ стоявшій тутъ. Первою моею мыслью было — спрятать свою фуражку; но, о, ужасъ! — она не входила въ отверстіе стола. Это сейчасъ замѣтили и начали подсмѣиваться надо мною.

— Вы видѣли барабанъ? спросилъ одинъ мальчикъ другаго, подводя его къ моей фуражкѣ.

Мальчикъ вмѣсто отвѣта постучалъ по предполагаемому барабану.

— Господи! Господи! кричалъ первый мальчикъ: — къ намъ барабанщика опредѣлили! Посмотрите, вотъ и барабанъ у него... Онъ схватилъ мою фуражку и бросилъ въ толпу, которая принялась ожесточенно колотить по ней ланейками, увѣряя, что даже слышны звуки. Вмѣстѣ съ другими, въ этомъ приняли участіе такіе великаны, что я совершенно обмеръ, считая свою фуражку погибшею. Къ моему счастью вошелъ инспекторъ и толпа разбѣжалась, оставивши мою фуражку на полу среди залы. Инспекторъ поднялъ ее и узнавши, что она принадлежитъ мнѣ, объявилъ, что высѣчетъ, если я не буду беречь свои вещи. Черезъ четверть часа раздался звонокъ; всѣ побѣжали въ классы; вмѣстѣ съ другими и я.

Первый урокъ — ариѳметика. Знакомецъ мой, вертлявый господинъ, важно вошелъ въ классъ и разсѣвшись на кафедрѣ торжественно произнесъ: перо и чернила! Тотчасъ явилось передъ нимъ то и другое; затѣмъ учитель спросилъ, какое число, и записалъ его въ свой журналъ. Все это дѣлалось съ необыкновеннымъ достоинствомъ и серьезностью, хотя прямо противорѣчило съ комической фигурой вертляваго господина.

— Что же васъ мало? спросилъ учитель, важно разваливаясь на стулѣ.

— Не всѣ еще собрались, отвѣчалъ кто-то.

Подлѣ меня сидѣлъ довольно плотный мальчикъ въ изорванномъ сюртукѣ, ясно указывавшемъ на его бойкій характеръ, и, какъ я узналъ, оставленный въ первомъ классѣ на четвертый годъ...

— Это Петька, сказалъ онъ мнѣ, кивнувъ на учителя: — онъ ариѳметикѣ учитъ. Видите какъ онъ важничаетъ; а вѣдь прежде

иѣщанинишкой былъ. — Нѣтъ вотъ послѣ, во второй урокъ, прибавилъ онъ, — прійдетъ Митька Сайга, грамматикъ, тотъ преуморительный! Посмотрите, что мы будемъ дѣлать съ нимъ... просто ужасъ! и мальчикъ отъ удовольствія сталъ потирать руки.

Учитель между тѣмъ сошолъ съ кафедръ, прошолся нѣсколько разъ по классу, подпершись въ бока и осматривая свои сапоги, снялъ какой-то пухъ съ рукава и, поднявъ его двумя пальцами надъ своимъ носомъ, пресерьезно подулъ, отчего нѣкоторые изъ учениковъ принялись фыркать; потомъ подошолъ къ доскѣ и началъ объяснять первыя правила ариѳметики.

— Вѣдь вы думаете, кто онъ? спросилъ меня сосѣдъ. Я вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Его мать картошкой торговала, ей Богу! А онъ, смотри-те-ка, какъ важничаетъ.

Сынъ торговли картошкой, вооружившись мѣломъ, началъ выказывать всю силу своего краснорѣчія, съ различными словозвѣтїями доказывая, что единица есть извѣстная величина и т. д. Въ самую патетическую минуту, когда онъ обтачивалъ вторую половину изящнѣйшей фразы, имѣвшей цѣлью сдѣлать переходъ отъ единицы къ числу по возможности легкимъ, кто-то сильно закашлялъ.

— Кто это кашляетъ? закричалъ учитель, побагровѣвъ отъ злости.

Всѣ молчали.

— Старшій, кто кашлялъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ старшаго, былъ отвѣтъ.

— Я васъ назначаю старшимъ, сказалъ учитель, обращаясь къ рослому мальчику, а кто кашлялъ, тотъ мужикъ, невѣжа!

Раздался общій хохотъ.

Учитель еще больше сконфузился и обернувшись къ доскѣ, вмѣсто ариѳметики понесъ такую дичь, что я даже глаза выпучилъ. Ариѳметика и ругательства, ругательства и ариѳметика, — все это до того перемѣшалось, что выходила какая-то новая наука. Однажды выбившись изъ колеи, учитель уже не могъ обратно попасть въ нее, онъ шипѣлъ, кричалъ — все напрасно.

— Разбалился, шепнулъ мнѣ сосѣдъ.

По окончаніи класса, учитель поспѣшно схватилъ свой журналъ и, почти выбѣгая изъ класса, закричалъ намъ: всѣ вы мужики! Раздался общій смѣхъ, свистъ и хлопанье въ ладоши, и всѣ попрыгали черезъ столы и скамейки на средину класса.

Я смиренно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, посматривая на товарищей. Большинство изъ нихъ были оставленные въ классѣ за дурные успѣхи; новичковъ было еще довольно немного. Нѣсколько человѣкъ развязали свои галстуки и начали хлестать ими другъ друга, отчего поднялся ужаснѣйшій крикъ и шумъ.

— Макарка! Макарка! провозгласилъ кто-то.

Всѣ разбѣжались по мѣстамъ, когда вошелъ въ классъ пресловутой Макарка, надзиратель. Надзиратель былъ изъ дослужившихся; роста онъ былъ высокаго, одѣтъ въ виць-фракъ, выбритъ чистенько, стриженъ гладко: это былъ прототипъ выслужившагося изъ солдатъ. Въ рѣчи его слышались темпы, а для красоты слога къ каждому почти слову онъ прибавлялъ «ста».

— Что-ста развоевались поросята! крикнулъ Макарка. Смирно! Кто-ста будетъ шумѣть голову сорву-ста! угрожалъ Макарка.

Въ классѣ господствовала мертвая тишина.

Едва Макарка, повернувшись налѣво кругомъ, вышелъ, какъ шумъ возобновился. Началась прежняя игра въ жмурки, причемъ казачій сыпъ, верхковъ восьми роста, сдѣлался цѣлью для ударовъ. Всѣ кричали: бей его! бей его! и несчастнаго принялись колотить со всѣхъ сторонъ, ловко увертываясь отъ страшныхъ размаховъ его рукъ.

— Митька! Митька! Сайга! опять прокричалъ кто-то, и въ классъ вошелъ довольно пожилой человѣкъ съ гладко прилизанными волосами и огромнымъ носомъ.

— Молитву! повелительно изрекъ Митька.

Прочитали молитву, и Сайга отправился къ кафедрѣ, предварительно приказавъ стереть съ доски какую-то фигуру, подъ которою было подписано: Сайга. Ему подали чернилицу и перо, на конецъ котораго была посажена муха. Развернувши журналъ и справившись о числѣ, Митька погрузилъ перо въ чернила и потомъ перенесъ его на свой журналъ, отчего вмѣсто числа появилось огромное чернильное пятно.

— Кто это сдѣлалъ? закричалъ Митька.

Всѣ молчали.

— Это ты, мужикъ, сдѣлалъ; ты, черномазый дьяволенокъ! закричалъ Митька, обратившись къ смуглолицому мальчику.

— Нѣтъ, это не я, отозвался тотъ.

— Ты, цыганская рожа! ты! ты! кричалъ учитель, сбѣгая съ кафедры и, схвативши несчастнаго за уши, бросилъ со всего размаха на полъ.

Мальчикъ закричалъ, застоналъ, заохалъ, — и въ самомъ дѣлѣ было отчего: по лицу несчастнаго лилиея потоки крови.

— Я тебѣ покажу, какъ шутить со мной! задыхаясь отъ ярости, проревѣлъ учитель.

Въ классѣ раздался шумъ, шедшій постепенно crescendo, и наконецъ страшный взрывъ криковъ, свиста, лая, млунанья и проч. наполнилъ комнату. Прибѣжалъ инспекторъ и, узнавши въ чемъ дѣло, повелъ смуглаго мальчика съ собою, не смотря на клятвы и увѣрженія въ невинности. — Бѣднягу наказали рззгами...

— Пошумите, пошумите... каждому тоже будетъ, самодовольно произнесъ учитель, направляясь къ кафедрѣ.

— Жалко, что инспекторъ пришолъ, сказалъ мой сосѣдъ, — а то бы мы его побазиди. — А вѣдь, знаете, если бы инспекторъ не явился, онъ самъ не пожаловался бы: своими руками отаскаетъ, да и все тутъ...

Меня, признаюсь, мало порадовало такое родительское обхождение.

— Онъ мнѣ въ прошломъ году вонъ какой клекъ волосъ выдралъ, пояснялъ мой сосѣдъ, указывая на голову: — ну, мы за то и базиди его, просто ужась!

На нѣсколько минутъ водворилась тишина, и Митька началъ разспрашивать какого-то быстроглазого мальчика, за что онъ оставленъ въ классѣ, потомъ сталъ записывать фамилиі новичковъ, причемъ спросилъ меня, не братъ ли мой былъ исключенъ изъ гимназіи за дурное поведение? Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, батюшка мой, наставительно произнесъ Митька, собѣтую вамъ вести себя хорошенько и не слѣдовать по стопамъ брата, а то мы попоремъ, попоремъ да и вонъ изъ гимназіи: мы вновь шутить-то не любимъ...

Я утѣшенно моргалъ глазами и молчалъ.

Т. IV. — Отд. I.

3

Записавши фамилии вновь поступивших, учитель начал рассказывать урок, ввертывая по временам различныя шуточки и прибаутки, отличавшіяся своею избитостью и пошлостью, напимѣръ: грамматика есть наука, учить ее скука и т. д. — Всё, разумѣется, смѣялись, а учитель, самодовольно улыбаясь, кричалъ: тише вы, уродцы! — Опять поднимался хохотъ. Митька ввертывалъ еще какую нибудь пошлость, приводившую весь классъ въ неописанный восторгъ, и потомъ перваго попавшагося на глаза мальчика дралъ за уши и ставилъ на колѣни, причемъ другіе начинали шипѣть, свистать и кричать.

Учитель грамматики, собственно, былъ человекъ очень добрый. Это случилось мнѣ замѣтить въ немъ уже впоследствии, когда отецъ посылалъ меня и брата отвезти ему фунтъ чая и голуу сахару, при этомъ онъ расцѣловалъ насъ и потомъ долго долго ставилъ вышій балъ. — пять! Причину же въбросившихъ поступившихъ, подобныхъ вышеприведенному, разъяснила въ послѣднее время весьма точно физиогія, доказавъ, что укаждатѣ преподавателя черезъ десять лѣтъ службы совершенно разстроиваетъ первая система, — на учителя грамматики прослужилъ ровно вдвое.

Къ концу класса приехалъ директоръ, вѣдущій, вѣдущій и вѣдущій. Въ двѣнадцать часовъ насъ распустили во домамы, потому что въ мое время собирались два раза, утромъ и пополу дню.

За нами прислали лошадь. Братъ дожидаясь меня у подлѣзда, упрекнулъ за медленность, и мы отправились. По привѣдѣ до мой я рѣшительно не зналъ, какъ отбѣдатою отъ различныхъ вопросовъ, подставляемыхъ мнѣ то матушкой, то братьями: се страми, то пней. По обыкновенію, каждый непременно спра шивалъ меня: не высѣкли ли, не отодрали ли за уши, не ставля ли я на колѣняхъ? и проч. Отецъ предложилъ мнѣ вопросъ: по добнаго же рода, причемъ, между прочимъ, прибавилъ, что про сить начальство събы меня точно такъ же, какъ и брата. Такая перспектива показалась мнѣ на этотъ разъ далеко не завидною.

Послѣ обѣда насъ опять отвезли въ гимназію. Мы опоздали минуту пять, и классы уже начались. Съ сердечнымъ трепетомъ, едва переводя духъ, я вошелъ, не зная, какой у насъ урокъ. На каедрѣ сидѣла какая-то ужасная фигура, которая при моемъ по явленіи издала ревъ. Я поблѣднѣлъ, задрожалъ и сталъ проби

ратся, на свое мѣсто. Фигура опять заревѣла и, обращаясь ко мнѣ, начала ударять лѣвою рукою объ правую, висѣвшую безъ всякаго движенія.

— Онъ васъ къ себѣ зоветъ, закричали мнѣ.

Я подошолъ къ кафедрѣ; рычаніе повторилось, но я ровно ничего не понималъ.

— Онъ васъ спрашиваетъ, говорите ли вы по французски? подсказали мнѣ.

Я отвѣчалъ, что не говорю, на что фигура забормотала: «бульдить! на мѣсто!»

Усѣвшись, я началъ озираться вокругъ и замѣтилъ въ одномъ углу кучку моихъ товарищей, которые задумывали что-то. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ фуражку, закрывши ея отверстие книгой. Выждавъ, когда учитель обернулся въ противоположную сторону, онъ снялъ книгу, и изъ фуражки выпорхнуло нѣсколько воробьевъ. Всѣ закричали, начали вскакивать съ своихъ мѣстъ, махая книгами, фуражками и тетрадами, и въ классѣ поднялся ужаснѣйшій шумъ. Французъ тупо смотрѣлъ по сторонамъ, недоумѣвая, какъ поступить въ подобномъ случаѣ; и только, когда воробьи, одинъ за другимъ, повывлетѣли изъ окна и крики мало по малу начали утихать, онъ важно прошагнулъ, ударивъ лѣвою рукою объ правую: silence! Настала тишина. Учитель сошелъ съ кафедры и началъ прохаживаться вдоль класса, заставивъ одного изъ учениковъ читать *Сенъ-Жюльена*.

Учитель французскаго языка былъ жалкій кадѣк, хромой и сухорукій. Правая сторона его тѣла была разбита параличемъ, такъ что ему стоило, какъ видно, слишкомъ большихъ усилій таскать за собою постоянно отстававшую ногу. Личные нервы тоже были сильно разстроены, что замѣчалось изъ опустившихся угловъ рта, широко открытыхъ и рѣдко моргавшихъ глазъ, и постоянной неподвижности личныхъ мускуловъ. Также, разумѣется, постигло и умственные способности бѣдняка, разстройство которыхъ онъ энергически поддерживалъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Бродя по классу, онъ безпрестанно бормоталъ что-то, изрѣдка давая лѣвой рукою щелчки сидѣвшимъ на первомъ мѣстѣ ученикамъ, которые марали мѣдомъ его фразъ. Иногда онъ останавливался, билъ ладонью лѣвой руки объ ладонь подвижно висѣвшую правую и рѣзко кричалъ: silence! taisez-

vous! На минуту наступала тишина, но потомъ опять возобновлялся прежній шумъ.

Объ каждомъ учителѣ въ гимназiи непремѣнно ходили различныя легендарныя сказанiя, которыя, переходя отъ поколѣнiя къ поколѣнiю, крѣпко сохранялись въ ученической памяти. Объ несчастномъ французѣ, напиримѣръ, рассказывали, что онъ когда-то былъ идеаломъ своихъ учениковъ; что, занявши мѣсто учителя, онъ понялъ необходимость знанiя русскаго языка, о которомъ учитель не имѣлъ ни малѣйшаго понятiя; что своими рассказами, на ломаномъ русскомъ нарѣчiи, о красотахъ швейцарской природы онъ приводилъ своихъ слушателей въ неподдѣльный восторгъ и т. д. Легенда во всемъ обвиняла среду, въ которую попалъ бѣдный иностранецъ, что онъ, какъ и всѣ ея члены, не могъ устоять противъ известной русскаго пословицы, — съ волками жить — по волчьи выть, служившей девизомъ среды; и онъ, мало по малу, началъ втягиваться въ пошлую, грязную жизнь кружка, — а тутъ подвернулся параличъ... и изъ идеала вышла грязнѣйшая дѣйствительность, приправленная физическимъ и нравственнымъ калѣчествомъ.

Послѣ французскаго урока слѣдовало черченiе, и учитель чистописанiя, черченiя и рисованiя вмѣстѣ, какой-то вольный, слѣдовательно не пужавшiйся въ образованiи художникъ, вбивалъ лавейкой изъ краснаго дерева общiя понятiя объ архитектурѣ вообще и о капителяхъ, базисахъ, колонахъ, карнизахъ и фризахъ въ особенности. Директоръ не даромъ предупреждалъ меня, что онъ строгъ: дѣйствительно, удары сыпались то и дѣло, безъ великаго разбора, по рукамъ, спинѣ, плечамъ, головѣ и проч. Передо мной онъ положилъ какой-то базисъ, съ котораго я долженъ былъ копировать. Я дѣйствительно скопировалъ, но такую штуку, предъ которою поблѣднѣли всѣ подобныя произведенiя моихъ товарищей: вмѣсто базиса я изобразилъ корову, для красоты прибавивъ внизу масштабъ, которымъ можно было бы измѣрять ее.

Послѣ черченiя классы окончились. Вмѣстѣ съ братомъ я пошелъ домой пѣшкомъ. Дорогой я перечиталъ нѣсколько разъ росписанiе классовъ, по которому оказывалось, что предметовъ у насъ восемь и между нами я зналъ только три: законъ Божiй, арифметику и грамматiku и чистописанiе, къ которому примыкали уже нѣсколько мнѣ известное черченiе и совершенно неиз-

ѣстное рисованіе, составляя вмѣстѣ предметъ свободныхъ художествъ; объ остальныхъ четырехъ я не имѣлъ ровно никакого понятія.

Въ слѣдующіе дни я акуратно посѣщала классы, и въ недѣлю совершенно ознакомила съ гимназіей. Изъ учителей мнѣ особенно нравились учителя закона Божія и географіи. Священникъ, учитель закона Божія, былъ кроткій, добродушный и весьма серьезный человекъ; онъ не употреблялъ никакихъ наказаній для лѣнивыхъ и шалуновъ, но всегда старался дѣйствовать на нихъ добрымъ и ласковымъ словомъ. И дѣйствительно эта мѣра была самая лучшая: учились все у него превосходно, а вели себя совершенно безукоризненно. Учитель географіи, напротивъ, не обращалъ ровно никакого вниманія на знанія и поведеніе своихъ учениковъ: онъ видѣлъ, что въ немъ слишкомъ мало силъ и умѣнья къ тому, чтобы передѣлывать такихъ испорченныхъ дѣтей, хотя, нужно замѣтить, порча въ насъ была только кажущаяся ему и его товарищамъ; въ дѣйствительности же этотъ образъ дѣйствія со стороны учениковъ былъ вызванъ поступками ихъ наставниковъ, и истинно образованный человекъ никогда бы не сталъ въ тупикъ передъ подобными препятствіями, видя, что исправленіе ихъ находится въ его волѣ. Но мы искренно любили учителя уже за одно то, что онъ избавлялъ насъ отъ всевозможныхъ наказаній отеческихъ и официальныхъ. — Не могу вспомнить безъ ужаса объ учителѣ латинскаго языка, который, къ счастью, училъ насъ двѣ-три недѣли. Это былъ именно тотъ господинъ съ сивушнымъ запахомъ, о которомъ я уже сказалъ прежде, при моемъ вступительномъ экзаменѣ. Въ мое время поговаривали, что это былъ умнѣйшій человекъ во всемъ педагогическомъ совѣтѣ нашей гимназій; но мнѣ не случилось замѣтить въ немъ особеннаго ума, хотя, долженъ признаться, выкидываемыя имъ штуки могли придти только въ гениальную голову. Вотъ примѣръ:

Между моими товарищами особенно жалкую роль игралъ рябой мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, сынъ какого-то бѣднаго офицера: мальчика все били, марали мѣломъ, рвали его платье, — однимъ словомъ, это было жалчайшее существо, какихъ только случалось мнѣ когда вибудь видѣть. Въ угнетеніи бѣдняка, учителя не отставали отъ учениковъ: изыщный учитель ариѳметики, напримѣръ, подшучивалъ надъ его безобразіемъ, совѣтуя поча-

ще умывать руки и лицо, и называлъ его не иначе, какъ зама-
ранкой мужичкомъ, взятымъ изъ подъ сохи и проч (этотъ учи-
тель былъ большой остроловъ!) учитель грамматики входилъ
въ классъ не иначе, какъ поставивъ ненавистнаго ему ученика
въ уголъ носомъ, или выгнавъ изъ класса: «хари его видѣть не
могу!» говорили онъ морщась; надзиратель, Макарь, былъ его
собственными руками и ставилъ на колѣни на нѣсколько часовъ;
инспекторъ то и дѣло съкъ, — однимъ словомъ, бѣдняку не бы-
ло житья ни отъ кого... Но учитель латинскаго языка превзо-
шолъ всѣхъ... Преспокойно расхаживая по классу, онъ вдругъ,
съ какимъ-то остервененіемъ, бросался къ доскѣ, хваталъ тряп-
ку, которою стирали мѣлъ (губки тогда еще не вошли въ моду и
употреблялись только во время ревизіи), и бросалъ ее въ сильно
неправившееся ему лицо ученика; потомъ топалъ ногами, кри-
чалъ, бѣсновался, давалъ тѣмъ знать, чтобы онъ вышелъ изъ
класса. Разъ какъ-то вздумалось этому учителю спросить у маль-
чика урокъ, котораго тотъ разумѣется, не зналъ, потому что его
никогда до сихъ поръ не спрашивали, знаетъ онъ или нѣтъ свой
урокъ?

— Поди сюда! заревѣлъ учитель.

Ученикъ подошелъ.

— Подставь морду, воронье пугало! продолжалъ учитель.

Мальчикъ, не подозрѣвая ничего, повиновался.

— Тьфу ты, поганая харя! и латинскій учитель наплевалъ
въ лицо бѣдняку.

Мы, разумѣется, только надсмѣялись надъ такой выходкой
учителя, хотя каждый изъ насъ могъ рассчитывать на подобный
сюрпризъ. Къ счастью, пріѣхалъ новый наставникъ латинскаго
языка, нѣмецъ, педагогъ. Повый учитель имѣлъ какой-то свой
методъ преподаванія, по которому, напримѣръ латинскія скло-
ненія, написанныя четырехстопнымъ ямбомъ, не говорились, а
пѣлись. Учитель этотъ сначала было силится написать стихами
всю грамматику (за что, разумѣется, получилъ бы полную деми-
довскую премію), но сталъ поигрывать въ картишки, женился и
кромя сгбдующаго двустипшя

Piget, pudet, poenitet,

Taedet atque miseret...

ничего не выдумалъ больше. Спряжение глаголовъ выучивались

при немъ всегда въ разбѣжку, т. е. по видамъ, и тутъ-то представлялся полный просторъ рѣшной дѣятельности учителя латыни! Онъ обыкновенно становился на средину класса, провозглашалъ какой-нибудь глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, потомъ быстро называлъ наклоненіе, время, число и лицо, требуя тотчасъ выразить заданный глаголъ въ предложенной формѣ. Все это дѣлалось необыкновенно скоро и, разумеется, никто не могъ отвѣтить вдругъ; тогда учитель перебѣгалъ отъ одного ученика къ другому, отъ другаго къ третьему и т. д., до тѣхъ поръ пока не получалъ удовлетворительнаго отвѣта. Это была, такъ сказать, игра на фортепiano, потому что ученики поднимались и опускались одинъ за другимъ, какъ фортепiанныя клавиши, издавая въ тоже время различныя тоны, изъ соединенія которыхъ учитель могъ сочинять, что ему угодно. Иногда онъ вытѣгивалъ пѣлую дискантовую или альтовую гамму, въ которой ухо слышало даже гармонію; иногда, напротивъ, среди дискантовыхъ, и альтовыхъ нотъ ревѣлъ баритонъ или даже басъ, — вообще латинскіе классы шли весело: ученики были довольны, учитель блаженствовалъ (много ли нужно нѣмцу?..) Какъ человекъ свѣжій и молодой, учитель латыни мало поддавался господствовавшимъ тогда между его товарищами привычкамъ и обыкновеніямъ, въ родѣ щелчковъ, оплеухъ, зуботычинъ и проч. Тѣмъ же достоинствомъ отличался и учитель нѣмецкаго языка, за котораго, впрочемъ, всегда расправлялся инспекторъ, потому что нѣмецъ ему сообщалъ фамилія лѣнивыхъ и безнравственныхъ мальчиковъ. Нѣмецкій учитель былъ большой флегматикъ, и энергіи у него не доставало даже на то, чтобы плюнуть въ непріятное ему лицо ученика (онъ плевалъ на полъ). Это былъ типъ колониста, провонявшаго дымомъ плохихъ сигаръ и постоянно жевавшаго табакъ для предостереженія отъ цыпготной болѣзни, а можетъ быть и изъ другихъ видовъ. Въ преподаваніи онъ ограничивался короткими возгласами «отъ сихъ и до сихъ...» изрѣдка прибавляя: «и все старое повторить», послѣ чего, разумеется, инспекторъ получалъ цѣлый списокъ лѣнивыхъ и безнравственныхъ. Звали его, какъ большую часть нѣмцевъ, Карломъ; любилъ онъ, какъ большая часть нѣмцевъ, сигары и колбасу, пить, какъ большая часть нѣмцевъ, пиво, вотъ до поры до времени, и все объ немъ.

По возвращеніи изъ классовъ отецъ постоянно засаживалъ

насъ учить уроки, что продолжалось цѣлый вечеръ, такъ что рѣдко-рѣдко случалось играть на дворѣ или въ комнатѣ съ братьями и сестрами. Пользуясь отсутствіемъ отца, мы иногда убѣгали на задній дворъ, гдѣ предавались различнымъ забавамъ и играмъ: дразнили собакъ, били камнями стекла въ старой прачечной, обливали другъ друга съ ногъ до головы водою, или плевали въ негодный, запущенный колодезь, съ удовольствіемъ выслушивая отдаленный звукъ падающей въ воду слюны. Вообще, дѣйствуя въ подобныхъ случаяхъ тайно и слѣдовательно предоставленные самимъ себѣ, мы часто выдѣлывали такія штуки, за которыя журила насъ даже няня, позволявшая обыкновенно намъ очень многое. Но главная наша забава состояла въ ловлѣ свиней, въ которой мы, впрочемъ, только помогали нашему кучеру, Сергѣичу. Дѣло было въ такомъ родѣ:

Такъ какъ казеннаго хлѣба было вдоволь, то отецъ разсудилъ обзавестись тройкой свиней, одной мужскаго пола и парой женскаго. Свиньи жили въ сараѣ, около конюшни, откуда выпускали ихъ разъ въ сутки, погулять. Надзоръ за прогулкой свиней былъ ввѣренъ кучеру, Сергѣичу, которому, кромѣ того, строго было приказано не пускать ихъ на огороды, гдѣ онѣ могли бы принести большой вредъ посѣяннымъ овощамъ. Но, какъ нарочно, каждый разъ нечистыя животныя убѣгали уже противъ воли своего гувернера и принимались съ яростію взрывать гряды. Бѣдный Сергѣичъ, не имѣя силъ обратно вогнать ихъ въ сарай, придумалъ слѣдующее, простое, но весьма вѣрное средство: онъ бралъ багоръ и бѣжалъ съ нимъ на огородъ, гдѣ, нагнавши одну изъ бѣглянокъ, вонзалъ крюкъ въ ея тѣло и съ страшными проклятіями отгаскивалъ жертву въ сарай: за ней другую, потомъ точно также и третью. Но такъ какъ исторія эта повторялась каждый день, а Сергѣичъ былъ человѣкъ ветхій, то, наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, онъ попросилъ насъ помогать ему въ этомъ дѣлѣ, на что мы, разумѣется, согласились съ великою радостію.

Кромѣ такого певиннаго развлечения мы нерѣдко пускали змѣи, играли въ бабки и занимались различнаго рода гимнастическими упражненіями, то вертясь на колодезномъ колесѣ и рискуя быть сброшенными въ воду, то прыгая съ стнова на высотѣ трехъ-четыреухъ сажень...

Время между тѣмъ быстро шло впередъ, увеличивая съ каж-

днѣмъ днѣмъ количество пріятныхъ и безотрадныхъ фактовъ: сегодня море забвенія уносило вчерашнее, завтра — сегодняшнее... Наконецъ наступила осень. Утромъ, въ одинъ изъ ненастныхъ, туманныхъ дней, отецъ разрѣшилъ мнѣ и брату отправиться на площадь, гдѣ должно было совершиться наказаніе плетью четверыхъ убійцъ. Мы тотчасъ побѣжали и взобрались на лѣса, приложенные къ вновь строящейся церкви, откуда могли весьма удобно наблюдать весь ходъ дѣла.

Когда мы возвратились домой, матушка и няня были въ совершенномъ негодованіи и называли насъ жестокосердыми и палачами; отецъ, напротивъ того, радовался, что мы наконецъ видѣли наказаніе, увѣряя, что «на войнѣ и не того еще насмотришься».

— Эхъ Миша, мой батюшка, что ты надъ собой дѣлаешь? вздыхая твердила няня. — А я все, старалъ дура, думала, что ты у меня добрый да любящій, съ грустью прибавляла она.

Я не обращалъ на старуху никакого вниманія, зная ея привычку на всѣхъ и на все плакаться. «Вѣдь можетъ быть эдакую вещь прійдется видѣть одинъ разъ въ жизни, думалъ я, — такъ отчего и не посмотрѣть... Да притомъ, чтожъ тутъ такого? — преступникъ.. ну, и сѣкутъ...»

Въ гимназій между тѣмъ происходила страшная тревѣга: — ждали ревизора, да еще не одного, а двухъ разомъ. У дверей поставили швейцара, лѣстницу покрыли ковромъ, полы натерли воскомъ, пансіонерамъ прибавили лишнее блюдо и улучшили осязательныя, — словомъ, вездѣ порядокъ и чистота на диво! После недѣли мучительныхъ ожиданій, отъ которыхъ вся гимназія, какъ говорится, спала съ тѣла, наконецъ явились ревизоры. Одинъ былъ толстенькій, низенькій, съ постоянной потребностью сна, другой — высокій, сухой, большоголовый, съ шишками на лбу и темени, — первый филологъ, второй математикъ. Директоръ и инспекторъ постоянно стояли въ ихъ присутствіи и много кланялись, когда особы обращались къ нимъ съ рѣчью; учителя совершенно уничтожались присутствіемъ ревизоровъ и смиренно выставляли по вѣскольку часовъ позади ихъ креселъ, отъѣшывая пренизкіе поклоны въ ихъ сплывъ, или бѣгали то-туда, то-сюда, согласно начальнической волѣ. Насъ заранѣе задурили, и съ прибытіемъ ревизоровъ мы находились въ такомъ страхѣ, что когда одинъ изъ нихъ вздумалъ поцѣловать

моего товарища, хорошо отвѣчавшаго изъ грамматики, жалчикъ вдругъ заплакалъ, воображивъ Богъ знаетъ что! Надзиратель, Макарь, на все имѣвшій свой взглядъ, увѣрялъ, что дурныхъ учениковъ ревизоры будутъ отлавать въ солдаты: «такъ отъ правительства приказано», прибавлялъ онъ. Мы мало вѣрили такому предсказанію, однако почему-то побаивались ревизоровъ! Но такъ какъ, на этотъ разъ, все вниманіе ихъ было обращено, по преимуществу, на высшіе классы, то намъ рѣдко удавалось ихъ видѣть: разъ только спрашивали нѣкоторыхъ изъ насъ изъ ариметики да въ другой разъ изъ грамматики, — вотъ и все... Особенно радовался пріѣзду ревизоровъ братъ... Онъ хорошо повиналъ, какъ боится ихъ директоръ, инспекторъ и учителя, и потому не пропускалъ случая насолить своимъ прежнимъ врагамъ, зная, что теперь онъ свободенъ отъ наказаній. Одному учителю, прежде слишкомъ угнетавшему его, онъ даже далъ подзатыльникъ, на что учитель отвѣчалъ краснорѣчивымъ молчаніемъ, выжидая случая отомстить обидчику.

Ревизоры, хотя и нашли гимназію въ удовлетворительномъ состояніи, однако почему-то смѣнили инспектора, назначивъ на его мѣсто какого-то бывшего учителя. Новый начальникъ, въ первый разъ посѣщая классы, счелъ долгомъ объявить своимъ подчиненнымъ, что управленіе свое основываетъ на ровняхъ, и что лѣнивые ученики не должны ждать отъ него пощадъ. Прилежныя и нравственныя дѣтя найдутъ себѣ награду въ своихъ успѣхахъ и поведеніи, говорилъ онъ, а лѣнивыцы будутъ достойно наказаны мною. Указаніе на такое обращеніе съ дурными учениками, прибавлялъ онъ, я вижу даже въ мѣстной природѣ, произрастающей для того огромное количество березняка, — и инспекторъ улыбался, обращаясь къ сопровождавшему его Макару. Пріѣзду ревизоровъ мы также были обязаны тѣмъ, что толки о передѣлкѣ гимназіи наконецъ осуществились, и наслѣднее время перевели въ домъ какого-то помѣщика.

Академическій годъ, между тѣмъ, кончившійся и братъ былъ перевеленъ въ слѣдующіе классы. Въ новой гимназіи второй классъ, въ который я перешелъ, былъ помѣщенъ рядомъ съ третьимъ, въ двухъ смежныхъ комнатахъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго колоннадою. Разумѣется, мы сейчасъ воспользовались такимъ пріятнымъ соседствомъ, какъ нельзя лучше. Въ каждую малую перемѣну мы производили атаки то тѣмъ, то

другимъ классомъ, а въ большую начиналось генеральное сраженіе, въ которомъ участвовали аматеры изъ другихъ классовъ, въ качествѣ начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ или даже дождовцевъ. Дѣло иногда доходило до того, что сторожа должны были силою разгонять сражавшихся, послѣ чего, разумѣется, виновники боя, а иногда и побѣды, наказывались розгами. Сначала все дѣло шло на кулакахъ, но впоследствии стали употребляться дубовыя или березовыя палки, и только, судяги уже слишкомъ долгое время, когда въ свалкѣ избранныя храбрѣе съ той и другой стороны начали рѣзаться на ножахъ и кинжалахъ, причемъ, разумѣется, не обошлось безъ кровопролитія — начальство рѣшилось положить конецъ развивавшейся марсомани, воздвигнувъ между классами перегородку. Съ наступленіемъ весны война возобновилась снова на дворѣ, гдѣ три низшіе класса, подкрѣпляемые содѣйствіемъ седьмого, осаждали гору, защищаемую совокупными силами остальныхъ трехъ классовъ. Надзиратель, Макаръ, принималъ во всемъ этомъ самое дѣлительное участіе, командуя осаждающими. Иногда войны той и другой стороны были сбрасываемы съ отвѣснаго бока горы, на высотѣ двухъ—трехъ сажень, за что нѣкоторые изъ нихъ получили къ организму прибавки на всю жизнь, въ видѣ шишекъ, роговъ, горбовъ и проч. Надзиратель утѣмалъ раненыхъ, увѣряя, что на войнѣ стыдно плакать, и страдальцы, забывая боль, снова бросались въ отчаянную атаку. Наконецъ назначенъ былъ штурмъ; Макаръ ходилъ по классамъ и ободрялъ воиновъ. Въ двѣнадцать часовъ осажденные уже стояли на горѣ, запасшись на всякій случай палками и камнями; осаждающіе густыми толпами расположились, передъ крѣпостью, имѣя впереди себя Макара съ штабомъ. По данному знаку войска двинулись въ стройномъ порядкѣ, тихимъ шагомъ. Надзиратель, идучъ впереди, съ сверткомъ бумаги въ рукѣ, изображавшимъ подозривую трубу. Что было дальше?.. не могу сказать, потому что самъ участвовалъ въ свалкѣ и потерялъ поду сюртука; но, черезъ десять минутъ, поле битвы представляло такую картину: цѣль горю лежали жалды надзирательскаго фрака и нѣсколько дуговиць; двое учениковъ терли мѣдною монетою огромную шишку, вскочившую на лбу главнокомандующаго, который утиралъ пестрымъ платкомъ разбитый носъ; осаждающіе и осажденные, перемѣшавшись вмѣстѣ, толпились около надзирателя, каждый предлагая

свои услуги. Этотъ незабвеннымъ днемъ штурма война окончилась, тѣмъ больше, что черезъ день послѣ него въ гимназій произошла слѣдующая исторія, падѣлавшая много шума въ городѣ:

Какой-то ученикъ пятого, кажется, класса пропустилъ нѣсколько уроковъ, по болѣзни. Инспекторъ послалъ къ нему на квартиру надзирателя, которому было объявлено отъ родителей ученика, что сынъ ихъ не можетъ посѣщать классы, потому что нездоровъ. Надзиратель передалъ эти слова инспектору, который не удовлетворившись такимъ отвѣтомъ, взялъ съ собою двухъ солдатъ и отправился на квартиру ученика, думая привести его въ классъ силой; къ этому, какъ кажется, побудилъ его отвѣздъ родителей больного, безъ которыхъ онъ считалъ себя въ правѣ распорядиться ихъ сыномъ, какъ ему угодно. «Лѣнинецъ», какъ называлъ его инспекторъ, лежалъ въ постели, когда онъ явился къ нему.

— Почему ты не ходишь въ классъ? спросилъ его инспекторъ.

— Вы видите, я боленъ, отвѣчалъ ученикъ.

— Ты былъ боленъ, но теперь выздоровѣлъ; а въ гимназію не ходишь потому, что лѣнтивъ, возразилъ инспекторъ.

— Докторъ, по крайней мѣрѣ, запретилъ мнѣ выходить изъ комнаты, скромно замѣтилъ больной: — тоже самое совѣтовали и родители, прибавилъ онъ.

— Докторъ дуракъ и родители твои дураки! съ гнѣвомъ закричалъ инспекторъ и приказалъ сторожамъ схватить больного и вести въ гимназію.

Услышавъ такія слова, ученикъ быстро соскочилъ съ кровати и ударилъ обидчика, послѣ чего добровольно отдался въ руки сторожей. Инспекторъ приказалъ связать его и торжественно повелъ полуодѣтаго преступника въ гимназію, крича и ругаясь. Процессія шла лучшими улицами города, причемъ инспекторъ, совершенно растерявшійся, задыхаясь отъ гнѣва и злости, кричалъ то на виноватаго, то на бѣжавшую за нимъ толпу. Въ гимназій ученика посадили въ карцеръ. Для изслѣдованія этого дѣла назначена цѣлая коммиссія, которая отрѣшила инспектора отъ должности, а совершеннолѣтняго ученика передала въ руки правосудія.

Вскорѣ затѣмъ мы перебрались во вновь перестроенную гим-

назію и директоръ нашъ, хлопавшій по собственному брюху, былъ переведенъ на какое-то другое мѣсто. Новое начальство (тоже недурное въ своемъ родѣ) стало энергически заботиться по крайней мѣрѣ о возможныхъ улучшеніяхъ, выбрасывая за бортъ весь хламъ, въ родѣ учителей грамматики, стараго учителя латинскаго языка, французскаго языка и проч.

Въ домашней нашей жизни совершился въ тоже время важдый переворотъ... Отца перевели изъ смотрителей тюремнаго замка въ брантмейстеры (начальникъ пожарной команды) на мѣсто десяти лѣтъ тому назадъ ослѣпшаго старца, извѣстнаго въ городѣ своимъ хлѣбосольствомъ и озорницею женою, управлявшею вмѣсто него пожарной командой.

Отсюда начинается болѣе сложный періодъ моей жизни... Съ переменною моимъ отцомъ обязанности переменѣлись и обычный ходъ нашей домашней жизни: завелись различныя знакомства, всѣхъ насъ, огуломъ, принялись учить танцамъ, музыкѣ и французскому языку, — однимъ словомъ изъ насъ намѣревались сдѣлать полезныхъ членовъ общества, въ которомъ мы, по выраженію отца, «были бы отщепенцами», еслибы не учились французскому языку и танцамъ у отставшаго отъ странствующихъ акробатовъ вѣмца, и музыкѣ у слѣпцаго органиста католической церкви.

М. ВОРОНОВЪ

КАРОЛИНА АНГЛІЙСКАЯ И ВЕРГАМИ

(процессъ 1820 г.)

Принцемъ Галльскимъ въ 1794 году былъ Георгъ-Августъ-Фридрихъ, впоследствии король англійскій, подъ именемъ Георга IV. Сынъ больного, помѣшаннаго Георга III, государя уже около двухъ лѣтъ правившаго Англійей только по имени, принцъ Галльскій могъ бы стать еще съ 1792 года и регентомъ, и даже дѣйствительнымъ королемъ, если бы только былъ способенъ и достоинъ къ принятію этого сана. Но, воспитанный въ правилахъ самой строгой нравственности, окруженный душевною атмосферою ханжества и скупости, отличительныхъ качествъ его отца, Георга III, и бабки, принцессы Саксенъ-Готской, Августы, — принцъ Галльскій, по достиженіи совершеннолѣтія, которое объявлено было въ 1781 году, ринулся въ омутъ самыхъ шумныхъ удовольствій, принялся сорить деньгами самымъ безумнымъ образомъ. Онъ проходилъ совершенно на блуднаго сына, вырвавшагося на волю, такъ что о расточительности принца, не знавшей предѣловъ, очень скоро заговорилъ цѣлый Лондонъ. Обладая умомъ, образованнымъ, красивымъ, принцъ, естественно, сталъ скоро главою фешена, царемъ моды,

Примѣръ, элегантнаго скандала, самой утонченной безнравственности, въ то время подавали виги, члены оппозиціи и пресловутые современные модники: Фоксъ, Бёрнъ, Шериданъ, Эрскинъ, Грей, Россель, соединяли съ самыми богатыми способностями самый постыдный развратъ.

Принцъ Галльскій явился также въ рядахъ виговъ; но сталъ онъ вигомъ не потому, что убѣжденія членовъ оппозиціи подходили къ его собственнымъ убѣжденіямъ, а скорѣе потому, что тогдашніе виги были полнѣйшимъ выраженіемъ молодой Англій, разочарован-

ной, расточительной, великолѣпной, впутавшейся въ страшные долги Англїи.

Принцъ завелъ себѣ великолѣпныхъ лошадей, дорого обходившихся ему любовницъ; были у него и сады и дворцы, и на все это, по мгновенному его капризу, приносились въ жертву безумныя суммы.

Фоксъ предсѣдательствовалъ на тѣхъ банкетахъ, которые напоминали собою времена Рима въ эпоху егѳ упадка; Шериданъ былъ руководителемъ въ утонченномъ развратѣ. Принцу Галльскому, впрочемъ, какъ и принцу Орлеанскому, съ которымъ былъ онъ и друженъ, часто приходилось по вдохновенію мѣнять самый утонченный развратъ на самый грязный разгулъ харчевень. У него не было даже обыкновенной честности человѣка расточительнаго и, кажется, тѣ обвиненія, которыя сыпались на него за разныя безчестныя уловки, къ которымъ онъ прибѣгалъ при заключеніи разорительныхъ пари на скачкахъ,—были совершенно заслужены имъ. Принцъ, однажды, со стыдомъ долженъ былъ удалиться изъ Нью-Маркета.

Пятьдесятъ тысячъ фунт. стерлинговъ, которые отпускались ему ежегодно на содержаніе; доходы, получаемые имъ съ графства Ленкастерскаго; прибавочное содержаніе, которое давалъ ему отецъ,—все это, простираясь приблизительно до суммы двухъ милл. франковъ, не могло однако покрывать его ежегодныхъ расходовъ. Въ первые три года, со времени объявленія совершеннолѣтія, принцъ задолжалъ до полумилл. фунт. стерл. Дошло наконецъ до того, что его кредиторы взбунтовались; Георгъ III, хотя и зналъ объ этомъ; но наотрѣзъ отказался платить долги своего сына. Тогда принцъ Галльскій открыто распродалъ своихъ лошадей, экипажи, преобразовалъ совершенно свой домъ, и... принялся за игру, очертя голову. Игра увлекала однако его недолго: вскорѣ онъ взялся снова за старую жизнь и за новые долги, и Карльтонъ-Гоузъ, его любимый дворецъ, опять огласился шумными празднествами.

А между тѣмъ приходилось пораздуматься: долги возрасли до невѣроятной суммы; списокъ ихъ внесенъ былъ въ нижнюю палату. Заѣсъ, только послѣ самыхъ унижительныхъ преній, удалось наконецъ выгнать вотировать сумму въ 161,000 фунт. стерл. Въ числѣ долговъ принца, одинъ долгъ за пудру и духи простирался до 300,000 франковъ.

До сихъ поръ, поведеніе принца Галльскаго бросало тѣнь исключительно на его личную репутацію, но скоро торійскіе министры Георга III увидѣли, что подобный характеръ поведенія, въ будущемъ, можетъ угрожать бѣдою и самой монархіи: принцъ доселѣ избив-

рвалъ себя любовницей изъ низкаго класса англійскаго общества: — былъ онъ въ связи сначала съ мистриссъ Робинсонъ, актрисой, замѣчательной въ роли «Пердита»; послѣ нея, онъ въ выборѣ новой любовницы спустился было и еще пониже. Но покинуть и эту, онъ подчинился влѣзю женщины ловкой, обладавшей красотою, женщины съ характеромъ сильнымъ. Г-жа Фитцъ-Гербертъ была вдовой и происходила изъ знатной ирландской католической фамиліи. Постоянно разжигая въ принцѣ страсть своими отказами, она довела его наконецъ до того, что онъ тайно обвинялся ея лей. Хотя этотъ бракъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пользоваться официальнымъ характеромъ, такъ какъ былъ заключенъ въ противность англійскимъ законамъ, по которымъ члены королевской фамиліи, до времени исполненія имъ 25-ти лѣтнаго возраста, могли заключать брачные союзы только съ родительскаго разрѣшенія, тѣмъ не менѣе бракъ этотъ угрожалъ обѣдою: внослѣдствіи онъ могъ послужить поводомъ къ различнымъ серьезнымъ замѣчательствамъ, въ виду дѣйствительнаго закона, по силѣ котораго бракъ наслѣдственнаго принца съ католичкою влекъ за собою устраненіе отъ наслѣдованія престола.

А потому и рѣшено было — женить принца Галльскаго законно, и съ дѣломъ этимъ поспѣшить, какъ возможно, скорѣе. Къ тому же, именно къ 1794 году, расточительность принца вызывала новую ликвидацію его долговъ. Въ это время они возросли до огромной цифры, 642,890 фунт. стерл. Правительство рѣшилось воспользоваться крайне стѣсненнымъ положеніемъ принца и предоставить его вполнѣ произволу случая до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ согласія на заключеніе законнаго брачнаго союза.

Принцъ пробовалъ было просить объ увеличеніи ассигнованной ему суммы, но на первыя же предложенія, сдѣланныя имъ по поводу этого, ему отвѣчали формальнымъ отказомъ.

Личнымъ тайнымъ образомъ всѣхъ средствъ, принцъ задумавъ тогда пуститься въ какое-нибудь продолжительное путешествіе, обрекая себя тѣмъ самымъ добровольному изгнанію и видя въ этой вѣрѣ единственный исходъ изъ тяжкаго положенія. Прежде чѣмъ рѣшиться на это, онъ отправился посоветоваться съ довѣреннымъ своимъ лицомъ, съ Джемсомъ Гаррисонъ; тѣмъ самымъ Гаррисонъ, который внослѣдствіи носилъ титулъ графа Мальсбери, велъ переговоры во время войны Французской республики и имперіи; Гаррисонъ, который извѣстенъ былъ какъ искусный дипломатъ, и который оставилъ послѣ себя, между прочимъ, «Записки» и «Журналы», заключающіе въ себя много данныхъ объ интимныхъ

современныхъ отношеніяхъ европейскихъ дворовъ. (*Diaries and correspondence of James Harrig, first earl of Malmesbury.*)

— Гаррисъ, сказалъ ему принцъ, — дѣла мои такъ плохи, что останаться мнѣ въ Лондонѣ долѣе невозможно. Ты убѣдишьъ св. Гагу; возьми меня съ собою, я поеду въ Голландію и буду жить тамъ въ неацѣстности.

— Не лучше ли, принцъ, отвѣчалъ Гаррисъ, — примириться вамъ съ вашимъ отцомъ?

— Нѣтъ, мой другъ, это рѣшительно невозможно: король меня ненавидитъ, желаетъ поссорить меня даже съ братомъ, а на него я не могу имѣть никакой надежды. Разстояніе, раздѣляющее насъ, черезчуръ велико. Онъ обманывалъ меня и дунилъ также обманывать другихъ; я не имѣю къ нему никакого довѣрія, и онъ также шлеть меня не вѣрить мнѣ. Я знаю, онъ до тѣхъ поръ будетъ пристраивать противъ меня парламентъ, пока я не женюсь.

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало, ижедитесь, принцъ?

— По морю, Гаррисъ, это средство хуже самаго зла.

— Какъ вы думаете, принцъ, возразилъ снова Гаррисъ, что если я предложу Питту увеличить вашъ окладъ содержанія на 100,000 фунт. стерл. въ годъ? Въ такомъ случаѣ вамъ возможно будетъ выдѣлять ежегодно по 50,000 фунт. стерл. на уплату вашихъ долговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ вамъ воротится и расположеніе короля.

— Повѣрь же мнѣ, Гаррисъ, что король рѣшительно ненавидитъ меня!

— Въ такомъ случаѣ женитесь.

— Я не женюсь никогда; это послѣднее мое рѣшеніе, отъ котораго не отступлюсь. Я условился уже объ этомъ съ братомъ моимъ Фридрихомъ. Нѣтъ, я не женюсь никогда!

Когда принцъ окончилъ, Гаррисъ, перемишлявъ тонъ, возразилъ:

— Позвольте же мнѣ, принцъ, замѣтить вамъ, что рѣшеніе это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть окончательнымъ. Вы должны слушаться св. брата; должны слѣдовать это для вашего отечества, для короля, для насъ самихъ.

— Король ничѣмъ а не обязанъ, отвѣчалъ принцъ, а Фридрихъ вступаетъ въ бракъ и корона перейметъ въ его вѣдомство.

Джемсъ Гаррисъ тайно угодничалъ, будъ вести съ принцомъ переговоры о бракѣ; онъ былъ при этомъ снабженъ самымъ обширнымъ полномочіемъ, какъ со стороны короля, такъ и отъ нидерландцевъ. Но трудно было слѣзть тутъ чтонибудь при томъ значеніи, которое имѣла на принца г-жа Фицъ-Гербертъ; къ тому же наконецъ принцъ рѣшился разорвать съ нею связь, и ввѣлъ себя въ добрую

еще другую, менее явную и более рудную, онъ согласился на-
последокъ и на бракъ, назвавъ его: *вопреки самоубійству.*

Каролина-Амалия-Елизавета Брауншвейгская, предназначенная
принцу Галльскому въ жены, была дочерью того самаго Браун-
швейгскаго герцога, который въ 1792 году такъ шумно вторгнулся
было во Францію; матерью ея была принцесса Английскія Авгу-
ста, старшая сестра Георга III. Когда принцесса Каролинъ испол-
нилось семнадцать лѣтъ, о ней говорили въ Германіи, что «она и
умна и граціозна»; Мирабо также выражался о ней: «принцесса
Каролина умна, мила, хороша, жива.»

Но въ 1794 году принцесса Каролина имѣла уже большой недо-
статокъ: родившись 17 мая 1768 года, она должна была поэтому
исчислять себя въ это время двадцать шесть лѣтъ. Къ тому же,
ходила еще какіе-то слухи о сердечной ея привязанности; раска-
зывали и о романтическомъ бѣгствѣ ея съ какимъ-то юнымъ офи-
церомъ Брауншвейгскаго двора. Но не ползетъ, кажется, сомнѣ-
нію только то, что принцесса, при своемъ открытомъ характерѣ,
вся, какъ говорится, на-распашку, страстная, къ тому же, до удо-
вольствій и увлеченій, свойственныхъ годамъ молодости, — совер-
шенно невинно могла не разъ нарушать невозмутимую, вязоливую
тишину маленькаго нѣмецкаго скучнаго, военнаго, надутаго дво-
рика.

Въ ноябрѣ 1764 года, баронъ Мальмсбэри отправился въ Браун-
швейгъ съ формальнымъ предложеніемъ. «Онъ встрѣтилъ», по соб-
ственнымъ его словамъ, «дѣвушку небольшого роста, довольно ми-
лую, довольно хорошенъкую, съ манерами нѣсколько принужден-
ными, у которой были прекрасные глаза, на половину испорченные
зубы и задорныя плечики (impertinentes).»

2-го декабря былъ подписанъ брачный контрактъ. Маленькій нѣ-
мецкій дворникъ не зналъ себя отъ радости.

Въ одинъ вечеръ, во время праздниковъ, которые давались по
случаю настоящаго торжества, старый герцогъ-отецъ, взявъ подъ
руку барона Мальмсбэри, вступилъ съ нимъ въ длинный разго-
воръ.

— Она (принцесса Каролина) не глупа», говорилъ между про-
чимъ старый герцогъ, но и не достаточно разумительна; ее воспиты-
вали строго; *это было необходимо.* Посовѣтуйте ей, въ особен-
ности, чтобы она не была такъ любопытна, и не чересчуръ рев-
нива. Если у принца есть склонности, — пусть она не обращаетъ на
это вниманія.

Герцогъ передавалъ свои совѣты въ видѣ какого-то супруже-

скаго катехизиса, и, должно сознаться, во всемъ, что она ни оказала, вообще мало было успокоительнаго.

За старымъ герцогомъ заговорила нѣкая дѣвица Герцфельдъ, предметъ стараго герцога. Эта особа выражалась на счетъ принцессы Каролины еще опредѣлительнѣе и откровеннѣе.

— Принцессу необходимо, любезный баронъ, держать въ рукахъ; она добра, но рѣшительно не имѣетъ никакого такта. Я вѣсь прошу устроить такимъ образомъ, чтобы въ началѣ супружества принцъ велъ самую закрытую жизнь.

— Ей никогда не давали воли, и за ней слѣдили во всѣ глаза; это было необходимо.

— Если она попадетъ съ разу въ большой свѣтъ, — легко можетъ оступиться. Сердце у ней не испорчено; она ничего не слѣлала дурнаго; но у нея постоянно слово предупреждаетъ мысль; говорить она не подумавши, увлекается; оттого и случилось, что даже при этомъ небольшомъ дворѣ ей навязываютъ склонности, которыхъ она никогда не раздѣляла.

— Что же можетъ случиться съ нею въ Англіи, гдѣ, говорятъ, нѣтъ недостатка въ женщинахъ ловкихъ, въ интриганткахъ, которыя могутъ окружать ее и совершенно завладѣть ею; а такимъ женщинамъ (если только принцъ поведетъ открытую жизнь) она предастся вся вполне. Онѣ заставятъ ее говорить все, что только имъ вздумается, а принцесса, къ несчастію своему, еще и черезчуръ болтлива.

— Въ ней есть достаточно и гордости, есть и умъ, но умъ болѣе поверхностный. Стоитъ только обласкать, полюбить ее, и у нея закружится голова. Принцъ долженъ повести себя такъ, чтобы она любила и боялась его. Однимъ словомъ, если онъ хочетъ, чтобы она не споткнулась, пусть держитъ ее на короткихъ возжахъ.

Принцесса Каролина, съ своей стороны, имѣла также частный разговоръ съ барономъ Мальмсбэри, при чемъ выказала себя дѣвухой скромной и неувѣренной къ себѣ. «Руководите мною», говорила она. И Мальмсбэри совѣтовалъ ей тутъ же, какъ лучшее средство, чтобы не попасть въ просакъ, говорить поменьше, въ особенности же прималчивать на первое время; совѣтовалъ ей также удаляться отъ политики, избѣгать вообще сплетенъ и стараться быть привѣтливою, безъ особенной впрочемъ фамильярности въ обращеніи.

Принцесса внимательно выслушала всѣ эти совѣты и дала слово слѣдно слѣдовать имъ.

При дворѣ въ одинъ вечеръ былъ балъ-маскерадъ. Мальмсбэри, прогуливаясь съ принцессою по заламъ, наблюдалъ за нею, и вы-

ждалъ только случая, чтобы видѣть, въ приличномъ мѣстѣ, въ разговорѣ своемъ съ ней, какое-нибудь назидательное слово. Онъ говорилъ съ мелодой невѣстой о церковномъ богослуженіи и о различныхъ религіозныхъ обрядахъ.

— Принцъ часто бываетъ въ церкви? спросила барона принцесса.

— Вы можете заставить его дѣлать это.

— Но если это ему не нравится?

— Въ такомъ случаѣ сначала вы будете ходить въ церковь одиѣ, а потомъ и онъ пойдетъ вмѣстѣ съ вами.

— Мнѣ кажется, что разговоръ этотъ черезчуръ уже серьезъ для бала, замѣтила подъ конецъ принцесса.

Но баронъ, желая постоянно сохранять торжественность своей роли, началъ высокопарно говорить о той чести, которая выпадаетъ ей на долю.

— Я хотѣла бы, милордъ, чтобы меня полюбилъ народъ.

— Вы успѣете въ этомъ, если будете показываться какъ можно рѣже, да и вообще говоря, подобное желаніе не больше какъ заблужденіе. Чувство любви развивается только въ тѣсномъ кружкѣ. Нація же можетъ только почитать и уважать свою принцессу, и вотъ это-то чувство, въ дѣйствительности, вовсе не къ мѣсту и принято называть любовью народа. Фамильярностью обращенія привлечь къ себѣ народъ нельзя; это чувство является въ націи при самомъ точномъ соблюденіи всѣхъ формальныхъ приличій и при постоянной заботѣ держать себя на высотѣ своего величія.

— Ахъ! отвѣтила ему холодно на это принцесса... Но, скажите же мнѣ, по крайней мѣрѣ, баронъ, кто изъ насъ двухъ скорѣе пожелалъ бы въ Галльскія принцессы, — я ли, или моя невѣстка?

Чувствуя всю неловкость такого вопроса, баронъ Мальмсбери, чтобы отучить принцессу впередъ отъ подобныхъ выходокъ, отвѣчалъ ей:

— Вы, принцесса, обладаете нѣкоторыми достоинствами, которыхъ не имѣетъ ваша невѣстка — красота, грація ваши... я не приписываю вамъ другихъ достоинствъ — такта, сдержанности въ тонѣ, такихъ достоинствъ, которыя со временемъ вы приобретете.

— Другими словами, этихъ достоинствъ у меня нѣтъ, баронъ?

— Вы ихъ можете легко имѣть.

— Но скажите, какимъ же образомъ это вышло, что у моей невѣстки, которая гораздо моложе меня годами, все это есть?

— Ее научилъ этому опытъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я не научусь ничему этому; я черезчуръ сообщительна и вѣтрена.

— Будьте осмотрительны, и, въпрямъ мнѣ, вы некрайность.

Бѣдная принцесса! Слушая педантическія выходы барона дипломата, — какимъ скучнымъ и беззастѣнчивымъ долженъ быть казаться ей бракъ!

Съ грустью на сердцѣ покинула свой домъ Каролина. Дорогою почтенный менторъ ея не покидалъ прежняго своего скучнаго тона: очень добрая по природѣ, Каролина раздавала дорогою милостыню; но какимъ образомъ? Раздавала ее, какъ какал-нибудь мѣщанка. Правда, все, что ни дѣлала она, все это происходило въ слѣдствіе движеній ея добраго сердца, но только безъ соблюденія достаточнаго достоинства и принятыхъ приличій: гдѣ англійскій министръ швырялъ десять фундировъ, тамъ принцесса дарила только по одному.

Баронъ не прощалъ ей ничего. Онъ даже выходилъ изъ себя и за то, что Каролина, въ забывчивости, обращалась къ своей женской прислугѣ съ эпитетами: «добрая моя, дорогая моя...»

Былъ и еще одинъ предлогъ къ досадованію: принцесса одѣвалась очень скоро. «Принцъ», говорилъ важный посланникъ, «высоко цѣнить заботы о чистотѣ». «На другой день», пишетъ очень серьезно баронъ Мальмсбэри, «когда принцесса вышла ко мнѣ, я замѣтилъ, что она была вымыта съ ногъ до головы».

Почитаемъ еще эти занимательныя «записки.»

У меня было два объясненія съ принцессою: одно касалось обхожденія и содержанія себя въ чистотѣ, другое — умѣнья выразиться. Я старался, сколько это въ силахъ человека, убѣдить ее въ необходимости постоянно заботиться о вѣсхъ принадлежностяхъ ея туалета, о тѣхъ принадлежностяхъ, которыя легко доступны постороннему глазу, и о тѣхъ, которыя скрыты: — я зналъ, что она носила флики изъ грубой матеріи, толстыя рубашки, нитяные чулки, и главное, все это душно вымытое и безъ частыхъ смѣнъ. Странно, какъ все это пренебрежно было при ея воспитаніи, и удивительно еще болѣе потому, что ея мать — англичанка. Былъ у насъ съ принцессою еще другой разговоръ: онъ касался той легкости, съ которою она говоритъ о герцогинѣ, своей матери, постоянно насмѣхаясь надъ нею, и не стѣняясь даже ея личнымъ присутствіемъ...

Она все понимаетъ, но она вѣтрена.

Такъ-то занималась для бѣдной принцессы заря будущей супружеской жизни. Не успѣла она пріѣхать въ Гринвичъ, какъ тутъ же была привѣтствована первою грубостію принца Галльскаго: при первомъ шагѣ ея на англійскую землю, женихъ, для встрѣчи своей невѣсты, выслалъ свою новую любовницу, Лэди Джерси. Лэди Джерси

си не проминула при цьому заставити еще прождати себя нѣсколко времени.

Пріѣхали наконецъ въ Лондонъ. Не, пусть баронъ Мальмсбори разскажетъ самъ о первой встрѣчѣ будущицъ супруговъ:

«Сображаясь съ правилами этикета, я представилъ ему (принцу Гальскому) принцессу Каролину. Кромѣ насъ въ комнатѣ не было никого. Она приготовилась уже, какъ я предупредилъ ее заранее, опуститься предъ нимъ на колѣна. Онъ остановилъ ее, поцѣловалъ и не успѣлъ потомъ сказать еще ни одного слова, какъ повернулся спиной, отошелъ въ уголъ комнаты и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Гаррисъ, я чувствую себя какъ-то не хорошо, будьте такъ добры, принесите мнѣ стаканъ воды.» Когда я возвратилъ: «Ваше высочество, не угодно ли будетъ вамъ выпить лучше стаканъ воды?» Онъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ отвѣчалъ мнѣ: «Не нужно, я пойду къ королю...» и вышелъ. Принцесса, оставшись со мною одна, съ изумленіемъ спросила меня: «Скажите мнѣ, ради Бога, неужели принцъ всегда такой? Онъ чересчуръ толстъ и вовсе не такъ хорошъ, какъ нарисованъ на портретѣ?» Я поспѣшилъ успокоить ее, что его высочество, вѣроятно, былъ взволнованъ первымъ свиданіемъ, но что за обѣдомъ она сама увидитъ его совершенно инымъ.»

За обѣдомъ принцесса напрасно искала случая отплатить принцу за обиду, нанесенную ей; она успѣла только козыгнуть леди Джерси. Последняя, хотя и не отвѣчала ей ничего, но съ этой самой минуты сдѣлалась заклятымъ ея врагомъ.

Первая брачная ночь была совершенно достойна церемоніи обрученія. Пробывъ въ спальнѣ нѣсколько часовъ, принцъ Гальскій повинуясь брачному ложу, не маскируя нисколько предъ окружающими ни своего гнѣва, ни своего отвращенія.

Трудно сказать что-нибудь положительное о тайнахъ этой ночи; замѣтить только должно, что носились потомъ слухи о состояніи совершеннаго опьяненія, о животныхъ порывахъ страсти, разсказывали также и о печальности открытія, — оскорбительнаго. Сцена перваго поцѣлуя позволяетъ впрочемъ сложить дѣйствительную вину разлуки, которая съ этой минуты должна была сдѣлаться вѣчною, на царственнаго дѣди...

Но, что бы тамъ ни случилось; не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что принцъ, вслѣдствіе обычныхъ возліаній, большую часть ночи провелъ не въ постелѣ, а на коврѣ.

Первымъ официальнымъ поводомъ, который избранъ былъ для открытаго разрыва, послужила прогулка у морскихъ береговъ. Во время этой поѣздки Каролина обращала особенное вниманіе на капитана Поля, командира той яхты, на которой она объѣзжала Ан-

глюю. Лэди Джерси успѣла заронить самыя уничижительныя подозрѣнія на счетъ обращенія принцессы, которое дѣйствительно можетъ быть и было не совсѣмъ благоразумно.

Между тѣмъ Каролина слѣдалась матерью. Она родила 7 января 1796 года, девять мѣсяцевъ спустя послѣ совершенія брака. Рожденіе принцессы Каролины-Шарлотты-Августы Галльской не могло скрѣпить союза, заключеннаго при такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Напротивъ, это самое событіе ускорило еще приведеніе въ исполненіе разъ задуманнаго плана окончательной, полной разлуки, на что теперь согласны были обѣ стороны.

Приводимая ниже переписка супруговъ указываетъ на тѣ формы и основанія, при которыхъ разлука эта произошла:

Виндворскій замокъ, 30 апрѣля 1796 г.

Лордъ Чольмондели передалъ мнѣ, что вы желаете, чтобы я письменно опредѣлилъ тѣ условія, при соблюденіи которыхъ мы должны жить вмѣстѣ; во вниманіе къ важности и значенію настоящаго предмета, я постараюсь выражаться какъ можно яснѣе и, сколько позволяеть внутреннее содержаніе предмета, постараюсь также облупить все приличіе. Мы не можемъ произвольно распорядиться нашими способностями, и ни вы, ни я не можемъ отвѣчать другъ передъ другомъ за то, что природа не создала насъ другъ для друга, но въ то же время мы властны устроить наши отношенія тихо и по нашему желанію. Ограничимся же подобнаго рода отношеніями, и я формально подпишу то обязательство, которое требуетъ вы отъ меня, при посредствѣ лэди Чольмондели, обязательство, по которому бы, въ случаѣ даже несчастія; могущаго постигнуть нашу дочь, — что да отвратить отъ нея Богъ, — я не преступала настоящихъ условій и не предлагала вамъ условія болѣе близкихъ отношеній. Я оканчиваю мое письмо, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пріятно, и остаюсь въ полномъ упованіи, что послѣ взаимныхъ нашихъ объясненій, остатокъ дней нашихъ потекутъ въ невозмутимой тишинѣ.

Георгъ

Принцесса на это письмо отвѣчала:

6 мая 1796 г.

Признаніе, сообщенное вами лорду Чольмондели, ни возмутило меня, ни оскорбило; оно служитъ только подтвержденіемъ того, о чемъ вы, съ годъ уже тому назадъ, намекали мнѣ. Но, послѣ всего этого, я поступила бы неделикатно, или даже была бы слаба до уничиженія, если бы стала жаловаться на тѣ условія, которыя вы мнѣ предлагаете. Скажу вамъ, что я даже не отвѣчала бы на ваше письмо, если бы оно не было написано въ такомъ духѣ, что обнаруживаетъ настоящаго виновника этихъ соглашеній; вы знаете впрочемъ, что вся честь этого принадлежитъ вамъ, вамъ однимъ.

Такъ какъ вы знаете, что это будетъ послѣднее письмо, которое я получу отъ васъ, то считаю себя обязанныю сообщить королю, моему государю и отцу, какъ ваше признаніе, такъ и мой отвѣтъ. Въ письмѣ къ вамъ вы найдете копію съ моего письма къ его величеству; я извѣщаю васъ объ этомъ для того, чтобы вы не вздумали еще обвинять меня въ желаніи поднять шумъ, меня, для которой единственныиъ заступникомъ, съ этой минуты, остается одинъ король. Его одобреніе будетъ для меня истиннымъ утѣшеніемъ. Я остаюсь искренно признательною вамъ за то, что, благодаря вамъ, какъ принцесса Галльская, я не нуждаюсь въ средствахъ, чтобы оказывать благотворенія. Съ настоящей минуты ко всѣмъ моимъ обязанностямъ прибавляется еще одна, новія — показывать собою образецъ терпѣнія и полной рѣшимости противустоять всѣмъ испытаніямъ. Будьте же справедливы ко мнѣ и дѣйте, что я вѣчно буду молиться о вашемъ счастьи и навсегда останусь преданнаа вамъ.

Каролина,

Немеленно вслѣдъ за этимъ принцесса Галльская переселилась въ Блэкъ-Гатъ, что въ Девонширѣ.

Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ проводила она тутъ жизнь въ совершенномъ уединеніи, и поведеніе ея было безупречно. Каролина отдалась вся воспитанію своей дочери и занятіямъ искусствами. Отъ времени до времени она появлялась и при дворѣ, но каждый разъ, когда случалось ей показываться тутъ, принцъ Галльскій постоянно старался избѣгать встрѣчъ съ нею.

Въ 1804 году, на счетъ принцессы пронеслись оскорбительные слухи. Въ свитѣ, окружавшей принца Галльского, стали поговаривать о безнравственномъ ея поведеніи, о близкихъ отношеніяхъ ея къ лорду Ирли. Одинъ изъ друзей принца, графъ Моире, допрашивалъ даже, по этому поводу, сторожа увеселительнаго дворца, Бельведера, но допросъ не раскрылъ ничего. Лазутчикъ разузналъ только, «что принцесса Каролина пріѣзжала сюда въ обществѣ нѣсколькихъ дамъ и какого-то джентльмена.»

Въ надеждѣ погубить принцессу, во всѣхъ этихъ преслѣдованіяхъ самое живое участіе принимала и не примириый врагъ ея — леди Джерси.

Только къ концу 1805 года, доброжелателямъ принцессы удалось начать судебное дѣло о безнравственномъ ея поведеніи.

Одна изъ придворныхъ дамъ, находившаяся прежде въ свитѣ принцессы, — леди Дугласъ, изъ мести къ Каролинѣ за то, что та удалила ее отъ себя, обвинила принцессу въ преступной связи съ адмираломъ Сидней Смитомъ, съ капитаномъ Монби. Леди Дугласъ показала между прочимъ, что еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1801 года въ

Блэк-Гитъ привезенъ былъ ребенокъ, Вильямъ Билли Остинъ, плодъ преступной любви принцессы.

Сэръ Джонъ Дугласъ и графъ Суссексъ, по порученію принца Галльскаго, довели объ этомъ до свѣдѣнія канцлера Турло и самаго короля. Теща принцессы открыто приняла сторону своего сына, и король принужденъ былъ разрѣшить формальное слѣдствіе.

Слѣдователями назначены были: лордъ канцлеръ, лордъ Гренвилль, лордъ Эрскинъ, лордъ Эдленборо и графъ Спенсеръ. Много свидѣтелей было допрошено, въ томъ числѣ и герцогъ Кентскій. Но обстоятельства, раскрытыя слѣдствіемъ, указывали, только на некоторую фамильярность въ обращеніи принцессы съ некоторыми лицами, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя было ставить въ вину покинутой принцессѣ. «Каролина гуляла съ такимъ-то, разговаривала съ такимъ-то, она получила въ подарокъ отъ сэра Сиднея Ситта картину, изображающую шатеръ Муратъ-Бей...»

А что касается до маленькаго Остина, то слѣдствіе раскрыло, что это ребенокъ Софіи Остинъ, прижитый ею съ какимъ-то Дентфортскимъ плотникомъ; сначала, въ іюль мѣсяцѣ 1801 года, ребенокъ этотъ отданъ былъ на воспитаніе въ госпиталь въ Браунло-Стри-тъ, а отсюда взятъ изъ состраданія Каролиною.

Слѣдственная коммисія и особо составленный совѣтъ, по внимательномъ обсужденіи обстоятельствъ, раскрытыхъ слѣдствіемъ, въ докладѣ своемъ изъяснили:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ доводимъ до свѣдѣнія вашего высочества, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы ребенокъ, находившійся при принцессѣ Галльской, былъ родной ея сынъ, а равно нѣтъ никакихъ также основаній думать, чтобы принцесса могла произвести на свѣтъ, втеченіе 1801 года, другого какого ребенка. Намъ кажется, что не существуетъ также никакого достаточнаго повода предполагать, чтобы принцесса могла быть беременною какъ втѣченіе означеннаго года, такъ вообще и во весь тотъ промежутокъ времени, въ который производилось слѣдствіе.

Мы признаемъ принцессу Галльскую невиною, и полагаемъ, что обвинители ея заслуживали бы самаго строгаго по законамъ преслѣдованія, если бы въ изобличеніяхъ своихъ они не руководились желаніемъ упроченія законнаго наследованія королевской короны и другими побужденіями, направленными соответственно интересамъ націи».

Послѣ всего этого, Каролина выталась-было снова показаться при дворѣ, но оскорбительный пріемъ, слѣданный ей партіей принца Галльскаго и ея тещи, убѣдилъ принцессу окончательно, что ея присутствіе здѣсь будетъ невыносимо, и она удалилась.

Такъ какъ слѣдствіе производилось въ тайнѣ, то и приговоръ ме-

инности прынцессы также не было объявлено; вслѣдствіе же со-
храненія такой таинственности скандалъ росъ во дня на день. Со-
рѣшникъ Каролины; Персичаль, убѣждалъ ее требовать гласности.
Смысля на его совѣты, принцесса написала къ своему тестю пись-
мо такого содержанія:

Ваше величество!

Прибѣгаю къ вамъ съ жалобою на исходъ, данный дѣлу по обви-
ненію меня.

Скрывъ результаты этого таинственнаго слѣдствія отъ суда публики
(обстоятельство, противорѣчащее правамъ каждаго гражданина, имѣю-
щаго счастье жить подъ покровомъ британской конституціи (лучшаго
достоянія народа англійскаго), въ противность смыслу и буквѣ закона,
я была суждена негласно; мнѣ не были даны очныя ставки; отъ меня
лично не было выслушано собственное мое оправданіе. Я не позволяю
себѣ думать, чтобы и въ этой странѣ, какъ это можетъ только слу-
читься гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, можно было также вертѣть по
произволу правосудіемъ.

Такъ какъ обвиненіе, взведенное на меня моими обличителями, ока-
залось ложнымъ, то я осмѣливаюсь просить ваше величество согласи-
ся на то по крайней мѣрѣ, чтобы всѣ подлинныя обстоятельства про-
цесса доведены были до общаго свѣдѣнія; такъ чтобы и нація явилась
моимъ судьей. Я была позорно обвинена передъ публикою, передъ
публикою же должна я и защищаться и доказать мою невинность.

Какъ милости, прошу у вашего величества повелѣть, чтобы всѣ
акты, относящіеся къ дѣлу, были опубликованы, безъ извѣтій, или же
дозволить мнѣ лично предстать передъ палатою лордовъ, съ тѣмъ, что-
бы выслушать оттуда или обвиненной, или оправданной, — по праву.

Я умоляю о дарованіи мнѣ права, которое въ равной степени при-
надлежитъ и самому послѣднему изъ гражданъ и принцу крови — быть
судимой своими равными.

Если я виновата — зачѣмъ скрывать мое преступленіе, зачѣмъ уде-
рживать мечъ, который виситъ надъ моей головою? Если же я невинна,
— зачѣмъ падать тѣхъ, которые допустились обвинить и погубить
меня? Достоинство страны требуетъ громкаго примѣра. Друзья моего
мужа, безъ сомнѣнія, желаютъ того же. Настоятельно требуетъ этого
и человѣческое достоинство и самое правосудіе.

На это письмо Георгъ III отвѣчалъ:

Я съ вами соглашаюсь, что лучший, можетъ быть, изъ всѣхъ
законовъ Великобританіи, — тотъ законъ, который предоставляетъ
оскорбленной женщинѣ право — предать гласности судебное прои-
водство дѣла, возбужденнаго по поводу ея поведенія. Въ особен-
ности, — это неоспоримое преимущество для частныхъ людей. Свобода
печати, дающая каждому гражданину право приносить свое дѣло на

судъ общества, несомненно, лучшее средство къ предупрежденію такихъ уврачеваній всякаго неблаговиднаго поступка; но въ дѣлѣ вашемъ существуютъ нѣкоторыя формальности, которыя также должны быть приняты во вниманіе.

Зачѣмъ желаете вы вызывать факты, одно обвиненіе въ которыхъ уже оскорбляетъ приличіе; тѣмъ болѣе, когда наконецъ я, принцъ, и мой совѣтъ, — признали за благо прикрыть ихъ покровомъ таинственности?

Вы требуете также формальнаго суда, но неужели для васъ недостаточно, что ваше поведеніе признано уже безупречнымъ, о чемъ и постановленіе особо-составленной комисіи вамъ было объявлено; совѣтъ же, разсматривавшій означенное постановленіе, не только утвердилъ его во всѣхъ частяхъ, но добавилъ еще, къ счастью, что въ поступкахъ вашихъ небыло ничего не только преступнаго, но даже неприличнаго (improper)?

Зачѣмъ же, послѣ всего этого, еще назначеніе формальнаго суда?

Что же относится до желанія, выраженнаго вами, чтобы подлинное производство слѣдствія было предано печати, — я прикажу удовлетворить ваше желаніе; подлинное дѣло будетъ напечатано, но въ количествѣ экземпляровъ по числу членовъ королевской фамилии и распространено исключительно между членами королевскаго семейства; затѣмъ я оставляю за собою право, въ случаѣ надобности, снова отобрать розданные экземпляры.

Каролина согласилась съ доводами своего тестя, но съ условіемъ, чтобы признаніе ея невинности было полное, чтобы ея преимущественно и права какъ королевы, такъ и матери были также признаны вполне. Принцъ Галльскій хотѣлъ-было воспротивиться этому, но принцесса припугнула его обнаруженіемъ подлиннаго производства дѣла. Печатное изданіе это, the Book, — какъ нарекли его еще до рожденія, — могло слѣзать странное впечатлѣніе на общество; при участіи Персиваля оно было пріостановлено; но, чтобы дать полное удовлетвореніе Каролинѣ, Георгъ III торжественно посѣтилъ ее въ Блэкъ-Гитъ; за королемъ, къ принцессѣ пріѣхали братья принца Галльскаго, въ сопровожденіи герцога Кемберлендскаго, одного изъ самыхъ горячихъ защитниковъ Каролины. Государственный совѣтъ, съ своей стороны, обнаружилъ признаніе невинности принцессы; и, послѣ всего этого, на шесть лѣтъ въ королевскомъ семействѣ снова водворилась тишина.

Тѣмъ временемъ, безуміе Георга III, до сихъ поръ временное, приняло такой характеръ, что участіе его въ дѣлахъ государственныхъ оказалось уже совершенно невозможнымъ, и принцъ Галльскій, перейдя на сторону тори, успѣлъ перезъ это достигнуть результата.

А вѣсть съ вѣтмъ началомъ и новымъ преслѣдованіемъ Каролины. Неудовлетворенная злоба выразилась теперь въ оскорбленіяхъ: принцессѣ запрещено было видѣться съ своею дочерью. Каролина протестовала противъ этихъ оскорбительныхъ для нея стѣсненій въ письмѣ, адресованномъ къ своему мужу, принцу-регенту, отъ 14 января 1812 года. Но письмо это, писанное новымъ секретаремъ принцессы, Брумомъ, два раза отсылалось къ ней нечитанное. Въ третій разъ, по необходимости, оно было принято по назначенію, и лондонскіе журналы, къ полнѣйшему вѣсхорбѣю всей партіи принца-регента, напечатали его на своихъ столбцахъ. Общественное мнѣніе высказалось въ пользу Каролины. По поводу этого письма и на счетъ обстоятельствъ предшествовавшаго сдѣланія снова обратился къ совѣту; — совѣтъ высказался опять въ пользу невѣнчанности принцессы Галльской, утвердивъ однако ограниченія относительно сношеній ея съ принцессою Шарлоттою.

Тогда Каролина обратилась къ speaker'у (президенту) нижней палаты объ опубликованіи подлинныхъ бумагъ ея дѣла, и съ просьбою о назначеніи формальнаго суда. Стараніями министерства выразившаго участіе къ удовлетворенію этихъ просьбъ было подавлено. The Book появилась. Партія регента, съ своей стороны, выдвинула впередъ сэра Джона и леди Шарлотту Дугласъ, которые были настолько безстыдны, что вызывались подтвердить передъ уголовнымъ судомъ истинность предыдущихъ своихъ обвиненій.

Когда, послѣ побѣдъ, одержанныхъ союзниками надъ французами, въ маѣ 1814 года, російскій императоръ и король прусскій посѣтили Лондонъ, королева-мать написала принцессѣ Галльской, чтобы она не являлась ко двору на томъ основаніи, что регентъ не можетъ съ нею встрѣчаться. Каролина отвесла тогда непосредственно къ регенту, спрашивая его о причинѣ исключенія ея; но на письмо отвѣта не было.

Однако упорное сопротивленіе, выказываемое принцессою, не на шутку безпокоило принца-регента; оно возстарѣвало противъ него общественное мнѣніе, пугало всѣ его расчеты въ дѣлахъ политики и тѣ планы, которые строилъ онъ, какъ отецъ. Политика всею это выразилось, когда онъ задумалъ вылавить вѣнужъ принцессу, дочь свою.

Воспитанная епископомъ эвстерскимъ, при непосредственномъ участіи вдовствующей герцогини Лидской и леди Клиффордъ, принцесса Шарлотта еще въ дѣтскіе годы высказывала твердость духа и рѣшимость характера непреклонную. Когда она достигла того возраста, въ который родители начинаютъ заботиться о выданіи дочери замужъ, принца-регента оставились на планѣ оставить ей

родственную партію и предназначилъ ее въ супруги принцу Францескому, наследнику голландскаго престола: Молодая принцесса, хотя и отдава уже свое сердце принцу, который въ послѣдствіи, шедъ именемъ Леопольда I-го, былъ королемъ бельгійскимъ, но, не желая идти наперекоръ своему отцу, согласилась на партію, предложенную ей; только въ приглашенномъ спискѣ, составленномъ ею, или лицъ, которыя должны были присутствовать при церемоніи бракосочетанія, она впереди всѣхъ именъ написала имя своей матери. Нефреломый Георгъ возвратилъ этотъ списокъ, вычеркнувъ изъ него имя Каролины, своей жены. Тогда Шарлотта, съ своей стороны, послала къ отцу новый списокъ: въ немъ она также вычеркнула одно имя — своего будущаго супруга.

Въ такомъ положеніи была дѣла, когда 25 іюля 1814 года Каролина написала принцу-регенту письмо; въ немъ она высказывала ему всѣ оскорбленія, которыя претерпѣла отъ него, и увѣдомляла, что рѣшается покинуть Англію и посѣтить Брауншвейгъ, а отсюда отправиться въ далекое путешествіе; изъ опредѣленнаго ей парламентомъ содержанія, какъ принцессѣ Галльской, въ 50,000 ф. ст., она желала получать только 35,000; Принцъ-регентъ, не задолго до этого предлагавшій парламенту сократить выдаваемое принцессѣ содержаніе до 12,000 ф. ст., поспѣшилъ теперь согласиться икупить себѣ такимъ образомъ отсутствіе своей жены.

Вскорѣ за этимъ Каролина уѣхала подъ именемъ графини Вольфенбуittelъ.

Въ Брауншвейгѣ она была только прѣздомъ, и отправилась отсюда сначала въ Швейцарію, а потомъ въ Италію, Грецію, Турцію, Палестину, Тунисъ; на возвратномъ пути принцесса посѣдила, на берегахъ Комо, — въ «Незаро» и въ виллѣ «д'Есте», гдѣ бывала иномремѣнно. Сначала, къ окружавшей ее святѣ, были лица, принадлежавшія къ англійскому дворянству: леди Шарлотта Линдсей, леди Елизаветъ Форбсъ, Сонъ-Леже, Вильямъ Желль, сэръ Кеппелъ Кровенъ, капитанъ Гессъ, докторъ Толлендъ, всѣ эти лица, впрочемъ, въ весьма короткое время и подъ равными предлогами оставили Каролину, и тогда нитать ея составлялась исключительно изъ итальянскихъ уроженцевъ.

Въ продолженіи пяти лѣтъ, все время, которое провела она въ путешествіи, о ней не было почти ничего слышно. Впослѣдствіи только стало извѣстнымъ, что въ началѣ ея принята была съ особымъ почетомъ инаполитанскимъ королемъ, Мюратомъ.

Вражда принца Галльскаго преслѣдовала, однако, принцессу даже и въ ея добровольномъ изгнаніи: Когда умерла принцесса Шарлотта, одѣвавшаяся впоследствии герцогиней Саксонъ-Кобургъ-

своей) — принцъ ретентъ не удостоилъ ее даже и уведомленіемъ объ этой потерѣ. Случайно также узнала она и о смерти тестя своего, короля Георга III, послѣдовавшей 29 января 1820 года.

Вступленіе принца Галльскаго на престолъ англійскій, подержимое именемъ Георга IV, — суммо для Каролины новыя бѣды: 12 февраля 1820 года особымъ распоряженіемъ совѣта постановлено было, во время литургіи, на эктеніяхъ, произносить для пошнвоенія только имя одного короля, тогда какъ прежде, на тѣхъ же эктеніяхъ, поминались имена: короля, королевы, принца и принцессы Галльскаго.

Каролина, получивъ вѣстие объ этомъ, тотчасъ написала къ министру, графу Ливерпулю. Въ письмѣ своемъ она жадовалась на оскорбительное опущеніе ея имени и извѣщала, что, для восстановленія своихъ правъ королевы, лично прибудетъ въ Лондонъ, Вѣдь торжествовали; торжества королевы самымъ позорнымъ процессомъ, если только она позволитъ себѣ вступить на англійскую землю.

Георгъ IV давно уже наблюдалъ за Каролиной. Въ полной увѣренности, что преданіе ея можетъ доставить ему достаточныя основанія къ самымъ тяжкимъ обвиненіямъ, онъ во время продолжительнаго ея путешествія окружилъ ее шпионами. Лордъ Стюартъ и баронъ д'Омтеда, бывший посланникъ въ Вѣнѣ со стороны вестфальскаго короля, Жерома Бонапарте, образовали въ Миланѣ цѣлую секретную комиссію, на обязанностяхъ которой лежало собираніе уликъ и доказательствъ въ неприличныхъ связяхъ королевы.

Два мѣсяца переписывалась королева, при посредствѣ Брума, съ министерствомъ, но сношенія эти не привели рѣшительно ни къ чему, и вотъ, въ послѣднихъ числахъ мая 1820 года, совершенно неожиданно, Каролина пріѣзжаетъ во Францію.

До сихъ поръ въ дѣйствіяхъ ея замѣтна была какая-то нерѣшительность; она еще колебалась и переѣзжала Францію не торопясь, медленно; но вдругъ, въ Монбардѣ, между Дижономъ и Парижемъ, она встрѣчаетъ александра Вуда. По политическимъ своимъ убѣжденіямъ принадлежа къ оппозиціи, чловѣкъ горячій, страстный къ популярности, — Вудъ, заранѣе увѣренный, что королева слѣдуютъ идолу низшаго класса народа, предложилъ Каролинѣ свой совѣтъ и помощь. Онъ убѣдилъ ее поспѣшить, какъ возможно скорѣе, въ Каролина пожелала.

Убѣжденная, что ее зоветъ въ Англію голосъ народа, она быстро промчалась черезъ Парижъ и поспѣшила въ «Сентъ-Омеръ». Здѣсь она встрѣтила Брума.

Генри Брумъ, официальный совѣтникъ королевы, члѣнокъ еще молодой, честолюбивый, обладавшій обширными познаніями и блестящимъ краснорѣчіемъ, — пользовался уже особенной репутаціей въ партіи вигговъ, а блистательное краснорѣчіе, съ которымъ онъ защищалъ демагога Гонта (Hunt), отвело ему почетное мѣсто въ корпораціи англійскихъ адвокатовъ. Съ 1810 года онъ занималъ мѣсто въ парламентѣ.

Брумъ, еще въ 1814 году, не одобрялъ добровольнаго изгнанія Каролины; въ Сентъ-Омерѣ онъ далъ понять королевы, что лордъ Ливерпуль согласится на большія уступки, только чтобы отклонить пріѣздъ и пребываніе ея въ Лондонѣ. Но онъ ни слова не упомянулъ о томъ секретномъ предложеніи, которое дѣлалъ министръ — увеличить ежегодное содержаніе королевы до 50,000 фунт. стерл.: въ случаѣ, если она согласится не пріѣзжать; при чемъ Каролина должна была обязаться постоянно оставаться за границей и не именовать себя никогда титуломъ королевы или другимъ какимъ-нибудь титуломъ, присвоеннымъ англійскому королевскому семейству. Сообщеніе этихъ предложеній Каролинѣ поручено было лорду Готчипсону. Королева отвергла ихъ съ презрѣніемъ и 3 іюня 1820 года отплыла на англійскомъ пакетботѣ «Принцъ Леопольдъ».

4 іюня пакетботъ входилъ уже въ Дуврскую гавань, съ развѣвающимся королевскимъ флагомъ и привѣтствуемый съ берега выстрѣлами съ баттарей. Народъ привѣтствовалъ также королеву шумными криками. Тотъ же пріемъ встрѣчалъ ее вездѣ, гдѣ только она ни проѣзжала. Не было города, не было мѣстечка, которые не подносили бы ей привѣтственныхъ адресовъ, самыхъ почтительныхъ, исполненныхъ энтузіазма.

Въ Лондонѣ, министерство знало и о возвратномъ путешествіи и о томъ пріемѣ, который дѣлалъ королевы народъ. Министерство думало остановить триумфальное шествіе это, приведа въ исполненіе прежнія свои угрозы, и 6 іюня, въ пять часовъ вечера, внесено было королевское предложеніе, — въ палату лордовъ, лордомъ Ливерпулемъ, а въ въ нижнюю палату лордомъ Кастельри; на столѣ (bureau) палаты коммоверовъ былъ положенъ и зеленый мѣшокъ съ хранившимися въ немъ обличительными документами. Королевскимъ предложеніемъ королева обвинялась официально въ неопозволительныхъ связяхъ.

Для разсмотрѣнія документовъ, лордъ Ливерпуль предложилъ образовать особый, тайный комитетъ изъ пятнадцати членовъ.

— Въ заключеніе же всего, милорды, сказала онъ, вида смущеніе, написанное на лицахъ многихъ, — преступленіе противъ су-

вражеской вѣрности, совершонное въѣз въ страну съ иностранцами, экипками принимается только за обиду.

Этими словами онъ хотѣлъ сказать, что настоящее обвиненіе, не заключающа въ себѣ характера обвиненія въ уголовномъ преступленіи, не влечетъ за собою наказанія смертною казнью.

Королева между тѣмъ приближалась. Лондонъ, въ самое короткое время, приготовилъ для нея торжественный приемъ, который сторонники Каролины сравнивали съ церемоніей, устроенной для встрѣчи союзныхъ государей, а враги ея съ той грозной процессіей, которая провожала Гонта и его послѣдователей. Народъ хотѣлъ распрячь лошадей и на себѣ везти ея экипажъ. Поравнявшись съ Карльтонъ-Гоузомъ, резиденціей короля, торжественный поѣздъ остановился и народъ три раза страшно прокричалъ (groanes). Королева остановилась у альдермана Вуда. Къ ночи, по всему городу зажглась иллюминація, и толпы народа, съ шумомъ и крикомъ расхаживая по улицамъ, наблюдали, чтобы энтузіазмъ былъ общій и разливался вездѣ въ струякъ свѣта изъ оконъ домовъ.

Между тѣмъ палата лордовъ преобразовалась въ тайный комитетъ.

Хотя о примиреніи нельзя было и думать, однако рѣшились сдѣлать нѣкоторыя попытки: королевѣ официально предложены были тѣ самыя условія, которыя передавалъ уже ей лордъ Годичи, сынъ. Она отвѣчала, что поручить разсмотрѣніе этихъ предложеній двумъ своимъ совѣтникамъ, — Бруму и Девману. Посредниками съ своей стороны король избралъ герцога Веллингтона и лорда Кастельри.

Каролина оставалась непреклонною на пунктѣ литургіи, отъ чего не хотѣла также никакъ отказаться и противная сторона.

Борьба была неизбежна. 22 числа лорды рѣшились еще на одну вѣру: депутація ихъ, составленная изъ четырехъ членовъ, представила королевѣ самую почтительную петицію отъ верхней палаты. Въ этой петиціи члены палаты совѣтовали королевѣ не оставаться на пунктѣ литургіи; самую петицію депутація вручила королевѣ, опустившись на колѣна.

Толпа народа, провожавшая депутатовъ на пути оскорбительными криками, въ то время, какъ происходило самое совѣщаніе, громко кричала; «Ваше величество, не отказывайтесь отъ своихъ правъ!». Страшныя возгласы «ура!» раздались, когда узнали, что королева не отступаетъ. «Да здравствуетъ въ величество!» «Да здравствуетъ величина!» гласила толпа, и скоро часть этой же самой толпы отдѣлившись, устремилась къ Карльтонъ-Гоузу; бро-

женские камни громко застучали въ окна двора, и одна только военная стража спасла его.

Съ этого же дня Каролина весьма благоразумно удалилась отъ близкаго сосѣдства съ королевской резиденціей и поселилась въ Бранленбургъ-Гоузь.

28 числа лорды приступили къ разсмотрѣнію переданныхъ имъ документовъ. Что касается до палаты коммоверовъ, то члены ея приняли въ руководство одно предложеніе короля и отказались раскрывать зеленый мѣшокъ!

29 іюня, лордъ Ливерпуль прочелъ слѣдующій билль, извѣстный подъ именемъ билля «о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (bill of pains and penalties).

Принимая во вниманіе, что въ 1814 году ея величество Каролина-Марія-Елисавета, въ то время только принцесса Галльская, а члнъ королева-супруга Англійская, въ бытность свою въ Миланѣ, приняла къ себѣ въ услуженіе нѣкогого Варолама Бергами или Пергамн, иностранца самаго низкаго происхожденія, занимающагося отравленіемъ лавейской лоджикости;

принимая во вниманіе, что по поступленіи означеннаго Бергами на службу къ ея величеству, у нихъ возникла унижительная тайная связь, и что ея величество доставила означенному Бергами, не только высокое мѣсто въ своемъ домѣ и вступила съ нимъ въ самыя близкія отношенія, но оказывала еще ему самыя разнообразныя знаки своего благоволенія и отличія, предоставлявъ ему права дворянства и почетныя титулы, и пожаловавъ кавалеромъ почетнаго ордена, каковой орденъ сама и установила, не имѣя на то никакого права и власти;

принимая во вниманіе, что ея величество, забывая совершенно свой санъ и свои обязанности предъ вашимъ величествомъ, въ бытность свою въ разныхъ иноземныхъ странахъ, обращалась съ означеннымъ Бергами, и публично, и у себя въ домѣ, самымъ постыднымъ и свободнымъ образомъ;

наконецъ, принимая во вниманіе, что ея величество находилась съ означеннымъ Бергами въ унижительныхъ, близкихъ сношеніяхъ (disgraceful and adulterous intercourse), спонсировавъ, которыя поддерживались во все время нахождения ея заграницею, къ стыду и поношенію королевскаго семейства и цѣлой страны;

желая высказать наше убѣжденіе, что такимъ постыднымъ, безчестнымъ, порочнымъ поведеніемъ ея величество нарушила свои обязанности въ отношеніи къ вашему величеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабилась недостойною носить высокое званіе королевы-супруги этого королевства; желая выразить справедливое уваженіе къ достоинству короны и къ чести націи;

мы, покорнѣйшіе и вернѣйшіе подданные нашего величества, лорды духовные и свѣтскіе, а равно и депутаты отъ общины, мы, во

парламентъ... просили ваше величество приказать согласно тому, что сказано выше:

да будетъ поведенъ вашими королевскимъ величествомъ, по выраженному мнѣнію и съ согласіемъ лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ и депутатовъ отъ общинъ, входящихъ въ составъ нынѣ собраннаго парламента, и по власти имъ предоставленной, чтобы ея величество Каролина-Амалия-Елисавета, коль скоро предлагаемый нынѣ актъ будетъ закономъ признанъ, была лишена титула королевы, а также всѣхъ правъ, привилегій, преимуществъ, именованій принадлежавшихъ ей, какъ королевы-супруги всего королевства; да будетъ она признана несобственною цолевницею всѣми означенными правами и преимуществами; да будетъ, въ силу названнаго акта, расторженъ вѣчный бракъ заключенный вашими величествомъ съ вышедшею Каролиной-Амалией-Елисаветой, совершенно уничтоженъ и признанъ недействительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и въ зависимости отъ сопряженныхъ вѣстѣ съ тѣмъ послѣдствій.

Предложеніе этого билля было сѣброй весьма важной и должно было дать аблау совершенно иное направленіе, чѣмъ то, по которому бы сѣдѣвалъ процессъ въ случаѣ, если бы производился обыкновеннымъ образомъ — обвинительнымъ жюриомъ (jurymen). Въ послѣдствіи случаѣ достаточно бы было предложеніе одной нижней палаты; между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ, обличеніе, изложенныя въ биллѣ, подвергали сужденію обѣихъ палатъ, и приговореніе верхней палаты должно было поступить въ высшее палану.

Представленіе доказательствъ назначено было на 17-е августа.

Совѣтниками королевы были: Брунъ, Демавъ, докторъ Лушингтонъ, Джонъ Вильямсъ, Тиндаль и Виллие.

Каролина, вопреки принятому порядку, не была поставлена въ извѣстность относительно извѣдываемаго на нее обвиненія и ей не было даже сообщено списка обвинителей, которые покранными шляпками должны были подкрѣпить тѣ обвиненія.

17-го августа 1820 года, генералъ-прокуроръ (general-attorney), сэръ Самуэль Шингардъ, представилъ обвинительный актъ, который въ главнѣйшихъ чертахъ представлялъ слѣдующія основанія:

Королева Каролина, покинувъ Англію, въ 1814 году, по собственному своему побужденію и не призывая ей близко извѣстнаго, а не такъ, какъ утверждали то иждиверы, будто бы противъ нея, въ Венеціи, ея супруга, очутившись опечалена въ Брауншвейгѣ, а оттуда въ Италію.

Придворный штатъ ея, при самомъ отправленіи изъ Англіи, былъ составленъ, прилично высокому ея званію, «изъ лица, при-

належащих къ высшему классу общества, къ почетнѣйшимъ семействамъ въ королевствѣ.» Всѣ лица, отправившіяся съ принцессою, за исключеніемъ только одного Сентъ-Леже, послѣдовали за нею въ Миланъ.

Не прошло и двухъ недѣль со времени прибытія сюда королевы, она приняла къ себѣ на службу, для занятія должности курьера, слуги, джюкго Бергама.

Побывавъ сперва въ Римѣ, ея величество, отправилась затѣмъ въ Неаполь. Здѣсь, съ перваго же дня пребыванія своего, королева сдѣлала распоряженіе, чтобы ребенокъ, Вильямъ Остинъ, не ночевалъ болѣе въ одной съ нею комнатѣ, какъ то было заведено прежде, и предложила къ тому выставляла, что по возрасту его, это уже не прилично.

Однажды вечеромъ, королева, возвратясь изъ оперы, какъ то замѣчено было одною изъ ея служанокъ, была сильно взволнована; ея величество приказала въ комнатѣ, смежной съ ея спальней и непосредственно сообщавшейся съ послѣдней, приготовить особую постель. Всѣ подумали сначала, что эта постель предназначалась для маленькаго Остина; но оказалось, что здѣсь помѣстился Бергамъ. Служанка, обыкновенно раздѣвавшая королеву, въ этотъ вечеръ была удалена, что крайне ее удивило. На утро же служанка эта пришла еще въ большее изумленіе, когда замѣтила, что постель ея величества оставалась въ томъ самомъ видѣ, какъ была приготовлена съ вечера; между тѣмъ, постель Бергама носила на себѣ несомнѣнные слѣды, что на ней спали двое.

Это уже одно обстоятельство; взятое отлѣвко отъ другихъ — говорить сэръ Самюэль Шипердъ — можетъ служить для явора достаточной уликою въ совершеніи прелюбодѣлаіа...

Въ саомомъ началѣ связи, Бергамъ, хитро исполнивъ обязанности простого слуги, прислушивая за столомъ королевы, и продолжалъ отправлять должность курьера во время ея путешествій; но тѣмъ не менѣе, слуги стали замѣчать самыя непристойныя близкія отношенія между ними; Бергамъ автракалъ одинъ на одинъ съ королевою въ ея спальнѣ; они прогуливались, рука объ руку, на террасѣ. Однажды ея величество, устроивъ для неаполитанскаго корабля на для столичныхъ жителей, великолѣпный, маскированный балъ, явилась на немъ въ различныя костюмахи, въ такія костюмахи, которыя совершенно неприличны для женщины, и при этомъ, каждый разъ, какъ ей приходилось перемѣняться, она удалялась въ уборную, въ сопровожденіи одного только Бергама. Другой разъ еще болѣе положительна. Однажды, Бергамъ, получивъ ушибъ въ ногу, лежалъ болѣе; по его просьбѣ, для

улаживанья за нимъ, была, доужденъ, одинадцать его друзей. Этотъ пріятель, занимавшій комнату смежную съ той, въ которой помѣщался Бергами, нѣсколько разъ слышалъ, какъ къ Бергаму, въ комнату пробиралась королева въ то время, когда бываю всѣ въ домѣ, уже улягутся; наостричь уши, тотъ же самый пріятель действительно слышалъ нѣсколько разъ звуки, которые могли происходить только отъ поцѣлуевъ.

Начиная съ ноября мѣсяца и до марта—продолжалъ обвинительный актъ—тайная связь дѣлалась все интимнѣе. Во время прогулокъ королева рѣдко показывалась въ обществѣ англійскихъ дамъ, которыя ея окружали. Однажды, она явилась въ театрѣ Санъ-Карло, на публичный маскарадъ, въ такомъ неприличномъ костюмѣ, что публика стала ругаться надъ нею, и она принуждена была удалиться.

Изъ Неаполя королева поѣхала въ Римъ, Чивиту-Векцію, Сетью. На фрегатѣ «Клоринда», гдѣ капитаномъ былъ Пинелли, по распоряженію королевы, Бергами обѣдалъ за ея столомъ; тоже самое повторилось и въ Генуѣ, Бергами сопровождалъ ее при прогулкахъ, и скоро, мало-по-малу, началъ совершенно уклоняться отъ исправленія лакейской должности. Онъ помѣстилъ также въ домъ собственную свою дочь, Викторину, которой могло быть два или три года. Королева должна была знать, что Бергами женатъ. Свидѣтели подтверждаютъ, что въ генуэзскихъ гостиницахъ, по распоряженію королевы, Бергами постоянно занималъ комнату, сообщавшуюся съ ея комнатою; что служанки, каждое утро, находили постель королевы не тронутою, тогда какъ постель Бергами, носила несомнѣнные слѣды, что на ней спали двое.

Въ Миланѣ, королева, совершенно покинутая англичанками, которые составляли ея свиту, въ концѣ мая 1815 года, взяла къ себѣ въ домъ и помѣстила у себя за обѣденнымъ столомъ, въ канцеляршій статскій кабинетъ, какую-то графиню Ольди, сестру Бергами, а послѣдній все еще продолжалъ оставаться курьеромъ. О томъ, что графиня Ольди — сестра Бергами, никто изъ служителей не зналъ.

По прибытіи въ Веноцію, королева еще болѣе упала въ глазахъ лицъ, окружавшихъ ее.

Однажды, послѣ обѣда, когда всѣ слуги уже удалились, служанка гостиницы видѣла, какъ королева, передавая Бергами золотую цѣпь, сама надѣвала ее ему на шею. Бергами, снявъ эту цѣпь, игралъ, надѣвая на шею королевы, а королева, снова надѣвала ее на шею Бергами.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1815 года, королева отправилась на Сентъ-Готтардъ; въ Варезѣ, отобѣдивъ въ гостиницѣ, она ушла съ Бергами въ спальню, гдѣ и оставались вмѣстѣ съ нимъ очень долго.

На Борфмейкхъ отпротавъ, который королева имѣла уже случай прежде посетить, на возвратномъ пути своемъ изъ Германіи, она остановилась въ той самой гостиницѣ, гдѣ была и прежде, но не захотѣла только занять ту самую комнату, которая служила ей въ первый разъ, потому что комната эта не свободилась ни съ одной, и королева выбрала теперь для себя помѣщеніе, пріятнѣе, торжественнѣе по убранству, но за то представлявшее послѣднее удобство.

Въ Беллинтопъ королева стала садить за обшій столъ Бергамн, который занималъ здѣсь мѣсто одѣтый курьеромъ.

Только въ ноябрѣ 1818, въ бытность свою въ «Вилла д'Есте», на Комскомъ озерѣ; Каролина, чтобы сохранить сколько-нибудь приличіе, рѣшилась возвести Бергамн въ званіе камергера; и, начиная съ этихъ поръ, она уже постоянно занимала мѣсто за ея обѣденнымъ столомъ.

Въ ноябрѣ 1818 года, королева отправилась на фрегатѣ «Леврач ванъ» въ Спецалю. Для двухъ ея служанокъ были назначены многа; смежныя съ ея каютой; но Каролина отдала первую Бергамн.

Въ Мессинѣ комната королеви отдѣлилась отъ комнаты, которую занималъ Бергамн; комнатой графини Охльи. Одна изъ служанокъ утверждаетъ, что она часто видѣла королеву, когда та переходила черезъ комнату графини, какъ-бы возвращалась отъ Бергамн. Часто королева очень рано удалялась къ себѣ въ спальню и не три обывала къ себѣ ни одной служанки; чтобы раздѣться! Случалось также часто, что безъ всякаго видимаго повода она заиралась у себя въ комнату, и вои думая, что она дѣлаетъ это для того только, чтобы оставаться вблизи съ Бергамн, съ которымъ теперь уже любячно обращалась самымъ интимнымъ образомъ, называя его «другъ мой», а иногда «сердце мое».

6-го января 1816 года, королева имѣла на фрегатѣ «Кибриадъ», на томъ самомъ фрегатѣ, на которомъ уже совершила путешествіе нѣсколько раньше.

Капитанъ Пиччелъ, командовавшій и теперь этимъ фрегатомъ, просилъ ея величество, чтобы она избавила его отъ стѣны слѣдить за столомъ рядомъ съ человекомъ, котораго она такъ велико еще знала слугою.

Королева, не побоявшись нѣсколько стимъ предложеній, ограничилась только тѣмъ, что отказалась отъ обиднаго стола и распорядилась, чтобы ей вмѣстѣ съ Бергамн подавали обѣдать отдѣльно.

Въ Сиракузахъ то же распределеніе комнатъ. А въ Катанѣ случилось однажды такъ, что горничная, не слышавъ дѣлюю ночью; въ

дней, пока щелчку затворилась дверь, ведущая изъ кабинета Бергамини, и оттуда вышла королева: она была раздета и несла въ рукахъ подушку.

Здѣсь же, въ Катанѣ, королева приобрѣла для Бергамини титулъ Мальтійскаго кавалера, а нѣсколько времени спустя, въ августѣ, — титулъ барона Франчини де-ла Франчина. Въ томъ и другомъ городѣ она снимала нѣсколько разъ портреты съ себя и съ Бергамини, и этики портреты они постоянно мѣнялись между собою. На одномъ изъ этихъ портретовъ, королева изображена была «Магдалиною»; большая часть тѣла была обнажена; на другомъ портретѣ она изображала себя и Бергамини въ Турецкомъ костюмѣ.

На суднѣ, на которомъ королева вѣхала въ Туницъ, чтобы идти въ собственную спальню она должна была непременно переходить черезъ комнату Бергамини.

Здѣсь же, Бергамини позволялъ себѣ совершенно свободно входить въ комнату королевы, даже и тогда, когда та была еще въ постели.

12 апрѣля 1816 года королева почуетъ въ Савонѣ. Тутъ, — по содержанію обвинительнаго акта, — происходятъ событія, которыя еще болѣе убѣждаютъ въ совершеннѣ прелюбоудѣніи: въ комнатѣ Бергамини не было постели, за то въ спальнѣ королевы была очень большая кровать. И такъ какъ щелчку затворенно было, что на этой кровати спали двое, то несомненно, что королева ночевала съ Бергамини.

Въ Іерусалимѣ королева наименовала Бергамини кавалеромъ ордена «Святаго Гроба»; здѣсь же она установила новый орденъ, который назвала орденомъ святыхъ Каролины-Іерусалимской; послѣднимъ орденомъ она пожаловала нѣсколькимъ членамъ своихъ слугъ, а Бергамини наименовала командоромъ.

Во время переезда изъ Іерусалима въ Яфу, королева, по случаю чрезмѣрной жары, отказывается проводить ночь въ своей спальнѣ, и приказываетъ разбить себѣ палатку на палубѣ. Тутъ стоитъ ея кровать, а возлѣ, ничѣмъ не огороженная, возмѣщается кровать Бергамини: такъимъ образомъ, проводятъ они одну ночь до самаго возвращенія, прибытія въ Италію. Во время этого же переезда королева нѣсте беретъ ванны, при которыхъ ей прислуживаетъ одинъ только Бергамини.

24 августа, въ деревнѣ Варвино, супруга Бергамини, она была еще въ шербѣ.

Королева устраиваетъ на суднѣ великолѣпный праздникъ, на которомъ всѣ занимать нѣмъ за ея дворецъ и дворецъ Бергамини.

По возвращеніи въ «Вилла-д'Есте», родной братъ Бергамини назначается префектомъ дворца; а его мать, на будущее время, должна именоваться г-жей де-Ливрїи. Въ «Вилла-д'Есте» часто устраиваются домашніе спектакли, и на нихъ королева занимаетъ такія роли, въ которыхъ Бергамини является постоянно ея любовникомъ.

Случилось однажды курьеру, который отправляеть быть Бергамини въ Миланъ, возвратиться уже поздно ночью; и такъ какъ онъ не нашолъ никого, кто могъ бы доложить о немъ, то курьеръ этотъ и разсудилъ самъ отправиться въ комнату къ Бергамини. Здѣсь однако онъ не засталъ его, и только уже нѣсколько времени спустя, увидѣвъ, какъ изъ спальни королевы вышелъ Бергамини; на немъ были надѣты одиѣ халатъ. Бергамини, сознавая необходимость найти какую-нибудь приличную отговорку, сказалъ курьеру, что, заслышавъ въ спальнѣ королевы плачь своей маленькой дочери, онъ долженъ былъ пойти туда, чтобы унять малютку. Однако Бергамини приказывалъ курьеру не разсказывать объ этомъ никому.

Вскорѣ для Бергамини королева покупаетъ въ окрестностяхъ Милана участокъ земли съ выстроеннымъ на немъ домомъ и лачъ этой даетъ имя «Вилла Бергамини» или «ла Баронца». — Домъ этотъ, въ маршавалъ 1817 года, дѣлается театромъ «самыхъ омерзительныхъ сценъ...»

Впоследствии королева отправилась путешествовать по Тиролю.

Случилось однажды, что Бергамини поѣхалъ въ Инсбрукъ, и такъ какъ онъ не долженъ былъ возвратиться въ тотъ же самый день, то Каролина распорядилась, чтобы въ ея комнатѣ ночевала одна изъ горничныхъ; но Бергамини, среди ночи вѣривавъ казалъ, изманился прямо въ спальню королевы, и ея величество, отославъ свою горничную, осталась съ нимъ.

Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Карлсруэ, королева останавливалась въ гостиницѣ и желала непремѣнно занять рѣчь для себя и для Бергамини комнаты, которымъ бы сообщались между собою. На вѣрнопой день поутру горничная, войдя въ комнату Бергамини съ вѣткой, ярилась въ смущеніе, увидѣвши королеву, сидѣвшую на стулѣ своего вѣтреника, и обвивавшую одной рукою сплешетъ.

Обвинительный актъ генеральный прокуроръ заключилъ тѣмъ, что до связи съ Бергамини королева постоянно заботилась о должномъ сохраненіи достоинства принцессы англійской и протестантской; что она постоянно посѣщала англиканскую церковь; современн же тѣсной связи съ Бергамини открыто начала посѣщать вмѣстѣ съ послѣднимъ католическія церкви и присутствовала во время совершенія богослуженія въ нихъ, оустаетъ на колѣна, лобъ Бергамини.

«Этот закон», говорилъ саръ Самуель Шипертъ, до вступленія моего въ службу къ королевѣ былъ человекъ бѣжъ всѣмихъ средствъ, но скоро, до вступленія на службу, сталъ выказывать самре бѣзсмысленное богатство... Онъ пристроилъ волея себя, полъ разными предложениями, свою мать, брата, сестру, дочь, двоюродныхъ сестеръ, словомъ, цѣлое свое семейство, за исключеніемъ — жены.

Во время чтенія этого обвинительнаго акта, выраженіе общественаго негодованія постоянно росло. Толпы народа, тысячь въ десять, съ угрозами толпились улицамъ Лондона, восхваляя королеву и оскорбляя короля. Всѣ города королевства посылали къ Каролинѣ адресы, которыми желали поддержать бодрость ея духа въ борьбѣ. Появились даже написанныя черезчуръ жаркими сторонниками королевы, печатныя брошюры, въ которыхъ старались оспаривать въ пользу королевы права короля на Англійскій престолъ...

11 сентября приступлено было къ выслушанію свидѣтельскихъ показаній.

Первымъ изъ свидѣтелей-обвинителей говорилъ *Майоци (Теодоръ)*, родомъ изъ Соланди, что возлѣ Лоды.

Лишь только произнесено было имя Майоци, обвиненная вскричала: *Какъ! Теодоръ!*.. и вслѣдъ затѣмъ, поднявшись съ своего мѣста, удалась въ особую комнату, отведенную для нея. Постыждокъ этого Каролина объяснила въ послѣдствіи своимъ друзьямъ тѣмъ, что она не могла вынести неблагодарности человека, котораго осмѣляла благодарностями.

Въ 1813 и 1814 годахъ показывалъ Майоци, — я видѣлъ Бергаму слугою у генерала Лино; въ то время, живя въ свремѣ распоряженія только одно жилище, простиравшееся до трехъ мѣрианскихъ лавровъ въ сутки, Бергама былъ скорѣе бѣднѣе, нѣмъ богаты. Въ концѣ 1814 года онъ, Майоци, свидѣлся съ Бергамой въ Неаполѣ, когда Бергама былъ курьеромъ яди, конвоирующимъ у ея величества, а въ началѣ 1815 года я онъ самъ, Майоци, поступилъ на службу къ принцессѣ.

Бергама точно также какъ и я — продолжалъ Майоци — носилъ ливрею. Я спалъ въ небольшой комнатѣ, смежной съ комнатою Бергамы; видѣлъ два раза, какъ королева приходила въ комнату Бергамы и оставалась тамъ минутъ пятнадцать. Проходя мимо меня, она присматривалась, вѣроятно для того, чтобы убедиться, свѣдѣтельно ли я спалъ ли вполнѣ, подумавши, что я не могу ничего ни видѣть, ни слышать, проходила, а вслѣдъ затѣмъ я слышалъ, какъ она шепталась между собою. Минь часто случалось видѣть постель королевы, постель, которая оставалась несматую; постель же

Бергам, въ чемъ я также не могъ убѣдиться, прошла въ себя силы, что служило для другихъ.

Въ Терраччѣ, я видѣлъ какъ Бергамъ, прощаясь съ королевою, цѣловалъ ее въ губы. Я носилъ въ кинуту воду для ваннъ, которыя брада принцесса; Бергамъ обыкновенно перевозилъ ее туда и въ томъ затворялъ двери и отходилъ съ нею наединѣ.

Я видѣлъ чисто принцессу и Бергамъ, когда они вдвоемъ катались по Комекскому озеру; видѣлъ какъ они заперлакъ вавосмъ въ клетку. Въ «Вилла д'Есте» я былъ свидѣтелемъ шпюлю.

(Эти шпюлю, которыя обвинительный актъ называлъ *поворотками и оторочительными* сценами, по объясненію друзей королевы, были ни что иное, какъ *саламалекъ*, — особый, мѣстный способъ выраженія въживности; объясненіе это однако, какъ видно, будто ниче, не было совершенно вѣрное).

Комната королевы, продолжалъ Майоци, постоянно сообщалась съ комнатой Бергамъ. Однажды я видѣлъ, какъ королева перевязывала собственными руками рану на ногѣ у Бергамъ, которую нанесла ему лошади.

Въ Генуѣ я видѣлъ, какъ принцесса завтракала въ комнатѣ Бергамъ. Видѣлъ также, какъ Бергамъ, помогая принцессѣ ѣсть на осла, бралъ ее за талию.

Въ «Вилла Виллана» я видѣлъ Бергамъ, когда на ногѣ надѣлъ былъ полбитый красной матеріей плафрокъ, тотъ самый, который носила принцесса.

Въ Мессинѣ спальня принцессы и Бергамъ отдѣлились между собою только комнатною сестры Бергамъ; остальныя лица, составлявшія свиту, помѣщались на другомъ концѣ апартаментовъ.

Въ Сиракузахъ комнаты королевы и Бергамъ сообщались между собою посредствомъ тайной лѣстницы. Въ Катанѣ комнаты ихъ раздѣлялись дворомъ, на который никому нельзя было проникнуть, лишь только заперлакъ двери.

Въ тротѣ «Семи-Спалнихъ» принцесса и Бергамъ обѣдали въ палаткѣ вавосмъ.

Прислуживая царю, я видѣлъ, когда принцесса усмалала въ постель, и Бергамъ стоялъ у ея ногъ.

Въ морѣ на пути изъ Яффы, Бергамъ ночевалъ въ палаткѣ, разбитой на палубѣ; въ этой палаткѣ стояли собою еще дорожныя постели; но такъ какъ Бергамъ каждый вечеръ плотно закрывалъ помы своей палатки, то никто и не могъ видѣть, что тамъ происходило.

Поканія своего Майоци не могъ окончить въ одинъ день; его дослушали только въ слѣдующее засѣданіе, на которомъ присут-

стowała также и королева. Она выбрала себе такое место, чтобы можно было видеть свидѣнїе въ глаза; а уаь ея откнута и она слушаетъ внимательно.

Бергаминъ. И въ Германїи, и въ Италии комнаты принцессы и Бергамини постоянно сообщались между собою и были отдалены совершенно отъ комнатъ, въ которыхъ помещались оставшіе лица, составлявшіе свиту. Путешествуя, они ездывали въ одномъ экипажѣ съ *Вильямомъ Вилламомъ* и *вѣдьмою*, когда Бергамини вѣдала къ принцессѣ въ одной халатѣ, чулкахъ.

Брумъ приступаетъ къ пересроу свидѣнїя.

В. Не проговарялъ ли вась когда-нибудь отъ себя генералъ Пинкхъ за то, что вы убиваете его лошадей, и не разсказывали ли вы объ этомъ кому-нибудь?

О. Нѣтъ.

В. Не было ли у королевы обвиненїи посещать своихъ братьевъ слугъ?

О. Не знаю.

В. Не состоите ли вы начальникомъ шайки, которая въ откату у вашего прїятеля Омтеды, ганноверскаго министра?

Генералъ-прокуроръ. (Перебивая.) Свидѣтель не долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ; иначе должно предположить, что онъ принадлежитъ къ шайкѣ воровъ.

Брумъ. Да вѣдь я говорю о баронѣ Омтедѣ; вѣдь это былъ начальникъ этой шайки.

В. Не стучались ли вы однажды ночью у двери Бергамини?

О. Это было именно тогда, когда случилась у принцессы кража.

В. Не глядели ли вы также въ окно?

О. Да; действительно глядѣвъ, и застрѣвши какого-то человека большого роста, я еще выстрѣлилъ изъ ружья.

В. Не прихватили ли вы при этомъ человека въ обнаженной шпагой?

О. Не припомню. (Non mi ricordo.)

В. Не прихватили ли вы камитаву Юмми?

О. Non mi ricordo. Весь домъ былъ тутъ, но я не могу утвердительно отвѣчать за каждаго.

В. Бергамини былъ ли тутъ также?

О. Да, его я видѣла.

В. Какъ скоро, послѣ перваго шума, поступали вы въ дверь къ Бергамини?

О. Минуты черезъ три послѣ выстрѣла изъ ружья.

В. Поступавшись, и видѣ что вамъ не отвѣчаютъ, не растворила ли вы двери сами?

О. Нѣтъ, не растворялъ.

В. Гдѣ же вы были въ то время, когда Бергамм вышелъ?

О. Я постучалъ въ дверь, но когда мнѣ не подали голоса, я бросился впередъ; тутъ застаю уже вѣрный домъ и въ томъ числѣ Бергамм.

В. Сколько времени спустя послѣ выстрѣла, увидѣли вы вышедшаго Бергамм и вѣрный домъ?

О. Я выстрѣлилъ, потомъ бросился стучать у двери Бергамм; мнѣ ничего не отвѣчали; тогда я возвратился туда, откуда стрѣлялъ, и началъ кричать: «Воры! У насъ въ домѣ воры!» Такъ я и остался тутъ, а потомъ и всѣ разошлись.

В. Какъ долго оставались вы у двери Бергамм?

О. Я оставался нѣсколько времени, постоянно стуча все крѣпче и крѣпче.

В. Возвращаясь отъ двора Бергамм, спустились ли вы внизъ?

О. Я пошелъ туда, гдѣ были воры.

В. Гдѣ же вы увидѣли послѣ этого въ первый разъ Бергамм?

О. Въ той самой комнатѣ, гдѣ были воры, и гдѣ я прирѣзалъ пороть.

За этимъ Брумъ, продолжалъ допросъ, началъ переспрашивать свидѣтеля о прирѣзанъ королевы во время путешествій.

В. Вы говорите, что королева ѣхала также на почтовыхъ лошадахъ и путешествовала ночью. Какимъ же образомъ она путешествовала?

О. Она ѣхала верхомъ на лошади.

В. Обыкновенно сколько часовъ ночи проводила ее величество такимъ образомъ на лошади?

О. Она выѣжала при закатѣ солнца и путешествовала до восхода.

В. Я васъ спрашиваю, сколько именно часовъ она ѣхала на лошади, не останавливаясь?

О. Non mi ricordo.

В. Ну, ѣхала она такимъ образомъ четыре часа, шесть часовъ, три часа?

О. Non mi ricordo.

В. Поклянетесь ли вы, что она никогда не ѣхала часовъ восемь на лошади, не останавливаясь?

О. Non mi ricordo.

В. Когда ее величество вставала наконецъ съ лошади, казалась ли она очень усталой?

О. Говорили, что она была очень усталой, и отправлялась отдыхать на оттоманѣ.

В. Не случалось ли ей чувствовать усталость или жажду воздуха?

О. Вставая съ лошади, она уходила и отдыхала на оттоманѣ.

В. Не отдыхали ли вы нѣсколько разъ, въ теченіи дня, въ томъ промежуткѣ, который отдѣлялъ наружныя двери отъ внутреннихъ дверей той комнаты, въ которой помещалась королева?

О. Да, Карлино и я; — мы часто отдыхали тутъ.

В. Лежалъ ли на софѣ матрасъ?

О. Non mi ricordo.

В. Какое мѣсто занимала софа? Не была ли она поставлена такъ, какъ могла бы стоять въ комнатѣ?

О. По срединѣ палатки была колонна или столбъ, сюда и была прислонена софа.

В. Во время своихъ путешествій, не имѣла ли ея величество обыкновеніе отдыхать днемъ, не снимая съ себя ничего изъ платья?

О. На это я не обращаю никакого вниманія.

В. Поклянетесь ли вы, что во все продолженіе путешествія, принцесса Галльская ни разу не снимала съ себя ничего изъ платья?

О. Вставая съ лошади, ея величество снимала съ себя верхнее платье.

В. Чтожъ вы хотите этимъ сказать: собственно ли платье она снимала съ себя, или только верхнюю накидку, которую надѣвала, садясь на лошадь?

О. Non mi ricordo.

В. Не замѣтили ли вы, чтобы Вильямъ Остинъ отдыхалъ когданибудь въ палаткѣ?

О. Non mi ricordo.

В. Была ли на фрегатѣ другая комната, кромѣ той, въ которой стояла ванна, и которая выходила бы въ столовую?

О. Non mi ricordo.

В. Поклянетесь ли вы, что тамъ не было двухъ комнатъ: одной, въ которой помещалась принцесса, и другой, которую занимала графиня Ольби?

О. Non mi ricordo.

В. Кто заплатилъ за проѣздъ вашъ изъ Милана въ Вѣну?

О. Мой отецъ.

В. Чѣмъ занимается вашъ отецъ?

О. Онъ извозчикъ, и занимается перевозкою товаровъ.

В. Не правда ли, между Вѣной и Миланомъ?

О. Нѣтъ, не вѣста.

В. Что жеромъ дѣлаетъ васъ до Вѣны въ своей телѣжкѣ?

О. Нѣтъ, мы доѣхали въ чемъ-то въ родѣ колески.

В. Отца вы никогда не видели? Бать у него какое нибудь состояніе? Что и вѣнчана была, иль нѣтъ?

О. Нѣтъ, у него нѣтъ ничего.

В. Вы прежде были на службѣ у маркиза Одескальди, отъ него, чѣмъ поддерживалъ ваше существованіе?

О. Меня содержалъ англійскій посланникъ.

В. Кто платилъ за васъ на возвратномъ пути вашимъ дѣдъ въ Миланъ?

О. Отецъ мой и я.

В. А отъ кого вы получили для этого деньги?

О. Отъ полковника Броуна.

В. Въ гостинницѣ, въ которой вы остановились теперь, есть еще итальянцы, кромѣ васъ, почтеннаго вашего батюшки и вашей милой супруги?

Раздающіеся со скамеекъ палаты голоса предупреждаютъ горячаго адвоката, что эпитеты, которыми онъ награждалъ сейчасъ людей, близкихъ Майоди, неумѣстны; Брумъ повторяетъ свой вопросъ безъ прибавленій.

О. Тамъ остановилось шестьдесятъ итальянцевъ.

В. Вы остановились въ гостинницѣ? Надъ дверями есть вывѣска?

О. Не знаю.

В. Вамъ подаютъ счета для уплаты?

О. Нѣтъ.

В. Скажите, случилось ли вамъ когда-нибудь поддаться въ другое подобное мѣсто, гдѣ бы васъ кормили, давали вамъ пріютъ, и за все за это не представляли никакихъ счетовъ для расплаты?

О. Нѣтъ.

Генераль-прокуроръ снова начинаетъ переспрашивать свидетеля.

В. Говорилъ ли вамъ отецъ вашъ о причинахъ позданія въ Вѣну?

О. Да, онъ мнѣ сказалъ, что мы ѣдемъ для того, чтобы дать показаніе по дѣлу королевы англійской.

В. Значитъ полковникъ Броунъ далъ вамъ деньги?

О. Для дорожныхъ расходовъ.

В. Покидая въ Пезаро принцессу, получили ли вы какое-нибудь свидѣтельство?

О. Да, я получилъ.

Брумъ протестуетъ противъ чтенія этой бумаги, потому что же-нію, что она имѣла не принцессою вельскаго принца, а въ управляющаго Чинчичи.

Генерал-прокуроръ. Подарюся ли Чарльза какою-нибудь одеждою въ лондонъ, принцесса? и она отвѣтитъ, а за то вы ищите себе...

О. Чарльза. распаралась тутъ, Бергамъ приказываетъ, чтобы...
 ...было в разобратъ, кто изъ нихъ была старшій.

Генерал-прокуроръ, выслушавъ, хотѣлъ отвѣтъ, согласился съ...
 ...чтобы самодѣйствіе не было представлено теперь же.

Затѣмъ, нѣкоторые изъ первыхъ обращаются также съ вопросами къ самодѣлю.

Лордъ Грей. Когда принцесса проходила черезъ маленькую комнату къ Бергаму, глаза ваши были закрыты или открыты?

О. Я нѣтъ, воуакрыла для того, чтобы казаться спящимъ, но она у меня была достаточно открыта для того, чтобы видѣть принцессу.

Лордъ Дунканъ. Присягаете ли вы, что въ комнатѣ, въ которой принцесса принимала ванну, куда входилъ Бергамъ, не было ни одной изъ ея горничныхъ?

О. Присягаю.

Лордъ Грей. Не было ли еще кого-нибудь, кромѣ Бергамъ и королевы?

О. Стоя у дверей, я видѣлъ, что туда входили только королева и Бергамъ.

Лордъ Оклендъ. А видѣли ли вы, чтобы принцесса и Бергамъ вышли изъ ванны вмѣстѣ?

О. Нѣтъ; но я видѣлъ, когда вывели оттуда однажды Бергамъ, и слышалъ слова, съ которыми онъ обратился къ одной изъ горничныхъ: «Дамонъ, идите помочь одѣться принцессѣ».

Маркизъ Ланарокъ. Зачѣмъ оставили вы службу у принцессы?

О. Оттого что, видѣлъ, какіе дурные люди ее окружаютъ.

В. Желая снова поступить на службу къ принцессѣ, не встрѣтитесь ли вы отъказа?

О. Нѣтъ, благодарю.

Депрестъ, изданный Майонъ, замѣчательно во многихъ отношенияхъ; съ одной стороны, онъ указываетъ на то, какъ дѣло должно было основанію, долженствовало послужить къ обвиненію маркиза, а съ другой, какъ молча была самая защита. Этотъ же депрестъ, разсматриваемый по отношенію къ Майонъ, раскрываетъ его твердый, сдержанный характеръ; развѣтываетъ наружу его душу, тщательно затѣнную дѣтъ въ продолженіи какихъ-нибудь трехъ лѣтъ къ человѣку, которому удалось овладѣть расположеніемъ принцессы; дѣло къ тому Бергаму, который до бѣдности, ни ничтожество, былъ прежде равенъ ему по всему, а теперь случайно, ставшия его господиномъ. Непривольно рождается во-

пробь; какимъ именемъ окрестить роль этого артефакта, который въ продолженіи многихъ лѣтъ тщательно велеть счетъ въ свѣдѣніи о своихъ бывшихъ, обиденныхъ случаяхъ, упорно вакажируетъ каждае слово, которое въ будущемъ вовсе пригодится ему, чтобы обвинить преступную госпожу, которая, независимо отъ всего, была и добра и великодушна къ окружающимъ ее, готова была на благодѣнія и къ людямъ совершенно ей постороннимъ.

Невольно также бросается въ глаза и странное противорѣчіе, существующее въ показаніяхъ Майоци: показанія вѣрны, точны до мелочей, если только идти къ обвиненію, но какъ только дѣло доходить до того, что отбить можетъ послужить въ пользу обвиняемой — и вотъ память уже измѣняетъ свидѣтелю, онъ не помнитъ и является его неизмѣнное — «non mi ricordo». Народъ подхватилъ на лету это пресловутое non mi ricordo, и скоро цѣлый Лондонъ не звалъ Майоци иначе, какъ Non mi ricordo.

Второе свидѣтельское показаніе давалъ *Гаетано Патурцо*, кормчій того судна, на которомъ плыла королева изъ Аугусты въ Сицилію.

Патурцо показалъ, что каюта принцессы была разгорожена на двое: направо помѣщалась она сама; лѣвая сторона отведена была для графини Ольди; помѣщеніе Бергама было очень близко къ кормѣ и смежно съ обѣденной залой. Послѣ путешествія въ Тунисъ, постель Бергама была поставлена въ обѣденной залѣ, послѣ каюты, которую занимала принцесса.

Въ поѣздку, сухимъ путемъ, въ Іерусалимъ, обыкновенно вѣхали всю ночь, а во время большого жару принцесса отдыхала. Вѣхавши изъ Назарета, разбили палатку, въ которой поставили двѣ кровати... Свидѣтель не могъ объяснить только, кто спалъ на другой кровати.

Когда эта же самая палатка, на возвратномъ пути изъ Иерусалима, была перенесена на палубу судна, свидѣтель показалъ, что ему случалось иногда помогать закрывать ее и тогда онъ видѣлъ въ ней принцессу, Бергама и еще другихъ лицъ, принадлежащихъ къ свѣтѣ. Утромъ палатку обыкновенно снимали; свидѣтель видѣлъ тогда постоянно принцессу, Бергама и ребенка; Иногда принцесса и Бергама туляли, подъ руку, по палубѣ.

Декларатъ начинается переспрашивать свидѣтеля:

В. Какое ваше званіе? Откуда родомъ? Зачѣмъ въ Англіи? Не общаю ли вамъ чего-нибудь?

О. Я кормчій и купецъ; въ последнее время поселился въ Мессинѣ. Прибылъ въ Англію по вызову вице-консула. Общаю мнѣ по 4000 франк. въ мѣсяць.

Последній отвѣтъ производитъ большое движеніе въ палатѣ.

Лордъ Элленборо. Не проводилъ ли Бергами ночи гдѣ-нибудь въ другомъ еще мѣстѣ, кромѣ палатки королевы?

О. Нѣтъ, и я нравственно убѣжденъ, что ночь она проводила тамъ.

Третій свидѣтель, *Винченцо Борджіуло*, показалъ, что кровати стояли на разстояніи не болѣе десяти шаговъ одна отъ другой. Отъ Лосы до Анціо на этихъ кроватяхъ спали принцесса и Бергами.

В. Когда палатка бывала раскрыта, въ какомъ положеніи были вы тогда принцессу и Бергами?

О. Она часто сидѣла на кровати.

В. Какъ лежалъ Бергами?

О. Большею частію на спинѣ.

В. Когда Бергами лежалъ на кровати, приказывала ли вамъ когда-нибудь принцесса закрывать палатку?

О. Да, я припоминаю, что однажды принцесса приказала мнѣ закрыть; Бергами лежалъ въ то время на спинѣ, а принцесса сидѣла возлѣ него.

В. Когда принцессѣ случалось идти въ ванную, — всегда ли шло въ мѣстѣ съ нею и Бергами?

О. Постоянно, онъ ее сопровождалъ всякій разъ, когда ей приходилось спускаться въ каюту за чѣмъ бы то ни было. Я видѣлъ также вѣскольکو разъ, какъ принцесса сидѣла на колѣняхъ у Бергами, и какъ они цѣловались.

В. Въ день Св. Варооломея не паясничала ли Бергами передъ публикой?

О. Да, онъ подложилъ себѣ подъ тогу вѣскольکو подушекъ и съ такимъ огромнымъ животомъ началъ кривляться.

По требованію *Брума* снова былъ вызванъ свидѣтель *Теддоро Майоци*. «Пусть мнѣ отрубятъ голову», говорилъ онъ, «если въ показаніи, данномъ мною, сказалъ я хоть одно слово неправды.»

Брумъ. Вы были въ Англіи на службѣ у Пэтта, въ Глочестерѣ; не рассказывали ли вы и прежнему нашему хозяину, и разбѣжъ лицамъ, которые жили у него въ домѣ, что принцесса «превосходная женщина»?

О. Я говорилъ только, что она «хорошая» женщина.

В. Не говорили ли вы также, что повеленіе принцессы всегда было безупречно?

О. Non mi ricordo.

В. Не рассказывали ли вы, бѣжавши въ Дилижансѣ, Джонсону, что вамъ дѣлали значительныя предложенія, чтобы дать показаніе не въ пользу королевы?

О. Я даю моею головою на отсѣченіе (*Jó mette la mia testa*), (если бы говорилъ когда-нибудь подобное).

В. Не сказали ли вы кому же Аженсову, что английское правительство предлагало земь мѣсто?

О. Non mi ricordo.

Четвертый свидѣтель, *Франческо Бароло* видѣлъ въ Туинсѣ, какъ Бергами выходилъ изъ комнаты королевы; онъ замѣтилъ также, что постель Бергами не была измѣна. Свидѣтель добавилъ, что однажды, когда ему случилось заболѣть и онъ лежалъ въ постели, королева приходила его навѣщать.

Пятый свидѣтель, капитанъ *Ничэль*, показалъ, что, въ первый проѣздъ королевы на его суднѣ, онъ видѣлъ Бергами, когда тотъ обѣдалъ вмѣстѣ со слугами; «во второе же путешествіе, королева, предложивъ мнѣ, какъ и прежде, мѣсто у себя за столомъ, желала, чтобы и Бергами обѣдалъ тутъ же. Я началъ прогнать, чтобы ея величество удовольна меня отъ чести сидѣть за столомъ съ человѣкомъ, который прежде мнѣ прислуживалъ, но королева, не согласившись со мною, распорядилась накрывать себѣ столъ отдѣльно и обѣдала одна съ Бергами.»

Лордъ Оксфордъ. Неужели считаете вы унижительнымъ для себя сидѣть за однимъ столомъ съ мальчикомъ, который могъ прежде прислуживать вамъ, а потомъ сдѣлался бы гардемариномъ, и наконецъ, офицеромъ.

Этотъ вопросъ, предложенный въ ироническомъ тонѣ, возбудилъ въ палатѣ нѣкоторый шумъ.

Шестой свидѣтель, *Томасъ Бринсъ*, бывшій въ 1815 году капитаномъ на *Левіантѣ*, по порученію капитана Ничэля также передавалъ королевѣ предложеніе не допускать къ столу Бергами. Изъ показаній, данныхъ имъ на переспросъ, оказывается, что свиданія королевы съ Бергами ночью были почти невозможны. Онъ также не замѣчалъ ничего необыкновеннаго въ поведеніи королевы.

По выслушаніи всѣхъ затѣмъ еще двухъ, совершенно неважныхъ показаній, восьмой свидѣтель, *Пьетро Пучи*, дворецкій «большой гостиницы» въ Триестѣ, сказалъ, что королева поминдалась у него въ гостиницѣ, втеченіи шести дней. «Такъ какъ дверь моей комнаты», говорилъ Пьетро Пучи, «выходила въ коридоръ, гдѣ были расположены комнаты путешественниковъ, мнѣ удалось однажды утромъ подсморгнуть въ замочную скважину, когда Бергами выходилъ изъ комнаты принцессы; на Бергами надѣтъ была шляпа... Постельное бѣлье на кровати у Бергами никогда не было измѣно. Я думаю, что онъ никогда не спалъ у себя на постели.»

Барбара Крэнцъ, служанка маѣ той гостиницы въ Карлсруэ, гдѣ оставалась, и принцесса, — показала, что дойдя однажды дечеромъ часовъ около семи или осьми въ комнату Бергами, она застаѣ тамъ принцессу, сидящую на кровати, на которой лежалъ Бергами.

В. Не примѣтили ли вы, былъ ли одѣтъ Бергами?

О. Раздѣнить его я не могла, но замѣтила его бѣлую руку; рукой этой онъ охватывалъ шею принцессы, и какъ только замѣтилъ лице, тотчасъ же отпустилъ руку, а принцесса стремительно поднялась съ своего мѣста и казалась испуганною.

Королева, презрительно посмотрѣвъ на свидѣтеля, входить въ залу и потому дѣлѣннѣе доказаніе Барбары отлагается до слѣдующаго засѣданія. Въ этомъ засѣданіи, на передопрошѣ, который слѣдуетъ былъ Барбарѣ, оказывается, что испугавшись, не королева, а она, Барбара Крэнцъ, и что она же стремительно удалилась изъ комнаты.

В. Не вы ли перестылали обыкновенно восстѣль въ № 12?

О. Я. —

В. Не случалось ли вамъ изъ комнаты нѣкогда выходить на постели?

О. Однажды я вышла на ней плащъ.

В. Женскій плащъ?

О. Это могъ быть и женскій плащъ, потому что онъ былъ въ какишскомъ; сшить былъ изъ свѣтлой шелковой матеріи; на другой день такого же цвѣта плащъ я видѣла на принцессѣ; но не утверждаю, чтобы она непременно была тотъ же самый.

По всему видно, что Барбара должна быть женщиной честной; она замужемъ; занятая переизнуръ по должности своей гостиницы; она не имѣла достаточно свободнаго времени, чтобы внимательно слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ комнатѣ у королевы. Она открыто и указала на два обстоятельства, резольными свидѣтелями которыхъ была. На мучительство съ Англіе ей было выдано жезельное червенцевъ; по возвращеніи, обшчно также приличное вознагражденіе за погравное время.

Жозефъ Билли, офицеръ рѣткъ въ гостиницѣ «Великобританія» въ Венеціи, указавъ королеву приколженіи трехъ дней. Ея родственно; познать къ себѣ одержавъ конспира, курия у него золотую венеціанскую цѣль (manie). Это было въ послѣбѣднее время. Въ залѣ, за исключеніемъ королевы и Бергами, который одѣтъ былъ курьеромъ, не было никого. Принцесса, ссылаясь на свою купленную цѣль, надѣялась на курьера, а тотъ, въ свѣдѣчье, снесъ цѣль цѣль мажесю принцессѣ и потому, обш руками ея величествомъ, дѣлаешь въ залу, гдѣ былъ припотроженъ носъ.

Впоследствии, когда его величество вторично посетила Венецию, по пути из Триеста, Бергамини не был уже больше курьеромъ, но былъ барономъ и весь усыпанъ орденами. Два дня принцесса в Бергамини одни отправлялись для прогулокъ по каналамъ. Когда выходили из gondoly, шли подъ руку.

Денманъ приступаетъ къ передопросу свидѣтеля:

В. Не въ замочную ли скважину видѣли вы продвижку съ цѣльюю?

О. Я былъ въ столовой.

В. Въ такомъ случаѣ, согласитесь, вѣдь также легко можно было видѣть?

О. Я былъ тамъ.

Свидѣтель показалъ еще, что ему были выданы деньги только для однихъ дорожныхъ расходовъ; ничего не общано; но въ случаѣ, если бы захотѣли что-нибудь дать, онъ охотно бы принялъ. Въ Англию его прислалъ полковникъ Броунъ. Въ Лондонѣ свидѣтель живетъ съ двадцатью другими итальянскими свидѣтелями въ одной гостинницѣ съ Майоци.

Паоло Оджоне, изъ Лоди, почти около года былъ помощникомъ повара на кухнѣ у королевы. Въ 1809 и 1810 годахъ онъ зналъ Бергамини въ Лоди, а потомъ, когда тотъ былъ въ тюрьмѣ.

В. Въ какой тюрьмѣ?

О. Денманъ протестуетъ противъ предложеннаго вопроса, какъ пендущаго вовсе къ дѣлу; предложившій вопросъ, согласившись съ Денманомъ, отказывается отъ него.

В. Въ то время, какъ вы состоили на службѣ у королевы, какъ былъ Бергамини?

О. Барономъ. (Сидѣлъ). Онъ командовалъ въ домѣ. Я видѣлъ также, когда онъ прогуливался съ принцессою подъ ручку. Въ бытность въ «Баронна», принцесса давала балы на которые допускались посѣтители безъ различія, изъ всѣхъ классовъ общества; иногда присутствовали даже люди самаго низшаго класса. Принцесса иногда танцевала одна на другой разъ съ Бергамини. Мѣстное дворянство никогда не посѣщало этихъ собраний.

В. Какъ танцевалъ «Магометъ» передъ принцессою?

Свидѣтель дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, поднимаетъ вверхъ свою руку и начинаетъ танцевать и иногда и вскипъ «португоль».

В. Смотрѣла ли на это принцесса?

О. Она сидѣла.

При передопросѣ, свидѣтель показалъ, что до отъѣзда въ Англию онъ былъ допрашиваемъ въ Миланѣ, и другой разъ здѣсь, въ Лондонѣ; при этомъ онъ добавилъ, что эти предварительные

вопросы были сдѣланы ему вѣроятно для того, чтобы узнать только содержаніе будущихъ его отвѣтовъ, которыми впрочемъ никто его не училъ; ему не было также ничего и общаго.

Вопросы дѣлалъ Дюмонъ (Луизъ), родомъ изъ Швейцаріи, предположены на французскомъ языкѣ. Она показала, что знала Бергами еще въ началѣ, когда тотъ занималъ при королевѣ должность курьера и прислуживалъ за столомъ, какъ простой лакей. «Прежде, говорила Дюмонъ, мадемуазель Остия постоянно ночевала въ комнатѣ королевы, но когда въ службу вступилъ Бергами, ея величество сказала ей, свидѣтелю: «Вильямъ уже чрезчуръ великъ, чтобы спать въ моей комнатѣ, его слѣдуетъ класть отдѣльно». И съ тѣхъ поръ, во время путешествій, Бергами сталъ занимать постоянно комнату смежную и имѣвшую сообщеніе съ комнатой ея величества. Такимъ образомъ, по прибытіи въ Неаполь, обѣ комнаты раздѣлились только маленькимъ кабинетомъ и корридоромъ. Въ маленькомъ кабинетѣ, дверь котораго заперлась, спала Остия. Однажды вечеромъ, принцесса была сильно взволнована, и когда она, Дюмонъ, пришла ее раздѣвать, ея величество выслала ее отъ себя черезъ нѣсколько минутъ, чего прежде никогда не случалось.

В. Извѣстна ли свидѣтелю, гдѣ въ эту ночь спала Бергами?

О. Да, я думаю...

Брумъ. Намъ нѣтъ надобности до того, что вы думаете...

«На другой день, поутру», продолжала Дюмонъ, «я замѣтила, что въ двухъ кроватяхъ, которыя стояли въ спальнѣ ея величества, для сна должна была служить большая кровать; кромѣ этой, въ спальнѣ, стояла еще другая маленькая, дорожная кровать. Бергами часто присутствовалъ при туалетѣ королевы; онъ входилъ и выходилъ изъ комнаты, гдѣ спала принцесса совершенно раздѣтая.

В. Можете ли припомнить свидѣтель, не встрѣчала ли она когда нибудь Бергами въ корридорѣ?

О. Да, а его видѣла тамъ...

В. Гдѣ была тогда принцесса?

О. Въ своей спальнѣ.

В. Она была одѣта, или раздѣта?

О. Раздѣта.

В. Гдѣ же вы были въ то время?

О. У дверей комнаты ея величества.

В. Гдѣ вы увидѣли Бергами?

О. Онъ вышелъ въ корридоръ изъ своей спальни и отправился прямо въ комнату ея величества.

В. Что на немъ было налѣто?

О. Онъ былъ совершенно раздѣтъ.

— В. Въ одной рубашкѣ? — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

— О. Да. И въ стальныхъ башмакахъ. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

В. Королева была уже въ постели? — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

— О. Нѣтъ. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

В. Что же сдѣлали вы, когда увидѣли Бергаминъ въ темнотѣ постели, который сейчасъ опсала? — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

— О. Я спряталась въ свою комнату. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

В. Въ какомъ видѣ была на другое утро постель? — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

— О. Замѣтно было, что они служили болѣе у чьимъ-дѣя стволу лица. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

— В. Непоелъ, продолжала Дюмонъ, ея величество устроила для короля маскарадъ, и охваченное во второмъ этажѣ дома. Сначала принцесса одѣта была крестьянкой изъ окрестностей Неаполя, а потомъ перенялась въ костюмъ «геніи исторіи». Переодеваться принцессѣ помогала Бергамин; а оставалась въ прихожей; перемины костюма продолжалась около трехъ четвертей часа. У принцессы,

когда она явилась въ костюмѣ «геніи», руки и прудъ были совершенно открыты и на ней надѣта была одна простая драпировка. Принцесса приходила переодеваться еще одинъ разъ — въ костюмъ турецкой прелестницы. Бергамин оставался въ прихожей и одѣвался туркомъ. Когда оба они были уже совершенно готовы, то являлись за руки; уплы въѣсть. Бергамин назвалъ возвратился вочасъ же; не знаю, скоро ли пришла вслѣдъ за ними принцесса. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

— О. Свидѣтели спрашиваютъ о маскарадѣ, который былъ данъ въ Неаполѣ; въ театрѣ «Санъ-Карло». Дюмонъ отправлялся туда вмѣстѣ съ принцессой и Бергамин, въ своей каретѣ. Ночь была темная и нѣтъ дождя. На ея величества надѣты были дѣшныя платья; Бергамин былъ въ красномъ домино, на головѣ шляпа съ широкими полями: «Только что усѣвши вы войти въ театральную залу, насъ окружила толпа масокъ, которые подняли страшный шумъ и начали свистать. Большого труда стоило намъ выбраться назадъ. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

В. Что же могло служить причиной этого? — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

— О. Костюмъ ея величества, который притрывается длиннымъ плащомъ. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

В. Въ немъ было что-нибудь особенное? — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

— О. Костюмъ этотъ былъ непростовѣнъ, былъ ужасенъ. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

Обращаясь снова къ корткостенію обращенія королевы съ Бергамин, Дюмонъ продолжала: изъ всѣхъ служителей въ домѣ, Бергамин одинъ только пользовался правомъ входить въ комнату ея величества безъ доклада, не постучавши въ дверь. — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

В. Когда принцесса жила въ Неаполѣ, не покидала ли ее кто-нибудь изъ лицъ, составлявшихъ ея свиту? — *См. примечаніе къ сценѣ 10-й, стр. 85.*

О. Ничто; но, когда мы собирались выйти уже из Неаполя, тогда многие изъ святых не желали слѣдовать; въ числѣ оставшихся въ величествѣ было и леди Форбъ. Въ Генуѣ, одна только комната раздѣлена помѣщенію, назначенныя для принцессы и Бергамы.

В. Дверь, которая вела изъ комнаты принцессы въ комнату, въ которой помѣщались вы, запиралась ли на ночь или оставалась открытою?

О. Принцесса заперала ее на ключъ изнутри; поутру она обыкновенно звала меня и только тогда открывала дверь.

В. Было ли замѣтно, что королева опала на своей постели?

О. Большаю частію замѣтно было, что на постели не спали.

В. Когда принцесса уже заперла свою комнату на ключъ, вы слышали ли вы послѣ того шума, который бы могъ происходить отъ открывающейся двери?

О. Я слышала иногда скрипъ со стороны комнаты ея величества, но не могу утверждать, чтобы скрипъ этотъ происходилъ непременно отъ двери ея комнаты. Здѣсь была вѣдь еще третья дверь, которая вела въ уборную.

В. Заслышавъ этотъ скрипъ, не случалось ли вамъ слышать потомъ еще что-нибудь, по направленію комнаты королевы?

О. Нѣтъ; послѣ того наступала совершенная тишина.

В. Нужно ли было поутру перестилать постель ея величества?

О. Очень рѣдко; по большей части постель оставалась неизменною.

«Когда леди Кэмпбл покинула принцессу, ея величество сказала мнѣ, продолжала Дюмонъ, что къ ней должна поступить въ качествѣ статсъ-дамы графиня Ольди, женщина знатнаго происхожденія. Впослѣдствіи только, уже вѣсницъ черезъ два, узнала я, что эта графиня — родная сестра Бергамы; правда, еще вѣсколько раньше этого открытія, я удивлялась ея престонародному итальянскому выговору.

Продолжая свое показаніе, Дюмонъ входить въ длинный и разнообразныя описанія комнатъ, въ которыхъ помѣщались принцесса и Бергамы; комнаты, которыя постоянно были смежны и вѣли между собою сообщеніе. Является одинъ только новый свѣтъ: говоря съ Бергамы, принцесса называетъ его: «сердце мое», свой милый другъ. Дюмонъ слышала также, что они цѣловались; но собственными глазами не видѣла этого; Ей, свидѣтельству, случалось видѣть также, что Бергамы и принцесса попеременно носили шляпы вѣ тотъ же цвѣтъ изъ бѣлой шелковой матеріи; одну и ту-же красную шапочку; однажды она нашла въ комнатѣ принцессы бѣ-

лые спальные башмаки, принадлежавшие Бергаме. Когда однажды случилось ей въ домъ графа Пиа пожевать возлѣ принцессы, она замѣтила, какъ Бергаме съ маленькой дамочкой въ рукавъ, шоль дѣ себѣ въ комнату, чтобы оттуда пробраться въ спальню къ принцессѣ. Въ «Баронна», принадлежавшей Бергаме, комнаты принцессы и Бергаме раздѣлялись только площадкою, отъ которой поднималась вверхъ небольшая лѣстница и тутъ же еще былъ коридоръ. Ночью дверь, ведущая въ этотъ коридоръ, обыкновенно плотно притворялась, и тогда въ спальню ея величества изъ Бергаме проникнуть можно было только съ верхней площадки лѣстницы. Хотя въ коридоръ и выходили еще четыре комнаты, въ которыхъ помѣщались разные лица, принадлежавшія къ свѣтѣ, но когда коридорная дверь затворялась, прекращалось всякое сообщеніе между этими четырьмя комнатами и спальнею принцессы.

«Иногда принцесса, обращаясь къ Бергаме, говорила ему «ты», а онъ называлъ ее ва-просто «принцессою»; остальнымъ жѣ лицамъ, составлявшимъ свиту, не иначе обращались къ ней, какъ «ваше величество.»

«Однажды въ Катанѣ Дюмонъ видѣлъ принцессу, когда та выходила изъ комнаты графини Ольди, а комнату эту занимать тогда Бергаме. У принцессы подъ мышкой была головная подушка, та самая, на которой она обыкновенно спала.»

В. Какъ была одѣта королева?

О. Она была раздѣта; на ней была только ночная бѣлая кофта и поверхъ накинута еще коротенькая шелковая блуза, — все тамъ, какъ оставила я ее навадунѣ вечеромъ.

В. Замѣтила ли васъ принцесса?

О. Сперва она пристально поглядѣла на меня, а потомъ, не сказавъ ни слова, ушла къ себѣ въ комнату.

В. Когда ея величество проходила черезъ вашу комнату, вы уже не спали?

О. Да, я уже встала.

В. Не было ли въ комнатѣ вмѣстѣ съ вами еще кого-нибудь?

О. Тутъ кажется еще была моя сестра.

В. А ваша сестра была къ постели, или уже принарядилась?

О. Она была также на ногахъ.

«Когда жили въ Аугустѣ — продолжала показывать Дюмонъ принцесса снимала съ себя портреты: на одномъ она была изображена турчанкой, а на другомъ — «какою-то Магдалиной»; на последнемъ портретѣ принцесса была нарисована съ совершенно открытой грудью. Бергаме также снималъ съ себя портретъ дѣ турка; принцесса помогала ему одѣваться и, поправляя на головѣ

его тюрбанъ, говорилъ, что такъ онъ, нравится ей больше. Въ Иерусалимѣ, однажды утромъ Бергами, вошла въ комнату къ ея величеству, шутя, легъ на постель. Иногда онъ и принцесса отправлялись гулять вмѣстѣ по монастырскимъ галлереймъ; на принцессѣ, кромѣ утренней блузы, не было ничего. На корабль, когда король Левъ случалось брать ванны, съ ней отправлялся одинъ только Бергами, и когда нужно было уже принцессѣ одѣваться, онъ же приходилъ и извѣщалъ объ этомъ ее, Дюмонъ.

В. Когда, по приглашенію Бергами, вы входили къ ея величеству, какъ заставляли вы ее?

О. Въ ваннѣ.

В. На ней надѣто было что-нибудь?

О. Одно, простое платье,

В. Чѣмъ занимался Бергами на кораблѣ?

О. Онъ почти цѣлый день лежалъ на своей кровати. Иногда, только, желая развлечь ея величество, онъ игралъ въ разные игры; однажды, прилежидь, себѣ подъ платье подушку, сталъ ходить по палубѣ.

В. Что дѣлала принцесса, глядя на это?

О. Сидѣлась, Однажды еще графиня Ольди занималась шитьемъ рубашекъ; Бергами, который стоялъ тутъ, замѣтилъ, что ему также нужны рубашки, а ея величество, услышавъ это, сказала, что она сошьетъ ему ихъ.

В. Что отиѣчалъ Бергами?

О. Онъ только улыбнулся.

В. Видали вы, когда Бергами представлялъ комедію въ «Вилла д'Есте»?

О. Да, онъ танцевалъ еще тогда въ костюмѣ «арлекина», а ея величество сидѣла была «крюмбиной».

В. Когда Бергами поступилъ на службу къ ея величеству, носили ли онъ въ ушахъ серьги?

О. Да, но потомъ у него явились новыя, а прежнія его серьги надѣты были уже у принцессы. Въ Карлсруэ, комнаты ея величества Бергами равнялись только одною столовой. Въ Фаднѣ, однажды въ сумеркахъ, она, Дюмонъ, видѣла принцессу, когда та сидѣла у себя въ спальнѣ на софѣ, а возлѣ нея, охвативъ ея тѣло рукой, помѣщался Бергами; голова принцессы покоилась на плечѣ у Бергами.

В. Въ «Вилла Капрена» Бергами лежалъ однажды на софѣ, а принцесса сидѣла тутъ же.

В. Въ бытность принцессы въ Неаполѣ, былъ ли у нея духовидецъ?

О. Каждое воскресенье въ домъ бывали обѣды.

В. Продолжалось ли это въ «Вилла д'Эсте», въ «Вилла Виллани», въ «Декара»?

О. Нѣтъ; по отъѣздѣ изъ Генуи богослуженіе больше не отправлялось.

В. Видѣли ли вы, чтобы принцесса посѣщала церковь?

О. Да, и бываетъ въ церкви, ея величество опускалась на колѣна возлѣ Бергамы; принцесса однажды мнѣ сказала, что она молилась о душѣ отца г. Бергамы.» (Смѣхъ).

1-го сентября *двѣцѣ Дюмонъ* былъ сдѣланъ длинный переломъ.

Вильямсъ спрашиваетъ: не выдавала ли она себя въ ономъ домѣ, на Оксфордской улицѣ, за графиню Коломбіа? Дюмонъ отвѣчала, что она не можетъ утвердительно сказать; но думаетъ, что этикетъ имененъ могли назвать ее лица, помѣстившія ее въ томъ домѣ.

В. По собственному ли желанію покинули вы службу у принцессы?

О. Нѣтъ, мнѣ предложено было.

В. Не за то ли, что нѣкоторые сказали какую-то ложь?

О. Да, дѣйствительно; это была неправда.

В. Какимъ образомъ случилось, что оставивши службу и не ступая на новое мѣсто, вы не чувствовали недостатка въ средствахъ?

О. Въ Швейцаріи у меня хранился капиталъ, приносившій мнѣ проценты.

В. Не говорили ли вы кому-нибудь, что находясь на службѣ ея величества, вы не были экономны?

О. Я не могу поклясться, но рѣшительно не припоминаю, говорилъ ли кто кому-нибудь или нѣтъ.

Луиза Дюмонъ между прочимъ показала, что годъ спустя послѣ того какъ она оставила службу у принцессы, ей дѣлалъ предложеніе двести на ея величество.

В. Не говорили ли вы, что королева окружена въ Миланѣ шпионами?

О. Не помню.

В. Вы знаете барона Омтеду?

О. Я его видѣла только одинъ разъ въ «Вилла Виллани»; принцесса жаловалась на него: дѣло шло о какихъ-то медальонныхъ ключахъ; впрочемъ, хорошенько этого я не знаю.

В. Послѣ того какъ вы оставили принцессу, не приходилось ли вамъ говорить о ней, какъ о женщинѣ съ прекраснымъ характеромъ?

рому; не писал ли вы, что если бы пришлось жертвовать вашей душой, она увидела бы тогда, что вы готовы пожертвовать для нее полникою вашей; что она убившись бы также въ безрешительномъ почтении, въ безграничной привязанности, въ чувствительности, которыя вы питаете къ ней?

О. Не можно.

В. И вы предполагаете, что не писали никогда въ этомъ характерѣ къ своей катившей сестрѣ?

О. Возможно; что я написала подобнаго содержания письма, но это могло случиться только вскорѣ послѣ отъезда моего отца изъ Лондона: тогда я гораздо привязана была къ ней.

Вильямъ читаетъ: «Вы не можете представить себя, насколько я люблю читать мой журналъ: онъ ходитъ по рукамъ; всѣ его выдаютъ читаютъ. Въ Лозаниѣ, г-жа Наулицко просила его у меня, чтобы показать кой-кому изъ англичанъ. Не спрошу, — мнѣ приятно и слышать и читать все это, потому что, какъ вамъ должно быть известно, въ журналѣ своемъ я говорю много хорошаго о музыкѣ, и въ принципѣ своемъ»

В. Вы ли это писали?

О. Не припомню.

В. Покаяетесьъ ли, что этого не писали?

О. Принесла клятву — не могу: къ сестрѣ своей писала я много, и въ сей волнѣ стаю въ то время привязана была о ней.

В. Не писали ли вы также къ сестрѣ, что средства ваши недостаточны, что заработываете денегъ мало и начинаете уже мучиться отъ недостатка?

О. Неганую говорила ли я это комунибудь; не въ случайныхъ; слышалъ и говорила, ничего подобнаго не было.

Вильямъ повѣсываетъ свидетелю письмо. Демонъ, вслѣдуя, подтверждаетъ, что оно писано ея рукой: «Я не могла бы, — говоритъ Вильямъ — разсказать вамъ объ одномъ случаѣ со мной; разсказать, какъ я узнала, увидѣвъ васъ во мѣсяцъ того, какъ я узнала была писана: 24-го числа прошедшаго мѣсяца, въ то время, когда свѣтъ изъ объидомъ, мнѣ доставила, что какой-то мещанскій человекъ непремѣнно желаетъ лично передать мнѣ письмо, адресованное не мое имя. Я сейчасъ же съутсясь лично по мѣстности и пригласила человека съ письмомъ войти ко мнѣ въ комнату. Представьте же мнѣ изумленію, когда, сорвавъ съ конверта печать, я прочла, что меня приглашаютъ прѣхать въ Лондонъ, тамъ жить, что его гвардія; въ истинѣ съ этимъ объидомъ и высокой покровительствомъ и блестящую будущность. Правда, письмо было безъ подписи; но чтобы я не соливалась въ истинности написаннаго, (жизнь

предупреждая, что, по потребованію моему, мнѣ будетъ, немедленно же, выдана такая сумма, какую я только пожелаю.

При дальнѣйшихъ распросахъ, *двѣмца Дюмонъ* сознался, что послѣ допроса, который былъ снятъ съ нея въ Миланѣ наканунѣ Пауземъ, все показанное ею въ Миланѣ она должна была подтверждать, по прибытіи въ Лондонъ, предъ лицомъ англійскаго чиновника. При этомъ она клялась надъ книгою, которую цѣловала.

Брумъ, поднимаясь, обращаетъ вниманіе лордъ, что послѣднее обстоятельство бросаетъ тѣнь подозрѣнія на истинность показанія во всей его цѣлости. *Лордъ канцлеръ*, соглашаясь, что послѣднее обстоятельство дѣйствительно бросаетъ нѣкоторую тѣнь на показаніе свидѣтеля; замѣчаетъ впрочемъ, что оно должно быть во всякомъ случаѣ выслушано до конца и что тогда только можно будетъ судить о силѣ вѣроятія къ нему.

Приступаютъ къ чтенію другихъ писемъ, адресованныхъ дѣшецею Луизою Дюмонъ къ сестрѣ ея, Марьеттѣ. Въ этихъ письмахъ Луиза, называя себя и неблагоразумной и легкомысленной, выставляетъ сама себя образцомъ, съ котораго не слѣдуетъ брать примѣра.

«Я грустна», говоритъ Дюмонъ въ одномъ письмѣ — «я причина этой грусти таится въ сознаніи, что, разставаясь съ ея величествомъ; я должна была заронить въ нее подозрѣніе въ моей неблагогодарности... Эдѣсь, среди многочисленнаго кружка, мнѣ часто случается перечислять всѣ возвышенныя достоинства: принцессы; ея рѣдкіе таланты; говорить о добротѣ ея сердца, терпѣніи, объ ея благотворительности, словомъ, пересчитывать совершенства, которыми она обладаетъ въ такой высокой степени. И часто слушатели мои приходятъ въ невольное умиленіе и у нихъ слышатся горячія выраженія негодованія; намъ должно быть извѣстно, моя младшая сестра, какую упрямую настойчиностію дѣйствуютъ враги нашей доброй благодѣлительницы; вы должны знать также, что ее окружаютъ цѣлыя шайки шпионовъ. Судите сами, не успѣла я узнать еще въ Пезаро, и объ этомъ уже знали въ столицѣ Европы (вѣроятно въ Лондонѣ). Думали найти во мнѣ женщину истинную, честолюбивую, — но благодаря Бога, у меня нѣтъ этихъ недостатковъ; меня никогда — будь я даже въ самой страшной крайности — не облазнятъ богатства, ради которыхъ я должна была бы пожертвовать и своимъ душевнымъ спокойствіемъ и долгомъ. Творецъ не наказываетъ никого; Онъ еще болѣе печется о тѣхъ, которые вступаютъ по Его святымъ заповѣдямъ; да къ тому же, добродѣтели дороже для меня золотой кисти...»

Въ другомъ письмѣ, *Дюмонъ* «на колѣнахъ» умоляетъ принцес-

супрощеніи; говорить о страшномъ своемъ положеніи, и здѣсь же сознается въ «виновѣ», въ «несправившей виновѣ», но — любовь сильна.

На возраженія, сдѣланныя Дюмонъ по прочтеніи этихъ писемъ; она старается объяснить, что они писаны ею въ такомъ характерѣ единственно въ цѣлю не повредить сестрѣ; Марыеттѣ; Дюмонъ было известно, что письма ея перехватываются.

В. За какую вину вы должны были поклясть службу у ея величества?

О. Разсказывали, будто бы ея величество питала любовь къ г. Сакки; я и написала къ нему письмо, которымъ извѣщала, что принцесса любитъ и уважаетъ его по прежнему. А ея величество, подумавъ, что я хочу сказать въ письмѣ, будто бы она питаетъ къ г. Сакки любовную склонность, разсердилась и не захотѣла держать меня при себѣ. Я же, писавши, понимала подъ словомъ «любовь» — совершенно другое чувство.

В. Видѣлъ ли Бергами, когда вы писали это письмо?

О. Да; и письмо это отнесла на почту я сама; потому оно очутилось въ рукахъ ея величества.

В. Не было ли еще чего-нибудь?

О. Бергами наговорилъ на меня еще, будто бы я провела цѣлую ночь въ коридорѣ съ г. Сакки; я оправдывалась и выставляла въ свидѣтели свою сестру, которая могла подтвердить, что въ эту ночь я спала вмѣстѣ съ нею.

4 сентября къ выслушанію вызывается новый свидѣтель — Лук Кардини; онъ родомъ изъ Дольо, что у Комскаго озера; ремесломъ каменщикъ; Кардини работалъ въ «Вилла д'Есте» и онъ же складывалъ домъ для Гуджири, одного изъ агентовъ принцессы.

Однажды Кардини понадобилось повидаться съ Гуджири и онъ отправился въ «Вилла д'Есте». Не зная расположенія дома и пробираясь наобумъ по комнатамъ; онъ неумышленно растворилъ дверь какого-то маленькаго кабинета и засталъ тутъ принцессу и *барона* (Бергами); они сидѣли радомъ. *Баронъ* рукою охватывалъ шею принцессы, грудь которой была раскрыта. «Только-что успѣвъ и растворить дверь», говорилъ Кардини, «какъ на меня бросился *баронъ* и выталкивалъ изъ комнаты»; причасть: что тебѣ здѣсь нужно; *figlio di cane!*». На передпросѣ тотъ же свидѣтель объявить, что однажды, въ 1817 или 1818 году, онъ былъ уже допрошенъ въ Миланѣ; при допросахъ присутствовали: полковникъ, по имени Браунъ, и еще какой-то англійскій адвокатъ. Для ежедневныхъ расходовъ свидѣтелю выдавалось по 10-ти фунт. стерл.; эта же выдача община была ему и въ такомъ случаѣ; если онъ не

откажется отправиться въ Англію. Отъ кого получить онъ деньги въ Лондонѣ — не знаетъ.

Герцогъ Гамльтонъ. Когда застали вы Бергами вмѣстѣ съ принцессою — была ли едѣла ея величество?

О. На это я могу сказать одно: я былъ шоуманъ и дамъ видѣть только, что грудь у принцессы не закрыта; иными словами...

В. Какъ Бергами охватывала рукой шею принцессы?

О. Позвольте... Я принцесса, а вы — баронъ... и смѣлѣте стараться объяснить, что рука Бергами лежала у груди.

Александръ Шикетти, живописецъ, орнаментовъ; онъ также работалъ въ «Вилла д'Есте».

Однажды утромъ, часовъ около десяти или одиннадцати, онъ встрѣтилъ Бергами, на которомъ кромѣ халата не было ничего, и одного; Бергами пробирался къ себѣ, по направлению отъ комнаты принцессы. Въ Рупиастти свидѣтель видѣлъ принцессу съ комнатой Бергами, который въ то время лежалъ больной; ея величество подавала больному лекарство; когда перестала послѣдъ, Бергами становился на ноги въ томъ, въ чемъ былъ на кровати; рожде не стѣсняясь присутствіемъ принцессы. Во время путешествія изъ Рима въ Анкону, ему случилось видѣть, какъ ея величество обнимала Бергами, а въ «Вилла д'Есте» онъ видѣлъ, какъ она дѣловалась...

Доменико Брузо, ремесломъ плотникъ, съ 1815 по 1817 годъ работалъ въ «Вилла Виллани» и въ «Баронна»; Принцесса и Бергами часто катались въ лодкѣ по озеру; «они были одни, совершенно одни», потомучто я грѣбъ... (Смѣхъ.) Въ «Вилла Виллани» онъ видѣлъ, какъ они ласкали другъ друга.

В. Какъ же они ласкали?

О. Они гладили другъ друга по даду.

Антоніо Бьянки видѣлъ принцессу и Бергами, когда они купались вмѣстѣ въ мѣлкой рѣчюнкѣ; какъ скоро только замѣтили ея вышши изъ воды,

Джузеппе Сакки — изъ Беллиндино, былъ на службѣ у королевы въ продолженіе цѣлаго года, сначала курьеромъ, а потомъ конюхою.

Однажды по порученію принцессы онъ отвезъ письмо къ герцогинѣ пармской. Возвратясь назадъ, онъ передалъ письмо принцессѣ, когда та спала въ объѣмѣхъ вмѣстѣ съ Бергами. Прошло нѣсколько дней, ея величество положила его на столѣ; Бергами, не соросась, началъ письмо и также началъ читать. Случилось спавъ тело, взайтъ однажды въ Миланѣ. Въ этотъ разъ, возвратясь назадъ уже ночью, онъ отправился съ отвѣтомъ въ спальню къ Бер-

ни. Комната была совершенно пуста; дверь растворена; постель была. Онъ собирался уже уйти, какъ въ сторонѣ услышалъ голосъ, который слышалъ прежде. «Что нужно?» Курьеръ изъ Милана, отъѣзжалъ Сакки; и вслѣдъ за тѣмъ къ нему вышелъ Бергами, говоря, что отъѣзжать все не такъ важно, чтобы для него слѣдовало бѣжать.

В. Въ чемъ былъ Бергами?

О. Кромѣ рубашки, я не замѣтилъ на немъ ничего.

В. Гдѣ онъ былъ, когда доворчалъ съ вами?

О. Въ комнатѣ, противоположной его спальнѣ.

В. Откуда онъ вышелъ?

О. За темнотою, замѣтить этого я не могъ.

Дальше свидѣтель показалъ, что принцесса въ обращеніи съ Бергами, называла послѣдняго разными нѣжными именами: «сердце мое», «ангелъ мой», «любовь моя».

В. Какія лица присутствовали на балахъ въ «Баронна»?

О. Въ началѣ, кромѣ лицъ, составлявшихъ свиту, прѣзжала сюда также и знатные люди, но впоследствии, когда на балахъ этихъ стали допускаться разныя вольности, кромѣ лицъ самаго низшаго класса никого не бывало.

Брумъ приступаетъ къ перекрестку свидѣтеля. Изъ отъѣздовъ Сакки видно, что покинувъ службу у принцессы, онъ не иступилъ ни въ какую новую, что въ 1818 году его допрашивалъ уже въ Миланѣ итальянскій адвокатъ, въ присутствіи Броуна, Куды и Маулла. И что наконецъ въ Лондонѣ его заставили подлѣ присягою подтвердить прежде данное имъ показаніе.

«Вы назвали графомъ, замѣтилъ свидѣтелю Брумъ; вы разсказываете какому-то Марьетти, что принцесса оставляетъ вамъ должда, а сами же искали всякаго случая вновь поступить къ ней на службу, выманивали у нея этого какъ милости. Не обвиняете ли вы себя уже этимъ въ неблагодарности къ принцессѣ? — Сакки старался энергически все это апровергнуть.

В. Съ кѣмъ вы прѣехали въ Лондонъ?

О. Съ г. Краузе.

В. Съ Краузе?.. Не тотъ ли это Краузе, который недавно еще былъ задержанъ въ Парижѣ за распространеніе фальшивыхъ бандовыхъ билетовъ?

О. Я ничего не слышалъ объ этомъ.

— Здѣсь, къ мѣсту, необходимо замѣтить, что во время вѣдѣній процесса разсказывались и печатались цѣлыя тысячи исторій самаго подозрительнаго содержанія. Краузе, о которомъ говоритъ Брумъ, принадлежалъ къ числу личностей, входившихъ въ составъ

Миланской комиссии, той самой, которая собирала дачники въ обвиненію Каролины. Слыша за курьера британскаго кабинета, Краузе развѣзжалъ по всей Европѣ и откапывалъ повсюду прежнихъ слугъ принцессы, удаленныхъ ею по чему-нибудь. Онъ же доставлялъ и свидѣнія въ Лондонъ объ общемъ ходѣ дѣла. Въ одно изъ своихъ путешествій, Краузе, какъ толковали, желая воспользоваться пребываніемъ въ Парижѣ и имѣя у себя порядочный запасъ фальшивыхъ билетовъ Лондонскаго банка, изъ-подъ-руки началъ выпускать ихъ. На этомъ дѣлѣ онъ былъ схваченъ и запертъ въ тюрьму. Бумаги, найденныя на немъ, огромная масса фальшивыхъ билетовъ, совершенно сходныхъ съ тѣми, которые онъ успѣлъ уже разсѣять — все говорило о его преступленіи. Однако, не смотря на живыя улики, благодаря самому близкому внимательству Англійскаго посольства, Краузе былъ освобожденъ. Выдачу его требовали на томъ основаніи, будто-бы онъ принадлежитъ къ штату посольства и что за преступленіе, въ которомъ обвиняется — будетъ сужденъ въ Англій. Но ничуть не бывало: выйдя на свободу, Краузе по прежнему отправлялъ свою должность. Справедлива ли эта исторія или нѣтъ, утвердительно отвѣчать нельзя; вѣрно только то, что она напечатана была въ тогдашнихъ номерахъ «Times».

Брумъ (обращаясь къ свидѣтелю) не называли ли вы себя еще другимъ какимъ-нибудь именемъ, кромѣ Сакки?

О. Да, я былъ извѣстенъ еще подъ именемъ *Милани*.

В. Другое еще имени не было ли у васъ?

О. Я назывался еще именемъ, которое принадлежитъ мнѣ и до сихъ поръ.

В. Назовите жъ это имя.

О. Я прошу у высокой палаты какъ милости — не отвѣчать на предложенный вопросъ: назвавши имя, я могу ожидать самыхъ опасныхъ для себя послѣдствій. Почтительнѣйше прошу палату, предоставленной ей властію, воспрепятствовать также, если имя это извѣстно, появленію его на столбцахъ газеты.

Брумъ. Послѣ того, что вы сказали сейчасъ, я и не настаиваю больше.

Генералъ-прокуроръ объясняетъ собранію, что *Сакки* служилъ подъ званіемъ Бонапарте въ рядахъ итальянской арміи, и за храбрость, на полѣ сраженія произведенъ былъ въ лейтенанты (1).

(1) Чтобы понять опасенія свидѣтеля, должно вспомнить, что дѣло происходило въ 1820 году, когда въ Англій не остыла еще глубокая вражда къ Бонапарте и когда его иначе не называли, какъ «корсиканскій хищникъ», «революціонный выскочка», «тиранъ» и другими синонимическими именами.

Сакки показалъ еще , что *Миланская* комиссія не общалась и не дала ему ничего ; впрочемъ онъ надѣется , что впоследствии будетъ вознагражденъ за потерянное время.

Генераль Прокуроръ. Зачѣмъ вы назвались въ *Лондонѣ* именемъ *Милани*?

О. Я боялся , чтобы и со мною не случилось того-же , что было съ другими итальянскими свидѣтелями въ *Дуврѣ*. А имя мое (*Сакки*) было извѣстно.

Лордъ Гросвеноръ. Не потрудится ли свидѣтель перечестъ почетному собранію лордовъ всѣ имена , которыя онъ носилъ въ послѣдніе десять лѣтъ? (*Смѣхъ*.)

О. Я мѣнялъ имя свое только два раза.

Когда допросъ *Сакки* былъ оконченъ , генераль-прокуроръ , обращаясь къ присутствующимъ въ палатѣ , обратилъ вниманіе ихъ на то , что по случаю не прибытія еще въ *Лондонъ* троихъ изъ свидѣтелей , процессъ въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи долженъ быть приостановленъ на нѣкоторое время. *Брумъ* протестовалъ противъ этого , и на другой день генераль-прокуроръ взялъ назадъ свое предложеніе.

Въ засѣданіи 7-го сентября , послѣ передопроса , которому *Брумъ* подвергъ снова *Майоци* , передопроса , который не внесъ впрочемъ въ дѣло ни одного важнаго факта , — генераль-адвокатъ (*solicitor general*) приступилъ къ чтенію выписки изъ дѣла на основаніи фактовъ , представленныхъ обвинительными свидѣтельскими показаніями.

Вслѣдъ за генераль-адвокатомъ настала очередь говорить защитникамъ королевы. Первымъ изъ нихъ говорилъ *Брумъ* , за нимъ *Деммонъ* , и наконецъ *Лушингтонъ* ; рѣчи адвокатовъ королевы занимали вниманіе слушателей въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій.

Затѣмъ приступлено было къ выслушанію показаній свидѣтелей , говорившихъ въ пользу королевы. Свидѣтели эти были : лэди *Шарлотта Линдсей* , лордъ *Гильфордъ* , сэръ *Гломберви* , лордъ *Ландэфъ* , сэръ *Кеппенъ Кравенъ* , сэръ *Вильямъ Джель* , докторъ *Толлэндъ* и ихъ слуги и другіе. Допросъ всѣмъ этимъ лицамъ происходилъ въ теченіи шести дней ; всѣ они показывали , что въ обращеніи королевы съ *Бергами* не было ничего неприличнаго ; при передопросахъ свидѣтели нѣсколько путались.

За соблюденіемъ и этой обрядности , для полнаго окончанія процесса оставалось только рѣшить лордамъ : невинна или виновна *Каролина* ; въ послѣднемъ случаѣ долженъ былъ пройти приведенный нами выше билль (*of pains and penalties*) , а вмѣстѣ съ тѣмъ коро-

деву ожидали всѣ тажкія послѣдствія, которыя въ этомъ биллѣ перечеислялись.

Долго длились пренія, наконецъ при третьемъ предложеніи чтенія билля, 108 членовъ вотировали въ пользу его, 97 — противъ. При такомъ ничтожномъ большинствѣ — 9-ти голосовъ, великая было и думать объ отсылкѣ его въ Нижнюю Палату, и лордъ Ливерпуль предложилъ тогда вотировать отсрочку билля на шесть мѣсяцевъ — обычная формальность, когда хотятъ совершенно замѣть дѣло. Предложеніе лорда прошло безъ раздѣленія голосовъ.

Вѣсть о пораженіи, понесенномъ противниками королевы, встрѣчена была въ народѣ взрывомъ самой громкой радости. По улицамъ Лондона разсѣялись толпы, которыя съ угрозами заставляли сторонниковъ короля торжествовать собственное поражение блестящими иллюминаціями. Изображенія Майоци и Дюмонъ были сожжены. Искренніе друзья короля не смѣли показываться на улицахъ, гдѣ народъ останавливалъ ихъ экипажи и заставлялъ почтенныхъ лордовъ кричать: Да здравствуетъ Каролина! Лордъ Лодеруэль, на долю котораго выпало подвергнуться такому испытанію, выпутался весьма остроумно: «Я желаю всѣмъ вамъ, кричалъ онъ, имѣть такихъ женъ, какъ принцесса Каролина!»

Народныя сатурналіи продолжались цѣлые три дня. Королева въ это время съ торжественностью отправлялась въ церковь св. Павла — благодарить Бога за избавленіе отъ вражескихъ козней!.. Послѣ своей побѣды, она удалилась отъ двора и жила сначала тихо и покойно въ своей резиденціи — Бранденбургъ-Гоузъ, но когда въ маѣ 1821 г. стали дѣлать приготовленія къ коронованію Георга, — Каролина снова возвысила голосъ и громко начала требовать полного предоставленія ей правъ — королевы-супруги. Она желала также короноваться. Записки, представленныя ею по этому поводу, переданы были на разсмотрѣніе особаго совѣта, составленнаго изъ принцевъ крови, министровъ и самыхъ почетныхъ официальныхъ лицъ королевства. Брумъ и тутъ явился горячимъ защитникомъ ея правъ, но генералъ-прокуроръ опровергъ настоящія требованія королевы, опираясь на законъ, ни одна статья котораго не указывала на права королевы-супруги раздѣлять почести коронованія. «Коронованіе государя, говоритъ онъ, актъ политической, съ которымъ коронованіе королевы не имѣетъ ничего общаго. Безспорно, обычай короновать англійскихъ королевъ — существуетъ, но обычай — еще не право, и выполнение этой официальнойности исполнѣ зависитъ отъ воли государя-супруга.»

Каролина не уснѣвъ тутъ, стала рассчитывать на поддержку въ народѣ.

Въ день коронаціи нараспло стучала она у всѣхъ дверей Вестминстерскаго аббатства: двери открывали для нея для того только, чтобы почтительно допросить ее предъявить билетъ для входа; но билета не было, и ее — не впустили. Народъ же, на новую демонстрацію котораго она такъ надеялась, встрѣтилъ ее теперь оглушительными криками и свистками.

Минули для Каролины и дни народнаго энтузіазма. Зрѣвый смыслъ сказавъ націи, что успѣвъ удержать за собою ими королевы и супруги, Каролина достигла всего, на что могли только рассчитывать. Нельзя не согласиться, что повелѣніе Георга было благородно, но несомнѣнно также и то, что Каролина, съ своей стороны, опозорила величіе и достоинство трона. Изъ 218-ти пэровъ королевства, не въ пользу ея высказалось 123, а изъ числа тѣхъ, которые назвали ее невинною, многіе впоследствии громко заявили, что только нѣкоторыя причины, причины совершенно постороннія и не касающіяся обвиненной, удержали готовое сорваться у нихъ съ языка — признаніе ея виновности, признаніе, глубоко сознаваемое ими.

Униженіе, которому подверглась Каролина въ Вестминстерѣ, было для нея смертельнымъ ударомъ; прошло нѣсколько дней — 30 іюля, выходя изъ Дрюри-Лэна она почувствовала себя нездоровой, а 7 августа скончалась отъ воспаления въ желудкѣ.

На смертномъ одрѣ она завѣщала «чтобы все достояніе, остающееся послѣ нея, передано было Вильяму Остину, тѣло же перевезено въ Брауншвейгъ и на могилѣ сдѣлана такая надпись: *«Здѣсь похоронена Каролина Амалія Елизавета Брауншвейгская, оскорбленная королева Англійская (the injured queen of England).*

Если разоблечь Каролину отъ того минутнаго блеска и величія, которыми окружила ее политическая партія, — она предстаетъ предъ нами далеко не удовлетворяющей той высокой роли, къ которой ее готовила судьба; является какой-то нѣмкой-мѣщаночкой. Узенькій и поверхностный умшико; легкомысленная, тщеславная, жадная до наслажденій, Каролина не сумѣла быть ни уважаемой принцессой, ни покинутой королевой; она не совлала съ собой, когда была въ апогеѣ своего счастья; не выказала достоинства и въ несчастіи. Не успѣвъ еще подняться на всѣ ступени трона, и уже падая, она тутъ же поспѣшила доставить несомнѣнныя доказательства, что вовсе недостойна высокаго назначенія. Полный нравственный упадокъ скоро сдѣлалъ ее предметомъ презрѣнія и сожалѣнія. Каролина впрочемъ сама чувствовала свою вульгарность и постоянно совѣстилась своей наивной простоты: «Ach, mein Gott! писала она:

это бедное, маленькое я всегда охотно сдѣлается рабомъ чловѣка, котораго полюбитъ; но не подчинится чловѣку нелюбимому!..»

Будемъ однакожъ безпристрастны; согласимся съ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ — придется ль намъ наблюдать съ точекъ горнихъ высотъ, или же спустимся мы на низшія общественныя ступени, — всегда самая значительная доля обвиненія въ паденіи жены должна дожить на голову мужа, поведение котораго и вызываетъ, и оправдываетъ отчасти самое паденіе. Кто знаетъ, можетъ-быть, для Каролины Брауншвейгской, чтобы остаться честной женой, и не доставало только одного — имѣть честнаго мужа?

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Швейцарія представляет явленіе въ высшей степени интересное въ политической жизни Европы. Средневѣковая республика, развивавшаяся совершенно самостоятельно среди всеобщаго европейскаго монархизма, но сохранившая свои средневѣковыя формы до послѣднихъ временъ; государство, обязанное только своей относительной слабости тому, что удержало самостоятельность среди могущественныхъ и, нельзя сказать, чтобъ безкорыстныхъ сосѣдей; народъ, составленный изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, безъ всякой видимой связи языка, религіи и обычаевъ, но въ тоже время высоко разившій свою національность; федерація, составившаяся изъ 22 маленькихъ республикъ, по большей части чуждыхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и враждебныхъ другъ другу; республики, въ которыхъ демократизмъ смѣшивался какъ-то странно съ исключительнымъ аристократизмомъ и кастообразностью сословій; вотъ тѣ общія явленія, которыя поражаютъ насъ при самомъ поверхностномъ взглядѣ на образованіе и развитіе Швейцарскаго союза.

Знаменитый изслѣдователь «Демократіи въ Америкѣ», Токвиль съ своею обыкновенною вѣрностью и мѣткостью выражаетъ такъ свое мнѣніе о швейцарской демократіи: (!) «Обыкновенно заблуждаются многіе насчетъ того, что была Швейцарія въ то время, когда возникла первая французская революція. Такъ какъ швейцарцы уже нѣсколько вѣковъ управлялись республиканскими формами, то полагали, что они ближе, чѣмъ другіе народы Европы, находятъ къ тѣмъ свободнымъ учрежденіямъ и духу свободы, который характеризуетъ стремленіе новаго времени. Въ Швейцаріи нужно искать

(!) La démocratie en Amérique. T. II.

совѣмъ противнаго. Хотя независимость Швейцаріи возникла изъ борьбы противъ аристократіи, но большая часть правительствъ, возникшихъ потомъ, скоро заимствовала у сверженной аристократіи ея обычаи, законы, даже убѣжденія и наклонности. Свобода представлялась имъ въ формѣ привилегіи, и идея о правѣ всѣхъ на самоопредѣленіе была имъ такъ же чужда, какъ она была чужда побѣжденнымъ австрійскимъ герцогамъ. Власть такимъ образомъ сосредоточилась внутри маленькихъ аристократій; на сѣверѣ эти аристократіи приняли характеръ промышленный, на югѣ — военный, но въ томъ и другомъ случаѣ онѣ были одинаково замкнуты и исключительны. Въ большей части кантоновъ три четверти населенія были исключены отъ всякаго посредственнаго и непосредственнаго участія въ правленіи; скажу болѣе — въ нѣкоторыхъ кантонахъ были даже подданные».

Эти общества, образовавшіяся среди столь сильнаго волненія, скоро приобрѣли такую устойчивость, что въ нихъ исчезъ всякій признакъ движенія. Аристократія, не тревожимая народомъ, не руководимая королемъ, сдѣлалась неподвижнымъ общественнымъ корпусомъ, одѣтымъ въ устарѣлыя средневѣковыя одежды.

Прогрессъ времени проникъ уже давно въ самыя монархическія государства Европы, между тѣмъ какъ Швейцарія была для него еще закрыта. Начало раздѣленія власти было принято уже всѣми публицистами, но еще не прилагалось въ Швейцаріи. Свобода книгопечатанія, существовавшая по крайней мѣрѣ фактически во многихъ абсолютныхъ монархіяхъ континента, не существовала въ Швейцаріи ни на фактѣ, ни по праву; способность къ политическимъ ассоціаціямъ не была даже признана; свобода рѣчи заключена въ самыя узкія границы. Не было ни равенства въ распредѣленіи повинностей, ни равенства передъ закономъ. Промышленность стѣснена; личная свобода не имѣла никакой гарантіи. Свобода религіи, начинавшая проникать въ самыя католическія страны, не могла еще прійти въ Швейцарію.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ диссиденты совѣмъ не были терпимы, въ остальныхъ — стѣснены. Различіе вѣрованій вело всегдѣ къ политической неспособности членовъ той церкви, которая не была господствующею въ кантонѣ. Таково было состояніе Швейцаріи до 1798 года, когда французская революція вооруженною рукою проникла въ ея территорію. Она испровергла на минуту всѣ древнія учрежденія, но не замѣстила ихъ ничѣмъ постояннымъ. Всеобщая реакція, послѣдовавшая за революціей, привела Швейцарію къ прежнему порядку; реставрація привела съ собою прежнюю привилегированную касту, но въ Швейцаріи была она болѣе упор-

на и слѣпа, чѣмъ въ остальной Европѣ. Законодательная власть совершенно подчиненная исполнительній; исполнительная власть въ рукахъ аристократіи; исключеніе средняго класса отъ участія въ дѣлахъ; народъ, лишенный всякой политической жизни: таково зрѣлище Швейцаріи до 1830 года.

Съ этого времени начинаются въ Швейцаріи постоянныя революціи; новыя понятія о личности, свободѣ и о трудѣ проникали сквозь средневѣковыя корпораціи, и борьба между ними въ большей части кантоновъ еще не кончилась до сихъ поръ.

Съ перваго взгляда на политическое устройство швейцарскихъ кантоновъ нельзя не замѣтить огромной разницы, которая существуетъ между древними, такъ называемыми нѣмецкими кантонами, представителемъ которыхъ можно взять напр. Бернъ, и новыми кантонами, т. е. присоединившимися гораздо позже къ Швейцарскому Союзу; представителемъ этихъ послѣднихъ мы возьмемъ Женеву.

Въ древнихъ кантонахъ изъ средневѣковой борьбы возникла по преимуществу и почти исключительно свобода корпораціи и общины; начала личной свободы образовывались съ большимъ трудомъ въ древнемъ союзѣ и даже до сихъ поръ еще не вышли изъ—подъ деспотизма корпорацій.

Отдѣльные города и мѣстечки имѣли свое замкнутое гражданство; граждане раздѣлялись по цехамъ и обществамъ, въ которыхъ рождались и умирали; иностранецъ и даже житель союзнаго кантона долженъ былъ преодолѣть страшныя трудности; подвергнуться множеству тяжелыхъ налоговъ, пока ему позволяли поселиться въ чуждомъ ему кантонѣ и приобрести тамъ право гражданства. Возникшая такимъ образомъ узкость воззрѣнія проникала такъ глубоко въ обыкновенную жизнь, что въ большей части городовъ и мѣстечекъ, дѣти одинаковаго возраста и сословія составляли между собою замкнутыя общества, изъ которыхъ уже не выходили цѣлую жизнь и готовили себя подъ старость такимъ образомъ печальную участь одиночества и отчужденія (1). Члены одного цеха, одной общины принадлежали имъ тѣломъ и душою; цехъ опредѣлялъ ихъ расходы; цехъ распредѣлялъ занятія для дѣтей ихъ и даже случилось въ Бернѣ, что богатый цехъ принудилъ одного изъ своихъ разорившихся членовъ, принадлежавшаго къ знатной фамиліи, имѣть свой экипажъ и лошадей, на что и отпускалъ ему деньги изъ своей вспомогательной кассы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовало законное опредѣленіе, что сироты и вообще всѣ, которые въ

(1) Karl Vogt. Ein Blick auf das jetzige Genf.

несовершеннолѣтнемъ возрастѣ воспитывались на общественный счетъ, получали право на подачу голоса въ общественныхъ дѣлахъ не раньше, какъ по возвращеніи издержанныхъ на нихъ суммъ. Надъ взрослыми былъ прежде, да и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, назначенъ самый стѣснительный контроль. Еще недавно случилось въ кантонѣ Цюрихѣ, что одинъ молодой человекъ былъ взятъ въ опеку и отчужденъ отъ общины за то, что она нашла его слишкомъ расточительнымъ ⁽¹⁾. Молодой человекъ доказывалъ, что онъ со времени своего совершеннолѣтія издерживалъ ежегодно только три четверти дохода съ своего дѣйствительно значительнаго имѣнія, а что одну четверть присоединялъ къ капиталу; что онъ такимъ образомъ не только не трогалъ капитала, но напротивъ даже увеличилъ его. Ничто не помогло; община нашла, что онъ слишкомъ много издерживаетъ и, не смотря на противорѣчія, взяло имѣніе его въ опеку.

Такихъ примѣровъ можно привести множество и показать ими, что въ большей части нѣмецкихъ кантоновъ общинная и административная власти въ силу законодательства позволяютъ себѣ иногда самый вопіющій произволъ, такъ что онѣ могутъ отнять у личности всякую свободу, не выходя изъ законныхъ границъ.

Ремесленная и торговая свобода, свобода поселенія и выхода, хотя и опредѣленными постановленіями союза, тѣмъ не менѣе стѣсняются частью отъ недобросовѣстныхъ толкованій, частью отъ полицейскихъ придирокъ, совершенно непостижимыхъ для человеческого разума, и комиссіи союзнаго сейма постоянно наполнены дѣлами такого рода, причѣмъ защитники прикосновенныхъ къ дѣлу кантоновъ, до крови отстаиваютъ конституцію сейма отъ всякаго либеральнаго толкованія. До сихъ поръ, въ древнихъ имперскихъ городахъ процвѣтаютъ во всемъ блескѣ средневѣковые цехи, и полиція стремится окружить ихъ новыми узами. Кстати о полиціи. По понятію многихъ кантоновъ, полиція стоитъ безусловно надъ закономъ и внѣ его, и если приходится, какъ говорятъ, *дѣлать полицію* (Polizei zu machen), то это дѣлается съ истиннымъ вдохновеніемъ. Въ Бернѣ ⁽²⁾ во время празднествъ, полицейскій комитетъ союзныхъ стрѣлковъ приказалъ безъ всякой церемоніи высѣчь нѣсколькихъ обывателей ⁽³⁾, оставивъ на время въ сторонѣ существующіе законы; въ Цюрихѣ и другихъ мѣстахъ въ подобномъ же случаѣ, полиція на все время празднествъ заперла

(1) Ibid.

(2) Vogt. Ein Blick auf das jetzige Genf.

(3) Strolch.

извѣстныхъ женщинъ и даже вывезла нѣкоторыхъ за границу *rag ordre de Musti*. Извѣстно, что прекрасная полиція доктора Бишофа въ Базель, заслужившая даже публичную благодарность изъ устъ союзнаго совѣта, не позволила ночевать въ Базель многимъ бѣднымъ швейцарцамъ, приходившимъ туда зарабатывать насущный хлѣбъ, и эти союзники, работавшіе въ швейцарскомъ городѣ, должны были искать убѣжища въ монархическомъ Баденѣ, менѣе стѣсненнымъ полицейскими мѣрами.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе древнихъ швейцарскихъ кантоновъ, развивавшихся исключительно подъ вліяніемъ германскихъ началъ.

Совершенно другое представляютъ намъ кантоны, присоединившіеся позже къ Швейцарскому союзу, которые по своему мѣстному положенію и многимъ другимъ условіямъ, испытывали вліяніе сосѣднихъ народовъ, преимущественно итальянцевъ и французовъ, и развили совершенно другія начала, болѣе сообразныя съ требованіями времени. Между этими кантонами первое мѣсто занимаетъ безспорно Женева, какъ по своему промышленному и торговому значенію, такъ и по той широкой политической жизни, которую она развила въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Говоря о швейцарской демократіи, мы имѣли именно въ виду указать на состояніе этой маленькой республики, которая одна изъ всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ можетъ назваться демократическою въ томъ значеніи, которое мы привыкли обыкновенно придавать этому слову. Въ самомъ дѣлѣ, радикальная партія, ставшая во главѣ женеваго правленія въ 1846 году, не только коснулась, но и осуществила многіе изъ тѣхъ политическихъ и социальныхъ вопросовъ, о которыхъ доктринеры континента не рѣшались и думать.

Мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать предварительно бѣглый очеркъ исторіи Женеваго республики со времени присоединенія ея къ Швейцарской федераціи, т. е. съ 1815 года.

Послѣ паденія первой французской имперіи въ 1815 году, Женева, по вѣнскому конгрессу, была присоединена, какъ независимая республика, къ швейцарской федераціи. Такъ какъ территорія древняго имперскаго города была очень незначительна для того, чтобы составить отдѣльный кантонъ, то по Туринскому трактату въ 1816 году, къ ней были присоединены отъ Сардиніи нѣсколько католическихъ общинъ съ населеніемъ около 12,000 душъ. Это введеніе католиковъ въ политическую жизнь протестантской Жены

имѣло сильное вліяніе на государственное управленіе, какъ мы это увидимъ впоследствии. Возстановленіе независимости въ Женевѣ было совершенно въ строго-реакціонномъ смыслѣ; главнѣйшіе начальники реставраціи Ами Люленъ, Жозефъ Дезаръ и Шарль Пяке де Рошмонъ принадлежали къ аристократической партіи, и новая конституція явно стремилась къ возможно-большему стѣсненію власти народа. Хотя по принципу, эта конституція провозглашала совершенное равенство передъ закономъ, свободу книгопечатанія, независимость судебной власти; хотя законодательному собранію, избираемому непосредственно народомъ, предоставлена была нѣкотораго рода инициатива въ законахъ и даже даровано было право измѣнять не только законы, но даже и самую конституцію: тѣмъ не менѣе однакожъ, эти гарантіи народной свободы оставались только въ принципѣ и становились ничтожными при тогдашней системѣ выборовъ, которая ограничивала до возможности избирательный ценсъ.

Избранные подъ совершеннымъ вліяніемъ правительства, представители избирали изъ своей среды двадцать четыре члена, для составленія государственнаго совѣта. Должность члена государственнаго совѣта была болѣе почетною въ томъ смыслѣ, что жалованье членовъ было самое ничтожное, и что слѣдовательно ее могли занимать только люди, пользовавшіеся значительнымъ состояніемъ. Исполнительная власть находилась въ рукахъ этого совѣта съ исключительнымъ правомъ инициативы въ законахъ. Реформы конституціи были почти невозможны, потому что были сопряжены со множествомъ формальностей, замедлявшихъ ходъ ихъ до безконечности.

Понятно, что такое положеніе дѣлъ не могло удовлетворить женецевъ, привыкшихъ искони къ политической свободѣ и самоуправленію; поэтому новая конституція встрѣчена была очень холодно народомъ. Но при всеобщемъ утомленіи, послѣдовавшемъ въ Европѣ непосредственно за реакціей съ одной стороны, съ другой — желаніе спокойно насладиться недавно пріобрѣтенною самостоятельностью, все это на время удерживало женецевъ отъ всякихъ демонстрацій, и конституція 1815 года продолжала съ незначительными перемѣнами мирно дѣйствовать въ Женевѣ до 1830 г. Съ этого времени женецы начали чутко прислушиваться къ волненіямъ, происходившимъ тогда во Франціи и Италіи; полушѣры, предпринимаемыя правительствомъ для успокоенія народа, перестали удовлетворять его; стала чувствоваться необходимость уже не въ простой реформѣ конституціи 15 года, но въ коренномъ преобразованіи всего политическаго и соціальнаго устройства. Много-

численные итальянские и польские выходцы, которымъ Женева гостеприимно отворила свои ворота, поддерживали въ народѣ революціонный духъ. Но консервативная партія, опираясь на свое матеріальное значеніе, держалась еще сильно. Первые попытки къ серьезной демонстраціи въ 1834 и 35 годахъ, кончились ничѣмъ.

Въ 1837 году, противоѣдѣіе правительству выразилось въ первый разъ явнымъ возмущеніемъ. Правительство запретило празднованіе такъ называемаго ежегоднаго женевского поста (*jeûne genevois*) и замѣнило его федеральнымъ праздникомъ (*jeûne fédéral*), празднуемомъ во всѣхъ швейцарскихъ кантонахъ. Протестанты увидѣли въ этомъ нарушеніе своихъ завѣтныхъ преданій. 7-го сентября толпа бросилась къ церквамъ, увлекая за собой своихъ любимыхъ проповѣдниковъ, заставила отворить себѣ двери и, не смотря на запрещеніе, отслушала торжественную обѣдню. Правительство, чувствуя слабость, не могло подавить волненія и ограничилось тѣмъ, что отняло на шесть мѣсяцевъ кафедру у проповѣдника, подозрѣваемаго въ участіи въ волненіи. Въ 1838 году, общая опасность, грозившая всему государству, по поводу несогласій съ Франціей, заставила умолкнуть на время внутренніе раздоры партій.

Но оппозиція пріобрѣтала съ этого времени все болѣе силы и твердости; недовольные правительствомъ стекались все въ болъшомъ числѣ подъ ея знамена, и скоро она составила организованную партію для противоѣдѣія правительству; партія эта назвала себя *ассоціаціей 3-го марта*. 22-го ноября 1841 года, толпа осадила городскую ратушу съ требованіемъ новой конституціи; правительство уступило; черезъ недѣлю комиссія приступила къ составленію новой конституціи, которая и была написана въ духѣ прежней, со многими впрочемъ важными измѣненіями сообразными съ требованіями народа. Число государственныхъ совѣтниковъ было уменьшено до 12-ти; жалованье имъ увеличено до 2,000 фран. вмѣсто прежнихъ 800; весь кантонъ былъ раздѣленъ на десять избирательныхъ коллегій, четыре для города и шесть для деревень; ценсъ былъ уничтоженъ; учреждены присяжные и допущено избраніе гражданами городского муниципальнаго совѣта. Такія безъ сомнѣнія важныя перемѣны въ конституціи, не удовлетворили однакоже радикальной партіи; она явно стремилась уже не къ реформамъ, а къ открытой революціи.

Въ февралѣ 1843 года было новое возмущеніе, въ которомъ пролита была кровь; хотя правительство одержало еще разъ верхъ и даровало всеобщую амнистію, но стало уже очевидно, что всякое примиреніе радикальной партіи съ консервативной отнынѣ невоз-

можно. Въ 1846 году послѣдовало новое несогласіе между народомъ и правительствомъ; народъ требовалъ войны съ Зондербундомъ, правительство хотѣло прибѣгнуть къ новымъ мирнымъ переговорамъ. Несогласіе это перешло въ открытое возмущеніе; въ Сент-Жервезскомъ кварталѣ, центрѣ радикализма, составилось народное собраніе, не расхлывшееся два дня; слѣдствіемъ этого было то, что обѣ партіи взялись за оружіе; 7-го сентября произошла упорная битва, кончившаяся совершеннымъ торжествомъ радикальной партіи. Предводитель ея Джемсъ Фази сталъ во главѣ правленія и удержалъ свое вліяніе на государственныя дѣла до послѣднихъ временъ.

Разсмотримъ теперь, что успѣла сдѣлать радикальная партія для Женевы въ продолженіе 14-лѣтняго управленія.

Женева въ настоящее время есть чисто-демократическая республика со всеобщей подачею голосовъ, республика, въ которой верховный народъ ежегодно самъ заботится о своихъ учрежденіяхъ избраніемъ законодательной и исполнительной власти; въ которой нѣтъ ни привилегій, ни дворянства, ни исключительныхъ судовъ, но въ которой личность и собственность гарантированы не меньше, чѣмъ въ любомъ государствѣ. Тамъ нѣтъ ни солдатъ, ни постоянного войска, нѣтъ пожизненной бюрократіи съ пенсіонами, нѣтъ тайной полиціи, а между тѣмъ тамъ царствуютъ спокойствіе и тишина. Тамъ нѣтъ государственной религіи, ни подданства, нѣтъ опеки надъ торговлей и промышленностью, нѣтъ министерства торговли, ни префектовъ, ни штатгальтеровъ, и не смотря на то, въ общественныхъ дѣлахъ царствуетъ совершенное довѣріе. Банкротства и преступленія встрѣчаются очень рѣдко.

Этимъ Женева обязана своеобразности своихъ учреждений, развившихся отчасти исторически, отчасти государственною мудростью и опытностью передовыхъ людей — учреждений, которыя конечно гораздо легче создать въ такомъ небольшомъ государствѣ и при томъ общемъ развитіи образованности, какое существуетъ въ Женевѣ.

Совершенно своеобразное учрежденіе есть общій совѣтъ (*conseil général*). Этотъ общій совѣтъ состоитъ изъ всѣхъ гражданъ кантона, имѣющихъ право голоса, равно какъ и изъ поселившихся въ немъ союзниковъ, и собирается каждые два года для избранія государственнаго совѣта. Такимъ образомъ исполнительная власть избирается не какъ въ большей части кантоновъ — законодательнымъ

корпусомъ, но исходить прямо отъ народа и слѣдовательно становится гораздо независимѣе къ законодательной власти, чѣмъ въ другихъ кантонахъ. Учрежденіе общаго совѣта относится еще ко временамъ Кальвина, но по мѣрѣ того, какъ власть сосредоточивалась въ рукахъ нѣсколькихъ фамилій, оно приходило въ упадокъ и наконецъ совершенно уничтожилось во времена реставраціи. Оно было возстановлено въ революцію 1846 года. Съ этого времени общій совѣтъ дѣйствуетъ какъ избирательный корпусъ, хотя по смыслу конституціи, ему предоставлены нѣкоторыя другія права, напр. право подавать голосъ при измѣненіи конституціи. Во времена Кальвина, общій совѣтъ собирался для избранія въ главной женевской церкви, но въ новѣйшія, благочестивыя времена нашли, что подобное собраніе неумѣстно въ храмѣ, и рѣшено было съ согласія всѣхъ партій — выстроить особый избирательный домъ, который и былъ освященъ въ 1854 году, при вторичномъ избраніи Фази, къ крайней досадѣ консерваторовъ.

Ежегодныя избранія производятъ всегда въ кантонѣ большое возбужденіе и потому заслуживаютъ ближайшаго разсмотрѣнія. За нѣсколько недель до избранія, заготавливаются полныя алфавитныя списки всѣхъ избирателей и выставляются въ публичныхъ мѣстахъ города и въ различныхъ общинахъ кантона. Въ то же время назначается коммиссія для разрѣшенія всѣхъ претензій, могущихъ возникнуть по поводу правильности этихъ списковъ. Государственный совѣтъ назначаетъ президента и вице-президента общаго совѣта; во все время выборовъ исполнительная власть находится въ рукахъ перваго, вмѣстѣ съ правами полицейской власти и правомъ располагать въ случаѣ надобности вооруженною силою. Президентъ валагаетъ печати на избирательныя билетки и пользуется неограниченною властью въ избирательномъ зданіи.

Въ это время партіи приготавливаются къ битвѣ; если предвидится жаркое дѣло, то начинается сыпаться настоящій дождь статей, листовъ, брошюръ, развозимыхъ по большей части особыми разнощиками по городамъ и селамъ. Тогда же начинаются предварительныя выборы партій; большинствомъ голосовъ избираются семь кандидатовъ, долженствующихъ посвятить себя, въ продолженіи двухъ лѣтъ, на служеніе отечеству. На этихъ предварительныхъ выборахъ поступаютъ точно также, какъ и на окончательныхъ, съ тою только разницею, что каждый избиратель пишетъ мѣломъ на доскѣ имена своихъ кандидатовъ, а тѣ, которымъ они не нравятся, стираютъ ихъ и пишутъ своихъ. Такимъ образомъ, часто не безъ жаркихъ преній, утверждаются избирательныя списки партій. Вслѣдъ за тѣмъ появляются конечно чудовищныя афиши съ аршинными

буквами, возвѣщающія жителямъ, что государство въ опасности, если не будутъ избраны означенные кандидаты, и каждая партія употребляетъ всевозможныя усилія наwerbовать какъ можно больше избирателей. Обыкновенно, каждая партія имѣетъ для своихъ афишъ и списковъ особый цвѣтъ бумаги: по этому поводу произошло, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, немалое волненіе въ городѣ, когда консерваторы, которыхъ списки были прежде бѣлаго цвѣта, вдругъ измѣнили его въ красный, радикальный цвѣтъ.

Между тѣмъ приближается день выборовъ.

Президентъ приглашаетъ записками извѣстное число гражданъ явиться заранѣе въ избирательную залу и принять участіе въ образованіи центрального бюро. Двери избирательной залы отворяются въ опредѣленный часъ; входящіе бросаютъ свои карточки въ урну; президентъ вынимаетъ изъ нихъ 32 и составляетъ такимъ образомъ центральное бюро, которое безапелляціонно, большинствомъ голосовъ, рѣшаетъ всѣ споры по избранію и утверждаетъ самую законность избранія.

Зала представляетъ въ минуту избранія слѣдующій видъ. На одномъ концѣ, прямо противъ главнаго входа, находится позвышеніе, на которомъ помѣщается центральное бюро; передъ нимъ свободное мѣсто съ двумя урнами, въ которыя бросаютъ билетки съ именами кандидатовъ. По обѣимъ сторонамъ входа находятся маленькія бюро, состоящія изъ трехъ членовъ, назначенныхъ предварительно президентомъ изъ обѣихъ партій. Надъ бюро виситъ доска съ нѣсколькими азбучными буквами.

Каждый избиратель, входя, подходитъ къ тому бюро, на доскѣ котораго выставлена начальная буква его фамиліи, произноситъ громко свое имя и послѣ повѣрки тождественности его лица, ему дается избирательный билетъ и въ то же время имя его вычеркивается изъ списка. Добровольные надзиратели окружаютъ обыкновенно бюро для наблюденія, чтобы кто-нибудь не присвоилъ себѣ билета отсутствующаго, или получилъ его, не имѣя права на голосъ.

Въ залѣ стоятъ длинныя столы, у которыхъ сидятъ назначенныя партіями писцы и избавляютъ избирателя отъ труда писать самому имена кандидатовъ. Передъ зданіемъ и у всѣхъ дверей стоятъ мальчики, предлагающіе наперерывъ списки партій.

Входящій избиратель проходитъ сквозь перекрестный огонь афишъ, подходитъ къ своему бюро, беретъ билетъ и тогда на него нападаютъ члены обѣихъ партій, въ надеждѣ склонить его на свою сторону. Но обыкновенно онъ обвиняетъ свой пустой билетъ на уже написанный, съ именами кандидатовъ его партіи и кладетъ его въ урну.

Избиратели отдѣльных мѣстечекъ приходятъ въ процессіяхъ, съ развѣвающимися знаменами, съ списками на шляпахъ въ родѣ кокардъ.

Если въ выборахъ принимаютъ участіе обѣ партіи и дѣло доходитъ до рѣшительнаго сраженія, то возбужденіе въ залѣ доходитъ до высочайшей степени и нерѣдко приводятся даже въ дѣятельность кулаки. Отъ времени до времени президентъ объявляетъ громкогласно, сколько выдано избирательныхъ билетовъ изъ центральнаго въ отдѣльныя бюро. Окончаніе выборовъ назначено всегда къ опредѣленному часу. Если они окончились благополучно, то президентъ закрываетъ урны; маленькія бюро приносятъ обратно невыданные билеты, и число выданныхъ окончательно сосчитывается. Урны открываются только членами центральнаго бюро, билеты собираются по сотнѣ въ пачки, а между тѣмъ составляются голоса и вносятся ихъ въ списки. Эта операція продолжается всю ночь. Все это время зала бываетъ открыта и недобвѣрчивые граждане окружаютъ считающихъ голоса. Наконецъ центральное бюро собираетъ результаты частныхъ бюро, и самый результатъ выборовъ провозглашается президентомъ.

Такъ какъ въ подобныхъ выборахъ принимаетъ участіе весь кантонъ, а отдаленнѣйшія мѣста отъ города лежатъ по крайней мѣрѣ на три часа вѣды; такъ какъ съ другой стороны, для партій въ высшей степени выгодно, чтобы и отдаленнѣйшіе избиратели были на выборахъ, то немалыхъ издержекъ для партій стоитъ припасеніе разныхъ способовъ сообщенія, т. е. каретъ, локомотивовъ и т. п. Издержки эти обыкновенно покрываются добровольною подпискою.

При избраніи въ швейцарскій національный совѣтъ, куда женеvский кантонъ посылаетъ трехъ уполномоченныхъ, равно какъ и при избраніи въ законодательный большой совѣтъ (*grand conseil*) поступаютъ точно также какъ и при избраніи въ исполнительный государственный совѣтъ, съ тою только разницею, что выборы въ законодательный совѣтъ производятся въ трехъ избирательныхъ коллегіяхъ. Первая находится въ городѣ, вторая заключаетъ лѣвый берегъ Роны и избранія ея производятся въ Каружъ; третья — правый берегъ Роны и избранія происходятъ въ Саконезъ.

Изображенные нами въ краткихъ чертахъ выборы были установлены конституціей 1846 года. Цѣль ихъ главнымъ образомъ заключается въ томъ, чтобы какъ можно больше отстранить отдѣльнаго избирателя отъ вліянія мелкихъ мѣстныхъ избирателей и слить всѣхъ по возможности въ одно цѣлое. Въ большей части деревень и мѣстечекъ потомки богатыхъ фамилій владѣютъ значительною

поземельною собственностью и даже въ самомъ городѣ есть ремесленники, торговцы, работники, зависящіе отъ нихъ болѣе или менѣе. Понятно, что подобная зависимость, хотя бы выражалась совершенно въ законныхъ формахъ, можетъ имѣть большое вліяніе при выборахъ, такъ какъ подача голосовъ производится по общинамъ, въ маленькихъ избирательныхъ коллегіяхъ, такъ что многіе принуждены иногда подавать голоса за ту партію, которая имъ совсѣмъ не по сердцу. Теперь же, когда личность избирателя исчезаетъ въ массѣ, когда способъ подачи голосовъ не можетъ быть подверженъ контролю, онъ можетъ безъ всякаго стѣсненія слѣдовать своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

По этой же причинѣ консервативная партія употребляла частыя, хотя и бесполезныя усилія, чтобы ввести снова подачу голосовъ по мелкимъ избирательнымъ коллегіямъ и имѣть такимъ образомъ значительное вліяніе при выборахъ.

Легко понять, что по самому способу избранія, исполнительная власть въ Женевѣ имѣетъ совершенно другое значеніе, нежели въ другихъ кантонахъ Швейцаріи. Тамъ она представляетъ только исполнительный комитетъ законодательнаго кортуса и есть часто не болѣе какъ продуктъ взаимнаго соглашенія нѣсколькихъ вліятельныхъ членовъ; въ Женевѣ же исполнительная власть есть непосредственное выраженіе воли народной, и поэтому она съ одной стороны имѣетъ болѣе возможности инициативы, съ другой — она представляетъ болѣе противодѣйствія законодательной власти.

По большей части, удовлетвореніе и неудовольствія народа зависятъ не столько отъ общихъ принциповъ правительства, сколько отъ администраціи и подчиненныхъ административныхъ чиновниковъ. Въ швейцарскихъ кантонахъ часто цѣлая политическая система падаетъ оттого, что господствующая партія впала въ какую-нибудь ошибку при выборѣ административныхъ чиновниковъ. По малости женеваго кантона, въ немъ нѣтъ посредствующихъ инстанцій между начальникомъ департамента и общиннымъ управленіемъ. Прежде было множество отдельныхъ постоянныхъ комиссій, которыя должны были слѣдить за производствомъ дѣлъ, и конечно тѣмъ меньше слѣдили, чѣмъ многочисленнѣе были члены ихъ. До крайности медленный ходъ дѣлъ и совершенная безотвѣтственность комиссій были слѣдствіемъ подобнаго учрежденія. Теперь начальникъ департамента пользуется въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти неограниченною властью, но онъ лично отвѣчаетъ въ случаѣ злоупотребленій передъ государственнымъ совѣтомъ, передъ законодательнымъ собраніемъ и передъ цѣ-

лымъ народомъ , и только въ важнѣйшихъ дѣлахъ прибѣгаютъ къ посредству правительственнаго совѣта.

При такихъ учрежденіяхъ нельзя не удивляться, какъ въ Женевѣ находятя люди, которые кричатъ о диктатурѣ, намекая на вліяніе Фази въ продолженіи 14 лѣтъ на управленіе республикою. Въ Женевѣ существуетъ нынѣ консервативное меньшинство, важное по своему богатству и образованію, которое до сихъ поръ оплакиваетъ старую Женеву; сердца котораго стремятся къ тому блаженному состоянію, когда, занерты въ стѣнахъ, люди не могли наслаждаться ни чистымъ воздухомъ, ни свѣтомъ, и золотуха покрывала душу и тѣло. Эти люди послѣ революціи 1846 года заключились въ своей консервативности и не имѣютъ никакихъ сношеній съ остальными гражданами; ихъ поэтому нельзя строго обвинять въ неправильномъ взглядѣ на вещи. Погребнымъ ящерицамъ и совамъ неловко при дневномъ свѣтѣ; всѣ усилія передѣлать ихъ натуру останутся тщетны: они начинаютъ кричать о невыносимомъ деспотизмѣ, когда люки открыты и старыя стѣны разрушены. Правда, вліяніе Фази велико въ Женевѣ, во многихъ дѣлахъ мнѣніе его принимается безконтрольно; но онъ приобрѣлъ это вліяніе глубокимъ умомъ, необыкновенно яснымъ пониманіемъ положенія дѣлъ не только въ Женевѣ, но и во всей Швейцаріи и Европѣ, и необыкновенною энергією, съ какою онъ цѣлые годы, при совершенномъ недостаткѣ средствъ, стремится къ извѣстной цѣли и никогда не останавливается, не достигнувъ ея. Вѣроятно нѣтъ въ мірѣ законодательнаго собранія, въ которомъ бы споры были такъ одушевлены и жарки какъ въ Женевѣ; вмѣстѣ съ быстротою соображенія и долгою привычкою къ самоуправленію, население Женевы соединяетъ необыкновенную подвижность: поэтому о преобладаніи воли одного, только потому, что это его воля, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Для того, чтобы извѣстный законъ могъ быть принятъ и приведенъ въ исполненіе, необходимо, чтобы прежде вся масса, или по крайней мѣрѣ дѣлая партія проникнулась сообразностью и необходимостью его. Вотъ почему Фази можно видѣть чаще, чѣмъ всякаго другаго предводителя партіи впереди на брешахъ, хотя бы дѣло шло повидимому и не о важныхъ интересахъ. Въ большомъ совѣтѣ онъ говоритъ почти постоянно въ пользу настоящаго правленія; въ народныхъ собраніяхъ, избраніяхъ, въ клубахъ онъ всегда самъ вызываетъ на споръ; даже въ театрѣ онъ не уклоняется отъ жаркой защиты своихъ убѣжденій противъ высокоумныхъ законодателей партера. Это-то постоянное соприкосновеніе съ народомъ, эта вседневная готовность къ оппозиціи всакому, кто не раздѣляетъ его убѣжденій, обуславливаютъ его вліяніе и вмѣстѣ съ этимъ даютъ ему возмож-

ность слѣдить за направлениемъ общественнаго мнѣнія и сообразоваться съ нимъ.

Вліянію радикальной партіи въ Женевѣ наиболѣе способствовало постоянное стремленіе Фази отыскать матеріальныя средства для улучшенія быта ремесленнаго и промышленнаго населенія. Тѣлесная и духовная свобода были первымъ условіемъ новой, свѣжей жизни, которая должна была распространиться на все населеніе, а не ограничиваться однимъ классомъ. Городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ стѣнами и валами; ворота, какъ въ пограничномъ городѣ, запирались очень рано, что крайне стѣсняло промышленный народъ. Конечно, достаточные люди могли проводить по восьми мѣсяцевъ въ году за городомъ, но рабочій классъ долженъ былъ прозвѣвать всю жизнь въ душныхъ, тѣсныхъ квартирахъ, въ узкихъ улицахъ, куда никогда не заходилъ солнечный лучъ. Поэтому прежде всего нужно было позаботиться о воздухѣ и свѣтѣ, и въ то же время уничтоженіемъ заставъ и пошлннъ, приобрести новый источникъ богатства, необходимаго для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Ломка крѣпостныхъ работъ была опредѣлена. Пошлины со всѣхъ сторонъ крики: консерваторы, владѣтели домовъ кричали, что ихъ дома потеряютъ цѣнность; протестанты — что упадетъ вѣра; военные — что Женева беззащитно попадетъ въ руки французовъ; даже союзные кантоны хотѣли вмѣшаться въ это дѣло ради стратегическихъ причинъ, которыя, какъ извѣстно, бываютъ часто выше всякаго человѣческаго разума. Но число и сила оппозиціи только увеличивали энергію радикальной партіи. Ломка стѣнъ возвысилась до патриотической жертвы. Съ барабаннымъ боемъ явились даже отдаленнѣйшія общины принять безденежно участіе въ разрушеніи бесполезныхъ укрѣпленій.

Случилось то, что предполагалъ Фази и его друзья. Земля подъ шапцями, которую противники цѣнили по болшей мѣрѣ по 6 фран. за квар. сажень, возвышалась ежегодно въ цѣнѣ, такъ что земли подъ строенія сдѣлались такъ же дороги, какъ въ Парлажѣ и другихъ большихъ городахъ. Цѣнность недвижимой собственности увеличилась прогрессивно не только въ окрестности города, но и въ отдаленнѣйшихъ отъ него мѣстахъ. Чѣмъ болѣе строились, тѣмъ быстрѣ росло населеніе, и чѣмъ болѣе открывалось новыхъ жилищъ, тѣмъ наемная цѣна становилась выше. Въ то же время приобретенная такимъ образомъ земля стала достаточной гарантіей для государственныхъ займовъ, которые назначались преимущественно для окончанія большихъ общественныхъ работъ. Прежнее правленіе держалось принципа — дѣлать какъ можно меньше и сберегать какъ можно больше.

Радикальная партия, напротив, дала новый толчок промышленной и торговой деятельности кантона, предпринимая общественные работы в большом масштабе: она строила мосты, проводила улицы, дороги, помогала миллионами учредителям железных дорог и темъ сообщала деятельность отдаленнейшимъ мѣстамъ кантона.

Вопросъ о финансахъ составляетъ вообще одинъ изъ главнѣйшихъ уврековъ, который консерваторы дѣлаютъ радикальной партиі: они видятъ въ немъ подводный камень и колючую гибель радикализма. Характеристическимъ признакомъ древнихъ аристократическихъ партий въ Швейцаріи было стремленіе заключаться въ маленькія, строго замкнутыя категоріи, съ извѣстными нравами и привилегіями; они собирали какъ можно больше денегъ, которыя капитализировались и часто употреблялись самымъ безплоднымъ образомъ. Аристократическія правленія придерживаются того же принципа, только въ большемъ размѣрѣ; теперь еще очень многіе государственные люди въ Швейцаріи считаютъ высшею степенью процѣтванія финансовъ, когда издержки сокращены по возможности и въ кассѣ накапливается какъ можно больше звонкой монеты. Печальный примѣръ бернской республики, погребя которой французы такъ очистили, что въ Египтѣ до сихъ поръ ходятъ бернскіе дундрры, не навелъ ихъ на разумъ.

Радикальная партия, какъ мы видѣли, придерживается другой системы: она предпринимаетъ общественныя работы въ большихъ размѣрахъ, какъ для увеличенія матеріальнаго благосостоянія края, такъ и для того, чтобы дать работу бѣдному классу и приобрести себѣ этимъ большую популярность. Кроме этого, она усердно принялась за распространеніе народнаго образованія и тратила на поддержаніе его ежегодно большія суммы. Для прикрытія всѣхъ этихъ издержекъ оставалось два пути: или увеличить налоги, или прибѣгнуть къ системѣ займовъ.

Но не нужно забывать, что въ демократическихъ кантонахъ Швейцаріи вопросъ о налогахъ есть самый щекотливый, и что онъ почти всегда влечетъ за собой паденіе той партиі, которая рѣшается изменить существующую форму налоговъ. Прямые налоги, ма сат момъ дѣль очень незначительны; косвенные же налоги падаютъ всегда на недостаточныхъ гражданъ и могутъ быть увеличены вдвое, не возбуждая особеннаго неудовольствія въ народѣ. Къ послѣднимъ относятся такъ называемая законная подлинка, напр. на право жаткости, и особая такса на движимое имущество, называемая *taxe des gages*. Всякій, кто имѣетъ капиталъ свыше 5000 франковъ, являющійся процентъ, таксируетъ самъ себя передъ особою коммис-

сею и къ чести этой комисси нужно сказать, что до сихъ поръ рѣдко бывали случаи, чтобы она находила нужнымъ измѣнять эту добровольную раскладку. Эта такса составляетъ $\frac{1}{8}$ всего государственнаго дохода. Остальные налоги суть въ нѣкоторомъ родѣ предо- стѣрительное «не тронь меня» для партій. Поэтому, при желаніи открыть новую, великую будущность для Женевы, не подвергая въ то же время опасности политическаго господства той партіи, кото- рая едва способна была дать такую будущность, необходимо было прибѣгнуть къ займамъ. Нужно сознаться, что они достигли въ на- стоящее время въ Женевѣ крайнихъ предѣловъ возможности; что ежегодно идетъ на уплату однихъ процентовъ $\frac{1}{4}$ всего государ- ственнаго дохода, но съ другой стороны, результаты, до которыхъ дошла нынѣ радикальная партія, вполне оправдываютъ ея систему: Женева измѣнилась за эти четырнадцать лѣтъ съ головы до пятъ. Впрочемъ нельзя было бы жаловаться, если бы въ такомъ кантонѣ какъ Женева, въ которомъ считается около 80000 жителей, и при такомъ значительномъ богатствѣ, прямыя налоги были бы увели- чены въ два и даже три раза. Основной налогъ не превышаетъ 300000 франковъ: сумма, при вышеозначенныхъ условіяхъ, больше чѣмъ недостаточная.

Прежде, въ распоряженіи такъ называемаго экономическаго об- щества находились значительныя суммы, доходившія до миліоновъ; онѣ за незначительный процентъ отдавались въ пользованіе немно- гимъ, которые употребляли ихъ для своихъ частныхъ спекуляцій. Правительство наложило руку на эти фонды, существованіе кото- рыхъ было даже скрыто отъ него, и образовало изъ нихъ два кре- дитныхъ учрежденія: гипотетическую кассу и женевскій банкъ; по- слѣдній съ большимъ успѣхомъ производитъ обороты, какъ дискон- тарующій и заемный банкъ. Кроме этого, кредиту предоставлены были всевозможныя облегченія, такъ что теперь въ видѣ аноним- ныхъ обществъ существуютъ въ Женевѣ еще три банка (banque de commerce, banque générale suisse, banque commerciale) и двѣ дис- контныхъ кассы (caisse d'escompte и comptoire d'escompte). Съ пол- нымъ правомъ можно сказать, что всѣ эти кредитныя учрежденія обязаны своимъ существованіемъ Фази, потому что одни были имъ самимъ основаны, другія возникли частью какъ противудѣйстви- его созданіямъ, частью для того, чтобы стать съ ними въ непріят- венную конкуренцію. Расколъ, породившій политическую оппози- цію партій въ Женевѣ, распространялся не на одну политическую жизнь, но и на социальную и материальную, такъ что даже въ самомъ незначительномъ дѣлѣ всегда нужно узнать, какая партія при- нимаетъ въ немъ участіе и какая стоитъ къ нему враждебно. Вездѣ

въ другихъ госудаствахъ, въ дѣлахъ денежныхъ прекращается политическая неприязнь, а финансовыя люди не оправдаются, монархъ или республиканецъ тотъ, съ которымъ хотягь имѣть дѣло; но въ Женевѣ борьба продолжается и на этомъ поприщѣ, и можетъ-быть еще съ большею силою, чѣмъ на политическомъ.

Женева безъ всякаго сомнѣнія занимаетъ важное мѣсто въ финансовомъ и промышленномъ мѣрѣ, можетъ-быть даже важнѣе, чѣмъ это условливаютъ ея промышленность и капиталы. Послѣ Базеля, Женева богатѣйшій городъ Швейцарскаго Союза, а биржа ея самая значительная въ Швейцаріи, потомучто Женева гораздо больше властаетъ въ биржевыя спекуляціи, нежели Базель, употребляющій свои капиталы другимъ образомъ. Прежде биржевыя спекуляціи находились совершенно въ рукахъ вѣсколькихъ агентовъ, которые вступали между собою въ общество и назначали курсы по своему произволу. Теперь биржа сдѣлалась публичнымъ учрежденіемъ, курсы публикуются присяжнымъ комиссаромъ и вообще дѣла ведутся такъ, какъ во французскихъ биржахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что нѣтъ привилегированныхъ мѣновыхъ агентовъ (agents de change), но всякій, кто чувствуетъ себя способнымъ, можетъ исполнять эту должность. Несоразмѣрное количество банкировъ, мѣновыхъ и дѣловыхъ агентовъ достаточно свидѣтельствуетъ, что оборотъ на мѣстѣ очень значителенъ, и если сравнить его съ оборотомъ другихъ швейцарскихъ городовъ, напр. Базеля, то легко можно увидѣть, что охота и страсть къ приобрѣтенію влечетъ за собою страсть къ приключеніямъ; это обстоятельство вредно потому, что часто для смѣлыхъ заграничныхъ спекуляцій, пренебрегаютъ ближайшими и болѣе положительными дѣлами у себя дома. Хотя пословица и говоритъ: «если женевецъ прыгаетъ изъ окна, то смѣло прыгай за нимъ, потомучто навѣрное есть въ виду выигрышъ»; тѣмъ не менѣе однакоже можно представить много примѣровъ, что подобныя скачки въ Испанію, Калифорнію и Алжирь, кончались не совсѣмъ благополучно для тѣхъ, кто на нихъ рѣшился.

Собственная промышленность Женевы — приготовленіе часовъ и обдѣлка драгоценныхъ камней — хотя и пользуется прежнею славой, но замѣтно приходитъ въ упадокъ, что немало озабочиваетъ нѣкоторыхъ на счетъ будущности. Можно сказать, что съ 1848 года эта промышленность находилась постоянно въ ожиданіи кризиса и что съ тѣхъ поръ не было ни одного года, когда бы преглянуло солнышко. Двѣнадцать лѣтъ, конечно, долгое время и нужно удивляться только тому, что вообще время это обошлось еще довольно счастливо.

Собственно фабрикація часовъ съ каждымъ годомъ все болѣе и

болѣе удаляются въ горы. Въ Женевѣ теперь существуютъ по болѣе-шей части фабрики, которыя посредствомъ машины приготавлиють грубые матеріалы для простыхъ часовъ; число же работниковъ, приготавливающихъ хорошіе часы, хронометры, съдѣлалось относительно гораздо меньше; фабрикація часовъ таковаго устройства, котораго бывають въ обыкновенныхъ серебряныхъ и золотыхъ часахъ, почти совсѣмъ переселилась въ горы. За тѣмъ за Женевой осталась привилегія изготовлять съ большими кускомъ ящики на часы, тонкая графировка, украшеніе эмалью и драгоценными камнями, и это производитъ значительный оборотъ, существующій между порокомъ и горными фабрикантами. Во время большихъ денежныхъ счетовъ, случающихся два раза въ году, въ дни св. Георгія и св. Мартина, въ Женевѣ царствуетъ постоянно денежный кризисъ; потому что тогда милліоны звонкой монеты идутъ въ горы для уплаты и обмена.

Гораздо больше рукъ, чѣмъ производство часовъ, занимаетъ отдѣла драгоценныхъ камней и связанная съ нею вѣтвь промышленности; но и здѣсь со временемъ образовались опасныя конкуренціи, которыя ежегодно уменьшаютъ рынокъ сбыта и выгоды. Германия, въ особенности же Пфюрцгеймъ, работаетъ съ не меньшимъ вкусомъ и гораздо дешевле Женевы, такъ что въ маленькихъ украшеніяхъ они давно отбили у ней первенство. Такимъ образомъ эта промышленность, на которой прежде основывалось богатство Женевы, приходитъ все болѣе и болѣе въ упадокъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ торговля драгоценными камнями въ Парижѣ сосредоточилась почти вся въ рукахъ Ротшильда, и нѣжная артистичность парижскихъ украшеній во многихъ случаяхъ стала предпочитаться тонкости женеvской работы.

Но если бы эта промышленность и совершенно уничтожилась, то не нужно опасаться слишкомъ значительнаго потрясенія для Женевы. Это именно потому, что ее легко можно замѣстить другою; такъ какъ ни въ одномъ государствѣ нѣтъ той свободы въ выборѣ промышленности, какия существуетъ въ Женевѣ. Въ ней не знаютъ всѣхъ тѣхъ законовыхъ и полицейскихъ ограниченій на счетъ мѣстопробыванія, поселенія, торговли и промышленности, которыя такъ часто встрѣчаются наиримѣрь въ Германіи, гдѣ страсть къ регламентированію и правительственной опеке доведены до такихъ чудовищныхъ размѣровъ; въ ней нѣтъ даже той несправедливости, или лучше сказать зависти къ иностранцамъ, которая существуетъ въ другихъ швейцарскихъ кантонахъ. Потому то въ Женеву стекается такое множество изгнанниковъ подышать воздухомъ свободы. Положеніе Женевы между Франціей, Италіей и Германіей обусло-

вуетъ этому нацльву со всѣхъ сторонъ, что условливаетъ и характеръ и количество ея населенія. Только нѣсколько фамилій могутъ считать себя туземными; большая же часть все потомки изгнанниковъ, поселившихся въ Женевѣ послѣ уничтоженія наутскаго эдикта, послѣ гражданскихъ войнъ въ Италіи и преслѣдованія вальденцевъ (въ Пьемонтѣ). Потому одинъ государственный совѣтникъ имѣетъ полное право сказать полусуто, полусерььозно, что Женева имѣетъ большое сходство съ Римомъ въ томъ, что подобно ему, населялась бѣглецами и изгнанниками и воспитала изъ нихъ достойныхъ гражданъ.

Радикальная партія старалась развить этотъ принципъ гостеприимства, свойственный малейкой республикѣ издавна, какъ можно шире. Условія и формальности, которыя соблюдались при дарованіи иностранцу правъ гражданства, значительно облегчены и уменьшены: для членовъ союза требуется для этого только двухлѣтнее пребываніе въ территоріи кантона. Кромѣ того, жители другихъ кантоновъ Швейцаріи до того сравнены въ политическихъ правахъ съ женевацами, что не нужно даже формальнаго принятія въ число гражданъ, для того чтобы быть способнымъ занять всякое политическое мѣсто въ республикѣ. Тѣмъ не менѣе однакожь, союзникамъ весьма важно это полученіе правъ гражданства въ Женевѣ; потому что избавляетъ ихъ отъ тяжелого надзора и опеки общины своего кантона, о чемъ мы говорили уже выше. Законодательство и обычаи въ Женевѣ не имѣютъ претензіи брать гражданъ подъ отеческую опеку и попечительство. Отъ этого въ малейкомъ кантонѣ принимаютъ ежегодно въ число гражданъ больше иностранцевъ и союзниковъ, чѣмъ во всей остальной Швейцаріи; населеніе увеличивается съ поразительной быстротой и появляются новыя отрасли промышленности и ремесла, о которыхъ сама Женева и не подумала бы быть-можетъ.

Остановимся на минуту на этомъ фактѣ, который могъ повториться развѣ только въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Населеніе Женевы состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Это кака-то смѣсь всѣхъ племенъ, въ которой кромѣ французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, можно встрѣтить еще много народовъ другого происхожденія. Поэтому сила ассимиляціи должна быть очень сильна, чтобы изъ этого вавилонскаго смѣшенія образовать одинъ народъ, съ рѣзко выдающеюся національностью. Иностранцу достаточно прожить нѣсколько лѣтъ въ Женевѣ, чтобы на него навсегда легла національная печать. Нерѣдко случается наприимѣръ, что въ нѣмецкихъ семействахъ, недавно натурализи-

рованныхъ въ Женевѣ, дѣти не сохраняютъ ни малѣйшаго слѣда своего происхожденія ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни даже въ складѣ ума, хотя извѣстно, до какой степени германская раса упорна и туга къ усвоенію новыхъ, несвойственныхъ ей началъ. Здѣсь мы видимъ разительный примѣръ того, до какой степени нѣкоторыя учрежденія вліяютъ на нравы и понятія людей.

Въ этомъ широкомъ, если можно такъ выразиться, космополитизмѣ, заключается отчасти неудовольствіе и непріязнь къ Женевѣ другихъ кантоновъ, которыя высказались два года тому назадъ въ извѣстномъ спорѣ о перебѣжчикахъ. Нѣсколько ѣднниковъ, которыхъ изгнали тогда изъ союзнаго совѣта, рѣшительно не заслуживали этого, и пребываніе ихъ въ Швейцаріи не было нисколько опасно ни для нея, ни для Европы; на столько оно не было опасно, что нѣкоторые изъ нихъ, нѣсколько времени спустя, играли въ оркестрѣ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ Бернѣ, въ день освященія злания, для союзнаго сейма. Эти музыканты были конечно придиркою, которою воспользовались нѣкоторые государственные люди Швейцаріи, чтобы излить свою жолчь и тѣмъ покончить разомъ съ «женевщиной», какъ они выражались. Понятно, что необыкновенная подвижность женецевъ въ дѣлѣ политическихъ вопросовъ, отзывающаяся и въ другихъ кантонахъ; живость, съ которою женецкіе уполномоченные оспариваютъ на сеймѣ дряхлыя средневѣковыя учрежденія, глубоко вкоренившіяся однакоже въ сердцахъ нѣкоторыхъ союзниковъ; упорство, съ какимъ женецкіе отстаиваютъ свои свободныя воззрѣнія относительно правъ уроженца, поселенца и шостранной полиціи — понятно, что все это можетъ возбудить раздражительные нервы союзниковъ и довести ихъ даже до желанія избавиться навсегда отъ такого беспокойнаго союзника, нарушающаго ихъ вѣковой квіетизмъ. То же несходство въ убѣжденіяхъ и взглядахъ возбудило вѣкогда противъ Женевы ненависть французскихъ доктринеровъ и во главѣ ихъ Гизо, такъ что протестантъ Гизо сталъ открыто поддерживать ультрамонтанскій Зондербундъ и выѣсть съ Меттернихомъ задумалъ уничтожить даже политическую самостоятельность Швейцаріи. То же несходство вырыло пропасть между Женевею и швейцарскими доктринерами изъ школы Дальманна-Савиньи. А между тѣмъ единственной ошибкой Женевы относительно своихъ союзниковъ состоитъ въ томъ, что она въ настоящее время осуществила у себя множество такихъ учреждений, къ которымъ и остальная Швейцарія должна рано или поздно дойти. Но вѣдь есть такіе люди, которые не могутъ безъ досады глядѣть на то, что нашолся человѣкъ, указывающій имъ на цѣль.

Такие люди выражали часто упрек и устно на сеймахъ, и печатно въ газетахъ, что Женева не имѣетъ истинно-швейцарскихъ убѣжденій. Конечно, если истинно-швейцарскія убѣжденія заключаются въ сохраненіи множества узкихъ средневѣковыхъ формъ, которыя до сихъ поръ процвѣтаютъ въ нѣмецкой Швейцаріи, то упрекъ этотъ совершенно основателенъ. Женева принесла швейцарской федераціи быть-можетъ гораздо больше жертвъ, чѣмъ какой-нибудь другой кантонъ. Границы ея были совершенно свободны; она не знала никакихъ входныхъ, выходныхъ, ни транзитныхъ пошлинъ; теперь торговля ея приноситъ миліоны въ союзную кассу, и она должна подчиняться разнымъ таможеннымъ и бюрократическимъ формальностямъ; союзный почтовый тарифъ распространяется даже на городскихъ извозчиковъ и на омнибусы, перевозящіе пассажировъ на станціи желѣзной дороги.

Для населенія, привыкшаго къ совершенной свободѣ движенія, все это большія жертвы.

Но если швейцарскихъ убѣжденій искать въ любви къ федераціи, въ проявленіи патріотическихъ стремленій, въ любви къ свободѣ и независимости, въ дружелюбномъ принятіи союзниковъ другихъ кантоновъ, то конечно въ этомъ отношеніи съ Женевою не можетъ сравниться ни одинъ кантонъ, хотя онъ и самый младшій между ними. Гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы помочь, защитить, принять участіе въ общественномъ предпріятіи, вооружиться на защиту независимости Швейцаріи, тамъ Женева всегда впереди: этого не могутъ отрицать даже самые отъявленные враги ея. При ближайшемъ знакомствѣ съ женеvскимъ населеніемъ, можно увидѣть, что выше всего для него — это любовь къ независимости; эта любовь воодушевляетъ одинаково всѣ партіи маленькой республики. Какъ только угрожаетъ хоть малѣйшая опасность независимости, то мгновенно исчезаютъ всякія внутреннія несогласія партій и всѣ имѣствѣ идутъ прямо на встрѣчу опасности. Это случилось именно въ 1838 году въ министерство Тьера, когда грозила война съ Франціей, также въ дѣлѣ съ Пруссіей по поводу Невшателя. То же самое повторилось и въ наше время, когда Савойя съ округами Шабэ, Фосиньи и частью Женевуа перешли къ Франціи.

Религія и вопросъ объ исповѣданіяхъ играютъ очень важную роль въ жизни небольшихъ свободныхъ государствъ, такъ что необходимо обратить на него вниманіе. Кальвинъ деспотически преобразовалъ прежнюю веселую Женеву, и сдѣлалъ ее редутомъ мрачнаго протестантизма. Коварный и мстительный, онъ за время своего управленія казнилъ и изгналъ изъ отечества гораздо больше женеv-

цевъ, чѣмъ какой-нибудь другой тиранъ, когда-либо существовавшій въ этомъ маленькомъ уголькѣ земли. Напыльвъ изгнанныхъ протестантовъ изъ южной Франціи совершенно измѣнилъ характеръ населенія; кальвиническій элементъ сдѣлался преобладающимъ и только съ трудомъ уступалъ мѣсто терпимости, которая мало по малу переходила въ нравы людей. Когда въ 1815 году Сардинія уступила Женевѣ нѣсколько католическихъ общинъ, то въ числѣ договорныхъ статей была главнымъ образомъ оговорена полная свобода богослуженія по католическому обряду. Тѣмъ не менѣе однакоже господство протестантовъ продолжалось до 1846 года, и они пользовались всевозможными случаями для стѣсненія католиковъ, какъ на примѣръ затрудненіями при переселеніи и т. п. Это стѣсненіе католиковъ, составившихъ однакоже $\frac{1}{3}$ всего населенія въ кантонѣ, было главною причиною удачи радикальной партіи въ революціи, которая привела къ тому замѣчательному результату, что правленіе было передано въ руки протестантовъ тѣми именно, которые по религіи сочувствовали стремленіямъ ультра-католическаго Зондербунда.

Этого обстоятельства не нужно упускать изъ виду при сужденіяхъ о политическомъ состояніи Швейцаріи. Радикалы и либералы держатся строго принципа терпимости, и потому въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ господствуетъ партія извѣстнаго исповѣданія, ихъ обвиняютъ въ склонности къ противоположному религіозному направленію. Ультрамонтаны, квиэтисты, хотя и вступаютъ между собою упорную борьбу о религіозной догмѣ, но гдѣ дѣло касается ихъ авторитета, тамъ они становятся на общую почву и въ политическихъ вопросахъ всегда стоятъ другъ за друга. Съ семью католическими кантонами Зондербунда были политически соединены именно три ультра-протестантскихъ кантона: Женевы, Нейенбургъ и Базель. Первый яровой революціей отторгся отъ Зондербунда, Нейенбургъ полатился экзекуціей и штрафомъ, а Базель только изъ страха экзекуціи покорился постановленіямъ большинства. Также и въ политическомъ положеніи Женевы видна довольно странная аномалія. Фази и его партія добилась правленія черезъ противодѣйствіе католическому Зондербунду, а между тѣмъ друзья и недруги обвиняютъ его въ покровительствѣ католицизму, и въ самомъ дѣлѣ онъ всегда имѣетъ за собою большинство католическаго населенія. Даже до послѣдняго времени продолжалось это кажущееся противорѣчіе: протестантскіе консерваторы сидятъ, держатся на политическомъ принципѣ стремленія ультракатолическаго Фрибурга, между тѣмъ какъ радикальная партія постоянно боролась съ ними, и несмотря на то, имѣла за себя католическое

большинства. Относительно исповѣданія политическихъ партій въ Женевѣ можно раздѣлить такъ: радикалы—большая часть католиковъ и половина протестантовъ; консерваторы—другая часть протестантовъ и монашество самыхъ крайнихъ ультрамонтановъ. Эта кажущаяся несообразность объясняется тѣмъ, что католики до 1846 года были въ нѣкоторомъ родѣ *ecclesia pressa* и что только послѣ этого времени они сравнены были въ правахъ съ прочими религіозными сектами. Для протестантовъ, господствующихъ доселѣ, это уравниваніе кажется естественно униженіемъ, но для тѣхъ, которые смотрятъ на вещи безпристрастно, оно кажется самымъ естественнымъ примѣненіемъ принципа терпимости въ широкомъ значеніи. Очень можетъ быть, что протестантская партія терлетъ отъ этого немного, такъ какъ матеріальныя средства католиковъ и ихъ тѣсная связь между собою даютъ имъ нѣкотораго рода перевѣсъ. Но и у протестантовъ нѣтъ недостатка въ этихъ средствахъ, а въ дѣлѣ религіозной пропаганды всѣмъ предоставлена совершенная воля.

Стремленіе радикальной партіи явно клонится къ совершенному отдѣленію церкви отъ государства. Совершенное осуществленіе этого взгляда было еще покуда невозможно, но по крайней мѣрѣ слѣлаво было то, что возможно. Гражданинъ никакимъ образомъ не принуждается государствомъ къ исполненію какихъ бы то ни было религіозныхъ обрядовъ; крещеніе, конфирмація не обязательны, школы совершенно отдѣлены отъ церкви; религіозное образованіе чисто спекулятивное; каждая секта можетъ учить какъ хочетъ, если только сообразуется при этомъ съ общимъ полицейскимъ уставомъ. Государство не признаетъ ни одной церкви господствующею; оно для всякой секты отвело безденежно мѣста для построенія храмовъ; католики, англиканцы, евреи, даже франмасоны и музыканты отдѣлены совершенно одинаково, и если бы появились мормоны или ирвигіанцы, то нѣтъ сомнѣнія, что съ ними было бы поступлено точно также. Поэтому въ этомъ отношеніи никто не можетъ похвалиться особеннымъ предпочтеніемъ.

Нельзя отрицать того, что при подобныхъ воззрѣніяхъ, при большомъ числѣ людей, равнодушныхъ къ религіи, существуетъ необыкновенно живая пропаганда различныхъ сектъ, которыя то защипаютъ другъ друга, то враждуютъ между собою самымъ дикимъ образомъ и стараются всевозможными средствами набрать какъ можно болѣе прозелитовъ, употребляя на это даже значительныя матеріальныя пожертвованія. Самая широкая свобода ассоціацій, слова и печати разумѣется помогаютъ всякаго рода стремленіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя ведутъ часто къ самымъ дикимъ заблужденіямъ и кончаются иногда ярсыми исторіями. Эти исторіи конечно,

чаще потыщают почтенную публику, чѣмъ обращаютъ ее на путь истины (*).

Женевская аристократія издавна отличалась отъ аристократіи другихъ швейцарскихъ кантоновъ любовью къ наукамъ и искусствамъ. Въ то время какъ старый Бернъ, разрабатывая одну только грубую сторону государственной жизни, бродилъ по чужимъ странамъ и выучивался тамъ нагло и дерзко обращаться съ простымъ народомъ и гражданами; въ то время какъ Базель весь отдался торговлѣ, а Невшатель и Ваадтъ полагались исключительно на гофмейстерство своихъ принцевъ и усердно хлопотали о продолженіи царствующихъ домовъ, Женева имѣла много именитыхъ и богатыхъ гражданъ, которые съ усердіемъ посвящали себя положительнымъ

(*) Вертящіеся столы и дулоvidцы, сомнамбулисты и магнетизеры, съ пестрою толпою обманутыхъ и обманщиковъ, постоянно смѣняютъ другъ друга въ пестромъ водоворотѣ и часто не оставляютъ за собой другихъ слѣдовъ, кромѣ досады обманувшихся шарлатановъ и смѣха веселыхъ людей. Такъ существовало общество двигателей столовъ, которое на счетъ одной довѣрчивой овцы достигло верха совершенства и разстроилось только вслѣдствіе банкротства. Оно издавало сочиненія, романы, оперы, наполненные самымъ забавнымъ сумасбродствомъ и посредствомъ стола имѣло сообщеніе со всѣми таинственными силами. Однажды начальникъ общества является къ директору полиціи: — «Я бы хотѣлъ получить позволеніе повѣсить въ моемъ загородномъ домѣ колоколъ.» — «По мнѣ повѣсьте хоть цѣлую колокольню, отвѣчаетъ ему директоръ: что мнѣ до этого за дѣло, какимъ образомъ вы будете сзывать своихъ людей! — Патронъ съ этимъ позволеніемъ отправляется домой, строить посреди двора родъ башни и вѣшаетъ огромный церковный колоколъ въ нѣсколько десятковъ пудъ вѣсу. Этотъ колоколъ долженъ былъ возвѣщать всей окрестности, когда одинъ изъ вызванныхъ духовъ захочетъ посредствомъ стола сообщиться съ вѣрующими. Едва только повѣшенъ колоколъ, какъ въ домѣ подымается страшный трескъ, явился духъ. Патронъ бросается къ колоколу и скоро густой звонъ наполняетъ всю окрестность.

Подымается страшный стукъ въ ворота. — Отворяй живѣй! Гдѣ пожаръ? —

Ворота отворяются и пожарная труба изъ ближайшей деревни влетаетъ на дворъ. Патронъ продолжаетъ звонить какъ сумасшедшій, между тѣмъ какъ стекающіеся вѣрующіе стараются объяснить пожарнымъ значеніе этого звона. Наконецъ народъ рѣшается вернуться домой. Но въ это время влетаетъ во дворъ другая пожарная труба, за нею третья. Дворъ наполняется пожарными. — «Мы не уѣдемъ, не освѣжившись, кричитъ одинъ изъ толпы: даромъ что-ли насъ будутъ дурачить!» — «Подавай вина!» — закричали всѣ, и несчастный патронъ долженъ былъ приказать отпустить имъ нѣсколько ведеръ вина изъ деревенскаго кабака. Тамъ вся пожарная команда прокутила цѣлую ночь и весь слѣдующій день. Но директоръ полиціи, узнавъ о скандалѣ, призвалъ патрона и сказалъ ему, что онъ позволялъ ему, правда, повѣсить колоколъ, но не для того, чтобы подымать такую бурю. Такимъ образомъ послѣ этого, по приказанію начальства, они должны были обмотать языкъ колокола тряпками, и съ тѣхъ поръ опять началъ издавать такіе звуки, воващавшіе вѣрующимъ о посѣщеніи духа.

наукамъ. Боннотъ, де-Соссюръ, Декандоль были миллионеры, посвятившіе всё свои силы наукѣ, и съ ними не поступали такъ, какъ поступилъ патриціанскій Бернъ съ Галлеромъ, котораго онъ прогналъ какъ проказливую овцу; напротивъ того, всё старались поощрять этими образцами и доставить имъ значительное вліяніе въ маленькой республикѣ. Кальвинъ учредилъ въ Женевѣ единственно для богословіа академію, существующую донынѣ, къ которой впоследствии были присоединены философскій и юридическій факультеты. Въ этой академіи профессорскія мѣста были конечно почетными, доступными только богатымъ ученымъ. Академія пользовалась большимъ вліяніемъ въ государствѣ: оно дошло до того, что часто говорили, что въ сущности управляетъ государствомъ академія, а правительственный совѣтъ есть только ея исполнитель. Въ самомъ дѣлѣ, наука была всегда къ услугамъ политикѣ, и потому употреблялись всё усилія, чтобы допускать къ ней только тѣхъ молодыхъ людей, которые принадлежали къ извѣстной партіи. Между тѣмъ какъ дѣйствительно большое вниманіе было обращено на высшее классическое образованіе, упущены были изъ виду промышленное и реальное направленіе, столь необходимое для Женевы, равно какъ и примарныя школы. Революція старалась по возможности закрывать эту брешь, и нужно сказать, она много успѣла въ этомъ. Изъ бюджета, немногимъ превышающаго 2,000,000 франковъ, одно министерство народнаго просвѣщенія употребляетъ въ годъ 325,000 фран. и больше $\frac{1}{3}$ этой суммы идетъ на примарныя школы. Можно смѣло сказать, что нигдѣ въ мірѣ учителя этихъ школъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, не обеспечены такъ матеріально, какъ въ Женевскомъ кантонѣ. Хотя первоначальное образованіе и не обязательно, но выгоды его такъ уже сознаны всѣмъ народонаселеніемъ, что рѣдко можно встрѣтить мальчика или дѣвочку, не обучавшихся въ школѣ. Для дальнѣйшаго образованія существуютъ въ Женевѣ двѣ отдѣльныхъ коллегіи — одна для классическихъ, другая для реальныхъ наукъ; кромѣ того въ Каружъ высшая гимназія, потомъ высшая промышленная школа и наконецъ академія, которой недостаетъ только медицинскаго факультета, чтобы быть университетомъ.

Когда вмѣстѣ съ преобразованиемъ всего преподаванія, преобразована и расширена была академія, то нѣкоторые профессора изъза политическихъ убѣжденій подали въ отставку, и скоро и на этомъ попріищѣ образовался расколъ и оппозиція правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ. Противодѣйствіемъ направленію примарныхъ школъ было направленіе духовно-религіозное; консервативная партія учредила съ своей стороны свою высшую гимназію и

академію для соперничества съ такими же заведеніями правитель-ства. Но не смотря на то, что въ главѣ этихъ заведеній стояли зна-менитые ученые, дѣло не пошло на ладъ, не столько по недостатку матеріальныхъ средствъ сколько оттого, что рвеніе нѣкоторыхъ преподавателей скоро остыло; а главная причина состояла въ томъ, что молодые люди, получавшіе въ этихъ заведеніяхъ образованіе, не имѣли возможности продолжать его во французскихъ заведе-ніяхъ. Извѣстно, что въ этихъ послѣднихъ существуютъ двѣ учо-выхъ степени: *bachelier ès Lettres* и *ès sciences*. Дипломы Женев-ской академіи принимались во Франціи какъ равносильные, но пра-во это не распространялось на сказанныя частныя заведенія. Но такъ какъ почти всѣ молодые люди въ Женевѣ отправляются для окончанія своего образованія по части положительныхъ медицин-скихъ и юридическихъ наукъ въ Парижъ, и такъ какъ сверхъ того многіе профессора, не смотря на всевозможныя обѣщанія, не захо-тѣли оставить преподаванія въ казенныхъ заведеніяхъ, то всѣ по-пытки такого рода окончились ничѣмъ.

Число частныхъ заведеній, занимающихся преподаваніемъ и воспитаніемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, необыкновенно ве-лико.

Можно почти навѣрное сказать, что всякій женевецъ и женежка, какого бы рода ни была ихъ дѣятельность, имѣютъ всегда въ виду мѣсто домашняго учителя или гувернантки, если бы имъ не посчаст-ливилось на другомъ поприщѣ. Для этой цѣли существуетъ здѣсь множество заведеній, въ которыхъ извѣстные тетрадки, составля-вшія вѣкогда ихъ славу, переходятъ отъ дѣдовъ къ внукамъ. Пан-сіоны внутри и внѣ города широко растворяютъ свои гостепріим-ныя ворота для юношества обоего пола со всѣхъ почти частей свѣ-та, и каждый пансіонъ имѣетъ свой характеръ, свой оттѣнокъ. Обыкновенно содержатели умѣютъ хорошо оценивать своихъ питом-цовъ, въ особенности тѣхъ, которые посмиряе. Короче сказать, рассматривая Женеву à vol d'oiseau, можно ее уподобить нѣкоторому дереву, къ которому со всѣхъ сторонъ слетаются дикія и дѣвичія пташки и не мало достойно удивленія, какъ еще возможно разнообра-зіе при совершенно одинаковомъ уходѣ. Къ счастью, человѣческая природа такъ устроена, что всякій ребенокъ имѣетъ свою особен-ную шипку, которую нельзя уничтожить никакою воспитательною методою.

Право ассоціаціи совершенно свободно, и изъ этого права дѣ-лаютъ самое широкое употребленіе. Нѣтъ рѣшительно возможности перечислить, хотя приблизительно, разнообразныя общества; они то образуются, то исчезаютъ, смотря по потребности или по случаю, и

захватываютъ всевозможныя стороны человѣческой дѣятельности. Правительство никакимъ образомъ не вмѣшивается въ жизнь ассоціацій, хотя понятно, оно посредственно или непосредственно поддерживаетъ такія изъ нихъ, которыя или способствуютъ общественной пользѣ, или слѣдуютъ его политическимъ убѣжденіямъ. И несомнѣнно, что такая жизнь въ ассоціаціяхъ приноситъ тѣмъ лучшіе плоды, чѣмъ меньше правительственная власть въ нее вмѣшивается. Здѣсь полное развитіе общественной жизни носитъ само въ себѣ лекарство отъ зла, которое оно можетъ причинить государству.

Таковы въ общемъ очеркъ результаты, къ которымъ дошла радикальная партія за четырнадцатилѣтнее управленіе женеvской республики: матерьяльное благосостояніе, богатое развитіе нравственныхъ и физическихъ силъ, свободное движеніе торговли и промышленности, увеличеніе народонаселенія постояннымъ наплывомъ съблизу и издалека; ассимиляція иностраннаго элемента, который чувствуетъ себя счастливымъ въ Женевѣ и который за радужное гостепріимство предается ему тѣломъ и душою!

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ нападкахъ, на которыя такъ щедръ противники радикальной партіи. Нужно сознаться, что эти нападки не выдерживаютъ никакой строгой критики и служатъ болѣе къ похвалѣ радикальной партіи и ея предводителя Джемса Фази, чѣмъ къ порицанію ихъ. Во всѣхъ брошюрахъ и статьяхъ, направленныхъ противъ настоящаго правительства, проглядываютъ или нетерпимость крайняго протестантизма, или досада людей, у которыхъ власть выскользнула изъ рукъ, или наконецъ соболѣзнованіе о старинѣ, о томъ блаженномъ времени, когда люди жили такъ мирно и счастливо подъ отеческою властью именитыхъ и почтенныхъ гражданъ. Шербюлье въ статьѣ своей: «*Génevè sous le gouvernement radical*» упрекаетъ радикаловъ въ терпимости, даже въ равнодушіи къ религіи, видитъ въ этомъ уменьшеніе стараго протестантскаго ригоризма, который дѣйствовалъ такъ благотворно на чистоту нравовъ въ древней республикѣ; далѣе, упрекаетъ ихъ въ космополитизмѣ, который можетъ уничтожить навсегда въ гражданахъ патріотическое чувство, и наконецъ упрекаетъ его — о ужасъ! — въ социализмѣ. Онъ говоритъ, что радикальное правительство учреждало банки, въ которыхъ по программѣ подпись работника должна была столько же значить сколько подпись богатаго капиталиста. Для этого большой совѣтъ нѣсколь-

ко разъ уже открывалъ займы, прямое назначеніе которыхъ было приучить рабочій классъ къ мысли, что онъ можетъ рассчитывать на помощь государства. Это значитъ просто уже вступать на путь социализма, и если обычаи препятствуютъ отчасти дѣйствию этихъ гибельныхъ мѣръ, тѣмъ не менѣе однакожъ это большое послѣдствие на республиканскую гордость, которая была отличительною чертою женевского характера. Дѣйствительно ужасно! Изъ словъ автора выходитъ, что для республиканской гордости слѣдовало бы пожертвовать счастьемъ цѣлаго класса работниковъ, наиболѣе достойнаго уваженія и сочувствія.

Но нападая такимъ образомъ на принципы, которыми руководствуется радикальная партія, авторъ вышеозначенной статьи не можетъ отрицать тѣхъ дѣйствительныхъ фактовъ, которые были прямымъ слѣдствіемъ примѣненія этихъ принциповъ. Онъ самъ говорить, что Женева въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ совершенно преобразовалась, что съ уничтоженіемъ бесполезныхъ стѣнъ, городъ далеко перешолъ за городскую черту, такъ что довольно дальшія общины стали теперь его предмѣстьями; что населеніе кантона почти утроилось, торговля и промышленность возрасли, что уровень общественнаго образованія поднялся; но прибавляетъ при этомъ, что всего этого можно бы было достигнуть мудрою постепенностью, не прибѣгая къ крайнимъ революціоннымъ мѣрамъ. Обыкновенная фраза всѣхъ доктринеровъ. Какъ-будто можно народное сознаніе заключить въ узкую рамку доктринерства и развивать его съ такою же педантическою постепенностью, съ какою развиваютъ, или лучше сказать, забиваютъ дѣтей швейцкіе педагоги!

В. А. Ф.—Ъ

ЗНАКОМЫЕ

ВОСПОМНАНІЕ ВЫСОГО

I

СЕМЕЙСТВО ГОЛОВАСТОВЫХЪ

Хорошъ былъ и нашъ розовый деревянный домъ, по третьей улицѣ города Васильева.

До сихъ поръ мнѣ кажется, что я не промѣняла бы его на каменныя палаты.

Увы! теперь такихъ домовъ ужь нѣтъ. Утратилась на вѣки эта растянутая, не жалѣющая земли, удобная для рода человеческого архитектура. Въ то время, столпотворенія не любили жители города Васильева, къ небу не лѣзли, а ползли и шпирились на землѣ матушкѣ, все въ одинъ этажъ. Много-много что мезоничикъ позволять себѣ на домѣ поставить; а мало, тѣсно покажется хозяину — онъ и пристрочку затѣетъ. И вырастетъ у него на любомъ боку дома, какъ грибокъ, спальня или дѣтская, смотря по надобности. И никому эта шишка на домѣ глаза не колетъ. Всякій взглянетъ да и скажетъ: «стало человѣку тѣсно, колы выстроилъ». Да такъ никто и не придирается.

Вотъ и у насъ былъ такой же домъ. Барскій, можно сказать! Со двора всего три ступени, прямо въ стеклянный коридоръ, а изъ коридора и пошли все комнаты да комнатки, компатки да компаты. А въ срединѣ дома круглая зала съ колоннами и съ стекляннымъ куполомъ.

Въ этой залѣ, какъ теперь помню, мой отецъ фокусы показывалъ. Чего-чего тамъ у него не было! По срединѣ, отъ самаго купола висѣлъ на зеленомъ снуркѣ большой стеклянный шаръ,

который по вопросу моего отца, говорилъ, кому который годъ, называлъ по имени того, кто подходилъ къ нему.

Помню, что шаръ этотъ былъ большой льстецъ и говорилъ всѣмъ дамамъ любезности. Помню, что отецъ мой называлъ этотъ шаръ *la femme invisible*, при чемъ мнѣ всегда очень хотѣлось разсказать всѣмъ гостямъ по секрету, что папенька нѣтъ обманывается, что это совсѣмъ не «*femme invisible*», а просто папенькинъ камердиверъ Андрей, который сидитъ наверху и смотритъ въ продѣланную изъ мезонина въ залу дверочку.

Были въ этой залѣ разныя кашаки, коробочки, подъ которыми пропадали часы, платки, и опять цѣлы и невредимы возвращались къ своимъ владѣльцамъ.

Была тамъ и золотая колясочка съ колдуномъ, которая сама ѣздила по серебряному столу, поворачивалась и останавливалась по приказанію моего отца. Да я уже сказала, что чего-чего тамъ не было!

А какъ хорошо жилось мнѣ въ этомъ розовомъ домѣ! Тамъ начала развиваться моя младенческая память. Тамъ началось мое воспитаніе, которое долго шло чисто на русскій ладъ. До семи лѣтъ меня воспитывали только хлѣбомъ. Да въ прибавку къ хлѣбу воздуху отпускалось сколько душецкѣ угодно, а моему душецкѣ воздуху требовалось много.

Цѣлый Божій день была я на дворѣ.

И дворъ у насъ былъ славный: большой, длинный, мощный досками, изъ-за которыхъ прорывалась зеленая трава. Съ одной стороны примыкала къ забору, тогда мнѣ казалось, большая зеленая гора. По горѣ росъ цикорій, изъ котораго въ июнѣ дѣлались славные одуванчики. Когда я выросла, эта большая гора оказалась ничто иное какъ куча мусора и щебня, поросшая травой.

По другую сторону стояли сараи: въ нихъ, за неимѣніемъ лошадей и экипажей, баловщикъ-отецъ устраивалъ мнѣ качели и иллюминаціи изъ моркови и свеклы.

На этомъ-то прекрасномъ дворѣ подвизалось мое богатирское дѣтство.

Во всѣ времена года, на немъ у меня было хлѣбное допотопье.

Дѣтомъ я вставала съ куртки, выбѣгала на дворъ и шачилась розвя. Чего не придумывала моя дѣтская фантазія!

Особенное же призваніе у меня было въ архитектурѣ. Силою умла я строить дома изъ старыя доски и разбивать оныя на куски въ пилорію, который такъ обильно производила моя любимая бесемая зора.

Тружусь бывало въ потѣ лица, сердечная: рою, уколачиваю огромной лопатой, на самомъ-то солнечномъ припекаѣ, безъ шляпы и перчатокъ, съ голою грудью, съ голыми руками и ногами, которыя у меня осенью становились чернѣе сапога.

Насилу — насилу бывало выпачканую, оборваную загонять меня домой въ часъ обѣда или завтрака. Нянька Аксинья сведетъ меня прямо къ умывальнику, обмоетъ мою рожицу, руки, надѣнетъ чистое платье, и я, вся разгорѣвшаяся отъ трудовъ и солнца, лавляясь къ столу, проворно поглощала обѣдъ и опять лѣтѣла къ своимъ милымъ постройкамъ и плантаціямъ.

Съ любовью, съ полнымъ убѣжденіемъ, что это ребенку здорово, смотрѣли на мои продѣлки отецъ и мать.

Какъ часто, часовъ въ семь вечера, они находили меня уснувшею въ моемъ новомъ домѣ, бережно вытаскивали изъ него и относили на рукахъ въ мою маленькую кроватку.

Изъ всего умла я издалекать себѣ новыя погѣйки.

Приударить бывало лѣтній ливень, вотъ-то блаженство! Выбѣгу я потихоньку изъ комнаты, да полъ жолобъ. Вода плещетъ на меня съ высокой крыши, а я приплясываю, хлочаю ручейками, откуда не хватается меня дома, а иногда и такіе счастливые дни бывали, что про меня и забудутъ. Натѣшуся вдоволь, прейдетъ ливень, взойдетъ солнышко, возьму я свои длинныя носы, поудусь бѣгать по двору и — обдуетъ меня вѣтеромъ и обсушитъ меня яркое солнышко.

Освалій вѣтеръ еще лучше того... Помню я, какъ онъ приводилъ меня въ какое-то неистовое блаженство. Только лишь начнется, закрутитъ вѣтеръ по двору, а ужъ на моей большой горѣ, на самомъ-то краю, руки прозы и дышу не надышусь. Рветъ вѣтеръ мое платье, косы хлыщутъ по голымъ плечамъ, а мнѣ-то и любовь! Но вотъ вѣтеръ дунуть еще сильнѣе, платьице мое вѣдуется вверху и ноги мои не стоятъ, меня несетъ, несетъ, а я хочу, хочу!.. Ахъ, какъ было хорошо! А лужи-то, лужи! Ну, не прелесть ли это — возьму бывало корзинку, и пойду полоскать платьице бѣлье, помому около лужи дощечку, подберу платье и

всегда махать бумажной рубашкой — только брызги летать! ну настоящая прелесть, такое веселье!

И зима не оставила меня въ теплую дѣтскую. Только бывало нанесетъ снѣжку, начнетъ сильно морозить, я надѣваю свой китчатый на дѣлѣ тулупъ, шапку, рукавицы и отправляюсь звать отца гору строить. Тотчасъ же бросаю баловническую свою работу, подпоясываю халатъ ремнемъ, надѣваю фуражку — и идемъ мы съ нимъ на дворъ. Закипитъ у насъ работа: отецъ загребаетъ снѣгъ на мою *большую гору*, а я топчусь около него по снѣгу ногами, или убиваю его рукавицами. Какъ-разъ поспѣетъ у насъ гора и отецъ скажетъ мнѣ: «погоди, я велю ее облить водой». И помню, какъ стою я подлѣ горы, полна нетерпѣнія.

Вотъ вижу, какъ изъ кухни поваръ и солдатъ несутъ ушатъ воды, вода плещетъ черезъ край, и жаль мнѣ, что она даромъ льется. И кричу я имъ: «тише, тише, голубчики!..» Но вотъ входятъ они на гору, ставятъ ушатъ, вытаскиваютъ водоносъ, берутся за ушки ушата, опрокидываютъ его и вода каскадомъ сбѣгаетъ съ горы. Какъ описать мою радость и муку вѣстѣ? Надо ждать, пока морозъ не скуетъ снѣгъ ледяною корою. Сколько разъ снимаю я рукавицы и прикладываю руку къ горѣ. Наконецъ, рука скользитъ по льду... «Можно, папочка! можно!» кричу я отцу — и откуда берется у насъ рогожка! и я въ первый разъ слетаю съ горы на колынахъ отца, послѣ чего она отдается въ мое полное владѣніе. И какъ не придумаваю я кататься съ нее: и сидя на дещечкѣ, и стоя, и лежа ничкомъ, и сколько разъ колочусь бывало объ конюшню головой. Но какъ видно, я въ тѣ блаженные годы за тычкомъ не гналась.

Бывали у меня иногда и горькія минуты на дворѣ розоваго дома.

По воскресеньямъ, на примѣръ, когда мать моя, по добротѣ сердечной, забирала къ себѣ на праздникъ сиротъ-кадетъ изъ корпуса, и когда этимъ милымъ гостямъ приходило въ голову учить меня ружейнымъ приемамъ и маршированью, больно доставалось мнѣ по голымъ плечамъ щечкой, изображавшей шпагу, отъ мнимаго офицера — кадета Жозефа. Больно было, очень больно, но я саргаски сносила боль, глотала слезы — и съ валкой на плечѣ выступала за нимъ журавлемъ. Это бывъ все-еще ничего, что больно; но за то честь велика!

А вотъ что было обидно: послѣ обѣда, маленька, выходящая

на крыльцо, и за ней шла Аксиця вынести большой подносъ съ гостинцами, и начиналась дѣлужка: Маленька поровну клала въ руки каждому изъ насъ постилы, орѣховъ, живому, черноесливу и уходила опять въ комнату. Не успѣвала она скрыться за дверями, какъ кадеты мгновенно поглощали свои порціи и начинали поглядывать на мою вилку.

Я жадна не была: раскушу бывало миндальный орѣхъ, вонючую въ вздоху и закричу Жозефу: «Жозя! Жозя! посмотри, какой я грибокъ съѣдала!» Мрачно подойдетъ ко мнѣ Жюва, поглядать на грибокъ еще мрачнѣе, и скажетъ страшнымъ голосомъ: «кто дастъ — тотъ князь, а кто не дастъ — тотъ шоловину колѣна въ грязь!» Сама не знаю, чего я пугалась, но при этомъ возгласѣ изюменка моя съ орѣховъ всегда переходила въ руку, а въ руки въ ротъ Жозе; а за ней и всѣ остальные сласти мои уходили тою же дорогою и скрывались во всепоглощающемъ желудкѣ кадета.

Вотъ это можно сказать, что была кровная обида! Одно мнѣ непонятно до сихъ поръ: что заставляло меня отдавать добровольно все этому маленькому злодю? ужели гордость? ужели боязнь, что я не буду княгиней, если съѣмъ сама свои сласти? или страхъ попасть половнику колѣна въ грязь? Я думаю, что грязь пугала меня болѣе, потому что объ титулахъ мира сего я не имѣла никакого понятія. Вотъ тому примѣръ. У насъ былъ сосѣдъ архитекторъ Момзень, у него были двѣ дочки: Катинька и Дизанька. Часто играли онѣ со мной на дворѣ. Разъ какъ-то Катинька вдругъ спросила меня:

— Кто вашъ папенька?

— Мой папенька графъ ..., отвѣчала я.

— Да чтожъ это графъ? этого мало! а кто онъ, какой его чинъ? продолжала допрашивать Катинька.

Я молчала и краснѣла, потому что не знала что отвѣчать.

— Ну, вотъ мой папенька архитекторъ; а вашъ кто? сказала Катинька, важно вздернувъ свой маленькой носикъ.

Я покраснѣла еще больше; слезы навернулись на глазахъ: мнѣ было больно за честь моего отца.

— Ну, кто жъ вашъ папенька? повторила опять Катинька.

— Попрошите! вскрикнула я болѣеенно и пустилась стрѣлой къ маменькѣ.

— Кто мой папенька? спросила я ее, запыхавшись.

— Чтѣ ты, съ ума сошла? развѣ ты не знаешь, кто твой отецъ? съзвучи слово: сказала мнѣ мать.

— Я знаю, да кто онъ?

— Никого онъ? ты знаешь, что онъ графъ?

— Да этого нале? что такое графъ? Я васъ спрашиваю, кто онъ? Вотъ у Катиньки папелыка архитекторъ, а мой кто твоей?

— Ахъ, какъ сказала пролужко-маменька, твой — мастеровой!

— Неправда! я не хочу! мой тоже по крайней мѣрѣ архитекторъ! едва проговорила я, и слезы хлынула ручьями. — Я не хочу, чтобы мой отецъ былъ хуже отца Момышыхъ. Скажите пожалуйста! Качинька жидокъ несл.

— Иди и скажи ей, что твой отецъ мастеровой.

— Не пойду! неправда, мой отецъ не мастеровой! Мастеровые въ халатахъ ходятъ. Не хочу! не хочу! не скажу!

— Да твой-то развѣ не въ халатъ? поди посмотри на него, и халатъ-то еще какой рваный! сказала маменька, заливаясь слезами смѣхоты. — А молоткомъ-то какъ стучитъ! слышишь?

Точно, изъ кабинета отца долетать стукъ молотка въ стѣнѣ ибди. Горько убѣдилась я въ истинѣ словъ матери: мой отецъ былъ даже не архитекторъ, а мастеровой въ рваномъ халатѣ. Съ страшными слезами бросилась я въ дѣтскую, подлѣзла подъ кровать внизъ, и вышла на дворъ тогда только, когда дѣвочка Момышыхъ тамъ не было.

Сильно скандализировало жителей города Васильева мое ультранатуральное воспитаніе. Часто, заглядывая на дѣвчонку, многіе изъ нихъ говаривали: «Это ни на что не похоже! какая дворняшка растетъ, а еще графская дочь! Странно, просто странно!»

Одно, что отвлекало меня отъ этихъ ультранатуральныхъ забавъ, была охота ходить по гостямъ.

Только бывало заперку со двора въ окно, кто маменька въ своей спальнѣ махиваетъ передъ зеркаломъ шляпу, а передъ мной тутъ какъ тутъ. Обойму ее, прижмусь къ ней головкой, а прошу ее взять меня съ собою.

— Да пошелъ, Мама! куда я тебя возьму? я иду навѣстить болѣзную старуху. Нельзя мнѣ воюду тебя таскать за собой.

— Голубушка-маменька, возьмите! я шумѣть не буду, я буду умница!

— Те-те, гениер ушница! Учитьси не хочешь, по-французски не говоришь. Вотъ прѣдетъ гувернантка, такъ надо будетъ за-дѣло вѣдать! Тебѣ семь лѣтъ скоро минеть, стыдно дурочкой быть!

— Мамочка, голубушка, я все буду дѣлать!.. Право, съ нынѣшняго дня все буду вросить по-французски!

Сердце не каменное. Взглянуть на меня мать ласково, да и скажетъ: «ну поди, проси няню, чтобъ она одѣла тебя».

И пушусь я бѣгомъ къ нянѣ Аксиньѣ, и скоро возвращусь опять къ маменькѣ; но ужь не дворничкой, а разодѣтой куклой.

Повернетъ меня маменька бывало передъ собою, проведетъ рукой по атласнымъ, длиннымъ моимъ косамъ, стянетъ немножко набокъ мою пастушескую шляпку и — улыбнется... да какъ улыбнется!

И выдемъ мы съ ней за ворота и пойдемъ по мосткамъ.

Въ то время я всегда старалась занимать маменьку разгово-рами.

Много лѣтъ спустя, чудная мать моя мнѣ рассказывала, что въ одно изъ такихъ путешествій я хотѣла похвастать передъ ней моимъ знаніемъ грамматики и французскаго языка.

Шли мы мимо сѣвжей и наткнулись на козла и свинью.

— Маменька! сказала я вдругъ: вѣдь козель она?

— Онъ, душенька.

— И дѣдушка она?

— Онъ, душенька.

— А свиная вѣдь она, маменька?

— Она, душенька.

— И бабушка она?

— Она, другъ мой, отвѣтила мнѣ мать очень серьезно.

— Это вѣдь грамматика, маменька?

— Да.

— А я хорошо ее знаю?

— Очень, очень хорошо!

Мы пошли дальше, навстрѣчу намъ попался разносчикъ съ цѣпками. И мнѣ пришла должно быть мысль блеснуть передъ маменькой тою же французскимъ языкомъ.

— Мама, купе-муа дю цвѣтѣ! отпустила я очень развязно.

Тутъ мать моя пришла въ неописанный досторгъ и кушила мнѣ резеды.

Это такъ поощрило меня, что я съ того дня начала дурно лая, хорошо ли, постоянно говорить по-французски.

Но я отдалилась отъ разказа.

Вотъ, мать ведетъ меня за руку по мосткамъ, очень, очень далеко, Наконецъ домики начинаютъ рѣдѣть, жмутся длинные заборы, изъ-за которыхъ выглядываютъ яблоки и вишни въ цвѣту. Не доходя до большого кладбища, мать моя остано-вилась, у, приземистаго сѣраго домика въ три окна и сказала мнѣ:

— Ты смотри Маша, будь умна, будь ласкова съ старушкой, да не бойся, если услышишь лай собакъ: оцѣ тебя не тронуть, онѣ заперты.

Послѣ этого предувѣдомленія, я съ какимъ-то сжатымъ сердцемъ переступила за высокій порогъ калитки и вошла на маленькій дворъ. Маменька стукнула въ дверь дома, и намъ на встрѣчу вышла толстая, высокая дѣвка.

— Что, старая барыня здорова? спросила ее маменька.

— Ничего, сидитъ! отвѣтила грубо толстая дѣвка.

— А барышня? прибавила маменька.

— Извѣстно ея здоровье, все колобродить...

— Можно видѣть старую барыню?

— Извѣстно можно, ступайте! проговорила дѣвка и взялась за ручку двери, за которой раздавался злобный лай нѣсколькихъ собакъ.

— Нѣтъ, Василисушка-голубушка, запри прежде собакъ: они дитя испугаютъ.

— БИ-ы, черти! анафемы! чтобъ вамъ всѣмъ переколѣть! проворчала сквозь зубы дѣвка и скрылась за дверяки. Раздались шлепки, и лай собакъ, превратясь въ болѣзненный вой, началъ удаляться.

— Ну ступайте, я заперла! сказала дѣвка, отворяя дверь настежь.

Робко переступила я за матерью въ маленькій залъ, а потомъ въ гостиную еще меньше, гдѣ на диванѣ сидѣла худенькая старушка.

— Здравствуйте, Пульхерія Васильевна. Вы не узнали меня? сказала мать моя старушкѣ, которая всматривалась въ наши круглые зеленые очки.

— А, графинюшка моя, это ты! Я было и не признала тебя. Садись, садись на диванъ-то. А это кто съ тобой? прибавила старушка, приложивъ руку сверхъ очковъ и наклонясь ко мнѣ!

— Это моя Маша; вы ее не узнали? она очень выросла.

— Какъ не узнала? узнала! славная дѣвочка какая!.. ну, и ты садись, садись Машенька. Эй, Василиска! пойдѣ скажи барышнѣ Софѣ Кириловнѣ, что гости пришли, что кофею надо сварить, сухарей, булочекъ сладенькихъ, да сливочекъ густыхъ съестъ: слышишь?!

— Слышу, отвѣтила дѣвка, и хлопнувъ дверью, исчезла.

— Ну, какъ вы себя чувствуете? Какъ ваше здоровье? начала опять мать моя.

— Я? я совсѣмъ здорова! сказала, бодро встряхиваясь, дивонная, сморщенная старушка.

— Кабы не дѣтки, я бы просто молодецъ! Они живую меня въ гробъ кладутъ... Легко развѣ сердцу матери пережить, что ты пережила, а?.. скажи, графинюшка?

— Софья Кириловна все не поправляется? спросила съ участіемъ мать моя.

Въ это время, какъ бы въ отвѣтъ на слова матери моей, за противоположными дверями раздался прощительный крикъ, и дверь затряслась на петляхъ. Мать моя неволью вскочила и спрятала меня за себя.

— Да ты не бось, графинюшка, она это такъ, немножко сердится! Это ничего, она сюда не придетъ, она гостей не любить. Это ничего, она еще и кофею намъ сварить, погоди.. Нывече, нечего Бога гнѣвить, она хорошо занимается по хозяйству, все дѣлаетъ; она смирна... Одно только, не можешь уловить одѣться... Ну, теперь лѣто, тепло... А зима-то придетъ, вѣдь все сердце за нее изноеть: кромѣ одной бумазейной фуфайки коротенькой, ни за что на нее ничего не надѣнешь. А шутка ли дѣло, отсюда въ самый-то морозъ, въ самую-раннюю обѣдню, да къ рѣкѣ Чухонкѣ, къ этому душегубцу Лазину всякій день съ ведромъ ходитъ, коридоръ его мыть. Босая-то, голая-то, въ одной-то фуфаячкѣ! а, графинюшка? Слышишь, она святой!.. Лазинъ святой!.. Фармазонъ эдакой!.. разбойникъ!.. Фарисей!.. А она слышь, графинюшка, грѣшница, должна прахъ съ сапоговъ его обмывать. А?.. генеральская-то дочь!.. А по мнѣ-то она какова рола?.. Вѣдь ты знаешь, я чи-

стой княжеской крови!.. Помнишь, графинюшка; еще пра-Пу-балеви, отца моего повѣсили на воротахъ?.. Вѣдь я помню!.. Про что-бышь я говорила?.. спросила вдругъ старушка, совершенно спутавшись въ мысляхъ.

— Вы говорили, Пульхера Васильевна, объ здоровой Софьи Кирилловны.

— Ну, да, да! она теперь здорова... Только знаешь, дитю, я тебе скажу, одѣваться не хочетъ; боюсь, ей коледно...
 Въ это время Василиса внесла кофе и прервала разговоръ.

Старушка начала потчивать мать и меня.

— Хорошъ кофе, графинюшка?

— Очень хорошъ, да неужели это сама Софья Кирилловна варила? спросила мамейка у Василисы, которая стояла у дверей съ подносомъ.

— Она варила, развѣ она кому дастъ варить! дерзко отвѣтила дѣвка.

— Она, она варила, подхватила Пульхера Васильевна. — Вѣдь она у меня хозяйка, мастерица... Да ты слявочекъ-то подлей, у меня коровка-то своя, а Соня сниметъ, такъ ложка стонетъ. А вотъ Саша мой, такъ умѣетъ слявки изъ яйца дѣлать, какъ что и не знаешь, что не слявки. Помнишь, графинюшка, какъ онъ на кораблѣ былъ, вѣдь Нельсонъ безъ него жить не могъ... Все кричить: гдѣ Головастовъ? Головастовъ, сдѣлай мнѣ слявки!.. Саша и сдѣлаетъ. Да ты помнишь, графинюшка, это было тогда, какъ американецъ вынулъ обезьяну Крузенштерну журналъ замарать, еще этого американца на островъ вывели... Такой былъ проказникъ!.. Такъ сѣлъ за столъ, да при обезьянѣ то и ну бумагу мараить у Крузенштерна на столѣ! мараить, мараить да и ушло, а обезьяна-то на его мѣсто, да по журналу-то и ну царапать... Да, да, проказникъ былъ... (*) Къ чему-бышь я эту рѣчь завела?..

— Вы говорили, что Александръ Кириллычъ умѣетъ слявки изъ яйца дѣлать, напомнила мамейка.

— Да! да, умѣетъ, такъ бьетъ, бьетъ, да и сдѣлаетъ слявки... А вотъ пропадаетъ какой человекъ! Сѣрую куртку надѣла и за что, спроси?.. что онъ сдѣлаетъ? Бьетъ какой-то, говоритъ окая важность билетъ! ужь мой сынъ и билета не можетъ сдѣ-

(*) Чувствительная слабость американца Толстова.

дате: и просьбу писала, все выставляла, и кто оны, и кто и такая упомянула... Вѣдь ты знаешь, графинюшка, я чистой княжеской крови... И Тень до сих порь отвѣту нѣтъ. Хочу еще писать, да сама-то вынуть не могу, писать слаба. А Соня просила, такъ такой вздоръ писать, что и не разберешь. Все Лазина въ просьбу съезъ, да кинуло-то вдовешиную душу... И Василиску туда же ввела... Вѣдь Василиску у шашъ тоже въ святыхъ пошла: ни до колодеи воды ей Соня дотронуться не дастъ. Соня сама вкорову дойти, и полызъ шесты; и за собаками и за кошками подчистаешь: ишь Соня грѣшила, ей трудиться надо въ постѣ лежать, а Василиска чиститъ, ручки у этой шашы чистуетъ, ноги ей всякій домъ обмылаетъ. А Василиска и сидитъ кайъ писанка, и рада, и шмыреть какъ ошаръ. Видѣла ты, графинюшка, рожа у нее какая стала? Да что бы все ничего, а то поставить эту бестію посреди́нѣ нашего двора, да и станеть окошю мое, да и вон ей, въ посты, да въ запясть:

Василиса Дмитревна,

Пошла, пришла,

Взяла и побѣдила:

Ура! Ура! Ура! Ура!

Грѣхъ, да и только! А все-этотъ душекубанъ Дзинь, одурилъ дѣву, и Вотъ жизнь-то моя кака!... Сына ваяла, а дочь... что дѣла?.. ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ... Собаки лаютъ, кошки въ пѣты мои перегадали... а я точно пень какой сижу... И такое со мной бываетъ, что, я и сказать не могу: вотъ и знаю, лего мнѣ хочется, а спросить не могу! Вотъ и вижу, что это хлѣбъ, а вадать его... какъ, не знаю, только пальцами маю... А Василиска развѣ пойметъ?... Да она если и пойметъ, такъ не дастъ, а знай только орать на меня... Чего замъ?... чего замъ?... Да кабы я знала, я бы сказала... И старушка горько заплакала.

И заплакала тоже... Маленька ячала плацаться. Старушка отерла глаза и опять повеселѣла.

— Куда ты, графинюшка? погоды, погоди, не шушу: ты еще шланки моей новой не видала, и показать тебѣ хочу. Хорошенькая шланка, Соня ни въ шила, и въ обѣдни водить. Только одно нѣтъ не нравится, бантъ она какой-то на маковку поседѣла, не жетса такъ не носить... Тойно ворона кинан вилать. Ты вѣдь, графинюшка, мастерица: у теби руки золотыя, переколн-миѣ

его пожалуста. Эй Василиса, шляпку мою подай! закричала старушка.

Мать моя съѣлашить, а я прижалась къ ней и потянушкой дергада ее за платье. Василиса принесла шляпу и сунула ее въ руки барынь.

— Вотъ посмотри, графинюшка: вѣшь бы шляпа какъ шляпа; а что это за бантъ? точно на смѣхъ мнѣ Соня дѣлаетъ! говорила старушка, дергая за ленту. — Да и поля какія страшныя!.. я точно смѣхъ въ гнѣзла выглядываю! прибавила Пульхерья Васильевна, надѣвъ шляпку и глядясь въ зеркало.

— Ужь эта Соня! всегда такъ дѣлаетъ все хорошо, хорошо, да вдругъ и свернетъ штучку. Вотъ, хоть брось вещь!

Старушка начинала сердиться. Шляпка была жъ самою дѣнь такая уморительная, что маменька невольно улыбнулась, а я вромко захохотала.

— Вотъ даже ребенокъ смѣется, а мнѣ вѣдь нельзя въ такой кибиткѣ ходить: всѣ знаютъ, кто я!.. Вотъ дѣтки. Саша деньги въ пекчѣ жогъ, а у матери шляпы нѣтъ! Ну что это, что? и Пульхерья Васильевна начала трепать шляпку.

— Да вы не безпокойтесь, я вамъ это все передѣлаю! пришлите мнѣ шляпку: я дома вамъ ее исправлю.

— Ахъ, ты моя родная, спасибо тебѣ... Вантъ-то ты мнѣ сдери долой, я видѣть его не могу... Охъ Соня, Соня!.. Вотъ что значить, что разумъ-то у нее не на мѣстѣ... Все это масонщина проклятая!..

Мать моя распрощалась еще разъ и проворно вывела меня изъ дому. Мы пошли домой. Помню, что маменька шла грустная, слезы дрожали на ея рѣсницахъ. Я любопытно заглядывала ей въ глаза, припрыгивая около ней по мосткамъ. Мнѣ хотѣлось закидать ее вопросами, но я сама не знаю почему-то молчала.

— Ну, что ты заглядываешь? сказала мнѣ маменька и проворно отерла глаза.

Этого было довольно: я рассыпалась въ вопросахъ.

— Что это за смѣшная старушка, маменька?

— Она не смѣшная, а несчастная, душа моя. Ее надо жалѣть, а не смѣяться.

— Она точно княгиня, маменька?

— Нѣтъ, это ей только такъ кажется.

— А кто это, маменька, такъ страшно въ дверь стучалъ?

— Это тоже больная, дочь ея.

— Маменька, вы больше меня не водите къ нимъ: мнѣ не хочется, я боюсь!

— Несчастныхъ и большихъ бояться не надо, Маша. Помните слова, и когда выростеши, въ мою память нагнѣй большыхъ и несчастныхъ. Слышишь?

— Я буду, маменька, серьезно сказала и горячо поцѣловала руку матери.

Этотъ визитъ однакожь и грустныхъ словъ матери отбили у нея надолго охоту ходить по гостямъ.

Сильно запечатлѣлся въ мою дѣтскую память сѣрый домъ и то что я видѣла въ немъ и слышала.

Много лѣтъ спустя, когда я была уже взрослая дѣвушка, кто-то въ разговорѣ помянулъ при мнѣ имя Пульхеріи Васильевны, и въ памяти моей воскресъ въ одинъ мигъ сѣрый домъ, толстая красная дѣвка, страшный лай собакъ и сама старушка Пульхерія Васильевна, и все что поразило меня въ ея домъ.

Желая повѣрить мою дѣтскую память, я начала спрашивать мать мою, и узнала подробно грустную повѣсть семейства Головастовыхъ.

Вотъ она.

Кирилъ Ивановичъ Головастовъ, мужъ Пульхеріи Васильевны, былъ далеко не генералъ, какъ въ послѣдствіи времени величала его полусумасшедшая вдова. Кирилъ Ивановичъ былъ просто инспекторъ училища рисованья въ городѣ Васильевѣ, человекъ очень умный, ученый и пріятный. Пульхерія Васильевна въ то время (вопреки повѣрью, что люди глупые съ ума не сходятъ) была женщина недалекая, добрая, но гордая по природѣ и закатая собой.

У Кириля Ивановича отъ Пульхеріи Васильевны было двое дѣтей: сынъ Александръ Кирилычъ и дочь Софья Кириловна. Оба они удались умомъ не въ мать, а въ отца, и получили прекрасное образование.

Александръ Кирилычъ былъ хорошъ собой, силачъ, умница, увлекательный расказчикъ; каламбуристъ; рифмоплетъ и замѣчательный рисовальщикъ легонькихъ вещей въ альбомы. Карикатуры его славилась сходствомъ и острою. Изумительно почтенъ былъ оны гравюрѣ перомъ. Танцовалъ неутомимо и выдѣль-

валъ долами, какъ ие-мошкинъ разнообразныхъ затратахъ и приго-донъ; игралъ на гитарѣ и пріятныхъ баритонныхъ расцѣпкахъ романсы. Словомъ, былъ душа общества.

Софья — сестра его, интересное воздушное, сентиментальное создание; была серьёзнаго ума дѣвушка, много читала, любила ввязываться въ споры и пренія съ людьми умными. Но по поводу на это, была и кокетка, кружила головы и вербевала юлки шенниковъ. По части искусствъ Софья не уступала брату: рисовала превосходно, писала стихи, отлично играла на фортепьяно, танцевала какъ сама прадья, нашла говорить — танъ заслушаешься.

Ке-вѣсьмъ этихъ прелестяхъ въ семьѣ Головастановыхъ, Пульхерья Васильевна съ своей стороны обладала въ совершенствѣ кухоннымъ искусствомъ и кормила гостей на убой.

Чтожъ мудреного, что домъ ихъ былъ набитъ биткомъ съ утра до поздней ночи художниками, пѣвцами, музыкантами и толпой военной и статской молодежи? Гдѣ-есть хорошенькая дочка, гдѣ бренчить фортепьяно, и гдѣ изъ заповѣднаго уголка аппетитно вѣетъ вкуснымъ обѣдомъ, тамъ этого добра не обещься.

У Софьи, говорятъ, было много жениховъ, изъ которыхъ болѣе всѣхъ пылалъ любовью юный художникъ Русоци изъ обрусѣлыхъ итальянцевъ. Замѣчали, что и Софья отличала его отъ другихъ обожателей.

Такъ-то пѣли, любили, рисовали, любезничали, играли въ домѣ Головастановыхъ, и все шло хорошо.

Но хорошо долго не бываетъ.

Повадилась часто заходить къ нимъ старичекъ, нинальщикъ Кирилъ Ивановичъ, извѣстный мистикъ и масонъ Лазинъ. Только окружить бывало Софью молодежь, подсадетъ къ ней Русоци, а старинашка ужъ тутъ какъ тутъ. Никъ бы онъ хохотала, ни дуравалась Софья, только завидитъ Лазина — а взмошнетъ какъ испуганная пташка, и румянецъ сбѣжить, и смѣхъ оборвется. Иной разъ и не видитъ его, спавшей къ дровамъ сидитъ, а только переступитъ онъ въ залу, Софья вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ, схватитъ пераго кто ей попадется за руну, и не оборачиваясь прошепчетъ: «врешель», а у самой-то рука точно цѣдь. Обернется, посмотреть — Лазинъ. И добро бы шумѣлъ, а

точно кошка ходить, и иногда на бархатных подошвах наступит.

Спросить бывало Софья: «что съ зажда?» — «Я сама не знаю!..» — ответить она, отойдет сидеть одна и задумается. Не пройдет минуты, а старикъ ужъ за ней сидитъ, и шепчетъ... А что шепчетъ, никто не знаетъ. Иной разъ Софья точно какъ-бы боролась съ Лазаремъ, слышно было, что она теснится съ нимъ, то на смѣхъ его подымается, да вдругъ и не выдержитъ — въ слезы, да и уберется въ свою комнату.

Страшно разбирала молодыхъ людей охота подслушать тайную бесѣду Лазаря съ Софьей. Но какъ ни ухитрились, какъ ни подходили близко — ни одного словечка не поймали: старикъ или шепчетъ совсѣмъ, или громко заговоритъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ.

Мало по малу всѣ знакомые Головастовыхъ начали замечать, что Софья на себя не похожа, какая-то непривычная ей робость овладѣла ей, къ фортепьяно при гостяхъ и не подходитъ. А за то ночью или рано утромъ, всѣ сосѣди слышали, какъ пѣвала она псалмы и молитвы... да какъ пѣвала! такъ что всю душу надорветъ. Старики слушаютъ да плачутъ, а молодые уши затыкаютъ и говорятъ: «что это, Софья точно отпѣваетъ каго-нибудь, страсть какая!..»

Стали носиться слухи, что къ Софьѣ сватался тотъ-то — отказала, другой — отказала; наконецъ будто-бы сватался и Русони и ему тоже отказъ. Много толковъ было въ училищѣ рисованья объ Софьѣ, но никто понять не могъ что съ ней стало. Переродилась дѣвушка совершенно, не хохочетъ больше, не вьется по-прежнему, не щебечетъ, все нарываетъ одна сидѣть. Забьется въ глубокую амбразуру окна и все думаетъ... Какъ ни подойдетъ къ ней Лазинъ, вздрогнетъ всякой разъ, вспыхнетъ вся, а потомъ помертвѣетъ, и руки опустятся, только одни глаза горятъ, да глядятъ въ глаза старика. А онъ за руку ее возьметъ и заговоритъ шопотомъ... Всѣ танцуютъ, вертятся около нихъ, поютъ, играютъ! смѣхъ, говоръ, шумъ. А старикъ все шепчетъ, а Софья все слушаетъ да слушаетъ...

Пристаютъ бывало къ ней, тащутъ ее въ кругъ молодежи, она только рукой махнеть и скажетъ, какъ бы въ забытыи; «оставьте меня!» — а сама все глядитъ на старика. Онъ ей за это

ласково кивнет головой и улыбнется. И Софья улыбнется... только страшно она, говорить, улыбалась.

Пойдет молодежь жаловаться отцу:
— Помилуйте, Кирилъ Ивановичъ! наша царица насъ победила, ее отвоевалъ вашъ противникъ стариканша Лазинъ. Дайте ей свой судъ, свою управу!

— Не могу-сь, ничего не могу-сь... Ваша царица приноситъ дань ушу-сь! Прекрасная дань прекрасному побѣдителю-сь!.. Ученье свѣтъ-сь, а неученье тьма-сь!.. Ничего не могу-сь, ничего...

Побѣгутъ бывало дамы къ Пульхерьи Васильевнѣ съ той же жалобой.

— Ну что жъ, Богъ съ ней, пусть ее сидитъ, вѣдь онъ генералъ: какое мѣсто занимаетъ! Почему знать, гдѣ дѣвушка судьбу найдетъ?

— Да вѣдь Лазинъ слыветъ монахомъ, онъ езуитъ, онъ никогда не женится.

— Ну, ужъ и монахъ, и езуитъ, и не женится!.. да чѣмъ моя Софья ему не пара, я бы хотѣла знать?.. Вѣдь мать моего отца по женской линіи происходила отъ стариннаго боярскаго рода Морозовыхъ... а прабабка моей матери изъ Польши взята была, тоже отъ чистой царской крови исходила... Ну, Кирилъ Ивановичъ — предки его всѣ бояре были... Чего же ему больше, Лазину-то? Мы, слава Богу, никому собой стыда не принесемъ, хоть разперемарграфъ будь, а неточно генералъ. Чтѣ жъ вы все — не женится, да не женится!

Начали говорить въ училищѣ, что Софья къ Лазину чему-то учиться ходитъ.

— Чтѣ жъ, онъ человекъ божественный, это хорошо! толковали старики и старухи.

— Онъ плутъ! говорила молодежь.

Вдругъ неожиданно умираетъ Кирилъ Ивановичъ, и двери Головастовыхъ закрылись для гостей.

Черезъ шесть недѣль остальное семейство переехало къ большому кладбищу, въ сѣрый домикъ, куда впослѣдствіи меня водила мать моя. Многіе изъ училища по старой памяти ходили навѣщать старушку Пульхерью Васильевну: она была очень грустна и на чемъ свѣтъ стоитъ брала Лазина. Софья выходила къ гостямъ очень рѣдко, а когда и выходила, то ее едва

узнавали: такъ измѣнилась, исхудала она! и ни въ говорѣ, ни въ чемъ не была похожа на прежнюю Софью. Александръ Кирилчъ, душа и затѣйщикъ веселостей, никогда не былъ дома и исчезалъ неизвестно куда. Скука, трауръ... Скоро всѣмъ надоѣло ѣздить утѣшать Пульхерью Васильевну и смотрѣть на полумертвую Софью, всѣ поотстали отъ дома Головастановыхъ и даже начали забывать объ нихъ. Одинъ только Русони не забывалъ Софью, часто заходилъ къ нимъ, но его никогда не принимали.

Прошло года полтора.

Разъ какъ-то, засидѣвшись у товарища до заутрени, Русони возвращался домой. Тихо шолъ онъ задумавшись по коридору училища. Вдругъ что-то мелькнуло вдали.

Русони началъ вглядываться, было еще темно и разсмотрѣть было трудно: что-то странное, не зѣбрь и не человѣкъ ползало и поворачивалось у дверей Лазина. Русони, пошолъ скорѣе... Вдругъ раздался тихій, заунывный напѣвъ псалма... Острымъ ножомъ кольнуло въ сердце молодого человѣка. Едва держась на ногахъ, пробираясь по стѣнкѣ, чтобъ не упасть, побрелъ онъ на знакомый голосъ... Ближе, ближе — и рухнулъ всѣмъ тѣломъ на окно, закрылъ лицо руками и зарыдалъ: не болѣе какъ въ трехъ шагахъ отъ него ползала Софья и мыла грязныя плиты передъ дверьми Лазина.. Софья! нѣтъ, это была только тѣнь Софьи: блѣдная, полунагая, обстриженная клочками, съ оловянно-мутными глазами... только голосъ былъ все тотъ же, только въ немъ не умерла душа Софьи. Все звонче заливалась она и громче, громче рыдалъ Русони...

А Лазинъ спалъ... спалъ сномъ праведника.

Скоро по всему городу Васильеву заговорили, что Софью Головастанову свелъ съ ума масонъ Лазинъ.

Часто видали ее на улицѣ въ томъ же наивномъ костюмѣ. Сожалѣли, охали, ахали, но наконецъ привыкли и замолчали. Власти же города Васильева въ прогулки Софьи по улицамъ въ одной коротенькой фуфайкѣ не виѣшивались: если ей не холодно, имъ-то какое дѣло? ходи-себѣ сколько душѣ угодно! Патриархаленъ былъ тогда городъ Васильевъ.

Любопытство опять заманило старыхъ знакомыхъ въ домъ Головастановыхъ. Но любопытство не удовлетворилось: слышали только за дверями крикъ, пѣніе, а Софьи никто не видалъ.

Старушка Пульхери Васильевна была довольно спокойна. Новое страшное горе не так поразило ее, как всё ожидали. Чувства ее слишком дробились, чтобы действовать сильно, она как-то терлась въ нихъ и сама не знала, о чемъ больше скучать: о мужѣ ли, объ дочеряхъ ли, или сынѣ.

Александръ Ивановичъ въ это время пропадалъ, какъ и прежде, жилъ на отдѣльной квартирѣ и почти не являлся на глаза матери. А когда и являлся, то не на утѣку: приходилъ всегда какой-то мрачный, оборванный, проклиналъ жизнь свою, прѣтнлъ денегъ и уходилъ.

Сильно терзало это гордость Пульхери Васильевны: какъ! сынъ ея Саша въ оборваномъ платьѣ, сынъ ея Саша безъ денегъ!

Вдругъ старушка вся просіяла.

Александръ Кириллычъ разбогатѣлъ и покатился на рыскахъ, въ комлексъ гербами, по городу Васильеву. Пульхери Васильевна забыла всё горя свое, начала ходить по знакомымъ и расковырять, что Саша ее получалъ наследство, что онъ женится на бароньшѣ, на самой знатной, изъ самой-то древней Курландіи; что бароньша приданое себѣ покупаетъ у настоящихъ французскихъ зенокъ, что Саша ее мебель купилъ всю съ золотомъ.

И точно, въ домикъ, гдѣ жилъ Головастовъ, часто видали въ окно хорошенькую головку женщины, и въ домъ носили новую мебель и картонъ.

Гордость Пульхери Васильевны купалась въ блаженствѣ.

— Какъ? что? откуда? шептали во всѣхъ углахъ города Васильева. Наконецъ зашптали и въ полиціи, а изъ полиціи вѣсть объ неожиданномъ богатствѣ бѣднаго чиновника Головастова долетѣла и повыше, куда слѣдуетъ.

Шу, шу — и начала подниматься туча, и понеслась на разрушенный домикъ Александра Кириллыча.

Въ одно прекрасное утро Александръ Кириллычъ, не чуя грозы, сладко почивалъ съ баронессой въ саду въ бесѣдкѣ. Вдругъ выбѣгаетъ къ нимъ хозяйка дома и кричитъ: «Спасайтесь! опасайтесь! сейчасъ сюда будетъ полиція, васъ взять хотятъ... бѣгите! бѣгите!»

Мертвая нанимщица вскочила баронесса, еще мертвый вскочилъ Александръ Кириллычъ. И засовались во всѣ углы, броси-

лись прямо въ кабинетъ, да и ну деньги вытаскивать изъ стола. И сами не знаютъ, что съ ними дѣлать.

— Мате, мате! кричитъ баронеса и суетъ хозяйкѣ цѣлыя пачки ассигнацій. Нищѣ подошли къ окну: баронеса и имъ такъ въ форточку пачки и кидаетъ, а Александръ Кирилычъ схватилъ цѣлую охапку, да въ печь, и зажогъ. Не успѣлъ онъ заслонки захлопнуть, какъ у подъезда сильно дернули звонокъ и нѣко оконъ заходили городовые.

Александръ Кирилычъ подбѣжалъ къ столу, сунулъ себѣ что-то въ карманъ, подхватилъ баронесу на руки и унесъ въ бесѣдку.

Между тѣмъ полиція нахлынула въ домъ, обошли по всѣмъ комнатамъ — нѣтъ никого. Спрашиваютъ, гдѣ чиновникъ Головаствовъ? Хозяйка отѣмѣвъ отъ страха, могла только пальцемъ указать имъ въ окно на бесѣдку.

Полиція туда. Дверь заперта...

— Ломать! крикнулъ полицмейстеръ. Квартальные уперлись и дверь слетѣла съ петель. Вслѣдъ за этимъ раздалась два выстрѣла — и густой дымъ покрылъ все.

Всѣ бросились въ бесѣдку.

Разлетѣлся дымъ. На диванѣ, прижавшись въ оба угла, другъ противъ друга сидѣли Головаствовъ и баронеса съ пистолетами въ рукахъ.

Оба были живы: пули пролетѣли мимо.

Громовымъ ударомъ поразило Пульхерью Васильевну, когда она узнала, что сына ея взяли подъ судъ, разжаловали, надѣли сѣрую куртку и приговорили сослать въ арестанскія роты.

А тому, что Александръ Кирилычъ разбогатѣлъ воровствомъ, дѣлая фальшивые ломбардные билеты, и что баронесса была не баронесса, а чухонка, солдатская дочь — этому Пульхерья Васильевна и не повѣрила.

— Оговорилъ, подвели невиннаго человека злые люди! Застыть, застыть! и больше ничего. Да и это, вы думаете, такъ оставлю? нѣтъ, я это все на чистую воду выведу! Я просьбу напишу, уже вы сами будете!.. Я Сашу оправдаю. Меня всѣ послушаютъ, меня всѣ знаютъ... Я вѣдь не кто-нибудь такой, вѣдь чистей княжеской крови.

Гордость довершила гере: старушка начала заговариваться.

Софью же нисколько не потрясло это обстоятельство. Когда, по просьбѣ матери, Головастова привезли домой проститься, Софья и не узнала его, оттолкнула отъ себя и просила выгнать солдата.

Долго сумасшедшая Софья жила съ полусумасшедшей матерью, и старушкѣ довелось еще похоронить дочь.

Передъ смертью Софья пришла въ себя, тотчасъ же потребовала, чтобъ ее вымыли, одѣли; попросила позвать священника, исповѣдывалась въ полной памяти, съ вѣрою и радостью приняла святыя тайны и соборовалась. По окончаніи этого обряда, Софья подозвала къ себѣ мать, попросила благословить себя, и когда старушка это исполнила, Софья прошептала ей на ухо послѣднюю просьбу:

— Маменька! когда я умру, надѣньте на меня ватюшныи капоть.

Бѣдная! она помнила, какъ холодно ей было на землѣ!..

II

СЕМЕЙСТВО ШЕПОТКОВЫХЪ

Вотъ и въ четвертой улицѣ города Васильева у насъ тоже знакомые были: семейство Шепотковыхъ.

Оно состояло изъ мужа Евсея Евсевича, жены Марфы Ивасьевны и двухъ еще невзрослыхъ дочерей Агафокленочки и Клѣпильки.

Евсей Евсичъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, довольно плотный, съ большой головой, покрытой густыми кудрями съ просѣдью.

Лицо у Евсея Евсевича было полное, дряблое безъ кровинки; даже и губы—то у него были совсѣмъ бѣлыя, съ кисло-наклоненными къ низу углами. Евсей Евсичъ брился чисто и оставлялъ бороду только въ самомъ низу за подбородкомъ, да и ту счесывалъ и пряталъ за высокій, крѣпкій галстухъ; только, къ вечеру, она бывало сердечная не вытерпитъ, — вылязаетъ на свѣтъ Божій и то не вся, а кой-гдѣ упрямыми сѣдыми клоч-

комъ. И бѣда ей, если Евсей Евсеичъ замѣтитъ это непослушаніе съ ея стороны: сейчасъ же ее, вольницу, шмыгъ за галстухъ и поминай какъ звали! Нѣтъ бороды!..

Говорилъ Евсей Евсеичъ все въ уменьшительномъ, нѣжно, сладко, и при этомъ улыбался еще слаще.

Одѣвался онъ, Богъ его знаетъ какъ, тоже очень нѣжно. Цѣта любилъ все дамскіе: галстучекъ бывало лиловенькій, панталоны тѣлесныя, сертучекъ гороховый, даже плащъ былъ подбитъ розовымъ коленкоромъ... Право, не лгу! Спросите: я думаю, многіе еще до сихъ поръ это помнятъ въ городѣ Васильевѣ. Разодѣнется такъ Евсей Евсеичъ, все на немъ новое, съ иголочки; что же вы думаете, чистъ онъ? Нѣтъ—съ, грязень, точно его изъ трубы вытащили. Ужъ Богъ его знаетъ отъ чего это: и онъ самъ, и все что онъ ни надѣнетъ, дѣлалось сѣро.

Марфа Ивакиевна была добрая, тихая, простая женщина. Маленькая, смуглая, съ большими черными глазами на выкатѣ. Любила поболтать съ знакомыми, но дурно никогда ни объ комъ не говорила. Боже оборони! По мнѣнію Марфы Ивакиевны всѣ люди были ангелы. Марфа Ивакиевна была женщина болѣзневная, сильно страдала головными болями, и потому большую часть жизни своей проводила на кровати. Все лежить бывало за ширмами въ бѣлой кофточкѣ и въ шапочкѣ изъ смоленаго каната. И Марфа Ивакиевна, и все что на ней надѣто, и кровать ея, и все что стоитъ и лежить вокругъ нея, все было сѣро, какъ самъ Евсей Евсеичъ. И дочки обѣ были тоже такія же сѣренькія. Дѣти не дѣти, старушки не старушки, а такъ ужъ, и не знаешь какъ назвать.

Старшая, Агафокленчка, которой было четырнадцать лѣтъ, была одутловата и блѣдна какъ отецъ, да и всѣмъ какъ-то выдалась въ него.

Меньшая, Клѣпникъ, двѣнадцати лѣтъ, была двѣ капли воды мать: маленькая, смугленькая, съ черными глазками, довольно живая дѣвочка. Мать ихъ вѣчно кутала, лечила: отъ того должно-быть онѣ обѣ были хворыя, болѣзненные, особенно старшая то и дѣло въ постели лежала.

Рѣдко бывало Евсей Евсеичъ входилъ къ кому-нибудь въ гости безъ этихъ словъ:

— А моя Агафокленчка опять въ горизонтальномъ положеніи. Это значило, что Агафокленчка больна. Знакомые знали

что это значит, и насколько не удивляясь, въ отвѣтъ на эту фразу Евсея Евсеича, дѣлали вопросъ:

— А Клѣпинька?

— Въ вертикальномъ, отвѣчалъ Евсей Евсеичъ, кланялся какъ-то на бокъ и морща въ комокъ свое лицо.

Евсей Евсеичъ не всегда жилъ въ городѣ Васильевѣ. Онъ былъ человѣкъ забѣжій. Земное поприще свое началъ онъ въ Т...ой губерніи, въ маленькой деревушкѣ Домцы. Тамъ сама природа должно-быть указала ему его призваніе.

Рано, еще мальчикомъ, Евсей Евсеичъ почувствовалъ въ себѣ влеченіе къ рисованью. Кусточикъ ли, босой ли мальчишка, корова ли — все переходило, полъ его дѣтской рукой, живо и точно, на бумагу. Такимъ образомъ, почти не учась, Евсей Евсеичъ сдѣлался однимъ изъ извѣстныхъ въ свое время живописцевъ. Дивно передавалъ онъ нашу сѣренъкую природу, съ ея сильными, здоровыми типами. Особенностью же кисти Евсея Евсеича было тѣло, живое, какъ-бы дышащее тѣло.

— Такъ увидишь и кончелся, говаривали улыбаясь старики-художники, стоя противъ вго картинъ. И любилъ же это тѣло Евсей Евсеичъ: наги, до крайности наги, были его картины. Въ немомъ пейзажѣ совсѣмъ бы и не слѣдъ, а у Евсея Евсеича безъ тѣльца не обойдется... Какъ-нибудь, да ужъ отвернется сарафанчикъ, рубашечка разстегнется, а тѣльцо и видно...

Несообразности, бывало, Евсея Евсеича не оставаивали; да и то сказать, къ чему себя сдерживать, когда паритъ воображеніе?..

Никогда не забуду я одной картины Евсея Евсеича. Бѣлая русская, деревенская, представлена была какъ живая. Закоптъ-льый потолокъ, каменка съ раскаленными камнями, полуразрушенный полоть, почернѣвшія отъ сырости деревянные шайки, дыравый полъ и на немъ опаренные вѣники. Чистая натура! И вдругъ, неизвѣстно почему и отчего, въ закоптълой-то банѣ, академическими складками, переброшенъ изъ угла въ уголъ пурпуровый бархатный завѣсъ съ золотой бахромой и кистями. Съ одной стороны завѣса, двѣ деревенскія бабищи, «en habit de village», парятся вѣниками, а съ другой стороны Евсей Евсеичъ, въ розовомъ галстухѣ, крадется на цыпочкахъ, чтобы ожагать ихъ внезапно, негаданно изъ шайки водой.

Воображеніе, какъ видите, художничье и помещичье дѣлаетъ.

Евсей Евсеичъ былъ и то и другое. За то тѣло-то, тѣло какое было у двухъ бабищъ? Вѣрно многихъ забирала охота ущипнуть...

Когда, глядя на эту картину, спрашивали Евсея Евсеича: что это за сюжетъ? и онъ, мѣжко шрищенетывая и сладко улыбаясь, отвѣчалъ:

— Это я представилъ баньку, у меня въ Хохлушцахъ. Не правда ли, какъ теплоецо вышло? А это вѣдь портретки-съ. Вотъ эта, вотъ что спинкой стоимъ — моя собственная Капитошечка-съ. А та, что въ полъ-оборотика, тоже моя собственная, Алешочка. Славная натурки — не правда ли-съ?

— А зачѣмъ же у васъ въ банѣ эта занавѣска?

— Цвѣтику надо было подвалить, перерѣзать, знаете ли, пятинышкомъ таимъ шрищенымъ, и складки-то удались такія чудныя.. и бархатецъ-то такой мягонькій, пріятный вышелъ, не правда ли-съ?

— А это кажется вашъ портретъ?

— Да-съ, это я. Признаться сказать, и случай-то этотъ въ натурѣ былъ. Възъ, знаете ли, гулялъ я и вижу, нѣтъ баньки дымокъ валить и дверца отворена стоимъ; подкрался я на цыпочкахъ и вижу, что Алешочка и Капитошечка моются. И потихоньку взялъ шаечку съ холодной водою да и окатилъ ихъ.. Такъ ютъ, тотъ самый моментокъ и схваченъ.. И въ моей-то фигурѣ, знаете ли, много дячжоньца вѣтъ...

Дѣтъ около тридцати Евсей Евсеичъ влюбился, и женился на Марфѣ Ивакиевнѣ, единственной дочери богатаго помѣщика Хохлушкина. Марфа Ивакиевна принесла Евсею Евсеичу сперва хорошее приданое, а потомъ, по смерти отца, и богатую усальбу Хохлушкина, доставшуюся ей же. И что это, не вдовамъ Марфы Ивакиевны, за усальба была! Просто прелесть. На горѣ, надъ рѣкой домъ въ бельведерами, съ колоннами. Садъ какой, съ вѣковыми липами и дубами, что еще въ правдѣды важдали; умирать не надо, да и только! И ко всему этому яще полтораста везадоженныхъ душъ. Точно кажется, жить бы тамъ да жить, пока живется. Такъ нѣтъ, вкусы у людей не одинаковы. Что правилосъ Марфѣ Ивакиевнѣ, всегда какъ-то не по душѣ было Евсею Евсеичу; а что ему не нравится, то у него ужъ нравъ такой былъ — ничего не пожалѣть, а сокрушить. Да я впередъ забѣгаю, всему свое мѣсто будетъ.

Я не успѣла упомянуть, что Евсей Евсеичъ въ домѣ, какъ видно, былъ большой, и хотя всегда очень нѣженъ и ласковъ съ Марфой Ивакиевной, но она видимо его побаивалась. Мягко стлалъ Евсей Евсеичъ, да видно спать-то жестко было, хотя Марфа Ивакиевна въ этомъ неохотно сознавалась. Развѣ ужъ не подь силу придеть, такъ невольно что-нибудь вырвется въ разговорѣ съ друзьями. А пройдетъ сердце, и опять не то заговорить. Начнетъ бывало рассказывать, что Евсей Евсеичъ до того любилъ ее, что никогда не будилъ иначе, какъ опрокинувъ на нее корзиночку розановъ, покрытыхъ утренней росой.

Конечно, оно холодно, мокро... Ну, а если кто хочетъ взглянуть на это пробужденіе, со стороны поэтической — можетъ оно и пріятно.

А на повѣрку-то эти розовыя пробужденія вотъ какъ бывали въ Хохлушкахъ: пристрадаетъ бѣдная Марфа Ивакиевна въ страшномъ мигренѣ, не смыкая глазъ, всю ночь, и только-что согрѣвши голову своей смоленной шапочкой, сладко прикурнетъ на зарѣ, какъ Евсей Евсеичъ взглянетъ на нее, видитъ что она сладко заснула, и вскочить со своего мѣста, да и шастъ въ садъ; нарветъ розановъ не корзиночку, а цѣлую платяную корзинку, прокрадется съ ней въ спальню, да и бухъ всѣ розаны на лицо спящей Марфѣ Ивакиевнѣ.

Вскочить она бѣдная въ испугѣ, сметить съ нее шапочка, по полу покатится; забарахтается Марфа Ивакиевна въ розанахъ, вся переколется, перемочится росой и еле-еле отъ испуга духъ переведеть.

Тутъ бы по-настоящему бѣлье перемѣнить, укрыться по-теплѣе, малинки выпить да отдохнуть. Такъ нѣтъ, Евсей Евсеича, какъ нарочно, фантазія заберегъ играть съ Марфой Ивакиевной. Она бѣдная, вся дрожитъ отъ холоду, даже зубы плясать начинаютъ, а онъ-то въ нее мокрыми розанами кидаетъ, да ручки цѣлуетъ. И растаетъ Марфа Ивакиевна, видя, что Евсей Евсеичъ ее такъ любитъ; и холодъ и головную боль забудетъ, плачетъ отъ умиленія, хохочетъ, дрожитъ — да и въ истерику...

Это бы все ничего, ужъ куда бы ни шли эти розаны — все цвѣточки... а то и ягодки бывали.

Разъ этакъ, мило игралъ-игралъ Евсей Евсеичъ съ Марфой Ивакиевной, да вдругъ не говоря дурного слова изъ розановъ-то

какъ вытащить пистолеть, приставилъ къ груди Марфа Ивакиевичъ, да и шепнулъ ей страшнымъ голосомъ :

— Подпиши мнѣ Хохлушкино...

Покатилась Марфа Ивакиевна на подушки замертво.

Такія пріятныя пробужденія съ разными варіаціями бывали не разъ, не два, и кончились тѣмъ, что Марфа Ивакиевна какъ ни крѣпилась, а въ одно прекрасное утро подписала мужу Хохлушкино.

Тутъ-то разыгралась фантазія Евсея Евсеича. Древній садъ началъ казаться ему мрачнымъ, группы деревьевъ не на мѣстѣ, мало свѣтлыхъ бликовъ, слишкомъ темныя тѣни. Домъ въ строгомъ стилѣ, не уютенъ, не игривъ. Избы крестьянъ вытянуты въ одну линію, не живописно... И пошолъ Евсей Евсеичъ коверкать усадьбу Хохлушкино...

Вдругъ у него въ головѣ блеснула свѣтлая мысль перенести хохлушкинскій садъ къ себѣ въ Доицы и разбить его тамъ по своему вкусу. Марфа Ивакиевна не смотря на свои слезы и просьбы, не могла удержать его.

Закипѣла работа, заскрипѣли телѣги, повезли вырытые столѣтніе дубы, старыя липы сажать на болото въ Доицы. Оранжерею тоже живо разобрали по бревнышку. Роютъ, рубятъ, ломаютъ, везутъ и везутъ все на новое мѣсто.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ сидитъ блѣдная, какъ смерть, Марфа Ивакиевна у окна, въ своей смоленой шапочкѣ съ кисточкой, качаясь на стулѣ смотреть на разрушеніе своего родного угла, плачетъ, руки ломаетъ, спиртъ нюхаетъ, — а помочь горю не можетъ. И стала Хохлушка хуже выбритаго рекрута... Да и Доицы отъ новыхъ-то украшеній не красивѣе вышли. Торчатъ въ новомъ саду старыя липы и дубы, растопыривъ свои голыя сучья и вѣтви; кой-гдѣ жолтый листокъ трепещетъ, а остальные вокругъ дерева, какъ въ крутую осень, втопанные въ землю лежатъ. Оранжереи вполонину собраны, вполонину съ побитыми стеклами, въ груду свалены. Дорогія деревья, что въ оранжереяхъ недавно еще красовались посаженныя, безъ прирѣзья, на вѣтру болтаются какъ ощищенный голыкъ... Страсть взглянуть да и только. Въ Хохлушкахъ, одинъ барскій домъ торчитъ, какъ сирота какая. И жарить, и палить его солнышко не милосердно со всѣхъ сторонъ. И выйдти-то изъ дому не-

куда, шеррыто все: гдѣ ама, гдѣ перь, гдѣ бриво — чортъ погу сломить.

И въ Дѣицахъ тоже убѣжища никакого нѣтъ. Гадодскій старый домишко на бокъ сонсъмъ нахилился. Подпорки, и тѣ не держать, все кривится да кривится. Даже полы всё повыперло. Кажется, — разлетись пошибче жукъ, да треснись въ домъ, тутъ онъ, голубчикъ, и следеть. Правда, новый домъ въ Дѣицахъ давно заведенъ былъ, да и тотъ еще въ срубѣ сгнилъ...

Поглядѣлъ, поглядѣлъ на все это Евсей Евсеичъ, самому гадко стало; онъ и говоритъ женѣ:

— Знаешь что, Марфочикъ: я не хочу жить въ деревнѣ; поѣдемъ лучше въ городъ Васильевъ; что мнѣ здѣсь гнить съ моимъ талантомъ! Да и дѣтяшечки подрастаютъ, надо имъ образованьице дать. Вѣдь Агафоклеичкѣ десять лѣтъ минуло, а Клѣпичкѣ восемь скоро будетъ, надо и объ нихъ подумать. Продамъ я Хохлушкино, возьму хорошаго управляющаго и на эти денежки велю ему отстроить мои Дѣицы по моему плану. Садохъ мой примется, обростетъ, пріютитъ намъ на старость будетъ; а покуда я еще въ силѣ, надо мнѣ свой талантикъ показать.

Марфа Ивакиевна не противорѣчила: она знала, что ее не послушаютъ.

Сказано, сдѣлано: Евсей Евсеичъ продалъ изуродованныя Хохлушки, почти ни за что, забралъ жену, дѣтей, картины, множество дѣвокъ, мальчишекъ, и цѣлымъ караваномъ тронулся въ городъ Васильевъ.

Тамъ онъ поселился въ четвертой улицѣ, въ розовомъ домѣ.

Евсей Евсеичъ, по пріѣздѣ своемъ въ Васильевъ, тотчасъ познакомился съ нѣкоторыми художниками, показалъ имъ свои картины: онѣ очень понравились.

Тѣлицо деревенскихъ бабъ поразило всѣхъ своею живостью и натурой. Это дальстило Еусея Евсеича: онъ взялся опять за кисть и началъ писать, опять-таки тѣлицо, но уже не деревенское, а городское.

Для этого, за немнѣніемъ собственныхъ натурокъ, онъ завелъ себѣ дѣвъ вольныя натурки... заверся съ ними въ мастерской, и что тамъ происходило — одному Богу извѣстно! Марфа Ивакиевна, голубушка, и замочныя скважинки даже своею рукою раскомъ заливала...

По приѣздѣ въ городъ Васильевъ, Марфа Иваніевна познакомилась съ моею покойницей маменькой. Мы, дѣти, какъ это всегда бываетъ, тотчасъ же подружались, а черезъ насъ и матери наши сошлись тоже.

Тутъ-то я видѣла вблизи артистически-помѣщичью жизнь семейства Щепотковыхъ, и она глубоко врѣзалась въ мою молодую память.

Квартира, которую занимали они, была большая, хорошая. Евсей Евсеичъ ваялъ залу подъ мастерскую. Въ остальныхъ комнатахъ расположилась Марфа Иваніевна съ двумя дочерьми.

Всякій день обѣ дѣвочки ходили въ пансіонъ m-lle Galens и вечеромъ возвращались домой.

Марфа Иваніевна тоже по своему воспользовалась городскою жизнью. Тотчасъ же закупила себѣ бездну чепцовъ въ видѣ шляповъ и шлямовъ, съ шлицовыми и желтыми цвѣтами, и разгуливала въ нихъ по комнатахъ, когда утомляющая головная боль позволяла ей снять смоленую шапочку съ кисточкой.

Марфа Иваніевна, впрочемъ, сейчасъ же по приѣздѣ своемъ въ Васильевъ, начала серьезно лечиться отъ головной боли.

— Вотъ спасителя мнѣ Богъ послалъ, говорила она, погрехомъ чепцовъ: боль какъ рукой снялъ!.. Вотъ и чепчикъ надѣла, и ницего... Дай ему Богъ здоровья, благодѣтелю.

Этого спасителя въ городѣ Васильевѣ звали «Тёркой»: дружно смеяли ему и что-то не олыкала. Это былъ лядицкій старичишка, одѣтый мѣщанинскомъ, въ сертукѣ по шты, съ волосами, острожопшими въ кружокъ. Онъ носилъ клочку по шерсти...

Тёркой его звали потому, что онъ лечилъ тремлемъ отъ всѣхъ болѣзней, начиная отъ чахотки до врожденной слѣпоты и глухоты.

Какъ только бывало засверлитъ у Марфы Иваніевны головная боль, она и кричитъ:

— Алешка! Петяка! Капитошка! Еюшка! — Тёрку мнѣ скорѣе, Тёрку! Бѣгите за нимъ! Зовите его, батюшку... Скажите, Марфа-де Иваніевна приказала просить скорѣй — головная боль до приступила. Скорѣе, скорѣе!

Побѣгутъ мальчишки и дѣвки, — одна нога тутъ, другая тамъ...

И ладится Тёрка...

Помолится въ первый уголь, поклонится Марфѣ Ивакіевнѣ, да и скажетъ :

— Извольте сударыня спинкой вверхъ повернуться.

Повернется Марфа Ивакіевна спиной вверхъ, дѣвка ей спину обпакитъ, а Тѣрка опять помолится образамъ, засучитъ рукава, два большія пальца выставитъ, другіе всѣ въ кулаки зажметъ, да и начнетъ двумя пальцами вести по обѣимъ сторонамъ спинного хребта.

Онъ ведетъ, а за пальцами, подъ кожей, выступаютъ двѣ наполненныя кровью полосы, въ толстый расплющенный палецъ.

Марфа Ивакіевна не то что кричить, а мычить, какъ-то такъ страшно, не почеловѣчески, что всѣ уши затыкаютъ.

Вотъ какъ избороздитъ такъ Тѣрка всю спину Марфѣ Ивакіевнѣ, точно ее сквозь строй гнали, она и начнетъ еле-слышимымъ голосомъ молиться за здравіе благодѣтеля Тѣрки, и благодарить его.

— Дай тебѣ Богъ, отецъ мой, всѣхъ благъ земныхъ! оживилъ ты меня, несчастную страдалницу...

А сама отъ этого оживленія—точно по ней карета проѣхала, пролежитъ недѣлю, пошевелиться не можетъ ни рукой, ни ногой; а про спину и говорить нечего: въ эту недѣлю у ней на спинѣ всѣ цвѣта радуги перебываютъ, просто страсть взглянуть.

— Ахъ, Марфа Ивакіевна, голубушка, что это вы съ собой дѣлаете? скажетъ бывало ей моя покойная мать: вѣдь у васъ мигрень одни сутки бываетъ, а съ этимъ леченіемъ вы цѣлую недѣлю такъ ужасно страдаете. Прогоните вы этого шарлатана, онъ васъ уморитъ.

— Ахъ нѣтъ, ужь не говорите этого! Вѣдь я чувствую, какую онъ въ меня силу влагаетъ. Какой онъ шарлатанъ! Вѣдь онъ это все съ молитвами лечитъ. Нѣтъ ужь, пусть его, мой батюшка, лечитъ какъ знаетъ; вѣдь ему это свыше дано. Видѣли вы его бороду?.. Чтожъ, спроста это вы думаете?.. Я въ него вѣрую. Ужь вы не смущайте меня, это грѣхъ. Вотъ я бы вамъ совѣтовала вашу Пашеньку отъ золотухи полетить: онъ бы какъ рукой снялъ всю боль. Право, попробуйте...

— Что это вы, Марфа Ивакіевна, избави Боже! Да если вашъ Тѣрка одинъ разъ пальцемъ проведетъ по моей щедеушной Па-

дѣнѣхъ, она на двѣ половины перервется. Богъ съ вами, у меня отъ одной мысли морозъ по кожѣ.

Покойница мать моя такъ боялась Тѣрку, что когда онъ приходилъ, зажимала уши и убѣгала опрометью домой.

А мы, дѣти, нисколько не раздѣляли этого страха нашей матери. Напротивъ, мы очень любили, когда къ Марѣ Ивѣковнѣ приходилъ Тѣрка; вмѣстѣ съ ея дѣтьми смотрѣли на него какъ на чудо, всегда ловили его на возвратномъ пути въ передней и аъ одинъ голосъ кричали ему:

— Господинъ Терка, сдѣлайте милость, покажите намъ вашу бороду...

— Извольте, дѣточки, поглядите, вотъ какова у меня бородашка!

При этомъ Тѣрка разстегивалъ свой длиннополый сѣртукъ, полосатую поперегъ жилетку, закидывалъ руки за шею, и развивалъ тесемки чорнаго коленкороваго мѣшка, въ которомъ была спрятана борода.

Во время этихъ приготовленій мы всѣ стояли разинувъ ротъ, слѣдя за его движеніями.

Вдругъ Тѣрка сдергивалъ мѣшокъ, и чорная какъ смоль борода, развиваясь, падала до полу. При этомъ мы обыкновенно вздрагивали и вскрикивали невольно. Но скоро робость наша проходила, мы начинали щипать диковинную бороду, мѣрять ее своими маленькими руками и тащить ее каждая въ свою сторону.

— Полно, полно, барышни! не извольте путать... Нехорошо, не балуйте, дайте я спрячу...

— Ахъ нѣтъ! Дайте еще поглядѣть, еще рано... Отчего у васъ такая длинная борода? спрашивали мы.

— Такъ ужь, по милости божьей нарощенъ... Читали вы про Самсона?

— Читали... Этотъ тотъ Самсонъ, у котораго сила была въ волосахъ?

— Онъ самый и есть-сь. А вотъ у меня, сила въ бородашкѣ-сь..

— Такъ обстригите ее, говорила Клепінка.

— А кто же вашу маменьку лечить будетъ? Гдѣ я тогда силки возьму-сь?

— Да вѣдь маменькѣ больно...

— Это ничего-съ, за то послѣ полезно будетъ — я имъ всѣ нервы въ свое присутствіе приведу-съ.

— Въ какое присутствіе? Въ уголовную палату что ли? подхватила со смѣхомъ одна вострунка изъ насъ — и всѣ дѣвочки вторили ей громкими хохотомъ.

Тѣрка обижался, проворно начиналъ свертывать свою бороду, пряталъ ее въ мѣшокъ, и ворча себѣ подъ носъ: «наилъ божьямъ даромъ смѣяться грѣхъ, барышни!» уходилъ домой.

Вообще, семейство Шепотковыхъ жило смирно и тихо. Евсей Евсеичъ писалъ свои картины, двери въ его мастерскую были на ключѣ, и въ переднюю и въ гостиную. Марфа Ивакиевна все сидѣла у себя, принимала — если была здорова, и лежала и терлась, если была больна.

По воскресеньямъ, день проходилъ шумнѣе обыкновеннаго. Дѣти были цѣлый день дома, къ нимъ собирались пріятельницы.

Дѣвочки обыкновенно дѣлились на партіи: на партію скромныхъ и ученыхъ, и на партію лѣнивицъ и сорви-головъ.

Каюсъ, — я во первому и во второму качеству вся какъ есть, принадлежала къ послѣдней партіи, или лучше сказать къ швейкѣ чуть не разбойницъ. Рѣзвая Клепнышка была во всемъ со мной синодо.

Скромная и умная сестра моя Пашенька была главой партіи ученыхъ дѣвъ. Къ ней душой и сердцемъ пристала тихая и бо-лѣзненная Агафокленка.

Партія ученыхъ съ утра обыкновенно была занята чтеніемъ, переводами, или сушеніемъ растений и цвѣтовъ въ одномъ изъ толстѣйшихъ лексиконовъ.

Мы, т. е. сорви-головы, — *pas si bête*, по воскресеньямъ обходили всѣ мудрости земныя, стороной, чуть не за версту. И въ недѣлю-то онѣ намъ довольно солили, чтобъ еще трогать ихъ въ благословенный, Богомъ данный намъ праздникъ. Нѣтъ, у насъ были занятія поувлекательнѣе лексикона, цвѣтовъ и травъ...

Въ гостиной стояла деревянная гора, работы деревенскихъ столяровъ Евсей Евсеича. Много, много повисло на ней, голубушкѣ, полотнищъ отъ нашихъ ситцевыхъ платицъ!

Еще у Евсея Евсеича былъ ученикъ, глухо-нѣмой нѣмецъ. Вотъ ужъ это не лексикопу чета. Рисуетъ онъ бѣдный, бывало, смиренхонько какую-нибудь гипсовую Венеру. А мы всѣ его об-лѣпимъ со всѣхъ сторонъ, отыщемъ у него карандашъ и напи-

шла ему на Вечеръ: «спойте намъ что-нибудь — мы такъ прелесть поемъ».

Выблещаютъ бывало глава у Нѣмца, весь онъ процѣветъ какъ солнышко, улыбнется, сдѣлаетъ намъ ручкой... спрячетъ свою исписанную Веперу въ папку и торжественно поидетъ къ фортепьяно.

Возметъ онъ первый попавшійся ему французскій кадрили, поставитъ его передъ собой, ударитъ въ клавиши и зареветъ... Да что я говорю — зареветъ: зарычитъ, какъ левъ въ пустынь. Съ первымъ аккордомъ и рычаніемъ, мы всѣ, — гдѣ кто стоялъ, такъ на полъ и попадаемъ, умирая со смѣху. Одна только Клепнишка серьезная стоитъ, и то и дѣла пишетъ на ногахъ карандашомъ:

— Громче! громче! мы ничего не слышимъ...

Нѣмой киваетъ головой въ знакъ согласія, надуется, посиѣтъ, и хватать такъ, что бывало въ большомъ каменномъ домѣ генерала Матосова, что на берегу Чухонки стоялъ, слышно было... А намъ и любо... Не понимали мы тогда, глупые, жестокіе дѣти, что у бѣднаго нѣмца могла отъ натуги жала лопнуть. Или еще милое было у насъ занятіе... Надоѣсть бывало гора и глухо-нѣмой нѣмецъ, а Клепнишка какъ тутъ, съ предложеніемъ:

— Знаете ли что? У меня есть сусальное золото... Вызолотимъ Машку, дадимъ ей грошъ и пошлемъ ее въ лавочку за прынкомъ. Она побѣжитъ, а мы посмотримъ съ балкона. Всѣ на улицѣ будутъ останавливаться, удивляться... Ахъ какъ это будетъ мило!.. Хотите?

— Давайте, давайте! закричимъ бывало всѣ въ одинъ голосъ.

Клепнишка тотчасъ же слетаетъ изъ кухни и приводитъ за руку треклятною толстенькую, хорошенькую Машку, дочь судожки.

— Машка! хочешь быть золотой? спроситъ Клепнишка.

— *Хоцю, балишка!* отвѣтитъ Машка, глядя изъ подлобья своими ясными черными глазками.

— Ну, такъ давай мы тебя вызолотимъ, говоритъ Клепнишка проворно внимая съ дѣвочки сарафанчикъ и рубашку.

— *Хоцю, хоцю, балишка!* шепчетъ, улыбаясь, Машка.

И начинается золоченье. Боже! сколько хлопотъ, сколько стараній. Мочать Машку водой, — золото не пристаётъ, мочать Машку квасомъ — золото все не пристаётъ. Наконецъ я подаю голесь:

— Съ чернымъ пивомъ пристанетъ! Является и пиво; дѣло идетъ успѣшно. Со всѣхъ сторонъ, въ нѣсколько рукъ прихлопываемъ мы на вымазанную пивомъ Машку, хлопчатой бумагой, листки сусального золота.

Наконецъ трудъ увѣнчанъ полнымъ успѣхомъ. Машка золотая съ головы до ногъ и самодовольно хлопая золотыми рученками по золотому брюху, приговариваетъ:

— Балышка! *Маска* золотая?

— Золотая, золотая... На грошъ, бѣги въ лавочку: тебѣ дадутъ пряникъ, большой, сладкій... говоритъ Клепникъ.

— *Боссой, сладкій...* повторяетъ Машка, и пускается со всѣхъ ногъ въ отворенную ей дверь по парадной лѣстницѣ. Мы всѣ съ хохотомъ, толкая другъ друга, выбѣгаемъ на балконъ.

О радость! Машка, шлепая золотыми ножками, бѣжитъ по тротуару, держа кверху въ рученкѣ грошъ. Народъ останавливается, дивится... Успѣхъ полный. Мы всѣ счастливы до-нельзя.

Гдѣ же всѣ большія? спросите вы. Всѣхъ дѣвочекъ обыкновенно провожали нянюшки, препоручали ихъ Марфѣ Ивакиевнѣ и отправлялись домой, а если и оставались, то сидѣли въ дѣвчей и пили кофе съ горничными Марфы Ивакиевны. У насъ у всѣхъ были, правда, и гувернантки, но для нихъ, какъ и для насъ, воскресенье было день свободный, и онѣ съ ранняго утра отправлялись къ роднымъ.

А гдѣ же Марфа Ивакиевна? спросите вы.

А она у себя въ комнатѣ, разговариваетъ съ кѣмъ-нибудь, въ полномъ убѣжденіи, что малыя дѣти играютъ-себѣ смиренхонько; даже львиная пѣснь глухонѣмого ее не тревожила: она знала несчастную его страсть къ пѣнію и музыкѣ, и по добротѣ сердечной не воспрещала ему околачивать чуть не кулаками дѣтское фортепьяно и рычать сколько ему было угодно. Улыбнется бывало только, кивнетъ своимъ шишакомъ по направленію къ гостиной, и скажетъ:

— Вотъ, подите вы, вѣдь воображаетъ что поеть!.. Такой несчастный нѣмецъ!

Евсей Евсеньчъ тоже все слышалъ и даже часто видѣлъ своими глазами вызолоченную Машку; но такъ какъ онъ любилъ всякаго рода шутовство, то отъ всего этого приходилъ въ неопи- санный восторгъ и, сладко улыбаясь, говаривалъ :

— Невинность, невинность!

Часто бывало до того умилялся, что отворялъ намъ двери въ свое святилище, и приглашалъ насъ всей гурьбой побѣгать по большой мастерской. Разумѣется, что въ это время живыя натур- ки оттуда изгонялись.

Какъ бѣшенныя, врывались мы въ залу и начинали трепать его манкены, приспособляя ихъ вмѣсто куколъ; рядили ихъ въ чепцы Марфы Ивакиевны и ставили въ разныя отчаянныя позы, не обращая никакого вниманія на *тльцо*, которымъ были увѣ- шаны всѣ стѣны мастерской Евсея Евсеича.

Но за то, если партія умницъ, соблазнясь любезнымъ при- глашеніемъ Евсея Евсеньча, тоже выходила погулять по мастер- ской — какая разница, Боже мой!

Старшія сестрицы, умницы, ходили по залѣ стыдливо поту- пивъ глаза и часто Агафоклеичка со слезами просила отца завѣ- сить картины коленкоромъ. На что обыкновенно Евсей Евсеньчъ отвѣчалъ :

— Агафоклеичка, тутъ нѣтъ ничего дурнаго; натурка и у тебя есть, и у всѣхъ другихъ — стало-быть это ничего. .

Вслѣдствіе этой логики, натурка оставалась неприкосновен- ною и висѣла всѣмъ на поглядѣшнице.

Между этимъ *тльцемъ* красовался тоже портретъ Марфы Ивакиевны, писанный въ Хохлушкахъ самимъ Евсеемъ Евсеньчемъ, вѣроятно во время прилива нѣжности его къ женѣ. Господи! что это былъ за страшный портретъ! Добрая, маленькая, черненькая Марфа Ивакиевна представлена была въ видѣ Марфы Посадницы въ фериши и въ жемчужномъ новгородскомъ кокошникѣ. А гла- зищи—то какіе ей бѣдной вырисовалъ нѣжный супругъ! Что за брови!.. И чуть не косая сажень въ плечахъ... Ну, давайте мнѣ что хотите, а я спать въ комнатѣ, гдѣ этотъ портретъ виситъ, и теперь ни за что не лягу. А тогда я его и днемъ боялась.

Недолго однакожь шайка сорви-головъ бушевала по воскре- сеньямъ. Вдругъ, неожиданно-негаданию, кругъ нашей дѣятельно- сти стѣснился, и поневолѣ мы приутихли. Вотъ какъ это случи- лось.

— Марфа Ивакиевна! (въ городѣ Васильевѣ Евсей Евсеичъ жену уже не называлъ Марфочикъ).

— Что, мой батюшка?

— Вотъ что-сь: я беру себѣ гостиную подъ вторую мастерскую, она мнѣ нужна — мнѣ тѣсно съ моими натурками; имъ бѣдненькимъ повернуться негдѣ.

— Да какъ же это, мой батюшка? вѣдь и мнѣ тѣсно будетъ съ двумя дѣтьми въ двухъ маленькихъ комнатахъ! Самъ посуди, какъ я въ одной спальнѣ помѣщусь? А столовую и считать нечего. Вѣдь туда дѣвухекъ спать не положишь на проходѣ.

— Объ этомъ не беспокойтесь, я ужъ сдѣлалъ планикъ... Мои столярики вамъ все устроятъ, вамъ будетъ очень хорошо... Вотъ посмотрите сами, какъ я придумалъ... — При этомъ Евсей Евсеичъ вынулъ свертокъ бумаги, разложилъ его передъ Марфой Ивакиевной и началъ водить по немъ пальцемъ.

— Вотъ-сь, я раздѣлилъ вашу спальню на четыре комнаты. Вотъ-сь ваша спаленка... Вотъ такъ станетъ ваша кровать-сь, вотъ такъ Агафоклеичкина-сь, а вотъ и Клепилькина-сь... И уютно, и мило-сь. А вотъ это гостиненькая: вотъ-сь вашъ диванчикъ... Столикъ рабочій я вамъ новенькій подарю-сь. Васька по моему рисуночку сдѣлаетъ... Вотъ-сь между двухъ окошечекъ и зеркальце съ подстольничкомъ... А дверцу, что ко мнѣ во вторую мастерскую ведетъ, я придумалъ фортепьяниками заставить. А вотъ этотъ уголочикъ будетъ ваша передненькая, а вотъ эта келейка будетъ кабинетикъ Агафоклеички и Клепильки; тутъ вотъ и шкафикъ ихъ съ игрушками станетъ. Видите-ли, какъ мило-сь?.. А гостиную я беру-сь...

Марфа Ивакиевна имѣла страсть ко всему маленькому, микроскопическому. Взглянувъ на планикъ Евсея Евсеича, она плѣнилась и утѣшилась. Да другаго и дѣлать-то было нечего: Евсей Евсеичъ отъ своихъ желаній никогда не отступалъ, а она правъ своихъ отстаивать не умѣла.

Но, Боже мой, что вышло изъ хорошенькаго планика Евсея Евсеича на дѣлѣ! Спальня Марфы Ивакиевны была квадратная, шаговъ въ девять. Эти девять шаговъ разбились на четыре квадрата, отдѣленные между собой березовыми, грубой работы жордочками — въ видѣ домашнихъ кухонныхъ курятниковъ, съ тою только разницею, что жордочки были подъ желтымъ ла-

комъ, да на малиновомъ коленкорѣ. Тѣснота, давка — повернута въ негдѣ.

Да прибавьте еще къ этому домашней работы столъ, подарокъ Евсея Евсеича. Что было въ середкѣ гостиной мѣста, и то онъ загромоздилъ. Никогда я не забуду этого стола. Мнѣ слается, что его Евсей Евсеичъ сдѣлалъ на зло Марфѣ Ивакиевнѣ, которая любила все миниатюрное...

Видали ли вы когда-нибудь на верфи остовъ корабля, при началѣ его постройки? Видали вѣрно? Такъ подбейте въ своемъ воображеніи ребра корабля розовымъ коленкоромъ, да прикройте этотъ остовъ страшной крышищей не въ подъемъ. Вотъ у васъ и выйдетъ, какъ двѣ капли воды, столикъ Марфы Ивакиевны.

Какъ ни билась бѣдная, а ни разу въ жизни рабочаго столика своего открыть не могла безъ пособія Алѣвки и Капитошкн.

Сами посудите, гдѣ въ такихъ комнатахъ и съ такимъ рабочимъ столомъ было намъ бѣднымъ развозиться. Вотъ мы и примолкли. Да и жизнь бѣдной Марфы Ивакиевны становилась день ото дня горьче и тяжелѣе.

Живыя натурки сильно начали прибывать у Евсея Евсеича. Рѣдкій день не ловилъ онъ гдѣ-нибудь на улицѣ натурку; приводилъ ее къ себѣ, тотчасъ же давалъ ей жалованье, и натурка селилась вмѣстѣ съ другими натурками, на постоянное житье, въ мастерскихъ Евсея Евсеича. Такимъ образомъ у него въ короткое время составился преизрядный гаремъ, разумѣется не по качеству, а по количеству.

На святой Руси натурщицу найти трудно. У насъ не Италия, не найдешь герцогини, чуда красоты, которая бы стала на натуру изъ любви къ искусству. И потому натуру, доступную для русскаго художника, приходится сильно дополнять воображеніемъ, и она скорѣе сбиваетъ художника, чѣмъ помогаетъ ему воспроизвести что-нибудь хорошее.

Свѣжую, хорошо сложенную женщину, даже изъ простаго званія, идти на натуру не уломашь, а если и удастся, то она не долго послужитъ искусству; и мигнуть не успеешь, какъ у тебя изъ глазъ сманить ее пріятель-художникъ, и какъ-разъ изъ натурщицы слѣдается чѣмъ-нибудь гораздо повыше, и покроетъ на вѣкъ свою натуру непроницаемымъ шолковымъ хвостомъ и турецкою шалью...

Послѣ этого вы можете себѣ представить, каковы были натурки, завербованныя Евсеємъ Евсенчемъ, вечеромъ, на улицахъ города Васильева.

Евсей Евсенчъ эгоистомъ не былъ: ему мало было, что онъ самъ могъ съ утра до вечера любоваться своими милыми натурками; нѣтъ, онъ любилъ дѣлиться пріятными впечатлѣніями. Какъ только бывало поймаетъ какую-нибудь ночную птичку, такъ тотчасъ же и даетъ знать своимъ собратьямъ: приходите-де скатать посмотрѣть диво-дивное, чудо-чудное.

Вотъ въ одинъ такой счастливый день для Евсея Евсенча, собралось у него нѣсколько художниковъ, полюбоваться дѣломъ. Между ними случился баронъ Юргенсъ, молодой шалуунъ.

Первый приступилъ онъ къ разоблаченію новой жрицы искусства, и довольно невѣжливо началъ тащить съ нея ревнивыя одежды.

— Чтѣ это такое, баронъ? Вы привыкли такъ обращаться съ лошадьми... вѣрно думаете, что я лошадь? сказала топорная нимфа, представъ въ полной натурѣ передъ естественными-художниками.

— Нѣтъ, матушка, я не ошибся: я вижу, что ты корова, а не лошадь! отвѣтилъ баронъ, грубо поворачивая натурщицу во всѣ стороны.

Не смотря на все это, Евсей Евсенчъ не упалъ духомъ и вилъ полную чашу наслажденій въ своемъ гаремѣ.

Но за то Марфа Ивакиевна не пила, не ѣла съ двумя дочерьми, сидя въ своемъ курятникѣ. Совсѣмъ забыла о ней Евсей Евсенчъ.

За дверями, у мужа, бывало хохотъ, грохотъ, хлопанье пробки въ потолокъ, а у Марфы Ивакиевны и огня на кухнѣ не разводили. Посылаетъ, посылаетъ дѣвокъ къ Евсею Евсенчу, просить денегъ на обѣдъ, а отъ него отвѣтъ одинъ:

— Какія у меня деньги? нѣтъ у меня денегъ!

И принуждена бѣдная Марфа Ивакиевна занять у кого-нибудь синенькую, и только къ вечеру бывало съ дѣтьми пообѣдаетъ.

А сколько Марфа Ивакиевна униженій, обидъ выносила, — просто жадость на нее смотрѣть бывало.

Сидитъ она въ своей клѣткѣ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, горько плачетъ и говоритъ:

— Вотъ, матушка, вѣдь вы мнѣ не повѣрите, какъ я вамъ поразскажу, чтѣ онъ со мной творить изволилъ со своими натурщицами. Вотъ и вчера до вечера сидѣла голодная съ дѣтьми, и кабы не вы выручили меня горькую, дай вамъ Богъ здоровья, такъ бы и спать голодные легли: И добро бы не было!.. На нѣтъ и суда нѣтъ. А то вѣдь пиръ какой вчера былъ; всю голову мнѣ прокричали, вотъ я ужъ и опять въ смоленой шапкѣ сижу по его милости... Ълъ бы, пилъ бы тамъ со своими срамницами, а то еще ихъ дразнить меня посылаетъ. Я это сижу съ дѣтьми голодная, а онѣ мнѣ, вотъ черезъ эту перегородку, колбасу да шампанское кажутъ... Вотъ передъ Богомъ, не лгу.

Скажете бывало Марфа Ивакиевна, и голову опустить, а слезы такъ изъ глазъ ей на руки и капаютъ.

И точно, одна дама, которая никогда не лгала въ жизни, видѣла своими глазами, какъ двѣ натурщицы дразнили Марфу Ивакиевну. Одна показывала черезъ перегородку голову сахару, а другая — новые сапожки.

— Вотъ извольте сами видѣть, матушка, шопотомъ сказала Марфа Ивакиевна... Вотъ моя жизнь—то какова... Знаютъ эти бестыи, что у меня кусочка сахару нѣтъ!.. а башмаки—то вонъ какіе... И Марфа Ивакиевна показала свой дырявый башмакъ. — Вотъ и дразнить!.. Цопили ты мнѣ, Господи, терпѣнья, грѣшной рабѣ твоей, вразуми ты его, Матерь Божья!.. Сжался ты вѣдь дѣтьми моими...

И услышалъ Богъ молитву Марфы Ивакиевны. Страшная холера 1830 года разогнала содомлянокъ изъ мастерской Евсея Евсеича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положила конецъ страданьямъ Марфы Ивакиевны.

При первомъ извѣщеніи объ этой новой эпидеміи, Марфа Ивакиевна ужасно испугалась. Не хотѣлось умереть ей бѣдной; страшно ей было покинуть дочерей на бѣломъ свѣтѣ, на одного Евсея Евсеича.

Чего не дѣлала Марфа Ивакиевна, чтобъ не допустить до себя холеры! Тотчасъ же приказала она заколотить всѣ окна на улицу досками, окна на дворъ запереть и щели закленить бумагой. Во всѣхъ углахъ комнаты поставлены были горшки съ легтемъ, по всѣмъ стѣнамъ висѣли пучки чесноку, на стульяхъ и перегородкахъ развѣшены были намоченныя хлоровой водой полотенцы. Сверхъ всѣхъ этихъ предосторожностей, всякіе пол-

часа Аленка или Капитошка прогуливались съ курильщиками, и не на животь а на смерть закуривали кѣтку Марфы Ивакиевны.

Евсей Евсеичъ не падалъ духомъ, не запырался и ѣлъ что ни попало; за то и схватилъ въ короткое время двѣ сильныя холеры, но по распорядительности своей, выздоровѣлъ оба раза такъ скоро, что это осталось тайной даже для Марфы Ивакиевны. Разъ, послѣ здоровой порціи ботвиньи съ лососиной, съ Евсеемъ Евсеичемъ приключилась рвота и корча. Онъ, не теряя ни минуты, созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ мальчишекъ, раздѣлся, легъ на полъ и приказалъ имъ выдрать барина какъ можно больнѣе розгами.

Мальчишки, вѣроятно помня, какъ любилъ Евсей Евсеичъ ихъ отечески наказывать, задали ему, при семъ удобномъ случаѣ, такую усердную дерку, что холера испугалась и оставила Евсея Евсеича въ покоѣ. Другой разъ, послѣ ягодокъ со сливками, опять не на шутку прихватила Евсея Евсеича холера. Тутъ испробовалъ онъ новое средство: позвалъ къ себѣ Алѣнку и Капитошку, приказалъ имъ завалить себя дровами и велѣлъ этимъ двумъ толстымъ натуркамъ плясать на этихъ дровахъ. Вѣроятно Алѣнка и Капитошка тоже поусердствовали: потому что въ Евсея Евсеича сдѣлалась реакція, и онъ снова выздоровѣлъ.

Но не такъ были удачны бѣдныя средства бѣдной Марфы Ивакиевны. Сидя въ своей тюрьмѣ, чуть не умирая отъ діеты, задыхаясь отъ духоты, Марфа Ивакиевна, вся укутанная во фланель и вату, съ жадностью читала бюлетени о холерѣ и глотала и вставляла дѣтей глотать всѣ предохранительныя средства отъ холеры.

— Помилуйте, Марфа Ивакиевна, что вы это дѣлаете? Можно ли такъ закупориться? И душно и темно, вѣдь это безъ смерти смерть!.. говорили Марфѣ Ивакиевнѣ знакомые, которыхъ она допускала къ себѣ.

— Ахъ, ужъ я не могу, пусть ужъ такъ будетъ... По крайней мѣрѣ я не вижу, что на улицѣ дѣлается. Мнѣ кажется, еслибъ я, хоть одинъ гробъ увидала, такъ и сама бы была готова... отвѣчала Марфа Ивакиевна тоскливо, качаясь на диванѣ.

Предчувствіе не обмануло Марфу Ивакиевну. Разъ, вставъ поутру, она подошла къ единственному незаколоченному окну, что было на дворъ — посмотрѣть, какова погода, и на мѣсто пого-

мы увидела... дубовый гробъ, который выносили изъ нижняго этажа...

Марфа Ивакиевна въ одну минуту какъ сварилась. Ноги подкосились, лицо осунулось; всю, покрытую колодымишъ вѣтомъ, оттащили ее отъ окна, и положили на постель. Черезъ два часа, въ страшныхъ судорогахъ она окончила жизнь. Въ ту же ночь тѣло бѣдной Марфы Ивакиевны отвезли на холерное кладбище.

Оставленная дома, изъ опасенія заразы, дочери Марфы Ивакиевны сидѣли рядышкомъ опустя головы, безъ слезъ, огуманенныя неожиданнымъ горемъ, въ опустѣлой квартирѣ. Долго не говорили онѣ ни слова и не глядѣли другъ на друга.

Потомъ какъ-то вдругъ взглянулись, вскочили съ мѣсть своихъ, крѣпко обнялись и зарыдали.

Слезы немного облегчили ихъ.

Клѣпилька заговорила первая.

— Агафоклейчка, хотите вы жить? спросила она у сестры, задыхаясь отъ слезъ.

— Нѣтъ, Клѣпилька, не хочу: что за жизнь безъ маменьки!..

— Такъ умремте, Агафоклейчка!

— Какъ же умереть, Клѣпилька? Хорошо, коли холера къ намъ пристанетъ отъ маменьки... Только нѣтъ, я что-то ничего не чувствую.

— Да вы только скажите мнѣ, что вы хотите умереть... приставала къ сестрѣ Клѣпилька.

— Я ужъ тебѣ говорила, что жить не хочу...

— Ну, такъ вотъ вамъ!.. сказала проворно Клѣпилька и, вытаскивъ что-то изъ кармана, подала сестрѣ.

— Что это, Клѣпилька?

— Это чулки, которые сняли съ покойницы маменьки... Я ихъ убрала, когда маменьку раздѣвали, чтобъ обмывать... Надѣньте вы одинъ, а я надѣну другой, тогда холера непременно пристанетъ.

Обѣ дѣвочки молча начали обувать себѣ каждая одну ногу чулкомъ покойницы матери.

— Благодарствуй, Клѣпилька, сказала Агафоклейчка, крѣпко пожавъ руку сестры. И обѣ опять сѣли рядомъ на диванъ, торжественно ждаты неизбѣжной смерти. Но смерть не пришла.

Время прогнало горе, и изъ дѣтей преобразило Агафоклейчку въ Клѣпильку въ сентиментальныхъ, взрослыхъ барышень. Отецъ

восторгался ими, видѣлъ въ нихъ существъ наземныхъ, и этимъ восторгомъ еще больше поощрялъ ихъ сентиментальность и странность.

Вотъ на примѣръ одна изъ нихъ :

Обѣ сестры задумали отучиться ѣсть, и такъ какъ это оказалось невозможно, то онѣ сѣдали въ день одну картофелину и пили чашечку чаю съ однимъ сухарикомъ. Евсей Евсеичъ очень забавно пояснялъ причину, побудившую его дочерей морить себя съ голоду :

— Онѣ у меня знаете ли-съ, созданыицы-съ такія воздушныя... Такъ имъ земное-то все противно. Онѣ у меня даже кушать не хотятъ... потому, знаете ли-съ, что это ведетъ ко всему такому матеріальному, а имъ это неприятно : такъ они этого хотятъ избѣгнуть. Имъ бы воздухъ, воздухъ и воздухъ...

Вскорѣ я разсталась навсегда съ семействомъ Шепотковыхъ. Они уѣхали на постоянное житье въ деревню. Недавно только я узнала, что и Евсей Евсеичъ приказалъ долго жить — и какимъ страннымъ случаемъ.

Евсей Евсеичъ преспокойно жилъ въ своихъ Дѣбцахъ. Дочери хозяйничали, онъ рисовалъ. Только вотъ въ одну ночь Евсей Евсеичъ видитъ во снѣ, что къ нему приходитъ старикъ и подаетъ ему образъ Божьей Матери. Евсей Евсеичъ глядитъ на образъ и думаетъ во снѣ : Боже мой, чтѣ же это за образъ ? Много мнѣ доводилось на моемъ вѣку писать образовъ Божьей Матери, а такого я никогда не видывалъ.

— А это вотъ какой образъ, отвѣчаетъ ему старикъ : когда ты его въ первый разъ увидишь на яву, ты въ тотъ день умрешь !

Сказавъ это, старикъ съ образомъ исчезъ.

Евсей Евсеичъ проснулся. Крѣпко врѣзался ему въ память сонъ и образъ Божьей Матери. Онъ позвалъ къ себѣ дочерей и рассказалъ имъ свой сонъ.

— Чтѣ это, папенька, какъ не стыдно вамъ, съ вашими умами, вѣрить снамъ ? сказали ему дочери.

— Этотъ сонъ сбудется, дѣти. Я долженъ приготовиться къ смерти. Я чувствую, что я скоро увижу этотъ образъ.

Это было на первой недѣлѣ великаго поста. Евсей Евсеичъ говѣлъ и приобщался святыхъ тайнъ.

— Ну, дѣти, я теперь спокоенъ. Съѣзжу только къ князю

Ронскому, у меня до него дѣло есть. А тамъ... да будетъ все въ волѣ божьей.

Евсей Евсеичъ сѣлъ въ кибитку и уѣхалъ.

Князь Ронскій, страстный охотникъ до картинъ, встрѣтилъ Евсея Евсеича неся въ рукахъ образъ Божьей Матери.

— Здравствуй, батюшка! умница, что пріѣхалъ! А я ужь нарочно за тобой хотѣлъ посылать. Посмотри-ка, мой батюшка, какое сокровище мнѣ Богъ послалъ. А? каково написано?

Евсей Евсеичъ поблѣднѣлъ какъ полотно, но превозмогъ себя, перекрестился и набожно приложился къ образу.

— Это вы мнѣ смерть мою вынесли, князь.., Прощайте. Теперь земныя дѣла надо оставить... Надо благословить дѣтокъ... проговорилъ Евсей Евсеичъ, и не слушая увѣщаній князя, выбѣжалъ въ переднюю, надѣлъ шубу и уѣхалъ.

На возвратномъ пути отъ князя, летя во весь опоръ по степной дорогѣ, Евсей Евсеичъ вдругъ выглянулъ изъ кибитки — и голова его была расплющена между навѣсомъ кибитки и верстой...

Надобно же было Евсею Евсеичу именно тамъ выглянуть, гдѣ въ степи стояла верста. Вотъ подите послѣ этого, не вѣрьте снамъ!

МАРЬЯ КАМЕНСКАЯ

22 мая 1861 года.

ПОСЛѢ БУРИ

Посмотри, какъ стихла буря,
Посмотри, какъ горы эти,
Подняшася надъ нами,
Мрачно тонуть въ лунномъ свѣтѣ;

Какъ въ прорѣху черной тучи
Ясно смотритъ мѣсяцъ полный,
И подъ нами лижутъ камни
Успокоенныя волны, —

Лижутъ нехотя, угрюмо,
Пѣнясь въ воздухѣ стемнѣвшемъ —
Точно все забыть не могутъ
Распри съ вѣтромъ усмирѣвшимъ...

П. П. КУСКОВЪ

Я люблю тебя, ребенокъ,
Безконечною любовью,
И блаженство въ ней вкушаю
Всей душой своею и кровью.

Оттого-то такъ и страшно
Мнѣ при мысли, что такую
Ты мое большое счастье
Держишь дѣтскою рукою:

Оттого-то такъ и плачу
Я въ томленьи сладострастья...
Что, когда неосторожно
Разобьешь мое ты счастье?..

И. КУСКОВЪ

Какъ хорошо, что занята
Дѣлами вѣчной суеты,
Мои же безумствъ не замѣчая,
Меня такъ просто любишь ты!

А то бы сами указали
Мечты ревнивыя мои,
Мои ревнивыя печали
Тебѣ все пропасти любви;

И закружилась бы въ боязни
Голова дѣтская твоя,
И самъ въ безумьи къ мѣсту казни
Себѣ свой крестъ принесъ бы я.

И. И. КУСКОВЪ

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ (1)

(ИЗЪ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ КУНО ФИШЕРА)

I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХОДЪ РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФИИ И ВСЕМИРНЫЕ ПЕРІОДЫ

Если мы разложимъ происхожденіе философіи на его элементы, то найдемъ, что для начала *дѣйствительнаго движенія философствованія* необходимо соединеніе двухъ условій, именно *силы мышленія и потребности мыслить*.

Что обуславливаетъ *силу мыслить*? *Апогей человеческого образованія*. Вотъ почему философія всегда возникала на высшей точкѣ какой нибудь культуръ-системы. Вотъ почему *до-христіанскій* или *древній міръ* только среди *греческой культуры* достигъ до *libertas philosophandi*. Вотъ почему *христіанско-германскій міръ* только *выступъ съ протестантскимъ началомъ* открываетъ поприще философіи.

Что нужно для пробужденія *потребности мышленія*? То, чтобы *дѣтъ* человеческого образованія началъ *увядать*, чтобы система культуры пришла въ состояніе внутренняго разложенія, и *человѣчскій духъ* уже не удовлетворялся бы существующими *вѣрованіями и нравами*; чтобы съ одной стороны *человѣческое образованіе* было *поставлено порчею*, съ другой стороны *человѣчскій духъ сомнѣніемъ*. Вотъ почему философія возникала при паденіи *міровой жизни*.

(1) Три лекціи, которыя мы предлагаемъ читателямъ, принадлежать къ вводнымъ лекціямъ перваго тома «Исторія новой философіи» Куно Фишера. Сами по себѣ онѣ образуютъ почти строгое цѣлое. Мы взяли ихъ изъ перевода этой книги, приготовляемаго г. Н. Страховымъ къ печати. Ред.

ни; *древняя философія* тогда, когда ослабѣла бодрость жизненныхъ силъ въ религіи, искусствѣ и государствѣ, когда настоящій продуктъ классической древности — *государство* — распалось на свои атомы. Вотъ почему новая или *новоевропейская философія* возникаетъ при паденіи среднихъ вѣковъ, когда настоящій продуктъ классическихъ среднихъ вѣковъ, первое естественно-развившееся созданіе христіанскаго начала — *церковь* — разлагается на свои атомы (1).

Такимъ образомъ философія въ самомъ своемъ происхожденіи, столько же соединена тѣсно и солидарно связана со всею системою человѣческой культуры, какъ и чужда и противоположна ей внутренно.

Мы можемъ сказать: *философія возникаетъ изъ какой нибудь системы культуры такъ, что отказывается отъ этой системы.* Важно въ высочайшей степени — уяснить себѣ это отношеніе; потому что то, что мы говоримъ здѣсь объ *объективномъ происхожденіи философіи*, то есть объ ея историческомъ началѣ, то самое должно сказать и о *субъективномъ началѣ философіи*, о томъ, какъ мы сами начинаемъ философствовать. *Философія возникаетъ изъ системы культуры.* Слѣдовательно она не безусловна, точно такъ какъ не безусловна и сила мыслить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ философія при самомъ своемъ происхожденіи отказывается отъ господствующей системы культуры, слѣдовательно она отвергаетъ свое условіе, и потому она безусловна, такъ какъ *потребность мыслить* приводитъ человѣка къ самому себѣ и отрываетъ его отъ всего даннаго вообще.

Точно такъ, какъ философія уже въ самомъ своемъ происхожденіи и связана съ образованіемъ извѣстнаго времени, и противоположна ему, такъ точно она является намъ въ дѣйствительной связи и въ контекстѣ исторіи.

Мы стараемся понять связь философіи и исторіи не по первому бѣглому взгляду, издали брошенному на явленіе философіи, но сообразно съ понятіемъ философіи, мыслимымъ въ духѣ исторіи, не подъ вліяніемъ минуты. Исторія заключаетъ въ себѣ философію, какъ свой высшій движущій факторъ, какъ «*principium movens*» (движущее начало) человѣческой культуры, рѣшающее ея періоды. Но это *principium movens* вмѣстѣ съ тѣмъ есть «*principium mobile*», т. е. оно не только движетъ человѣческое развитие, но само

(1) Авторъ, какъ иностранецъ и протестантъ, вовсе не имѣетъ въ виду православной церкви, и подъ словами *церковь* и христіанство постоянно разумѣетъ католическую церковь.

декается *смыслъ* съ ними, оно *рѣшаетъ* это развитіе и *подчиняется* его ходу.

Теперь, когда мы уяснили себѣ значеніе философіи въ исторіи, мы должны рассмотреть *историческій ходъ развитія философіи*. Къ такому переходу вынуждаетъ насъ диалектика самого предмета, потому что философія какъ въ своемъ началѣ, такъ и въ своей исторической связи оказалась *сопряженною съ человѣческимъ развитіемъ вообще*. Поэтому и въ очеркахъ и вкратцѣ изложу этотъ ходъ развитія философіи и опредѣлю въ немъ ту точку, гдѣ наше изложеніе философіи выдаетъ въ ея исторію.

Если нужно въ очеркѣ представить историческое развитіе философіи, то должно указать *главныя черты* исторіи философіи. Слѣдовательно необходимо *раздѣлить* эту исторію, а для этого намъ нужно основаніе дѣленія. Откуда же мы возьмемъ это начало или основаніе дѣленія? Этотъ вопросъ представляетъ большую трудность для историка философіи, и если историки смотрятъ на ходъ философіи не философски, то едва ли есть у нихъ возможность согласиться на счетъ основаній этого дѣленія. Вотъ почему именно въ этой точкѣ мы находимъ такое разномысліе въ большей части исторій философіи.

Если на исторію философіи смотрятъ, какъ обыкновенно бываетъ, *хронологично, эклектически или скептически*, то эта исторія есть только слово безъ всякаго смысла и собственно объ ней ничего и говорить. Слѣдовательно съ этой точки зрѣнія изъ самой исторіи философіи нельзя извлечь основанія для дѣленія, и слѣдовательно необходимо взять это основаніе извнѣ. Такимъ образомъ прибраваютъ множество основаній, по которымъ можно раздѣлять скорѣе все другое, чѣмъ исторію философіи, такъ какъ эти основанія берутъ изъ такой сферы бытія, которая къ философскому духу или вовсе не имѣетъ никакого отношенія, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ никакого отношенія. Одинъ раздѣляетъ исторію философіи на *средныя области*, другой на *пространственныя*; за основанія дѣленія исторіи философіи берутся то *національныя*, то *религіозныя* различія. Такимъ образомъ къ исторіи философіи были примѣняемы, какъ схема дѣленія, то ничего не содержащая *хронологія* древняго, средняго и новаго времени, то *географическое* различіе восточнаго и западнаго, то *каталогъ народовъ*, то наконецъ категоріи языческаго и христіанскаго. Но изъ того, что мы нашли относительно философіи, легко видѣть, что философскій духъ нельзя обозначать ни по временамъ, ни по странамъ, ни по народамъ; что ни хронологическая, ни географическая, ни національная, ни религіозная категорія не указываютъ на собственное существо философскаго духа.

Мыслящій духъ, воплощаясь въ человѣчествѣ, какъ-бы облекается различіями человѣческой жизни, и поприще его исторіи пролегаетъ черезъ разныя времена и страны, народы и религіи. Но все это не есть силы; внутренне его движущія и производящія его успѣхи, т. е. все это не развивааетъ его; а потому и не можетъ служить основаніемъ для раздѣленія его развитія. И такъ мы должны внутри самой философіи, въ ея собственномъ развитіи искать основаній для его раздѣленія: не мы хотимъ раздѣлить философію по тѣмъ или другимъ основаніямъ, или лучше сказать по тѣмъ или другимъ признакамъ, но сама философія раздѣляетъ себя, и по закону своего собственного генія, слѣдовательно по нѣкоторому имманентному закону, описываетъ сферы своей исторіи.

Мы должны распознать это раздѣленіе, а не слѣдять его. Потому что оно вытекаетъ не изъ нашего произвола, но изъ сущности вещи; оно не субъективно, но объективно, не есть внѣшнее; но имманентное, не есть такъ называемое логическое изложеніе, но есть *диалектическое развитіе*.

Попытаемся же теперь изъ сущности философіи вывести *главныя черты ея развитія*. Во-первыхъ въ общемъ развитіи философіи отдѣляются двѣ главныя группы, которыя мы сперва различимъ, а потомъ свяжемъ одну съ другою.

Въ предыдущей лекціи я доказалъ вамъ, что человѣческая культура должна была созрѣть до *прекрасной человѣчности*, для того, чтобы могла пробудиться свобода духа и произойти философія. Древній міръ находитъ прекрасную человѣчность, послѣ того какъ *отлеченныя естественныя религіи и естественныя государства* востока проявляются въ *греческій идеалъ*; *христіанско-германскій міръ* достигаетъ до прекрасной человѣчности только въ разрывѣ съ *отлеченною религіею духа и отлеченнымъ государствомъ* церкви средних вѣковъ. Такимъ образомъ только внутри *греческаго и протестантско-германскаго міра* философія получаетъ собственное начало, и потому только въ этихъ двухъ міровыхъ періодахъ она имѣла собственное развитіе. Поэтому *греческая и новоевропейская философія* составляютъ двѣ главныя черты въ общемъ развитіи философіи. Какъ греческая философія предполагаетъ восточныя системы культуры, такъ новоевропейская философія предполагаетъ католическое христіанство или средніе вѣка. Ни на востокъ, ни въ средніе вѣка философія не является какъ свободная дѣятельность мысли; она подчинена религіознымъ представленіямъ и только постепенно освобождается отъ нихъ. Какъ восточный духъ отличается отъ духа средневѣковаго, такъ *греческая философія* отличается отъ *ново-европейской*. Это различіе мы можемъ вообще обозначить какъ раз-

лчіе *христiанскаго* и *до-христiанскаго* міра — имена, подъ которыми мы разумѣмъ не только религіи, но и *всеобщія настроенія умовъ*.

Въ чемъ же состоитъ это величайшее различіе, какое только представляетъ намъ исторія? Потому что *христiанское* и *до-христiанское* составляютъ кардинальныя точки, въ которыхъ, какъ въ полюсахъ, вращается ось всемірной исторіи. Это различіе основывается просто на развитіи челоуѣчества и что на первый взглядъ представляетъ самую рѣзкую противоположность, самый непримиримый антагонизмъ, то при ближайшемъ уясненіи обнаруживаетъ внутреннѣйшую и глубочайшую взаимную связь.

Человѣкъ не *состоитъ* изъ *духовнаго* и *естественнаго*, какъ любитъ выражаться обыкновенное опредѣленіе; но его сущность и развитіе состоитъ въ томъ, что *духъ высвобождается изъ природы*, что челоуѣкъ, при постепенномъ ходѣ своего образованія, возвышается до сознанія своей духовности. Что должно быть необходимымъ результатомъ такого развитія? То, что челоуѣкъ пойметъ себя въ своей духовности и на вершинѣ своего *самосознанія* противопоставитъ себя природѣ, т. е. результатомъ этого развитія будетъ *дуализмъ духа и природы*, противоположность между челоуѣческимъ *самосознаніемъ* и *міромъ*, являющимся ему какъ *природа* или какъ *образованіе*.

Этотъ дуализмъ приводитъ челоуѣка въ глубочайшее раздвоеніе съ самимъ собою, и потому рождаетъ глубочайшую потребность *примиренія*.

Но это примиреніе не можетъ быть дано челоуѣку *извне*, потому что въ сознанія свободы своего духа онъ возвысился надъ вѣшнимъ міромъ. Разрѣшеніе дуализма или *свое примиреніе* челоуѣкъ можетъ найти только въ себѣ самомъ, а потому и будетъ *искать* его только *въ себѣ самомъ*. Такимъ образомъ начинается новое развитіе челоуѣчества, которое исходитъ уже не изъ *природы*, какъ прежде, но изъ *духа*. Если прежде какъ-бы инстинктивно стремилось къ духу, то новое начинается также просто *вѣрою* въ *примиреніе духа*. Вотъ двѣ великія дѣятельности развитія челоуѣчества; и на сколько повидному онѣ различны, на столько однакоже внутренно они связаны, и здѣсь не должно предполагать какого-нибудь разрыва исторіи, но именно должно уразумѣть ея строжайшую и глубочайшую связь. *Первый рядъ развитія* есть предуготовленіе или *генезисъ втораго*; второй есть продолженіе или *результатъ перваго*.

Первый рядъ развитія начинается *природою* и въ послѣдовательныхъ своихъ успѣхахъ высвобождаетъ изъ нея *духъ*; онъ представляетъ какъ-бы *естественный генезисъ духа*, *послѣдовательное развитіе челоуѣческой сущности на почвѣ природы*. Въ этомъ состоитъ

весь до-христианскій міръ. Такъ какъ онъ никогда вполнѣ не цокадаетъ почвы природы, но постепенно только углубляетъ и олухотворяетъ ее, то онъ не успѣваетъ одолѣть *естественную границу народовъ* и распадается на *нации*, которыхъ не можетъ внутренно соединить общою *вѣрою*, но можетъ только виѣшнимъ образомъ перемѣшать *насиліемъ войны* и грубою энергіею *завоеванія*; поэтому и въ своемъ *религиозномъ идеалѣ* этотъ первый рядъ развитія не можетъ пересилить естественную множественность и раздѣльность: идея божества распадается на *множество боговъ*. Въ этомъ состоитъ религиозная особенность до-христианскаго міра, называемая *языческимъ политеизмомъ*. Религіи этого міра вѣрно отражаютъ человечество въ его развитіи. Человѣчество вырабатывается изъ природы, она стремится высвободить духъ изъ природы. Но природа всегда остается въ его развитіи прежде-найденымъ, первичнымъ основаниемъ. Какъ же такой характеръ выражается въ религіи? Естественныя силы преобразуются въ божества, и въ счастливѣйшее мгновение до-христианскаго міра *люди* становятся *богами*.

Христианскій міръ идетъ противоположнымъ путемъ. Онъ начинается вѣрою, что *божество стало человѣкомъ*. Но эту вѣру мы должны понимать не только какъ противоположность, но вмѣстѣ и какъ результатъ до-христианскаго міра. Говоря короче мою мысль, развитіе до-христианскаго міра разрѣшается наковецъ въ чистыя *проблемы*, и *христианская вѣра* есть рѣшеніе этихъ задачъ.

Какъ развивался до-христианскій міръ? Онъ ищетъ *духовнаго естественнаго*, или стремится создать человѣка на прежде-найденомъ естественномъ основаніи. Поэтому онъ оканчиваетъ свое развитіе, найдя *духовное въ естественномъ* и открывъ ихъ *гармонію*. На вершинѣ его развитія покровъ природы разорванъ и разоблачается ея *красота*; настоящее мгновение исполненія наступаетъ, когда изъ темныхъ волкъ моря выходитъ Анадоменца, богиня красоты. Эта гармонія духовнаго и естествонаго есть *прекрасная индивидуальность*: индивидуальность — такъ какъ основою служитъ живое естественное тѣло, и прекрасная индивидуальность — такъ какъ это тѣло просвѣтляется и дѣлается храмомъ духа. Прекрасная индивидуальность есть начало *греческаго міра*: она отрицаетъ его вѣру и нравы, религію и государство. Поэтому, когда греческую культуру называютъ *классическимъ апогеемъ до-христианскаго міра*, то это вовсе не одинъ филологическій тропъ, но самая истина дѣла. Эта культура занимаетъ средину между востокомъ и римскимъ міромъ. Восточный міръ есть *предустройство* греческаго; онъ предстарадетъ человѣка какъ *существо природы* и въ постепенномъ развитіи стремится къ прекрасной индивидуальности. Римскій міръ есть *разруше-*

на греческаго, потому что на мѣсто прекраснаго недвижимаго онъ ставитъ личность. Человѣкъ какъ личность есть единичная отдѣльность, которая находитъ свое полннство не въ безавѣтномъ свѣтѣ наслажденій жизнью, какъ прекрасное недвижимое, во среди публичной общественной жизни и съ ея соизволеніемъ. Какъ личность, я имѣю значеніе только на столько, на сколько я признанъ другимъ. Это моя сфера, опредѣленная властію государства; какъ лица, я имѣю общественное значеніе, основанное на всеобщемъ признаніи, ограниченное и утвержденное властію закона. Я знаю, на сколько оно меня признаетъ и какъ-бы соизволяетъ. Такое соизволенное и допускаемое существованіе мы обозначаемъ словомъ *право*. *Право* есть начало специфическая особенность римскаго міра. Восточный міръ создаетъ *естественныя государства*; греческій развиваетъ *прекрасное государство* въ его двойной формѣ, въ аристократіи и демократіи; римскій міръ основываетъ *государство права*. Если въ этихъ степеняхъ развитія мы обратимъ вниманіе на то, что въ нихъ наиболѣе оригинально, то должны сказать, что сущность восточнаго міра всего соотвѣтственнѣе выражается въ *религии*; сущность греческаго въ *искусствѣ*; сущность римскаго въ *государствѣ*. Потому что въра въ силу природы олицетворяется въ *религиозномъ пантеонѣ*, въра въ красоту — въ *искусствѣ*, въра въ право — въ *государствѣ*.

Результатъ же всего этого развитія до-христіанскаго міра, представляющаго намъ естественный генезисъ духа, необходимо долженъ быть тотъ, что *духъ отрывается отъ своего естественнаго базиса* и противопоставляется ему какъ особое и совершенно отъ него отдѣльное существо. Въ такое *раздвоеніе духовнаго и естественнаго* разрываются всѣ развитія до-христіанскаго міра. Восточный духъ исподнадеетъ это развитіе *религиозно*, греческій *философами*, римскій *политическими*. Въ восточномъ мірѣ *иудейскій духъ* совершаетъ *религиозно* этотъ разрывъ духовнаго и естественнаго и противопоставляетъ естественному міру отвлеченное божество, чистый отвлеченный духъ. Въ греческомъ мірѣ *философія* вводитъ человѣческое сознаніе въ этотъ дуализмъ: *Платонъ* противопоставляетъ идею матеріи. *Аристотель* божественный *воуэ* космосу! Такой разрывъ между *мыслью и дѣятельностью* рѣшаетъ и обуславливаетъ послѣднія развитія греческой философіи, въ которыхъ она рождается то съ римскимъ, то съ восточнымъ сознаніемъ. Именно, когда мысль выходитъ за дѣятельность и основываетъ свой міръ на другую ея сторону, то по весьма простой послѣдовательности *мыслимый* человекъ покидаетъ дѣятельность и уходитъ въ *удиненное самосознаніе*. Что станетъ дѣлать это уединенное самосознаніе? Во-первыхъ не предаваться болѣе міру, не принимать бо-

лѣе серьезнаго участія ни въ его наслажденіяхъ, ни въ его стремленіяхъ. Изъ *мировой мудрости* выйдетъ *мудрость житейская*. Уединенное самосознаніе говоритъ: *не наслаждайся ничѣмъ; кромѣ самаго себя* — оно становится *эпикурейцемъ*. *Не желай ничего, кромѣ себя*, желай только себя самого, т. е. среди перемѣвъ вокругъ тебѣ оставайся въ непоколебимомъ покоѣ воли — оно становится *стивикомъ*. Наконецъ, *откажись отъ познанія, сомнѣвайся въ истинѣ всѣхъ явленій* — оно становится *скептикомъ*. Мыслящему человѣку, отказавшемуся отъ міра, ничего болѣе не остается, кромѣ уединеннаго *самоуаслажденія*, удивленной *добродѣтели*, удивленнаго *смиренія*.

Религія отказывается отъ міра въ іудействѣ, запрещая имѣть иныхъ боговъ кромѣ Того, которому никто не можетъ найти ни изображенія, ни сравненія.

Философія отрывается отъ міра въ *эпикуреизмъ*, *стоицизмъ* и *скептицизмъ* и не оставляетъ въ человѣкѣ ничего, кромѣ уединеннаго самосознанія.

Наконецъ народы отказываются отъ *національной особенности*, покоряясь римскому игу; они отказываются отъ *правомѣрно значенія*, подчиняясь всѣ одному — *римскому деспоту*.

Взгляните теперь при закатѣ до-христіанскаго міра на зрѣлище человѣчества. *Отреченіе* проходитъ по всѣмъ областямъ жизни. Нравственное бытіе въ общественной жизни государства, *міръ права опустошенъ* и трупный запахъ носится надъ *orbis terrarum*. Человѣческое сознаніе *опустошено*, и сомнѣніе пожралъ въ немъ всякую достовѣрность; уединенно и безучастно оно движется около своей собственной оси въ эпикурейскомъ наслажденіи или въ стоической добродѣтели. Міръ *въры* сталъ пустъ, и боги перешли изъ души человѣка въ римскій пантеонъ, а здѣсь ихъ уже встрѣчаетъ не живая *вѣра*, а только любопытство ищетъ себѣ пищи въ этихъ окаменѣлыхъ свидѣтельствахъ *человѣческаго суевѣрія*.

Въ одномъ только народѣ земномъ божественное еще обнаруживаетъ власть надъ душою, и именно потому, что онъ всего абстрактнѣе удаленъ отъ міра. Преходящее и вся измѣнчивость міра не касаются божества, царящаго за его предѣлами. Этотъ народъ есть *іудейскій народъ*. Только въ немъ одно еще таѣтъ: *фокусъ отчужденней вѣры*, и такъ какъ онъ всего глубже погруженъ въ дуализмъ Бога и міра, то онъ и всего живѣе чувствуетъ стремленіе къ *примиренію*. Отреченіе или *отчаяніе*, овладѣвшее всѣмъ *человѣчествомъ*, всего болѣзненнѣе ощущается *іудейскимъ сознаніемъ*. Вотъ почему только въ *іудейскомъ сознаніи* можетъ возникнуть *новая вѣра*, только здѣсь можетъ вѣсться *вѣра въ примиреніе*. Но говорю

прямо, іудейское сознаніе созрѣло для новаго откровенія чловѣка только въ это мгновеніе, когда оно было окружено *отчаяніемъ* всѣхъ другихъ народовъ. Какъ Палестина занимаетъ средину древняго міра, такъ іудейскій народъ въ этотъ моментъ составляетъ *центръ* чловѣчества: здѣсь ощущаются смертныя содроганія членовъ и всеобщее отчаяніе чувствуется этимъ народомъ.

Такимъ образомъ до-христіанскій міръ готовится новому мировому началу колыбель рожденія, и потому происхожденіе христіанства не есть внѣ-историческое явленіе, но находится въ тѣвѣйшей имманентной связи съ историческимъ развитіемъ. Оно явилось, когда исполнились времена. Оно есть *разрѣшеніе*, простѣйшее разрѣшеніе задачъ, которыя породили и не могъ рѣшить до-христіанскій міръ, потому что оно *силою духа* уничтожаетъ дуализмъ духа и природы, внутренняго и внѣшняго міра, ту противоположность, въ которой притупилась вся жизненная энергія до-христіанскаго міра.

Это раздвоеніе овладѣло всѣми умами; это было состояніе, въ которомъ одинаково находилось *все* чловѣчество. Вотъ почему *разрѣшеніе* этого раздвоенія, или *искупленіе*, также дано для *всѣхъ* людей, т. е. христіанское начало есть мировое начало, не какое-нибудь національное, но *космополитическое*.

Какъ же теперь это космополитическое начало развивается исторически? Нужно совершенно ясно понять, что христіанское начало или *въра въ примиреніе*, хотя уничтожало внутреннее раздвоеніе чловѣческаго духа, но было рѣшительно противоположно тому состоянію чловѣчества, среди котораго оно возникло. Нужно вполне яснить себѣ эту противоположность, для того чтобы понять, какъ *мироискупительное начало* такъ исключительно могло относиться къ самому міру въ первомъ періодѣ христіанства, какъ высочайшее *утвержденіе міра* могло выразиться въ видѣ глубочайшаго *отрицанія міра*. Въ самомъ дѣлѣ, оно противорѣчило міру, который оно нашло и изъ котораго само оно вышло какъ изъ своей колыбели. Оно въ *своёмъ принципѣ* было противоположно *языческо-іудейскому* чловѣчеству. Исходя изъ внутренней глубины чловѣка и избавляя ее отъ ея раздвоенія, оно покинуло *естественную основу* чловѣка, и въ этомъ принципиально противорѣчило *язычеству*. Язычникамъ оно должно было казаться отвлеченнымъ монотеизмомъ, т. е. *іудейскою сектою*. Такъ какъ оно върою въ *Бого-чловѣка* или въ *искупленіе* устраняло дуализмъ Бога и міра, то оно въ принципѣ противорѣчило іудейству, и казалось ему *атеизмомъ* и *богоульствомъ*. Язычники не находили въ христіанскомъ началѣ чловѣка, іудеи не находили *божества*.

Вотъ почему христіанское начало должно было развиваться исключительно. Вѣра въ искупленіе не стала энергическимъ мировымъ началомъ, не стала вѣрою въ дѣйствительный искупленный міръ, но противопоставила ему какъ *отвлеченный религиозный догматъ*. Примиреніе явилось человѣчеству въ образѣ Христа, и этотъ образъ явился ему въ своей земной исторической рабѣ, т. е. какъ исторія Бога, ставшаго человѣкомъ, жившаго и умершаго въ Палестинѣ. Такимъ образомъ примиреніе челоѣка являлось какъ *бышшее*, и вѣра въ примиреніе стала вѣрою въ *совершенное примиреніе*.

Эта вѣра въ совершенное примиреніе господствуетъ надъ первымъ мировымъ періодомъ христіанства — надъ *средними вѣками*; онъ есть центръ; около котораго въ периферической связи группируются явленія среднихъ вѣковъ. Примиреніе явилось являть не какъ имманентный самодѣятельный духъ, но какъ нечто *по-ту-стороннее*: или какъ *прошлое* по-ту-стороннее, т. е. какъ *священная исторія Христа, божественный фактъ Палестины, земной Иерусалимъ*, или какъ *будущее* по-ту-стороннее, т. е. какъ *общеніе святыхъ, небесный Иерусалимъ*. Такимъ образомъ челоѣческая вѣра раздѣляется между земнымъ и небеснымъ Иерусалимомъ, и движима только *воспоминаніемъ и надеждою*, не принимаетъ никакого участія въ дѣйствительномъ тѣлесномъ мірѣ. Такой *отрицательно-религиозный духъ*, живущій въ разрывѣ съ дѣйствительностью и потому снова *внутренно-раздвоющій* челоѣка, есть характеръ среднихъ вѣковъ.

Но по мѣрѣ того, какъ этотъ отрицательно-религиозный духъ проникаетъ челоѣческую жизнь, онъ принимаетъ міръ *въ свое владѣніе*, сначала конечно *по-своему*, но онъ начинаетъ въ немъ *формироваться*, онъ становится *мірскимъ* и измѣняется въ этомъ направленіи все болѣе и болѣе; онъ укрѣпляется въ наукаѣ, въ государстваѣ и искусстваѣ, онъ развивается въ цѣлую *систему культуры*, и когда достигаетъ до ея вершины, до апогея своего образованія, то онъ уже вполне поселился въ мірѣ, онъ самъ опровергъ свою *по-ту-сторонность* и слѣдовательно самого себя: средніе вѣка исчезаютъ.

Это образованіе, совершаемое отрицательно-религиознымъ духомъ среднихъ вѣковъ въ противорѣчій съ самимъ собою и однакоже по внутреннему понужденію, и составляетъ особенный интересъ среднихъ вѣковъ для философскаго разсмотрѣнія. Было бы односторонне говорить съ романтическою тоскою о положительной полнотѣ вѣры въ средніе вѣка; точно также односторонне съ новѣйшимъ умничаньемъ презирать грубость среднихъ вѣковъ. Зала-

ча среднихъ вѣковъ въ томъ, чтобы образовать отрицательный духъ христианства; возвести систему культуры на библейскомъ основаніи религіознаго увлеченія въ себя! Эту задачу они разрѣшили, а труднѣе этой задачи не являлъ еще ни одинъ періодъ исторіи. Это внутреннее противорѣчіе, характеризующее средніе вѣка, импелло отрицательно-религіозный духъ, который образуется, сопровождается развитіемъ челоуѣка на каждомъ шагѣ, и повсюду вноситъ въ жизнь противоположность враждебныхъ силъ. Только поэтическая мечта, выдуманная новою романтикою, можетъ представлять себѣ благочестивые средніе вѣка дитятею въ *глубочайшемъ* мирѣ духа. Средніе вѣка были не то, чѣмъ рисовала ихъ фантазія *Новалмы*.

Вся ихъ дѣятельность есть неполинская борьба духа съ самимъ собою, непрерывное броженіе враждебныхъ элементовъ, которые ищутъ и стараются преодолѣть другъ друга. *Монахъ* борется съ природою, *вра* съ разумомъ, *иртодоксія* съ ересью, *папа* съ императоромъ, *церковь* съ *государствомъ*, вооруженная *вра* или рыцарство съ толпою невѣрныхъ; наконецъ даже *классическая древность* пробуждается въ своихъ гробахъ и духи великихъ личностей возстаютъ противъ грозы церкви.

Вездѣ тѣснятъ въ духѣ положительныя силы міра; *дѣятельности*, а духъ, становясь мірскимъ, принимаетъ въ себя эти силы и съ каждымъ шагомъ все больше и больше покидаетъ отвлеченную по-ту-сторонность вѣры. Наконецъ на высотѣ его культуры мы находимъ его *чисто мірскимъ*; *настоящій* интересъ его дѣйствуетъ политически, научно; художественно, а *религіозный интересъ* имѣетъ только *кажущуюся* жизнь; какъ мертвая *вѣра*, служащая средствомъ для свѣтскихъ цѣлей. Такимъ образомъ въ одно и то же время *образованіе* среднихъ вѣковъ достигаетъ высочайшаго процвѣтанія, а церковь среднихъ вѣковъ *глубочайшей* испорченности. Одинъ изъ Меланхтоновъ сидитъ на престолѣ *Петра*; *государственный челоуѣкъ* въ санѣ *первосвященника*, онъ продаетъ отпущеніе грѣховъ и за отпускныя деньги покупаетъ языческія книги; въ театрѣ онъ разыгрываетъ роль *Мецената* итальянскихъ художниковъ, такъ что послѣдній выводъ католическаго лицемерія, дошедшаго до индульгенцій, способствуетъ мірскимъ интересамъ.

Возьмите съ одной стороны художественную, политическую, научную *культуру*, которая постепенно эманципировалась отъ церкви; съ другой стороны *испорченность* нравовъ, которая внутренне подрывала гигантское зданіе католической церкви, и вы увидите ясно: почва стала пригодна для *происхожденія* новой философіи.

Искусство, государство, наука — уже не прислужницы церкви; они переступили магический кругъ *святого* и перешли въ *святскій* міръ. Искусство отъ вѣры въ святое обратилось къ вѣрѣ въ *красоту*. Высочайшій идеалъ католической церкви, *мадонна* уже не противится *женской красотѣ*, когда ее создаетъ Рафаэль; благочестивый экстазъ, въ которомъ нѣкогда Фізіоло написалъ Богоматерь и палъ, моляся передъ собственнымъ изображеніемъ, проявился и перешолъ въ тотъ свѣтлый энтузіазмъ, изъ котораго вышлѣ прекрасныя мадонны. Искусство стало прекраснымъ. *Красота* освобождаетъ душу, потому что она есть разоблаченная тайна. Если святое становится *прекраснымъ*, оно перестаетъ быть святымъ. Вотъ почему святое искусство никогда не писало прекрасныхъ образовъ и изображеній, съ которыми соединялось религиозное почитаніе, какъ напримѣръ чудотворные образа Маріи, были поэтому всегда некрасивы. Прекрасное искусство Италіи измѣнило принципъ католичества, торжествуя этотъ принципъ въ *красотѣ*, потому что оно обнаружило таинство католичества. Оно протестовало противъ католическаго раздѣленія духовнаго и естественнаго простотѣмъ, что сочетало и то и другое.

Государство, нѣкогда провинція церкви, эманципировалось отъ іерархіи; оно стало самостоятельнымъ въ формѣ политическаго абсолютизма или въ *союзахъ свободныхъ городовъ*, и въ республиканскихъ городахъ развило собственную политическую жизнь. Такимъ образомъ государство стало свѣтскимъ.

Наковецъ *наука* — чѣмъ была она въ средніе вѣка? Вѣра въ совершенное примиреніе или въ его *божественный фактъ* не допускаетъ никакой другой науки, кромѣ той, которая излагаетъ и анализируетъ этотъ фактъ. Поэтому единственная наука, соответствующая духу среднихъ вѣковъ, есть *теологія*; и то, что называютъ *средневѣковою философією*, есть въ сущности теологія или догматика. Для этой философіи въ *фактъ* примиренія, слѣдовательно въ содержащій вѣры, существуетъ твердая посылка: вотъ почему она ограничена и слѣдовательно собственно не должна быть называема философією, такъ какъ философія есть свободная наука. Содержаніе вѣры или фактъ примиренія, когда его анализируютъ и возводятъ въ общее представленіе, становится теологією. Теологія *учитъ*, чему *спрують*, и содержаніе вѣры, изложенное какъ ученіе, есть *догматы*. *Исторія Христа* или фактъ примиренія превращается въ *догматы* и *символы*. Образование догматовъ есть дѣятельность отцовъ церкви или *патристика*.

Въ такомъ развитіи *германскій* міръ принялъ христіанское ученіе. Для того, чтобы догматы или символы стали доступны уму гер-

жизни и вероловъ, иль нужно было соединить въ разумную систему и изложить логически. Такое школьное изложеніе христіанской догматики принимает на себя собственная теологія или философія среднихъ вѣковъ, схоластика. Такъ какъ схоластика объемлетъ содержаніе вѣры умомъ, то она сравниваетъ умъ и вѣру, и на столько составляетъ логическое изслѣдованіе вѣры. Результатъ ея тотъ, что она различаетъ въ содержаніи вѣры постигаемое и непостижимое, отдѣляетъ *откровенную теологію* отъ *естественной теологіи*, и такимъ образомъ съ одной стороны освобождаетъ чело-вѣческій умъ, съ другой стороны его связываетъ. Естественная теологія познаетъ Бога изъ природы, откровенная теологія *вѣривше* въ сокровенную сущность Божію. Такимъ образомъ схоластическая теологія, послѣ того какъ Фома Аквинскій раздѣлилъ ее на эти двѣ стороны, необходимо распадется на *мистику* и *эмпиризмъ*. Но заслуга схоластики состоитъ въ томъ, что она пробуждаетъ научный интересъ и питаетъ силу мышленія, хотя и привѣняетъ эту науку совершенно вѣдшимъ образомъ.

Результатъ нашъ таковъ :

Культура среднихъ вѣковъ въ искусствѣ, государствѣ, наукѣ возникаетъ въ священномъ кругу вѣры; но она оставляетъ этотъ кругъ и переходитъ въ свѣтскій міръ: искусство становится *прекраснымъ*, государство *свободнымъ*, наука *самостоятельною*. Въѣстъ съ тѣмъ культура отказывается и отъ средоточія этого священнаго круга, именно отъ *вѣры въ совершенное примиреніе*.

Примиреніе не можетъ быть дано духу взвнѣ, онъ долженъ самъ произвести его. Такимъ образомъ онъ уже не вѣрится во вѣдшее примиреніе, а только во внутреннее, то есть въ *свое примиреніе*. Въ такой самоувѣренности духъ возстаетъ на средніе вѣка и протестуетъ противъ авторитета. Такой протестантизмъ есть принципъ *современнаго міра*; онъ есть мировое начало и дѣйствовать не въ одной только церковной реформаціи. Самоувѣренный духъ объявляетъ себя независимымъ отъ всякой посторонней силы, онъ хочетъ самъ собою разрѣшить свое бытіе, то-есть произвести міръ, сообразный съ его сущностью. Религіозный принципъ протестантизма выраженъ Лютеромъ: не дѣла, а *вѣра спасаетъ*, то-есть сила примиренія заключается въ тебѣ самомъ. Твое внутреннее бытіе есть твое истинное бытіе; ты спасенъ только тогда, когда вѣришь.

Какъ раскроется принципъ протестантизма въ мыслящемъ духѣ? Во-первыхъ какъ *протестъ противъ всею*, чего не оправдываетъ мыслящій разумъ. Разумъ не хочетъ ничего признавать, кромѣ

того, что онъ познаеть. Такой протестантизмъ философскаго духа есть *сомнѣніе во всемъ*. Такимъ образомъ философія новаго времени начинается тамъ, гдѣ прекращается философія древняго, съ тѣмъ только различіемъ, что античный скептицизмъ усноковывался на сомнѣніи, какъ на послѣднемъ рѣшеніи, между тѣмъ какъ новый скепсисъ отрѣшается выйти за свои предѣлы, и потому образуетъ начальную точку философіи.

Въ этомъ абсолютномъ сомнѣніи что остается для духа — единое и единственное? Ничего не остается, кромѣ самаго сомнѣнія, т. е. кромѣ *энергіи мышленія*. Такимъ образомъ умъ отрицаетъ всякое бытіе, которое не соответствуетъ мышленію и не слѣдуетъ изъ него непосредственно. Для него нѣтъ другаго бытія, кромѣ *мысленнаго*. Какъ реформаторъ религіознаго протестантизма говорить: *моѣ вѣра есть мое бытіе*, такъ и первый мыслитель новаго времени выскажетъ философскій протестантизмъ: *моѣ мышленіе есть мое бытіе*, т. е. *я мыслю, слѣдовательно я существую*.

Это высокое слово составляетъ надпись надъ входомъ новой философіи, какъ нѣкогда *υἱὸς θεοῦ* было надписью дельфійскаго храма, посвященнаго вѣдущему богу древности.

Я мыслю, слѣдовательно я существую. Въ этомъ изрѣченіи протестантское мировое начало нашло себѣ философскую формулу, а философія новаго времени свой принципъ.

II

ПРОТЕСТАНТСКОЕ МІРОВОЕ НАЧАЛО И ЭПОХИ ФИЛОСОФІИ

Въ предыдущей лекціи мы ориентировались относительно *историческаго хода развитія философіи*, обозрѣвши міровые періоды исторіи и уяснивши себѣ ихъ внутреннее свойство и существенную основу. Мы знаемъ, что философія или свободная наука предполагаетъ свободу духа, которая возникаетъ только внутри прекрасной гуманности. Вотъ почему въ древности только греческій принципъ былъ способенъ къ особенному философскому развитію. Вотъ почему христіанскій принципъ долженъ былъ сперва внести въ міръ свою внутреннюю свободу духа, т. е. развить ее государственно, художественно и научно, прежде чѣмъ *свободная сила мышленія* могла пустить корни въ почвѣ христіанско-германскаго міра и породить изъ себя новое развитіе.

Слѣдовательно *греко-классическій періодъ и германо-протестантскій или новый періодъ тѣмъ* отличаются отъ прочихъ, что имъ

принадлежитъ сила и потребность мыслить, т. е. *способность философованія*. Поэтому *греческая и новоевропейская философія* составляютъ главныя черты въ историческомъ развитіи философіи вообще.

Мы различили эти двѣ главныя черты. Ихъ различіе есть различіе до-христіанскаго и христіанскаго начала. Какъ исходная точка до-христіанскаго развитія вообще есть *природа*, то природа же составляетъ исходную точку и греческой философіи. Въ своемъ началѣ она является *натур-философіею*; ея поворотная точка состоитъ въ томъ, что отъ знанія вѣшняго міра она переходитъ къ знанію *внутренняго міра*, или отъ знанія природы къ *самопознанію*. Эту эпоху она совершаетъ въ *Сократѣ*, о которомъ поэтому справедливо можно сказать, что онъ свелъ философію съ неба на землю. Наконецъ, разрушеніе греческой философіи состоитъ въ томъ, что человѣкъ въ своемъ самопознаніи все больше и больше отчуждается отъ вѣшняго міра и наконецъ выдѣляетъ себя изъ него, какъ *уединенное самознаніе*. Міръ перестаетъ быть для человѣка предметомъ наслажденія, желанія, мышленія. Такимъ образомъ философія древности оканчивается *сомнѣніемъ*, и притомъ *непоколебимымъ сомнѣніемъ*.

Не то въ новоевропейской философіи. Какъ исходную точку христіанскаго міра вообще составляетъ вѣра въ примиреніе, т. е. абсолютная внутренность человѣка или *духъ*, такъ духъ же составляетъ исходную точку и новоевропейской философіи. Она начинается *самодостоверностью духа*, т. е. мыслью, которая не даетъ ничему значенія кромѣ себя самой, и потому противъ всего протестуетъ или во всемъ сомнѣвается. Такимъ образомъ, новоевропейская философія *начинаетъ съ того состоянія мышленія*, которымъ *кончается философія древности*, — съ *сомнѣнія*.

Вотъ звено, которое *связываетъ* между собою двѣ главныя черты въ историческомъ развитіи философіи. Но между тѣмъ какъ античное сомнѣніе есть сомнѣніе *непоколебимое*, новое сомнѣніе стремится выйти за самого себя; между тѣмъ какъ первое успокаивается на самомъ себѣ, второе старается устроить себя и содержать въ себѣ потребность и тревогу разрѣшенія. Вотъ почему оно становится *творцомъ новой философіи*, между тѣмъ какъ древнее сомнѣніе было *могильщикомъ древней философіи*. Новая философія сомнѣвается съ олимпійскимъ самодовольствомъ, древняя съ послѣднею энергіею умирающаго. Такъ что новое и древнее сомнѣніе различаются между собою, какъ цвѣтущее лицо юности и *facies hippocratica* старца.

Я показалъ вамъ, какъ *христіанское начало* составляетъ рѣшительную поворотную точку между древнею и новою философіею. Если я говорю о *началь*, то я разумѣю подъ этимъ *всеобщее направленіе умовъ*, принципъ челоуѣчности вообще, и этотъ общечелоуѣческій принципъ я различаю такъ же строго отъ отвлеченно-религіознаго пониманія, какъ и отъ догматически-богословскаго представленія. Христіанское начало или *вѣра въ примиреніе* во-первыхъ является какъ *вѣра въ совершенное примиреніе*, или въ его божественный *фактъ*. Эта вѣра господствуетъ надъ первымъ міровымъ періодомъ христіанства, надъ такъ называемыми средними вѣками, и вызываетъ въ немъ то противодѣйствіе элементовъ культуры, которое разрѣшается наконецъ побѣдою *мірскаго духа* надъ *отрицательно-религіозными*. Съ каждымъ шагомъ средневѣковой культуры *мірскаго духа* выдвигается впередъ все больше и больше, *религіозно-отрицательный* отступаетъ назадъ все больше и больше; даже собственная и необходимая діалектика послѣдняго такова, что въ каждомъ своемъ *тріумфѣ надъ міромъ* онъ самъ готовится себѣ *пораженіе*. Онъ торжествуетъ въ іерархіи — и іерархія измѣняетъ ему; іерархія торжествуетъ въ *крестовыхъ походахъ* — и крестоносцы дѣлаютъ въ Палестинѣ открытіе, что *святой гробъ* есть только *гробъ*, что Бога нужно *искать* не между мертвыми, а между живыми; католическіе идеалы торжествуютъ въ *искусствѣ* — и искусство разоблачаетъ ихъ тайны и тѣмъ отказывается отъ нихъ; наконецъ *католическая вѣра* торжествуетъ въ *теологій*, но теологія нуждается въ челоуѣческомъ разумѣ и должна наконецъ освободить его.

Развитіе теологіи составляетъ *философію среднихъ вѣковъ*, и эта философія въ исторіи мыслящаго духа есть *великое междуцарствіе*, въ которомъ вѣра правитъ и напрягаетъ бразды мышленія, пока не выпустила ихъ изъ рукъ. Вѣра содержитъ и напоминаетъ божественный фактъ примиренія; теорія излагаетъ этотъ фактъ какъ *догматъ*; это исполняется въ *патристикѣ* и патристика есть философское развитіе христіанскаго начала среди древняго міра. Догматы должны быть систематически связаны и учебно изложены: это исполняется въ *схоластикѣ*, и схоластика есть философское развитіе христіанской догматики среди германскаго міра. Эта столь презираемая и мало извѣстная схоластика, составляетъ рѣшающій моментъ въ образованіи среднихъ вѣковъ. Она привноситъ разумъ въ вѣру, она критически проникаетъ въ матерію вѣры и выдѣляетъ свѣтское изъ ея святой области, она раздѣляетъ естественное богословіе отъ откровенія, и такимъ образомъ, хотя подъ теологическою фирмою, завосвываетъ для челоуѣческаго духа научное уча-

етіе въ міръ, его окружающемъ. Такимъ образомъ, она составляетъ важное условіе для происхожденія новой философіи, какъ ни безплодны впрочемъ спорные вопросы, на изслѣдованіе которыхъ схоластика потратила цѣлыя столѣтія.

Мы видимъ, что въ культурѣ среднихъ вѣковъ, научной, художественной и политической, человѣческой духъ постепенно зрѣетъ, что онъ шагъ за шагомъ покидаетъ твердыя посылки вѣры, и постепенно перерастаетъ головою свою восниятельницу, церковь. Результатъ всего этого образованія тотъ, что развитый духъ находитъ начало примиренія уже не *въ себя*, не въ вѣрѣ въ фактъ, не въ подчиненіи непостоянному авторитету, не въ слѣпомъ подражаніи извѣстной формулѣ, но только *въ самомъ себя*, и съ этою *самоуверенностью* принимается за новое развитіе. Въѣтъ съ тѣмъ, онъ выключаетъ изъ себя прежній міръ, противопоставляетъ его себѣ, какъ міръ чуждый и внѣшній, и объявляетъ, что этотъ міръ болѣе *не соответствуетъ* ему, что онъ уже не признаетъ его за *свой* міръ. Это возвышеніе мы называемъ *протестантизмомъ* и разумѣемъ подъ нимъ результатъ среднихъ вѣковъ, *всеобщій духовный принципъ новаго міра*; слѣдовательно не только религіозно-церковное измѣненіе, но также новое начало для искусства, государства и науки.

Повсюду пробуждаются новыя силы: онѣ соединяются со всѣхъ сторонъ, чтобы покѣичуть опоры среднихъ вѣковъ и приготовить новый фундаментъ для развитія человѣческаго духа.

Среди смутнаго тумана фантазій, въ которомъ душѣ являлось только прошлое по-ту-стороннее земнаго Иерусалима и какъ въ фата-морганѣ будущее по-ту-стороннее небеснаго Иерусалима, — среди этого смутнаго тумана, въ которомъ дѣйствительность являлась сумеречною и искаженною, духъ наконецъ пробудился и разсматриваетъ міръ уже свѣтлымъ взоромъ мысли. Никогда въ болѣе короткое время не было совершенно столько великаго, какъ въ этомъ переходѣ средневѣковаго и новаго міра. Человѣческой горизонтъ, который средніе вѣка ограничивали узкою областью вѣры, переступавтъ за догматическую грань; онъ расширяется до мірового бытія и гигантскими шагами стремится къ продѣланью мірозданія. Въ короткой сферѣ полустолѣтія, изыскательный и жадный къ міру духъ, открываетъ два міра: *древній міръ* и *новый*.

Открыта *древность*, и вмѣстѣ падаетъ умственная ограда, закрывавшая для среднихъ вѣковъ особенности классическаго изыскачества. Изученіе античнаго снова просвѣтляетъ душу; исторія, которую христіанская вѣра какъ-бы разорвала надвое, снова связы-

вается въ одно; умы сдвужаются съ классическимъ противуположнымъ и возстаютъ *всеобщую гуманность*, въ противоположность одно-стороннему и исключительному догмату.

Но едва всеобщая исторія человѣческаго рода снова пришла въ свои права, какъ второе великое открытіе измѣняетъ ея тогдашнюю *географическую область*. Если вообще море составляетъ средство соединенія земель, то до сихъ поръ *Средиземное море* дѣйствительно обнаруживало такую силу какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ германскіе средніе вѣка. Оно привлекло къ себѣ фокусы культуры трехъ частей свѣта и собрало вокругъ себя весь до-христіанскій міръ въ orbis terrarum; въ средніе вѣка и для промышленнаго духа Венеціи и Генуи, и для религіознаго духа мірообладающаго *Рима*, оно оставалось господствующею географическою основою. Такая связь географіи и исторіи имѣетъ высочайшую важность для познанія человѣческаго развитія. Земля есть жилище человѣка и они дѣйствуютъ взаимно другъ на друга: человѣкъ измѣняется вмѣстѣ съ своимъ жилищемъ, жилище измѣняется вмѣстѣ съ человѣкомъ. Новый духъ, протестуя противъ Рима и противъ мірообладающей церкви, покидаетъ и жилище, занимаемое римскою властью, т. е. онъ отказывается отъ географической сцены прежней культуры, отъ средства сообщенія тогдашнихъ образованныхъ народовъ — *Средиземнаго моря*: онъ пускается въ океанъ и открываетъ *новый міръ*. Открытіе, сдѣланное Колумбомъ, было *протестантское открытіе*, хотя оно и произошло подъ покровительствомъ католической королевы. Атлантическій океанъ становится *географическою осью новаго міра*; вмѣстѣ съ тѣмъ іерархія и средніе вѣка теряютъ почву подъ ногами и является *поприще для свободнаго развитія новаго міроваго начала, протестантизма*. Въ этомъ смыслѣ справедливо сказалъ одинъ современный глубокомысленный географъ: Колумбъ былъ *географическимъ Лютеромъ*, а Лютеръ *религіознымъ Колумбомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь развертывается то же начало, въ одномъ случаѣ во вѣхъ, въ другомъ въ вѣхъ, и здѣсь, ничего неимѣя, какъ споры о томъ, начинаются новыя исторіи съ завоеванія Константинополя, съ открытія Америки, или съ церковной реформаціи. Протестантизмъ присутъ въ этихъ вѣкахъ; онъ есть мировой принципъ, а мировой принципъ не прорывается однимъ ударомъ, но требуетъ времени и траты силъ, для того чтобы осуществиться и преодолѣть сопротивляющіеся элементы.

Тотъ, кто видитъ въ протестантизмѣ только церковный споръ, только одни тезауры на дверяхъ виттенбергской церкви, тотъ не понимаетъ протестантизма, и никогда не пойметъ, какимъ образомъ

протестантское начало должно было имѣть совершенно другія, сдѣлать, чѣмъ одну, перемѣну известной формулы, вѣры. Задача же философа состоитъ именно въ томъ, чтобы читать виденія въ связи и указать, какъ исторія развивается новое постепенно и съ мудрою экономіею приводитъ въ движеніе разнообразныя силы, для того чтобы приготовить основы для новой человѣческой жизни. Открытіе Колумба имѣетъ то значеніе, что въ исторію вводится новая мировъсвязующая (географическая) сила, именно *мировое море* или *океанскій принципъ*, и что съ этимъ народы въ первый разъ отрѣшаются отъ *атлассическаго принципа* или средиземнаго моря. Новоевропейская культура теперь выселяется изъ талассической области; она покидаетъ *романскіе народы* Европы, Италію, Испанію, Португалію и переходитъ въ океанскія земли къ германскимъ народамъ. Поприщемъ новой культуры становится *Франція, Голландія, Англія и Германія*, то-есть земли, которыя или большею частію, или цолнѣ принадлежатъ атлантическому океану. Въ этихъ странахъ развивается протестантизмъ и вмѣстѣ съ нимъ искусство, государство и наука. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы указали здѣсь именно тѣ страны, въ которыхъ является *новоевропейская философія*, и вывидаете отсюда, что мыслящій духъ не есть какой-то азробать, живущій въ облачныхъ замкахъ, но что онъ находится въ имманентной связи съ земнымъ жилищемъ и нуждается въ твердой географической основѣ, для того чтобы жить твердою исторіею.

Къ двумъ открытіямъ, о которыхъ я говорилъ вамъ, присоедините еще *третье*, находящееся съ ними въ тѣсной связи, и мировое сознаніе, которымъ начинается новое время, ставетъ для насъ совершенно прозрачнымъ. Открытіе *древности* снова связало человечество съ его прошедшимъ и снова возстановило цѣлость исторіи, *разрванную средними вѣками*. Человѣчскій кругозоръ расширяемъ за предѣлы *христіанскаго міра*. Второе открытіе шло далѣе. *Кругосветные плаватели* отворили человечеству его великое жилище, и *человѣчскій кругозоръ* въ первый разъ обнялъ *весь земной шаръ*. Границы талассическаго міра, быцшаго поприщемъ древности и среднихъ вѣковъ, были перейдены, и для новаго развитія была найдена новая географическая основа.

Послѣ того, какъ земля была открыта на землѣ, остается только одно — *открыть ее во мировомъ пространствѣ*. И въ самомъ дѣлѣ новый духъ, посылающій изобрѣтателей по морямъ для изслѣдованія неизвѣстныхъ частей свѣта, и объсмлющій своимъ кругозоромъ, всю землю, уже нашолъ архимедову тонку; ему дано *дѣлать по дѣлу*, и дѣйствительно, онъ сдвигаетъ землю съ ея верей. Между тѣмъ, какъ кругосвѣтные плаватели ищутъ новыхъ земель въ далекыхъ,

моряхъ, взоръ Коперника подымается надъ пустынными стенами Польши къ звѣздной тверди и открываетъ землю между звѣздами. Нѣтъ отвлеченія болѣе смѣлаго, чѣмъ то, которое управляло трубою этого единственнаго человѣка: оторваться вовсе отъ земли и поставить себя въ средоточіе солнца, чтобы отсюда разсмотрѣть пути планетъ! Тогда перепутанные, загадочные планетные пути разрѣшаются для него въ простые, правильные круги.

Теперь уже дѣйствительно на землѣ не остается ничего стойкаго, потому что сама земля движется; каменные зданія рушатся, потому что тронулась планета; Коперникъ отомстилъ за Архимеда, потому что нѣтъ силы на свѣтъ, которая могла бы затоптать эти круги. Для человѣческаго духа съ этихъ поръ нѣтъ болѣе другой истины, кромѣ *законовъ*, которые онъ открываетъ.

Эти три открытія производятъ новое міровое сознаніе и обуславливаютъ его философское развитіе: *Связь исторій* открывается наукою древности; *связь земель* — кругосвѣтными плавателями; *связь небесныхъ тѣлъ* — астрономами. Открытіе древности распространяетъ человѣческую кругозоръ на всю исторію, открытіе Колумба на всю землю, открытіе Коперника на все мірозданіе.

Такимъ образомъ я представилъ вамъ какъ внѣшній, такъ и внутренній фундаментъ, на которомъ воздвигается зданіе *новоевропейской философіи*, и такъ какъ въ теченіи этихъ лекцій мы желаемъ вполне ориентироваться въ этомъ зданіи, то я сдѣлаю вкратцѣ его предварительный обзоръ.

III

ИСТОРИЧЕСКІЙ ХОДЪ РАЗВИТІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ И ЕЯ ПЕРІОДЫ

Протестантскій міровой принципъ, какъ я уже изложилъ вамъ, состоитъ въ томъ, что человѣческій духъ вновь находитъ себя, что онъ снова подымаетъ свою первоначальность противъ авторитета, покорившаго его въ вѣрѣ и въ нравахъ, и что онъ открываетъ въ одномъ себѣ источникъ своей истинной дѣйствительности. Необходимое слѣдствіе этого открытія то, что духъ преобразуетъ по нему міръ, то-есть что онъ реформируетъ дѣйствительность. Реформація есть необходимое слѣдствіе протестантскаго принципа, и такъ какъ протестантскій принципъ мы понимаемъ не только въ одномъ религіозномъ смыслѣ, то и реформацію мы понимаемъ не какъ одну церковную реформацію. Именно и философію, возникающую изъ

протестантскаго принципа; мы должны понимать какъ реформацію науки.

Философскій протестантизмъ состоитъ въ томъ, что духъ снова призналъ себя *источникомъ познанія* и слѣдовательно не сталъ принимать за истину ничего, кромѣ того, въ чѣмъ *ручается* его собственный разумъ. Поэтому, прежде чѣмъ мыслящій духъ начнетъ судить, онъ ничего не принимаетъ за истину, то-есть онъ *самъ ищетъ во всемъ*. Все что признано да самостоятельнаго сужденія разума — все равно утверженіе или отричаніе, вѣра или нравственный законъ — все считается *предубѣжденіемъ*, и первый актъ, совершаемый мыслящимъ духомъ новаго времени, состоитъ поэтому въ томъ, что онъ *отказывается отъ всякъхъ предразсудковъ*. Предразсудки должны быть оставлены въ предверіи философіи; онѣ составляютъ *жертву*, которую долженъ принести всякій, кто готовъ служить истинѣ. Что же остается для мыслящаго духа, когда удалены предразсудки? Съ одной стороны только *самовѣдущій духъ* и съ другой стороны противъ него *дѣйствительный міръ*.

Но для непредубѣжденнаго духа дѣйствительный міръ есть только объектъ, который нужно познать, т. е. *задача мышленія*. Поэтому онъ не принимаетъ уже предметы за то, чѣмъ они ему кажутся непосредственно или какъ ему показываютъ ихъ другіе, но онъ относится къ предметамъ *мысля и самостоятельно*, то-есть онъ ихъ изслѣдуетъ.

Это изслѣдованіе предметовъ мы назовемъ *опытомъ* или *эмпирією*; и такъ какъ предметный міръ, противостоящій духу, есть *природа*, то опытъ существеннымъ образомъ будетъ *наукою о природѣ*.

И такъ, когда человѣческій духъ отброситъ отъ себя всѣ предразсудки и ставеть разсматривать предметный міръ, доверясь своей мыслительной силѣ, то *природа* будетъ для него источникомъ истины и слѣдовательно *опытъ* единственнымъ *методомъ познанія*. Дѣйствительно, такое эмпирическое направленіе господствуетъ въ одномъ ряду развитія новой философіи. Говорю въ *одномъ* ряду, потому что вмѣстѣ съ нимъ необходимо долженъ паралельно идти другой рядъ, такъ какъ *опытъ* не исчерпываетъ вполне сущности и энергіи новаго мышленія.

Опытъ принимаетъ, что природа есть источникъ истины. Но это есть положеніе, котораго опытъ самъ доказать не можетъ; слѣдовательно это положеніе указываетъ на нѣчто внѣ опыта. Далѣе, дѣлая опытъ началомъ познанія, мы очевидно выражаемъ въ которое сужденіе, которое не почерпнуто изъ самого опыта: слѣдователь-

на это сужденіе указываетъ также на вѣче опыта. *Сказано* нельзя дознати въ того, что природа есть источникъ истины, на того, что опыты есть принципъ познанія; следовательно ни то, ни другое положеніе не имѣтъ основаній въ опытахъ. *Сказано* эмпиризмъ они суть недоказанныя предположенія. *Откуда же они берутъ?*

Это предположеніе сдѣлано самообознательнымъ мышленіемъ и следовательно здѣсь оно само привело себя *принципомъ познанія, источникомъ истины*. Эмпиризмъ дѣлаетъ это безсознательно. Поэтому ему должно противостать другое философское направленіе, которое *сознательно приметъ мышленіе за принципъ познанія, за источникъ истины*. Это философское направленіе, которое мысль или идею считаетъ за истинно-дѣйствительное, мы называемъ *идеализмомъ*.

И такъ новая философія необходимо будетъ развиваться, какъ въ двойномъ ряду, въ противоположныхъ системахъ *эмпиризма и идеализма*, и будетъ продолжать эти антагонистическія ряды развитія до той точки, гдѣ будетъ способна разрѣшить ихъ противоположность.

Уже тотчасъ мы ясно видимъ, что *идеализмъ* содержитъ въ себѣ болѣе высокое философское сознаніе, чѣмъ эмпиризмъ. Поэтомуто первый обнаруживаетъ тайну второго и открыто принимаетъ за принципъ то, что эмпиризмъ признаетъ молча; идеализмъ ссылается прямо на мышленіе и объявляетъ, что достоверность онъ почерпаетъ единственно изъ него. Вотъ почему въ заключеніи моей прошлой лекціи я принялъ за настоящее начало новой философіи *идеалистическое* изрѣченіе: «я мыслю, следовательно я существую», изрѣченіе, въ которомъ мышленіе признается за истинное бытіе, следовательно за единственный источникъ истины.

Если же будетъ предложенъ вопросъ, который часто былъ изслѣдуемъ историками новой философіи и наконецъ все-таки остался снѣрымъ, именно — начинается ли новая философія съ творца новаго эмпиризма или съ творца новаго идеализма, съ *Бакона Веруламскаго* или съ *Декарта*, то изъ сказаннаго нами ясно, какъ мы рѣшимъ дѣло. Изъ элементовъ философскаго духа новаго времени, который съ самодостоверностію мышленія противопоставляетъ себя міру, мы показали, что онъ долженъ получить двойной выходъ, *объективный и субъективный, эмпирический и идеалистический*, и потому долженъ развиваться свою силу въ двойномъ ряду системъ. Такими образомъ, признавая эмпиризмъ за особенное философское направленіе новаго духа, мы необходимо должны причислять его основа-

тела, *Бэкона*, къ родоначальникамъ новой философи. Но такъ какъ мы показали, что въ идеализмъ философское сознание болѣе развито, чѣмъ въ эмпиризмъ, то *принципы Декарта* являеи и отчетливѣе обнаруживаютъ начало новой философи, чѣмъ *принципы Бэкона*.

Въ чемъ же теперь состоитъ общій характеръ этихъ двухъ явдовъ развитія идеалистическихъ и реалистическихъ системъ? У нихъ общее происхожденіе и общая граница, и въ то мгновеніе, когда философскій духъ открываетъ эту границу, онъ уже пережилъ *первый періодъ* своего новаго развитія и поборолъ антагонизмъ двухъ противоположныхъ элементовъ.

Какъ эмпиризмъ *Бэкона*, такъ и идеализмъ *Декарта* выходятъ изъ философскаго протеста противъ всѣхъ доводъ бывшаго познания, т. е. они происходятъ отъ абсолютнаго сомнѣнія во всемъ и требуютъ, чтобы духъ очистилъ себя отъ всѣхъ *предразсужденій*, для достиженія новаго и вѣрнаго познанія. Вотъ ихъ общее происхожденіе. Но при этомъ они принимаютъ, что человѣческая познавательная способность, будетъ ли она действительна какъ *мыслили* или какъ *указаніе* — можетъ овладѣть истиною. Поэтому они предполагаютъ, что познаніе абсолютно, и что человеческое мышленіе действительно можетъ изслѣдовать *сущность и природу* вещей. Это непосредственно достовѣрно какъ для *Бэкона*, такъ и для *Декарта*. Выражаясь обыкновенною философскою формулою, которая будетъ имъ ясна изъ предыдущаго, я долженъ сказать: новая философи при своемъ началѣ предполагаетъ *единство или тождество* *мысли и бытія*. При такомъ предположеніи развиваются системн первый періодъ. Она составляетъ ихъ *общую границу*. Въ то мгновеніе, когда эта граница открывается, оказывается, что прежнее основаніе не удовлетворяетъ болѣе философскому духу; поэтому должно быть отысканъ новый фундаментъ для философи. Вотъ гдѣ *великая поворотная точка въ исторіи новой философи*; здѣсь она достигаетъ своей классической вершины.

Философскій духъ, какъ я сказалъ, оканчиваетъ *первый періодъ* своего новаго развитія, открывая, что всѣ системы опираются на недоказанное предположеніе, следовательно на нефилософское основаніе. Потому что они принимаютъ, что человѣческая познавательная способность, которую одни употребляютъ эмпирически, а другіе спекулятивно; можетъ изслѣдовать сущность и природу вещей. Что же, если это предположеніе, такъ какъ оно оказалось недоказаннымъ, окажется *невернымъ*? Прежде всего оно должно быть разсмотрѣно; основанія прежней философи должны быть *изслѣдованы*,

и прежде чѣмъ кончится это изслѣдованіе, нужно приостановить все познаніе. И такъ, *сомнѣніе* Декарта и Бакона дѣйствовало недостаточно основательно. Оно сомнѣвалось во всемъ, но не сомнѣвалось въ самой познавательной способности человека; такъ, что когда изъ умственного ящика Пандоры давно было улетѣть всемъ предрассудкамъ, одинъ однакоже остался, и этотъ одинъ былъ роковымъ для развитія философіи. Довѣряясь человѣческой силѣ мышленія, изъ познавательной способности дѣлали *абсолютное* употребленіе, прежде чѣмъ разузнали, *какъ далеко* можетъ простирается это употребленіе; границы познавательной способности расширили до абсолютнаго, прежде чѣмъ сдѣлали точное изслѣдованіе этихъ границъ. Путемъ ли опыта, или путемъ умозрѣнія, но философія излагала *сущности вещей*, не зная еще, можно ли *платить* вообще познать эту сущность. Однимъ словомъ: философія дѣйствовала *безъ самоограниченія*; не испытывая, *какъ далеко* простирается ея сила, она *прямо* стала говорить о *сущности и субстанціи* вещей. Она *пошла* *навстрѣчу* *всему* *миру*, не понимая *самой себя*; она все объясняла, *кроме* *только самой себя*. Этотъ недостатокъ *самонаблюденія* есть *исключительный* недостатокъ *першаго* *періода* *новой философіи*, какъ въ *реалистическомъ*, такъ и въ *идеалистическомъ* системѣ. Философія, *напералъ* *дѣйствуетъ* *безъ* *такого* *самоограниченія* *субъективно* *на* *основаніи* *предоказаннаго* *предположенія*, мы называемъ вообще *догматизмомъ*. Въ философскомъ смыслѣ догматизмъ означаетъ не какое-нибудь сродство съ религиозными представленіями, а *только* *то*, что философская *система* *основана* *на* *какомъ-либо* *допущеніи*, *на* *недоказанномъ* *предположеніи*. Мы можемъ сказать — при этомъ *принимая* *важнѣйшее* *замѣчаніе*, которое *в* *исторіи* *высказывалъ* *на* *видѣ* *уже* *въ* *первой* *лицини*, — что догматизмъ *полагаетъ* *истину* *въ* *человѣческой* *самосознанности*; что она *понимаетъ* *сущность* *вещей*; *но* *при* *этомъ* *забываетъ* *о* *субъектѣ* *познанія*.

Первый періодъ новой философіи — догматическій; предметъ, его занимающій, есть субстанція; предположеніе, которое она дѣлаетъ, состоитъ въ *единствѣ* *мышленія* *и* *бытія* или въ абсолютной способности познанія.

Но когда философскій духъ начинаетъ свое *самоиспытаніе* и *испытываетъ* *познавательную* *способность*, онъ *перестаетъ* *быть* *догматическимъ* и *дѣлается* *критическимъ*. Философія *перестаетъ* *быть* *догматизмомъ*, она *становится* *критицизмомъ*; предметъ, ее занимающій, уже не *субстанція*, а *субъектъ*; она *познаетъ* *уже* *не* *сущность* *вещей*, но *самое-себя*, т. е. она *понимаетъ* *истину* *какъ* *самопознаніе*. Эта поворотная точка рѣшаетъ судьбу философіи, и *здѣсь*,

насъ поражаетъ большая аналогія между греческой и новоевропейской философіею.

Греческая философія достигаетъ эпохи самосознанія въ Сократѣ, послѣ того какъ до-сократовская философія точно также развивала только сущность вещей или субстанцію въ антитезѣ идеалистическихъ и реалистическихъ системъ. Постепенно она созрѣла до того, что перешла изъ вѣшняго міра во внутренній и высказала свою собственную истину, *человѣческое самопознаніе*. Эта зрѣлость философіи вѣшнимъ образомъ выражается и въ ея представителѣ: по случаю, если хотите, но по случаю многозначительному, поворотъ греческой философіи рѣшаетъ старецъ.

Точно такъ и новоевропейская философія, когда она созрѣла, чтобы перейти къ самопознанію, беретъ для этого мужа на порогѣ старческихъ лѣтъ, который послѣ долгаго и труднаго исканія, находитъ наконецъ точку, гдѣ можно сдвинуть прежнее знаніе познанія съ его основъ, и преобразуетъ его столь же глубоко и основательно, какъ Коперникъ преобразовалъ математическое знаніе міра! Этотъ челоѣкъ, котораго мы чтимъ вообще, какъ творца новаго просвѣщенія и новой уметвенной культуры, и которому мы въ особенности обязаны — можетъ-быть единственнымъ, о чемъ можешь говорить съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, именно что *Германія есть философская школа міра*, — этотъ челоѣкъ есть *Эммануилъ Кантъ*.

Какъ въ Сократѣ греческая философія стала *аттической*, такъ въ Эммануилѣ Кантѣ новоевропейская философія стала *германскою*, исключительно *германскою*. Потому что со времени Канта новая философія развивалась только въ нѣмецкихъ системахъ.

Неотразимо должно было быть очарованіе, которое произвела афинскій старецъ на величайшіе умы своего народа, «если такая художественная душа», какъ *Платонъ*, узнавъ Сократа, перестаетъ творить. И подобнымъ же очарованіемъ кенигсбергскій мудрецъ охватилъ умы своего времени, такъ что художническая натура, столь могущественная и столь стремительная, какъ нашъ *Шиллеръ*, разучилась поэзія, когда ей открылся мысленный міръ Канта.

Наконецъ эта аналогія идетъ далѣе. *Классическій періодъ* нѣмецкой философіи побобенъ классическому періоду греческой: «Начало самопознанія или идея знака, открытая Сократомъ», развивается и довершается въ *платоно-аристотелевской* философіи. *Критическая система*, основанная Кантомъ и выполненная Фихте, разрѣшается наконецъ въ одну задачу, и рѣшеніе этихъ задачъ содержится въ *шеллинго-гегелевской* философіи; и не безъ основанія сравнивали Шеллинга съ Платономъ, а Гегеля съ Аристотелемъ.

Единство мышления и бытия, которое первый период новой философии, или до-кантовская философия предполагала, а второй период, или критическая философия разрушила, восстанавливается в третьем периоде. Но оно уже не предполагается, а *доказывается*. Философия, которая доказала единство мышления и бытия, или тождество субъекта и объекта, мы называемъ *философіею тождества*. Основатель философии тождества есть Шеллингъ, настоящее довершение и систематическое развитие она получаетъ у Гегеля.

Простейшимъ и кратчайшимъ образомъ эти периоды и эпохи новой философии выводятся изъ самаго понятія философіи; они объявляются тотчасъ, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на жизненный вопросъ всякой философіи. Философія должна и стремится быть абсолютною, или истинною системою познания. Если только вообще такое познание существуетъ, то философія обязана провозвести его. И такъ въ немъ состоитъ жизненный вопросъ всякаго философствованія? Очевидно въ томъ, существуетъ ли абсолютная способность познания, или достигаетъ ли истинны *человѣческая познавательная способность*? т. е. другими словами, можемъ ли мы, *мысли*, постигнуть предѣлы объективнаго міра и познать его собственную сущность? Человѣческая познавательная способность абсолютна, какъ скоро мы проникаемъ въ природу вещей, какъ скоро наша *мысльная сущность* вмѣстѣ содержитъ и *сущность вещей*, или какъ скоро субъектъ и объектъ, мышленіе и бытіе тождественны.

Поэтому *тождество бытія и мышленія* справедливо было разсматриваемо какъ жизненный вопросъ философіи, и новая философія обнаруживаетъ свою глубокую и особенную жизненность въ томъ, что ея эпохи опредѣляются этимъ вопросомъ.

Вотъ почему *философія тождества* есть систематическое заключеніе новой философіи, и признавая въ Гегелѣ настоящимъ ея образователемъ и довершителемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ считая его систему заключительнымъ терминомъ новой философіи. Что касается до философіи послѣ Гегеля, то я не могъ убѣдиться, что она уже вышла изъ истиннаго источника развитія. Подробное изученіе сочиненій являющихся послѣ Гегеля, скорѣе убѣдило меня, что настоящая философская культура состоитъ въ строгомъ и логическомъ развитіи тѣхъ началъ, которыя исторія философіи konsekventно вывела до сего. Исторія эта была послѣдовательна и нельзя отвергнуть на послѣдній результатъ, не отвергая вмѣстѣ и всей цѣпи ея системъ, до перваго звена, которое составляетъ Декартъ. Одинъ изъ современнаго взгляда, прямой, но односторонній, открыто высказалъ эту необходимость и объявилъ всю философію со времени Декарта за послѣдовательное развитіе одного заблужденія. Я не рѣшаюсь этого

взгляда; но согласенъ съ нимъ и въ томъ, что ударъ, падающій на Гегеля, отъносится и на Декарта, что молнія, которая дѣйствительно поразила бы гегелеву систему, бросила бы пламя и на всѣ другія, вплоть до основанія Декарта. Только нужно, чтобы это не были *случайные* удары, которые, какъ мы видимъ ежедневно, пускаются хромающими гегелстами *снизу вверхъ*.

Философія тождества кажется мнѣ оправданнымъ и доказаннымъ результатомъ, котораго дальнѣйшее историческое развитіе составляетъ первую задачу философской современности. Я нахожу, что это развитіе уже счастливо начато, но я не могу убѣдиться, чтобы кто-нибудь пошелъ дальше началъ, на которыя опирается послѣдняя система нѣмецкой философіи. Напротивъ, въ большей части философскихъ мнѣній нашего времени (не говорю системъ), открыто хвлящихся тѣмъ, что они стали выше философіи тождества, я нахожу только паденіе, и отчасти грубое паденіе въ *до-кантовскій догматизмъ*. Кто признаетъ въ кантовой системѣ законныя задачи, которыхъ нельзя обойти, тотъ, если будетъ послѣдователенъ, въ большей части нынѣшнихъ философскихъ сочиненій не найдетъ ничего, кромѣ незаконныхъ попытокъ возобновить прежній догматизмъ.

И такъ періоды новой философіи обнимаютъ и развиваютъ основной принципъ всякой философіи, тождество мышленія и бытія, въ трехъ степеняхъ *догматизма*, *критицизма* и *философіи тождества*. Въстѣ съ этими различными взглядами, внутренне связанными между собою и необходимо слѣдующими одинъ за другимъ, измѣняются и развиваются какъ *предметъ*, такъ и *методъ* познанія.

Догматизмъ предполагаетъ, что сущность вещей познаваема. Поэтому его только и занимаетъ сущность вещей или *субстанція*. Субстанція есть предметъ, въ изслѣдованіи котораго развиваются системы до-кантовской философіи. Изслѣдованіе его конечно можетъ быть произвимо только такъ, что за начало берется непосредственная достовѣрность, нѣкоторый *тезисъ* или *аксіома* и отсюда послѣдовательно выводятся заключенія. Поэтому настоящій методъ этой философіи — *математическій*; величайшіе философы перваго періода велутъ доказательства *more geometrico*: это тѣсно связано съ ихъ предметомъ и съ ихъ предположеніемъ.

Напротивъ *критицизмъ* изслѣдуетъ познавательную способность. Слѣдовательно его занимаетъ только *сущность познанія*; *познающій субъектъ* составляетъ предметъ, въ изслѣдованіи котораго развиваются системы втораго періода. Способъ ихъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что онѣ разрѣшаютъ познающій субъектъ на его составныя части и опредѣляютъ отношеніе этихъ *элементовъ*. Дан-

ную логическую матерію онъ разрѣшаютъ на ея элементы. Поэтому собственный методъ критической философіи есть *логическій анализъ*.

Наконецъ *философія тождества* доказываетъ тождество мышленія и бытія. Она развиваетъ одно изъ другаго. Слѣдовательно предметъ, ее занимающій, есть *мировое развитіе*; а методъ, посредствомъ котораго *доказывается* единство мышленія и бытія и изслѣдуется мировое развитіе, есть необходимо *методъ развитія* или *діалектика*.

МЕРИ БАРТОНЪ

ПОВѢСТЬ О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕНИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ГЛАВА XV

-Чье сердце чуткое печально не сожмется
При горькомъ зрѣлицѣ глубокой бездны той,
Что дѣлится надвое богатство съ ницетой!
Ужели родъ людской во вѣки не сойдется
Надъ этой бездною? ужели человѣкъ,
Рожденный для любви и братскаго довѣрья,
Отъ брата будетъ ждать лишь зла и лицемѣрья,
А сердца братскаго не встрѣтитъ онъ во вѣкъ? -

Намъ пора возвратиться къ Джону Бартону. Бѣдный Джонъ! Онъ все еще не могъ опомниться отъ своего неудачнаго путешествія въ Лондонъ. Самолюбіе его было оскорблено такъ глубоко, и притомъ самолюбіе такое благородное, безъ примѣси мелкаго эгоизма и личнаго расчета, что забыть такое оскорбленіе было нелегко. Да и вообще всѣ впечатлѣнія этого человѣка были не легкаго свойства: все глубоко залегало въ его серьезную душу.

Потомъ насталъ длинный періодъ физическихъ лишеній, ежедневнаго, худо утоленнаго голода, и какъ ни увѣрялъ онъ себя, что лично ему переносить все это ничего не стоитъ; но натура брала свое, и за всѣ неудовлетворенныя потребности тѣла вымещала на немъ жестоко. Мало по малу онъ становился все жолчнѣе, озлоблялся на все и всѣхъ и сердился не въ мѣру. Умъ его утратилъ свою упругость: онъ вовсе отвыкъ отъ надежды; а если человѣкъ не въ силахъ болѣе надѣяться, то что ужъ за жизнь!

Если бы въ такое состояніе духа впалъ не Джонъ Бартонъ, а какой-нибудь джентльменъ, который умѣлъ бы анализировать свои чувства, и имѣлъ бы доктора, знающаго медицинскія названія каждаго чувства, это состояніе назвали бы мономаніей. Черныя мысли, осаждавшія его, были до того непрерывны, до того мучительны, что походили на помѣшательство. Мнѣ случилось прочесть гдѣ-то подробное описаніе одной итальянской казни, достойной изобрѣтательности какого-нибудь Борджіи. Преступника, дѣйствительнаго или подозрѣваемаго, заперли въ комнату, красиво и даже роскошно убранную. Сначала онъ не очень сокрушался о своемъ затворничествѣ; но день ото дня онъ сталъ замѣчать, что комната его суживается, стѣны сближаются. Тогда онъ понялъ, что его ожидаетъ: расписанныя стѣны сойдутся наконецъ вовсе и раздавятъ его.

Такъ, день за днемъ, тѣсныѣ толпились вокругъ Бартона его черныя мысли; онъ заступилъ ему свѣтъ небесный, заглушили родныя звуки земныя; онъ вели его къ гробу.

Правда, разрушительное вліяніе ихъ отчасти можно приписать и дѣйствию опиума. Но погодите осуждать употребленіе или даже злоупотребленіе этого пагубнаго зелья; вспомните, что привело Джона къ опиуму: жизнь безнадежная и безотрадная, съ непрестаннымъ, томительнымъ мученіемъ голода; вспомните, что не только самъ онъ находился въ этомъ отчаянномъ положеніи, но все что его окружало, все что было ему дорого и мило, подвергалось одинаковой съ нимъ участи, и вездѣ, во взглядѣ и движеніяхъ этихъ существъ, страдавшихъ безмолвно и терпѣливо, видѣлъ онъ постепенное ослабѣваніе и упадокъ силъ, и все отъ тѣхъ же причинъ, отъ тѣхъ же лишеній и отъ голода. Въ такомъ состояніи не рады ли были бы вы позабыть жизнь и тягости жизни? А опиумъ на время доставляетъ забвеніе.

Правда и то, что несчастные дорого платятъ за эту минутную радость. Но развѣ дѣти считаютъ, во что обойдется имъ премудрѣе? Бѣдныя! Они покупаютъ ее страшную цѣною. Цѣною тяжкихъ дней подавляющей слабости и изнуренія, когда настоящее представляется какимъ-то смутнымъ, болѣзненнымъ сновидѣніемъ; цѣною бессонныхъ ночей, исполненныхъ острой боли и слякотнѣ дѣйствительныхъ мучъ; цѣною потраченнаго здоровья, хилаго тѣла, первыхъ принадлежностей помѣшательства и, что еще хуже, полнаго сознанія этаго начинающагося безумія. Вотъ чѣмъ покупается эта

премудра. Но кто же бралъ на себя трудъ толковать имъ о послѣдствіяхъ?...

Джонъ Бартоуъ не получилъ никакого образованія, слѣдовательно истинной мудрости ему было неоткуда взять. А безъ мудрости даже и любовь часто дѣйствуетъ невпопадъ. Онъ дѣйствовалъ по совѣсти и по убѣжденію, но убѣжденія-то были страшно ошибочныя.

Джонъ Бартоуъ сдѣлался чартистомъ, коммунистомъ, словомъ, что называется утопистомъ и мечтателемъ. Это такъ, но вѣдь для него и мечтателемъ быть въ этомъ смыслѣ не мутка; это доказываетъ, что онъ все-таки одаренъ былъ сильною душою, не впопадъ предавался матеріи и мелкимъ интересамъ жизни, умѣлъ строить планы и прозирать въ будущее, положимъ хоть не для себя, а для ближняго.

И притомъ, не смотря на убогость свою, этотъ человекъ обладалъ изряднымъ запасомъ практическихъ способностей, особенно полезныхъ той партіи, къ которой принадлежалъ онъ тѣломъ и душой. Онъ былъ по своему очень краснорѣчивъ, говорилъ горячо, отъ полноты сердца и производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе на своихъ слушателей, по общественному положенію совершенно ему равныхъ и любившихъ слушать изъ его устъ бойкія выраженія своихъ задушевныхъ чувствъ и мыслей. Свѣтлая голова его отличалась быстрымъ соображеніемъ и систематичностью, что особенно важно для обширныхъ предпріятій; но что всего больше внушало въ нему довѣрія и почтенія, это сознаніе cadaго, приходившаго съ нимъ въ столкновеніе, что Бартоуъ не руководится никакими личными соображеніями, а дѣйствуетъ единственно на общую пользу; что онъ преданъ своей партіи, своимъ убѣжденіямъ, а не эгоистической цѣли. А кто не знаетъ, что и великіе люди мельчали и унижались, какъ только дѣло доходило до личныхъ выгодъ и до удовлетворенія своего эгоизма?

За нѣсколько времени передъ тѣмъ, между рабочими возникло нѣсколько важныхъ вопросовъ, глубоко занимавшихъ Джона Бартона. Для обсужденія этихъ-то именно вопросовъ онъ сталъ все чаще и чаще отлучаться изъ дому.

Не знаю, съумѣю ли я поставить по мѣстамъ всѣ техническіе термины, употребляемые фабрикантами и рабочими; но попробую въ короткихъ словахъ изложить положеніе дѣлъ, какъ оно было, и какъ я его понимаю.

Отъ одного изъ новыхъ европейскихъ рынковъ послѣдовала большой заказъ на бумажные товары. Заказъ былъ выгодный, товару требовалось много, и изготовленіемъ его можно было занять всѣ заводы по этой части; но необходимо было поставить товаръ какъ можно скорѣе и какъ можно дешевле, потому что фабриканты имѣли причины подозрѣвать, что точно такой же заказъ поступилъ въ одинъ изъ промышленныхъ городовъ континента, а тамъ пищи у рабочихъ было вдоволь, машины и постройки не подлежатъ пошлннѣ, и вслѣдствіе того можно было предполагать, что товаръ тамъ пустать дешевле чѣмъ въ Англіи и тотчасъ отобьютъ у ней новый рынокъ и выгодный сбытъ. Очевидно, имъ слѣдовало закупать хлопчатую бумагу по найдешевѣйшимъ цѣнамъ и заработную плату на фабрикахъ понизить до невозможности. Въ общемъ итогѣ, и въ послѣдствіи, рабочіе отъ этого выиграли бы непременно, потому что какъ бы то ни было, фабриканты и фабричные наживаются или теряютъ одновременно. Конечно, хозяева вкусили бы отъ новыхъ выгодъ первые, но и работники неминуемо должны были воспользоваться этими выгодами, хотя и позже.

Но дѣло въ томъ, что хозяева не разсудили за благо всего этого объяснить рабочимъ. Они стояли за свои хозяйскія права, считали себя въ правѣ назначать и сбавлять цѣны по своему произволу, и даже думали, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, при всеобщемъ застоѣ торговли и излишествѣ рабочихъ рукъ, имъ нетрудно будетъ заставить бѣдняковъ плясать по своей дудкѣ.

Теперь обратимся къ рабочимъ и посмотримъ на дѣло съ ихъ точки зрѣнія. Хозяева фабрикъ (о шаткости ихъ фортуны бѣднымъ труженикамъ ничего не было извѣстно) повидимому находились въ самыхъ цвѣтущихъ обстоятельствахъ, жили открыто и весело, между тѣмъ какъ имъ, рабочимъ, приходилось перебиваться со дня на день и едва считаться для поддержанія жизни. Слышали они, что изъ чужихъ краевъ поступили новые заказы; слышали, что поставка требовалась какъ можно поспѣшнѣе, а количество требуемыхъ товаровъ, хотя дѣйствительно очень значительное, было еще преувеличено въ народѣ. При такихъ обстоятельствахъ, зачѣмъ же хозяева такъ понижаютъ заработную плату? Безсовѣстные! они пользуются тѣмъ, что рабочій народъ мретъ съ голоду и доходит до послѣдней крайности. Но лучше вовсе перемереть, нежели пойдти на такую сдѣлку. Довольно и того, что они такъ бѣдны, что трудами исхудалыхъ рукъ своихъ и въ потѣ лица обогащаютъ своихъ притѣснителей.

дей; но затоптать себя въ грязь они не дадутъ теперь. Нѣтъ, они сложатъ руки и будутъ сидѣть безъ дѣла, и посмѣются надъ фабрикантами, которыхъ доймутъ хоть своею смертью. Они рѣшились со стоическою твердостью доказать хозяевамъ свою силу и, наотрѣвъ оказавшись отъ работы.

Такимъ образомъ одно сословіе не довѣряло другому; такъ они чуждались другъ друга, и сами себя вредили этимъ. Хозяева не благоволили объясниться и рассказать, почему именно считали необходимымъ понижать плату; они не хотѣли признаваться народу, что въ эту минуту играли въ мудреную игру и рисковали капиталами, лишь бы обезпечить себѣ рѣшительный перевѣсъ надъ континентальною промышленностью на чужихъ рынкахъ. А рабочіе сидѣли мрачно, сложа руки, и упрямо отказывались отъ работы на такихъ условіяхъ. Въ Манчестерѣ образовалась оппозиція и фабрики стали.

Всѣмъ затѣмъ случилось то, чего слѣдовало ожидать. Многіе другіе торговые цѣхи, принадлежавшіе къ различнымъ отраслямъ промышленности, поддержали манчестерскихъ ткачей денежными вспоможеніями, сочувствіемъ и ободреніями всякаго рода. Глазго, Поттингемъ и другіе города прислали депутатовъ, чтобы поддерживать духъ сопротивленія и громко одобряли манчестерскую оппозицію. Составился комитетъ, выбрали всѣхъ пужныхъ представителей и должностныхъ лицъ, назначили президента, кассира, секретарей; между прочимъ выбрали и Джона Бартона.

Между тѣмъ хозяева принимали дѣятельныя мѣры. Они прибѣгали къ стѣнамъ печатныя предостереженія и увѣщанія ткачамъ. Рабочіе отвѣчали имъ другими афишами, печатали ихъ еще крупнѣе и излагали въ нихъ всѣ свои неудовольствія и претензіи. Фабриканты каждый день собирались въ городѣ, потолковать и пожалѣть о потерянномъ времени, о томъ, что теперь трудно уже будетъ выполнить заграничный заказъ; они уговаривали другъ друга тѣмъ не менѣе держаться крѣпко за свое слово и не уступать ткачамъ. Уступилъ теперь, говорили они—придется безпрестанно уступать впоследствии. Нѣтъ, это не дѣло.

Къ числу самыхъ энергическихъ противниковъ уступки принадлежали фабриканты Карсонсы, отецъ и сынъ. Извѣстно, что нѣтъ севтатора усерднѣе новообращеннаго; нѣтъ хозяина корыстнѣе и безжалостнѣе того, который самъ вышелъ въ люди изъ рабочаго класса. Этимъ правиломъ можно объяснить упрямство старшаго мистера Карсонса, который не только не хотѣлъ уступить ни пяди,

но не соглашался даже пояснить рабочимъ причину неуступки. Онъ рассуждалъ такимъ образомъ: я хозяинъ; молъ волн; следовательно наемники должны повиноваться. Герри Карсонъ не очень задумывался надъ причинами своего поведения. Тактики у него не было никакой, но ему нравилось это возбужденное состояніе умовъ, игралась роль противника и бойца. Онъ былъ молодъ и неустрашимъ и наслаждался призывкомъ личной опасности, которымъ иные, болѣе осторожные, пугали самыхъ ярыхъ.

Между тѣмъ ткачи отдаленныхъ предѣловъ Ланкашира и соседнихъ графствъ прослышали о прокламаціяхъ и увѣщаніяхъ, рвотчаемыхъ хозяевами фабрикъ рабочему сословію. Подавленные бдностью, голодомъ, безпомощные и одинокіе, они рѣшились идти въ Манчестеръ. По зарямъ, въ ранніе часы предутренняго разсвѣта, когда все еще спало, или въ поздніе сумерки, когда пустыли улицы города, плелсь они втихомолку, босые, истомленные, едва живые отъ голода и всякихъ лишеній.

Тутъ-то начались положительно вредныя дѣйствія цеховъ. Еще нельзя рѣшить, правы ли они были или нѣтъ, отказываясь отъ работы на такихъ стѣснительныхъ условіяхъ; это вопросъ трудный и въ этомъ случаѣ можно ихъ упрекнуть по большей мѣрѣ въ неблагоразуміи. Но кто же далъ имъ право деспотическаго распоряженія чужою совѣстью, чужою жизнью, право обрекать ближняго на свой крестъ? Они ненавидѣли притѣсненія своихъ хозяевъ; зачѣмъ же сами стали притѣснителями?

— Потому, можно отвѣчать на это, потому, что когда человекъ доведенъ до крайности, онъ не вѣдаетъ, что творитъ. Не будемъ судить ихъ строже того, чѣмъ судить всевышняя справедливость, любящая и милостивая.

Не смотря на постоянный нарядъ и на волеисменовъ, приотвлеченныхъ для наблюдения за безопасностью бѣдныхъ пришлецовъ, не смотря на судей, на тюрьмы, на строгія наказанія, — бѣдняки, вѣдъ позла изъ Бернли, Падингема и другихъ мѣстъ, на работу по проклятымъ «голоднымъ цѣнамъ», бывали перехвачены на дорогахъ, биты и брошены гдѣ-нибудь тутъ же полумертвыми! Полиція разогнала каждое сборище людей на улицахъ, каждую толпу; они спокойно расходились въ разныя стороны и тотчасъ сходились опять въ толпики отъ города, гдѣ-нибудь въ полѣ.

Самю собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ вза-

нныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ отъ часу становились хуже.

Воляе сборище есть сила, и страшная сила. Подобно силѣ паровъ, она способна на самыя мощныя движенія, на безграничное производство добра или зла. Чтобы направить ее на благо, необходимо подчинить ее разумной волѣ съ высшими цѣлями, волѣ, не подлежащей влиянію страстей и пагубныхъ увлеченій. Въ настоящемъ случаѣ воля, руководимая силами рабочаго сословія, не могла похвалиться мудростью и сноровкой.

Таково было общее положеніе дѣлъ. Теперь обратимся къ частностямъ.

Ткачи послали фабрикантамъ циркулярное письмо, въ которомъ утѣло, но въ рѣзительныхъ и сильныхъ выраженіяхъ просили назначить день для общаго митинга заводчиковъ и депутатовъ отъ ткацкаго цеха; въ этомъ собраніи, извѣщали они, произойдутъ окончательныя переговоры передъ закрытіемъ фабрикъ. Они думали, что уже достаточно напугали хозяевъ и теперь ихъ очередь предписывать законы. Джонъ Бартонъ назначенъ былъ однимъ изъ депутатовъ.

Заводчики согласились на митингъ; имъ хотѣлось поскорѣе кончить эту борьбу, но они и сами еще не рѣшили, много ли сдѣлаютъ уступокъ, и даже многіе не знали, уступать ли что-либо. Шны, постарше и опытнѣе, сочувствовали рабочимъ и склонны были къ уступкамъ; другіе люди, также пожилые и посѣдѣвшіе, не вынесли изъ долгихъ дней своей многолѣтней жизни ни одного тѣла плаго чувства: опытъ научилъ ихъ только упрямству и жестокости, и съ насмѣшкою смотрѣли они на умѣренныхъ и добродушныхъ товарищей. Молодежь единодушно рѣшилась на упорное сопротивленіе только потому, что ткачи предъявляли свои требованія такъ упорно. Предводителемъ этой рьяной молодежи былъ Генри Карсонъ.

Подобно всемъ дѣлательнымъ и сильнымъ натурамъ, Генри Карсонъ успѣвалъ дѣлать разомъ десять дѣлъ. Чѣмъ больше онъ былъ занятъ, тѣмъ больше находилъ онъ, казалось, свободнаго времени. Не смотря на безпрестанное писаніе множества писемъ, на визиты, на присутствіе въ городской тюрьмѣ, для наблюденія за ходомъ всѣхъ дѣлъ, возникавшихъ по поводу обидъ прихожимъ⁽¹⁾, онъ

(1) Прихожими въ Манчестерѣ назывались работники, приходившіе изъ другихъ мѣстъ на работу, по низкой цѣнѣ.

преслѣдовать Мери Бартонъ больше чѣмъ когда-либо. Она просто жизни была не рада. Отъ нѣжныхъ моленій онъ уже перешолъ къ угрозамъ, говоря, что во что бы то ни стало она будетъ принадлежать ему. При этомъ онъ оказывалъ самое оскорбительное пренебреженіе къ ея репутаціи и компрометировалъ ее гдѣ только могъ.

А Джема она все не встрѣчала. Ей было извѣстно, что онъ возвратился домой; она стороною знала о немъ изъ разсказовъ его вѣселого кузена, который то и дѣло ходилъ изъ дома въ домъ, вездѣ заводилъ себѣ друзей и всѣми былъ любимъ. Но Джема она все-таки не видѣла. Что подумать? Неужели онъ рѣшительно отъ нея отказался? Неужели нѣсколько необдуманныхъ словъ, сказанныхъ ею въ минуту негодованія, рѣшили судьбу ея на всю жизнь? По временамъ ей казалось, что даже и это переносить легко и сладко: такое счастье находила она въ сознаніи своей чистой и прочной любви! Объ измѣнчивости, о забвеніи этого чувства ей и въ голову не приходило. Но были минуты такого нетерпѣнія, такой тоски, что ей величайшія усилія стоило удержаться отъ порыва пойти къ нему и объясниться (такъ просто и обстоятельно, какъ можетъ говорить мужчина съ мужчиною или женщина съ другою женщиною); ей хотѣлось просить прощенія за свой поспѣшный отказъ, позволенія заглядывать его, хотѣлось предложить ему вѣрную и горячую любовь, переполнявшую ея сердце. Ей досадно было, что Маргарита вставала противъ такого плана дѣйствій: она думала, что одно неодобреніе подруги мѣшало ей привести въ исполненіе такое простое повидимому намѣреніе. Но дружескіе совѣты тогда только бываютъ дѣйствительны, когда совпадаютъ съ тайными внушеніями нашей совѣсти. Не Маргаритины увѣщанія удерживали Мери отъ такого неженственного поступка, а собственное сердце ея сопротивлялось.

Во время пребыванія Вилля въ Манчестерѣ, что продолжалось около десяти дней, передъ глазами Мери случилось нѣчто такое интересное, что, не смотря на всѣ свои печали и заботы, она съ сильнымъ участіемъ слѣдила за ходомъ дѣла, а случись оно въ прежнія времена, она бы конечно завлеклась имъ необыкновенно. Она ясно видѣла, что веселый, бойкій, разбитной морякъ по уши влюбился въ тихую, смирную и даже некрасивую Маргариту; могла ли Маргарита замѣтить это — неизвѣстно; но взглянувъ хорошенько, Мери увидѣла, что слѣпая подруга ея какъ-бы по инстинкту знаетъ, чей взоръ такъ часто и такъ нѣжно на нее устремляется. Иначе отчего

же, подъ вліяніемъ этого взора, выступаетъ на ея нѣжныхъ щекахъ такой хорошенькій румянецъ? Маргарита говорила уже не такъ рѣшительно какъ прежде, въ манерахъ ея проглядывало какое-то милое смущеніе, которое ее очень красиво; всѣ ея рѣчи облеклись новымъ, смягченнымъ смысломъ, который не былъ похожъ на ея обычный; холодный здравый смыслъ; глаза ея, которые всегда были очень протки и хороши; и слѣзотою нисколько не обезобразились, получили оттѣнокъ еще болѣе мягкій и кроткій, тихо дрожа подъ опущенными рѣсницами. Она что-нибудь да чувствуетъ, думала Мери; сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Вилль съ своей любовью не умѣлъ ни краснѣть, ни смущаться, ни путаться въ рѣчахъ: чувство его было такъ же откровенно и просто, какъ вся его открытая натура; но, размышляя о заявленіи этого чувства и о могущемъ послѣдовать отвѣтѣ, онъ немножко робѣлъ. Ангельскій голосъ Маргариты такъ его околдовалъ, что онъ считалъ ее существомъ высшимъ и просто не смѣлъ за нею ухаживать. За то всѣ свои батареи направилъ онъ на стараго Джоба. Онъ нарочно съѣздилъ въ Ливерпуль и перерылъ весь свой сундукъ на кораблѣ, чтобы отыскать ему летучую рыбу — подарокъ не очень благовонный, но правдѣ сказать. Онъ задумалъ даже пожертвовать для старика маленькою рыболовною сѣткою, которую хранилъ еще съ дѣтства и цѣнилъ выше всякихъ экзотетусовъ. Начтѣ ему, на сунѣ, мою сѣтку? подумалъ Вилль, перевертывая въ рукахъ свое сокровище; но въ ухахъ его раздался сладкій голосокъ Маргариты, и онъ не колеблясь рѣшился разстаться съ своею драгоценностью, въ пользу человека, столько любимаго Маргаритою, какъ старый Джобъ-Легъ.

Вилль тщательно завернулъ сѣтку вмѣстѣ съ летучею рыбою въ сѣрую бумагу, и для бѣльшаго удобства всю дорогу въ вагонѣ сидѣлъ на этомъ сверткѣ. Но къ величайшему его удовольствію, Джобъ оказалъ къ сѣткѣ такое пренебреженіе, что онъ тотчасъ же и безъ малѣйшаго затрудненія получилъ ее назадъ. Потомъ долго проболталъ съ Маргаритою, хотя совѣсть сильно его мучила и напоминала, что онъ незаконно отымаеъ всѣ эти лишніе часы у бѣдной, старой тетки Алисы. Съ этою цѣлью онъ было порывался уйти, но на порогѣ вспомнилъ, что чего-то не договорилъ Джобу. Слово за слово, онъ было воротился въ комнату, освященную присутствіемъ Маргариты, и, стоя у двери, только ждалъ ея одобренія или какого-нибудь словечка, чтобы сѣсть около нея и снова заговориться. Но такъ

какъ словечка она не произнесла, то пришлось-таки уходить, скрѣпя сердце, и дѣлать что надо.

Четыре дня сряду Джемсъ Вильсонъ тщетно выжидалъ гдѣ-нибудь встрѣчи съ Генри Карсонсомъ; по милости безпрестанныхъ совѣщаній и переговоровъ съ фабрикантами, Карсонсъ велъ такую неправильную жизнь, выходилъ изъ дому и возвращался въ такіе неурочные часы, что застать его было очень мудрено. На пятый день однакоже, онъ совершенно случайно попался навстрѣчу Джемму.

Насталъ часъ обѣда для рабочихъ; т. е. промежутокъ времени отъ двѣнадцати до часу; въ это время улицы Манчестера сравнительно очень пусты, потому что въ суетѣ этого многолюднаго и шумнаго города нечего считать нѣсколькихъ леди, ходящихъ за покупками по магазинамъ, и нѣсколькихъ джентльменовъ, шатающихся по улицамъ отъ нечего дѣлать. Джемъ, занятый исполненіемъ какого то порученія отъ своего хозяина, еще не думалъ идти обѣдать. Онъ шолъ по улицѣ, или лучше сказать, по огороженной, немощенной дорогѣ, которую изъ уваженія къ будущимъ строителямъ называли улицей; тутъ-то и увидѣлъ онъ Карсонса, который шолъ ему навстрѣчу, по видимому совершенно одинъ. По одной сторонѣ улицы тянулся высокій заборъ, почернѣвшій отъ угольной сажи, и утыканный вверху гвоздями, шляпками внизъ, очевидно для того чтобы никто не могъ проникнуть въ садъ, разросшійся по ту сторону забора. Вдоль этой стѣны шла пѣшеходная тропинка. Проѣздная же дорога была такого свойства, что не только карета, но и телега не могла-бы тутъ проѣхать безъ помощи кучера-Геркулеса, который взялся-бы вытаскивать ее изъ топкой колеи. По другую сторону дороги шла глухая кирпичная стѣна, а за нею разстилалось чистое поле, въ которомъ виднѣлся пыльный заводъ, съ ямою и навѣсомъ.

Сердце Джема сильно забилося при видѣ красиваго и щеголеватаго юноши, приближавшагося смѣло и весело, легкою поступью. Такъ вотъ тотъ, кого любить Мери! Можетъ-быть оно и очень естественно; такъ, по крайней мѣрѣ на первую минуту, показалось бѣдному кузнецу: Карсонсъ поразилъ его своими наружными преимуществами, изяществомъ туалета и ловкостью фигуры. Но вслѣдъ затѣмъ въ душѣ Джема шевельнулось иное чувство, сознание, что не въ этихъ же преимуществахъ состоитъ сущность человѣческаго достоинства, и что «какъ ни финти, а бываютъ люди и почище тебя,

даромъ что въ рогожкѣ». И размысливъ такимъ образомъ, онъ сразу пересталъ конфузиться своего благообразнаго соперника.

Генри Карсонсъ ловко перепрыгивалъ черезъ ямы и лужи и подходилъ въ этой операцин чуть не ребяческое удовольствіе. Къ изумленію его, плечистый и смуглый мастеровой остановилъ его среди дороги, почтительною фразой :

— Нельзя-ли сказать вамъ словечко, сэръ?

— Очень можно, любезный, отвѣчалъ Генри, взглянувъ на него удивленными глазами, и потомъ, видя, что обещанная рѣчь не такъ-то скоро произносится, прибавилъ: только нельзя-ли поскорѣе, я слышу.

Джемъ началъ-было обдумывать, какъ бы половчѣе приступить къ предмету, занимавшему всѣ его мысли; но видя, что думать некогда, началъ безъ обиняковъ, тихимъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ :

— Я полагаю, сэръ, что вы знакомы съ одною дѣвицей, которую зовутъ Мери Бартонъ?

Новая мысль какъ молнія блеснула въ умѣ Карсонса. Онъ остановился и не вдругъ отвѣчалъ на вопросъ.

Неужели, думалъ онъ, это можетъ быть обожатель Мери? И неужели (странное предположеніе!) онъ любимъ ею и былъ причиною ея отказа ему, Генри Карсонсу? Онъ осмотрѣлъ Джема съ головы до ногъ, увидѣлъ чернаго, переначканаго машиниста, въ старенькомъ, поношенномъ платьѣ, сложенія крѣпкаго, въ движеніяхъ неловкаго (особливо съ точки зрѣнія танцовальнаго учителя); потомъ взглянулъ на себя, припомнилъ изящную фигуру, на которую такъ недавно любовался передъ зеркаломъ своей уборной... Нѣтъ, это нелѣпо. Какая же женщина, если она не совсѣмъ ослѣпла, выберетъ и предпочтетъ *того*, когда *этотъ* за нею ухаживаетъ! Рѣшительно нелѣпо. Но вотъ однакоже единственный ключъ къ уразумѣнію причинъ, заставившихъ ее такъ внезапно перемѣнить свое поведеніе. Если она любитъ этого человѣка.. Если—да, какой противный *этотъ* человѣкъ! Ему очень хотѣлось прибить его. Какъ-бы то ни было, надо знать всю правду.

— Мери Бартонъ? Пойдите... да! кажется такъ зовутъ эту дѣвочку... Хорошенькая кокетка, продувная кажется. Но очень, очень хороша. Да, такъ, ея имя Мери Бартонъ.

Джемъ закусилъ губу. Можетъ ли это быть? Мери кокетка, Мери такая женщина — и какъ онъ говоритъ о ней! Этому повѣрить мель-

зя; но Боже мой, зачѣмъ же было сказать это? Теперь ужь правда или нѣтъ, а мысль о кокетствѣ зашла ему на умъ. Ну, положимъ, что кокетка: Тѣмъ большѣ нуждается она въ покровителѣ. Бѣдная, заблудшая овечка!

— Она хорошая дѣвушка, сэръ, хотя можетъ-быть слишкомъ занимается своею красотою. Но она у отца единственное дитя, сэръ...

И онъ остановился. Ему тяжело было выразить сомнѣніе на ея счетъ, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился непремѣнно узнать въ чемъ дѣло. Но что же сказать Карсонсу?

— Ну, любезнѣйшій, что же мнѣ-то тутъ дѣлать? Мнѣ кажется мы съ вами только время теряемъ. Не затѣмъ ли вы остановили меня, чтобы сообщить, что Мери Бартонъ хороша собою? Такъ это я и безъ васъ знаю.

Онъ хотѣлъ идти дальше: но Джемъ остановилъ его своей грубой, черной, рабочей рукою. Надменный юноша однимъ быстрымъ движеніемъ оттолкнулъ эту руку и перчаткою сталъ отряхивать сажу, которая будто-бы появилась на его свѣтломъ лѣтнемъ пальто отъ этого нечистаго прикосновенія. Это движеніе взорвало Джема.

— Я объясню вамъ въ короткихъ словахъ что мнѣ нужно, молодой человѣкъ. Мнѣ говорила одна женщина, которая понапрасну болтать не станетъ, что вы гуляете съ этой самой Мери Бартонъ и открыто за нею волочитесь: Женщина, которая мнѣ сказывала объ этомъ, полагаетъ, что Мери васъ любитъ. Это можетъ-быть правда, а можетъ-быть и нѣтъ. Но я ей старый другъ и съ отцомъ ея давнишній пріятель, и потому желаю знать, намѣрены ли вы на ней жениться? Что бы вы ни говорили о ея легкомысліи, я слишкомъ коротко съ нею знакомъ, чтобы не знать, что изъ нея выйдетъ отличная жена, подѣ-стать всякому джентльмену, будь онъ себѣ хоть семи пядей во лбу. А я желаю заступитъ ей мѣсто брата, и если вы имѣете честныя намѣренія, то не должны обижаться тѣмъ, что я говорю. А если нѣтъ — впрочемъ что говорить, какъ я поступлю съ тѣмъ, кто ее обманетъ, кто коснется хоть волоска ея головы... Будетъ онъ это помнить и каяться во весь свой вѣкъ. Теперь, сэръ, вотъ что я вамъ скажу: если намѣренія ваши честны и благородны — очень хорошо. Если нѣтъ — то пропу васъ, и для ея пользы, и для вашего же добра, оставьте ее въ покоѣ и не затѣвайте съ ней больше никакихъ разговоровъ. Голосъ Джема дрогнулъ отъ волненія: онъ съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ отвѣта.

Между-тѣмъ Карсонсъ, вмѣсто того чтобы отвѣчать на настоя-

чивыя требованія своего противника, ломалъ себѣ голову, стараясь вывести изъ его рѣчи какое-либо положительное заключеніе на счетъ Мери.

Онъ понялъ, что Джемъ до нѣкоторой степени допускаетъ возможность любви Мери къ нему; слѣдовательно, если Джемъ и былъ искателемъ ея руки, то уже ошибся въ расчетѣ. Въ умѣ Карсонса мелькнула мысль, что не взирая на свои частые и упорные отказы, капризная Мери можетъ-быть все-таки любить его, и вотъ теперь подослала этого господина, чтобы вынудить у него, Карсонса, обѣщаніе жениться. Онъ положилъ еще похитрить, чтобы положительнѣе узнать, въ какихъ именно отношеніяхъ къ Мери находится этотъ юноша. Онъ долженъ быть или обожатель ея, притомъ обожатель отвергнутый (въ такомъ случаѣ однакоже мистеръ Карсонсъ понять не могъ, изъ чего онъ хлопочетъ и что ему за дѣлю до ея замужства), или же онъ другъ дома, сообщникъ, и взялся уломать его. Такъ мало низкіе эгоисты вѣрятъ въ чистое добро!

— Прежде чѣмъ взять васъ въ повѣренныя, мой любезный, началъ Карсонсъ презрительно, — мнѣ кажется не дурно-бы узнать, какое право имѣете вы мѣшаться въ наши дѣла? Ни Мери, ни я, сколько мнѣ извѣстно, не просили вашего вмѣшательства.

Онъ остановился, ожидая какого-нибудь яснаго отвѣта на послѣднее предложеніе. Но отвѣта не было. Тогда онъ вообразилъ, что его хотятъ заугать и принудить къ какому-либо обязательству; злоба закипѣла въ немъ.

— И такъ, любезнѣйшій, вы потрудитесь оставить насъ въ покоѣ и не соваться туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ. Будь вы братъ, или отецъ, тогда еще дѣло другое; а въ настоящемъ случаѣ вы ни боже ни менѣ какъ досадный нахалъ.

Онъ опять хотѣлъ пройти мимо, но Джемъ твердо загородилъ ему дорогу и сказалъ:

— Вы говорите, что если-бы я былъ ей братъ или отецъ, вы сказали бы мнѣ то, что я хочу знать. Но могу васъ увѣрить, что ни братъ, ни отецъ не могли дорожить ею больше, чѣмъ я дорожилъ цѣлымъ нѣтъ, и теперь дорожу; если привязанность даетъ право на объясненіе съ вами, то никто въ мірѣ не имѣетъ столько правъ какъ я. Скажите же мнѣ, сэръ, скажите прямо, какъ вы намѣрены поступить съ Мери? Я вамъ объяснилъ свои права на довѣріе и клянусь Богомъ, съумѣю доказать ихъ.

— Потихе, потихе пожалуста, безъ дерзостей! возразилъ ми-

стеръ Карсонсъ , который добился наконецъ чего ему было нужно, т. е. узналъ, что Джемъ обожатель Мери (и притомъ несчастливый искатель ея руки); послѣ этого Карсонсъ хотѣлъ идти своею дорогою, и произнесъ медленно и внушительно :

— Отецъ ли, братъ ли, или просто отвергнутый любовникъ, никто не въ правѣ становиться между моею миленькой и мною. И не будетъ этого. Провалъ васъ возьми, что вы суетесь! Ступайте прочь съ дороги или вотъ я васъ!.. Джемъ не двигался съ мѣста и съ желѣзною рѣшимостью заграждалъ ему дорогу.

— Не сойду, пока вы не отвѣтите мнѣ какъ слѣдуетъ на счетъ Мери, возразилъ онъ глухо, едва разжимая стиснутые зубы и страшно блѣднѣя отъ долго-подавляемаго бѣшенства.

— Не хотите? подхватилъ Карсонсъ съ язвительнымъ смѣхомъ : такъ вотъ же вамъ !

Молодой человекъ поднялъ свою щегольскую трость и рѣзкимъ движеніемъ ударилъ ею мастераго по лицу. Въ ту же минуту самъ онъ полетѣлъ плашмя на грязную дорогу, а Джемъ уже стоялъ надъ нимъ сжавъ кулаки и дрожа отъ негодованія. Богъ вѣсть, что бы онъ способенъ былъ еще сдѣлать въ эту минуту невыразимой ярости; но по сосѣднему переулку давно уже прохаживался полицменъ, который слыша крупный разговоръ между двумя молодыми людьми, на всякій случай ждалъ, чѣмъ онъ кончится. Въ одну минуту онъ скрутилъ Джема, который мрачно повиновался блюстителю порядка.

Мистеръ Карсонсъ тотчасъ вскочилъ на ноги, причемъ лицо его пылало гнѣвомъ и стыдомъ.

— Прикажете взять его подъ караулъ за нападеніе, сэръ? спросилъ полицейскій.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Карсонсъ : я самъ первый его ударилъ. Съ его стороны не было прямого нападенія. Однако, продолжалъ онъ, обращаясь къ Джему, который тяготился даже свободой, полученной по милости ненавистнаго соперника, — однако я никогда не забуду и не прощу вамъ этого оскорбленія. И можете быть увѣрены, произнесъ онъ задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ, — что отъ вашего дерзкаго заступничества Мери будетъ отнюдь не легче! И онъ засмѣялся, какъ-бы тѣшась своимъ могуществомъ.

Джемъ отвѣчалъ съ неменьшею запальчивостью :

— А если вы осмѣлитесь хоть пальцемъ ее тронуть, я накрою

васъ въ такомъ мѣстечкѣ, куда ни одинъ полицменъ не придетъ за васъ заступиться. Одинъ Богъ разсудитъ насъ тогда.

Тутъ полицейскій вмѣшался съ увѣщаніями и предостереженіями; онъ крѣпко взялъ Джема подъ руку и насильно увелъ его въ сторону, противоположную той, въ которую пошелъ мистеръ Карсонъ. Джемъ молча прошелъ съ нимъ нѣсколько шаговъ, потомъ сильнымъ движеніемъ рванулса и убѣжалъ.

Полицменъ закричалъ ему вслѣдъ :

— Берегитесь, молодецъ! Ни одна дѣвушка въ свѣтѣ не стоить того, на что вы можете наскочить, если не остережетесь въ пору!

Но Джемъ былъ уже далеко.

ГЛАВА XVI

Пришодъ день, назначенный для свиданія фабрикантовъ съ депутаціею отъ рабочихъ. Митингъ долженъ былъ происходить въ трактирѣ, въ большой сборной залѣ. Часамъ къ одиннадцати утра туда начали сходитьса заводчики, занимавшіеся заграничною поставкою.

Но чѣмъ-бы ни заняты были ихъ головы, первый разговоръ разумѣется посвященъ былъ погодѣ. Исполнивъ этотъ священный долгъ относительно всѣхъ дождичковъ и ясныхъ дней, ознаменовавшихъ истекшую недѣлю, они приступили къ обсужденію вопроса, по поводу котораго собрались въ это утро. Въ залѣ было человекъ до двадцати джентльменовъ, изъ которыхъ иные даже непрічастны были къ дѣлу, но достаточно интересовались имъ, чтобы все-таки придти потолковать. Общество раздѣлялось на нѣсколько группъ, повидимому нисколько не единодушныхъ и выражавшихъ мнѣнія самыя разнообразныя. Нѣкоторые склонялись къ легкой уступкѣ, такъ только, чтобы кусочкомъ сахара угомонить пискливое дитя и такимъ дешевымъ средствомъ обезпечить свой покой и всеобщій миръ. Иные упорно и громогласно возставали противъ опасной системы уступокъ, объявляя, что ни на одну юту не намѣрены смягчать своихъ приговоровъ противъ мятежнаго народа. Не то работники тотчасъ выучатся быть хозяевами, прибавляли они. Чтобы довести эту нелѣпость до конца, имъ-бы слѣдовало вовсе уничтожить промышленность: иначе дѣйствительно для простаго работника всегда есть шансы выйти въ люди. Нѣкоторые изъ предстоящихъ толь-

ко-что пришли изъ судейской палаты, гдѣ въ тотъ день судили одного изъ фабричныхъ за жестокое обращеніе съ бѣднымъ ткачемъ, пришедшимъ съ сѣвера искать въ Манчестерѣ работы по низкой цѣнѣ. Публика негодовала — и очень справедливо негодовала на безчеловѣчный поступокъ фабричнаго; но вскорѣ негодованіе приняло болѣе рѣзкія формы и наконецъ, какъ часто случается между людьми, перешло въ жажду примѣрнаго мщенія. Казалось, что этимъ людямъ легче было-бы отказаться отъ всякихъ выгодъ, нежели уступить сословію, прибѣгавшему къ такимъ жестокимъ выходкамъ противъ своихъ же собратій-работниковъ; они готовы были на всякія пожертвованія, лишь-бы заставить рабочихъ пострадать хорошенько. Они забыли, что возмущеніе въ настоящемъ случаѣ уже было вызвано нищетою и лишеніями, которыя страждущимъ казались вышею несправедливостію судьбы; какъ-бы ни было ошибочно такое мнѣніе, но они имѣли свои причины такъ думать и вслѣдствіе того бунтовали. Крайность никогда нельзя выбивать другою крайностью, это уже истина неоспоримая: вы можете подавить ее на время, но пока станете рукоплескать своей мнимой побѣдѣ, зло снова всплыветъ и, по евангельскому выраженію, приведетъ съ собою семь демоновъ горше прежняго.

Никому и въ голову не пришло обратиться къ фабричнымъ какъ къ ближнимъ, братьямъ и друзьямъ, какъ къ людямъ разумнымъ, и откровенно, вполне изложить имъ обстоятельства дѣла; никто не потрудился имъ растолковать, почему сами хозяева считаютъ необходимымъ принести теперь нѣкоторыя жертвы, въ видахъ будущей общей пользы, а потому и отъ рабочихъ надѣяться содѣйствія и пожертвованій.

Проходя отъ одной группы къ другой, вы могли схватить на лету самыя разнообразныя изрѣченія, въ родѣ слѣдующихъ:

— Горемычный народъ! Должно-быть просто съ голоду мрутъ. Мистрисъ Эльдредъ каждую недѣлю готовитъ похлебку изъ пары бычачьихъ головъ, и бѣдняки за нѣсколько миль приходятъ просить этого супа. Коли продлятся всѣ эти смуты, придется еще набавить порцію. Только все же не слѣдуетъ сдаваться на ихъ требованія.

— Надбавить плату на какой-нибудь шиллингъ въ недѣлю для насъ ничего не значить, а они на это сдадутся и увѣрены будутъ, что поставили на своемъ.

— Вотъ этого-то и нужно остерегаться всѣми силами! Они во-

образятъ, что поставили на своемъ, и впередъ, какъ только захотятъ еще чего-нибудь, станутъ отказываться отъ работы.

— Да вѣдь отъ этого имъ же хуже, а не намъ.

— Ну, мнѣ кажется, что наши выгоды очень тѣсно связаны съ ихними.

— Этотъ скотъ облилъ ему ноги купоросомъ по самыя щиполки, а вы знаете, какъ эти мѣста трудно заживить. Онъ бѣдняга отъ боли принужденъ былъ стоять на мѣстѣ, и въ это время тотъ негодай такъ исколотилъ его по головѣ, что не узнать теперь, человѣкъ онъ или нѣтъ. Не знаютъ, будетъ ли живъ.

— Ужь за это одно я-бы всталъ рѣшительно противъ нихъ, хоть бы пришлось самому пострадать за это.

— О, что до меня касается, то я ни одной полушки не уступлю этимъ мерзавцамъ. Скоты этакіе! Вѣдь право въ нихъ есть что-то звѣрское; они больше похожи на звѣрей чѣмъ на людей.

(Такъ. А кто виноватъ въ этомъ?)

— Послушайте, Карсонсъ, подите пожалуйста къ Денкомбу и расскажите ему объ этомъ новомъ образчикѣ прекраснаго ихъ поведенія. Онъ все еще колеблется, такъ эта штука пригодится ему для окончательнаго выбора мнѣнія.

Дверь отворилась, и слуга доложилъ, что рабочіе дожидаются внизу и просятъ позволенія войти для совѣщанія съ джентльменами.

Они изъявили согласіе и поспѣшно усьлись въ кресла, чинно разставленныя вокругъ офиціальнаго стола; при этомъ джентльмены всячески изошрялись принять на себя видъ римскихъ сенаторовъ, ожидающихъ вторженія варваровъ подъ предводительствомъ кроваваго Бренна.

Тукъ-тукъ, застучали по лѣстницѣ тяжелые деревянные башмаки, и черезъ минуту пять исхудалыхъ человѣкъ съ впалыми, дикими глазами вошли въ комнату. Джона Бартона, по какой-то ошибкѣ, не было между ними.

Будь они повыше ростомъ и вообще покрупнѣе костью, ихъ страшная худоба была бы гораздо замѣтнѣе; но то были люди тщедушные, сухіе, и грубая холщевая одежда висѣла на нихъ какъ на скелетахъ. При выборѣ своихъ полномочныхъ, рабочіе очевидно болѣе обращали вниманія на разумъ и краснорѣчіе, нежели на костюмы депутатовъ. Видно было, что эти послѣдніе давно уже не подновляли своихъ туалетовъ, потому что со всѣхъ сторонъ просвѣчивали на нихъ неизлечимыя прорѣхи и дыры. Нѣкоторые изъ

джентльменовъ почувствовали себя просто оскорбленными при видѣ этой горсти какихъ-то нищихъ или бродягъ, пришедшихъ разсуждать съ ними запанибрата. Но депутатамъ до этого оскорбленія не было никакого дѣла.

По приглашенію одного изъ джентльменовъ, наскоро назначенаго председателемъ собранія, главный депутатъ прочелъ громкимъ и крикливымъ голосомъ, на подобіе церковныхъ дьячковъ, бумагу, въ которой рабочіе излагали настоящее положеніе дѣлъ, съ присокупленіемъ своихъ неудовольствій, жалобъ и требованій, причемъ должно признаться, что требованія ихъ были далеко не умѣреннаго свойства.

По прочтеніи бумаги, всѣхъ депутатовъ попросили выйти изъ комнаты, и въ отсутствіе ихъ фабриканты приступили къ обсужденію своего отвѣта.

Капиталисты вполголоса подняли горячій споръ, въ которомъ каждый упрямо прежняго и съ великою поспѣшностью предлагалъ снова первоначальное свое мнѣніе. Однако сторонники уступокъ взяли верхъ, большинствомъ одного только голоса. Меньшинство надменно и громко продолжало протестовать противъ такого образа дѣйствій, не стѣсняясь въ выраженіи своего неудовольствія даже и тогда, когда депутаты снова впущены были въ залу собранія. Гнѣвные взгляды и рѣчи этихъ джентльменовъ не укрылись отъ зоркихъ работниковъ, а имена ихъ горько врѣзались въ ихъ ожесточенныя измученныя души.

Отвѣтъ былъ таковъ: хозяева фабрикъ не могутъ, удовлетворить требованіямъ рабочихъ, но предлагаютъ имъ прибавку жалованья на одинъ шиллингъ въ недѣлю. Уполномочены ли депутаты принять такую уступку?

Да, они уполномочены принять или отвергнуть по своему усмотрѣнію всякое предложеніе, могущее въ этотъ день послѣдовать со стороны фабрикантовъ.

Въ такомъ случаѣ не лучше ли имъ опять выйти, чтобы основательно разсудить между собою, на что рѣшиться? Они вышли.

Отсутствіе ихъ продолжалось недолго. Они возвратились съ отвѣтомъ, что не желаютъ отступиться ни отъ одного изъ своихъ условий.

Тогда вскочилъ съ мѣста мистеръ Генри Карсонъ, глава и ораторъ крайней партіи фабрикантовъ, и обращаясь къ председателю, даже при нахмурившихся депутатахъ, предложилъ нѣсколько мѣръ,

которыя онъ, вмѣстѣ съ товарищами, придумалъ во время послѣдняго выхода полномочныхъ.

Мѣры эти состояли въ слѣдующемъ. Во-первыхъ собраніе брало назадъ только-что сдѣланное предложеніе о прибавкѣ, и въ то же время прекращало всякія сношенія между фабриками и этимъ цехомъ; во-вторыхъ объявляло, что впередъ никого не приметъ на свои работы, не получивъ съ желающаго росписку, что онъ не принадлежитъ ни къ одному изъ коммерческихъ клубовъ и обязуется не оказывать никакого содѣйствія какому-либо обществу, имѣющему цѣлью обсужденіе хозяйскихъ правъ; въ-третьихъ, что фабриканты обязуются всячески ободрять и поддерживать тѣхъ изъ рабочихъ, которые возьмутся за работу на вышерѣченныхъ условіяхъ, съ платою первоначально назначенной.

Если вспомнимъ, что депутаты, которые выслушивали теперь эту резолюцію насупившись и недовѣрчиво поглядывая изподлобья, всѣ принадлежали къ такому клубу и обществу и даже были тамъ наибольшими, то рѣчь Карсона сама по себѣ была для нихъ достаточно возмутительна. Но молодой человекъ не ограничился простымъ изложеніемъ своихъ условій: онъ пустился въ разборъ поведенія рабочихъ, въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ; каждое слово его, казалось, разливало еще сильнѣйшую блѣдность по лицамъ депутатовъ, зажигало въ глазахъ ихъ страшные огни. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ-было говорить, но его остановилъ мрачный взглядъ и пожатіе руки старшаго. Мистеръ Карсонъ сѣлъ на свое мѣсто; одинъ изъ друзей его тотчасъ всталъ и поддержалъ его мнѣніе. Оно одержало верхъ, хотя далеко не единодушно. Предсѣдатель объявилъ окончательное рѣшеніе полномочнымъ, которые еще разъ выходили изъ комнаты. Они выслушали въ мертвомъ молчаніи, ничего не отвѣчали и даже не поклонившись собранію ушли.

Надо знать, что во время засѣданія случилось одно побочное происшествіе, о которомъ въ газетахъ никто не упомянулъ, но которое могло бы многое объяснить впоследствии.

Пока депутаты стояли у двери при первомъ своемъ появленіи, мистеръ Гарри Карсонъ вынулъ свой карандашъ въ серебряной оправѣ и наскоро набросалъ на лоскуткѣ бумаги превосходную каррикатуру длинноногихъ, оборванныхъ, мрачныхъ и голодныхъ людей. Подъ рисункомъ онъ быстро написалъ извѣстное изрѣченіе жирнаго рыцаря въ шекспировомъ Генрихѣ IV, и передалъ каррикутуру своему сосѣду. Сосѣдъ тотчасъ узналъ въ ней предстоя-

щихъ, передалъ картинку дальше и она обошла весь столъ, возбуждая легкія улыбки и покачиванья головы. Когда рисунокъ опять попалъ въ руки автора, онъ оторвалъ листокъ письма, на которомъ была сдѣлана карриатура, смялъ ее въ рукѣ и бросилъ въ каминъ, не заботясь, куда упадетъ она. Бумажка ушла по сю сторону рѣшотки и сгорѣть не могла.

Все это внимательно подмѣтилъ одинъ изъ депутатовъ.

Онъ выждалъ, чтобы всѣ вышли изъ гостиницы, видѣлъ, какъ выходили джентльмены, смѣясь и обмѣниваясь шуточками, и пропустивъ ихъ мимо, вошелъ опять въ домъ. Тамъ онъ отыскалъ слугу, который узналъ его.

— Тамъ я видѣлъ одну картиночку, сказалъ рабочій слугѣ: ее бросилъ на полъ одинъ изъ джентльменовъ; а у меня дома парнишка есть, страшный охотникъ до картинокъ; позвольте мнѣ сходить за нею въ залу.

Добродушный и сговорчивый слуга тотчасъ повелъ его наверхъ, видѣлъ, какъ рабочій поднялъ бумажку и расправивъ ее, взглянулъ мелькомъ на эту бумажку и убѣдившись, что тутъ дѣйствительно какая-то «картинка», допустилъ челоуѣка унести ее съ собою.

Часамъ къ семи вечера множество фабричныхъ начало собираться въ клубной комнатѣ трактира подъ вывѣскою «Ткача»; комната эта, какъ говорилъ самъ трактирщикъ, назначалась только для самыхъ «веселыхъ оказій»; но на этотъ разъ, увы! служила сборнымъ мѣстомъ далеко не веселыхъ людей. Сходилась въ ней толпа голодныхъ, озлобленныхъ, отчаянныхъ людей, которые шли узнавать, какой отвѣтъ дали поутру хозяева депутатамъ. Послѣ чего — сказано было въ повѣсткѣ — джентльменъ, прибывшій изъ Лондона, будетъ имѣть честь произнести передъ собраніемъ рѣчь о настоящемъ положеніи дѣлъ между капиталистами и рабочими или, какъ онъ называлъ ихъ, между празднымъ и трудовымъ классами. Комната была невелика, но по совершенной пустотѣ своей, казалась просторною. Газовые рожки, безъ всякихъ колпаковъ и абажуровъ, обливали яркимъ свѣтомъ собраніе костлявыхъ и неумытыхъ работниковъ, которые входя только жмурились отъ излишняго освѣщенія.

Разсѣвшись по скамейкамъ, они ожидали депутатовъ. Наконецъ полномочные вошли и мрачно, съ затаенною яростью передали присутствующимъ рѣшеніе хозяевъ, не прибавляя къ нему ни разсужденій, ни толкованій. И тѣмъ глубже, тѣмъ больнѣе запала въ наболѣвшія сердца ихъ эти жесткія, безотрадныя слова.

Тогда вошелъ въ комнату «джентльменъ изъ Лондона», которому предварительно объявили хозяйское рѣшеніе.

Съ перваго взгляда очень трудно было-бы опредѣлить, что это былъ за человѣкъ, къ какому принадлежалъ сословію и какого рода воспитаніе онъ получилъ. Онъ казался до того самодовольнымъ, до того мало-серьбзнымъ, что поразительно отличался отъ этой толпы сердитыхъ, сосредоточенныхъ и свирѣпо настроенныхъ людей. Можно было принять его съ одинаковымъ вѣроятіемъ за некончившаго курсъ студента медицины, за неудавшагося актера или даже за обанкрутившагося лавочника. Общее впечатлѣніе, производимое имъ, было невыгодно, но въ частности свойства его были только сомнительны.

Въ отвѣтъ на неуклюжія привѣтствія всей публики онъ ухмыльнулся и, осмотрѣвшись кругомъ, спросилъ: не угодно ли будетъ честной компаніи позабавиться покамѣстъ трубками и пивомъ, потому что онъ-де скать за угощеніемъ не постоитъ.

Какъ образованный человѣкъ, привыкшій къ хорошей библіотекѣ, послѣ долгаго воздержанія кидается на попавшіяся ему книги, такъ эти бѣдняки, привыкшіе взирать на табакъ, пиво и подобныя прелести, какъ на высшія наслажденія въ жизни, просіяли отъ предложенія лондонскаго депутата. Табакъ и пиво притупляютъ мученія голода и заставляютъ человѣка, хоть на минуту, забыть свою бѣдную семью и горемычную будущность.

Подготовивъ такимъ образомъ свою аудиторію и расположивъ ее къ безусловному одобренію, лондонскій ораторъ всталъ въ позу: заложивъ лѣвую руку за жилетъ, онъ махнулъ правою по воздуху и началъ говорить крикливымъ, театральнымъ голосомъ.

Въ первомъ порывѣ краснорѣчія онъ восхвалялъ геройство древнихъ Брутовъ и неустрашимое мужество «милліоновъ манчестерскихъ жителей»; потомъ снизошелъ къ болѣе обыденнымъ житейскимъ вопросамъ и на этомъ поприщѣ тотчасъ оправдалъ довѣріе тѣхъ, которые выбрали и послали его своимъ полномочнымъ. Народныя массы, дѣйствующія по собственному усмотрѣнію, въ всякаго посторонняго вліянія, весьма часто умѣютъ распознавать природныя способности въ человѣкѣ. Жаль только, что онѣ такъ мало обращаютъ вниманія на частный характеръ и нравственныя правила личностей. Лондонскій депутатъ мигомъ предложилъ нѣкоторыя мѣры, составилъ цѣлый планъ дѣйствій. Онъ сочинилъ и тотчасъ набросалъ на бумагу планъ афиши или объявленія самаго

забористаго свойства, для прилѣпленія къ утру на стѣнахъ города; предложилъ немедленно разослать депутатовъ по другимъ городамъ, съ просьбою о поддержкѣ и помощи. Онъ открылъ подписку отъ коммерческихъ клубовъ на пожертвованіе въ пользу манчестерскаго, и во главѣ списка выставилъ очень порядочную сумму денегъ отъ имени того клуба, къ которому самъ онъ принадлежалъ въ Лондонѣ. Но что было всего важнѣе, и главное, всего неожиданнѣе, это то, что онъ тотчасъ же выложилъ и деньги, звонкими, блестящими золотыми соверенами! Деньги, увы! всего были нужнѣе. Но прежде чѣмъ бѣдняки успѣли раздѣлить ихъ на свои насущныя потребности, нѣкоторымъ изъ нихъ выданы были особо небольшія суммы, назначенныя на путешествія въ Глазго, Ньюкестль, Ноттингемъ и др. Во всѣ эти города дня черезъ два посылались депутаты, выбранные большею частью изъ числа тѣхъ самыхъ, которые ходили поутру на совѣщаніе съ фабрикантами. Лондонскій полномочный сообщилъ имъ еще нѣсколько писемъ, сказалъ еще одну возбудительную рѣчь, пожалъ руки всѣмъ поочередно и ушелъ; вслѣдъ за нимъ поспѣшно вышли изъ дома многіе изъ присутствовавшихъ на митингъ.

Всѣ вновь избранные депутаты и одинъ или два простыхъ рабочихъ остались въ залѣ, чтобы обсудить свои будущія дѣйствія и вообще поговорить другъ съ другомъ попроще, подомашнѣе, чѣмъ слѣдовало говорить при лондонскомъ джентльменѣ.

— Славный паренъ! началъ одинъ, кивнувъ пальцемъ въ дверь на ушедшаго депутата. — Нечего сказать, за словомъ въ карманъ не иолѣзеть.

— О, да! Этотъ знаетъ, что знаетъ. Слышали, какъ онъ важно обдѣлалъ всѣ эти штуки на счетъ Брута? Да и вѣдь говорить, что самъ готовъ такъ же убить собственного сына.

— Я своего тоже убью, если свяжется съ фабрикантами. Конечно, онъ мнѣ не сынъ, а пасынокъ, но вѣдь это все равно, прибавилъ другой.

Но вдругъ всѣ смолкли и всѣ глаза обратились къ тому члену утренней депутаціи, который возвращался въ отель за мастерскою каррикатурою рабочихъ, сдѣланной рукою Гарри Карсона.

Головы присутствующихъ тянулись и тѣснились къ картинкѣ, стараясь разсмотрѣть и посудить о сходствѣ.

— Вотъ это Джонъ Слетеръ! я его вездѣ узнаю, по большому носу. Господи! какъ похожѣ. А это я... ейбогу, ну точь въ точь

какъ и закалываю жилеть булавкою, чтобы не видать было, что я безъ рубашки. Вотъ срамъ-то! Этого я не потерплю.

Джонъ Слетеръ, сухощавый и угловатый заморышъ, съ проткимъ и унылымъ выраженіемъ лица, также освидѣтельствовалъ на картинкѣ свой носъ, и признавъ сходство, сказалъ:

— Чтожъ! я-бы не хуже ихъ всѣхъ умѣлъ посмѣяться шуткѣ, хоть-бы и самого меня подымали на-смѣхъ; но только не до шу; токъ теперь, на голодный-то желудокъ (глаза его наполнились слезами); не могу я позабыть и того, что дома у меня сидятъ голодные ребята; такъ и слышатся въ ушахъ тоскливые ихъ крики, и домой воротиться боюсь, и все думается: буду ли я слышать эти крики, если оконченное тѣло мое ляжетъ на дно того холоднаго канала? Тутъ, братъ, не расхохочешься. Мнѣ даже грустно видѣть, что кому-нибудь приходитъ охота смѣяться надъ такимъ дѣломъ, котораго они отроду не испытывали. Господи помилуй! Вѣдь вздумали же подымать на-смѣхъ народъ божій, когда у насъ все сердце кажись выболѣло съ горя да печали!

Джонъ Бартошъ началъ говорить, и всѣ обратились къ нему съ величайшимъ вниманіемъ.

— Мнѣ не только грустно, но душа кипитъ во мнѣ при видѣ такой насмѣшки надъ серьезными людьми. Смѣются надъ бѣднякомъ, который проситъ, чѣмъ-бы растопить печку для старой бабки, трясущейся отъ стужи; проситъ какого-нибудь войлока на подстилку и шерстяныхъ тряпицъ, чтобы прикрыть бѣдную жену, что мучится въ родахъ на мокрыхъ лохмотьяхъ; проситъ корку хлѣба для дѣтей, которые ужъ съ голоду и холоду охрипли и чуть слышными голосами пищать на полу... Потому что мы вѣдь этого и просимъ, братцы, когда просимъ прибавки жалованья. Чтò намъ, сластей что-ли надо? Не сластей, а чего-нибудь досыта набѣться. Не франтовскихъ халатовъ, не расцвѣченныхъ жилетокъ, а теплаго платя, чтобы прикрывало насъ съ головы до ногъ, нужды нѣтъ изъ чего оно будетъ сшито. Не надо намъ ихъ высокихъ палатъ, а надо прочный кровъ, чтò защитилъ бы насъ отъ дождя, снѣга и бури; и не только насъ, но тѣхъ беззащитныхъ крошекъ, которыя жмутся къ намъ на холодномъ вѣтру и жалкими глазенками спрашиваютъ, кчему мы ихъ родили на свѣтъ?

Онъ понизилъ голосъ почти до шопота и прибавилъ съ усиленіемъ:

— Я видѣлъ человѣка, который убилъ свое дитя, чтобы недолго

оно мучилось отъ голода; а человекъ—то былъ добрый и нѣжный отецъ!

Помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ своимъ обычнымъ тономъ.

— Мы идемъ къ хозяевамъ съ отягченными сердцами и просимъ того, что я говорилъ. Мы знаемъ, что у хозяевъ есть деньги, которыя мы сами для нихъ заработали; знаемъ, что торговля пошла шибче, что изъ чужихъ краевъ поступили большіе заказы, что за поставку хорошо платятъ фабрикантамъ; мы требуемъ своей доли этихъ денегъ. Мы разсуждаемъ такъ: если хозяева удержатъ наши заработки въ своихъ рукахъ, то у нихъ заведется еще больше лошадей и слугъ, пойдутъ наряды еще пышнѣе, балы еще лучше. Это все прекрасно, пусть себѣ дурятъ, но надо же и честь знать: пусть пируютъ, но и намъ слѣдуетъ выдать что-нибудь, за что же мы одни будемъ въ черномъ тѣлѣ? Намъ деньги нужны на хлѣбъ нашъ сущный, на поддержаніе грѣшнаго тѣла; и главное, не для насъ однихъ — Богъ видитъ, что многіе изъ насъ, и я первый, съ радостью и благодарностью приняли бы смерть, вмѣсто этой тяжелой жизни, — но нашимъ дѣтямъ надо жить, они еще не довольно натерпѣлись, не вѣдаютъ жизни, а смерти боятся. Хорошо, приходимъ мы къ хозяевамъ, разсказываемъ имъ все это и говоримъ, что если намъ не дадутъ хлѣба, мы не станемъ работать. Они отвѣчаютъ, «нѣтъ!» Кажись ужь и этого довольно, жестокое это слово; но нѣтъ-таки. Они еще рисуютъ съ насъ смѣшныя картинки! Ктѣ говоритъ, и я бы сѣумѣлъ надъ собою посмѣяться, какъ вонъ бѣдный Джонъ Слетеръ; но для смѣха надо, чтобы на душѣ было легко. А теперь у меня на душѣ лежитъ такая дума, что я жизни бы не пожалѣлъ, лишь бы отомстить тому искуснику, который не постыдился осмѣять бѣднаго ближняго, обиженнаго, страждущаго и измученнаго нищетою!

Въ толпѣ поднялся глухой, сердитый ропотъ, но никто не перебывалъ Бартона, и онъ продолжалъ.

— Вы можете подивились, братьцы, почему я сегодня утромъ промышкалъ и не явился съ вами на митингъ къ джентльменамъ. Я разскажу вамъ, какое у меня было дѣло. За мной присылалъ пасторъ, что служить при тюрьмѣ, велѣлъ побывать у Джонаса Хиггинботема, того самаго, что взялъ былъ на прошлой недѣлѣ за то, что облилъ купоросомъ прохожаго. Ну, надо было идти, я и пошолъ, но никакъ не думалъ, что это такъ долго меня задержать. Джонасъ

былъ словно помѣшанный, когда я пришолъ къ нему : говоритъ, что ни день, ни ночь покоя не знаетъ, все думаетъ, какъ онъ изобидѣлъ того человѣка ; припоминаетъ, какъ шолъ этотъ бѣдняга въ городъ, чуть живой и весь разбитый отъ усталости ; и думаетъ Джонасъ, что онъ можетъ-быть оставилъ дома семью, что тамъ ждутъ отъ него вѣсточки и не дождутся, или можетъ узнаютъ, что померъ ихъ кормилецъ. Всѣ эти мысли до того мучили Джонаса, что онъ не могъ сидѣть на мѣстѣ и все бродилъ въ своей тюрьмѣ изъ угла въ уголъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Наконецъ-то выдумалъ онъ, чѣмъ хоть немножко помочь горю : попросилъ пастора послать за мною, да и говоритъ мнѣ все это ; тотъ бѣдняга, говоритъ, лежитъ въ больницѣ, такъ ты сходи къ нему (сегодня такой день, что пускаютъ къ больнымъ посѣтителей). И далъ мнѣ Джонасъ серебряные часы, что достались ему послѣ старухи матери, и поручилъ продать ихъ какъ можно выгоднѣе, а деньги снести къ тому прихожему въ больницу и попросить его отослать ихъ къ своимъ, на родину, а его, Джонаса, простить великодушно за всю бѣду. Я все сдѣлалъ, какъ наказалъ мнѣ Джонасъ. Но если бы вы видѣли того, что въ больницѣ, вы бы на вѣкъ зареклись, также какъ и я, обливать людей купоросомъ, т. е. по крайней мѣрѣ прихожихъ. Лежалъ онъ лицомъ внизъ, и потому лица-то я видѣть не могъ ; но все его тѣло, каждый его суставчикъ тряся отъ боли. Чтобы заглушить свои стоны онъ хотѣлъ бы хоть руку себѣ кусать, но нельзя : каждое движеніе лицомъ бередитъ его раны. Онъ насилу разслушалъ меня, когда я сталъ говорить о Джонасѣ ; я звякнулъ деньгами, онъ схватилъ меня за руку ; а когда спросилъ я, какъ зовутъ его жену, онъ только закричалъ : «Мери, Мери ! Неужели я никогда не увижу тебя ! Милая Мери, они сдѣлали меня уродомъ, за то что я хотѣлъ работать для тебя и для маляюточки нашей ! О Мери, Мери !» Тутъ пришла сидѣлка, сказала, что онъ бредитъ и что отъ меня ему стало хуже. Мнѣ и самому показалось, что это правда ; а между тѣмъ, какъ хотѣлось поскорѣе узнать адресъ его жены ! Вотъ это-то меня и задержало, братцы.

— Добился ли ты наконецъ, гдѣ живетъ эта жена ? спросило нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ ; онъ все бредилъ о ней, да такъ жалко, что у меня все сердце разрывалось. Просилъ я сидѣлку узнать, гдѣ эта женщина и какъ ее зовутъ. Но я вѣдь зачѣмъ все это рассказывалъ ? во-первыхъ, чтобы объяснить вамъ, почему я не явился сегодня на

депутацию; а во-вторыхъ, всёми вамъ объявляю, что вдоволь я на-смотрѣлся на обиженнаго прихожаго, и за себя по крайней мѣрѣ ручаюсь, что никогда больше не пострадаетъ отъ меня ни одинъ изъ нихъ.

Рабочіе заворчали и выказали довольно рѣшительное неудовольствіе оратору; но Джонъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Нѣтъ, вовсе я не трусь, возразилъ онъ, и не побоюсь никого. Но чего очень бы мнѣ хотѣлось, — такъ это подраться съ джентльменами. Кто-то изъ васъ обозвалъ меня сейчасъ трусомъ. Чтожъ! у каждого свое мнѣніе; но я сегодня многое обдумалъ и мнѣ показалось, что до сихъ поръ мы-то всё и были трусами, когда нападали на такихъ же горемыкъ какъ мы сами, на беззащитныхъ бѣдняковъ, которымъ приходится выбирать между голодною смертью и купоросомъ. Да, я утверждаю, что въ этомъ больше подлости, нежели въ томъ, чтобы оставить ихъ въ покоѣ. А я бы не тó сдѣлалъ...

— Хозяева навлекли на насъ всё эти бѣды; пусть хозяева и поплатятся. Кто меня здѣсь назвалъ трусомъ? Попробуй, не го-жусь ли я на что! Употребите меня на борьбу съ фабрикантами, тогда увидите, стану ли я запинаться.

— Небось, хозяева струхнули бы маленько, если бы хоть одного изъ нихъ избить до полусмерти, сказалъ одинъ изъ рабочихъ.

— Да, или исколотить вовсе до смерти, прошепталъ другой.

Слово за слово, замѣняя нѣкоторыя слова выразительными взглядами, они составили заговоръ на смерть. Рѣчи ихъ становились все тише и глуше, смыслъ рѣчей все глубже и мрачнѣе, взоры выражали ужасъ, который внушала имъ собственная мысль, и, странно сверкая глазами, они взглядывали другъ на друга. Стиснутые кулаки, сжатые зубы, блѣдныя лица, все свидѣтельствовало о страданіи, которому они добровольно подвергались, обсуждая свое преступленіе и заранѣе свыкаясь съ его подробностями.

Затѣмъ послѣдовала одна изъ тѣхъ страшныхъ клятвъ, которыми связали себя члены этаго клуба. Потомъ они снова сошлись въ ярко освѣщенной газомъ залѣ, для окончательнаго совѣщанія. Уже съ недовѣріемъ преступниковъ поглядывали они другъ на друга; каждый боялся своего сосѣда. Разорвавъ на лоскутки клочекъ бумаги (то самое письмо, на которомъ поутру нарисована была карриатура) они на *одномъ* только доскуточкѣ сдѣлали отмѣтку; потомъ всё от-

рывки одинаково свернули, скатали и всыпали въ шляпу. Газъ въ комнатѣ затушили и въ темнотѣ каждый вынулъ до одной бумажкѣ. Снова зажгли огонь. Каждый изъ участниковъ отошелъ какъ можно дальше отъ товарищей, и тайкомъ заглянулъ въ свою бумажку; всѣ лица были какъ окаменѣлыя, ни на одномъ нельзя было прочесть жребія.

Въ мертвомъ молчаніи каждый взялъ свою шляпу и всѣ разошлись.

Тотъ кто вынулъ отмѣченную бумажку, обязался быть убійцею; онъ подялся не измѣнить жребію. Но никто, кромѣ Бога и собственной его совѣсти не вѣдалъ, кому достался жребій!

ГЛАВА XVII

Прости... Какъ много въ этомъ звукѣ
Печальныхъ тайнъ заключено!..

Происшествія, описанныя въ послѣдней главѣ, случились во вторникъ. Въ четвергъ послѣ обѣда Мери хлопотала дома по хозяйству и нѣсколько удивилась при появленіи Вилля Вильсона. Лицо его показалось ей страннымъ; и точно, странно было видѣть на этомъ лицѣ что-либо кромѣ обычнаго, добродушнаго веселья. Онъ держалъ въ рукѣ какую-то бумагу и вошедши сѣлъ на стулъ, такъ спокойно и тихо, какъ никогда.

— А-а, Вилль! Что это съ тобой сдѣлалось? Ты какъ-будто не въ духѣ, или огорченъ.

— Именно такъ, Мери. Я пришолъ прощаться. А кто же охотникъ до прощанья съ такими людьми, которыхъ любишь?

— Прощаться! Господи, какъ скоро, Вилль. Отчего такъ?

Она оставила свое глаженье и подошла къ камину. Мери всегда любила Вилля; но въ эту минуту, узнавъ о скоромъ его отъѣздѣ, она почувствовала къ нему внезапный приливъ самой искренней, братской нѣжности.

— Отчего же это такъ скоро? повторила она опять.

— Да, ужасно скоро, проговорилъ онъ тихо и задумчиво. — Нѣтъ впрочемъ, оно вовсе не такъ скоро, продолжалъ онъ вдругъ встрепенувшись и заговоривъ поживѣе. Вѣдь капитанъ мнѣ самъ сказалъ тогда, что черезъ двѣ недѣли мы готовы будемъ къ отплытію.

Но мнѣ—то это показалось ужасно скоро, потому что я такъ сильно привязался ко всѣмъ вамъ.

Мери поняла и подумала, что кромѣ этой всеобщей привязанности была еще и особенная зазноба; но сказала только:

— А вѣдь нѣтъ двухъ недѣль съ твоего пріѣзда. Неужели прошло уже двѣ недѣли, съ тѣхъ поръ, какъ ты постучался въ дверь Джени Вильсонъ, когда и я тамъ была, помнишь? Какія же тутъ двѣ недѣли?

— Да, я знаю, что не прошло еще. Но видишь ли что, я сегодня получилъ письмо отъ Джека Гарриса: онъ пишетъ, что мы отплываемъ во вторникъ на той недѣлѣ. А я уже давнымъ—давно общалъ дядѣ (брату моей матери, что живетъ на островѣ Менъ, за Рамсеемъ) общалъ побывать у него и у другихъ родныхъ въ той сторонѣ, какъ только пріѣду на твердую землю. Вотъ и надо отправляться. Мнѣ это очень грустно, но не слѣдуетъ обижать родственникововъ покойницы матушки. Надо идти. Ты меня не держи! произнесъ онъ торопливо, какъ—будто боясь, чтобы не поколебали его рѣшимости усиленными просьбами.

— Я и не думаю удерживать, Вилль. Мнѣ кажется, ты совершенно правъ; только мнѣ все—таки очень жалко, что ты уѣзжаешь. Такъ скучно оставаться! Когда же ты ѣдешь?

— Сегодня; я васъ больше не увижу.

— Сегодня! и ѣдешь въ Ливерпуль? Можетъ—быть вы съ батюшкой вмѣстѣ поѣдете? онъ вѣдь тоже чрезъ Ливерпуль отправляется въ Глазго.

— Нѣтъ, я пѣшкомъ; а отецъ твой вѣрно поѣдетъ.

— Какъ пѣшкомъ! съ какой же это стати? По желѣзной дорогѣ доѣдешь туда за три шиллинга и шесть пенсовъ.

— Это такъ, Мери! Но ты пожалуйста не говори этого никому: у меня въ карманѣ не осталось не только трехъ шиллинговъ, но даже и шести пенсовъ. Въ Ливерпуль я отдалъ трактирщицѣ на сбереженіе столько, что достанетъ и на проѣздъ на Менъ и обратно, и еще кое—что на подарки; а остальное взялъ съ собою сюда, и все истратилъ кромѣ вотъ этого. Онъ звякнулъ въ горсти нѣсколькими мѣдными монетками.

— Чтожъ такое, что за важность мнѣ пройти миль тридцать пѣшкомъ? продолжалъ онъ, видя, что Мери серьезно опечалилась. Ночи нынче свѣтлыя, я выйду пораньше съ вечера и дойду до мѣста прежде чѣмъ менскій пароходъ уйдетъ съ пристани. Куда ѣдетъ

твой батюшка? Въ Глазго? Въ такомъ случаѣ намъ можетъ-быть все-таки доведется прогуляться вмѣстѣ, потомучто, если я не застану менскаго парохода, то поѣду на шотландскомъ. Да зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Глазго? Работы что-ли искать? Напрасно, тамъ говорить торговля идетъ не лучше здѣшняго.

— Нѣтъ, онъ это знаетъ, какая ужь тутъ работа! отвѣчала Мери съ грустью. Мнѣ иногда кажется, что онъ уже никогда больше не примется за дѣло и что торговля никогда не поправится. Трудно намъ, Вилль, не падать духомъ! Если бы я была мальчикомъ, я бы уѣхала съ тобой въ море. Хоть горькихъ вѣстей-то тамъ не слышишь, все лучше; а здѣсь, чуть кто переступилъ черезъ порогъ, сейчасъ скажетъ что-нибудь печальное или тяжодое. Батюшка отправляется депутатомъ отъ своего клуба, просить помощи у рабочихъ въ Глазго. Онъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ.

Мери вздохнула, потомучто ей опять пришло на умъ, какъ скучно оставаться одной!

— Ты говоришь, что всякій, кто входитъ сюда, терпитъ какое-нибудь горе? спросилъ молодой морякъ съ безпокойствомъ. А какъ ты думаешь, у Маргариты Дженнингсъ тоже есть какая-нибудь печаль?

— Нѣтъ! отвѣчала Маргарита слегка улыбаясь: — Маргарита кажется одна изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ избавлена отъ горя и заботъ. Ея слѣпота чуть ли не послужила ей къ счастью. Она ужасно убивалась, пока думала и ждала что ослѣпнетъ, а теперь, какъ уже все кончено и она совсѣмъ лишилась зрѣнія, то какъ-будто успокоилась и повеселѣла. Да, Маргарита кажется счастлива.

— А мнѣ бы почти хотѣлось, чтобъ она не такъ была счастлива, сказалъ Вилль задумчиво. Мнѣ было бы такъ пріятно ухаживать за нею, утѣшать ее, любить и лелѣять, если бы она была въ горести!

— Отчего же ты не хочешь ее любить и лелѣять теперь, когда она счастлива? спросила Мери.

— О, я самъ не знаю. Но она такъ лучше, такъ выше меня... И какой голосъ! когда я ее слушаю и вникаю при этомъ въ свои собственныя чувства и желанія, то мнѣ кажется до того дико и неприлично предлагать ей руку и сердце, какъ-будто она крылатый ангелъ; сошедшій съ небеси.

Тутъ Мери, не смотря на всѣ свои печали, неволью размѣялась при этомъ уподобленіи Маргариты ангелу: при всей пылкости своего воображенія, развитаго притомъ въ модномъ магазинѣ, она

не могла себя представить, куда и какъ придѣлать крылья къ коричневому капоту изъ фланели, или къ синему ситцевому платью съ желтыми крапинками.

Вилль тоже засмѣялся, по сочувствію къ ея веселому и свѣженькому хохоту, но тотчасъ сказалъ :

— Да, хорошо тебѣ смѣяться, Мери; это только доказываетъ, что ты никогда влюблена не бывала.

Щеки Мери мгновенно зардѣлись какъ макъ и прекрасные темносѣрые глаза ея наполнились слезами. Она не знаетъ любви! она, которая такъ много уже пострадала отъ этой любви, отъ сомнѣній и ожиданій, порождаемыхъ любовью! Это просто недальнато съ его стороны. Но онъ не замѣтилъ ничего, не видалъ даже ея перемѣны въ лицѣ; но видя, что она молчитъ, онъ продолжалъ :

— Я думаю... я полагаю, что когда ворочусь изъ этого плаванія, то можно будетъ говорить съ нею. Это будетъ мое четвертое плаваніе на одномъ и томъ же кораблѣ, подъ начальствомъ одного капитана, и онъ обѣщалъ сдѣлать меня подшкиперомъ послѣ этого путешествія; вотъ тогда мнѣ будетъ что предложить Маргаритѣ и я буду въ состояніи содержать ее вмѣстѣ съ ея дѣдушкой и тетей Алисой, которые должны же съ нею жить, чтобы ей не было скучно во время моихъ морскихъ поѣздокъ. Однако я разсуждаю, какъ-будто увѣренъ, что она меня полюбила и согласится выйти за меня. Какъ ты думаешь, Мери, нравлюсь ли я ей хоть сколько-нибудь? И онъ съ волненіемъ ждалъ отвѣта.

Мери имѣла на этотъ счетъ очень положительное мнѣніе, но не считала себя въ правѣ сообщать его Виллю, и потому сказала только :

— Объ этомъ надо спросить Маргариту, Вилль, а не меня. Она со мною никогда не говорила о тебѣ.

Вилль безотрадно понурилъ голову.

— Впрочемъ, продолжала Мери: я нахожу, что это добрый знакъ въ такой дѣвушкѣ какъ Маргарита. Я не имѣю права сказать тебѣ все, что я объ этомъ думаю, но будь я на твоемъ мѣстѣ — ни за что бы не уѣхала, не поговоривъ съ нею откровенно.

— Нѣтъ, не могу я говорить! Ужь пробовалъ. Ходилъ къ нимъ прощаться, но слова такъ и стоятъ въ горлѣ. Ничего не могъ выговорить, что прежде задумалъ; а предлагать ей руки я и думать не смѣлъ, прежде окончанія теперешняго плаванія; ноъ буду шкиперомъ, тогда другое дѣло. А теперь не могъ рѣшиться предложить ей

даже вотъ этотъ ящикъ, продолжалъ онъ развертывая бумажный свертокъ и доставая оттуда пестро изукрашенный ящикъ съ музыкой. Мнѣ ужасъ какъ хотѣлось купить ей что-нибудь и думать я, что если это будетъ что-нибудь по музыкальной части, то можетъ быть ей покажется пріятнѣе... Ну, Мери, сдѣлай милость, потрудиись отдать ей этотъ ларчикъ отъ меня, когда я уѣду. Да еще, Мери, мельзя ли при этомъ сказать ей что-нибудь такое нѣжное, ласковое, такое какъ я чувствую; если ты скажешь, это вѣдь ничего?

Мери обѣщала сдѣлать все, что ему хочется.

— Много ночей продумаю я о ней, стоя на часахъ у руля, въ южномъ океанѣ. Хотѣлось бы мнѣ знать, вспомнить ли она когда обо мнѣ, когда подыметъ съ моря буйный вѣтеръ и зазвиститъ въ трубы... Ты почаще говори ей обо мнѣ, Мери. А если случится со мной что-нибудь недоброе, то расскажи ей, какъ нѣжно, какъ сильно я любилъ ее; и попроси ее отъ меня, отъ имени человека, цѣнившаго ее такъ высоко, утѣшить и приголубить мою бѣдную тетю Алису. Милая старушка моя! Вы съ Маргаритою вѣрно часто станете ее навѣщать; такъ вѣдь, Мери? Она сильно постарѣла и ослабѣла со времени моей прошлой побывки. А какая добрая всегда была! Когда я жилъ у ней, еще крошечнымъ мальчикомъ, то всегда просыпался, когда сосѣди стучались къ ней въ дверь. То бѣденъ кто-нибудь, то ребенка укачать не могутъ, и какъ бы ни устала она накануне, какая бы тяжелая стирка ни ожидала ее на слѣдующее утро, всегда бывало вскочить, мигомъ одѣнется и пойдетъ.

Хорошее было время! Какъ я радовался, когда она бывало возьметъ меня съ собою въ поле, травки собирать. Съ тѣхъ поръ я не разъ пивалъ чай въ самомъ Китаѣ, но они и вполовину не были такъ вкусны, какъ тѣ травки, которыми она поила меня по воскресеньямъ. И сколько она знала исторій про разныя растенія, про птицъ и всякіе ихъ обычаи! Потому она рассказывала мнѣ о своемъ дѣтствѣ, и мы съ ней загадывали когда-нибудь съ божьей помощью (это ея всегдашнее слово) поѣхать въ ея родное гнѣздо, за Ланкастромъ, и тамъ, если можно, поселиться въ старомъ ихъ коттеджѣ. Дѣхъ, Боже мой! Какъ это все переменялось! Тетя до сихъ поръ живнетъ тутъ въ какомъ-то манчестерскомъ переулкѣ и кажется никогда не попадетъ на родную сторону; а я, морякъ, вотъ въ Америку отправляюсь на той недѣлѣ. Какъ бы я желалъ, чтобы она какъ-нибудь побывала въ Бертонѣ, передъ своею кончицей.

— Да, можетъ-быть она нашла бы тамъ все въ другомъ видѣ и

это было бы ей грустно, сказала Мери, хотя въ душѣ она вполнѣ сочувствовала желанію Вилля.

— Ну да, конечно, вѣроятно все къ лучшему. Одно меня впрочемъ смущаетъ, и я такъ сильно думаю объ этомъ, когда одинъ стою на вахтѣ, среди далекаго, глубокаго моря, въ тѣ минуты, когда уже никакой сорванецъ не въ состояніи отбиться отъ серьёзныхъ мыслей о прошедшемъ и будущемъ; въ эти-то минуты мучить меня мысль, что я прежде огорчалъ мою бѣдную тетю. О Мери! какъ мучительно и горько припоминаются многія необдуманная слова, когда воображаешь, что никогда уже не встрѣтишься съ тѣмъ, кого обидѣлъ или огорчилъ!

Нѣсколько времени оба стояли молча. Вдругъ Мери очнулась и проговорила:

— Я слышу, батюшка идетъ. А рубашка-то его все не выглажена!

Она бросилась къ утюгамъ и поспѣшила наверстать потерянное время.

Джонъ Бартонъ вошелъ. Вилль подумалъ, что отроду не видывалъ еще такого дико-блуждающаго взгляда, такого блѣднаго, безпокойнаго лица. Бартонъ взглянулъ на него, но не сказалъ ни слова привѣтствія, даже не поздоровался.

— Я пришолъ съ вами проститься, сказалъ морякъ. И по добротѣ души хотѣлъ-было распространиться на счетъ дружескихъ чувствъ и прочаго, но Джонъ разомъ остановилъ его отрывистымъ отвѣтомъ:

— Такъ прощай, да и все тутъ.

По всему видно было, что ему хочется поскорѣе отвязаться отъ своего гостя; замѣтивъ это, Вилль пожалъ руку Мери и взглянувъ на Джона, остановился въ недоумѣніи, подать ли ему руку или нѣтъ. Но Джонъ не ободрилъ его ни словомъ, ни движеніемъ, и юноша собрался уйти; но на порогъ остановился и сказалъ-таки:

— Во вторникъ ты обо мнѣ вспомни, Мери. Джонъ Гаррисъ говорить, что въ этотъ день мы снимаемся съ якоря.

Мери очень искренно опечалилась, когда дверь затворилась за нимъ: точно ясное солнышко вышло изъ комнаты. А отецъ-то, что это съ нимъ? Какой онъ безпокойный и смутный! Не говоритъ ничего (хоть бы ужъ заговорилъ!), а только все оглядывается, да бродитъ взадъ и впередъ; то встанетъ, то сядетъ и начнетъ утюги перешивать. А лицо такое сердитое! Она старалась угадать, что

его прогнѣвило : присутствіе ли Вилля, или то, что она еще не кончила своего дѣла? Наконецъ она не вытерпѣла; нервическое безпокойство его овладѣло и ею; ей было неловко; надо сказать что-нибудь.

— Когда вы уѣзжаете, батюшка? я право не знаю, въ которомъ часу отходятъ поѣзды.

— Начто жъ тебѣ знать? перебилъ онъ грубо и отрывисто. — Ты знай свое глаженье, а не въ свое дѣло не мѣшайся, и глупыхъ вопросовъ не дѣлай.

— Я хотѣла передъ отъѣздомъ приготовить вамъ что-нибудь поѣсть, отвѣчала она кротко.

— Какъ-будто не знаешь, что я приучаюсь обходиться безъ ѣды, проговорилъ онъ.

Мери взглянула на него, чтобы узнать шутить онъ или нѣтъ. Нѣтъ! онъ ужасно серъезенъ и строгъ.

Она кончила глаженье и принялась готовить ужинъ, въ которомъ, по ея мнѣнію, сильно нуждался отецъ. Опытъ научилъ ее распознавать различныя степени голода, и видя отца до такой степени раздражительнымъ, она все приписывала недостатку пищи.

Ему выдали на проѣздъ въ Гласго цѣлый соверенъ, изъ котораго онъ далъ Мери утромъ нѣсколько шиллинговъ; такимъ образомъ она могла купить довольно провизіи и теперь только о томъ и старалась, чтобы кушанье вышло какъ можно привлекательнѣе.

— Если ты это для меня дѣлаешь, Мери, то напрасно трудишься. Я уже сказалъ тебѣ, что ѣсть не стану.

— Хотя немножко, батюшка, на дорогу только! упрашивала Мери съ настойчивою заботливостью.

Въ эту минуту, недумано-негадано явился Джобъ Легъ. Приходилъ онъ не часто, но когда приходилъ, то Мери знала по опыту, что визиты его были не коротки. Бартонъ, который только-что началъ смягчаться и какъ-будто оттаивать подъ влияніемъ сладкаго голоса умоляющей Мери, вдругъ снова впалъ въ свое мрачное уныніе и безпокойство; опять онъ нервически заметался на мѣстѣ и едва привѣтствовала Джоба легкимъ поклономъ, безъ котораго уже невозможно было обойтись, принимая гостя подъ собственнымъ своимъ зровомъ. Но Джобъ не гонялся за церемоніями: онъ пришолъ навѣстить человѣка и такими пустяками нельзя было сбить его съ толку. Притомъ же его очень интересовало бартоново путешествіе въ Гласго и хотѣлось лично обо всемъ пораспросить. Поэтому онъ сѣлъ

и устроился какъ можно спокойнѣе ; Мери ясно видѣла, что онъ намѣренъ посидѣть!

— Такъ въ Гласто, что ли? началъ Джебъ свои разспросы.

— Да.

— Когда отправляешься?

— Сегодня.

— Извѣстно; да съ которымъ поѣздомъ?

Этого-то именно и нужно было Мери; но этого-то повидимому Бартонъ и не расположенъ былъ объявить. Онъ, ничего не говоря, всталъ и пошелъ наверхъ. Что походкѣ его и всѣмъ движеніямъ, Мери ясно видѣла, что онъ сильно раздражонъ и боялась, чтобы Джебъ также не замѣтилъ этого. Но нѣтъ! Джебъ оставался невозмутимъ. Тѣмъ лучше, думала она, можетъ-быть я успѣю загладить отцовскую суровость, если сама постараюсь угодить такому доброму другу.

— Когда отецъ-то вѣдетъ, Мери?

Опять этотъ проклятый вопросъ!

— О, очень скоро. Я вотъ тороплюсь приготовить ему кой-какой ужинъ на дорогу. Какъ здоровье Маргариты?

— Спасибо, все ладно. Сегодня она хочетъ сходить на часокъ или два къ Алисъ Вильсонъ, когда племянникъ ея уѣдетъ изъ города; ей кажется, что старухѣ будетъ тогда очень скучно, сгрустнется чай. А кто же платитъ за твоего отца, клубъ что-ли?

— Да, ему выдали соверенъ. Вы тоже принадлежите къ этому клубу, Джебъ?

— Какъ же! Я членъ. Но только имъ отъ меня никакого толку нѣтъ. Я принужденъ былъ вступить въ члены просто ужь для всеобщаго успокоенія, а общихъ дѣлъ съ ними не имѣю. Они, видишь ли, считаютъ себя умниками, а меня дуракомъ за то, что я съ ними не согласенъ. Ну, въ этомъ еще большой бѣды нѣтъ. Но то плохъ, что они не оставляютъ меня въ покоѣ съ моею глупостью, а непремѣнно хотятъ сдѣлать меня умнымъ; ну, а мнѣ кажется, что это уже противно британской вольности. Они насильно хотятъ воспитать меня по-своему, а такъ какъ я этого вовсе не желаю, то они меня преслѣдуютъ, надобѣдаютъ и досаждаютъ мнѣ.

Что это отецъ дѣлаетъ наверху? Ходитъ тамъ, стучитъ чѣмъ-то. Что онъ не идетъ внизъ? Хоть бы Джебъ ушелъ поскорѣе, по крайней мѣрѣ. Ужинъ того и гляди испортится.

Но Джебъ и не думалъ уходить.

— Видишь ли, Мери, въ чемъ состоитъ моя глупость: я беру только то, что можно взять, люблю брать синицу въ руки. По-моему лучше взять полкраюшки хлѣба, чѣмъ вовсе сидѣть безъ хлѣба. Я бы скорѣе согласился работать по пониженной цѣнѣ, чѣмъ сидѣть сложа руки и умирать съ голоду. Вдругъ собирается клубъ, и мнѣ говорятъ: если ты возьмешь полкраюшки, мы тебя замучаемъ до смерти; что хочешь: съ голоду умирать, или отъ нашихъ докукъ? Я разсуждаю, что съ голоду можно умереть тихо и спокойно, а коли мучить будутъ, такъ хуже; вотъ и выбираю голодную смерть и продолжаю себѣ ходить въ клубъ. А все-таки хотѣлось бы мнѣ, чтобы оставили меня въ покоѣ, коли я глупъ.

Кре, кре, заскрипѣли ступеньки лѣстницы. Наконецъ-то отецъ идетъ внизъ.

Да, онъ сошолъ, но еще суровѣе и сердитѣе прежняго и совсѣмъ уже собрался въ дорогу: въ рукѣ онъ несъ свой узелокъ. Онъ подошолъ къ Джобу и простился съ нимъ гораздо вѣжливѣе, нежели Мери ожидала. Потомъ обратился къ ней и отрывисто, холодно исполнилъ церемонію прощанія.

— О, батюшка, не уходите, ради Бога! Ужинъ вашъ готовъ на столѣ, останьтесь хоть на одну минутку.

Онъ оттолкнулъ ее въ сторону и вышелъ. Она послѣдовала за нимъ къ двери; глаза ея внезапно наполнились слезами, и глядя влѣдъ отцу, она остановилась на порогѣ. Какой онъ странный, молодой, строгій! Какъ вдругъ, дойдя до воротъ, онъ обернулся; увидя ее все на томъ же мѣстѣ, быстро воротился и обнялъ ее обѣими руками.

— Господь съ тобою, моя Мери! Отецъ небесный да благословитъ тебя, бѣдное дитяtko!

Она обвила руками его шею.

— Не уходите же, батюшка; у меня сердце надрывается, отпустила васъ такъ. Войдите назадъ, покушайте чего-нибудь; а то вы такой бѣдный, что меня страхъ беретъ. Пожалуйста, милый батюшка!

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ грустно и очень тихо. Лучше идти. Я не могу ѣсть и лучше мнѣ уйти отсюда. Я не могу быть покоенъ дома. Мнѣ надо шевелиться, дѣйствовать.

Говоря это, онъ тихо рѣзнялъ ея нѣжныя, ласкающія руки, и поцѣловавъ ее еще разъ, быстро ушолъ.

Ушолъ и скрылся. Она сама не понимала, что съ нею дѣлается,

но никогда еще не бывало ей такъ грустно, такъ тяжело. Она от-вернулась и пошла обратно въ комнату, гдѣ Джобъ все-еще сидѣлъ, не двигаясь съ мѣста. Джонъ Бартонъ, какъ только скрылся изъ вида, пошелъ тише, той тяжелой и безостановочной походкою, ко-торая лучше всякихъ словъ выражаетъ слабость тѣла и безотрадное состояніе души. Становилось уже темно, а онъ все шагаль впередъ, не отвѣчая ни на одно привѣтствіе по дорогѣ.

Какъ вдругъ ему послышался дѣтскій крикъ. Въ эту минуту онъ только-что раздумался о маленькомъ Томѣ, объ умершемъ сынѣ своемъ, посланномъ ему еще въ счастливыя прошедшія времена. Онъ тотчасъ пошелъ на крикъ этого ребенка (который могъ бы быть и его дѣтищемъ) и наткнулся на бѣднаго малютку, который сбился съ дороги и въ глубокой тоскѣ своей только и могъ выговаривать одно слово: Мама! мама! Джонъ Бартонъ съ нѣжнымъ искусствомъ успѣлъ утѣшить мальчугана и съ удивительнымъ терпѣніемъ добил-ся изъ отрывочныхъ, картавыхъ его выраженій кой-какого смысла. Руководствуясь этими намеками и свѣденіями, полученными тамъ и сямъ отъ прохожихъ, онъ привелъ крошку домой, гдѣ мать, погру-женная въ хозяйственные хлопоты, не замѣчала еще его отсутствія, но теперь очень благодарна была Бартону за услугу и краснорѣчи-во выразила ему свою горячую ирландскую признательность и бла-гословенія. Услыша слова благословенія, онъ уныло покачалъ голо-вою и воротился назадъ, чтобы попасть на свою прежнюю дорогу.

Тутъ мы его и оставимъ.

Послѣ его ухода, Мери взяла свою работу и шила, шила, стараясь вслушиваться въ рѣчи Джоба, который повидимому удивительно разо-хотился болтать. Она подавила нетерпѣніе, возбужденное въ ней сначала этою болтовней, и принудила себя предложить ему отцов-скій нетронутый ужинъ. Она попробовала даже и сама поѣсть чего-нибудь, но кусокъ не пошелъ въ горло. Какая-то свинцовая тя-жесть лежала у ней на сердцѣ, точно предчувствіе какого-то зла; а можетъ-быть просто сильная грусть, естественное послѣдствіе двухъ такихъ печальныхъ проводовъ въ этотъ вечеръ.

Долго-ли Джобъ Легъ будетъ сидѣть тутъ? думала она. Ей не хотѣлось при немъ положить работу и заплакать; но никогда въ жизни ей еще такъ не хотѣлось остаться одной и хорошенько вы-плакаться.

— Ну, Мери, послышался ей опять голосъ Джоба: я думалъ, что тебѣ скучненько будетъ оставаться сегодня дома одной-одине-

пенькѣ; а такъ какъ Маргарита пошла сегодня развлекать нашу старуху, то я взялся посидѣть съ молоденькою; и славный провели мы съ тобою вечерокъ; право, поболтали таки преизрядно. Удивляюсь только, что это Маргарита нейдетъ.

— Да она можетъ-быть ужъ воротилась, сказала Мери.

— Нѣтъ, нѣтъ; ужъ я все устроилъ. Видишь? — и онъ вытащилъ изъ кармана большой ключъ отъ ихъ квартиры.

— Неужто она станетъ стоять на улицѣ и выжидать меня, когда знаетъ гдѣ я? Ужъ конечно нѣтъ.

— Такъ она одна придетъ? спросила Мери.

— Одна. Сначала я очень боялся пускать ее одну, и обыкновенно ходилъ за нею самъ, разумѣется безъ ея вѣдома. И чтоже? Ходить себѣ, моя голубушка, какъ ни въ чемъ не бывала; конечно, тихо идетъ, и все время голову немножко на бокъ пригибаетъ, прислушивается, — а идетъ, ничего! И вѣдь любо глядѣть, какъ она напризмѣръ черезъ улицу переходить: сначала послушаетъ по сторонамъ, все ли тихо; и не то-чтобы вовсе ничего не видала, вѣдь видитъ, коли передъ ней телѣга или карета — пятно видитъ. А не можетъ различить, близко-ли, далеко-ли; такъ она и слушаетъ... Чу! да вотъ и она.

Да, она; вошла по обыкновенію тихо и спокойно, но все лицо ея было въ слезахъ и выражало глубокое горе.

— Что случилось, моя голубка? спросилъ Джобъ поспѣшно.

— О, дѣдушка! — Алисъ Вильсонъ очень дурно!.. Больше она ничего не могла выговорить, потому что отъ волненія едва переводила духъ. Утреннее прощаніе съ Виллемъ и разставанье и такъ уже довольно ослабили ея нервы.

— Что такое, расскажи Маргарита! сказала Мери, усаживая ее въ кресло и развязывая ленты ея шляпки.

— Должно-быть параличъ разбилъ. По крайней мѣрѣ у ней на вѣрное отнялась одна половина тѣла.

— Это случилось еще прежде отъѣзда Вилля? спросила Мери.

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ еще до моего прихода, отвѣчала Маргарита: и я застала ее почти такую-же, какъ она всегда была въ последнее время. Говорила немножко, хотя конечно не много, потому что вѣдь вы знаете, мистриссъ Вильсонъ сама любитъ говорить обо всемъ. Алиса встала, чтобы перейти черезъ комнату, и вдругъ я слышу, что она волочитъ за собою ногу, а потомъ и упала на полъ. Мистриссъ Вильсонъ подбѣжала къ ней, завопила страшнымъ голо-

лосомъ! Я осталась съ Алисой, а она пошла за докторомъ; но какъ я ни спрашивала, Алиса ничего не могла отвѣчать мнѣ, видно языкъ отнялся.

— Гдѣ-же былъ Джемъ? Отчего не онъ пошелъ за докторомъ?

— Его не было, когда я пришла, и онъ вовсе не приходилъ домой сегодня.

— Но неужели ты оставила мистриссъ Вильсонъ одну съ бѣдной Алисой? быстро спросилъ Джобъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Маргарита. Но Боже мой! дѣдушка, теперь-то я почувствовала, какое горе, что я потеряла зрѣніе! Мнѣ было бы такъ пріятно походить за нею; я даже попробовала, но сама увидала, что дѣлаю больше вреда, чѣмъ пользы. Ахъ дѣдушка! кабы я могла только видѣть!

Она тихо зарыдала; ей дали плакать въ волю и она продолжала.

— Нѣтъ! Я сходила къ мистриссъ Девенпортъ; у ней много работы; но какъ только она услышала зачѣмъ я пришла, все бросила, пошла къ Джени Вильсонъ и общала сидѣть съ Алисою всю ночь.

— А докторъ что говорить? спросила Мери.

— Да что доктора говорить обыкновенно! То одинъ бокъ пощупаетъ, то другой, со страху чтобы не обвинили его въ необдуманности. Одну минуту говоритъ, что надежды мало, но такъ какъ больная еще жива, то все-таки можно надѣяться; потомъ говоритъ, что она лишится только употребленія нѣкоторыхъ членовъ, а впрочемъ очень стара и поправится ей мудрено. Еще велѣлъ цѣвки поставить къ головѣ.

Отдавъ этотъ печальный отчетъ, Маргарита въ изнеможеніи прилегла къ спинкѣ кресла, усталая тѣломъ и духомъ. Мери поспѣшила приготовить ей чашку чая, между-тѣмъ какъ Джобъ, до тѣхъ поръ разговорчивый и веселый, затихъ и грустно молчалъ, сидя около нея.

— Завтра утромъ я первымъ дѣломъ схожу къ нимъ, узнаю каково ей, и принесу вамъ вѣсточку передъ уходомъ на работу, сказала Мери.

— Прескверно это, что Вилль уѣхалъ, сказалъ Джобъ.

— Джени говоритъ, что она безъ памяти и никого не узнаётъ, сказала Маргарита. Можетъ-быть лучше, что и онъ ее не увидитъ теперь; говорятъ у ней все лицо перекосилось, такъ ужъ пусть онъ ее вспоминаетъ въ прежнемъ видѣ.

Поговоривъ еще немного въ томъ же тонѣ, они разстались на

ночь, и Мери осталась одна размышлять о тяжоломъ днѣ, который ей выдался. Казалось, все пошло вкривь и вкось. Вилль уѣхалъ; отецъ тоже... да еще какой странный былъ! И уѣхалъ-то въ такое далекое, невѣдомое мѣсто, какъ Глазго! Присутствіе его казалось ей нѣкоторую защитою отъ Гарри Карсонса и всѣхъ его козней; а теперь ей страшно было, что онъ узнаеть объ ея одиночествѣ. На счетъ Джема — тоже напало на нее отчаяніе: она боялась, не пересталъ ли онъ любить ее? А она — она все больше и больше любила его за это кажущееся равнодушіе. И какъ-будто недостаточно было всѣхъ этикъ горей и печалей, пришло еще новое горе — параличъ бѣдной Алисы!

ГЛАВА XVIII

-Но въ жилахъ ужъ не билась кровь,
Уста не раскрывались вновь;
И ни одинъ ни вздохъ, ни стонъ,
Не повѣщаль, какъ умеръ онъ...-
-Осада Коринѳа.-

-Мысли мои въ смятеніи и безпорядкѣ;
онъ ни на чемъ не могутъ остановиться,
кромѣ мщенія.-

Гизъ.

Возвратимся за часъ или два передъ тѣмъ, какъ Мери распрошталась вечеромъ со своими друзьями. Было около восьми часовъ вечера, и всѣ три дѣвицы Карсонсъ сидѣли въ гостиной своего отца, между тѣмъ какъ самъ отецъ, погруженный въ спокойное кресло, спалъ въ столовой. Мистриссъ Карсонсъ по обыкновенію хворала, что случалось съ ней всякій разъ, какъ нельзя было наполнить время какими-нибудь экстренными удовольствіями; и такъ она сидѣла наверху, въ своей уборной, и предавалась развлеченіямъ головной боли. Впрочемъ ей и въ самомъ дѣлѣ нездоровилось, но только слуги справедливо называли такія болѣзни *вѣтрами въ головѣ*. Болѣзни эти были естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ ея всегдашней, физической и моральной праздности. Она была недостаточно образована, чтобы цѣнить по достоинству и съ толкомъ употреблять свое время и деньги; а того и другого у ней было слишкомъ достаточно. Конечно, лучше всѣхъ спиртовъ и эвировъ, которыми она ежедневно питалась, было-бы для нея какое-нибудь занятіе одной

изъ ея горничныхъ : если бы заставили ея съ недѣлку оправлять постели, стирать пыль и встряхивать ковры, да выбѣгать по нѣскольку разъ въ утро на свѣжій воздухъ , то это оказалось бы въ тысячу разъ полезнѣе для ея здоровья нежели обычный ея способъ «освѣжаться на воздухѣ», т. е. прогулка въ закрытой каретѣ, съ прибавленіемъ всякихъ околичностей въ родѣ шалей, бурнуса, мѣховаго шарфа, теплыхъ сапожекъ, шляпы съ вуалемъ и проч.

И такъ, три дѣвушки сидѣли однѣ въ уютной, изящной, богато-освѣщенной и убранной гостиной; подобно многимъ дѣвицамъ въ такихъ обстоятельствахъ, онѣ рѣшительно не знали, что дѣлать и чѣмъ бы наполнить время отъ обѣда до чаю. Двѣ старшія наканунѣ были на балѣ и потому имѣли усталый и даже сонный видъ. Одна попробовала читать Эмерсона, но со скуки и утомленія тотчасъ заснула; другая передлистывала тетрадь новыхъ романсовъ, выбирая что-нибудь себѣ по вкусу. Меньшая, Эми, списывала какія-то рукописныя ноты. Воздухъ въ комнатѣ былъ душень и крѣпко напоенъ запахомъ экзотическихъ цвѣтовъ; наполнявшихъ смежную съ гостиной оранжерею.

Часы на каминѣ пробили восемь. Софи (спящая сестра) проснулась и вскочила отъ этого звука.

— Который это часъ? спросила она.

— Восемь, отозвалась Эми.

— Ахъ Боже мой, какъ я устала! Что Гарри, воротился? Хоть бы чай поскорѣе оживилъ меня. А ты, Елена, не очень утомлена?

— Нѣтъ, довольно-таки. Кто же бываетъ свѣжъ и годится на что-нибудь на другой день послѣ бала! А на балѣ вѣдь собственно говоря не устаешь. Это вѣрно поздніе часы насъ такъ утомляютъ.

— Но какъ же иначе устроить балъ? Никто не обѣдаетъ раньше пяти или шести часовъ, такъ-что танцевъ и начинать нельзя прежде восьми или девяти. А потомъ сколько еще время не войдешь во вкусъ, не разгорится балъ. Послѣ ужина всегда бываетъ веселѣе чѣмъ въ началѣ.

— Ахъ, я сегодня такъ устала, что не расположена обдумывать переверотовъ по части танцевъ и баловъ. Что ты переписываешь, Эми?

— Твою испанскую пѣсню — «*Quien quieta*».

— Зачѣмъ тебѣ ее переписывать? спросила Елена.

— Меня Гарри просилъ, сегодня утромъ, за завтракомъ; онъ говорилъ, что это для миссъ Ричардсонъ.

— Для Дженъ Ричардсонъ! проговорила Софи такимъ тономъ, какъ будто отвѣтъ Эми подтвердилъ какое-то мнѣніе, родившееся въ ея головѣ.

— Не думаешь-ли ты, что Гарри съ какими-нибудь особыми на-мѣреніями любезничаютъ съ нею? спросила Елена.

— Нѣтъ, я знаю объ этомъ не больше тебя; могу только под-мѣчать и дѣлать свои заключенія. А ты что думаешь, Елена?

— Гарри всегда любитъ играть роль при царицѣ бала. Какъ только дѣвушка въ обществѣ замѣчена, какъ только она признана лучше другихъ, онъ около нея увивается и любитъ, чтобы его счи-тали съ нею на короткой ногѣ. Это его всегдашняя манера, а кромѣ этого, я ничего не замѣтила въ его отношеніяхъ къ Дженъ Ричард-сонъ.

— А мнѣ кажется, она вовсе не принимаетъ этого за его всег-дашнюю манеру. Ты замѣть пожалуйста, въ первый разъ какъ мы встрѣтимъ ее гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ Гарри, какъ она краснѣетъ и старается смотрѣть въ сторону, когда онъ подходитъ къ ней. Я ду-маю, что и онъ это видитъ и полараю, что это ему очень нравится.

— Да, Гарри всегда не прочь вскружить голову такой хоро-шенькой дѣвушкѣ, какъ Дженъ Ричардсонъ. Но я вовсе не увѣрена, чтобы онъ былъ влюбленъ; это еще вопросъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Софи съ негодованіемъ, хоть онъ и братъ нашъ, а я все-таки скажу, что онъ поступаетъ прегадко. Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что она все принимаетъ за чистую монету и думаетъ, что онъ желаетъ дать ей понять что-то. А потомъ, когда онъ перестанетъ за нею ухажи-вать...

— Что случится тотчасъ, какъ только въ свѣтѣ появится дѣ-вушка красивѣе Дженъ, — прервала Елена.

— Когда онъ перестанетъ ухаживать, продолжала Софи, — у ней будетъ не мало слезъ и горя, а потомъ она ожесточится и ста-нетъ просто кокеткой, — кокеткой женскаго рода, но такого-же сорта какъ онъ самъ. Бѣдная дѣвушка!

— Я ужасно не люблю, когда вы такъ говорите о Гарри! сказала Эми, взглянувъ на Софи.

— Я и сама не люблю, Эми, когда есть что сказать такого, по-тому что всей душой люблю Гарри. Онъ добрый, милый братъ; но я считаю его тщеславнымъ и думаю, что онъ самъ не понимаетъ, къ

какимъ печалямъ, къ какому злу и даже преступленію можетъ повесть его это избалованное тщеславіе.

Елена зѣвнула.

— Какъ вы думаете, можно спросить чаю? Этотъ сонъ послѣ обѣда бросилъ меня въ ознобъ.

— Конечно можно. Отчего-жъ не спросить? сказала болѣе рѣшительная Софи и съ нѣкоторою энергіей дернула за сонетку.

— Чаю, Паркеръ, поскорѣе! произнесла она повелительно, вошедшему лакею.

Она такъ мало привыкла обращать вниманія на выраженіе чужихъ лицъ, что не замѣтила паркерова лица.

А между тѣмъ оно было поразительно: Паркеръ былъ блѣденъ какъ полотно, и крѣпко сжатые губы его какъ-будто таили какую-то страшную вѣсть; расширенные зрачки глядѣли неестественно прямо. На всемъ лицѣ написанъ былъ ужасъ.

Дѣвушки начали приготовляться къ чаю, т. е. убирать книги и музыкальныя тетради. Дверь опять тихо отворилась и вошла няня. Я называю ее няней, потому что такова была ея должность въ давно прошедшія времена; теперь же она занимала въ домѣ какое-то неопредѣленное положеніе, сопряженное съ весьма разнообразными занятіями: она завѣдывала бѣльемъ, прислуживала барышнямъ и держала ключи отъ кладовой. За всѣмъ тѣмъ ее продолжали звать «няней». Она жила въ домѣ дольше всѣхъ другихъ слугъ, и съ ней господа обращались далеко не такъ надменно какъ съ остальными. Ей нерѣдко случалось входить и въ гостиную, за какой-нибудь мелочью для мистера или мистрисъ Карсонсъ, и потому приходъ ея въ эту минуту никого не удивилъ. Дѣвицы продолжали перекладывать съ мѣста на мѣсто предметы своихъ занятій.

Ей хотѣлось, чтобы онѣ взглянули на нее, посмотрѣли бы ей въ лицо, и прочли бы что-нибудь на этомъ лицѣ, исполненномъ ужаса и печали. Но онѣ ни разу не обернулись. Тогда она кашлянула, тѣмъ сухимъ и ненатуральнымъ кашлемъ, которымъ такъ явно желаютъ привлечь вниманіе.

— Милая няня, что случилось? спросила Эми. — Не больна ли ты?

— Не маменька ли заболѣла? поспѣшно подхватила Софи.

— Скажи, няня, говори же! заговорили всѣ три, видя, что она силится что-то вымолвить и не можетъ, какъ-будто у ней горло перехватывается. Съ испуганными лицами онѣ стѣснились вокругъ

вля, стараюсь по какому-либо отрывочному признаку отгадать ужасную истину.

— Милыя мои барышни, дорогія вы мои! проговорила наконецъ няня и залилась слезами.

— О, скажи же, няня, что такое? Все лучше, чѣмъ это ожиданіе, говори ради Бога!

— Дѣтушки! Не знаю, какъ и сказать-то вамъ, языкъ не возвращается. Милушки мои, бѣднаго мистера Гарри привесли домой.

— Принесли домой... *принесли*, какъ это?

Инстинктивно всѣ понизили голосъ и стали говорить шопотомъ; но то былъ страшный шопоть. Такъ же тихо, какъ-будто боясь, чтобы не слышали стѣны, мебель и всѣ неодушевленные предметы, назначенные для жизни и роскоши, няня произнесла:

— Мертваго!

Эми стиснула ея руку и впиалась въ нее глазами, чтобы увѣриться въ возможности такого извѣстія; потомъ, всмотрѣвшись въ грустныя, пристальныя и серьезныя глаза няни, она беззвучно и тихо упала въ обморокъ. Одна изъ сестеръ съѣла на диванъ и, закрывъ лицо руками, старалась проникнуть въ истину, сознать ее. То была Софи. Елена бросилась на софу лицомъ внизъ и, зарывъ голову въ подушки, силилась заглушить душившія ее рыданія и стоны.

Няня стояла молча. Она не все еще сказала.

— Скажи мнѣ — начала Софи, подымая голову и говоря глухимъ голосомъ, который свидѣтельствовалъ о глубокомъ внутреннемъ страданіи — скажи мнѣ, няня: ты говоришь — мертваго? Но послала ли ты за докторомъ? О, пошли, пошли скорѣе! продолжала она, вскакивая на ноги и возвышая голосъ почти до крика. Елена приподнялась и въ безмолвномъ ожиданіи обратилась къ нянѣ.

— Милыя мои, онъ умеръ! но за докторомъ я послала, и сдѣлала все, что могла.

— Когда онъ... Когда они принесли его домой? спросила Софи.

— Минуть десять назадъ. Прежде чѣмъ вы звонили и приказывали Паркеру.

— Какъ же онъ умеръ? Гдѣ его нашли? Онъ вѣдь былъ совершенно здоровъ и всегда казался такимъ крѣпкимъ... О, увѣрена ли ты, что онъ мертвый?

И она бросилась къ дверямъ. Няня положила руку на ея плечо.

— Миссъ Софи, я не все еще сказала вамъ. Можете ли вы выслушать меня? Вспомните, что баринъ въ сосѣдней комнатѣ спитъ

и еще ничего не знает. Вы же должны помочь мнѣ все сказать ему. Старайтесь же быть спокойнѣе, милочка! Вѣдь онъ не своей смертью умеръ! И няня заглянула ей въ глаза, желая взглядомъ растолковать остальное.

Софи шевелила губами, но безъ звука.

— Его застрѣлили, когда онъ шолъ домой по Точильной улицѣ, сегодня вечеромъ.

Софи продолжала шевелить губами, стискивая ихъ съ усиленіемъ.

— Милая моя, постарайтесь оправиться и помните, что и папеньку и маменьку придется еще извѣщать. Отвѣчайте же, миссъ Софи.

Но она не могла говорить: все лицо ея подергивало. Няня вышла на минуту и тотчасъ принесла воды и спирту. Софи посиѣшнѣе отпила нѣсколько глотковъ и раза два глубоко вздохнула. Потому она заговорила неестественно-спокойнымъ тономъ:

— Что же надо дѣлать, няня? Поди къ Еленѣ и бѣдной Эми, взгляни, имъ надо помочь.

— Бѣдныя! Нѣтъ, мы ихъ оставимъ на минуточку. Подите къ папенькѣ; вотъ что вамъ надо сдѣлать, миссъ Софи. Вы должны обо всемъ извѣстить его, бѣднаго. Идите, онъ почиваетъ въ столовой, а люди ждутъ его въ передней: имъ переговорить надо.

Софи машинально пошла къ дверямъ столовой.

— О! не могу я идти. Нельзя же такъ сказать ему. Что я буду говорить?

— Я пойду съ вами, миссъ Софи. Приготовьте его понемножку, не вдругъ.

— Не могу, няня. У меня такъ голова кружится и мысли путаются, что я навѣрное скажу не то, что надо.

Однако она отворила дверь. Вотъ и отецъ сидитъ въ креслѣ, при мягкомъ свѣтѣ заслоненной лампы: рѣзкія черты его смягчены этимъ полусвѣтомъ и сѣдые волосы красиво рисуются на темно-малиновомъ сафьянѣ кресла. Газета, которую онъ читалъ передъ сномъ, лежитъ тутъ-же, на коврѣ. Онъ дышетъ ровно и глубоко.

Въ эту минуту Софи живо припомнила слова пѣсни:

• Счастливица спящаго напрасно не будите;
 Не грѣхъ ли ближняго обречь на тьму заботъ,
 На будничную жизнь? Чтò вы ему дадите
 Въ замѣнъ тѣхъ сладкихъ грезъ, чтò сонъ ему даетъ? •

Увы! на этотъ разъ бѣднаго отца ожидаютъ не одинѣ только заботы будничной жизни, а что-нибудь гораздо хуже.

— Папа, произнесла она тихо. Онъ не шевельнулся.

— Папа! сказала она громче.

Онъ очнулся и выпрямился, въ полудремотѣ.

— А? чай готовъ что-ли? и онъ зѣвнулъ.

— Нѣтъ, папа, но случилась ужасная вещь... очень, очень грустная.

Онъ еще сонѣлъ и отдувался такъ громко, что не слышала ее словъ и не взглянулъ ей въ лицо.

— Мистеръ Генри не возвращался, начала няня. Голосъ ея и рѣчь, обращенная къ нему въ неуказанное время, возбудили его вниманіе. Мистеръ Карсонъ протеръ глаза и взглянулъ на старую служанку.

— Гарри? ахъ да! У него сегодня дѣло: онъ присутствуетъ на митингѣ фабрикантовъ; опять обсуждаютъ дѣйствія этихъ проклятыхъ выключенныхъ работниковъ. Я и не жду его такъ рано. Да что ты на меня такъ дико смотришь, Софи?

— О, папа! Гарри вѣдь возвратился... проговорила она и заплакала горько.

— Что такое? что это значить? вскричалъ онъ, смутно сознавая, что случилась какая-то бѣда. Одна говоритъ, что онъ не возвращался, другая, что воротился. Что за бессмыслица! Скажите просто, въ чемъ дѣло. Верхомъ что-ли онъ ѣздилъ изъ дому? Не упалъ ли съ лошади? Говори же, душа моя, что ты молчишь?

— Нѣтъ, папа, онъ не падалъ съ лошади, отвѣчала Софи печально.

— Но онъ сильно раненъ, вмѣшалась опять няня, желавшая навести отца на худшія вѣсти.

— Раненъ? Куда? Какъ? За докторомъ послали? заговорилъ онъ, поспѣшно вставая и шорываясь выйти изъ комнаты.

— Да, папа, мы послали за докторомъ, но едва ли это уже не напрасно.

Онъ посмотрѣлъ на нее пристально и на лицѣ ея прочелъ всю правду: сынъ его, единственный сынъ, умеръ.

Онъ упалъ обратно въ кресло; закрылъ лицо руками, опустил голову на столъ; и крѣпкій обѣденный столъ затрясся и скрипнулъ подъ бременемъ этаго крѣпкаго горя.

Софи подошла и обвила руками его согбенную шею.

— Ступай, ты не Гарри! сказалъ онъ ей, но въ ту же минуту встрепенулся.

— Гдѣ же онъ? гдѣ его... простоналъ онъ, между тѣмъ какъ черты его грубаго лица уже исказились отъ глубокой муки.

— Въ людской, отвѣчала няня. Два подисмена и еще какой-то человѣкъ принесли его домой. Они желали бы поговорить съ вами, сэръ, когда вы будете въ состояніи ихъ выслушать.

— Я и теперь могу, возразилъ онъ, и вставъ на ноги, невольно закачался; однако тотчасъ оправился, выпрямился и какъ солдатъ на часахъ, мѣрно пошелъ къ двери. Потомъ опять вернулся къ столу и налилъ себѣ стакачь вина изъ графина, оставшагося отъ обѣда неубраннымъ. Тутъ взоръ его уналъ на другой стакачь, недопитый сыномъ и оставленный имъ на столѣ часа три тому назадъ. Несчастный отецъ испустилъ глубокой, трепетный вздохъ, — но снова овладѣвъ собою, вышелъ изъ комнаты.

— А вы бы лучше пошли къ сестрицамъ, миссъ Софи, сказала няня.

Миссъ Карсонсъ пошла къ сестрамъ. Она еще не рѣшалась стать лицомъ къ лицу со смертью.

Няня пошла вслѣдъ за мистеромъ Карсонсомъ въ людскую. Тамъ, на обѣденномъ столѣ, лежало тѣло обѣднаго юноши. Люди, принесшіе его домой сидѣли у огня, между тѣмъ какъ многіе изъ служителей стояли вокругъ стола и глядѣли на покойника.

Покойникъ!

Одинъ или двое плакали; двое другихъ шептались; всѣ соблюдали какую-то странную тишину, благоговѣнно смолкая передъ образомъ смерти. Когда вошелъ мистеръ Карсонсъ, всѣ отступили назадъ, поглядывая на него съ тѣмъ почтеніемъ, которое возбуждается истиннымъ горемъ.

Онъ приблизился и долго, нѣжно всматривался въ спокойное и прекрасное лицо мертвеца; потомъ нагнулся и поцѣловалъ его въ губы, еще сохранившія живой, ярко-малиновый цвѣтъ. Подошелъ полицменъ, готовый къ распросамъ. Но сначала бѣдный старикъ сознавалъ одинъ только фактъ — смерть; и лишь послѣ, съ трудомъ протѣснилась въ его разумъ мысль о насиліи, объ убійствѣ.

— Какъ это случилось? простоналъ онъ наконецъ.

Полицейскіе переглянулись, потомъ одинъ изъ нихъ началъ рапортовать; онъ объявилъ, что услышалъ ружейный выстрѣлъ въ Точильной улицѣ и пошелъ туда немедленно. (Мистеръ Карсонсъ

зналъ эту улицу: она была очень пустынна и находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его сада, изъ котораго выходила въ ту сторону калитка; ключъ отъ калитки Гарри всегда носилъ съ собою). Что подходя къ этой улицѣ онъ, полицменъ, слышалъ удаляющіеся шаги бѣгущаго человѣка, но за темнотою вечера (луна еще не вставала) ничего не могъ разобрать на разстояніи двадцати шаговъ; что даже тѣло убитаго онъ только тогда замѣтилъ, когда наткнулся на него, а оно лежало поперекъ дороги у его ногъ; что онъ загремѣлъ тогда трещоткою, и когда прииоулъ къ нему на помощь другой полицменъ, они при свѣтѣ фонаря разсмотрѣли убитаго и узнали его въ лицо; что по мнѣнію ихъ, Гарри убитъ наповалъ и былъ уже мертвъ когда они его подняли, потому что онъ ни разу не шевельнулся, ничего не произносилъ и даже не дохнулъ. Что отчетъ объ этомъ убійствѣ уже доведенъ до свѣдѣнія начальника полиціи, который вѣроятно вскорѣ явится сюда самъ. Что двухъ или трехъ полицейскихъ они оставили на мѣстѣ, гдѣ совершилось преступленіе, и что кругомъ ищутъ слѣдовъ убійцы. Окончивъ этотъ рапортъ, полицейскій умолкъ.

Мистеръ Карсонъ внимательно вслушался, не сводя глазъ съ покойника. Когда полицменъ кончилъ, онъ спросилъ:

— Гдѣ рана?

Они подняли нѣсколько прядей густыхъ, вьющихся каштановыхъ волосъ и указали на синее пятно въ лѣвомъ вискѣ; да, пятно, потому что отверстія почти не было видно: такъ оно тотчасъ затянулось. Рана была смертельная и выстрѣлъ вѣренъ. А между тѣмъ такая темная ночь!

— Онъ должно быть стрѣлялъ почти въ упоръ, замѣтилъ одинъ изъ полицейскихъ.

— И притомъ наровилъ такъ, чтобы цѣль рисовалась ему противъ чистаго неба.

Въ эту минуту у двери въ людскую произошло нѣкоторое смятеніе и изъ толпы бросилась въ комнату бѣдная мать, мистриссъ Карсонъ.

Она слышала въ домѣ какой-то необыкновенный шумъ и послала свою горничную (съ которой проводила время гораздо охотнѣе, нежели съ своими образованными и любезными дочерьми) узнать, что дѣлается внизу. Горничная либо забыла воротиться на верхъ, либо боялась, и мистриссъ Карсонъ, мучимая, съ нервическимъ безпо-

койствомъ сама спустилась съ лѣстницы и пошла на шумъ и голоса прямо въ людскую.

Мистеръ Карсонсъ обернулся, но еще не въ силахъ былъ оторваться отъ мертваго для кого-либо изъ живыхъ.

— Уведи ее, няня: ей не годится быть здѣсь. Скажи миссъ Софи, чтобы шла къ матери. И онъ снова вперилъ глаза на прекрасное лицо мертваго сына.

Черезъ минуту мистриссъ Карсонсъ огласила весь домъ своими истерическими воплями: Мужъ ея вздрогнулъ отъ этихъ наружныхъ изъявленій страданія, которое самъ испытывалъ въ душѣ своей.

Вошелъ начальникъ полиціи и вслѣдъ за нимъ явился докторъ. Послѣдній не говоря ни слова немедленно приступилъ къ освидѣтельствуванію трупа, и когда по вскрытіи вены изъ нея не пошла кровь, онъ уныло покачалъ головою. Тогда только всѣ присутствующіе убѣдились въ непреложности ужасной истины, а полицейскій начальникъ попросилъ позволенія переговорить наединѣ съ мистеромъ Карсонсомъ.

— Я только сейчасъ самъ хотѣлъ просить васъ объ этомъ, отвѣчалъ старикъ и ввелъ гостя въ столовую, гдѣ попрежнему на столѣ стоялъ недопитый стаканъ.

Тщательно притворивъ за собою дверь, оба сѣли въ кресла; каждый очевидно ждалъ, чтобы собесѣдникъ его началъ говорить.

Наконецъ мистеръ Карсонсъ сказалъ:

— Вы вѣроятно слышали, что я человѣкъ богатый.

Полицейскій наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Ну, сэръ, такъ половиной... нѣтъ, если нужно, то всѣмъ моимъ состояніемъ я готовъ пожертвовать, лишь бы предать убійцу въ руки правосудія.

— Вы можете быть увѣрены, сэръ, что мы съ своей стороны употребимъ всѣ старанія; но весьма вѣроятно, что обѣщаніе большой награды понудитъ сыщиковъ къ скорѣйшему открытію виновнаго. Но что я особенно желалъ сообщить вамъ, сэръ, это то, что одинъ изъ моихъ подчиненныхъ уже попалъ на слѣдъ, а другой (тотъ самый, что проводилъ меня сюда), тому назадъ съ четверть часа нашолъ въ полѣ ружье, которое убійца по всей вѣроятности бросилъ по дорогѣ, такъ какъ оно мѣшало ему бѣжать. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что мы откроемъ преступника.

— Что вы называете большою наградой? спросилъ мистеръ Карсонсъ.

— Да какъ вамъ сказать, сэръ? триста или пятьсотъ фунтовъ считается у насъ великолѣпнымъ вознагражденіемъ; этого даже слишкомъ много; можно предполагать, что и меньшая сумма соблазнить всякаго сообщника и подстрекнетъ его къ доносу.

— Кладите же тысячу, сказалъ Карсонсъ рѣшительно: это все дѣло проклятыхъ исключенныхъ!

— Не думаю, отвѣчалъ полицейскій. Нѣсколько дней тому назадъ, подчиненный мой, о которомъ я уже говорилъ вамъ, сказывалъ караульному офицеру, что разнималъ вашего сына съ какимъ-то молодцомъ, котораго, судя по одеждѣ, принялъ за служителя типографіи; онъ говорилъ, что этотъ человѣкъ повалилъ мистера Карсонса наземь и хотѣлъ кажется дѣйствовать еще круче, но тогда подошелъ полисменъ и рознялъ ихъ. Мой подчиненный хотѣлъ тотчасъ же отдать молодаго человѣка подъ караулъ, за явное и враждебное нападеніе; но до этого мистеръ Карсонсъ самъ не допустилъ.

— Узнаю его въ этомъ — благородная душа! тихо проговорилъ отецъ.

— Когда сынъ вашъ удалился, противникъ его кричалъ ему вслѣдъ сильныя угрозы. А очень замѣчательно то обстоятельство, что упомянутая стычка происходила на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось убійство: въ Точильной улицѣ.

Кто-то постучался въ дверь. То была Софи: она знакомъ вызвала отца въ другую комнату и тревожнымъ шопотомъ просила его пойти на верхъ и поговорить съ матерью.

— Она не отходитъ отъ Гарри и такъ странно говорить. Право, мнѣ кажется, какъ-будто она помѣшалась.

И бѣдная дѣвушка горько плакала.

— Гдѣ она? спросилъ Карсонсъ.

— Въ его комнату.

Они быстро и безъ шума взошли наверхъ въ спальню Гарри. То была комната просторная и удобная, слишкомъ большая, чтобы освѣтиться простою сальной свѣчкой, которую на-скоро принесли вслѣдъ за господами съ кухоннаго стола и поставили на туалетный столикъ.

На постели, окруженной тяжелою зеленою драпировкой, лежало тѣло покойника. Его внесли наверхъ и положили въ постель такъ осторожно и нѣжно, какъ-будто боялись разбудить; и точно, смотря на него, трудно было повѣрить, что это не сонъ: такимъ покоемъ,

такимъ поднымъ отдыхомъ вѣяло отъ его лица: самыя черты яснѣе и чище обрисовывались теперь, когда взглядъ не развлекался болѣе ни яркими красками, ни подвижностью выраженія; а мирная тишина этого лица свидѣтельствовала только, что смерть объяла его необыкновенно быстро и такъ внезапно, что не причинила ему никакого страданія.

У изголовья постели сидѣла въ креслахъ мать и смѣялась. Она держала одну изъ рукъ покойника, которая быстро коченѣла даже въ ея горячей рукѣ, и нѣжно похлопывала по ней другою рукой, какъ обыкновенно дѣлала съ меньшими дѣтьми, когда играла съ ними или ласкала ихъ.

— Я очень рада, что ты пришолъ, сказала она вошедшему мужу и опять улыбнулась. — Гарри право такой шалунъ, что вѣчно смѣшить насъ чѣмъ-нибудь. Вотъ теперь вздумалъ притворяться, что спитъ и что нельзя его разбудить. Посмотри, вотъ даже улыбнулся, когда увидѣлъ, что я поняла его штуку. Да ты взгляни!

И точно, спокойныя губы мертвеца слегка улыбались, а при трепетномъ свѣтѣ тусклой свѣчи даже какъ-будто шевелились.

— Посмотри, Эми, говорила мать меньшей дочери, которая стояла передъ ней на колѣняхъ и, желая успокоить ее, цѣловала ея руки и платье. — О вѣдь онъ такой плачуть! Помнишь, душечка, помнишь, какой онъ былъ игрунъ въ дѣтствѣ? И тоже прятался подъ мою рукава, когда ты звала его играть. Онъ ужъ всегда былъ такой плачуть, этотъ Гарри!

— Надо ее увести, сэръ, сказала нянька: — вы знаете, что еще многое нужно сдѣлать, прежде чѣмъ...

— Хорошо няня, носишьво прервалъ ее старикъ, опасаясь, чтобы она не выразилась слишкомъ ясно на-счетъ охлажденія мертвеца.

— Пойдемъ, душа моя, сказалъ онъ женѣ. — Миѣ тебя нужно на минуту; поговоримъ объ одномъ дѣлѣ.

— Сейчасъ иду, отвѣчала она вставая. — Въ самомъ дѣлѣ, няня, можетъ-быть онъ дѣйствительно усталъ и хочетъ уснуть. Ты его украй хорошенько, чтобы не озябъ, а то вонъ онъ какой холодный, прибавила она, наклоняясь и цѣлуя его въ остывшія губы.

Мужъ обвинилъ ее рукою за талию и вывелъ изъ комнаты. Тогда три сестры предались горькимъ рыданіямъ: проснулись ихъ сердца и очутились лицомъ къ лицу съ жизнью и смертию. Но среди воплей и плача, поминутно вздрагивая отъ непривычныхъ слезъ, Софѣ

была поражена прелестью этого мертвого спокойствія, невозмутимаго среди всѣхъ ихъ волненій и стоновъ. Тогда она стихла и сказала сестрамъ:

— Пойдите отсюда; няня ждетъ, чтобы мы ушли; притомъ же надо идти къ маменькѣ. Папа сказалъ человѣку, съ которымъ я его застала, чтобы онъ подождалъ: стало-быть онъ пойдетъ къ нему, а мамашку оставлять одну не слѣдуетъ.

Между тѣмъ полицейскій надзиратель взялъ въ руки свѣчу и обходя съ нею вокругъ комнаты, разсматривалъ картинки на стѣнахъ. Онъ уже такъ привыкъ къ разнымъ видамъ преступленій и уголовныхъ дѣлъ, что не испытывалъ никакихъ особыхъ ощущеній въ настоящемъ случаѣ, хотя весьма искренно желалъ отыскать убійцу. Онъ внимательно разсматривалъ единственный въ столовой портретъ, писанный масляными красками и представлявшій юношу лѣтъ восемнадцати, въ фантастическомъ костюмѣ; ему хотѣлось догадаться, тотъ ли это молодой человѣкъ, который такъ таинственно погибъ въ этотъ вечеръ? Дверь отворилась и вошелъ мистеръ Карсонсъ. До ухода изъ залы онъ уже былъ довольно мраченъ, но теперь физиономія его была еще мрачнѣе, еще поразительнѣе: она выражала жажду мщенія, непреклонную, сосредоточенную ярость.

— Извините, сэръ, что я заставилъ васъ подождать. Полицейскій поклонился.

Они снова сѣли и долго бесѣдовали. Одного за другимъ перебрали они всѣхъ полисменовъ и каждого спросили.

Всю ночь напролетъ въ домѣ происходила суматоха и говоръ. Никто и не думалъ ложиться спать. Софи показалось очень страннымъ, что среди ночи няню позвали ужинать; и еще того страннѣе, что няня, которая до тѣхъ поръ неотлучно находилась при мистрисъ Карсонсъ, встала да и пошла ужинать. Эта потребность пищи и питья показалась неумѣстной въ домѣ, посѣщенномъ смертью.

Уже занималось утро, когда дверь столовой отворилась и по коридору раздались шаги двухъ человѣкъ. Это начальникъ полиціи оканчивалъ свой визитъ. Мистеръ Карсонсъ провожалъ его: стоя въ дверяхъ параднаго подъѣзда, онъ дышалъ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ и смотрѣлъ какъ тухнуть на небосклонѣ послѣднія звѣзды.

— Вы не забудете, сказалъ онъ на прощаньи. — Я вамъ поручаю это дѣло. Полицейскій поклонился.

— Денегъ не жалѣйте. Теперь я только за то и дорожу своимъ состояніемъ, что оно поможетъ мнѣ найти убійцу и наказать его. Единственная отрада, одна надежда осталась мнѣ въ жизни: надежда, что и его приговорятъ къ смертной казни. Предлагайте какія хотите награды. Въ объявленіяхъ поставьте тысячу фунтовъ. Приходите ко мнѣ во всякое время дня и ночи, если нужно. Объ одномъ прошу васъ убѣдительно: похлопочите, чтобы убійцу повѣсили. На будущей недѣлѣ, если можно. Сегодня пятница. Нѣтъ сомнѣнія, что имѣя въ рукахъ такія улики, какими уже вы располагаете, можно повестъ дѣло такъ, чтобы на будущей недѣлѣ произнесенъ былъ окончательный судъ.

— Но, сэръ, онъ можетъ протестовать и получить отсрочку, подъ предлогомъ неосновательности обвиненія, замѣтилъ полицейскій.

— Препятствуйте этому, предупредите если можно. Я приглашу лучшихъ адвокатовъ. Я не буду покоенъ, пока онъ будетъ живъ.

— Будьте спокойны, сэръ, постараемся.

— Съ коронеромъ (*) пожалуйста сами устройтесь. Часовъ въ десять я думаю всего удобнѣе.

Полицейскій откланялся.

Мистеръ Карсонъ еще постоялъ на крыльцѣ, неохотно разставаясь съ божьимъ свѣтомъ и воздухомъ и почти боясь возвратиться въ душную атмосферу мрачнаго, могильнаго дома.

— Сынъ мой, сынъ! проговорилъ онъ наконецъ. — Но ты будешь отмщенъ, мое бѣдное, убитое дитя!

Да! Въ отмщеніе за свои бѣды убійца выбралъ эту жертву и однимъ свирѣпымъ движеніемъ лишилъ ее жизни, дарованной Богомъ. Для отмщенія за сына живетъ теперь этотъ хилой старикъ, и одна только мысль кипитъ въ его груди — мысль о смертельномъ наказаніи убійцы. Правда, что это наказаніе будетъ освящено закономъ, но тѣмъ не меньше вѣдь оно тоже мщеніе?

О языческій Орестъ! какъ можно сравнить тебя съ подобнымъ христіаниномъ девятнадцатаго вѣка!

(*) Коронеръ — полицейскій чиновникъ, обязанный свидѣтельствовать тѣла убитыхъ и производить имъ осмотръ въ присутствіи присяжныхъ свидѣтелей.

Прим. пер.

ГЛАВА XIX

Въ тотъ самый четвергъ, который принесъ столько подавляющаго горя въ домъ мистера Карсона, мы оставили Мери, также подавленную самыми мрачными мыслями. Всю ночь она безпокойно ворочалась съ боку на бокъ, стараясь отвязаться отъ тревожныхъ думъ и нетерпѣливо ожидая разсвѣта, чтобы начать обычныя свои занятія. Но на самой зарѣ она какъ-то успокоилась, и впала въ крѣпкій, тяжелый сонъ, который длился до тѣхъ поръ, пока яркій свѣтъ въ окошко разбудилъ ее и извѣстилъ, что уже поздно.

Она наскоро одѣлась и услышала какъ на сосѣдней колокольнѣ било восемь часовъ. Очевидно нельзя уже было исполнить вчерашняго намѣренія, то-есть сбѣгать къ Алисъ и воротиться къ Маргаритѣ съ извѣстіемъ объ ея здоровьѣ; поэтому она рѣшилась пойти прямо къ Маргаритѣ, чтобы извѣстить ее о перемѣнѣ своихъ намѣреній и о причинѣ такой перемѣны. Но войдя въ квартиру Джоба, она застала его одного, сидящаго довольно уныло у окошка. Она рассказала ему зачѣмъ пришла.

— Маргарита? что ты, душенька! да она уже часа два какъ сидитъ у Алисы Вильсонъ. Ну да, ты вчера говорила, что сама пойдешь туда; но она все-таки не могла оставаться въ покоѣ: чѣмъ-свѣтъ вскочила съ постели и ушла.

Мери только и оставалось повиниться въ своей сонливости и поспѣшить вслѣдъ за Маргаритою, потомучто какъ ни поздно было, она чувствовала, что не можетъ приняться за работу, покуда не узнаетъ, каково бѣдной, доброй Алисъ.

И такъ, погрызывая свой незатѣйливый завтракъ, состоявшій изъ хлѣбныхъ корокъ, она побѣжала по улицамъ. Впослѣдствіи она вспоминала, что видѣла въ это утро кучки народа, собиравшіяся тамъ и сямъ и сообщавшія другъ-другу какія-то необыкновенныя вѣсти; но она не обратила на нихъ вниманія, думая только о томъ, какъ бы поскорѣе добѣжать и избѣгнуть побранки отъ миссъ Симондсъ.

Входя въ домъ Джени Вильсонъ, она почувствовала вдругъ, какъ ёкнуло у нея сердце и вспыхнули щеки: это оттого, подумала она, что можетъ быть Джемъ еще дома и можетъ съ нею встрѣтиться. Но увѣряю васъ, что до той минуты она о немъ не думала. Въ

своей нѣжной заботливости насчетъ Алисы, она впопыхахъ и не вспомнила о Джемѣ.

Но нечего было трепетать ея сердцу, нечего было пылать горячимъ щекамъ: его не было дома. Вотъ и круглый столъ, и на немъ чашка съ блюдомъ, изъ которой только-что пили. А вотъ и сама Джени Вильсонъ, по другую сторону стола, сидитъ себѣ и плачетъ съ большимъ комфортомъ, доѣдая свой завтракъ съ безсознательнымъ аппетитомъ. Тутъ же и мистриссъ Девенпортъ стираетъ какой-то ночной чепецъ, который, судя по выкройкѣ и необыкновенной простотѣ фасона, долженъ принадлежать Алисѣ. Но кромѣ этихъ двухъ женщинъ въ комнатѣ нѣтъ никого.

Алиса была все въ томъ же положеніи или даже ей лучше, потому что (говорили ея домашніе) она можетъ теперь говорить, хотя говорить несвязно и все такія грустныя вещи. Мери спросили, хочетъ ли она видѣть ее?

Разумѣется! Большею части людей интересно бываетъ пострѣть на ближняго въ новой формѣ, на примѣръ въ болѣзни; а въ бѣдномъ классѣ такое желаніе не бываетъ стѣснено ни спасительнымъ страхомъ заразы, ни брезгливостью, ни опасеніемъ за свои нервы.

И такъ, Мери пошла наверхъ въ сопровожденіи мистриссъ Девенпортъ; которая отирала съ рукъ мыльную воду и во все время разсуждала крупнымъ шопотомъ, гораздо болѣе громкимъ, нежели обыкновенный ея говоръ.

— Мнѣ домой пора, но вечеромъ я опять приду сюда и еще поспѣю выгладить чепчикъ-то. Вѣдь грѣшно и стыдно бы намъ было теперь допустить ее, больную, до грязнаго бѣлья, тогда какъ во всю жизнь она, моя голубушка, такая была чистенькая. А ужъ какую немощъ послалъ ей Господь, бѣдняжечкѣ! Она не узнаетъ васъ, Мери, и никого вѣдь не узнаетъ!

Въ спальнѣ наверху было двѣ кровати, изъ которыхъ одна, большая и украшенная четырьмя столбиками съ раздвижною занавѣской, принадлежала нѣкогда близнецамъ. Меньшую занимала Алиса, съ самаго того времени, какъ перешла жить къ невѣсткѣ; но когда ее разбилъ параличъ, то Джени Вильсонъ разсудила, что немощную старуху, испытываемую Господомъ, слѣдуетъ уважать, и тотчасъ положила ее на большую и хорошую постель, а сама провела почти бессонную и безпокойную ночь на маленькой кровати съ содомненнымъ тюфякомъ.

Маргарита встала навстрѣчу своей подругѣ, которую ожидала и узнала по походкѣ; а мистриссъ Вильсонъ воротилась къ своей стиркѣ.

Дѣвушки сначала ни слова не говорили, сохраняя благоговѣйную тишину въ присутствіи Алисы. Она лежала такая румяная, какою никогда не бывала съ самаго дѣтства; щеки ея разгорѣлись тѣмъ сильнѣе, что у ней была жаръ. Лежала она на томъ боку, который отягся, и другою рукой то и дѣло водила по воздуху, не то чтобы отъ тоски или неудобства положенія, а какъ-то однообразно и непрерывно, такъ что тяжело было смотрѣть на это движеніе. Такъ же непрерывно и тихо произносила она все время какія-то слова, безсвязно и неопредѣленно. Но лицо ея было тихо и весело, даже какъ-будто внимательно къ тому, что происходило въ ея отуманенномъ воображеніи.

— Прислушайся, тихо сказала Маргарита, наклоня голову, чтобы лучше разобрать смыслъ постоянного лепетанья больной.

— А что матушка скажетъ? говорила Алиса. — Пчелы ужъ въ послѣдній разъ полетѣли домой, а мы все-еще такъ далеко. Гляди, вѣдь это чечоткино гнѣздо въ кряковникѣ! а на немъ сидитъ куряца. Посмотри, какіе у ней блестящіе глаза! Отчего она не шевелится? Ой, надо поспѣшить домой. Какъ матушка обрадуется, что мы притащимъ ей такую кучу вереска. Скорѣй, скорѣй, Салли! За ужиномъ можетъ-быть будетъ жареная рыбка: я сама видѣла, какъ рыбакъ свернулъ отъ Эрнсайда въ нашу сторону.

Маргарита тронула руку Мери, которая отвѣчала ей легкимъ пожатіемъ; онѣ поняли другъ друга, поняли, что Господь послалъ бѣдой, дряхлой старушкѣ тайное утѣшеніе въ тяжкой ея болѣзни; что больная перенеслась къ стариннымъ временамъ своего дѣтства, которое представляется ей въ прежнее своемъ видѣ: ничто не измѣнилось, все такъ же хорошо и весело; съ нею все та же сестра Салли, подруга ея дѣтства и любимый товарищъ во всѣхъ забавахъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ почившій въ свѣжей, зеленой мотилкѣ, на скромномъ кладбищѣ за Бертономъ.

Выраженіе лица Алисы вдругъ измѣнилось: оно стало печально и сконужено.

— О, Салли! Надо бы во всемъ признаться ей. Она думаетъ, что мы все утро были въ церкви, а мы ее обманули. Надо ей рассказать все какъ было, сначала: скажемъ просто, что дверь церкви была отворена, что пѣзъ саду такъ хорошо пахло яблочнымъ цвѣ-

томъ, а мы сидѣли на самой крайней скамейкѣ у двери; скажемъ, какъ мы увидали первую бабочку, которая даже въ церковь влетѣла, все скажемъ... О, матушка такая добрая, что ей можно все сказать! Какъ только я ее завижу, такъ пойду и скажу: «матушка, мы очень согрѣшили въ прошлое воскресенье.»

Она замолчала и нѣсколько слезинокъ скатилось по старымъ, сморщеннымъ щекамъ, при мысли о соблазнѣ и грѣхѣ давно протекшаго дѣтства. Но и съ тѣхъ давнихъ поръ конечно немного грѣховъ накопилось на этой дѣтски-чистой совѣсти. Мери нашла подъ подушкой носовой платокъ съ красными крапинками и вложила его въ руку больной, которая чего-то искала, чтобы отереть текущія слезы. Алиса взяла платокъ и смиренно прошептала:

— Спасибо, матушка.

Мери отвела Маргариту въ сторону.

— Какъ ты думаешь, Маргарита, счастлива она теперь?

— О да, Господь съ нею. Боли она не чувствуетъ, и не сознаетъ своего положенія. Ахъ, если бы я могла видѣть, Мери! Я стараюсь быть терпѣливой по ея примѣру, но все бы на свѣтѣ отдала, чтобы видѣть ее, и все что ей нужно. Я теперь такъ бесполезна! Мнѣ бы хотѣлось оставаться здѣсь все время пока Джени Вильсонъ бываетъ одна; я бы и сегодня на всю ночь осталась, но...

— Я приду посидѣть, сказала Мери рѣшительно.

— Мистриссъ Девенпортъ хотѣла придти, но у ней столько работы!..

— Да, я приду, повторила Мери.

— Пожалуйста! сказала Маргарита. — А я буду здѣсь сидѣть, пока ты не придешь. Можетъ-быть вы съ Джемомъ могли-бы сидѣть ночь поочередно, а Джени Вильсонъ въ это время могла-бы выспаться хоть на его постели; а то она большую часть ночи не спитъ, все ходитъ снизу вверхъ, да сверху внизъ, и въ то самое время какъ ей удалось наконецъ заснуть спокойно, часу въ третьемъ ночи, Джемъ воротился домой и опять разбудилъ ее нечаянно.

— Гдѣ онъ былъ до такой поздней поры? спросила Мери.

— Не знаю; это не мое дѣло, я и не спрашивала. Да и не видала его вовсе, пока онъ не пришелъ сюда навѣстить Алису. Онъ еще утромъ приходилъ въ другой разъ, и ужасно какой былъ печальный. Вотъ можетъ-быть сегодня вечеромъ ты развеселишь его, Мери! прибавила Маргарита улыбаясь, между тѣмъ какъ въ сердце Мери внезапно прокрался лучъ надежды, и она неволью обрадова-

лася случаю, который наконецъ можетъ свести ее съ Джемомъ. О счастливая ночь! когда-то придетъ она? До тѣхъ поръ много еще долгихъ часовъ!

Тутъ она взглянула на Алису и тотчасъ раскаялась въ своей эгоистической мысли; но какъ она ни упрекала себя, на днѣ ея души таилась такая чистая радость, что она рѣшилась поскорѣе забыться, заняться чѣмъ-нибудь, и легкою, доброй походкой, почти въ прыжку побѣжала къ миссъ Симондсъ.

Пришла она поздно; но она знала, что такъ будетъ. Миссъ Симондсъ была сердита и бранилась; этого она также ожидала, и уже рѣшилась смягчить своего дракона самой примѣрной услужливостью и прилежаніемъ. Но между «дѣвицами» происходило вѣчто такое, къ чему она не приготовилась и чего понять не могла. При входѣ ея онѣ перестали говорить, или лучше-сказать перестали слушать, потому что говорила одна Салли Ледбиттеръ, а всѣ остальные слушали съ величайшимъ любопытствомъ. Сначала онѣ пристально посмотрѣли на Мери, какъ будто она со вчерашняго дня приобрѣла для нихъ какое-нибудь особое значеніе; потомъ стали перешопываться, и какъ ни занята была Мери своими собственными радужными соображеніями, она не могла не замѣтить, что рѣчи шли именно на ея счетъ.

Наконецъ Салли Ледбиттеръ спросила у Мери, слышала ли она новость?

— Нѣтъ! какую новость? сказала Мери.

Тутъ дѣвицы переглянулись между собою, съ многозначительнымъ и мрачнымъ видомъ. Салли продолжала:

— Такъ ты не слышала, что вчера вечеромъ молодой мистеръ Карсонсъ убитъ на улицѣ?

Мери не въ силахъ была произнестъ слова, но глядя на ея поблѣднѣвшее, исполненное ужаса лицо; никто-бы не усомнился въ томъ, что страшная вѣсть еще до нея не доходила.

О, какъ ужасно услышать, что человѣкъ, котораго вы знали лично, палъ жертвою насильственной смерти! Противенъ и страшенъ кажется вамъ тотъ міръ, въ которомъ дѣлаются такія дѣла, и вамъ становится жутко при мысли о преступныхъ и жестокихъ людяхъ, встрѣчающихся въ этомъ мірѣ. Какъ ни боялась Мери Карсонса въ послѣднее время, но узнавъ о его смерти (и еще какой смерти!) она ощутила одну подавляющую грусть.

Голова у ней кружилась, вся комната дошла кругомъ и она боялась упасть въ обморокъ; но въ эту минуту опять вошла миссъ Симондсъ, и отворя дверь, внесла съ собою потокъ свѣжаго воздуха, для подкрѣпленія тѣла, и ожиданіе неминуемой побранки, для поддержанія духа. Она также крѣпко занята была утренними вѣстами.

— Вы не слышали-ль еще чего-нибудь объ этомъ ужасномъ происшествіи, миссъ Бартонъ? спросила она, принимаясь за работу.

Мери попробовала говорить; сначала не могла, и когда наконецъ удалось ей произнести фразу, то она произнесла ее какъ-будто не своимъ голосомъ.

— Нѣтъ-съ; ничего не слыхала до этой минуты.

— Ахъ Боже мой, это очень отранно: кажется всё только объ этомъ и говорятъ. Я съ своей стороны твердо надѣюсь, что преступникъ будетъ открытъ. И какой красивый молодой человекъ погибъ такою ужасною смертію! Надѣюсь, что злодѣи, покусившіяся на его жизнь, будутъ повѣшены по примѣру Амана.

Одна изъ дѣвушекъ замѣтила, что ассизы начнутся съ слѣдующей недѣли.

— Конечно! возразила миссъ Симондсъ: и молочникъ сказывалъ мнѣ, что злодѣи непременно поймають, осудятъ и повѣсятъ меньше чѣмъ черезъ недѣлю. Подѣломъ ему, негодяю. Погубить такого прекраснаго молодаго человека!

Тутъ всё начали сообщать миссъ Симондсъ различные слухи о томъ же происшествіи.

Какъ вдругъ миссъ Симондсъ возопилъ:

— Миссъ Бартонъ! Какъ Богъ святъ, вы закапаете слезами новое шелковое платье мистрисъ Гоксъ! Точно не знаете, что оно отъ этого полиняетъ и на цѣлый вѣкъ останется въ пятнахъ. Что за срамъ такой! Плакать какъ малое дитя, изъ-за того только, что красивый молодой человекъ сошелъ въ раннюю могилу! Стыдитесь, миссъ! советую вамъ поберечь свою репутацію и свою работу. Или ужъ если хотите плакать (миссъ Симондсъ замѣтила, что расцекавіе только усиливаетъ потоки горькихъ слезъ), то подстилайте по крайней мѣрѣ вотъ эту бумажку. Она отъ слезъ не испортится, какъ эта прелестная матерія. И модистка начала съ любовью разглаживать складки шелковой юбки, протирая рукою крупныя круглыя пятна, вымоченныя слезами.

Мери взяла бумажку; но получивъ такое формальное дозрѣденіе.

дти на нее слезы, очень естественно, что она вовсе перестала плакать.

Все толковали обь одномъ и томъ же предметѣ. Дѣвченка, которую иссыдали въ лавочку за шолкомъ, пришла съ извѣстіями обь осмотрѣ коронера, происходившемъ въ эту самую минуту. Дамы, приглашенія для заказа платьевъ, начинали непременно съ разговора обь убійствахъ, а потомъ уже переходили къ фасонамъ и перемѣщали подробности уголовного дѣла съ подробностями отбыванья. Мери казалось все это какимъ-то тяжелымъ сномъ, кошмаромъ, отъ котораго хорошо бы поскорѣе пробудиться. Образъ умерщвленнаго, несравненно безобразнѣе и страшнѣе нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, мерещился ей безпрестанно и какъ-будто издавалъ въ воздухѣ передъ нею. Салли Ледбиттеръ смотрѣла на нее и даже говорила о ней новомъ горькаго упрека, и нисколько не скрывала теперь сношеній Мери съ Карсонсомъ, которыя казались ей подругамъ весьма предосудительными; но только не за иррежнее кокетство, не за интригу осуждали онѣ ее, а именно за перемѣну обращенія и за то, какъ она себя держала въ послѣднее время.

— Бѣдненькій джентльменъ! сказала одна, когда Салли описала дѣвицамъ послѣднее свиданіе Мери съ Карсонсомъ.

— Въдъ это просто срамъ! воскликнула другая, съ негодованьемъ взглянувъ на Мери.

— Вотъ это подлость, такъ подлость! подхватила третья. А онъ-то, голубчикъ, лежитъ теперь въ гробу, холодный, окровавленный!

Мери несказанно обрадовалась, когда приходъ миссъ Симондсъ положилъ предѣлъ сплетнямъ Салли и замѣчаніямъ дѣвиць.

О, какъ ей хотѣлось поскорѣе вырваться отсюда и уйти въ тихую комнатку больной Алисы! Она уже не мечтала больше о счастіи встрѣтить тамъ Джема: она была слишкомъ взволнована, чтобы мечтать; но ей хотѣлось уйти въ эту атмосферу добра, мира и тишины, проникнуться тѣми картинами покоя, красоты и дѣтской невинности, которыми бредила бѣдная старушка, и даже быть поближе къ смерти, какъ Алиса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ей хотѣлось также провести жизнь въ борьбѣ съ міромъ, котораго страданія такъ рано ее посѣтили, и котораго преступления уже такъ странно обступили ее. Она стала припоминать старинные тексты изъ библіи, которыя бывало мать ея читала вслухъ, или лучше сказать разбирала по складамъ, во дни давно минувшаго дѣтства... «гдѣ грѣшниковъ могущество преевчется и усталые найдутъ успокоеніе»... «гдѣ осушатся

слезы всѣхъ людей» и т. д. — И въ этотъ-то самый мѣръ отходитъ старушка Алиса. О, если бытъ бы на ея мѣстѣ!

Возвратимся въ домъ Вильсоновъ, который далеко не походилъ теперь на обитель мира, какъ воображала пылкая Мери. Читатель помнитъ, какую награду сулилъ мистеръ Карсонъ тому, кто откроетъ убійцу его сына. Награда эта сама по себѣ была уже достаточною искушеиіемъ; прибавьте къ этому естественное чувство симпатіи къ престарѣлымъ родителямъ, оплакивающимъ потерю сына; потомъ симпатію къ самой жертвѣ, человѣку молодому и привлекательному, убитому въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ; и наконецъ прелесть тайны, страсть отыскивать какую нибудь тончайшую нить къ разгадкѣ необыкновеннаго происшествія. Эти-то чувства, по всей вѣроятности, и подстрекають полицейскихъ чиновниковъ къ изумительной ихъ дѣятельности. Эти люди цѣлую жизнь проводятъ въ подозрѣніяхъ и догадкахъ, наслаждаются собираніемъ доводовъ и уликъ и страстно привязываются къ романической сторонѣ своего дѣла, уподобляющей существованіе ихъ нескончаемой сказкѣ, которая такъ плѣнительна для умовъ мало развитыхъ и необразованныхъ; для нихъ внѣшнія стороны, всѣ признаки и формы преступленій, всегда имѣють особую прелесть.

При досмотрѣ коронера въ это утро, не было недостатка въ уликахъ и признакахъ. Свойство выстрѣла, положеніе тѣла и найденное по близости ружье, тотчасъ приняты были къ свѣденію; потомъ потребовали полисмена, который вмѣшивался въ ссору Джема Вильсона съ убитымъ юношею и отобрали отъ него самое ясное и простое показаніе. Ни коронеръ, ни присяжные не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ личности убійцы, но все-таки формулировали свое рѣшеніе съ величайшею осторожностью:

«Насильственное убійство, учиненное неизвѣстною особою.»

Эта-то осторожность въ дѣлѣ, не требующемъ по его мнѣнію никакой осторожности, выводила изъ терпѣнія мистера Карсона. Его не успокоивали ни увѣренія полицейскаго въ томъ; что рѣшеніе это — одна только пустая форма; ни показанный ему документъ, по которому слѣдовало арестовать Джемса Вильсона по подозрѣнію въ убійствѣ; ни обѣщанія употребить въ дѣло извѣстнаго своею расторопностью сыщика, для розысканія, кому принадлежитъ ружье и для нѣкоторыхъ другихъ показаній, касательно молодой женщины, изъ-за которой, по свидѣтельству полисмена, произошла ссора. Мистеръ Карсонъ ничѣмъ не довольствовался: все его раздражаю

и выводило изъ себя. Онъ самъ приготовилъ все показанія, по которымъ на слѣдующее утро можно было обвинить Джемса Вильсона передъ судомъ; онъ пригласилъ надежнѣйшихъ стряпчихъ слѣдить за ходомъ дѣла и составлять докладныя записки; писалъ ко всемъ знаменитымъ адвокатамъ сѣвернаго округа, прося ихъ содѣйствія. Казалось, страшная его дѣятельность, кровавая жажда мести, только и можетъ удовлетвориться быстрымъ розысканіемъ, скорымъ судомъ и безотлагательною расправой. Ему хотѣлось бы быть и подсленномъ, и присяжнымъ, и обвинительнымъ адвокатомъ, и судьей, главное судьей, съ правомъ скорѣе произнести смертный приговоръ.

Въ этотъ день послѣ обѣда, Джени Вильсонъ, сидя у постели больной золовки, чувствовала сильное желаніе соснуть, что было тѣмъ законнѣе, что во всю прошедшую ночь она вовсе не спала, а теперь ее такъ и укачивалъ непрерывный, тихій бредъ больной Алисы. Мистрисъ Вильсонъ только-что задремала, склонивъ голову къ себѣ на грудь, какъ вдругъ ей послышался внизу голосъ чело-вѣка, который понапрасну простучавъ въ дверь цѣлый часъ, рѣшился войти въ комнату и оттуда кричалъ:

«Хозяйка! Хозяюшка!»

Наскоро заглянувъ черезъ перила лѣстницы, мистрисъ Вильсонъ тотчасъ увидѣла, что пришелецъ чело-вѣкъ незнакомый, должно-быть рабочій, а можетъ-быть и товарищъ ея сына по ремеслу, потому что платью на немъ было также порядочно испачкано. Въ рукахъ у него было ружье.

— Позвольте спросить, это ружье не вашему ли сыну принадлежитъ?

Она сперва посмотрѣла на незнакомца, потомъ, не видя никакой причины отказывать ему въ отвѣтъ, она усталою походкой пошла поближе, и рассматривая на ружьѣ какія-то старинныя украшенія, заговорила соннымъ голосомъ:

— Да, это похоже на его ружье; точно оно и есть. Я его вездѣ узнаю вотъ по этимъ узорчикамъ. Видите ли, оно принадлежало прежде его дѣду, который служилъ лѣснымъ сторожемъ у кого-то изъ сѣверныхъ помѣщиковъ. А теперь уже такихъ красивыхъ ружей не глѣзуютъ. Да вы-то его откуда взяли? Онъ имъ очень дорожить. Не вздумалъ ли онъ учиться стрѣлять въ цѣль? Надѣюсь, что нѣтъ: теперь совсѣмъ не время, и тетка больна, и я сижу одна одиноконька.

И вспомнивъ о своихъ наличныхъ горестяхъ, она тотчасъ пустилась въ рассказы о болѣзняхъ Алисы, о своемъ вдовствѣ и о смерти близнецовъ.

Передѣвтый полицменъ слушалъ нѣсколько минутъ въ надеждѣ попользоваться еще какими-нибудь указаніями; потомъ объявилъ, что ему некогда и поспѣшно уходить. Вдова проводила его до двери, продолжая рассказывать про свои печали, и не замѣтила, что онъ опять уноситъ съ собою ружье; когда она опомнилась и подивилась такому странному поступку, то было уже поздно. Потомъ, вѣзая съ трудомъ на лѣстницу, она отложила въ сторону всякое удивленіе и заботу, и рѣшила, что видно такъ нужно: либо это работникъ, товарищъ сына, съ которымъ онъ условился куда-нибудь идти пострѣлять, либо отнестъ ружье въ починку, или еще что-нибудь такое. А впрочемъ у ней и безъ того заботъ довольно; нечего сокрушаться о старомъ ружьѣ. Джемъ вѣрно самъ поручилъ пріятелю отнестъ къ ней это ружье, стало-быть оно въ вѣрныхъ рукахъ; а коли нѣтъ, то и это не бѣда; она пожалуй рада будетъ распротяться съ нимъ навсегда, потому что терпѣть не можетъ въ домѣ всѣхъ этихъ огнестрѣльныхъ оружій: того и гляди убьетъ кого-нибудь.

Такимъ образомъ она успокоилась, и не находя больше никакихъ причинъ къ разсужденіямъ, снова впала въ какой-то лихорадочный, смутный и тяжелый сонъ.

Между тѣмъ полицменъ несъ свою добычу съ страннымъ ощущеніемъ самыхъ смѣшанныхъ чувствъ: немножко презрѣнія, немножко досады и много жалости отозвалось въ его душѣ. Презрѣніе и досада были возбуждены черезчуръ откровеннымъ признавіемъ вдовы, которая безъ обиняковъ узнала сыновнее ружье и такъ болтливо распространилась объ его узорчикахъ. Полицейскому хотѣлось бы, чтобы его попробовали обмануть, чтобы прибѣгали къ уверткамъ: онъ къ этому привыкъ и уже любилъ въ этихъ случаяхъ изощрять свою хитрость и умъ. Что за удовольствіе было бы охотиться за лисою, еслибы лиса не строила охотнику всякихъ хитростей и козней? Потомъ надо сознаться, что въ полицменѣ, въ сущикъ по части уголовныхъ дѣлъ, шевельнулось простое человѣческое чувство, сказалось материнское молоко: ему стало жалко этой бѣдной старухи, которая своею добродушною податливостью доставила такую страшную улику противъ сына-убійцы. Тѣмъ не менѣе полицменъ донесъ ружье, вмѣстѣ съ словеснымъ показаніемъ матери, къ начальнику полиціи, и вслѣдствіе этого вскорѣ отряженъ

были три полицмена, которые пошли въ типографію, гдѣ работалъ Джемъ, и объявили смотрителю о своемъ намереніи: Изумленный смотритель самъ проводилъ ихъ въ словолитню, состоящую въ вѣдѣніи Джемса. Тамъ, въ это самое время, происходила расплавка металла.

Проходя черезъ дворъ, полицейскіе только и видѣли темныя, черныя стѣны, черныя полы, черныя лица; но въ кузницѣ царствовалъ ярко-красный цвѣтъ багроваго пламени; очагъ изрыгалъ потоки трескачаго огня. Рабочіе, все въ сажъ, озаренные этимъ багровымъ свѣтомъ, словно бѣсы стояли вокругъ очага и ожидали когда расплавится желѣзо, чтобы тотчасъ лить его съ глухимъ, тяжелымъ гуломъ, въ тоненькія формочки, усыпанныя тонкимъ чернымъ порошкомъ. Жаръ былъ нестерпимый, а красный огонь поминутно усиливался; полицмены остановились въ недоумѣніи и съ нѣкоторымъ почтеніемъ смотрѣли на эту диковинку. Потомъ черные люди, съ какими-то странными молоточками въ рукахъ, обступили страшный красный очагъ, и свѣтлая, блестящая струя желѣза полилась въ приготовленныя формы. Тогда снова послышались человѣческіе голоса; настало время поговорить, вздохнуть свободнѣе и стерѣть потъ съ лица. Потомъ, одинъ за другимъ, все рабочіе разошлись въ другія отдѣленія завода.

№ 72 указалъ на Джемса, говоря, что видѣлъ его ссору и драку съ мистеромъ Карсонсомъ; два другихъ полицмена выступили впередъ и арестовали его, объяснивъ напередъ, какого рода обвиненіе падаетъ на него, и побудительныя къ тому причины. Джемъ казался очень удивленнымъ, но не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія; позвавъ одного изъ товарищей, онъ поручилъ ему только сходить къ матери и извѣстить ее, что онъ не можетъ теперь возвратиться домой, потому что съ нимъ случилась неприятность. На первый разъ ему не хотѣлось сказать ей чего-нибудь болѣе положительнаго и страшнаго.

Такимъ образомъ дремота мистрисъ Вильсонъ въ другой разъ была прервана совершенно такъ же какъ и въ первый, точно періодическій припадокъ кошмара.

— Хозяйка! Хозяйка! послышался голосъ снизу.

Опять она увидѣла рабочаго, только еще чернѣе и вымазаннѣе прежняго.

— Да чего вамъ? отозвалась она брюзгливо.

— Да оно ничего, такъ только, пробормоталъ новый гость, че-

ловѣкъ глуповатый, но добрыйшій, совершенно лишонный изобрѣтательности, но одаренный самою мягкою душою.

— Ну, говорите что-ли заразы, надо же кончить!

— Дjemu приключилась неприятность, сказалъ онъ, нeволью повторяя слова самаго Джима, потомучто другихъ выдумать не могъ.

— Неприятность? подхватила мать звонкимъ и плачевнымъ голосомъ. Неприятность! Господи, Боже ты мой, да когда же будетъ конецъ неприяностямъ? Какая тамъ еще бѣда случилась? Да говорите же, батюшка, или у васъ языкъ отнялся! Болѣнь онъ, что-ли? Голубчикъ мой! Скажите, онъ заболѣлъ? добавила она поспѣшно и съ ужасомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего такого. Онъ кажется здоровъ. Только велѣлъ мнѣ сказать вамъ: скажи, говоритъ, матушкѣ, что со мною случилось неприятность и мнѣ нельзя сегодня придти домой.

— Нельзя домой придти! А съ Алисою-то что же я буду дѣлать? Вѣдь не могу же я одна на все поспѣть и не до смерти же мнѣ досидѣться съ больной. Могъ бы кажется придти пособить мнѣ.

— Я жъ вамъ говорю, что не можетъ, сказалъ рабочій.

— Не можетъ, а самъ здоровъ, вы говорите. Пустяки! Просто вздумалъ шляться да кутить, какъ всѣ другіе парни. Вотъ погоди же, какую я за это прочту ему рацею!

Работникъ повернулся, чтобы уйти, потомучто не посмѣлъ связать что-либо въ оправданіе Джима. Но она его не выпустила.

Вставъ между имъ и дверью, она сказала ему:

— Не уйдете, покуда не скажете мнѣ, что онъ тамъ подѣлываетъ. Я вѣдь тоже кое-что смѣкаю, и непремѣнно хочу все знать! теперь же, слышите?

— Узнаете, хозяйюшка, узнаете, еще будетъ время.

— Да я теперь хочу знать, говорятъ вамъ. Что ему тамъ пришло, что не можетъ онъ придти домой и помочь мнѣ съ больнымъ человекомъ? Я-то вѣдь всю прошлую ночь глазъ не смыкаючи просидѣла у ея постели.

— Ну, коли непремѣнно хотите знать, отвѣчалъ бѣднякъ, сбитый съ толку, то вотъ вамъ: — полиція взяла его подъ караулъ.

— Моего Джима! вскрикнула разсерженная мать. — После этого вы безстыдный враль, и больше ничего. Мой Джемъ... да онъ отроду мухи не обидѣлъ! Вы просто лжете, вотъ и все.

— Такъ вотъ же, возразилъ работникъ, въ свою очередь задѣтый

за живое: — надѣлалъ онъ вамъ добра, а между тѣмъ его сильно подозреваютъ въ убійствѣ молодого Карсонса, котораго вчера вечеромъ нашли застрѣленнымъ.

Она ринулась впередъ съ поднятою рукой, чтобы ударить чело-
вѣка, сказавшаго ей въ глаза страшную истину; но старческая сла-
бость и материнское отчаяніе овладѣли ею совершенно, и, закрывъ
лицо руками, она упала на стулъ. Работникъ не рѣшился оставить
ее въ этомъ положеніи.

Настало молчаніе; но когда она заговорила снова, голосъ ея
былъ уже слабъ и слова звучали смиренною, ребяческою мольбой.

— О, сэръ, вы вѣрно шутите. Вы извините меня, если я вамъ
чѣмъ-нибудь досадила; но ужь сдѣлайте милость, скажите, что вы
пошутили. Вы себя представить не можете, что такое для меня
Джемъ.

И она съ безпокойствомъ смотрѣла на своего собесѣдника умо-
ляющими глазами.

— Я бы и самъ желалъ, чтобы это была только шутка, ховяюща-
ка; но оно все истинная правда. Его взяли подъ караулъ, по подо-
зрѣнію въ убійствѣ. Его ружье нашли тамъ гдѣ-то, около убитаго;
а одинъ изъ полицейскихъ слышалъ на дняхъ, какъ онъ на улицѣ
повздорилъ съ мистеромъ Карсонсомъ изъ-за какой-то дѣвушки.

— Изъ-за дѣвушки! прервала вдова, опять разсердившись, но
не находя большіе для своего гнѣва такихъ рѣзкихъ выраженій. —
Нѣтъ, Джемъ мой на этотъ счетъ такъ твердъ, (она остановилась,
ища сравненія, но потомъ повторила): такъ твердъ, какъ самъ Лю-
циферъ, а онъ вѣдь, вы знаете, тоже былъ ангелъ, только падшій.
Мой Джемъ не таковскій, чтобы заводить драку изъ-за какой-ни-
будь дѣвченки!

— А вотъ однакоже заводилъ. Они и имя-то ея знаютъ въ точ-
ности, потому что полисменъ слышалъ весь ихъ разговоръ, и зовутъ
ее Мери Бартонъ.

— Мери Бартонъ! ахъ, она мерзавка! Навлечь такія бѣды на
моего Джема! Вотъ я жъ ее отдѣлаю, какъ увижу; ужь отдѣлаю!
Ахъ, бѣдный мой Джемъ!.. И вдова тоскливо начала раскачиваться
на своемъ стулѣ. А что же ружье? Вы что-то о ружьѣ помянули?

— Его ружье найдено около того мѣста, гдѣ случилось убій-
ство.

— Вотъ ужь это вздоръ, такъ вздоръ. Ружье это и теперь цѣле-

хонько, въ рукавъ у знакомаго человека; я сама его видѣла съ часъ тому назадъ.

Онъ покачалъ головою.

— Да я же вамъ говорю, что видѣла. Румье у одного изъ друзей Джема, которому онъ давалъ его на время.

— И вы знаете въ лицо того человѣка? спросилъ работникъ, который искренно желалъ бы выпутать Джема изъ бѣды и съ жаромъ ухватился за послѣднія слова мистрисъ Вильсонъ.

— Нѣтъ, не могу сказать, чтобы признала; но одѣтъ онъ въ такое же рабочее платье.

— Да это можетъ-быть одинъ изъ полицменовъ, только переодѣтый.

— Нѣтъ, ужь этого-то они никакъ не сдѣлаютъ: какъ же можно, чтобы обманомъ заставили меня доносить на собственнаго сына?

— Не знаю, отвѣчалъ работникъ.

Вскорѣ послѣ того онъ ушелъ, чувствуя себя неспособнымъ утѣшить огорченную мать и внутренно страдая при видѣ ея горести. Она хотѣла удержать его подольше, но ему нельзя было оставаться, и вотъ она снова осталась одна.

Она ни на минуту не сомнѣвалась въ невинности Джема: скорбѣ усомнилась бы она въ свѣтѣ божьяго дня, чѣмъ въ правотѣ сына; но душа ея переполнена была печалью, уныньемъ, иногда даже гнѣвомъ. Она попробовала разсказать все Алисъ, надѣясь хоть въ ней пробудить искру участія и сожалѣнія. Но Алиса все еще была безъ памяти, и на горькія рѣчи невѣстки отвѣчала тихими улыбками и бредомъ о своей матушкѣ, о счастливыхъ дняхъ своего дѣтства...

ГЛАВА XX

— Онъ подѣ деревьями лежалъ
И уже сномъ послѣднимъ спалъ,
Такъ блѣденъ, холоденъ и тихъ,
Среди рыданія родныхъ!
И всякъ, кто мимо проходилъ,
Мнѣ съ укоривной говорилъ,
Что я всему виной была
И въ ранній гробъ его свела.

И такъ, никому больше не было покоя въ домѣ Вильсоновъ, кромѣ Алисы — умирающей страдальцы.

Но Мери ничего не знала о происшествіяхъ этого дня, и съ радостью вдохнула свѣжимъ воздухомъ, вырвавшись отъ миссъ Симондсъ и Носпінгъ къ Вильсонамъ. Самая перемѣна душной атмосферы швейнаго магазина на вольный воздухъ улицы какъ-будто измѣнила самое направленіе ея мыслей. Она перестала такъ пристально думать о предметѣ, мучившемъ ее цѣлый день, перестала огорчаться осужденіями и пересудами своихъ подругъ; старинная вѣра въ успокоительное и примиряющее вліяніе Алисы внушала ей мысль, что даже и теперь, не смотря на безпамятство, безучастіе и болѣзнь, одно присутствіе Алисы можетъ еще пролить отраду и успокоеніе во всякую страждущую и смятенную душу.

Тутъ опять Мери внутренно упрекнула себя за то, что ей легко и пріятно было думать о совершенной безопасности своего пути: она не могла не радоваться, что тотъ, кого она привыкла такъ бояться, никогда уже не станетъ на ея дорогѣ, что онъ не встрѣтится ей ни за угломъ этого переулка, ни въ дверяхъ этого магазина, и ни въ одномъ изъ закоулковъ, по которымъ онъ обыкновенно прятался. О, какъ билось ея сердце! Но подно такъ ли, эта ли была причина его бѣнія и неотразимой радости, его переполнявшей? Эта ли причина заставляла ее наслаждаться каждымъ своимъ дыханіемъ и находить, что въ самомъ воздухѣ есть что-то особенное? Но вѣдь она сегодня встрѣтитъ, увидитъ, услышитъ Джема, и можетъ ли быть, чтобы онъ не понялъ наконецъ, чѣмъ занято ея любящее сердце!

Она тихо подняла скобу и отворила дверь, по праву стариннаго знакомства. Ею не было въ комнатѣ, но вотъ его мать стоитъ у очага и мѣшаетъ ложкою какое-то кушанье. Ничего! онъ вѣрно скоро придетъ. И вотъ, съ единственнымъ желаніемъ услужить и быть пріятною всѣмъ его домашнимъ, она легкою поступью вошла въ комнату; но мистрисъ Вильсонъ ничего не слыхала, занятая отчасти шипящимъ снадобьемъ, отчасти собственными печальными размышленіями, которыя выражала жалобными причитаніями вполголоса.

Мери выгомъ сняла шляпку и платокъ, и подойдя къ старушкѣ, обратила на себя ея вниманіе, сказавъ:

— Позвольте, я это сдѣлаю за васъ. Вы, я думаю, уже порядочно устали.

Мистрисъ Вильсонъ медленно обернулась, и узнавъ посетительницу, сверкнула на нее глазами, какъ дикій звѣрь, котораго раздражили въ кѣти.

— И ты еще смѣешь входить въ этотъ домъ, послѣ всего, что ты гутъ настряпала! Мало тебѣ того, что ты своими безстыдными штуками отняла у меня сына, такъ ты еще приходишь издѣваться надо мною, — надо мною, его матерью? А знаешь ли ты, гдѣ онъ теперь изъ-за твоихъ синихъ глазъ да желтыхъ косъ, скверная ты дѣвченка? Такъ-то ты губишь честныхъ людей! Вонъ отсюда, съ своей лицемѣрной рожицей, блѣлобрыся! Знаешь ли гдѣ Джемъ, куда онъ попалъ изъ-за тебя?

— Нѣтъ! процептала дрожащая Мери, совершенно растерявшаяся, подавленная и испуганная неожиданнымъ привѣтствіемъ раздраженной матери.

— Въ тюрьмѣ валяется! сказала старуха медленно и внятно, наблюдая за впечатлѣніемъ, производимымъ этими словами и какъ бы зная напередъ ужасное ихъ вліяніе. — Валяется въ тюрьмѣ, въ ожиданіи суда, а судить его будутъ за убійство молодого мистера Карсонса!

Отвѣта не было. Но какъ страшно блѣднѣло ея лицо, какъ дико расширились ея зрачки, какъ тряслась она всѣми членами, безсознательно ища опоры!

— Ты знала ли мистера-то Карсонса, что лежитъ теперь убитый? продолжала безжалостная старуха. — Въ народѣ говорятъ, что знала, и даже очень хорошо была съ нимъ знакома; и что изъ за этакой-то дряни, какъ ты, мой безцѣнный сынъ застрѣлил этого молодца. Только разумѣется это вздоръ: я знаю, что не онъ убійца. Хоть они и повѣсятъ его, а мать до послѣдняго издыханія будетъ клясться въ его невинности.

Она остановилась конечно отъ изнеможенія, а не отъ недостатка рѣчей. Мери заговорила наконецъ, но такимъ измѣнившимся и глухимъ голосомъ, что даже старая вдова дрогнула. Точно кто-то другой, невидимый заговорилъ вмѣсто Мери: такъ страненъ былъ этотъ охрипшій голосъ.

— Пожалуйста, повторите это. Я что-то не понимаю. Что сдѣлалъ Джемъ? Пожалуйста, скажите.

— Я и не говорила, что онъ сдѣлалъ. Я-то говорю, и готова поклясться тысячу разъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Что мнѣ за дѣло, кто слышалъ ихъ ссору на улицѣ, кто нашелъ тамъ его ружье около мертвого тѣла? Я знаю, что мой Джемъ неспособенъ идти убивать человѣка, изъ-за какой бы ни было вертлявой дѣвчонки. Мой

безцвѣтный, добрейшій Джемъ, котораго Богъ послалъ намъ тогда, какъ истинную небесную благодать!..

И разгорѣвшіеся глаза матери наполнились слезами, при воспоминаніи о томъ времени, когда она качала въ люлькѣ своего первенца. Потомъ, быстро перейдя къ сознанию настоящаго его положенія и быть-можетъ негодуя на себя, за то что выказала нѣкоторое мягко-сердечіе въ присутствіи этой Далилы, вовлекшей его въ бѣду, она снова заговорила самымъ рѣзкимъ тономъ :

— Говорила я ему, сколько разъ говорила, чтобы пересталъ думать о тебѣ: нѣтъ-таки, не слушался! А ты-то, голубушка моя! Да ты не стоишь и того, чтобы сапоги ему чистить. Низкая, подлая тварь! Хорошо еще, что мать твоя не знаетъ (бѣдняжка!), какая изъ тебя вышла негодница.

— Мать?.. О матушка! простонала Мери, какъ-бы призывая на помощь жалостливую покойницу. — Но это правда, я его не стоила. Знаю, что не стоила! прибавила она съ трогательнымъ смиреніемъ.

И въ душѣ ея страшно отозвались и прозвучали пророческія, вѣщія слова, которыя онъ сказалъ ей въ послѣднее ихъ свиданіе :

— «Мери! можетъ-быть вы услышите, что я сталъ пьяницей, или воромъ, или убійцею. Помните же: когда всѣ стануть осуждать меня, вы однѣ не будете имѣть на это никакого права, потому что одна ваша жестокость можетъ довести меня до всѣхъ крайностей.»

И она не думала осуждать его, хотя не сомнѣвалась въ его преступленіи; она чувствовала, что могла бы поступить такъ же безумно, еслибы имѣла случай ревновать его. А сколько же поводовъ къ ревности подала она ему своимъ преступнымъ, презрѣннымъ кокетствомъ! Продолжай, продолжай, неутѣшная мать! Ругай ее, унижай сколько хочешь: она чувствуетъ, что все заслужила.

Но какъ ни болѣло сердце у мистрисъ-Вильсонъ, а послѣднія слова Мери и ея глубоко-смиранный, униженный тонъ тронули ее; она взглянула на блѣдную дѣвушку съ такими жалкими глазами, съ такимъ безнадежно-грустнымъ лицомъ, и невольно смягчилась.

— Теперь видишь, каковы послѣдствія легкаго поведенія, Мери! Вѣдь это ты виновата, что подозрѣнія пали на него, тогда какъ онъ невиненъ какъ младенецъ въ утробѣ матери. На твоей душѣ будетъ грѣхъ, если его повѣсятъ. И моя смерть также падеть на твою голову.

Какъ ни жестки были эти слова, все же она произнесла ихъ уже не

сравненно мягче нежели предыдущія. Но образъ Джема на ащасотъ, Джема мертваго, до того поразилъ уже воображеніе Мери, что она только закрыла лицо руками, какъ-бы желая избавиться отъ этого ужаснаго зрѣлища.

Она прошептала нѣсколько словъ, и какъ ни тихо, какъ ни глухо выходили они изъ ея спертой гортани, изъ глубины страдающей души, Джени Вильсонъ разслышала ихъ. — Сердце разрывается! шептала Мери: сердце разрывается!

— Пустяки! возразила вдова. — Не тебѣ бы говорить такой вздоръ. Моему сердцу ужъ кажется слѣдовало бы разрываться побольше, чѣмъ твоему, а вотъ же я держусь, выношу! О Господи Боже мой! воскликнула она вдругъ, внезапно сознавая гнетущую опасность, угрожавшую сыну и разомъ перейдя въ другой тонъ: что же я говорю! Какъ я могу держаться и вынести, если и вправду тебя не будетъ, Джемъ? Хотя я и вѣрую, вполне вѣрую въ твою невинность, но если они довѣсятъ тебя, я слягу и умру.

Она громко зарыдала и застонала, при мысли о страшной участи, могущей постигнуть сына.

Мери встрепенулась.

— О, позвольте мнѣ во всякомъ случаѣ остаться и вмѣстѣ съ вами ждать, чѣмъ все это кончится. Милая, дорогая мистрисъ Вильсонъ! можно мнѣ здѣсь остаться?

И чѣмъ больше возставала и упрямялась мистрисъ Вильсонъ, тѣмъ настойчивѣе повторяла Мери свою тихую, смиренную мольбу: позвольте мнѣ остаться. Въ ея смятенной душѣ казалось только и осталось одно желаніе: остаться вмѣстѣ съ тою, которая заодно съ нею любила, заодно опасалась и горевала о Джемѣ.

Но нѣтъ! мистрисъ Вильсонъ была неумодима.

— Можетъ статься я погорячилась и обидѣла тебя, Мери: въ этомъ я готова сознаться. Но держать тебя здѣсь не могу; нѣтъ, еще не могу. Мнѣ все будетъ думаться, что вотъ твоя-то вѣтревость и доведетъ его до этого. Я буду сидѣть съ Алисою; можетъ-быть и мистрисъ Девенпортъ придетъ мнѣ пособить. А съ тобой я не могу, покойна не буду. Прощай. Завтра можетъ-быть я инаде на тебя взгляну; и то можетъ статься. А теперь прощай.

И Мери вышла изъ его дома; изъ того дома, гдѣ его любилъ, гдѣ и теперь оплакивали, — вышла на шумную, хлопотливую, многолюдную улицу, гдѣ уже за пол-пенни продавались афишки съ описаніемъ кровопролитнаго убійства и слѣдственнаго осмотра тѣ-

да и съ придобаніемъ изуродованнаго портрета предполагаемаго убойцы, Джамса Видсона.

Но Мери ничего не слыхала и не видѣла. Она стремилась впередъ, безсознательно и быстро, какъ во снѣ. Опустивъ голову, бѣжала она невѣрными шагами и какъ-то нечаянно выбрала самую прямую дорогу къ своему дому, который въ настоящую минуту имѣлъ для нея значеніе четырехъ стѣнъ и кровли, гдѣ можно спрятаться и тайкомъ отъ наглаго, безучастнаго свѣта выплакать свое немсходное горе, свою тяжкую муку; но не встрѣтить ей подъ этой кровлей ни привѣта, ни любви, ни сочувственныхъ слезъ!

Неподалеку отъ дома, въ двухъ минутахъ ходьбы отъ своей квартиры, ея отчаянный бѣгъ былъ приостановленъ легкимъ прикосновеніемъ чужой руки. Она быстро обернулась и увидѣла бѣднаго маленькаго итальянца, не то съ шарманкою, не то съ какою-то бѣлой мышкой въ ящикѣ. Заходящее солнце обливало его краснымъ свѣтомъ; иначе смуглое личико его поразило бы ее своею блѣдностью, а на длинныхъ черныхъ рѣсницахъ такъ и блестяли крупныя капли слезъ. Мягкимъ, тихимъ голоскомъ и милымъ, ломаннымъ языкомъ, онъ произнесъ по-англійски:

— Голодень, такъ голодень!

И чтобы пояснить жестомъ это слово, онъ указалъ на свои блѣдныя, дрожащія губки.

Мери нетерпѣливо отвѣчала мимоходомъ:

— О, мамотка, что значить голодь! Голодь ничего.

И доспѣшно пошла дальше. Но черезъ минуту сердце ея сжалось отъ собственныхъ, безжалостныхъ словъ; войдя къ себѣ, она быстро достала изъ шкапа остатки кушанья и побѣжала по улицѣ обратно. Между тѣмъ бѣдный безпріютный ребенокъ сълъ на землю, вмѣстѣ съ свѣтомъ крошечнымъ товарищемъ и одинокій, голодный, дилъ горькія слезы, бормоча что-то на чужомъ языкѣ и тихо приговаривая: «Машша шіа, машша шіа!»

Увидя нищу, принесенную дѣвучкою, ребенокъ тотчасъ вспрыгнулъ, съ той беззаботностью, съ той измѣнчивостью впечатлѣній, которая такъ свойственна дѣтскому возрасту. Онъ взглянулъ на коротенькое и пенальное личико, внушившее ему желаніе обратиться къ ней, и поклонившись ей съ истинно-итальянскою граціей, улыбнулся и поцѣловалъ ея руку; потомъ скороговоркою произнесъ какія-то благодаренія и принялся дѣлить добычу съ своимъ любимымъ товарищемъ. Мери постояла съ минуту, разведкаясь отъ

своей печали зрѣлицемъ этой милостивой дѣтской радости; затѣмъ она наклонилась къ мальчику, поцѣловала его въ лобъ и опять ушла подъ свой одинокій кровъ, чтобы остаться наединѣ съ своей мукой.

Войдя въ домъ, она заперла за собою дверь и стремительно сбросила долой шляпку, тяготясь каждою минутой, каждымъ предметомъ, который сколько-нибудь отвлекалъ ее отъ одной глубоко-безнадежной, неисходно-горькой мысли.

Потомъ она легла на полъ, да! простерла свои нѣжные члены по жесткому и холодному полу; выронила гребень изъ косы, и чудные волосы ея разметались по пыльному кирпичу, между-тѣмъ какъ она, положивъ голову на руки, разразилась глубокими, удушающими рыданіями.

О, жизнь земная! какъ тяжка и безотраднa показалась ты бѣдной дѣвочкѣ въ эту длинную ночь! Никто не утѣшилъ ее, никто не пожалѣлъ; а сердце разрывалось отъ раскаянія и угрызеній.

О, зачѣмъ она когда-либо прислушивалась къ рѣчамъ своего соблазнителя? Зачѣмъ она слушалась собственныхъ своихъ наклонностей и мечтаній о богатствѣ и пышности? И почему ей казалось такъ хорошо имѣть богатаго обожателя?

Она — положимъ, что она все это заслужила, ей подъяломъ; но онъ-то! въдь онъ сталъ ея жертвой, тогда какъ онъ и любимъ ею. Она не могла сообразить, не могла даже остановить своей мысли и обдумать, кто ему сказалъ, или какъ онъ узналъ о знакомствѣ ея съ Гарри Карсонсомъ. Такъ или иначе, теперь ясно, что онъ все это знаетъ. Что же онъ подумалъ объ ней? На любовь его уже нѣтъ больше надежды. Но Боже мой, это еще ничего, она бы отказалась отъ этой надежды съ радостью; лишь бы жизнь его, эта драгоценная жизнь не была въ опасности. Тогда она попробовала припомнить и сообразить всѣ подробности, которыя по мѣрѣ того, какъ высказывала ихъ мистрисъ Вильсонъ — какъ-то тупо и безсвязно достигали ея слуха: что-то насчетъ ружья, ссоры... Она не могла хорошенько припомнить. О, какъ страшно думать о его злодѣйствѣ, о его кровавомъ преступленіи! Онъ, который всегда былъ такъ добръ, такъ высокъ и благороденъ, теперь убійца... И она мысленно отшатнулась отъ него съ ужасомъ. Но черезъ минуту, съ горькимъ раскаяніемъ, душа ея уже снова льнула къ его образу, съ новымъ порывомъ страстной, самоотверженной любви. Но она ли привела его къ этой безднѣ, въ которую онъ упалъ? И ей-ли

его судить? ей-ли осуждать? Кто знаетъ, быть-можетъ ревность довела его до безумія, быть-можетъ одна минутная вспышка слѣпого, неудержимаго гнѣва довела его до преступленія. И она еще смѣетъ осуждать его, послѣ того, что онъ ей сказалъ въ своей послѣдней рѣчи, такъ полной мольбы, предостереженія и пророческой истины!

Она снова зарыдала. Наплакавшись вдоволь, опять стала думать и думать. Эшафотъ, эшафотъ!.. Вотъ онъ рисуется чернымъ пятномъ въ багровомъ воздухѣ, который чудится повсюду ея воспаленнымъ, наболѣвшимъ глазамъ. О, такъ можно съ ума сойти! И она затихла на полу, повидимому советѣмъ безъ движенія, но въ головѣ ея крѣпко бьются напряженные жилы и мутятъ разсудокъ.

Какое-то чудное забвеніе настоящаго охватило ея душу, наполнивъ ее воспоминаніями и образами давно прошедшаго времени; она думала о тѣхъ дняхъ, когда во всякой винѣ своей и во всякомъ горѣ приходила исповѣдываться къ матери, и прилегая къ ея сострадательному, любящему сердцу, всегда находила тамъ нѣжныя слова, утѣшенія и надежды; когда любовь матери казалась ей до того всеобъемлющею и могущею, что конца ей быть не могло; когда голодъ казался ей (какъ маленькому иностранцу, котораго она только что накормила) чѣмъ-то страшнымъ, о чемъ стоило заботиться и горевать; когда Джемъ игралъ съ нею вмѣстѣ и вносилъ въ игры ихъ снисходительный элементъ старшаго и разумнѣйшаго, тогда какъ она предавалась мелкимъ кукольнымъ интересамъ съ полною искренностью и съ наивною увѣренностью, что для негоэти мелочи такъ же важны и дороги, какъ и для нея; когда отецъ ея былъ человѣкомъ веселымъ и пріятливымъ, и выше всего въ мірѣ ставилъ любовь своей жены и дружбу своего закадычнаго Джоржа Вильсона; словомъ (круговоротъ мыслей вертѣлся главнѣйше вокругъ этого пункта), когда мама была жива, а онъ не былъ убійцею.

Наконецъ благословенный покой низошелъ на нее; отъ воспоминаній она незамѣтно перешла къ безсвязнымъ, отрывочнымъ мыслямъ, и вслѣдъ затѣмъ впала въ глубокой сонъ. Да, въ этой непривычной позѣ, на холодномъ и жесткомъ полу, она все-таки заснула, и снова привидѣлись ей знакомыя сцены и лица, и мать приходила къ ней и цѣловала ее, и много милыхъ покойниковъ снова ожило и пронеслось передъ нею въ счастливомъ мірѣ сновидѣній; все воротилось въ прежнемъ видѣ, въ сіяньи беззаботнаго дѣтства,

даже тотъ котенокъ, котораго она такъ любила и холила тогда, и такъ давно уже позабыла съ тѣхъ поръ. Всѣ были на лицо.

Внезапно она проснулась, разомъ опомнилась и пришла въ себя. Ее разбудилъ какой-то шумъ. Она съела, подобрала волосы, еще мокрые отъ слезъ, и стала прислушиваться. Сначала ей только и было слышно одно бѣненіе собственнаго сердца. Все было тихо, кругомъ, потомучто было уже далеко за полночь и не мало часовъ провела она въ смертельной мукѣ; мѣсяць ярко свѣтилъ въ незавѣщенное окно, освѣщая комнату почти какъ днемъ, но только синеватымъ, холоднымъ блескомъ. Послышался тихій стукъ въ дверь... Странное чувство втѣснилось въ сердце Мери: точно что-то сверхъестественное, духовное обвѣяло ее; какъ будто покойники, только что поствѣвшіе ее во снѣ, были еще тутъ, и смутными, страшными призраками летали вокругъ. А впрочемъ, почему же страшными? Вѣдь они ее любили; а теперь кто ее любить на свѣтѣ? Она такъ одинока, такъ сиротлива, что рада и призракамъ тѣхъ людей, которые хоть когда-нибудь ее любили. Если была гдѣ-нибудь душа ея матери, то жила въ этой душѣ и неистощимая, безсмертная любовь къ своему дитяти. И такъ она успокоилась, перестала бояться и стала слушать — прислушиваться.

— Мери, Мери! Отвори дверь!

Невидимому легкія движенія Мери заставляли посетителя думать, что она не спитъ. А голосъ спаружи былъ совершенно голосъ ея матери; и именно ея южное произношеніе, ея манера, которую Мери такъ хорошо помнила и съ такою любовью старалась иногда передразнить, сидя одна за работою.

И она безъ всякаго страха, безъ всякихъ колебаній встала и отперла дверь. Тамъ, освѣщенная луною, стояла жемская фигура, до таковой степени схожая съ ея покойной матерью, что Мери и въ голову не пришло сомнѣваться въ ея личности, и какъ испуганный ребенокъ, ищущій покровительства въ объятіяхъ заботливыхъ родителей, она закричала:

— О мама, мама! Наконецъ! и бросилась, или лучше сказать, упала въ дрожащія руки своей давно пропавшей и наконецъ неузнанной тетки Эсеири.

ГЛАВА XXI

Тяжка печаль и грустенъ свѣтъ,
 Ни сна, ни покоя мнѣ бѣдной вѣтъ.

Пѣснь Маргариты (изъ - Фауста).

Мы должны сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы объяснить, почему Эсфирь сочла за нужное видѣться съ племянницею.

Убийство совершилось въ четвергъ, въ сумерки, и отъ этого часа до слѣдующаго утра прошло довольно времени, чтобы вѣсть объ убійствѣ успѣла распространиться по городу и достигла до всѣхъ, кто по долгу службы, по личной надобности или по грѣхамъ своимъ случился въ эту ночь на улицахъ Манчестера.

Такимъ образомъ вѣсть ата дошла и до Эсфири.

Въ душѣ ея возродилось страстное желаніе узнать все подробности. Какъ ни далеко была она въ это время отъ Точильной улицы, но тотчасъ отправилась на мѣсто преступленія и пришла туда къ началу разсвѣта. Мѣсто было до того пустынно и тихо, что она усомнилась, то-ли это. Единственный признакъ какого-либо насилія представляла полоса притоптанной пыли на дорогѣ, какъ будто тутъ кто-то лежалъ и былъ поднятъ постороннею силою. Единственный опредѣленный звукъ въ окрестности производили маленькія пташки, начинавшія перекликаться и порхать по безлиственному шетню. Она перелѣзла черезъ плетень въ поле, гдѣ по всей вѣроятности долженъ былъ стоять убійца. Перелѣзть было не-трудно, потому что ветхій, обшарканный плетень во многихъ мѣстахъ былъ проломанъ. Приятный запахъ помятой, росистой травы поразилъ ее обоняніе, когда она пошла къ пыльному заводу, который, какъ уже было сказано, стоялъ въ полѣ неподалеку отъ дороги, и гдѣ, судя по слухамъ и по догадкамъ полицейскихъ, долженъ былъ прятаться злодѣй, въ ожиданіи своей жертвы. Однако и тутъ не замѣтно было никакихъ слѣдовъ пребыванія человеческого. Если трава и была стоптана или хоть помята, то въ продолженіе свѣжей, росистой ночи она успѣла уже ожить и выпрямиться. Эсфирь съ вольнымъ благоговѣніемъ загладила дыханіе; но ничто не говорило ей, чтобы на этомъ мѣстѣ кровавое злодѣйство лишило человѣка жизни. Съ минуту она постояла недвижно, воображая взаимное по-

ложеніе противниковъ, приче́мъ руководствовалась единственнымъ признакомъ — полосатою чертою на пыльной дорогѣ.

Какъ вдругъ (въ это время солнце еще не показывалось на горизонтѣ) она замѣтила у плетня что-то бѣлое. Всѣ остальные цвѣта сохраняли еще одинако неопредѣленный оттѣнокъ, хотя очертанія предметовъ были уже довольно ясны. Что-жь это такое? цвѣтокъ? не можетъ быть: теперь не то время года; комокъ снѣга, заледе- нѣвшій и залежавшійся тутъ въ старыхъ прутьяхъ? Надо посмотре́ть поближе. Оказалось, что это обрывокъ толстой бѣлой бумаги, свернутой и скатанной шарикомъ. Она тотчасъ поняла назначеніе этого шарика: то былъ пыжъ, приготовленный для ружья убійцы. Следовательно, она теперь стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ застрѣлъ убійца, вѣроятно какой-нибудь несчастный изъ числа выключенныхъ съ фабрики рабочихъ, какъ говорили въ городѣ, одинъ изъ тѣхъ бѣдняковъ съ дикимъ, свирѣпымъ взглядомъ, которыхъ теперь встрѣчалось такое множество на всѣхъ перекресткахъ, и кото́рые, казалось, постоянно замыслили что-то недоброе. Эсвиръ съ своей стороны вполне имъ сочувствовала, потому что понимала всѣ ихъ страданія; къ тому-же она питала личную ненависть къ мистеру Карсонсу, боясь его вліянія на судьбу Мери. Впрочемъ — бѣдная Мери! Смерть, хотя и ужасное, но вѣрное средство отъ того зла, котораго для тебя такъ боялась Эсвиръ; а какъ же пережить такую утрату, если ты любила Карсонса такъ, какъ предполагала тетка Эсвиръ?

Бѣдная Мери! Кто ее утѣшитъ? Эсвиръ живо представляла себѣ ея горе, ея отчаяніе, когда она узнаетъ о смерти своего возлюбленнаго; и хотѣлось ей пойти къ Мери и сказать ей, что бываетъ горе, бываетъ зло хуже этого.

Свѣтло и радостно сверкнули лучи восходящаго солнца. Пора было существовать, подобнымъ ей, прятаться отъ дневнаго свѣта, озаряющаго только чистыхъ тварей. Она направилась обратно къ городу, все еще держа въ рукѣ бумажку. Перелѣзая черезъ плетень, она нашла однако же неудобнымъ держать ее и откинула въ сторону. Потомъ пошла дальше, все раздумывая о Мери; и вдругъ сообразила, что бумажка, хотя кажется и чистая, можетъ какъ-нибудь навѣсть на слѣдъ убійцы. Такъ какъ сочувствіе ея все-таки было на сторонѣ этого послѣдняго, то она тотчасъ воротилась и подняла бумажку; потомъ, чувствуя себя уже до нѣкоторой сте-

пени сообщницею преступника, она крѣпко сжала ее въ рукѣ и поспѣшно перешла на другой конецъ улицы.

Отойдя довольно далеко отъ того мѣста, она рѣшилась наконецъ заглянуть, не написано ли чего на смятой бумажкѣ; и можно ли вообразить, что она почувствовала, когда увидѣла на ней имя Мери Бартонъ, и не только имя, но даже адресъ ея квартиры! Правда, одна или двѣ буквы были оторваны, но тѣмъ не менѣе въ имени нельзя было сомнѣваться. О! какая ужасная мысль мелькнула вдругъ въ головѣ ея... Имя ей такъ только показалось? Но какъ похожъ этотъ почеркъ на одну давно-знакомую ей руку, на руку Джемса Вильсона, котораго въ тѣ времена, когда она еще жила съ зятемъ, и Вильсоны были имѣ ближайшіе сосѣди, она часто заставляла писать вмѣсто себя письма къ тѣмъ особамъ, передъ которыми стыдилась своего собственнаго криваго почерка! Она помнила, какъ нравились ей тогда его удивительные росчерки и какъ Джемъ, писавшій подъ ея диктовку, любилъ щегольнуть своею каллиграфіей и выводилъ передъ нею самыя замысловатыя завитушки и фигурки.

Что, если это его рука?

О, можетъ-быть ей только такъ кажется, потому что она все думаетъ о Мери и ко всякимъ мелочамъ приплетаешь ея имя; да и почеркъ... какъ-будто одинъ только человекъ и пишетъ съ такими закорючками и росчерками!

Довольно. Нечего больше раздумывать о томъ, какихъ бѣдъ могла бы навлечь эта бумажка на Мери. Надо еще разъ посмотрѣть на нее хорошенько и сообразить, не можетъ ли въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь тупоголовый полицменъ принять это имя за имя Мери, и впутать ее такимъ образомъ въ уголовное дѣло.

Нѣтъ! Не остается ни малѣйшаго сомнѣнія: на бумажкѣ стоитъ «ри Бартонъ», и почеркъ дѣйствительно принадлежитъ Джемму.

О, если это такъ, то все понятно теперь, и всему причину она сама. Ея порывистая, страстная натура, разслабленная порокою жизнью и сознаниемъ своего униженія, довела ее до болѣзненнаго припадка отчаянія: она проклинала себя, за то что вмѣшалась въ дѣла Мери; за то что вмѣшательство это, какъ она думала, причинило всѣ бѣды; за то что совѣтъ, поданный ею Джемму, и увѣщанія ея подвинули его на это злодѣяніе. И какъ она смѣла, несчастная, отверженная грѣшница, надѣяться, что черезъ нее можетъ совершиться что-либо благое, что Богъ благословитъ ея начи-

наше! Проклятіе небесное тяготѣетъ надъ великимъ ея дѣйствіемъ, съ какимъ бы намѣреніемъ она ни предпринимала его...

Бѣдная, наболѣвшая душа! И некому было исцѣдить тебя!

Такъ и бродила она по улицамъ, до того растроенная и смущенная, что не въ состояніи была предаться своему обычному, тяжолому утреннему сну. Блуждая по городу то туда, то сюда, она жадно прислушивалась ко всѣмъ толкамъ, старалась поймать на лету всякія свѣдѣнія, предположенія и подозрѣнія, возникавшія въ народѣ по поводу убійства, хотя сама хорошенько не знала, зачѣмъ ей все это. И во все время она такъ крѣпко сжимала въ рукѣ роковую бумажку, что слѣды отъ ея ногтей глубоко врѣзались въ ладонь, и все она боялась какъ-нибудь нечаянно выронить этотъ обвинительный документъ.

Около полудня природа вступила въ свои права, и Эсвирь не въ силахъ была долѣе противостоять желанію отдохнуть и поѣсть. Но гдѣ же ей отдыхать, кромѣ кабака? И вмѣстѣ всякой другой нищии она проглотила рюмку джина.

Потомъ, очнувшись отъ оцѣпененія, которое принимала за отдыхъ, и слѣдуя первому порывистому влеченію, она поспѣшно пошла въ то мѣсто, гдѣ въ эту самую минуту полиція представляла показанія, относящіяся къ убійству, занимавшему въ городѣ общее вниманіе. Она прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ къ отрывочнымъ вѣстямъ, долетавшимъ до ея слуха изъ залы присутствія, и пояснявшимъ ей ходъ дѣла все болѣе и болѣе. Подозрѣніе пало на Джема. Джема формально обвиняли въ убійствѣ.

Она видѣла его (хотя онъ, погруженный въ глубокую и горькую думу, не видалъ ея); видѣла, какъ его, закованнаго въ кандалы, высадили изъ кареты и провели подъ карауломъ въ залу присутствія. Съ замираніемъ въ груди ждала она, пока его вывели изъ залы, и все еще скованнаго, подъ тѣмъ же карауломъ, увезли обратно въ тюрьму.

Одинъ онъ поговорилъ съ нею побратски; одинъ онъ имѣлъ ей надежду на возвращеніе на истинный путь. Его слова звучали еще въ ея сердцѣ какъ небесный призывъ; какъ дальній колоколъ родимаго храма, хотя она не послушалась тогда его голоса, и въ отчаяніи своемъ не пошла за нимъ. А онъ одинъ только и общался съ нею привѣтливо. Убійство, какъ ни ужасно оно, было для нея дѣломъ постороннимъ, побочнымъ, на которомъ она не могла и не хотѣла останавливать своего вниманія; одно только умѣщается теперь

въ ея головѣ: Джемъ въ опасности, добрый и сострадательный Джемъ!

Тутъ она опять вспомнила о Мери. Эсэирь ломала себѣ голову до истощенія силъ, стараясь придумать, какъ Мери относилась ко всему этому дѣлу, какъ она приняла его? Во всякомъ случаѣ это долженъ быть страшный ударъ для бѣдной сиротки, лишённой матери и живущей притомъ съ такимъ суровымъ отцомъ; для Эсэирь Джонъ Бартоуъ былъ нѣчто въ родѣ духа-обвинителя.

Она направилась къ дому Бартоуовъ, съ намѣреніемъ и тамъ добиться какихъ-нибудь свѣденій. Но войти во дворъ, гдѣ она жила когда-то въ чистотѣ и невинности, она посовѣстилась; и стала ходить вокругъ, по всѣмъ переулкамъ, не смѣя даже распрашивать сосѣдей; такимъ образомъ она узнала немного: слышала только, что Джона Бартона нѣтъ въ городѣ.

Войдя въ чьи-то темныя сѣни, она сѣла въ изнеможеніи на порогъ и задумалась. Положивъ локти на колѣна и голову на руки, она пыталась собраться съ мыслями. Но отъ времени до времени все-таки разжимала руку и смотрѣла, тутъ ли бумажка.

Наконѣцъ она встала. Она составила цѣлый планъ дѣйствій и рѣшилась привести его въ исполненіи; чтобы удовлетворить хоть одному изъ пылкихъ своихъ стремленій. Увы! давно уже прошло то время, когда она могла похвалиться мудростью и последовательностью своихъ изобрѣтеній!

Становилось поздно; но тѣмъ лучше. Она отправилась въ швейную лавку и сѣла въ свои наряды въ особой комнатѣ. Такъ какъ хозяева лавки знали ее и считали благонадежною покупательницей, то ей нетрудно было уговорить ихъ ссудить ее полнымъ комплектомъ верхняго платья, приличнаго женѣ какого-нибудь мастера. Ей дали черную шелковую шляпку, ситцевое платьѣ и шёлчатый шерстяной платокъ, конечно поношенный и немного потасканный, но въ глазахъ уличной потаскушки имѣвшій какое-то священное значеніе, потому что то былъ обычный костюмъ честныхъ швейцанокъ, къ числу которыхъ ей уже никогда не принадлежать!

Она посмотрѣлась въ зеркальцо, висѣвшее на стѣнѣ, и печально покачавъ головою, подумала, какъ легки и несложны обязанности жизни въ этомъ раю непорочности, который для нея нѣтъ ни запертъ! Какъ охотно стала бы она работать, трудиться, выбиваться изъ силъ, терпѣть бѣдность, умирать — если нужно — для мужа, для семейнаго очага, для дѣтей!.. Но эта мысль была выше ея силъ:

изъ адскаго пламени ея болѣзненной фантазіи возсталъ легкій образъ малютки, суровой въ своей непорочности... И она какъ безумная кинулась дальше.

Мы уже знаемъ, какъ она очутилась у порога Бартоновой квартиры, какъ стояла, трепетно ожидая, пока отперется завѣтная дверь и какъ племянница, съ раздрающимъ воплемъ, упала въ ея объятія.

Эсфирь думала, что какое-нибудь чудо оттолкнетъ ее отъ священнаго входа въ чистое жилище ея дѣтства, и рѣшилась вовсе не входить, безъ особаго приглашенія. Но стремительное движеніе бѣдной Мери, ея ласка и незащитность взяли верхъ надъ опасеніями и колебаніями тетки: поддерживая, почти неся на рукахъ племянницу, она повела ее къ стулу, глядя ей въ глаза и не понимая, отчего Мери, пораженная ея сходствомъ съ матерью и почти обезумѣвшая, такъ странно на нее смотреть.

Вслѣдствіе задуманнаго плана, Эсфирь намѣрена была представлять роль жены мастерового, такъ какъ она приняла уже соотвѣтственный этой роли костюмъ; но въ такомъ случаѣ, чтобы какъ-нибудь объяснить свое продолжительное отсутствіе и совершенное отчужденіе отъ милыхъ родныхъ, она должна была притворяться очень равнодушною и укротить всѣ нѣжные порывы своего страстнаго сердца, своей любящей, хотя и порочной души. Это было трудно, и за то Эсфирь такъ пересолила свою роль, что Мери почувствовала родъ невольнаго отвращенія отъ тетки, такъ сильно измѣнившейся, такъ странно пропадавшей, такъ неожиданно явившейся снова. О, какъ ждалось бы сердцу бѣдной Эсфири, если бѣ она знала что о ней думаетъ теперь малютка-племянница, ея любимица и баловница прежнихъ лѣтъ!

— Ты, я вижу, не узнаешь меня, Мери? начала она. — Давно уже я съ вами разсталась, и право, не разъ уже думала съѣздить навѣстить тебя и отца твоего. Но я живу такъ далеко, я такъ занята всегда, что рѣдко могу дѣлать что мнѣ вздумается. Ты вѣдь помнишь тетку Эсфирь, Мери? помнишь?

— Такъ вы тетя Гетти? спросила Мери чуть внятно, все-еще всматриваясь въ ея лицо и не находя въ немъ ни тѣни прежней, свѣжей красавицы-тетки.

— Да, я тетя Гетти. О, какъ я давно не слышала этого названія!.. И она вздохнула отъ тягостныхъ воспоминаній, но тотчасъ оправившись и не желая измѣнять принятой роли, она продолжала: — А сегодня я услышала, что одинъ изъ вашихъ друзей и мой да-

внѣшній пріятель попалъ въ бѣду; подумала, что ты вѣроятно въ горѣ, да вотъ и рѣшилась придти къ тебѣ, понавѣдаться.

Слезы ручьями потекли изъ глазъ Мери, но она не имѣла ни малѣйшаго желанія отрестить душу съ этой удивительной тетушкой, которая сама признавалась, что невзначай отвернулась отъ нихъ и пропадала нѣсколько лѣтъ сряду.

Однако она разсудила, что все-таки слѣдуетъ быть благодарной за всякую доброту и вниманіе, хотя бы и эгоиставшее, и рѣшилась быть любезной. Сверхъ того, ей страхъ какъ не хотѣлось говорить объ ужасномъ предметѣ, занимавшемъ всѣ ея мысли и чувства. Помолчавъ немного, она сказала:

— Благодарю васъ. Вы, право, очень добры. Издалека ли вы шли теперь? Ахъ, какъ мнѣ совѣстно! продолжала она, внезапно вставая съ мѣста и потомъ снова садясь: но вообразите, у меня рѣшительно нечѣмъ накормить васъ, а вы вѣрно проголодались съ такой дальней дороги.

Мери воображала, какъ видите, что тетка живетъ гдѣ-нибудь на другомъ концѣ города, очень далеко отъ нея. Но вообще надо признаться, что она объ ней немного думала: сердце ея было полно, такъ обременено другими, важными предметами, что все остальное она едва сознавала. Изъ разговора съ теткою она узнавала кое-что, но ни связать этихъ свѣденій, ни сообразить ихъ, ни вывести изъ нихъ что-либо, она положительно не могла, да и не желала.

А Эсвирь? Ея худоба, пересохшія губы и блѣдность явно свидѣтельствовали о томъ, что уже давно не ѣла она досыта; но конечно не изъ ея устъ можно было узнать объ этомъ. Она слегка заомѣталась, неестественнымъ и нервическимъ смѣхомъ, и сказала:

— О, Мери, моя милая! Объ ѣдѣ пожалуста не беспокойся. У насъ всего много, и все хорошее, потому что мужъ мой отличный мастеровой. Я такъ славно поужинала передъ уходомъ изъ дому, что теперь чего хочешь подавай, я бы и притронуться не могла!

Эти слова произвели на Мери самое скорбное впечатлѣніе. Она помнила, что тетка всегда отличалась большою привѣтливостью, великодушіемъ и сердечною добротой. Какъ же круто измѣвилась она, если живетъ въ такомъ довольствіи и ни разу не вздумала навѣдаться о близкихъ родныхъ, которые только-что съ голоду не умирали! Она почувствовала невольное отвращеніе отъ тетки.

А блѣдная Эсвирь во все это время глотала слезы, утрировала свою роль и всячески силилась преодолѣть себя, чтобы какъ-нибудь

не отворотить отъ себя племянницу и не допустить ее догадаться, что она такое: — отверженная, продажная тварь!

Она всею душой стремилась во всем открыться и признаться той, которая когда-то любила ее; и все удерживалась, превозмогая себя; изъ страха чтобы Мери не погнубилась, не отвернулась отъ нея, не выказала ей глубокаго презрѣнія при такомъ признаніи. Лучше скорѣе приступить къ настоящей причинѣ своего посѣщенія, лучше разомъ покончить этотъ визитъ, потомучто она чувствовала, что не можетъ дольше поддерживать эту роль.

Онѣ сѣли другъ противъ друга; у маленькаго круглаго стола; свѣча стояла между ними, но Эсвиръ тотчасъ сдвинула ее въ сторону, чтобы яенѣ видѣть лицо Мери и прочесть на немъ, что она почувствуетъ, къ чему и къ кому лежитъ у ней сердце.

— Вотъ, кажется мнѣ, очень печальное дѣло, началъ она: — это убійство мистера Карсона.

Мери слегла дрогнула.

— Я слышала, что обвиняютъ Джемса Вильсона.

Мери закрыла глаза руками, какъ будто отъ свѣта, между тѣмъ какъ Эсвиръ, менѣе привыкшая сдерживать себя, пришла уже въ такое возненіе, что перестала наблюдать за Мери.

— Я гуляла около Точильной улицы, и пошла посмотреть то мѣсто; продолжала Эсвиръ. — И вообрази, какъ нарочно, попалась мнѣ подъ ноги вотъ эта бумажка (съ этими словами она показала ей драгоценный обрывокъ, все еще смятый въ ея рукѣ); видно, что она приготовлена была для зарыда въ ружье; это ясно, потомучто она и скатана была шарикомъ. Я испугалась за виновника, кто бы онъ тамъ ни былъ (я тогда еще и не знала, что въ убійствѣ подозрѣваютъ Джема), а подумала только, что не слѣдуетъ обставлять ничего, что могло бы навѣсть на слѣдъ и обличить человека; а полиція вѣдь пользуется для этого малѣйшимъ указаніемъ. Вотъ я отнесла бумажку подальше, развернула ее и увидѣла тамъ твое имя, Мери.

Мери отняла руки отъ лица и при этихъ словахъ съ удивленіемъ посмотрѣла на тетку. Что жъ, кажется она все-таки доброй женщиной, потомучто потрудилась же избавить ее отъ неприятности попасть въ уголовное дѣло и являться для отвѣта въ судъ! А этого-то Мери и боялась больше всего на свѣтѣ: она думала, что ей обличивые и вѣсные отвѣты могутъ какъ-нибудь повредить Джему и еще больше его запутать. Тетушка въ самомъ дѣлѣ предобрая, что избавила ее отъ этого обстоятельства.

Не замѣчая удивленныхъ взглядовъ Меря, Эсбиръ продолжала. Самый процессъ разговора былъ ей такъ непривыченъ и труденъ, и притомъ такъ часто прерывался короткими, сухими вышлепъ, которыми она давно уже постоянно страдала, что она вся занята была механическою стороною своей рѣчи и не могла смилостиво и подробно наблюдать за Меря.

— Еслибы эта бумажка попала въ руки полицейскимъ, то они не усомнились-бы ни на минуту. Посмотри, вотъ твое имя и адресъ вашего дома; я притомъ написано рукою Джима, кажется. Взгляни, Меря.

И она пристально посмотрѣла на племянницу.

Меря взяла бумагу; расправила ее, потомъ внезапно вскочила съ мѣста съ какимъ-то неудержимымъ, рывкимъ движениемъ; лицо ея было строго и неподвижно, какъ-будто окаменѣло отъ внезапнаго ужаса; губы были крепко сжаты; словно со страху испустить какое-нибудь восклицаніе. Вслѣдъ затѣмъ она такъ же быстро и неловко упала обратно въ кресла, но не произнесла ни слова.

— Это его почеркъ, кажется вѣдь такъ? спросила Эсбиръ, хотя по лицу Меря это ужъ и такъ было видно.

— Вы никому не скажете? Никогда не скажете? проговорила Меря такъ сурово и серьезно, что мольба ея больше походила на угрозу.

— Нѣтъ; Меря, отвѣчала Эсбиръ съ упрекомъ. — Я не такъ зла, Меря. О, неужели ты могла подумать, что я способна на это, когда-бы я ни была!

Слезы выступили на ея глазахъ при мысли, что ее считаютъ способною донести на стариннаго друга.

Меря замѣтила ея грустный и укоризненный взглядъ.

— Нѣтъ, я вѣдь знаю, что вы не скажете; тетусина. Я сама не знаю что говорю, совсѣмъ голову потеряла. Но вы скажите мнѣ сами; что не скажете, пожалуйста.

— Нѣтъ; Меря, не скажу ни въ какомъ случаѣ.

Меря все-еще смотрѣла надпись и тщательно перевертывала въ рукѣ бумажку; въ надеждѣ какъ-нибудь разувериться. Но самыя опасенія ея отнимали всякую надежду.

— Я думала, что ты имѣла склонность къ тому молодому человеку; что убить теперь, замѣтила Эсбиръ видя голосъ. Но она тотчасъ почувствовала, что въ склонностяхъ Меря не можетъ быть обманна, и что того какъ она съ такимъ жаромъ отстаивала убійцу и такъ

болгась чѣмъ-либо навлечь на него подозрѣніе. Эсѳиръ пришла съ тѣмъ чтобы узнать, до какой степени Мери горюеть о Карсонсъ, и рада была придаться къ найденной бумажкѣ, чтобы начать этотъ разговоръ. Съ этою же цѣлью сдѣлала она и вопросъ о почеркѣ Джема, но какъ только выговорила его, такъ и распаялась, видя смятеніе Мери; однакоже смятеніе это такъ положительно говорило въ пользу Джема, что Эсѳиръ не сомнѣвалась больше въ ея предположеніи.

Все это до того ее изумляло, что она вовсе сбилась съ толку и потеряла всякое соображеніе. Мери молчала. Она крѣпко держала въ рукѣ бумажку, рѣшившись ни за что на свѣтѣ не отдавать ее назадъ, и душевно желая, чтобы тетка оставила ее одну. Въ эту минуту лицо ея очень напоминало умершую дочь Эсѳиръ.

— Какъ ты похожа на мою дѣвочку, Мери! сказала Эсѳиръ, оставшая думать о предметѣ, въ которомъ наконецъ ничего не понимала, и охотно переносясь мыслью къ своей крошкѣ.

Мери подняла глаза.

Стадо-быть у тетушки дѣти есть! Вотъ все, что она подумала объ этомъ. Ей и въ голову не пришло, какого рода любовь и печаль вынаши на долю этой несчастной женщины, а не то она бы взяла ее, заблудшую грѣшницу, въ свои объятія, приголубила бы ее и попробовала залечить раны ея разбитого сердца. Но нѣтъ, этого не случилось. Такъ у тетушки дѣти есть! надо-бы что-нибудь спросить объ нихъ... Но прежде нежели она надумалась, что спросить, другія мысли отвлекли ее отъ этого предмета и она снова углубилась въ разсматриванье бумажки и почерка. Ахъ, кабы тетушка ушла поскорѣе!

Желаніе это было до того сильно, что магнетически подѣйствовало на Эсѳиръ, хотя Мери ничѣмъ его не выразила. Тетка почувствовала вдругъ, что она лишняя и что ее желаютъ удалить.

Съ этою мыслью она еще нѣсколько времени посидѣла, все еще не рѣшаясь уйти. Это давно-желанное, страшное свиданіе съ Мери торрѣко разочаровало ее: она хотѣла внушить ей почтеніе, сказавшись замужнею женщиной, а между тѣмъ всѣмъ сердцемъ рвалась открыть ей настоящее свое положеніе и именно тѣмъ возбудить сочувствіе и ласку. А кромѣ почтенія ничего не добилась. Впоследствии, можетъ-быть она будетъ и кстати, но въ настоящую минуту отчаяніе ея еще усилилось.

И такъ, надо оставлять старое жилище, котораго самія стѣны

и кирпичный полъ, какъ ни были они грязны и бѣдны, имѣли для нея особую, незамѣнимую прелесть. Надо покинуть убѣжище нищеты для гораздо ужаснѣйшаго убѣжища порока. Она должна уйти, — и уйдесть.

— Ну, прощай Мери. Я вижу, что этотъ лоскутокъ бумаги не напрасно попалъ въ твои руки. Но ты взяла съ меня слово никому не говорить о семьѣ; такъ и я требую отъ тебя обещанія, содѣлать его сегодня же.

— Общаю, отвѣчала Мери глухо, но твердо. Такъ вы уходите?

— Ухожу. А впрочемъ, если хочешь, я останусь. Не могу ли я въ чемъ-нибудь помочь тебѣ, Мери? прибавила она, хватаясь за лучъ надежды, какъ утопающій за соломенку.

— О нѣтъ, отвѣчала Мери, трепетавшая за свое одиночество. — Вашъ мужъ вѣрно ужъ беспокоится о васъ. Когда-нибудь вы хорошенько расскажете мнѣ о своемъ семействѣ. Какъ-бишь, ваша фамилія?

— Фергюссонъ, отвѣчала Эсэиръ съ грустью.

— Мистрисъ Фергюссонъ, повторила Мери почти бессознательно. — А гдѣ, вы говорили, вы живете?

— Я никогда не говорила, пробормотала Эсэиръ и прибавила вслухъ: — въ Энджелскомъ полѣ, № 145, Николаевская улица.

— 145, Николаевская улица, Энджелское поле. Буду помнить.

Пока Эсэиръ собиралась и куталась въ свой клѣтчатый платокъ, Мери пришло въ голову, что она была черезчуръ холодна и черства съ теткою, которая конечно съ добрымъ намѣреніемъ принесла ей бумажку (этотъ ужасный, роковой обрывокъ), и тѣмъ спасла ее Богъ-знаетъ отъ сколькихъ бѣдъ. Желая вознаградить ее за свое прежнее равнодушное обхожденіе, она хотѣла поцѣловать ее на прощанье. Но къ удивленію ея, тетка оттолкнула ее съ какою-то дикою стремительностью, говоря: «Не меня! Никогда не цѣлуй меня, ты!»

И бросилась въ дверь, на темную улицу. И стала тамъ долго и горько плакать погибшая женщина...

СДВО ИВНАИЧАТАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ВУЖЕННА (*)

Доуверима о странносттахъ любви:
Не смисли я ардого раздвова!
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взира,
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу таготить,
И, всюду насъ преслѣдуя, томить
Предметъ одинъ и думы и страданій:
Не правда-ли? — въ толпѣ младыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ — и находимъ;
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Шаръцима восторговъ переводимъ.
Коглаже мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И въ радостяхъ, на ложе наслажденій,
Стыдливую склонили красоду;
Когда любви забыли мы страдаче
И нечего намъ болѣе желать,
Чтобъ оживить о ней воспоминанье —
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

1893 г.

(*) Доставлено въ редакцію Н. В. Гербелемъ.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЛИТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(посвящается М. М. Достоевскому)

ЭПИЛОГЪ

ПОСЛѢДНІЯ ВОСПОМІНАНІЯ

Половина іюня. День жаркій и душманый: въ городѣ невозможно оставаться: пыль, мажась, перестройки, раснадежные камни, отравленный испареніями воздухъ... Но вотъ и радость! загремѣлъ гдѣ-то громъ; мало-по-малу небо даждурилось; потѣла вѣтеръ, гоня передъ собою клубы городской пыли. Нѣсколько крупицъ каждаго тяжело упало на землю, а за ними вдругъ какъ-будто разверзлось все небо, и цѣлая рѣка воды полилась надъ городомъ. Когда черезъ полчаса снова просіяло солнце, я отворилъ окно моей каморки и жадно, вдею устами грудью,дохнулъ свѣжимъ воздухомъ. Въ упоеніи я было хотѣлъ уже бросить дѣло и всѣ дѣла мои, и самаго антрепренера, и бѣжать къ маминѣ на Васильевскій. Но хотѣ и великъ была соблазнъ, а-таки успѣлъ поборою себя и съ какою-то дрожью слова нададе на бумагу: во что-бы-то ми стало нужно было кончать! Антрепренеръ велитъ и значе на дотъ денегъ. Мама, мада жалуть, но за то я вепаромъ буду свободенъ, совершаю по свободенъ, какъ вѣтеръ, и сегодншній вечеръ донапрадмъ меня за эти послѣдніа два дня и двѣ ночи, въ которые я мада смѣ три десяткыкъ листа съ половиною.

И вот наконец кончена и работа; бросаю перо и подымаюсь, ощущаю боль въ спинѣ и въ груди и дурманъ въ головѣ. Знаю, что въ эту минуту нервы мои разстроены въ сильной степени и какъ-будто слышу послѣдніе слова, сказанныя мнѣ моимъ старичкомъ-докторомъ: «Нѣтъ, никакое здоровье не выдержитъ подобныя напряженій; отдохнуто это невозможно!» Однакомъ, покаместъ это возможно! Голова моя кружится; я едва стою на ногахъ; но радость, безпредѣльная радость наполняетъ мое сердце. Повѣсть моя совершенно кончена, и антрепренеръ, хотя я ему и много теперь долженъ, все-таки дастъ мнѣ хоть сколько-нибудь, увидя въ своихъ рукахъ добычу, — хоть пятьдесятъ рублей, а я давнымъ давно не видалъ у себя въ рукахъ такихъ денегъ! Свобода и деньги!... Въ восторгѣ я схватилъ шляпу, рукою подымаю мышку и бѣгу стремглавъ, чтобъ застать дома нашего драгоценнѣйшаго Александра Петровича.

Я застаю его, но уже на выходѣ. Онъ, въ свою очередь, только-что кончилъ одну нелитературную, но за то очень выгодную спекуляцію, и выпроводивъ наконецъ какого-то черномазенькаго ~~шута~~, съ которымъ просидѣлъ два часа сряду въ своемъ кабинетѣ, приветливо подаетъ мнѣ руки и своимъ шляпкой, мильомъ баскомъ спрашиваетъ о моемъ здоровьи. Это добрейшій человекъ, и я, безъ шутокъ, многимъ ему обязанъ. Чѣмъ же онъ виноватъ, что въ литературѣ онъ всю жизнь былъ только антрепренеромъ? Онъ смекнулъ, что литературѣ надо антрепренера, и смекнулъ очень во-время; честь ему и слава за это, — антрепренерская разумѣется.

Онъ съ пріятной улыбкой узнаетъ, что повѣсть кончена и что слѣдующій номеръ книжки обезпеченъ въ главномъ отдѣлѣ такимъ образомъ и удивляется, какъ это я могъ хоть что-нибудь кончить; и при этомъ премило остритъ. Затѣмъ идетъ къ своему желѣзному сундуку, чтобъ выдать мнѣ обѣщанные пятьдесятъ рублей, а мнѣ между тѣмъ протягиваетъ другой враждебный толстый журналъ, и указываетъ на нѣсколько строкъ, въ отдѣлѣ критики, гдѣ говорится два слова и о послѣдней моей повѣсти.

Смотрю: это статья «переписчика». Меня не то чтобъ ругаютъ, но и не то чтобъ хвалятъ; и я очень доволенъ. Но «переписчикъ» говоритъ между прочимъ, что отъ сочиненій моихъ вообще «пахнетъ потомъ», то-есть я до того надъ ними шутю,

тружусь, до того ихъ обдѣлываю и отдѣлываю, что станвится приторно.

Мы съ антрепренеромъ хохотѣмъ. Я докладываю ему; что прошлая повѣсть моя была написана въ двѣ ночи, а теперь въ два дня и двѣ ночи написано мною три съ половиной печатныхъ листа; и еслибъ зналъ это «переписчикъ», упрекающій меня въ излишней копотливости и въ тугой медленности моей работы!

— Однакожь вы сами виноваты, Иванъ Петровичъ. Зачѣмъ же вы такъ запаздываете, что приходится вотъ работать по ночамъ?

Александръ Петровичъ конечно милѣйшій человекъ; хотя у него есть особенная слабость — похвастаться своимъ литературнымъ сужденіемъ именно передъ тѣми, которые, какъ и самъ онъ подозрѣваетъ, понимаютъ его насквозь. Но мнѣ не хочется разсуждать съ нимъ объ литературѣ, я получаю деньги и беру съ шляву. Александръ Петровичъ ѣдетъ на острова на свою дачу и услышавъ, что я на Васильевскій, благодушно предлагаетъ мнѣ довести меня въ своей каретѣ.

— У меня вѣдь новая каретка; вы не видали? премиленная.

Мы сходимъ къ подъѣзду: Карета дѣйствительно премиленная, и Александръ Петровичъ на первыхъ порахъ своего владѣнія ею, ощущаетъ чрезвычайное удовольствіе и даже нѣкоторую душевную потребность, — *подвозитъ* въ ней своихъ знакомыхъ.

Въ каретѣ Александръ Петровичъ опять нѣсколько разъ пускается въ разсужденія о современной литературѣ. При мнѣ онъ не конфузится и преспокойно повторяетъ мнѣ разные чужія мысли, слышанныя имъ на дняхъ отъ кого-нибудь изъ литераторовъ, которымъ онъ вѣрить и чье сужденіе уважаетъ. При этомъ ему случается иногда уважать удивительныя вещи. Случается ему тоже перевернуть чужое мнѣніе или вставлять его не туда, куда слѣдуетъ, такъ что выходитъ бурда. Я сижу, молча слушаю и дивлюсь разнообразію и прихотливости страстей человѣческихъ. «Ну, вотъ человекъ, думаю я про себя: сколачивалъ бы себѣ деньги, да сколачивалъ; нѣтъ, ему еще нужно славы, литературной славы, славы хорошаго издателя, критика!»

Въ настоящую минуту онъ силится подробно изложить мнѣ

одну литературную мысль, слышанную имъ дня три тому назадъ отъ меня же, и противъ которой онъ, три дня тому назадъ, едвой же спорилъ, а теперь выдаетъ ее за свою. Но съ Александромъ Петровичемъ такая забывчивость поминутно случается, и онъ извѣстенъ этой невинной слабостью между всѣми своими знакомыми. Какъ онъ радъ теперь, ораторствуя въ своей каретѣ, какъ доволенъ судьбой, какъ благодушенъ! Онъ ведетъ учено-литературный разговоръ и даже мягкій, приличный его басокъ отзывается ученостью. Мало-по-малу онъ залиберальничался, и переходитъ къ невинно-скептическому убѣждению, что въ литературѣ нашей, да и вообще ни въ какой и никогда, не можетъ быть ни у кого честиности и скромности, а есть только одно «взаимное битье другъ друга по мордасамъ» — особенно при началѣ подписки. Я думаю про себя, что Александръ Петровичъ склоненъ даже всякаго честнаго и искренняго литератора, за его честность и искренность считать, если не дуракомъ, то по крайней мѣрѣ простофилей. Разумѣется такое сужденіе прямо выходитъ изъ чрезвычайной невинности Александра Петровича.

Но я уже его не слушаю. На Васильевскомъ островѣ онъ выпускаетъ меня изъ кареты, и я бѣгу къ нашимъ. Вотъ и тринадцатая линія, вотъ и ихъ домикъ. Анна Андревна, увидя меня, грозитъ мнѣ пальцемъ, махаетъ на меня руками и *шикаетъ* на меня, чтобъ я не шумѣлъ.

— Нелли только-что заснула, бѣдняжка! шепчетъ она мнѣ поскорѣе: ради Бога не разбудите! только ужъ очень она, голубушка, слаба. Боимся мы за нее. Докторъ говорить, что это покаместъ ничего. Да что отъ него путнаго-то добьетесь, отъ *вашего* доктора! И не грѣхъ вамъ это, Иванъ Петровичъ? ждали васъ, ждали къ обѣду-то... вѣдь двое сутокъ не были!..

— Но вѣдь я объявилъ еще третьяго дня, что не буду двое сутокъ, шепчу я Аннѣ Андревнѣ. — Надо было работу кончать...

— Да вѣдь къ обѣду сегодня обѣщался же придти, чтожъ не приходилъ? Нелли нарочно съ постельки встала, ангелочикъ мой, въ кресло покойное ее усадили, да и вывезли къ обѣду: «Хочу дескать съ вами вмѣстѣ Ваню ждать», а нашъ Ваня и не бывалъ. Вѣдь шесть часовъ скоро! гдѣ протаскался-то? Грѣхо-

водники вы этакіе! Вѣдь ее вы такъ разстроили, что ужъ я не зна-
да какъ и уговорить... благо заснула, голубушка. А Николай
Сергѣичъ ктому жъ въ городъ ушолъ (къ чаю-то будетъ!); одна
в бьюсь... Мѣсто-то ему, Иванъ Петровичъ, выходить; только
какъ подумаю, что въ Перми, такъ и захолодѣтъ у меня на
душѣ...

— А гдѣ Наташа?

— Въ садикѣ, голубка, въ садикѣ! Сходите къ ней... Что-то
она тоже у меня такая... Какъ-то и не соображу... Охъ Иванъ
Петровичъ, тяжело мнѣ душой! Увѣрлетъ, что весела и доволь-
ва, да не вѣрю я ей... Сходите-ка къ ней, голубчикъ, да мнѣ и
расскажите уже потихоньку, что съ ней... Слышите?

Но я уже не слушаю Анну Андревну, а бѣгу въ садикъ. Этотъ
садикъ принадлежитъ къ дому; онъ шаговъ въ двадцать пять
длиною и столько же въ ширину, и весь заросъ зеленью. Въ
немъ три высокіхъ старыхъ, раскидистыхъ дерева, нѣсколь-
ко молодыхъ березокъ, нѣсколько кустовъ сирени, жимоло-
сти, есть уголокъ малиника, двѣ грядки съ клубникой и
двѣ узенькихъ, извилистыхъ дорожки, вдоль и поперекъ садика.
Старикъ отъ него въ восторгѣ и увѣрлетъ, что въ немъ скоро
будутъ расти грибы. Главное же въ томъ, что Нелли полюбила
этотъ садикъ, и ее часто вывозятъ въ креслахъ на садовую до-
рожку, а Нелли теперь идолъ всего дома. Но вотъ и Наташа;
она съ радостью встрѣчаетъ меня и протягиваетъ мнѣ руку.
Какъ она худа, какъ блѣдна! Она тоже едва оправилась отъ
болѣзни.

— Совсѣмъ ли кончилъ, Ваня? спрашиваетъ она меня.

— Совсѣмъ, совсѣмъ! и на весь вечеръ совершенно свобо-
денъ.

— Ну слава Богу! Торопился? портилъ?

— Чтожъ дѣлать? Впрочемъ это ничего. У меня вырабаты-
вается, въ такую напряженную работу, какое-то особенное раз-
драженіе нервовъ; я яснѣе соображаю, живѣе и глубже чувствую
и даже слогъ мнѣ вполне подчиняется, такъ что въ напряжен-
ной-то работѣ и лучше выходитъ. Все хорошо...

— Эхъ Ваня, Ваня!

Я замѣчаю, что Наташа въ послѣднее время стала страшно
ревнива къ моимъ литературнымъ успѣхамъ, къ моей славѣ. Она

перечитывает все что я въ послѣдній годъ напечаталъ, поминутно спрашиваетъ объ дальнѣйшихъ плавахъ моихъ, интересуется каждой критикой, на меня написанной, сердится на инбы и непремѣнно хочетъ, чтобъ я высоко поставилъ себя въ литературѣ. Желанія ея выражаются до того сильно и настойчиво, что я даже удивляюсь теперешнему ея направленію.

— Ты только испишешься, Ваня, говорить она мнѣ, — изнасилуешь себя и испишешься, а кромѣ того и здоровье погубишь. Вонъ С***, тотъ въ два года по одной повѣсти пишетъ, а N* въ десять мѣтъ всего только одинъ романъ написалъ. За то какъ у нихъ отчеканено, отдѣлано! ни одной небрежности не найдешь.

— Да, но они обезпечены и пишутъ не на срокъ, а я—почтовая кляча! Ну да это все вздоръ! Оставимъ это, голубчикъ. Что, нѣтъ ли новаго?

— Много! Во первыхъ отъ него письмо...

— Еще?

— Еще. И она подала мнѣ письмо отъ Алеши. Это уже третье послѣ разлуки. Первое онъ написалъ еще изъ Москвы и написалъ точно въ какомъ-то припадкѣ. Онъ увѣдомлялъ, что обстоятельства такъ сошлись, что ему никакъ нельзя воротиться изъ Москвы въ Петербургъ, какъ было проектировано при разлукѣ. Во второмъ письмѣ онъ сѣшилъ извѣстить, что прїѣзжаетъ къ намъ на дняхъ, чтобъ поскорѣй обвѣпчаться съ Наташей, что это рѣшено и никакими силами не можетъ быть остановлено. А между тѣмъ, по тону всего письма было ясно, что онъ въ отчаяніи, что постороннія вліянія уже вполне отяготѣли надъ нимъ, и что онъ уже самъ себя не вѣрилъ. Онъ упоминалъ между прочимъ, что Катя — его провидѣніе и что она одна утѣшаетъ и поддерживаеетъ его. Я съ жалностью раскрылъ его теперешнее, *третье* письмо.

Оно было на двухъ листахъ, написано отрывочно, безпорядочно, наскоро и неразборчиво, закапано чернилами и слезами. Начиналось тѣмъ, что Алеша отрекался отъ Наташи и угроваривалъ ее забыть его. Онъ силился доказать, что союзъ ихъ невозможенъ, что постороннія, враждебныя вліянія сильнѣе всего, и что наконецъ такъ и должно быть, потомучто и онъ и Наташа вмѣстѣ будутъ несчастны, потомучто они неровня. Но онъ

не выдержалъ и вдругъ, бросивъ свои разсужденія и доказательства, тутъ же, прямо, не разорвавъ и не отбросивъ первой половины письма, признавался, что онъ преступникъ передъ Наташей, что онъ погибшій человекъ, и не въ силахъ возстать противъ желаній отца, прѣхавшаго въ деревню. Писалъ онъ, что не въ силахъ выразить своихъ мученій; признавался между прочимъ, что вполне создаетъ въ себѣ возможность составить счастье Наташи, начиналъ вдругъ доказывать, что она вполне равна; съ уфорствомъ, со злобою опровергалъ доводы отца; въ отчаяніи рисовалъ картину блаженства всей жизни, которое готовилось-бы имъ обоимъ, ему и Наташѣ, въ случаѣ ихъ брака, проклиналъ себя за свое малодушіе и — прощался на вѣки! Письмо было написано съ мученіемъ, съ тоской; онъ видимо писалъ въ себя; у меня навернулись слезы... Наташа подала мнѣ другое письмо, отъ Кати. Это письмо пришло въ одномъ конвертѣ съ Алешинымъ, но особо запечатанное. Катя довольно кратко, въ нѣсколькихъ строкахъ уведомляла, что Алеша дѣйствительно очень груститъ, много плачетъ и какъ-будто въ отчаяніи, даже боленъ немного, но что она съ нимъ и что онъ будетъ счастливъ. Между прочимъ Катя силилась растолковать Наташѣ, чтобъ она не подумала, что Алеша такъ скоро могъ утѣшиться и что будто грусть его не серьезна. «Онъ васъ не забудетъ никогда», прибавляла Катя: «да и не можетъ забыть никогда, потому что у него не такое сердце; любитъ онъ васъ безпредѣльно, будетъ всегда любить, такъ что если разлюбить васъ, хоть когда-нибудь, если хоть когда-нибудь перестанетъ тосковать при воспоминаніи о васъ, то я сама разлюблю его за это тотчасъ же...»

Я возвратилъ Наташѣ оба письма; мы переглянулись съ ней и не сказали ни слова. Такъ было и при первыхъ двухъ письмахъ, да и вообще о прошломъ мы теперь избѣгали говорить, какъ-будто между нами это было условлено. Она страдала невыносимо, я это видѣлъ, но не хотѣла высказываться даже и передо мной. Послѣ возвращенія въ родительскій домъ, она три недѣли вылежала въ горячкѣ и теперь едва оправилась. Мы даже мало говорили и о близкой перемѣнѣ нашей, хотя она и знала, что старикъ получаетъ мѣсто и что намъ придется скоро разстаться. Не смотря на то, она до того была ко мнѣ нѣжна, внимательна, до того занималась всѣмъ, что касалось до меня, во все это время; съ такимъ настойчивымъ, упорнымъ вниманіемъ

выслушивала всё что я долженъ былъ ей рассказывать о себѣ, что сначала мнѣ это было даже тяжело: мнѣ казалось, что она хотѣла меня вознаградить за прошлое. Но эта тягость быстро исчезла; я понялъ, что въ ней совсѣмъ другое желаніе, что она *просто* любить меня, любить безконечно, не можетъ жить безъ меня и не заботиться о всемъ, что до меня касается, и я думаю, никогда сестра не любила до такой степени своего брата, какъ Наташа любила меня. Я очень хорошо зналъ, что предстоявшая наша разлука давила ей сердце, что Наташа мучилась; она знала тоже, что и я не могу безъ нея жить; но мы объ этомъ не говорили, хотя и подробно разговаривали о предстоящихъ событіяхъ...

Я спросилъ о Николаѣ Сергѣичѣ.

— Онъ скоро, я думаю, воротится, отвѣчала Наташа; обѣщала къ чаю.

— Это онъ все о мѣстѣ хлопочетъ?

— Да; впрочемъ мѣсто ужъ теперь безъ сомнѣнія будетъ; да и уходить ему было сегодня кажется незачѣмъ, прибавила она въ раздумьи: могъ-бы и завтра.

— Зачѣмъ же онъ ушолъ?

— А потомучто я это письмо получила...

— Онъ до того *боленъ* мной, прибавила Наташа помолчавъ, что мнѣ это даже тяжело, Ваня. Онъ кажется и во снѣ только одну меня видитъ. Я увѣрена, что онъ кромѣ того: что со мной, какъ живу я, о чемъ теперь думаю — ни о чемъ болѣе и не заботится. Всякая тоска моя отзывается въ немъ. Я вѣдь вижу, какъ онъ неловко ипогда старается пересилить себя и показать видъ, что обо мнѣ не тоскуетъ, напускаетъ на себя веселость, старается смѣяться и насъ смѣшить. Маменька тоже въ эти минуты сама не своя и тоже не вѣрить его смѣху, и вздыхаетъ... Такая она неловкая... Прямая душа! прибавила она со смѣхомъ. Вотъ какъ я получила сегодня письма, ему и понадобилось сейчасъ убѣждать, чтобъ не встрѣчаться со мной глазами... Я его больше себя, больше всѣхъ на свѣтѣ люблю, Ваня, прибавила она потупивъ голову и сжавъ мою руку, — даже больше тебя...

Мы прошли два раза по саду, прежде чѣмъ она начала говорить.

— У насъ сегодня Маслобоевъ былъ и вчера тоже былъ, сказала она,

— Да, онъ въ послѣднее время очень часто повадился къ вамъ.

— И знаешь ли, зачѣмъ онъ здѣсь? Маменька въ него вѣруеть, какъ не знаю во что. Она думаетъ, что онъ до того все это знаетъ, (ву тамъ заковы и все это) — что всякое дѣло можетъ обдѣлать. Какъ ты думаешь, какая у ней теперь мысль бродить? Ей, про себя, очень больно и жаль, что я не сдѣлалась книгвиной. Эта мысль ей жить не даетъ, и, кажется, она вполне открылась Маслобоеву. Съ мамашей она боится говорить объ этомъ, и думать; не поможетъ ли ей въ чемъ-нибудь Маслобоевъ, нельзя ли какъ-то по законамъ? Маслобоевъ, кажется, ей не противорѣчить, а она его все виномъ подчуетъ, прибавила съ усмѣшкой Наташа.

— Отъ этого проказника станется. Да почему же ты знаешь?

— Да вѣдь маменька мнѣ сама проговорила... намеками...

— Что Нелли? какъ она? спросилъ я.

— Я даже удивляюсь тебѣ, Ваня: до сихъ поръ ты объ ней не спросилъ! съ упрекомъ сказала Наташа.

Нелли была идоломъ у всѣхъ въ этомъ домѣ. Наташа какъ-то страстно полюбила ее, и Нелли отдалась ей наконецъ всѣмъ своимъ сердцемъ. Бѣдное дитя! она и не ждала, что сыщется когда-нибудь такихъ людей, что найдеть столько любви къ себѣ, и я съ радостію видѣлъ, что озлобленное сердце размягчилось и душа отворилась для насъ всѣхъ. Она съ какимъ-то болѣзненнымъ жаромъ откликнулась на всеобщую любовь, которою была окружена, въ противоположность всему своему прежнему, развившему въ ней недовѣріе, злобу и упорство. Впрочемъ и теперь Нелли долго упорствовала, долго намѣренно таила отъ насъ слезы примиренія, накипавшія въ ней, и наконецъ отдалась намъ совсѣмъ. Она ужасно полюбила Наташу, зачѣмъ старика. Я же сдѣлался ей чѣмъ-то до того необходимымъ, что болѣзнь ея усиливалась, если я долго не приходилъ. Въ послѣдній разъ, разставаясь на два дня, чтобъ кончить наконецъ запущенную мною работу, я долженъ былъ много уговаривать ее... конечно обнимаями. Нелли все-еще стыдилась слишкомъ прямого, слишкомъ беззавѣтнаго проявленія своего чувства...

Она всѣхъ насъ очень беспокоила. Молча и безо всякихъ разговоровъ рѣшено было, что она останется на вѣки въ домѣ Ни-

колая Сергѣича, а между тѣмъ отъѣздъ приближался, а ей стало все хуже и хуже. Она заболѣла съ того самого дня, какъ мы пришли съ ней тогда къ старикамъ, въ день примиренія ихъ съ Наташей. Впрочемъ чтожь я? она и всегда была больна. Болѣзнь постепенно росла въ ней и прежде, но теперь начала усиливаться съ чрезвычайною быстротою. Я не знаю и не могу опредѣлить въ точности ея болѣзни. Припадки правда повторялись съ ней нѣсколько чаще прежняго; но главное, какое-то изнуреніе и упадокъ всѣхъ силъ, непрерывное лихорадочное и напряженное состояніе. — все это довело ее въ послѣдніе дни до того, что она уже не вставала съ постели. И страшно: чѣмъ болѣе одолевала ее болѣзнь, тѣмъ мягче, тѣмъ ласковѣе, тѣмъ открытѣе къ намъ становилась Нелли. Три дня тому назадъ, она поймала меня за руку, когда я проходилъ мимо ея кроватки и потянула меня къ себѣ. Въ комнатѣ никого не было. Лицо ея было въ жару (она ужасно похудѣла), глаза сверкали огнемъ. Она судорожно-страстно потянулась ко мнѣ, и когда я наклонился къ ней, она крѣпко обхватила мою шею своими смуглыми худенькими ручками и крѣпко поцѣловала меня, а потомъ тотчасъ же потребовала къ себѣ Наташу; я позвалъ ее; Нелли непременно хотѣлось, чтобъ Наташа присѣла къ ней на кровать и смотрѣла на нее...

— Мнѣ самой на васъ смотрѣть хочется, сказала она. Я васъ вчера во снѣ видѣла и сегодня ночью увижу... вы мнѣ часто спите... всякую ночь...

Ей очевидно хотѣлось что-то высказать, чувство давило ее; но она и сама не понимала своихъ чувствъ и не знала какъ его выразить...

Николая Сергѣича она любила безъ памяти. Надо сказать, что и Николай Сергѣичъ чуть ли не такъ же любилъ ее, какъ и Наташу. Онъ имѣлъ удивительное свойство развеселять и смѣшить Нелли. Только-что онъ бывало придетъ къ ней, тотчасъ же и начнется смѣхъ и даже шалости. Больная дѣвочка развеселялась какъ ребенокъ, кокетничала съ старикомъ, подсмѣивалась надъ нимъ, рассказывала ему свои сны и всегда что-нибудь выдумывала, заставляла рассказывать и его, и старикъ до того былъ радъ, до того былъ доволенъ, смотря на свою «маленькую дочку Нелли», что каждый день все болѣе и болѣе приходилъ отъ нея въ восторгъ.

— Не намъ смѣять Бога послать, въ награду за наши страданія, сказалъ онъ мнѣ разъ, уходя отъ Нелли и перекрестивъ ее по обыкновенію на ночь.

Каждый день, по вечерамъ, когда мы всё собирались вмѣстѣ (Маглобовъ тоже приходилъ каждый вечеръ), пріѣзжалъ иногда и старикъ—докторъ, чрезвычайно полюбившій Ихменевыхъ; вывозилъ и Нелли въ ея креслѣ, къ намъ за крупный столъ. Дверь на балконъ отворялась. Зеленый саликъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ, былъ весь на виду. Изъ него пахло свѣжей зеленью и только-что распустившеюся сиренью. Нелли сидѣла въ своемъ креслѣ, ласково на всѣхъ насъ посматривала и прислушивалась къ нашему разговору. Иногда жѣ оживлялась и сама, и невпримѣтно намъвала тоже что-нибудь говорить... Но въ такія минуты, мы всё слушали ее обыкновенно даже съ безпокойствомъ, потому что въ ея воспоминаніяхъ были темы, которыхъ нельзя было касаться. И я, и Наташа, и Ихменевы, чувствовали и сознавали всю нашу вину передъ ней, въ тотъ день, когда она трепещущая и измученная *должна* была рассказать намъ свою исторію. Докторъ особенно былъ противъ этикъ воспоминашій и разговоръ обыкновенно старались перебить. Въ такихъ случаяхъ Нелли старалась не показать намъ, что понимаетъ наши усилія и начинала смѣяться съ докторомъ, или съ Николаемъ Сергѣичемъ...

И однакожь ей дѣлалось все хуже и хуже. Она стала чрезвычайно впечатлительна. Сердце ея билось неправильно. Докторъ сказалъ мнѣ даже, что она можетъ умереть очень скоро.

Я не говорилъ этого Ихменевымъ, чтобъ не растревожить ихъ. Николай Сергѣичъ былъ вполне увѣренъ, что она выдорожится къ дорогѣ.

— Вотъ я папенька воротился, сказала Наташа, слышавъ его голосъ. Пойдемъ, Ваня.

Николай Сергѣичъ, едва переступивъ за порогъ, по обыкновенію своему, громко заговорилъ; Анна Андревна такъ и замала на него руками. Старикъ тотчасъ же присмирѣлъ, и увидя меня и Наташу, шепотомъ и съ уторопленнымъ видомъ сталъ намъ рассказывать о результатѣ своихъ похожденій: мѣсто, о

которомъ онъ хлопоталъ, было за нимъ, и она очень была радъ.

— Черезъ двѣ недѣли можно и ѣхать, сказалъ онъ, потирая руки и заботливо, искоса, взглянулъ на Наташу. Но та отвѣтила ему улыбкой и обняла его, такъ что сомнѣнiя его мигомъ рѣшились.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, друзья мои, поѣдемъ! заговорилъ онъ, обрадовавшись. Вотъ только ты, Ваня, только съ тобой разставаться больно... (Замѣчу, что онъ ни разу не предложилъ мнѣ ѣхать съ ними вмѣстѣ, что, судя по его характеру, неурѣдивше бы сдѣлалъ... при другихъ обстоятельствахъ, то-есть, еслибъ не зналъ моей любви къ Наташѣ.)

— Ну чтожъ дѣлать, друзья, чтожъ дѣлать! Больно мнѣ, Ваня; но перемѣна мѣста насъ всѣхъ оживить... Перемѣна мѣста, — значить перемѣна *всего!* прибавилъ онъ, еще разъ взглянувъ на дочь.

Онъ вѣрилъ въ это и былъ радъ своей вѣрѣ.

— А Нелли? сказала Анна Андревна.

— Нелли? Чтожъ... она, голубчикъ мой, больша немощко, но къ тому-то времени ужъ навѣрно выздоровѣетъ. Ей и теперь лучше: какъ ты думаешь, Ваня? проговорилъ онъ, какъ-бы испугавшись и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на меня, точно я-то и долженъ былъ разрѣшить его недоумѣнiя.

— Что она? какъ спала? Не было ли съ ней чего? Не проснулась ли она теперь? Знаешь что, Анна Андревна: мы столікъ-то придвинемъ поскорѣй на террасу, принесутъ самоваръ, вядуть ваша, мы всѣ усядемся и Нелли къ намъ выйдегъ... Вотъ и прекрасно. Да ужъ не проснулась ли она? Пойду я къ ней. Только посмотрю на нее... не разбужу, не безпокойся! прибавилъ онъ, видя что Анна Андревна снова замахала на него руками...

Но Нелли уже проснулась: Черезъ четверть часа мы всѣ уже сидѣли вокругъ стола за вечернимъ самоваромъ.

Нелли вывезли въ креслахъ. Явился докторъ, очень любившій Ихменевыхъ и особенно этотъ часъ всеобщей семейной сходим; явился и Маслобоевъ. Онъ принесъ для Нелли большой букетъ сирени; но самъ былъ тѣмъ-то озабоченъ и какъ-будто раждосадованъ.

Кстати: Маслобоевъ ходилъ чуть не каждый день. Я уже говорилъ, что всѣ и особенно Анна Андревна, чрезвычайно его

полюбили, но никогда ни слова не упоминалось у насъ вслухъ объ Александрѣ Семеновѣ; не упоминалъ о ней и самъ Маслобоевъ. Анна Андревна, узнавъ отъ меня, что Александра Семеновна еще не успѣла сдѣлаться его законной супругой, рѣшила про себя, что и принимать ее и говорить объ ней въ домъ нельзя. Такъ и наблюдалось, и этимъ очень обрисовывалась и сама Анна Андревна. Впрочемъ, не будь у ней Наташи и главное, не случись того, что случилось, она бы можетъ-быть и не была такъ разборчива.

Нелли въ этотъ вечеръ была какъ-то особенно грустна и даже чѣмъ-то озабочена. Какъ-будто она видѣла дурной сонъ и задумалась о немъ. Но подарку Маслобоева она очень обрадовалась и съ наслажденіемъ поглядывала на цвѣты, которые поставили передъ ней въ стаканѣ.

— Такъ ты очень любишь цвѣточки, Нелли? сказалъ старикъ. Ну постой же! прибавилъ онъ съ одушевленіемъ: — завтра же... ну да вотъ увидишь сама!..

— Люблю, отвѣчала Нелли, — и помню какъ мы мамашу съ цвѣтами встрѣчали. Мамаша, еще когда мы были тамъ (*тамъ* значило теперь за границей), была одинъ разъ цѣлый мѣсяцъ очень больна. Я и Генрихъ сговорились такъ, что когда она встаетъ и первый разъ выйдетъ изъ своей спальни, откуда она цѣлый мѣсяцъ не выходила, то мы и уберемъ всѣ комнаты цвѣтами. Вотъ мы такъ и сдѣлали. Мамаша сказала съ вечера, что завтра утромъ она непременно выйдетъ вмѣстѣ съ нами завтракать. Мы встали рано-рано. Генрихъ принесъ много цвѣтовъ, и мы всю комнату убрали зелеными листьями и гирляндами. И плющъ былъ, и еще такія широкія листья — ужъ не знаю какъ они называются, и еще другія листья, которые за все цѣпляются, и бѣлые цвѣты большіе были, и нарцисы были, а я ихъ больше всѣхъ цвѣтовъ люблю, и розыны были, такіе славные розыны, и много-много было цвѣтовъ. Мы ихъ всѣ развѣсили въ гирляндахъ, и въ горшкахъ разставили, и такіе цвѣты тутъ были, что какъ цѣлыя деревья, въ большихъ кадкахъ; ихъ мы по угламъ разставили и у креселъ мамашы, и какъ мамаша вышла, то удивилась и очень обрадовалась, а Генрихъ былъ радъ... И это теперь помню...

Въ этотъ вечеръ Нелли была какъ-то особенно слаба и слабовервна. Докторъ съ безпокойствомъ, взглядывалъ на нее. Но ей очень хотѣлось говорить. И долго, до самыхъ сумерекъ

разсказывала она о своей прежней жизни *тамъ*, мы ее не прерывали. *Тамъ* съ мамашей и съ Генрихомъ, она много ѣздила, и прежнія воспоминанія ярко возставали въ ея памяти. Она съ волненіемъ разсказывала о голубыхъ небесахъ, о высокихъ горахъ, со снѣгомъ и льдами, которыя она видѣла и проѣзжала, о горныхъ водопадахъ; потомъ объ озерахъ и долинахъ Италіи, о цвѣтахъ и деревьяхъ, объ сельскихъ жителяхъ, объ ихъ одеждѣ и объ ихъ смуглыхъ лицахъ и черныхъ глазахъ; разсказывала про разныя встрѣчи и случаи бывшіе съ ними. Потомъ о большихъ городахъ и дворцахъ, о высокой церкви съ куполомъ, который весь вдругъ иллюминировался разноцвѣтными огнями; потомъ объ жаркомъ, южномъ городѣ съ голубыми небесами и съ голубымъ моремъ... Никогда еще Нелли не разсказывала намъ ничего изъ этихъ воспоминаній своихъ. Мы слушали ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Мы всѣ знали только до сихъ поръ другія ея воспоминанія — въ мрачномъ, угрюмомъ городѣ, съ давящей, одуряющей атмосферой, съ зараженнымъ воздухомъ, съ драгоценными палатами и съ грязнымъ дождемъ; съ тусклымъ, бѣднымъ солнцемъ и съ злыми, полусумасшедшими людьми, отъ которыхъ такъ много и она и мамаша ея вытерпѣли. И мнѣ представилось, какъ онѣ обѣ, въ грязномъ подвалѣ, въ сырой сумрачной вечеръ, обнявшись на бѣдной постелѣ своей, вспоминали о своемъ прошломъ о покойномъ Генрихѣ и о чудесахъ другихъ земель... Представилась мнѣ и Нелли, вспоминавшая все это уже одна, безъ мамы своей, когда Бубнова побоями и звѣрскою жестокостью хотѣла сломить ее и принудить на доброе дѣло...

Но наконецъ, съ Нелли сдѣлалось дурно, и ее отнесли назадъ. Старикъ очень испугался и досадовалъ, что ей дали такъ много говорить. Съ ней былъ какой-то припадокъ, въ родѣ обмиранія. Этотъ припадокъ повторялся съ нею уже нѣсколько разъ. Когда онъ кончился, Нелли настоятельно потребовала меня видѣть. Ей надо было что-то сказать мнѣ одному. Она такъ упрашивала объ этомъ, что въ этотъ разъ докторъ самъ настоялъ, чтобъ исполнили ея желаніе, и всѣ вышли изъ комнаты.

— Вотъ что, Ваня, сказала Нелли, когда мы остались вдвоемъ, — я знаю, они думаютъ, что я съ ними поѣду; но я не поѣду, потому что не могу и останусь пока у тебя, и мнѣ это надо было сказать тебѣ.

Я сталъ было ее уговаривать; сказалъ, что у Ихменевыхъ ее всѣ такъ любятъ, что ее за родную дочь почитаютъ. Что всѣ будутъ очень жалѣть о ней. Что у меня, напротивъ, ей тяжело будетъ жить, и что хоть я и очень ее люблю, но что печего дѣлать, разстаться надо.

— Нѣтъ, нельзя! настойчиво отвѣтила Нелли: — потомучто я вижу часто мамашу во снѣ, и она говоритъ мнѣ, чтобъ я не ѣздила съ ними и осталась здѣсь; она говоритъ, что я очень много согрѣшила, что дѣдушку одного оставила, и все плачетъ, когда это говорить. Я хочу остаться здѣсь и ходить за дѣдушкой, Ваня.

— Но вѣдь твой дѣдушка ужь умеръ, Нелли, сказалъ я, выслушавъ ее съ удивленіемъ.

Она подумала и пристально посмотрѣла на меня.

— Расскажи мнѣ, Ваня, еще разъ, сказала она, какъ дѣдушка умеръ. Все расскажи и ничего не пропускай.

Я былъ изумленъ ея требованіемъ, но однакожь припался рассказывать во всей подробности. Я подозрѣвалъ, что съ нею бредъ, или по крайней мѣрѣ, что послѣ припадка голова ее еще не совсѣмъ свѣжа.

Она внимательно выслушала мой рассказъ, и помню, какъ ея черные, сверкающіе больнымъ, лихорадочнымъ блескомъ глаза пристально и неотступно слѣдили за мной во все продолженіе рассказа. Въ комнатѣ было уже темно.

— Нѣтъ, Ваня, онъ не умеръ! сказала она рѣшительно, все выслушавъ и еще разъ подумавъ. — Мамаша мнѣ часто говорить о дѣдушкѣ и когда я вчера сказала ей: да вѣдь дѣдушка умеръ, она очень огорчилась, заплакала и сказала мнѣ, что нѣтъ, что мнѣ нарочно такъ сказали, а что онъ ходитъ теперь и милостынно просить, «также какъ мы съ тобой прежде просили, говорила мамаша; и все ходить по тому мѣсту, гдѣ мы съ тобой его въ первый разъ встрѣтили, когда я упала передъ нимъ и Азорка узналъ меня...»

— Это сонъ, Нелли, сонъ больной, потомучто ты теперь сама больна, сказалъ я ей.

— Я и сама все думала, что это только сонъ, сказала Нелли, и не говорила никому. Только тебѣ одному все рассказать хотѣла. Но сегодня, когда я заснула послѣ того какъ ты не пришолъ, то увидѣла во снѣ и самого дѣдушку. Онъ сидѣлъ у себя дома

и ждалъ меня и былъ такой страшной, худой, и сказалъ, что онъ два дня ничего не ѣлъ и Азорка тоже, и очень на меня сердился и упрекалъ меня. Онъ мнѣ тоже сказалъ, что у него совсемъ нѣтъ нюхальнаго табаку, а что безъ этого табаку онъ и жить не можетъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ, Ваня, мнѣ прежде это одинъ разъ говорилъ, ужъ послѣ того какъ мамаша умерла, когда я приходила къ нему. Тогда онъ былъ совсемъ больной и почти ничего ужъ не понималъ. Вотъ, какъ я услышала это отъ него сегодня и думаю: пойду я, стану на мосту и буду милостыню просить, попрошу и куплю ему и хлѣба, и варенаго картофеля, и табаку. Вотъ будто я стою, прошу, и вижу, что дѣдушка около ходить, помедлить немного и подойдетъ ко мнѣ и смотреть, сколько я набрала, и возьметъ себѣ. Это говорить на хлѣбъ, теперь да табакъ собирай. Я собираю, а онъ подойдетъ и отниметъ у меня. И ему и говорю, что и безъ того все отдамъ ему и ничего себѣ не спрячу. Нѣтъ, говорить, ты у меня воруюшь; мнѣ и Бубнова говорила, что ты воровка, оттого-то я тебя къ себѣ никогда не возьму. Куды ты еще пятакъ дѣла? Я заплакала тому, что онъ мнѣ не вѣритъ, а онъ меня не слушаетъ и все кричить: ты украла одинъ пятакъ! и сталъ бить меня, тутъ же на мосту, и больно билъ. И я очень плакала... Вотъ я и подумала теперь, Ваня, что онъ непременно живъ и гдѣ-нибудь одинъ ходить и ждетъ, чтобъ я къ нему пришла...

Я снова началъ ее уговаривать и разувѣрять, и наконецъ, кажется, разувѣрилъ. Она отвѣчала, что боится теперь заснуть, потому что дѣдушку увидитъ. Наконецъ крѣпко обняла меня...

— А все-таки я не могу тебя покинуть, Ваня! сказала она мнѣ, прижимаясь къ моему лицу своимъ личкомъ. — Еслибъ и дѣдушка не было, я все съ тобой не разстанусь.

Въ домѣ всѣ были испуганы припадкомъ Нелли. Я потихоньку пересказала доктору всѣ ея грезы и спросилъ у него окончательно, какъ онъ думаетъ о ея болѣзни? — Ничего еще неизвѣстно, отвѣчалъ онъ соображая; я покаместъ догадываюсь, размышляю, наблюдаю, — но... ничего неизвѣстно. Вообще выздоровление невозможно. Она умретъ. Я имъ не говорю, потому что вы такъ просили, но мнѣ жаль и я предложу завтра же консилиумъ. Можетъ-быть болѣзнь приметъ послѣ консилиума другой оборотъ. Но мнѣ очень жаль эту дѣвочку, какъ дочь мою... Милая, милая дѣвочка! и съ такимъ игривымъ умомъ!

Николай Сергѣичъ былъ въ особенномъ волненіи.

— Вотъ что, Ваня, я придумалъ, сказалъ онъ: она очень любить цвѣты. Знаешь что? устроимъ-ка ей завтра, какъ она проснется, такой же пріемъ, съ цвѣтами, какъ она съ этимъ Генрихомъ для своей мамашы устроила, вотъ что сегодня разсказывала... Она это съ такимъ волненіемъ разсказывала...

— То-то съ волненіемъ, отвѣчалъ я. Волненія-то ей теперь вредны...

— Да; но пріятныя волненія другое дѣло! Ужь повѣрь, голубчикъ, одытцости моей повѣрь, пріятныя волненія ничего; пріятныя волненія даже излечить могутъ, на дорожке подѣлствовать...

Однимъ словомъ, выдумка старика до того предъцала его самого, что онъ уже пришолъ отъ нея въ восторгъ. Невозможно было и возражать ему. Я спросилъ совѣта у доктора, но прежде чѣмъ тотъ собрался сообразить, старикъ уже схватилъ свой картузъ и побѣжалъ обдѣлывать дѣло.

— Вотъ что, сказалъ онъ мнѣ, уходя: — тутъ, неподалеку есть одна оранжерей; богатая оранжерей. Садовники распродаютъ цвѣты, можно достать, и предешево. Удивительно даже какъ дешево!.. Ты внуши это Аннѣ Андревнѣ, а то она сейчасъ разсердится за расходы... Ну, такъ вотъ... Да! вотъ что еще, голубчикъ: куда ты теперь? вѣдь отдѣлался, кончилъ работу, такъ чего жъ тебѣ домой-то свѣшить? Ночуй у насъ, наверху, въ свѣтелкѣ: помнишь, какъ прежде бывало... И тюфякъ твой, и кровать — все тамъ на прежнему мѣстѣ стоитъ и не тронута. Заснешь какъ французскій король. А? останься-ка. Завтра проснемся пораньше, принесутъ цвѣты и къ восьми часамъ мы вмѣстѣ всю комнату уберемъ. И Наташа поможетъ: у ней вкусу-то вѣдь больше чѣмъ у насъ съ тобой... Ну, соглашаешься? ночуешь?

Рѣшили, что я останусь ночевать. Старикъ обдѣлалъ дѣло. Докторъ и Маслобоевъ простились и ушли. У Ихменевыхъ ложались спать рано, въ одиннадцать часовъ. Уходя Маслобоевъ былъ въ задумчивости и хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но отложалъ до другого раза. Когда же я, простясь съ стариками, поднялся въ мою свѣтелку, то къ удивленію моему, увидѣлъ его опять. Онъ сидѣлъ въ ожиданіи меня за столикомъ и перелистывалъ какую-то книгу.

— Вернулся съ дороги, Ваня, потому лучше ужъ теперь

разсказать. Садись-ка. Видишь, дѣло-то все такое глупое, досадно даже...

— Да что такое?

— Да подлець твой князь разозлилъ, еще двѣ недѣли тому назадъ; да такъ разозлилъ, что я до сихъ поръ злюсь.

— Что, что такое? развѣ ты все еще съ княземъ въ сношеніяхъ?

— Ну, вотъ ужъ ты сейчасъ «что, что такое?» точно и Богъ знаетъ что случилось. Ты братъ, Ваня, ни дать ни взять, моя Александра Семеновна и вообще все это несносное бабье... Терпѣть не могу бабья!.. Ворона каркнетъ — сейчасъ и «что, что такое?»

— Да ты не сердись.

— Да и вовсе не сержусь, а на всякое дѣло надо смотрѣть обыкновенными глазами, не преувеличивая... вотъ что.

Онъ немного помолчалъ, какъ-будто все еще сердясь на меня. Я не прерывалъ его.

— Видишь братъ, Ваня, началъ онъ опять: — попалъ я на одинъ сабля... то есть въ сущности вовсе не попалъ, и не было никакого сабля, а такъ мнѣ показалось, то-есть изъ нѣкоторыхъ соображеній я было вывелъ, что Нелли... можетъ-быть... Ну, однимъ словомъ князева законная дочь.

— Что ты!

— Ну, и заревѣлъ сейчасъ: «что ты!» То-есть ровно ничего говорить нельзя съ этими людьми! вскричалъ онъ, нестолово махнувъ рукой. — Я развѣ говорилъ тебѣ что-нибудь положительно, легкомысленная ты голова? Говорилъ я тебѣ, что она *доказанная законная князева дочь*? Говорилъ, или нѣтъ?

— Послушай, душа моя, прервалъ я его въ сильномъ волненіи: — ради Бога не кричи и объяснись точно и ясно. Ей-Богу пойму тебя. Пойми, до какой степени это важное дѣло и какія послѣдствія...

— То-то послѣдствія, а изъ чего? гдѣ доказательства? Дѣла не такъ дѣлаются, и я тебѣ подъ секретомъ теперь говорю. А зачѣмъ я объ этомъ съ тобой заговорилъ — потомъ объясню. Значить такъ надо было. Молчи и слушай, и знай, что все это секретъ...

Видишь какъ было дѣло. Еще зимой, еще прежде чѣмъ Смитъ умеръ, только-что князь воротился изъ Варшавы, и на-

таль онъ это дѣло. То-есть начато оно было и гораздо раньше, еще въ прошломъ году. Но тогда онъ одно разыскивалъ, а теперь началъ разыскивать другое. Главное дѣло было въ томъ, что онъ нитку потерялъ. Тринадцать лѣтъ какъ онъ разстался въ Парижѣ съ Смитихой и бросилъ ее, но все эти тринадцать лѣтъ онъ неуклонно слѣдилъ за нею, зналъ, что она живетъ съ Генрихомъ, про котораго сегодня разсказывали, зналъ, что у ней Нелли, зналъ, что сама она больна; ну, однимъ словомъ, все зналъ, только вдругъ и потерялъ нитку. А случилось это кажется вскорѣ по смерти Генриха, когда Смитиха собралась въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ разужетелъ скоро бы ее отыскалъ, подъ какими бы именемъ она ни воротилась въ Россію; да дѣло въ томъ, что заграничные его агенты его ложнымъ свидѣтельствомъ обманули: увѣрили его, что она живетъ въ одномъ канонъ-то заброшенномъ городишкѣ въ южной Германіи; сами они обманулись по небрежности, одну приняли за другую. Такъ и продолжалось годъ или больше. По прошествіи года князь началъ сомнѣваться: по нѣкоторымъ фактамъ ему еще прежде стало казаться, что это не та. Теперь вопросъ: куда дѣлать настоящая Смитиха? И пришло ему въ голову (такъ, даже безо всякихъ диллнхъ): не въ Петербургѣ ли она? Покаместъ за границей шла одна справка, онъ уже здѣсь затѣялъ другую, но явно не хотѣлъ употребить слишкомъ официального пути и познакомился со шной. Ему меня рекомендовали: такъ и такъ-дескать; занимается дѣлами, любитель — ну и такъ далѣе, и такъ далѣе...

Ну, такъ вотъ и разъяснилъ онъ мнѣ дѣло; только темно; чертовъ сынъ, разъяснилъ, темно и двусмысленно. Ошибокъ было много, повторялся нѣсколько разъ, факты въ различныхъ видахъ въ одно и то же время передавалъ... Ну известно, какъ въ хитре, всѣкъ нитонъ не спрячешь. Я разужетелъ началъ съ подобострастія и простоты душевной, словомъ, рабски предать; а по правилу, разъ навсегда шной принятому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по закону природы (потомучто это законъ природы) собразилъ, во-первыхъ: ту ли надобность мнѣ высказали? во-вторыхъ: не скрывается ли подъ высказанной надобностью какой-нибудь другой, недосказанной? Ибо въ последнемъ случаѣ, какъ вѣроятно и ты, милый сынъ, можешь повять поэтической своей головой, — онъ меня обкрадывалъ:

ибо одна надобность положимъ рубль стритъ, а другая четверо стоитъ; такъ дуракъ же я буду, если за рубль перодамъ ему то, что четырехъ стоитъ. Началь а выискать и догадываться, и мало по малу сталъ нападать на слѣды: одно у него самого выпытать, другое — кой отъ кого изъ постоционныхъ, на счетъ третьяго своимъ умомъ допытъ. Спросишь ты неравно: почему именно я такъ задумалъ дѣйствовать? Отвѣчу: хоть бы потому одному, что князь слишкомъ ужъ что-то захопоталъ, чего-то ужъ очень испугался. Потому, въ сущности — чего бы кажутся пугаться? Увезъ отъ отца любовницу, она забеременѣла, а онъ ее бросилъ. Ну, что тутъ удивительнаго? Милая, пріятная юность и больше ничего. Не такому человеку какъ князь этого бояться! ну, а онъ боялся... Вотъ мнѣ и сомнительно стало. Я, братъ, на нѣкоторые прелюбопытныя слѣды напалъ, между прочимъ черезъ Генриха. Онъ конечно умеръ: но отъ одной изъ кузинъ его (теперь за однимъ булочникомъ здѣсь, въ Петербургѣ), страстно влюбленной въ него прежде и продолжавшей любить его лѣтъ пятнадцать сряду, не смотря на толстаго фатера-булочника, съ которымъ невзначай прижила восьмерыхъ дѣтей, — отъ этой-то кузины, говорю, я и успѣлъ, черезъ посредство разныхъ многосложныхъ маневровъ, узнать важную вещь; Генрихъ писалъ ей по нѣмецкому обыкновенію письма и дневники, а передъ смертью прислалъ ей кой-какія свои бумаги. Она, дура, важнаго-то въ этихъ письмахъ не понимала, а понимала въ нихъ только тѣ мѣста, гдѣ говорится объ Луиѣ, объ мейнѣ либерѣ Августинѣ и объ Виландѣ еще кажется. Но я-то свѣдѣнія нужныя получилъ и черезъ эти письма на новый слѣдъ напалъ. Узналъ я наприимѣръ о господинѣ Смитѣ, о капиталѣ, у него похищенномъ дочкой, о князѣ, забравшемъ въ свои руки капиталъ; наконецъ, среди разныхъ восклицаній, обиняковъ и аллегорій, проглянула мнѣ въ письмахъ и настоящая суть: то-есть, Ваня, понимаешь! ничего подожительнаго. — Дурачина Генрихъ нарочно объ этомъ скрываетъ и только намекаетъ, ну а въ этихъ намекахъ, изъ всего-то видѣть вѣятаго, стала выходить для меня небесная гармонія: князь-то вѣдь былъ на Смитихѣ-то женатъ! Гдѣ женился, какъ, когда именно, въ границѣмъ здѣсь, гдѣ документы — ничего неизвѣстно. То-есть, братъ Ваня, я долготы рвалъ съ досады и отыскивалъ — отыскивалъ, то-есть дни и ночи разыскивалъ,

Разыскалъ я наконецъ и Смита, а онъ вдругъ и умри. Я даже на него живого-то и не успѣлъ поглядѣть. Тутъ по одному случаю, узнаю я вдругъ, что умерла одна подозрительная для меня женщина на Васильевскомъ островѣ, справляюсь — и нападаю на слѣдъ. Стремлюсь на Васильевскій и, поминишь, мы тогда встрѣтились. Много я тогда почерпнулъ. Однимъ словомъ, помогди мнѣ тутъ во многомъ и Нелли...

— Послушай, прервалъ я его: неужели ты думаешь, что Нелли знаетъ...

— Что?

— Что она дочь князя?

— Да вѣдь ты самъ знаешь, что она дочь князя; отвѣчалъ онъ, глядя на меня съ какою-то злобною укорившею: — ну и что такіе праздные вопросы дѣлать, пустой ты человекъ? Главное не въ этомъ, а въ томъ, что она знаетъ, что она не просто дочь князя, а законная дочь князя, — понимаешь ты это?

— Быть не можетъ! вскричалъ я.

— Я и самъ говорилъ себѣ «быть не можетъ» сначала, даже и теперь иногда говорю себѣ «быть не можетъ». Но въ томъ-то и дѣло, что это *быть можетъ*, и по всей вѣроятности *есть*.

— Нѣтъ, Маслобовъ, это не такъ, ты увлекся, вскричалъ я. Она не только не знаетъ этого, но она и въ самомъ дѣлѣ незаконная дочь. Неужели мать, имѣя хоть какіе-нибудь документы въ рукахъ, могла выносить такую злую долю, какъ здѣсь въ Петербургѣ и, кромѣ того, оставлять свое дитя на такое сиротство? Полно! этого быть не можетъ.

— Я и самъ это думалъ, то-есть это даже до сихъ поръ стоитъ передо мной недоумѣніемъ. Но опять-таки дѣло въ томъ, что вѣдь Смитаха была сама по себѣ безумнѣйшая и сумасброднѣйшая женщина въ мірѣ. Необыкновенная она женщина была; ты сообрази только всѣ обстоятельства: вѣдь это романтизмъ — всѣ эти надъчелюстные тупости въ самомъ дикомъ и сумасшедшемъ размѣрѣ. Возьми одно: съ самаго начала она мечтала только объ чемъ-то въ родѣ неба на землѣ и объ ангелахъ, влюбилась безазабно, повѣрила безгранично и, я увѣренъ, съ ума сошла потомъ не оттого, что онъ ея разлюбилъ и бросилъ, а оттого, что въ немъ она обманулась, что онъ *способенъ былъ* ее обмануть и бросить; оттого, что ея ангелъ превратился въ грязь, оплевалъ и унижилъ ее. Ея романтическая и безумная душа не

вынесла этого превращенія. А сверхъ того и обидла: принимаешь какая обидла! Въ ужасѣ и, главное, въ гордости, она отшатнулась отъ него съ безграничнымъ презрѣніемъ. Она разорвала всѣ связи, всѣ документы; плюнула на деньги, даже забыла, что они не ея, а отцовы, и отказалась отъ нихъ, какъ отъ грязи, какъ отъ пыли, чтобъ подавить своего обманщика душевнымъ величіемъ, чтобъ считать его своимъ воровомъ и имѣть право всю жизнь презирать его, и тутъ же вѣроятно сказала, что безчестіемъ себѣ почитаетъ называться и женой его. У насъ развода нѣтъ, но de facto они развелись, и ей ли было послѣ умолять его о помощи! Вспомни, что она, сумасшедшая, говорила Нелли уже на смертномъ одрѣ: не ходи къ нимъ, работай, погибни, но не ходи къ нимъ, кто бы ни зналъ тебя (то-есть она и тутъ мечтала еще, что ее возовутъ, а слѣдственно будетъ случай отметить и еще разъ подавить презрѣніемъ зовущаго, однимъ словомъ, кормила себя вмѣстѣ хлѣба алобной мечтой). Много, братъ, я выпыталъ и у Нелли; даже и теперь иногда выпытываю. Конечно мать ея была больна, въ чахоткѣ; эта болѣзнь особенно развиваетъ озлобленіе и всякаго рода раздраженіе; но однакожъ, я навѣрно знаю, черезъ одну куму у Бубиной, что она писала къ князю: да, къ князю, къ самому князю...

— Писала! и дошло письмо? воскричалъ я съ нетерпѣніемъ.

— Вотъ то-то и есть, не знаю, дошло ли оно. Разъ Смитика сошлась съ этой кумой (поминишь у Бубиной, дѣвка-то набѣдница? теперь она въ смарительномъ домѣ), ну и посылала къ ней это письмо и написала ужъ его, да я не отдала, взападъ взяла: это было за три недѣли до ея смерти... Фактъ важный: если разъ ужъ рѣшалась послать, такъ все равно, хоть и дала обратно: могла другой разъ послать. И такъ, посылала ли она письмо, или не посылала, — не знаю; но есть одно основаніе предположить, что не посылала, потому что князь узналъ вѣрнѣе, что она въ Петербургѣ и гдѣ именно, кажется уже послѣ смерти ея. То-то должно быть обрадовался!

— Да, я помню, Алеша говорилъ о какомъ-то письмѣ, которое его отецъ обрадовало, но это было очень недавно, всего какихъ-нибудь два мѣсяца. Ну чтожъ дальше, дальше: какъ же ты-то съ княземъ?

— Да что я-то съ княземъ? Пейми: положительная нравственная увѣренность и ни одного положительнаго доказательства, — и кед-

мои, какъ я ни бился. Положенъе критическое! Надо было за границей справки дѣлать, а гдѣ за границей? — неизвѣстно. Я разу мѣется понялъ, что предстоитъ мнѣ бой, что я только могу его испугать намеками, прикинуться, что знаю больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ знаю...

— Ну, и чтожь?

— Не дайся въ обманъ, а впрочемъ струсилъ; да того струсилъ, что трусить и теперь. У насъ было нѣсколько околотъ; какимъ онъ лазаремъ было прикинулся! Разъ, по дружбѣ, самъ мнѣ все-принялся рассказывать. Это когда думать, что я все знавалъ. Хорошо рассказывалъ, съ чувствомъ, откровенно — разумеется безсовѣстно лгалъ. Вотъ тутъ я и измѣрился; до какой степени онъ меня боялся. Прикидывался я верель-внмъ одно время ужаснѣйшимъ простофилей, а наружу показывалъ, что хитрый. Неловко его запугивалъ; то-есть нарочно неловко; грубѣеи ему нарочно надѣлалъ, грозить ему было началъ, — ну все для того, чтобъ онъ меня за простофилю принялъ и какъ-нибудь да проговорился. Догадался, подлець! Другой разъ я пьянымъ прикинулся, тоже толку не вышло: хитерь! Ты, братъ, можешь ли это понять, Ваня: мнѣ все надо было узнать, въ какой степени онъ меня боится, и второе: представить ему, что я больше знаю, чѣмъ знаю въ самомъ дѣлѣ...

— Ну что-жь наконецъ-то?

— Да ничего не вышло. Надо было доказательствъ, фактовъ, а ихъ у меня не было. Одно только онъ воцѣлялъ, что я все-таки могу сдѣлать скандалъ. Конечно онъ только скандала одного и боялся, тѣмъ болѣе, что здѣсь связи началъ заводить. Въдѣ ты знаешь, что онъ жепится?

— Нѣтъ...

— Въ будущемъ году! Невѣсту онъ себѣ еще въ прошломъ году приглядѣлъ; ей было тогда всего четырнадцать лѣтъ, теперь ей ужъ пятнадцать, кажется еще въ фартучкѣ ходить, бѣдняжка. Родители рады! Повимаешь, какъ ему надо было, чтобъ жена умерла? Генеральская дочка, денежная дѣвочка — много денегъ! мы, братъ Ваня, съ тобой никогда такъ не жепимся..! Только чего я себѣ во всю жизнь не прошу, вскричалъ Маслобовъ, крѣпко стукнувъ кулакомъ по столу: это — это онъ смелъ меня, двѣ недѣли назадъ... подлець!

— Какъ-такъ?

— Да такъ. Я вижу, что онъ помышлялъ, что у меня нѣтъ ничего невозможнаго, и наконецъ чувствую про себя, что чѣмъ больше дѣло тянуть, тѣмъ скорѣе значить пойметъ онъ мое безсиліе. Ну и согласился принять отъ него двѣ тысячи.

— Ты взялъ двѣ тысячи!..

— Серебромъ, Ваня; скрѣпя сердце взялъ. Ну, двухъ ли тысячъ такое дѣло могло стоить! Съ униженіемъ взялъ. Стою передъ нимъ какъ оплеванный: онъ говоритъ, а вамъ, Маслобоевъ, за ваши прежніе труды еще не заплатилъ (а за прежніе онъ даже заплатилъ сто пятьдесятъ рублей, по условію), ну такъ вотъ я даю; тутъ двѣ тысячи, и потому; надѣюсь, *все наше дѣло совершенно* теперь кончено. Ну я и отвѣчалъ ему: «совершенно кончено, князь», а самъ и взглянуть въ его рожу не смѣю; думаю: такъ и написано теперь на ней: «счѣт, много взялъ? Такъ только, вотъ благодущіи одного дураку даю!» Не помню какъ отъ него и вышелъ!

— Да вѣдь это подло, Маслобоевъ! вскричалъ я: чтожъ ты сдѣлалъ съ Нелли!

— Это не просто подло, это каторжно, это пакостно... Это... это... да тутъ и словъ нѣтъ, чтобы выразить!

— Боже мой! да вѣдь онъ по крайней мѣрѣ долженъ бы хотъ обезпечить Нелли!

— То-то долженъ. А чѣмъ принудить? Завугать? Небось не испугается: вѣдь я деньги взялъ. Самъ, самъ передъ нимъ признался, что всего страку-то у меня на двѣ тысячи рублей серебромъ; самъ себя оцѣнилъ въ эту сумму! Чѣмъ его теперь напугаешь?

— И неужели, неужели дѣло Нелли такъ и пропало? вскричалъ я почти въ отчаяніи.

— Ни за что, вскричалъ съ жаромъ Маслобоевъ, и даже какъ-то весь встрепенулся. Нѣтъ, я ему этого не спущу! Я опять начну новое дѣло, Ваня; я ужь рѣшился! Чтожъ, что я взялъ двѣ тысячи? Наплевать. Я, выходя, за обиду взялъ, потому что онъ, бедѣльчикъ, меня надулъ, стало-быть насмѣялся надо мною. Надулъ, да еще насмѣялся! Нѣтъ, я не позволю надъ собой смѣяться... Теперь я, Ваня, ужь съ самою Нелли начну. Почти-которымъ наблюденіямъ я вполне увѣренъ, что въ ней заключается вся развязка этого дѣла. Она *все* знаетъ, *все*... Ей сама мать рассказала. Въ горячкѣ, въ тоскѣ могла разсказать. Неко-

ну было жаловаться, подвернулась Нелли, она ей и розназала. А можетъ-быть и на документикъ какіе-нибудь нападеешь, прибавишь итъ въ сладкомъ восторгѣ, потерявъ руки. Понимаешь теперь Ваня, зачѣмъ я сюда шлюсь? Во-первыхъ, изъ дружбы къ тебѣ, это само-собою; но главное — наблюдаю Нелли, а въ третьихъ, голубчикъ мой, хочешь не хочешь, а ты долженъ мнѣ помогать, потому что ты имѣешь вліяніе на Нелли!

— Непремѣнно, клянусь тебѣ, вскричалъ я, и надѣюсь, Мадлобоевъ, что ты, главное, для Нелли будешь стараться — для бѣдной, обиженной сироты, а не для одной только собственной выгоды...

— Да тебѣ-то какое дѣло, для чьей выгоды я буду стараться, блаженный ты человекъ? Только бы сдѣлать, — вотъ что главное! Конечно, главное для сиротки, это и человеколюбіе величить. Но ты, Ванюша, не осуждай меня безвозвратно, если я и что-нибудь позабочусь. Я человекъ бѣдный, а онъ бѣдныхъ людей не смѣи обижать. Онъ у меня мое отнимаетъ, да еще и надуть подлець въ добавокъ. Такъ я по-твоему такому мошеннику долженъ въ зубы смотреть? Моргенъ-Фри!

Но цѣточный праздникъ нашъ на другой день не удался. Нелли сдѣлалось хуже, и она уже не могла выйти изъ комнаты.

И ужъ никогда больше она не выходила изъ этой комнаты.

Она умерла двѣ недѣли спустя. Въ эти двѣ недѣли своей жизни, она уже ни разу не могла совершенно-прійти въ себя и избавиться отъ своихъ страшныхъ фантазій. Разсудокъ ея какъ-будто помутился. Она твердо была увѣрена, до самой смерти своей, что дѣдушка зоветъ ее къ себѣ и сердится на нее, что она не приходитъ, стучить на нее палкой и велитъ ей идти просить у добрыхъ людей на хлѣбъ и на табакъ. Часто она начинала плакать во снѣгахъ, просыпаясь, рассказывала, что видѣла мамашу.

Иногда только разсудокъ какъ-будто возвращался къ ней — шло въ. Однажды мы оставались одни: она потянулась ко мнѣ и схватила мою руку своей худенькой, воспаленной отъ горячешного жару рукой.

— Ваня, сказала она мнѣ: когда я умру, женись на Наташѣ!

Это кажется была восторженная и давнишняя ея идея. Я молча улыбнулась ей. Увидя мою улыбку, она улыбнулась сама в съ шаловливымъ видомъ погрозила мнѣ своимъ худенькимъ пальчикомъ и тотчасъ же начала меня цѣловать.

За три дня до своей смерти, въ прелестный лѣтній вечеръ, она попросила, чтобъ поднять стору и отворила окно въ ея спальнѣ. Окно выходило въ садикъ; она долго смотрѣла на густую зелень, на заходящее солнце и вдругъ спросила, чтобъ насъ оставили однихъ.

— Валя, сказала она едва слышнымъ голосомъ, потомучто была уже очень слаба: — я скоро умру. Очень скоро, и хочу тебѣ сказать, чтобъ ты меня помнилъ. На память я тебѣ оставлю вотъ это (и она показала мнѣ большую ладонку, которая висѣла у ней на груди, вмѣстѣ съ крестомъ). Это мнѣ мамаша оставила, умирая. Такъ вотъ, когда я умру, ты и сними эту ладонку, возьми себѣ и прочти, что въ ней есть. Я и всѣмъ имъ сегодня скажу, чтобъ они одному тебѣ отдали эту ладонку. И когда ты прочтешь, что въ ней написано, то пойдь къ нему и скажи, что я умерла, а *его* не простила. Скажи ему тоже, что я Евангеліе недавно читала. Тамъ сказано: прощайте всѣмъ врагамъ своимъ. Ну такъ я это читала, а *его* все-таки не простила, потомучто, когда мамаша умирала и еще могла говорить, то послѣднее, что она сказала было: *прокливаю его*, ну такъ и я *его* прокливаю, не за себя, а за мамашу прокливаю... Расскажи же ему, какъ умирала мамаша, какъ я осталась одна у Бубновой; расскажи, какъ ты видѣла меня у Бубновой, все, все расскажи и скажи тутъ же, что я лучше хотѣла быть у Бубновой, а къ нему не пошла...

Говоря это, Нелли поблѣднѣла, глаза ея сверкали и сердце начало стучать такъ сильно, что она опустылась на подушки и минуты двѣ не могла проговорить слова.

— Целови ихъ. Валя, сказала она наконецъ слабымъ голосомъ: я хочу съ ними со всѣми проститься. Прощай, Валя!..

Она крѣпко, крѣпко обняла меня въ послѣдній разъ. Вошла всѣ наши. Старикъ не могъ понять, что она умираетъ; допустить этой мысли не могъ. Онъ до послѣдняго времени спорилъ со всѣми нами и увѣрялъ, что она выздоровѣетъ непременно. Онъ весь высохъ отъ заботы, онъ просиживалъ у кровати Нелли по цѣлымъ днямъ и даже ночамъ. Послѣднія ночи онъ буццальше не спалъ. Онъ старался предупредить малѣйшую прихоть, малѣй-

шее желаніе Нелли, и, выходя отъ нея къ намъ, горько плакалъ, но черезъ минуту опять начиналъ надѣяться и увѣрять насъ, что она выздоровѣетъ. Узнавъ, что Нелли любитъ цвѣты, онъ заставилъ цвѣтами всю ея комнату. Одинъ разъ купилъ онъ цѣлый букетъ прелестнѣйшихъ розъ бѣлыхъ и красныхъ, куда-то далеко ходилъ за ними и принесъ своей Нелличкѣ... Всѣмъ этимъ онъ очень волновалъ ее. Она не могла не отзываться всѣмъ сердцемъ своимъ на такую всеобщую любовь. Въ этотъ вечеръ, въ вечеръ прощанья ея съ нами, старикъ никакъ не хотѣлъ проститься съ ней навсегда. Нелли улыбнулась ему и весь вечеръ старалась казаться веселою, шутила съ нимъ, даже смѣялась... Мы всѣ вышли отъ нея почти въ надеждѣ, но на другой день она уже не могла говорить. Черезъ два дня она умерла.

Помню, какъ старикъ убиралъ ея гробикъ цвѣтами и съ отчаяніемъ смотрѣлъ на ея исхудалое мертвое личико, на ея мертвую улыбку, на руки ея, сложенные крестомъ на груди. Онъ плакалъ надъ ней какъ надъ своимъ роднымъ ребенкомъ. Наташа, я, мы всѣ утѣшали его, но онъ былъ неутѣшенъ и серьезно заболѣлъ послѣ похоронъ Нелли.

Анна Андревна сама отдала мнѣ ладонку, которую сняла съ ея груди. Въ этой ладонкѣ было письмо матери Нелли къ князю. Я прочиталъ его въ день смерти Нелли. Она обращалась къ князю съ проклятіемъ, говорила, что не можетъ простить ему, описывала всю послѣднюю жизнь свою, всѣ ужасы, на которые оставляетъ Нелли и умоляла его сдѣлать хоть что-нибудь для ребенка. «Онъ вашъ, писала она: это дочь *ваша* и *вы сами знаете*, что она *ваша*, *настоящая* дочь. Я велѣла ей идти къ вамъ, когда я умру, и отдать вамъ въ руки это письмо. Если вы не отвергнете Нелли, то можетъ-быть *тамъ* я прошу васъ, и въ день суда сама стану передъ престоломъ Божиимъ и буду умолять Судію простить вамъ грѣхи ваши. Нелли знаетъ содержаніе письма моего; я читала его ей; я разъяснила ей *все*, она знаетъ *все, все...*»

Но Нелли не исполнила завѣщанія: она знала все, но не пошла къ князю и умерла непримиренная.

Когда мы воротились съ похоронъ Нелли, мы съ Наташей вышли въ садъ. День былъ жаркій, сіяющій свѣтомъ. Черезъ недѣлю они уѣзжали. Наташа взглянула на меня долгимъ, страннымъ взглядомъ.

— Ваня, сказала она : — Ваня, вѣдь это былъ сонъ !

— Что было сонъ ? спросилъ я .

— Все, все, отвѣчала она, все, за весь этотъ годъ. Ваня, за-
чѣмъ я разрушила твое счастье !

И въ глазахъ ея я прочелъ :

«Мы бы могли быть на вѣки счастливы вмѣстѣ!»

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

КОНЕЦЪ

9 іюля 1861 года.

Ты ихъ вѣдь зналъ. Они всегда
И перехитрены и живы,
И копошатся лишь тогда,
Какъ жизнь, сурова и тверда,
Отриветъ жемчужныя порывы.
Себялюбивыхъ ихъ умовъ
И съ рѣзкимъ смѣхомъ, съ правдой смѣлой,
Передъ толпой покажетъ цѣлой
Неправду ихъ нечистыхъ словъ.
Ты съ юной страстью ненавиждѣлъ
Ихъ мертво-мудрыхъ и пустыхъ
И съ тайнымъ трепетомъ увидѣлъ,
Какъ много чистыхъ, молодыхъ
Сердецъ, головокъ совращалось...
Ты «соблазняемыхъ» узналъ!
Про нихъ-то пламенное слово,
Что вѣчно-сильно, вѣчно-ново,
Въ негодованіи сказалъ
Спаситель древле...

Рабъ лукавый!

Зарылъ талантъ свой въ землю ты,
Отвергъ брюзгливо, величаво
Ты мелочь нашей суеты!
Ты міръ свой создалъ горделиво —
Міръ блѣдный прізрачныхъ тѣней —
И въ немъ бездѣйствуя кичливо,
Насъ презиралъ. «Нѣтъ силы въ ней,
Толпѣ и мелочной и грязной!
Все тѣмво, міръ кругомъ гниѣтъ,
Молчитъ бессмысленный народъ» —
Ты восклицалъ въ тревогѣ праздной.

Толпа жъ, незнаема тобой,
И волновалась и кипѣла,
И жизни вѣчно-молодой
Свершалось трудовое дѣло.
Въ подземныхъ душныхъ мастерскихъ
Свиститъ пила, колотитъ мѣлотъ,
Средь пыльныхъ улицъ городскихъ
Хлопочетъ трудъ, скрежещетъ голодъ...
Блестаетъ день, шумятъ лѣса,
И красота свѣжа какъ прежде;
Любви и страсти голоса
Поютъ о счастья и надеждѣ.
И въ черныхъ вспаханныхъ поляхъ,
Въ поту на соху налегая,
Или съ серпомъ своимъ въ рукахъ,
Надъ нивой спину въ зной сгибаая,
Трудясь божій людъ илетъ
И пѣсни бодрья поетъ...

С. ВЕРГЪ

ОТЪ БОСФОРА ДО ПЕРСИДСКАГО ЗАЛИВА

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ, ВЕДЕННЫХЪ ВО ВРЕМЯ ЧЕТЫРЕХЛѢТНЯГО ПУТЕ-
ШЕСТВІЯ ДЕМАРКАЦІОННОЙ КОМИССІИ ПО ТУРЦІИ И ПЕРСІИ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

МАЛАЯ АЗІЯ

МОЖНО ЛИ ПОВѢРЯТЬ ЧАСЫ ВОСТОКА ПО НАШИМЪ ?

-... Une expérience de quatre siècles
prouve que le Turc est immuable.-

.....
-En résumé, les Turcs sont Turcs comme
ils l'étaient à l'époque où Mahomet II les
conduisit à Constantinople, c'est-à-dire aussi
enracinés dans leurs préjugés et leur bar-
barie, aussi réfractaires à toute civilisation,
aussi peu disposés à s'associer à la vie
européenne.-

M. PEYRAT (Presse 17 juillet 1861).

-Théâtre des plus grandes splendeurs
et des plus grandes adversités, tour-à-tour
berceau et cimetière des nations, des scien-
ces et des arts, cette région (Asie Mineure)
unique dans son genre, a un passé telle-
ment gigantesque, qu'on a pu croire un
moment qu'il n'a point de place ni au passé
ni à l'avenir.-

PIERRE ТСННАТЧЕФЪ (Asie Mineure).

Читатель лично и близко не знакомый съ Востокомъ, пробѣгая
записки мои о мусульманскихъ странахъ, подумаетъ быть-можетъ,
что записки эти, съ точки зрѣнія интереса, слишкомъ поздно яви-
лись въ печати. Не устарѣли ли, не выдохлись ли, не утратили ли
Т. IV. — Отд. I. 22

букета современности свѣденія мною предлагаемыя, потому что во времени выѣзда моего изъ Константинополя на турецко-персидскую границу прошло почти двѣнадцать лѣтъ : а для нашего подвижнаго времени это чуть не столѣтіе !

Это такъ для Запада , отвѣчалъ бы я на подобное замѣчаніе, еслибъ мнѣ его сдѣлали , но не такъ для Востока. Недавнее слово Эмиля де Жирарденъ, приведенное мною въ первой части записокъ моихъ: *la Turquie n'est pas à l'heure de l'Empire*, очень вѣрно и должно относиться ко всему мусульманскому Востоку. Извѣстный путешественникъ Пуквилъ сказалъ между прочимъ почти тоже самое, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

«Une nation», писалъ онъ въ 1800 г. о туркахъ, «qu'aucunes conceptions humaines ne peuvent plus remettre sur la ligne des puissances eurasiennes». Я не сомнѣваюсь, что и черезъ другія шестьдесятъ лѣтъ скажутъ тоже самое о Турціи, если ей дадутъ такъ долго протянуть свое существованіе, и потому Европѣ нельзя мѣрять Востокъ на свой аршинъ, повѣрять его время своими часами. Востокъ есть тѣло, давно отвыкшее жить и двигаться собственными силами, и сердце его бьется только подъ живительнымъ дыханіемъ Запада; не будь его — и сердце Востока остановится, какъ маятникъ незаведенныхъ часовъ. Солнце умственной жизни давно уже передвинулось съ Востока на Западъ и только частицу свѣта своего и теплоты удѣляетъ сиротствующему и охладѣвшему Востоку, но не можетъ оно придать его движеніямъ той быстроты, того оживленія, которыя, по милости непосредственнаго вліянія этого солнца, остаются удѣломъ одного Запада. Десять лѣтъ въ жизни Востока меньше десяти минутъ въ жизни Запада. Единственное движеніе Востока, если онъ когда шевелился въ послѣдніе вѣка, всегда было движеніемъ попятнымъ. Нововведенія, клочками проскочившія въ Турцію, развѣ могутъ быть приписаны плодамъ мышленія и начинаній турокъ? Не есть ли это вторженіе Европы, восходящей, съ помощью своего умственнаго оружія, на престолъ Востока?

Вслѣдствіе-то этого, и только этого обстоятельства, мусульманскій Востокъ нельзя считать отжившимъ окончателно: онъ только разбитъ параличемъ и можетъ и долженъ возвратиться къ жизни, полной силъ и блеска, но это будетъ не прежде какъ когда тлетворныя частицы мусульманскаго преимущества будутъ поглощены, или вѣрнѣе, истреблены цѣлительнымъ дѣйствіемъ европейскаго хозяйства.

Въ послѣднія десять лѣтъ Европѣ удалось навязать Турціи двѣ желѣзныя дороги, въ нѣсколько десятковъ верстъ, два подводные и множество воздушныхъ телеграфовъ, за которыми конечно по-

сидяють и другіе; но ни парамъ, ни телеграфамъ не пошатнуть вѣковыхъ предрасудковъ и обычаевъ турецкаго общества. Страны же, искащенные нами, въ четырехлѣтнее наше путешествіе, уже давно не дѣлали ни одного шагу впередъ, и если есть въ нихъ что-нибудь замѣчательное и прекрасное, кромѣ природы, то это однѣ развалины, свидѣтельствующія о замершей дѣятельности, о минувшей славѣ Востока.

Въ эти послѣднія десять—двѣнадцать лѣтъ, смѣнилось много правителей, начальствующихъ лицъ; но система, но духъ управления, но обычай народовъ и ихъ вѣрованія не вышли изъ своей неподвижности, и никакою *новой металь* не вымести развалившася отъ гнилости зданія... Оптимисты здѣсь непремѣнно останутся при своихъ надеждахъ... и потому путешественникъ, который со знаніемъ азіатскихъ языковъ и терпѣніемъ, посѣтитъ въ настоящую минуту пространства, пройденныя нами отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ тому назадъ, не поставитъ ни одного восклицательнаго или вопросительнаго знака при свѣденіяхъ, приводимыхъ мною въ моихъ запискахъ.

ГЛАВА II

САМСУНЪ. ОБЩИЙ ХАРАКТЕРЪ ТУРЕЦКИХЪ ГОРОДОВЪ. ЛЕГЕНДА САМСУНА. ПЕРВЫЕ ТРИ ПЕРЕХОДА. ЧАКАЛИ-ХАНЪ, КАРАДАГЪ-ХАНЪ, ЕНИ-ХАНЪ.

Какъ ни пріятно плаванье на пароходѣ, при тихомъ морѣ и благопріятныхъ вѣтрахъ, но послѣ четырехъ—пяти дней этой однообразной жизни, еще пріятнѣе ступить на берегъ, хотя бы это былъ полудикій берегъ Анатоліи, хотя бы на немъ ожидали васъ невѣстье, глубокая вязкая грязь, разливы водъ, стѣжь, заметающій васъ сверху и тѣнцій подъ ногами; сырой, холодный, грязный пріютъ въ турецкомъ домѣ, склонившемся, заодно съ своими холмами, подъ бременемъ преждевременной старости; дикія горы, подступившія со всѣхъ сторонъ къ самымъ строеніямъ и покрытыя глубокими свѣгами и низкими туманами; косые взгляды угрюмыхъ жителей—варваровъ, непривѣтныя столкновенія съ ними, недостатки, лишенія, трудности жизни ежечасныя, ежеминутныя... Мы вѣрили, что все это ожидаетъ насъ въ отечествѣ амазонокъ, а за ними, въ горахъ древней Арменіи и въ Месопотаміи, но все-таки отрадно было ступить на землю, возвратиться въ свою стихію, отдохнуть отъ непривычной намъ жизни, поэтическія впечатлѣнія которой недоимо и не постоянно тѣшатъ душу нашу; насъ наконецъ

утомило это непрерывное пароходное колыханье, которое заодно съ угольнымъ и маслянымъ смрадомъ, преслѣдовало насъ по палубѣ, по каютамъ, за обѣденнымъ столомъ и грозило ежеминутною тошнотою; и однообразный гулъ моря, и безбрежные горизонты, и мокрая швабра, это грязное выраженіе чистоплотности, и топотал, и говоръ, и свистки матроскіе, тѣснота и неволя... Мы сверхъ того рассчитывали на безпрестанныя встрѣчи съ новыми видами, съ новыми предметами наблюденія и изученія.

Я не буду описывать подробно ни Самсуна и ни одного изъ второстепенныхъ городовъ и селеній Азіи. Вотъ ихъ общій характеръ:

Всѣ они состоятъ изъ грязныхъ и узкихъ улицъ съ покосившимися и полуразрушенными домами и домишками, посреди распадающихся стѣнъ, грубо сложенныхъ изъ камня; изъ садовъ первобытнаго вида и содержанія, запущенныхъ и заваленныхъ щебнемъ, мусоромъ, грудами кирпичныхъ обломковъ, камня, и всякихъ нечистотъ, съ развѣшанными тряпками по стѣнамъ и заборамъ, изъ-за которыхъ, тамъ и здѣсь, уныло выглядываетъ затасканный тюфякъ, растрепанное одѣяло, закопченная подушка. Оконныя рамы, затканныя по угламъ фестолами паутины, залѣплены исписанною школьникомъ или писаремъ бумагой, прорвавшаяся уже во многихъ мѣстахъ и отклеившаяся, или заткнута мохнатымъ комкомъ стараго войлока. На улицахъ тишина, безлюдье, грязь и адская мостовая, съ провалами и шумно бѣгущею водою. Около отвратительныхъ и смрадныхъ обгрызковъ падали хлопочуть тощія собаки и жирныя вороны, однѣ оживляющія эту грустную картину; да порою встрѣтится вамъ задумчиво шагающій оселъ, навьюченный топливомъ или перекидными корзинками съ зеленью или фруктами, касаясь ушами противоположныхъ стѣнъ, и за нимъ плетется какой-нибудь сгорбленный старина съ длиннымъ носомъ, съдой бородакою, торчащими подъ зеленой чалмою, или испитой мальчишка, полунагой и въ лохмотьяхъ. Порою изъ-за угла покажется какое-то движущееся чучело, завернутое въ длинное покрывало: это женщина; но едва она васъ замѣтила, какъ уже бросилась со всѣхъ ногъ, или назадъ или въ первое подавшееся отверстіе въ стѣнѣ. Въ извѣстные часы, съ высоты коротенькихъ и неуклюжихъ минаретовъ съ обгрызаннымъ верхомъ и боками, раздается голосъ мұлы — и черезъ минуту опять надъ городомъ воцарится прежняя могильная тишина. Ничто въ этихъ городахъ не улыбнется вамъ привѣтомъ и ласкою. Развѣ окрестность съ своими высотами и зеленью или видъ безбрежнаго моря съ его парусами!

Но мы вышли на берегъ 21 января, въ одну изъ самыхъ менаст-

нить знить, какія когда-либо осаждали Анатолию. Правда, на пусто-
 порожнихъ низменностяхъ сверкала еще яркая зелень; но топи, лу-
 ги, грязь, размытая и разбитая мостовая и цѣлый лабиринтъ забо-
 ротъ и влетья дѣлали невыносимымъ всякое движеніе по городу и
 окрестностямъ. Надо было посметрѣть на моихъ спутниковъ, поч-
 ты прямо съ парохода ходившихъ пострѣлять фазановъ, которыхъ,
 говорили, даже въ самомъ городѣ бездна! Яхташи ихъ были пу-
 сты; за то съ ногъ до головы они были что называется затерты
 грязью и едва двигались отъ усталости.

Если есть въ городѣ какое-либо движеніе, то его надо искать на
 базарахъ. Подъ обломками сводовъ, подъ сѣнью развѣшанныхъ
 тряпокъ, дырявыхъ цыновокъ или виноградника, тянутся ряды ла-
 вокъ, мастерскихъ, приходскихъ школъ, цырулень, онѣ же и ко-
 селки. Тамъ сонный турокъ, дымя свою трубку надъ краснымъ то-
 мромъ, неподвижно ожидаетъ покупателя; рядомъ трещитъ кузни-
 ца и подковываютъ скрученную лошадь; дагѣ, слѣдуютъ одинъ за
 другимъ, безъ всякихъ промежутковъ, лавки, гдѣ въ первой стегаютъ
 ошля, выкладываютъ серебряные узоры на красной анатолій-
 ской курткѣ, во второй шьютъ туфли, въ третьей плетутъ цыновки,
 въ четвертой печатаютъ набойки, въ пятой переплетаютъ книгу...
 Вотъ и публичный писецъ, занимающій своею особою почти всю
 свою лавочку, съ невозмутимостью въ лицѣ, систематически и съ
 самодовольствіемъ выводитъ свои каракули на лощеной бумагѣ:
 это вросьба для какого-нибудь клезника или угнетеннаго проси-
 теля, либо письмо отъ матери къ сыну, отъ молодой жены къ му-
 жу, отъ дѣвушки къ возлюбленному. Диктующая особа, съездив-
 шись на прилавкѣ, старается заглянуть писцу въ глаза, глубокомы-
 сленно опущенные на бумагу, какъ-бы стараясь взглядами доска-
 зать ему мысль свою, полувыраженную языкомъ, или съ любовью
 слѣдуетъ за движеніемъ его краснорѣчиваго «калема», въ полной
 увѣренности, что онъ приведетъ его къ исполненію всѣхъ его на-
 леждъ и желаній. Изъ другой конурки, похожей на собачью, и пе-
 редъ которою лавочка публичнаго писца можетъ пощеголять об-
 ширностью и удобствами, выглядываетъ какое-то чудовище, обмо-
 тавное короткими тряпками и длинными волосами, грязное, черное,
 съ мутными или сверѣпыми взглядами... къ нему подходятъ жен-
 щины, склоняются передъ нимъ; онъ щупаетъ ихъ головы и при
 этомъ водитъ большими пальцами своими по глазамъ ихъ, дуется
 имъ въ лицо, шепчетъ и проч... Это врачъ-юроливый; онъ исцѣ-
 лять разные недуги, разрушаетъ дѣйствіе дурного глаза и женское
 безплодіе! Уличный берберъ (цырульщикъ), иногда ученикъ его
 дѣлать двѣнадцать, скребетъ тупою бритвою голову работника, скло-

ненную къ нему на колѣни; льется кровь, летятъ стружка, брызъ, въ-
торыхъ обходитъ рѣзкая голова азіатца-простомыльца; но страда-
лецъ молчитъ, и по окончаніи операціи самодовольно оскабляется
въ круглое зеркало, подставленное ему мальчикомъ. А вотъ за угол-
комъ, на открытомъ воздухѣ, пускаютъ бѣлизну крови или ставятъ
рожки. Но войдемте въ кофейную. Тутъ опять брѣютъ, подстри-
гаютъ бороды, обмываютъ головы горячею водою. Пациентъ си-
дитъ на лавочкѣ, обмотанный полотенцами, поджавъ подъ себя но-
ги, и наклонившись впередъ держитъ, какъ Донъ Бартоло, огром-
ный тазъ съ намыленнымъ кипяткомъ, которымъ il signe le barbiere
плещетъ въ него ловкою рукою, и потомъ, въ знакъ окончанія опе-
раціи, шлепнетъ ладонью молодца по гладко выбритому затылку, и
принимается убирать свою посуду; а посѣтителю подають фин-
джанъ кофе, берутъ у него или кисеть съ табакомъ и наблюдаютъ ему
трубку, или табакерку съ тумбеки, т. е. съ кальяннымъ табакомъ, и
приготавлиють ему наргиллѣ.

Тутъ кстати разсказать способъ варить кофе, употребляемый въ
турецкихъ цырульняхъ. Въ кофейной, въ нишѣ устроенъ очажокъ,
на немъ горячіе уголья; въ большомъ мѣдномъ кувшинѣ кипитокъ.
На лоточкѣ, рядомъ, финджаны (чашки), зарфы (металлическіе под-
донники) и крошечные кофейники безъ крышки, съ длинною ру-
кою. Когда гость потребуеть кофе, прислуга беретъ кофейникъ, въ
которомъ всегда уже есть готовая кофейная гуща, метнетъ на две
ложку *только-что* крупно-смелотого кофе, обыкновенно попадающа
съ бобами, спуститъ въ кофейникъ изъ кувшина нѣсколько капель
кипятку, сунетъ кофейникъ въ уголья; кофе въ одно мгновеніе по-
дыметъ пѣну; тогда онъ отдерветъ кофейникъ, потомъ въ другой
разъ поставитъ на угль, и опять отдерветъ, и наконецъ въ третій
и... кофе льется въ финджанъ. Кофе очень нехорошъ, за то горячъ,
густъ и готовъ въ одну секунду. Надо замѣтить, что мода, предава-
емый въ хорошихъ домахъ, приготавливается точно такимъ же спосо-
бомъ. Здѣсь также собирается общество отдохнуть, поболтать, а бо-
лѣе всего полѣниться, посреди табачнаго дыма — покуривать,
слушая иногда зрячаго, а чаще слѣплого пѣвца Ашуга, какъ ихъ
называютъ въ Анатолиі, воспѣвающего взволнованною фистулою
доблести Кіороглу, этого восточнаго Соловья-разбойника, предвѣсти
Айваза, имъ усыновленнаго юноши, неописанныя достоинства Кы-
рата, его четвероногаго друга... и прочее.

Далѣе, по стѣнамъ дома, на веревкахъ, развѣшаны мокрый до-
лотенца, пестрыя бѣлыя, и двери раскрашены цвѣтами и надпи-
сами, а въ дверяхъ показываються нагіе мальчишки или старцы, и
тѣ и другіе обтапутье въ поясѣ какою-нибудь ветошью, спускаю-

щелюся до колѣнъ. Это баня. Далѣе лавочка аттара — продавца меллицяскихъ и красильныхъ снадобій; бавочки, горшочки, кувшины съ жидкостями и порошками, и все это съ надписями, и все это мизерно, жалко и обдаетъ проходящаго аптекарскимъ зловоніемъ... На каждомъ шагу зеленыя, бакалейныя, фруктовыя лавки и ставки; нищій-кадѣка, или слѣпой ожидаетъ подавнія, или молча, или гнуса во весь носъ нѣкоторые изъ эпитетовъ божіихъ; кочующій деревщикъ, нахаль, пройдоха и безстыдный дармоѣдъ, съ изступленіемъ и съ потомъ на лицѣ и на груди, декламируетъ во все горло мистическіе стихи — ради мельчайшей изъ турецкихъ монетъ, которую бросаютъ ему въ его кашкюль, рѣзную деревянную чашку на цѣпочкѣ. Толпятся ослы; выступаютъ вереницы важныхъ верблюдовъ, затирая собою все сообщенія; снуютъ прохожіе и покупатели, грызутся собаки; водоносы льютъ изъ своего мѣха воду въ мѣдныя чашки и приглашаютъ освѣжиться. Носильщики подчуютъ васъ гадкими сладостями, кислымъ молокомъ, салепомъ, киселемъ-муаллебѣ, которые разсыпятъ они на круглыхъ лоткахъ, держа въ рукахъ своихъ длинныя козлы. Проѣзжаетъ осапистый воинъ или эфенди съ пѣшею прислугою: конюхомъ, чубуконосомъ, разсылнымъ. Тутъ мечеть: на дворикѣ у фонтана или бассейна мусульмане совершаютъ омовеніе, подставляя то руку, то ногу подъ струю воды, и потомъ уже входятъ въ храмъ. Обширный и высокій покой его уставъ цыновками; колонны, поддерживающія сводъ, голыя стѣны чмсто выбѣлены; въ двухъ, въ трехъ мѣстахъ глазъ вашъ встрѣчаетъ колосальныя написи чернилами, на бумагѣ или на самой стѣнѣ: это имена пророка и первыхъ имамоу. Вотъ Михрабъ, — ниша, обращенная въ сторону Мекки; вотъ Мимберъ, — кафедра, на которой мулла читаетъ въ пятницу свою молитву; и больше ничего. Мусульманинъ садится на цыночку, кладетъ земные поклоны; то встанетъ, то сядетъ, то опуститъ руки къ колѣнямъ своимъ, то подыметъ ихъ къ ушамъ, то соединитъ ихъ передъ своими глазами, какъ-бы держа книгу и шепчетъ во все время, пуская по временамъ, чтобъ перевести духъ, басовую ноту съ какимъ-нибудь выраженіемъ изъ Курана. Рядомъ съ мечетью, мактебъ, — приходская школа для малолѣтнихъ. Вы съ улицы можете полюбоваться картиною дѣтскаго класса: старшій мулла сидитъ въ углу на ногахъ своихъ; въ рукахъ его длинная ивовая лоза, которою щелкаетъ онъ по головамъ и спинамъ окружающей его мелюзги обоого пола. Ученики, обращенные лицомъ къ учителю, сидятъ на ногахъ сложивши годовы надъ книгою, лежащею передъ ними, и громко читая урокъ, качаются взадъ и впередъ какъ маятники. Съ краю сидятъ два-три мальчика и выводятъ толстымъ камышомъ, на выстро-

ганной доскѣ или на бумагѣ, узоры арабской азбуки, повторяя до безконечности одну и ту же букву въ тѣсномъ сплетеніи одной съ другою. Перѣдко вы услышите вылетающій изъ класса визгъ крошечнаго преступника, истязаемаго на фалакѣ.

Поэтическую сторону этой картины составляютъ, послѣ природы, безпрестанно встрѣчающіеся вамъ публичные фонтаны, построенные частными благотворителями, большею частью изъ мрамора и украшенные каллиграфическими надписями; они постоянно оживлены присутствіемъ жителей обоого пола, приходящихъ сюда или для омовенія, или для наполненія мѣховъ и кувшиновъ своихъ водою.

Такова вся картина и вся жизнь базаровъ и его близкаго сосѣдства. Таковъ общій видъ небольшого азіятскаго города, а въ ихъ числѣ и видъ Самсуна. Но Самсунъ, какъ городъ приморскій, отличается отъ внутреннихъ турецкихъ городовъ тѣмъ, что лежитъ на плоскомъ пространствѣ, тогда какъ тѣ большею частью лѣнятся по высотамъ; ну да и потомъ морская сторона, его хотя и открыта для всѣхъ вѣтровъ, но тѣмъ не менѣе усѣяна рыбацкими лодками и катерами и часто оживляется появленіемъ на рейдѣ большого паруса и парохода.

Исторія говоритъ о Самсунѣ, что онъ былъ одною изъ древнихъ греческихъ колоній, основанныхъ на берегахъ Понта Эвксинскаго. Началомъ своимъ, согласно съ Страбономъ, обязана она милетцамъ и называлась Амисусъ. Плутархъ напрасно называетъ ее колоніею аеніянъ, основанною будто бы ими въ тѣ дни; когда могущество ихъ достигло высшей степени, и когда они были властелинами моря. Аеніяне только бѣжали туда отъ тиранства Аристіонова и допущены были пользоваться тамъ правомъ гражданства⁽¹⁾.

Амисусъ былъ взятъ персидскими силами подъ предводительствомъ Датамона, какъ называютъ его греки, — одного изъ артарксерксовыхъ военачальниковъ. Послѣ того онъ былъ, наравнѣ съ прочими греческими городами, вольнымъ городомъ, до тѣхъ поръ пока не былъ завоеванъ царями Понта, которые избирали его иногда мѣстомъ своего пребыванія. Солдаты Лукулла называли его «богатымъ и цвѣтущимъ городомъ». Римскій предводитель взялъ его, послѣ долгой осады, въ 71 году до Р. Х.; а къ Турціи онъ присоединенъ былъ Мухаммедомъ II.

Теперешній Самсунъ не смѣлъ бы и подумать хоть одну минуту защищаться противъ десятка нарѣзныхъ ружей.

Еще въ первыя времена владычества турокъ Амасію называли

(1) Ainsworth.

Багдадомъ Рума, т. е. Багдадомъ Турціи. Извѣстно, что персіяне и арабы Мессопотаміи называютъ оттомановъ — ахли-румъ, римлянами, потому что они получили на Востокъ наслѣдіе римской имперіи.

Самсунъ, главный городъ округа, принадлежитъ къ бозокскому эялету; онъ расположенъ у устья небольшого рукава Іешиль-Ырмака. Жителей въ немъ не болѣе пяти тысячъ. Портъ негодный. Но что составляетъ особенную важность Самсуна, это торговля табакомъ, которымъ онъ славится. Этотъ табакъ лучший въ Турціи послѣ салоникскихъ и филиппольскихъ. Отъ Самсуна идетъ большая караванная дорога во внутренность Малой Азіи и на Мосуль. По этой-то послѣдней мы должны были слѣдовать.

Отъ Самсуна до Сиваса собирались тоже строить желѣзную дорогу. Благая мысль, отъ которой впрочемъ повидимому отказались впоследствии, по причинѣ мнѣ неизвѣстной; вѣроятно мѣстные препятствія слишкомъ велики и потребовали бы слишкомъ большихъ издержекъ. Но сколько трудовъ и опасностей было бы обойдено тутъ! Дорога, по которой въ настоящее время плетутся караваны и путешественники, ни на что не похожа. Отъ времени до времени турецкое правительство посылаетъ инженеровъ своихъ для ея исправленія; но турецкіе инженеры при этихъ случаяхъ поправляютъ только свои карманныя обстоятельства, а дорога остается по прежнему въ положеніи настоящаго *casse-coe*. Знаменитый путешественникъ нашъ Чихачевъ очень справедливо сказалъ о нихъ, въ одной изъ своихъ статей сороковыхъ годовъ, что если гдѣ понадобится испортить дорогу, стоитъ только послать туда турецкихъ инженеровъ.

Воображеніе отказывается обнять всю неизмѣримость переворота, который долженъ произойти въ этихъ странахъ отъ учрежденія желѣзной дороги. Нигдѣ въ самомъ дѣлѣ не могло оно произвести такой волшебной перемѣны декорацій, такого мгновеннаго просвѣтленія и возбужденія къ жизни, какія обѣщаетъ этой дряхлой странѣ свѣта. До сихъ поръ желѣзныя дороги стараго свѣта пролагались въ странахъ, давно уже привыкшихъ къ образованной жизни, изрѣзанныхъ благоустроенными путями сообщенія, загроможденныхъ великолѣпными зданіями, не стыдившихся соперничества станцій — дворцовъ, воздвигаемыхъ у этихъ новыхъ путей сообщенія. Представьте же себѣ дикія дебри Анатолиі, никогда не видавшія на дорогахъ своихъ колеснаго экипажа, оглашаемая, съ исконивѣка и до сихъ поръ, только криками погонщиковъ, перегоняющихъ, посреди неслыханныхъ трудовъ и мученій, свои безковечные караваны по грязнымъ или каменистымъ крутямъ, надъ бездонными пропастями, въ которыя нерѣдко обрываются они со

скотомъ своимъ и товарами; представьте себѣ эти дѣбри вдругъ оживленныя желѣзными дорогами! Мрачные каравансерая, служащіе жалкимъ пріютомъ для отдохновенія отъ утомительнаго перехода, обиженные отсутствіемъ воды и всякаго съѣстного удовольствія, и богато-снабженныя только обидными насѣкомыми, пылью и грязью, уступаютъ мѣсто свое щегольскимъ станціямъ европейской постройки, со всѣми необходимостями и быть-можетъ прихотями живна; и вмѣсто опасной верховой ѣзды по чудовищнымъ стремнинамъ Тавра, мучительной и долгой, вихремъ несутъ путешественника покойные вагоны паровой машины!

И самый Самсунъ, этотъ въ сію минуту незатѣйливый, невзрачный турецкій городишко, по безграмотности даже и не вѣдающій о своемъ благородномъ происхожденіи и низведенный, превратностью судебъ и бессмысліемъ вынѣвшихъ господъ своихъ, на степень ничтожнѣйшаго селенія дикарей, и самый Самсунъ, говорю я, какъ бы по одному взмаху волшебнаго жезла, разцвѣтаетъ, богатѣетъ, разрастается, оставая далеко за собою Амисусъ времени лукуловыхъ...

И когда подумаешь, что это не мечта, не утопія, что черезъ нѣсколько лѣтъ, на нашихъ глазахъ, должно совершиться это чудо!.. И оно совершится, на зло упорству неподвижнаго ислама и апатіи турецкой. Это благодѣтельное дерево слишкомъ хорошо принялось, чтобы не пробить всѣхъ преградъ успѣхами своей растительности; чтобы не распространить могучихъ вѣтвей своихъ и отростковъ даже на упрямой почвѣ оттоманскихъ владѣній. Изъ вещественныхъ выколъ, турки не противятся этимъ нововведеніямъ: напротивъ, они подаютъ имъ руку содѣйствія — и близится часъ, когда захолустъ Малой Азіи озарятся свѣтомъ и представятъ собою новую, обширную, роскошную жатву любознательности и просвѣщенной дѣятельности. Уже нильская долина огласилась свистками парозодовъ и локомотивовъ; уже отъ Смирны до Айдына и въ Румеліа, отъ Кюстендже, на нѣсколько миль во внутрь страны, легла желѣзная дорога, благодаря европейской дѣятельности и предпримчивости западныхъ капиталистовъ...

Но въ 1849 г. мы застали Малую Азію, въ этомъ отношеніи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была до рождества Христова. И намъ надо было подыматься на высочайшіе хребты лѣсистыхъ горъ древней Арменіи и спуститься съ нихъ въ равнины Месопотаміи почти съ тѣми же средствами и при тѣхъ же условіяхъ, какія встрѣчалъ въ тѣхъ странахъ Ксенофонтъ, во время своего славнаго отступленія.

Македонскій герой походовъ нашихъ, Ставри Байко выступилъ

здѣсь на подприще своей четырехлѣтней неутомимой дѣятельности. Кудить ли лошадей и муловъ для каравана нашего, или нанять погонщиковъ до Мосуда? — вотъ вопросъ, занимавшій насъ въ первые минуты. Остановились на послѣднемъ, и эрзерумскій армянинъ, Мгдаси, тучный, тяжелый, черный, весь обросшій растительностью, какъ дикая скала, показался на сценѣ. Громадный Тарбушъ, обмотанный туго длиннымъ темносинимъ платкомъ, сверху до низу, въ параллельныхъ складкахъ опускался до его черныхъ какъ смоль бровей въ налечь толщиною, сплосшихся налъ носомъ; черные глаза, величиною съ голубиное яйцо, выглядывали томно изъ-подъ длинныхъ вѣковъ; черная борода, начинавшаяся прямо подъ глазами, дожилась на широкую грудь; тучное тѣло было перепоясано громаднымъ кушакомъ, съ заткнутымъ за него длиннымъ кинжаломъ. Таковъ былъ подрядчикъ и начальникъ нанятаго нами каравана, до 50 шастровъ (3 руб. сер.) въ сутки, за каждую скотину. Корпусъ погонщиковъ состоялъ изъ разноплеменнаго сброда азиатскихъ армянъ, весторьянцевъ, турокъ. Въ главѣ послѣднихъ былъ одинъ осанастый великанъ, въ зеленой огромной чалмѣ, съ длиною рыжею бородою и коротенькою трубкою.

Пока этотъ народъ размѣщала въюки и пригонялъ ихъ къ дощамъ, мы дѣлали визиты наши начальнику города Салехъ-пашѣ и англійскому агенту.

Паша жилъ, по обыкновенію, въ какихъ-то развалинахъ. Обширный приемный покой, съ низкимъ, обтершимся диваномъ, цѣль, грязная и оборванная челядь, въ форменныхъ сюртукахъ, глотокъ кофе, длинная трубка, несносная бесѣда, въ которой приходилось намъ выслушивать заученныя однообразныя фразы, смѣсь грубой лести, хвастовства, важничанья и притворнаго смиренья, — вотъ все что мы нашли въ нихъ.

Паша только-что передъ нашимъ прїѣздомъ назначенъ былъ правителемъ Самсуна и только-что поселился въ немъ. Онъ говорилъ намъ о своихъ предначертаніяхъ, объ улучшеніяхъ и постройкахъ, которыми намѣренъ былъ украсить портъ и городъ; спрашивалъ совѣтовъ насчетъ осушки болотъ, устройства гавази, мола, доковъ и проч. Бесѣдовалъ долго и выслушивалъ мнѣнія офицеровъ нашихъ. Можно было подумать, что для Самсуна наступаетъ новая эра и что зря процвѣтанія занимается на его горизонтѣ. Но бесѣда эта осталась бесѣдою, пустою болтовнею безъ цѣли и желанія дѣйствовать... Черезъ годъ или другой паша былъ, по обыкновенію, смѣненъ, не передвинувъ ни камня; на его мѣсто прїѣхалъ другой, и такъ же какъ и предшественникъ его, толковалъ съ европейскими путешественниками и агентами о планахъ своихъ

насчетъ устройства страны, ему ввѣренной, разглагольствовалъ, звенѣлъ звучными фразами, въ которыхъ главною темою служили заученныя слова: «танзимать» — воля и благодѣтельная сѣнь моего эендія (государя), человѣчность, цивилизація, законъ, строгое наблюденіе порядка и тому подобное; а Самсунъ пока все остается дряннымъ, грязнымъ, незначительнымъ городишкомъ, хотя соединяетъ въ себѣ всѣ условія богатства.

Въ самый день нашего прибытія явился къ услугамъ Е. И-ча одинъ европеецъ. Это былъ младшій братъ британскаго консула въ Самсунѣ, мальтійскаго уроженца, въ то время въ отсутствіи, привѣтливый и безпрестанно улыбающійся молодой человѣкъ. Они съ братомъ занимались здѣсь торговлею, которой помогали ихъ консульское званіе и власть. Они построили себѣ прекрасный, веселенькій домикъ на морскомъ берегу, со службами, со всѣми удобствами и обширною галлереею, съ которой открывается видъ на море. Получая хорошее содержаніе и хорошія выгоды отъ торговли, окруженный семействомъ своимъ и наконецъ, живя въ близкомъ сосѣдствѣ, при удобныхъ сообщеніяхъ съ Константинополемъ и Трапезономъ, агентъ англійскій могъ бы считать свое положеніе завиднымъ, если бы климатъ Самсуна былъ здоровѣе. Болота, окружающія городъ, поселяли въ странѣ лихорадки, отъ которыхъ не уходять и европейцы.

Проживъ въ Самсунѣ пять дней, въ продолженіе которыхъ набавилось на дорогѣ грязи, а на горахъ снѣгу, мы 26 января сѣли на походныхъ коней, и толкаясь съ нашимъ караваномъ по узкимъ улицамъ, вышли наконецъ изъ города.

Мы навьючили на себя все что было припасено нами для предохраненія отъ холода и отъ разбойниковъ. На мнѣ были два теплыя пальто, огромный турецкій красный кушакъ, болгарскій бѣлый капоть съ капишономъ и турецкая сабля на красныхъ шнурахъ. Напрасно я боялся холоду и разбойниковъ! Я только связалъ свои движенія, съ трудомъ взлѣзъ на коня, съ трудомъ держался на немъ, не имѣя свободы движенія, ни возможности смотрѣть по сторонамъ; ктому же камни и глубокая грязь затрудняли лошадь и я, еще около городской ограды, повалился съ нею какъ снопъ и лежалъ въ грязи въ преглупомъ и смѣшномъ положеніи, пока меня не подвяли. Неуспокоительное предзнаменованіе! И въ самомъ дѣлѣ... Но объ этомъ въ свое время.

Сейчасъ же за городомъ мы стали подыматься на окружающія его высоты, и чѣмъ выше, тѣмъ лѣсъ гуще и снѣгу больше, тѣмъ становилось мрачнѣе и жутче. Небо было покрыто свинцовыми клубами облаковъ; попаривалъ снѣгъ. Оглянулись назадъ: тамъ,

далеко передъ нами Черное море, а къ самымъ водамъ, во всю ширину горизонта, опустилась черная туча. Самсунъ ушелъ изъ глазъ нашихъ. Куда ни посмотришь, вездѣ мракъ и суровая, хмурая природа. Ничто не можетъ быть грустнѣе подобнаго путешествія: идти шагомъ по едва замѣтно протоптанной тропинкѣ, гуськомъ, и безпрестанно отрываясь отъ своихъ товарищей, вмѣсто которыхъ вдругъ окружаютъ васъ однѣ печальныя сосны, облѣзшій дубъ и орѣхъ, въ бѣлой одеждѣ подмерзшаго снѣга; короткій день, особенно посреди лѣса этихъ привидѣній, недолго руководитъ васъ по извилистымъ спускамъ и подъемамъ; тѣни все гуще и гуще, все сильнѣй и сильнѣй напираютъ на васъ и какъ-бы слятся остановить васъ у каждаго дерева. Никакого звука ни впереди, ни сзади, тѣмъ болѣе, что уши ваши закутаны; вы какъ-будто одни въ этой суровой глуши, все болѣе и болѣе наполняющейся ужасами, и страхъ свалиться на каждомъ шагѣ съ лошади и остаться въ жертву холода и волковъ, одолеваетъ васъ особенно въ первыя минуты путешествія. Ухъ, какъ гадко! А еще до весны и до Месопотаміи далеко! Только и думаешь въ послѣднюю половину перехода: скоро ли дойдемъ до ночлега; да и дойдемъ ли полно?

Какъ пріятно подумать, что все это давно уже миновало!

Я сказалъ выше, что холоду нечего было бояться. И въ самомъ дѣлѣ, градусъ или два морозу, безъ вѣтра, не могли быть чувствительны уроженцамъ сѣвера; но снѣжные сугробы, рыхлый снѣгъ, по которому тянулся клочками караванъ нашъ, сумракъ густого зашедшаго лѣса и гробовая тишина, насъ окружавшіе, густой снѣгъ, крутившійся вокругъ, и сгущавшіяся постепенно вечернія тѣни, сжимали грудь какою-то тоскою и морозъ подиралъ по кожѣ... Что-то ожидаетъ насъ впереди, коли таково начало!

Часа черезъ три по удаленіи нашемъ отъ эвксинскихъ волъ, мы уже поднялись тысячи на двѣ футовъ надъ уровнемъ моря и съ виду походили на усталыхъ путниковъ, избитыхъ долгимъ походомъ: лица обвѣтрившись, усы побѣлѣли, складки платья плотно набились снѣгомъ, отяжелѣвшія полы тигрились пятнами грязи.

Вотъ ужъ и моря стало не видно; за нами, такъ же какъ и впереди насъ и вокругъ, холмились лѣсистыя высоты, подъ нами бездны, надъ нами суровое небо. А вотъ и ночь. Пора бы къ ночлегу! Особенно для перваго дня, казалось намъ, довольно набрались мы усталости. Наконецъ видимъ огонекъ; вотъ мы и у жилья, слышится пріятное гавканье собаки... Это каравансерай, говорятъ вамъ, желанный ночлегъ! Мы было снулись... не тутъ-то было! Нашъ ночлегъ еще въ десяти верстахъ впереди, да и въ лачужкѣ,

до которой мы добрели, мѣста нѣтъ; она вышита. Дѣлать нечего! Впередъ!

Чакати-хитъ принялъ насъ наконецъ подъ свой незатѣшливый кровъ. Мы сѣли на рогожку, дырявую и грязную, валявшуюся на земляномъ полу, не раздѣваясь, потомучто въ этомъ сараѣ было едва ли не холоднѣе чѣмъ въ горахъ: гостепріимныя стѣны обители, сквозь многочисленныя щели свои и отверстіе въ крышѣ для дыма, пропускали къ намъ наружный воздухъ. Подъ отверстіе иррачный ханджі навалилъ на полъ сучьевъ и огромный рогатый пень. Огонь запылалъ, и дымъ, гонимый вѣтромъ, вмѣсто того, чтобы уходить въ крышу, проткнулъ къ намъ свои враждебныя объятія, добрался до глазъ нашихъ и сталъ вѣсть ихъ немилосердно. Вѣсть хотѣлось и намъ; но мы болѣе часа сидѣли въ этомъ печальномъ положеніи, пока притянулся караванъ; поставили самоваръ и наполнили насъ чаемъ; а ужина дожидались мы еще два часа. По крайней мѣрѣ мы могли раздѣться и расположиться на нашихъ походныхъ кроватяхъ.

Въ сосѣдней конуркѣ, куда заглянули мы, желая развѣстать людей нашихъ, лежалъ больной хозяинъ хана. Е. И-чъ, найдя въ немъ холерическіе припадки, открылъ нашу походную аптечку, далъ ему матныхъ капель, потомъ наполнилъ чаемъ, и къ утру хозяинъ былъ здоровъ; но вмѣсто благодарности, онъ требовалъ лишней платы за востой. Таково благородство мусульманина! Коротко и ясно.

Вообще дебютъ похода не очень былъ заманчивъ: тяжолая гористая дорога съ глубокимъ снѣгомъ, глубокою грязью, съ свѣжною выюгою; холодный, грязный, неудобный ночлегъ; варварская выходка перваго жителя, съ которымъ мы имѣли дѣло... все это производило на насъ печальное впечатлѣніе. На другой день опять тотъ же снѣгъ, та же грязь, тѣ же горы. Направо отъ насъ шла дорога въ Марсаванъ, Фарнезонъ древнихъ, большой и замѣчательный своею торговлею городъ, какихъ-нибудь верстахъ въ 20-ти отъ дороги нашей; налѣво, въ городъ Ладикъ, древнюю Лаодикію. На подорогѣ мы зашли отдохнуть въ *Кавакъ*, нѣкогда укрѣпленный замокъ знаменитаго Дерѣ-бея, анатолійскаго феодальнаго князька, Чапанъ-оглу. Теперь замокъ обращенъ въ гинекей начальника небольшого военнаго поста. Ага, по обыкновенію возсѣдавшій на сальномъ диванѣ, и окруженный сальною толпою слугъ, угощалъ насъ кофеемъ и горячимъ напиткомъ, который онъ торжественно называлъ чаемъ и который былъ не что иное, какъ бузина съ прищипанныхъ острововъ... угощалъ-моль русскихъ любимымъ ихъ напиткомъ! Самодовольная улыбка, озарявшая по этому случаю лицо аги, во все время бесѣды нашей, была неоцѣненна.

Ночлегъ нашъ въ этотъ разъ былъ еще хуже перваго. Въ этомъ грязномъ и тѣсномъ сквозникѣ, съ громкимъ именемъ *Карадатъ-хана*, сзади обдавало насъ холодомъ изъ стѣнныхъ щелей, спереди поджаривалъ громадный костеръ, утощавшій насъ сверхъ того густыми клубами дыма. Этотъ гостинный домъ замѣчателенъ только по своему названію, потому что *Карадатомъ* — черною горою, турки называютъ споконвѣку эту часть таврскихъ горъ.

Но какъ описать терзанія третьяго перехода нашего! За ночь въ горахъ навалило такъ много снѣгу, что тропинокъ какъ не бывало, и конный проводникъ велъ насъ до половины дороги на удачу; но тутъ, не узнавая болѣе мѣстности, онъ отказался вести насъ дѣле, и мы принуждены были изъ ближайшаго селенія взять въ компаньоны пѣшаго крестьянина. Человѣку средняго роста вельзя было и думать браться за это дѣло. Къ счастью намъ попался на встрѣчу какой-то великанъ, который, по поясъ уходилъ въ сугробы рыхлаго снѣга и ориентировался окружающими высотами, тѣломъ своимъ прокладывая намъ путь. Не знаю, какъ мы не провалились въ какую-нибудь трупобу! Сначала онъ втыкалъ передъ собою въ снѣгъ длинную жердь, служившую ему посохомъ, потомъ заносилъ къ ней ноги, одну за другою, и такимъ образомъ, работалъ около полутора или двухъ часовъ, вывелъ насъ, конечно печально, къ какой-то снѣжной стезѣ, проложенной только-что миновавшимъ караваномъ, и сдвѣвъ ей насъ, повернулъ назадъ, забывая отъ изнеможенія потребовать обычнаго бахшиша.

Черезъ часъ случайная и спасительная стезя эта, спустившись въ глубокое ущеліе, со всѣхъ сторонъ загроможденное снѣжными высотами, привела насъ къ недавно выстроенному здѣсь и весело глядѣвшему хану, просторному и опрятному. Негръ Ханджі, косопланный карликъ, ввелъ насъ въ гостинный покой, широкій, чистый... Мы вздохнули свободно, и веселость возвратилась въ наше общество. Мученія трехъ послѣднихъ дней были забыты нами; мы не хотѣли думать о предстоящихъ и съ увлеченіемъ предались удовольствіямъ стола и отдохновенію въ покойномъ и тепломъ пріютѣ.

Намъ такъ было хорошо, что Е. И. рѣшился провести здѣсь цѣлыя сутки, чтобы осмотрѣться, привести въ порядокъ нѣсколько пострадавшій караванъ нашъ и набраться снѣжныхъ силъ для новыхъ трудовъ.

ГЛАВА III

Общій характеръ зимняго путешествія въ Анатоли. Аргованъ. Амасія. Инѣ-базаръ. Итальянскій докторъ и его семейство. Курдинскій анекдотъ. Турхаль. Прибытіе въ Токать.

Не досадно-ли въ самомъ дѣлѣ, что мы осуждены были проходить посреди глухой зимы эти интересныя страны, столь богатая историческими воспоминаніями и дарами природы!

Снѣга и туманы кутали собою эти величественныя горы и прятали отъ глазъ нашихъ ихъ растительную природу съ ихъ живописными ущельями, долинами, лѣсомъ, водами, развалинами, населеніями. Глазамъ и мыслямъ нашимъ не надъ чѣмъ было потѣшиться; кругомъ насъ одни бѣлые сугробы да пронасти, опципанныя деревья, оцѣпенѣвшія, помертвелыя, да кое-гдѣ едва замѣтныя черныя пятна приземистыхъ лачужекъ, придавленныхъ цѣлыми горами снѣга. Остановиться на пути, чтобы осмотрѣться, рѣдко когда было возможно, потомучто шагъ въ сторону отъ набитой стези — и нога глубоко уходила въ рыхлый снѣгъ, не находя точки опоры, и не было возможности ее вытащить, не говоря уже о томъ, что можно было при этомъ случаѣ оборваться въ незамѣтную для глаза лошину или пропасть. Надо было итти гуськомъ, не оставаясь ни на минуту, чтобы не задержать слѣдовавшихъ сзади, не разорвать цѣпи каравана и не остаться безъ проводника въ этомъ безвыходномъ лабиринтѣ спусковъ, подъемовъ, поворотовъ, непрерывно слѣдовавшихъ одни за другими, и по которымъ то и дѣло пересѣкались и путались слѣды и тропинки. Это вѣчное напряженіе глазъ и всѣхъ мускуловъ, изнемогавшихъ подъ цѣлымъ व्यюкомъ тяжелой и жесткой одежды и отъ управленія упрямою лошадью, постоянно наровившею къ самому обрыву; безконечныя остановки передъ обвалившимся व्यюкомъ, который объѣхать не было никакой возможности, встрѣчи съ длинными вереницами каравановъ, обманчивость разстояній, — это непремѣнное условіе горныхъ переходовъ, не менѣе пустынныхъ миражей раздражающее нервы путешественника: все это вмѣстѣ обращало походъ нашъ въ продолжительную пытку, которой скорого окончанія нельзя было намъ предвидѣть.

Чего не передумаешь въ эти минуты, потерянные для ума и наблюденія! Всѣ мысли ваши заняты страхомъ за слѣдующій шагъ, и черныя, кружатся онѣ въ головѣ вашей, какъ назойливыя слѣпни

сметливо рѣютъ около васъ, когда вы ѣдете камышомъ въ жаркое время. Терпѣніе ваше лопаетъ, а вамъ все надо впередъ...

«Какъ здѣсь должно быть хорошо лѣтомъ и осенью!» Вотъ фраза, которую съ горя перекидывали мы другъ другу на каждомъ привалѣ, на каждомъ вѣчлегѣ, когда свалившись съ коня мы становились около жилья на твердый снѣгъ и озирались, потягиваясь съ удовольствіемъ, и расправляя члены, одеревенѣвшіе отъ долгаго перехода.

Какъ здѣсь должно быть хорошо лѣтомъ! Это ущелье, этотъ лѣсъ, этотъ потокъ, выглядывающій тамъ и здѣсь своими живыми сверкающими струйками изъ-подъ снѣжныхъ бугровъ! это селеніе, задавленное ими, и кажется забытое жизнью, сосредоточившееся тамъ, около невидныхъ очаговъ, и порою только угадываемыхъ по дыму, разносимуому горнымъ вѣтромъ!.. Порханье снѣга, туманы, только повременамъ озаряемые случайно пробившимся лучемъ солнца, посылаютъ намъ грустный отвѣтъ на возгласы наши, и мы спѣшимъ въ скромный пріютъ постоялаго дома, думая укрыться отъ тяжелыхъ впечатлѣній и... встрѣчаемся съ новыми. Мрачно и невпривѣтно глядятъ на васъ съ четырехъ сторонъ незнакомые вамъ закоптѣлые углы и ниши, а сверху кровельныя бревна; грязно и тѣсно вамъ около разложеннаго костра, но тепло по крайней мѣрѣ, и отдыхъ впереди на нѣсколько часовъ. Чай, табакъ, сытный ужинъ незамѣтно ведутъ васъ къ освѣжительному сну, давно уже оспаривающему васъ у пищи и трубки.

Но на завтра опять тоже, опять тотъ же безцвѣтный, однообразный путь, тѣ же труды, та же пытка, та же грязь и неукромность на вѣчлегѣ. А безконечныя распросы проводниковъ и жителей о положеніи и условіяхъ предстоящей дороги, о названіи и особенностяхъ проходимыхъ мѣстностей и непремѣнная путаница, неточность, небывальщина въ отвѣтахъ!.. Если не повѣришь, бывало, свѣденій новыми вопросами у другихъ лицъ, почти всегда останешься съ невѣрными данными. Чтобъ отдѣлаться отъ распросовъ путешественника, житель навретъ вамъ что-нибудь, возьметъ свой бахшишъ и былъ таковъ. Мы скоро примѣнились ко всѣмъ замашкамъ этихъ лжарей и не поддавались ихъ лукавству.

31-го января мы спустились въ глубокую лошину къ деревнѣ *Арюванъ* (руманая), откуда до *Амасіи* (древняя *Амасаеа*), всего четыре часа, и дорога идетъ низменностью. Мы здѣсь на время простились съ глубокими снѣгами, и начали знакомство наше съ анатолійскою грязью. Чѣмъ ближе подходили мы къ городу, тѣмъ грязь становилась ощутительнѣе, и въ пятнадцать верстахъ отъ него, мы по-

шли между шелковичныхъ садовъ, не прерывавшихся до самыхъ городскихъ стѣнъ. Здѣсь каменная дорога была грязна до нестерпимости. Издали, изъ-за деревьевъ повременамъ выглядывали домики и сараи для кормленія шелковичныхъ червей. Самый городъ представлялся намъ смутною кучею нестройныхъ домовъ, брошеною между горъ. Высокая, черная Митридатова гора съ живописною развалиною укрѣпленій и пещерами, которыхъ постройка приписывается знаменитому понтійскому царю, жметя къ городу съ восточной стороны и заслоняетъ его отъ солнца.

Говорили намъ, что въ Амасіи до шести тысячъ домовъ; но большая часть изъ нихъ уходила изъ глазъ нашихъ, пропадая въ чащѣ садовъ, остальное было бѣдно, жалко, грязно, какъ и въ Самсунъ; ни одного званія, ни одного предмета, который бы польстилъ глазу, привлечь его вниманіе. Быть-можетъ зимняя одежда лишала городъ всякаго характера, всякой заманчивости, хотя посреди самыхъ строеній и не было снѣгу и термометръ показывалъ 4½ градуса тепла; быть-можетъ также присутствіе величавыхъ древностей, разсыпанныхъ по горѣ, нависшей надъ нимъ, бросало на него тѣнь, уничтожавшую его со всѣми его садами и окрестностями. Эти картинные остатки минувшихъ вѣковъ, глядѣвшіе съ неприступныхъ высотъ на жалкую, сжатую со всѣхъ сторонъ долину Амасіи, громко зывали къ нашему воображенію и переносили насъ къ громовымъ событіямъ глубокой древности... Въ нихъ видѣли мы какъ бы окаменѣлыя доказательства усилій Митридата въ борьбѣ его съ римлянами, упорство его отчаяннаго сопротивленія, величіе Суллы и Помпея, торжество Лукулла, закатъ понтійскаго солнца... тщету доблестныхъ подвиговъ и славы. Но сколько еще ожидало насъ впереди подобныхъ картинъ и впечатлѣній! Не буду останавливаться... А эти гроты, для чего они выточены съ такимъ тщаніемъ и усиліями искусства? Этотъ вопросъ такъ же неудовлетворительно рѣшенъ, какъ и вопросъ о назначеніи египетскихъ пирамидъ. Царскіе-ли это склепы, или убѣжище отъ осады со стороны стихій или со стороны враговъ, завистниковъ, мстителей...?

Доступъ къ нимъ, по отвѣснымъ стремнинамъ, весьма труденъ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опасенъ. Внутри они пусты; но каждый изъ нихъ снабженъ колодезъ страшноты глубины.

Кольбель Митридата и могила его царства, Амасія расположена на берегѣ Ишилъ-Ірмака (зеленой рѣки), Ирисъ древохъ, и производитъ нынѣ хорошее вино, много шезу, красивыхъ женщинъ, которыя ходятъ здѣсь въ черныхъ маскахъ изъ волосной матеріи, и служатъ между прочимъ резиденціею армянскому архіепископу.

Въ городѣ двѣ армянскихъ и одна греческая церкви и есть еще живописная развалина Гѣкъ-Медресѣ⁽¹⁾

Страбонъ также родился въ Амасіи; но не мѣстныхъ преданія, разумѣется, гласять объ этомъ. Указываютъ вамъ преданія, Богъ знаетъ на какомъ основаніи, на вершину одной изъ высокихъ горъ, какъ на могилу Локмана, этого едва-ли не баснословнаго арабскаго баснописца-философа. А на вершинѣ вотъ этой горы, тарантятъ овѣ, погребены богатырь Ферхадъ и его возлюбленная красавица Ширинъ. Но имена этихъ двухъ знаменитыхъ на Востокѣ идеаловъ страстной и отчаянной любви провожали насъ на разстояніи болѣе тысячи верстъ, сквозь всю Арменію и Курдистанъ до самого Керманъ-шаха, гдѣ видѣли мы изображенія ихъ высѣченными на скалѣ по сторонамъ царственной фигуры Хосрова Первиса. Здѣсь огромный обломокъ скалы, скатившійся съ горы на равнину, отсѣченъ былъ булатомъ этого восточнаго Вулкана-Геркулеса; тамъ высѣченный въ гранитѣ водопроводъ обязанъ своимъ существованіемъ его искусству и силѣ. Тутъ онъ морилъ себя голодомъ съ отчаянья и тоскѣ по возлюбленной; далѣе, онъ поразилъ себя громаднымъ осколкомъ утеса. Еще показываютъ нѣчто въ родѣ водопровода, продолбленнаго въ скалѣ, и имѣвшаго назначеніемъ своимъ проводить къ городу струи молока отъ стада Ширины, и такъ далѣе.

Кромѣ этихъ поэтическихъ преданій есть еще въ Токатѣ гробница арабской Сафо, пѣсновѣдчицы Михри. Мы ѣздили, между прочимъ, посмотреть на такъ называемую *Айналы Магара* — зеркальную пещеру, высѣченную въ скалѣ въ трехъ верстахъ отъ города; но взобраться въ нее по отвѣсной плоскости не было никакой возможности.

Въ Амасіи, гдѣ родился и султанъ Селимъ I, приводятъ васъ также къ нестройнымъ и ничѣмъ не замѣчательнымъ развалинамъ дворца, въ которомъ, говорятъ, пребывалъ султанъ Баязедъ Йылдырымъ до восшествія на оттоманскій престолъ.

Здѣсь мы нашли также и европейское общество. Швейцарецъ К., агентъ комерческаго дома для покупки шолка, гнѣздився съ унылою подругою жизни и малолѣтнимъ потомствомъ посреди этого безобразнаго хаоса кривыхъ, грязныхъ, узкихъ улицъ, полуобвалившихся домовъ, злыхъ собакъ, непривѣтливыхъ людей. Мы у нихъ обѣдали и не могли не пожалѣть въ душѣ, что такіе добрые

(1) Название это неправильно переводятъ небесною школою. Слово Гѣкъ, небо, также значить голубой цвѣтъ. Это зданіе называется Гѣкъ-Медресе, голубою школою, отъ прекрасныхъ голубыхъ изразцовъ, покрытыхъ арабесками и надписями изъ Курана. Остатки ихъ и теперь еще одѣваютъ нѣкоторыя части этой почтенной сельджукской руины.

люди осуждены на подобное заточеніе въ безпривѣтномъ захоlustѣ Анатоліи.

Пашу мы посѣтили на другое утро нашего прихода. Мы застали его въ живописной одеждѣ стараго турецкаго покроя : на немъ была алая шуба съ золотыми узорами по краямъ ; но лицо его было грустно. Бѣдный человекъ въ тотъ самый день потерялъ любимую дочь двѣнадцати лѣтъ. Говорили намъ, она была красавица, чему не трудно было повѣрить, судя по наружности отца.

Но начиная отъ алой шубы паша, все уже около насъ заперстрѣло разнообразіемъ старыхъ національныхъ костюмовъ Азіи. Головы фески все рѣже и рѣже показывались, скрываясь тамъ и здѣсь подъ пестрыми платками, обматывавшими ихъ жиденькой чалмою. А вотъ и высокая конусообразная чалма Сеймена, его узорчатая куртка, пышный кушакъ, утыканный арсеналомъ оружія, бѣлые узкіе штаны до обнаженныхъ колѣнъ, ноги босыя или плотно перевитыя котурномъ, горная обувь. Зеленая и бѣлая чалма, курдистанскій плащъ съ широкими продольными полосами, темныя съ бѣлыми ; или анатолійская мантия изъ козьей шерсти, выкрашенной обыкновенно коричневою краскою. Съ этою пестротой познакомили насъ прежде всего наши конвойные баши-базуки, отличавшіеся сверхъ того особенною характерностью ихъ загорѣлыхъ усатыхъ лицъ, исполненныхъ воинственности и нахальства. Лишь только поѣздъ нашъ бывало выберется изъ рыхлаго снѣга, эти театральные всадники обыкновенно принимались гарцовать на своихъ быстрыхъ горныхъ кошаченкахъ, развлекали и часто смѣшили насъ своими дурачествами. Пестрый Лофъ, борзая собака, нашъ вѣрный и пѣшій спутникъ, пускался тогда опрометью за скакунами, не смотря на свои окровавленные отъ глубокаго снѣга шпоры, и *описывая въ полѣ круги подъ копытами лошадей носившихся вихремъ*, заставлялъ насъ даже хохотать отъ души и забывать хоть на минуту скуку томительнаго, однообразнаго путешествія.

Но я незамѣтно вывелъ читателя изъ Амасіи на большую дорогу.

Мы выступили оттуда 4-го февраля при благопріятной погодѣ и часа черезъ три взобрались по руслу горнаго потока на возвышеніе, которое намъ назвали «Татаръ учуруму» (обрывъ курьера). Мѣсто это получило свое названіе съ тѣхъ поръ какъ одинъ *татаръ* ⁽¹⁾ оборвался съ него въ пропасть.

И въ самомъ дѣлѣ, по скверной тропинкѣ этой я слѣдовалъ, щура глаза и отворачивая голову къ горной сторонѣ.

(1) Курьеръ.

Пройдя версть сорокъ отъ Амаси, мы остановились на ночлегъ въ горной деревушкѣ «Ине-базаръ» — игольный рынокъ.

На подорогѣ мы сошлись съ путниками, слѣдовавшими по одному съ нами направлеию. Мы долго не могли разобрать, что это былъ за народъ: такъ они были закутаны и такую поѣздъ ихъ представлялъ необыкновенную картину. Висреди ѣхалъ погонщикъ, взгромоздившись на высокѣй вьюкъ, и таща на поводѣ другую вьючную лошадь. За нимъ, баринъ въ широкомъ военномъ капотѣ турецкаго покроя, перепоясанномъ португеею, на которой болталась европейская сабля; голова его уходила въ остроконечный башлыкъ, изъ глубины котораго струился синій дымокъ цыгарки. Баринъ вѣроятно отъ усталости сидѣлъ на сѣдлѣ бокомъ, по-дамски, беззаботно бросивъ поводья на шею своей вѣрной лошади. Къ сѣдлу его былъ привязанъ поводъ средней лошади, на которой высоко и сгорбившись возсѣдала по-мужски фигура, вся окутанная въ курдскій полосатый плащъ съ башлыкомъ, нахлобученнымъ на голову. Къ сѣдлу этого сѣдока былъ притянутъ поводъ третьей лошади, заключавшей шествиѣ. На ней нахохлившись сидѣла третья фигура, совершенно въ такомъ же костюмѣ какъ и вторая, такъ что казалась вѣрнымъ ея отраженіемъ. Эти двѣ заднія лошади, подергиваемыя поводами, то и дѣло взмахивали головами, вытягивая морды. Поѣздъ этотъ потянулся за нами, когда мы, на одномъ развѣтвленіи стези, обогнали его. На привалѣ, только-что мы принялись за закуску, спутники эти нагнали насъ. Тутъ узнали мы что баринъ былъ un illustrissimo dottore piemontese, il signor Renucci, ѣхавшій съ женою и дочерью въ какую-то трущобу Малой Азій, а именно въ г. Малацію, въ званіи карантиннаго медика турецкой службы. Бѣдныя женщины! Какое путешествіе переносили онѣ! Какая жизнь ихъ ожидала въ глуши чужбины, посреди дикарей и лишеній всякаго рода! Каждое утро докторъ прикручивалъ харемъ свой къ сѣдлу, какъ вьюкъ, чтобы онѣ не скатились, привязывалъ поводья ихъ лошадей, какъ я сказалъ выше, чтобы онѣ не отставали, не растягивались; и горемычныя итальянки тасались по семи, по восьми и болѣе часовъ сряду, не смѣя ни пикнуть, ни шелохнуться, ни остановиться, ни сойти съ лошади, не смотря ни на какую погоду, ни на какую необходимость, ни на какую дорогу. А какъ часто эта послѣдняя пугала и свободнаго ѣздока своими крутыми подъемами и спусками, страшными обрывами по бокамъ, скользкимъ или каменистымъ грунтомъ!

Появленіе этихъ спутниковъ, при условіяхъ нашего похода, мы приняли какъ подарокъ, ниспосланный намъ судьбою. Все-таки, думали мы, намъ будетъ съ кѣмъ перемолвить на томительныхъ ноч-

легахъ! Ктому же общество европейскихъ женщинъ, да еще быть-можетъ хорошенъкихъ... вещь заманчивая! Во время похода и даже на привалѣ, въ продолженіе котораго онѣ не снимались съ лошадей, разсмотрѣть ихъ лицъ не было возможности: такъ глубоко уходили онѣ въ свои капшоны; но воображеніе дѣлало свое и чертило намъ заманчивые образы... Докторъ былъ еще не старъ; дочери своей онъ давалъ шестнадцать лѣтъ, стало-быть и маменька еще могла быть не безъ прелестей...

Не долго однакоже оставались мы въ пріятномъ заблужденіи: докторъ оказался несноснымъ товарищемъ, болталъ много на обезображенномъ французскомъ языкѣ съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ, буянилъ съ азіятцами и вообще обнаружилъ въ себѣ всѣ свойства и ухватки итальянскаго искателя приключеній низшаго класса. Харемъ его былъ не безобразенъ, но далеко не отличался красотою; между прочимъ носы слишкомъ прозаическихъ лицъ этихъ женщинъ были башмакомъ. Маменька говорила по итальянски, — другого языка она не знала — и напоминала своими замашками царицу кухни или прачешной; дочь молчала, но по молодости своей не совсѣмъ была лишена привлекательности.

Не смотря однакоже на прозаическую обстановку этого семейства, мы не оставляли его безъ галантерейныхъ угожденій... по мѣрѣ представлявшихся случаевъ, возможности, средствъ и силъ нашихъ.

Въ Ине-базарѣ намъ отвели чистенькій гостиный покой въ домѣ старшины Али, богато снабженный коврами и подушками и разною посудиною, гнѣздившеюся по тѣнистымъ нишамъ комнаты. Старичекъ хозяинъ считалъ долгомъ занимать гостей своихъ бесѣдою, которая не лишена была теплоты и занимательности, и потому, не смотря на усталость нашу и на желаніе помлѣть въ совершенномъ спокойствіи, она мирила насъ съ навязчивостью черезчуръ уголиваго старика.

Между прочимъ рассказывалъ онъ намъ многое про шалости курдовъ, шайками выходящихъ изъ горныхъ гнѣздъ своихъ на большую дорогу. Рѣдкій день, говорилъ онъ, проходитъ, чтобы они гдѣ-нибудь не напроказили: тамъ не досчитаются барановъ, здѣсь уведено въ горы нѣсколько вьюковъ изъ каравана; тутъ пропала изъ деревни женщина, найденъ на дорогѣ убитый и ограбленный путникъ...

— Но мы не всегда поддаемся этимъ хищнымъ чекалкамъ, замѣтилъ въ заключеніе старикъ, — и по мѣрѣ возможности отстаиваемъ жизнь, достояніе и честь свою; а иногда и самыя курды отдаютъ

справедливость отважности и доблестямъ нашихъ ребятъ. Вотъ что незадолго до этого случилось неподалеку отсюда:

Одинъ молодой парень взялъ за себя, въ сосѣдней деревнѣ, дѣвушку красавицу и весело зажилъ съ молоденькой хозяйкой. Проходитъ годъ; жень захотѣлось повидаться съ своими родными и она стала упрашивать мужа проводить ее до ея деревни. Напрасно мужъ уговаривалъ обождать въ некоторое время, по случаю участвовавшихъ тогда разбоевъ, и всякаго рода шалостей по дорогѣ, имъ предлежавшей: баба стояла на своемъ. Мужъ наконецъ взялъ ружье и повелъ жену. Въ одной лоципѣ встрѣча. Пять конныхъ курдовъ выскочили вдругъ какъ-будто изъ подъ земли и стали требовать, чтобы мужъ шолъ своею дорогою, а жена слѣдовала за ними. Въ отвѣтъ на это молодецъ нашъ приложился, раздался выстрѣлъ, и передній курдъ повалился съ лошади; жена въ испугъ бросилась бѣжать, курды за нею: «мужъ твой убить, кричали они, слѣдуй за нами; вѣдь не уйдешь же отъ насъ.» И при этомъ они, окруживъ ее, направляли на дорогу въ свою труппу. Но молодецъ не зѣвалъ; видя неминуемость потери своей, онъ зарядилъ ружье и послалъ пулю въ погоню за своею честью... и спасъ ее однимъ выстрѣломъ. Когда жена упала мертвою, курды, тронутые необыкновенностью поступка, подскакали къ нему. Вотъ тебѣ, молодецъ, золото, сказали они, подавая восемь кошельковъ ⁽¹⁾: заведи другую женою.

Молодой человекъ взялъ деньги и прямо отправился въ городъ къ губернатору, донести о случившемся. Паша тоже похвалилъ поступокъ его и далъ ему въ награжденіе тысячу піастровъ ⁽²⁾. Парень взялъ другую жену и теперь живетъ себѣ припѣваючи.

Гдѣ женщина считается вещью, тамъ общественное мнѣніе шоощрѣетъ такіе возмутительные поступки. Слѣдующій ночлеги нашъ, послѣ шести часовъ тяжкаго холоднаго перехода, былъ въ кофейной неизмовѣрно грязнаго и дряннѣйшаго городка Турхала, древняго Севастополяса понтійскаго. На другой день, слѣлавъ еще шестьдесятъ верстъ, вступили мы въ Томать.

(1) Около 280 руб. сер.

(2) Около 60 р. б. сер.

ГЛАВА IV

Токать. Домъ присутственныхъ мѣстъ. Плавиный заводъ. Церкви. Бизре. Гробница св. Юанна златоустаго. Турецк. Кыргъ-Кызы. Трчунъ-Таши. Хюксисъ-Оглу. Освобожденіе арестантовъ. Халиль Бей. Мухаммедъ ханъ закастальскій. Мгэззинъ.

Переходъ 6 февраля былъ недурень. Погода была чудесная, хоть и холодная. Пройдя верстъ двадцать пять, мы слѣдали привалъ на открытомъ и пустынномъ мѣстѣ, и позавтракавъ на глубокомъ снѣгу, пустились далѣе. Отсюда стали намъ попадаться по дорогѣ небольшіе курганы, названные проводникомъ «дѣкмѣ тепе», т. е. насыпными горками, будто бы построенные по волѣ Мурада IV; желавшаго означить ими этапы свой на пути къ Багдаду.

Не веселѣе Самсуна и Амасіа глянулъ на насъ Токать изъ-подъ грязи полуразмытаго снѣга. Не смотря однакоже на эту безобразную оболочку, прелесть мѣстоположенія древней Евдокіа не ушла отъ нашего глаза. Городъ расположенъ почти крестообразно въ тѣсной долинѣ на лѣвомъ берегѣ Ириса, носящаго нынѣ названіе самаго города. Множество деревьевъ, скученныхъ посреди оградъ или по одиночкѣ разбросанныхъ между строеній, должны, въ теплое время годя придавать общему виду города много прелести. Намъ же онѣ представились метлами, воткнутыми древкомъ въ грязныя лужи или въ снѣжные сугробы. На дикихъ скалахъ, высоко поднявшихся надъ городомъ съ западной стороны, торчатъ живописныя развалины крѣпости. Противуположная имъ сторона занята горою; на южной сторонѣ города стоитъ красивый холмъ, а съ сѣверной онъ омывается рѣкою.

Письмо, которымъ снабдилъ насъ въ Константинополь армянскій патріархъ, хотя и было послано мною впередъ, не помогло намъ однакожъ отыскать для себя хорошаго помѣщенія. Но каймакамъ, извѣщенный о нашемъ приближеніи, приготовилъ для насъ присутствіе своего суда и расправы, встрѣтилъ насъ у порога, ввелъ во временное жилище наше, разбѣлся на диванѣ, запалилъ трубку и принялся угощать насъ вѣжнѣйшими фразами изъ лексикона турецкой дипломатіи, нисколько повидимому не помышляя о покоѣ гостей. Таково выраженіе турецкаго гостепрѣимства... Терзать усталаго европейца трескотнею заученныхъ, хотя и бессмысленныхъ фразъ, суетою чрезмѣрной предупредительности, турокъ считаетъ первымъ долгомъ своимъ, если распоряженія властей свя-

зали-порывы его неважности и презрѣнія къ христіанину. Но всему ва свѣтъ есть конецъ : такъ же точно какъ мы добрались до Токата послѣ девяти часовъ тяжкаго перехода , добились мы наконецъ вождельной минуты и окончанія этой невыносимой бесѣды , ложившейся на утомленные нервы ваши всею тяжестью , своего неотвѣтчиваго пустословія и наглаго лицемерія. Когда каймакамъ снялъ осаду съ нашего лагеря , мы вздохнули свободно и принялись за работу , которой путникъ предается .ночь вечеръ съ такимъ увлеченіемъ... Чай , обѣдъ и сонъ готовили самъ праздникъ ; и мы , сполоснувъ какъ слѣдуетъ лица наши , рѣвшия дорожнымъ румянцемъ , зашировали отъ всей души.

На утро намъ предстояли обычные труды , сопряженные съ стоянкою въ новомъ городѣ , а именно посѣщеніе его достопримѣчательностей. И это вѣдь своего рода кабала ! Конечно , вы слышите занимательныя легенды и преданія , видите предметы новые и часто весьма любопытныя для вашей любознательности ; но всѣ свѣденія о предметахъ этихъ вамъ надо такъ-сказать выжимать изъ вашихъ чичерони , или невѣжественныхъ и безтолковыхъ , или безстыдно живыхъ , и наконецъ повремениамъ скучныхъ до крайности собственнымъ своимъ любопытствомъ , такъ что кромѣ ожидаемаго ими отъ васъ подарка за труды , вамъ приходится платить имъ иногда отвѣтами на ихъ вопросы , болышею частью пошлые и всегда однообразныя , которыми , особенно если они христiane и принадлежать къ такъ называемому образованному , очищенному классу людей ихъ родины , они безцеремонно осыпаютъ васъ. Удивныхъ есть или національная ссора , или процессъ , или денежное требованіе на правительствѣ — и они васъ просятъ или быть посредникомъ , или замолвить за нихъ словечко каймакану.

Въ Токатѣ , между прочимъ , мнѣ приходилось вынести подобную пытку отъ одного молодого армено-католика , навязавшагося намъ въ проводники. Этотъ чудакъ , уродливо сколоченный природою и не менѣе карикатурно обтянутый въ костюмъ турецкой реформы , явився къ намъ на другой день нашего прифѣтія , для сопровожденія насъ по городу , и въ нѣсколько минутъ успѣлъ уже опротивѣть мнѣ : меня коробило при мысли , что мнѣ суждено въ несколько дней сряду нести эту ношу на своихъ плечахъ. У него , для разговора съ нами , нашолся какой-то чудовищный языкъ , который онъ называлъ итальянскимъ. Онъ щеголялъ передъ нами этимъ шутовскимъ сумбуромъ , не заботясь о томъ , что я съ трудомъ добирался до смысла его словъ , а иногда и вовсе его не понималъ. Но онъ конечно боялся уронить себя въ глазахъ нашихъ , если бы заговорилъ престо , и на языкѣ своей родины ; онъ хотѣлъ пофран-

тить передать намъ своими познаніями, и ослаблален, полагаясь съ самодовольствіемъ и гордостью на своихъ земляковъ-научей... Варнарь! Какъ онъ выгналъ меня! «Я учалси въ Римѣ», повторялъ онъ намъ черезъ каждыя десять минутъ, нивая головою. «Я жилъ въ Константинополѣ», и при этомъ каждый разъ протаскивалъ свои грязные пальцы къ табакеркѣ Я. С.—ча, одного изъ членовъ нашей комиссіи, и каждый разъ табакерка захлопывалась передъ незваными пальцами, но пальцы не унывали и такъ настойчиво возвращались къ негостеприимной табакеркѣ, что наконецъ успѣли ее разжалобить и расположить въ свою пользу. Такъ нахальная неотвязчивость добивается иногда цѣли, до которой напрасно стремятся помыслы совѣстливаго смертнаго!

Мы начали свое странствованіе съ посѣщенія мѣдно-литейнаго завода: Мастеръ, управлявшій работами, родомъ венгерець, говорилъ кромѣ своего, для насъ уже вовсе чуждаго, на трехъ языкахъ — прескверно, на нѣмецкомъ, на турецкомъ и на русскомъ, и потому нельзя сказать, чтобы бесѣда съ нимъ была полезна для насъ бесѣды съ юнымъ армянскимъ чичероне, чтобы она, однимъ словомъ, обогатила насъ сокровищами свѣденій и яснымъ понятіемъ о состояніи и ходѣ заводскаго дѣла. Мы могли понять только, что назначеніе завода состоитъ единственно въ очищеніи мѣдной руды, добываемой въ городкѣ Маденѣ близъ Діарбекира и въ Артана-Маденѣ, на рубежѣ Месопотаміи, гдѣ правительство не позволяетъ его обрабатывать; что въ годъ на заводѣ можетъ быть очищено до 300,000 батмановъ или около 10,250 пудовъ; но что заводъ стоить часто безъ работы, за недостаткомъ металла изъ сказанныхъ рудниковъ; а не дѣйствуютъ рудники эти по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ тормазится всякое дѣло въ Турціи, а именно или отъ безпечности, или отъ невѣжества, или отъ казвокрадства, или наконецъ отъ того и другого вмѣстѣ.

Послѣ завода мы посѣтили двѣ армяно-григоріанскія и одну католическую церкви и нашли ихъ въ очень хорошемъ состояніи.

Изъ словъ духовныхъ лицъ, принимавшихъ насъ вездѣ съ особеннымъ почетомъ, мы почерпнули слѣдующія данныя о численности обществъ каждой націи въ Токатѣ: турецкихъ домовъ они считаютъ въ немъ до четырехъ тысячъ, армянскихъ около полуторы тысячи, отъ пяти до шести сотъ греческихъ и семьдесятъ еврейскихъ.

Монахи, между прочимъ, приглашали насъ посѣтить армяно-григоріанскій монастырь св. Іоанна Златоустаго, гдѣ сохраняется саркофагъ этого святого.

Армянскій монсиньоръ, котораго мы также посѣтили, первый

советовалъ намъ ознакомиться съ этою святынею. И долженъ отдать справедливость епископу: онъ показался намъ умнѣе и образованнѣе братіи прочихъ церквей Тоната и живетъ настоящимъ бариномъ—прелатомъ въ прекрасномъ помѣщеніи, гдѣ онъ пріютилъ и нашихъ спутниковъ — семейство Ренуччи. Говоря о Бизрскомъ монастырѣ св. Іоанна, мопсиньоръ выражалъ намъ сожалѣніе, что монастырь этотъ не въ рукахъ католиковъ. «Вы увидите, какъ онъ дурно содержится, говоритъ онъ: будь-ка онъ нашъ, какъ бы мы его отдѣляли и украсили!»

Приглашеніе конечно было нами принято и назначенъ день для поѣздки. А между тѣмъ мы осмотрѣли другіе замѣчательные предметы города.

И во-первыхъ великолѣпныя развалины сельджукскихъ зданій *Гёкъ-медресё*, голубую школу, покрытую голубыми изразцами съ великолѣпными надписями и арабесками.

Мавзолей, на которомъ прочли мы, въ арабской надписи, имя какого-то *Астемуса*. На вершинѣ остроконечной крыши этого осьмиугольнаго фанара огромное мохнатое гнѣздо аиста, и на гнѣздѣ, увидѣли мы, стоялъ неподвижно одною изъ длинныхъ ногъ своихъ самъ важный хозяинъ гнѣзда, какъ окаменѣлый часовой почтенной руины, украшенія и надписи которой, по красотѣ своей и изяществу, выше всякаго описанія.

Кыркъ Кызъ (сорокъ дѣвицъ) состоитъ изъ обнесенныхъ валомъ двадцати могилочъ; и въ каждой изъ нихъ, какъ объяснялъ намъ чичероне Антонио, схоронены были по двѣ дѣвушки, вѣроятно мученицы временъ гоненій огнепоклонническихъ.

Арсланъ-Ханъ (львиный дворъ или звѣринецъ) и въ связи съ нимъ *Тимарханъ* (домъ умалишенныхъ) представляютъ собою живописнѣйшую изъ развалинъ: это одни ребра высокихъ арокъ арабскаго стиля и остатки каменныхъ келій и темныхъ приземистыхъ сводовъ, обросшіе и окруженные вѣковою растительностью; полъ нами мы нашли пріютившимися двѣ-три группы курдскихъ цыганъ въ ихъ живописной полунаготѣ и съ прирожденною имъ выразительностью въ смуглыхъ лицахъ.

Сюмбюль Деде Турбеси или мавзолей дервиша Сюмбюль Деде (дѣдушки Падията). Эта плѣнительная игрушка сарацискаго водчества покрыта изящнѣйшими арабесками и надписями.

Трунъ Таши (камень летунъ). Изъ этихъ двухъ словъ первое армянское и значитъ птица или летунъ, а второе — *таши*, принадлежащее турецкому языку, въ переводѣ камень. Этимъ именемъ пользуется большой обломокъ гранитной скалы съ выдолбленною въ немъ горенкою и высѣченнымъ фронтономъ храма около отверстия,

а сбоку греческая надпись. Про камень этотъ, лежащій на дорогѣ въ Бизру, посреди равнины и вдали отъ горъ, одинаковаго съ нимъ свойства, вотъ что гласитъ преданіе. Григорій Томатургъ, обратившій въ христіанство Неокесарію, свою родину, гдѣ онъ былъ въ послѣдствіи епископомъ, былъ предметомъ страшныхъ гоненій со стороны язычниковъ и только чудомъ спасъ себя отъ насильственной смерти: язычники, готовившіеся предать его мученичеству, объявили ему, что онъ будетъ пощажонъ, если какимъ-нибудь чудомъ докажетъ истину своей вѣры; тогда святой угодникъ, одною силою молитвы къ Спасителю, гласитъ преданіе, отскъкъ отъ скалы огромную каменную глыбу и перебросилъ ее изъ Неокесаріи къ Евдокии. Эта-то глыба, прозванная летучимъ камнемъ, и стояла передъ нами.

Вотъ сколько богатствъ въ Токатѣ, до части памятниковъ временъ давно минувшихъ.

Но намъ еще предстояла загородная прогулка въ Бизру.

А между тѣмъ, сказать, чтобъ не забыть, Антоніо-то недолго безраздѣльно излѣвался надъ нашимъ терпѣніемъ: къ намъ подмогнулся, въ качествѣ чичероне же, тифлисскій армянинъ Газарось (Лазарь), такъ же безопасно ломавшій русскій языкъ, какъ тотъ итальянскій, и къ этому еще присоединялъ милую замашку, — при указаніи на предметы нашего любопытства, водить указательнымъ пальцемъ подъ самыми носами нашими. Со времени его появленія въ свитѣ комиссіи, у Антоніо какъ-будто поубавилось смѣлости и пересохло въ горлѣ, и онъ принялся меня преслѣдовать убійственнымъ шептаньемъ, замѣпившимъ у него громкую и рѣзкую, хотя и безтолковую рѣчь. Газарось оказался еще посмѣльѣе Антоніо и загналъ его на второй планъ запасомъ мнимыхъ свѣденій своихъ о краѣ и его особенностяхъ. И мы такимъ образомъ болтались между двухъ безсовѣстныхъ вральмановъ-невѣждъ. Но — на безрыбьѣ и ракъ рыба! *A la guerre comme à la guerre!*

Единственный способъ добираться до достаточной степени истинны, при забираяніи свѣденій на Востокъ, состоитъ въ безпрестанной повѣркѣ однихъ проводниковъ другими... Когда они замѣтятъ, что вы не слѣпо довѣряете ихъ показаніямъ, они становятся осторожнѣе и о предметъ имъ вовсе неизвѣстномъ рассказывать не рѣшатся. Но прежде всего путешественнику необходимы для этого три предмета: знакомство съ языками, терпѣніе и... и деньги, разумеется! Если хоть одинъ изъ этихъ предметовъ измѣняется ему, напрасны будутъ всѣ его надежды получить вѣрныя или даже какія-нибудь данныя о странѣ. Вообще съ проводниками надо держать ухо востро, а не то какъ-разъ заберется въ вашу записную книжку

какая-нибудь небылица, вельница, импровизованная проводникомъ для того, чтобы разомъ отдѣлаться отъ вопроса или поглотиться надъ любопытнымъ Френгомъ.

9-го февраля мы отправились въ Бизре. Армянскій вартанетъ Исаакъ, нѣсколько ему подчиненныхъ священниковъ, армянскій мюнсьюръ Ренуччи, знаменитые чичерони наши Антонио, Газарось и еще кое-кто изъ токатцевъ сопровождали насъ. Проѣхавъ верстъ двадцать пять по ровной и хорошей дорогѣ, мы увидѣли монастырь. Онъ былъ незадолго до того возобновленъ иждивеніемъ константинопольскаго патріарха Агона, въ бытность его араджоротомъ, начальникомъ здѣшней епархіи. Архитектура церкви и пристроекъ новѣйшая и ничѣмъ не замѣчательна. Храмъ внутри содержится какъ нельзя приличнѣе. Направо отъ входа у стѣны, надъ мраморной плитой саркофага св. Іоанна, носящей на себѣ печать глубочайшей древности и покрытой по краямъ изящно высѣченною орнаментовкою, возвышается деревянный катафалкъ. — Это не что иное какъ крыша на четырехъ тоненькихъ столбикахъ съ выпнутымъ куполкомъ, повитымъ жестяными фестонами; безвкусное, жалкое произведеніе туземныхъ столяровъ, обнесенное по краямъ крыши игрушечными украшеніями изъ тонкой фанерки — подукружія въ перемежку съ крестами; столбики тоже перевиты плохую деревянною рѣзбою, и все это раскрашено, размалевано. Безвкусіе этого тонорнаго памятника тѣмъ еще сильнѣе и непріятнѣе рѣжетъ глазъ, что оно сопоставлено съ классическою простотою и изяществомъ мраморной плиты саркофага.

Св. Іоаннъ Хризостомъ, застигнутый въ Команѣ смертію, на пути въ ссылку, былъ похороненъ въ этомъ городѣ; но тридцать три года спустя мощи его, по волѣ Проклуса, были перенесены отсюда въ Константинополь, впоследствии же достались Риму; а гробницу перенесли изъ Команы въ Бизру, гдѣ надъ нею и построили храмъ во имя этого святого. Армянскіе историки, изъ которыхъ почерпнуты были свѣденія эти, переданныя намъ гостепріимными прелатами, совершенно согласны на этотъ счетъ съ греческими летописцами, какъ мы удостовѣрились въ послѣдствіи (1).

Отслужили молебенъ; въ числѣ поклонниковъ я, къ немалому удивленію моему, замѣтилъ одного изъ погонщиковъ нашего каравана; турокъ не удовольствовался земными поклонами передъ гробницею св. угодника: онъ купилъ свѣчку, зажогъ ее и поставилъ въ паникадыю передъ памятникомъ. Впоследствии правда мы имѣли случай ознакомиться съ подобными же явленіями у гробницъ про-

(1) См. Созомена. L. 8, с. 22, 28 и Сократа. L. 7, с. 45.

роковъ въ Месопотаміи, Вавилоніи и Халдеѣ, къ которымъ стекаются поклѣнники всѣхъ вѣроисповѣданій безъ различія; но то были святые ветхозавѣтные, а не проповѣдникъ и мученикъ христіанства какъ здѣсь!

Позавтракавъ сытно съ монахами въ общей залѣ ихъ обители, залѣ, вовсе непохожей на монастырскую, и насладившись прелестнымъ видомъ изъ растворенныхъ ея оконъ, мы пустились въ обратный путь.

На другой день мы прошены были на обѣдъ однимъ изъ токатскихъ почетнѣйшихъ гражданъ *Хюсисъ Олу*. Письмо, которымъ снабдилъ насъ армянскій патріархъ, было на его имя, и онъ желалъ оказать намъ хоть какую-нибудь учтивость, такъ какъ ему не удалось отыскать для насъ приличнаго помѣщенія. И потому другія приглашенія къ обѣду на тотъ же день были устранены, и мы явились въ назначенный часъ около заката солнца въ домъ нашего армянскаго амфитріона.

Хозяинъ встрѣтилъ насъ у порога своего дома. Это былъ чловѣкъ лѣтъ пятидесяти, почтеннѣйшей и даже величавой наружности, съ орлинымъ носомъ, съ чалмою изъ желтаго муслина съ красными цвѣточками, съ длинною бородою и въ широкомъ и долгополомъ бинишѣ. Онъ ждалъ насъ на дворѣ, окруженный толпою дѣтей своихъ и внучатъ, и повелъ вверхъ по лѣстницѣ, прямо въ обѣденную комнату. Столъ, эта рѣдкость въ азійскихъ домахъ, да еще столъ круглый, былъ уже покрытъ и уставленъ маленькими тарелочками со всевозможными соленьями и маринатами, и между ними возвышались, какъ водится, два графинчика съ христіанскою отравою — водкою двухъ цвѣтовъ.

Хозяинъ приглашалъ насъ занять мѣста наши и потомъ уже сѣлъ самъ на последнее мѣсто. Должность слугъ исполняли его дѣти, изъ которыхъ нѣкоторыя уже были люди семейные. Хозяинъ держалъ себя степенно, и открывалъ ротъ свой только для того, чтобы упрямивать насъ сдѣлать честь его бмодамъ, или для того, чтобы отвѣчать на вопросы наши. Самъ же не обратился къ намъ ни съ однимъ вопросомъ и не позволилъ себѣ даже ни разу улыбнуться, хотя бесѣда далеко не всегда касалась однихъ серьезныхъ предметовъ.

Надо было видѣть вѣжливость и приличіе въ пріемахъ прислуживавшей намъ молодежи и почтительность ея къ главѣ семейства. Это впрочемъ общій характеръ азійскихъ семействъ.

Дѣти, какъ бы они пожилы ни были, и не подумаютъ сѣсть при отцѣ, пока тотъ не укажетъ имъ, и то только самому старшему, мѣста на коврѣ, подалъ отъ себя; но и тутъ получившій подобное

разрѣшеніе не позволитъ себѣ ни заговорить первому, ни возвысить голоса, ни закурить трубку. Молодежь же неизмѣнно стоитъ около дверей, со сложеными руками, въ ожиданіи приказаній. И нѣтъ случая, чтобъ нарушенъ былъ когда-либо на Востокѣ знаменитый обычай Спарты, чтобъ младшій не всталъ съ мѣста при появленіи старшаго. Такъ жили ихъ праотцы, такъ держали себя патріархи, посредѣ потомства своего и своего племени.

Но возвращаясь къ обѣду Хюсиясъ Оглу. Сдѣлавъ честь безчисленнымъ блюдамъ его тароватой трапезы, кебабамъ изъ баранины, рыбы, птицы домашней и лѣсной, долиъ съ винограднымъ листомъ, сохраненнымъ отъ осени... (да не приветъ читатель долму за какую-нибудь *мраморную статую*: это очень вкусное азіатское блюдо—фаршъ, обернутый листомъ виноградника или капусты) и наконецъ неизбѣжному плову, съ бараниной, приправленному всевозможными спеціями, мы выпили по стакану, по два хорошаго мѣстнаго вина и простились съ гостепріимнымъ ховлиномъ.

Каймакамъ и толстый чудакъ чаушъ-баші, нѣчто въ родѣ начальника жандармовъ, осаждали насъ поминутно своею навязчивою любезностью, своею болтовнею. Каймакамъ по обыкновенію хвастался своимъ управленіемъ и показывалъ тѣмъ явное желаніе быть аттестованнымъ нами его правительству, какъ чиновникъ необыкновенныхъ способностей и усердія въ исполненіи начальническихъ предписаній. Чаушъ-баші же, просто изъ одного хвастовства, болталъ намъ безъ умолку про свои подвиги противъ воровъ и разбойниковъ, и между тѣмъ нѣсколько разъ разсказалъ со всѣми подробностями, какъ онъ, за два или за три дня, поймалъ отчаяннѣйшаго и опаснѣйшаго изъ курдскихъ палетовъ бой-бея (¹) Хамль-Бея, содержащагося въ сію минуту, со скованными руками, въ Сивасѣ.

Когда онъ показалъ намъ подвалъ занимаемаго нами дома, въ которомъ содержалось человѣкъ десять бѣдняковъ, большею частью христіанъ, Е. И.—чъ спросилъ его, не согласится ли онъ, въ честь нашего прѣзда, освободить ихъ. Чаушъ-баші съ сіяющимъ лицомъ отвѣчалъ выраженіемъ полной готовности исполнить благодушное посредничество русскаго комиссара. «Я даю вамъ всѣхъ ихъ, говорилъ онъ: я за честь себѣ поставлю исполнить желаніе такихъ дорогихъ гостей! Вы только приказывайте, все будетъ исполнено. Вѣдь турки и русскіе — братья между собою...» и пошолъ! и пошолъ!

Часа черезъ два послѣ этого намъ пришли сказать, что арестан-

(¹) Племенной голова.

ты выпущены и въ подвалѣ остались одинъ помѣшанный да два неисправимыхъ турецкихъ вора.

Но не загналъ ли онъ опять горемыкъ этихъ въ яму, на другой же день нашего выступленія изъ Токата... въ этомъ я не ручаюсь. Во всякомъ случаѣ любезная и добродетельная податливость толстаго турецкаго жандарма произвела на насъ пріятное впечатлѣніе и помирила насъ нѣсколько съ его неугомонною докучливостью.

Я имѣлъ случай познакомиться въ Токатѣ съ однимъ замѣчательнымъ старикомъ, выходцемъ дагестанскимъ. Это былъ нѣкто Мухаммедъ-ханъ, закатальскій житель, бѣжавшій сюда изъ родины своей съ тридцатью семействами своего племени, по занятіи Закаталъ генераломъ Ртищевымъ въ 1811 году.

Онъ разсказалъ мнѣ, что получаетъ отъ турецкаго правительства четыре тысячи піастровъ или восемь сотъ руб. ассигнаціями ежемѣсячной пенсіи. Ею содержитъ онъ и себя и своихъ земляковъ, число которыхъ увеличилось года два тому назадъ новыми переселенцами.

Мнѣ пріятно было, въ разговорѣ съ нимъ, вспомнить о его жизни, но угрюмой родинѣ, гдѣ я нѣкогда вирожденіе шестнадцати мѣсяцевъ участвовалъ сапернымъ офицеромъ въ возведенія нынѣ существующихъ крѣпостныхъ построекъ, и гдѣ чуть два раза не погибъ во двѣтъ лѣтъ: одинъ разъ въ Мацехскомъ лѣсу отъ марной лезгинской пули, а другой — въ Бѣлокаши отъ гнилой горячки.

Мы провели въ Токатѣ полныхъ шесть дней, употребленныхъ нами съ пользою и удовольствіемъ. Базары, по которымъ намъ случалось проѣхать нѣсколько разъ, довольно богато наполнены товарами, и не смотря на суровое время года, были достаточно оживлены; встрѣчали мы и женщинъ въ ихъ желтоватыхъ клѣтчатыхъ чадрахъ и черныхъ волосяныхъ маскахъ.

По утрамъ насъ будилъ муэzzинъ сосѣдней мечети; голосъ его былъ такъ гармониченъ, пѣніе такое пріятное, что мы всякій разъ съ особеннымъ удовольствіемъ къ нему прислушивались.

12 февраля мы выступили далѣе.

М. Г.

ЛИПОЧКА

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ

ДВѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

ВЪ ПРОЛОГѢ

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ БАРСУКОВЪ, небогатый чиновникъ въ плечахъ, дѣтъ шестьдесятъ.
ЛИПОЧКА, дочь его, семнадцати лѣтъ, недавно вышедшая изъ пансіона.
МИТРЕВНА, ихъ кухарка, дѣтъ за шестьдесятъ, бывшая нянька Липочки.

Дѣйствіе въ квартирѣ Барсукова.

ВЪ КОМЕДИИ

ЛИЗАВЕТТА САВИШНА БАРСУКОВА, вдова, великая чиновница, дѣтъ сорока, владѣтельница небольшого домика на Петербургской сторонѣ.
ОЛИМПАДА ВАСИЛЬЕВНА БАРСУКОВА, ея племянница.
ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ КОСИЧКИНЪ, отставленный отъ службы чиновникъ, дѣтъ сорока-пяти, забитый и спившійся, жилецъ Барсуковой.
ВАРВАРА МАТВѢВНА ИВАНОВА, чиновница, знакома Лизаветы Савишны.
ВГОРЪ МИХАЙЛЫЧЪ ПВРЕМОЛОВЪ, старый холостякъ, чиновникъ, въ высшей степени сухой и практической человекъ.
СЕРГѢЙ НИКОЛАИЧЪ ТОПОРКОВЪ, человекъ еще очень молодой, служить у министра; идеалистъ, недавно изъ университета.
ИВАНЪ ПАВЛЫЧЪ ТАНСКІЙ, его товарищъ по университету.
ЯКОВЪ, слуга Топоркова.
ФЕДОРЪ, его пріятель, лакей.

Дѣйствіе въ Петербургѣ: первое въ квартирѣ Лизаветы Савишны, второе въ квартирѣ Топоркова, третье у Лизаветы Савишны.

Между прологомъ и пьесой проходитъ годъ; между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ четыре мѣсяца.

ПРОЛОГЪ

Небольшая комната съ незатѣливую старомодной мебелью. Три двери: справа — въ комнату Липочки, влѣво — въ переднюю, посрединѣ — въ кухню. Вправо отъ средней двери — диванъ съ круглымъ столомъ, влѣво платяной шкафъ и постель Василья Егорыча, отдѣленная ширмами. На окнахъ цвѣты и двѣ кѣтки съ канарейками. Утро: свѣтъ чуть-чуть пробивается чрезъ опущенныя шторы. При поднятіи занавѣсъ сцена пуста; изъ средней двери выходитъ Митревна со свѣчей и зѣвая убираетъ комнату, стараясь не шумѣть, а во времянаго робко прислушивается.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Митревна (одна). Спать новорожденная мол... (медленно идетъ къ окну и подымаетъ штору). Ишь день-то какой сѣрый; свѣтъ такъ и валитъ! Говорила вѣдь Василью Егорычу: куда тебѣ идти, коли не можется? дай я за шляпкой къ мадамъ схожу... Такъ нѣтъ... Простудить онъ себя... право слово простудить... (убираетъ комнату) Да и ходить-то какъ долго... Того и гляди Липочка проснется... Вотъ тебѣ и сюрпризъ. Ахти! Еще вицмундиръ вычистить надо... (Беретъ изъ шкафа вицмундиръ, тщательно осматриваетъ его и начинаетъ чистить) Ишь, швы-то повытерлись какъ! И чистить боишься: совѣмъ форсъ сотрешь! (Разгильцовываетъ вицмундиръ на стулъ и прислушивается) Никакъ стучить! Цойти въ кухню: мой-то соколъ не хотѣлъ звонить, не услышишь сглуха, какъ онъ и застучить-то!.. (поспѣшно уходитъ въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ входитъ изъ средней двери, въ шинели и фуражкѣ, съ картонкой въ рукахъ, за нимъ МИТРЕВНА; оба входятъ на цыпочкахъ; весь разговоръ вполголоса.

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ (*снимаетъ фуражку и шинель, и бережно ставитъ картонку на столъ*). Что, не просыпалась еще?

МИТРЕВНА. Спать еще, голубка. А надо, скоро встанетъ. У Спаса почитай скоро девять бить будетъ, коли я сглуха не прослушала...

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. То-то, Митревна, глухотой-то тебя на старости Богъ обидѣлъ: а я стоялъ, стоялъ въ сѣняхъ, даже прозябъ... Стучать-то громко боюсь... проснется еще... хорошо еще, что мадамъ опять не надула... при мнѣ и шляпку-то убирали; не успѣла, говорить: работы пропасть. Ну, Митревна, за то ужъ и шляпка! генеральской дочери надѣть не стыдно. (*Впродолженіе этого монолога Митревна подходитъ къ картонкѣ и собирается открыть ее*). Постой, постой Митревна, я самъ покажу. У тебя грязныя руки... Еще какъ-нибудь пятно сдѣлаешь. (*Бережно вынимаетъ двумя пальцами шляпку и показываетъ Митревнѣ*). Какова?

МИТРЕВНА (*качая головой*). Тсъ!!

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. То-то! Что, прикусила палецъ? Пойми, Митревна, матерія одна два съ полтиной аршинъ... Дра де дуръ, пуде-су тамъ что ли — названіе такое мудреное, что и не упомянешь. И цвѣты и ленточки, и чортъ знаетъ чего нѣтъ! Восемь цѣлковыхъ дана.

МИТРЕВНА. Оно что говорить, шляпка одно слово красота! Только ты ей, Василій Егорычъ, мадамъ-то не вѣрь, что по два съ полтиной матерія брата: вретъ мадама! Восемь рублей! Бога она не боится. Вотъ тоже цвѣтъ: говорила я тебѣ, что двѣушки розовый невпримѣръ пристала... а то сѣрый!

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Ну, Митревна, мы съ тобой люди старые. Гдѣ намъ знать, какіе тамъ цвѣта дамы носятъ. Мода знать такая.

МИТРЕВНА. Да вѣдь деньги-то какія содрала, нехристь бессовѣстная!

Василій Егорычъ. Ну, что ты, Митревна, ворчишь—то? Смерть поспорить любишь. Вѣдь знаю, сама для Липочки ничего не пожалѣешь. А ты вотъ скажи—ка лучше, какова она въ шляпкѣ—то будетъ? А?

Митревна. Кто? Олимпиада—то Васильевна? принцесса!

Василій Егорычъ. Я съ ней, Митревна, къ обѣднѣ пойду.

Митревна. Ступай, батюшка, знамо ступай...

Василій Егорычъ. Однако, Митревна, Липочка поди—ка сейчасъ встанетъ, а намъ и столикъ поставить надо, да и разложить подарки...

Митревна. Ты, Василій Егорычъ, разложи свое, а я крендель принесу.

(Подходить къ двери, прислушивается, потомъ поспѣшно уходитъ въ кухню).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Василій Егорычъ (*одинъ, осторожно беретъ отъ окна столикъ, ставитъ его возлѣ диваннаго стола, потомъ выноситъ изъ за ширмъ платочекъ, и кладетъ его вмѣстѣ со шляпкой на столикъ*). Эта Митревна всегда съ толку собьетъ. Ну, какъ шляпка—то въ самомъ дѣлѣ не понравится? Вѣдь чортъ ихъ знаетъ, можетъ оно и вправду розовая лучше. (*Подумавъ*) Ну, а платочекъ именно такой, какого ей хотѣлось. (*Останавливается въ раздумьи*). А вѣдь не ожидаетъ она шляпки. (*Отходитъ въ сторону и смотритъ на столикъ; въ эту минуту входитъ Митревна съ кренделемъ, который ставитъ также на столикъ*). Знаешь, Митревна, столикъ бы немного къ двери подвинуть. Какъ войдетъ, такъ онъ ей прямо въ глаза и бросится.

Митревна. Да, оно къ двери ближе, лучше. Такъ и зхнеть... (*Подвигаютъ вмѣстѣ столикъ*).

Василій Егорычъ. Ты что, Митревна, тратишься? крендель какой большой купила.

Митревна. Ишь ты какой! самъ ей изъ послѣдняго удовольствіе дѣлаешь, а мнѣ ей хлѣба-соли не поднести!

Василій Егорычъ. Кого же мнѣ старику, Митревна, и колить, какъ не ее! Вѣдь она у меня одна. Все подѣ Богомъ ходитъ. Можетъ—быть не долго мнѣ и побаловать—то ее...

МИТРЕВНА. Ну, да тебѣ бы все говорить такое! Бога не боишься, Василий Егорычъ, еще и въ день какой...

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Ну, ну, Митревна, не буду, отстань. Посмотри-ка лучше, Липочка не проснулась ли. Надо еще вмѣстѣ до обѣднѣ кофею напиться.

МИТРЕВНА (*поспѣшно подходитъ къ двери, прислушивается и смотритъ въ замочную скважину*). Ахти, батюшка! Встала, ей-Богу встала... Да какъ тихохонько поднялась, и чулочки сама натягиваетъ... Еще пожалуй и рѣчи-то твои слышала... (*Уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ (*одинъ, ходитъ съ безпокойствомъ по комнатѣ*). Ну, бѣда, слышала! разстроится еще... вотъ тебѣ и праздникъ. Да нѣтъ, говорили тихо, не слышала! Придетъ сейчасъ... (*въ раздумьи*) Столикъ развѣ еще подвинуть? (*ищетъ чего-то по комнатѣ и находитъ на одномъ изъ стульевъ скатерть*) Накрою-ка его, чтобъ съ разу не увидала, что тамъ такое. Пусть сама откроетъ... Ахъ, кабы потрафилъ!.. (*прислушивается*) Идетъ кажется... Одѣвается... что-то съ Митревной говорить. (*опять прислушивается, потомъ бросается къ столу, поправляетъ скатерть и еще подвигаетъ столикъ*). Ну! теперь кажется готова... Сейчасъ придетъ... Будемъ ходить, какъ ни въ чемъ не бывало. (*начинаетъ ходить, безпрестанно взглядывая на дверь и на столъ*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ, ЛИПОЧКА И МИТРЕВНА.

Липочка (*украдкой взглянувъ на столикъ, подходитъ къ отцу*). Здравствуйте, папаша!

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Здравствуй, моя Липочка, поздравляю тебя... желаю всего, всего... (*цѣлуетъ ее*).

Липочка (*освободившись отъ отца, подходитъ къ столу*). Что тутъ такое, папаша?

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Посмотри — увидишь. (*Отходитъ въ сторону и съ безпокойствомъ смотритъ на Липочку*).

Липочка (*сдерживая со стола скатерть*). Ахъ, папочка, миленькій, добренькій! (*Цѣлуетъ его несколько разъ*). Это все мнѣ?

Василій Егорычъ. А то кому же? (*Въ сторону*) Отлегло отъ сердца!

Липочка. И какая хорошенькая шляпка! Прелесть! (*примыряетъ ее и подблизаетъ къ зеркалу*). Стрельная! Какой славный цвѣтъ! И какъ идетъ ко мнѣ...

Василій Егорычъ (*отводя Митревну въ сторону*). Ну, что, старая?.. Чья взяла?

Митревна (*съ сердцемъ*). Ну, да!!

Липочка (*разсматривая платочекъ*). И платочекъ, какого я желала! Папочка, душечка, благодарю тебя. И, Митревна! какой огромный крендель! Спасибо, спасибо.

Митревна. Я вотъ только за кренделемъ сходила, а ты спросилка его, въ которомъ часу онъ поднялся сегодня? Ни свѣтъ, ни заря! Я думаю, у мадамы-то всѣхъ переполошилиъ,

Василій Егорычъ. Да ужъ я трусилъ, что не поспѣетъ шляпка. Мадамъ до вчерашняго вечера дотянула. Еле-еле упротсилъ ее кончить сегодня утромъ. При мнѣ и цвѣты-то накалывала.

Митревна. Да и жалованья впередъ казначей давать не хотѣлъ, жидъ этакой!

Василій Егорычъ (*тихо Митревнѣ*). Спрашивали тебя?

Липочка. Такъ это вы, папочка, въ морозъ такой бѣдили для меня? Знаете что: зачѣмъ вы для меня тратились такъ? Вѣдь у меня шляпка недавно сдѣлана... Вы вѣрно за нее дорого дали?

Василій Егорычъ (*дѣлая знаки Митревнѣ*). Да что, вздоръ! Всего четыре рубля дана: по случаю куплена...

Липочка. Папаша, вѣдь вы меня любите?

Василій Егорычъ. Ну, люблю...

Липочка. Дайте слово, что исполните мою просьбу. Вѣдь я сегодня новорожденная...

Василій Егорычъ. Да какую?

Липочка. Прежде скажите, что исполните.

Василій Егорычъ. Ну, даю.

Липочка. Нѣтъ, серьезно? дайте руку.

Василій Егорычъ. Сказалъ, что исполню, говори.

Липочка. Сдѣлайте себѣ новую шинель... Мнѣ болѣе къ празднику ничего не надобно... Да и Митревнѣ салопъ тоже...

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Вотъ что!! Гмъ! Салопъ... да шинель еще... Ну, Митревнѣ салопъ сдѣлаю, а на шинель только воротникъ пооставить, такъ такая будетъ...

Липочка (*перебивая его*). Нѣтъ, нѣтъ, папочка... Слово дано...

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Ну, такъ посмотримъ. Давай-ка намъ Митревна, кофею поспорѣй, а то къ обѣднѣ опоздаемъ.

Митревна. А я ужь какими кофеемъ важнымъ навою!

(*Уходитъ*),

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ и ЛИПОЧКА.

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Эхъ, Липочка! кабы средства, не такъ бы жили: людей бы ты видѣла...

Липочка. Чего же мнѣ, папочка, больше? Вы меня любите, Митревна также... Какихъ мнѣ людей еще? Одни неприятности съ ними. Вотъ хоть бы вашъ начальникъ отдѣленія: какъ ему не совѣстно обращаться такъ съ чиновниками...

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Это все Митревна тебя... Ты ей не вѣрь: онъ хорошій человекъ... Да и не все же на свѣтѣ начальники отъявленіи...

Липочка. Нѣтъ, папочка, брось ты этогъ отвратительный департаментъ... Хорошій человекъ вездѣ мѣсто найдетъ.

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Что ты за вздоръ говоришь! Зачѣмъ мнѣ службу оставлять? Привыкъ я, да и хорошо мнѣ и на моемъ мѣстѣ... Это ты Митревну слушаешь...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

ТЪМЪ и МИТРЕВНА (съ кофейникомъ).

МИТРЕВНА. Ну, вотъ вашъ кофеи, насатили! Купайте съ Богомъ, а я тѣмъ временемъ опару посмотрю...

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ. Да садись съ нами, Митревна: напьемся кофею для такого праздника вѣснѣмъ. Вотъ молодая хозяйка намъ разольеть... А! она все еще подарки разсматриваетъ...

Липочка. Сейчас папочка, я платочек надвну... Садись же, Митревна.

Митревна. Куда мнѣ съ вами чумича сидѣть? дѣло только упустишь...

Липочка. Ну, Митревна, миленькая, сядь пожалуста... для моего рожденія; ты меня будешь учить хозяйничать...

Митревна. Ну, ну сяду, отстань. Эхъ ты, ховячка! кофею сама разлить не умѣешь. *(Всѣ усаживаются вокругъ стола).*

Василій Егорычъ. Вотъ и хорошо... Всѣ вмѣстѣ. Вотъ мы, Митревна, сейчасъ говорили, кабы средства...

Липочка. Неправда, неправда, это папа говорилъ. Я ему сказала, что мнѣ ничего не надо...

Митревна. Расказывай! Сама воструха была — знаю. Тебѣ и попрыгать хочется, и съ подружками знакомство водить... А мы что? старье, тебѣ не компанья...

Липочка. Неправда, неправда!

Василій Егорычъ. Вотъ моя Липочка, Богъ дастъ, замужъ выйдетъ... То-то я на ея счастье порадуясь!

Митревна. А то какже? Она слава Богу изъ себя красива, въ панціонѣ у Авдотьи Пиловны всякимъ наукамъ учена, и разумомъ тоже Богъ не обидѣлъ... съ руками оторвутъ.

Липочка. Нѣтъ, не пойду я замужъ...

Митревна. А для чего тебѣ замужъ не идти? На то Богъ и женщину изъ ребра Адамова создалъ, чтобы женой была.

Липочка. Буду съ вами жить, хозяйничать, гулять съ папой.

Василій Егорычъ. Ну, а какъ меня не станеть... тогда что?

Липочка. Тогда я буду просить Бога, чтобъ онъ и меня взялъ... Что же я буду дѣлать безъ васъ? Да нѣтъ, папочка, этого не будетъ... Зачѣмъ вы это говорите? фу, какой вы гадкой!

Митревна. Извѣстно, поясница съ мороза разболѣлась, такъ и носъ повѣсилъ.

Василій Егорычъ. Такъ вотъ нѣтъ же. Смотри, Липочка, какимъ молодцомъ сегодня буду. Чтобы съ тобой не совѣстно было въ церковь идти, чистую манишку, бѣлый галстукъ надвну — и увидишь, что лѣтъ пять съ плечъ свалится... Да что съ тобой? Ты плачешь! Ну, ейбогу же это такъ мнѣ на умъ забрело... языкъ глухой сболтнулъ... Ахъ, Господи!

Митревна *(въ сторону)*. Дишь вѣдь старый, разобидѣлъ дитя совсѣмъ!

Василій Егорычъ. Ну, да полно же, полно... посмотри на меня... Ну, вотъ такъ! Ну, прости меня...

Липочка. Такъ не будете, папаша, больше глупостей говорить?

Василій Егорычъ. Не буду... не буду. Сегодня твой день. Проведемъ его весело. Ыдемъ сегодня въ Александринскій театръ. Ужь кутить такъ кутить! (*Слышенъ ударъ колокола*).

Митревна. Добро, будетъ толковать-то... Къ обвѣднѣ пора одѣваться. (*Липочкѣ*) пойдемъ!

Липочка. Приодѣньтесь же, папаша! Мы сейчасъ будемъ готовы.

Василій Егорычъ. Сказалъ, что молодцомъ буду... Сама-то ты принарядись. Иди-ка скорѣй!

(*Липочка на ходу цѣлуетъ отца и, взявъ шляпку и платочекъ, уходитъ съ Митревной въ свою комнату; въ продолженіе двухъ послѣдующихъ явленій слышенъ благовѣстъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ (*однѣнъ*). Въ продолженіе всего монолога онъ одѣвается.)

Василій Егорычъ. Вѣдь вотъ дернулъ чортъ, прости Господи! И все вѣдь такъ хорошо было: и шляпка понравилась, и все... Конечно любить меня, ну и расплакалась... Да и въ день-то какой ее опечалилъ... А все оттого, что съ нѣкотораго времени дрянная всякая въ голову лѣзеть. Точно кто тебѣ въ ухо шепчетъ: не долго тебѣ ее нѣжить. Вотъ служба тоже: никогда тяжела не была; а теперь и поеницу ломить; какъ въ департаментъ посидишь... и не можется, какъ домой придеши. Эхъ жизнь! (*Надъясаетъ вицъ-мундиръ*). Одну только отличку и нажилъ... Какъ умрешь, такъ и внесутъ ее передъ тобой, на бархатной подушкѣ: чиновная должность особа померла, въ безпорочной службѣ тридцать лѣтъ состояла... А за тобой пойдетъ дочь горемыка, кулакомъ будетъ слезы утирать. Хлѣба куска — скажетъ — батюшка мнѣ не оставилъ... Нѣтъ, ничего она не скажетъ... она добрая.

Липочка (*за сценой*). Я сейчасъ буду готова. Вы скоро?

Василій Егорычъ. Сейчасъ, сейчасъ... Вотъ галстукъ най-ти не могу. Хорошо, если жениха найдетъ, который бы ей цѣну далъ. А какъ придется ей, какъ наемницѣ какой-нибудь, иглкой хлѣбъ добывать... И того пожалуй не сдѣлаетъ, да и не приучена. Изъ холи-то да ласки къ чужимъ людямъ попадетъ. А соблазну-то сколько... Господи... Цѣтъ, она въ страхѣ божьемъ воспитана. (подумавъ). Лучше бы ей тогда и на свѣтъ не жить. Эхъ житье, житье! За нее только и скорбишь...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

ВАСИЛІЙ ЕГОРЫЧЪ, ЛИПОЧКА и МИТРЕВНА

Митревна. Ишь какой царевной шаманской смотритъ. Затмить она, всѣхъ нашихъ колтовскихъ красавицъ затмить!

(Липочка надѣдаетъ шляпку).

Василій Егорычъ. А шляпка — фу ты пропасть, какая важная! Вкусъ значить имѣю.

Митревна. Ну идите, идите, а то и части вынуть не успѣете.

Василій Егорычъ. Смотри же, Митревна, не ударь лицомъ въ грязь; дудебаву-то, знаешь... чтобъ на славу быца... да и: пин рогъ воздушный, что Липочка любитъ, не прогляди...

Митревна. Ужь знаю, знаю, что учишь-то... одно слово — угрозу!

Липочка. Прощай, душа Митревна... за тебя помолюсь... за всѣхъ... Ахъ какая я сегодня счастливая! Что, Митревна, шляпка не криво надѣта?

Митревна (высровоживая ихъ). Прямо, прямо! Ступайте же, ступайте!

Липочка. Ну, папенька, пойдете подъ ручку.

Василій Егорычъ (беретъ ее подъ руку). Пойдемъ, пойдемъ! (Идутъ, но пройдя нѣсколько шаговъ, Василій Егорычъ оставляетъ руку Липочки, отходитъ на нѣсколько шаговъ и сзади лобочется шляпкой). Куда тебѣ розовая, сврая несравненно лучше!

Липочка. Ахъ, папочка, какой вы смѣшной, галстухъ какой высокой надѣли.

Митревна. Полно тарантить-то!

Липочка. Прощай, Митревна!

ВАСИЛИЙ ЕГОРЫЧЪ (снова садясь Липовку надъ руку). Смотри же, Митревна, пироги-то...

МИТРЕВНА. Да ну васъ, прости Господи! Грѣшишь только съ вами!

(Уходить. Митревна ихъ провожаетъ).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Чистая, большая комната въ два окна съ занавѣсками; у одного окна, на столикѣ оставленная работа. По обѣимъ сторонамъ сцены двери: одна въ комнату Петра Ивановича, другая къ Лизаветѣ Савишнѣ. По правую сторону сцены диванъ подъ чехломъ и круглый столъ. Надъ диваномъ портретъ генерала съ лентой нештробной величины, и еще нѣсколько портретовъ съ мундирныхъ оригиналовъ. На стѣнѣ часы съ кукушкой, на комодѣ фарфоровые амуръ, восковые цвѣты, пустые флакончики и т. п. Вообще вся комната убрана безвкусно и не безъ претензій.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

У стола на диванѣ сидятъ за кофе **ЛИЗАВЕТА САВИШНА** и **ВАРВАРА МАТВѢВНА**. Въ углу, у другого **ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ** рѣжетъ изъ дерева коньковъ, передъ нимъ допитая чашка.

Варвара Матвѣвна. Танъ это вы такъ сироту и призрѣли?

Лизавета Савишна: Да, Варвара Матвѣвна, привелъ Господь добро сотворить, конечно для души, не для чего...

Варвара Матвѣвна. Такъ, такъ, оно точно, и въ писаніи сказано: аще кто призритъ единого отъ малыхъ сихъ...

Лизавета Савишна. Какое малыхъ! въ порѣ дѣвка осталась; всего другой годъ пошолъ, какъ отецъ померъ. Въдь не ладили мы съ покойникомъ, крѣпко не ладили, гоноромъ больно богатъ былъ; ну а я, сама знаете, на ногу себѣ ступить не позволю, даромъ что женщина...

Варвара Матвѣевна. Оно точно, имъ только позволю, какъ разъ нашу сестру угнетутъ. Нѣтъ, вотъ что удивленія достойно: какое у васъ сердце мягкое, Лизавета Савишна, все забыли. Вѣдь посмотрѣть, какъ вы съ Липочкой обходитесь — матерямъ учиться надо. Намедни у Прасковьи Митревны на именинахъ, подходятъ это ко мнѣ Наталья Павловна и спрашиваетъ: что это я не слыхала, что у Лизаветы Савишны дочь есть? Какое, говорю, дочь! такъ, сирота, родственница дальняя, по милосердію единственно.

Лизавета Савишна. Да, нужно правду сказать, я и смолоду такъ жалостлива была. Какъ бывало дворникъ батюшки покойника, Сидоръ, котенка топить пойдетъ, благимъ матомъ плачу, а батюшка — крутъ былъ, царство небесное! — не любилъ слезъ, меня и выпореть.

Варвара Матвѣевна. За доброту на свѣтъ и все такъ бываетъ.

Лизавета Савишна. А тутъ, сами посудите: вѣдь никого у нея не осталось. Нянька старуха пришла, плачетъ, у всѣхъ соудей спрашивала, гдѣ дескать Лизавета Савишна живетъ? Ну меня, сами знать изволите, всѣ знаютъ, указали. Просить Христомъ-Богомъ: не оставьте сироту, на васъ только и надежда. Ну, не оттолкнуть же сироту, согласитесь сами. Я конечно женщина бѣдная, мнѣ расчесть, да не на улицѣ же ей жить!.. Не прикажите ли еще чашечку?

Варвара Матвѣевна. Нѣтъ, благодарю покорно.

Лизавета Савишна. Въ прикусочку?

Варвара Матвѣевна. Развѣ что въ прикусочку (*беретъ чашку*). Это вы у Платоныча кофей брали?

Лизавета Савишна. У Платоныча. Вѣжливый такой купецъ... Сейчасъ видно, что между благородными обращался. Всегда о здоровьи спросить, чаемъ угостить.

Варвара Матвѣевна. А я, Лизавета Савишна, опять о томъ же. Вѣдь это Липочкѣ Богъ васъ послалъ. Теперь она у такой нравственной дамы какъ вы, ничему, окромя добраго, научиться не можетъ: хорошій примѣръ ежедневно предъ глазами видитъ, да и у васъ партію составить... А вѣдь осталась бы одна... долго ли до грѣха? Я это потому говорю, что много примѣровъ этакихъ передъ глазами видѣла... да и сама...

Лизавета Савишна. Ну ужъ начесть этого могу сказать — ни-ни! Нравственность, это... это... цвѣтокъ, которымъ такъ сказать

однимъ молодой дѣвухкѣ только и блабухаетъ. (Петръ Ивановичъ *начинаетъ съ особенною силой строгать конька*). Что это, Петръ Ивановичъ, коньки у меня въ комнатѣ строгать вздумали? весь полъ засорили...

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (робко). Да вы сами—съ мнѣ, Лизавета Савишна, прошлый разъ замѣчали, что все одинъ какъ чурбанъ въ комнатѣ сижу... (Лизавета Савишна *иронично смотритъ на него*). (Оробѣвъ еще болѣе). Чтобы въ комнату вашу съ работой приходилъ, чтобы оно вамъ... того... скучно не было.

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Что у васъ за языкъ такой? Богъ въстанетъ, что мелеть... Добро, подберите-ка стружки, да и сядьте къ себѣ... (Петръ Ивановичъ *начинаетъ собирать стружки*). Да и занятія то у него какія странныя, вовсе къ его лѣтамъ не подходятъ: коньки строгать... добро бы своимъ дѣтямъ! Или возьметъ тоже пальцы у Липочки, да и вышиваетъ... ейбогу... Недаромъ его въ департаментѣ Петриядой Ивановной звали...

ВАРВАРА МАТВѢВНА (въ продолженіе предшествующаго монолога разсматривала генеральскій портретъ). Вотъ Петръ Ивановичъ, коему Сенюшкѣ къ именинамъ конька подарить.

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. Сооружу!

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Только вы его пожалуйста, Варвара Матвѣвна, на именины не зовите: а то онъ опять, какъ въ прошломъ году.

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (въ сторону). А поднесутъ, такъ не пить что ли?

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Что вы себѣ тамъ подъ носъ бормочете?

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (струся). Ничего!

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Вотъ вѣдь грубиянъ какой! Подите-ка съ ними! Ихъ пой, корми, на квартирѣ даромъ держи, а они тебѣ въ лицо плюютъ...

(Петръ Ивановичъ уходитъ).

ВАРВАРА МАТВѢВНА. Ужъ и не говорите, Лизавета Савишна: что мачихѣ, что благодѣтельница равно достается. Не на этомъ свѣтѣ видно намъ награды ждать. Ужъ я ли кажется къ своимъ пасынкамъ да падчерицѣ не ласкова, наравнѣ съ своимъ Сеней держу, ейбогу, а они... Ну да Господь ихъ суди. Вотъ вы по крайности въ Липочкѣ чувствіе видите... Эхъ, видно! Богъ однимъ сподобляетъ благодарность видѣть, а другихъ нѣтъ.

Лизавета Савишна. Какое, Варвара Матвѣвна, благодарности! по секрету вамъ скажу, амѣю подколенную на груди отогрѣла...

Варвара Матвѣвна. Неужели?

Лизавета Савишна. Даже можно сказать во всѣхъ отноше-
ніяхъ характерная дѣвченка, горда то-есть вотъ какъ, моихъ знако-
мыхъ въ грошъ не ставитъ, чтобы это поговорить съ ними, занять :
куда тебѣ! Какъ можно-съ! Мы, видите ли, во французскомъ пансіонѣ
воспитывались, за насъ отецъ изъ послѣдняго платилъ, они намъ
не компанія. И языкъ—то у ней какой язвительный: замедли Иванъ
Иванычъ ей какой-то комплиментъ сказать хотѣлъ, такъ она ему
такъ отвѣтила, что тотъ осовѣлъ даже...

Варвара Матвѣвна. Можетъ-быть онъ тамъ что-нибудь та-
кое... любить онъ иногда...

Лизавета Савишна. Да мало ли что, онъ и почище ея дѣ-
вицамъ говорилъ, да молчали же. Можно кажется отъ такого по-
чтеннаго человѣка снести. А ужъ лѣнива—то какъ, унасти! Я ду-
мала, мнѣ по крайности помощница будетъ: ничего не дѣлаетъ!
Да и не умѣетъ ничего, даже плавать сама сшить не можетъ.

Варвара Матвѣвна. У васъ ли, кажется, не выучиться?
Могла бы... Какую ей еще учительницу надо?

Лизавета Савишна. Что ужъ тутъ, коли смолоду непривыч-
на? Пробовала я, да охоты—то никакой къ работѣ не имѣть.

Варвара Матвѣвна. Чтожъ она дѣлаетъ то у васъ?

Лизавета Савишна. Книжки читаетъ.

Варвара Матвѣвна. Божественныя?

Лизавета Савишна. Какое божественныя, носитъ ей этотъ,
какъ его, Топорковъ, Сергѣй Николаичъ; иной разъ цѣлую связку
принесетъ: учиться, говорить, ей еще надо. Мало учена, види-
те ли...

Варвара Матвѣвна. Вона!..

Лизавета Савишна. Иной разъ даже цѣлую свѣчку сож-
жетъ, ейбгу.

Варвара Матвѣвна. А я такъ думаю, Лизавета Савишна, что
эта вся дурь отъ образованія происходитъ.

Лизавета Савишна. Ну нѣтъ, Варвара Матвѣвна, этого
нельзя сказать, образованіе образованію рознь; вотъ я тоже учи-
лась всѣмъ наукамъ, однако..

Варвара Матвѣвна. А то вотъ я знала тоже одну образован-

ную, такъ та читала книги-то, да съ офицеромъ отъ мужа и объ- жала...

Лизавета Савишна. Это опять другая статья, Варвара Мат- вѣвна; Липа просто отцомъ балована была, да и не по состоянію воспитаніе получила...

Варвара Матвѣвна. Ей бы замулъ... вотъ бы за Сергѣя Ни- колаича.

Лизавета Савишна (съ раздумьемъ). Я это и сама въ мысляхъ имѣла.

(Часы съ дукушкой начинаютъ чрезвычайно мо- хотовно бить пять часовъ).

Варвара Матвѣвна (вскакиваетъ). Ай, ай, ай! Вотъ заси- дѣлась-то! Вася домой изъ департамента пришолъ, объдать чай хо- четъ... Гдѣ шляпка-то?, всегда засунешь ее Богъ знаетъ куда. (Суетится, ищетъ шляпки, наконецъ находитъ и кокетливо надл- екаетъ ее передъ зеркаломъ). Прощайте, милая моя Лизавета Са- вишна, за угощеніе покорно благодарю.

Лизавета Савишна. Прощайте, много благодарна, что меня не забываете (цѣлуются).

Варвара Матвѣвна (идетъ и миловодно вглядываясь на порт- ретъ, останавливается). Да, вотъ ужъ за одно, все забываю спро- сить, что это у васъ за генералъ такой виситъ?

Лизавета Савишна (съ достоинствомъ). Это мой дядя двою- родный... по мужу, вотъ ужъ дѣтъ шесть, какъ умеръ, Цѣхотвымъ полкомъ командовалъ.

Варвара Матвѣвна. Молодецъ мужчина, сейчасъ видно, что военный! Однако прощайте, заболталась совсѣмъ. Вася ждетъ, я думаю, не дождется (идуть).

(Изъ другой комнаты).

Такъ вы пожалуйста, голубушка, травы-то Сенѣ обѣщали, да крестницѣ ушко продать. Ужъ побезпокойте себя. Вѣдь вы у насъ добрая такая, всемъ благодѣтельствуете.

Лизавета Савишна. Непременно, непременно... Да и вы тоже меня не забывайте: вотъ какъ съ вами поговоришь, такъ и на душѣ легче станеть,

(Возвращается).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ (Петръ Иванычъ и Лизавета Савишна).

Лизавета Савишна (одна). Вотъ апетить-то, прости Госюди! Пять чашекъ! Да и сплетница какая! Не приведи Богъ! И очень нужно было Петру Иванычу подвернуться, и въ халатъ! Теперь, я думаю, встѣтъ расставить... Петръ Иванычъ! А Петръ Иванычъ!

Петръ Иванычъ (изъ своей комнаты). Чего-съ?

Лизавета Савишна. Чего-съ? Вы войдите, когда съ вами говорить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЗАВЕТА САВИШНА и ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (въ халатъ и туфляхъ на босую ногу, глаза заспаны, и волосы въ безпорядкѣ.)

Петръ Иванычъ. Спрашивали?

Лизавета Савишна. Приличій не знаете, вотъ что!

Петръ Иванычъ. Это какъ-съ?

Лизавета Савишна. Ну какъ у васъ духу хватило, въ халатъ передъ дамами сидѣть? Вѣдь пронасъ нивѣсь что подумаютъ.

Петръ Иванычъ. Да вѣдь при васъ, Лизавета Савишна, сижу въ халатъ, и не то что въ халатъ, да и...

Лизавета Савишна. То при мнѣ, ужь я сама на себя пеняю, что волю вамъ дала... И за что держу-то васъ?

Петръ Иванычъ. За доброту-съ!

Лизавета Савишна. Эхъ вы! что мнѣ изъ вашей доброты, шубу что ли пить? Посмотрите-ка на себя! Ну, на кого вы похожи? Образа человеческого не имѣете... не моетесь, не брѣтаетесь, волосъ не чешете; глаза заспаные. Спали, да? Да не стыдно ли вамъ спать-то цѣлый день? или за недѣлю со хмѣля ономнитесь не можете?

Петръ Иванычъ. Да съ чего вы вскинулись-то на меня? Кажись я вамъ ни въ чемъ не перечу, а вы все лаетесь!

Лизавета Савишна. За покорность одну и люблю. Лаетесь! Да вы поймите, что васъ добру учать. Вотъ хоть бы теперь заня-

лись чѣмъ-нибудь, книжку почитали, что Сергѣй Николаичъ принесъ!

Петръ Ивановичъ. Да это, Лизавета Савишна, альбомъ: Олимпіаду Васильевну написать просили! (*молчаніе*). А я такъ, Лизавета Савишна, разсуждаю: эта книга хозяину своему уподобляется... снаружи бархатъ, а внутри, — фью! (*свиститъ*) ничего нѣтъ...

Лизавета Савишна (*язвительно*). Видите, шутникъ какой! Ужь не вы ли его осуждать хотите? Подметки его не стоите! (*Петръ Ивановичъ хочетъ что-то сказать и останавливается на полусловъ*). Видали ли вы порядочныхъ людей-то? Да еслибъ онъ Липочку взялъ, съ руками бы товаръ отдала.

Петръ Ивановичъ (*робко*). Нѣтъ, Лизавета Савишна, не отдавайте: погубите ее ни за грошъ. Послушайтесь меня хоть разъ въ жизни. Меня Господь проицательностью одарилъ... мнѣ это всё говорятъ...

Лизавета Савишна (*горячася*). Вижу, вижу, что вамъ не хочется, чтобы Липа замужъ выходила! Вы и то одну свадьбу разстроили! Я эти штуки понимаю. Вы что-то больно много объ Липѣ хлопочете... (*указывая на Петра Ивановича*). Вы не смотрите на него, что онъ старъ!.. Эхъ вы! (*плюетъ*).

Петръ Ивановичъ (*совершенно сконфузяся*). Чтò это вы, Лизавета Савишна... обижаете? Я кромѣ отеческаго чувства... жалости какой-то... ничего...

Лизавета Савишна. Жалости! Это мнѣ нравится! Чтò ее, бьютъ, что ли? это вѣрно она вамъ жалуется, мерзкая дѣвчонка!

Петръ Ивановичъ. Я, Лизавета Савишна, пойду...

Лизавета Савишна (*приступая къ нему*). Нѣтъ, вы стойте! Вы мнѣ прямо въ глаза смотрите! Чтò вы выгораживаете-то ее всегда? Откуда у васъ прыть берется? А?

Петръ Ивановичъ. У меня, Лизавета Савишна, животь свежо...

Лизавета Савишна. Убирайтесь и на глаза мнѣ не показывайтесь! (*видя, что Петръ Ивановичъ идетъ, ворочаетъ его*). Подите-ка сюда, подите. Нѣтъ, я вамъ вотъ чтò скажу... Олимпіада себѣ на умѣ, счастье свое понимаетъ, любить Топоркова... И я бы ее прежде ни за что за него замужъ не отдала, потому не стоить она; а теперь выдамъ, на зло вамъ выдамъ, ужь постараюсь! Чтòжь вы стали? Ступайте. (*Гонитъ его*).

Петръ Ивановичъ (*уходя*). Ну!!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лизавета Савишна (*одна, ходитъ въ волненіи по комнатѣ*), Мерзкая дѣвчонка какая! Каждого приворотить! Приди ты только домой, негодная! (*молчаніе*) чувства онъ не имѣеть! каменный! одного только человѣка и нашла по душѣ... и тотъ перечить мнѣ вздумалъ! Не знаетъ онъ, сколько я слезъ пролила, какъ боленъ онъ былъ!.. какъ скорблю, какъ въ нетрезвомъ видѣ домой приходитъ! Никого въ жизни не любила, а къ дураку такому привязалась! (*плачетъ*) Пять лѣтъ кормлю, одѣваю... за квартиру денегъ не требую... и онъ! (*озлоблено*). Постой ты у меня, кокетница... Я тебя сейчасъ замужъ выдамъ... (*послѣ минутнаго молчанія*) Нѣтъ, вѣдь какую партію-то составить можетъ!. Ну, да ничего, приберу ее къ рукамъ и съ нимъ вмѣстѣ!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

ЛИЗАВЕТА САВИШНА и ЛИПОЧКА (*въ шляпѣ*).

Лизавета Савишна. А! наконецъ-то, Олимпіада Васильевна, пожаловать изволили! Что-то долго къ Алѣевымъ за выкройками ходили?

Липочка. Я, тетенька, на кладбище зашла... отъ Алѣевыхъ близко... сегодня папенькѣ память...

Лизавета Савишна. Вы бы хоть по крайности сказали! А то я думала, что вы и не вѣсть куда зашли; всѣ глаза проглядѣла, васъ ждавши.

Липочка (*снимаетъ шляпку и садится къ окну*). Я вамъ сказывала...

Лизавета Савишна. Что-то не помню; должно быть глуха стала. А съ бантиками на могилу ходить? молиться вѣрно лучше? или вы можетъ-быть прельстить кого хотите?

Липочка. Я всегда съ бантикомъ хожу — это папенькинъ подарокъ.

Лизавета Савишна. Чѣмъ вы меня папенькой-то корите? Худо вамъ у меня, что ли?

Липочка. Я кажется этого вамъ не говорю.

Лизавета Савишна. Что же ты несчастенькую такую строишь, будто тебя бить хотять?

Липочка. Я всегда такая... .

Лизавета Савишна. Небось умѣешь съ Топорковымъ любезничать, при немъ и лицо у тебя иное... и разговаривать съ нимъ найдешься...

Липочка. Да не могу же я съ нимъ не говорить, когда онъ самъ со мной разговариваетъ!

Лизавета Савишна. Нѣтъ, тебѣ бы только пококетничать съ нимъ...

Липочка. Да что съ вами тетенька?

Лизавета Савишна. Что со мной? А кто Владиміра Яковлича влюбилъ, а потомъ, когда дѣло до предложенія дошло, ему носъ натынулъ?

Липочка. Господи! да развѣ я могла идти за человѣка, который мнѣ противенъ?.. который мнѣ своей любовью покоя не даетъ?.. Я съ нимъ и говорить-то боялась.

Лизавета Савишна (*горячася*). Нѣтъ, ты его завлекала, онъ мнѣ самъ говорил! Да не одинъ Владиміръ Яковличъ: ты не разъ моихъ жениховъ отвергала... Тебѣ бы такъ только... Ты и Петра Иваныча .. ты всѣхъ!

Липочка. Тетенька...

Лизавета Савишна. Ужь ты молчи лучше! Ты со всякимъ связаться готова... Онъ не даромъ за тебя заступается... онъ не спроста твоей сватьбы не хочетъ!

Липочка. Какой сватьбы? Боже мой! Опять!

Лизавета Савишна. А ты и не знала... не чувствовала... что тетка твоя о тебѣ день и ночь думаетъ?

Липочка. Я не понимаю васъ...

Лизавета Савишна. Ты думаешь, я позволила бы Топоркову ѣздить къ себѣ въ домъ, если бы въ немъ жениха тебѣ не предвидѣла? Вѣдь я еще, какъ онъ въ первый разъ прилетѣлъ и спрашивалъ у меня: не родственникъ ли вамъ товарищъ мой Барсуковъ?—поняла, какого ему товарища надо, смекнула, что ты его (ужь не знаю только чѣмъ) прельстила! Вотъ, думала, ей господь судьбу посылаетъ... а она! Богъ съ тобой! (*собирается плакать*).

Липочка. Тетенька, могла ли я думать?.. Да вѣдь я люблю его... я ему всѣмъ обязана... онъ мнѣ жизнь далъ...

Лизавета Савишна. Поди ты отъ меня, поди! ты вѣкогда понять не хочешь, какъ я тебѣ добра желаю...

Липочка. Да развѣ онъ вамъ говорилъ что?

Лизавета Савишна. Что говорилъ? Ничего не говорилъ. Тебѣ лучше знать, что у него тамъ на умѣ. Да нѣтъ впрочемъ, ты такъ только... бѣднаго Сергѣя Николаича страдать заставляешь... Мнѣ не даромъ Петръ Иванычъ...

Липочка. Да не слушайте Петра Иваныча! Можетъ ли онъ оцѣнить-то его?

Лизавета Савишна (*пристально смотритъ на Липочку*). Такъ ты къ Топоркову не такъ что-либо иное на умѣ имѣешь, а замужъ выдти хочешь?

Липочка. Мнѣ этой мысли и въ голову не приходило. Я его только такъ люблю, не спросясь себя, за то что онъ лучше всѣхъ, кого я ни видала... добрый такой, да умный...

Лизавета Савишна. Такъ, такъ только? Нравственности ты не имѣешь!.. стыда въ тебѣ дѣвичьяго нѣтъ!.. Не спросясь, не спросясь!.. Дура ты — вотъ что! Я бы на твоёмъ мѣстѣ давно за него замужъ вышла.

Липочка. Стою ли я его, вы то посудите! такую ли ему жену надо?

Лизавета Савишна. Да въ этомъ-то и штука вся — возьметъ ли? А ты не будь дура, спроси его: какія-моль, сударь, ваши намеренія?

Липочка. Да какъ же я его, тетенька, спрошу?

Лизавета Савишна. Такъ-таки прямо и спроси. Скажи ему, что я, моль, дѣвушка честная (поведенія незасорнаго), и заниматься съ вами амурами не могу, да и тетушка не позволяетъ; а если вы не шематонъ какой-нибудь, такъ обратитесь за судьбой моею къ тетушкѣ, и что дескать сердце мое вамъ безъ руки принадлежать не можетъ.

Липочка. Боже мой!

Лизавета Савишна. А не хочешь спросить — я сама спрошу! и если нѣтъ, то я и на порогъ къ себѣ его не пущу... свою фамилию марать не позволю.

Липочка. Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога! Я сама буду говорить съ нимъ.

Лизавета Савишна. Смотри же помни, что я сказала: если онъ сегодня придетъ, такъ чтобы сегодня же и дѣло рѣшено было. А

теперь я пойду больную навѣстить. Ты однако Петру Иванычу скажи, чтобы онъ въ чужія дѣла не больно соваясь.

Липочка. Тетенька, я васъ не понимаю...

Лизавета Савишна. То-то не понимаешь! а ты теперь понимай, что твоего же счастья хотятъ! (ей) Такъ ты съ Петромъ Иванычемъ совѣмъ ничего?

Липочка. Да я васъ все-таки не понимаю, тетенька.

Лизавета Савишна. Ну полно, полно, прощай! (уходя). А что я тебѣ сказала, ты себѣ на носу заруби. (уходить).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Липочка (одна). Можетъ-быть она и желаетъ мнѣ добра!.. Но сказать ему! Боже!.. И очень нужно было Петру Иванычу раздражать ее... Вѣдь знаетъ, какъ я люблю Сережу!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

ЛИПОЧКА и ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ.

Петръ Иванычъ (выглядывая изъ-за двери). Что, ушла?

Липочка. Ушла, ушла. Подите сюда, Петръ Иванычъ, мнѣ съ вами поговорить нужно.

Петръ Иванычъ. Да можетъ-быть она въ кухнѣ?

Липочка. Да нѣтъ ее!

Петръ Иванычъ. Вы бы дверь посмотрѣли, Олимпіада Васильевна: воротится, чего добраго! (Липочка идетъ въ кухню и сейчасъ же возвращается). Ну вотъ такъ-то лучше. А то подслушаетъ еще... Баталія была, Олимпіада Васильевна! Слыхалъ, все слыхалъ... Плюньте вы на нее, маточка, злющая она баба — и ничего больше. Не стоитъ изъ-за нея себя беспокоить.

Липочка. Да, Петръ Иванычъ, можетъ-быть она и въ самомъ дѣлѣ желаетъ мнѣ добра.

Петръ Иванычъ. Эва!!

Липочка. Только она требуетъ, чтобы я спросила Сережу, женится ли онъ на мнѣ! Вотъ вы что надѣлали.

Петръ Иванычъ. И не спрашивайте, ясочка моя, и не спрашивайте! разлюбите, коли можете...

Липочка. Что онъ вамъ сдѣлалъ , за что не любите-то вы его ? Зачѣмъ вы просили не выдавать меня за него ?

Петръ Ивановичъ. И буду ! Хоть она меня совсѣмъ заклюй , за себя говорить не буду , а васъ въ обиду не дамъ , потому я свой вѣкъ отжилъ , втянулся въ эту жизнь и не выберусь изъ нея проклятой , а вы жить начинаете , вамъ счастливой быть надо . Топорковъ чело-вѣкъ гибкій , пружина-человѣкъ : погнуло на васъ , — и нагнулся , а потомъ опять прямъ станетъ . Вы посмотрите на него , какъ онъ на насъ смотритъ... Презрительно ! Вы—дескать предо мной амфибіи пресмыкающіяся... (*Липочка показываетъ видъ , что не слушаетъ его*). Оно точно , я челоѣкъ махонькой , просвѣщенья никакого... по 16 году службу началъ... такъ нечего передъ нами и прыть показывать . А коли онъ свой умъ имѣетъ , такъ и будь самъ по себѣ , а мы сами по себѣ...

Липочка (*нетерпливо*). И вы меня , Петръ Ивановичъ , мучить хотите ? Пожалуйте меня !

Петръ Ивановичъ. Голубушка моя , Олимпіада Васильевна , жалѣючи васъ и говорю-то ! Вы меня какъ хотите называйте , отъ себя прочь гоните , а я все скажу , — не дѣло вы дѣлаете !

Липочка. Вижу я , Петръ Ивановичъ , что послѣ отца родного вы меня одни такъ любите . Только вы Серезу понять не можете , и любить его я не перестану , потому что милѣе его у меня никого на свѣтѣ нѣтъ . Я васъ больше и слушать не буду , а тетенькѣ вы объ этомъ и не говорите , да и не послушаетъ она васъ...

Петръ Ивановичъ. Нѣтъ , Олимпіада Васильевна , я ей скажу , непременно скажу... Она конечно дама властная ; однимъ взглядомъ въ трепетъ привести можетъ , я ей по слабости поддаюсь... А ужъ если на то пойдетъ , чтобы вамъ несчастливой быть , такъ Петръ Ивановичъ постоитъ... Онъ вотъ что сдѣлаетъ — выпьетъ ! до граду-са дойдетъ... потому въ трезвомъ видѣ онъ... того... а какъ сюда... (*щелкаетъ по галстуку и показываетъ на дверь въ комнату Анзаветы Савишны*) такъ она меня знаетъ...

Липочка. Прошу васъ , Петръ Ивановичъ , не вмѣшивайтесь : хуже сдѣлаете !

Петръ Ивановичъ. Молчу , молчу , ясочка моя ! Я вѣдь такъ только , въ случаѣ чего . Видитъ Богъ , Олимпіада Васильевна , я Сергѣя Николаича обидѣть и въ мысляхъ не имѣлъ , а такъ только вы-болталъ , что на сердцѣ накопило , потому отъ васъ никакой утайки имѣть не хочу , чтобы вы потомъ меня не попрекали...

Липочка. Подяте-ка вы къ себѣ Петръ Ивановичъ ; дайте мнѣ... въ себя придти... Вѣрите ли , мнѣ на свѣтъ божій смотрѣть не хочется.

Петръ Ивановичъ. Уйду , ясочка моя , уйду ! Господь съ вами !
(*молчаніе*).

Липочка. Чтоже, Петръ Ивановичъ, я уйти васъ просила ?

Петръ Ивановичъ (*мнется*). Коли вы противъ меня ничего не имѣете, такъ ужь докажите.

Липочка (*нетерпливо*). Чтѣ такое ?

Петръ Ивановичъ. Да я такъ только... ничего, ничего, Олимпіада Васильевна, я уйду...

Липочка. Да чтѣ же такое ? Вы просить меня что-ли о чемъ хотите ?

Петръ Ивановичъ. Нѣтъ ! я, Олимпіада Васильевна, я думалъ... такъ, хотѣлъ съ горя... подошло, значить, подъ сердце... хочется выпить... мутить... всего на 17 коп. ! Одолжите 20 коп. взаймы, я вотъ коньковъ продамъ, такъ все сполна...

Липочка. Возьмите, Петръ Ивановичъ... Только я васъ просила... Опять какъ наемни...

Петръ Ивановичъ. Нѣтъ, Олимпіада Васильевна ! вѣдь это такъ только, для души... а не то чтобы совсѣмъ...

Липочка. Вотъ и я хороша тоже ! Отучать бы васъ, а я потворствую...

Петръ Ивановичъ. Вы думаете, что двугривеннички ваши, что вы мнѣ даете, къ Богу не зываютъ ?..

Липочка. Ну идите же, Петръ Ивановичъ, только пожалуйте...

Петръ Ивановичъ. Самую, самую малость ! Прощайте, маточка, спасибо вамъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Липочка (*одна*). Добрый Петръ Ивановичъ счастья моего хочеть, а не видитъ, что Сережа все для меня... Еслибъ я не встрѣтилась съ нимъ, я бы навсегда осталась глупой... Ни о чемъ бы не думала .. ничего не читала... *Ахъ, какъ мнѣ теперь опротивила эта жизнь здѣсь... эти люди...* И за чтѣ это онъ полюбилъ меня ? Я перядъ нимъ невѣжда... А онъ такъ уменъ, образованъ... Онъ самъ говоритъ, что ему надо жену, которая бы его понимала, сочув-

ствовала ему... А я иной разъ не пойму, что и говорить-то онъ... Вотъ онъ мнѣ даетъ и умныя книги, а они меня вовсе и не занимаютъ.. (*Беретъ со стола книгу и разсыянно читаетъ заглавіе:*) «Римскія женщины по Тациту», Читала, читала, ничего не повяла. (*Подумавъ*) А спросить онъ, прочла ли... Что я ему скажу? Глупая я дѣвочка... Увлекается онъ мной. Эта мысль мнѣ давно покою не даетъ... Онъ даромъ теряетъ со мной время. Я его только отрываю отъ работы; онъ такъ занятъ... Онъ самъ увидитъ потомъ свою ошибку, да поздно будетъ... (*молчаніе*) Нѣтъ, я его просить буду, умолять, пусть онъ меня глупую броситъ! Ни за что ему не скажу, что мнѣ тетенька говорила. (*Плачетъ. Слышеть звонокъ. Липочка поспышно утираетъ слезы*). Ахъ! Вѣрно онъ!.. Что я ему скажу? (*Бросается отворять дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

(Впродолженіе предыдущей и этой сцены начинается смеркаться).

ЛИПОЧКА и ТОПОРКОВЪ. (Подъ мышкой у него нѣсколько книгъ).

Топорковъ. Ты одна?

Липочка. Да, тетенька ушла.

Топорковъ. И Петра Иваныча нѣтъ?

Липочка. Нѣтъ никого.

Топорковъ (*цѣлуетъ ее*). Ну что, какъ ты поживаешь, Липочка, здорова ли? У тебя что-то глаза красны.

Липочка. Я сегодня выходила, такъ вѣтромъ надуло.

Топорковъ (*развязывал связку съ книгами*). А я принесъ тебѣ книгъ: сочиненія Грановскаго и Байронъ во французскомъ переводѣ...

Липочка (*робко*). Я еще и той книги не прочитала.

Топорковъ. Какой?

Липочка. Да Римскихъ женщинъ; некогда было, нужно было тетенькѣ по хозяйству помочь.

Топорковъ. Это хозяйство тебѣ не даетъ рѣшительно ничѣмъ заняться.

Липочка. Я читала, да скучно...

Топорковъ (*недовольнымъ тономъ*). Какъ скучно? Это образцовая вещь. Только исторически прослѣдивъ положеніе женщины въ

разные вѣна, ты поймешь ея положеніе въ настоящее время. (*Сидится съ ней рядомъ на диванѣ*). Совсѣмъ въ особенный міръ переселишься, какъ придешь къ тебѣ, Липочка. И этотъ блестящій, двуличный свѣтъ и заботы, и всю эту грязную прозу жизни, все забываешь. Сидишь себѣ въ этой маленькой, уютной комнаткѣ, съ женщиной, которая тебя любитъ, за любимымъ поэтомъ... замковъ-то воздушныхъ что настроишь, толкуешь-то сколько, и такъ тихо, мирно пройдетъ вечеръ! И сколько у насъ было, Липочка, такихъ чудныхъ вечеровъ, когда мы читали вмѣстѣ Шекспира, Шиллера, гётева Фауста; а плакала-то ты какъ о Маргаритѣ, о Офеліи; ты говорила, что онѣ понятнѣе тебѣ... То были святые слезы!

Липочка (разсыпано). Да, помню.

Топорковъ. Я теперь еще больше люблю этихъ поэтовъ; они помогли мнѣ пробудить тебя...

Липочка. Ахъ, Сережа, еслибъ не ты — я не знаю, что бы со мной было. Ты показалъ мнѣ, что на свѣтѣ есть столько прекраснаго, а я такая глупая, пустая дѣвчонка!

Топорковъ. Странныя у тебя мысли, Липочка, и вообще ты какая-то молчаливая, не поговоришь со мной, не засмѣешься...

Липочка. Что-жъ мнѣ говорить тебѣ?

Топорковъ. Приходишь къ тебѣ успокоиться, душу отвести, а ты грустишь. Что съ тобой, Липочка?

Липочка (долго смотритъ на него). Тебѣ скучно со мной?

Топорковъ. Станный вопросъ! Какъ тебѣ не стыдно предлагать его мнѣ. Я только хотѣлъ сказать, что не узнаю тебя. Прежде ты была такъ жива, такъ жадно ловила каждое мое слово, въ тебѣ было столько желанія учиться, воспримчивости; теперь ты какъ-будто охладѣла ко всему... даже читаешь мало, смотришь на меня тоскливо. Я цѣлый день думаю только о тебѣ, бросаю серьезныя занятія, лечу сюда и встрѣчаю тебя грустную. Гдѣ же твоя энергія, гдѣ же силы? Еще такъ недавно ты говорила мнѣ, что будешь читать, работать и сдѣлаешь все для моего счастья...

Липочка (плачетъ). Оставь меня, Сережа, я гадкая дѣвчонка!

Топорковъ (*въ сторону*). Слезы!

Липочка (продолжая плакать). Оставь меня, брось совсѣмъ...

Топорковъ. Полно, Липочка, успокойся, прости меня... Неужели мои слова...

Липочка. Нѣтъ! я виновата, я сумашедшая! Я не буду пла-

рать! Я спокойно буду говорить съ тобой! (*вслыливаетъ*). Надо же когда-нибудь...

Топорковъ. Да полно же! Я не могу видѣть твоихъ слезъ! (*берется за голову*). Проклятыя нервы! Успокойся, ради Бога, ты мнѣ потомъ скажешь...

Липочка. Нѣтъ, ужь лучше разомъ. Брось ты меня, оставь, я не стою тебя! (*рыдаетъ*).

Топорковъ (*въ отчаяніи*). Ахъ Боже мой! Ты растряхиваешь и себя, и меня изъ-за всякаго вздора, который приходитъ тебѣ въ голову...

Липочка. Нѣтъ, это не вздоръ; я тебѣ давно хотѣла сказать... Ты увлекаешься мной, я тебя не стою... Ты не сдѣлаешь изъ меня ничего!

Топорковъ (*стараясь казаться спокойнымъ*). Я вижу, ты экзальтирована, и потому говорить съ тобой невозможно... Я увѣренъ, что черезъ часъ это пройдетъ...

Липочка. Ты смѣешься надо мной, Сережа, а видитъ Богъ, что то, что я говорю тебѣ, я обдумала... Не легко только сказать это...

Топорковъ. Это все проклятая среда, въ которой ты живешь...

Липочка (*плача*). Нѣтъ, тутъ не среда виновата... Я хочу твоего счастья!

Топорковъ (*ходитъ по комнатѣ и наконецъ останавливается передъ Липочкой*). Буду ли я счастливъ, или нѣтъ, предоставь судить мнѣ. Я узналъ твою натуру съ перваго нашего знакомства. Она въ жалкой средѣ, въ грязи, въ тинѣ, и нужно удивляться, какъ она не увязла въ ней совсѣмъ. И это уже кажется достаточно ручается за то, что въ тебѣ много нравственной силы... Вотъ почему ты заинтересовала меня... Признаться, я никогда не ожидалъ встрѣтить между дѣвушками этого общества такую личность. При первомъ нашемъ знакомствѣ, у меня родилась мысль поднять тебя; извлечь изъ этой грязи. Я не любилъ тебя тогда, ты меня только интересовала. И вотъ я сталъ ѣздить къ тебѣ... Ты думаешь, мнѣ легко было говорить съ какими-нибудь Лизаветами Савишными, Петрами Ивановичами, быть любезнымъ съ этими людьми, ѣсть всякую дрянь и все это для того, чтобы мнѣ не отказали отъ дома изъ опасенія, чтобы я не соблазнилъ тебя? Я все терпѣлъ, все болѣе и болѣе привязывался къ тебѣ и теперь люблю тебя, какъ не любилъ ни одной жен-

щины, равной мнѣ по образованію. Да и что это за образованіе!.. одинъ лоскъ. Только изъ такой неиспорченной натуры, какъ твоя, можно образовать себѣ жену. Это было моимъ всегдашнимъ убѣжденіемъ. И послѣ всего этого, послѣ столькихъ усилій, трудовъ, моей борьбы съ отвращеніемъ къ этой средѣ, — тобой овладѣваетъ сомнѣніе, ты плачешь, ты не вѣришь мнѣ и говоришь, что я увлекаюсь...

Липочка. Пощади меня... довольно...

Топорковъ. Липочка, вѣдь я тебя люблю! Не могу же я быть равнодушнымъ, когда ты тревожишь себя, Богъ знаетъ изъ-за чего. Твои сомнѣнія показываютъ только, что ты сознала всю пустоту, которая тебя окружаетъ, а сознаніе — первый шагъ впередъ. Она всегда бываетъ у такихъ натуръ.

Липочка. Какая у меня натура!.. я могу только любить.

Топорковъ. Боже, какъ ты хороша въ эту минуту! Чего же больше? Ты меня любишь, а любовь сдѣлаетъ изъ тебя все.

Липочка. Такъ ты не увлекаешься мной? Ты, какъ говоришь, и разсудкомъ меня любишь?

Топорковъ (*лаская ее*). Сознательно, разумно, и потому наша любовь прочна. Я полюбилъ тебя какъ цѣль моей жизни, какъ женщину, которая наполнила ее.

Липочка. Ты говоришь такъ хорошо, а я вовсе говорить не умѣю...

Топорковъ (*также*). Все, все будетъ!

Липочка (*улыбаясь сквозь слезы*). Да я вотъ и «Римскихъ женщинъ» не понимаю...

Топорковъ (*также*). И ихъ поймешь. Чтѣ намъ до нихъ теперь?

Липочка. Прости меня, я тебя разсердила...

Топорковъ. Вѣришь ли теперь въ себя?

Липочка. И въ себя, и въ тебя... и въ счастье наше вѣрю.

Топорковъ. Знаешь ли, Липочка, я обязанъ твоимъ слезамъ. Ты еще похорошѣла. Ты сама себя цѣны не знаешь. (*Беретъ ее подъ руку и начинаетъ ходить по комнатѣ*).

Липочка (*задумчиво*). Да, я теперь счастлива. Повторится ли когда-нибудь этотъ вечеръ? Чтѣ ты мнѣ такъ руку жмешь?

Липочка (*разсѣянно*). Нѣтъ, нѣтъ... Слушай Сережа, такъ ты со мной булешь счастливымъ? Ты меня на всю жизнь любишь?

Топорковъ. Опять? Да чтѣ съ тобой сегодня?

Липочка. Ты вѣдь женишься на мнѣ?

Топорковъ. Я?.. На тебѣ?.. Чтѣ за вопросъ?

Липочка. Такъ.. Скажи мнѣ...

Топорковъ. Да зачѣмъ это?

Липочка. Мнѣ хочется слышать отъ тебя самого, что скоро намъ никогда не надо будетъ разставаться...

Топорковъ. Конечно, конечно... не теперъ только... теперъ мои дѣла разстроены. Чтѣ это тебѣ вздумалось спросить меня объ этомъ? Или еще все сомнѣнія...

Липочка (съ упрекомъ). Сережа!

Топорковъ. Ну такъ тебя тетка настроила. (*Встаетъ и опять садится*) Слушай, Липочка: ты не обращаешь вниманія на сплетни окружающихъ, не спросила бы, позволительна ли твоя любовь; ты на столько развита, что можешь понять меня и быть во мнѣ увѣренной. Ты сама никогда не задала бы мнѣ такого вопроса, но вѣрно твоя тетка требуетъ формальнаго предложенія. Если нужно успокоить тетку, оградить тебя отъ этой женщины, — я готовъ сказать ей сегодня же... Только ты сама знаешь, намъ надо еще устроиться, мои матеріальныя средства не велики... (*минута молчанія*). Такъ вотъ какъ! Я ей подозрителенъ! Это забавно! Вѣдь я угадалъ, не правдали, она тебя научила спросить меня?

Липочка (*чуть слышно*). Да!

Топорковъ. Ну полно, успокойся... Все это такъ естественно... Ахъ Боже мой, она придетъ еще, увидитъ слезы, распрашивать начнетъ... (*раздается звонокъ*).

Липочка. Это она! Нѣтъ, я спокойна... (*вытираетъ слезы*). Не говори ей ничего. Потомъ! Послѣ! (*идетъ отворять дверь*).

Топорковъ (*вслѣдъ ей*). Нѣтъ, я долженъ говорить съ ней!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

Топорковъ (*одишь*). Вотъ она, жизнь-то! И любовь-то не обходится безъ непріятностей! И слезы, и сомнѣнія, все тутъ есть. Утѣшай, уговаривай... поддерживай... А какъ я съ теткой объяснюсь?.. И вѣдь нужно же ей было подвернуться съ своимъ требованіемъ именно въ эту минуту! (*нѣсколько минутъ молчанія*). Впрочемъ, все къ лучшему. Я женюсь на Липочкѣ, и навѣрное буду

счастливъ. Я никого не могу любить больше. Я ей дамъ, прочное образованіе... Мы будемъ достойны другъ друга...

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ

ТОПОРКОВЪ, ЛИЗАВЕТА САВИШНА и ЛИПОЧКА

Лизавета Савишна. Здравствуйте, Сергій Николаичъ! садитесь пожалуйста. (*видя, что Топорковъ садится на стулъ*). Нѣтъ ужъ сюда, на диванчикъ: здѣсь поспокойнѣе да и теплѣе... тепло изъ кухни идетъ..

Топорковъ. Не беспокойтесь.

Лизавета Савишна. Какъ, батюшка, не беспокоиться? Вы вотъ все прихварываете, вамъ беречь себя надо... Здоровье-то пригодится, — вы человѣкъ молодой... Вотъ намъ, старухамъ, такъ ужъ нечего о себѣ заботиться. Да какъ ваше здоровье теперь? Вы прошлый разъ что-то не помогали. Что, мазью, которую я вамъ дала терлись? Вѣдь легче стало? Нѣтъ, по глазамъ вижу, что не терлись...

Топорковъ. Терся, Лизавета Савишна, терся. Вы такъ заботливы...

Лизавета Савишна. Да какъ же о васъ не заботиться, Сергій Николаичъ? Вѣдь у васъ ни папеньки, ни маменьки нѣтъ... Конечно, вы человѣкъ взрослый, свой умъ имѣете... ну а все-таки, не мѣшаетъ... Знаете, я такого молодого человѣка какъ вы, равнодушно видѣть не могу: все, знаете, ропщешь, отчего это у меня такого сына нѣтъ? вотъ бы любила!.. Нѣтъ, Сергій Николаичъ, вы понять не хотите, что я васъ сердечно люблю, забываете; чуть не по цѣлымъ недѣлямъ глазъ не кажете... стосковалась безъ васъ совсемъ... Вотъ Липочка даже намени васъ во снѣ видѣла.

Топорковъ. Вы знаете, какъ я занятъ...

Лизавета Савишна. Что говорить Сергій Николаичъ! сама понимаю! Вѣдь шутка ли у министра служить? Бумаги всякія — дѣла-то можно сказать государственныя, да и кромѣ того умному человѣку вездѣ дѣло: сочинить что-нибудь, книжку почитать...

Топорковъ. Извините, Лизавета Савишна, мнѣ нужно переговорить съ вами.

Лизавета Савишна. О чемъ это, батюшка?

Топорковъ. Впрочемъ... *(взглядываетъ на Липочку)*. Да такъ, дѣло есть.

Лизавета Савишна. Поди-ка ты, Липочка, въ кухню, сдѣлай-ка намъ чайку!

Топорковъ. Да Олимпіада Васильевна можетъ остаться...

Лизавета Савишна. Нѣтъ, все-таки... Выдь, душенька, пожалуйста.

(Липочка уходитъ. Лизавета Савишна затворяетъ за ней двери).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ

ТОПОРКОВЪ и ЛИЗАВЕТА САВИШНА

Лизавета Савишна. Ну-съ, такъ о чемъ же, батюшка, говорить хотѣли?

Топорковъ. То, о чемъ я хочу говорить съ вами, очень серьезно. Тутъ дѣло такъ-сказать жизни... и потому я можетъ быть буду говорить много.. но мы должны понять другъ друга.

Лизавета Савишна. Помилуйте! умныя рѣчи пріятно и слушать.

Топорковъ. Ну-съ, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Два мѣсяца тому назадъ я, проходя мимо вашего дома, увидалъ въ окнѣ вашу племянницу...

Лизавета Савишна. Она у меня и все у окна сидитъ...

Топорковъ. Позвольте, Лизавета Савишна. Скажу вамъ, не распространяясь много, ея лицо произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я узналъ объ ней гдѣ могъ, и рѣшился узнать ее покороче. Для того я пріѣхалъ къ вамъ и выбралъ какой-то ничтожный предлогъ, чтобы посѣщеніе мое не показалось страннымъ.

Лизавета Савишна. Какъ же, батюшка, помню, помню: товарища-то своего отъскивали. Я и день замѣтилъ: въ среду... на другой день послѣ Покрова.

Топорковъ. Да, такъ я пріѣхалъ къ вамъ. Говорилъ съ Олимпіадой Васильевной; съ перваго же раза увидѣлъ, что изъ этой дѣвушки можно сдѣлать много добра. Я сталъ бѣдить къ вамъ, читалъ вмѣстѣ съ ней, толковалъ, и убѣждался мало по малу, что мнѣ удастся образовать ее.

Лизавета Савишна. Что и говорить, Сергѣй Николаичъ! вы, при вашемъ умѣ, все сдѣлать можете. Ужь у министра служить — надо голову. Я такъ была рада... вотъ, думаю, Липочка все около васъ чему-нибудь научиться можетъ.

Топорковъ. Я понимаю очень хорошо, что частые визиты къ вамъ молодого человѣка могли подать поводъ къ толкамъ, слухамъ всякаго рода.

Лизавета Савишна. Сочинять, батюшка, сейчасъ сочинять! Ужь у насъ климатъ такой.

Топорковъ. Не думайте, чтобы я обращалъ вниманіе на мнѣніе людей. Да и Липочка также слишкомъ уже развита для того. Но я очень хорошо понимаю, что грязь мараетъ даже и самого чистаго человѣка.

Лизавета Савишна. Именно, батюшка, мараетъ...

Топорковъ. Чтобы оградить вашу племянницу отъ этихъ сплетень, я прошу у васъ ея руки...

Лизавета Савишна. Батюшка, Сергѣй Николаичъ! Не во снѣ ли я это вижу? Вотъ вѣдь не думала, не гадала! Счастье-то какое ей Господь посылаетъ.

Топорковъ. Чтожъ, Лизавета Савишна? я жду вашего согласія.

Лизавета Савишна. Что вы, Сергѣй Николаичъ! еще бы не согласиться! Да что я, врагъ ей что ли? Ахъ ты господи! Услышалъ онъ, услышалъ онъ мои молитвы, пристроилъ сироту... недаромъ у меня все червонная десятка съ марьяжемъ выходила. Вотъ разахается-то Варвара Мазѣвѣва!

Топорковъ (*въ сторону*). Ахъ Боже мой! Я такъ и зналъ (*къ ней*). Только вы ради Бога, Лизавета Савишна, не дѣлайте никакой огласки... не навязывайте мнѣ въ глазахъ другихъ эту глупую роль жениха.

Лизавета Савишна. Что вы, что вы, Сергѣй Николаичъ, зачѣмъ разглашать? Я вѣдь такъ только...

Топорковъ. И такъ, я надѣюсь, теперь вы спокойны.

Лизавета Савишна. Да, да, только вотъ приданое-то у нея...

Топорковъ. Не безпокойтесь... все будетъ мое.

Лизавета Савишна (*считаетъ, по пальцамъ*). До поста осталось... мѣсяцъ, два, и двѣ недѣли. Успѣемъ!

Топорковъ. Пойдите, Лизавета Савишна. Свадьба до поста состояться не можетъ: я долженъ еще устроиться. Нужно, чтобы мы

были хорошо обеспечены въ матеріальномъ отношеніи. И къ лѣту-то я едва ли успѣю. Я объявилъ вамъ заранѣе, чтобы имѣть свободный входъ въ вашъ домъ.

Лизавета Савишна (*остолбенѣвъ*). И къ лѣту едва ли? долго ли!

Топорковъ (*горячо*). Что же, вамъ хочется сбыть поскорѣе вашу племянницу, что ли? Или вамъ не довольно, что я, какъ честный человѣкъ, не желая компрометировать Липочку, заранѣе объявилъ вамъ свое намѣреніе?

Лизавета Савишна (*въ сторону*). Ишь вѣдь сердитый какой наскочилъ! (*ему*). Помилуйте, батюшка, Сергѣй Николаичъ, за что вы меня въ обиду вводите? Я кажется этого и въ мысляхъ не имѣла, а единственно такъ сказала, — потому знаю, какъ Липочка васъ любить, а разставаться мнѣ съ ней очень больно, какъ дочь люблю. . я вѣдь безъ нея одна останусь!

Топорковъ. Ну, такъ если вы согласны, нечего и говорить.

Лизавета Савишна (*въ сторону*). Будешь на все согласна, только бы тебя, чижъ, не выпустить! (*ему*). Я уже вамъ сказала, что благодарю Бога... теперь позвольте позвать Липочку и благословить.

Топорковъ. А безъ этого нельзя обойтись?

Лизавета Савишна. Что вы! Господь съ вами, Сергѣй Николаичъ! Мы съ вами христіане. Липочка! Липочка!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ

ТѢЖЕ и ЛИПОЧКА

Лизавета Савишна. Ну, мой другъ, тебѣ господь судьбу посылаетъ. Сергѣй Николаичъ просить твоей руки.

Топорковъ. Она знаетъ.

(Липочка подходитъ къ Топоркову и цѣлуетъ его).

Лизавета Савишна (*благословляетъ ихъ*). Благослови васъ Богъ! Живите счастливо (*прослезившись*). Оставляешь ты меня, Липочка!

Липочка (*растроганная*). Нѣтъ, тетенька, вы не оставите насъ, вы будете жить съ нами! (*къ Топоркову*). Да?

Топорковъ. Конечно...

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Привелъ Господь... Благодарю тебя, Всевышній! (*съ сторуку*). Нѣтъ, вѣдь какого гуся-то подѣла! Топорковъ. Счастлива ли ты теперь, Липочка? Липочка. Счастлива!

ЗАНАВѢСЪ ОПУСКАЕТСЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Кабинетъ Топоркова. Двѣ двери: одна, отпертая, въ залу. Слѣва каминъ съ часами. Вездѣ простота, вкусъ и довольство, но безъ роскоши. По стѣнамъ, на каминѣ и письменномъ столѣ портреты и бюстики знаменитыхъ людей. Журналы и газеты разбросаны въ беспорядкѣ по стульямъ и письменному столу, на которомъ уставлено нѣсколько огромныхъ фоліантовъ. Яковъ, съ сигарой и газетой въ рукахъ, сидитъ развалившись на диванѣ и положивъ ноги на бархатное кресло; передъ Яковомъ на другомъ креслѣ Федоръ. Передъ нимъ, на письменномъ столѣ, штофъ зеленого стекла, золотой стаканчикъ и рюмка съ отбитой ножкой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ФЕДОРЪ и ЯКОВЪ

Федоръ. А ну-ка, ну-ка, Яковъ Иванычъ! прочтите-ка дальше: любопытно больно, какъ они тамъ...

Яковъ. Нечего нукать-то! шабань — и все тутъ.

Федоръ. Ужъ будто больше и нѣтъ ничего?

Яковъ. А чего жъ тебѣ еще? На томъ и порѣшили, чтобы Не-зполь брать: такъ оно тутъ и стоитъ (*указываетъ пальцемъ на газету*).

Федоръ. Да не возьмутъ! гдѣ имъ!

Яковъ. А я тебѣ говорю, что безпремѣнно возьмутъ, потому-что супротивъ его никто не устоитъ. И имя-то его, Гарибальди, значитъ — дьяволъ красный.

Федоръ. Ну?

Яковъ. Да!.. Пей! Да ты что цыгарку не возьмешь?

Федоръ. Развѣ ужь еще одну! А не забравить?

Яковъ. Объ этомъ не сумлѣвайся! Меня баринъ самъ цыгарками угощаетъ: Вы, говоритъ, Жакъ, у меня все что хотите берите, потому — очень васъ уважаю; такъ ты и на домъ возьми покурить: аромат дома произведешь. (Федоръ, потянувъ сигару, съ наслажденіемъ закуриваетъ ее). Какова?

Федоръ. Важнецъ!

Яковъ. Нѣтъ, дрянъ! вотъ намедни, по десяти цѣлковыхъ регалию амику гаванскую брали: такъ та была цыгарка! А теперь профершипилились, такъ въ шесть цѣлковыхъ куримъ.

Федоръ (выпуская дымъ). Вотъ оно теперь и говорить поваднѣе... важнѣе... и про политику, и про все...

Яковъ. Ахъ ты пажонъ! Политика-то самая что такое есть, можешь ли ты понимать-то!

Федоръ (опьянѣвъ). Извѣстно что! Обращеніе тонкое...

Яковъ. Ну да! Это совсѣмъ иначе понимать должно. Это тебѣ понимать нельзя, потому ты окромѣ псалтыря никакой печати и разбирать не можешь. А я тебѣ примѣромъ пояснить могу. Что тутъ не написано, такъ я до того самъ дойду. Вотъ хоть бы теперь, я такъ рассуждаю, что папѣ французъ Италію купить — и выпустить его на Гарибальди съ крестомъ... тогда ему и карачунъ... потому онъ, бестія, креста боится. И все это изъ политики дѣлается, чтобы христіанская вѣра въ мірѣ незыблемо хранилась...

Федоръ. Да развѣ французы христіане?

Яковъ. Да папа съ французомъ давно собираются въ христіанскую вѣру перейти, потому на землѣ одной вѣрѣ быть должно... тогда и конецъ міру будетъ...

Федоръ. И это вы все своимъ умомъ дошли?

Яковъ. А то чѣмъ же? извѣстно, понятіемъ одаренъ. Меня и баринъ уважаетъ. Всегда «вы», говоритъ. «Принесите мнѣ платокъ, Яковъ Ивановъ», или что другое, всегда съ уваженіемъ. А то призоветъ, кресло, вотъ какъ ты тепереча сидишь, поставитъ да и начнетъ съ нами о важныхъ дѣлахъ совѣщаться: какъ дескать вы, Яковъ Ивановъ, объ этомъ думаете?

Федоръ. Ну, ужь это вы такъ, для шутки говорите...

Яковъ. Вона! для шутки... Это только вы такое понятіе о людяхъ имѣете... потому ничего окромѣ вѣности у себя не слышите.

Федоръ. А я полагаю, что онъ такъ, изъ страха болѣе вамъ «вы» говорить: знаетъ, что вы человѣкъ гордый... и обращеніе понимаете...

Яковъ. Извѣстно! откажусь — что онъ безъ меня дѣлать станетъ? А мнѣ мѣстовъ не искать стать! Намедни еще генераловъ дворецкій Христомъ Богомъ въ камердинеры къ барину своему идти упрашивалъ... Да не хочу! потому здѣсь меня цѣнять, что я за человѣкъ есть... всякій презентъ оказываютъ... Да и не такихъ выдали! — плевать! (*плюетъ, потомъ опрокидываетъ голову назадъ и поетъ:*)

Долго ль жить мнѣ да въ огорченьи,
Люты скорби да преноса,
Люты скорби да преноса,
Да непрестанно слезы лья?..

Федоръ. Какъ это вы жалостливо, Яковъ Ивановичъ, поете!

Яковъ. У меня всегда такъ: какъ начну стихъ складывать, всегда жалостливый выйдетъ.

Федоръ (*взявъ со стола вышитый портъ-сигаръ*). Вотъ работа-то тонкая... Вещица славная! Полагать должно, во французской магазей братъ?

Яковъ. Этихъ предметовъ намъ не покупать стать! Это намъ для сувенира жертвуютъ... чтобы крѣпче любили!

Федоръ. Какъ это васъ съ бариномъ на все хватаетъ, подумаешь!..

Яковъ. Фью! Такой талантъ имѣемъ, чтобы привлекать... Да какія еще красавицы ходятъ! (*прищелкиваетъ языкомъ*). — Вотъ те-переча одна... безъ насъ жить не можетъ: безъ тебя, барину говорить, умру! Сюда ходить, да вотъ нынче барина все дома не застаешь, чуть не плачетъ даже, да показать не хочетъ... Должно быть вышло промежъ нихъ что-нибудь. А ужъ могу сказать, прелесть! Я ужъ насчетъ женскаго пола что разборчивъ, а за себя ее взялъ бы, ейбогу! (*Слышенъ сильный звонокъ*). Вонъ какъ звонить-то! страсть! должно быть не въ духъ... или отъ мороза...

Федоръ. Ну прощайте, Яковъ Ивановичъ, добро уйти поскорѣ... застанеть еще... (*снова звонокъ*).

Яковъ (*не торопясь кладетъ въ карманъ чарочку и рюмку, а штофъ беретъ въ руки*). Эдакъ колокольчикъ оборвать можно... Да вы не торопитесь ужъ очень... Не на пожаръ скачетъ... Да цыгары-то не забудьте...

Федоръ. Много благодарны... Прощайте, Яковъ Ивановичъ.

Яковъ. Напредки милости просимъ время раздѣлить (*Снова звонко*). Сейчасъ! сейчасъ! (*Идетъ напявая*).

Долго ли жить мнѣ да въ огорченнѣ,
Люты скорби да преноса и т. д.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ТОПОРКОВЪ и ЯКОВЪ

Топорковъ. Это ни на что не похоже! Вы заставляете дожидаться за дверью цѣлый часъ! И чѣмъ это вы заняты были, желалъ бы я знать?

Яковъ. Извѣстно чѣмъ, дѣловъ не искать стать: каминъ вотъ растоплялъ.

Топорковъ. Оно и видно: совсѣмъ погасъ!

Яковъ. Онъ ужъ каминъ такой: отойдешь — и гаснетъ.

Топорковъ. Вы всегда правы! Вотъ комната тоже: ну посмотрите, на что она похожа?

Яковъ. Я убиралъ...

Топорковъ. Ужъ кажется ласковѣ меня съ вами никто бы не обходился, а вы даже дѣла своего не исполняете! Со мной поступаютъ чортъ знаетъ какъ! (*Беретъ сигару*). Сигары дня три какъ купилъ, а съ десятокъ только осталось...

Яковъ. Я вашихъ цыгаръ не трогаю. Видалъ я цыгаръ на своемъ вѣку, не польщусь! Вы, Богъ вѣсть съ чего, Сергѣй Николаичъ, корить изволите.. Коли я не по нраву сталъ, такъ рассчитайте меня: я къ генералу пойду.

Топорковъ. Растопите-ка каминъ пожалуйста, и ступайте къ себѣ... не раздражайте меня... (*Съ безпокойствомъ ходитъ по комнате*). Что, никто не былъ?

Яковъ. Были-съ.

Топорковъ. Кто? Олимпиада Васильевна?

Яковъ. Нѣтъ-съ. Танскій, Иванъ Павлычъ. Замѣтили, что васъ нонеча совсѣмъ дома застать нельзя. (*Топорковъ продолжаетъ ходить*). Больше приказаній никакихъ не будетъ?

Топорковъ. Нѣтъ, ничего. Если кто придетъ, отказывайте:

скажите, что я уѣхалъ на весь день, я нездоровъ... Однимъ словомъ, не пускайте ко мнѣ никого.

Яковъ. Слушаю-съ. (*Въ сторону*). Больно не въ духѣ! (*Уходитъ*).

ДВѢДЕНІЕ ТРЕТЬЕ

Топорковъ (*одинъ*). Нѣтъ! силъ нѣтъ. Цѣлыя двѣ недѣли собираюсь ѣхать къ ней — и не могу. Она опять увидитъ меня мрачнымъ и недовольнымъ... а прикидываться нѣжнымъ я не могу! Чувствую я, что охладѣваю. Все идетъ скверно... та же неразвитость, ни одной дѣльной мысли, ни энергіи, ничего! Даже слова добиться трудно. Сидишь иногда по цѣлымъ часамъ, цѣлуешься, нѣжничаетъ — и только. Говоришь-говоришь, хочешь съ ней подѣлиться идеей какой-нибудь, планами о будущемъ... хоть бы слово! Знаешь впередъ, что во всемъ съ тобой согласятся, такъ покорно, подобострастно исполнять каждое желаніе. Я искалъ въ ней друга, съ которымъ бы могъ совѣтоваться, говорить. И какъ я ошибся! Совершенно обыкновенная, простенькая дѣвочка, какихъ сотни! (*Молча ходитъ взадъ и впередъ*). Она права... мы не сойдемся... Всѣ мои старанія сдѣлать изъ нея что-нибудь, не сдѣлали ничего! (*Снова ходитъ молча и останавливается*). И вѣдь встрѣтъ она какого-нибудь чиновника изъ своего общества, человѣка добраго, съ ограниченными требованіями, она осчастливила бы и себя, и его... (*Молчаніе*). Нѣтъ, подло ее обманывать; я вижу самъ, что не люблю ея. Нужно кончить. (*Молчаніе*). Но я сдѣлалъ предложеніе... тетка, сосѣди, всѣ знаютъ... Дѣло зашло слишкомъ далеко: въ нее всѣ бросятъ камень и въ меня также! Боже мой! Чтоже мнѣ дѣлать? (*Закрываетъ лицо руками*). Но она будетъ несчастна со мной, сойтись мы не можемъ... она будетъ страдать моею холодною, медленно гаснуть... А я? Одной любви мало, интересовъ моихъ она не пойметъ, подругой мнѣ быть не можетъ... Чтоже это за жизнь будетъ? Мука! Я не вынесу ея, буду молчать, понемногу упаду духомъ... Стремленія, способности, надежды, дѣятельность — все это сгинетъ, пропадетъ!! (*Въ волненіи ходитъ по комнатѣ*). А теперь она можетъ-быть заплакала бы, пострадала... а потомъ мало по малу свыклась бы съ мыслью, что мы должны были разстаться.. вышла бы замужъ... ребенка я бы обезпечилъ... Да! Нужно рѣшиться, чего бы мнѣ это ни стоило! (*Молчаніе*). Но сколько

разъ я прїѣзжалъ къ ней съ твердымъ намѣреніемъ — разомъ высказать все, и каждый разъ уѣзжалъ не сказавъ ни слова! (*Молчаніе*). Нѣтъ, теперъ я рѣшилъ... ѣду къ ней сегодня же!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ТОПОРКОВЪ и ЯКОВЪ (съ письмомъ)

Яковъ. Сергѣй Николаичъ!

Топорковъ. Что вамъ нужно?

Яковъ. Къ вамъ письмо есть.

Топорковъ. Отъ кого?

Яковъ. Не могу знать-съ (*подаетъ письмо*).

Топорковъ (*въ сторону*). Боже мой! Рука Липочки!

Яковъ. Оно дня два у меня въ карма-ѣ лежало, да виноватъ, все отдать позабывалъ.

Топорковъ. Убирайтесь вонъ! (*Яковъ поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

Топорковъ (*одинъ*). (*Читаетъ дрожащимъ голосомъ письмо*). «Положенія моего нельзя болѣе скрывать. Тетенька знаетъ все. Умерла бы, было бы лучше» (*говоритъ*). О, это слишкомъ! (*читаетъ*). «Твое обращеніе со мной въ послѣднее время ясно показало мнѣ, что отношенія наши измѣнились. Не хочу брака, который будетъ твоимъ несчастіемъ. Тетушка нашла мнѣ жениха. Будь что будетъ! Молюсь, чтобы Богъ подкрѣпилъ меня для моего ребенка и послалъ тебѣ счастья. Ты способенъ, я знаю, пожертвовать собой для меня, но я люблю тебя и не хочу жертвъ. Прости мнѣ любовь мою; она принесла тебѣ много горя. Мнѣ не нужно было выказывать моей любви. Я сама виновата во всемъ. Прощай, не пиши мнѣ отвѣта, не безпокойся обо мнѣ. Я была счастлива, хоть и недолго, но все-таки была, другимъ и того не удается!.. Липочка.»

(*Долго стоитъ пораженный, опустивъ голову*). Она гибнетъ... и я ее погубилъ! Бѣдная! (*Беретъ себя за голову*). Мысли мѣшаются... голова горитъ... Я съ ума сойду... (*шатаясь подходитъ къ столу, беретъ склянку съ одеколономъ и третъ себя виски, потомъ*

садится). Бѣдная, бѣдная! (*Закрываетъ лицо руками*). О! какъ я противенъ самому себѣ!

(*Яковъ незамѣтно входитъ въ комнату и собирается поправлять уголья въ каминѣ.*)

Яковъ (*въ сторону*). Должно-быть шибко проняло.

Топорковъ (*не оборачиваясь*). Кто здѣсь?

Яковъ. Это я-съ. Уголья въ каминѣ поправляю.

Топорковъ. Вонъ! (*Яковъ поспѣшно уходитъ*). Недоставало только, чтобы этотъ мерзавецъ видѣлъ меня въ этомъ положеніи!.. (*Молчаніе, читаетъ*). «Я люблю тебя, и не хочу жертвъ. Прости мнѣ любовь мою...» (*говоритъ*). И она же еще проситъ у меня прощенія! И ни одного упрека мнѣ, который натѣшилъ ее вдоволь, и хотѣлъ бросить, какъ ненужную игрушку, когда надоѣла мнѣ! Какъ она любитъ меня! (*Молчаніе*). Мнѣ не найти другой Липочки. Нѣтъ! Къ чорту вся давишняя философія! (*Ходя въ волненіи по комнатѣ*). Тутъ дѣло о жизни, которая губится изъ-за меня! Я виноватъ кругомъ.. Увлеченіе меня не извиняетъ... Я долженъ выкупить мою вину... и женюсь! Ёду сейчасъ къ ней, и на колѣняхъ вымолю у ней прощеніе. (*Ищетъ шляпы, и найдя ея, хочетъ идти, но въ это время раздается звонокъ; Топорковъ останавливается и прислушивается.*)

(*За сценой*)

Танскій. Баринъ пріѣхалъ?

Яковъ. Никакъ нѣтъ-съ; заѣзжали, да опять уѣхали... и къ вечеру не будутъ-съ...

Танскій. Все равно; я напишу ему...

Яковъ. Да они комнату заперли-съ.

Танскій. Чтѣ ты врешь? Пусти!

Яковъ. Да они-съ...

Топорковъ (*разслышавъ голосъ Танскаго, кладетъ шляпу и садится*). Да входи скорѣй!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

ТОПОРКОВЪ ТАНСКІЙ и ЯКОВЪ

Танскій (*Якову*). Ахъ ты бестія!

Яковъ. Да не приказывали-съ...

Танскій. Ну! (*Яковъ уходитъ*). Это еще что за новости? Ты и меня пускать не хочешь?

Топорковъ. Извини... я такъ разстроенъ... я велѣлъ всѣмъ отказывать...

Танскій. И мнѣ?

Топорковъ. Нѣтъ, ты мнѣ нуженъ... Это Яковъ...

Танскій. Я его сейчасъ выругаю. Эй! Яковъ!

Топорковъ. Постой, пожалуйста...

Танскій. Да какъ же онъ, скотина...

Топорковъ. Онъ не виноватъ. Я приказалъ ему не принимать никого, исключая тебя... только забылъ сказать ему...

Танскій. То-то! А меня это удивило. Кажется, я тебѣ не чужой. Да что у тебя физиономія такая кислая? Денегъ что ли нѣтъ?

Топорковъ. Есть деньги. Сегодня 600 рублей изъ деревни прислали.

Танскій. Чего жъ тебѣ еще? Не вышла ли опять какая-нибудь пакость по службѣ? За либерализмъ голову намылили?

Топорковъ. Вздоръ какой!

Танскій. Такъ что же съ тобой наконецъ? Я никогда не видалъ тебя такимъ; точно его къ смерти приговорили.

Топорковъ. Да, это было бы лучше.

Танскій. Ну, совсѣмъ съ ума сошелъ. Да чтоже такое?

Топорковъ. Ахъ, скверно!..

Танскій. Тѣфу! Чортъ возьми! (*Подходитъ къ столу и беретъ сигару*). Вотъ человѣкъ-то! Третьяго дня цѣлая сотня была, а теперь штукъ десять осталось. Самъ всегда на небѣ пребываетъ, а не видитъ, что у него изъ-подъ носа сигары крадутъ. Ему Яковъ скоро на шею сядетъ. (*Замѣчаетъ письмо*). Женская рука! Можно прочитать?

Топорковъ. Читай!

Танскій (*насмѣшливо*). Постой, сигару закурю, приготовиться нужно! (*Закуриваетъ не спѣша сигару, усаживается въ кресло и пробѣгаетъ письмо*). Гмъ! Такъ вотъ оно что! Эхъ ты, съ характеромъ человѣкъ!

Топорковъ. Хорошо тебѣ говорить...

Танскій. А ты думаешь, что я раскисъ бы, какъ ты теперь? Да чтоже ты за баба въ самомъ дѣлѣ? Дѣло повернулось какъ нельзя лучше: она выходитъ замужъ, сама разрываетъ связь... Что же тебѣ остается дѣлать?

Топорковъ. А чтобы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ?

Танскій. Я? Постарался бы побудить ее поскорѣ выдти замужъ и продолжалъ бы съ нею знакомство...

Топорковъ. Неумѣстные шутки!

Танскій. Нисколько не шутки. Ну, не хочешь, такъ кончай все разомъ. — И скажи слава Богу! Вотъ если бы она осталась на твоихъ рукахъ, да еще и съ ребенкомъ, тогда дѣйствительно было бы плохо. А теперь все такъ счастливо развязалось.

Топорковъ. А мой поступокъ...

Танскій. Э, этотъ грѣхъ я беру на себя. А ты не женишься ли хотѣлъ?

Топорковъ. Я долженъ жениться, и женюсь. Это рѣшено!

Танскій. Однако, это чортъ знаетъ что такое! Вѣдь ты ее не любилъ?

Топорковъ. Не знаю... Кажется это было одно увлеченіе.

Танскій. Какъ у тебя всегда и вездѣ... И нашолъ кѣмъ увлечься! Мало что ли въ обществѣ дѣвицъ и развитыхъ и умныхъ?

Топорковъ. Мнѣ онѣ противны! Въ нихъ все чужое! Я вѣрилъ въ женскую неиспорченную, простую натуру. Я скучалъ этою жизнью, этимъ обществомъ; въ Липочкѣ я хотѣлъ видѣть цѣль жизни. Я думалъ сдѣлать Липочку лучше и выше этихъ женщинъ.

Танскій. Чтоже? Эмансипировалъ?

Топорковъ. Ты смѣешься...

Танскій (*горячася*). Да какъ же не смѣяться надъ людьми, которыми отъ бездѣлья чортъ знаетъ что въ голову лѣзетъ! А теперь ты хочешь поправить дѣло женитьбой?

Топорковъ. И женюсь!

Танскій (*горячася болѣе и болѣе*). Пойми ты, что постуная такимъ образомъ, придется жениться на кухаркахъ, на горничныхъ... Богъ знаетъ на комъ.

(Топорковъ дѣлаетъ движеніе).

Танскій. Позволь! Ну словомъ, на женщинахъ, которыя бы не могли насъ понять, — и мы страдали бы цѣлую жизнь. Такой бракъ убилъ бы насъ нравственно, между тѣмъ какъ мы могли бы работать, приносить пользу...

Топорковъ. Но она такъ любитъ меня. Она не перенесетъ...

Танскій (*перебивая его*). Ну, разлюбить когда-нибудь. Поплачетъ, поплачетъ и утѣшится.

Топорковъ. Ну, а если не утѣшится?

Танскій. Не умреть же отъ любви въ самомъ дѣлѣ! Она женщина разсудительная: сама видитъ, что женой твоей быть не можетъ.

Топорковъ. Что же мнѣ дѣлать?

Танскій. Сейчасъ же написать ей письмо, въ которомъ посоветовать ей выйти замужъ, просить позабыть тебя, ну пожалуй послать ей денегъ на приданое, или на воспитаніе ребенка что ли, если такой благополучно увидитъ свѣтъ Божій...

Топорковъ. Оскорбить, убить ее окончательно! Она не возьметъ денегъ.

Танскій. Ея воля. А ты все-таки пошли: они теперь ей нужны.

Топорковъ. Я поѣду самъ къ ней... Буду просить прощенія...

Танскій. Ради Бога, не дѣлай этого! Ты опять расчувствуешься... и женишься...

Топорковъ. Да какъ я ей напишу?

Танскій. Ахъ, рѣшайся же наконецъ — или я уйду...

Топорковъ. Постой! Ну, а если мысль, что я сдѣлалъ ее несчастной на цѣлую жизнь, будетъ постоянно меня преслѣдовать, не дастъ мнѣ покоя?

Танскій (*насмѣливо*). Увлечешься опять чѣмъ-нибудь! тебѣ не долго... Вотъ о вліяніи освобожденія крестьянъ на торговлю писать будешь. Чтожѣ, рѣшаешься?

Топорковъ. Нѣтъ!

Танскій (*встаетъ и подходитъ къ нему*). Слушай! Вѣдь ты давно мнѣ говорилъ, что хочешь разорвать связь съ ней, потому что дошелъ до убѣжденія, что вы не сойдетесь, что ты только увлекался ею?

Топорковъ. Да!

Танскій. Какъ ты думаешь, будетъ она счастлива, видя, что ты не имѣешь къ ней ни малѣйшаго расположенія?

(Топорковъ молчитъ, закрывъ лицо руками).

Танскій (*горячо*). А ты самъ? Вѣдь ты будешь страдать, ты прѣпадешь съ такой женой, слабой какъ ты самъ и къ тому же неразвитой, которой тебѣ и показать-то никому нельзя будетъ! У тебя есть умъ, способности, изъ тебя вышло бы теперь что-нибудь, а

тогда не выйдетъ рѣшительно ничего. Слѣдовательно погубишь и ее и себя; общество лишится разомъ двухъ членовъ, которые порознь могли бы приносить пользу, каждый въ своемъ кругу, въ своей средѣ. Развѣ ты имѣешь какое-нибудь право, изъ-за своихъ увлеченій, лишать общество и себя, и ее?

Топорковъ (*въ отчаяніи*). Да, ты правъ...

Танскій (*горячась еще болѣе*). Молодой человекъ съ прекраснымъ будущимъ, планами, надеждами, человекъ, котораго считаютъ однимъ изъ передовыхъ людей, женится на женщинѣ, общество которой все болѣе и болѣе его тяготитъ: ни совѣта отъ нея, ни поддержки, ни пониманья! А тутъ вьются слезы, упреки, или (одно другого стоитъ) безгласныя страданія! Семейная жизнь становится адомъ... Онъ бѣжитъ изъ дома, падаетъ духомъ; энергія къ работѣ пропала, силы истратились въ мелкой борьбѣ съ домашними неприятностями. А тамъ приходитъ и бѣдность... Имѣнье твое уже перезаложено, изъ службы могутъ выгнать — и очень легко — за твою способность соваться вездѣ, гдѣ тебя не спрашиваютъ; придется жить частными работами, а силы и нравственныя и физическія потерины... Какую же ты ей готовишь участь?

Топорковъ (*въ отчаяніи*). Ужасно, ужасно!

Танскій. Отчаяніе доведетъ тебя до кутежа, до пьянства на послѣдній грошъ, на который нужно купить хлѣба больной, несчастной женѣ, чтобы она не умерла съ голода, за любовь къ тебѣ. И въ заключеніе блестящей карьеры, ты умрешь можетъ быть гдѣ-нибудь, чуть-чуть не въ кабакъ!

Топорковъ. Довольно, перестань...

Танскій. Чтоже, выбирай!

(Топорковъ долго стоитъ задумавшись, наконецъ подходитъ къ столу, беретъ перо, хочетъ писать, но вдругъ останавливается).

Танскій. Чтоже?

Топорковъ. Страшно!

Танскій. Чего?

Топорковъ. Я вижу самъ очень хорошо, что я долженъ рѣшиться, но какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что я поступаю низко!

Танскій. Вѣрь, вѣрь больше внутреннимъ голосамъ! они тебя научатъ добру...

Топорковъ. Я увлекся, страшно увлекся... она такъ хороша... и я погубилъ ее, не разсуждая о будущемъ, не думая, что я дѣлаю... Но могъ ли я ожидать такого конца? Когда я искалъ случая познакомиться съ нею, мои намѣренія были чисты... Мнѣ казалось, что я могу образовать ее...

Танскій. Такъ за что же ты такъ жестоко поплачешься?

Топорковъ. Да что я ей напишу? Что я подлъ?

Танскій. Ну, я вижу, остается одно — чтобы ты написалъ подъ мою диктовку. Ты будешь думать до завтра, или напишешь чортъ знаетъ что...

Топорковъ. Не желаю никому переживать такія минуты (*молчаніе*). Ты правъ, Ваня: теперь я не сдѣлаю самъ ничего... говори... я рѣшился...

Танскій. Наконецъ!

Топорковъ. Но ты оскорбишь ее!

Танскій. Да за кого же ты меня принимаешь? (*Диктуетъ*) «Вините меня, Олимпіада Васильевна, какъ буду винить себя всегда и я; забудьте человѣка, заплатившаго за свое увлеченіе спокойствіемъ цѣлой жизни. Вы были правы, убѣждая меня во время оставить васъ. Наконецъ (хотя и очень поздно) вижу и я, что принесу вамъ собой одно горе, а спокойствіе цѣлой вашей жизни я предпочитаю временнымъ страданіямъ и потому рѣшаюсь оставить васъ. Выходите за вашего...»

Топорковъ. Нѣтъ, этого я ей не напишу.

Танскій. А это-то и нужно. Она ждетъ совѣта...

Топорковъ. Я пишу ей: «будьте счастливы, если можете...»

Танскій. Ну хорошо, дальше: «посылаю вамъ...»

Топорковъ. Нѣтъ, я просто пошлю...

Танскій. Ну, печатай скорѣе!

Топорковъ. Какъ? И больше ничего? Не утѣшить ее, ни разъяснить моего проступка?

Танскій. Ничего! Печатай. Чтоже?

(Топорковъ молча достаетъ деньги).

Танскій. Сколько?

Топорковъ (*глухо*). Триста.

Танскій. Двухсотъ довольно. Ты безъ денегъ.

Топорковъ. Нѣтъ, нѣтъ... (*печатаетъ письмо*).

Танскій. Теперь кончено?

Топорковъ (*глухо*). Кончено.

ТАНСКІЙ (*встает*). Ну, теперь послать. (*Подумавъ.*) А не по-
бхать ли мнѣ?

(*Топорковъ подходитъ къ камину и хочетъ бро-
сить въ огонь письмо.*)

ТАНСКІЙ (*бросаясь къ нему и останавливая его руку*). Чтѣ ты
хочешь дѣлать, сумасшедшій! И съ деньгами!

ТОПОРКОВЪ. Оставь меня...

ТАНСКІЙ. Опомнись! Вѣдь ты рѣшился; все кончено!

ТОПОРКОВЪ (*отводитъ Танскаго въ сторону и беретъ его за
руку*). Слышишь! Не рассказывай этого никому. Слышишь: никому,
никогда; пусть это умретъ съ нами, а то все отвернется отъ
меня...

ТАНСКІЙ. Странная просьба! Конечно. А впрочемъ, чтѣ же ты
сдѣлалъ ужь очень-то дурного?.. Ты отличный человекъ, симпатич-
ный, на подлость ты не способенъ, а такъ, маленькое увлеченіе
эмансипаціей... Ну, да не въ томъ рѣчь. Съ Яковомъ письма, я
думаю, отправить нельзя: украдетъ мошенникъ...

ТОПОРКОВЪ. Нѣтъ, онъ честенъ. Я посылалъ съ нимъ больше.

ТАНСКІЙ. Эй, Яковъ!

ТОПОРКОВЪ. Постой! Онъ догадается...

ТАНСКІЙ. Ахъ, Боже мой, да что же такое? Ты уѣдешь изъ
Петербурга завтра же: тебя посылаютъ на югъ Россіи, для отобра-
ненія статистическихъ свѣденій... Яковъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

ТѢЖЕ и ЯКОВЪ

ЯКОВЪ. Извоили спрашивать?

ТАНСКІЙ. Возьми это письмо и отнеси сейчасъ же. (*Топоркову*)
Адресъ?

ТОПОРКОВЪ. Онъ знаетъ. Туда, на Петербургскую... Олим-
пиадѣ Васильевнѣ...

ЯКОВЪ. Это на самомъ на углу Малаго проспекта?

ТОПОРКОВЪ. Да!

ЯКОВЪ. Маленькій домъ... мостки опасливые такіе... пасупро-
тивъ трактира?

Танскій. Ты смотри, въ трактиръ не заходи: письмо съ деньгами!

Яковъ. Что вы, баринъ, не первый разъ! Какія суммы нашивали...

Топорковъ. Отдайте это письмо барышнѣ, прямо въ руки... или Петру Ивановичу... даже лучше ему. *(Танскому)* Онъ хоть и не любитъ меня, а добрый человекъ... онъ расположенъ къ ней, и приготовить ее... *(Якову)* Узнайте о здоровьѣ барышни. Если же нѣтъ ни Петра Ивановича, ни ее, — не отдавайте. И сейчасъ же домой...

Яковъ. Слушаю-съ. *(уходя, въ сторону)* Должно быть порѣшили съ пташкой!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

ТОПОРКОВЪ и ТАНСКІЙ

Топорковъ. Когда я уѣду, разузнай все хорошенько: кто ея женихъ, какъ она... узнавай о ней все, подробно, и обо всемъ пиши мнѣ.

Танскій. Хорошо. А теперь поѣдемъ ко мнѣ: тебѣ нужно забыться.

Топорковъ. Нѣтъ, не забуду я этого никогда. Это будетъ мнѣ страшнымъ урокомъ.

Танскій. Э, полно! не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ. Поѣдешь по Россіи, на югъ... тамъ увидишь роскошныя нивы, богатую природу, нравы... богатое поле для наблюденій политико-экономна. Какія мысли придуть! Повѣрь, душа моя, перемелется — мука будетъ; со мной еще и не такія вещи случались, а живу себѣ и на судьбу не роппу. Ну, ѣдемъ же! Яковъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Т Ъ Ж Е и Я К О В Ъ

Танскій. Какъ отнесешь письмо, укладывайся: завтра баринъ уѣзжаетъ. А сегодня онъ пріѣдетъ поздно. Если же кто пріедетъ, — сказывай всѣмъ, что баринъ уѣхалъ изъ Петербурга, невѣстно куда. *(Уходятъ)*.

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

(Комната перваго дѣйствія)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ЛИЗАВЕТА САВИШНА и ВАРВАРА МАТВѢВНА

Лизавета Савишна. И неужто, Варвара Матвѣвна, всѣ знаютъ?

Варвара Матвѣвна. Всѣ, мать моя, всѣ до единого! по всему околотку такая молва идетъ, что и!..

Лизавета Савишна. Да вѣдь говорится: мірская молва—что морская волна... пускай ихъ лають!

Варвара Матвѣвна. И васъ-то вѣдь, добрая Лизавета Савишна, въ покоѣ не оставляютъ.

Лизавета Савишна. Меня? Кто-жь бы это?

Варвара Матвѣвна. Иду это я намеренн по Среднему проспекту; смотрю—Авдотья Ниловна съ сыномъ идетъ, офицеромъ, пріятный молодой человекъ такой. Платье это на ней не то санинтюръ, не то гро-грѣ надѣто, салопъ весь какъ есть щодкомъ крытъ. Идетъ себѣ барыней такой, по сторонамъ не смотритъ, глаза этакъ, знаете, кверху,—будто насъ и не замѣчаетъ. Окликнула это я ее, о здоровѣ спросила, разговоръ у насъ о разныхъ предметахъ завязался. Промежъ прочаго разговора она у меня, какъ-будто сама ничего не знаетъ, и спрашиваетъ: что-молъ вы, Варвара Матвѣвна, про Барсуковыхъ ничего не слыжали? Ничего, говорю. Какже, говоритъ, какже! женикъ-то вѣдь отъѣхалъ, да еще какъ дѣвущку-то опозорилъ! она, говоритъ, и отъ тетки переѣхала, онъ ей, говорить, и квартиру въ Морской нанялъ, божится даже...

Лизавета Савишна. Змѣнное у нея жало—языкъ, и больше ничего!..

Варвара Матвѣвна. Таковую канитель растянула—даже до противности. Я, говоритъ, не повѣрю, чтобы Лизавета Савишна тутъ

своего антиреса не имѣла: онъ, говорить, ей чистаганомъ двѣ тысячи выложилъ...

Лизвета Савишна (*въ ильвь*). Ахъ она фараонова дочь! Аспидъ проклятый! Бога она не боится! Сама она, отродье мѣщанское, за сто рублей сукциона продана была; чтобъ ей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она стоитъ теперь, собственнымъ языкомъ подавиться. На свѣтъ она родись вдругорядь, нища она анафемская, чтобы меня поносить! Пстой! я тебя изъ-подъ спуда повыну! и мать-то твою, кто она была, и весь родъ твой поганый обнаружу... (*плачетъ*). И дернулъ меня чортъ рассказать всѣмъ!.. что это за жизнь моя несчастная! И связалъ меня Господь съ этой дѣвчонкой! Теперь всякій на меня пальцемъ укажетъ: вошь, скажутъ, тетка до чего свою племянницу допустила!..

Варвара Матвѣвна. Что вы, что вы, Лизвета Савишна! да васъ одна Авдотья Ниловна винить можетъ, и то изъ злобы. Посмотрѣть на васъ, какъ вы объ этомъ дѣлѣ скорбѣете, — такъ даже жалость беретъ.

Лизвета Савишна. Ужь пусть бы она одна жила: смотрѣть за ней, сказали бы, некому... А то у меня въ домѣ... срамъ какой! Господи!

Варвара Матвѣвна. Вы говорите, сама ему на шею вѣшалась?

Лизвета Савишна. Сама, мать моя, сама. Я еще, какъ онъ предложенье дѣлалъ, не соглашалась... я съ перваго разу его раскусила.

Варвара Матвѣвна. Ну нѣтъ, Лизвета Савишна! какъ онъ предложенье сдѣлалъ, такъ вы его мнѣ съ самой лучшей стороны описывали.

Лизвета Савишна. А я вамъ говорю, что и отдавать ее за него не хотѣла!

Варвара Матвѣвна. Я только одного понять не могу: какъ вы, такая, можно сказать, разсудительная дама, а съ него письменнаго обязательства не взяли? Кабы моя воля была, такъ такой бы законъ поставила, чтобы всякій женихъ письменное обязательство давалъ...

Лизвета Савишна (*обидясь*). Повѣрьте, кабы я это предвидѣть могла, то сама бы взять догадалась.

Варвара Матвѣвна. Какъ же это онъ — такъ-таки совсѣмъ и отказался?

Лизвета Савишна. Какое! Рѣже да рѣже ѣздить сталъ!

известно, надоела! такъ она — какъ бы вы думали? — вмѣсто того, чтобы отъ него удовлетворенія требовать, сама отъ него отступилась...

Варвара Матвѣвна (*качая головой*). Скажите!

Лизавета Савишна. Ужъ и не говорите! Одно слово дура; и къ тому же никакихъ правилъ не имѣеть.

Варвара Матвѣвна. Я бы на вашемъ мѣствѣ ее изъ дома выгнала. Ступай, молъ, куда хочешь.

Лизавета Савишна. Чтô дѣлать съ сердцемъ... не могу! жалъ ее!

Варвара Матвѣвна. Ахъ, Лизавета Савишна, какъ гляжу на васъ, такъ даже удивляюсь. Въ этакое дѣло васъ впутала, а вы за нее убиваетесь, хлопчете, жениха даже ей ищите...

Лизавета Савишна. Да, Варвара Матвѣвна, на васъ однихъ и надежда. Хорошій, вы говорите, человекъ?

Варвара Матвѣвна. Даже, можно сказать, примѣрный. Домъ у него на Пескахъ, одноэтажный, деревянный, починенъ недавно... Въ ломбардѣ тоже есть: потому, надо думать, все въ казенныхъ мѣстахъ служидь... А ужъ насчетъ поведенія — могу сказать! Въ департаментъ каждый день ходитъ; вина или насчетъ чего другого ни-ни! бережливъ до невѣроятности. Однимъ словомъ, молодой человекъ степенности необыкновенной. Находятъ, правда, нѣкоторые, что собой не хорошъ, но за то у него въ лицѣ что-то такое (*показываетъ руками*) этакое уважительное... Ну и осанка... совершенно какъ у военнаго

Лизавета Савишна. Вы говорите, ему лѣтъ подъ пятьдесятъ?

Варвара Матвѣвна. Сорокъ, Лизавета Савишна, только сорокъ.

Лизавета Савишна. Только я вотъ не пойму: какъ онъ Липой не гнушается?

Варвара Матвѣвна. Ахъ какія вы право, Лизавета Савишна! Известно, человекъ съ разсудкомъ: все значитъ обсудилъ, какъ быть надо. Вы, говорить, Варвара Матвѣвна, мнѣ ее съ хорошей стороны рекомендовали, такъ я на васъ и полагаюсь; а что насчетъ этого грѣха, такъ всякій грѣшенъ. Я, говорить, ей отцомъ буду.

Лизавета Савишна. Все это, Варвара Матвѣвна такъ; только вотъ Липа странно какъ-то мое предложеніе приняла: я, говорить, подумаю... потомъ, послѣ... Сами посудите, когда же потомъ?

Время вѣдь идетъ. Мнѣ ему надо же отвѣтъ дать. Вы говорите, онъ сегодня прѣхалъ общался?

Варвара Матвѣвна. Да, непременно. Жаль, что у меня мужъ боленъ, а то бы я прѣехала... А насчетъ Липочки вы, Лизавета Савишна, не сумѣвайте: известно, стыдъ дѣвичій...

Лизавета Савишна. Никакого у ней стыда нѣтъ! Намедни ей выговаривать начала, такъ она даже меня огорошила совѣтъ: не людей, говорить, мнѣ стыдно, а самой себя... я, говорить, никого знать не хочу.

Варвара Матвѣвна. Вы бы ее, Лизавета Савишна, позвали. Я бы съ ней поговорила.

Лизавета Савишна. Сдѣлайте милость! Все бы видѣла, что ей и посторонніе люди тоже самое скажутъ. Пускай казнится. Только сначала покажите видъ, что вы обо всемъ этомъ неизвѣстны.

Варвара Матвѣвна. Само собой.

Лизавета Матвѣвна. Липа, Липа, поди-ка сюда!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

ТЪЖЕ и ЛИПОЧКА (блѣдная и разстроенная, но старается скрыть свое горе.)

Варвара Матвѣвна (*идя къ ней навстрѣчу*). Здравствуйте, Олимпиада Васильевна! дайте мнѣ взглянуть-то на васъ! (*цѣлуются*) почитай двѣ недѣли васъ не видала. Да какъ же вы, милая, похудѣли! Даже съ лица совсѣмъ измѣнились.

Липочка (*стараясь замать ее слова*). Какъ вы поживаете, Варвара Матвѣвна? Что Семень Иванычъ? Лучше ли ему?

Варвара Матвѣвна. Благодарю покорно. Теперь полегче. А я вотъ все объ васъ, Олимпиада Васильевна: какъ вы-то похудѣли! Такой ли невѣстѣ быть надо!

Липочка (*вспыхнувъ*). У меня голова болитъ.

Варвара Матвѣвна. Полноте, будто я сама не вижу.

Липочка (*живо*). Что?

Варвара Матвѣвна. Извѣстно что! что на васъ лица нѣтъ... Ужъ здоровъ ли Сергій Николаичъ?

Липочка. Не знаю.

Варвара Матвѣвна. Какъ, невѣста-то о женихѣ не знаетъ?..
Вотъ уморушки-то!

(Липочка отвертывается.)

Варвара Матвѣвна. Когда же свадьба? До поста недѣли двѣ
только осталось.

Лизавета Савишна. Да не будетъ у насъ свадьбы — и все
тутъ!

Варвара Матвѣвна. Какъ не будетъ?

Лизавета Савишна. Да такъ: отказался!

Липочка. Не отказывался онъ, тетенька, а сама написала
ему...

Варвара Матвѣвна. Сами?

Липочка. Да, сама.

Варвара Матвѣвна. Что же это такое, Лизавета Савишна?
Я никакъ въ толкъ не возьму.

Лизавета Савишна. Больно много дури въ голову забрала,
вотъ что! Да и онъ тоже хорошъ: ѣздилъ-ѣздилъ чуть не каждый
день, и предложеніе сдѣлалъ, а тутъ вдругъ и на понятный!

Липочка. Тетенька, не вините его: я во всемъ виновата.

Лизавета Савишна. Знаю, знаю, что виновата ты! Для того
я говорю, чтобы ты чувствовала.

Варвара Матвѣвна. Ужъ подлинно, марьяжъ удивительный
вышелъ!

Лизавета Савишна. Нѣтъ, вы спросите-ка у ней, что она
теперь дѣлать станетъ? Я ее держать не могу; я сама женщина
бѣдная, я и такъ ее полтора года кормила да одѣвала. А отъ меня
уйдетъ, чѣмъ жить будетъ?

Липочка. Буду учиться работать...

Лизавета Савишна. Ха, ха, ха! а тѣмъ временемъ безъ
хлѣба сидѣть?.. да еще и больная! Эхъ ты! Не тебѣ бы говорить!
Вѣдь иголки въ руки порядочно взять не умѣешь; за что ни воз-
мешься — набѣдокуришь только. Вѣдь тебѣ, какъ ты изъ пансіона
вышла, нянька твоя, покойница, чулочки натягивала... Вотъ сидѣла
небось до пѣтуховъ за книжкой, а чему ты изъ нихъ, окромя без-
стыдства, научилась? Дадутъ ли онъ хлѣба-то тебѣ, скажи мнѣ? На-
кормятъ ли онъ ребенка твоего, безсовѣстная, накормятъ ли? За
что ты его-то, ангела божія, сгубишь, за что?

(Липочка плачетъ.)

Лизавета Савишна (*въ сторону*). Ага! Проняло! (*ей*) Работать она будетъ! Не съ французскимъ ли переводомъ сунешься куда, что ли? Нарвалась, милая: гроша вѣдь мѣднаго не дали. Алѣевъ Федоръ Ивановичъ осрамилъ меня даже: никакого, говорить, ваша племянница языка не разумѣетъ. Пойми ты, вѣдь въ тебѣ проку ни на волосъ нѣтъ! Вѣдь умрешь на улицѣ!

Варвара Матвѣвна. Это точно... Протекція незавидная.

Лизавета Савишна. Вѣдь тебѣ одинъ конецъ: иди замужъ, коли берутъ!

Варвара Матвѣвна. Послушайтесь-ка вы тетеньки, Олимпіада Васильевна, она вамъ добра желаетъ...

Лизавета Савишна. Какъ можно, Варвара Матвѣвна! она отъ него отвѣта дожидается, можетъ-быть возьметъ.

Липочка. Тетенька...

Лизавета Савишна. Нѣтъ, мать моя, теперь я тебя насквозь вижу! ты не посовѣстишься съ меня послѣднія крохи драть... тебѣ мой позоръ ничего не значить!

Варвара Матвѣвна. Полноте, Лизавета Савишна, съ кѣмъ такого грѣха не бываетъ?

Лизавета Савишна. Ну нѣтъ, со мной такого не случилось бы! я другихъ правилъ женщина: не спросясь себя, не полюбила бы!

Варвара Матвѣвна. Давы, Олимпіада Васильевна, не жалѣйте объ немъ ужь очень-то. Вы думаете, ему Господь за ваши слезы не воздастъ? Воздастъ, да еще сторицею!

Липочка. Оставьте меня, Варвара Матвѣвна, въ покоѣ.

Варвара Матвѣвна (*обидчиво*). Какъ угодно, Олимпіада Васильевна. Я вѣдь такъ только, изъ участія. А коли не нуждаетесь, такъ не беспокойтесь, навязываться не буду.

Лизавета Савишна. Вотъ вѣдь она какова! Въ ней участіе берутъ, а она и ухомъ не ведетъ!

Варвара Матвѣвна. Я не знала, что Олимпіада Васильевна такъ горды. Но мнѣ пускай живутъ, какъ хотятъ. Немножко людей стыдно, да впрочемъ у много и стыда вовсе нѣтъ.

Лизавета Савишна. Слушай, Лина, говорю тебѣ въ послѣдній разъ. Коли ты не хочешь меня совѣмъ осрамить, коли ты чувствуешь, что я для тебя, сироты безкровной, сдѣлала, выходи замужъ; а коли нѣтъ — живи гдѣ хочешь, и дома моего не порочь, и племянницей моею не называйся, чтобы на меня люди пальцами

не показывали. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово, — и дѣлай какъ знаешь!

Липочка. Я вамъ сказала, что дамъ отвѣтъ...

Лизавета Савишна. Смотри же! женихъ прѣдетъ сегодня же.

Липочка. Мнѣ все равно.

Варвара Матвѣевна. *(остаеь)*. Не ожидала я, признаться, отъ васъ на мою ласку отвѣта такого. И хоть вы сердитесь на меня, хоть нѣтъ, а все-таки скажу, что хорошихъ правилъ дѣвушка до такого срама не допуститъ; а ужъ коли случился грѣхъ такой, такъ за участіе гордыней таковой не платятъ! Я бѣ на мѣстѣ тетюшки совѣмъ отъ васъ отступилась. Прощайте! *(хочетъ идти)*.

Лизавета Савишна. Я васъ, Варвара Матвѣевна; провожу... *(Липочкѣ)*. А тебѣ скажу: или замужъ, или вонъ изъ дому и живи съ кѣмъ хочешь! *(Уходятъ)*.

ДВЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Липочка *(одна)*. Пусть они упрекають меня! Сережа не упрекнетъ, онъ пожалѣетъ меня! А другіе... Богъ съ вами! *(Задумывается)*. Сегодня папеньку во снѣ видѣла: онъ хотѣлъ проклясть меня... Ахъ какой онъ былъ страшный... Я никогда не видала его такимъ! *(Молчаніе)*. Дай-то Богъ, чтобъ Сережа нашолъ себѣ жену, которая бы такъ любила его, какъ я его люблю! Найдеть, найдеть... его нельзя не любить! А я должна была написать ему — и написала... *(Садится къ столу, закрывъ лицо руками)*. Чтѣто съ нимъ? Онъ страдаетъ можетъ-быть теперь самъ... Я его цѣлую недѣлю не видала... здоровъ ли онъ? Или строчки отъ него... хоть бы словечко одно! Да и зачѣмъ ему писать? вѣдь все кончено... все! *(плачетъ)*. А съ моимъ ребенкомъ чтѣ будетъ... А Сережа и не увидитъ его... Господи, что мнѣ дѣлать? Всѣ презирають, всѣ гонять... И никто совѣта не дастъ... никто! Петръ Ивановичъ — и тотъ запылъ! *(Молчаніе)*. Чтѣ же я теткѣ скажу? вотъ дня три общаюсь ей отвѣтъ дать... Ну, да что-нибудь скажу, все равно! *(Подходитъ къ окну)*. Хоть бы что-нибудь объ Сережѣ узнать... хоть бы посмотрѣть на него такъ, чтобы онъ меня не видалъ... *(Видитъ въ окно Петра Ивановича)*. А! вотъ Петръ Ивановичъ

домой идетъ .. (*Кричитъ*). Петръ Иванычъ! Петръ Иванычъ! Ахъ Боже мой, да онъ пьянъ кажется...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

ЛИПОЧКА и ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (онъ немного выпивши; входитъ и останавливается у дверей).

Петръ Иванычъ (*въ сторону*). Надобно ее приготовить. (*ей*) Славный сегодня день, Олимпиада Васильевна!

Липочка. Вы бы Петръ Иванычъ, къ себѣ пошли, прилегли...

Петръ Иванычъ (*мрачно*). Зачѣмъ къ себѣ? Я вамъ расскажу...

Липочка. Чтѣ?

Петръ Иванычъ (*спохватясь*). Какъ я гулялъ... дорога, знаете, снѣжная такая... госпожи всякія ходятъ... магазины...

Липочка. Да вы на той сторонѣ были?

Петръ Иванычъ (*путаясь*). Да, гулялъ: на Невскій прошлъ...

Липочка. На Невскій?

Петръ Иванычъ (*путаясь еще больше*). То-есть оно не то чтобы на Невскій... а въ Коломну сперва, живетъ у меня тамъ знакомый одинъ... такъ, на перепутьѣ... мы и закусили... для бодрости.

Липочка (*внимательно смотря на него*). Вижу, Петръ Иванычъ, вы мнѣ что-то сказать хотите. Говорите прямо!

Петръ Иванычъ (*забывшись*). Нѣтъ, вѣдь какое животное-то!

Липочка. Кто?

Петръ Иванычъ (*не слушая ее*). На него, бестію, и суда-то человѣческаго мало! Хотѣлъ я ему все сказать... выругать...

Липочка. Не мучьте меня! Вы его видѣли... говорили... здоровъ ли онъ?

Петръ Иванычъ (*разгорячившись окончательно*). Увернулся, жаль!

Липочка. Гдѣ же онъ?

Петръ Иванычъ. Уѣхалъ!

Липочка (*дрожащимъ голосомъ*). Какъ... и письма мнѣ нѣтъ?

Петръ Иванычъ (*ударивъ себя въ лобъ*). Ахъ, я дуракъ! дуракъ! (*ей, вынимая изъ кармана письмо*). Есть, Олимпиада Ва-

сильевна... Да ну его! (*блжнть отъ нея съ письмома*). Послѣ, Олимпіада Васильевна, послѣ!

Липочка (*блжнть за нима*). Дайте же, дайте! (*Вырываетъ письмо: Петръ Ивановичъ, остолбаченъ совершенно, оставаади-вается*).

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. Ну!..

Липочка (*дрожа срываетъ конвертъ, быстро пробываетъ письмо и бросаетъ деньги на полъ*). И онъ!.. платить мнѣ!.. (лишается чувствъ).

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (*бросается къ ней*). Ахъ, Боже мой! (*Суетится, ищетъ воды*). Ни воды, ничего!.. (*Теряясь, пробываетъ мимо графина, блжнть въ кухню и принеся ковшикъ воды, прискачетъ ея на Липочку*). Нечего сказать, приготоуилъ! Олимпіада Васильевна... маточка! (*громче*). Олимпіада Васильевна, голубушка моя! Нѣтъ, ничего не помогаетъ... не дышетъ... убилъ ее со-всѣмъ... Да подите же сюда кто-нибудь!.. Нѣтъ никого... За докторомъ побѣгу... (*Блжнть и остауавливается*). А ея-то какъ же оставлю? А, Боже мой, что я надѣлалъ! Да что же это такое... Господи! (*Липочка открываетъ глаза*). Те!.. дышетъ... смотреть... Слава Богу!

Липочка (*приходя въ себя*). Что это со мной? Кто это?

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. Я, птичка моя, я старый болванъ... Легче ли вамъ?

Липочка (*припоминая что-то*). Оставьте меня, Петръ Ивановичъ, не стою я ласки вашей... я теперь стала сама себя гадка...

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. Олимпіада Васильевна, маточка, Христосъ съ вами!

Липочка (*въ раздумь*). Да, я рѣшилась...

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (*въ испугъ*). На что?

Липочка (*хладнокровно*). Выйти замужъ.

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. Какъ? Замужъ... вы... за кого?

Липочка. За жениха, котораго мнѣ тетушка нашла...

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. За Переломова?

Липочка. Да.

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. Да какъ же это?

Липочка. Моя жизнь кончена, а ребенку моему нужно имя!

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. Ахъ, все это я надѣлалъ... лишуулъ прямо... Да это вы такъ говорите?

Липочка. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, я рѣшилась. Береги честь

смолоду, — это мнѣ и отецъ говорилъ... Она потеряна: чего же ждать? Я ни къ чему не способна, необразована, глупа... работать не могу...

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. (*Долго стоитъ задумавшись, пораженный словами Липочки, наконецъ говоритъ*). Нѣтъ, Олимпіада Васильевна, не выходите за него: Богъ его знаетъ, какой онъ тамъ... (*нерешительно, послѣ минутнаго молчанія*). Вотъ что, Олимпіада Васильевна... Вы на меня не разсердитесь, Олимпіада Васильевна?

Липочка. Ну?

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (*также*). Я бы пить вовсе пересталъ... на службу опредѣлился бы... стали бы жить вмѣстѣ... я бы отъ Лизаветы Савишны выѣхалъ...

Липочка (*беретъ его за руку*). Полноте, Петръ Иванычъ, посмотрите вы на себя: и слабы вы и больны... Вотъ еще недавно васъ параличъ ударилъ. На службу вы уже два года опредѣлиться не можете... Какова наша жизнь будетъ, да еще съ ребенкомъ?

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ. Да я бы поправился... жили бы какъ-нибудь... вина бы ни-ни!

Липочка. Нѣтъ, Петръ Иванычъ, спасибо вамъ! Одни вы отъ меня не отвернулись, только предложенія вашего принять не могу. Изъ чего вы-то изъ-за меня маяться будете? Оставьте-ка вы у Лизаветы Савишны! Она васъ любитъ, вы съ ней десять лѣтъ живете... привыкли... Ну, что вы безъ нея дѣлать станете?

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (*озадаченный неожиданнымъ вопросомъ, задумывается, и разведя руками, говоритъ какъ-бы про себя*). Да, что я безъ нея дѣлать стану? (*спохватясь*). Да какъ же вы-то, птичка моя, страдать будете? Кого же я жалѣть да голубить буду?

Липочка. Хуже не будетъ! (*Петръ Иванычъ стоитъ, покуря голову. Сквозь слезы*). Да полно вамъ, Петръ Иванычъ... Теперь мнѣ все равно! Полноте! (*улыбается сквозь слезы*). Ступайте-ка къ себѣ, успокойтесь! Сейчасъ тетенька придетъ, ей отвѣтъ дать надо...

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ (*въ раздумьи*). А все я надѣлалъ! (*Идетъ, покуря голову, въ свою комнату. Липочка долго смотритъ ему вслѣдъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Липочка (одна. Долго стоит задумавшись; потомъ, будто вспомнивъ что-то, съ отвращеніемъ поднимаетъ деньги.) Попрошу я отнести ихъ Петра Ивановича. (Осматривается кругомъ и прислушивается.) Никого! (Поспѣшно кладетъ деньги въ конвертъ и запечатываетъ, безпрестанно оглядываясь). Что и Сережа меня такъ презираетъ, — не узнаетъ никто. (Прислушивается). Ахъ, тетенька! (Поспѣшно прячетъ конвертъ).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

ЛИПОЧКА и ЛИЗАВЕТА САВИШНА.

Лизавета Савишна. Ну, слава Богу, его еще нѣтъ. А я какъ угорѣлая домой бѣжала: вотъ, думаю, пріѣдетъ, — а меня и нѣтъ! Мнѣ Варвара Матвѣвна говорила, что онъ къ двумъ часамъ быть хотѣлъ... Да и въ комнатѣ не убрано... и на полу налито... хоть бы ты по крайности позаботилась! Ну что, Липочка, надумалась ли? Пріѣдетъ, сейчасъ пріѣдетъ. Что же мы ему скажемъ? Вѣдь ейбогу я тебѣ же добра желаю. А что я тебѣ давеча говорила, такъ это сгоряча... Извини меня... Вѣдь упустимъ, ангель мой, совсѣмъ упустимъ!

Липочка (равнодушно). Я согласна.

Лизавета Савишна (съ радостью). Ейбогу?

Липочка. Я вамъ сказала.

Лизавета Савишна. Давно бы такъ! Ну, пріодѣнься же скорѣй, да съ нимъ полюбезнѣе будь пожалуста! Да скорѣй же! Ахъ да! Чепчикъ мнѣ съ палевыми лентами поищи! (Слышенъ стукъ подъѣзжающаго экипажа). Пріѣхалъ, ахъ ты Господи! (Всплеснувъ руками). Ну же! (почти выталкиваетъ Липочку и суетится). Петръ Ивановичъ! отворите двери скорѣй, да займите его! (Уходя) Всѣмъ имъ носъ утру, Господи благослови! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Перемоловъ (одинъ, входитъ смотря на часы). Два часа акkuratъ, къ тремъ буду въ департаментъ. (Осматривается) Ни

хозяйки, никого... чортъ знаетъ что такое! Ждать еще ихъ, что ли? (*Подходитъ къ зеркалу, поправляетъ крестикъ въ петлицѣ, потомъ отходитъ и останавливается въ раздумьѣ*). Неужели оцать сорвется? (*Подумавъ*) Нѣтъ, здѣсь не сорвется! Ей не выдти замужъ чельзя.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

ПЕРЕМОЛОВЪ и ЛИЗАВЕТА САВИШНА (*въ палатомъ чепчикѣ*).

Перемоловъ. Честь имѣю рекомендоваться, надворный советникъ Егоръ Михайлычъ Перемоловъ.

Лизавета Савишна. Очень, очень пріятно... Садитесь пожалуйста. Простите великодушно, что ждать васъ заставила. По хозяйству вотъ захопоталась... (*Усаживаются*).

Перемоловъ. Вы меня въ прошломъ году у Ковалькова, чиновника, видали.

Лизавета Савишна. Какже, батюшка, какже, не безъ удовольствія объ васъ вспоминала! Даже познакомиться съ вами очень, очень желала... много объ васъ слышана.

Перемоловъ. Врутъ все, не вѣрьте. Кто вамъ говорилъ?

Лизавета Савишна. Да мало ли кто... всѣ. Вотъ Варвара Матвѣвна хозяйство ваше хвалила. Вездѣ-то говорить самъ...

Перемоловъ. Прислугѣ не довѣряюсь, правда. Они всѣ скоты, всякаго обокрадутъ.

Лизавета Савишна. Это вы справедливо замѣтили: холостого всегда обокрадутъ.

Перемоловъ. Ну, я бы и на хозяйку молодую не слишкомъ полагаюсь. (*Смотритъ на часы*) Однако я долженъ вамъ объявить, что пріѣхалъ за дѣломъ... Мнѣ еще въ департаментъ нужно...

Лизавета Савишна. Какже, говорила мнѣ Варвара Матвѣвна, вы насчетъ покупки дома моего...

Перемоловъ. Что домъ! я пріѣхалъ говорить съ вами о вашей племянницѣ. Другой бы на моемъ мѣстѣ околицей заѣхалъ, а я такъ прямоту люблю.

Лизавета Савишна. Говорите, батюшка, говорите.

Перемоловъ. Скука подъ старость одолѣла. Сидишь себѣ цѣлый вечеръ, тоска... хотѣ бы собаку каную побилъ, — и той подлѣ тебя нѣтъ. И домъ у меня есть, и хозяйство, а идетъ оно чортъ его

знаеть какъ... присмотрѣть некому. Люди тоже ходять, а кто ихъ приметъ? я что ли? Да и не пойдеть къ холостяку никто. Обсудивъ все это, я задумалъ жениться. Олимпіаду Васильевну видалъ, какъ она еще въ пансіонѣ была, и у Ковальковыхъ тоже. Посватался бы давно, да не пошла бы пожалуй. Васъ Варвара Матвѣвна предупредила о моемъ предложеніи?

Лизавета Савишна. Говорила, батюшка, говорила.

Перемоловъ. Чтожъ вы?

Лизавета Савишна. Чтожъ, божья воля!

Перемоловъ. Ну, а съ племянницей вашей вы говорили?

Лизавета Савишна. Сказывала я ей, какже.

Перемоловъ. И чинъ мой, и все?

Лизавета Савишна. Все, батюшка, досконально изъяснила.

Перемоловъ. Чтожъ она?

Лизавета Савишна. Очень, говорить, рада.

Перемоловъ. Гм! Слыхалъ я что-то про нее... да до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Цѣнила бы меня, да уважала.

Лизавета Савишна (*перебивая его*). Чтѣ вы, Егоръ Михайлычъ! она васъ полюбить должна.

Перемоловъ. Полноте вамъ, кто меня полюбить можетъ? Да и не любви я ищу.

Лизавета Савишна. Ну, все-таки...

Перемоловъ. Чортъ ли въ ней? Мнѣ надо жену красивую, образованную, чтобы могъ я ее людямъ показать... Сами вы знаете, такая жена служащаго человѣка въ люди вывести можетъ. Коли любовниковъ домой приводить не будетъ — такъ и ладно. Ну а ужъ коли чтѣ... безъ моего вѣдома, на сторонѣ, — прошу не гнѣваться! крутъ характеръ у меня.

Лизавета Савишна. Нѣтъ ужъ, Егоръ Михайлычъ, фамилию мою не порочьте! моя племянница не то чтобы какая, а если случился грѣхъ такой, чтожъ дѣлать! Вольны вы ее брать и не брать... А что насчетъ этого человѣка, такъ она съ нимъ всякую связь прекратила. Она даже его теперь просто ненавидитъ.

Перемоловъ. Ну, да не о томъ рѣчь. Я такъ только. А вотъ теперь спрошу — вѣдь мнѣ съ ней жить придется — чтѣ она, не зубаста?

Лизавета Савишна. То-есть, это вы насчетъ чего?

Перемоловъ. Ну, характеръ у нея? Знаете, непокорность въ семейномъ быту — большой порокъ.

Лизавета Савишна. Это точно. Самый тихій характеръ!

Перемоловъ. Однако принять, поговорить можетъ? Знаете, ко мнѣ не кто-нибудь ходить будетъ...

Лизавета Савишна. О, вы насчетъ этого не сомнѣвайтесь! одно слово — образована: и по французски, и какъ угодно... книжки читать даже очень любить...

Перемоловъ. Ну, это чтó! А главное, чтобы меня въ грязь не уронила. Знаете, нужно, чтобы положенію мужа и жена соответствовала.

Лизавета Савишна. Совершенно, совершенно всякому положенію соответствуетъ! Да я ее позову...

Перемоловъ. Пойдите, еще спрошу. Чтó, у ней приданого, тряпокъ всякихъ, вѣрно мало? Все сдѣлать мнѣ нужно... также и свадьбу. У меня самъ директоръ посаженнымъ отцомъ будетъ... Какъ вы полагаете, рублей двухсотъ на приданое будетъ достаточно?

Лизавета Савишна. Ахъ, нѣтъ, что вы! по крайности четыреста, чтобы все было первое. Да вы поручите мнѣ: я, какъ женщина, лучше все справить могу.

Перемоловъ. Нѣтъ, ужъ лучше я самъ.

Лизавета Савишна. Это какъ вамъ угодно.

Перемоловъ. Ну-съ, теперъ кончили. Потрудитесь позвать Олимпиаду Васильевну, я хочу услышать согласіе отъ нея самой.

Лизавета Савишна. Сейчасъ позову. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ

Перемоловъ (*одинъ*). Это она вретъ, чтобы четыреста рублей на одно приданое пошло. Надуть шельма хочетъ. И свадьба на мой счетъ... Висаріонъ Григоричъ посаженнымъ отцомъ... какъ-нибудь нельзя! этакъ пожалуй и въ семьсотъ вгонить! (*Задумывается*). Впрочемъ если принять въ соображеніе, что жена дастъ мнѣ мѣсто, которое принесетъ мнѣ въ годъ, по малой мѣрѣ тысячь десять... (*подумавъ*) навѣрное! А тамъ — баста гнуть спину! (*подумавъ*) Да, можно рѣшиться... (*подумавъ*). А все бы лучше подешевле!

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ

ПЕРЕМОЛОВЪ, ЛИЗАВЕТА САВИШНА и ЛИПОЧКА.

ПЕРЕМОЛОВЪ (*въ сторону, смотря на Липочку*). Совершенно во вкусъ Висаріона Григорича...

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Вотъ, Липочка, Егоръ Михайлычъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе.

ПЕРЕМОЛОВЪ (*Липочкѣ*). Теперь дѣло за вами, тетенька согласна.

ЛИЗАВЕТА САВИШНА (*тихо Липочкѣ*). Чтѣжь ты?

ЛИПОЧКА. Я согласна.

ПЕРЕМОЛОВЪ. Олимпиада Васильевна говоритъ это такъ неохотно, что я могу подумать, что имъ непріятно мое предложеніе...

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Чтѣ вы Егоръ Михайлычъ! это вѣдь она такъ... сконфузилась немножко. (*Липочкѣ*). Вѣдь сказала, что согласна?

ЛИПОЧКА. Да.

ЛИЗАВЕТА САВИШНА (*тихо Липочкѣ*). Чтоже ты стала? сядь! (*громко*). Пойми ты, Липочка, за кого ты выходишь-то! Вѣдь Егоръ Михайлычъ тебѣ замѣсто отца родного будетъ.

ПЕРЕМОЛОВЪ. Хозяйствомъ будемъ жить... хэ-хэ-хэ! выѣзжать будемъ, лошадокъ заведемъ...

ЛИЗАВЕТА САВИШНА (*тихо Липочкѣ*). Слышишь? и лошадокъ!.. Вотъ какъ любить будетъ! Будешь меня благодарить.

ПЕРЕМОЛОВЪ. Чтожь, Лизавета Савишна, надо насъ поздравить? Оно вѣдь въ обычаѣ.

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Какже, какже! есть у меня наливка, особенная, сама ягоды собирала...

ПЕРЕМОЛОВЪ. Чтѣ наливка! (*отводитъ Лизавету Савишну въ сторону*). У васъ кажется погребъ напротивъ?

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Есть, батюшка, есть.

ПЕРЕМОЛОВЪ (*даетъ деньги*). Вотъ вамъ три рубля, да только шампанскаго не берите: поддѣлываютъ они, мошенники. Вы все равно, донскаго бутылочку возьмите, въ рубль.

ЛИЗАВЕТА САВИШНА. Сейчасъ, Егоръ Михайлычъ, пошлю. (*Уходя*) Экая скареда какая попалась! (*уходитъ*).

Перемоловъ. А я васъ, Олимпиада Васильевна, еще такой зналъ! *(показываетъ на аршинъ отъ пола)* какъ вы еще въ пансионѣ были. Ходилъ я туда иногда, къ племянницѣ... Только меня дѣвицы ваши не любили, боялись меня. Должно-быть красотой не взялъ... Хэ-хэ-хэ! А вы меня боялись?

Липочка. Я васъ не помню...

Перемоловъ. Не помните? хэ-хэ-хэ! Да боялись, что говорить! А теперь не боитесь, а? Еще полюбите, пожалуй! Вы не смотрите на меня, что я старъ: я вѣдь шутникъ, право! хэ-хэ-хэ!

Лизавета Савишна *(возвращается съ бутылкой)*. Вотъ теперь и поздравлять можно. Раскупорите-ка, Егоръ Михайлычъ, я по этой части не мастерица.

(Перемоловъ раскупориваетъ бутылку и наливаетъ въ стаканы).

Лизавета Савишна. А я ужъ и жильца моего позову, онъ у меня какъ родной въ домѣ. Можно?

Перемоловъ. Зовите.

Лизавета Савишна *(подходя къ двери)*. Петръ Иванычъ! а Петръ Иванычъ! пожалуйста-ка сюда! Липочку поздравить надо.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ

ТЪ ЖЕ и ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ

Лизавета Савишна *(Егору Михайлычу)*. Вотъ рекомендую: Петръ Иванычъ Косичкинъ, чиновникъ, жилецъ мой.

Перемоловъ. Очень пріятно. Въ какомъ департаментѣ изволите служить?

Петръ Иванычъ *(угрюмо)*. Ни въ которомъ. *(Мрачно садится къ столу поодаль, и опускаетъ голову на руки)*.

Перемоловъ. Боленъ онъ у васъ, что ли?

Лизавета Савишна. Да, батюшка, ужъ онъ у насъ такой и есть — больной, не осудите вы его.

Перемоловъ. Ну, будемъ же пить. Еще въ департаментъ нужно.

Лизавета Савишна *(беретъ стаканъ)*. Ну, Липочка, поздравляю тебя. Устроила я твою судьбу, не поминай тетку лихомъ. Она

хоть и побранивала тебя подь часъ , а все-таки любила и о счастье твоемъ радѣла. Пристроилъ тебя Господь наконецъ. Его святая воля. Не забываетъ онъ сиротъ , и хоть въ одномъ обидить , въ другомъ наградить (*цѣлуеть ее*). А вамъ , Егоръ Михайлычъ , чиновъ да крестовъ , да потомство большое-большое...

Перемоловъ (*бьетъ себя по карману*). Сюда побольше пожелайте...

Лизавета Савишна (*пѣеть*). Всѣго , всѣго !

Перемоловъ (*береть стаканъ*). Ну , Олимпіада Васильевна , заживемъ , что ли ! (*пѣеть*).

Лизавета Савишна. Когда же у насъ свадьба-то будетъ ?

Перемоловъ. Да въ концѣ этой недѣли надо.

Лизавета Савишна. Не успѣтъ , Егоръ Михайлычъ , не успѣтъ : вѣдь одного приданого-то сколько шить придется... созвать всѣхъ надо... сговоръ...

Перемоловъ. Вы насчетъ свадьбы-то не очень расходуйтесь : не изъ чего мнѣ форсу-то пускать ! Хорошо , кабы со стороны Олимпіады Васильевны кромѣ васъ и не было никого... Ну , да тамъ распорядимся... (*замѣтя , что Петру Иванычу не поднесли донского*). А чтоже вы , Лизавета Савишна , больному-то поднести хотѣли...

Лизавета Савишна. Да , да , Липочка ! попроси-ка (*даеть ей стаканъ*).

Липочка (*подходитъ къ Петру Иванычу*). Чего же вы мнѣ пожелаете , добрый мой Петръ Иванычъ ? (*тихо*) Не вижите меня.

Петръ Иванычъ (*угрюмо , подымось*). Умирать скорѣе.

Лизавета Савишна (*разслышавъ его слова , тихо*). Тѣфу , типунъ бы вамъ на языкъ. Хорошо-что не слыхалъ еще ! (*громко*) Чтоже , пейте скорѣй , на радостяхъ !

Петръ Иванычъ. Въ горло нейдетъ... Развѣ съ горя ! (*пѣеть. Перемоловъ беретъ за шляпу*).

Занавѣсъ опускается.

В. О.

СЪ НѢМЕЦКАГО

Пронзительно вѣтеръ ночной завывалъ,
И волны вздымались высоко...
Однѣ я въ раздумьѣ надъ моремъ лежалъ,
Томимый печалью глубокой.

О прошломъ я вспомнилъ, о дняхъ молодыхъ,
О дняхъ, что казались часами.
Сурова пора, замѣнившая ихъ :
Часы нынче кажутся днями.

Лежалъ я съ безрадостной думой своей,
И видѣлъ — звѣзда задрожала...
Но въ небѣ отъ блѣднѣхъ, холоднѣхъ лучей
Свѣтлѣе и чище не стало.

И думы о прошломъ подобны звѣздамъ :
Осенней порою унылой
Встаютъ онѣ только затѣмъ, чтобы намъ
Повѣдать, что ночь наступила...

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

мартъ 1861 г.

М-г ОТРЕПЬЕВЪ И М-ме БОЯРЫШНИКОВА

«Отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла».

Народ. поговорка.

I

Въ г. Пустырскѣ, у мѣстнаго туза первой руки Отрепьева, происходившаго, какъ о немъ говорили, непосредственно отъ Адама, провожали старый годъ и встрѣчали новый: балъ былъ блестящій, пиръ на славу, — какъ слѣдуетъ быть у туза первой руки.

Гостей толпа; освѣщеніе великолѣпное; музыка ревущая.

Отрепьевъ, какъ образованный челоѣкъ нынѣшняго вѣка, съ либеральными взглядами, пригласилъ на балъ даже нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ писцовъ своей канцеляріи: нѣтъ нужды, что сановный либераль прикрикнулъ на нихъ благимъ матомъ, когда они, уставъ послѣ танцевъ, уединились было въ отдѣльную комнату, чтобы покурить, да поболтать о свѣжихъ впечатленіяхъ:

— Развѣ я васъ затѣмъ пригласилъ, чтобы вы здѣсь у меня отравляли воздухъ дымомъ вашихъ корешковъ? Неѣжды! Маршъ въ залу танцовать!

Молодые люди послѣ этой остротки подпрыгивали еще съ большимъ одушевленіемъ.

Всѣмъ было весело. Шумѣли, остряли — и, кому это нравилось, волочились: на то балъ и балъ у Отрепьева, господина съ самыми свободными свѣтскими наклонностями...

Онъ обѣщалъ въ блаженномъ Пустырскѣ, въ глуши затерянаго, мирно прозябавшаго захолустья, возродить шумные парижскіе нравы...

Кажется ничего иѣтъ легче, кажется ничто такъ скоро не прививается, какъ свободные, легкіе нравы. Провинція — очень удобная, хорошо-удобренная почва: что бы вы ни засѣяли вмѣсто процвѣтающихъ на ней сорныхъ травъ, все примется, все взойдетъ, все раскинется полнымъ цвѣтомъ и принесетъ плоды съ одинаковой щедростью — сладкіе или горькіе, смотря по тому, что сѣяли...

Мадамъ Боярышникова, жена одного изъ губернскихъ должностныхъ тузовъ, кокетничала больше всѣхъ: ей и книги въ руки, она была въ Парижѣ.

Старая и невоздержная кокетка, потерявъ уже давно свою молодость, свѣжесть и красоту, она сохранила еще прежнюю, когда-то памятную игру въ черныхъ, какъ агаты, глазахъ: сберегла еще обольстительную форму ножки, — ну, и кутила на ихъ счетъ...

Съ циническою наглостью позировала она на фантастической козеткѣ въ залѣ, одна, въ сторонѣ отъ всѣхъ прочихъ дамъ, лорнировала мужчинъ, строила глазки и выставляла на показъ и на соблазнъ свою обольстительную ножку. Платье было — по обычаю — коротенькое, и широкой криволиней раздувалъ его, какъ парусъ: вѣтренность очень удачно пародировала здѣсь роль настоящаго вѣтра...

По залѣ проходили, взявшись за руки, губернской левъ съ крупнымъ чиномъ Каракалпаковъ и помѣщикъ Ухватневъ, тоже не послѣдняя спица въ колесницѣ. Они сошлись характерами: оба фаты отъявленные и настолько же селадоны, не смотря на то, что первый былъ пожилой вдовецъ, а послѣдній имѣлъ жену, которую сравнивали по наружности съ императрицей Евгеніей, впрочемъ всегда по секрету... чтобы не обидѣть императрицы и не нарушить дружественныхъ отношеній Россіи съ Франціей...

Каракалпаковъ былъ рослый, солидный блондинъ, бралъ сановитостью; въ лицо самъ чортъ напустилъ столько важности, что самъ же чай передъ нею шапку ломалъ: манеры такъ-сказать полновѣсныя, поступъ увѣсистая, и все въ этомъ родѣ...

Ухватневъ характерный брюнетъ съ проборомъ по англійски, съ великолѣпными бакенами, въ щегольскомъ фракѣ, изящный, красивый, какъ французская гравюра.

Онъ, взглянувъ на Боярышникову, пожелалъ подойти къ ней и тянулъ туда же увѣсистаго собесѣдника.

— Последнюю ничаемъ!..

— Ну ее!.. проговорилъ Каракалпаковъ и насильно повернулъ Ухватнева въ сторону.

— Хотите, я эту барыню поцѣлую при всѣхъ — публично? вызвался совершенно неожиданно Ухватневъ.

— Что вы? что вы? забасилъ Каракалпаковъ.

— Непремѣнно!

— Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете...

— Ейбогу, хотите пари? порядочный человекъ никогда отъ этого не откажется.

— Извольте, держу!

— На что угодно?

Каракалпаковъ сдѣлалъ гримасу и задумался:

— Чтобы не компрометировать дамы, проговорилъ онъ, пари должно быть достойное...

— Разумѣется! Слушайте: въ погребѣ купца Обдулина есть бутылка столѣтняго токайскаго — вся обросла мохомъ, какъ руина.. Онъ не могъ ни за какія деньги купить ее у Елисеѣва, потому что Елисеѣвъ такихъ сокровищъ въ провинціи не отпускаетъ, не хочетъ компрометировать столицу... Такъ Обдулинъ молодецъ! укралъ ее, съ опасностью жизни укралъ... ну и натурально, цѣнить за то дороже, чѣмъ стоить она по своему столѣтнему достоинству: поступокъ, говорить, самъ по себѣ важенъ...

— Хоть на вѣсь золота! воскликнулъ Каракалпаковъ; для него все равно: въ кармацѣ пусто, но смѣлость стоитъ чести.

Въ то время разносили шампанское, холодное до точки замерзанія.

Ухватневъ беретъ бокаль и подходитъ къ мадамъ Боярышниковой. Она щуритъ глазки и дѣлаетъ сатанинскую улыбку.

— *Votre santé!*

— *Merci...*

Глазки покрываются маслянистою влагою, фосфорическій свѣтъ брызжетъ сквозь черныя, длинныя рѣсницы.

— Въ старину былъ хорошій обычай: тѣхъ, за чье здоровье пили, цѣловали въ губки, чтобы были еще здоровѣе.

— Фи! я не люблю старины...

— А я ее уважаю... хотя за то, что она производила на свѣтъ та-кія пре-дест-ныя созда-нія...

Ухватневъ , говоря это , бросалъ на мадамъ Боярышникову пожирающіе взгляды.

— Вы должно быть за всѣхъ пили: мое пьете послѣднее...

— Чтобы при васъ и остаться...

— Гм!

Ухватневъ залпомъ выпилъ вино и остатками брызнулъ въ потолокъ :

— Ваши звѣзочки!

Боярышникова подняла глаза : на потолокъ красовался нарисованный купидонъ атлетическаго сложенія , совершенно голый , какъ ему слѣдуетъ быть по миеологіи...

Въ этотъ моментъ Ухватневъ чмокнулъ барыню громко въ раздушонное , выкаченное до послѣдней возможности , пухлое , бѣлое плечо...

Дама визгнула пронзительнымъ голосомъ , крикнула на всю залу. Ухватневъ отскочилъ какъ ошкваренный...

— Голось жены!!.. раздался изъ отдаленной , чуть ли не десятой комнаты , потрясающей басъ самого Боярышникова , сидѣвшаго въ это время за картами. И вотъ онъ съ ними въ рукахъ (все были зловѣщія пяки) явился среди залы , величественный какъ колосья ролосскій , гнѣвный какъ туча...

Боярышниковъ былъ баринъ рослый , дюжій , самыхъ внушающихъ , геркулесовскихъ формъ... злой , грубый , въ нѣкоторомъ родѣ Аттила губернской.

Жена , задыхаясь отъ волненія , тономъ до глубины сердца оскорбленной невинности , съ крупными слезами на глазахъ , передала мужу по французски , по нѣмецки , частію даже по англійски поступокъ Ухватнева.

— А-а! проревѣлъ Боярышниковъ... Чтожъ ты , мать моя , не отвѣтила наглецу пощечиной?..

Ухватневъ подскочилъ :

— Легонькая , бѣленькая , хорошенькая ручка... О , я бы притворился смиреннѣйшимъ изъ смертныхъ и подставилъ бы охотно другую ланиту... Совсѣмъ не то , еслибъ другому наглецу пришлось отвѣдать напимѣръ этой-съ , полновѣсвой , знающей свое достоинство...

И Ухватневъ размахисто показалъ Боярышникову свою руку — мускулистую , характерную , огромную , какъ рука извѣстнаго въ испанскихъ легендахъ Командора.

Боярышниковъ , самъ обладатель командорской лапы , « съ толкомъ и съ разстановкой » проговорилъ слѣдующее :

— Я . . тогда... поломалъ бы... на васъ всю мебель , какую видите здѣсь... Впрочемъ...

Онъ насупилъ брови и придавъ всей физиономіи замысловатое выраженіе...

— Comprenez-vous ? намъ нечего играть въ слова , у насъ должно быть дѣло... Дѣло!..

Порывистый Ухватневъ собирався съ отвѣтомъ , какъ вдругъ между ними появился порхающій , вѣчно и передъ всѣми юлившій М-г Отрепьевъ съ распростертыми въ обѣ стороны руками.

— Господа! Messieurs! что это? У меня въ домѣ... дуэль?.. Позволено ли это законами?

Боярышниковъ принялся объяснять ему дѣло по пунктамъ.

— Полноте, полноте! прервалъ его Отрепьевъ : здѣсь никто не виновать... Я одинъ виновать , я слишкомъ угостилъ васъ , господода... Всю обиду принимаю на себя. Вѣдайтесь, мосье Боярышниковъ, со мною... а Ухватневу протяните руку... будьте друзьями, какъ были...

Отрепьевъ пріосанился, обдернулъ нервически своей фрачишка и выставилъ впередъ прилизанное, припомаженное, прибранное à l'anglaise лицо съ густыми, рыжими, какъ сургучъ, бакенями, точно подставляя для поцѣлуя, если не для чего другаго...

Боярышниковъ принялъ въ резонъ слова графа :

— А-а! Мяѣ все равно, съ кѣмъ бы ни имѣть дѣло: съ вами, такъ съ вами...

Тутъ онъ склонилъ маленько голову на бокъ и съ ловкостью Собакевича протянулъ руку Ухватневу.

— Мы друзья!..

Затѣмъ откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ. Онъ серьезно думалъ, что, мирясь съ Ухватневымъ и принимая вызовъ Отрепьева, выказываетъ чортъ знаетъ какое рыцарское достоинство...

Жена его смотрѣла съ жадностью на все это ; ей очень было по сердцу, что изъ-за нея происходили всѣ эти сцены.

— А съ вами...

Отрепьевъ ухватился за бортъ своего фрака и уставился глазами въ Боярышникова.

— Съ вами... я буду имѣть краткое, но выразительное объясненіе...

Опять Боярышниковъ подумалъ, что чортъ знаетъ, какъ это умно и тонко...

— Весь къ вашимъ услугамъ! (Отрепьевъ шаркнулъ ногой). Только объ этомъ ни сегодня, ни завтра... Пусть будетъ 2-го числа... Я не хочу ни встрѣтить, ни начать новаго года ссорой...

— Для меня все равно, когда бы ни имѣть дѣло, лишь бы имѣть...

— Ну-съ, докончимте сегодняшній вечеръ, какъ начали: весело, въ добромъ согласіи... Вы играли, Флегонтъ Фалалѣичъ... въ пикахъ... позвольте напомнить...

— Совершенно помню...

И Боярышниковъ съ картами въ рукахъ, направился къ своему столу; подлѣ него юлилъ М-г Отрепьевъ...

Какой-то молоденькій офицеръ, съ усиками не толще мышьихъ хвостиковъ, уже чуть не преклонялъ колѣни передъ мадамъ Боярышниковой и клялся въ чемъ-то всеми богами...

— Неправда! неправда! говорила она, обмахиваясь пушистымъ вѣеромъ и оправляя широкую юпку платья, которое вздымалось какъ парусъ, и больше и больше выказывало соблазнительную ножку...

Офицеръ окончательнo готовъ былъ припасть на колѣни.

— Ну, ейбогу! mille fois... ma foi... и чортъ знаетъ, какую занесъ ахиною.

— Не надѣялся, не надѣялся! говорилъ Каракалпаковъ Ухватуеву, викакъ не надѣлся... иначе...

— Вы не держали бы пари?

— И... да что стоитъ бутылка этого столѣтнику?

— Хоть бы на вѣсь золота, вы сказали...

— Конечно, конечно! честь дороже золота...

Въ четыре часа разъѣхались гости. Многіе, на примѣръ почтенный блюститель порядковъ, накуликались донельзя, пьяны были какъ .. дрова...

Отрепьевъ не легъ въ постель. Съ озабоченнымъ лицомъ онъ принялся шагать по своему сумрачному кабинету, увѣшанному портретами разной допотопной ветоши, отъ которой ведетъ онъ свой славный родъ...

Шагалъ-шагалъ, теръ себѣ лобъ и наконецъ усѣлся въ кре-

сло, взялся за перо... Разъ двадцать начиналъ и все зачеркивалъ ..

Велѣлъ подать еще двѣ свѣчи: свѣхъ было теперь четыре. Но писалось попрежнему дурно. Отрепьевъ теръ себѣ лобъ... ничего таки не выходило.

Онъ потребовалъ бокалъ шампанскаго, и выпилъ его съ большими чувствами. Поразмыслилъ еще минуту — и опять за перо. Писалъ-писалъ, маралъ, перечеркивалъ и снова писалъ...

Надо полагать, что выходила чушь порядочная, и что однако не шампанское было причиною.

Солнышко начало выглядывать изъ-за горизонта. Отрепьеву повезло: аппога tuisis amica. Благодаря аврорѣ, онъ умѣлъ совладать съ своею задачею; кончилъ и размахисто подчеркнулъ, отъ чего перо расцепилось и брызнуло ему чернильнымъ пятнышкомъ прямо на носъ, который у него былъ величиною въ большую грушу.

— Дурной знакъ! сказалъ онъ, тщательно отирая носъ: — дурной знакъ!..

Въ утѣшеніе, Отрепьевъ чихнулъ на всю комнату.

— Хорошо! Это значить хорошо кончится, если бы и началось дурно...

Потомъ, съ исписаннымъ листомъ въ рукахъ, пошелъ мѣрить кабинетъ изъ угла въ уголь и съ усердіемъ записного зубриль-семивариста, принялся зубрить наизусть только-что настроченную имъ чушь ..

Не думаемъ, чтобы это доставляло ему большое удовольствіе, но видно нужно было: — точно такъ какъ небольшое удовольствіе школьнику твердить заданный урокъ изъ ариметики, да въдь нужно! — иначе посъкутъ, посъкутъ и будетъ больно.

Любопытный читатель въ непродолжительномъ времени узнаетъ, что за урокъ задалъ себѣ М-г Отрепьевъ.

II

Утро. Новый годъ — новое счастье! говорятъ люди, лакомые до счастья.

Тузъ нашъ, въ бархатномъ халатѣ, въ туфляхъ, расписанныхъ золотомъ, — какъ расписанъ только мундиръ его, — съ

красными, усталыми отъ бессонницы глазами, съ желтымъ осунувшимся лицомъ, скверный, злой, надутый, какъ сычъ — извѣстная очень дурная птица, мѣрилъ шагами кабинетъ изъ угла въ уголъ, и кажется снова, въ умѣ повторялъ свою чепуху, плодъ зоревыхъ усилій...

Вдругъ ему докладываютъ : « купечество »...

Достопочтенные граждане, съ городскимъ головою во главѣ, въ долгополыхъ кафтанахъ, прилизанные, примазанные, чуть ли не тою мазью, что мажутъ колеса, пришли отъ усердія своего и чинопочитанія « проздравить » его милость съ новымъ годомъ — пожелать ему многихъ лѣтъ здравія, благоденственнаго пребыванія на земли, во всемъ довольствіи, ну и проч. и проч.

Отрепьева, и безъ того бывшаго очень не въ духѣ, взорвало это слишкомъ раннее посѣщеніе...

— И, невѣжды! Слякоть!.. Съ позаранокъ подняли свои лапти...

— Чего вы отъ меня хотите? закричалъ онъ, выбѣжавши изъ кабинета въ распахнутомъ халатѣ и туфляхъ, которые едва не валились съ ногъ.

— Проздравить! гаркнулъ съ испугу городской голова на всю залу — да такимъ голосомъ, что испугалъ самого Отрепьева, въ воображеніи котораго чортъ знаетъ что причудилось.

— Отъ усердія нашего, милостивецъ, пришли проздравить, пояснилъ вслѣдъ за городскимъ головою одинъ изъ самыхъ бородатыхъ представителей почтеннаго сословія.

— Ну, поздравляйте... сказалъ милостивецъ и принялся запахивать полы халата...

— Съ новымъ годомъ... съ новымъ счастіемъ... со всѣмъ добромъ... вашу свѣтлую милость... рассыпался городской голова и оборвался.

— Ну?

Отрепьевъ прищурилъ лѣвый глазъ и скривилъ лицо; ему захотѣлось поиграть...

— Многихъ нескончаемыхъ лѣтъ, здравія... благоденственнаго пребыванія на земли... поролъ городской голова.

— Ну? дальше?

— Во славу отечества, на пользу общества и малой братіи нашей, низко тебѣ милостивецъ кланяющейсяя...

На высококомъ челѣ оратора, осѣненномъ приличными сѣдинами, начали проступать крупныя капли поту...

— Ну?

Сановникъ все щурилъ лѣвый глазъ и кривилъ гримасу.

— Свѣтлой душѣ твоей молимъ всякихъ благъ и высшаго благоволенія, дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ...

— Чтó же еще?

Городской голова, понявшій, что съ нимъ и его товарищами играють комедь, посмотрѣлъ пристально въ лицо Отрепьева:

— Окромѣ-сь... больше ничего-сь...

— Чего и вамъ желаю... Прощайте! сказалъ сановный хозиниъ, съ усмѣшкою, подобралъ покороче полы халата, поклонился подъ угломъ въ 45°, и повернувшись спиною, юркнулъ въ свой кабинетъ, съ проворствомъ суслика. Граждане посоловѣли...

— Скверность какая!..

Городской голова даже сплюнулъ, впрочемъ въ платокъ, а прочіе повели по бородамъ съ неумѣстной важностью.

Въ 12 часовъ начали собираться въ залъ разныя подчиненныя лица въ полной, паральной формѣ, съ громоздкими треуголами въ рукахъ...

Физиономіи были такъ спокойны, въ глазахъ сіяло что-то праздничное, довольное. Разговоръ шолъ вполголоса:

— Слава Богу, хотя въ эти дни приходишь сюда съ мирною, спокойною душою, безъ тревоги и страха, что вотъ распекутъ хорошенькó.. намылять голову... Слава Богу! Праздникъ! и такой еще, когда люди привѣтствуютъ другъ друга съ большимъ чистосердечіемъ, желаютъ взаимно счастья...

Величественный Боярышниковъ былъ тутъ же: молчалъ, дулся, почмокивалъ. Онъ былъ страшный формалистъ и счелъ долгомъ явиться.

Въ припрыжку, весеннимъ воробьемъ, Отрепьевъ выскочилъ изъ кабинета разфранченный, раздушонный, съ видимымъ желаніемъ придать лицу самое сіяющее, свѣтлое выраженіе...

Онъ на самомъ дѣлѣ просіялъ, когда увидѣлъ Боярышниковъ: онъ опасался, что тотъ не будетъ...

Принявъ академическую позу, начальникъ началъ громкимъ, выразительнымъ голосомъ, какъ бы отчеканивая каждое слово:

— Господа! Старый год прошолъ, новый наступилъ. Поздравляю и съ тѣмъ, что прошолъ старый и съ тѣмъ, что наступилъ новый. Все, что было дурного въ старомъ, а безъ этого не обошлось, пусть канетъ вмѣстѣ съ нимъ въ вѣчность: не будетъ поминать лихомъ. Но съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ остановимся на томъ, что должно перейти всякую границу времени и остаться свѣтлою, ободряющею точкою въ вашихъ воспоминаніяхъ...

Отрепьевъ потеръ себѣ руки и какъ-то свѣтло обведя глазами всѣхъ присутствующихъ, остановился на Боярышниковѣ. Тотъ кашлянулъ: трудно было разгадать, что это значило...

— Ваше, Флегонтъ Фалалѣичъ, управление наиболѣе оставляетъ отраднаго для памяти, сказалъ ему Отрепьевъ. Вы знаете, я всю жизнь отдалъ службѣ: въ ней для меня сколько общественный, столько и мой личный интересъ. Я все принимаю здѣсь близко къ сердцу. И потому не могу не распространиться съ особеннымъ отраднымъ чувствомъ о вашей прошлогодней дѣятельности... Вы были лучшимъ моимъ товарищемъ и пособникомъ...

Флегонтъ Фалалѣичъ издалъ какой-то мычащій звукъ.

— Вы вполне сознавали важность лежащаго на васъ долга и не щадили усердія, ревности, лучшихъ силъ вашихъ на общую пользу... Вы явились какъ самый попечительный начальникъ среди ввѣреннаго вамъ управления: подвѣдомственные вамъ поселяне, нѣтъ сомнѣнія, каждый подъ своею соломенною кровлею вкушаютъ плоды вашей попечительности...

Флегонта Фалалѣича начало понемногу коробить; легкая краска прошла по лицу, онъ крикнулъ и переступилъ съ ноги на ногу...

Неразумный Отрепьевъ продолжалъ: «Я не могу, напримѣръ, не вспомнить объ устройствѣ сельскихъ почтъ съ отнесеніемъ ихъ на денежную повинность, вмѣсто прежней натуральной. Теперь нашъ мужичокъ радостно платитъ денежки и спокойно улаживаетъ за своей лошадежкой, не боясь, что ее замучатъ въ почтовой гоньбѣ, — лошадежка жирѣетъ... Не могу не вспомнить и объ усиленной отдачѣ участковъ земли въ оброчное содержаніе. Увеличивъ крестьянскую казну, вы даете имъ огромныя средства для другихъ хозяйственныхъ заведеній. Въ селахъ явятся школы... процвѣтутъ общественныя сады... поселянки рука объ руку пойдутъ рвать тюльпаны...

Флегонта Фалалѣича послѣ поселянокъ и тюльпановъ просто огнемъ охватило ; онъ самъ зардѣлся какъ піонъ.

— Могу ли умолчать о сборѣ съ обывателей на застрахованіе имущества и скота , чтобъ предохранить ихъ въ будущемъ отъ тѣхъ несчастныхъ потерь , которыми такъ часто они подвергались ? Бѣдный мужичокъ не бросится , не упадетъ теперь съ рыданіемъ на трупъ падшей его скотины... Онъ будетъ имѣть возможность сейчасъ же купить другую...

Боярышниковъ , съ каждой фразой Отрепьева мѣнялся въ лицѣ и показывалъ явные знаки нетерпѣнія и досады.

Отрепьевъ , начавшій свое слово съ такою увѣренностью , не мевѣ терялся , видя , что блестящая рѣчь , надъ которой столько поломалъ свою благородную голову , совсѣмъ не приводитъ къ тому результату , для котораго задумана.

Лицо его начало также покрываться краскою ; въ глазахъ забѣгали искорки лихорадочнаго раздраженія . Онъ началъ сбиваться на фразѣ.

Онъ дѣлался очень нелюбезенъ ; Боярышниковъ — очень угрюмъ .

Въ свидѣтеляхъ этой сцены душа замирала . Растерянный хозяинъ наконецъ оборвалъ нескладную рѣчь :

— Подаю вамъ , Флегонтъ Фалалѣичъ , мою руку !.. И подалъ обѣ .

Неуклюже и сверкая взглядами , полными злобы , Боярышниковъ выдвинулъ впередъ свою лапу и растопырилъ пальцы , толстые , какъ нѣмецкія сосиски .

Отрепьевъ не зналъ , за какой ухватиться .

— Завтрашній день , проговорилъ Флегонтъ Фалалѣичъ тихо , но внятно , — второе число...

— Вы слишкомъ злопамятны !

— Я ни на одну минуту не дамъ замереть въ себѣ чувству долга и чести...

При этомъ лицо Боярышникова сохраняло выраженіе какой-то увѣренности и достоинства , тогда какъ наоборотъ , на лицѣ Отрепьева обозначались знаки крайняго безпокойства и раздражительности .

Закусивъ сильно нижнюю губу , онъ обратился къ прочимъ лицамъ . Первымъ попавшимся на взглядъ его , былъ щуплый , затянутый какъ въ корсетъ , въ свой узкій мундиръ ассесоръ

Куличковъ. Теперь Отрепьевъ зналъ, на комъ сорвать свое сердце :

— А!.. сдѣлалъ онъ короткое, но рѣзкое восклицаніе.

Несчастный ассесоръ, у котораго душа замерла отъ предчувствій, затрепеталъ и дребезжащимъ, сиплымъ голосомъ началъ было :

— Имѣю счастье поздравить...

— Съ чѣмъ вы меня поздравляете? закричалъ на него Отрепьевъ. — Вѣдь вы тотъ же, какимъ я васъ знаю по службѣ вашей... вѣдь вы, хоть столѣтія пройди надъ вами — останетесь съ вашими камадами тѣми же... вѣдь цѣлая вѣчность не переѣнитъ васъ, и въ вѣчность перейдете такими же безпечными, неблагонимѣренными, вредными слугами вашего отечества... Если бы зло и порокъ имѣли силу разрушать человѣка, — вы, почтенный ассесоръ и камады ваши, давно должны бы рассыпаться въ прахъ...

Отрепьевъ выдывалъ въ Петербургѣ на сценѣ Каратыгина въ роли Гамлета, и въ рѣчахъ своихъ, особенно въ минуту раздраженія, возвышался самъ до театральнаго паѣоса...

— Да, милостивый государь, васъ бы всѣхъ съ вашими дѣлами и бумагами въ трубу выпустить, и начать новый порядокъ вещей! По вашей милости, вездѣ въ низшихъ инстанціяхъ господствуетъ бездѣйствіе, гнѣздится зло... у васъ сенатскіе указы не исполняются по три года. . у васъ дѣла залеживаются десятки лѣтъ, покрываются плесенью, какъ древніе замки... у васъ арестанты содержатся цѣлые лишніе годы въ острогахъ... процессы, тяжбы... чрезъ ваше нерадѣніе и крючкотворство приобрѣли славу нескончаемыхъ и безтолковыхъ... Вы всѣмъ міромъ помогали отвертеться откупщику и обирать бѣдный народъ... были преданными его слугами... и теперь, когда онъ сошолъ съ своей позорной сцены, не иначе проходите, какъ безъ шапки, мимо дворца, который онъ воздвигаетъ у насъ у всѣхъ на виду, какъ памятникъ своего плутовства, мошенничества, наглости... всего не перечесть...

— А вы, Кочепыжниковъ и Колchedоновъ? — Отрепьевъ съ тѣмъ же раздраженнымъ видомъ обратился къ двумъ рядкомъ стоявшимъ чиновникамъ, въ скромной, степенной формѣ, съ посеребренными швурочками, какъ-то наровившимъ отъ страха прижаться поближе дружка къ дружкѣ.

— И вы пришли поздравить меня съ новымъ счастьемъ? Благодарю! Да если бы я былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, — вы отравили бы дни мои. Вы являетесь для того, чтобы при одномъ взглядѣ на васъ я вспомнилъ множество скверныхъ дѣлъ и продѣлокъ, которыми запачканы руки ваши, а совѣсть еще больше... Знаю я васъ! Вы отдали плуту Затыркину постройку моста чрезъ рѣку Калачанъ за цѣну втрое дороже той, какую просили на торгахъ... Вы сѣумѣли это, мудрецы!! и мостъ построили на мѣстѣ, на которомъ онъ столько же нуженъ, какъ у меня здѣсь въ залѣ... Гидравлики! Вы нѣсколько лѣтъ уже сооружаете зданіе богадѣльни въ Дроздовскѣ и каждый годъ придумываете новыя дополнительные работы на цѣлыя тысячи .. и вѣроятно будете тянуть еще нѣсколько лѣтъ, потому что доходъ годовой хорошъ... знаю я все! Только у меня нѣтъ времени... некогда заняться вами... У меня дѣла поважнѣе вашихъ плутней!

Отрепьевъ, надо сказать правду, все время губилъ на балахъ, на вечерахъ, на ухаживаньяхъ за женщинами: это онъ считалъ дѣлами — поважнѣе всякихъ плутней...

— А вы, г. Горлоновичъ, г. Кубыркинъ, г. Берестняковъ — вы, представители прелестнаго медицинскаго сословія?

И расходившійся Отрепьевъ, выразился на счетъ представителей прелестнаго сословія очень беззащѣнчиво...

— А вы, рыцари ночи? вы, блюстители порядковъ... бодрствующіе филины ..

Словомъ, оборвавшійся на неудачномъ панегирикѣ, состряпанномъ для Боярышникова, Отрепьевъ кидался со злости на несчастныхъ пуще звѣря... мѣшалъ съ грязью, грозилъ бѣдствіями — и было, какъ говорится, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

— Прощайте! сказалъ онъ въ заключеніе. Когда васъ, господа Кочепыжниковы, Колчедоновы, Горлоновичи... всѣхъ, всѣхъ васъ выгонять изъ храма Феиды, оскверняющихъ святыню его, торговцевъ и барышниковъ, — тогда приходите поздравить меня съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ... я васъ приму съ восторгомъ и велю подать вамъ, господа, закусить и выпить... Прощайте!

Отрепьевъ исчезъ въ кабинетъ. Всѣ стояли, какъ остоленѣлые...

Наконецъ, придя въ сознание, поворотили къ двери и уже въ передней раздались смущенные голоса :

— Вотъ тебѣ, матушка, и юрьевъ день !

— Не ждали, не ждали такихъ репрезентовъ... еще на новый годъ !

— А вѣдь какъ было сначала умно рѣшилъ : не будемъ, говорить, поминать старое лихо...

За дверьми передней, рѣчи ихъ были еще смѣлѣе :

— Гм ! Боярышниковъ похвалилъ, — а у него только и хорошаго, что жена .

— Гм ! а оброчныя статьи ужъ больно у него нехороши... развѣ для него самого хороши... отдастъ по рублю десятину, вышетъ по полтинѣ : вѣдь это на 50 т. десятинь, выгадаетъ 25 т. р. Разведешь тюльпаны, только поселинокъ туда не пустишь... А коли и пустишь, то одиѣхъ хорошенькихъ ! Для хорошенькихъ сказано всѣ тюльпаны на свѣтъ...

— Кабы вы, Онисимъ Пафнутичъ, были хорошенькой, что бы вы сдѣлали ?

— Завелъ бы сейчасъ сельскія почты и самъ бы ихъ взялъ съ торговъ. Выгодно, чортъ возьми ! и благонамѣренно... не обременять крестьянъ натурою, къ потерѣ рабочихъ силъ, а взимать съ нихъ деньги и содержать на ихъ счетъ почты съ торговъ... Сами крестьяне рады душою ! только вкинулъ бы я одно условьице непременно ; вкинулъ бы такое : «въ случаѣ, моль, комплектное число лошадей окажется, при усилившейся гоньбѣ, недостаточно. — понимаете ? то брать въ пособіе лошадей у крестьянъ по наряду...» натурально, гоньба у меня всегда была бы усиленная... Слѣдовательно и натура натурою, и деньги деньгами... Стало двѣ кожи съ одного вола !

Много еще кой о чемъ толковали раззадоренные рѣчью Отрепьева, жрецы храма Фемиды, но мы ихъ оставимъ.

III

Въ два часа блестящій фазетонъ г. Отрепьева подкатилъ съ громомъ къ величественной квартирѣ Боярышникова.

— Дома ? спросилъ гость усатаго вахтера палаты, наряженного ради сегодняшняго дня въ пеструю ливрею швейцара.

— Бго-съ высокородія нѣтъ-съ...

— А жена?

— Дома-съ...

Отрепьевъ сдѣлалъ легкое восклицаніе...

— Такъ, братецъ, и говори... ты гдѣ служилъ?

— Въ кирасирскомъ его высочества принца...

Но гость былъ уже далеко, на верхнихъ ступеняхъ дѣйствицы. Онъ такъ именно и хотѣлъ, чтобы его высокородія не было дома, а ея высокородіе были бы. Онъ пашолъ Вѣру Михайловну (такъ звали жену Боярышникова) одну въ гостиной — разряженую въ пухъ и прахъ, какъ водится.

Отрепьевъ подскочилъ къ ея ручкѣ... мелкимъ бѣсомъ рассыпался въ поздравленіяхъ и привѣтствіяхъ. Онъ отменно ловокъ, когда дѣло касается паркета и любезностей...

Вѣра Михайловна дула губки и припяла гостя сухо.

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза съ особеннымъ выраженіемъ, отъ котораго его собственные покрылись легкою маслянистою влагою.

— Примирите меня съ вашимъ мужемъ.. и для васъ будетъ лучше, почти безъ предисловія началъ блистательный гость: — вы не будете дуть вашихъ прекрасныхъ губокъ, созданныхъ не для того... не будете сердиться — портить вашу аленькую кровь... и какъ хорошо для тѣхъ, которыхъ оживляетъ ваша улыбка, но убиваетъ ваша холодность!

Отрепьевъ сложилъ руки умиительно. Не доставало пасты на колѣни.

— Вы знаете моего мужа...

— О, pardon! это звѣрь...

— Да вы не знаете еще, какой звѣрь: тигръ!

Вѣра Михайловна съ живостью откинулась на бархатную, всю расшитую розами подушку...

— Но вы, прелестная укротительница всѣхъ звѣрей, укротите вашего мужа...

Отрепьевъ посмотрѣлъ на нее умоляющими взглядами.

— А-а, боитесь! это нерасчетливо... Вы возвышаете достоинство моего мужа въ моихъ глазахъ. Вы знаете, что львица, свидѣтельница борьбы двухъ самцовъ, идетъ за побѣдителемъ...

— Но... вы сами понимаете... это не то, чтобы Флегонтъ

Фалалѣичъ былъ страшень, а просто... для меня выгоднѣе быть его другомъ, нежели врагомъ...

— Ахъ, Мартынъ Ѳедорычъ! за вчерашній пассажъ... этого ли я ожидала?

— Вѣра Михайловна! неужели вы думаете, я не измѣрилъ всей его мѣры... не оцѣнилъ, какъ слѣдовало?

— Вы знаете, кому только у меня принадлежитъ право поцѣлуя...

— Тому, кто это право ставить выше всего на свѣтѣ...

Отрепьевъ какъ школьникъ расчувствовался — опустилъ одно колѣно передъ кокетливой барыней и припалъ своими толстыми губами къ ея бѣленькой ручкѣ...

Она отдернула руку... послѣ третьяго поцѣлуя.

— Не стойте! Не стойте!..

— Вы меня казните, моя богиня, ейбогу казните!

Съ минуту помолчали.

— Вы не дипломатъ, Мартынъ Ѳедорычъ...

— Къ сожалѣнію... -

— Зачѣмъ вы помѣшали дуэли изъ-за меня между Ухватневымъ и моимъ мужемъ? Вѣдь я знаю моего мужа, онъ убилъ бы наповальъ этаго наглеца...

— Если бы дѣло шло на кулакахъ — можетъ-быть; но на пистолетахъ... Могло случиться, что Ухватневъ положилъ бы вашего мужа... Я знаю Ухватнева...

— Ахъ, Мартынъ Ѳедорычъ! Ахъ, Мартынъ Ѳедорычъ! — Вѣра Михайловна покачала головою и сдѣлала такіе глаза, что изъ нихъ посыпались искры...

— Почему вы знаете, какъ бы я это приняла?

Отрепьевъ слегка ударилъ себя по лбу, какъ-будто сознавъ свой промахъ.

— О женщины! воскликнулъ онъ глухимъ, сдержаннымъ голосомъ...

— И посмотрите, сколько вы надѣлали глупостей: во-первыхъ помѣшали дуэли...

— Но, Вѣра Михайловна! я обиду принялъ на себя: мнѣ хотѣлось самому изъ-за васъ подраться... на жизнь и на смерть... доказать...

— Однакоже?

— Меня удержало мое общественное положеніе... я вспом-

нилъ, что не принадлежу себѣ... что на мнѣ лежитъ благосостояніе многихъ тысячъ людей... что...

— И къ чему жъ вы прибѣгли, чтобы разрядить свое рыцарство? Вѣдь вы положительно оборвались съ вашею рѣчью къ моему мужу...

«Не поздоровится отъ такихъ похвалъ!»

— Да, я промахъ далъ... я позабылъ, что онъ не любитъ тщеславиться своими добродѣтелями...

— Онъ возвратился отъ васъ взволнованный... на себя не похожій... и поклялся...

— Въ чемъ поклялся?

Отрепьевъ завертѣлся, точно припекли его на огнѣ.

— Онъ клялся передъ Богомъ...

— Вѣра Михайловна! Вѣра Михайловна! Вы насъ помирите... Флегонтъ Фалалѣвичъ меня не понялъ...

Вѣра Михайловна посмотрѣла на взволнованнаго гостя долгимъ, лукавымъ взглядомъ... Тотъ старался въ этомъ взглядѣ угадать ея настоящія мысли.

— Слушайте: я согласна, только на условіи...

— О, для васъ, Вѣра Михайловна, — все что благоденствуетъ подъ моею властію...

— Зачѣмъ такъ много? Я не требую такой жертвы... моя просьба гораздо скромнѣе...

— Считайте ее исполненною...

Вѣра Михайловна приняла самую обольстительную позу: коротенькое платье и широчайшій кринолинъ весьма тому способствовали.

Отрепьевъ таялъ — таялъ, какъ воскъ отъ огня...

— Я... не хочу... чтобы частный приставъ Безурядинскій оставался на службѣ... я просто хочу, чтобы его исключили изъ службы...

Просьба была неожиданна и странна; но Нулинъ не сталъ разбирать ее. Онъ скрестилъ на груди «могучія руки», принялъ позу бронзовыхъ героевъ на монументахъ, и воскликнулъ:

— Вѣра Михайловна! Такъ объ этомъ ваша просьба? Помилуйте! Для васъ хотѣлось бы совершить какой-нибудь великій подвигъ... завоевать Палестину и возвратиться съ пальмовою вѣтвью... А вы требуете такого пустого, мелкаго дѣла? Нѣтъ,

вы не избобрѣтательны!.. Мало ли мнѣ дано, что бы я могъ сдѣлать для хорошенькой женщины?

Вѣра Михайловна посмотрѣла на лисившаго передъ нею гостя взглядомъ, который показывалъ, что она приняла комплиментъ — какъ вполне ей принадлежащій...

— Но покажѣсть сдѣлайте хоть это... О причинѣ не спрашивайте...

— О, помилуйте, какія тутъ причины! можетъ-быть просто вашъ капризъ... для меня все-равно: вы требуете, я исполню...

— Смотрите же!

— Нѣтъ больше Безурядинскаго! И Отрепьевъ энергически провелъ пальцемъ по столу воображаемую черту, которою уничтожалъ, въ угоду недостойной женщинѣ, бѣднаго полицейскаго чиновника...

Въ вечеру того же дня въ залѣ благороднаго собранія былъ блестящій балъ.

Всѣ, кто могъ, пришли повеселиться, чтобы — по повѣрью — несъ годъ было весело. Дамы блистали нарядами; кавалеры выглядывали щеголями, на лицахъ ихъ сіяло довольство, даже у тѣхъ, которые поутру такъ неожиданно наскочили на горячую «начальническую» филиппику...

— Да что! говорили: собака лаетъ, вѣтеръ носить...

— А самъ-то хорошъ!

И отводя другъ-друга въ отдаленный уголокъ, перешоптывались между собою...

— Вѣдь это всему міру извѣстно... я разумеется только вамъ говорю... какъ откупъ предложилъ чрезъ одного жидка десять тысячъ монетою... нарочно выписали изъ далекаго города тако-го іуду, что зналъ пофранцузски и могъ объясниться дипломатически... на отечественномъ діалектѣ не посмѣлъ...

— Знаю-съ! Еще вышло недоразумѣніе: откупъ заплатилъ десять тысячъ на все трехлѣтіе, а онъ черезъ годъ требуетъ другія десять тысячъ: жидокъ, говоритъ, дурно пофранцузски объяснился...

— Гм!

— Какъ же, какъ же! Это вѣрно. Откупъ теперь сильно почесываетъ затылокъ: лучше, говоритъ, было прямо объяснить на отечественномъ діалектѣ...

— А это развѣ не взятка, — спрашиваю я васъ какъ просвѣ-

ценнаго челоуѣка, имѣющаго убѣжденія — развѣ не взятка, что шуры-муры неприличные для его сана, позавель съ барынями и изъ-за юбки на все готовъ? Это ужъ съ позволенія сказать развратъ, не только взятка...

И говорившій эвергически плюнулъ на сапогъ своего собесѣдника. Впрочемъ сказалъ pardon!

Много также толковали о вчерашней сценѣ на балѣ у Отрепьева, о предстоящей дуэли его съ Боярышниковымъ; утверждали, что дуэль будетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бывають конскія скачки, что будутъ драться ночью... что Отрепьевъ явится въ маскѣ, а Боярышниковъ въ каскѣ...

Какъ вдругъ Отрепьевъ и Боярышниковъ вошли чуть не рука объ руку въ залъ. Впереди ихъ, придерживая двумя пальчиками полу воздушнаго, сотканнаго изъ какихъ-то зефировъ платья, неслась Вѣра Михайловна: глаза ея щурились и сквозь густыя рѣсицы бросали искры, на устахъ сіяла улыбка...

Всѣ разступились, дали дорогу. Вѣра Михайловна сейчасъ ушла въ уборную, чтобы оправиться, а ея рыцари направились въ гостиную: Отрепьевъ остановился передъ дверью и любезно предложилъ Боярышникову войти первому; Боярышниковъ съ своей стороны уступалъ дорогу.

— Сдѣлайте одолженіе! настаивалъ Отрепьевъ.

— Нѣтъ-съ!.. я за вами...

Боярышниковъ повелъ рукою...

И въ гостиной они все были вмѣстѣ; въ лицахъ ихъ замѣчалась какая-то важность, разговоръ больше касался предметовъ, вызывающихъ на размышленіе...

— Я не понимаю Людовика-Бонапарта! говорилъ Отрепьевъ, поворачиваясь всѣмъ корпусомъ къ Боярышникову.

— Я также, говорилъ Боярышниковъ, поворачиваясь всѣмъ корпусомъ къ Отрепьеву.

— Помилуйте! погубить въ Италиі сто тысячъ солдатъ... цвѣтъ храбраго воинства, а дѣло все-таки рѣшать путемъ дипломатическимъ...

— Впрочемъ для чего же и сѣять салатъ, если не кушать? возразилъ Боярышниковъ...

— Но все-таки согласитесь, къ чему такая огромная прелюдія — на весь свѣтъ... если все дѣло кончилось пустою, домашнею сдѣлкою... за рюмкой мараскина?

— Я думаю, что это только интермедія, и Европѣ слѣдуетъ держать ухо на-сторожѣ... Она горько ошибется, если цюрихскіе переговоры приметъ за фивалъ.

— C'est le commencement de la fin! воскликнулъ Отрепьевъ тономъ Талейрана, сдвинулъ плечами и сдѣлалъ жестъ рукою.

Долго еще мудрые мужи разсуждали о предетоящихъ опасностяхъ Европы.

— Дуэли не будетъ! между тѣмъ шептались догадливые люди.

— Дуэль была уже! подхватывали другіе, еще болѣе прозорливые. — Вы развѣ не замѣчаете, Отрепьевъ прихрамываетъ на правую ногу?... нарочно замѣйте.

И тѣмъ, которые нарочно присматривались, въ самомъ дѣлѣ казалось, что Отрепьевъ прихрамываетъ.

— Гмъ! мычали: — можетъ-быть такъ сломалъ ногу!.. на лѣстницѣ!..

Но грянула музыка, Отрепьевъ пошелъ кружиться по залѣ съ мадамъ Боярышниковою; за нимъ понеслись другіе, и балъ кипѣлъ уже въ полномъ разгарѣ.

Еще въ залѣ шла мазурка, какъ почетныя особы, оставивъ общество, усѣлись въ гостиной вокругъ собраннаго стола и потребовали себѣ ужинъ.

Отрепьевъ и Боярышниковъ, весь вечеръ неразлучные какъ сіамскіе близнецы, сѣли и за столъ рядышкомъ; подлѣ Отрепьева Вѣра Михайловна, а за нею Каракалпаковъ и Ухватневъ. Объ остальныхъ умалчиваемъ.

Вѣра Михайловна старалась превзойти самое себя. Она была особенно въ духѣ; какимъ-то неудержимымъ торжествомъ проникнуты были ея рѣчи, ея движенія, какъ-будто въ этотъ вечеръ одержала она сто побѣдъ.

— Я вспомнила это *свой* Парижъ... точно такъ, какъ теперь: то-есть этотъ самый часъ ночи... но разумѣется не та обстановка, не то общество... pardon, messieurs!

— Вы насмѣхаетесь надъ нами? возразилъ Каракалпаковъ.

— Скажите, какое самолюбіе! Имъ правду отъ души говоришь, что никуда не годятся... а они принимаютъ за фарсъ.

— Pourquoi donc? процѣдилъ сквозь зубы Каракалпаковъ, потупляя глаза въ стаканъ съ виномъ, точно его вопрошалъ, да въ немъ же отвѣтъ обрелъ.

— Мартынъ Ѳедорычъ! вскрикнула неожиданно Вѣра Михайловна: — по уставу французской гастрономіи, только послѣ второго стакана позволяется кавалеру придавить ножку дамы... а вы?..

Отрепьевъ вытаращилъ глаза, но нашолся:

— Благодарю французскую гастрономію, а васъ вдвое за назначеніе короткаго срока.

— То-то же! но вамъ кажется и этого мало.

Вѣрѣ Михайловнѣ во что бы ни сталъ хотѣлось сдѣлать Отрепьева виноватымъ. Тотъ не смекалъ и смотрѣлъ глупо.

— Признавайтесь же... неспособный!

Она слегка ударила саповника салфеткой по носу и ждала, что тотъ скажетъ: очаровательная шалунья, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Но Отрепьевъ продолжалъ оставаться въ глупѣйшемъ положеніи (впрочемъ не по упрямству) и рѣшительно не могъ дать себѣ отчета, наступилъ ли онъ на ножку очаровательной сосѣдки или нѣтъ, и почему бы въ самомъ дѣлѣ не наступить? Едва этотъ вопросъ мелькнулъ въ его головѣ, какъ свѣча въ темной комнатѣ, онъ принялся усердно допивать первый стаканъ, чтобы взяться за второй ..

Отрепьевъ, если былъ и не очень уменъ, зато послѣдователенъ и правила гастрономіи наблюдалъ.

Вѣра Михайловна взглянула на него, нашла пошлымъ и отвернулась:

— Безнадежный!.. О Парижъ! о французы! Вы не повѣрите, господа, какая громадная разница между французомъ и тюленемъ: между этими двумя точками все величіе міра.

— Натурально, французъ образованный гражданинъ міра, заговорилъ Каракалпаковъ, а тюлень — морское чудовище.

— Даже если взять тюленя эмансипованнаго.

— Натурально.

Вѣра Михайловна посмотрѣла на Каракалпакова колкимъ взглядомъ, точно и его нашла «безнадежнымъ».

Мужъ ея тянулъ между тѣмъ чуть ли не десятый стаканъ, посоловилъ весь, и могъ стало наступать на ноги кому угодно.

Впрочемъ о сельскихъ почтахъ что-то все копошилось у него въ головѣ, какъ жукъ въ навозѣ.

— Господа! воскликнула Вѣра Михайловна: — обѣщаю канканъ, если вы напоите меня пьяною.

— Вотъ ужъ чего не ожидали! шутливымъ тономъ подхватилъ Ухватневъ: — да почему же это мы должны сегодня трагиться, когда до сихъ поръ канканы шли у насъ безъ издержекъ... даромъ... gratis?

— Ахъ, Боже мой! что за скряги! Боярышникова обвела всѣхъ сверкающими глазками. — Я нахожу, что канканъ въ трезвомъ видѣ безнравствененъ, а въ хмѣльномъ... естественъ.

— Побереглись сказать нравствененъ?

— Да откуда вы взяли, что я должна хлопотать о нравственности? Женщина, не имѣющая дѣтей, считается женщиной на особыхъ правахъ.

Боярышникова посмотрѣла на Ухватнева строгимъ взглядомъ, потомъ перевела его на Каракалпакова.

— Пуритане! сказала она.

— Тѣ развѣ, проговорилъ Каракалпаковъ (его была очередь), которые въ оперѣ выходятъ на сцену, а за сценой сбрасываютъ маски, кутятъ и готовы на все.

— Однихъ мыслей слѣдовательно съ вами, сказалъ Ухватневъ Вѣрѣ Михайловнѣ въ видѣ двусмысленнаго намека, и соорилъ чисто-ловеласовскіе глазки.

— Ну, ладно... бесѣда вяжется! — Боярышникова захлопала въ ладоши.

— Скажите, почему вы держите въ секретѣ, что ваша жена какъ двѣ капли воды похожа на императрицу Евгению? Правда ли, какъ говоритъ остроумный москѣ Каракалпаковъ, что изъ опасенія, чтобы Франція не приняла этого за обиду, и не пошла на Россію?

— Да, у меня тутъ есть вилы патриотическіе...

— Ахъ, какъ я глупъ! — подумалъ про себя Отрепьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ читатель видѣлъ, несчастный сановникъ за весь вечеръ не сказалъ ни одного умнаго слова...

— Ахъ, какъ я глупъ! подумалъ онъ, налилъ еще въ стаканъ краснаго вина, выпилъ, но нисколько не поумнѣлъ.

Въ дверяхъ показался прилично одѣтый во фракъ, въ бѣломъ галстухѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, хотя нитяныхъ, но все-таки бѣлыхъ, официантъ съ серебрянымъ полносомъ, на которомъ торчала маленькая толстенькая бутылочка и вокругъ

ея, по числу собесѣдниковъ, четыре миньютюрныхъ серебряныхъ стаканчика...

Съ важностью и соя на всю комнату, официантъ церемониальнымъ шагомъ направился прямо въ ту сторону, гдѣ возсѣдалъ Каракалпаковъ.

Тотъ съ важностью приподнялся, Ухватневъ скорчилъ улыбку; всѣ прочіе замолкли и устали глаза на церемонію.

Официантъ бережно опустилъ подносъ передъ Каракалпаковымъ. Бутылка была покрыта грязноватымъ мохомъ и какою-то жалкою плесенью, отъ которой несло не совсѣмъ пріятнымъ запахомъ.

— Ты не касался пальцами, дуракъ? съ чувствомъ нѣкотораго достоинства спросилъ Каракалпаковъ официанта, кидая въ то же время выразительные взгляды.

— Никакъ нѣтъ-съ... не прикасался...

— Мохъ и плесень, какъ были?

— Точно такъ-съ... ни одной крупинки не осыпалось...

Всѣ сидѣвшіе за столомъ молча слѣдили за происходившимъ; они походили на людей, ставшихъ совершенно неожиданно для нихъ свидѣтелями торжественной, но весьма таинственной и загадочной процессіи...

— Господа!

Каракалпаковъ приподнялся и окинулъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ; тѣ и дыханіе притаили.

— Позвольте угостить васъ столѣтнимъ токайскимъ...

— Представьте, подхватилъ Ухватневъ, въ цѣломъ краю на пространствѣ 15 т. квадратныхъ миль, съ тремя миліонами населенія, одна только бутылка и была, и славный въ доблестяхъ благородный другъ мой, Каракалпаковъ прибрѣлъ ее на вѣсь золота...

— Чтобы выпить за ваше здоровье... прибавилъ славный въ доблестяхъ Каракалпаковъ, обращаясь къ Боярышниковой.

— Не будете кричать «карауль?» спросилъ ее Ухватневъ.

— Фи! Вчера у васъ какія-то иглы были вмѣсто усовъ, сказала Вѣра Михайловна, щури глаза съ сатанинскимъ кокетствомъ.

— Сегодня ейбогу ихъ нѣтъ: усы просто пушистѣе со-
большаго хвоста!

Бутылка немедленно пошла по рукамъ : каждый хотѣлъ полюбваться вѣковымъ мохомъ.

— Тотъ самый , сказалъ Каракалпаковъ докторальнымъ тономъ , — тотъ самый , который покрываетъ развалины замковъ... стѣны древнихъ храмовъ... монументы великихъ людей...

— Чортъ его знаетъ ! подхватилъ Ухватневъ , у этого поддѣца Обдулина въ погребѣ есть уголокъ страннаго свойства : свѣжее вино , хотя бы вчерашней разливки , поставленное туда , приобретаетъ сразу свойство столѣтняго , покрывается мохомъ , плесенью... даже грибы вскакиваютъ...

Всѣ захохотали , какъ одинъ человѣкъ.

— Не хорошо-сь ! есть вещи , надъ которыми смѣяться не слѣдуетъ...

Каракалпаковъ съ недовольнымъ видомъ вырвалъ изъ рукъ Ухватнева почтенную бутылку , покрытую мохомъ.

— Вѣдь вы извѣстный Вольтеръ : ничему не вѣрите , прибавилъ онъ ворчливымъ тономъ , принимаясь разливать вино въ серебряные стаканчики.

— Я могу , если хотите , обратился онъ къ присутствующимъ , — рассказать самую исторію пріобрѣтенія... или лучше-сказать похищенія бутылки... Исторія романическая ! Вѣдь Обдулинъ украдъ ее... жертвовалъ жизнию... чуть не свернулъ себѣ шею... а ногу-таки повредилъ... прихрамываетъ...

Ухватневъ улыбнулся и посмотрѣлъ на своего благороднаго друга такими взглядами , на которые благородный другъ необходимымъ счелъ отвѣтить слѣдующее :

— Нечего вдаваться въ скептицизмъ... это такъ.

И онъ принялся рассказывать всю исторію съ подробностями , дѣлавшими честь его воображенію.

Вѣра Михайловна сдержала слово : послѣ ужина пошла канканировать , и канканировала съ такимъ искусствомъ , такъ развязно , какъ , разумѣется , ни одна великосвѣтская дама въ Пустырскѣ , гдѣ только-что возрождались парижскіе нравы , — и не подумала бы...

Отрепьевъ , глядя на предметъ своихъ увлеченій , таялъ въ жару восторга , и умилительно складывалъ руки ; Боярышниковъ смотрѣлъ со всѣмъ достоинствомъ мужа . Прочіе — кто плевалъ въ уголокъ , кто втихомолку заливался смѣхомъ... а были и такіе , которые à la Отрепьевъ приходили въ восхищеніе . Винные

пары, кружившіе имъ головы и представлявшіе всѣ предметы вверхъ ногами, не мало способствовали экзальтаціи.

При отъѣздѣ, въ передней, Отрепьевъ, провожая мадамъ Боярышникову, собственноручно накидывалъ ей на плечи собольи боа и какъ-то умудрился въ то же время поцѣловать ея ручку: «ароматная!» шепнулъ...

Отрепьевъ съ своею сентиментальностью доходилъ нерѣдко до пошлостей купеческаго сына.

Поодаль у стѣнки стоялъ, ни о чемъ не думавшій, частный приставъ Безурядинскій, дежурившій, по обычаю предковъ, въ залѣ собранія, на случай какихъ-либо скандаловъ...

Само собою разумѣется, канканъ въ эту категорію отнюдь не входилъ.

Вѣра Михайловна взглядомъ указала Отрепьеву на Безурядинскаго и проговорила пофранцузски:

— Не забудьте...

— О, завтрашній день съ этого начну... прежде чѣмъ умою лицо... отвѣчалъ Отрепьевъ на томъ же благовоспитанномъ діалектѣ.

Ухватневъ и Каракалниковъ еще оставались: потребовали *uits* и выпили; потребовали бѣлаго хересу и выпили; потомъ перешли къ шампанскому, съ которыми поступили такъ же благо разумно.

— Послушай, *mon cher*, сказалъ подполковникъ своему благородному другу: — ты мнѣ откровенно признайся: ты Вольтеръ?

— Вольтеръ.

Обыкновенно послѣ ужина благородные друзья сходились на ты, а къ утру, проспавшись, встрѣчались непременно на вы...

— Ты признайся откровенно — не вѣришь, что токайское было столѣтнее? Гм! вѣдь это значитъ мы, въ нѣкоторомъ родѣ вѣкъ проглотили?

— Не было никакого вѣка... Обдулинь подлець...

— Нѣтъ, ты скажи откровенно... мохъ откуда? наконецъ плесень?

— Отъ сырости, другъ мой: у него на стѣнахъ въ погребѣ грибы растутъ.

— Да вѣдь ты не шути, mon cher! я ему этого не прощу, я его потяну къ суду...

— Тяни теперь къ суду, когда до капли все выпили...

— Все равно... я готовъ на личную съ нимъ расправу... я на немъ палку поломаю... вѣдь ты знаешь, какъ я приобрѣлъ эту бутылку?..

— На вѣсъ золота...

— Нѣтъ, mon cher... шіеих que ça... я приобрѣлъ цѣною крови... крови!

Каракалпаковъ послѣднія слова произносилъ трагическимъ тономъ.

— Какъ цѣною крови?

Ухвативъ оперся рукою на столъ и поглядѣвъ на собесѣдника посоловѣвшимъ взглядомъ.

— Гм! я тебѣ, благородный другъ, только тебѣ скажу, и то потому, что за твое здоровье хорошо выпилъ и чувствую, что голова трещить и языка не могу сдержать...

— Если чортъ знаетъ что, такъ ты лучше не говори...

— Нѣтъ! Если бы сама гласность явилась передо мною, я бы и ей сказалъ: суди меня гласность... Благородный другъ! Вѣдь ты знаешь, я либераль... ейбогу либераль.. Я кромѣ «Русскаго Вѣстника» ничего теперь не читаю... Я даже самъ пошлю объ этомъ статью въ «Русскій Вѣстникъ».

— О чемъ?.. пей еще puits...

— Видишь, я тебѣ сказалъ, что честь дороже золота. Значить надо было сдержать слово. Денегъ въ карманѣ ни гроша, какъ обыкновенно ихъ не бываетъ у честныхъ людей. Къ счастью... видно Богъ уже хотѣлъ, чтобы честь моя осталась незаподозрѣнною... является ко мнѣ судопромышленникъ Затыркинъ... Плутъ естественный! заключилъ съ судорабочими какой-то договоръ, включилъ разумѣется условія, какія только душѣ его угодно и все въ свою пользу, все въ обиду рабочимъ... тѣ что знаютъ? народъ безграмотный... Ахъ, mon cher! надо ихъ учить грамотѣ, непременно надо: безъ грамоты они не имѣютъ никакого человѣческаго образа, скоты!.. По моему, если завелся на землѣ хотя одинъ человѣкъ, умѣющій читать и писать, всѣ остальные уже обязаны къ тому изъ чувства самосохраненія: иначе гра-

мотный будетъ ихъ водить за носы, надувать, обкрадывать...
не правду ли я говорю?

— Гм! ты ужъ объ этомъ напиши въ «Русскій Вѣстникъ»...
Чтожь дальше?

— Судорбочимъ этотъ подлець Затыркинъ навязываетъ такую работу, о которой у нихъ и въ поминѣ не было. Тѣ отказываются; онъ тычетъ имъ контрактъ... подають намъ жалобу... Меня, какъ самаго опытнаго и благонадежнаго человѣка, командировали, чтобы разобралъ... Я сейчасъ заѣхалъ къ Обдулину, спросилъ, что стоитъ бутылка столѣтняго токайскаго. Говоритъ 125 руб., меньше никакъ, себѣ дороже стоитъ. Вино бы еще пишто, да, говоритъ, поступокъ важенъ: укралъ съ опасностію жизни. Ты сейчасъ увидишь, какъ я умѣю держать слово чести. Я торговаться не сталъ: честь дороже золота. Сейчасъ налетѣлъ на пристань Затыркина. Сколько спрашиваю судорбочихъ? говоритъ подлець двадцать пять человѣкъ. Прекрасно! Не долго буду думать: усмирю разомъ! Давай по пяти рублей отъ каждаго. Оно такъ и выйдетъ: двадцать пять по пяти — сто двадцать пять, какъ разъ значитъ, что запросилъ Обдулинъ. Затыркинъ поломался, скотина, мужикъ, но подъ конецъ согласился. Я распорядился — усмирилъ мѣрами кротости — палкой до кости, говоря языкомъ поэтовъ.

Да не подумаетъ читатель, что Каракалпаковъ въ самомъ дѣлѣ распорядился «мѣрами кротости — палкой до кости». Совсѣмъ нѣтъ: просто Каракалпаковъ нослъ излишнихъ возліаній Бахусу любилъ прихвастнуть своими дѣянiями — одинаково, какими хотите...

— Вотъ на эти деньги, сказалъ онъ, я и купилъ вино... Ну, такъ не правду ли говорю, что цѣною крови?... цѣною крови!..

Каракалпаковъ наконецъ, какъ заклятой театралъ, совсѣмъ съѣхалъ на тонъ Отелло, разыгрываемаго на сценѣ:

— Крови, Яго, крови! закричалъ онъ и налилъ полный стаканъ лафиту.

IV

На другой день въ десять часовъ утра, еще почтенный градоправитель Фойтъ, случайный фаворитъ Отрепьева, не успѣлъ по

своему обычаю, побывать сперва въ «лондонской» гостиницѣ, чтобы выпить коньяку, а потомъ въ «депо» елисеѣвскихъ шинъ у купца Обдулина, чтобы хватить абсенту, и въ заключеніе спектакля представиться начальству съ рапортомъ о благополучіи города, — какъ словно снѣгъ на голову налетѣлъ на полицію Отрепьевъ.

— Частные пристава всѣ здѣсь? спросилъ онъ, пробѣгая рысистымъ бѣгомъ черезъ дежурную.

— Здѣсь! воскликнулъ дежурный, кинувшійся за нимъ, какъ угорѣлый...

— Безурядинскій?

— Здѣсь, ваше —ство!

— Созвать ихъ всѣхъ... Я сейчасъ начну ревизію... здравствуйте!..

Отрепьевъ влетѣлъ въ присутствіе: всѣ изумились его неожиданному появленію.

— Денежныя книги сюда!..

Книги поданы, «чиновники» собрались.

— Вотъ я васъ! всѣ грѣхи открою, отъ рожденія вашего и до сегодня... завтрашніе узнаю...

Отрепьевъ, перебрасывая листъ за листомъ, свирѣпо взглядывалъ на Безурядинскаго: тотъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

— Такъ, такъ!.. я это напередъ зналъ: поправки... подчистки... нѣкоторыя цифры зубами вырваны...

Отрепьевъ приложился къ книгѣ носомъ:

— Плутней пахнетъ... вездѣ плутня!.. за одинъ запахъ подъ судъ отдамъ... Здѣсь квитанціи нѣтъ... гдѣ она?

Отрепьевъ уткнулъ пальцемъ на какую-то расходную статью, и подвинувъ книгу по направленію къ Безурядинскому, бросилъ на него уничтожающій взглядъ...

— Книги не мов... Синькова .. заговорилъ Безурядинскій, наклонясь всѣмъ корпусомъ.

— Я васъ спрашиваю!.. Вѣдь вы общимъ скопищемъ свидѣльствуете...

— Во время свидѣльствованія квитанція была, съ нѣкоторою твердостью отвѣчалъ Безурядинскій.

— Врете!!! закричалъ не своимъ голосомъ Отрепьевъ и вскопчилъ съ мѣста. Глаза его налились кровью. Все лицо обезобразилось выраженіемъ злобы.

Безурядинскій, какъ ни храбръ былъ, обомлѣлъ. Синьковъ бросился въ сторону, снѣша спрятаться за спину письмоводителя, тогда какъ письмоводитель самъ былъ радъ спрятаться за чью-нибудь спину...

Фойтъ, какъ настоящей фаворитъ сильнаго сановника, съ полнымъ безучастіемъ къ происходившей сценѣ, покручивалъ только да пощипывалъ правый усъ и взглядывалъ на часы. Онъ глубоко чувствовалъ, что пора быть въ «лондонской», пора и къ Обдудину...

Отрепьевъ о немъ вовсе не думалъ: онъ все еще продолжалъ всматриваться сокрушительнымъ взглядомъ въ Безурядинскаго, который никакъ сообразить не могъ, чего отъ него хотѣли.

— Господинъ Колоколовъ! обратился Отрепьевъ къ своему секретарю, слышшему въ городѣ за человѣка честнаго и благороднаго.

Кстати, спрошу я мимоходомъ: какъ это бываетъ, что благородные, честные люди уживаются съ инымъ негодяемъ? Добро бы, собственныя ихъ нравственныя достоинства имѣли силу отраженія и парализировали неправильныя, уродливыя проявленія испорченной, дикой воли иного принцепала, но вѣдь этого не бываетъ: отраженія здѣсь скорѣе идутъ сверху внизъ, чѣмъ снизу вверхъ... Развѣ ужь этимъ людямъ нѣтъ на землѣ болѣе достойнаго мѣста? Или не дорожатъ они своимъ добрымъ именемъ и не прочь современемъ сами опуститься? Богъ ихъ знаетъ!

Колоколовъ — высокій, тощій субъектъ, съ бѣлокурыми волосами и съ жиденькими бакенбардами — выступилъ впередъ и наклонилъ голову...

— Вы, сказалъ ему Отрепьевъ повелительнымъ тономъ, сегодня же заготовьте отъ моего имени предложеніе, что я произвелъ ревизію дѣлъ въ здѣшней полиціи и необходимымъ послѣдствіемъ ея, для пользы службы, нахожу увольненіе г. Безурядинскаго отъ должности, и потому — понимаете?.. Бумага должна быть коротка и ясна.

Всѣхъ какъ громомъ поразило это неожиданное рѣшеніе. Синьковъ не находилъ мѣста за спиною письмоводителя; тотъ самъ не зналъ, куда дѣваться, пятился назадъ и немилосердно отдавливалъ ему ноги; болѣе всего угрожала опасность стекламъ окна, на которое напирали...

Не прятался ни за кого одинъ Безурядинскій.

— Позвольте, сказалъ онъ немного измѣнившимся голосомъ, водать по крайней мѣрѣ просьбу...

— Напрасно... вы истратите даромъ листъ гербовой бумаги.

Отрепьевъ смотрѣлъ на Безурядинскаго въ упоръ; лицо его дѣлалось желтымъ, сквернымъ.

— Квитанція... я постараюсь, хотя она и не на моей вѣнѣ.. будетъ отыскана...

— Да хоть бы ея вѣкъ не было!

Отрепьевъ взялъ фуражку, насунулъ ее на самыя брови и уѣхалъ.

Экипажъ загремѣлъ такъ, что задрожалъ въ полянѣ шкандъ съ законами, и они отъ сотрясенія покосились на сторону.

Всѣ обступили Безурядинскаго.

— Что это значить? спрашивали и переглядывались лугливыми взглядами.

— Я не знаю, отвѣчалъ Безурядинскій тихимъ голосомъ, убитый неожиданностью: — ничего не знаю...

— Я пойду... завтра... и объясню, что я... я виноватъ.. никто больше... Я не хочу, чтобы изъ-за меня отвѣчалъ мой товарищъ! началъ горячиться Синьковъ, который теперь былъ впереди всѣхъ: не хочу... я такой человекъ...

— Ахъ, оставь пожалуста! возразилъ Безурядинскій и махнулъ на него рукою... Ты не пойдешь, да если бы и пошелъ, что толку? Дѣло не въ тебѣ...

Безурядинскій сѣлъ на стулъ подлѣ стола и облокотясь на него рукою, взялъ другою перо — и пошелъ безсознательно черкать на бѣломъ листѣ бумаги: *милостивый государь... милостивый государь... проба пера* и т. п.

Надо сказать, что это былъ очень порядочный чиновникъ; его въ городѣ любили за расторопность, усердіе и дѣятельность. Если и были за нимъ маленькіе грѣшки, то именно маленькіе, на которые нельзя было не смотрѣть снисходительнымъ глазомъ, близко зная и хорошо понимая подобное положеніе иного мелкаго чиновника. Онъ еще болѣе выигрывалъ въ сравненіи съ прочими, особенно съ такими, какъ Синьковъ.

Общественное мнѣніе было совершенно въ его пользу. Общественное мнѣніе можетъ-быть тѣмъ и хорошо, что, чуждое сухого, неразборчиваго ригоризма, входитъ въ положеніе, соображаетъ

возможности, громче вонять о самых причинахъ, чѣмъ о случайныхъ, порождаемыхъ ими явленіяхъ. Здѣсь часто судъ основанъ на началѣ терпимости, на чувствѣ близкой сердцу человечности...

Поэтому неудивительно, если нашлись люди изъ вліятельнаго, сильнаго своимъ общественнымъ положеніемъ круга, которые явились къ Отрепьеву съ ходатайствомъ за Безурядинскаго, хотя послѣдній ихъ объ этомъ и не просилъ.

— Единственный, говорили ему, единственный у насъ въ полиціи чиновникъ, къ которому общество имѣетъ довѣріе!..

Отрепьевъ охотнѣе вѣжливо принялъ предстателей, усадилъ ихъ въ комфортабельныя кресла, предложилъ благовонныя сигары и сказалъ тономъ полной рѣшительности, точно она у него вытекала изъ самаго непреложнаго убѣжденія:

— Господа! не препятствуйте мнѣ пользоваться моею властью, моимъ правомъ... какъ моимъ карманомъ. Я уважаю общественное мнѣніе, но не забудьте, я занимаю такой постъ... я не могу... я не долженъ подчиняться голосу улицы... возгласамъ торговой площади... ни даже хору вашего благороднаго клуба.

И благовоспитанный, высокаго образованія мужъ, Отрепьевъ быстро свернулъ рѣчь на другія, ближе занимавшіе его предметы:

— Читали, господа?

И съ глубокомысленной, тонкою, дипломатическаго свойства улыбкой, онъ указалъ на лежавшія передъ нимъ газеты:

— Тувенель отозванъ!.. Какъ повиноваться намъ этого Людовика-Наполеона? меня удивляетъ одно, какимъ образомъ въ наше время, такъ глубоко сознательное для всякой самостоятельности, и личной и общественной, сильное убѣжденіями права и свободы, можетъ еще одинъ человѣкъ господствовать надъ всѣми, прибирать къ своимъ рукамъ всѣ нити старой, опытомъ уже искусной Европы и перебирать ими, заставляя ее плясать по его мысли, какъ картоннаго китайца?.. Гм! или уже и въ самомъ дѣлѣ Европа, какъ увѣряютъ новѣйшіе публицисты — тотъ же Китай, и ей понадобился свой богдыханъ? Да помиуйте, господа! и Китай противъ всякаго чужевластия идетъ стѣною!.. Кстати: въ Шангаѣ опять дѣла... поздравляю!..

Съ чѣмъ тутъ поздравлялъ Отрепьевъ гостей, — не знаемъ.

Они побрались за фуражки. Благовоспитанный сановникъ проводилъ ихъ еще въжливѣе, чѣмъ принялъ.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ правитель канцеляріи Колоколовъ, съ толстымъ портфелемъ въ рукѣ, и поклонился.

— Предложеніе о Безурядинскомъ готово? спросилъ Отрепьевъ.

— Я, ваше —ство, именно по этому дѣлу... Квитанція найдена.

— Кто васъ объ этомъ спрашивалъ?

— Безурядинскій не виновать...

— Ахъ, Боже мой! закричалъ Отрепьевъ самымъ недовольнымъ голосомъ: — вмѣсто дѣла, вы чортъ знаетъ что говорите...

— Ваше —ство!

Правитель канцеляріи подошелъ поближе; Отрепьевъ вонзилъ въ него ястребиный взглядъ.

— Если дать предложеніе о увольненіи Безурядинскаго безъ прошенія, за беспорядки по полициі, — онъ можетъ жаловаться. Важныхъ преступленій за нимъ нѣтъ, беспорядки не отъ него...

— Ну вотъ! Вы пришли, какъ мѣфистофель, разочаровать меня! вводите въ скептицизмъ. Никогда не дѣлайте этого!

— Ваше —ство, Безурядинскій не виновать...

— Слышали мы это...

Отрепьевъ взялъ со стола зубочистку и приваялся ковырять въ зубахъ: онъ былъ послѣ завтрака...

— Вѣрно у Безурядинскаго хорошенькая жена, и вы въ нее влюблены... она васъ просила о мужѣ: въ такомъ случаѣ не надѣйтесь на успѣхъ интриги...

Колоколовъ не выдержалъ: улыбнулся.

— Ваше —ство! настаивалъ онъ.

— Да перестаньте, прервалъ его съ нетерпѣніемъ Отрепьевъ. Развѣ вамъ неизвѣстно, что такого чиновника, какъ Безурядинскій, замура глаза, можно уволить: ужь непременно въ жизни своей проказилъ!.. Помилуйте вы меня!..

Отрепьевъ, засунувъ обѣ руки въ карманы брюкъ, откинулся всѣмъ корпусомъ на спинку кресель и устремилъ на правителя канцеляріи долгій, испытывающій взглядъ.

Колоколовъ зашолъ съ другой стороны :

— Генераль-губернаторъ , сказалъ онъ , — у насъ такъ строгъ , придирчивъ , требуетъ все справедливости , законныхъ во всемъ основаній... входитъ въ разборъ всякой жалобы , хотя бы она была отъ самаго незначительнаго лица , доискивается истины...

Отрепьевъ началъ краснѣть и , пока Колоколовъ говорилъ , продолжалъ всматриваться въ него рѣзкимъ , испытывающимъ взглядомъ .

— Вотъ еще недавно — сами изволите знать — Фойтъ побилъ квартальнаго Филатова... Кажется и очень маленькій чинъ , а пожаловался генераль-губернатору — тотъ нарядилъ цѣлую комиссію для производства строжайшаго слѣдствія .

— Да что вы все хотите бросать мнѣ подъ ноги камешки ?

Отрепьевъ схватился съ креселъ и пошолъ шагать по комнатѣ .

— Слабый человекъ ! Васъ пугаетъ то , что Безурядинскій будетъ жаловаться ! Правда , для насъ съ вами предвидится лишняя переписка : надо будетъ объясняться ! Въ этомъ вы очень дальновидный секретарь... Будьте же вмѣстѣ и находчивы : тоже секретарское , неотъемлемое достоинство... Рекомендую !.. Поищите-ка , вѣтъ ли лазейки , въ которую можно бы пролѣзть , чтобы куръ душить... припомните басню Крылова : « Лиса-строительница » . Нельзя ли обойти проселкомъ ? да нельзя ли и по столбовой прогуляться ?

Отрепьевъ все ходилъ по комнатѣ , осыпалъ правителя вопросами , какъ хмѣлемъ , и время отъ времени стрѣлялъ въ него выразительными взглядами...

— А ? Хорошо ли вы понимаете границы моей власти ? мое умѣнье пользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ ? Нѣтъ ли такой точки , съ которой я могъ бы рѣшить все однимъ ударомъ ?..

Тутъ Отрепьевъ , съ заложенными въ карманы брюкъ руками , остановился передъ правителемъ и вознилъ въ него острый взглядъ :

— Ну-те ?

Правитель замялся .

— Такъ я васъ научу !..

Т. IV. — Отд. I.

Онъ склонилъ голову набокъ, какъ пристяжной конь, и закружилъ по комнатѣ...

— Прикажете привести изъ канцеляріи 3-й томъ свода законовъ.

Правитель исчезъ, черезъ четверть часа сказанный томъ былъ принесенъ. Отрепьевъ съ видомъ опытнаго знатока законовъ, быстро перебросилъ нѣсколько страницъ и, открывъ книгу на той, на которой была нужная статья, поднесъ ее почти къ самому носу правителя.

— Читайте: 1239 статья... Читайте вслухъ...

— Чиновниковъ, кои... почему-либо не благонадежны, или сдѣлали вину, извѣстную начальству, но такую, которая не можетъ быть доказана фактами, предоставляется начальникамъ увольнять по своему усмотрѣнію и безъ просьбы ихъ во всякое время года.

— Слышите?

— Начальствамъ вмѣняется въ обязанность *приступить къ этому съ достодолжною осмотрительностію, не допуская ни пристрастія, ни личности...*

— Этого не надо, этого не читайте! прервалъ Отрепьевъ правителя: дальше!..

— Тѣ чиновники, кои будутъ просто уволены, по усмотрѣнію, безъ просьбы, на такое распоряженіе не могутъ жаловаться, и всѣ ихъ жалобы не только должны быть оставляемы безъ всякаго дѣйствія и движенія, но не должны быть вовсе принимаемы къ разсмотрѣнію.

— Закройте книгу; довольно.

— Но, ваше — ство, настоящій случай сюда не подходит — осмѣлился замѣтить правитель, да и не радъ былъ: Отрепьевъ посмотрѣлъ на него такимъ взглядомъ, какого онъ никогда еще и не видывалъ въ жизни...

— Вы потеряли всякое сознаніе... не хотите понять меня... Какого вамъ надо еще случая, когда здѣсь никакого не требуется? Если не хотите исполнять вашихъ обязанностей, — подавайте сами въ отставку...

Послѣ такого ультиматума, честный и благородный человекъ, или по крайней мѣрѣ слышій за такого, господинъ Колоколовъ поклонился низко и ушелъ...

Впрочемъ въ передней, онъ очень расходился :

— Это чортъ знаетъ что! кричалъ онъ : — я не хочу послѣ этого служить... мнѣ противно быть слѣпымъ орудіемъ несправедливости! Заковъ такъ предусмотрительно и ясно обязываетъ избѣгать пристрастія и личности, а у насъ чортъ знаетъ что! Тьфу!...

Черезъ часъ однако онъ уже докладывалъ бумагу о увольненіи частнаго пристава Безурядинскаго вовсе отъ должности, за вину его, которая хотя не можетъ быть доказана фактами, но извѣстна начальству...

Въ настоящемъ случаѣ подъ словомъ начальство, какъ сообразительный читатель можетъ и самъ заключить, разумѣлась Вѣра Михайловна Боярышникова — очень кокетливая барыня... съ побѣдоносными взглядами... танцующая на вечерахъ канканы...

V

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, когда послѣ обѣдни народъ густою массою двинулся изъ церкви, — кто шолъ молча, думая только поскорѣе выбраться, кто разглядывалъ по сторонамъ, ища знакомыхъ, находилъ ихъ и раскланивался, а кто уже столкнулся съ другомъ—пріятелемъ и вполголоса переговаривалъ о томъ, что—молъ сколько народу, или что славную нынче проповѣдь сказалъ отецъ Иринарій, — на паперти, какъ только толпа, по выходѣ изъ тѣснаго притвора, разбилась на мелкія отдѣльныя группы, мадамъ Боярышникова неожиданно столкнулась съ мадамъ Безурядинской, женой бывшаго за два, за три дня передъ тѣмъ расторопнѣйшаго, исправнѣйшаго въ городѣ частнаго пристава.

Боярышникова, какъ всегда, въ пышномъ, раздутомъ нарядѣ, сверкающая побѣдоносными взглядами и распространяющая вокругъ себя цѣлый океанъ благоуханій...

Безурядинская, какъ никогда еще, печальная, грустная, съ тупымъ, безразличнымъ взглядомъ въ глазахъ, скромно, бѣдно одѣтая и къ довершенію всего, даже безъ кринолина...

Вѣра Михайловна окинула ее зловѣщимъ, пожирающимъ

взглядомъ и съ извительною улыбкой, сквозь немного попорченные зубы, проговорила :

— А, мадамъ Безурядинская! поблагодарите за память: я васъ узнала, хотя вы на себя не похожи: блѣдны, печальны... и — Боже мой! кринолинъ бросили? а вѣдь онъ у васъ бывалъ такъ широкъ... такъ широкъ...

Оторопѣвшая отъ неожиданности — ибо обѣ дамы не были знакомы, а особенно на столько, чтобы при первой встрѣчѣ завязать короткій разговоръ о блѣдности лица и о кринолинѣ, — Безурядинская смѣшалась и не знала, что отвѣчать. Да ей и не дали собраться :

— Помните? сыпала ядовитыя фразы гордая аристократка: — въ тогъ вечеръ... мы съ вами кажется пари держали, начальница ли я вашему мужу, или не начальница? А вѣдь пари я выиграла! Ну, да Богъ съ вами...

Къ церкви подлетѣлъ съ громомъ экипажъ Отрепьева; онъ выскочилъ съ быстротою пущенной стрѣлы и весь разсыпался въ привѣтствіяхъ передъ своею обожательницей.

— Господи! воскликнулъ онъ: — сколько вы мнѣ надѣлали хлопотъ! по всѣмъ церквамъ ищу васъ... Что вамъ вздумалось забраться сюда? Вы всегда хаживали въ нашъ приходъ... Заѣлъ вѣдь только народъ черный... съ вами могъ сдѣлаться обморокъ.

— Ахъ, Мартынъ Федорычъ! заговорила Боярышникова, строя томные глазки и перемѣняя тонъ съ гордаго, рѣзкаго, какимъ говорила съ Безурядинскою, на сентиментальный и унылый: — я сегодня... что-то страшно не по себѣ... меня томитъ какое-то новое, небывалое, тучею облегающее чувство... я искала облегченія въ молитвѣ... я на колѣняхъ, со слезами молилась... а вѣдь вы не дали бы мнѣ въ вашей церкви помолиться?

— Разумѣется... но что съ вами?

— Гм! Развѣ эти неясныя ощущенія передаются на словахъ? я сама не знаю... тоска... дайте руку... просто, мнѣ душно... я въ лѣсъ хочу.

У Отрепьева въ глазахъ искорки забѣгали.

— Зачѣмъ же дѣло? Солнце, небо, воздухъ и вы — все такъ божественно. Вотъ экипажъ мой, вашъ отправимте домой... ѣдемъ въ степь, въ лѣсъ. Вамъ непременно надо освѣжиться.

— А мужъ мой, мужъ..?

— Фи!

— C'est un monstre... Oh! je suis une pauvre femme... я такъ робка нынче, я такъ дика сегодня...

— Въ лѣсъ! въ лѣсъ!..

Отрепьевъ почти на рукахъ понесъ даму къ своему экипажу и усадилъ; кучеру ея громко крикнулъ «ступай домой», а своему еще громче «ступай въ лѣсъ!»

Въ четырехъ верстахъ отъ города былъ небольшой лѣсокъ, пріютъ всѣхъ романическихъ заблужденій...

Безурядинская, озадаченная до-нельзя неожиданнымъ обращеніемъ къ ней Боярышниковой, нѣсколько мгновеній оставалась неподвижною, какъ статуя, и въ какомъ-то размышленіи.

— А! вспомнила, вспомнила! произнесла она вслухъ и почти бѣгомъ пустилась домой.

Въ то время мужъ ея ходилъ по комнатѣ съ однимъ пріятелемъ, завернувшимъ навѣстить его въ бѣдѣ, пожималъ все плечами и говорилъ съ небольшимъ дрожаніемъ въ голосѣ:

— Нѣтъ, не могу придумать, какъ ни перебираю въ умѣ всѣ свои дѣйствія — ничего такого не нахожу, за что бы слѣдовало удалить...

— А знаешь что? воскликнула Надежда Павловна (такъ звали жену Безурядинскаго), вбѣгая къ нему въ страшномъ волненіи: — я открыла причину.

Она рассказала про свою встрѣчу съ Боярышниковой и прибавила:

— Помню, помню! недѣли три тому назадъ, въ собраніи, я подошла къ диванчику, на которомъ раскинулась Боярышникова, и сѣла рядомъ у другого угла: она взглянула на меня самымъ наглымъ и презрительнымъ взглядомъ, отъ котораго вся душа моя пришла въ негодованіе.

— Вы, говорить, мнете мнѣ дорогое платье.

— Я, говорю, и не касаюсь...

— Не вы, но вашъ башнеподобный криолинъ: это еще хуже... такъ-таки и сказала. Я, говорить, прикажу вашему мужу снабжать васъ криолинами поуже, чтобы не компрометировалъ свою службу.

— Я ей отвѣчаю: мужъ въ мои вкусы не мѣшается, мой кри-

ноины не могут компрометировать его службу, и вы не начальница приказывать ему.

Она посоловѣла отъ злобы.

— Я не начальница? закричала почти на всю залу: — я здѣсь всему начальница! я докажу это на вашемъ мужѣ...

Безурядинскій и пріятель въ одинъ голосъ подхватили:

— Ну, и доказала!..

М. СТОПАНОВСКІЙ

ПЛАЧЪ ДѢТЕЙ

(изъ поэмы Елизаветы Барротъ Брѳонингъ «THE CRY OF THE CHILDREN»)

О мои братья! слышали ли вы жалобы
Бѣдныхъ, усталыхъ дѣтей?..
Плачутъ!.. И нѣтъ съ ними той, что прижала бы
Съ ласками къ груди своей...
Вотъ они: скрывши лицо межъ колѣнями,
Плачутъ... А счастье и радость вездѣ:
Въ рощцахъ лани играютъ съ оленями,
Птички щебечутъ въ пушистомъ гнѣздѣ...
Здѣсь же, о братья! — межъ нами, свободными
И развитыми людьми,
Мать разливается — плачетъ съ голодными,
Тяжко больными дѣтьми...

«О!» стонутъ дѣти: «устали, устали мы!
«Гдѣ ужъ намъ, бѣднымъ, играть?
«Въ полѣ сейчасъ же въ траву бы упали мы,
«Да, мы упали бы... спать.
«Наши колѣни трясутся... Усталые,
«Бродимъ мы тише слѣпыхъ и калѣкъ, —
«Вѣки слипаются... жимолость алая
«Кажется бѣлой, какъ утренній снѣгъ.
«Цѣлый-то день мы на фабрикахъ, бѣдныя,
«Около машинъ стоимъ,
«Цѣлый-то день рукоятки ихъ мѣдныя
«Мы все вертимъ... все вертимъ...»

«И съ колесá не подъ силу тяжелаго
«Холодомъ насъ обдасть —

«Словно тисками кто жметъ наши головы,
 «Словно кругомъ все идетъ...
 «Полъ, потолокъ, в рѣшотки оконныя,
 «Блѣдное небо въ высококомъ окнѣ,
 «Черныя мухи, что бродятъ, какъ сонныя,
 «Матовый лучъ, что скользитъ по стѣнѣ...
 «Мы, надрываясь безумнымъ рыданіемъ,
 «Молимъ : «постойте хоть часъ !» —
 «Но, издѣваясь надъ нашимъ страданіемъ,
 «Вѣютъ колеса на насъ...»

Стойте же! пусть отдохнуть хоть мгновение,
 Руки другъ другу сожмутъ :
 Это не жизнь, а ея умерщвленіе ;
 Это вѣдь казнь, а не трудъ !
 Пусть на сіяніе солнышка яснаго
 Взглянуть глазами, не полными слезъ ;
 Пусть ихъ узнаютъ, что много прекраснаго
 Въ жизни есть, кромѣ вертѣнья колесъ !..
 Нѣтъ! загудѣла машина громадная !..
 Полноте, дѣти, стонать :
 Знать не измѣнится жизнь безотрадная...
 За колесомъ изнывать...

В. КОСТОМАРОВЪ

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ ДОКТОРА (*)

Позвольте, господа, за неимѣніемъ ничего собственнаго, предложить вашему вниманію чужое, которое однакожь я имѣю полное право назвать своимъ. Извините, что я начинаю какъ бы мистификаціей; что дѣлать, таковъ случай. А именно:

Въ послѣдній нашъ громаднѣйшій пожаръ, когда я, полуживой отъ болѣзни и горя, стоялъ у оврага и одурѣлымъ взоромъ слѣдилъ за исполняемыми клубами огня и дыма и за трагическими подробностями ужасной картины, — пожарный ураганъ, вмѣстѣ съ пепломъ, искрами и другими мелочами, кинулъ мнѣ почти въ руки тетрадь. Какъ не чуждый такихъ предметовъ, я съ перваго раза узналъ, что это чей-то дневникъ. Безъ особенной цѣли и намѣренія, я свернулъ его — и въ карманъ. Впослѣдствіи, разбирая на досугъ, я увидѣлъ, что это журналъ какого-то доктора; но чей именно, я никакъ не могъ и до сихъ поръ не могу догадаться. И такъ какъ подобнаго рода предметы не считаются цѣнными, то я, безъ опасенія быть обвиненнымъ въ воровствѣ на пожарѣ, оставилъ этотъ журналъ у себя, тѣмъ болѣе, что объявить о немъ чрезъ газеты или полицію я считалъ немного смѣшнымъ и бесполезнымъ.

Изъ этого-то журнала я и осмѣливаюсь предложить вамъ отрывки. Я очень буду счастливъ, если вы найдете что-нибудь оригинальное въ мысляхъ моего доктора.

«20 марта 184...» Но позвольте мнѣ опускать года и позвольте предувѣдомить, что откровенныя изліанія моего доктора, по разности чиселъ, носятъ разный характеръ слога, — что вѣроятно зависить или отъ разности погоды, въ которую писалъ докторъ, или отъ разнаго пищеваренія, или отъ разныхъ домашнихъ, кухонныхъ, столовыхъ, кабинетныхъ, спальныхъ и другихъ обстоятельствъ. Слѣдующій сію минуту сеансъ такъ написанъ, что ему

(*) Статья эта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была читана авторомъ въ обществѣ любителей русской словесности, въ Казани. Въ рукописи ей дано заглавіе: «О пользѣ медицины». «Громадный пожаръ», о которомъ упоминаетъ авторъ на первыхъ строкахъ, былъ пожаръ 1842 года, когда выгорѣла почти вся Казань.

можно поставить въ заглавіе: *Ипохондрической жолчный пароксизмъ нервнаго свойства*. Вотъ онъ.

ОТРЫВОКЪ I

ДОКТОРЪ ХАНДРИТЬ

«... Какая досада! такъ бы всёхъ и изгрызть. Проклятый геморой! привалилъ къ печени, распёръ ее — и жолчь, я думаю, такъ ручьями и льетъ въ кишки... Чортъ бы все это взялъ! Пусть бы печень надувалась и отдувалась; да кчему жъ мнѣ всему-то, цѣлымъ моимъ несчастнымъ существомъ терпѣть и страдать? Хоть бы душа-то осталась спокойною. Ну что у нея общаго съ печенью? что за родня, что за знакомство, что за связь? Ну, можно бы ей, какъ существу духовному, и не подчиняться этой безсмысленной гемороиальной печени — такъ нѣтъ! клубится въ печени жолчь, — и всё мысли, всё чувства такъ и обливаются жолчью... На что ни взглянешь — такъ досадно, что мочи нѣтъ. И свѣчи-то кажется горять лѣниво, и салотопъ-то мошенникъ вѣрно подмѣшиваетъ много бараньяго сала, и Ванька-то бездѣльникъ всегда беретъ такихъ гадкихъ свѣчъ... Охъ, этотъ Ванька! Счастье его, что я медикъ! Не знай я этихъ проклятыхъ печеней и гемороевъ, я бы задалъ ему трезвону безъ зазрѣнія совѣсти, безъ всякихъ оглядокъ на печень и геморой! За то ужъ онъ навѣрно оглядывался бы. Я цапъ-шилса бы надъ нимъ за все про все — и за ваксу, и за табакъ, и за все прошлое и настоящее, да еще надавалъ бы ему въ задатокъ и на будущее время. Отвелъ бы я надъ нимъ душечку! Оно можетъ и легче бы было. Можетъ-быть, усердное движеніе правой руки около Ванькина рыла, приведя въ сотрясеніе правое подреберье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и печень, повытряхнуло бы изъ меня лишнюю жолчь. Такъ вотъ нѣтъ! когда бы надобно дѣйствовать — у меня тутъ печень въ глазахъ: мнѣ мерещится, какъ она заливается кровью, какъ напряженно работаютъ печеночныя зерна, какъ жолчь, густая и черная, пробирается черезъ свой уюткообразный протокъ въ двѣнадцатиперстную кишку и въ конецъ концовъ... и къ довершенію Ванькина счастья, право совѣстно бѣсноваться, когда понимаешь, что все это — и свѣчи, и лавочки, и Ванька, кажутся досадными потому только, что у меня теперь, вѣроятно передъ дурной погодой, расходился геморой въ печени...

«Дѣлать нечего. А не на шутку досадно, что я познакомился съ медициной. Много надѣлала она мнѣ пакостей. Началось съ того, что послѣ перваго взгляда на распластанный человѣческій трутъ долго не могъ я взять куска говядины въ ротъ. Подаютъ бывало

сочный, чудесный, ароматный филей — а мнѣ какъ на зло вспомнися, что такое же мясо и жиръ я видѣлъ и въ трупѣ. И долго мой бѣдный желудокъ, по милости перваго знакомства съ анатоміей, лишался лакомыхъ порцій казенной говядины... Потомъ, когда я вызубрилъ остеологию, синдесмологию, міологию и всѣ прочія логи, — лицо человѣческое, зеркало души, превратилось для меня въ нескладный наборъ мышцъ, костей и связокъ. И тяжело, и грустно было видѣть во всемъ этомъ простую механическую куклу... Вѣкъ не забыть мнѣ этого одолженія медицины! Тутъ всѣ мои прежнія понятія, все внутреннее существо мое перевернулось вверхъ дномъ. И долго я не могъ придти въ порядокъ... Потомъ я узналъ, что всѣ люди больны, а во мнѣ самомъ, казалось, пировали, какъ вѣдьмы на шабашѣ, всѣ болѣзни, какія вычисляются въ терапіяхъ... Однимъ словомъ, что лекція, то одолженіе, что часть, то новая радость. Къ увеличенію досады, всѣ мошкетеры Кузнецкаго моста звали насъ не иначе какъ живодерами, и словно по духу узнавали, проклятыя! А сколько еще татары, мужики и лакеи досаждали! Бывало, уткнувши носъ въ трупъ, вечеромъ со свѣчкой сидишь въ анатомическомъ театрѣ, и забудешь задернуть занавѣсъ у окна (а окно было невысоко отъ земли и выходило въ переулокъ, по которому много шаталось вышеупомянутыхъ достопочтенныхъ особъ), — вотъ и подойдетъ сначала олимпъ зѣвака, потомъ другой, да и цѣлая толпа собралась; глядь — и стоятъ всѣ, выпуча бѣлымы, и смотрять то на трупъ, то на меня, какъ на вампира, упивающагося кровью человѣческой... Тьфу! не могу вспомнить безъ досады объ этихъ глухихъ рожахъ...

«Да не легко было переносить и ту мысль, что я принадлежу къ какой-то ужасающей кастѣ. А за все спасибо медицинѣ!.. Къ совершенію благополучія, я, какъ-будто въ подтвержденіе пословицы: *à force de forger on devient forgéon*, сбѣлался рѣшительно книгоѣдомъ — или запискоѣдомъ, потомучто мы по общей модѣ, продолжающейся и до сихъ поръ, учились по запискамъ, — «заразился школьнымъ честолюбіемъ», и кончилось тѣмъ, что съ полученіемъ первой изъ трехъ золотыхъ медалей я получилъ чудеснѣйшую хандру... да, именно чудеснѣйшую: въ двадцать пять лѣтъ отъ роду я рѣшительно потерялъ способность радоваться!

«Нечего сказать, доконала меня моя избранная медицина! Конечно, въ этомъ много участвовало и скверное, тѣсное, неопрятное помѣщеніе, и трудъ не по силамъ, притомъ трудъ однообразный, и недостатокъ освѣжительнаго развлеченія; но занимайся я не медициной, не будь у меня безпрестанно и въ головѣ и предъ глазами одни трупы и больные, т. е. смерть и болѣзни со всѣми ужасами

страданій, не будь у меня подъ носомъ вонь и смрадъ, — и увѣренъ, что отъ однихъ казенныхъ клоповъ, отъ комнатной вони, духоты и прочихъ принадлежностей дурного помѣщенія меня не постыдила бы такая милая хандра. Товарищи по другимъ факультетамъ занимались не меньше моего, а между тѣмъ цвѣли какъ макъ.

«Нѣтъ, что ни говори, а этой хандрой я обяванъ болѣе всего медицинѣ. Да оно иначе и быть не можетъ: по общимъ, непреложнымъ законамъ природы, мы сродняемся съ тѣми предметами, которыми безпрестанно занимаемся. Посмотрите на тунгуса-звѣролова: онъ самъ настоящій звѣрь; посмотрите на приказнаго, безпрестанно обращающагося съ ябедами и увертками — какъ часто онъ превращается въ знакъ вопрошенія! солдатъ — олицетворенное оружіе въ крѣпкой рукѣ власти. Оно, я говорю, иначе и быть не можетъ. Если тереть серебро съ мѣдью, одно покраснѣетъ, другое поблѣдетъ. Какъ же хотите, чтобъ человѣкъ, занимающійся постоянно болѣзнями, не носилъ на себѣ и въ себѣ печать болѣзненности?»

«— Иванъ! а Иванъ! дай пожалуйста стаканъ воды.

«Тьфу, какая разсѣянность! Что хотѣлъ только сказать, то и написалъ. Ну, такъ тому и быть. Марать не буду.

«Вотъ теперь послѣ стакана воды полегче. Жолчь успокоилась немного. А впрочемъ... вотъ бьетъ восемь часовъ — это такое время дня, въ которое всѣ нервнаго характера раздраженія стихаютъ или перемежаются. Ну, да отчего бы ни было, да полегче — такъ и слава Богу.

«Однакожь я все-еще не могу помириться съ моей медициной. Въ самомъ дѣлѣ, убила она во мнѣ много, а что принесла взамѣнъ этихъ лишениій? Жены и дѣтей у меня нѣтъ, дома нѣтъ, денегъ нѣтъ, земли и угодьевъ нѣтъ никакихъ, крестьянъ нѣтъ, ничего нѣтъ. Развѣ одинъ чинъ статскаго совѣтника... Немного! Какъ подумаешь да погадаешь, такъ поневолѣ вздохнешь. И этотъ вздохъ уже кажется будетъ не отъ геморридальнаго стѣсненія въ груди!.. Поглядишь какъ на статскихъ совѣтниковъ по другимъ частямъ — почиваетъ божіе благословеніе! И брюшко приличное почтенному сановнику, и жена, и дѣтки, и хорошецкій домикъ, и деньжонокъ порядочно... а выихъ Господь благословляетъ и сотенками тысячь и сотенками душъ. Странно! И пусть бы это было со мной однимъ, или съ подобными мнѣ горемыками, которымъ не дается практика: такъ нѣтъ! вся наша братья въ опалѣ у фортуны; самые богатые медики едва ли имѣютъ сто тысячь капитала. А посмотрите, между купцами и чиновниками сколько миллионеровъ. Да портные и сапожники богаче медиковъ, а табачные и спичные фа-

бриканты и гораздо. Кто жъ тутъ виновать, если не медицина? Она приучаетъ насъ къ этой филантропіи, вслѣдствіе которой мы слома голову летимъ по первому призыву, хлопчемъ изъ всѣхъ силъ, какъ бы поправить разстроенный желудокъ какого-нибудь объѣдалы или привести въ порядокъ нервы избалованной капризницы; истошаемъ все терпѣніе, употребляемъ въ дѣло все знаніе, приобретаемое долгимъ, тяжелымъ трудомъ; и чтожь награды за эту самую деликатную, самую добросовѣстную услужливость, за выручку изъ такой бѣды, которая того и гляди отправила бы *ad patres* или на вѣкъ оставила бы калѣкой? Синенькая... красненькая... а много-много сотенная. Покорно благодаримъ! Да статскіе совѣтники другихъ приходовъ получаютъ подарочки десятитысячные. А за что? Да за то, что иначе вы потеряете сотни тысячъ. Вы можете умолять ихъ сколько угодно: говорите пожалуй, что въ правомъ дѣлѣ вашемъ и честь и жизнь вашего семейства, что несправедливое рѣшеніе убьетъ васъ: да имъ-то что? вѣдь они не медики; они не для того живутъ, чтобы облегчать страданія другихъ, а для собственнаго благополучія. Отчего же медики-то не хотятъ поступать такимъ образомъ? Въ ихъ рукахъ, казалось бы, самая выгодная и драгоценная тяжба, тяжба противъ смерти о здоровьѣ, котораго медикъ можетъ лишитъ однимъ почеркомъ пера, и притомъ безъ всякой опасности быть за это подъ судомъ. Неужели они боятся общественной опалы или публичнаго презрѣнія? Эхъ, Боже мой! да гдѣ же это видано, чтобы богатый человѣкъ, какъ бы онъ ни нажилъ богатство, былъ презираемъ въ обществѣ? Развѣ у антиподовъ такъ водится. У насъ, слава Богу, много тому противныхъ примѣровъ на глазахъ. А медики тогда и были бы богаты, да вдобавокъ имъ же еще больше и кланялись бы... самыя красавицы бы-ли бы къ нимъ посписходительнѣе, не стало бы имъ пахнуть отъ медиковъ госпиталямъ или трупомъ; а ужъ модистки конечно не называли бы медицинскихъ студентовъ живодерами. Такъ нѣтъ! далась имъ эта филантропія. А все медицина!.. И странная вещь: наука строгая, сухая, разочаровывающая или, какъ въ толпѣ говорятъ, матеріализирующая человѣка; наука, на которую съ недовѣрчивостью смотрятъ моралисты и которой они боятся какъ чумы, — эта наука ведетъ къ такому несребролюбію, къ такой сострадательности, къ такой готовности пособить каждому... Тутъ что-нибудь да не такъ. Гм!.. Пстой, выпью водки.

«Да, прекрасная вещь — алькооль съ горькими экстрактами, не только противъ холеры, но даже и противъ перваго раздраженія отъ гемороя. Какое пріятное, щекочащее и разнѣживающее чувство разливается по всему тѣлу! Ну, право, такъ бы и поцѣловаль

кого нибудь. Вотъ и вспомнишь о женѣ... вотъ и опять вспомнишь о медицинѣ... Вотъ и опять стоитъ предъ тобой угрюмо-строгая медицина... Охъ медицина, медицина!

«А впрочемъ, если разобрать дѣло порядкомъ и добросовѣстно, такъ медицина едва ли виновата въ недостаткѣ у меня на лицѣ постоянного складочнаго мѣста для вѣжностей. Оно правда, будь я насчетъ этой матеріи съ прежними, до-медицинскими понятіями, когда, пропитанный платонизмомъ, романтизмомъ, идеализмомъ, спиритуализмомъ и прочимъ нематеріализмомъ, главное физическое достоинство дѣвушки я полагалъ въ томъ, чтобъ она какъ можно больше была перстляута и интересно блѣдна, а главнымъ условіемъ красоты считалъ томность въ голубыхъ очахъ и непремѣнно чудесные, очаровательные локоны; главнымъ умственнымъ достоинствомъ — способность мечтать при лунѣ, при ручейкѣ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ; главнымъ достоинствомъ нравственнымъ — ту безпредѣльную красоту, которая одинаково-сладко улыбается и человѣку порядочному и ничтожному, и доброму и плуту: одинаково опасается оскорбить, даже подозрѣнїемъ, и благородное сердце, и кучера ворующаго овесъ; однимъ словомъ ту, которая вызываетъ непритворные возгласы въ кухняхъ и двусмысленные въ салонахъ: «ахъ, какъ она добра! что это за ангелъ!» и т. п.; — оставайся, говорю я, при этихъ понятіяхъ, такъ конечно я былъ бы давно женатъ, и можетъ-быть не одинъ разъ. И безъ сомнѣнїя, главною причиною моего антиромантическаго образа мыслей была медицина, доказавшая мнѣ, или лучше моимъ глазамъ, что подъ узенькими корсетами больно чахлы и вялы печенки, составляющія фундаментъ жизни; что въ такихъ печенкахъ легионъ болѣзней, которому нѣм *истерика*... и безъ сомнѣнїя, это всего болѣе охладило мои порывы къ женитьбѣ. Да чтожь за бѣда? я не думаю, чтобы слаще моего одиночества было то супружество, гдѣ для возбужденія томныхъ, утопающихъ въ цѣгъ очей нужно созерцаніе крѣпко-спиртныхъ романовъ; для дѣятельности чуть дышущей груди потребны очень спиртуозныя эссенціи въ родѣ уксуса четырехъ разбойниковъ; для желудка — пряное поваренное искусство, а для домашняго дружества модный докторъ. Оно можетъ-быть для другихъ такое супружество — рай, да для меня адъ. Оно можетъ-быть, что другихъ и тѣшитъ вылѣзающее изъ-подъ узенькихъ корсетовъ жиденькое поколѣнїице, тотчасъ требующее лекарствъ — или отъ золотухи, или отъ англійской болѣзни; да мое чувство, какъ мужчины и гражданинъ, тѣшится только ребятами крѣпкими, цѣпкими, кровь съ молокомъ. Такъ зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ сердиться на медицину, если она только уяснила мнѣ, что

отъ брака, требуемаго общепринятымъ понятіемъ о приличіи, я ничего не могу ожидать, кромѣ горя, горя и горя? Во мнѣ, я знаю, много дурныхъ соковъ; доколѣ я холостъ, организація остается въ какомъ-то неполномъ ходу, въ ожестѣломъ и затвердѣломъ состояніи, и дурные соки, застоившись, не слишкомъ тревожатъ; но женись я, и возьми въ жоны узенькій корсетъ, тогда и пойдетъ исторія! Обыкновенно у мужчины и женщины съ хорошими соками отъ супружества фибры дѣлаются мягче въ тѣлѣ и появляется полнога, сопровождаемая вообще какимъ-то чарующимъ, успокоительнымъ довольствомъ; а у такихъ, какъ я, и у всѣхъ узенькихъ корсетовъ, какъ скоро начнутъ зачерствѣлыи фибры мякнуть, какъ только начнеть распускаться корсетъ, — всѣ дурные соки, не могущіе обратиться въ полноту, и пойдутъ бродить, и пойдутъ искать себѣ выхода, и начнутъ метаться то въ печень, то въ голову, то въ легкія и проч.: и вотъ у мужа геморроидальная раздражительность, а у жены истерика — и пошла потѣха!.. И попадись подъ это броженіе бѣдный зародышъ: сколько дурныхъ соковъ перелъется въ него! Несчастный будущій человекъ!

«Случается конечно, что дурные соки повторными крпзисами — то въ видѣ гемороя, то въ видѣ лишаи, то лихорадки, то самою беременностью, — словомъ, такъ или иначе очистятся, и организація перебродится; только это рѣдко бываетъ. А чаще броженіе длится во всю жизнь — или оттого, что мужъ и жена, взаимно другъ другу услуживая различными неудовольствіями, мѣшаютъ хорошему ходу процессовъ; или оттого, что дурное качество соковъ — врожденное и слѣдственно неистребимое. Еще хорошо, когда худосочные мужъ и жена чувствуютъ то влеченіе другъ къ другу, которое вообще называется симпатією и которое происходитъ изъ инстинктивного сознанія необходимости одной организаціи въ другой, для лучшаго развитія обѣихъ: тогда они хоть и мучатся взаимно, но въ то же время и лечатъ другъ друга. На этомъ, мимоходомъ сказать, и основывается то нерѣдкое явленіе, что мужъ и жена хоть и живутъ какъ кошка съ собакой, но не могутъ разстаться, — супружескій запой на всю жизнь. А если они сошлись по расчету или вслѣдствіе ложной симпатіи, т. е. случайно, отъ болѣзни происшедшаго, согласнаго я хочу сказать, взаимно полезнаго настроенія въ своихъ организаціяхъ, тогда ихъ раздоръ переходитъ просто въ отвращеніе другъ къ другу.

«Да, какъ ни думай, а на медицину я кажется не имѣю права сердиться за свое одиночество. Медицина только уяснила мнѣ вліяніе брака на тѣло и нравственность; она только убѣдила меня — какъ въ томъ, что огонь жжется — что если я выберу жену не въ минутыг

лучшаго состоянія моего здоровья , а подѣ влияніемъ эротическаго раздраженія или отъ гемороя , или отъ чесотки , или катарра , или ревматизма и т. д., т. е. не подѣ влияніемъ здоровой симпатіи , а болѣзненной , — то я долженъ отъ супружества ожидать и результатовъ физическихъ и нравственныхъ не здоровыхъ , а болѣзненныхъ , не наслажденія , а мученія. Вотъ она была бы виновата , если бѣ подобно нѣкоторымъ ученіямъ внушала вѣру , что весь результатъ брака — минутныя повременамъ удовольствія , за которыя глупцы платятъ полнымъ пожизненнымъ содержаніемъ человѣкъ иногда до двѣнадцати. Такъ совсѣмъ нѣтъ : медицина , напротивъ , выставила мнѣ бракъ въ самомъ привлекательномъ видѣ . Она доказала мнѣ и всѣмъ другимъ , кому угодно повнимательнѣе прислушаться къ ней , что бракъ — необходимое условіе для полнаго , возможно лучшаго развитія организма. А это стоить , кажется , всей жертвы , потому что тутъ заключается и доброе здоровье , и здравый умъ , и долговѣчность , и нравственное совершенство , и все земное счастье ; да тутъ же порука и за будущее блаженство , обѣщанное добрымъ исполнителямъ воли Творца. Такъ чтожъ ? Кто же виноватъ въ моемъ одиночествѣ ? Неужели я самъ со своими болѣзнями ?.. Покорно благодарю ! Ужъ лучше всю вину на судьбу свалить : она оттерпится — правыкла !

«А нечего грѣха таить , сильно иногда хотѣлось жениться , сильную повременамъ я чувствовалъ симпатію то къ блондинкамъ , то къ брюнеткамъ , то къ тоноголубымъ , то къ чернымъ жгучимъ взорамъ , то къ пышнымъ , какъ лебѣжій пухъ , то къ полурозовымъ матовымъ персямъ... точь въ точь какъ и мой капризный желудокъ то таетъ отъ взгляда на паисную икру , то сгараетъ по виаземской коврижкѣ , то жаждетъ лимонаду , то мучится желаніемъ водки...

«Да , разныя у меня были симпатіи , и не легко было выносить ихъ натискъ . И безъ шутокъ говоря , едва ли не больнѣ выдержать напоръ болѣзненнаго желанія , чѣмъ вытерпѣть какое-нибудь лишеніе здоровому человѣку . Больно , когда рѣжутъ здоровую плоть ; но вестерпимѣе , когда рѣжутъ больное мѣсто . Тяжело выносить голодъ здоровому человѣку ; но не дай Богъ испытать болѣзненный , волчій голодъ . И я бьюсь объ закладъ , что всѣ Вертеры и Шарлоты , Абельры и Элоизы страдали любовью однородною съ волчьимъ голодомъ . Ну , такъ чувствительная слеза надъ такими романами — справедливая дань состраданія ! Только не совѣсто ли господамъ романистамъ выставять напоказъ подобныя болѣзни въ привлекательномъ видѣ , какъ что-то возвышенное въ человѣческой природѣ ? Вѣдь это значитъ вербовать легкомысленную молодежь въ секту кружащихся дервишей или въ число курителей опиума .

«Впрочемъ, я кажется зафантазировался и касаюсь интересовъ спекуляторовъ... вѣдь это все равно что коснуться злоупотребленія виновныхъ откуповъ: на меня, какъ на отца Матѣе, обрушатся и винокуры, и откупщики, и цѣловальники, да и самыя пьяницы... Лучше замолчать.»

ОТРЫВОКЪ II

ДОКТОРЪ РЕЗОНИРУЕТЪ

«...Замѣчено, что медики недолговѣчны. Не лежитъ ли въ основаніи этого явленія то обстоятельство, что уже самая склонность къ медицинѣ у посвящающихъ себя этой наукѣ есть инстинктивное сознаніе слабости своего здоровья и желаніе узнать средства къ укрѣпленію его? Эту догадку подтверждаетъ и то извѣстное явленіе, что усердно занимающіеся чтеніемъ медицинскихъ книгъ, не-медики, обыкновенно бываютъ больные, ипохондрики; подтверждаетъ и тотъ общій законъ, что всякій гонится въ жизни всего болѣе за тѣмъ, что инстинктивно или сознательно считаетъ необходимымъ для своего счастья. А для слабой организаціи самое необходимымъ — здоровье.»

«Если мои догадки справедливы, то въ болѣзненности и смертности меликовъ надобно обвинять не медицину. Притомъ, сколько мнѣ извѣстно, посвятившіе себя медицинѣ не столько по любви къ наукѣ, сколько по расчету, обыкновенно бываютъ счастливые практики, здоровые, долговѣчные, хотя, мимоходомъ сказать, наука-то отъ расчетливыхъ практиковъ меньше выигрываетъ, чѣмъ отъ своихъ хилыхъ любителей. Интересъ не такъ радѣетъ, какъ любовь. А Впрочемъ, еслибы даже и въ самомъ дѣлѣ занятія медициной такъ много убивали здоровья и сокращали жизнь, то мнѣ кажется, медики отъ этого не въ проигрышѣ. Медицина съ лихвой награждаетъ своихъ любителей за жертвы для нея. Не знаю, можетъ-быть я въ глазахъ другихъ похожъ на кулика-манегириста своему болоту; но мнѣ кажется, что ни одна наука не направляетъ ума и сердца такъ вѣрно къ цѣли христіанства, какъ паша матеріальная, разочаровывающая медицина. Она такъ математически вѣрно, такъ сильно убѣждаетъ въ важности здоровья, выставляя его краеугольнымъ камнемъ блаженства земного и вѣрною ступеню къ небесному, что съ удовольствіемъ откажешь отъ всѣхъ глупостей, которыя на церковномъ языкѣ называются грѣхами и которыхъ обыкновенные спутники — болѣзни. Ну, станетъ ли кто-нибудь для удовольствія ѣсть мышьякъ? А медику всякій глупый поступокъ, и физическій и нравственный, именно и кажется мышьякомъ, отравой здоровья. Конечно, и не-ме-

люди знают и говорятъ, что грѣхъ или нарушение закона вредны: да они только знаютъ и говорятъ, а не убѣждены. Человѣкъ во вредъ чего убѣжденъ и вѣрить, не будетъ того дѣлать: такъ напримѣръ вѣрить, что огонь жжется, — безъ сомнѣнія, не будетъ соваться въ него; а если мы видимъ, что грѣха не боятся, какъ огня не боятся, какъ мышьяку, — такъ значить плохо вѣрять вредности его.

Дѣйствительно, надобно знать медицину, чтобъ всѣми пятью чувствами, осязательно убѣдиться, что ни одно нарушение законовъ жизни не проходитъ безъ болѣзни. И я право не понимаю, отчего моралисты боятся медицины? Она кажется можетъ укрѣпить, а не ослабить, вѣру въ спасительность добродѣтели. Ужъ не оттого ли, что вѣра, рождаемая медициной, похожа на вѣру Фомы, на вѣру отъ чувствъ? Конечно, медицина не вѣритъ на-слово. Но мнѣ медицина для нравственныхъ наукъ такъ же важна, какъ статистика для политическихъ, и даже еще больше, потому что у статистики нѣтъ языка — одна числа, а у медицины есть свой языкъ, и языкъ самый убѣдительный, потому что матеріальный, а не отвлеченный. Мнѣ даже странно и то, почему медицинскій языкъ не примуть за всеобщій, между тѣмъ какъ простой, общій смыслъ долженъ бы указать ученымъ, что съ человѣчествомъ лучше объясняться на медицинскомъ языкѣ. Посмотрите, какимъ языкомъ выражается народъ, когда встрѣчаются два человѣка и изъясняютъ участіе одинъ въ судьбѣ другого. Никто не спроситъ: добры ли вы? или блаженствуете ли вы? а всѣ говорятъ: здоровы ли вы? Въдѣ эти всѣ три вопроса совершенно тождественны въ сущности, потому что добродѣтель, блаженство и здоровье находятся въ неразрывной, причинной зависимости другъ отъ друга; и спросить: здоровы ли вы? значить освѣдомиться о добродѣтельномъ направленіи жизни или блаженствѣ человѣка медицинскимъ языкомъ. Отчего же, повторяю, учителя народа не говорятъ съ нимъ на медицинскомъ языкѣ? Вѣроятно не оттого, что хотятъ покуражить и помудрить, а просто-на-просто оттого, что не знаютъ медицинскаго языка. А стоило бы знать. Я увѣренъ, что въ литература и философія, въ общемъ ихъ значеніи, чрезвычайно бы выиграли отъ того. Правда, что новѣйшіе философы признали для своихъ усилъховъ необходимымъ знать физиологію, а въ парижской академіи наукъ дается медицинѣ философское кресло; правда, что въ литература разсталась уже съ луною, ручейками и розами, и начала поглядывать въ кухню и погребъ, начала освѣдомляться объ удобствахъ квартиръ и проч., въ маленькой ножкѣ уже различаетъ и форму, и цвѣтъ, и важность ея, а въ хорошенькомъ лачикѣ ищетъ соотношенія формы

съ проявленіемъ мысли и чувства, — по все это мало, чтобы пріобрѣсть популярность и дѣйствовать на массы. Изъ такихъ выходовъ на матеріальномъ языкѣ столько же можно научиться жить хорошо, сколько можно научиться кораблестроенію изъ извѣстной русской пословицы: «тяпъ да ляпъ, такъ и будетъ корабль». Изъ тяпъ да ляпъ немного поймешь, какъ надо тяпать да ляпать, чтобы сляпать корабль. Точно такими же общими возгласами: «дурное жилище, или худая пища разстроиваютъ здоровье» и тому подобными, немного научишь людей распорядиться жилищемъ и пищею съ полною пользою для жизни. Вѣдь и безъ этихъ возгласовъ всякій старается, чтобы какъ можно получше поѣсть и чтобы какъ можно удобнѣе выстроить домъ; да въ томъ-то и дѣло, что желая избѣгнуть зла, прямо попадаютъ въ него. А отчего? Да оттого, что всему этому учатъ общими, отвлеченнымъ языкомъ.

«Нѣтъ, господа, если хотите учить жить счастливо, такъ учите на языкѣ понятномъ для всѣхъ, на языкѣ матеріальномъ, а главное — примите по-медицински за основу добраго житья доброе здоровье. Пусть это будетъ музыкальнымъ ключемъ всѣхъ вашихъ піесъ. Тогда вы увидите, что барышни перестанутъ затягиваться въ корсеты до полусмерти, не будутъ пить укусы, чтобы казаться эфирными и интересно блѣдными, не станутъ употреблять китайскую пытку для своихъ ногъ. Дамы будутъ находить достоинство и наслажденіе въ воспитаніи своихъ дѣтей собственнымъ молокомъ, а не соками какой-нибудь прощолхи, и за то будутъ имѣть кровныхъ дѣтей, а не батардовъ... и много, много переживутся; а затѣмъ перестанутъ страдать и той скучною когортой истерикъ, отъ одной мысли о которыхъ замираетъ сердце у всякаго здравомыслящаго мужчины, намѣревающагося быть мужемъ или состоящаго таковымъ на-лицо. Тогда чиновники перестанутъ полагать источникъ благополучія въ удовлетвореніи честолюбія, потомучто они увидятъ, что гоняясь за нимъ и работая чрезъ мѣру они награждаются однимъ гемороемъ, а эти не лучше истерикъ. Кушцы и всѣ алчущіе богатства увидятъ, что полагать счастье въ прямой пропорціи съ количествомъ сокровищъ значитъ быть, думать и говорить ничуть не умнѣе того мужика, который сказалъ однажды, что если бъ онъ былъ царемъ, то сталъ бы ковномъ въ сѣно. Крестьяне, состоя въ добромъ здоровьѣ, останутся довольны своей участію и не полезутъ въ городскіе обыватели, на явные страданія физическія и нравственныя. Однимъ словомъ, всѣ перестанутъ ломать зубы о золотого тельца, увидѣвъ и увѣрившись, что это золото, а не быкъ, что какъ его ни грызи, а все не будешь сытъ. А главное — наши юноши, наши дѣвѣтъ и надежда, избавятся отъ своей тяжелой хандры, перестанутъ

отживать не отживши, отцвѣтать не расцвѣтши, полюбить жизнь какъ она есть, и не будутъ вздыхать о своихъ идеалахъ, порожденныхъ вашимъ идеальнымъ языкомъ. Только сдѣлайте милость, не обманывайтесь въ понятіи о здоровья и не доводите людей до гипертрофіи (*), полнокровія и ожирѣнія. Иначе опять бѣда, иначе опять тѣ же истерики у дамъ, тѣ же геморои у мужчинъ, то же разочарованіе у юношей. Опять понадобятся и новомодныя кареты, и новомодный докторъ, и опять мужьямъ падо будетъ забывать и долгъ и совѣсть, и опять тотъ же адъ вмѣсто рая...

ОТРЫВОКЪ III

ДОКТОРСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Письмо доктора къ Александру ***.

Письмо твое отъ ... числа я получилъ. Благодарю тебя за твою готовность дѣлаться со мною сердцемъ. Очень радъ, что твое давнее желаніе — сблизиться съ семействомъ Нотовыхъ, исполнилось. Дай Богъ, чтобы надежды твоя сбылись; дай Богъ, чтобы мечты твои осуществились. Это желаніе счастья тебѣ такъ же искренно, какъ искренна была всегда моя къ тебѣ дружба. Но позволь и мнѣ попрежнему подѣлаться съ тобой моими задушевными мыслями; позволь мнѣ откровенно тебѣ признаться, что ты кажется спѣшишь видѣть въ этомъ знакомствѣ зарю своего счастья. Смотри, не северное ли это сіяніе? разгляди хорошенько. Смотри простыми глазами, а не сквозь призму воображенія. Вѣдь бѣда, если послѣ окажется, что ты зарево принялъ за существенность, мишуру за золото. А признаюсь, мое сердце что-то не бьется отъ радости за тебя, когда я передумываю все что ты пишешь о семействѣ Нотовыхъ. Горько мнѣ высказывать тебѣ всѣ опасенія мои, тяжело дѣлать операцію разочарованія; но я боюсь, чтобы послѣ и мнѣ, и тебѣ не было тяжело. И я тѣмъ болѣе довѣряю своимъ опасеніямъ, что они основываются на вѣрныхъ данныхъ — на неизмѣнныхъ законахъ природы. А на чемъ ты основываешь надежды твоего счастья? На отрывкахъ понятій отвлеченныхъ!..

Но чѣмъ объясняться общими мѣстами, лучше позволь мнѣ фи-

(* *Гипертрофія* — болѣзненное увеличеніе какого-либо органа въ человеческомъ тѣлѣ. При вскрытіи трупа оказывается напр., что печень необыкновенно раздута, велика: печень въ этомъ случаѣ «гипертрофирована», по выраженію медиковъ.

эпидемиологически-критическимъ образомъ пересмотрѣть твои основанія. Ты увидишь всю ихъ шаткость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю основательность моихъ опасеній и то превосходство физиологій передъ другими науками въ рѣшеніи общихъ и частныхъ жизненныхъ вопросовъ, о которомъ мы такъ часто шутили спорили.

Ты пишешь, что Нотовъ — коммерціи совѣтникъ, человѣкъ для своего состоянія образованный, пользуется общимъ уваженіемъ и за свое богатство и, какъ тебѣ кажется, еще болѣе за свои общечеловѣческія качества. Все это прекрасно; но вотъ что мнѣ непріятно. Ты пишешь, что онъ мало занимается семействомъ и даже его радостями, что для него и занятіе и наслажденіе — въ своей конторѣ, въ этой коммерческой обсерваторіи, гдѣ онъ обыкновенно весь погружается въ спекуляціи и расчеты. Знаешь ли, какъ эта исключительность важна въ моихъ глазахъ? Для тебя это только немного странно, немного оригинально; а для меня — увы! это ложка дегтю въ бочкѣ меду. Ты поймешь меня и повѣришь, что тотъ человѣкъ дурно устроенъ, у котораго одна нога въ бревно, а прочія части тѣла какъ спицы; что такой человѣкъ — уродъ, и не можетъ имѣть ни хорошей силы, ни хорошаго здоровья, потому что тутъ являть пропорціи ни въ распредѣленіи жизненной силы, ни въ распредѣленіи соковъ. Ну, такъ пойми же и повѣрь, что и слишкомъ большой перевѣсъ какой-нибудь умственной или моральной способности есть также уродливость; только въ мозгу, подъ черепомъ, не видна, но такъ же сильно ручается за диспропорцію распредѣленія соковъ по тѣлу и такое же сильное доказательство дурного здоровья. Ты самъ же далѣе говоришь, что Нотовъ по временамъ сильно хандритъ и капризничаетъ. Конечно, въ обыкновенномъ быту это не считается и болѣзнию; да въ обыкновенномъ быту мало ли болѣзней не считается болѣзнями, точно также какъ многіе пороки не считаются пороками. А Нотовъ все-таки боленъ. Я согласенъ, что его болѣзнь еще не изъ важныхъ; да здѣсь важно то, что основаніе его болѣзни, какъ видно, врожденное, наследственное, которое скорѣе передается дѣтямъ, чѣмъ приобретенное. Хорошо, если Нотовъ не передалъ свою диспропорцію дочкѣ; а если передалъ? Еще не слишкомъ много будетъ бѣды, если онъ по наследству свою мозговую диспропорцію передалъ въ томъ же видѣ, какъ самъ получилъ: тогда твоя возлюбленная, при самомъ дурномъ направленіи, можетъ сдѣлаться не больше какъ маленькой воровкой, а при хорошемъ она будетъ только меркантильно-аккуратная экономка, которая того и гляди зареется въ крохахъ, тряпкахъ и огаркахъ. А если диспропорція въ мозгу у дочки распредѣлится иначе, и перевѣсъ падетъ на какую-нибудь другую спо-

способность, положимъ хоть на половую привязанность, — какъ ты думаешь, что въ этомъ случаѣ можетъ выйти изъ дочки? Охотница приставлять рога!

Я не говорю обо всемъ этомъ навѣрно; я только показываю тебѣ, почему мнѣ не нравится односторонность г. Нотова и почему она особенно важна для тебя, простирающаго видъ на его дочь. Даже можетъ-быть, что у твоей Машеньки случилась такая диспропорція въ способностяхъ, которая доставитъ ей титулъ и славу генія или музыкальнаго, или литературнаго, или даже математическаго, какъ мадамъ Гершель, или дипломатическаго, какъ леди Стэнгопъ; можетъ-быть она будетъ наслаждаться рукоплесканіями цѣлой Европы, а ты... ну, ты будешь вкушать при этомъ тѣ наслажденія, которыя обыкновенно пристекаютъ изъ синихъ чулковъ всякаго покроя...

Нѣтъ, не приведи Богъ имѣть женой какого-нибудь генія, ни добраго, ни злого. Геній — тяжелый даръ и для мужчины, а въ женщинѣ онъ для мужа и дѣтей наказаніе божіе, — разумѣется для мужа какъ ты, нищущаго въ женѣ подругу, усладу жизни, а не для мужа спекулирующаго черезъ жену или мономана. Въ подиору себѣ рекомендовалъ-бы я тебѣ прочитать любую изъ біографій великихъ людей, да тамъ рѣдко касаются семейныхъ драмъ, разыгрывающихся подъ вліяніемъ генія; а если и касаются, то съ намѣреніемъ или безъ намѣренія такъ, чтобы не скомпрометировать публичный кумирь. Слѣдовательно я поневолѣ долженъ опираться на одни общіе, и то фیزیологическіе законы.

— Да по вашимъ фیزیологическимъ законамъ, скажешь ты, обладать геніемъ — несчастье для человѣка? По вашему геній — уродливость, болѣзнь, мономанія? По вашему пантеонъ великихъ людей — домъ сумасшедшихъ? Ваша фیزیологія проповѣдуетъ только посредственность!

Ахъ, ахъ! что ты, Александръ! ради Бога тише говори. Тебѣ хорошо кричать, когда ты знаешь, что за тебя толпа; да мнѣ-то, любезный, неловко. Еслибъ насъ слышали только медники, или пожалуй хоть и всѣ, по студентскому нарѣчію, естественники, то мнѣ нечего бояться, кромѣ развѣ жаркаго спору; а то кричать такъ, во услышаніе всѣхъ православныхъ, особенно когда нынѣ такой урожай на геніевъ! — Помилуй, братъ! да меня просто цстерзаютъ. Вѣдь говорить такъ рѣзко объ этомъ столько же опасно, какъ и анатомировать человѣческой трупъ на глазахъ черни. Я только тебѣ по дружбѣ показываю закулисную пружину, отъ давленія которой геній хоть стонеть, да скачетъ въ поученіе и наслажденіе публики. Да притомъ ты не совсѣмъ логично и кричишь. Положимъ, что ты

въ правѣ дѣлать вышесказанныя тобой замѣчанія (я не беру ихъ на себя) о физиологическомъ значеніи генія, т. е. что онъ уродъ, что онъ болѣзнь и проч.; но ты ужь слишкомъ предирчиво навязываешь физиологій сравненіе пантеона великихъ людей съ домою сумашедшихъ. Физиологія никогда не сравнивала его даже съ кунсткамерой, не смотря на то, что эти два заведенія совершенно однозначительны для нея; не сравниваетъ потому, что знаетъ, что польза отъ кунсткамеры только для нея, а отъ пантеона и для другихъ наукъ. Потому, ты уже вовсе несправедливо винишь физиологію въ проповѣдываніи посредственности. Напротивъ, она высоко цѣнитъ развитіе духовныхъ способностей, но только пропорціональное, гармоническое, а не во вредъ тѣлу. Она противорѣчила бы самой себѣ, своимъ интересамъ, если бы проповѣдывала посредственность, огрубѣніе. Она очень знаетъ, что съ огрубѣніемъ духовной жизни непременно пойдетъ ровнымъ шагомъ и огрубѣніе тѣла, роль болѣзненности: а это противъ ея главной практической цѣли — способствовать здоровью. Нѣтъ, она хочетъ и даже требуетъ, чтобы въ человѣчествѣ совершенствовались способности, но спокойно, всѣ вмѣстѣ: и умственные, и нравственные, и тѣлесныя; чтобы человѣкъ былъ и уменъ, и добръ, и здоровъ; чтобы эти три основныя качества были въ круговой поруцѣ другъ за друга, синонимы, а не исключали бы одно другое, какъ это болѣею частью ведется до сихъ поръ.

Что ни говори, Александръ, а односторонность въ предметахъ ума и сердца — недобрый въ Нотовѣ признакъ для зятя. Онъ дурной отецъ на глаза физиологій, а она право не плохой судья по этой части!

Далѣе. О г-жѣ Нотовой ты пишешь, что она женщина добрая, простая, хорошая хозяйка, только надѣдаетъ немного своими жалобами на зубы.

Ну, Александръ! хоть сейчасъ же подавай въ отставку изъ претендентовъ на руку Машеньки. Знаешь ли ты, что значать эти жалобы на зубы? Да гдѣ тебѣ знать! Ты филологъ, беллетристъ, ты только и занимаешься въ человѣкѣ духомъ да душой, да еще теоретическимъ сердцемъ, похожимъ на червонный значекъ. О зубахъ ты знаешь только то, что они бываютъ и хорошіе и дурные, что хорошіе зубы, какъ рядъ черловъ между коралловыми губами, придаютъ прелесть самому лицу. Ну, и довольно: чегожь еще болѣе для беллетристики?

Шутки въ сторону, Александръ, а постоянныя зубныя боли у матери — дурной знакъ для ищущаго счастья въ подлѣ ея. Кладу хитро голову въ закладъ, что эти боли точно такъ же въ дальнѣйшей

жизни будутъ мучить и Машеньку, а съ нею и тебя, если только ты не отрѣшишься отъ нея сердцемъ, какъ отрѣшился отъ своей половины г. Нотовъ. Сперва (и это вскорѣ послѣ брака, вѣроятно съ первой беременностью) исторія просто начнется легонькими болями то въ головѣ, то въ лицѣ, то въ зубахъ, то полегче, то потяжелее, то перестануть, то возобновятся: это летучія боли, это разѣзды, высылаемые непріятелемъ для рекогносцировки, гдѣ бы ему укрѣпиться. Узнавъ, что мѣсто, назначенное ему врожденнымъ свойствомъ страны, есть зубы, — онъ тутъ пораньше или попозже и оснуется, и начнетъ и Машеньку и тебя бомбардировать и день и ночь. Эти тревоги повлекутъ за собой постепенное разстройство въ головѣ, въ желудкѣ, а за ними пойдутъ гуморы, хандры, спазмы, истерики, капризы, прихоти, размолвки, досады — и пойдетъ мука! Да вдобавокъ имѣй въ виду, что такая же пытка ждетъ и твоихъ дѣтей.

Брось, говорю, Александръ, все дѣло и не начинай. Конечно, я говорю какъ застрашенный множествомъ примѣровъ; а ты думаешь, что для тебя съ Машенькой будетъ исключеніе изъ общаго правила? или для вашего спокойствія природа отступитъ отъ своего общаго закона, какъ иногда дѣлаетъ она подобныя чудеса, подчиняясь случайному обстоятельству? Это рѣдко бываетъ, мой любезный. Противъ тебя вѣрное ружье съ пулей, и ты думаешь, что оно осѣчется? Можетъ-быть! А я бы лучше не совѣтовалъ становиться противъ этого дула: вѣрнѣе уцѣлѣешь.

«Но какъ приманчива, пишешь ты, чара этихъ томныхъ очей, то блестящихъ какъ алмазъ, то тускнѣющихъ отъ какой-то обаятельной пѣгги! Сколько тутъ мысли, сколько чувства! Сколько души и прелести обѣщаютъ эти глаза разлить на всѣ хлопоты и мелочи домашняго быта, эти два крошечныя волшебныя зеркала, обрамленныя темнорусыми локонами и раздѣленныя кокетливо вздернутымъ носикомъ, подъ которымъ рдѣютъ какъ макъ двѣ алыя губки!»

Фу, Боже мой, какая поэзія!.. А не угодно ли я тебѣ опозтпзирую подобнымъ образомъ чахоточное лицо? Оно удивительно хорошо принимаетъ поэтическія краски, особенно когда бываетъ такъ называемая цвѣтная чахотка (*phthisis florida*), когда на щекахъ по тонкой, полупрозрачной кожѣ, сквозь которую мѣстами просвѣчиваютъ такъ приманчиво васильковыя жилки, разливается зарею алый румянецъ; когда полные томленія глаза то блестятъ, то меркнутъ, и видимо жаждутъ жизненныхъ наслажденій, которыя отъ нихъ утекаютъ... Не правда ли, что на этомъ чахоточномъ грунтѣ можно нарисовать прекрасную фантазію? Оно такъ частенько и бываетъ у гг. беллетристовъ; они частенько восхищаются именно по-

роками организаціи. И намъ, медикамъ, нерѣдко приводится дарить подобныя восторги улыбкамі сожалѣнія, точно также какъ знатокъ въ лошадахъ улыбается на гостинодворцевъ, восхищающихся танцмейстерской, раскидной поступью какого-нибудь расплывшагося отъ жиру верзилы-жеребца, который на заводѣ за это самыя восхитительныя для нихъ качества и поступилъ въ рядъ бракованныхъ!

Да ужъ коли пошло на правду, такъ позволь тебѣ сказать, что и твой восторгъ отъ томныхъ очей Машеньки не лучше гостинодворскаго. Только не сердись пожалуйста; я право пишу не съ тѣмъ, чтобы щекотать тебя: я такъ, отъ чистаго сердца желаю тебѣ счастья, и мнѣ тяжело смотрѣть, что ты счастье для себя видишь въ томъ, что грозитъ тебѣ несчастьемъ. Эти первныя напряженія и ослабленія, вслѣдствіе которыхъ глаза дѣвницы Нотовой то блестятъ, то тускнѣютъ, при чемъ безъ сомнѣнія и самое лицо (только тебѣ не примѣтять) бываетъ въ соответственномъ состояніи, явно доказываютъ, что нервная система лица слишкомъ воспримчива и раздражительна: а это ни больше, ни меньше какъ прелюдія (по нашему преласположенію) къ тому головно-зубному концерту, о которомъ я говорилъ тебѣ выше.

Да, любезный другъ, здоровыя нервы не колеблются такъ сильно даже и отъ тѣхъ ощущеній, которыя считаются неприличными дѣвушкамъ. Физиономія съ спокойнымъ, пріятнымъ воодушевленіемъ, мыслящая, а не страстно волнуемая — вотъ что прилично дѣвушкамъ, какъ и всякому человѣку, вотъ признакъ здоровыхъ нервовъ лица. Это будетъ, какъ видишь, физиономія Рафаэлевская, или говоря сибтскимъ языкомъ, аристократическая, и она-то истинно изящная, истинно высокая человѣческая физиономія! Не знаю, какъ дошли Рафаэль и аристократы до понятія о совершеннѣйшей физиономіи; но физиологія, какъ видишь, доходитъ до этого логическимъ анализомъ признаковъ здоровья.

Но не въ томъ дѣло; а дѣло въ томъ, что твоя Машенька носитъ въ себѣ вѣрныя наследственныя сѣмена горькихъ болѣзней. Эти сѣмена теперь еще только цвѣтутъ, и этими-то цвѣтами ты восхищаешься?! Жаль!

Не знаю, не остановится ли мнѣ съ моею анатомико-физиологической критикой Нотовыхъ. Мнѣ слишкомъ понятно, сколько отъ моего анализа терпитъ и твое сердце, и твое самолюбіе. Не поговорить ли намъ общѣ, безъ приложеній къ личностямъ Нотовыхъ? и чтобы успокоить немного потрясенное твое самолюбіе, я охотно соглашаюсь, что ты ничуть не ошибаешься, считая семейство Нотовыхъ истиннымъ кладомъ для жениховъ твоего сорта. Оно истин-

но таково по той неопредѣленной, наглядной оцѣнкѣ, по которой обыкновенно опредѣляются въ свѣтѣ сорты людей. Но согласишься же и ты, что вѣрно опредѣлить достоинство человека, семейства и цѣлаго общества можно только по медицинской пробѣ, по пробѣ здоровья.

Однакожь письмо слишкомъ длинно. До свиданія! Твой и проч.

Письмо Александра *** къ доктору

Благодарю тебя, мой любезный Парацельсъ, за твою консультацію насчетъ Нотовыхъ. Только позвожь изъ дружескаго участія спросить тебя, здоровъ ли ты самъ? каково бьется у тебя пульсъ? Языкъ у тебя, какъ видно изъ твоего письма, недуренъ; но каковъ аппетитъ? Не случилась ли съ тобой какая-нибудь диспропорція въ умственныхъ способностяхъ? Ты въ своемъ письмѣ показался мнѣ слишкомъ исключительнымъ и одностороннимъ, даже претендентомъ на степень генія по части физиологій.

О себѣ скажу, что я славу Богу здоровъ, какъ и всегда, даже еще лучше прежняго: Машенька Нотова чудо какъ хорошо дѣйствуетъ на всѣ мои органы, даже и на желудокъ. Я подъ ея обаятельнымъ вліяніемъ кажется и лучше гляжу, и лучше дышу, и даже ѣмъ за двоихъ. А, какъ ты думаешь? я полагаю, что это недурной знакъ по началамъ физиологій. Мнѣ даже прихотилъ на мысль, что еслибъ и съ тобой случился подобный казусъ — понравится такой же Машенькѣ какъ моя, ты запѣлъ бы другимъ голосомъ.

Я не хочу сказать, что теоріи превратились у тебя въ основанія вѣтъ! ты, я знаю, вѣрный рыцарь за твою медицину, а въ приложеніи къ частнымъ случаямъ ваши теоріи, какъ и всѣ на свѣтѣ теоріи, такъ же, я думаю, довольно гибки и удобоприложимы. По крайней мѣрѣ мнѣ случилось видѣть на консультаціяхъ, какъ вы къ одной и той же болѣзни прилагаете каждый свою любимую теорію леченія. Казалось бы, болѣзнь одна, физиологическіе общіе законы одни: отчего же вы разно хотите лечить? Либо вы не такъ понимаете видимое, либо ваши теоріи очень гибки. Позволь мнѣ, не въ оскорбленіе нашей дружбы, поддаться такому же сомнѣнію и по случаю приложенія твоихъ общихъ физиологическихъ законовъ къ здоровью семейства Нотовыхъ. Случай тѣмъ болѣе простительный, что мнѣ нельзя злѣе никого изъ твоихъ единовѣрцевъ позвать на консилиумъ. Еслибъ это было можно, — я увѣрецъ, что вы всѣ были бы раздыхъ мнѣній и въ діагнозѣ. Просто сказать, ты кажется церемурлыкъ, любезный другъ, взирая на Нотовыхъ съ высоты твоихъ медицинскихъ теорій. Прислушать тебя, такъ всѣхъ, кто чѣмъ-

никуда отличается отъ толпы, кто носитъ на челѣ печать особаго дара божія, надобно поставить въ разрядъ парій и бѣжать ихъ какъ прокаженныхъ. Послушай, любезный, у тебя право умъ за разумъ зашелъ! Пріѣзжай-ка лучше ко мнѣ. Я тебя отрекомендую Нотовымъ; ты, увидя ихъ, я увѣренъ, перестанешь сыпать на нихъ свои физиологическія анаемы. Хозяинъ, если случится въ хандрѣ, не преминетъ съ тобой потраковать о гемороеѣ, я не смотря на хорошую цвѣтъ лица и добрый апетитъ, непременно разъ по пятъ въ часъ будетъ восклицать: «ахъ, плохо безъ здоровья!» Хозяйка не упуститъ сей вѣрной оказіи попросить капель отъ зубовъ; на Машеньку ты можешь совсѣмъ не обращать вниманія. Впрочемъ, если тебѣ вздумается и надъ ней дѣлать какія-нибудь физиологическія или патологическія наблюденія, то по старой дружбѣ предупреждаю тебя — будь осторожише съ ея розовыми пальчиками: на крошечныхъ ноготкахъ ея есть очень чувствительныя заусеницы. Особенно же не наступи ей какъ-нибудь на ногу: оборони тебя Господи! ты часа два цѣлой антекой не успокоишь ея болей, и мы тебѣ такой пропоемъ дуэтъ!.. Впрочемъ ваша медицина кажется не обращаетъ вниманія на ножки: тутъ для васъ пульса нѣтъ; а кромѣ того на ваши глаза, я думаю, цѣнише ножекъ — ноги. Эти побольше, покрѣпче, пожиліше — лучшей признакъ здоровья.

Такъ пріѣзжай, слѣлай одолженіе. Если тебя не удовлетворитъ тѣлесность Нотовыхъ, такъ очаруешься, я увѣренъ, ихъ гостепріимствомъ. Меня они просто на рукахъ носятъ. Я нераздѣльно пользуюсь однимъ всѣмъ ихъ тройственнымъ вниманіемъ; все для меня!

Улыбнись же, анатомическая хмура! Я очень счастливъ. А что ждетъ меня въ будущемъ, это въ руцѣ божіей. Ты страшашь меня зубами и истериками... можетъ быть! а можетъ и не быть. Притомъ же, всякаго хламу бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ! Впередъ!.. Прощай.

Письмо доктора къ Александру ***.

Какъ больно мнѣ, Александръ, отъ письма твоего въ отвѣтъ на мое о Нотовыхъ! И не ѣдкость твоихъ шутокъ, не самонадѣянный и рѣзкій тонъ ихъ оскорбляетъ меня: нѣтъ! а мнѣ больно видѣть, что тобой овладѣло какое-то холодное, эгоистическое самодовольство, какой-то раздраженно-высокомѣрный бравуръ, какъ-будто ты выкуривъ трубку опиума или выпилъ бутылку шампанскаго. Неужели это есть слѣдствіе удовлетворенной жажды сердца? Не вѣрится! Это скорѣе можно принять за довольство самолюбія и тщеславія. Довольное сердце бьется мягче, ровнѣе, пріятнѣе, и не затмѣваетъ

мозга. А у тебя что? — довольство съ какой-то саркастической напряженностью головы! Нехорошо. И не смѣйся, Александръ: въ самомъ дѣлѣ плохо! Это родъ нервическаго раздраженія, какое мы чувствуемъ подъ вліяніемъ электрической машины, стоя на удивительной скамейкѣ: это раздраженіе хоть и пріятно, но все-таки раздраженіе, и если продлится долго, не можетъ кончиться добромъ. Если ты этому раздраженію дашь выходъ чрезъ дѣятельность какого нибудь органа, оно тебя истощитъ; послѣдуетъ раздражительная слабость, родъ похмѣлья, т. е. отвращеніе и тоскливая апатія — явленіе нерѣдкое между молодыми людьми въ столицахъ, отъ раздражоннаго напряженія въ дѣтельности или въ наслажденіяхъ. А если этому раздраженію или напряженности ты не дашь работы, тебя задавитъ самая полнота силъ, и послѣдствіемъ будетъ тотъ же нравственный параличъ. Примѣровъ бездна въ глуши. Нехорошо, Александръ. И откуда это взялось въ тебѣ? Не часто ли ты простужаешься? Не есть ли это слѣдствіе того ревматическаго или ревматико-катарральнаго состоянія, которое, не возвышаясь до степени горячки или лихорадки, часто бываетъ причиной многихъ странностей, такъ что иной начинаетъ хандрить или въ элегическомъ, или мизантропическомъ тонѣ; иной пускается кутить, другой не находитъ покоя отъ жажды любить, третій ищетъ случая съ кѣмъ бы отвести душу — поспорить и повздорить; иного одолеваетъ спячка, другому не даетъ покоя демонъ честолюбія, злобы и прочее.

Разбери не шутя условія своей жизни, всмотришься въ свое положеніе и постарайся отыскать причину такой разительной на мои глаза перемѣны въ себѣ. Помни, что ни одна перемѣна въ нашемъ умственномъ и нравственномъ состояніи не бываетъ безъ перемѣны въ тѣлѣ. Нѣтъ ни одной душевной болѣзни, нѣтъ ни одной воображаемой болѣзни: душа болѣть не можетъ; воображеніе не дуритъ, если тѣло здорово. Наше такъ называемое образованное общество и особливо молодежь очень много пропгрываютъ, что ищутъ источника своихъ страданій въ душѣ, въ сердцѣ, въ характерѣ, въ желаніяхъ, въ страстяхъ и пр., тогда какъ имъ надобно его искать или въ мозгу, или въ печени, или въ желудкѣ и проч.

Всмотришься, говорю, хорошенько въ условія своей жизни. Но если въ нихъ нѣтъ ничего, что способно возбудить въ тебѣ такое болѣзненное раздраженіе чувствъ, въ такомъ случаѣ виною столь опасной перемѣны въ тебѣ твоя любезная Машенька. Не говори мнѣ, что твое напряженіе есть просто восторгъ отъ перваго представленія пріятной перспективы въ жизни, что онъ естественно пройдетъ, и современемъ обратится въ тихое наслажденіе: я сказалъ уже,

что онъ не пройдетъ, или пожалуй и пройдетъ, да не обратится въ тихое наслажденіе, а въ тихое раздраженіе, потому что въ немъ и теперь нѣтъ ни капли сладости, а одно чистое сильное раздраженіе, или какъ говорятъ, экзальтація, экстазъ. Твоя Машенька, какъ я вижу, способна только экзальтировать тебя, а не усладить. Очень дурно. И я буду удивляться, если ты не поймешь, что это не любовь, потому что всякое эротическаго свойства сочувствіе къ женщинѣ можно назвать любовью; но эта не та любовь, которая, возбуждая, умѣряетъ насъ, возвышаетъ и облагораживаетъ; это не та любовь, въ которой блаженство, а слѣдовательно и наше усовершенствованіе. Это одинъ изъ суррогатовъ (*) любви, и суррогатъ, не въ обиду тебѣ, самый дурной. Брось, Александръ! Машенька не годится тебѣ въ жены.

Отлагаю до другого времени развить тебѣ теорію о влияніи женщины на мужчину, а пока сравню женщину съ виномъ и скажу: выбирай себѣ такое вино, которое, пріятно возбуждая и укрѣпляя твои силы, не производитъ никакого ни физическаго, ни нравственнаго, ни умственнаго раздраженія.

Понимаешь ли ты меня? Если понимаешь, такъ опять говорю: брось Машеньку Нотову — она для тебя дурное вино.

Разумѣется, этотъ настойчивый совѣтъ годится и необходимъ для исполненія въ такомъ только случаѣ, если твоя экзальтація происходитъ изъ Машеньки; въ противномъ случаѣ ты отложишь его просто къ свѣденію.

А позволь спросить тебя, мой любезный обидчикъ, съ чего ты взялъ, что я не знаю толку въ женскихъ ножкахъ? Не доказать ли тебѣ, что наоборотъ, ты въ нихъ плохой знатокъ, а я, какъ и всякій медикъ, знатокъ первой степени?

Признайся, что ты восхищаешься маленькими ножками женщины только потому, что маленькая ножка въ модѣ, что ею всѣ восхищаются и что ее воспѣли всѣ поэты отъ мала до велика. Ну, такъ твое восхищеніе есть только навичное, по увлеченію, а не отчетливое восхищеніе знатока, или проще говоря, ты восхищаешься маленькими ножками самъ не зная почему; а я восхищаюсь ими въ женщинѣ какъ порукой высочайшихъ женственныхъ качествъ. И вотъ на какихъ неопровержимыхъ аддукціяхъ основывается моя вѣра въ ручательство женскихъ ножекъ за высокую женственность.

(*) *Суррогатъ* — вещество, способное замѣнить собой другое вещество. Такъ напримѣръ за недостаткомъ корпіи употребляютъ пеньку: пенька — суррогатъ корпіи.

Вся нога, или опредѣлительнѣе выражаясь, стопа состоитъ у человѣка изъ однихъ почти костей и сухихъ жилъ. Если стопа не велика (вѣрнѣе бы говорить — узка), хорошо выгнута посрединѣ, и не суха или жестка, — это значить, что кости и сухія жилы въ ногѣ тонки и между ними очень довольно кѣтчато-жировой ткани. Если кости тонки и хорошо устроены здѣсь, то значить онѣ тонки и хорошо устроены въ цѣломъ тѣлѣ, или что человѣкъ, т. е. женщина (мы вѣдь добираемся до женщины) не костлява, не жилиста, слѣдовательно не кавалеристъ, не жандармъ, не *virago* (*), а настоящая женщина, мягкая, гибкая, эластическая.

Далѣе... Но позволю напередъ спросить тебя: ты вѣрно не слиткомъ электризуешься ножкой, даже самой маленькой, если на ней повертывается туловище похожее на мумію, т. е. чистый скелетъ, обтянутый кожей, хотя и атласно-бѣлой; а я думаю, вполне восхищаешься такой ножкой тогда, когда она составляетъ какъ-будто контрастъ съ полненькимъ бюстомъ и особливо съ пышными чреслами? не такъ ли?

Ну, такъ эти пышныя чресла, краса гибкаго, мягкаго туловища, состоятъ по указанію ножки чуть не изъ однихъ мягкихъ частей... Обвиняешь ли ты вполне смыслъ этихъ словъ? Понимаешь ли ты изъ этого выраженія, сколько сладострастной нѣги для мужчины затаено въ такихъ чреслахъ? Да гдѣ тебѣ понять! Это понимаемъ вполне только мы, медики, а ваша братья развѣ смутно, бессознательно догадывается.

И злодѣйки же эти европейскія женщины! Какія естественно-вѣрныя мѣры принимаютъ онѣ для достиженія своей цѣли! Кто имъ подсказываетъ эти секреты — гдѣ и что выказать попыннѣе или потоньше? Ужъ не вычитали ли онѣ это въ нашихъ костлявыхъ анатомическихкихъ твореніяхъ? Чего добраго! А впрочемъ у нихъ вѣдь чудный и инстинктъ, если не сбивается съ толку лѣжными умствованіями а модой. Можетъ-быть, что онѣ дошли до этого и по инстинкту, чутьемъ. Точно такъ и мужикъ колотитъ въ горбъ подавляющагося собрата по инстинкту я думаю, а не по свѣденію, что щиперіевое горло лежитъ сейчасъ впереди грудной доли позвоночнаго столба, а слѣдовательно, колотя въ горбъ, т. е. производя сотрясеніе въ грудной части позвоночнаго столба, онъ производитъ сотрясеніе и въ щиперіевомъ горлѣ и способствуетъ тѣмъ прохожденію остановившагося куска. Да, великое дѣло человѣчeskій, особенно женскій инстинктъ!

Но — виноватъ! далеконько отступилъ, и притомъ очень не-

(*) *Virago* — мужественная, храбрая женщина, бой-баба.

ловко рядомъ съ европейскими женщинами поставилъ мужика. Вотъ и мы.

Слѣдовательно маленькая ножка есть признакъ женщины самой обаятельной, самой лакомой, самой женственной, эстетически сладолюбивой. Прибавь, что по непреложнымъ законамъ природы, и умъ и характеръ у такой женщины тоже будутъ мягкій, гибкій, эластическій, т. е. способный укротить лютость льва, а при случаѣ и обрѣчь какого-нибудь Самсона. Прибавь, говорю, это — и ты увидишь осязательную причину, почему перелъ такой женщиной падаютъ ницъ всѣ геркулесы. И что же? Не лучше ли всякой поэзіи медицина понимаетъ толкъ въ маленькой ножкѣ?

Но эта способность женщины съ маленькой ножкой утолить самый сильнѣйшій мужескій пылъ — это только одна сторона женственности, посредствомъ которой она выполняетъ одно свое назначеніе — усладить бытіе мужчины, какъ женщины. Другое ея назначеніе — доставлять наслажденіе мужчине какъ мужу и отцу семейства. И это другое назначеніе она выполняетъ съ своей высокой женственной природой, съ своей маленькой ножкой какъ нельзя лучше, ибо кромѣ того, что вліяніемъ такой женской природы мужчина излечивается отъ того мужскаго недуга, отъ того избытка своей рьяности, вслѣдствіе котораго у него, часто на досаду себѣ и другимъ, трещитъ и ломится дѣло въ рукахъ; кромѣ того, что онъ въ этой природѣ имѣетъ жизненный эликсиръ отъ всѣхъ сердечныхъ ранъ, потому что нѣтъ ни одной фибры въ сердцѣ мужчины, до которой бы не дошла ея провизитательная сила и своимъ магнетическимъ вліяніемъ не излечила бы корчи его, — она, будучи прекрасно устроена, не обезпечитъ ни его любовь, ни его силы тѣмъ тѣхъ мелочныхъ болѣзней, которыя такъ часто супружескій бытъ превращаютъ въ адъ изъ маленькихъ огней. Она будетъ очень легко носить и рожать дѣтей: отлично устроенный, просторный тазъ съ мягкими, эластичными частями — вѣрная зато порука. Она будетъ въ состояніи кормить грудью сколько дѣтской душѣ угодно, потому что прекрасная ея организація непременно обильна молокомъ; отъ того дѣти, питающія здоровымъ матернимъ молокомъ, будутъ здоровенькія, стройныя, веселенькія... Какое высокое наслажденіе, какая гордая надежда мужу-отцу!

И ты смѣлъ сказать, что я не знаю толку въ женской ножкѣ, что въ моихъ глазахъ толстая, жилистая нога женщины лучше, потому что поздоровѣе, покрѣпче! Злодѣй! Да за такую кровную обиду я бы тебѣ глаза выпарапалъ лавцетомъ, если бъ ты былъ на-лицо; а такъ какъ мнѣ нельзя раздѣлаться съ тобой этимъ любезнымъ способомъ, то отомщу самой откровенной оцѣнкой ножекъ твоей Ма-

шеньки. Не думай, что не выдавши, я не въ состояніи звать ихъ: ты самъ же сказалъ, что у ней есть мозоли на ногахъ. Довольно! льва по когтю можно узнать, а дурную ногу по мозолямъ.

«Какъ такъ? Тутъ просто-на-просто виноватъ башмачникъ!» скажешь ты. Извини, любезный другъ: башмачники конечно виноваты въ существованіи мозолей на ногахъ, но на столько же, на сколько виноваты и сами ноги или владѣльцы ихъ. Слѣдовательно, уступая, что башмачникъ виноватъ въ наличности мозолей у твоей Машеньки, все-таки имѣю полное и неоспоримое право утверждать, что у Машеньки ноги дурны. И вотъ на какихъ анатомическихъ, слѣдовательно неопровержимыхъ данныхъ я основываю свое заключеніе.

Женщина съ маленькой ножкой, которая неразлучна съ высокой женственностью, не будетъ носить тѣсныхъ башмаковъ, отъ которыхъ бываютъ мозоли, во-первыхъ потому, что ей нѣтъ никакой надобности мучить себя, когда она понимаетъ, что у ней ножка и безъ натяжки хороша; во-вторыхъ потому, что ея женскій инстинктъ, который въ этомъ случаѣ называется тактомъ и который у ней въ этомъ случаѣ очень вѣренъ, подскажетъ ей, что въ тѣсномъ башмакѣ ножка ея будетъ слишкомъ мала, потеряетъ пропорціональность, и что всего важнѣе, потеряетъ воздушность поступи. Если же по несчастному стеченію обстоятельствъ ей придется износить нѣсколько паръ тѣсныхъ башмаковъ, то эластическая ножка ея, какъ упруго-уступчивая, только поболитъ, поноетъ, но не дастъ мозолей, потому что на мягкой кожѣ трудно развиться жесткому наросту, — не въ законахъ органической матеріи.

И такъ у твоей Машеньки или не ножки, а ноги, которымъ она старается придать видъ ножекъ посредствомъ тѣсныхъ башмаковъ: или пожалуй если и ножки, то сухія, жесткія, т. е. костлявыя и жилистыя, на которыхъ такъ легко натираются мозоли, оттого что онѣ не уступаютъ даже и малѣйшему прижиманію.

Любое!.. но ни то, ни другое не радостно.

Дилемма убійственная, уничтожающая въ прахъ и поэзію ножекъ Машеньки, и высокую женственность въ ней, — однимъ словомъ, показывающая тебѣ, что идеалъ твоего сердца не высокаго полета, и очень далекъ отъ того идеала, въ которомъ течетъ чистѣйшая женская кровь!...

Е. А.

СЛАДКОЕ ЖИТЬЕ

ИЗЪ РАЗКАЗОВЪ ГОРОДСКОГО СТАРОЖИЛА

I

Лѣтнее утро въ нашемъ городкѣ ужь извѣстно какое: хорошее утро! Встань до зари и походи до тѣхъ поръ, какъ покажется солнце — на десять лѣтъ здоровья прибудеть, ейбогу! потому вѣдь городочекъ нашъ сиротинкой такой на матушкѣ-степи стоитъ. А въ степи у насъ извѣстно травы, да цвѣты душистые. Вотъ вѣтеръ—то ночью, какъ нанесетъ на городъ духу ихъ благовоннаго, такъ онъ надъ нимъ цѣлое утро и носится. И тутъ я вамъ доложу, лишъ бы грудь широка, а то подышать будетъ тѣмъ. Скажешь Богу спасибо!

Рано просыпаются у насъ въ городкѣ. Жаворонки да перепела еще спать не ложились; слышно въ городѣ, (не Богъ знаетъ онъ у насъ длинный какой!) какъ они тамъ въ степи, во ржахъ да въ овсѣ заливаются; за жизнь свою раздольную да беззаботную Господа Бога хвалятъ; а ужь много народу на улицы высыпало — въ степь коровъ выгоняютъ.

Пожалуй—что шумнѣй этого времени въ нашемъ городкѣ никогда не бываетъ. Какъ бы ни были глухо окна закрыты, а какъ подойдетъ къ вашему дому пастухъ, да какъ кнутищемъ своимъ трехъ-сажоннымъ щелкнетъ по туго-убитой дорогѣ, такъ гулъ—то отъ него куда далеко по зарѣ—то раздастся, ровно вѣтеръ, когда дерево переломить въ дремучемъ лѣсу, такъ оно и отъ кнута—то пастушьего зыкъ—то, стало—быть, такой же выходить. Ну конечно, не одинъ разъ случаи выходили такіе, что трескъ—то отъ кнута, какъ только по сонной улицѣ прокатится,

тонкій такой да ярый, такъ мальчишечка какой-нибудь сонненькій, попугливѣй, проснется бывало, глазенки свои вытаращить и задрожитъ весь. Крестить, крестить его мать, въ личико-то ему сонное холодной, наговорной водой брызжетъ, брызжетъ; а онъ, значить, съ брызговъ-то съ этихъ еще пуще трясется... А пастухи все щелканья своего кнутищами не покидаютъ; потому чѣмъ же ты, кромѣ кнута, хозяйку разбудишь?

Ну-съ, такъ вотъ и щелкнетъ кнутъ, зазвонисто таково въ сонныя уши трещить, и сонъ стало-быть дурной и хорошій за одно разбиваетъ. Гвалтъ невообразимый собачища подняли. А у насъ же ихъ тьма на степи — и злющія всѣ бестіи, такъ шаромъ подь ноги и подкатываются.

И тепла же, братцы, постеля бываетъ въ эту пору. Жаль покинуть хорошее мѣсто. «Не встанетъ ли кто-нибудь замѣсто меня коровенку прогнать?» сквозь сонъ думаетъ молодая хозяйка; а кнутище все хлопаетъ, и собаки этакіе переливы выводятъ неслыханные.

О Господи! отчего бы это сонъ сильный такой былъ? Такъ и валить, такъ и валить. Разбудилъ было молодую хозяйку уличный шумъ; приподнялась ужъ она на постели, да опять какъ-то, противъ воли, на подушку свалилась и приуснула... А во снѣ-то и видится ей, что свекоръ ея, ласковый будто такой, всталъ и говорить ей: лежи, лежи, говорить, молодая! я самъ, говорить, такъ и быть ужъ отгону коровъ. Ну я спать себѣ молодая — и другой сонъ видить, что свекоръ будто на подмогу ей работницу нанялъ, а то говорить: тяжело тебѣ одной хлопотать!

— Што жѣжишься-то, барыня? гремитъ на яву голосъ свекора изъ другой комнаты. — Вставать только не хочется, по своему-бъ тебя разбудилъ. Вишь лежня какого Господь Богъ на хлѣбы послалъ!

Такимъ манеромъ каждое лѣтнее утро ходитъ наша улица, какъ говорятъ, ходенемъ. То и дѣло, что калитки пощелкиваютъ да ворота скрипятъ. Громко коровы ревуть, еще громче пастушьи кнуты щелкаютъ; а пуще всего этого раздаются звонкія рѣчи бабенокъ: рассказываютъ онѣ другъ дружкѣ сны прошедшей ночи да свои разныя бабьи дѣла.

Дѣятельнѣе и шумнѣе этого времени у насъ же бываетъ. Остальной весь день тихъ и спокоенъ. Рѣдкій, рѣдкій кто вы-

дети на улицу, потому первое дѣло — солнцемъ ужь очень печеть, а второе — собаки; отъ жара сбѣсившіяся, по улицамъ бѣгаютъ, такъ ихъ опасаются.

Такъ вотъ видите, какъ еще рано было и солнце-то, словно дальній пожаръ какой въ небѣ показалось; а ужь у Осипа Петровича (въ отворенное окно все видно) домашніе всѣ поднялись и чай пьютъ.

И вотъ теперича, ежели въ самую полночь на улицу выдти, такъ вѣдь ужь на что тихо бываетъ, а въ комнатѣ у Осипа Петровича еще тише было; потому какъ самъ онъ очень грозенъ въ тѣ поры сидѣлъ, — удумывалъ, видите ли, гдѣ бы капиталами на покупку овецъ раздобыться?

Запечалился таково сумрачно Осипъ Петровичъ и чаю попить не пошолъ; а только значить цѣлое утро съ маленькой племянницей-сиротой провозился, — Богородицу ее назвустъ училъ.

Какъ на зло, неразумный ребенокъ страшно этимъ утромъ картавилъ и молитву коверкалъ; а Осипъ Петровичъ все тѣснѣй свои брови сдвигалъ, хоть и все еще крѣпился старикъ и думу свою наружу во всей красѣ не выказывалъ. И можетъ такъ одними подзатыльниками да слезами ребячьими дѣло-то бы и покончилось, ежели бы старуха не вздумала защитить ребенка.

— Отпустили бы вы, Осипъ Петровичъ, ребенка-то, сказала она: — заробѣлъ ужь очень!

— Бла-го-дат-ная, протяжно басилъ Осипъ Петровичъ, не обращая вниманія на жену.

— Благодатная, сквозь слезы лепетала дѣвочка, не обращая вниманія ни на кого и ни на что.

— Настрашаете вы дѣвочку-то, Осипъ Петровичъ, повторила жена. — Я бы вотъ чаю ей налила.

— Ш-што-о? крикнулъ на жену Осипъ Петровичъ, обратившись къ ней въ пол-лица.

— Дѣвочку настрашаете, несмѣло отвѣтила заступница, стараясь не смотрѣть на мужа...

Тутъ ужь словно изъ пушки вышалилъ Осипъ Петровичъ. Ровно лѣтъ съ сотню слово это у него въ горлѣ сидѣло и потомъ вдругъ выкатилось.

— Че-ево? рявкнулъ онъ на жену совсѣмъ по медвѣжьему, однако стихъ какъ-то въ ту же минуту, оттолкнулъ отъ образовъ

племянницу, и какъ по настоящему слѣдуетъ, ни ее, ни жену ручищей въ лицо не заѣхалъ...

Только послѣ этого еще сумрачнѣй запечалился онъ: все это, выходятъ, вопросъ свой разбиралъ, что ежели овцами весной не поторгуешь, такъ послѣ того о продовольствіи цѣлый годъ, какъ рыба объ ледъ, биться долженъ; а потомъ словно и повеселѣлъ вдругъ. Мысль, значить, благая въ голову зашла. Сына женить, думалъ старикъ, надоть: приданое возьмемъ и торговать будемъ.

О томъ, какъ сильна была радость Осипа Петровича, которая замѣсто прежней тоски къ нему въ душу вошла, можно судить по тому обстоятельству, что взялъ онъ перекрестился большимъ крестомъ, вздохнулъ и сказалъ: эхъ, говорить, кабы да не грѣхи наши тяжкіе, всѣ бы мы, говорить, въ раю были!..

Поругалъ онъ тутъ про себя немного слабость людскую; а женѣ насчетъ то-есть того, какую онъ великую думу относительно сына задумалъ, ни одного слова, какъ есть, не вымолвилъ, потому какъ одинъ удумывать завсегда свое дѣло привыкъ. Расскажи бабѣ, говорилъ всегда старикъ, ерунда безпремѣнная выдетъ.

И жена тоже, хоть и привыкла по одному поличью своего благовѣрнаго узнавать всѣ его сокровенныя мысли: когда онъ примѣромъ въ ея голову грозой ударить или пожаловать лаской сбирался, такъ она объ этомъ всегда напередъ его самого узнавала; но никогда ни о чемъ его не спрашивала, потому если владыкины мысли спросомъ своимъ разобьешь, такъ владыка-то пожалуй въ азартъ придетъ и тукманку дастъ.

И теперь также старуха хоть и видѣла, что радуется очень чему-то старикъ, что дума у него какая-то великая есть, однако спросить ни о чемъ не спросила, а только смекнула про себя: придумали должно-быть Осипъ Петровичъ, гдѣ денегъ на покупку овецъ раздобыть. Слава Богу! Все-таки можетъ теперь потише станутъ!..

Такъ вотъ, судыри мои, и рѣшилъ Осипъ Петровичъ сынишку женить: два дѣла, можно сказать, однимъ махомъ рѣшалъ; а ужь если онъ что-нибудь задумывалъ, такъ всегда исполнялъ. Одного только въ жизни своей онъ еще не успѣлъ сдѣлать: житіа Плакиды-мученика въ стихи переложить не могъ. Со всѣми городскими попами насчетъ этого предмета совѣтовался, уго-

щенье имъ, должно сказать, самое любезное задавалъ — не помогло. Такъ житіе на первыхъ четырехъ строчкахъ и теперь стоитъ:

Въ римскомъ царствѣ
Въ идолопоклонномъ государствѣ,
Жилъ былъ Евстафій Плакида —
И такая ему вышла планида...

Тѣмъ и заканчивались стихи. Ничего въ ней больше не говорилось про-то какая именно вышла планида Евстафію.

Въ нашемъ городѣ всѣ знаютъ Осипа Петровича. Отецъ его, будучи еще мѣщаниномъ, тѣмъ по всему уѣзду себя прославилъ, что предъ самой рекрутчиной со всѣми своими сыновьями (а ихъ у него штукъ до шести обрѣталось) въ купцы-выписался... Первый онъ этой самой штукѣ, — какъ, значить, мимо рекрутчины шестерыхъ молодцовъ можно безъ зацѣпы провесть, — ходъ и качество показалъ. До него у насъ этой штуки и не знали совсѣмъ. Вообще говоря, относительно приказныхъ дѣловъ (Богъ его знаетъ, гдѣ наострился онъ?) былъ такой глубокой дотошникъ, что въ нашемъ городѣ многіе еще помнятъ, какъ онъ почти со всѣми жителями и своего и окрестныхъ городовъ постоянно въ судѣ былъ. Давненько-таки умеръ старикъ, а все еще по бѣлу свѣту ходить пословица, которую про него еще при его жизни сложили: избави, Господи, отъ огня и меча, да отъ Петра Сидорыча. Очень ужъ большой страхъ нагналъ старякъ на уѣздъ. Вотъ какая душа была!..

И Осипъ Петровичъ тоже по родительскимъ стопамъ пошелъ, и хоть тягаться онъ ни съ кѣмъ не тягается, а мало найдется въ городѣ людей, которые бы согласились про него доброе слово сказать. Амбиціи былъ необыкновенной, а нравомъ крутъ и звѣрю подобенъ. Въ рядахъ бывало кто надъ нимъ мало-мальски пошутить, такъ такую оглашину дать, что и памяти на немалое время шутникъ тотъ лишится; а если съ кѣмъ не сладить, такъ начнегъ на себѣ самомъ отъ злости волосы рвать. Такъ къ нему въ лавку никто изъ товарищей и не заходитъ; сидитъ онъ себѣ въ ней по цѣлымъ днямъ одинъ одинешенекъ, аки медвѣдь въ лѣсу, и покупщики-то (мужики, значить, изъ сосѣднихъ селъ за своими крестьянскими нуждами въ городъ наѣзживали) какъ взглянуть на него, какъ это онъ мрачный да суровый, ровно туча сидитъ, поскорѣй отъ лавки-то прочь. Слава, значить, про

него по всѣмъ селамъ шла, — нелюдимъ человекъ, въ одинъ годъ всего такъ тучей и звали.

И часто это, бывало, по пятницамъ (базаръ по пятницамъ бываетъ) глядишь — а Осипъ Петровичъ въ своей лавкѣ съ какимъ-нибудь покупателемъ—мужикомъ смертнымъ боемъ уютится. Разсерчалъ, примѣромъ, на то, что покупатель мысли его перебилъ, когда онъ удумывалъ, отчего бы это въ лавку къ нему никто не заходить? А тутъ сидѣльцы да хозяева изъ сосѣднихъ лавокъ наберутся, еще пуще разжечь стараются; а онъ—то все больше бѣснуется, все глубже мысль къ нему въ голову забивается, что это кушцы нарочно мужика такого здорovenнаго на него натравили.

Только хотъ и не малый чудакъ Осипъ Петровичъ, какъ видите, былъ, а все еще по старой родительской памяти торговалъ таки здорово и почему-то по городу пользовался; а теперь, почти-тай-что совсѣмъ упалъ, хотя форсъ свой купецкій, какъ и въ старину, всегда соблюдаетъ, т. е. христославцевъ тамъ какихъ-нибудь, или приказныхъ мелкихъ, съ праздникомъ себя поздравить не иначе пускалъ, какъ только съ докладомъ, да и то тогда только, когда они изъ воротъ войдутъ, а не съ галерей, которая была къ дому придѣлана.

А почему онъ упалъ, такъ это я вамъ сейчасъ расскажу. Накупилъ Осипъ Петровичъ по осени какъ-то щетвины и сала, и думаетъ: вотъ прїѣдетъ къ крещенью изъ Тулы купецъ, который у него партіи покупалъ, такъ я съ него денежки безъ всякой поуги огрестъ могу. А купецъ этотъ, чудачина такой былъ, про норовъ—то его зналъ и при случаѣ пошутить надъ нимъ очень любилъ.

Сошлись они въ трактирѣ, чай попиваютъ и объ дѣлѣ толкуютъ; а Осипъ Петровичъ въ товаръ этотъ весь свой капиталъ посадилъ и признавалъ даже кое-гдѣ, такъ что можно сказать, вся душа его на ниточкѣ въ этомъ разѣ висѣла. Вотъ купецъ, зная эти случаи, клинокъ ему и подгвазживаетъ: а что, говорить, Осипъ Петровичъ, — вить сало—то нонича въ Москвѣ нипочемъ, да и щетина—то тоже. Ладить—то съ тобой въ эфтомъ разѣ я ужъ и не знаю какъ. Рѣзи, примѣромъ, скостишь гривенки по три на рубликъ?

— Буде, буде шутить-то! сказалъ Осипъ Петровичъ. — За божьей трапезой сидишь, такъ нечего чорта—то потѣшать: и

бегъ нашихъ рѣчей ему не скучно на ярмонкѣ — вишь, соблазнъ какой!

— Какой тамъ соблазнъ! говорить купецъ. — На свой рыскъ, говорить, твой товаръ беру, коли по три гривны скостишь.

Покосился Осипъ Петровичъ на купца, брови эта у него дугою сдвинулись, какъ всегда это дѣлается съ нимъ, когда онъ въ азартѣ кулакомъ по столу хлопнуть захочетъ. — Побожись, говорить онъ купцу, что я убытокъ понести должонъ, потому въ этомъ родѣ мнѣ всей торговлей своей порѣшиться придется.

— Во-за ловни! проговорилъ скороговоркой купецъ и перекрестился.

Какъ хлопнетъ кулачищемъ по столу Осипъ Петровичъ, (настоящаго слова-то, выходить, разслышать не могъ) такъ доска столовая на двѣ половинки и треснула, а чайникъ съ чашками въ дребезги разлетѣлся; какъ загнетъ онъ крѣпкое слово судьбѣ своей лютой, да какъ бѣлыми руками въ волосы свои вцѣпятся, такъ вида купца-то ужасъ объялъ.

— Нарошно, нарошно совралъ я тебѣ, Осипъ Петровичъ! закричалъ купецъ. Почему хочешь твой товаръ заберу! — А Осипъ Петровичъ и не слушаетъ, пѣна у него изо рта идетъ и тутъ же сейчасъ домой побѣжалъ и всю щетину свою и сало огнемъ спалилъ. Не хочу, говорить, отъ васъ убытку терпѣть, когда думалъ барыши наживать!..

Съ этихъ поръ и житья никому не стало въ семьѣ отъ Осипа Петровича. Прежде бывало дочери хоть развеселить его могли на малое время, а теперь и этого нѣтъ. Кромѣ какъ бѣснованья, да самыхъ что винаестъ крѣпкихъ словъ, отъ него ничего ужь давно и не слыхивали.

И таково это тихо было въ хоромахъ, таково грустно и сумрачно, что сказать невозможно. Прежде какъ дочери-то маленькія были, такъ къ нимъ хоть сосѣднія дѣвушки въ куклы играть приходили: все-таки значить нѣтъ-нѣтъ, да по комнатамъ-то и побѣгаютъ; а теперь половицей попробуй кто-нибудь скрипнуть, такъ я вамъ скажу, такъ страховито старикъ загогочетъ, такъ это звонко ногами по шаткому полу застучитъ, что стѣны всѣ затрясутся, лампадки предъ образами забренчатъ и утuhnуть; а портреты архиреевъ разныхъ таково это грозно на стѣнахъ зашевелиятся, бородами своими бѣлыми закачаютъ, что поневолѣ эдакъ возьмешь да и вымолвишь: эхъ, молъ, на одно

надо полагать мученье купецкой человѣкъ и на свѣтъ произошолъ!..

II

Такимъ-то манеромъ Осипъ Петровичъ приучилъ всю семью свою на однихъ, какъ говорится, носочкахъ ходить. Такая тишь всегда въ домѣ стоитъ, что пожалуй подумаешь, ужь не вымерь ли, мошь, домъ совсѣмъ? Даже когда снѣ въ лавку уйдетъ, такъ и то шопотомъ всѣ разговариваютъ, потому ежели громко слово-то скажешь какое, такъ ужь и самъ чего-то испужаешься.

И ежели въ семью Осипа Петровича хорошенько взглядѣтся, да попристальнѣй про нее подумать, такъ самъ ополоумѣешь, словно какая она юродивая, да ошалѣлая. И всегда человѣкъ при всегдашней грозѣ да острасткѣ отуманивается. И думы-то у него изъ головы на это время всѣ уходятъ, кромѣ какъ развѣ того, что какъ бы это ему отъ добрыхъ людей въ самый что ни на есть темный уголъ запрятаться. А тутъ ужь, доложу я вамъ, безпремѣнно ухитришься самодуру какому-нибудь подъ горячій кулакъ подлѣзть. А доброму слову и ласкѣ душевной подъ конецъ и вѣрить перестаетъ.

Вотъ теперь хоть бы старуху взять Осипа Петровича. Вѣтъ какую она рьяной дѣвкой въ старину была! только и на умѣ одно было, какъ бы пѣсню позвонче сыграть; а отецъ у ней сапожникъ, пьяница лютый былъ: ни кола, ни двора. Избушку-то ихъ по городу такъ всѣ колодцемъ и звали. Ужь вачто, кажись, знакомы ему были всѣ кабаки городскіе; а всегда бывало задрожить весь старикъ, когда мимо идетъ, и такіе случаи выходили, что изъ кабаковъ-то не въ рѣдкость, вечеркомъ эдакъ, безъ рубашки выталкивали. Какая бы кажись, жизнь тутъ? Одно слово, востоскуйтесь бѣлы груди, горьки слезы лейтесь; а наша дѣвка никогда въ уныніи не была, и съ ранняго утра до поздняго вечера все бывало соловьемъ разливается: я, говоритъ, птичкой быть желаю, нида оглушить всѣхъ.» Хошь бы тебѣ горло-то засадило на время!» сосѣди благожелательствуютъ, когда звонкій голосъ ея черезчуръ надоѣсть имъ.

За красныя щеки, да за громкія пѣсни и женился на ней Осипъ Петровичъ. Родительское проклятiе получилъ за то, что

на нищей у отца жениться просился, — а женился. И на кой шутъ, прости Господи, женился онъ, когда много-много что полтора года послѣ свадьбы прошло, какъ молодая всѣ пѣсни перезабыла совсѣмъ, ровно она ихъ никогда и не игрывала, и худая такая сдѣлалась, блѣдная, ровно румянцу-то у ней на щекахъ никогда и не бывывало? Одно слово: ревности всякой, а нуще того колотушекъ такихъ, что прежде времени въ гробъ сваливаютъ, въ самое малое время отъ благовѣрнаго-то своего въ волю она натерпѣлась — и засохла.

Да какъ засохла-то, братцы мои! Взглянуть, значить, такъ страсть обуяетъ. Послалъ было Богъ ей такое, стало-быть, тѣло сильное да красивое, которому по настоящему и старость не въ старость. Живи знай, да Господа Бога хвали, а ломоты тамъ какой, болѣзней, во вѣкъ бы ей, кажись, не знавать. Быть ей Творецъ то святой назначилъ при старости лѣтъ эдакой, знаете, крѣпкой да доброй старухой, около которой молодцы правнучата, какъ пчелы около матки, виться должны, словеса отъ ней мудрыя выслушивать, да своею умной жизнью бабку радовать.

Нѣтъ! Дивись только, какъ человекъ дары божьи и въ себѣ самомъ и въ другихъ на свой глупый ладъ передѣлываетъ!..

Все это, выходитъ, дѣло съ ревности началось. Чуть только, братцы мои, мимо окна пройди кто-нибудь, такъ ужь безпримѣнно она на свое тѣло отъ мужинныхъ щипковъ да рывковъ большой синякъ принимала, кромѣ того что тоска словно ножомъ душу ей рѣзала, потому очень ужь злостными словами мужъ ее обносилъ тогда принимался. Поплачетъ бывало молодая, полюбоствуетъ немного на то, что такъ безсовѣстно мужъ прочесть ей лаеетъ, да и перестанетъ; а тутъ еще (развѣ молодыя головы злопамятны?) придетъ сосѣдка какая-нибудь, ей на долю свою пожалуется, ей синячки свои, да убов покажетъ, — ну оно какъ будто и полегче станетъ. А у товарки-то мужъ такой же сахаръ медовичъ. Доли-то у нихъ въ дѣвкахъ были веселыя да беззаботныя, и ничѣмъ другъ отъ дружки не разнились, такъ и въ замужствѣ одинаковыя доли вышли.

И все думала молодая, что перемѣнится мужъ, — все это, примѣромъ, раздумывала она: не пробуетъ ли онъ ее на первыхъ порахъ? потому ужь очень увѣрена была, что мужья такъ всегда про жонъ рассуждаютъ, что ежели жену не колотить, такъ изъ нея никакого проку не выдеть.

Ну и терпитъ она, и все значить молчаньемъ одиимъ отходить; а онъ все больше разъяжается, думаетъ значить, что должно быть виновата жена, коли въ виски ему иногда не вѣднтся. Самому—то ему больно ужъ мерзостно смотрѣть на себя становилось, когда онъ жену безвинно, ради куража одного, въ кулаки принималъ. Вотъ думаетъ, разоллтся жена, да самого по рожѣ царапнетъ, такъ тогда хоть не совѣстно будетъ дуть-то ее, — и завсегда въ этой надеждѣ своей обманывался. Въ уголь молодая прижмется, руками лицо закроетъ, да изрѣдка нѣтъ-нѣтъ да и проворитъ: Осипъ Петровичъ! зачто же ты?.. потому очень ужъ больно по щекамъ-то ее онъ, хлестать принимался и удержаться, выходить, отъ того, чтобы голоса не подать, никакими манерами не могла...

Такимъ побытомъ въ самое короткое время мужъ для жены ровно пугало сдѣлался. Когда нѣтъ его въ домѣ, воетъ бывало молодая въ хоромашъ, и такъ печально да грустно, что работницы больше мѣсяца въ домѣ жить никакъ не могли: страхъ и тоску великую нагоняла она на нихъ плачемъ своимъ; а завидить въ окно, какъ самъ-то съ базара домой къ обѣду шествуетъ, такъ это она изъ стороны въ сторону закидается, чтобы значить все получше уладить, чтобы ему что-нибудь на сердитые глаза не попалось, затрясется бывало, словно порченная какая, а все не умилостивить.

И такъ онъ ей опостылѣлъ, что подконецъ и смотрѣть на него не могла и колотушки его, все равно какъ дерево бездушное, безъ жалобъ переносила, потому приѣлись ей колотушки, въ естество вросли. А тутъ дѣтишки пошли и жизнь-то какъ-будто повеселѣй пошла, потому съ ними все безъ мужа возилась и пѣсни свои, которыя въ дѣвкахъ игрывала, глядя на птенцовъ, всѣ припомнила и снова, забавляючи ихъ, перепѣла.

Только в тутъ Богъ судьбы ея злой не смягчилъ, и тутъ одно только искушеніе она видѣла, потому какъ приходилось ей на своихъ дѣтишекъ посмотрѣть, да съ чужими слачить, такъ мразь выходила какая-то, даже сердцу тошно дѣлалось. Съ самаго младенчества, особенно дѣвочки (двѣ у ней было ихъ) понимали словно, что отецъ ихъ крику не любитъ, никогда не кричали. Сидятъ бывало по равнымъ угламъ, да глазенки на стѣны таращатъ. И вѣдь не то-чтобы онѣ не любимы другъ дружки, — кусочками лакомыми завсегда межъ собою дѣлались;

а все бывало роэне сидять и не только что чужому челювѣку, который въ гости придетъ, поклонитса да ручку поцѣловать у нихъ смѣлости не хватало, а даже и мать ихъ къ себѣ съ большымъ трудомъ приманивала.

Сначала мать просвиры про здоровье ихъ вынимать за каждую обѣдню, бабкамъ разнымъ много денегъ за ихъ умыванье переплатила (все думала, что дурной глазь на дѣвочекъ дѣйствуетъ): не помогло! Горько слезами своими она обливалась, глядючи, какъ дочери видимо съ каждымъ днемъ все больше и больше дурнѣли; больно тоже рѣзали ей душу сосѣдскія насмѣшки надъ ея дочерьми, и отвернулася она отъ нихъ наконецъ, камнемъ совсѣмъ сдѣлалася: буди, дескать, во всемъ воля божія!

Ну и протянулася такъ вся ея жизнь; такъ и теперъ на этой самой точкѣ старуха стоять. Желанье одно только у ней сохранилось: какъ бы подальше мужа изъ дома проводить, чтобы овъ подольше назалъ не вернулся, — и тогда старуха спать бывало себѣ по цѣлымъ днямъ и ночамъ сномъ безпробуднымъ, словно сурокъ въ норѣ. Одно это счастье только у ней и осталось.

И можетъ-быть такъ и смерть ея сонной застала бы, если бы часто не будила ея своимъ приходомъ старшая дочь, которую съ годъ ужъ они съ Осипомъ Петровичемъ замужъ за сосѣдскаго сына отдали.

Разбудить молодая мать свою, и видить мать, что по лицу ея дочери текутъ такія же горькія слезы, что на этомъ лицѣ такія же раны, которыя изсушили и ея лицо, когда-то молодое и румяное.

Слышитъ мать, что такъ же горько дочь ея жалуется на своего мужа, вѣкъ ея загубившаго, какъ сама она нѣкогда жаловалася на своего, и не отзывается на эту жалобу.

— Маменька, маменька! вопить молодая и руки ломаетъ. — Вѣдь онъ меня кажминный день смертнымъ боемъ бьетъ, вѣдь вы съ татенькой вѣкъ мой совсѣмъ загубили...

Охъ, не ровни ты слезъ понапрасну, молодка, сердца своего стономъ тяжолымъ не рви! Не отзовется твоя мать на твою тоску, горькой доли твоей вмѣстѣ съ тобой она не размычетъ, потому глубоко сидить въ оступѣлой старухиной головѣ

мысль , вбитая мужнинымъ кулакомъ , что отъ мужней ласки не отвертишься , а отъ гнѣва не отплачешься!..

III

Только одинъ сынъ изъ всей семьи у Осипа Петровича человѣкъ какъ слѣдуетъ вышелъ. Почему и какъ сдѣлалось , что онъ тяжолоую отцовскую руку , уродомъ не сдѣлавшись , выдержалъ , одинъ Богъ разберетъ. А и туго же отъ отца приходился Ванѣ , потому съ самаго малолѣтства , когда еще малымъ ребенкомъ былъ , такъ завсегда супротивъ отца-старика шолъ , и за это самое разлучилъ его старикъ съ матерью и сестрами и въ Москву въ мучной лабазъ къ знакомому купцу на торговую выучку отдалъ.

Только я теперь всю Ванину жизнь отъ начала до конца рассказать должонъ , потому жизнь эту я хорошо знаю , и почему , примѣромъ , она въ какомъ-нибудь кабакѣ , али на дорогѣ большой не кончилась , мы вполне постигаемъ...

До того времени , какъ Ваня началъ къ покровскому дьячку грамотѣ учиться ходить , замѣчательнаго съ нимъ , кромѣ отцовскихъ колотушекъ да матернихъ ласкъ , ничего не случилось. Годовъ до девяти должно быть только и дѣла ему было , что по городскимъ улицамъ да пустырямъ съ другими мальчишками въ солдаты играть , али въ лошадки. И не знаю я право , отъ какого праха сладко такъ и теперь вспомнится , ровно вчера случилось , какъ это бывало : ты ли малюгѣ какому , али онъ тебѣ конецъ пояска въ зубы дать , другой къ себѣ въ руку возьметъ и таково хлеско кучеръ и конь пѣшеходомъ по улицамъ несутся — молнія словно ! А тутъ еще кучеръ-то пояскомъ коня подгоняетъ , голову , говоритъ , набокъ побольше гни , съ городской пристяжной совѣтуетъ весь прилѣръ брать.

И долго бы еще Ваня по городскимъ пустырямъ прошатался , если бы Осипу Петровичу не такъ часто сосѣди приходили жаловаться , что вотъ-молъ , Осипъ Петровичъ , Ванюшка твой у моихъ гусей крылья повыдергалъ , али хвостъ у щенка по самую спину тупымъ топоромъ отрубилъ.

Встревку розгачами задасть бывало Осипъ Петровичъ Ванюшкѣ , и приутихнеть Ваня на недѣлю-другую ; а тамъ погля-

лимъ: инвалидная солдатка съ визитомъ къ Осипу Петровичу илеть. Утишите, говоритъ, своего мальчишку; коли мнѣ на огородѣ своемъ удастся его захватить, — не взыщите: я на немъ всѣ волосы вырву, потому какъ онъ у меня съ такими же пострѣлятами всѣ вилки капустные по своему вверхъ кочерыжками пересажалъ.

Скучно что ли Осипу Петровичу съ Ванюшкой возиться стало, не знаю, только взялъ онъ связку кренделей, да полштофъ сладкой водки купилъ и отвелъ Ваню къ дьячку. А дьячекъ этотъ большимъ докой по городу былъ, такъ что многихъ поповъ, какъ это на похорошнихъ обѣдахъ бываетъ, въ словопреніи про разныя статьи, какъ говорится, за поясъ затыкалъ. Выпилъ водку съ дьячкомъ Осипъ Петровичъ, и ворѣшилъ заплатить ему шесть цѣлковыхъ, когда Ванюша читать да писать выучится.

Года три Ваня къ дьячку учиться ходилъ. Благо что отецъ не торопить, такъ какъ онъ еще сначала осторожность взялъ платить деньги учителю не помѣсячно, а за цѣльную выучку... И натерпѣлся же школьникъ въ эти три года, потому домой придетъ, такъ отецъ безпремѣнно отдуеть, ежели, примѣромъ, во всей тонкости не отвѣтитъ ему, когда онъ отъ скуки спроситъ вздумаетъ: а кто-моль, Ванюшка, одинъ разъ родился, два раза умиралъ?

Тутъ впрочемъ все еще ничего, потому что отецъ другого вопроса никогда и не задавалъ. Помнить только нужно было, что убогій Лазарь, моль, тятенька, одинъ разъ родился, два раза умиралъ, и еще бывало похвалить отца, когда въ хорошемъ стихѣ находится: А ужъ у этого мучителя-дьячка безъ розогъ никогда бывало не обойдется, особливо когда онъ, въ звѣриномъ образѣ, ребятишекъ самыя что шнаестъ трудныя слова выговаривать учить начнетъ.

— Ну говори, говори, подлець: шить колпакъ не поколпацкв...

— Сшить колпакъ не ко-полк... лепеталъ мученикъ.

— Чего заминаешься-то? Не по-кол-пац-ки, тянулъ дьячекъ, раскачывая ребенка за всклокоченные вихры.

И такъ бывало любилъ дьячекъ эдакъ мучительски надъ ребятами потѣшаться, что они его словно чорта боялись. Многие изъ ребятишекъ, которыхъ училъ онъ, потомъ ужъ женившись

говорили ему: экъ ты, Петръ Степанычъ, настрашалъ меня! И теперь частенько—таки по ночамъ *смишься*, да какъ начнешь трехвосткой отдѣлывать, такъ я жену не разъ своимъ крикомъ будилъ. А дьячекъ посмѣивается: туповатъ очень ты былъ, любезный! Просвѣтить тебя безъ того, чтобы плетью не драть, возможности не было никакой...

И подумаетъ бывшій ученикъ, что должно быть и въ самомъ дѣлѣ нельзя было безъ дращи просвѣтить его и сейчасъ же просвѣтителя своего цѣльнымъ полуштофомъ угощаютъ.

Но въ особенности отъ всѣхъ ребятшекъ Ванюшку Осипа Петровича дьячекъ терпѣть не могъ, потому распросы какіе-то въ голову къ нему въ глупую завсегда заходили и тѣмъ благого учителя не мало обезпокивали.

— А что, дяденька, спрашиваетъ бывало Ваня дьячка (а дьячокъ въ той же избѣ сидитъ, гдѣ у него и школа и жительство были, — сапоги тачаетъ да пѣсенки тоненькимъ голоскомъ поетъ): вѣдь тятенька мой ученый?

— Ученый, отвѣтитъ дьячекъ, оканчивая пѣть.

— Какъ же это онъ маменьку съ утра до ночи бьетъ?

— А я вотъ встану, да какъ вытяну тебя сапожнымъ подтягомъ вдоль спины, ты и замолчишь. Бога моли, что миѣ вставать лѣнь, отвѣчаетъ просвѣтитель, снова затягивая пѣсню.

И дѣйствительно, слѣдовало Богу молиться за то, что дьячекъ встать лѣнился, потому что подтягъ варварской штукой въ его рукахъ былъ. И присмирѣетъ Ванюшка, и замолчитъ, и задумается, — только значить съ другими ребяташками голосомъ водить, чтобы не подумалъ дьячокъ, что онъ не читаетъ совсѣмъ. А гдѣ ужъ читать тамъ, когда мысли разныя въ голову такъ наберутся, что душѣ отъ нихъ тѣсно. Чтоже это такое, хотѣлось спросить ему: отчего это Петръ Степанычъ пьянъ завсегда, когда прописи такія далъ списывать намъ, что пьянства, яко ада, бѣгать слѣдуетъ? И опять теперича: ученье, говорить, свѣтъ, а неученье тьма. Да и въ то время, какъ я грамотѣ совсѣмъ не зналъ, такіе же дни—то, и ночи—то такіе же были...

— О чемъ, о чемъ задумался, собачій сынъ? кричитъ дьячекъ. — Третій годъ ко миѣ шатаешься, а читать не умѣешь.

— Я, дяденька, ни о чемъ. Я такъ только, отдохнулъ маменьку.

— Нѣ-ѣ-тъ! Ты мнѣ скажи, о чемъ? приставаешь дьячекъ и такъ больно въ то же время за волосы бывало скрутить, что ужъ никакъ и нельзя было стерпѣть и правды не сказать.

— Да вотъ, дяденька, я о чемъ думалъ, что вы все вино пьете; а намъ говорите, что это вредъ...

Ну тутъ ужъ у дьячка съ Ваней и впрямь настоящія, такъ сказать, личности выходили и оправдывать даже начнетъ себя дьячекъ. — Да развѣ я какой пьяница? говорить. Ты чтоль съ отцомъ меня поишь? И терзаетъ онъ за это бывало мальчугана, такъ какъ въ старицу свою бѣдную жену терзалъ, когда она, голодная, такой же попрекъ ему въ пьяныя бѣлыя бросала...

Вся эта исторія тѣмъ впрочемъ и кончилась, что совсѣмъ одичалъ Ваня и неслыханно на дьячка озлобился. И должно быть по шестнадцатому году ужъ былъ онъ, какъ въ одно утро не стерпѣлъ тиранства и на напрасную дьячкову зуботычину отвѣтилъ ему такой мастерской каткой, что пьяный старичишка понималъ, что не съ его силой лѣзть на шестнадцатилѣтняго здороваго парня.

Только тутъ страшный гвалтъ вышелъ. Дьячекъ къ Осипу Петровичу жаловаться пришолъ — и Ванюшка тутъ же у двери стоитъ, почитай-что такой же злой какъ и отецъ. Трясется Осипъ Петровичъ, красный весь какъ ракъ сдѣлался, когда дьячекъ свои убои ему показывалъ и полиціей страшалъ; а Ваня нѣтъ-нѣтъ, да сквозь зубы словно и вымолвить: я, тятенька, однава дымилъ, не виноватъ. Казнилъ меня дяденька очень, — не вытерпѣлъ...

Какъ схватилъ Осипъ Петровичъ желѣзную кочергу, что у печки стояла, да какъ бросится съ нею на сына: анаеема! реветъ: я тебѣ дамъ не виновать!

Сестры Ванины (большія ужъ онѣ въ это самое время были) по разнымъ угламъ стоятъ, трясутся, да думаютъ: вотъ и насъ съ Ваней тятенька заодно расказнить...

Мать словно попробоватъ хотѣла остановить тяжолую отцовскую руку...

Да нѣтъ, и заступы не нужно! Вытянулъ впередъ лапы молодой степной волченокъ и рывкнулъ на отцову угрозу: «будеть! Отдумать, тятенька, надоть вамъ занаврасно бить меня! сказалъ не виновать!» — и вышелъ изъ компань, и не погнался за нимъ Осипъ Петровичъ, противъ своего обыкновенія, на

улицу, чтобы оттуда его притащить, да дома уму-разуму поучить, какъ это не разъ бывывало...

Такъ и остался съ носомъ дьячекъ.

IV

Недѣли съ двѣ ужъ прошло послѣ того, какъ Ваня учителю встрепку далъ; а Осипъ Петровичъ никому про него одного слова не вымолвилъ, ни домашнимъ, ни постороннимъ, все равно какъ-будто у него сына никогда не бывало.

Только однажды старуха осмѣлилась и сказала Осипу Петровичу: «нашего, говорятъ, Ваню въ ракирянскомъ лѣсу видѣли, Осипъ Петровичъ. Съѣздили бъ вы туда, — поискали бы его тамъ».

— Тебѣ его надоть, такъ ты и съѣзди! Только ежели найдешь, такъ въ грѣхъ меня не вводи: на глаза ко мнѣ не показывай.

— Чтожъ это вы, Осипъ Петровичъ, на родное дитя смотрѣть не хотите? Грѣхъ!

— Грѣхъ пустыя бабьи рѣчи слушать! такъ ты, значить, и молчи и не искушай, проговорилъ Осипъ Петровичъ необыкновенно снисходительно; а самъ въ то же время племянницу свою маленькую по головкѣ таково ласково гладилъ...

— Ваня-то у насъ поныча здѣсь былъ. Онъ каждый день сюда ходитъ, какъ ты на базаръ уйдешь! — откровенничала дѣвочка, ободренная рѣдкою дядиной лаской...

Подзатыльника далъ Осипъ Петровичъ племянницѣ за то, что въ это именно время замѣтилъ онъ будто бы въ ней три дурныя вещи: во первыхъ — что она не маленькая ужъ дура, а съ его колѣнъ никогда не сходитъ; во вторыхъ — азбуку всю изорвала, вмѣсто того чтобы учиться по ней, и наконецъ въ третьихъ — что она кричитъ постоянно и по комнатамъ бѣгаетъ, что аки бы завсегда мѣшало ему и теперь мѣшаетъ сурьозныя дѣла дѣлать...

— Она, Осипъ Петровичъ, соврала вамъ... она вѣдь не смыслить! увѣрляла старуха, такъ сказать, умирая.

— Молчи! Все знаю, какъ ты его въ банѣ отъ меня укрываешь, какъ жрать ему туда носишь — все знаю!

Трясется старуха и думаетъ про себя: вѣтъ когда, говорить, конецъ—то пришелъ мнѣ! А Осипъ Петровичъ ничего, — только, значить, сидитъ на диванѣ и голову свою изъ стороны въ сторону раскачиваетъ, не такъ какъ это обыкновенно со всякимъ человѣкомъ въ раздумьи бываетъ, а какъ—будто тяжелое что-то сидѣло у него на головѣ и раскачивало ее...

Чудно таково показалось старухѣ, что онъ оплеушинъ ей за эту самую провинность не дастъ; а онъ въ раздумьѣ своемъ безъ азарту и говоритъ ей: «дай ты ему завтра рубахъ, да пошли къ отцу крестному, — онъ въ Москву ѣдетъ, такъ его съ собой стащить обѣщался. Я ему тамъ мѣсто нашолъ, а на глаза ко мнѣ, опять таки тебѣ сказываю, не пушай, чтобы грѣха какого не было...» О—охъ! Грѣхи, грѣхи! про себя какъ—будто, протяжно добавилъ Осипъ Петровичъ и ротъ перекрестилъ.

Много передумалъ Ваня въ эти двѣ недѣли, сидя на полкѣ въ банѣ. Особенно неотвязно преслѣдовала его мысль объ Одестѣ, гдѣ, по слышаннымъ имъ разговорамъ, всякихъ вольныхъ людей и теперь еще принимаютъ и паспортовъ не спрашиваютъ. Надобно, думаетъ, туда закатиться, чтобы съ отцомъ во всю жизнь не встрѣчаться, — убѣгъ пожалуй!.. Можетъ купцомъ буду, денегъ наживу, тогда и приѣду домой. Объ Ростовѣ Донскомъ тоже одного кузнеца бывалаго спрашивалъ, такъ тотъ ему прямо сказавъ, что такого раздолья, какъ Ростовъ на Дону, цѣлый свѣтъ произойди, нигдѣ не увидишь, и что ежели бы ты, Ванюха, пообождалъ меня недѣлю—другую, такъ я бы съ тобой самъ туда закатилъ, потому какъ стороны тамошнія невпримѣрь лучше тутошнихъ...

Ждетъ Ваня кузнеца, а между тѣмъ третья мысль въ голову къ нему какъ—будто сама собою залѣзла. Все это, думаетъ, ежели въ ниня страны безъ благословенія родительскаго ийти, такъ по этапу пожалуйи домой обратно пришлютъ; а вотъ, говорить, въ солдаты по своей охотѣ закачу!.. Такъ на этомъ и порѣшилъ, и хоть долго кузнецъ его уговаривалъ выбросить эту дурь, а ийти съ нимъ шествовать, всякаго, говорить, народу и всякихъ штукъ въ волю насмотрюся, — и къ мѣсту его обѣщалъ къ хорошему, по своему великому знакомству съ купцами, въ Ростовѣ пристроить, Ваня все—таки мысли своей не покинулъ...

А между тѣмъ только лишь утро настанетъ и Осипъ Петро-

внчъ уйдеть на базаръ, мать сейчасъ къ Ванѣ : Спишь, говоришь, Вацюша ?

— Нѣтъ, маменька ! я , отвѣчаетъ , дѣло одно большое удумалъ .

— Голубчикъ ты мой ! Поди повинись отцу , не круши ты моей головы ! уговариваетъ мать ; а у самой слезы по щекамъ морщинистымъ ручьями текутъ . . .

— Благословите , говоритъ , маменька ; на царскую службу иду , а передъ батенькой , одно слово напослѣдяхъ скажу , виниться не буду , потому какъ самимъ вамъ извѣстно , ничего супротивнаго я предъ ними не сдѣлалъ .

На многое горе старуха въ жизни своей пристально насмотрѣлась , глаза ея почитай что совсѣмъ оно заслѣвило и сердце ея , ровно негодную щепку , на улицѣ лѣтнимъ жаромъ повысушило , и кажись давно бы пора этому горю отстать отъ старухи : однако какъ только услышала мать отъ сына страшное слово , то такъ перепугалась , что должно сказать , боли такой , какая къ ней въ это время въ сердце забралась , она никогда не испытывала : ровно громомъ распибло . Смотритъ она на сына , а сама головою киваетъ , да такую до самой смерти своей и осталась . « Жилы у ней отъ старости надорвались » , въ городѣ говорили . . . А чего тамъ отъ старости , когда всякому извѣстно , что отъ звѣриной жизни ничего лучшаго и приключиться не можетъ !

Видно было , что и Ваня норовомъ въ отца вышелъ . Черезъ великую силу могла упросить его мать , чтобы онъ погодилъ хоть нѣсколько дней объявлять начальству свою охоту , чтобы она въ послѣдній разъ хоть вдоволь насмотрѣться—то на него могла . По цѣлымъ днямъ старуха просиживала въ банѣ съ сыномъ и (чудно ужъ это было) не принималась ужъ ни плакать , ни разговаривать его думу , а только по головѣ все гладила да слезно просила , чтобы онъ безпремѣнно писалъ ей письма про все , когда дескать и съ кѣмъ воевать онъ будетъ ?

Въ этихъ-то разговорахъ и застало сына съ матерью послѣднее рѣшенье Осипа Петровича , повелѣвающее Ванѣ отправляться въ Москву , и непримѣръ чудно показалось ему , когда мать милостивую волю отцовскую ему объявила . И подумалъ онъ тутъ , что должно быть невиннотому человѣку ничего сдѣлать нельзя , когда ужъ начто грозенъ отецъ , а и тотъ надъ нимъ смѣловался . . .

Крѣпкимъ гвоздемъ вбилъ себѣ Ваня въ голову мысль эту и не разъ она, во время московскаго жительства, изъ бѣды его выручала, и всѣми этими разными качествами, которыми прикащики молодые у богатыхъ купцовъ развлекаются, ни однимъ занятъ она ему не дозволила.

А случаи зачастую выходили такіе, что въ праздничный день бывало придеть въ прикащичью, а тамъ молодцы въ трынку дуются. — Присядь, скажетъ кто-нибудь изъ общительныхъ, Иванъ Осипычъ, съ нами: я тебѣ, говорить, бардадымчика сдать.

— А вотъ въ другой разъ какъ-нибудь, отвѣтитъ Иванъ Осипычъ.

— Ну вотъ! говорятъ, пропусти для праздника. Больше цѣлковаго-рубля за стаканъ не возьмемъ.

— Не смущай вьюношу, младъ еще! другой раззадорить Ваню старается: — за него, ежели онъ, къ примѣру, пьянствовать будетъ, Милитриса Кирбитьевна замужъ идти отдумаетъ.

— Мало билъ я тебя онамедни! Ваня скажетъ: — ежели хочешь, такъ я тебѣ еще даромъ пожалуй прибавлю.

Такимъ манеромъ на этихъ самыхъ правилахъ Ваня въ Москвѣ цѣлыхъ шесть лѣтъ выжилъ и на ногу себѣ наступить никому ни разу не далъ, — и ни бардалымъ, ни свуха, ни даже насчетъ тамъ какихъ-нибудь особенныхъ ладовъ съ хозяйской кухаркой, ничто его не проияло. Такъ, я вамъ сказываю, какимъ въ Москву поѣхалъ, такимъ и назадъ вернулся, — только, значить, на жизнь хорошую насмотрѣлся и порядки ея раз-узналъ.

А тѣмъ временемъ въ нашемъ городкѣ такія дѣла дѣлались. Купецъ у насъ одинъ былъ — гибель деньжищевъ имѣлъ старичина! Вотъ возьми этотъ купецъ и умри; и осталось у него двое сыновей. — леландіе ребята, только и дѣла дѣлали, что съ ранняго утра до поздняго вечера стихиры церковныя въ пьяномъ образѣ страшными басами орали. Пройти, бывало, мимо дома нельзя — оглушать совсѣмъ, какъ многолѣтіе начать выводить: перешибить, значить, голосами дякона соборнаго изъ всѣхъ силъ надуваются... Дочка окромѣ ребятъ тоже осталась, Глафирушкой звали. Только такая красивая дѣвка была эта Глафира, что ужъ истинно сказать, какъ Марья-царевна какая, ни въ снажѣ сказать, ни перомъ написать. Взглянутъ бы-

вало на ея полныя да румяныя щеки нельзя: умъ помутится, ейбогу! Только бывало и подумаешь про себя: гдѣ это, молъ, в какой сытной ѣдой такую богатую штуку раздабривали и какими, молъ, румянами красоту такую расписывали?

И такая была лукавая дѣвка эта Глафира, что сказать невозможно. Не то что, значить, господамъ молодымъ помѣщикамъ тамъ, или приказнымъ, а даже и мѣщанамъ, кто, значить, мало-малыски синюю сибирку потуже ремнемъ серебрянымъ стягивалъ, отъ нея мимо ихняго дома проходу не было безъ того, чтобы у добраго молодца сердце не шелохнулось. Сидитъ Глафира въ теремѣ своемъ бѣлокаменномъ, смотритъ въ окошко косячатое и лишь только завидитъ кого помоложе, сейчасъ ему какую-нибудь амурную штуку и выкинетъ. Ей, выходитъ, веселье одно отъ этихъ штукъ выходило. — скука дѣвичья разгонялась; а молодежи вовсе не до веселья тутъ было, такъ что года три ни одной почитай свадьбы въ нашемъ городѣ не было, потому какъ всѣхъ жениховъ Глафира одной особой своей огуманивала.

Такимъ манеромъ Глафира много клятвы отъ отцовъ, отъ замужнихъ жонъ и невѣсть принимала, иногда заочно, а чаще въ глаза (у насъ на этотъ счетъ не церемонятся), потому какъ особенно въ купецкомъ кругу, не одинъ такой паренъ былъ, что вотъ, примѣромъ, отцу занадобится вдругъ женить его. Ну, и потянуть его, раба божьяго, подъ вѣнецъ, все равно какъ черкаскаго быка на убой. Упрутся тогда батюшка съ сынкомъ на оляномъ (силицы же у обоихъ страшенныя!..): одинъ говоритъ: женись; а другой: не женюсь, — потому въ душѣ на Глафиру мѣтитъ — и пойдетъ тогда кутерьма въ семьѣ великая, изъ-за красоты дѣвичьей, и долго ломаются межъ собою отецъ съ непокорнымъ сыномъ, и ежели завидитъ старикъ, что не одолѣтъ ему молодой воли, такъ куда гнѣвенъ дѣлается въ это время владыка своего дома и судья надъ нимъ всесильный и самъ никому неподсудный. — Слушай ты, сынъ, гремитъ голосъ суровый и безошадный: въ послѣдній тебѣ говорю! ежели, примѣромъ, воли моей не исполнишь, нѣтъ тебѣ угла въ этомъ домѣ — и будь ты великимъ моимъ родительскимъ словомъ отнынѣ и до вѣка авафема-проклять!..

Всѣ плачутъ въ семьѣ въ это время и отъ страха трясутся — и старикъ самъ можетъ-быть послѣднія слезы роветь и Бога

молишь, чтобы от сына его отогналъ бѣса лукавствія и прелести дѣвичей.

Только въ это самое время и прислали къ намъ въ городокъ на покой одного отставного капитана. Звѣрь такой, доложу я вамъ, что на самомъ Кавказѣ ужиться не могъ. И пошолъ нашъ капитанъ по городу, — надо полагать, на добрыхъ людей хотѣлъ посмотрѣть и имъ себя показать. И показалъ: шапчица такая лохматая да высокая надѣта была на немъ (на самомъ затылкѣ какъ-то ухитрился носить онъ ее), усищи такіе диковинные, что и въ Турціи (присягнуть готовъ!) такихъ ниразу не выдывали. Два пистолета и кинжалъ за поясъ заткнулъ, а архалукъ хитро таково скроенъ былъ на немъ и весь золотомъ изукрашенъ. Какъ увидала его съ балкона стряпчого Федора Петровича дочь, такъ ума и лишилась, потому извѣстно какія у насъ барышни: день деньской разныя сласти ѣдятъ, да «Битву русскихъ съ кабардинцами» отъ нечего дѣлать почитываютъ, такъ имъ, выходитъ, и лестно послѣ всего этого на дороднаго мужчину взглянуть. Ну, а стряпчого дочь дѣвица, по общему мнѣнію, больше другихъ чувствительная была, и ужь не одними сладостями да «кабардинцами» себя поразстроила. Заболѣла она у насъ отъ капитана горячкой, и слышно было, что въ болѣзненномъ безчувствіи все милымъ Альпестомъ его называла. Да женихъ въ скорости ей подвернулся, (тоже бравый приказный былъ изъ прискорбныхъ!) ну она и исцѣляла...

Съ первыхъ же дней своего пріѣзда, разные эдакіе подвиги весьма воинскаго свойства началъ капитанъ по городу откалывать, и унять военную кость никто не рѣшался, потому кромѣ того что тумакіи самыя лихіе очень онъ способенъ давать былъ, онъ самъ про себя во всеуслышаніе по всему городу объявлялъ, чтобы никто не налеталъ на него, для кого, говорить, пребываніе въ семъ мірѣ цѣнность имѣеть. Мнѣ, говорить, ни отъ чего хуже теперешняго быть не можетъ, потому я безъ того за добрымъ дѣломъ подъ судомъ и слѣдствіемъ нахожусь. Такъ вотъ каковъ былъ капитанъ. А барышни наши отъ него такъ и ахають, и всѣ онѣ Портосомъ его прозвали, потому «Три мушкетера» въ нашемъ городкѣ въ большомъ ходу.

И до такого нахальства этотъ Портосъ дошолъ, что во всемъ городкѣ, кто только побогаче да позначительнѣе былъ, всѣхъ данью обложилъ. Я, говорить, вашъ гость, такъ вы меня кор-

мить и покоить должны! И очередь даже завелъ, чтобы, примѣрно, одинъ день городничій ему все дневное пропитаніе доставлялъ, а на другой голова и т. д. А кто, говорилъ капитанъ, сего не исполнить, такъ я у него жену среди бѣлаго дня на улицѣ поймаю и при всѣхъ поцѣлую...

Страсть какъ глумился надъ нашимъ городомъ капитанъ; такъ всѣ его чортомъ и звали.

И познакомься этотъ капитанъ съ однимъ приказнымъ; а онъ первый ёрникъ во всемъ городѣ былъ. Рыбакъ рыбака, значить, издалека увидалъ, и пошли они съ нимъ разныя чудеса творить, такъ что по городу—то ровно гулъ какой отъ ихъ бѣснованья постоянно ходилъ. И говорить однажды капитанъ приказному: укажи ты мнѣ, сдѣлай милость, мамзель какую-нибудь, которую бы могъ я достойно въ дамы сердца избрать. Да такая чтобы была, понимаешь, которая и пріятность и удобства къ жизни, хоть слабыя (за большимъ въ такомъ мерзостномъ городишкѣ гнаться нельзя!) предоставить могла... А приказный ему и говорить: да чего лучше? Вотъ Глафиру Пустынникову въ лапы за-бери. Дѣвка первая въ городѣ и капиталами при случаѣ можетъ снабжать, — только ты хоть и военный, однако опасеніе сильное долженъ въ этомъ разѣ имѣть: большой она молодецъ нашему брату носы утирать...

Въ высочайшей степени презрительнымъ взглядомъ отвѣтилъ капитанъ на предостереженіе приказнаго, усищи свои разгладилъ и сказалъ: не тращай — видывали!

И круто, какъ есть по военному, повелъ капитанъ это дѣло. Пойдемъ, говоритъ онъ приказному, къ Пустынниковымъ, — рекомендуй меня.

— Да они меня на пол-двора не допустятъ, отвѣтилъ приказный. — Первые, почитай, купцы въ городѣ. Какъ же я ихъ рекомендовать тебя буду?

— Это для насъ единственно все равно, рѣшилъ капитанъ. Я тебя, значить, отрекомендую. Маршь!

Съ полверсты не дошли еще пріатели до Пустынниковыхъ, только и говорить приказный капитану: слышишь, говорятъ?

— Слышу, отвѣтилъ капитанъ. — Голосъ до нихъ въ это время донесся, ровно кто-бы апостола читалъ: страшный голова такой, точно лѣшій въ лѣсу гогочеть...

— Это младшій Пустынниковъ потѣшается, объяснилъ при-

каждый. — А кабы ты послушала, какъ старшій ореть, такъ и тебя оторопь взяла бы. Не воротятся ли намъ? Силыци у обоихъ звѣршны: деревья изъ корней оба дергають!..

— Чтѣ ты меня голоса да силами стращаешь? Ты вотъ послушай, я тебѣ анекдотъ расскажу. — А въ это время пріятели прогивъ благороднаго дома стояли; помѣщикъ у насъ одинъ по своему дѣлу проживалъ. Дамы и дѣвицы на балконѣ сидѣли. И тутъ же оставились капитанъ прогивъ балкона и рассказалъ прижазному анекдотъ, въ которомъ значилось какъ, по мнѣнію одной знающей барыни, самые будто бы на насъ есть любезные люди тѣ, у которыхъ голоса страшны и которые большой силой владѣють.

Только при первыхъ словахъ, которыми капитанъ началъ свой анекдотъ, общество, сидѣвшее на балконѣ помѣщичьяго дома, отправилось во внутренніе апартаменты, и дослушалъ до конца анекдотъ только самъ баринъ, тоже большой потаскунъ и извѣстный у насъ по уѣзду многими любовными стихами и разными посланіями, вотъ бы примѣромъ взять, отъ шафера къ невѣстѣ, и начинается такъ: цвѣточикъ флѣръ д'оранжъ вамъ шаферъ посылаеть...

— Хорошо, капитанъ! закричалъ этотъ баринъ съ балкона. Я, говоритъ, вашъ анекдотъ въ стихи переложу. Могу васъ увѣрить, — острая штука будетъ. Позволите?

— Радъ сгрататься, отвѣтилъ капитанъ. Объ одномъ скорблю: дамы ваши должнымъ вниманіемъ его не удостоили. Беру съ васъ слово, предоставитъ имъ мой анекдотъ въ томъ видѣ, въ которомъ сами его въ стихи переложите. Надѣюсь тогда, онъ достоинъ будетъ стыдливаго дамскаго пола.

— За это ручаюсь; а теперь не угодно ли ко мнѣ на чашечку чайку? такъ и быть ужъ приглашаю и вашего благороднаго друга...

— Прошу извинить — занятъ! Глафиру Пустышникову мду побѣждать. Вотъ онъ говоритъ, непристуная.

— А!.. Ну, желаю успѣха! Эти дѣла, по моему искреннему и душевному убѣжденію, должны прежде всего занимать и наши силы и наше вниманіе, рѣшилъ острый баринъ. Адье.

— И по моему также, отвѣчалъ капитанъ. Адье-сь.

— Вотъ какъ настоящіе благородные люди должны разговаривать между собою, тутъ же сказалъ капитанъ, чтобъ вручить

приказную строку. Учись дескать, пьяница, свѣтской политурѣ, потому что когда тебя въ Сибирь упекутъ, такъ она тебѣ тамъ большія выгоды принесеть...

V

Какъ угорѣлая рвалась и брехала собака, привязанная почти въ самыхъ воротахъ дома Пустынниковыхъ, когда капитанъ съ приказнымъ входили на широкій дворъ. Должно быть чувствовала тварь, что на великое горе хозяевамъ дома идутъ непрошенные гости; а стоявшій тутъ на дворѣ нѣкій древній старецъ, проживавшій у хозяевъ ради дряхлости лѣтъ и прозорливости ума, перекрестился даже, какъ увидалъ капитана, потому какъ о дѣяніяхъ его рассуждалъ не иначе, какъ о дѣяніяхъ антихриста и великаго губителя христіанскихъ душъ...

— Такого-то дескать полка отставной капитанъ Громовержевецъ, отрекомендовался капитанъ при входѣ въ комнату, замахивая на ухо свои усищи.

— Въ страженіяхъ изволили бывать, ваше высокоблагородіе? освѣдомился младшій Пустынниковъ. А онъ ужасно любилъ военную службу; и все бывало про разныя сраженія в баталіи говорить, такъ что многіе изъ-за этого его у насъ обирали.

— Двадцать тысячъ турокъ у вратъ Севастополя съ одной своей ротой въ лоскъ уложилъ. Самому даже смотрѣть на нихъ жаль было, отвѣтилъ капитанъ, и хотъ бы вотъ на столечко покраснѣлъ.

— Батюшки! проговорили оба брата въ одинъ голосъ.

— Батюшки! густой октавой пробасилъ и соборный дьяконъ, неизмѣнный и ежедневный гость Пустынниковыхъ.

— Очень радъ познакомиться, обратился къ дьякону капитанъ...

Во всей красотѣ явилась теперъ и капитанская удаля, потому что, когда старшій Пустынниковъ пригласилъ его по водкѣ пройти, такъ онъ приказалъ чайный стаканъ себѣ привестъ увѣряя, что нынче всякій сколько-нибудь образованный человекъ пьетъ изъ цѣлаго стакана, а не изъ рюмки, къ которой онъ, капитанъ, съ самаго малолѣтства полное презрѣніе питалъ.

Потягаться съ нимъ захотѣлъ старшій братъ и тоже, какъ

прилично образованному человѣку, началъ было тянуть изъ стана; но послѣ четырехъ или пяти штукъ почувствовалъ, что внутренность у него какъ огнемъ палить и голова въ дребезги разлетѣться желаетъ; а капитанъ ничего — порошокъ самой маленькой замѣтить въ его глазахъ нельзя было — и забольно показалось купцу, что онъ, первый богачъ въ городѣ, налетѣлъ на такого человѣка, который больше его выпить можетъ. Тутъ онъ силой своей хотѣлъ капитана удивить, взялъ желѣзную кочегру, да кольцомъ ее и свернулъ; а капитанъ ее опять распрямилъ...

— Это въ нынѣшнія времена, говоритъ капитанъ, всякій ребенокъ сдѣлаетъ, ежели порядочно выпьетъ; а вы бы вотъ что попробовали: ежели напимѣръ тройку въ телѣгу запрячь, да съ горы ее вскачь пустить, да вы бы ее за заднее колесо остановили, — тогда бы я можетъ спасовалъ передъ вами.

— Неужто вы такую штуку сдѣлать можете? спросилъ младшій Пустынниковъ.

— Дѣлывалъ, хладнокровно отвѣчалъ капитанъ, наливая себѣ и приказному вина.

— Отецъ дьяконъ! стали молить восхищенные братья: — скажи его высокоблагородію многолѣтіе, да погромче заката — уважь по достоинству. — Дьяконъ долго себя ждать не заставилъ и скоро весь домъ отъ его голосища затрясся, какъ говорится, выше и выше. Пустынниковы громко откашливались, чтобы въ самомъ основаніи, достойно (а между тѣмъ дьяконъ все поднимался) нота въ ноту, хоромъ подтвердить (а если можно, такъ даже и перешибить) дьяконское пожеланіе многихъ лѣтъ боярину Громовержцеву; но приготовленія ихъ ни къ чему не повели, потому даже ихъ самихъ ужасъ пронялъ, когда самъ капитанъ, своимъ собственнымъ голосомъ какъ громомъ загремѣлъ многая лѣта своему капитанскому здоровью.

Такъ ужъ и видно было, что капитанъ рѣшился купцовъ на всѣхъ пунктахъ разбить. Оба брата, лишь только замолкъ онъ, бросились обвинять его.

— Эдакой густоты, эдакой высоты отъ роду своего не слышалъ! говорилъ дьяконъ.

— Вотъ человѣкъ-то! Какъ хотите, ваше высокоблагородіе, а я васъ еще поцѣлую! поочередно лѣзли къ капитану Пустынниковы.

Долго тутъ пѣлись и духовныя и свѣтскія канты, и хоть доевъ капитанъ дьякона и Пустынниковыхъ до того, что они ему какъ идолу поклонились; но домашніе, наслышавшись объ егъ геродскихъ похожденияхъ, все-таки желали ему провалиться сквозь землю. Особенно много говорилъ противъ капитана древній старецъ. Многочисленнымъ домочадцамъ и приживальщикамъ рассказывалъ онъ на антресоляхъ, что давно ужъ родился антихристъ, что много людей, злыхъ и продерзостныхъ, изъ его воинства распущено имъ по землѣ соблазнъ заводить, и что капитанъ если не самъ антихристъ, такъ непременно принадлежитъ къ его воинству...

Между тѣмъ капитанъ послалъ приказнаго къ себѣ за гитарой и очень въ то время о чемъ-то задумался, какъ это съ нимъ всегда дѣлалось, когда онъ, какъ самъ у насъ говаривалъ, «основательно выпьетъ».

И какая это грусть находила на капитана и что въ такое время съ нимъ дѣлается, — не знаю; только когда приказный подаль ему гитару, такъ такіе онъ заунывные акорды началъ брать, что дьяконъ и даже сами Пустынниковы чуть не плакали, его слушая. Правда, и хмѣль—то ужъ сильно въ нихъ дѣйствовалъ.

Съ одного разу звуки эти прошли и въ антресоли. Тотчасъ же всѣ кто былъ около древняго старца, его бросили и тихо, на цыпочкахъ спустились внизъ и еще тише размѣстились у двери въ ту комнату, гдѣ пировали хозяева. Стоить вся публика ни жива, ни мертва, слушаетъ значить, какъ капитанъ разливается.

— «Доля, долюшка желѣзная», запѣлъ капитанъ и почувствовалось всѣмъ, что должно быть куда тяжелая была его горькая доля, потомучто слышать *всѣ*, какъ онъ голреомъ своимъ чуть не плачетъ, а гитара—то за нимъ точно человѣкъ выговариваетъ: «доля—долюшка, говоритъ, желѣзная», да еще пожалуй жалостивій человеческого на струнахъ—то выходигъ. Ужъ такъ онъ хорошо на гитарѣ умѣлъ играть.

Всѣхъ разобрало отъ капитанской пѣсни: и домочадцевъ, и дьякона, и хозяевъ; но ничьему сердцу не сдѣлался такъ жалостенъ капитанъ, какъ сердцу Глафиры, потомучто и она тутъ же за дверями стояла.

И хотѣлось же ей въ это время подойти къ капитану и доброе, ласковое слово сказать ему, чтобъ онъ горе свое на вѣкъ позабылъ; да дѣвичій стыдъ не велить!..

«Ты душа ль моя, красна дѣвица», разливается капитанъ въ другой пѣсни.

Ты душа ль моя, добрый молодецъ! пошептомъ повторяетъ за нимъ Глафирушка.

Узнала должно быть она, что больше ужъ ничего не будетъ вѣтъ капитанъ. Убѣжала она наверхъ въ свою комнату и расплакалась тамъ во все свое дѣвичье сердце, да такъ печально да горько, какъ никогда не доводилось ей во всю жизнь плакать, даромъ что отъ пьяныхъ братьевъ тиранство переносила великое.

А вскорѣ послѣ этого и капитанъ оставилъ своихъ новыхъ друзей, и на дорогѣ сказалъ приказному; ежели хозяйская сестра нынѣшній день, на одръ болѣзни не сляжетъ, такъ долго на свѣтѣ жить будетъ...

И хоть не пророкомъ былъ капитанъ, а про то, что заболѣетъ Глафира, предузналъ.

И съ того дня стало сердце ея безирежѣнно встрѣчи съ милымъ человѣкомъ желать; думать начала она постоянно только о немъ; капитанская пѣсня и днью и ночью не оставляла ея. Стала она по немъ сокрушаться и плакать, и наконецъ въ самомъ дѣлѣ заболѣла и на постелю слегла.

Говорили у насъ и тогда еще, что вслухъ предъ чадами и домочадцами, предъ братьями и древнимъ старцемъ въ горячкѣ высказала она весь свой секретъ. Снится ей, говорила она въ бреду, капитанъ и жалуется будто бы на свою горькую долю, и видитъ она, что въ рукахъ у него гитара, а на гитарѣ вмѣсто струнъ птички какія-то сидятъ райскія и таково сладкозвучно человѣческими голосами поютъ вмѣстѣ съ нимъ про тоску его про сердечную.

Гдѣ ты такихъ людей видывала? капитанъ будто бы ей говорить и архаукомъ своимъ золотымъ глаза ей больные слѣпать. Брось, говорить, ты братьевъ своихъ, да ко мнѣ приходи: я тебя за это любить буду. Пѣсни тебѣ на гитарѣ, какія только захочешь, буду играть.

А Глафирушка кричитъ ему: брошу, все брошу! съ тобой, милый сердцу человѣкъ, въ дремучіе лѣса готова идти.

Стоять около дѣвичей постели чада и домочадцы и крестятся; разсуждаютъ они, что не иной кто какъ бѣсъ слова такія безумныя Глафириными устами говорить, и хоть помогъ Глафирѣ

въ ея тяжелой болѣзни древній старецъ наговорами своими отъ навожденья бѣсовскаго, но дѣло кончилось все-таки тѣмъ, что когда черезъ годъ послѣ болѣзни уѣхала Глафира къ теткѣ верстъ за двѣсти гостить, такъ въ городѣ всѣ почти говорили, что она уѣхала вовсе не къ теткѣ, а на хуторъ въ степь, куда будто бы отправили ее братья для того, чтобы прекратить ея любовь съ капитаномъ...

Хоть и глухо объ этомъ случаѣ въ городѣ толковали, однако всѣ доподлинно знали, какъ Глафира съ капитаномъ темныя ночи, какъ въ пѣснѣ поется, прогуливала, ему тайныя забавныя рѣчи говаривала, потому капитанъ ее, истинно сказать, какъ бѣсъ обуялъ. Цѣлый годъ ему только и дѣла было, что какъ бы ее научить изъ дому что-нибудь слящить, да ему принести.

Только какъ ни были пьяны братья Глафирины, а тутъ испугались. И начали они думу думать: куда бы ее отъ чужихъ насмѣшливыхъ глазъ спровадить? а потомъ, когда удалось имъ по городу слухъ пустить, что Глафира дескать къ теткѣ гостить уѣхала, такъ они сваху къ Осипу Петровичу съ подсылкомъ и пошли; а та сейчасъ съ рацеей къ нему: у васъ, говорить, Осипъ Петровичъ, купецъ есть прѣвзжій (а Ваня въ это время новымъ человѣкомъ въ городѣ былъ, недѣля какая-нибудь только прошла, какъ онъ изъ Москвы домой вернулся, и срамота Глафирина до его ушей еще не дошла), а у насъ — объясняеть — товаръ есть отмѣпный, изъ самага Питера вывезень.

И всѣ накинулись на Ваню, чтобы на шею ему Глафирушку нацѣпить. Отецъ потому приставалъ, что приданое большое въ этомъ разѣ считать надѣялся; дядя и тетки разные — чтобы на богатой свадьбѣ покрасоваться, да къ богачамъ въ родню влѣзть. Кончили тѣмъ, что доставили таки всему городу случай на богатую свадьбу поглазѣть.

Такъ звонко на этой свадьбѣ пѣвчіе училищные горла свои надсаживали, что въ шумѣ-то да въ тѣснотѣ отъ прихожей толпы, не слышно и не видно было, какъ одна дѣвица тутъ же стояла, да на молодыхъ гляючи чуть не слезы роняла. Эхъ, Иванъ Осипычъ! думала красота: не съ Глафирой по настоящему подъ вѣнцомъ тебѣ стоять слѣдуетъ...

И бабенки тутъ же городскія про свадьбу шептались.

— У-ухъ, говорила одна, какъ это здорово пѣвчіе горла деруть: слова сказать нельзя! и ротъ свой къ уху сосѣдки плот-

но она приложила и спрашивала: слышишь, што я тебѣ говорю-то? Пѣвчіе горла-то свои какъ страховито деруть?..

Гр-р-ряди, гр-р-ряди! неистовымъ басомъ оралъ на кляросѣ регентъ, предчувствуя здоровенную выпивку.

— Слышу, мать, слышу — нельзя не слышать! отвѣтила сосѣдка, въ свою очередь прикладывая свой ротъ къ уху товарки.

— А молодого-то видишь? Вишь какъ онъ усердно Богу-то молится!

— Вижу, свѣтъ! И опять ротъ къ уху: — только врядъ ли онъ счастья-то себѣ у Бога вымолить: на деньги, говорятъ, польстился; а того не видалъ, да и теперь должно быть не видать, что люди такіе есть, которые его можетъ больше самой невѣсты любить бы стали. Я и красавицу одну видѣла, что по немъ слезы льетъ.

— А што, мать, рази у нихъ что-нибудь было?

— Когда быть-то? Быть-то времени еще не было; а по сосѣдству видала, какъ они межъ собой переглядывались. Очень любовно переглядывались.

— Такъ и плакать не о чемъ. Прежде бы удумывала, какъ бы дѣло рѣшить...

VI

Почернѣли и глубоко въ землю вошли старыя стѣны дома Осипа Петровича; балконъ, придѣланный къ дому, составлявшій нѣкогда гордость Осипа Петровича и красу для всего города, сгнилъ и совсѣмъ развалился, а семейное безобразіе у Осипа Петровича ничѣмъ не состарѣлось и все такъ же по прежнему идетъ.

Такъ же, какъ нѣкогда старуха Осипа Петровича, и Глафира вошла въ мужнинъ домъ съ почетомъ и лживою радостью, при худомъ шопотѣ тутъ же у ней за спиной. Первой въ старину завидовали и разсуждали собственно про то, какому Богу молилась эта голъ перекатная, что въ такой богатый домъ на житье лѣзеть; а про Глафиру просто-на-просто шептали поѣзжане, сватья и кумовья, что погубить она Ивана Осипыча своимъ безпутствомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, когда кончились всѣ эти свадебные пиры

и вопойки, пошла прежняя однообразная, запуганная жизнь, перемежавшаяся однимъ нечеловѣческимъ крикомъ свекора.

Никакъ не вынесла бы Глафира такой тяжелой жизни, если бы Иванъ Осипычъ не держалъ себя къ женѣ прямо супротивъ того, какъ держалъ себя отецъ къ его матери, загубившій и измучившій ее своимъ поведеніемъ.

Поздно узналъ онъ, какіе расчеты побуждали отца женить его, точно также какъ и про то поздно узналъ, что не будетъ у него съ женой любви и согласія — и на невыразимое удивленіе для цѣлаго города, никто никогда не слыхалъ, чтобы въ домъ Осипа Петровича раздавались теперь тѣ воли и крики, которые набѣгаютъ слушать самые дальніе сосѣди и которые обыкновенно означаютъ, что это грозный мужъ надъ невѣрной женой лютуетъ и измывается...

— Вотъ счастливая-то! разсуждали въ городѣ про Глафиру. Ужь ежели эдакихъ мужу не бить, такъ значить послѣ этого ни на кого и пальца поднять нельзя. Приластилась должно быть къ мужу-то, — вотъ онъ и не бьетъ. Вѣдь онъ, эдакія-то, умѣютъ приластиться, знаютъ какимъ ласкательствомъ взять.

А между тѣмъ Глафира вовсе не такъ разсуждала. — Хоть бы разъ, думала она, прибилъ меня мужъ, какъ другіе дѣлаютъ; я бы на пустыню-то ихнюю сейчасъ наплевала; а то какъ же ты согрубишь ему, когда онъ все ласками, да словами разумными усовѣстить хочетъ?

Такимъ образомъ къ концу года замужней жизни своей словно даже и похудѣла Глафира, и куды какъ печальна стала. Еще больше печаль эта усилилась въ ней отъ того, что свекоръ и мужъ рѣдкій день по своей торговлѣ дома бывала. Такая тишь завсегда въ домѣ стоитъ, что въ пустотѣ этой сердце-то каждую минуту страшной тоской замираетъ, и рада радостью была бы Глафира, ежели бы хоть Осипъ Петровичъ въ дому пошумѣлъ, — по крайности человѣческаго голоса послушала бы; а то и отрада одна въ томъ только была, что по цѣлымъ днямъ можно было смотрѣть, какъ старая свекровь спитъ.

Какія тутъ мудренія думы въ молодую голову залѣзть могутъ, рассказать такъ страсти выдутъ одиѣ!.. Въ одиночествѣ-то такомъ да въ безмолвіи заберутся бывало къ ней эти думы, — и цѣлый день она ходитъ и тоскуетъ съ ними, и какъ машина какая, безъ сознанія, все одну пѣсню потихоньку поетъ: возъ-

ми ты, говорить, въ ручки пистолетикъ, прострѣли ты грудь мою!..

Все это она, выходятъ, къ капитану своему обращеніе дѣлала, потому какъ разсуждала она, что ужь если одного его и совѣсть любить запрещаетъ и власти нѣтъ, такъ хоть бы отъ его руки смерть принять.

Такимъ манеромъ это самое дѣло цѣлый годъ продолжалось, потому что хоть и вышла замужъ Глафира, а капитана своего бросить все-таки не могла. Въ самую душу къ ней заходили добрыя и разумныя рѣчи, которыми уговаривалъ ее Иванъ Осипычъ быть доброй хозяйкой для дома и вѣрной женою для мужа, и большое сокрушеніе на душѣ у нея въ этотъ разъ лежало, потому что при всемъ желаніи послушаться мужниныхъ словъ и порѣшить съ капитаномъ, сдѣлать этого она никакъ не могла.

Жизни своей не рада она была, когда мысли эти перемѣнчивыя мучить ее начнутъ, и не разъ случалось, что когда мужъ ласкою да привѣтливостью бывало смягчить ее, то она даже въ раскаяніе страшное приходила. Почнетъ бывало тутъ сама призваться мужу въ своемъ послѣднемъ свиданіи съ капитаномъ, волосы на себѣ отъ раскаянія рветъ и грозное заклятіе кладесть, что опостылѣлъ ей теперь совсѣмъ капитанъ, и что пусть глаза у нея лопнутъ, ежели она посмѣетъ еще разъ взглянуть на него. Но уѣзжалъ бывало куда-нибудь Иванъ Осипычъ на недѣлю-другую — и снова Глафира раздумью поддается, и вспомнить она про мучителя своего капитана. Противъ воли ея станеть онъ передъ ней, красивый и любовный, усы свои черные разглаживаетъ и улыбается. Иванъ Осипычъ тоже ей въ эту минуту представится, и въ уши будто бы таково печально зашепчетъ: смотри, говорить, не поддавайся врагу, мужняя жена! Передъ Богомъ самимъ въ вѣнцахъ золотыхъ мы съ тобою стояли! — И отвернуться старается отъ капитана Глафира; а онъ съ другой стороны зайдесть и опять еще пристальнѣй глазами вопьется въ нее. Но за что не вытерпитъ бывало Глафира, какъ поглядять на все эти глаза такъ-то удало и ласково, даже застонеть тутъ же, сердешная, а про мужнины слова совсѣмъ позабудетъ и непремѣнно пойдетъ у свекровки проситься братьевъ провѣдать...

Обо всемъ этомъ, на великое горе свое, зналъ Иванъ Осипычъ. И пріатели и непріатели частенько ему глаза этимъ самымъ

колышкомъ подкалывали, — и куда ему иной разъ больно было переносить людскія насмѣшки обидныя; но все-таки бить жему свою онъ не хотѣлъ, потому надежды все еще не терялъ, рано ли поздно ли выгнать изъ жениной головы мысли о волюбовникѣ, и только сильно скорбѣлъ объ женѣ, когда она со слезами, сумашедшая словно какая, жаловаться ему почнетъ на тоску свою и на то, что никакъ не можетъ она совладать съ своимъ сердцемъ.

— Какъ же ты бить ее станешь тутъ? думалъ про себя Иванъ Осипычъ. — Вѣдь она сама про себя все безъ утайки рассказываетъ. Нѣтъ! надо полагать, колдовствомъ какимъ ниваестъ испортилъ ее капитанъ! И пристальнѣй бросался онъ подъ рукою развѣдывать, гдѣ бы такого доку-колдуна найти, который бы жену его вылечить могъ.

Много всякихъ докъ перебивало у Ивана Осипыча по этому дѣлу, и полтинниковъ много они съ него перебрали, и сивухи тоже бездну выпили; но должно быть, что бѣсъ, служившій капитану, былъ сильнѣе бѣсовъ, служившихъ докамъ, потому что болѣзнь Глафирина съ каждымъ днемъ все больше усиливалась, и подлѣтать съ этою болѣзною знахари ничего не могли.

Между тѣмъ видитъ капитанъ, что пресѣклись всѣ эти жизненные секурсы, которые во время оно доставляла ему Глафира (потому какъ отъ Осипа Петровича стащить что-нибудь ей не было ни малѣйшей возможности: самъ онъ завсегда строгимъ окомъ за хозяйскимъ своимъ добромъ смотрѣлъ), и говорить пріятелю своему приказному капитанъ:

— А вѣдь надо бы порѣшить съ Глафиркой! надоѣла она мнѣ своими вздохами да слезами, да рассказами глупыми, какъ ее совѣсть мучить, за то что она мужа обманываетъ. Хоть ты бы ее къ себѣ взялъ што ли; а я на все это и прежде того въ большомъ свѣтѣ посмотрѣлся довольно...

— Штожь? Порѣшить такъ порѣшить! согласился приказный. Только въ послѣдній разъ нельзя ли изъ нея какими-нибудь чудесами деньжонокъ немножко на домашніе обиходы извлечь?

Выпивка тутъ на столѣ у капитана стояла. Вотъ они выпили, развеселились, да и придумали вмѣстѣ, что нужно сманить Глафиру будто бы на побѣгъ съ капитаномъ, и чтобы она, ежели у

свекора и мужа не найдетъ, гдѣ деньги лежать, такъ хоть бы вещей съ собою захватила побольше.

— Въдъ у этихъ купцовъ жемчуги тамъ разные подъ спудомъ лежать, добавилъ капитанъ: — по праздникамъ бабищи ихъ толстыя жемчугами этими какъ идолы обѣшиваются; а я, говорить, сокровищамъ онымъ настоящее употребленіе дать постараюсь.

Записку тутъ капитанъ къ Глафирѣ настрочилъ, что дескать очень нужно тебя, прелесть моя, приходи непременно. Очень краснорѣчиво въ этомъ письмѣ изобразилъ онъ, какъ у него прогулка маленькая за городъ сочиняется на цѣлыя сутки, и какъ, если она не обманетъ домашнихъ и на той прогулкѣ не будетъ, запечатлится онъ и мужа ея на базарѣ при всѣхъ купцахъ осрамить.

Получила Глафира записку и цѣлую ночь напролетъ продумала: какъ бы это ей свекровь обмануть, чтобы та безпремѣнно должна была отпустить ее на цѣлыя сутки?

На другой день съ самаго ранняго утра Осипъ Петровичъ съ сыномъ на базаръ закатились, а Глафира съ старухой за чайнымъ столомъ сидятъ — и ждутъ старуха, чтобы молодая невѣстка сливокъ ей въ чай налила. Лѣнь свекрови свою старую руку въ этомъ разѣ самой приложить, потому дождалась она теперь перемѣны: нѣжься теперь, думаетъ, какъ котъ на лежанкѣ, — молодая хозяйка въ дому завелась.

Такъ вотъ и сидитъ себѣ старуха за самоваромъ съ Глафирой. Юлить передъ ней молодая несказанно, — ласки, знаете, ей всякія оказываетъ и даже временемъ руки цѣлуетъ. Раза съ два ужъ свекровь—то чашку свою прикрывала, потомъ ее успѣло такъ порядочно прошибить; а Глафира все ей еще наливаетъ, и такъ умильно проситъ ее чайку—то, стало—быть, еще чашечку выпить. Распарилась старуха и нѣжится; а Глафира видитъ, что ужъ на половину дѣло свое слѣлала, такую ей рѣчь повела:

— Я, говорить, маменька, какой сонъ попища ночью видѣла, такъ сказать невозможно. Такъ это душа у меня умиляется, какъ вспомню про этотъ сонъ! Раза съ два утромъ—то сплалака я, потому большую къ себѣ милость божескую въ эфтомъ свѣдѣю.

— Какой сонъ, Глафирушка? сонливо спросила старуха, собиравшаяся было послѣ чаю прикурнуть немножко. И ужъ давно

бы она отправилась прикурнуть, ежели бы сомнѣше ее по брало: подъ яблонью въ саду ежели соснуть, второкъ будеть лицо продувать — хорошо; но за то мухи будеть кусать: а какъ на зло-горе долго заспяшься, такъ солнцемъ совсѣмъ запечеть. Въ темной кладовой развѣ улечься? такъ Осипъ Петровичъ влючи отъ ней всѣ съ собою забралъ, потому не вѣрять домашнимъ, — вино тамъ у него и всякія сласти стоять.

— Видите, маменька, какой это сонъ страшный! Въ позапрошломъ году, когда я еще въ дѣвцахъ у братцевъ жила, слышали мы, какъ въ Ольховскомъ монастырѣ отъ святаго угодника чудотворенья разныя дѣлаться стали. А тогда, сказываю я вамъ какъ передъ Богомъ, какъ есть еще малымъ ребенкомъ была я, объ мужчинахъ повѣтъ никакого не имѣла и невинность свою, выходить, завсегда значить сберечь въ силахъ была. Только знаете, маменька, какъ это живописцы въ то время соборъ расписывали, — ихъ городничій на квартиру въ нашъ домъ и поставъ. И были эти живописцы всѣ до одного молодые такіе, да веселые; а отъ этого слухъ по городу и поди, что я дескать съ ними загуливаю. Братцы прослышали про это, пѣбить всю хотѣли меня, — только я братцамъ возьми да и меподдайся, потому провинностей за собою никакихъ не чувствовала. Вотъ я тогда обѣщанье угоднику — то ольховскому и дала, на поклоненіе къ нему пѣшкомъ сходить, только бы онъ напраслину мою прекратилъ. И прекратилъ угодникъ напраслину по грѣшной молитвѣ моей. А сходить къ нему — обѣщанья своего я не исполнила, потому тутъ первое дѣло — болѣзнь ко мнѣ въ скорости тяжкая приключилась; а второе — вы меня сватать за Ваню стали, такъ къ свадьбѣ готовилась. У васъ уже послѣ свадьбы попроситься было хотѣла: благо, думаю, недалеко отъ города; такъ совѣстно было на вашихъ однѣхъ рукахъ хозяйство оставить, утруждать васъ не хотѣлось, такъ съ каждымъ днемъ все и откладывала. А совѣсть меня таково это мучить: вотъ, говорить; обѣщанія своего не исполнила, святаго угодника обманула!

Только сплю я понынѣю ночью и вижу, будто сидитъ мы съ вами въ залѣ и чай, какъ теперича, пьемъ. И входитъ къ намъ, маменька, старичокъ, сѣденькій такой, худенькій, и говорить: миръ, говорить, вамъ! Только вы и приказываете будто мнѣ чаю ему наливать; а онъ и говорить: нѣтъ, говорить, не чаю

мнѣ нужно, а спасенія душъ вашихъ нужно. Смотримъ мы будто бы на него обѣ; только страхъ меня такой взялъ, и на васъ то смотрю—и вы-то, маменька, бѣлыя-разбѣлыя сдѣлались, ска-терти словно, и ужасаетесь. А я и думаю: гдѣ же, молъ, такого старичка видѣла я? Да какъ вспомнила, какъ это на картинкѣ затворникъ—то ольховскій написалъ, такъ ноги-то мнѣ какъ будто подсѣны кто. Старецъ—то вылитый былъ какъ на картинѣ нарисованъ, и борода—то у него такая же сѣдая, и четки, и чернымъ ремнемъ подпоясанъ. Чтó вы, говорить, чада, о спасеніи душъ своихъ не заботитесь? Только, говорить, и знаете, что чай пьете. И на меня это такъ грозно взглянулъ и говорить: по-что ты, раба, обѣщанія своего не исполняешь? Залилась будто я слезами; а онъ, голубчикъ мой, подошелъ ко мнѣ потихоньку, улыбается и ручку мнѣ на голову (сухонькая такая ручка-то!) и положить: не плачь, говорить, раба, а завтрашній день въ монастырь ко мнѣ отправляйся и ей скажи (это онъ, маменька, на васъ—то указывалъ), чтобы она безпремѣнно тебя отпустила; а то говорить счастья никому изъ васъ ни въ чемъ не буду давать.

Охота прикурнуть гдѣ—нибудь вмигъ пропала у старухи. Грозно сталъ у ней предъ очами затворникъ ольховскій, губами своими высохшими гровный укоръ свой о лѣни ей шепчетъ. Прощибла старуху слеза: грѣшница, грѣшница я! вопить она. Душу свою совсѣмъ загубила, тѣло свое лѣни бѣсовской на вѣкъ отдала. А затворникъ попрежнему стоитъ, слова ей слезныя въ ухо ей повторяетъ, душу, говорить, ты свою совсѣмъ загубила, лѣни, говорить, бѣсовской тѣло свое на вѣкъ отдала!.. Оперлась рукави старуха объ столъ, лицо свое старое уткнула въ широкіе рукава и вопить... Все это тутъ въ умъ ей пришло, вся жизнь ея прошлая въ голову ей забралась и зачала она угоднику жаловаться, оправданье въ лѣни великой своей ему приносила: — Ватюшка ты мой! плакала она: не знаешь ты рази жизни моеи горькой? Не знаешь ты рази, какая я охотница въ дѣвкахъ была по церквамъ ходить? Аль никогда не видалъ ты, какъ сохла краса моя дѣвичья, на суроваго да на драчливаго мужа возвраючи, утѣшмя въ дѣтяхъ не видючи?..

— Будеть, маменька, будетъ! утѣшала Глафира свекровь. — Вы вочь отпустите меня на поклоненье—то; можетъ угодникъ и смилуется.

Но крѣпко должно-быть у старухи слезы наружу просились, больно тѣсно, надо полагать, въ безотвѣтной груди тяжкому горю пришлось. Во весь слухъ, чтобы слышали все добрые люди, захотѣла душа ея рассказать про болѣзныя скорби свои — и все громче и громче стонала старуха, и все громче и громче зывала она къ угоднику, чтобы онъ рассудилъ ее съ ея горькою жизнью. — съ мужемъ тираномъ, умоляла она, чтобъ пришолъ поскорѣй рассудить.

— Што вы, маменька, расплакались? юлила Глафира, обрадованная тѣмъ, что такъ поддается свекровь. Вы вотъ про монастырь-то што скажите? Идти, шго ли?

— О-охъ! Умереть бы мнѣ што ли ужь поскорѣй! Отъ жизни-то эфтой проклятой, хоть бы темная могила закрыла меня!..

— А вы меня рѣшайте поскорѣй въ дорогу-го отпустить. А то тятенька съ мужемъ придуть, совсѣмъ пожалуй не пустять.

— Иди, Глафирушка, иди со Христомъ. Только возвращайся ты поскорѣй. — въ отвѣтъ меня предъ отцомъ не вводи. Деньжонокъ-то у меня на свѣчи тебѣ дать совсѣмъ, матушка, итъ.

— У меня, маменька, своихъ денегъ-то есть немножко, сказала Глафира и укатила на богомолье.

Вечеромъ пришолъ домой Иванъ Осипычъ и спрашиваетъ мать: гдѣ же, говорить, маменька, Глафира?

— На богомолье къ чудотворцу пошла. Сонъ такой видѣла, — нельзя не пойти, отвѣчаетъ старуха.

А на другое утро Осипъ Петровичъ на базарѣ вотъ какую пытку вытерпѣлъ: сидитъ онъ себѣ въ лавкѣ и видитъ, какъ мѣщанинъ одинъ (извѣстный скалдырникъ и забіяка) мимо его лавки идетъ и шапки передъ нимъ не ломаетъ; а еще у Осипа Петровича по лавочной книжкѣ рубля съ два причиталось за нимъ. Только Осипъ Петровичъ, шутки ради, и крикнулъ вслѣдъ: *ваше благородіе!* Степанъ Ильичъ!

Оглянулся Степанъ Ильичъ; а шапки все-таки не ломаетъ.

Взорвало это Осипа Петровича и вымолвилъ онъ: не пора ли, говорить, вашему благородію долгишко мнѣ заплатитъ, чѣмъ въ кабакъ лыжи-то направлять?

— Должишко я тебѣ вскорости дѣвствительно заплачу; а учить ты меня не моги, потому какъ невѣстка у тебя развратная, такъ ты добрыхъ людей завсегда стыдиться должонъ и молчать передъ ними...

— Ш-што?

— Ничего! Мимо, примѣромъ, андроны съ позвонками проѣхали, за языкъ колесомъ зацѣпили. Вотъ што!

— Нѣтъ! Ты докажи! — А лавочники видятъ, что погѣха и глумленіе великое будетъ, гурьбой къ лавкѣ-то Осипа Петровича привалили и смотрятъ, чѣмъ дескать комедія разыграется? А Осипъ Петровичъ тотчасъ къ нимъ: засвидѣтельствуйте, говорить, честные люди, какъ онъ смѣетъ честную жену честнаго мужа порочить?

— Слышимъ-ста, бороды говорятъ и глумятся.

— Слушайте, господа, говоритъ Степанъ Ильичъ. — Свидѣтельствуйте съ нищими по субботамъ, што вотъ эфтогъ самый купецъ денежки имъ никогда во всю свою жисть не давалъ. А вотъ про эфту исторію, какъ нѣкій отецъ сына своего единоутробнаго изъ денегъ обманомъ на шлюхѣ женилъ, съ нашимъ удовольствіемъ расскажем. А ты ее, Осипъ Петровичъ, стихомъ опиши, — вѣдь ты пѣсни-то большой мастакъ сочинять, такъ ты и опиши, каковы вы оба съ своею невѣсткой здоровенные мошенники суть? Эфтова тебѣ запретить никто не въ силахъ; а я завсегда тебя, помни ты это, обрехать могу, какъ только моею душѣ эфтово захочется...

Люди добрые смѣются, а Осипъ Петровичъ кипитъ и въ драку мечется; но толпа къ Степану его не пускаетъ.

— Вы можете не повѣрите мнѣ, господа, продолжалъ Степанъ Ильичъ, какъ вчерашній день невѣстку его капитанъ на ракитинскомъ полѣ розгами высѣкъ за то, что она не соглашалась, глупая, у этого стараго дурня деньги украсть, да капитану на разживу принести... Сейчасъ издохнуть, всю эфту исторію своими глазами я видѣлъ, потому какъ во ржахъ я полный въ эфто самое время спалъ, да она, мошенница, крикомъ своимъ меня разбудила.

— Врешь, не докажешь! твердилъ Осипъ Петровичъ. До губернатора дойду, въ Сибирь тебя, ёрника, уеску!

— Што далеко больно? трунилъ Степанъ Ильичъ. — Дороги пожалуй въ Сибирь безъ тебя не найду. Ты вотъ лучше домой сбѣгай, да спреси у невѣстки-то: куды-моль ты, невѣтушка, платье свое подѣвала? Вѣдь такъ, братцы мои, капитанъ платьишко-то съ нее ободралъ, что она день-денежкой въ кустахъ да

во ржахъ пряталась, и ночью ужь домой, въ чемъ мать рѣдила, пришла...

— У-гу! О-го-го! рѣшила базарная толпа воспѣвать Осипу Петровичу. А тотъ бросилъ и ихъ, и лавку, и чуть не бѣгомъ пустился домой.

— Парня-то срамотить жаль, а то бы я тебѣ, старшій шутъ, не того бы еще наговорилъ! сказалъ Степанъ Ильичъ. А то еще учить поумнѣй себя захотѣлъ.

Ядромъ эдакимъ раскаленнымъ вкатился Осипъ Петровичъ въ горницу. Сталъ въ дверяхъ и трясется весь; а въ залѣ-то Глафира съ мужемъ и свекровью сидятъ.

— Такъ-то ты, анаѣма, честный мой домъ порочить вздумала! А? Съ кулаками было на Глафиру таково жарко бросился онъ; а Иванъ Осипычъ и загороди ее, да и говоритъ: што такое, тятенька?

— Пусти! Я ей косы-то по своему заплету. Капитанъ ее выскѣкъ вчера.

— Нѣтъ ужь, тятенька, я ей косы-то самъ заплету, коли нужно будетъ. И какъ вы, тятенька, даже удивляетъ меня это, сердиться теперь на нее можете? Вѣдь знали вы, кого на шею нацѣпить постарались?

— Пусти! Я ее убью! кипятилъ Осипъ Петровичъ и сломить было сына попробовалъ.

— Напрасно, тятенька, руки трудишь. Я глава своей жены; мнѣ про это въ церкви сказано и, какъ таперича слабый мой умъ разсуждаетъ, я съ ней самъ и расправлюсь.

— Пусти! и тебя съ ней прибую! шумѣлъ грозный старикъ, и сыну этта тумака въ голову далъ.

Взялъ его Иванъ Осипычъ за руки; а старикъ барахтался, — уступить молокососу не хочетъ.

— Будетъ, тятенька, съ васъ! Одну отуманили, вишь вошь маменька-то какая сидитъ... Другой отуманить не дамъ. Съ меня за нее Богъ възыщеть! возражаетъ Иванъ Осипычъ. А самъ старика-то на стулъ посадить силится, чтобы значить, сердце-то съ него посошло.

— А? Ты противъ отца идешь? Руки на отца налагать вздумалъ? Будь же ты отъ меня анаѣма-проклять! и съ этимъ словомъ, словно какъ подкосились у него ноги, — сразу и бухъ на стулъ.

Смотритъ на родителя Иванъ Осипычъ; а у него глаза подь самый лобъ подкатились. Сыпнина непослушанія не вынесъ старикъ: парализъ его сразу до смерти зашибъ...

— Ваня! Ваня! завопила Глафира и въ ноги къ мужу, какъ мертвая, бросилась. — Сейчасъ издохнуть явѣ, ежели я теперича что-нибудь супротивъ тебя сдѣлаю!..

А Ваня долго какъ-будто раздумывалъ что-то надъ трупомъ отцовскимъ. Но вопль жены вывелъ его изъ этого раздумья. Крикнулъ онъ и со всею злобою бросился на нее и, какъ въ былыя времена только что умершій отецъ ревелъ на его мать, такъ и онъ заревелъ на жену: ничего съ тобой, шельма ты эдакая, по доброй душѣ не подѣлаешь! Словъ ты хорошихъ не слушала, и черезъ тебя я родительскаго благословенія на вѣки лишиться должбнъ!..

— Ваня! ейбогу, не буду! вопить Глафира: прости ты меня, голубчикъ, на этотъ разъ, окаянную, проклятую!..

Смотритъ старуха-мать на адъ этотъ и крестится. Душу ли мужа напутствуетъ она этимъ крестомъ въ дальшія-дальшя страшны, или Бога просить, чтобы онъ гнѣвъ новаго владыки и грознаго главы и хозяина дома смягчилъ — ужъ не знаю...

А. ЛЕВИТОВЪ

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПѢСНЯ

(на мотивъ изъ Теннисона)

Блѣдныя руки скрестивши на грудь,
Спи! совершилъ ты тяжолый свой путь.
Съ листьевъ плакучей, серебристой березы
Каплють на гробъ твой росинки, какъ слезы.

Горе въ груди не советъ ужъ гнѣзда,
Въ домъ твой стучаться не будегъ нужда.
Грустно шумить надъ тобою дубрава...
Спи! отдохнуть ты купилъ себѣ право.

Жизнь трудовая не даромъ прошла...
Ратовалъ ты противъ мощнаго зла,
Честно стоялъ ты за честное дѣло —
Сердце враждой и любовью кипѣло!

Спи! надъ могилой зеленой твоей
Птичка звенить въ темной чащѣ вѣтвей.
Мирнаго сна не встревожить шипѣнье
Зависти черной и сильныхъ гоненье!

Пчелы, которыхъ здѣсь маятъ цвѣты,
Слаще поють, чѣмъ уста клеветы.
Спи безпробудно подъ сладкіе звуки,
Накрестъ сложивъ свои блѣдныя руки.

Въ твой одинокій, цвѣтуцій приютъ
Люди съ своей суетой не придутъ.
Только скользятъ по могильной ступени
Солнца лучи, да волнистыя тѣни...

А. ПЛЕЩЕВЪ

ФИНАНСОВЫЕ И ДРУГИЕ СИМТОМЫ ВО ФРАНЦІИ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Когда въ нашей обыденной жизни лекарство не помогаетъ больному, мы обвиняемъ лекарство и очень рѣдко самого больного; въ политической жизни государствъ, въ подобномъ же случаѣ, бываетъ наоборотъ: винятъ самихъ людей, т. е. тѣхъ, которые принимаютъ лекарство; говорятъ, что они для нѣкоторыхъ учрежденій не созрѣли, забывая спросить въ тоже время, хороши ли эти учрежденія и дѣйствительно ли они лучше прежнихъ? Февральская революція служитъ лучшимъ примѣромъ того, какъ нѣкоторые звучные принципы общественнаго благосостоянія оказываются на дѣлѣ далеко не такъ благодѣтельными, какъ казалось сначала, и будучи можетъ-быть полезны обществу только въ извѣстной степени и въ извѣстное время, вовсе не своевременны и даже вредны въ другое. Одинъ изъ такихъ принциповъ 48 года — *свобода*, конечно въ смыслѣ французской политической и промышленной школы. Этотъ звукъ, весьма дорогой для прародительски-богатаго лорда и сытаго буржуа, насмѣшливо пусть для голоднаго, шатающаго работника. Другой принципъ — *братство* еще менѣе удобоосуществимъ на дѣлѣ. Предписывать вдругъ людямъ любить братски другъ друга можно только отъ полнаго незнанія свойствъ современнаго общественнаго устройства, и главное, природы западнаго человѣка. Одинъ изъ самыхъ священныхъ и заманчивыхъ, онъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда вытекаетъ изъ взаимной зависимости интересовъ членовъ общества, и вовсе невозможенъ въ томъ обществѣ, гдѣ нѣтъ этого условія, гдѣ все основано на *help-yourself*, на *aide-toi, le ciel t'aidera*. Система существующаго общественнаго устройства, подавляя въ людяхъ прирожденное имъ человѣчески-естественное сознаніе того, что имъ рѣшительно нельзя жить безъ взаимодѣйствія услугъ имъ подобныхъ членовъ общества (ибо съ этою единою цѣлью оно и составляется), побиваетъ

на корню спасительные всходы евангельскаго положенія о братствѣ не въшнеею силою, а силою своего основного связующаго начала. Третій принципъ еще страннѣе — *равенство*: здѣсь говорится не о равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ, а о томъ эфемерномъ равенствѣ правъ всѣхъ людей на одинаковое благосостояніе, а слѣдовательно и о равенствѣ ихъ обязанностей передъ государствомъ, въ чемъ ни одинъ изъ печатателей, говорившихъ о немъ, не отдалъ себѣ отчета и о которомъ и говорить нечего, ибо его нѣтъ, и его не нужно. Внесенія этихъ трехъ началъ, или вѣрнѣе, только первыхъ двухъ въ государственное устройство европейскаго общества домогались, къ его великому несчастію, революціонеры 1848 года. Они вѣроятно были проникнуты (если не всѣ, то многіе) неподдѣльною любовью, хотя очень неразумною, къ угнетенному большинству и нишля позное основаніе думать, что государство съ милліонами голодныхъ и десятками пресыщенныхъ — есть аномалія, поддерживаемая беззаконіемъ и невѣжествомъ. Зная, что общество страдаетъ, что оно того-глядя погибнетъ, если ему не помочь вовремя и дѣльно, они, вѣря въ могущество своихъ трехъ словъ: *liberté, fraternité, égalité*, старались внести ихъ во французскій государственный кодексъ. Но это лекарство общественныхъ недуговъ оказалось слабымъ, нераціональнымъ; народу не стало отъ него легче; непрежнему онъ во всемъ терпѣлъ недостатокъ, непрежнему капиталъ былъ царемъ его судьбы, а конкуренція — послушною рабою капитала и законодательницею голодныхъ смертей или несытыхъ существованій. Ноябрьская конституція 1848 года оказалась пустою фразою. Бѣдствія простаго народа ⁽¹⁾ не уменьшились; партіи не переставали биться за господство надъ его политическими судьбами и надъ его потомъ добытою конѣйкою; анархія росла не по днямъ, а по часамъ; герой іюнскаго побойща вздумалъ насильно выучить народъ благоденствовать, затопилъ его въ его собственной крови и заставилъ отступить. Борьба была не равна. Послѣдняя цѣль работниковъ сдѣлалась недостижимою; о *vivre en travaillant et mourir en combattant* (жить работая или пасть въ бѣю) нечего было и думать, благодаря ссылкамъ; его заработная плата не подымалась, благодаря застою въ промышленности, вызванному анархіей; его самые горячіе коноводы пали съ оружіемъ въ рукахъ; но буржуазія все-еще не отпирала своихъ лавочекъ. Въ это время Луи-Наполеонъ Бонапарте предложилъ себѣ въ кандидаты въ президенты республики. Туманъ началъ рѣдѣть. Работникамъ онъ го-

(1) На 18 милліоновъ мужескаго населенія Франція, простаго народа приходится до 16%, милліоновъ.

верилъ про демократію, указывалъ на свой сочиненіа: «Наполеоновскія идеи» и «объ искорененіи шауверизма» и на протерѣнные имъ за его интересы гошеія; буржуазія онъ говорилъ про страстно любимый ею *ordre* (порядокъ); предвѣщаямъ онъ обѣщать кусокъ хлѣба; бульварамъ — спокойныя прогулки на нихъ и бойкую торговлю въ ихъ блестящихъ магазинахъ. Казалось, все, чего ждалъ народъ отъ февральской революціи и чего она ему не дала, обѣщала ему теперь Бонапарте. Не вѣрить ему тогда было бы странно, да и едва ли это было возможно послѣ событій 2-го декабря 1851 г. Самъ онъ, со своей стороны, въ этой вѣрѣ не нуждался, какъ оказалось впоследствии. Чтобы утѣшить себя и выйти изъ своего безнадѣжнаго положенія, народу оставалось отдаться ему волею; другой исходъ была анархія, а съ нею народу пришлось бы умирать на первыхъ же порахъ съ голоду, а между тѣмъ рѣчи Луи-Наполеона обѣщали обиліе. Эти посулы въ нѣкоторой степени содѣйствовали успѣху его выборовъ; народу лучше было брать журавля въ небѣ, когда ему и синицы въ руки не давали: онъ повелѣлъ повѣрить всему и выбралъ Луи-Наполеона въ президенты. Началась реакція; буржуазія была въ восторгѣ; Кайена стала наполняться, ноля сурдиной, целовками и несильными и иногда несправедливо обвиненными друзьями народа. Конституція 1852 года (1) передала въ руки принца-президента всю государственную власть; ему въ помощь были даны: сенатъ, законодательный корпусъ и государственный совѣтъ. Все напоминало прошлую имперію; сенаторы республики предложили се президенту. Послѣ бордосской рѣчи и послѣдовавшаго затѣмъ вѣзда въ Парижъ, нельзя было сомнѣваться въ ея утвержденіи. Партія порядка, армія и сельское населеніе 7½ миліонами голосовъ провозгласили Луи-Наполеона императоромъ французовъ. Едва замѣтное сопротивленіе этому выбору доказало, что Франція устала, что большинству ея было рѣшительно все равно, кто имъ править, что о возстановленіи принциповъ 1783 года хлопотали только парижане, и то сытые, а голодными муженъ былъ хлѣбъ, какимъ бы принципомъ онъ подавъ ни былъ. Поэту — Виктору Гюго можно простить его политическіе промахи, но они непростительны истиннымъ публицистамъ, изъ которыхъ одни, ослѣпленные своими политическими предразсудками, а другіе, подъ вліяніемъ своекорыстныхъ, неудав-

(1) Конституція 14—22 января 1852 г. дополнялась въ теченіе всего этого года разными сенатскими указами и декретами и послѣ, до 21 июня 1853 г. сенатскимъ указомъ 7—10 ноября 1852 г. Луи Наполеонъ былъ провозглашонъ императоромъ.

шихся расчетовъ, не хотѣли видѣть въ избраніи въ императоры Луи-Наполеона ничего иного, кромѣ ловкой интриги. Говоря такъ, они или не знали, что изъ 10 миліоновъ подававшихъ голоса не всѣ ничего не понимали, или рассчитывали этимъ предположеніемъ уронить вторую имперію во мнѣніи народа. По счастью, обманывать его не такъ легко! Развѣ нельзя въ вѣкоторой степени благоденствовать въ иной имперіи и страдать въ иной республикѣ? Все зависитъ отъ опредѣленія значенія слова «благосостояніе людей.» Точно будто бы всѣ 7½ миліоновъ, провозгласившіе Луи-Наполеона императоромъ, были или дураки, или подкупленные предатели! Правда, на партію порядка, на буржуазію сильно и благопріятно подѣйствовали слова: *l'empire, c'est la paix* (имперія есть миръ) ⁽¹⁾ и обѣщанія Наполеона заботиться о промышленномъ и материальномъ преуспѣяніи и обогащеніи Франціи. Правда, на народъ имѣло сильное вліяніе духовенство; но развѣ ему не все было равно, кому платить подати? и чѣмъ лучше былъ бы для него іюньскій герой, Кавеньякъ декабрьскаго, Луи-Наполеона? Духовенство только старалось научить его, что, подавая голоса въ пользу послѣдняго, оно пріобрѣтаетъ себѣ правителя, думающаго о народѣ какъ о своихъ дѣтяхъ; а увѣрить въ этомъ этихъ взрослыхъ дѣтей вовсе было не трудно. Одинъ только вопросъ государственнаго права могъ ихъ заботить — вопросъ налога, и то только прямого, который прямо касался ихъ существованія; про косвенный они ничего не знали, а увеличивавшуюся дороговизну сваливала, по обыкновенію, на купцовъ, народныхъ піявицъ, по ихъ мнѣнію. Духовенству оставалось только увѣрить всю эту толпу въ полосатыхъ колпакахъ, блузахъ и деревянныхъ башмакахъ, что налогъ увеличенъ не будетъ, и разбудить въ ихъ грубыхъ и тѣмъ легче воспламеняемыхъ пустою фразою о славѣ сердцахъ, воспоминанія о первомъ Наполеонѣ, самомъ популярнѣйшемъ изъ государей Франціи, котораго статуйки и портреты украшали еще въ то время не одну убогую хижину. Но справиться съ настроеніемъ умовъ парижскихъ и ліонскихъ работниковъ было труднѣе. Они не только глубоко сознавали свои безвыходныя бѣдствія и страшное неравенство своего благосостоянія, сравнительно съ благосостояніемъ вѣкоторыхъ привилегированныхъ, но и знали также, чего бы они достигли, если бы въ іюнь 1848 года имъ удалось одержать побѣду, которая ускользнула отъ нихъ въ терроръ 1793 года, ибо они умѣли братья за оружіе для достиженія и своихъ собственныхъ цѣлей, а уже не

(1) Теперь только можетъ-быть она догадалась, что *l'empire, c'est la paix*, т. е. имперія есть плата.

цѣлей своекорыстныхъ демагоговъ. Но эта же чернь парижскихъ предмѣстій, на которую такъ необдуманно рассчитывали Ледру-Роллены и Луи-Бланъ, поняла, въ 1851 году, что съ возстановленіемъ имперіи, она если ничего не выиграетъ, то ничего и не потеряетъ, и потому такъ скупо и откликнулась на демократическія прокламаціи 2-го декабря. Луи-Наполеонъ понималъ это и не побоялся предмѣстій; справиться съ демократами и орлеанистами, не имѣвшими никакихъ связей въ дѣйствительномъ рабочемъ классѣ, а опиравшимися только на голодную толпу, *voyeurs* (мазурики), *gamins de Paris* (мальчишки-мазурики) да на шатающихся и пьянствующихъ работниковъ, ему было не трудно, тѣмъ болѣе, что его сторону держало войско, искусно польщенное въ Сатори и жалованье котораго было такъ вѣвремя увеличено (1). Побѣда надъ нищими и демократами была несомнѣнна; она была даже исторически логична. Оставалось только привлечь на свою сторону богатыхъ и вліятельныхъ свѣтскихъ и духовныхъ. Первые, съ 48 года не знавшіе ни одной спокойной ночи, запуганные облыть чудищемъ социализма, съ радостью внимали іонской пальбѣ, и только и успокоились 5-го декабря, когда *ordre et autorité* были окончательно возстановлены. Имъ не только нечего было терять отъ единовластія Наполеона, но напротивъ того, все можно было выиграть. Обѣщанные мирные годы и промышленныя завоеванія какъ нельзя лучше льстили ихъ навязательнымъ тенденціямъ; сомнѣваться въ ненарушимости будущаго спокойствія, послѣ побѣды 2-го декабря, было для нихъ непонятно, а при видѣ зуавовъ и линейныхъ полковъ — даже пожалуй невозможно. Войско, набранное въ сельскомъ населеніи, по принципу консервативномъ и довольномъ всякою сильною властью, не могло не раздѣлять, въ глубинѣ своей души, убѣжденій своихъ отцовъ; а содержимое весьма щедро, едва ли бы рѣшилось мѣнять власть, которая такъ нѣжно нечется о немъ, на сомнительныя будущія судьбы солдата свободы, со всѣми его гражданскими доблестями. Духовенство, знатное и незнатное, зная что слѣдалъ для условія *sine qua non* ихъ существованія Луи-Наполеонъ въ 1849 году осадой республиканскаго Рима и военнымъ его занятіемъ съ той поры, и помня, что Наполеонъ I, хотя и арестовавшій разъ какъ-то ихъ папу, но возвратившій за то позже имъ ихъ нравственное значеніе во Франціи и даже въ вѣкоторой степени ихъ богатства, былъ дядей новаго императора, не могло, слыша увѣренія Луи-Наполеона, сомнѣваться

(1) Увеличено было только жалованье унтеръ-офицеровъ: исграчено на первый случай 2 мил. франковъ.

въ томъ , что принципы первой имперіи не будутъ принципами второй и отказать въ своей помощи тому , чья интересы были во многихъ отношеніяхъ такъ одинаковы съ его интересами. Врагами у принца президента оставалась затѣмъ небольшая толпа демократовъ , искреннихъ и неискреннихъ. Иныхъ изъ нихъ выслали изъ Франціи , другихъ сослали въ Каену , третьи сами бѣжали. Мало по малу взволнованное съ 48 года море Франціи успокоилось и входило въ свои берега ; затихли мелочныя и безжелезныя парламентскія пренія , замолчала талантливая пресса , смотрѣ смѣнялся смотромъ , пантеонъ перешолъ снова въ руки духовенства , а на закладкѣ марсельскаго собора Наполеонъ торжественно подписалъ свою конвенцію съ папами. Въ декабрѣ 1852 года его провозгласили императоромъ и навсегда отдали его династіи , въ мужескомъ поколѣніи , престолъ Франціи.

Народъ свое сдѣлалъ. Посмотримъ теперь , въ какой мѣрѣ исполнились всѣ ему данныя обѣщанія. Первымъ изъ нихъ было данное обѣщаніе въ Бордо словами : *l'esprit, c'est la paix*, вторымъ — благосостояніе рабочихъ классовъ , третьимъ — промышленныя завоеванія. О томъ , какъ исполнено первое , и говорить нечего. Но здѣсь же надо прибавить , что воинственная политика второй имперіи нашла себѣ сильную опору. въ печальной страсти французонъ къ косвенной славѣ , къ вѣшнему блеску , къ формѣ и реляціямъ о какой-нибудь *grande victoire*. Войны второй имперіи обошлись Франціи болѣе чѣмъ въ 3½ миллиарда франковъ. Тогда какъ военствешная и дѣйствительно славная и блестящая первая имперія обходилась Франціи около 800 мил. франковъ въ годъ , вторая обходится ей ежегодно болѣе двухъ миллиардовъ ⁽¹⁾. На погашеніе и уплату долга , сдѣланнаго только для крымской войны идетъ ежегодно 92½ мил. франковъ. Для покрытія этой издержки пришлось увеличить смѣту государственныхъ доходовъ , т. е. народныхъ расходовъ , и оставить и на мирное время извѣстную «десятину отъ войны», *décime de la guerre*, (на которую жаловался неданно Гуэнь въ законодательномъ корпусѣ) т. е. дополнительные 10%, приплачиваемые къ общей суммѣ косвенныхъ сборовъ. Въ официальную программу Луи-Наполеона , какъ и всякаго другого государя , входило разумѣется и благо народа , такъ какъ *salus populi suprema lex*. Посмотримъ , какъ достигъ онъ этой цѣли. Франція страдала при его вступленіи на престолъ , и даже можетъ-быть болѣе чѣмъ когда либо , отъ своихъ обыкновенныхъ общественныхъ ранъ , изъ которыхъ главною былъ науперизмъ. Первою ему принесенною

(1) Кохинхинская экспедиція до сентября 1859 г. стоить 40 мил.

жертвою были 10 миллионов, полученных отъ продажи части орлеанскихъ имѣній. Этими 10 миллионами правительство помогло предпринимателямъ настроить огромныхъ казармъ для рабочихъ, въ главныхъ городахъ Франціи (напр. въ Парижѣ — въ гас Chevre-Midi и на бульварахъ Sébastopol и Mazas). Въ послѣдующіе годы хлѣбныхъ неурожаевъ и дороговизны, правительство вышло на помощь народу, да въ то только въ одномъ Парижѣ, введеніемъ высокой таксы на хлѣбъ и учрежденіемъ особыхъ caisses de boulangerie (хлѣбныхъ складовъ). Эти лавазы выдавали бѣднымъ работникамъ такъ называемые bons de boulangerie, по предъявленіи которыхъ они платили за хлѣбъ по таксѣ; хлѣбникамъ же, за ихъ убытки, предплачивало правительство, или вѣрнѣе городъ, имѣя въ виду, что въ урожайные годы (а ихъ во Франціи всегда больше неурожайныхъ) ничтожнымъ возвышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ оно вознаграждаетъ себя за пожертвованія голодныхъ годовъ. Парижская дума приплатила такимъ образомъ съ 1 сентября 1853 по 15 марта 1856 года, т. е. втеченіе тридцати съ половиною мѣсяцевъ 51.501.611 франковъ, т. е. по 1.688.580 франковъ въ мѣсяць. Тѣмъ не менѣе, бѣдствія рабочихъ не уменьшались; тысячами оставались они безъ работы, ибо спокойствіе, послѣ катастрофы 2 декабря, еще не успѣло восстановиться. Надо было эти голодные толпы безъ дѣла чѣмъ-нибудь занять. Соединяя съ этою цѣлью желаніе оставить по себѣ, подобно римскимъ цезарямъ, славу въ громаднѣхъ постройкахъ и казаться народу въ то же время монархомъ, заботливымъ о его насущномъ хлѣбѣ, Луи-Наполеонъ предпринялъ соединеніе Лувра съ Тюльери, перестройку городской думы (hôtel de ville), а въ видахъ разединенія, на случай новаго мятежа, силъ возставія, началъ проведеніе артерій Парижа, т. е. улицы Rivoli и Сенастокольскаго бульвара, расширеніе нѣкоторыхъ площадей, и постройку казармъ Château d'Eau и Napoléon. Правительству обошлись эти постройки, съ 1852 по 1857, около 216 мил. франк. (на одно продолженіе улицы Rivoli⁽¹⁾ истрачено, съ 1852 по 1857 г., 126.211.549 франковъ). Къ казеннымъ постройкамъ и перестройкамъ второй имперіи присоединились частныя Миресовъ, Перейровъ и подобныхъ имъ предпринимателей. Во время роковыхъ для рабочаго народа шабашей, Наполеонъ являлся на помощь къ бездѣйствовавшимъ фабрикамъ со своими собственными заказами. Въ Лионѣ онъ лично заказалъ однажды на 10.000 фр. шелковыхъ тканей. Съ этою же

(¹) Къ 1856 году, для этой улицы было снесено 187 домовъ и уничтожено 82 старыя улицы. Всѣ домовладѣльцы конечно были вознаграждены. Вообще въ Парижѣ на 2000 старыхъ домовъ построено теперь едва 650 новыхъ.

цѣлью, и чтобы доставить парижскимъ работникамъ болѣе благосостоянія, удешевляя ихъ любимыя потребленія въ кофейняхъ (cafés), правительство помогло нѣкоторымъ предпринимателямъ выстроить извѣстный великолѣпнѣйшій стѣнъ и грязными лохмотьями гостей, Café de Paris (на бульварѣ, если не ошибаюсь, St.-Denis), или другой, Café du XIX-me siècle, гдѣ главнымъ гостемъ сидитъ его царь, ouvrier (работникъ), по вѣрному замѣчанію Муцла. Когда, по случаю перестройки Парижа, квартирныя цѣны въ новостроенныхъ домахъ сильно поднялись и бѣднымъ людямъ или приходилось переѣзжать въ отдаленные кварталы города, или, занимая квартиры въ центрѣ, рисковать, за малѣйшую просрочку въ платежъ за квартиру, быть выгнаннымъ на улицу, правительство сразу догадалось о затрудненіяхъ, могущихъ изъ этого возникнуть, и посредствомъ полицейскихъ мѣръ, заботясь повидимому объ интересахъ бѣдныхъ, а собственно только имѣя въ виду предупредить опасныя столкновенія, стало открыто мѣшать домовладельцамъ губить несостоятельныхъ жильцовъ и мѣшало въ такой степени, что поднялся общій ропотъ. Выводя послѣднія слѣдствія изъ этой мѣры, напоминавшей Бабёфа, одинъ извѣстный публицистъ разоблачилъ принципъ, лежавшій въ ея основаніи и доказалъ, что ея само правительство, преслѣдующее социалистовъ, нарушаетъ право собственности и противорѣчитъ своей официально-провозглашенной задачѣ: *«спасеніе общества и его законныхъ принадлежностей, собственности и семейства.»* Въ заглавіи сочиненія авторъ спрашивалъ: *«Къ чему домовладѣльцы?»* и предлагалъ государству купить дома, выдать ихъ собственникамъ облигаціи, погашать ихъ и платить по онимъ проценты—получаемыми съ жильцовъ государственныхъ домовъ деньгами, а всѣхъ вольнонаемныхъ дворниковъ, швейцаровъ и portiers замѣнить особыми чиновниками и т. д. Но ничего не выиграли отъ полицейскаго вмѣшательства бѣдняки: оно, какъ всегда, оказалось недействительнымъ, и всемогущій капиталъ остался законодателемъ. Требованіе на квартиры увеличивалось въ замѣтныхъ размѣрахъ; постоянно прибывали въ Парижъ изъ департаментовъ новыя толпы рабочихъ (съ 1851 по 1856 его населеніе возрасло на 300.000, а цѣлой Франціи съ 35.783.170 на 36.039.364, или на 256.194); имъ нужно было помѣщеніе, и не смотря на всѣ казенныя и частныя постройки, не смотря на девять этажей парижскихъ домовъ, рабочій классъ тѣснился все болѣе и болѣе, и хотя и живетъ теперь въ предѣлахъ Парижа, но отъ его центра почти всегда на 7, 8 и 10 верстъ. Только однимъ bourgeois battus et contents, которыхъ роли такъ прекрасно играетъ Лемениль, казалось, что всѣ желанія и стремленія второй имперіи обращены были на удовле-

творение ужасъ рабочаго народа. Самому черному народу едва ли всѣ такъ называемыя заботы о немъ правительства казались столь розовыми...

Разсмотрѣнныя нами мѣры имѣли пока въ виду интересы только одного парижскаго пролетаріата. Посмотримъ, что выпало на долю сельскихъ населеній, въ какой степени исполнились относительно ему данныя обѣщанія, и не заплатилъ ли самъ французскій *peuple-souverain*, народъ-монархъ, за свои хваленныя удовольствія, и даже не передалъ ли онъ?

Разбирая бюджеты съ 1852 по 1859 годъ (Май) первое, что въ особенности поразило насъ въ нихъ, было замѣчательное увеличеніе косвенныхъ налоговъ. Съ 317.180.000 фр. 1852 года они возрасли до 485.489.000 фр. въ 1860 году, т. е. на 168.311.000 фр., а такъ какъ отъ ихъ увеличенія главнѣйше страдаютъ бѣдные потребители, ибо даже для работника, получающаго въ сутки 3 франка — а такихъ много ли? — лишній су (копейка) на фунтъ говядины или на литръ вина, вынужденный увеличеніемъ косвеннаго налога, составитъ далеко больше расчета, чѣмъ для того, кто не работаетъ и имѣетъ хоть напримѣръ 10 фр. въ сутки. Другой косвенный налогъ, именно на вино и спиртные напитки (а ихъ потребляется такъ много во Франціи) возросъ съ 109 мил. 1852 года до 167 мил. въ 1860 году. Съ другой стороны, съ 1854 по 1860 годъ, прямой налогъ поднялся съ 418 мил. до 470 мил., и въ этотъ же самый промежутокъ времени налоги остальныхъ категорій, наиболѣе чувствительныхъ для бѣдныхъ сельскихъ классовъ, возрасли, при неизмѣнившемся въ числѣ населеніи (1), слѣдующимъ образомъ:

	1852 г.	1860 г.
налогъ прямой поземельный	съ 261.381.900 фр.	до 280.552.000 фр.
» крѣпостныхъ актовъ	» 207.404.000 »	» 284.541.000 »
» подушный	» 62.969.000 »	» 69.851.000 »
» соляной	» 30.587.000 »	» 35.700.000 »
	<hr/>	
	сумма съ 532.344.900 фр.	до 669.944.000 фр.
разница:	137.599.100 фр.	

Можно навѣрно сказать, что 99 сотыхъ этого излишка въ народномъ годовомъ расходѣ падаетъ на бѣдный классъ, на мелкихъ собственниковъ, ихъ фермеровъ и поденщиковъ, — сельскихъ пролетаріевъ. Но припоминая, что еще на 168½ мил. увеличилась на-

(1) въ 1852 — 35.783 170 душъ обоого пола.

» 1860 — 36 039.364 " " "

разница 256.194 душъ обоого пола.

родная издержка въ косвенныхъ налогахъ, и присоединяя ее къ предыдущей, окажется, что въ 1860 году Французы, платящіе своимъ трудомъ всю Францію, платятъ въ годъ 306 мил. фр. болѣе, чѣмъ въ 1852 году.

Другая характеристическая черта второй имперіи заключается въ томъ, что всѣ ея бюджеты имѣютъ страшные дефициты, которые покрываются такъ называемыми дополнительными выдачами, (crédits supplémentaires), а эти послѣднія — займами и усиленіемъ налоговъ. Среднимъ числомъ, съ 1852 по 1860 годъ, ежегодно пердерживалось до 760 миліоновъ франковъ (1), а всего въ семь лѣтъ 5.320 миліоновъ франковъ. На покрытіе такой чудовищной пердержки пришлось разумѣется увеличить налоги и занимать. То и другое, надо отдать въ этомъ второй имперіи полную справедливость, сдѣлано съ замѣчательнымъ искусствомъ: Ротшильды, Перейры, Миресы, Мильо, Беринги и т. п. нажились; крохами отъ этихъ финансовыхъ вакханалій попользовались и второстепенные капиталисты. Народъ молча платилъ и платитъ, ибо сила солому ломить. Какъ-бы сознавая это зло, императоръ самъ предложилъ нѣкоторыя мѣры, имѣвшія цѣлью улучшить благосостояніе подданныхъ. По какому-то странному случаю онѣ всѣ носятъ отпечатокъ его гамскихъ мечтаній. Вотъ почему онѣ не могли пройти въ законодательныхъ собраніяхъ, которымъ конечно были не по душѣ всякія прямыя или косвенныя нарушенія права собственности. Первая мѣра, или вѣрнѣе, ея проектъ относился къ повсемѣстному дренажу Франціи, посредствомъ одной кредитной операціи, въ подробности которой здѣсь не мѣсто входить, а должно сказать только, что на приведеніе ея въ исполненіе, т. е. на осушеніе почвы Франціи, вообще въ этомъ отношеніи далеко отставшей отъ Бельгіи и Англіи, потребовалось бы получить съ народа, въ годъ, столько денегъ, что большую часть ея землевладѣльцевъ, въ особенности мелкихъ, пришлось бы лишить ихъ имѣній, продажею съ публичнаго торга за неплатежъ казеннаго долга. Второй проектъ заключалъ въ себѣ какую-то систему повсемѣтнаго во Франціи застрахованія полей отъ града, а скота отъ падежа и т. д. Онѣ имѣли еще менѣе успѣха, чѣмъ первый. Въ дѣйствительности эти мѣры, не смотря на ихъ соціальныи характеръ, едва ли бы могли осчастливить французское сельское населеніе, ибо всюю своею тягостью онѣ

(1) Вотъ подлинныя цифры двухъ порфіоновыхъ бюджетовъ съ ихъ пердержками:

РАСХ. ПО БЮДЖЕТУ	РАСХ. ДѢЙСТВИТ.	ПЕРЕДЕРЖКА.
1855 — 1.562.030.308 фр.	2.375.342.590 фр.	813.312.282 фр.
1856 — 1.598.285.528 -	2.211.703.054 -	713.416.526 -

упали бы въ первое время не на всѣхъ французовъ, а только на бѣдныхъ, которымъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, пришлось бы, за невольный отказъ содѣйствовать насильственнымъ стремленіямъ правительства облагоустроить народъ на скорую руку, лишиться своей поземельной собственности, т. е. послѣдняго залога своего шаткаго и безъ того существованія. Противорѣчить единодушному отпору своихъ совѣтниковъ императоръ не считалъ нужнымъ, называя учтиво ихъ сопротивленіе *défaillances intéressées* и уступилъ требованіямъ собственности и капитала, представителей которыхъ онъ такъ ревностно старался собирать вокругъ себя во время президенства. Быть-можетъ и полная свобода, предоставленная развитію акціонерныхъ предпріятій, имѣла заднею дѣлю благо народа. Но только, такъ или иначе, а капиталъ все усиливался да усиливался; мелкіе капиталы понемногу, благодаря облигаціямъ и акціямъ частныхъ компаній, государственнымъ рентамъ и монополіи французскаго банка, или сосредоточивались въ рукахъ весьма немногихъ банкировъ, стоявшихъ во главѣ нѣкоторыхъ компаній желѣзныхъ дорогъ и банковъ, или въ рукахъ правительства, такимъ образомъ поневолѣ связывавшаго свои интересы и свое существованіе съ интересами и съ существованіемъ несчастныхъ бѣдняковъ, отдавшихъ ему всѣ свои сбереженія и послѣднія надежды на негодную смерть. Въ вознагражденіе за эти пожертвованія народъ-монархъ получилъ отъ второй имперіи *славу* и нѣсколько подавій. И то ихъ получили немногіе, а именно только пострадавшіе при разлитіи Соны и Роны въ 1856 году и искони преданные бурбонамъ бретанскіе мужики, которымъ ихъ щедро расточали, чтобы привлечь ихъ въ 1858 году на сторону имперіи.

Судя по всему этому, нельзя не заподозрить французовъ во врожденной, роковой умственной пустотѣ, и скрѣпя сердце не согласиться съ Монтескье, говорившимъ (его слова привелъ принцъ Наполеонъ въ своей рѣчи въ сенатѣ 1 марта 1861 года), что «народы всегда заслуживаютъ свои правленія», хотя это и очень печальная максима. Очевидно, что вторая имперія, опирающаяся оффициально на поголовную подачу голосовъ, на дѣлѣ не только не опирается на простой народъ, но и мало на него рассчитываетъ. Вотъ почему нельзя не согласиться съ мнѣніемъ *Times'a*, недавно доказывавшаго, что правительство второй имперіи опирается только на биржу и на духовенство; выражаясь точнѣе, слѣдовало бы сказать — на богатую буржуазію и на высшее духовенство. Сельскихъ поповъ и мелкихъ мѣщанъ, живущихъ крохами отъ дуллоульскихъ обѣдовъ первыхъ, слѣдовало бы отнести къ категоріи сельскаго и городского рабочаго населенія,

еслибъ они не раздѣляли убѣжденій своихъ владыкъ, капиталистовъ и кардиналовъ. Изъ того, что всякій лавочникъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, всегда по принципу, врагъ, работника, т. е. того, кто не имѣетъ иной собственности, кромѣ труда своихъ рукъ, нельзя еще заключать, что на него можетъ рассчитывать имперія потому только, что онъ осѣдлѣе своего вѣчнаго антагониста подещика; какъ для перваго, такъ и для втораго всепоглощающая монополія капитала гибельна, если не вполне одинаково, то по крайней мѣрѣ съ неважною разницею: одного она ведетъ навѣки въ долговую тюрьму, другого — въ могилу. Только опираясь на богатую буржуазію и на высшее духовенство, вторая имперія дѣйствуетъ логически. Въ доказательство этого я укажу на то, какъ въ нуждѣ она старалась угодить той и другому.

Хотя имперія и не была, согласно обѣщанію, олицетвореніемъ мира, но она щедро вознаградила за это богатую буржуазію. Не имѣли открыта была торная дорога къ промышленнымъ завоеваніямъ, и хотя слѣдуя по ней, они, не замѣчая того сами, мало по малу попадали естественному игу немногихъ царей банка и биржи (*gods de la banque*), поглощавшихъ вмѣстѣ съ ничтожными сбереженіями работниковъ капиталы мелкихъ буржуа, то въ этомъ не было виновато правительство, даже не III отдѣлъ I книги торговаго кодекса, а тѣ принципы, за которые еще въ 1793 г. начался смертный бой капиталистовъ съ работниками. Буржуазія знаетъ, что безъ этихъ принциповъ она ничто, но она и не подозреваетъ того, что они же и поглотятъ ее въ томъ феодальномъ индустриализмѣ, который превознесли ея неумолимѣйшіе враги Фурье и Сен-Симонъ. Помощи ждать противъ всепоглощающихъ стремленій большихъ капиталовъ ей остается только отъ сильной власти; но къ несчастію, эта послѣдняя въ своихъ интересахъ наибѣснѣйше связана съ интересами биржи и богачей, безъ содѣйствія которыхъ ей не продать ни своихъ ренты, ни *bons du Trésor* и не получить изъ *Banque de France* въ долгъ денегъ... Дозволяя поглощать мелкіе капиталы обширнымъ до чудовищности акціонернымъ обществамъ, оно платитъ за услуги, которыя приносятъ ей своимъ вліяніемъ на биржу, какимъ-нибудь обществомъ въ родѣ *Crédit Mobilier* или Миресова *Caisse des chemins de fer*: рука руку моетъ, но бываютъ ли онѣ обѣ чисты, не знаю; ясно только то, что цѣли правителей и обществъ достигаются: у первыхъ на расхватъ берутъ ихъ ренты, у вторыхъ — ихъ акціи. Какая сила влорочаетъ покупателей, не мое дѣло: я упоминаю о фактѣ, о причинахъ его говорить здѣсь не мѣсто. Этотъ фактъ очевиденъ: буржуазія важивается; да и есть отъ чего, если принять въ соображе-

ніе , что, по Анджело Телеско , до 30 миллиардовъ цѣнностей ежегодно проходить черезъ ея руки на биржѣ. Губя своихъ младшихъ братьевъ, поглощая, какъ мы сказали выше, ихъ капиталы и мелкіе промыслы въ страшныхъ акціонерныхъ компаніяхъ, поглощаемыхъ въ свою очередь гигантомъ — Движимымъ Кредитомъ . она можетъ кончать или тѣмъ, на что указывалъ Фурье, т. е. индустриальнымъ феодализмомъ, или лоннетгъ. Последнее вѣрнѣе; паденіе Мираса доказываетъ если не несостоятельность принципа, то но крайней мѣрѣ неловкость дѣятелей, а исторія предстоящихъ банкротствъ Перейровъ и т. д. докажетъ и то и другое, если только римляне не ошиблись, говоря что *ex nihilo nil fit*.

Такимъ образомъ, если буржуазія и погибнетъ, то, повторю, не оттого, что не осуществилось обѣщанное и, не оттого, что создали ея цѣностямъ тяжелую конкуренцію рентами, а оттого, что въ самой себѣ она носитъ начала своего разрушенія и что ея принципъ — нелѣпость; но быть неблагодарною второй имперіи — съ ея стороны было бы стыдно (?). Посмотримъ теперь на отношенія къ ней духовенства. Оно нашло въ Луи-Наполеонѣ если не такого нѣжнаго и послушнаго сына, какъ во Францѣ-Иосифѣ, то по крайней мѣрѣ весьма ревностнаго покровителя. Лучше всего объ этомъ говорить цифры. Правительство второй имперіи даетъ ему въ годъ вдвое болѣе, чѣмъ первый, искреннѣйшій другъ его Людовикъ XVIII, а именно 42.765,000 фран. Въ консульство оно получало въ годъ 4 мил., при Людовикѣ XVIII (1817) 21.507,000; при Карлѣ X (1829) 34.891,000; при Людовикѣ-Филиппѣ (1847) 37.630,000; при Луи-Наполеонѣ означенные 42.765,000 фр. Недаромъ вынѣ въ сематѣ кардиналы Матье, Донне и Гуссе умѣрили свою ревность къ свѣтской власти папы: вѣдь получать до 60,000 фр. въ годъ, кромѣ казенной квартиры и прочаго, весьма недурно! Нельзя не отдать однако справедливости ихъ ловкому краспорѣчію: раздѣляя убѣжденія Луи-Наполеона, они не забыли интересовъ своего главы, и пожертвовали только своею меньшою братьею. Протестанское и еврейское духовенство тоже не можетъ жаловаться на вторую имперію. Первое получало въ 1817 г. въ годъ 393,348, въ 1847 г. 1.240,000, а въ 1856 г. 1.353,801. Расходы еврейскаго культа появились въ бюджетѣ въ первый разъ въ 1832 г.: ему назначили тогда 64,921 въ годъ; въ 1856 г. онъ получалъ 161,814 фр. Недавнее назначеніе Ульмана, главнаго раввина, сенаторомъ (30,000 фр. въ годъ жалованья) имѣетъ свое особенное значеніе, о которомъ догадаться не-

(?) О томъ, что она ей сдѣлала, можно написать цѣлые томы: она дѣлала ей тоже, что мы дѣлаемъ своимъ руками, т. е. частямъ своего гѣла. Мы имѣемъ много, а буржуазія ея руки.

трудно: въ наши времена Ротшильды, Перейры, Мирессъ, Опленгеймы стоятъ очень высоко.

Вотъ какимъ образомъ вторая имперія заботилась о приведеніи въ исполненіе своей главнѣйшей задачи — осчастливить Францію не путемъ завоеваній и военныхъ торжествъ, а мирнаго, матеріальнаго преуспѣянія, развитіемъ промышленныхъ способностей народа и доставленіемъ имъ возможности дѣйствовать и удовлетворять пожеланія однихъ и законныя, настоятельныя требованія большинства. Достигло ли правительство Луи-Наполеона всѣхъ своихъ цѣлей — мы не знаемъ; но изъ того, что мы обзрѣли, видно, что положеніе рабочихъ классовъ не только не улучшилось, но ухудшилось, благодаря неестественному развитію неизвѣстныхъ ему прежде потребностей, не находящихъ себѣ теперь вовсе удовлетворенія вслѣдствіе общаго безпорядка въ производствѣ, которое промѣняло естественный путь медленнаго преуспѣянія на лихорадочные скачки быстраго, невѣрнаго, преступнаго и непоумѣрно-выгоднаго только для немногихъ избранныхъ обогащенія. Франція не переставала переходить отъ одной войны къ другой. Последняя увеличилась полнымъ успѣхомъ. Болѣе чѣмъ когда-либо, казалось, утвердился тронъ на прочномъ основаніи, болѣе чѣмъ когда-либо пустоголовая парижская и департаментская буржуазія предалась биржевой игрѣ и насильно совала въ руки правительства свои капиталы, а тѣмъ не менѣе какое-то неизъяснимое томленіе овладѣло французскимъ обществомъ; сквозь лавры и блестящій пурпуръ какъ будто виднѣлась для близкостоящихъ пропасть. Открытою крамолою оставалось духовенство на невѣрнаго сына Рима, биржа колебалась, предчувствуя бѣду; Движимый Кредитъ пересталъ возвращать вѣремя по текущимъ счетамъ... Помочь горю было нельзя: напу приходилось ограничить, ибо иначе союзнику-родственнику угрожала революція. Но такъ какъ и то и другое опасно, то духовенство оставили до поры до времени въ покоѣ. Помочь биржѣ было тоже невозможно: она давно уже страдаетъ отъ непоумѣрнаго количества обращающихся на ней бумагъ; а ихъ въ нее согнала централизація; ихъ число увеличили артеріальная кровь, *conditio sine qua* по второй имперіи — государственные займы; ихъ заставлялъ обращаться по сту разъ на дню ажіотажъ, ея другой атрибутъ. Помочь Движимому Кредиту было еще труднѣе, какъ и Мирессу; оставалось испробовать средство — спасительное, если употребляется вѣремя, и опасное, если приводится въ исполненіе поздно. Вышелъ декретъ ²¹/₁₂ ноября.

МЕРИ БАРТОНЪ

ПОВѢСТЬ О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕННИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ГЛАВА XXII

«Въ ея очахъ и ужась, и смягенье;
Она глядитъ — и все чего-то ждетъ,
Какъ-будто туча грозная идетъ
И молнія сверкнула въ отдаленьѣ.
И ужь глухимъ раскатомъ дальшій громъ
Прогрохоталъ въ безмолвіи nocturno.»

Какъ только Мери осталась одна, то поспѣшно заперла дверь задвижкою и закрыла ставнями окно, которое во все время было закрыто одними занавѣсками, торопливо спущенными при входѣ Эсеири и при зажженіи свѣчки.

Все это она сдѣлала съ такими же стиснутыми губами, съ тѣмъ же самымъ недвижнымъ взглядомъ, которымъ встрѣтила показанную ей бумажку. Потомъ она на минуту сѣла, подумала, и тотчасъ снова вставъ съ мѣста, твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ пошла на верхъ. Пройдя мимо своей комнатки, она сдѣлала еще два шага — и очутилась въ комнатѣ отца. Чтѣ ей тутъ нужно?

Сейчасъ узнаете. Надо же выразить словами страшную тайну, которую по ея догадкамъ открылъ ей этотъ обрывокъ бумаги.

Убийца былъ ея отецъ!

Она узнала эту бумагу, толстую, жесткую, блестящую: то былъ отрывокъ отъ того листка, на которомъ за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, она списала прекрасные стихи Самуэля Бамфорда, — списала, какъ вы можетъ-быть помните, на чистой сторонкѣ поздра-

вительнаго письма Джема Вильсона, въ день св. Валентина, въ тѣ времена, когда она еще не думала беречь и считать сокровищемъ каждую вещицу, ему принадлежавшую или имъ тронутую.

Списочекъ она отдала отцу, для котораго собственно и списывала эти стихи, и недѣли двѣ тому назадъ случайно видѣла, что отецъ ихъ перечитывалъ. Но она рѣшилась дознаться, дома ли оставшая часть бумаги. Вѣдь могло — и очень могло — случиться, что онъ отдалъ эти стихи кому-нибудь почитать; въ такомъ случаѣ убійца именно тотъ, кому бумага была отдана, потому что Мери готова поклясться, что вездѣ узнаетъ ее.

Прежде всего она вытрясла все, что было наложено въ старомъ створчатомъ комодикѣ. Часть вещей принадлежала еще покойницѣ ея матери, но теперь ей некогда было разсматривать, припоминать и примѣрять ихъ; въ знакъ особаго почтенія, Мери потрудилась только бережно отложить ихъ на кровать, тогда какъ все остальное перерыла и скомкала безъ милосердія.

Списка бамфордовыхъ стиховъ тамъ не оказалось. Можетъ быть отецъ и въ самомъ дѣлѣ отдавалъ ихъ кому-нибудь. Лишь бы не Джему... Ружье-то его.

И съ удвоеннымъ рвеніемъ она бросилась къ сундуку, который въ послѣднее время служилъ вмѣсто скамьи, а прежде заключалъ въ себѣ праздничное платье отца, въ тѣ времена, когда у него было еще праздничное платье.

Она видѣла однакоже, что передъ отъѣздомъ онъ выкупилъ свой лучшей сюртукъ изъ мѣняльной лавки. А вотъ и старый сюртукъ. Что же это такое хруститъ въ боковомъ карманѣ?..

Бумага... О, батюшка!

Да, подходятъ. Всѣ уголки и выемки, всѣ буквы приходятся совершенно вѣрно, даже и та часть бумаги, которую Эсвиръ считала совсѣмъ чистою, показываетъ теперь явную связь съ оторваннымъ листомъ, потому что на обрывкѣ видны хвостики буквъ *p* и *m*. И притомъ, какъ будто мало этого страшнаго доказательства, — на днѣ кармана нашлось еще нѣсколько мелкихъ пулекъ или дробинокъ и въ бумажномъ пакетикѣ горсть пороху. Вынувъ изъ кармана стихи, дробь и порохъ, она стала укладывать сюртукъ въ сундучекъ, и тутъ только замѣтила на днѣ его длинный ружейный футляръ, обитый конскою кожей, шерстью вверхъ, какъ обыкновенно дѣлаются такіе футляры. Мери принялась рыться дальше, но больше ничего не нашла подозрительнаго, заперла сундукъ, и усѣвшия на полу, стала

разсматривать найденныя вещи. Сердце у ней ныло отъ горя, но она все-таки съ нѣкоторымъ любопытствомъ раздумывала, какимъ образомъ отцу удалось такъ ловко схоронить концы въ воду. Въ сущности оно было вовсе не такъ трудно. Очевидно онъ гдѣ-то досталъ ружье. (Но неужели точно у Джемъ? Неужели Джемъ сообщникъ его? Нѣтъ, этого быть не можетъ; онъ никогда и низачто не согласился бы исподоволь и съ кѣмъ-нибудь заодно замышлять погибель ближняго, хотя минутный порывъ страсти могъ подвигнуть его на внезапное преступленіе. А всего меньше способенъ онъ былъ доносить на Мери ея родному отцу, особенно не предупредивъ ее объ этомъ; это на него не похоже.)

Овладевъ чьимъ-нибудь ружьемъ, отецъ вѣроятно зарядилъ его дома и унесъ съ собою въ такое время, когда сосѣди не могли этого примѣтить, а она или отлучилась, или спала; потомъ онъ вѣрно гдѣ-нибудь спряталъ ружье, чтобы взять его, когда будетъ нужно. А она навѣрное знала, что въ послѣдній разъ какъ онъ отлучался изъ дому, съ нимъ не было ничего такого.

Допытываться причины такого поступка она и не думала, зная, что это будетъ напрасно: все его дѣйствія въ послѣднее время стали до того дики и несообразны, что она ничего понять не могла. Да довольно и того, что она уже увѣрена въ его злодѣйствѣ; чего еще допытываться? Ея дочерняя любовь пробудилась съ новою силой и какъ-то болѣзненно смѣшивалась съ отвращеніемъ къ его преступленію. Убийца, онъ! Этотъ добрейшій отецъ, нѣкогда такой мягко-сердечный и кроткій, такъ стремившійся на помощь ко всякому страждущему человѣку и даже скоту—убійца! Но въ этой палашей пустынѣ горести, мрачныхъ сторонъ которой она даже не дерзала касаться, у ногъ ея возникъ свѣтлый источникъ отрады, сначала непримѣченный ею, но потомъ возродившій въ ней новыя силы, мужество и надежду.

То была необходимость *дѣйствовать*, вслѣдствіе такихъ важныхъ открытій.

О! не думаете ли вы, что необходимость какой бы то ни было дѣятельности, хлопотъ и занятій (физическихъ или умственныхъ) въ тяжкія минуты есть великое благо, хотя съ перваго раза приняться за такую дѣятельность ужасно трудно? Кому есть что дѣлать, у того есть еще надежда совершить что-либо доброе, или устранить какое-нибудь зло; и мало по малу надежда разсѣваетъ печаль.

Только тѣ печали, которымъ нѣтъ на землѣ исхода, не допу-

скаютъ земного утѣшенія Изъ всѣхъ пошлыхъ, пустыхъ и горько-пастѣпливыхъ фразъ, когда-либо сочиненныхъ человѣкомъ во утѣшеніе ближнему, когда самому нѣтъ охоты горевать съ нимъ вмѣстѣ, по моему ничего нѣтъ хуже какъ убѣжденія не печалиться, потому-де, что «этому горю не поможешь». Да неужели вы думаете, что еслибы была возможность помочь, мы бы стали сидѣть сложа руки и только горевать? Неужели вы думаете, что если бы оставалась хоть капля надежды, мы бы не дѣйствовали изо всѣхъ силъ? Я оттого и горюю, что помочь нельзя. Та самая причина, по которой вы убѣждаете меня не печалиться, повергаетъ меня въ отчаяніе. Дайте мнѣ другіе, болѣе возвышенные и благородные поводы къ терпѣнію, напомните мнѣ объ обязанности безропотно переносить то, что небесный Отецъ счелъ нужнымъ послать мнѣ, и я постараюсь терпѣть твердо и кротко; но не мучьте ни меня, ни иного страждущаго, пустыми изрѣченіями въ родѣ такихъ: Не убивайтесь, вѣдь этому помочь нельзя; вѣдь тутъ ничего не сдѣлаешь, и т. д.

Но подумавъ хорошенько, Мери таки нашла что дѣлать. Если виноватъ отецъ, то Джемъ невиненъ. Если онъ невиненъ, то стало быть возможно его спасти. И надо спасать. Такъ она и сдѣлаетъ: не въ ея-ли рукахъ ключъ къ этой страшной тайнѣ? Отца никто не подозрѣваетъ, да и не падеть на него никакое подозрѣніе, если это зависитъ только отъ ея осторожности и предусмотрительности.

Она еще и сама не знала куда, какъ спасти Джема, съ тѣмъ чтобы и отецъ остался въ сторонѣ. Это надо было хорошенько обдумать и обсудить. Обдумывая и напрягая всѣ свои умственные способности къ разъясненію этой задачи, она сознавала, что растутъ въ ней душевныя силы, что работа ей по плечу. Каждый шагъ; каждая минута теперь дорога, потомучто — какъ вы можете-быть помните — у миссъ Симондсъ говорили, что виновника будутъ судить на слѣдующей недѣлѣ. Вспомните также, что въ свѣтѣ не было дѣвушки такой молоденькой и до того небогатой деньгами и связями; но въ дикой пустынѣ, среди всякихъ опасностей, библейскую Уну охранялъ и провожалъ левъ пустыни: такъ и безпомощную нашу дѣвочку поддержитъ и охранитъ на трудномъ пути сознаніе правоты своей и твердая воля.

Било два часа; глухая, темная ночь.

Нечего больше мучить себя соображеніями и планами въ эту безконечную, томительную ночь. Раньше утра ничего не сдѣлаешь.

И въ нетерпѣннн своемъ она начала уже торопить ночь и дожидаться разсвѣта; но почувствовала такую слабость, такую неспособность къ какой-либо физической дѣятельности, что рѣшилась какъ-нибудь подкрѣпиться и приготовиться къ ней.

Во-первыхъ, надо сжечь предательскую бумажку. Порохъ, дробь и ружейный футляръ она завязала въ узелокъ и спрятала въ свой тюфякъ, хотя можно было предполагать, что все это покамѣстъ никого не скомпromетируетъ. Потомъ она снесла бумажку на кухню, сожгла ее въ печи, самый пепель размяла пальцами и смѣшала съ золою. Тогда она вздохнула спокойнѣе.

Голова болѣла у ней до дурноты; слѣдовало какъ-нибудь избавиться отъ этой боли: иначе она рисковала вовсе одурѣть и утратить всякое соображеніе. Она поискала съѣстного, но ничего не нашла кромѣ горсти сырой овсяной крупы; какъ ни противна была ей эта пища, но она принудила себя проглотить нѣсколько глотковъ, зная по опыту, какъ часто головная боль происходитъ отъ голода. Потомъ она поискала воды, чтобы смочить свои горячіе виски и утолить лихорадочную жажду. Въ домѣ воды не было; она взяла ведро и пошла на другой конецъ двора, къ колодцу; легкіе шаги ея отдавались по двору, въ тишинѣ спокойной ночи. Рѣзкія, угловатыя очертанія домовъ ясно рисовались на холодномъ фонѣ чистаго неба, на которомъ спокойно свѣтились мириады вѣчныхъ звѣздъ. Мало было общаго между этимъ величавымъ, свѣжнмъ покоемъ и бурными порывами души человѣческой. Такъ все недвижно, безмолвно и сурово! Не то-что прелестная деревенская ночь, окружающая меня въ эту минуту: отдаленный горизонтъ волнуется такими мягкими линиями при лунномъ свѣтѣ, а ближнія деревья такъ привѣтливо помаваютъ вершинами отъ ночного вѣтерка, какъ-будто дружески киваютъ мнѣ; а струи воздуха, пробѣгающія между вѣтвями, производятъ такіе нѣжные, музыкальные звуки, будто говорятъ ласковыя рѣчи утомленному человѣку, что проводить безсонную ночь и носить тяжкое бремя на сердцѣ. Все что видишь и слышишь въ такую ночь, умиряетъ печали и притушаетъ сердечную боль.

Но Мери, наполнивъ ведро, воротилась домой въ еще сильнѣйшемъ смятеннн, сознавая ясенѣе чѣмъ когда-либо всю тяжесть лежавшихъ на ней обязанностей, всю свою безпомощность и беззащитность, свою одинокость на божьемъ свѣтѣ, съ ужасною тайной на душѣ, среди суроваго, холоднаго, многояднаго міра.

Она примочила себѣ голову, нашла воду и съ полнымъ при-

сутствіемъ духа пошла наверхъ; тамъ раздѣлась какъ слѣдуетъ, какъ-будто на цѣлую ночь спокойнаго сна, хотя до разсвѣта осталось уже недолго. Ей казалось, что заснуть будетъ очень трудно; однако она рѣшительно сомкнула глаза и черезъ нѣсколько минутъ заснула тихимъ и крѣпкимъ сномъ, словно не было на свѣтѣ никакихъ тревоженій, ни грѣховъ, ни печали.

Проснувшись поутру, она разумѣется почувствовала себя гораздо бодрѣе и крѣпче тѣломъ; но на душѣ смутно сознавала какую-то великую печаль. Съвѣ на постели, она попробовала припомнить, что это было; и вспомнивъ все, снова упала на подушку, въ глубокомъ, безвыходномъ отчаяніи. Но это была лишь минутная слабость; въдъ каждая минута дорога, если не для дѣйствія, то по крайней мѣрѣ для соображенія.

Прежде чѣмъ она кончила обычныя утреннія церемоніи одѣванья своей особы и кой-какого прибиранья въ домѣ, мысли ея уже пришли въ порядокъ и она составила маленькій планъ дѣйствій. Если Джемъ невиненъ (а она была готова теперь присягнуть въ его совершенной невинности и полной непричастности къ убійству), то гдѣ-нибудь да былъ же онъ въ то время какъ совершалось убійство; былъ вѣроятно не одинъ, а съ кѣмъ-нибудь, кто могъ клятвенно заявить это обстоятельство передъ судомъ, — лишь бы она сумѣла найти этого свидѣтеля. Все зависѣло отъ ея распорядительности. Она слыхала объ очной ставкѣ и думала, что это можетъ быть и есть самый вѣрный шансъ для спасенія. Но навѣрное не знала и рѣшилась обратиться за свѣденіями къ Джобу, какъ къ единственному человѣку, изъ всѣхъ ея знакомыхъ, знавшему много мудреныхъ словъ; а для Мери какъ юридическіе, такъ и естественно-историческіе термины были одинаково мудреною китайскою грамотой.

Не теряя времени, она тотчасъ отправилась къ Джобу Лэгу и застала его вмѣстѣ со внучкою сидящими за завтракомъ. Отворяя дверь, она слышала, какъ они говорили о чемъ-то, повидимому очень печальномъ, потомучто голоса ихъ были тихи, сдержаны и очень серьезны. При ея входѣ они замолчали, и она тотчасъ догадалась, что рѣчь шла объ убійствѣ, о правдоподобности подозрѣній, павшихъ на Джемъ; и эта мысль впервые мелькнула въ ея головѣ — о новомъ свѣтѣ, въ которомъ являлась имъ теперь сама Мери; потому что о кокетствѣ ея и интригѣ съ Карсонсомъ они еще никогда не слыхивали до тѣхъ поръ, и въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ съ Маргаритою, Мери ниразу не упомянула его имени. А теперь Мар-

гарита вездѣ услышитъ толки о Мери, какъ о самой вѣтренной, дурной и нескромной дѣвушкѣ, и если даже не всему повѣрить, то едва ли все-таки не разочаруется въ своей подружкѣ и не подумаетъ, что она гораздо хуже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

И такъ, Мери робкимъ голосомъ произнесла свое утреннее прикѣтствіе, и сердце у ней дрогнуло и замерло, когда Джобъ съ изысканною учтивостью отвѣчалъ на ея поклонъ, прося садиться. До сихъ поръ она такъ мало могла сомнѣваться въ дружелюбіи хозяевъ, что и не думала дожидаться приглашеній.

Она сѣла. Маргарита попрежнему хранила молчаніе.

— Я пришла поговорить съ вами объ этомъ... о Джемѣ Вильсонѣ.

— Плохая штука, очень плохая! печально сказалъ Джобъ.

— Конечно, дѣло очень серьезное. Но вѣдь Джемъ невиненъ. Въ самомъ дѣлѣ невиненъ, я готова Богъ знаетъ чѣмъ ручаться за него.

— Почему ты знаешь, дитя? Всѣ признаки противъ него, бѣдныя, не говоря уже о томъ, что истецъ небо и землю подыметъ, чтобы не выпустить его изъ рукъ и довести до висѣлицы. Да, бѣдный паренъ, не одобровать ему видно.

— Джобъ! сказалъ Мери запальчиво и встала со стула. По крайней мѣрѣ вы не говорите, что онъ виноватъ. Не онъ убійца, я присягну, что не онъ. Что вы качаете головою? — Ктоже повѣритъ мнѣ, кто же оправдаетъ его, если вы, которые такъ коротко его знаете, считаете его преступникомъ!

— Мнѣ и самому тяжело это думать, душенька, возразилъ Джобъ: — но я полагаю, что онъ былъ немножко обманутъ, раздраженъ, (вѣдь что правда, то правда, Мери, хоть оно и не сладко выслушать), ну, и заговорила въ немъ молодая кровь. Такія дѣла не разъ случались съ добрыми людьми въ подобныхъ обстоятельствахъ.

— О, Боже мой! Такъ вы не поможете мнѣ, Джобъ, доказать его невинность? О, Джобъ! Джобъ, повѣрьте, Джемъ сроду никому зла не сдѣлалъ!

— Да, до сихъ поръ. И—ты примѣть это, Мери—я вѣдь не больно виню его и теперь. И Джобъ легъ снова погруженный въ молчаніе. Мери съ минутой подумала.

— Хорошо, Джобъ; послушайте: я знаю, что въ этомъ вы мнѣ не откажете. Мнѣ все равно, что вы думаете, лишь бы вы согласились дѣйствовать такъ, какъ будто считаете его невиннымъ. Положимъ

что я знаю, навѣрное знаю, что онъ невиненъ, — положимъ такъ: Джобъ, что мнѣ дѣлать, чтобы доказать это? Скажите! Какъ это называется — очная ставка что ли, когда приводить свидѣтелей къ присягѣ, чтобы доказать, гдѣ былъ подсудимый въ то время, когда совершалось преступленіе?

— Если ты навѣрное знаешь, что онъ невиненъ, то всего лучше доказать это, отыскавъ настоящаго преступника. Вѣдь кто-нибудь да убилъ же, такъ или нѣтъ? А если не Джемъ, то скажи кто?

— Какъ же я могу сказать? — проговорила Мери съ невыразимымъ ужасомъ, думая видѣть въ этомъ вопросѣ Джоба догадку и косвенный намекъ на истину.

Но онъ и не думалъ ничего такого. Напротивъ того, въ душѣ онъ увѣренъ былъ, что Джемъ, въ минуту неистовой ревности, подстрекаемый безнадежною любовью, убилъ своего соперника; Джобъ сильно подозревалъ, что и Мери очень хорошо все это знаетъ, но мучимая позднимъ раскаяніемъ въ своей вѣтрености, и боясь слишкомъ важныхъ ея послѣдствій, она только теперь спохватилась и желаетъ какъ-нибудь выручить изъ бѣды своего прежняго товарища, спасти его отъ наказанія, назначеннаго убійцамъ.

— Если не Джемъ это сдѣлалъ, то кажется никто изъ насъ не можетъ указать на подлиннаго злодѣя. Можетъ-быть мы бы и сдѣлали что-нибудь, если бы побольше было время. Но судъ назначенъ во вторникъ, что же до тѣхъ поръ сдѣлаешь? — А скрывать нечего, Мери: всѣ улики противъ него.

— Это я знаю, знаю. Но, Джобъ, развѣ нельзя устроить клятвеннаго показанія, гдѣ онъ былъ, и съ кѣмъ былъ, въ то самое время какъ случилось злодѣйство? Какъ бы это сдѣлать?

— Конечно можно. Погоди. — Онъ подумалъ съ минуту. — Ты должна распросить его мать, что онъ дѣлалъ, гдѣ былъ и чѣмъ занимался въ тотъ вечеръ. Узнавъ все это, ты можешь наводить дальнѣйшія справки.

Джобу до смерти хотѣлось свалить на кого-нибудь другого грустную обязанность разочаровывать Мери и доказывать ей безвыходность джемовой исторіи. Ктому же онъ полагалъ, что собственный здравый смыслъ и опытъ скорѣе убѣдятъ ее, чѣмъ всѣ посторонніе доводы.

Во все это время Маргарита была тиха, молчалива и сурова. По правдѣ сказать, она была очень непріятно поражена открытіемъ поведенія Мери, относительно Генри Карсонса. Тихая, осторожная и

скромная, она никогда не бывала подвержена сладкой лести и ухаживанью со своимъ личикомъ; и даже не достаточно была догадлива, чтобы назвать любовью то трепетное, изъясное и бесконечно пріятное чувство, которое она испытывала при появленіи Вилля Вильсона, при звукѣ его голоса и даже при самой мысли о немъ. Словомъ, Маргарита не понимала, какимъ искушеніямъ подвергаются красивыя и тщеславныя дѣвушки, изъ самолюбія, изъ честолюбія допускающія за собою ухаживать, и потому не могла сочувствовать дѣвущкѣ-кокеткѣ. Ктому же, съ своимъ ровнымъ и кроткимъ темпераментомъ, она понятія не имѣла о томъ, какая бываетъ борьба между влеченіями сердца и нравственными правилами. Для нея довольно было сознать, что такое-то чувство дурно, такой-то поступокъ предосудителенъ, чтобы уже не возвращаться къ нимъ болѣе, и это не стоило ей никакихъ особыхъ усилій, никакихъ жертвъ. Вслѣдствіе всего этого для нея было непостижимо, какъ могла Мери такъ дурно поступить и потомъ, сознавая свой проступокъ, не признаваться въ немъ и ни словомъ не обнаружить своихъ дѣйствій. Маргарита считала себя обманутою, сильно огорчилась и уже собиралась вовсе разойтись съ Мери, какъ съ пустою кокеткой, лишонной женственной скромности и способной на крупную ложь и лицемеріе; иначе какъ же можно было такъ говорить объ одномъ женихѣ, какъ она говорила о Джемѣ, и въ тоже время ободрять другого, который пользовался по малой мѣрѣ сомнительною репутаціей?

Какъ вдругъ и Маргарита принуждена была принять участіе въ разговорѣ. Въ умѣ Мери внезапно мелькнула мысль, что въ ночь послѣ убійства Маргарита была у Алисы, и тотчасъ обратясь къ своей подругѣ, она сказала съ живостью:

— Ахъ Маргарита, да и ты можешь сказать; ты была тамъ, когда онъ воротился вечеромъ домой, — была вѣдь? Ахъ нѣтъ, теверь знаю! Но ты пришла туда черезъ нѣсколько часовъ. Не слыхала ль ты, куда онъ ходилъ? Онъ и въ предыдущій вечеръ дома не былъ, когда съ Алисою случился первый припадокъ. Ты еще чай у нихъ пила, помнишь? Гдѣ же онъ былъ, Маргарита?

— Не знаю, отвѣчала она. — Постой! Я помню, онъ говорилъ что-то о проводахъ Вилля въ Ливерпуль. Только не знаю хорошенько, что́ это было. Въ тотъ вечеръ такъ много случилось разныхъ вещей.

— Пойду къ его матери, сказала Мери рѣшительно.

Никто не отвѣтилъ ей, никто не подалъ никакого совѣта. Мери

чувствовала, что въ нихъ не найдетъ сердечнаго участія и скръпила сердце, стараясь обойтись и безъ дружеской помощи. Она знала, что на всякую свою просьбу непременно получить отъ нихъ добрый совѣтъ, а этого только и нужно ей было для пользы Джема. Но бодрость все-таки измѣнила ей, когда она шла къ Джени Вильсонъ, одна, съ ужасною тайной на сердцѣ.

У Джени Вильсонъ отъ слезъ распухла глаза и грустно было видѣть, какъ она опустила и постарѣла въ однѣ сутки такого мученія. Всю ночь напролетъ перебирала она, вмѣстѣ съ мистрисъ Девенпортъ, всѣ свои несчастія, отъ времени до времени возвращаясь, въ видѣ припѣва, къ вящему изъ всѣхъ горей, угрожавшему теперь вдовѣ Вильсонъ. Она — если можно такъ выразиться — нѣсколько гордилась своимъ страданіемъ, лелѣяла его, тѣшила законностью своихъ безконечныхъ рыданій и причитаній о милomъ сынѣ.

— А, Мери! это ты. О, Мери! Вѣдь судъ-то назначенъ во вторникъ!

И она принялась рыдать тѣмъ удушливымъ, конвульсивнымъ рыданіемъ, которое доказываетъ продолжительность слезъ.

— О, мистрисъ Вильсонъ, ради Бога не огорчайтесь такъ! Мы оправдаемъ его, вотъ вы увидите. Не тоскуйте, не докажутъ они его преступленія.

— А я тебѣ говорю, что докажутъ! прервала мистрисъ Вильсонъ разлюсованная легкимъ, по ея мнѣнію, тономъ, съ которымъ Мери относилась о дѣлѣ, и даже разсердилась, что кто-нибудь еще можетъ надѣяться, тогда какъ она сама чуть не наслаждалась полнотою своего отчаянія.

— Тебѣ конечно пристало такъ говорить, продолжала она, — ты потому такъ легко на это смотришь, что сама всему виною; но я сложу его смерть на твою голову, и стану попрекать тебя покада жива буду; а ему навѣрное не жить на свѣтѣ; не жить! и все за то, чего онъ никогда не дѣлалъ... никогда отродясь. Голубчикъ мой!

Она слишкомъ ослабѣла, чтобы долго предаваться гнѣву; мало по малу ярость ея перешла въ тихіе стоны и томительныя рыданія.

Мери изъ всѣхъ силъ старалась успокоить ее, удержать отъ порывовъ горя и гнѣва: такъ нужно ей было, чтобы старушка пояснѣла и опредѣлительнѣе отвѣчала на ея вопросы. Ктому же, къ матери Джема ощущала она искреннюю нѣжность. И такъ она тихо, ласко-

во приговаривала ей разныя утѣшительныя слова, которыя на бума-
гѣ могутъ показаться отрывочны и безсвязны; но истекая прямо изъ
сердца, сопровождаемая нѣжными взглядами и движеніями, они все-
сильны надъ страждущею душою. Старуха бессознательно и неза-
мѣтно поддавалась вліянію этихъ кроткихъ синихъ глазъ, этихъ сочув-
ственныхъ слезъ, ласковыхъ и ободрительныхъ рѣчей, и сердце ея
перестало такъ болѣзненно ныть.

— Ну, милая мистрисъ Вильсонъ, не можете ли вы припомнить,
куда онъ уходилъ въ четвергъ вечеромъ? Его въ домѣ не было, когда
заболѣла Алиса; и онъ не возвращался до самаго утра, или вѣрнѣе
сказать, до самой поздней ночи. Такъ ли?

— Какъ же! Онъ ушелъ часовъ въ пять, вмѣстѣ съ Виллемъ, и
говорилъ, что пойдетъ провожать его по дорогѣ въ Ливерпуль, по-
тому что Вилль непременно хотѣлъ идти пѣшкомъ, и низачто не
хотѣлъ брать пяти шиллинговъ, что Джемъ предлагалъ ему на
прѣздъ въ вагонѣ. Такъ оба парня и вышли вмѣстѣ. Теперь-то я
навѣрное помню это; а то, видишь ли, и Алисина болѣзнь, и вся эта
исторія съ бѣднымъ Джемомъ, все перепутали у меня въ головѣ.
Да, они пошли вмѣстѣ въ Ливерпуль; то-есть, Джемъ пошелъ только
проводить его, по дорогѣ туда. А кто его знаетъ, (продолжала она;
впадая въ свой прежній плачевный тонъ) — точно ли онъ съ Вил-
лемъ пошелъ, нѣтъ ли? Могъ и съ дороги воротиться. О, Мери!
Повѣсять-таки его за такое дѣло, въ которомъ онъ ни сномъ ни ду-
хомъ не виноватъ!

— Нѣтъ, не могутъ они этого сдѣлать, не будетъ этого! Теперь-
я вижу, что мнѣ надо дѣлать. Надо призвать на помощь Вилля. Вре-
мя еще не ушло. Онъ можетъ подъ присягой показать, что Джемъ
былъ съ нимъ въ то время. Гдѣ Джемъ?

— Говорятъ въ народѣ, что сегодня утромъ провезли его въ
острожной каретѣ въ Керкдэлъ. А я-то и не видала его, бѣдняжеч-
ку. О, Мери! Они ужасъ какъ торопятъ это дѣло.

— Да, не жалѣютъ труда, чтобы отыскать этого убійцу! сказала
Мери печально и съ горечью. Но вы все-таки не падайте духомъ.
Не на тотъ слѣдъ они напали, когда вздумали преслѣдовать Джема.
Не бойтесь. Увидите, что для Джема все кончится благополучно.

— И рада бы поменьше бояться, да что ты будешь дѣлать!
сказала Джени Вильсонъ. Такая я стала хилая старуха, такъ поте-
рѣла голову, что въ глазахъ у меня словно все вертится; и Алиса-
то, и все такое... Думаю, думаю — и ничего не дѣлаю для своего дѣти-

ща. Вчера, говорятъ, можно еще мнѣ было увидѣться съ нимъ, а я и пропустила случай. Ахъ Мери, Мери! прозѣвала въдъ; а теперь можетъ-быть ужъ никогда его не увижу!

И она такъ жалко взглянула на Мери своими заплаканными глазами, что у Мери сердце зануло; боясь сама расплакаться, и тѣмъ ввести ее въ новыя слезы, она поспѣшно перемѣнила разговоръ и свела его на Алису; а Джени, подумавъ въ душѣ, что никто-то не пойметъ ея материнскаго горя, возразила:

— Она все въ одномъ положеніи; счастлива, что ничего не знаетъ, чтѣ тутъ дѣлается; но докторъ говоритъ, что она становится слабѣе день ото дня. Ты можетъ-быть хочешь посмотреть ее?

Мери пошла наверхъ. У бѣдныхъ людей приличія требуютъ доставлять добрымъ знакомымъ послѣдній случай видѣть умирающаго или умершаго члена семьи, причемъ неприличнымъ считается уклоняться отъ подобнаго предложенія. Частію по этой причинѣ, а частію потому, что ей искренно хотѣлось еще разъ побыть въ присутствіи доброй и благочестивой старушки, Мери вошла въ эту тихую, мирную обитель святаго покоя. Алиса лежала, какъ и прежде, безъ страданій, или по крайней мѣрѣ безъ явныхъ признаковъ страданія; но совершенно безъ памяти, безъ всякаго участія къ настоящему и очевидно погруженная въ воспоминанія о давно-прошедшемъ, воспоминанія до того живыя и ясныя, что они вполне замѣняли ей дѣйствительную жизнь. Она все еще говорила о зеленыхъ лугахъ, разговаривала съ давно-умершею матерью и сестрою, столько лѣтъ уже лежавшими въ сырой землѣ; но для нея онѣ снова жили теперь въ милыхъ мѣстахъ, гдѣ протекло ея счастливое дѣтство.

Но голосъ ея ослабѣвалъ, движенія становились очень вялы. Очевидно, она быстро приближалась къ концу. И какъ счастливо!

Мери постояла молча, смотрѣла на больную, прислушивалась; потомъ наклонилась, благоговѣнно поцѣловала Алису и отвѣдя Джени Вильсонъ отъ постели, какъ-будто умирающая могла еще что-либо слышать и сознавать, шопотомъ произнесла бѣдной матери нѣсколько утѣшительныхъ словъ, обняла ее, нѣжно и горячо поцѣловала, простилась, и ушла было; но у двери остановилась и еще разъ подошла приласкаться къ мистрисъ Вильсонъ и внушить ей бодрость и надежду.

И когда она окончательно ушла изъ дому, Джени Вильсонъ показалось, будто солнечный лучъ покинулъ ея жилище.

А между тѣмъ какъ тяжело, какъ неутолимо ныло сердце бѣдной Мери! Она все болѣе и болѣе убѣждалась, что преступленіе совершено отцомъ ея. Она всячески старалась не останавливаться на этомъ сознаниіи, не углубляться въ него и всё свои мыслительныя способности обратить на доказательство невинности Джема; это важнѣйшая изъ ея обязанностей и ею слѣдуетъ преимущественно заняться.

ГЛАВА XXIII

-Ужели ты, челнокъ мой беззащитный,
Въ такую бурю вѣренъ мнѣ судьбой?
Ужель мои неопытныя руки
Тебя должны отъ всякихъ бѣдъ спасать,
И всё сокровища, что ты несешь съ собою,
Въ благую пристань мирно привести?
Иль суждено намъ вмѣстѣ здѣсь погибнуть?..
Да укрѣпитъ меня Господь къ борьбѣ!-

Съ бьющимся сердцемъ, съ толпою спутанныхъ мыслей, которыя только время и усидчивое размышленіе могли привести въ порядокъ, Мери бѣжала домой. Она была похожа на человѣка, который нашолъ драгоценный камень, но сразу не можетъ опредѣлить его цѣнности и прятеть сокровище, чтобы когда-нибудь послѣ, въ свободную и тихую минутку, разглядѣть его хорошенько и оцѣнить по достоинству. Какъ-будто въ руки ея попалъ конецъ шелковой нити, ведущей въ какую-то счастливую обитель, и крѣпко держа въ рукахъ эту нить, она выжидала удобнаго времени, чтобы вступить въ лабиринтъ.

Но дорожке всѣхъ сокровищъ, всѣхъ драгоценностей міра, была для Мери мысль, почти увѣренность, что нетрудно доказать невинность Джема, не бросая въ то же время ни тѣни подозрѣнія на другого — дорогого, милаго, — хотя и преступнаго; на столько дорогого и милаго, что она не смѣла даже помышлять объ участіи его въ этомъ кровавомъ дѣлѣ; не смѣла, потому что ей приходило на мысль: что если все пойдетъ противъ Джема, если судья и присяжные присудятъ его къ мрачному эшафоту, — что дѣлать ей, единой хранительницѣ страшной тайны? Обвинить отца, разумеется невозможно. Но... но... лучше сойти съ ума или умереть, нежели быть вынужденной къ разрѣшенію этого вопроса.

Къ счастью, ей открывался наконецъ спасительный путь. Она рада была, что вспомнила объ очной ставкѣ, и благодарила Бога за то, что такъ легко добилась свѣденій, гдѣ былъ и что дѣлалъ Джемъ въ ту горестную ночь. Лучъ надежды до того украсилъ въ ея глазахъ все на свѣтѣ, что она довольна была даже раннимъ срокомъ, назначеннымъ для суда; потомучто Вилль Вильсонъ намѣренъ былъ воротиться съ острова Мена въ понедѣльникъ, и тогда нетрудно его поймать на дорогѣ, а во вторникъ судъ, и тогда все объяснится — по крайней мѣрѣ все то, чего она не страшилась объяснить.

Оставалось еще собраться съ мыслями и напрячь свою память, чтобы придумать, какъ устроить свиданіе съ Виллемъ; на письмо она не рѣшилась понадѣяться; но надо найти его квартиру въ Ливерпулѣ, припомнить названіе его корабля, — и чѣмъ больше она объ этомъ думала, тѣмъ мудренѣе казалось ей приобрести всѣ эти мелкія, но важныя свѣденія. Алиса, которая такъ хорошо умѣла помнить и соображать все, что касалось любимцевъ ея сердца, лежала теперь безъ памяти и сознанія. Джени Вильсонъ, по собственному ея признанію, вовсе потеряла голову и путалась въ лабиринтѣ тревожныхъ мыслей и опасеній; притомъ же она и прежде выказывала всегда величайшее пренебреженіе и невниманіе ко всему, что относилось до Вилля, изъ ревниваго страха повредить или загородить дорогу своему единому сокровищу, Джемю. И такъ, Мери не имѣла ни малѣйшей надежды добиться отъ нея какихъ-либо подробностей касательно молодого моряка.

Ужь не обратиться ли къ самому Джемю? Нѣтъ. Она теперь понимаетъ его лучше чѣмъ когда-либо. Она чувствуетъ, что тайна въ его рукахъ, что онъ давно могъ бы оправдаться, запутавъ другого; и бездѣйствіе его на этотъ счетъ убѣждало ее — впрочемъ въ этомъ она и сомнѣваться не думала, — что съ его стороны убійца не встрѣтитъ ни доноса, ни намека. Но можетъ статься также, что онъ вовсе не согласится дѣйствовать для своего оправданія. Во всякомъ случаѣ обращаться къ нему уже поздно: время не терпитъ, а онъ перевезенъ въ Керкдэль. Былъ уже полдень субботы. Да если бы и можно было пойти къ нему, она едва ли пошла бы. Ей хотѣлось все сдѣлать самой, быть его единственною спасительницей и освободительницей, выхлопотать ему жизнь, хотя бы любовь его никогда уже не возвратилась къ ней. Ктому же, какъ могла бы она идти и говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ, когда оба они такъ хорошо знаютъ подлиннаго виновника убійства; знаютъ, —

и не смѣютъ даже шопотомъ произнести его имени: такъ много, такъ преданно они оба любятъ его, преступнаго, заблудшаго.

Какъ только она перестала усиленно припоминать названіе корабля, такъ и вспомнила его внезапно: «*Джонъ Кропперъ!*»

Теперь она вспомнила, что Вилль именно такъ называлъ его, и не разъ. Между прочимъ онъ помянулъ это имя въ прошлый четвергъ, въ тотъ роковой вечеръ, когда они въ послѣдній разъ разговаривали и прощались. Боясь какъ-нибудь позабыть это имя, она машинально, безъ конца, повторяла его: Джонъ Кропперъ.

Тутъ, какъ бы пробудясь отъ страннаго забытья, она вспомнила о Маргаритѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Алиса умерла для міра, отрѣшилась отъ всѣхъ житейскихъ суетъ, кто какъ не Маргарита, будетъ собирать и сохранять въ глубинѣ сердца всѣ мелочныя подробности касательно Вилля?

Только-что она задумалась объ этомъ, какъ вошла сосѣдка; та самая, которой она обыкновенно отдавала ключъ отъ своей квартиры, когда отлучалась изъ дому въ отсутствіе отца, и которая всегда бралась получать за нее всѣ записки и порученія, и отвѣчать на всѣ вопросы, могущіе послѣдовать съ разныхъ сторонъ въ ея отсутствіе.

— Вотъ тебѣ какая-то штука, Мери. Полисменъ приходилъ и оставилъ.

То былъ сложенный листъ гербовой бумаги.

Многіе имѣютъ какой-то страхъ и отвращеніе къ этимъ таинственнымъ гербовымъ листамъ; въ томъ числѣ и я, и Мери. Сердце у ней замерло, когда она взяла бумагу и взглянула на крупный писарскій почеркъ, очень разборчивый; однако она долго не могла разобрать, что тамъ написано: умъ ея отказывался понимать эти слова, можетъ-быть именно потому, что она догадывалась о смыслѣ ихъ, и боялась этого смысла.

— Что это? спросила она наконецъ едва слышнымъ голосомъ, почти беззвучно.

— А я почему знаю? отвѣчала сосѣдка. — Полисменъ сказывалъ, что вечеромъ опять придетъ навѣдаться, получила ли ты эту бумагу; ему смерть какъ не хотѣлось оставлять ее до тебя, хоть я и говорила ему кто я, и что ключи твои держу, и порученія твои исполняю.

— О чемъ же это? спросила опять Мери, тѣмъ же умираю-

щимъ, глухимъ голосомъ, и вертя въ рукѣ бумагу, словно опасалась узнать ея значеніе.

— Вотъ хорошо! ты умѣешь читать писаное, а я не умѣю; странно послѣ этого, что я же должна тебѣ толковать эту грамоту. Хозяинъ мой говоритъ, что полиція требуетъ тебя къ допросу о Джемѣ Вильсонѣ, въ ливерпульскій судъ.

— Господи помилуй! проговорила Мери, блѣдная какъ смерть.

— Чтоже, Мери, ты это не слишкомъ принимаешь къ сердцу. Чтобъ ты тамъ ни говорила при допросѣ, отъ тебя ни хуже, ни лучше не будетъ подсудимому, потомучто въ народѣ говорятъ, что его ужь непременно повѣсятъ. А вѣдь ужь извѣстно, что не онъ былъ твоимъ милымъ дружкой, а тотъ.

Въ другое время рѣчь эта страшно потрясла бы Мери; но теперь она произвела на нее сравнительно слабое впечатлѣніе. Воображеніе ея занято было ужасами предстоящаго съ Джемомъ свиданія — такъ непохожаго на свиданіе влюбленныхъ!

— Ну, продолжала сосѣдка, разсудивъ, что нечего разговаривать съ человѣкомъ, который такъ мало обращаетъ на нее вниманія: — можешь сказать полиціи, что въ цѣлости получила его драгоценную грамотку. Онъ кажется думалъ, что я какъ схвачу ее, такъ непременно и утаю у себя. Очень мнѣ нужно! Небось, онъ первый заподозрилъ меня въ утайкѣ чужого добра или записочекъ. Прощай.

И она ушла изъ дому, но Мери и этого не замѣтила. Она все еще сидѣла, держа въ рукѣ бумагу.

Потомъ внезапно встала и понесла ее къ Джобу Легу, чтобы спросить у него, что тамъ написано; не можетъ же быть, чтобы ее точно требовали во свидѣтели противъ Джема!

Войдя къ Джобу, она задыхающимся голосомъ сдѣлала ему свой вопросъ.

— Это срочная повѣстка! сказалъ Джобъ, взглянувъ на бумагу съ видомъ знатока.

Джобъ любилъ щеголять мудреными словами и юридическими выраженіями; онъ даже считалъ себя порядочнымъ законникомъ, потомучто купилъ себѣ какъ-то у разносчика разрозненный томъ сочиненій Блекстона, откуда и почерпнулъ нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о судопроизводствѣ.

— Срочная повѣстка... что же это такое? прошептала растерявшаяся Мери.

Звукъ ея глухого, измѣнившагося голоса поразилъ Джоба; онъ взглянулъ на нее черезъ очки.

— Это, мой другъ, такая повѣстка, которая приглашаетъ тебя отвѣчать на вопросы въ судѣ, когда будутъ судить Джемса Вильсона, по дѣлу объ убійствѣ Генри Карсонса. Вотъ и все; только въ бумагахъ это все поскладнѣе сказано, на удовольствіе знатоковъ, умѣющихъ цѣнить красоту слога. Я на своемъ вѣку бывалъ также призываемъ въ свидѣтели. Оно, собственно говоря, вовсе не такъ страшно; если допросчики дѣлаютъ наглые вопросы, то надо имъ отвѣчать также нагло, это главное: спуску имъ не давать.

— Вовсе не такъ страшно! повторила Мери, но только совершенно другимъ тономъ.

— Эхъ, бѣдняжка! вижу я, каково тебѣ. Трудно тебѣ это, тяжело; да дѣлать нечего, держись. Вѣдь тебѣ вѣроятно почти нечего имъ сказать ни за, ни противъ. Можетъ-быть даже присутствіе твое въ ассизахъ будетъ для него полезно, потому что взглянувъ на тебя, всѣ тотчасъ поймутъ, что онъ очень могъ посягнуть на жизнь человѣка просто изъ безумной ревности; что и говорить, ты вѣдь хороша на рѣдкость, Мери, и стоитъ только посмотреть на тебя, чтобы согласиться, что отъ такого личика молодой человѣкъ можетъ сойти съ ума, и тогда преступленіе его легче будетъ простить ему.

— О, Джобъ! Вы такъ и не вѣрите мнѣ, когда я вамъ говорю, что онъ невиненъ? Увѣряю васъ, повѣрьте мнѣ, я могу это доказать: онъ былъ съ Виллемъ во весь тотъ вечеръ, ну право же былъ!

— Милая моя, кто же тебѣ это сказалъ? кто поручился? сказалъ Джобъ съ состраданіемъ.

— Сама мать его сказала мнѣ, и Вилля я выпишу сюда, для клятвеннаго показанія. Но, Джобъ! (и она горько заплакала) какъ это тяжело, что вы не вѣрите. Какъ же я его оправдаю передъ чужими, посторонними, когда его короткіе знакомые, любимые друзья, не могутъ согласиться съ тѣмъ, что не онъ виноватъ?

— Богъ видитъ, какъ бы я желалъ съ этимъ согласиться, сказалъ Джобъ торжественно. — Для спасенія Джема я бы охотно отдалъ полжизни... да что! всю бы остальную жизнь свою отдалъ я за его оправданіе, Мери; и еслибъ не привязанность моя къ бѣдной моей слѣпушкѣ, жертва была бы право не велика... Ты напрасно считаешь меня безсердечнымъ; Мери; я въ сущности не злой человѣкъ и помогать тебѣ готовъ, чѣмъ могу. Да, на это я готовъ во

всякомъ случаѣ, прибавилъ онъ вполголоса и тотчасъ откашлянувшись, какъ бы собираясь съ духомъ.

— О, Джобъ! Если вы хотите помогать мнѣ, — воскликнула Мери, и въ глазахъ ея блеснула радость (хотя, конечно, блеснула слабо и коротко), — научите же меня, что сказать, когда меня будутъ спрашивать. Я такъ испугаюсь, что вѣрно не найду, что сказать.

— Ничего нѣтъ лучше, какъ говорить чистую правду. Умные люди говорятъ, что правда всегда и всего лучше; а когда имѣешь дѣло съ законниками, то и подавно, потому что они такъ хитры, такъ тонки, что рано или поздно вывѣдаютъ всю подноготную и представить тебѣ чедовѣка дуракомъ, за то что онъ вралъ всякую всячину, а правда сама вышла наружу.

— Но вѣдь я не знаю правды. То-есть... я не знаю какъ это сказать, но я увѣрена, что если меня вызовутъ передъ цѣлой толпой народа, которая будетъ на меня глазѣть, то какой бы простой вопросъ мнѣ ни сдѣлали, я навѣрное соврну. Если меня спросятъ, видѣла ли я васъ въ субботу, или во вторникъ, или когда бы то ни было, я все забуду, спутаю, и скажу навыворотъ.

— Ну, ну, ну! Не забирай себѣ въ голову такихъ вещей. Вотъ вы такія «нервные» и нельзя съ вами говорить попросту. А вотъ и Маргарита, Господь съ нею! Посмотри-ка, Мери, какъ она ловко справляется.

И Джобъ засмотрѣлся на внучку, которая тихимъ и ровнымъ шагомъ, точно въ тактъ какой-нибудь музыки, переходила черезъ улицу.

Мери вздрогнула и отшатнулась, какъ будто на нее пахнуло холоднымъ вѣтромъ. Отшатнулась отъ Маргариты! Слѣпая дѣвушка, такая скромная и молчаливая, казалась ей строгимъ судьей. При ней не такъ ловко будетъ разсуждать съ Джобомъ и довѣрять ему различные планы, которые только-что начали было вызывать его участіе и расположеніе. Мери и сама чувствовала себя виноватою, въ душѣ винила себя горько и неумолимо; но скорѣе вынесла бы на счетъ своихъ ошибокъ и грѣховъ самое строгое и жесткое осужденіе, нежели ту ледяную холодность, то осторожное обхожденіе, которыми поутру встрѣтила ее Маргарита.

— А здѣсь Мери! сказалъ Джобъ такимъ тономъ, какъ будто желалъ задобрить свою внучку. — Мери пообѣдаетъ съ нами, потому что я ручаюсь, что она и не подумала сегодня изготовить для себя что-нибудь. А блѣдна и измучена какъ мертвецъ.

Эта рѣчь неминуемо должна была пробудить гостепріимныя наклонности хозяйки, наклонности такія сильныя и искреннія въ бѣдномъ быту, гдѣ предложить бываетъ почти нечего, но угощать всегда очень любить. Маргарита привѣтливо подошла къ Мери и обошлась съ нею несравненно любезнѣе, нежели утромъ.

— Пустяки, пустяки, Мери! настаивалъ Джобъ: — вѣдь у тебя дома ѣсть нечего?

И Мери, усталая и подавленная сильнѣйшими ощущеніями, не сочла за нужное или погѣнилась отказываться болѣе, и приняла приглашеніе обѣдать.

Обѣдъ прошолъ спокойно; говорить никому не хотѣлось, и послѣ двухъ-трехъ попытокъ начать общій разговоръ, всѣ принуждены были снова замолчать.

Окончивъ трапезу, Джобъ опять повелъ рѣчь о предметѣ, занимавшемъ ихъ такъ сильно.

— Бѣдный малый нашъ, что въ Керкдалѣ, крѣпко нуждается въ хорошемъ адвокатѣ, который распуталъ бы ему это дѣло и не допустилъ обвинить его понапрасну. Ты объ этомъ подумала ли?

Мери не подумала, и почти увѣрена была, что мать его также не позаботилась объ этомъ обстоятельстве.

Послѣднее подтвердила и Маргарита.

— Я только сейчасъ оттуда; бѣдная Джени какъ помѣшаная; столько у ней горя разомъ! Повременамъ она какъ будто убѣждена, что онъ будетъ повѣшенъ. Но только что я начну говорить въ этомъ смыслѣ, какъ она на меня же вскинется, бѣдняжка! и говорить, что ужъ «что ни говорятъ другіе прочіе, а есть на свѣтѣ добрые люди, которые не откажутся, да еще и рады будутъ доказать его невинность». Такъ я и не знала, съ которой стороны подступиться къ ней. На одномъ только она стоитъ крѣпко и не сбивается: утверждаетъ, что Джемъ неповиненъ.

— Мать! произнесъ Джобъ.

— Она думаетъ о Виллѣ, когда говоритъ о людяхъ, могущихъ доказать невинность его. Онъ былъ съ Виллемъ въ четвергъ вечеромъ и провожалъ его довольно далеко по дорогѣ въ Ливерпуль; теперь все дѣло въ томъ, чтобы поймать Вилля и подвѣсть его подъ присягу. — Мери говорила спокойно и твердо; чистота ея намѣреній придавала ей какую-то особую силу и важность.

— Не слишкомъ надѣйся на это средство, моя милая, сказалъ Джобъ.

— Я потому так много надѣюсь, отвѣчала Мери, — что знаю это повѣрное и во что бы то ни стало буду убѣждать въ этомъ другихъ. Вы ничѣмъ не собьете меня, Джобъ, лучше и не пробуйте. Вы можете мнѣ помочь; но отговорить меня отъ того, на что я твердо рѣшилась — нельзя.

Рѣшимость ея внушала имъ нѣкоторое почтеніе, такъ что Джобъ почти сдался на ея мнѣнія, видя, какъ она настойчиво хочетъ вслѣдствіе ихъ дѣйствовать. О, лучшій и прямѣйшій путь къ обращенію и ко всякой вѣрѣ, въ какихъ бы то ни было великихъ или малыхъ дѣлахъ! Всякій увѣруетъ въ правоту нашего принципа, если мы никогда не измѣнимъ ему, если (вмѣсто длинныхъ поясненій и увѣщеваній) мы будемъ проводить его въ жизни и прилагать къ каждому своему дѣйствию.

Мало по малу, видя, что увлекла за собою хотя одного изъ собесѣдниковъ, Мери сама ободрилась.

— Я пока знаю только одно, продолжала она: — онъ былъ съ Виллемъ на большой дорогѣ, когда... когда случился этотъ выстрѣлъ (она не рѣшилась сказать: это *злодѣйство*, потому что имѣла столько причинъ предполагать, кто настоящій злодѣй). Вилль можетъ доказать это, и надо отыскать Вилля. Онъ отплываетъ окончательно не ближе вторника, стало быть время еще не ушло. Отъ дяди своего, съ острова Мена, онъ долженъ воротиться въ понедѣльникъ. Мнѣ надо видѣть его въ Ливерпулѣ въ день его пріѣзда; я расскажу ему все что случилось, и въ какую бѣду попалъ бѣдный Джемъ, и какъ нужно во вторникъ дать показаніе подъ присягою. Все это я могу сдѣлать, и сдѣлаю, хотя теперь еще не знаю хорошенько, какъ приняться. Но вѣрно Богъ поможетъ мнѣ. Я знаю, что дѣйствую на благо и потому бояться мнѣ нечего; всю надежду полагаю на Него: вѣдь я хлопочу для невиннаго, для праведнаго, а не для себя, заблудшей грѣшницы. Я ничего не боюсь, когда подумаю о Джемѣ. Онъ такой добрый!

Она остановилась, сердце ея было переполнено. Маргарита снова начала любить ее; она видѣла въ ней все ту же, прежнюю Мери, горячую, добрую, порывистую, граціозную, способную ошибиться, но облеченную теперь въ какое-то новое чувство собственнаго достоинства, твердости и непреклонной воли.

Мери снова заговорила.

— Я знаю имя корабля, на которомъ поѣдетъ Вилль: это *Джонъ Кропперъ*; и знаю, что онъ отправляется въ Америку. Это уже ко-

рошо. Но забыла я — а можетъ быть и не слыхала никогда — гдѣ онъ квартируетъ въ Ливерпулѣ. Онъ мнѣ говорилъ о своей хозяйкѣ, какъ о честной и хорошей женщинѣ; но какъ ее зовутъ — я и понятія не имѣю. Не можешь ли ты припомнить, Маргарита?

Она обратилась къ своей подругѣ спокойно и просто, какъ будто навѣрное знала о тайныхъ узахъ, связавшихъ ея сердце съ сердцемъ Вилля; словомъ, она спросила ее такъ, какъ бы спросила жену о квартирѣ ея мужа. Маргарита отвѣчала такъ же просто и спокойно, и волненіе ея обнаружилось только яркимъ румянцемъ, вспыхнувшимъ на щекахъ.

— Онъ живетъ у мистрисъ Джонсъ, на Молочномъ подворьѣ, около Николаевской улицы. Онъ останавливается тутъ всегда, съ тѣхъ поръ какъ вступилъ въ морскую службу. Хозяйка эта, кажется, очень порядочная женщина.

— Ну, Мери! А я буду молиться о тебѣ, сказалъ Джобъ. Я таки не часто стою на молитвѣ, хотя нерѣдко случается сказать Господу Богу слово-другое; но это когда мнѣ или очень хорошо, или больно плохо. Бывало, приходилось мнѣ обращаться къ Господу не вовремя, когда удастся хорошій экземплярчикъ найти, или такъ, выйду въ поле, да погода хороша. А теперь я аккуратно стану молиться за Джема и за тебя. И Маргарита также будетъ молиться, ручаюсь за это. А все-таки, душа моя, не худо бы подумать объ адвокатѣ. Я знаю одного, мистера Чешейра: онъ и до насѣкомыхъ большой охотникъ, и человѣкъ хорошій. Мы съ нимъ не разъ обмѣнивались экземплярами, когда случались дублеты. Я увѣренъ, что онъ не откажется сослужить мнѣ службу. Вотъ сейчасъ, только шляпу найду, и схожу къ нему.

Сказано, сдѣлано. Мери и Маргарита остались вдвоемъ, и опять почувствовали какую-то неловкость, словно отчужденіе другъ отъ друга.

Но Мери, которая была въ самомъ возбужденномъ состояніи духа, собралась съ силами и первая прервала молчаніе.

— Маргарита! начала она: — я вижу, чувствую, что ты меня считаешь ужасною грѣшницей. Но увѣряю тебя, что ты не можешь считать меня хуже того, чѣмъ я теперь сама себя признаю! — Рыданія заглушили ея голосъ.

— Нѣтъ, начала Маргарита: — какое же я имѣю право...

— Да, Маргарита, ты имѣешь право меня судить, и не судить не можешь; этого и требовать нельзя. Только, прошу тебя, въ

судѣ своемъ будь милостива, по слову евангельскому. Ты всегда была добра и права, и потому не знаешь, какъ легко немножко сбиться съ пути и какъ трудно потомъ возвращаться. О, если бы я знала, когда въ первый разъ тѣшилась сладкими рѣчами мистера Карсонса, чѣмъ все это кончится! Быть можетъ смертью того чловѣка, который мнѣ дороже жизни!

Она зарыдала судорожно. Слезы, сдержанныя цѣлый день, потекли ручьями. Однако она вскорѣ переломила себя и пристально глядя на Маргариту, какъ будто неподвижные глаза ея невозмутимой подруги могли видѣть ея собственное, умоляющее лицо, прибавила:

— Я не должна плакать, мнѣ не слѣдуетъ предаваться слезамъ. Будетъ еще время, наплачусь, если... Я только хотѣла бы, чтобы ты сказала мнѣ доброе слово, Маргарита. Вѣдь я очень, очень несчастна, такъ несчастна, какъ никто и знать не можетъ... такъ несчастна, какъ мнѣ иногда кажется, какъ я и не заслужила. Но это дурная мысль, Маргарита? Дурная? О, я нагрѣшила, и теперь наказана, это такъ. Но какъ наказана!

Кто могъ устоять противъ этого сладкаго голоса, этого выраженія глубокихъ страданій, искренняго смиренія? Кто отказалъ бы въ прощеніи этой грѣшницѣ, которая съ такимъ сокрушеніемъ о немъ молила? Конечно не Маргарита. Вся искренность старинной дружбы всплыла наверхъ, и съ нею вмѣстѣ приливъ еще сильнѣйшей, небывалой нѣжности.

— Маргарита, какъ ты думаешь: можно ли спасти его, могутъ ли они считать его виновнымъ, послѣ того, что Вилль докажетъ подъ присягою? Будетъ ли достаточно этого свидѣтельства?

Маргарита нѣсколько времени не отвѣчала.

— О говори же, Маргарита, говори! умоляла Мери въ мучительномъ нетерпѣннн.

— Я ничего не знаю о законахъ и о свидѣтельствахъ, отвѣчала Маргарита кротко. — Но, Мери, дѣдушка правду говорить, ты не слишкомъ надѣйся на эти слова Джени Вильсонъ, что Джемъ былъ тогда съ Виллемъ. Она, бѣдная, вовсе потеряла рассудокъ со всѣми своими хлопотами, печалаями и безсонницею, — оно и не удивительно. А можетъ быть Джемъ и точно сказалъ ей, что идетъ съ Виллемъ, чтобы отвезть ей глаза.

— Ты Джема вовсе не знаешь, прервала Мери, вскочивъ съ мѣста. — Иначе ты не сказала бы этого про него.

— Я желала бы ошибаться; но подумай, Мери, сколько ужь уликъ противъ него. Выстрѣлъ сдѣланъ былъ изъ его ружья; онъ за нѣсколько дней назадъ грозился на мистера Карсонса; онъ не былъ дома въ то самое время, — это мы всѣ знаемъ, — и очень вѣроятно, что кого-нибудь изъ насъ потребуютъ, чтобъ доказать это въ ассизахъ. Ктому же кромѣ его не на кого даже и подумать.

Мери тяжело и глубоко вздохнула.

— И все-таки, Маргарита, не онъ это сдѣлалъ! подтвердила она.

Но Маргарита не сдавалась.

— Я вижу, что понапрасну говорю это, продолжала Мери. Никто изъ васъ мнѣ не вѣритъ, и я не буду больше объ этомъ говорить до тѣхъ поръ, пока не докажу положительно своихъ словъ. Въ понедѣльникъ утромъ я поѣду въ Ливерпуль. Къ назначенному часу я ворочусь и поспѣю въ ассизы. О Боже мой, Боже! Я найду Вилля — и тогда, Маргарита, надѣюсь, ты расскаешься въ томъ, что такъ упрямо обвиняешь Джема.

— Не сердись, милая Мери; я бы право многимъ пожертвовала, чтобы увѣриться въ противномъ. Теперь поговоримъ о другомъ. Пропросту сказать, тебѣ деньги нужны. Всѣ эти адвокаты и законники все равно что губки, такъ и всасываютъ деньги; не говоря ужь о томъ, что ты и Вилля будешь отыскивать, и въ Ливерпулѣ проживешь, и все это. Возьми нѣсколько монетъ, изъ тѣхъ, что я припрятала тутъ, въ старомъ чайникѣ. Ты не въ правѣ отказываться, потомучто я предлагаю ихъ не тебѣ, а Джему. Ты для него и тратиться будешь.

— Знаю, — вижу. Спасибо, Маргарита. Какая ты добрая все-таки. Я беру для Джема, и постараюсь какъ можно лучше употребить ихъ въ его пользу. Нѣтъ, не все: ты не думай, что я все возьму. За житье при ассизахъ мнѣ заплатятъ тамъ, это ихъ дѣло. А вотъ это я беру. — И Мери выбрала золотой соверенъ изъ кучки денегъ, которыя Маргарита высыпала изъ своей незатѣйливой сокровищницы. — Адвокату заплатить дѣдушка, я съ нимъ толковать не буду... Мери дрогнула, вспомнивъ слова Джоба, что законники рано или поздно всегда вывѣдаютъ чистую правду, — а на душѣ у ней лежала такая тяжкая правда!

— Господь съ тобой! Не придавай этому такой важности! сказала Маргарита, прерывая изліянія благодарности Мери. — Мнѣ иногда кажется, что евангельское изреченіе можно понимать и въ

обратномъ смыслѣ: «допускай другихъ дѣлать для тебя то, что ты самъ хотѣлъ бы для нихъ сдѣлать». А то гордость часто мѣшаетъ намъ доставлять ближнему огромное удовольствіе, не допуская его дѣлать намъ добро, тогда какъ онъ всѣмъ сердцемъ желалъ бы помочь, да и мы сами готовы сдѣлать для него тоже самое. Ахъ, какъ больно мнѣ бываетъ, когда мнѣ говорятъ: что вамъ за дѣло до моего горя? не безпокойтесь пожалуйста! — а я вижу, что горе большое и душой бы рада поговорить, утѣшить, помочь. Господь Іисусъ позволяя же простымъ людямъ утѣшать себя и помогать себѣ, потому что зналъ, какъ счастливъ бываетъ человѣкъ, если удастся ему облегчить своего ближняго. О, нѣтъ на свѣтѣ большаго счастья!

Мери едва слышала послѣднія слова Маргариты: такъ занимало ее то, что она видѣла на улицѣ. Стулъ ея стоялъ у окна, и она ясно могла видѣть улицу. Тамъ показался джентльменъ, шедшій съ Джобомъ рядкомъ, очевидно погруженный въ серьезныя съ нимъ разсужденія, и на видъ довольно хитрый и проницательный, чтобы годиться въ адвокаты. Джобъ что-то съ жаромъ излагалъ ему, что было замѣтно по тому, что онъ сильно махалъ рукою и держалъ указательный палецъ вверхъ; потомъ онъ указалъ рукою и кивнулъ по направленію къ своему жилищу, какъ будто приглашая своего собесѣдника войти. Мери сильно боялась, чтобы адвокатъ не согласился, и не подвергъ ее строжайшему допросу, почему именно она такъ увѣрена, что Джемъ невиненъ. Ей показалось, что онъ идетъ... онъ и точно повернулъ къ дому; но нѣтъ, это онъ только посторонился, чтобы дать дорогу какому-то ребенку, шедшему по тротуару. Погода немного Джобъ, въ порывѣ довѣрія, схватилъ адвоката за пуговицу. Джентльменъ очевидно торопился куда-то и порывался уйти, но продолжалъ однако переговоры съ такимъ добродушнымъ видомъ, что Мери невольно примирилась съ нимъ, не смотря на страшную его профессию. Затѣмъ послѣдовалъ быстрый обмѣнъ послѣднихъ привѣтствій, увѣщаній, киваній головою и односложныхъ звуковъ; наконецъ джентльменъ ушелъ ускореннымъ шагомъ, а Джобъ перешолъ черезъ улицу съ самодовольнымъ и дѣловымъ выраженіемъ на своемъ добромъ лицѣ.

— Ну Мери! сказалъ онъ входя: — говорилъ я съ законникомъ; только не съ мистеромъ Чешейромъ: онъ, какъ видно, уголовными дѣлами не занимается, но далъ мнѣ записочку къ другому дѣльцу; славный малый и этотъ, только болтунъ ужасный — слова сказать не даетъ, такъ и перебиваетъ. Однако главные пункты дѣла я сей-

часъ излагалъ ему. Ты можеть-быть видѣла насъ? Я было звалъ его сюда, переговорить съ тобою лично, Мери, а онъ куда-то спѣнитъ, и говоритъ притомъ же, что твое свидѣтельство неважно. Онъ поѣдетъ въ ассизы съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, въ понедѣльникъ, пойдетъ къ Джему и съ нимъ обо всемъ переговорить; онъ и адресъ свой оставилъ мнѣ, Мери, и ты съ Виллемъ — главное Вилль — должны къ нему явиться въ понедѣльникъ, въ два часа. Понимаешь, Мери? Въ Ливерпулѣ ты къ нему ступай, въ два часа пополудни.

Джобъ былъ правъ, когда сомнѣвался, понимаетъ ли его Мери, потому что всѣ эти подробности, назначеніе часовъ и адресовъ, казавшіяся ему весьма успокоительными, теперь только ложились на нее всею тяжестью дѣйствительности. Онъ убѣдили ее наконецъ, что все это далеко не сонъ, какъ ей уже начинало казаться нѣскольکو минутъ тому назадъ, когда сидя на своемъ прежнемъ мѣстѣ въ этой знакомой комнатѣ, она наслаждалась спокойнымъ положеніемъ своего тѣла, совершенною сытостью желудка и пріятными звуками маргаритинаго тихаго голоса. И этотъ джентльменъ, котораго она сейчасъ видѣла на улицѣ, черезъ нѣсколько часовъ увидитъ Джема, станетъ допрашивать его, — и что выйдетъ изъ этого?..

Понедѣльникъ — вѣдь это ужъ послѣзавтра, а во вторникъ рѣшится для ея возлюбленнаго страшный вопросъ о жизни и смерти, или — мысль еще болѣе ужасная! — вѣрная смерть ея отцу.

Неудивительно, что глядя на нее, Джобъ опять повторилъ свои завѣтныя слова:

— Понедѣльникъ, помни — въ два часа. Вотъ и карточка его. Мистеръ Бриджнортъ, № 41, улица Реншо, въ Ливерпулѣ. Тамъ его квартира.

Джобъ замолчалъ, и Мери встрепенулась, чтобы поблагодарить его.

— Вы очень добры, Джобъ, очень добры. Вы и Маргарита не оставите меня, что бы ни случилось.

— Ладно, ладно, другъ мой. Не падай духомъ, я только теперь начинаю приободряться. Онъ кажется очень много надѣется на свидѣтельство Вилля. Увѣрены ли вы, дѣти, что не ошибаетесь насчетъ Вилля?

— Я увѣрена, сказала Мери. — Онъ прямо отсюда пошолъ, говоря, что побываетъ на островѣ Менъ у дяди, а въ воскресенье вечеромъ вернется, чтобы приготовиться къ отплатію во вторникъ.

— Такъ и мнѣ кажется, сказала Маргарита. — Корабль называется Джонъ Кропперъ, а квартиру я уже сказала Мери. Ты записала ли, Мери? — Мери стала записывать на оборотной сторонѣ карточки мистера Бриджнорта.

— Ему не очень хотѣлось ѣхать, говорила она, продолжая писать: — потому что онъ почти что незнакомъ съ своимъ дядею, и радъ бы былъ кажется никогда не знакомиться. Но все-таки, говорить, они мнѣ родные, и я обѣщала стало-быть надо ѣхать на денекъ-другой, да тѣмъ и покончить.

Маргаритѣ нужно было куда-то отправляться по приглашенію, на музыкальный вечеръ, и Мери — какъ ни тяжело ей было уходить и оставаться одной, простилась съ своими друзьями.

ГЛАВА XXIV

- Торжественно-печальны тѣ часы,
 Чтѣ мы проводимъ въ тихомъ ожиданьи
 У изголовья смертнаго одра:
 Въ мученія тревоги безотрадной
 Вперяешь взоръ въ покойное лицо —
 Какая блѣдность... Боже! Совѣ или смерть?..

Наединѣ съ своими мучительными мыслями Мери не могла оставаться спокойною. Подъ кровомъ домашняго очага обступали ее невозвратныя тѣни прошедшаго и страшныя предчувствія будущаго.

Она исполнила все чтѣ могла, относительно Джема, по мѣрѣ силъ и стремленій своего любящаго сердца; въ душѣ задернула чернымъ покрываломъ всю прошедшую, настоящую и будущую жизнь отца, не дерзая даже на столько проникать за эту завѣсу, чтобы предлагать ему услуги своей дѣтской любви; а потомъ безсознательно стала искать новой дѣятельности, новыхъ занятій для своего ума. Что-нибудь, чтѣмъ-нибудь занять воображеніе, лишь бы не давать себѣ вдумываться...

И въ сердцѣ ея встрепенулось то чувство, которое привязало Руоу къ Нозми, — сознание общей любви къ одному и тому же предмету. Мери показалось, что легче ей будетъ, если удастся облегчить, утѣшить мать Джема. Она снова заперла свою квартиру на ключъ и отправилась въ Энкотсъ; шла она опустивъ голову и не

подымая глазъ , боясь чтобы кто-нибудь не узналъ ее и не остано-
вилъ.

Она застала Джени Вильсонъ спокойно сидящею въ креслѣ , такъ спокойно , что даже странно было видѣть человѣку , привыкше-
му къ ея обычной суетливости и подвижности .

Она была очень худа и блѣдна , но всего больше поразило Мери это спокойствіе . При входѣ Мери она не встала , но что-то произне-
сла , такимъ тихимъ и слабымъ голосомъ , что Мери не разслышала .

Мистеръ Девенпортъ , которая была тутъ же , схватила Мери за
платье и шепнула ей :

— Не замай ! она ужь очень измучилась и лучше ее оставить въ
покоѣ . Я тебѣ все расскажу , пойдемъ наверхъ .

Но Мери , проникнутая смятенными и умоляющими взглядами
мистрисъ Вильсонъ , которая какъ-будто ожидала отвѣта на какой-то
вопросъ , подошла къ ней ближе и разслушала наконецъ :

— Что это такое , скажи мнѣ пожалуйста ?

Мери взглянула и увидѣла въ дрожащей рукѣ старушки другой
зловѣщій листъ гербовой бумаги , который она судорожно мяла паль-
цами .

У Мери сердце заныло и сжалось . Она не вдругъ могла отвѣ-
чать .

— Что-жъ это такое ? повторяла мать . — Скажешь ли ты мнѣ ?
И она продолжала глядѣть на Мери все тѣми же дѣтски-удивленны-
ми глазами , исполненными покорной мольбы .

Что отвѣчать ?

— Я тебѣ говорила не замай ! шептала мистрисъ Девенпортъ съ
нѣкоторою досадою . — Она очень хорошо знаетъ , что это такое , отлич-
но знаетъ . Я тутъ не была , когда ее угостили этимъ , а мистрисъ Ге-
мингъ (вотъ что рядомъ живетъ , сосѣдка) , та была , и разобрала что
написано , и все объяснила мистрисъ Вильсонъ . Это ее требуютъ къ
допросу , при джемовомъ судѣ ; мистрисъ Гемингсъ говорить , дол-
жно быть подъ присягу подведутъ , насчетъ ружья ; потомучто кро-
мѣ ея никто вѣдь не можетъ доказать , что это его ружье , а она въ
первый разъ такъ признала его передъ полицменомъ , что теперь и
отпираться нельзя . Бѣдная голова ! Не легко таки , нечего сказать .

Мистрисъ Вильсонъ терпѣливо ждала , когда прекратится это
шептанье , можетъ быть въ надеждѣ , что за нимъ послѣдуетъ объяс-
неніе . Но вотъ обѣ замолчали и только глазами , безмолвно выража-
ли ей безконечное участіе и сомнѣніе ; тогда она тѣмъ же мягкимъ

голосомъ, — такъ непохожимъ на обычный раздражительный крикъ, съ которымъ она обращалась ко всѣмъ, кромѣ своего покойнаго мужа, — тѣмъ же тихимъ и покорнымъ голосомъ произнесла все тѣ же слова :

— Что это такое ? скажите пожалуйста.

— Вы бы лучше отдали мнѣ эту бумагу , мистрисъ Вильсонъ, лучше прибрать ее съ глазъ долой. Да поговори съ ней, Мери, душенька ; попроси, чтобы она дала тебѣ поглядѣть ; я пыталась просить, и не разъ, да она словно не понимаетъ что ей говоришь , а отымать у ней изъ рукъ не хочется.

Мери вытащила изъ-подъ комода скамеечку , подставила ее у ногъ мистрисъ Вильсонъ , сѣла , и взявъ одну изъ дрожащихъ ея рукъ , начала ласково и тихо ее гладить. Сопротивленія почти не было : старушка едва задержала руку Мери легкимъ, судорожнымъ движеніемъ , — и только. И изъ слабо-сжатой , безжизненной руки бумага выпала на-полъ сама собою.

Мери спокойно подняла ее и нисколько не стараясь скрыть, тихо развернула и положила передъ глазами смятенной матери , которая продолжала смотрѣть на нее съ суевѣрнымъ ужасомъ. Мери продолжала поглаживать ей руки.

— Она ужъ нѣсколько ночей не спала , сказала дѣвушка вдовѣ Девенпортъ. — И горе-то, и заботы — немудрено.

— Еще бы ! отозвалась мистрисъ Девенпортъ.

— Надо положить ее какъ слѣдуетъ въ постель , раздѣть хорошенько, уложить. Тогда, Богъ дастъ, она уснетъ, а не то...

Онѣ говорили о ней такъ , какъ-будто ея не было въ комнатѣ ; и точно — мысли и сердце ея были далеко.

Онѣ подняли ее съ кресла , гдѣ она сидѣла совершенно неподвижно , и поворачивая какъ можно осторожно и нѣжно , раздѣли, внесли наверхъ и положили на маленькую постель. Сначала онѣ хотѣли уложить ее на джемову кровать , чтобы удалить отъ Алисы, которая могла побезпокоить ее своимъ бредомъ и движеніями, но потомъ одумались , вспомнивъ, что она можетъ испугаться, проснувшись на новомъ мѣстѣ ; и притомъ мудрено была для Мери, которая оставалась сидѣть надъ ними всю ночь , раздѣлить свои заботы и вниманіе между обѣими больными : кто знаетъ , что еще могло случиться въ эту ночь ?

И такъ , онѣ уложили ее на маленькую постель съ соломеннымъ тюфякомъ ; но въ ту самую минуту, какъ обѣ отходили отъ кровати,

тихо молясь, чтобы Господь послалъ ей спокойный сонъ и временное забвеніе житейскихъ бѣдъ, она открыла глаза, вопросительно взглянула на Мери и прешептала :

— А ты мнѣ такъ и не сказала .. Чтожь это такое ?

И не дожидаясь отвѣта, она медленно закрыла глаза и впала въ тяжелый, крѣпкій сонъ, глубокий и спокойный какъ самая смерть.

Мистрисъ Девенпортъ ушла и Мери осталась одна — если не считать двухъ спящихъ старушекъ, — одна, съ тяжелою ношей мыслей, такъ мучительныхъ въ одиночествѣ.

Она боялась предстоящей ночи. Алиса могла умереть ; докторъ уже объявилъ, что состояніе ея безнадежно и близко къ смерти ; и повременамъ на Мери напалъ безотчетный страхъ, столь свойственный молодости — страхъ не самой смерти, а покойниковъ. И она безпокойно наклонялась къ Алисѣ и съ замираніемъ сердца прислушивалась къ ея рѣдкому, глубокому дыханью.

Иногда Мери опасалась и съ ужасомъ ожидала, что и мистрисъ Вильсонъ проснется въ состояніи совершеннаго помѣшательства, съ бредомъ и безпамятствомъ. Разсудокъ ея былъ ужъ очевидно потрясенъ объясненіями того, что требовалось отъ нея въ гербовой бумагѣ ; — Мери не сомнѣвалась, что услужливая мистрисъ Гемингъ непременно растолковать ей, что ее требуютъ къ присягѣ противъ Джема, ея единственнаго, возлюбленнаго сына. Что если во снѣ, (въ этомъ очарованномъ царствѣ, куда ни любовью, ни участіемъ не проникнешь вслѣдъ за страждущимъ другомъ, — гдѣ одному, и всегда одному только приходится переживать то невыразимые ужасы, то неизреченныя наслажденія, — гдѣ я могу, не покидая земли, снова увидѣть обожаемое лицо моего умершаго дитяти) — что если тамъ, въ этомъ таинственномъ мірѣ сновидѣній, увидитъ она что-нибудь до того мучительное, что не выдержитъ разумъ, и она проснется окончательно помѣшанная на этомъ видѣніи и на ужасной дѣятельности, возбудившей такіа грезы ?

Но какъ часто ожиданія бываютъ преувеличены ! Какъ боялась Мери этой трудной ночи, и какъ безмятежно она прошла ! Спокойно и тихо, какъ въ тѣ времена, когда еще Мери и опасаться было нечего.

Безпокойство о больныхъ совершенно отвлекло ее отъ своихъ личныхъ бѣдъ. Она все думала о спящихъ страдальцахъ, вѣрнопныхъ ея попеченію, пока наконецъ сама не уступила потребности отдыха и задремала. Въ этой тихой, прерывистой дремотѣ, неза-

мѣтно прошла ночь. Повременамъ Алиса бредила, распѣвала что-то въ родѣ дѣтскихъ пѣсенокъ; очевидно, ей было очень хорошо, и чудились все такія милыя лица, и запахъ вереска, и пѣнье птицъ въ кустахъ, — и пѣла она все отрывки изъ старинныхъ балладъ и псалмовъ, которые поются обыкновенно въ сельскихъ церквахъ, обросшихъ плющемъ, гдѣ-нибудь у ручья; и тамъ журчанье воды и тихій шелестъ въ древесныхъ вѣтвяхъ часто смѣшивается въ гармоническій аккордъ съ человѣческими голосами, возносящими хвалу и благодареніе къ Создателю. Это пѣніе, этотъ мирный бредъ проливали отраду въ сердце Мери, и когда мерцаніе зари прокрадось въ комнату и заставило поблѣднѣть слабый свѣтъ ночника, Мери едва могла повѣрить, что дѣйствительно прошла ночь и забрежился день.

Она встала со стула, на которомъ такъ сладко дремала, и полусонная подошла къ окну, посмотрѣть, точно ли настало утро. Улицы были тихи и пусты, по воскресному. Не слышно фабричныхъ колоколовъ; не видать ни раннихъ рабочихъ, ни горничныхъ, въ туфляхъ и чепцахъ, протирающихъ окна въ магазинахъ. Ничто не прерывало однообразной тишины. Лишь изрѣдка показывался какой-нибудь фабричный, шедшій въ поле, подышать сельскимъ воздухомъ; или отецъ семейства, изъ мастеровыхъ, ведущій цѣлую кучу крошечныхъ ребятъ, которые насилу дождались удовольствія утренней прогулки по морозцу вмѣстѣ съ «тяткой». Быть-можетъ человекъ, располагавшій своимъ временемъ и въ будни, пошелъ бы скорѣе, чѣмъ они идутъ: но это семейство очевидно наслаждается своимъ медленнымъ хожденіемъ въ ясное, морозное воскресное утро.

Конечно, были на улицѣ и другіе прохожіе, вовсе не съ такими невинными и похвальными намѣреніями и не въ такомъ благочестивомъ состояніи; но о нихъ лучше умолчимъ, тѣмъ болѣе что и вы, и я, и всякій изъ насъ, можетъ почувствовать угрызеніе совѣсти, вспомнивъ, какъ мало постарались мы о томъ, чтобы на улицѣ было поменьше такихъ грѣшныхъ братьевъ.

Отойдя отъ окна, Мери подошла къ кроватямъ и внимательно осмотрѣла каждую изъ спавшихъ женщинъ. Алиса казалась совершенно спокойною и счастливою, и какъ-будто помолодѣла въ эти дни, приближаясь къ своей мирной кончинѣ.

Лицо мистрисъ Вильсонъ носило отпечатокъ страданій, испытанныхъ въ послѣднее время, хотя она также повидимому крѣпко спала; но пока Мери пристально на нее смотрѣла, стараясь найти

сходство между ею и Джемомъ, она вдругъ проснулась, и прямо взглянувъ на Мери, стала все припоминать и сознать.

Съ минуту объ молчали. Мери не выдержала и опустила глаза передъ испытующимъ, страдальческимъ взглядомъ старухи, который съ каждою секундой становился выразительнѣе.

— Не сонъ ли это? произнесла наконецъ несчастная мать, тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ! отвѣчала Мери также тихо.

Мистрисъ Вильсонъ зарылась лицомъ въ подушки.

Въ это утро разсудокъ ея и память были совершенно свѣжи. Видно было, что столбнякъ, нашедшій на нее вчера вслѣдствіе повѣтки, прошолъ вовсе. Она слабымъ движеніемъ подала знакъ, что хочетъ встать и одѣться. Мери не противилась этому желанію. Чтò за покой на безсонной постелѣ!

Одѣвшись съ помощію Мери, она съ минуту постояла у кровати Алисы и посмотрѣла на спящую.

— Какъ счастлива! проговорила она спокойно и грустно.

Между тѣмъ Мери готовила завтракъ и исправляла разныя хозяйственныя обязанности, которыя могли по ея мнѣнію доставить нѣкоторое удобство матери Джема. Мистрисъ Вильсонъ сидѣла попрежнему въ креслахъ и молча слѣдила за нею глазами. Вся раздражительность ея нрава, всѣ брюзгливыя замашки казалось прошли; по крайней мѣрѣ она до того истомилась тѣломъ и духомъ, что онѣ затихли и болѣе не выказывались.

Мери сообщила ей все чтò было обговорено съ мистеромъ Бриджнортомъ, равно какъ и планы свои и надежды насчетъ отысканія Вилля; но тщательно скрыла отъ нея всѣ свои опасенія и невольные страхи. Мистрисъ Вильсонъ все слѣдила почти безъ возраженій, но съ замѣтнымъ участіемъ и полнымъ пониманіемъ. Когда Мери замолкла, она вздохнула и сказала:

— Ахъ, другъ мой! я ему мать, а между тѣмъ ничего для него не дѣлаю, и не могу ничего сдѣлать! Это-то и мучить меня. Я словно ребенокъ, у котораго мама больна: и плачетъ онъ, и воеетъ, а пользы никакой отъ него нѣтъ. Я кажется вовсе ума лишилась, и не нахожу больше силъ даже поплакать, какъ дѣти плачутъ.

И она начала горько и тихо попрекать себя, за то что не въ силахъ выказать своего горя громче и замѣтнѣе. Какъ-будто крикомъ, воплями или другими рѣзкими изъявленіями можно было больше вы-

казать страданія, нежели этимъ томнымъ взглядомъ грустныхъ глазъ, этимъ исхудалымъ лицомъ и жалкимъ, слабымъ голосомъ!

Но что выстрадала Мери за это время! Вообразите себя, если только это возможно, какія смутныя мысли бродили и толпились въ ея бѣдной головѣ, и какихъ усилій стоило ей казаться спокойною, заниматься будничнымъ дѣломъ и повремениамъ тихо улыбаться.

Погода немного, она стала соображать, какимъ бы средствомъ избавить несчастную мать отъ необходимости являться въ судъ и публично подтверждать подлинность ружья. Въ это утро мистрисъ Вильсонъ еще не поминала о повѣсткѣ и Мери думала, что она забыла о ней; нехудо бы найти способъ отъратить отъ нея это дополнительное горе. Надо повидаться съ Джобомъ и переговорить; она готова была сходить даже къ мистеру Бриджнорту и съ нимъ потолковать объ этомъ, не взирая на его роковую пронизательность. Въ послѣдніе два дня она ужъ такъ много вытерпѣла принужденія, столько разъ переломила себя и затаила на днѣ души свои мученія, что чувствовала къ себѣ болѣе довѣрія и начала думать, что довольно храбро встрѣтитъ теперь кого бы то ни было, и съумѣетъ скрыть все что надо, какъ бы ни разрывалось при этомъ ея бѣдное сердце.

Поутру, тотчасъ послѣ обѣдни, мистрисъ Девенпортъ пришла навѣстить большихъ; Мери отдала ей полный отчетъ о прошедшей ночи, которая была такъ неожиданно-спокойна для мистрисъ Вильсонъ, и потомъ, поручивъ доброй и признательной женщиной своихъ старушекъ, отправилась къ доктору, лечившему Алису.

Докторъ отдыхалъ послѣ утренняго визита къ пациентамъ и съ наслажденіемъ ожидалъ своего воскреснаго обѣда. То былъ такой веселый и добродушный человекъ, что съ трудомъ удерживался отъ прибаутокъ даже у одра смерти. Онъ кажется не понималъ своего назначенія, избравъ профессію медика, потому что больше всего на свѣтѣ любилъ, чтобы все вокругъ него улыбалось и вполнѣ наслаждалось жизнью и здоровьемъ.

Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ настроилъ свое румяное лицо на кислотовато-горестный ладъ, приличный врачу въ присутствіи пациентки, или друга пациентки; — а Мери, съ своимъ печальнымъ, блѣднымъ и безпокойнымъ личикомъ, равно годилась и въ сидѣлки, и въ больныя.

— Ну-съ, барышня, что вамъ угодно? спросилъ онъ, входя въ свою пріемную. — Надѣюсь, вы не на свой счетъ?..

— Я пришла просить васъ навѣстить Алису Вильсонъ, — и ду-

мала, что можетъ-быть вы ужъ за одинъ разъ посмотрите и мистрисъ Вильсонъ.

Онъ немедленно надѣлъ пальто и шляпу и послѣдовалъ за Мери.

Постоявъ надъ Алисою, онъ печально покачалъ головою (какъ будто могло быть что-либо печальное въ томъ, что такая чистая; смиренная и простая христіанская душа возвращается въ желанное отечество!) и пробормоталъ нѣсколько обычныхъ словъ, съ цѣлью отнять всякую надежду и приготовить друзей къ потерѣ. Потомъ, по желанію Мери, онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ мистрисъ Вильсонъ, все такъ же неподвижно сидѣвшей въ креслахъ.

Она отвѣчала на всѣ его вопросы и покорно подверглась обычному осмотру.

— Какъ вы ее находите? спросила Мери съ безпокойствомъ; сойдя съ нимъ внизъ.

— Ее? а... гм... и докторъ замаялся, видя, что отъ него требуютъ положительнаго отвѣта, и не зная, что лучше, благоприятный ли отзывъ, или нѣсколько сомнительный? И рѣшивъ, что благоприятный все-таки долженъ быть болѣе по сердцу милой дѣвицы; сказалъ:

— Она... она слаба, конечно. Но это весьма натурально послѣ такого потрясенія, какъ наиримѣръ арестованіе сына... Я полагаю, что это Джемсъ Вильсонъ, что застрѣлилъ мистера Карсонса, сына ея? О, конечно! какъ непріятно имѣть въ своемъ семействѣ такого зловреднаго члена!

— Вы говорите *застрѣлилъ*, сэръ! подхватила Мери съ негодованіемъ. — Но онъ только арестованъ по подозрѣнію, а виновность его еще далеко не доказана... Многіе ни на волосъ этому не вѣрятъ, сэръ... то-есть тѣ, которые коротко знаютъ его.

— А-а! ну, хорошо! Нашему брату, медику, рѣдко удается читать газеты и потому очень, очень можетъ быть, что я нѣточней въ своихъ свѣденіяхъ. Надѣюсь, что онъ невиненъ; я очень радъ, я конечно не имѣлъ права иначе думать; это у меня такъ, съ языка сорвалось. Нѣтъ, право, я не вижу ничего опаснаго въ этой бѣдной женщинѣ, которую мы тамъ видѣли. Слаба конечно; но дня черезъ два, при хорошемъ уходѣ, — а я увѣренъ, что вы за нею отлично ухаживаете, судя по-вашему милому, доброму личику, — она поправится. Я ей пришлю пилюлекъ и миагурку; но вы не безпокойтесь: увѣряю васъ, что безпокойться нечего.

— Но какъ вы думаете, въ состояніи ли она ѣхать въ Ливер-

пуль? спросила Мери еще безпокойнѣе прежняго, очевидно ожидая отвѣта еще болѣе положительнаго.

— Въ Ливерпуль? гм! да, конечно... путь короткій и не слишкомъ утомить ее, а между тѣмъ можетъ развлечь... Пусть ѣдетъ, — да, пусть она ѣдетъ; это будетъ ей очень полезно.

— О, сэръ! проговорила Мери сквозь слезы. — А я-то надѣялась, что вы найдете ее слишкомъ слабою для такой поѣздки!

— Фью! свиснулъ докторъ, съ недоумѣніемъ желая понять, что именно отъ него требуется, совершенно ставъ въ тупикъ; не читая газетъ, онъ и представить себѣ не могъ, почему бы эта дѣвица могла питать такія повидимому злобныя надежды. — Вы бы прежде такъ сказали, продолжалъ онъ: — конечно, оно можетъ и повредить ей въ теперешнемъ слабомъ состояніи; да и вообще, признаться сказать, всякій переѣздъ дѣло рискованное, какъ игра въ шашки, а для нея такой переѣздъ можетъ быть особенно вреденъ, особенно. Я, съ своей стороны, великій врагъ всѣхъ этихъ поѣздокъ, развлеченій и прочаго, конечно въ томъ только случаѣ, когда пациентка находится въ такомъ нервномъ расположеніи и такъ слаба, какъ напримѣръ мистрисъ Вильсонъ. Если хотите *меня* послушаться, то пожалуйста отложите эту ливерпульскую поѣздку, сдѣлайте милость!

Добрый докторъ дѣйствительно, хотя и безсознательно, перемѣнилъ мнѣніе и говорилъ отъ чистаго сердца; такъ хотѣлось ему на всѣхъ угодить.

— О сэръ, благодарю васъ! А вы мнѣ пожелаете свидѣтельство о ея болѣзни? напишете, что ей ѣхать нельзя, если адвокатъ потребуетъ такого свидѣтельства? Знаете, тотъ адвокатъ, который будетъ защищать Джемса, прибавила она, видя недоумѣвающій и вопросительный взглядъ доктора: — вѣдь она должна явиться въ судъ противъ него...

— Милая моя! прервалъ онъ ее съ сердцемъ: — чтоже вы съ перваго слова не объяснили всего этого напрямикъ? Я бы въ одну минуту обдѣлалъ вамъ дѣло, и обѣдъ мой не стылъ бы все это время. Разумѣется нельзя ей ѣхать; надо быть сумашедшимъ, чтобы это выдумать! Если бы еще показаніе ея могло ему пользу принести, — тогда дѣло другое. Приходите ко мнѣ за свидѣтельствомъ, когда хотите, то-есть разумѣется, если адвокатъ потребуетъ. Я вѣдь съ законниками заодно. А вы посоветуйтесь съ обѣими учеными профессіями... ха-ха-ха!..

И смѣясь своей шуточкѣ, онъ ушолъ; а Мери принялась упрекать себя за то, что вообразила, будто бы всѣ должны подробно знать обо всемъ, касающемся до джемова суда; она вѣдь нисколько не сомнѣвалась въ томъ, что докторъ обстоятельно знаетъ причину поѣздки мистрисъ Вильсонъ въ Ливерпуль.

Оставивъ преданную мистрисъ Девенпортъ съ двумя больными старушками, она отправилась къ Джобу, и рассказала ему всѣ свои планы, дѣйствія и опасенія.

Къ изумленію ея, онъ сомнительно покачалъ головою.

— Это можетъ показаться подозрительнымъ, если мы не допустимъ ее въ ассизы. Законники вѣдь держатъ ухо остро и тотчасъ пронохаютъ шутку.

— Да какая же это штука! сказала Мери. — Вѣдь она въ самомъ дѣлѣ чуть дышетъ, вчера ей было очень дурно, а сегодня она такая слабая и хилая!

— Бѣдненькая, я думаю! Но Джему-то не повредить бы. Вѣдь ужъ столько уликъ, что отпираться нечего. Однако я спрошу мистера Бриджнорта, и даже посоветуюсь съ вашимъ докторомъ. Ты ступай теперь домой и тамъ подожди меня: я приду къ тебѣ черезъ часть времени. Ступай съ Богомъ.

ГЛАВА XXV

«Странные слухи ходили въ тотъ день, —
Словно отъ облака легкая тѣнь, —
Слышался смѣшанный говоръ и шопотъ,
Чудныя рѣчи, таинственный ропотъ...»

КРАББЪ.

Мери пошла домой. О, какъ болѣла, какъ кружилась у ней голова! А задумываться некогда... предаваться изліянію горя можно будетъ и послѣ.

Она сѣла и силилась успокоиться. Сидя у окна, она смотрѣла на улицу, но ничего не видала; какъ вдругъ глазамъ ея представилось нѣчто такое, отъ чего она разомъ вспрыгнула и отшатнулась внутрь комнаты.

Но было уже поздно; ее замѣтили у окна.

Салли Ледбиттеръ вошла въ неопрятную комнатку и всю ее озаорила блескомъ яркихъ, воскресныхъ колеровъ своего туалета.

Ей въ самомъ дѣлѣ интересно было поглядѣть на Мери: связь Мери съ именами преступника и убитаго человѣка какъ-будто придали ей особое значеніе, сдѣлали изъ нея чудо морское, диковинку, такъ что нѣкоторые ожидали даже какихъ-нибудь экстренныхъ перемѣнъ въ ея наружности и пресерьозно на нее гляѣли. Но Мери такъ отвлечена была всѣ эти дни, что ничего этого не замѣчала.

Салли могла теперь вдоволь насмотрѣться на Мери и за то глядѣла ее подробно съ головы до ногъ, что далеко не такъ было трудно, какъ напримѣръ заглянуть ей въ душу, и изучила ее наизусть въ слѣдующемъ порядкѣ: платье будничное — знаете, лиловый ситчикъ, съ высокимъ воротомъ, что она всегда носить. Черный шелковый платочекъ на шеѣ, повязанный спереди узломъ, какъ у мальчика; волосы всѣ подобраны со лба назадъ, точно ей жарко. Вольно же не остричь себѣ волосы! тогда бы жарко не было. А руки себѣ все сжимаетъ и третъ ихъ одну объ другую.

Таковы были извѣстія, которыя Салли отнесла на слѣдующее утро въ рабочую комнату миссъ Симондсъ; за неимѣніемъ лучшаго и то хорошо, и за этимъ стоило сходить къ Мери.

— Здравствуй, Мери! начала она: — куда ты это запропастилась? Вчера цѣлый день глазъ не показала къ миссъ Симондсъ. Ты не думай, чтобы мы тобою гнушались, послѣ всего, что случилось. Правда, инья ужасъ какъ расшибаются за этого бѣдненькаго барина, котораго укокошили по твоей мидости. Но вѣдь мы тебя этимъ попрекать не будемъ, Мери. Миссъ Симондсъ тоже очень огорчится, коли ты не явишься, потому что траурныхъ заказовъ опять цѣлая пропасть!

— Я не могу, сказала Мери тихо. — Можетъ-быть и вовсе не приду къ миссъ Симондсъ.

— Это какъ, Мери! вскричала Салли, сильно озадаченная. — Ну, во вторникъ, положимъ, ты будешь въ Ливерпулѣ, пожалуй еще и въ среду. А потомъ-то? Вѣрно воротиться и все намъ расскажешь! Миссъ Симондсъ знаетъ, что въ эти два дня тебя здѣсь не будетъ; но между нами сказать, вѣдь она сплетня порядочная и такъ рада будетъ послушать твоихъ рассказовъ объ этомъ судѣ и объ ассизахъ, что навѣрное не станетъ вычитать за эти дни. Ктому же, Бетси Морганъ еще вчера говорила: немудрено, коли изъ-за тебя магазинъ войдетъ въ моду. Многія барыни нарочно прѣдутъ заказывать свои платья у миссъ Симондсъ, лишь бы взглянуть на тебя, послѣ суда. Право, Мери, ты совсѣмъ героиня будешь.

Пальчики Мери сжались и задрожали еще пуще; большіе, кроткіе глаза съ умоляющимъ взглядомъ поднялись на Салли. Но она продолжала тараторить, какъ ни въ чемъ не бывало, и вовсе не изъ злобнаго чувства, не изъ желанія подразнить, а просто потому, что не понимала ея страданія.

Смерть мистера Карсонса конечно поразила ее, но пораженіе это отозвалось въ ея душѣ вовсе не болѣзненно, и теперь она рада бы Богъ знаетъ что отдать, лишь бы быть на мѣстѣ Мери и обратиться на себя столь лестное вниманіе публики.

— А какъ тебѣ нравится будущій допросъ, Мери?

— Не нравится, отвѣчала Мери, видя, что безъ отвѣта обойтись нельзя.

— Ухъ! какіе безсовѣстные эти адвокаты! Да и клерки ихъ отнюдь не лучше. А немудрено, продолжала она утѣшительнымъ тономъ, воображая, что дѣйствительно утѣшаетъ пріятельницу: — немудрено, что въ Ливерпульъ навернется тебѣ новый вздыхатель. Ты какое платье-то надѣнешь?

— Ахъ, не знаю, не все ли равно! сказала Мери, нетерпѣливо желая отдѣлаться отъ гостя.

— Ну, ты послушай моего совѣта: надѣнь голубое мериносовое. Оно конечно старо, и на локтяхъ потерто, но этого не замѣтять, а голубое идетъ къ тебѣ. Ты этого не забудь, Мери. А сверху я тебѣ дамъ свой черный шарфъ, прибавила она добродушно. По ея понятіямъ такое предложеніе было очень любезно, и притомъ ей пріятно было думать, что любимый ея шарфъ очутится на присяжной свидѣтельницѣ, замѣшанной въ уголовное дѣло. — Я принесу тебѣ шарфъ завтра утромъ, пораньше.

— Нѣтъ, пожалуйста не нужно, сказала Мери. — Спасибо тебѣ, я его не надѣну.

— А что же ты надѣнешь? Я всѣ твои платья наперечетъ знаю, какъ свои собственныя, и ума не приложу, что еще ты можешь надѣть? Не клѣтчатый же старый платокъ, я надѣюсь! Или можетъ быть тебѣ вотъ этотъ больше нравится, что на мнѣ? И Салли просіяла при этой мысли, и ужь хотѣла было скинуть и платокъ и все что Мери спросить.

— О Салли! перестань говорить о такихъ пустякахъ; и время ли думать о нарядахъ, когда дѣло идетъ о жизни или смерти Джемса!

— Та-та-та! Такъ это Джемъ теперь? Ну, такъ я и думала, что у тебя завелся еще какой-нибудь любимчикъ, когда ты въ тѣ-

поры убѣжала отъ мистера Карсона! И съ чего же онъ взялъ, послѣ этого, убивать мистера Гарри? То-есть послѣ того, какъ ты отстала отъ него? Развѣ боялся, чтобы ты опять не воротилась къ нему?

— Какъ ты смѣешь говорить, что онъ убилъ мистера Гарри? возразила Мери, вспыхнувъ и разомъ отряхнувъ томное равнодушіе, въ которое повергло ее пространное разсужденіе о нарядахъ. — Впрочемъ все равно, что бы ты ни думала, потому что ты-то его не знаешь. А вотъ что печалитъ меня, — что люди коротко его знавшіе также считаютъ его виновнымъ! прибавила она печально, съ безнадежной грустью въ голосъ.

— А ты думаешь, это не онъ сдѣлалъ? спросила Салли.

Мери промолчала; она подумала, что заходить слишкомъ далеко съ такой любопытной и безсовѣтной особой; вспомнила притомъ, что сначала и сама считала Джема виновнымъ, и разсудила, что не ей бросать камнемъ въ тѣхъ, кто склоненъ къ этому мнѣнію. Сомнѣвались и вообще немногіе, полной же вѣры въ его невинность никто не имѣлъ; никто — кромѣ матери, въ которой сердце говорило громче разсудка, и любя безусловно и страстно, не допускало мысли, что Джемъ можетъ быть злодѣемъ. Но разговоръ съ Салли вообще былъ не по сердцу Мери: ей не нравился ни предметъ разговора, ни тонъ его, да и собесѣдницу она крѣпко недолюбливала.

Поэтому она очень обрадовалась, когда за дверью послышался голосъ Джоба Лега, разсуждавшаго о чемъ-то съ сосѣдомъ, и Салли, вскочивъ со стула, объявила:

— Ейбогу, этотъ старый дуракъ къ тебѣ идетъ! Отецъ что ли твой приставилъ его смотрѣть за тобою? И чего ему здѣсь надо? А я уйду поскорѣе: терпѣть не могу ни его, ни его подципаной внучки. Прощай, Мери!

Все это шопотомъ, и потомъ прибавила громче:

— Коли передумаешь насчетъ шарфа, Мери, то завтра приходи до девяти часовъ, и получишь непременно. Я съ охотою дамъ тебѣ.

Въ двери она столкнулась съ Джибомъ и они обмѣнялись самыми недоброжелательными взглядами, которыхъ даже скрывать не трудилась.

— Нахаль-дѣвка, безпутная! проговорилъ Джибъ, оставшись съ Мери наединѣ.

— Она предобрая, возразила Мери, которой совѣстно было бы дурно отозваться о гостѣ, только что переступившей черезъ ея

порогъ , и она съ радостью уцѣпилась за доброе качество , всего рѣзче проявившееся въ Салли .

— Какъ же , какъ же ! предобрая , и щедрая , и веселая , и рѣчи-стая ! Мало ли любезныхъ качествъ , которыми дьяволъ одаряетъ своихъ птенцовъ , для приманки дураковъ . Развѣ можетъ человѣкъ совѣтъ не привлекательный и не любезный совращать съ пути ближнихъ своихъ ? Я однакоже не объ этомъ пришолъ говорить . Видѣлъ мистера Бриджъпорта , и онъ до нѣкоторой степени того же мнѣнія , что и мы , то-есть думаетъ , что можетъ показаться подозрительнымъ , если она не явится въ ассизный судъ , и можетъ повредить бѣдному парню ; а если впрочемъ она точно больна , то нечего и толковать : на нѣтъ и суда нѣтъ .

— Я не знаю , точно ли она до такой степени больна , сказала Мери , испугавшись своего содѣйствія въ дѣлѣ , могущемъ повредить бѣдному ея любовнику . — Не придете ли вы навѣстить ее , Джобъ ? Докторъ говоритъ , какъ-будто не то , что онъ думаетъ , а просто мнѣ угодить хочетъ .

— Это потому , что онъ и думать ничего не умѣетъ ни о какомъ предметѣ , возразилъ Джобъ , который почти столько же презиралъ лекарей , сколько уважалъ адвокатовъ . — Но я все-таки схожу охотно . Я не бывалъ у старухъ съ тѣхъ поръ , какъ ихъ пришибло это послѣднее горе и даже вѣжливость требуетъ , чтобъ я ихъ навѣстилъ . Пойдемъ .

Жилище мистрисъ Вильсонъ представляло обычный видъ затишья и неподвижности , свойственный домамъ , гдѣ есть больные или недавній покойникъ . Въ домѣ ничего особеннаго не дѣлается , никто ничѣмъ не занятъ , всѣ чего-то ждутъ , стерегутъ и молчатъ , пока не приходится облегчать какого-либо особенно сильнаго припадка ; всѣ звуки и движенія умѣрены , заглушены , мебель расположена такъ , чтобы служить къ наибольшему удобству страждущаго лица ; ставни заперты , чтобы не впускать въ окна даже и рѣзкаго солнечнаго луча . Обитатели такихъ жилищъ смотрятъ серьезно и печально ; входя къ нимъ , вы также проникаетесь этою атмосферой беззвучной грусти , попадаете въ общую колею , и забывъ шумную улицу и весь внѣшній мѣръ , погружаетесь въ этотъ печальный мѣръ ожиданія и болѣзненной тишины .

Мистрисъ Вильсонъ сидѣла въ креслѣ , съ тѣмъ же лицомъ , съ какимъ Мери оставила ее поутру . Мистрисъ Девенпортъ ходила вокругъ нея въ скрипучихъ башмакахъ и производила тѣмъ силь-

нѣйшій скрипъ, что очень старалась ступать потише и помедленнѣе, отчего и звукъ выходилъ длиннѣе; но въ настоящемъ случаѣ здоровыя уши страдали отъ нея гораздо больше, чѣмъ больныя, потому что у больныхъ и такъ ужь притупились внѣшнія чувства. Наверху все еще слышался торопливый и веселый лепетъ Алисы, и легкій смѣхъ ея, въ отвѣтъ на какія-то рѣчи невидимыхъ ея собесѣдниковъ — говорю *невидимыхъ*, потому что кто знаетъ, точно ли они только *воображаемые*?

Джобъ началъ разговоръ; мистрисъ Вильсонъ отвѣчала.

Она говорила такъ спокойно, что это поражало неестественностию при настоящихъ обстоятельствахъ, и произвело на старика впечатлѣнне несравненно болѣе сильное, нежели болѣзненный и страдальческій ея видъ. Будь она въ бреду горячки, въ безпамятствѣ, вздумай она капризничать или стопать — онъ бы по своему обыкновенію могъ обдумать отвѣтъ, и подать какой-нибудь совѣтъ, утѣшеніе; а теперь мысли его перепутались и онъ почтительно молчалъ.

Наконецъ онъ отвелъ Мери въ особый уголъ и началъ говорить ей:

— Ты права, Мери. Гдѣ ей въ такомъ видѣ ѣхать въ Ливерпуль, бѣдняжкѣ! Какъ я посмотрю на нее, такъ дивлюсь только, чего еще докторъ колеблется въ своемъ рѣшеніи? Каково бы ни кончилось джемово дѣло, она-то на ногахъ не стоитъ; во всякомъ случаѣ дѣло это затянуться не можетъ, и что бы ни было, лучше до конца оставить ее тутъ, какъ есть.

— Я увѣрена была, что вы такъ скажете, отвѣчала Мери.

Но оба они сильно ошиблись въ расчетъ. Они думали, что всѣ ея чувства притупились, тогда какъ они были только въ бездѣйствіи, и не такъ быстро повиновались внушеніямъ отяжелѣвшаго мозга. Джобъ и Мери не замѣтили, что глаза ея какъ будто машинально послѣдовали за ними въ противоположный уголъ комнаты, и что лицо ея, до тѣхъ поръ неподвижное и безучастное, выразило нѣчто въ родѣ прежняго нетерпѣнія.

Когда они замолчали, она внезапно встала съ мѣста и такъ ихъ перепугала, какъ-будто мертвецъ всталъ изъ гроба и заговорилъ. Рѣшительнымъ тономъ и твердымъ голосомъ, она сказала: — Я ѣду въ Ливерпуль. Я слышу, что вы говорите и что задумали, и говорю вамъ, что ѣду въ Ливерпуль. Если слова мои могутъ погубить сына, то они уже сказаны и ничто ихъ не воротитъ. Но я буду вѣро-

вать. Алиса не разъ говорила, что у меня вѣры недостаетъ, и теперь я хочу вѣрить. Они не могутъ... они не захотятъ убить моего сына, моего единственнаго дитяти. Я не буду бояться... Но — Боже мой! — все-таки мертвѣю отъ ужаса! Но если суждено ему умереть, не думайте, чтобы я отстала, чтобы отговорилась отъ суда. Когда всѣ будутъ ненавидѣть и чуждаться его, съ нимъ таки будетъ бѣдная мать и отдастъ ему все что можетъ, утѣшить его и словомъ, и взглядомъ, и лаской, и любовью материнскаго сердца, которое только и живетъ для него. Бѣдная старуха-мать знаетъ, что онъ правъ и грѣху не причастенъ — передъ людьми по крайней мѣрѣ. Можетъ-быть меня пустятъ къ нему тотчасъ, какъ кончится судъ и приговорятъ его. А я знаю много текстовъ изъ священнаго писанія наизусть — хоть вы можетъ-быть этого и не думаете, и этимъ могу поддержать его, укрѣпить душу его. Я пропустила случай видѣть его передъ тѣмъ какъ его отпавляли въ эту тюрьму, но теперь ничто меня не удержитъ, лишь бы можно было только поглядѣть на него; потомучто минуты можетъ-быть сочтены и время коротко... Я знаю, что могу послужить утѣшеніемъ бѣдному моему мальчику. Вы и этого можетъ-быть не думаете, но еслибъ вы знали, какъ нѣжно и тихо онъ всегда говорилъ со мною, какъ за мною ухаживалъ! Онъ меня любитъ какъ душу свою, а я его такъ и оставляю, когда всѣ противъ него и грозятъ ему жестокою, безвинною смертью? Да я хоть молиться о немъ могу, при всякомъ грубомъ словѣ, что они скажутъ на его счетъ, и онъ хоть по лицу моему увидитъ, бѣдный мой, что для него дѣлаетъ мать!

Они попробовали сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній и уговорить ее остаться; тогда она круто повернулась къ Мери, прежнему предмету своихъ брюзгливыхъ нападеній, и сказала:

— Ну, слушай же разъ навсегда. *Онъ* видить, что меня не уговоришь, и по крайней мѣрѣ не дурить, не пробуетъ уговаривать; такъ и ты не пробуй. Я поѣду въ Ливерпуль завтра же, тамъ увижу свое дѣтище, и постою за него, постою горой. А коли умереть ему, то Богъ не безъ милости, быть можетъ и меня приберетъ. А могила всякому горю помога!

Утомленная такимъ чрезвычайнымъ усиліемъ надъ собою, она упала въ кресла; но что имъ говорили ей, о чемъ бы ни начинали разговора, она всѣхъ прерывала рѣзкою и отрывистою фразой: «поѣду въ Ливерпуль».

Нечего было и разсуждать больше. Мнѣніе доктора было выра-

жено такъ неопредѣленно, а мнѣніе опытнаго законника, мистера Бриджнорта, такъ понуждало ее къ побѣдкѣ, что Мери рѣшилась не противиться ея желанію, тѣмъ болѣе что оно оказывалось довольно благоразумнымъ.

— Всего лучше такъ распорядиться, сказала Джобъ, — чтобы мнѣ завтра съ ранняго утра отправляться въ погоню за Виллемъ, а тебѣ, Мери, пріѣзжать цемножко позднѣе съ Джени Вильсонъ. Я знаю одну хорошую женщину, у которой вы можете найти порядочную постель; и я къ вамъ туда приду, когда найду Вилля, передъ тѣмъ какъ идти къ мистеру Бриджнорту въ два часа; а ему такъ и скажу, что если жизнь Джема зависитъ точно отъ присутствія Вилля, то ни одному изъ его писаришекъ не довѣрю отыскивать Вилля по городу.

Этотъ планъ вовсе не по вкусу былъ Мери: неудовольствіе ея основывалось частію на доводахъ разума, частію на стремленіяхъ сердца. Ей досадно и несносно было кому бы то ни было уступать часть дѣятельности, необходимой для спасенія Джема. Она считала эту дѣятельность сполна своею обязанностью, своимъ правомъ, и никому не хотѣла поручать окончательныхъ мѣръ. У другихъ, думала она, не достанетъ можетъ-быть энергіи, настойчивости, отчаянной рѣшимости для преслѣдованія цѣли; а любовь одарила ее всѣми этими качествами, не говоря уже о томъ, что въ противномъ случаѣ угрожала ей страшная неудача, съ ужасными послѣдствіями для Джема. Ни у кого не было столько побудительныхъ причинъ для дѣятельности, слѣдовательно ни у кого не было настолько заготовлено рѣшимости, соображенія и усердія. Кромѣ того — но это уже было чувство чисто эгоистическое — она не могла вынести спокойнаго ожиданія, не могла оставаться сложа руки и терпѣть, пока наступитъ роковая развязка.

И такъ она жарко и нетерпѣливо воспротивилась всѣмъ доводамъ Джоба; сопротивленіе разумѣется вызвало съ его стороны еще сильнѣйшій отпоръ; онъ всѣ ея причины счелъ за капризъ, настаивалъ на своемъ — наконецъ дѣло дошло до ссоры и по дорогѣ домой они рѣшительно разошлись другъ на друга.

Но дома встрѣтила ихъ Маргарита, такая спокойная, кроткая и тихая, точно ангелъ мира; въ ея присутствіи оба спорщика тотчасъ устыдились своей горячности и какъ бы сговорившись, подвергли ея благоразумію рѣшеніе своей размолвки. Впрочемъ я думаю, что Мери едва ли согласилась бы съ этимъ рѣшеніемъ, еслибы оно ока-

залось противъ нея, хотя она смотрѣла уже со слезами раскаянія на стараго Джоба, этого добраго друга, который все-таки много помогъ ей въ дѣлѣ освобожденія Джема.

— Пусть лучше Мери ѣдетъ, сказала Маргарита потихоньку дѣдушкѣ; — я знаю, что у ней на душѣ, и можетъ быть ей вскорѣ придется утѣшать себя только мыслию, что она съ своей стороны сдѣлала все что могла. Если не она сама будетъ дѣйствовать, то пожалуй упрекать себя будетъ послѣ. Оставь ее, дѣдушка, пускай ѣдетъ.

Какъ видите, Маргарита еще почти вовсе не вѣрила въ невинность Джема и думала притомъ, что Мери, какъ увидитъ Виляя и узнаетъ отъ него, что Джемъ не былъ съ нимъ въ тотъ четвергъ вечеромъ, такъ и приготовится уже къ худшему исходу дѣла.

— Позволь мнѣ, дѣдушка, дня на два вовсе запереть квартиру и уйти со двора; я пойду пожить съ Алисою. Я знаю, много толку отъ меня не будетъ (прибавила она кротко), но все же, съ божіей помощью, на что-нибудь пригожусь, и рада буду пригодиться. А вотъ еще и прекрасный случай помѣстить наши деньги: я найму кого-нибудь, чтобы помогали мнѣ ухаживать за нею. Мистрисъ Девенпортъ всегда предобрая и услужливая, сама знаетъ и горе и нужду; я ей могу платить за то время, которое она употребитъ для насъ, и постоянно буду держать ее какъ можно поближе. Такъ и устроимъ это. А ты, милый дѣдушка, возьми на свое попеченіе мистрисъ Вильсонъ, а Мери отпусти за Виллемъ. Послѣ всѣ тамъ сойдется и дай вамъ Богъ счастья и удачи.

Джобъ, поворчавъ немного, со всѣмъ согласился; впрочемъ такой сговорчивости трудно было и ждать отъ старика, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ такъ упрявился въ своемъ мнѣніи.

Мери была очень благодарна Маргаритѣ за вмѣшательство. Она ничего не сказала, но обвивъ руками ея шею, протянула ей свои алыя губки для поцѣлуя: это граціозное, чисто дѣтское движеніе растрогало даже Джоба, и когда она подошла къ нему, тихо ластаясь, какъ виноватый ребенокъ, онъ невольно наклонился къ ней и благословилъ ее, какъ-будто она родное дитя его.

И благословеніе старика сошло на Мери какъ сила, какъ мощное слово.

ГЛАВА XXVI

Точно лодка по волнамъ
 Жизнь надъ смертію скользитъ :
 Вблизи и вдаль по сторонамъ
 Намъ вездѣ бѣда грозитъ.
 Отъ могилы отдѣляетъ
 Намъ лишь утлая доска ;
 Все кругомъ напоминаетъ,
 Что всегда бѣда близка.
 Какъ твое ни тихо море,
 Какъ ни свѣтелъ неба сводъ, —
 За тобой всегда есть горе,
 Смерть всегда добычи ждетъ.

РЮККЕРТЬ.

Ранніе поѣзды ливерпульской желѣзной дороги въ понедѣльникъ утромъ наполнились атторнеями, писцами, истцами, отвѣтчиками, свидѣтелями, присяжными, ѣхавшими въ ассизный судъ. Сборище было пестрое, и у каждаго изъ путешественниковъ было на сердцѣ какое-нибудь особое безпокойство или тревога, что впрочемъ бываетъ съ каждымъ изъ насъ, и въ рѣдкую минуту жизни случается наоборотъ : отъ колыбели до могилы все мы лелѣемъ въ душѣ какую-нибудь надежду, тревожимся какимъ-нибудь опасеніемъ. Въ числѣ пассажировъ находилась и Мери Бартопъ, въ столь извѣстномъ голубомъ платьѣ и предосудительной клѣтчатоу шали.

Какъ ни повсемѣстно теперь распространеніе желѣзныхъ дорогъ, особенно въ Манчестерѣ, Мери никогда еще до тѣхъ поръ не ѣзжала по нимъ; и странно, и жутко показалось ей въ этой шумной суматохѣ и трескотнѣ, въ толпѣ суетливаго народа, при звонѣ колоколовъ и звукѣ сигнальныхъ рожковъ, при свистѣ и визгѣ проходящихъ поѣздовъ.

Да и самая ѣзда казалась ей удивительной. Она сидѣла на задней скамьѣ и смотрѣла на удаляющійся Манчестеръ, съ его высокими, закопченными трубами и фабриками, съ вѣчнымъ облакомъ чернаго дыма и пара, стоящаго надъ нимъ непрерывно; и въ душѣ ея шевельнулось иѣчто въ родѣ тоски по родинѣ. Она въ первый разъ теряла изъ виду предметы, къ которымъ съ дѣтства такъ привыкла. И какъ ни невзрачны, какъ ни лишены изящества эти предметы сами по себѣ, она стремилась къ нимъ почти съ тѣмъ же тоскли-

вымъ чувствомъ, которое обуреваетъ человѣка вдали отъ милой родины.

Облачныя тѣни, придающія столько прелести вершинамъ Чатъ-Мосса, живописная старина Ньютона — все это для Мери не существовало: сердце ея не тѣмъ было занято. Казалось, что она пристально и жадно смотритъ на бѣгущія мимо предметы, а между тѣмъ она ничего не видѣла и не слышала.

И не видѣла, не слышала до тѣхъ поръ, пока до слуха ея не долетѣло нѣсколько слишкомъ знакомыхъ именъ.

Два клерка разсуждали о дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію въ настоящихъ ассизахъ; само собою разумѣется, что «убійственное дѣло», какъ его называли, занимало въ разговорахъ самое почетное мѣсто.

Въ результатъ никто не сомнѣвался.

— Присяжные по большей части не любятъ осуждать на основаніи однихъ поличныхъ, говорилъ одинъ: — но тутъ кажется всѣ улики на лицо, и сомнѣваться нечего.

— Да, если бы дѣло было не такъ просто и ясно, отвѣчалъ другой, — то я бы сказалъ, что они немножко сторожили дѣло. Слѣдовало собрать побольше уликъ.

— Да вѣдь говорятъ, возразилъ первый, — то-есть мнѣ сказывали у Гарднера въ канцеляріи, что боялись, чтобы старый джентльменъ и впрямь не сошелъ съ ума, если еще откладывать рѣшеніе. Въ одну субботу онъ видѣлся съ мистеромъ Гарднеромъ разъ семь, и все-таки вечеромъ прислалъ за нимъ, чтобы напомнить о какихъ-то тамъ письмахъ и документахъ, нужныхъ для составленія обвинительнаго акта.

— Бѣдный старикъ! отвѣчалъ собесѣдникъ. — Оно и понятно: единственный сынъ, и такая смерть — и еще съ такими неприятными okolичностями. Я въ субботу не успѣлъ прочесть «Онекунскаго Листка», но дѣло кажется вышло изъ-за какой-то фабричной дѣвки?

— Да, въ этомъ родѣ что-то. Ее конечно потянуть къ допросу и Вильямъ лихо примется за нее. Я какъ-нибудь улику изъ нашего отдѣленія, чтобы послушать, какъ она станетъ расправляться, если только успѣю во время понасть.

— И вообще если удастся вамъ добиться мѣста, потому что будете благонадежны, зала будетъ биткомъ набита.

— О да! дамы (чувствительныя души!) гурьбой налѣзутъ въ

присутствіе, чтобъ послушать суда надъ убійцею и посмотрѣть, какъ судья надѣнетъ черный колпакъ.

— А потомъ поѣдутъ домой и станутъ удивляться, какъ это испанки ходятъ смотрѣть на бой быковъ... «ахъ какъ неженственно!»!

И разговоръ принялъ другой оборотъ.

Все это было каплею въ моръ золь, окружавшихъ Мери; но она близка была уже къ тому состоянію, когда, по словамъ поэта Крабба:

....Такъ чаша жизни горестей полна,
Что капли — и чрезъ край расплещется она.

Вотъ и тоннель... а вотъ и Ливерпуль! Надо стряхнуть съ себя это безучастіе, это онѣмѣніе тѣла и духа, которое напало на нее вслѣдствіе столькихъ бессонныхъ ночей, вслѣдствіе усталости и безпокойствъ всякаго рода.

Она спросила у полицмена дорогу къ Молочному подворью, и слѣдуя его указаніямъ, съ находчивостью настоящей горожанки достигла небольшого дворика, выходившаго на большую и людную улицу, неподалеку отъ доковъ.

Войдя на тихій дворикъ, она приостановилась перевести духъ и собраться съ силами, потому что дрожала всѣмъ тѣломъ и сердце у ней страшно билось.

Всѣ неблагопріятныя случайности, которыя она до сихъ поръ всячески выбивала изъ своей головы, теперь разомъ нахлынули на ея разсудокъ: она вдругъ увидѣла возможность джемова сообщничества въ убійствѣ — хоть только сообщничества; еще вѣроятнѣе было то, что онъ раздумалъ тогда провожать Вилля, чѣмъ-нибудь былъ отвлеченъ отъ этого намѣренія, и провелъ вечеръ съ кѣмъ-либо другимъ, а этого другого теперь уже поздно отыскивать и приводить къ присягѣ.

Рано или поздно узнаетъ же она правду; и вотъ, вооружившись всѣмъ запасомъ храбрости, она стучится въ дверь.

— Здѣсь живетъ мистрисъ Джонъ? спрашиваетъ она.

— Рядомъ, первая дверь, отвѣчаютъ ей.

И этой коротенькой отсрочкѣ невольно радуется Мери.

Мистрисъ Джонсъ занята была стиркою бѣлья и конечно приняла бы сердито всякаго, кто постучится въ дверь, если бы это было въ ея натурѣ: но то была женщина тихая и кроткая, неспособная къ

сильному гнѣву, и потому она только вздохнула и подумала : вотъ денекъ-то выдался, этотъ понедѣльникъ : не дають постирать, да и только !

Но хотя она и не гнѣвалась, по добротѣ своего нрава, а все-таки на сердцѣ у ней была доля негодованія, которое обратилось въ недоброжелательство къ посѣтителю, кто бы онъ тамъ ни былъ.

Сконфуженная и запыхавшаяся фигура Мери произвела на мистрисъ Джонсъ непріятное впечатлѣніе, и потому, стоя въ двери и стирая съ рукъ мыльную пѣну, она молча ждала, чтобы гостя объяснилась насчетъ причины своего прихода.

Но слова не выговаривались. Голосъ Мери точно замеръ въ ея груди и она болѣзненно молчала.

— Чего вамъ нужно, голубушка ? спросила наконецъ мистрисъ Джонсъ.

— Мнѣ нужно... О ! Вилль Вильсонъ здѣсь ?

— Нѣтъ, нѣту его, отвѣчала мистрисъ Джонсъ съ очевиднымъ намѣреніемъ запереть ей дверь у самого носа.

— Такъ онъ не возвращался съ острова Мена ? спросила Мери, ослабѣвшимъ голосомъ.

— Онъ и не ѣздилъ туда ; онъ и то слишкомъ долго загостился въ Манчестерѣ ; да вы ужъ можете-быть лучше моего это знаете.

И дверь опять стала затворяться.

Но Мери съ умоляющимъ видомъ склонилась впередъ, какъ молодое дерево, клонимое жестокимъ осеннимъ вѣтромъ, и проговорила глухимъ голосомъ :

— Скажите... скажите мнѣ, гдѣ же онъ ?

Мистрисъ Джонсъ начала подозрѣвать тутъ какую-нибудь любовную интригу, и притомъ самого предосудительнаго свойства ; но отчаяніе блѣдной дѣвушки, стоявшей передъ нею, было до того очевидно, до того жалко, что каково бы ни было ея поведеніе, мистрисъ Джонсъ не выдержала и перестала обращаться къ ней такъ холодно и сурово.

— Онъ нынче утромъ уѣхалъ, моя бѣдняжка. Войдите, я расскажу вамъ какъ и что было.

— Уѣхалъ ! воскликнула Мери. Какъ уѣхалъ ? Мнѣ надо его видѣть, это дѣло жизни и смерти : онъ можетъ спасти невиннаго, отъ висѣлицы спасти... Не можетъ быть, чтобы уѣхалъ !.. какъ же это ?

— Отплылъ, моя милая! отплылъ на шкунѣ *Джонъ Кропьеръ*, сегодняшнимъ утромъ.

— Отплылъ!

ГЛАВА XXVII

Вотъ цѣль твоя!..

На грязной пристани, вдоль берега морского

Гуртомъ набросаны вязанки и тюки;

Толпой нахлынули купцы и моряки;

Сквозь смутный шумъ и гамъ не разберешь ни слова,

Но вѣтра рѣзкій свистъ и громкій скрипъ снастей

Смѣшались въ дружный гулъ съ побранками людей.

КРАВЪЪ.

Мери невѣрнымъ шагомъ вступила въ домъ. Мистрисъ Джонсъ заботливо-усадилъ ее въ кресло и въ тягостномъ недоумѣннн посматривала на гостью.

— О батюшка, батюшка! шептала Мери въ забытьи. — Что ты сдѣлалъ! Что мнѣ дѣлать теперь? Неужели невинному суждено погибнуть? Или тому... тому, котораго не смѣю... Ахъ! что это я сказала? проговорила она вдругъ, испуганными глазами взглянувъ на мистрисъ Джонсъ; но доброе лицо растроганной хозяйки повидимому успокоило ея опасенія, и она продолжала: — Такая я слабая и безпомощная на свѣтѣ! Бѣдная дѣвушка и больше ничего. Какъ же я могу знать, что лучше! Отецъ! Ты всегда былъ ко мнѣ такой добрый и ласковый, — и тебѣ... нѣтъ, ничего. Ничего, въ могилѣ всѣ правы.

— Господи спаси и помилуй! воскликнула мистрисъ Джонсъ: да она никакъ помѣшанная!

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала Мери, поймавъ ее на словѣ и усиливаясь кое-какъ собраться съ мыслями, тогда какъ она дѣйствительно чувствовала, что разумъ ея помутился. Яркая краска выступила на ея блѣдныхъ щекахъ и она послѣдно прибавила: — Я не помѣшана; мнѣ еще многое надо сдѣлать... о, такъ много! а кромѣ меня, знаете, некому... Только я вотъ не знаю, что же дѣлать-то? И она дико посмотрѣла въ лицо мистрисъ Джонсъ. А съ ума сходить не надо, что бы ни было... по крайней мѣрѣ теперь... Нѣтъ!

(и она вскочила на ноги) можно еще сдѣлать что-нибудь и надо дѣйствовать. Уѣхалъ, говорите вы? Джонъ Кропперъ — отплылъ?

— Да, вчера вечеромъ отплылъ изъ гавани, чтобы быть готовымъ къ утреннему отливу.

— Я думала, что онъ только завтра долженъ выйти въ море, прощентала Мери.

— Такъ и Вилль думалъ, возразила мистрисъ Джонсъ. Онъ у насъ давно останавливается, совсѣмъ какъ свой, такъ мы всѣ зовемъ его Виллемъ. Ему и шкиперъ сказывалъ, кажется, что завтра выѣзжать. Такъ онъ и думалъ до самой пятницы, какъ пришло въ Ливерпуль; а какъ услышалъ, такъ и раздумалъ ѣздить на островъ Менъ и рѣшился ужь съѣздить только въ Риль со шкиперомъ, Джекомъ Гаррисомъ, у котораго тамъ родные есть за Абергелемъ. Вы можете быть слышали отъ Вилля объ этомъ Гаррисѣ? они друзья за-кадычные, хотя насчетъ Гарриса я совсѣмъ не такого мнѣнія...

— Такъ онъ отплылъ! повторила Мери, стараясь выкинуть въ непреложность этого факта.

— Какже, онъ вчера съ вечера ушелъ на корабль, чтобы сегодня отплыть вмѣстѣ съ отливомъ; а сынишка мой ходилъ даже на пристань, поглядѣть какъ корабль выйдетъ изъ рѣки, и воротился домой какъ помѣшанный отъ этого зрѣлища. Эй, Чарли! Чарли!

Она громко стала звать сына; но Чарли былъ одинъ изъ тѣхъ мальчиковъ, за которыми, по ланкаширскому выраженію, никогда не приходится далеко ходить, коли въ домѣ случается что-либо экстренное: разговоръ ли секретный, или необычайное происшествіе, пожаръ ли, драка ли — что бы то ни было. Такіе ребята рѣшительно вездѣсуци.

Дѣло въ томъ, что Чарли все время былъ зрителемъ и слушателемъ этой сцены. Только на минутку онъ былъ отвлеченъ отъ разговора матери съ чужою дѣвушкой, и то отвлеченъ необходимостью пополаскаться въ корытѣ съ бѣльемъ.

— Чарли! а, да ты ужь здѣсь! Ты вѣдь видѣлъ, какъ нынче утромъ Джонъ Кропперъ выходилъ изъ рѣки? Расскажи—ка вотъ этой барышнѣ, не то она кажется не вѣрить мнѣ.

— Я самъ видѣлъ, какъ его по рѣкѣ тащилъ въ море пароходъ; только вѣдь это все равно, какъ—будто онъ самъ вышелъ въ море, сказалъ Чарли.

— О, еслибъ я хоть вчера вечеромъ пріѣхала сюда! простонала Мери: — а мнѣ и въ голову не пришло. Я думала, онъ ужь навѣрное

знаетъ, когда говорилъ, что съ острова Мена вернется въ понедѣльникъ утромъ, не прежде, а вотъ теперь изъ-за этого человѣкъ умереть долженъ!

— Умереть! подхватилъ мальчикъ. Это какъ?

— О, Вилль можетъ дать показаніе подъ присягою, а онъ уѣхалъ. Чтѣ мнѣ дѣлать теперь!

— Да вы не отчаявайтесь! сказалъ энергическій мальчикъ, мнѣ ввязываясь въ дѣло. Давайте, мы попробуемъ что-нибудь сдѣлатъ, а коли не удастся, и то не бѣда!

Мери выпрямилась: ободрительное мы тотчасъ придадо ей силы и надежды.

— Но чтѣ же дѣлать? Вы говорите онъ уѣхалъ — чтѣ же можно сдѣлать послѣ этого? спросила она, но уже громче и живѣе.

— Нѣтъ, я не говорилъ, что онъ уѣхалъ. Это мама говорить, а женщины, извѣстно, въ такихъ дѣлахъ ничего не смыслятъ. Видите ли (продолжалъ парень, гордясь ролью покровителя и безсознательно поддаваясь вліянію хорошенькаго, внимательнаго и серьезнаго личика Мери), въ устьѣ рѣки есть песчанья отмели, и корабли тамъ не могутъ ходить иначе, какъ во время прилива, особливо такіе тяжелые и грузные корабли, какъ *Джонъ Кропперъ*. Ну, пароходъ-то вытацилъ его кое-какъ по рѣкѣ, во время отлива, а теперь судно должно тамъ простоять до тѣхъ поръ, пока приливъ будетъ довольно глубокъ, чтобы пронести его черезъ отмели. Такъ вы не отчаявайтесь: еще есть надежда, хоть и небольшая конечно.

— Но чтѣ же я должна дѣлать? спросила Мери, которая изъ всего этого объясненія ничего не извлекла путнаго.

— Чтѣ дѣлать? сказалъ онъ нетерпѣливо: да вѣдь я же вамъ говорю, чтѣ дѣлать! Только женщины — не во гнѣвъ вамъ — ужасъ какъ безтолковы во всемъ, что касается до моря. Вамъ надо доставать лодку, да поскорѣе, и плыть за нимъ въ догонку, за *Джономъ Кропперомъ*. Можетъ-быть вы его догоните, а можетъ и нѣтъ. Конечно дѣло рискованное. Но корабль грузенъ, и это для васъ хорошо. Онъ очень низко стоитъ въ водѣ.

Мери смиренно и внимательно (еще какъ внимательно!) выслушала рѣчь своего юнаго ментора. Но какъ ни билась, ничего понять не могла, кромѣ того, что надо торопиться и куда-то поскорѣе плыть.

— Извините пожалуйста, сказала она и съ покорною вѣрой въ его познанія взглянула на него. Этотъ взглядъ еще больше распо-

ложилъ его въ ея пользу. — Извините пожалуйста, но я право не знаю гдѣ достать лодку. Здѣсь есть можетъ-быть такіе дворы?

Парень расхохотался.

— И видно, что вы не изъ здѣшнихъ, сказалъ онъ. Дворы! Нѣтъ, вы ступайте на пристань, все равно на какую пристань, тамъ и наймете лодку; тамъ ужъ не прошибетесь, лодки всегда есть въ готовности. Только поторопитесь.

— О, я рада бы торопиться, если бы только знала что дѣлать, возразила она, начиная дрожать отъ нетерпѣнія. Но вы правы, я еще никогда здѣсь не бывала и вовсе не знаю дороги къ тому мѣсту, о которомъ вы говорите. Вы растолкуйте мнѣ хорошенько, а ужъ я поспѣшу.

— Матушка! сказалъ своевольный мальчикъ: — я пойду, укажу ей дорогу на пристань; домой приду черезъ часикъ или около того, прибавилъ онъ понизивъ голосъ.

И не успѣла еще добрая мистрисъ Джонсъ опомниться и разобрать ихъ намѣреній, какъ сынъ ея шагаль уже по улицѣ, а за нимъ бѣжала запыхавшаяся Мери.

Потомъ онъ зашагалъ потише, такъ чтобы можно было на ходу поболтать съ Мери, потомучто ушолъ уже довольно далеко отъ дому, погони отъ матери нечего было бояться и онъ разсудилъ, что теперь самое время пораспросить кой о чемъ и удовлетворить своему любопытству.

— Гм! Какъ васъ зовутъ? А то такъ неловко звать васъ барышней.

— Имя мое Мери, Мери Бартонъ, отвѣчала она, стараясь угодить молодому человѣку, очевидно готовому услужить ей; а впрочемъ она досадовала на каждое слово, которое могло служить помѣхою къ быстрѣйшему достиженію цѣли, хотя грудь ея сильно сжималась, дыханіе было стѣснено и голова трещала отъ излишней скорости ходьбы.

— И вамъ надо Вилля Вильсона, чтобы присягать въ судѣ? такъ что ли?

— Да, именно такъ; теперь можно перейти на ту сторону?

— Нѣтъ, погодите минутку: вотъ тутъ надъ вашей головой подымають рычагъ, такъ я боюсь... А кого же это будутъ судить?

— Джема. Ахъ Боже мой! Нельзя ли теперь перейти?

Они бѣгомъ побѣжали вдоль берега, гдѣ надъ ними качались въ воздухѣ громадныя тюки товаровъ; пробѣжавъ нѣсколько минутъ,

Чарли разсудил за благо опять идти потише и еще кой-что распросить.

— Мери, а Джемъ-то братъ вашъ или женихъ что ли, что вы такъ за него стараетесь?

— И, нѣтъ, нѣтъ! возразила она нерѣшительно, и тѣмъ еще сильнѣе возбудила любопытство назойливаго мальчика.

— Такъ можетъ-быть онъ вамъ двоюродный? Это у многихъ дѣвухекъ бываетъ, что жениха нѣтъ, а есть двоюродный.

— Нѣтъ, онъ мнѣ ни свать, ни братъ. Что такое случилось? Зачѣмъ вы останавливаетесь? спросила она въ величайшемъ смятеніи, видя, что Чарли повернулся на каблучкахъ и заглядываетъ въ боковую улицу, за уголъ.

— О, ничего такого, что бы должно было пугать васъ, Мери. Я слышала, вы сказывали матушкѣ, что еще никогда не бывали въ Ливерпулѣ, такъ вотъ, если взглянете въ эту улицу, увидите задній фасадъ нашей биржи. Прелесть что за зданіе! тамъ за занавѣсами скелеты стоятъ, а среди двора самъ лордъ адмиралъ Нельсонъ и еще нѣсколько другихъ. Нѣтъ, вы сюда подойдите! продолжалъ онъ, видя, что Мери изъ угожденія ему тычется во всѣ окошки. Вотъ сюда, теперь видите? Какъ хорошо! теперь можете сказать по крайней мѣрѣ, что видѣли ливерпульскую биржу.

— Да, конечно, это прекрасное окно.. А лодки-то еще далеко? Я, знаете, лучше на возвратномъ пути буду все это осматривать, а теперь право лучше идти поскорѣе.

— О, если вѣтеръ будетъ попутный, то вы мигомъ проѣдете рѣвку, и Вилля догоните, я ручаюсь. А коли вѣтеръ противный, то ужъ не прогнѣвайтесь, не поспѣете, хоть бы и на биржу не заглядывали.

Еще одна станція бѣгомъ, пока не встрѣтился у доковъ какой-то длинный обозъ, который слѣдовало обождать. Мери перевела духъ, и Чарли воспользовался случаемъ, чтобы сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ.

— Вы еще не сказали, откуда пріѣхали?

— Изъ Манчестера, отвѣчала она.

— Ого! такъ вамъ еще надо осмотрѣть бездну разныхъ вещей. Говорятъ, Ливерпулѣ во всѣхъ статьяхъ лучше Манчестера. Это вѣдь прегадкое, законченное, грязное мѣсто? Вы тамъ живете что ли?

— Да, это моя родина.

— Признаюсь! Не желалъ бы я родиться въ такой дымной ко-
нурѣ. Смотрите сюда — видите? Это наша рѣка! За эту штуку, я
думаю, въ Манчестерѣ дорого бы дали. Да вы смотрите!

Мери взглянула и увидѣла въ промежуткѣ, между дѣсомъ высо-
кихъ мачтъ, покрывавшихъ доки, уголокъ чудной рѣки, по которой
сновали бѣлопарусные суда, украшенные флагами всѣхъ цвѣтовъ и
народовъ: суда эти не для кроваваго боя выстроились въ ряды, но
мирно провозглашали о далекихъ краяхъ, пропитанныхъ пряны-
ми благоуханіями, или одѣтыхъ вѣчными льдами, и посылавшихъ
ихъ въ эту громадную гавань за разными предметами своихъ потре-
бностей, удобства и роскоши. По широкой, сверкающей, синей до-
рогѣ, быстро мелькали мелкія лодки и такое количество пыхтящихъ,
дымящихся пароходовъ, что Мери понять не могла, за что же послѣ
этого Чарли воздвигъ такое гоненіе на манчестерскій дымъ?

Перейдя пловучій мостъ и пройдя еще нѣсколько шаговъ по на-
бережной, они остановились, зашыхавшись, у великолѣпной приста-
ни, гдѣ сотни кораблей недвижно стояли на якоряхъ и подвергались
нагрузкѣ и разгрузкѣ. Крики моряковъ, множество разныхъ ино-
странныхъ языковъ, на которыхъ переговаривались прохожіе, а
также и совершенная новостъ общей картины, открывшейся передъ
Мери, произвели на нее самое тягостное впечатлѣніе: она почув-
ствовала себя больше чѣмъ когда-либо одинокою, покинутою и без-
защитною и со всѣхъ силъ уцѣпилась за своего проводника, кото-
рый, по необыкновеннымъ своимъ познаніямъ, одинъ только и могъ
служить переводчикомъ между ею и этимъ страннымъ, неизвѣст-
нымъ ей отродьемъ. А моряки очень могутъ казаться чужеземнымъ
отродьемъ дѣвушкѣ, которая до тѣхъ поръ только и видѣла сухо-
путныхъ обывателей, да и то большею частью фабричныхъ работ-
никовъ.

Но и въ новомъ мірѣ невѣдомыхъ ей звуковъ и видовъ, она пол-
на была все тою же завѣтною, преобладающей мыслью, и хотя глаза
ея блуждали по широкой, далекой рѣкѣ, вслѣдъ за снующими ко-
раблями, она только и думала, какъ бы догнать Вилля.

— Мы зачѣмъ сюда пришли? спросила она у Чарли. Тутъ ма-
ленькихъ лодокъ не видать, а я думала, что мнѣ надо маленькую лод-
ку; вѣдь эти суда вѣрно не ходятъ на такихъ коротенькихъ про-
странствахъ?

— Ужь конечно нѣтъ! отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ презрѣ-
ніемъ. Но *Джонъ Кропперъ* стоялъ именно въ этой пристани, а я

со многими изъ моряковъ знакомъ, и если увижу котораго-нибудь изъ нашихъ, то попрошу его влѣзть на мачту и посмотрѣть, не видать ли еще этого корабля на взморѣ. Потому что можетъ-быть онъ уже снялся съ якоря, и въ такомъ случаѣ вамъ туда ѣздить нечего.

Мери спокойно кивнула головою, какъ-будто ей не больше чѣмъ самому Чарли нужно было догнать Вилля. Но въ сущности у ней сердце замерло, и она чувствовала что силы и энергія оставляютъ ее. Мало по малу она слабѣла, коченьѣла, и стояла теперь у пристани холодная и дрожащая, хотя полуденное солнце довольно сильно пригрѣвало на открытомъ мѣстѣ, гдѣ она находилась.

— Вотъ Томъ Борнъ! сказалъ Чарли, и тотчасъ страхнувъ покровительственный тонъ, съ которымъ обращался къ Мери, почтительно подошелъ къ старому, загорѣлому матросу: онъ шолъ по дорогѣ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, заложивъ руки въ карманы и медленно пережевывая табакъ, съ видомъ человѣка, которому нечего больше дѣлать, какъ только сплевывать направо и налево. Чарли объяснилъ старому моряку въ чемъ дѣло, но въ такихъ выраженіяхъ, что Мери почти ничего не могла разобрать, вовсе ничего не поняла, да и мы, въ качествѣ коренныхъ сухопутниковъ, разбирать не станемъ.

Мери съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдила за ихъ взглядами и жестами.

Она видѣла, что старикъ внимательно выслушалъ донесеніе Чарли; видѣла, что онъ и на нее обратилъ пристальный взглядъ, осмотрѣвъ ее съ головы до ногъ и въ знакъ одобренія слегка кивнулъ головою. Ея бѣдный, незатѣйливый нарядъ очевидно успокоилъ опытнаго матроса окончательно; онъ прыгнулъ на одинъ изъ кораблей, стоявшихъ у самаго берега, и запасшись подозрною трубкой, полъзъ на мачту съ проворствомъ настоящей обезьяны.

— Онъ упадетъ! сказала она въ испугѣ, хватаясь за руку Чарли и думая, что старый морякъ, который, по грубости морщинистаго лица и по невѣрной походкѣ своей на сушѣ, показался ей несравненно старше своихъ лѣтъ, не слержится на мачтѣ.

— Небось! сказалъ Чарли. — Вотъ онъ теперь на самой верхушкѣ, и посмотрите: держится одинѣми ногами, а самъ смотритъ въ трубу и расправляется руками такъ же свободно, какъ на сухомъ берегу. Чтожъ, и я бывалъ на такихъ мачтахъ, да еще сколько разъ! Только вы матушкѣ не говорите. Она думаетъ, что я буду башмачникомъ, а я ужъ положилъ себѣ, что буду морякомъ. Только

конечно съ бабами толковать объ этомъ не стоитъ, только попусту слова терять. Вы ей не скажете, Мери?

— О, посмотрите! вскричала она (а тайна его была конечно въ хорошихъ рукахъ и совершенно въ безопасности, потомучто она ее не слыхала вовсе). Посмотрите! Вотъ онъ слѣзаетъ внизъ — онъ слѣзъ. Поговорите съ нимъ, Чарли!

Но не въ силахъ будучи превозмочь свое волненіе и ждать отвѣта, она въ ту же минуту сама закричала матросу:

— Вы видѣли *Джона Кроппера*, онъ еще тутъ?

— Тутъ, тутъ! отвѣчалъ онъ, поспѣшно подходя къ нимъ и уводя ихъ за собою къ лодкамъ.— Приливъ покрылъ уже большую часть взморья, и черезъ часъ времени судно навѣрное подыметъ паруса, и тогда прощай. А вѣтеръ противный, и вамъ надо идти на веслахъ; такъ времени терять нечего.

Они сбѣжали по ступенямъ набережной къ водѣ, и дали знакъ лодочникамъ. Но гребцы, тотчасъ понявъ въ чемъ дѣло, съ намѣреніемъ медлили и тихо проводили лодку мимо ступеней, какъ-будто не слишкомъ набивались на работу и вполголоса переговаривались между собою насчетъ цѣны.

— О, ради Бога поскорѣе! кричала Мери. — Мнѣ надо догнать *Джона Кроппера*... гдѣ онъ, Чарли? Скажите имъ, растолкуйте, я не знаю какъ это сказать. Только поскорѣе!

— На взморьѣ онъ конечно, миссъ, — отвѣчалъ одинъ изъ гребцовъ, искоса поглядывая на Чарли и давая замѣтить, что больно молодъ еще онъ, чтобы распоряжаться наймомъ.

— Да намъ кажется нельзя ѣхать, Дикъ, продолжалъ онъ обращаясь къ своему товарищу: — джентльменъ-то, изъ Нью-Брайтона, небось ждетъ насъ.

— А можетъ-быть барышня хорошенько заплатитъ намъ, если мы дадимъ ей случай въ послѣдній разъ взглянуть на ея любезнаго, возразилъ другой.

— О, сколько же вамъ надо? только поскорѣе! я вамъ заплачу, но каждая минута дорога! сказала Мери.

— Какже не дорога-то! Въ часъ насилу доѣдешь до взморья, а корабль уйдетъ въ два часа.

Однако понятія бѣдной Мери о «множествѣ денегъ» существенно отличались отъ понятія лодочниковъ. Отъ золотого соверена, даннаго ей Маргаритою, оставалось ужъ только тринадцать или четырнадцать шиллинговъ, а гребцы, подъ именемъ «красной цѣны»

разумѣли не менѣе нѣсколькихъ фунтовъ стерлинговъ, и просили по крайней мѣрѣ цѣлый соверень, — плату въ сущности огромную, но все же они значительно уступали противъ первоначально объявленной цѣны въ тридцать шиллинговъ.

Чарли, старая нетерпѣливѣе и не зная цѣны деньгамъ, какъ настоящій мальчуганъ, ужасно торопилъ ее.

— Да дайте имъ что они просятъ, Мери! Въдѣ меньше никто не возьметъ, а это единственное средство. Вонъ, слышите — на Николаевской башнѣ бьетъ часъ!

— А у меня только и есть четырнадцать шиллинговъ и девять пенсовъ! воскликнула она въ отчаяніи, сосчитавъ свои деньги. Но я вамъ отдамъ свою шаль, вы продадите ее хоть за пять шиллинговъ... О, неужели и этого не довольно? прибавила она такимъ голосомъ, что гребцы не выдержали и склонились на ея мольбу.

Они посадили ее въ лодку.

И минутъ черезъ пять она качалась и плыла на лодкѣ, въ первый разъ въ жизни, среди широкой рѣки, одна одинешенька между двухъ грубыхъ, незнакомыхъ людей.

ГЛАВА XXVIII

Бѣлый парусъ надувается,
За кормой волна кипитъ;
Мачта стройная качается,
Судно шибкое бѣжитъ.
И бѣжитъ оно, привольное,
Отъ родимыхъ береговъ,
Распуская крылья вольныя
Какъ орелъ межъ облаковъ.

Аланъ Кенингамъ.

Мери не знала, что Чарли съ ней не поѣдетъ. По правдѣ сказать, она объ этомъ и не подумала; но какъ только они отчалили отъ берега, она замѣтила его отсутствіе въ лодкѣ, вспомнила, что ни разу даже не поблагодарила его за всю его доброту и участіе и безъ него ей вдругъ стало еще грустнѣе и тяжеле — да, даже безъ него, безъ этого мимолетнаго и печальнаго друга, выросшаго на ея пути какъ грибокъ послѣ дождя.

Лодочка пробиралась своей дорогой между толпою большихъ судовъ, то задѣвая кормой за одно изъ нихъ, то веслами отталки-

взясь отъ другого, то идя подъ тѣнью третьяго; наконецъ она достигла середины рѣки, и ставъ на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ береговъ, понеслась впередъ; мало по малу всѣ виды и звуки земные начали туманиться и удаляться изъ глазъ.

Настала минута полной тишины — родъ отдыха для Мери.

Приливъ и противный вѣтеръ задерживали ходъ, такъ что не смотря на дружныя усилія гребцовъ, лодка подвигалась медленно. Въ сильномъ нетерпѣніи, Мери хотѣла было одинъ разъ встать и оглянуться, чтобы лучше судить о быстротѣ плаванія; но они тотчасъ закричали на нее, чтобы она сидѣла смирно, и она, какъ запуганный ребенокъ, робко сѣла на мѣсто, хотя сердце у ней разрывалось отъ волненія и нетерпѣнья.

Но мало по малу она рѣшительно убѣдилась, что они свернули съ первоначальнаго своего направленія, т. е. удалились отъ чеширскаго берега рѣки, котораго держались до тѣхъ поръ во избѣжаніе слишкомъ сильнаго теченія; Мери, смутно полагавшая, что всѣмъ и каждому непремѣнно нужно ее сбить съ пути и какъ-нибудь помѣшать ей видѣться съ Виллемъ, не выдержала, и выразила гребцамъ свои опасенія.

Они отвѣчали грубо; потомъ завидѣли въ другой лодкѣ знакомого матроса и попросили его перейти къ нимъ и взять на себя управленіе рулемъ, чтобы обомъ имъ можно было работать веслами. Очевидно, они знали что дѣлали. Она сидѣла, безсилая и безмолвная, крѣпко стиснувъ руки, пока шли эти переговоры. Матросъ согласился и перелѣзъ въ ихъ лодку. Во все это время она замирала отъ страха.

Долго, долго они гребли... казалось, ужь полдня прошло, а Ливерпуль все еще былъ въ виду и Мери начала дивиться, какъ это лодочники не падаютъ духомъ. Какъ вдругъ вѣтеръ упалъ, небо заволокло мелкими облаками, солнце скрылось и все кругомъ приняло холодный, желѣзный цвѣтъ.

Ничто не шелохнулось, а между тѣмъ воздухъ сталъ холоднѣе, чѣмъ когда дулъ сильный западный вѣтеръ.

Гребцы удвоили усилія. При каждомъ ударѣ весель, лодка такъ и прыгала впередъ. Вода была недвижна и гладка, отражая въ себѣ темное, мрачное небо. Мери дрогла и сердце у ней сжималось. Однако они теперь очевидно летѣли впередъ. Рулевой указалъ вдаль, на морщинистую полосу воды, и гребцы побезпокоили Мери; кото-

рая между тѣмъ разсматривала корабли, стоявшіе, какъ ей казалось, въ открытомъ морѣ. На лодкѣ подняли паруса.

Мери очнулась и встала. Ея терпѣніе, ея печаль, и быть-можетъ ея молчаніе, начали располагать лодочниковъ въ ея пользу.

— Вонъ второй съ краю, къ сѣверу, это и есть *Джонъ Кропперъ*. Вѣтеръ намъ теперь попутный, и мы на парусахъ скоро подойдемъ къ самому кораблю, сказалъ одинъ изъ ея спутниковъ.

Онъ не сообразилъ — а можетъ быть только скрывалъ отъ Мери, что тотъ самый попутный вѣтеръ, который такъ благоприятствовалъ ихъ маленькой лодкѣ, подвигалъ впередъ и *Джона Кроппера*.

Пристально глядя въ ту сторону, и какъ бы желая по глазомѣру опредѣлить пространство, еще отдѣлявшее ихъ отъ корабля, они увидѣли, что *Джонъ Кропперъ* медленно поднималъ паруса: сначала они, безсиленно шлепая по мачтамъ, висѣли въ воздухѣ, потомъ расправились, стали надуваться, наконецъ отдулись какъ слѣдуетъ и судно начало прыгать по волнамъ, точно живое существо, стремящееся ускользнуть подальше.

— Подымаютъ якорь! сказалъ одинъ изъ гребцовъ другому, когда до нихъ долетѣлъ по водѣ слабый возгласъ матросовъ.

И не думая даже о Мери, исторія которой была имъ вовсе неизвѣстна, удалые гребцы, исполненные соревнованія, кинулись подымать другой парусъ. Больше и подымать было невозможно, потому что лодка была маленькая, а свѣжій восточный вѣтеръ, поднявшійся вдругъ съ особою силой, такъ и подгонялъ ее, заставляя зарываться въ волны носомъ, поминутно качаясь изъ стороны въ сторону и треща всѣми снастями, какъ бы въ подтвержденіе своего безсилія; тѣмъ не менѣе лодка неслась какъ птица.

Приближаясь къ кораблю, они услышали сигнальный крикъ «эгой!» Крикъ замеръ въ воздухѣ. Якорь поднялся и судно пошло.

Мери встала, и присловившись къ мачтѣ, протянула руки впередъ, какъ бы умоляя этимъ безмолвнымъ движеніемъ корабль остановиться; слезы тихо струились по ея щекамъ. Гребцы схватили весла, подняли ихъ вверхъ, и громко крикнули, чтобы привлечь вниманіе корабельнаго экипажа.

Нѣсколько человекъ дѣйствительно замѣтили ихъ, но не могли обращать особаго вниманія, по причинѣ суеты на кораблѣ, только что снимавшемся съ якоря. На палубѣ еще навалены были кучи веревокъ и матросскихъ сундуковъ; между ними въ безотчетной тоскѣ и страхѣ бѣгала живность, которую не успѣли прибрать къ мѣсту,

и блеяніе овецъ и крики куръ присоединялись къ общему шуму и суматохѣ. Цѣлыя туши свинины и баранины, еще не разрѣзанныя по частямъ, и болѣе походившія на мертвыя тѣла нежели на здоровое мясо, лежали тутъ же. Матросы бѣгали взадъ и впередъ, съ перваго разу не успѣвая еще попадать куда слѣдуетъ, тѣмъ болше, что на умѣ у нихъ служебныя обязанности еще мѣшались съ воспоминаніями объ оставленныхъ на землѣ жилищахъ и семействахъ. А капитанъ громкимъ, нетерпѣливымъ голосомъ старался возстановить порядокъ и отдавалъ приказанія направо и налево.

Надо признаться, онъ и самъ еще крѣпко страдалъ отъ недавняго разставанья съ женою и дѣтьми, а потому болше и кричалъ на всѣхъ. Онъ уже два раза разсердился на шкипера и крупными шагами мѣрляя палубу, какъ вдругъ услышалъ призывный крикъ съ мелкой рѣчной лодченки, шибко гнавшейся за его многопаруснымъ судномъ. Гребцы, видя, что корабль прошелъ уже всѣ отмели, и съ каждою секундою будетъ отъ нихъ удаляться, рѣшились кричать и спросили Мери, что она желаетъ особенно передать *Джону Кропнеру*.

У ней горло пересохло, голосъ сталъ хриплый и глухой, и она рѣзкимъ, сильнымъ шопотомъ передала лодочникамъ свое дѣло — задачу жизни и смерти. Они окликнули корабль.

— Мы приплыли за Вильямомъ Вильсономъ, котораго требуютъ завтра въ ливерпульскій ассизный судъ, на очную ставку. Джемса Вильсона судятъ за убійство, совершенное въ четвергъ вечеромъ, въ бытность его съ Вильямомъ Вильсономъ. — Что еще, миссъ? продолжалъ лодочникъ потише, обращаясь къ Мери и отымая руки ото рта.

— Скажите, что я Мери Бартонъ. О! корабль все уходитъ... О, ради Господа, просите ихъ остановиться!

Гребецъ, сильно раздосадованный тѣмъ, что на его крикъ не обращаютъ должнаго вниманія, повторилъ свое порученіе еще громче, называя Мери по имени и подмѣшивая свою рѣчь матросскими ругательствами.

Корабль все рвался впередъ... дальше, дальше... а лодка рвалась за нимъ.

Они видѣли, какъ капитанъ взялся за рупоръ и — о ужасъ! услышали его голосъ очень явственно.

Онъ началъ съ того, что разразился страшнымъ проклятіемъ; Мери назвалъ позорнымъ именемъ, и объявилъ, что низачто на

свѣтъ не остановится и не можетъ отпустить изъ своего экипажа ни одного человѣка, кому бы онъ ни понадобился.

Эти слова съ безошадною ясностью донесены были до нашей лодки черезъ рупоръ. Мери съла, съ видомъ человѣка, борющагося съ предсмертною агоніей : глаза ея обратились къ небу , источнику вѣчнаго милосердія, а посинѣвшія губы судорожно шевелились безъ всякаго звука. Потомъ она наклонила голову и закрыла лицо руками.

— Чу! кто-то изъ матросовъ окликаетъ насъ!

Она взглянула, встрепелась... и вся превратилась въ слухъ.

На кормѣ *Джона Кроппера*, какъ можно ближе къ борту, стоялъ *Вильямъ Вильсонъ*; ему не удалось выпросить у сердитаго капитана рупоръ, и онъ говорилъ сложивъ руки въ трубочку, у самого рта :

— Какъ Богъ святъ, Мери Бартонъ, я ворочусь на проводной лодкѣ и посилю вовремя, чтобы спасти невиннаго.

— Что онъ говоритъ? спросила обезумѣвшая Мери, когда голосъ Вилля замеръ въ отдаленіи а лодочники дружно крикнули одобрительное ура! по сочувствію къ своей пассажиркѣ.

— Что онъ говоритъ? повторила она. — Скажите мнѣ. Я не разслышала.

То-есть она разслышала только ушами, но въ толкъ взять не могла.

Они повторили ей его слова, говоря всѣ трое разомъ и толкуя каждый по своему. Мери посмотрѣла на нихъ, потомъ на удаляющееся судно, и сказала печально :

— А я все-таки не понимаю. Что значитъ проводная лодка?

Они объяснили, что это та лодка, на которой возвращается проводникъ, обязанный провезти корабль изъ ливерпульскаго рейда между подводными камнями. Мери насилу поняла этотъ фактъ, облеченный въ кучу морскихъ выраженій и терминовъ. И такъ, оставалась еще надежда, хотя очень отдаленная и слабая.

— А какъ далеко эта лодка провожаетъ корабль?

— На разныя разстоянія, отвѣчали ей. Иныя ходятъ до Голигеда, въ надеждѣ встрѣтить обратное судно и прицѣпиться къ нему; другія провожаютъ суда только по отмелямъ до открытаго моря. Капитаны также не всѣ одинаково осторожны, да и проводники ходятъ различными путями.

Для обратныхъ судовъ, идущихъ въ Англію, вѣтеръ былъ про-

тивный, и потому можно предполагать, что проводникъ *Джона Кроппера* не захочетъ ждать обратнаго.

— А скоро ли онъ воротится ?

Трое гребцовъ выразили на этотъ счетъ три различныя мнѣнія, колебавшіяся между дюжиною часовъ и двумя сутками. Тотъ, который назначилъ длиннѣйшій срокъ, возбудилъ возраженія товарищей, и разсердившись на нихъ, тотчасъ продлилъ срокъ ровно вдвое ; а потомъ объявилъ, что можетъ быть и цѣлая недѣля пройдетъ, прежде чѣмъ вернется проводная лодка.

Начался споръ, толки и разсужденія, которыя Мери силилась понять ; но независимо отъ темноты морского языка, умъ ея помрачался еще и самъ по себѣ, такъ что она ни во что не могла хорошенько вникнуть. Самыя слова ея какъ-будто не ей принадлежали, и она никакъ не могла сладить съ собой, хотя и примѣчала, что произносить совсѣмъ не то, чтó ей надо.

Надежды ея распались одна за другою и она впала въ отчаяніе ; и хотя оставалась возможность успѣха, но она не въ силахъ была болѣе надѣяться : ей все казалось, что теперь ужь ничто не удастся. Какой-то столбнякъ нашолъ на нее. Всѣ окружающіе предметы вполне соотвѣтствовали настроенію ея духа : тяжелое, свинцовое небо, глубокія, темныя волны, еще гуще и мрачнѣе облаковъ, — холодный, плоскій, безпріютный берегъ въ отдаленіи, не оживленый ни однимъ солнечнымъ лучемъ, — и рѣзкій, пронизательный вѣтеръ...

Она вздрогнула, вовсе упала духомъ и сжалась.

На обратномъ пути въ Ливерпуль, паруса конечно убрали, и на веслахъ лодка подвигалась медленно. Гребцы толковали между собою, сначала спорили о проводникахъ, потомъ перешли къ своимъ личнымъ интересамъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли занимать Мери, и мало по малу она стала дремать ; дремота была неотразимая, и какъ ни старалась Мери противостоять ей, держаться прямо и раскрывать глаза, бессознательно вѣки ея сомкнулись, она наклонилась и наконецъ свалилась на дно лодки, на безпорядочную кучу парусовъ, канатовъ, и веревокъ различныхъ сортовъ.

Мѣрный прибой волнъ къ бокамъ лодки и гармоническій плескъ дальнихъ валовъ убаюкалъ ее лучше почной тишины, и она крѣпко заснула.

Разъ только она раскрыла отяжелѣвшія вѣки и смутно видѣла, какъ старый, сѣдой и грубый лодочникъ — тотъ самый, чтó такъ на-

станвалъ на тридцати шиллингахъ — укрывалъ ее своей толстой курткой гороховаго цвѣта. Онъ для этого нарочно снялъ ее и куталъ Мери какъ можно осторожно, но своимъ понятіямъ; но прежде чѣмъ она успѣла сообразить, что надо сказать ему за это спасибо, голова ея снова упала на канаты и она забылась сномъ.

Наконецъ, уже къ вечеру, достигли они пристани, съ которой отчалили за нѣсколько часовъ назадъ. Гребцы заговорили съ Мери, и хотя она машинально отвѣчала имъ что-то, но не шевелилась съ мѣста. Они поневолѣ должны были растолкать ее. Она встала, дрожа отъ стужи и вовсе не понимая, что съ нею дѣлается и гдѣ она.

— Теперь скажите-ка, куда вашъ путь лежитъ, миссъ, сказалъ сѣдой лодочникъ, — и я можетъ-быть могу проводить васъ до мѣста.

Она медленно вникла въ его слова и стала припоминать, — но такъ вяло, такъ смутно. Полѣзла въ карманъ, достала свой кошелекъ и вытряхнула всѣ деньги въ руку гребца; потомъ начала торопливо отшпиливать свой платокъ, хотя лодочники ужъ отошли, и не думали его требовать.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ старикъ, который не шолъ въ лодку и все стоялъ передъ нею. Она ему и подала свою шаль.

— Платокъ оставьте, намъ его не надо. Мы только такъ, испытать васъ хотѣли: а то иные увѣряютъ, что у нихъ только всего и денегъ, а у самихъ монетки-то припрятаны.

— Благодарствуйте, сказала она тихо и глухо.

— Куда же вамъ надо идти? Я ужъ спрашивалъ вѣдь, повторялъ старый лодочникъ.

— Не знаю. Я не здѣшняя, отвѣчала она спокойно, такъ спокойно, что при настоящихъ обстоятельствахъ это казалось очень удивительнымъ.

— Надо же вспомнить, сказалъ старикъ рѣзко: — на рѣчной пристани молодежи стоять не мѣсто; чего зѣвать-то?

— У меня есть тутъ адресъ, доберусь! сказала она, и лодочникъ, успокоившись этимъ отвѣтомъ, прыгнувъ въ лодку, которая отчаливала въ эту минуту, чтобы очистить мѣсто для какого-то парохода.

Мери поискала въ карманѣ карточки, на которой написанъ былъ адресъ мистера Бриджнорта и другой адресъ — Джоба и мистрисъ Вильсонъ; отъ нихъ она должна была узнать, гдѣ ей переночевать и прилично помѣститься. Но карточки не оказалось.

Она попробовала припомнить подробности своего путешествія, снова оцупала карманъ, вынула оттуда всякія мелочи, какъ-то: пустой кошелекъ, посовой платокъ, и прочее, но карточки тамъ рѣшительно не было.

Дѣло въ томъ, что она ее потеряла въ то время какъ торговалась съ лодочниками, и вытаскивая нетерпѣливымъ движеніемъ кошелекъ, чтобы сочесть деньги, въ то же мгновеніе выронила карточку.

Но это обстоятельство уже не много прибавило горечи къ овладѣвшему ею тупому отчаянію. Она попыталась еще немножко обратиться съ мыслями и обсудить свои предстоящія дѣйствія, но голова ея туманилась все больше и больше; попробовала вспомнить квартиру Вилля — не могла; фамилія хозяйки, названіе улицы, все испарилось изъ ея памяти; да и что за дѣло? Кому ее надо теперь? Лучше ужъ пропадать!

Она преспокойно сѣла на ступеньку набережной и стала глядѣть внизъ, въ темную, черную воду. Раза два въ отуманенномъ воображеніи промелькнула зловѣщая мысль: не найдется ли подъ этою холодной, мрачной поверхностью, темное убѣжище отъ земныхъ печалей? Но такъ какъ въ ея воображеніи ни одна мысль не могла держаться и двухъ минутъ сряду, то и эта зловѣщая фантазія исчезала прежде нежели Мери успѣвала въ нее вникнуть.

Такъ и сидѣла она, не шевелясь съ мѣста, не глядя ни вверхъ, ни по сторонамъ, не обращая никакого вниманія на насмѣшки и оскорбленія, сыпавшіяся на нее время отъ времени.

Старый лодочникъ продолжалъ наблюдать за нею сквозь густую завѣсу туманныхъ сумерекъ, и невольно заинтересовался ея особой, хотя самъ на себя ворчалъ за это.

Когда пристань сравнительно опустѣла, онъ опять пошолъ къ ней, перепрыгивая черезъ лодки и шагая съ одного плота на другой, и все время величая себя старымъ дуракомъ.

Взявъ Мери за плечо, онъ сильно встряхнулъ ее.

— Чортъ бы тебя побралъ! онягь-таки спрашиваю: куда ты дѣнешься? Ну что сидишь здѣсь, какъ дура? Куда тебѣ надо идти?

— Не знаю, отвѣчала Мери.

— Ладно, ладно! Эту пѣсню я ужъ слышалъ. Послѣ того ты мнѣ сказывала, что у тебя есть адресъ, по которому можешь обратиться до мѣста?

— Былъ, да я потеряла. Не бѣда!

И она снова стала смотрѣть въ темную воду.

Онъ все стоялъ около нея, стараясь побороть въ себѣ доброе чувство; но не могъ. Еще разъ онъ потресъ ее за плечо. Она взглянула на него, точно и забыла, что онъ былъ тутъ.

— Чего вамъ? спросила она утомленнымъ голосомъ.

— Пойдемте со мной, чортъ съ вами! возразилъ онъ, хватая ее за руку и подымая съ мѣста.

Она встала и пошла за нимъ, съ довѣрчивымъ безучастіемъ ребенка.

ГЛАВА XXIX

-Да, изъ законниковъ встрѣчаются такіе,
На дѣлѣ честные и подлинно прямые...-

КРАВЪ.

Безъ пяти минутъ въ два часа Джобъ Легъ стоялъ у порога квартиры, занимаемой мистеромъ Бриджнортомъ во время ассизовъ. Онъ оставилъ мистрисъ Вильсонъ у одного изъ своихъ знакомыхъ, который предложилъ ему комнатку для старушки и Мери; эту комнатку самъ онъ занималъ обыкновенно, когда пріѣзжалъ въ Ливерпуль, но теперь очень радъ былъ уступить ее, потому что о своемъ собственномъ ночлегѣ мало заботился, а для обѣихъ женщинъ было теперь не легко пріискать приличное помѣщеніе: накануне ассизнаго суда весь городъ былъ полонъ пріѣзжихъ и большимъ порядкомъ не отличался.

Его провели въ кабинетъ мистера Бриджнорта, который что-то писалъ у стола. Мери и Вилль Вильсонъ еще не являлись, потому что, какъ вамъ извѣстно, оба они въ это время далеко носились по волнамъ холоднаго моря; но объ этомъ Джобъ еще ничего не зналъ и не думалъ даже беспокоиться о нихъ; гораздо больше занималъ его результатъ свиданія мистера Бриджнорта съ Джемомъ.

— Какже, сказалъ мистеръ Бриджнортъ, положивъ перо: — я видѣлъ его нынче утромъ, но кажется толку отъ этого будетъ немного. Онъ очень непокладливъ, очень. Я конечно внушалъ ему, что со мною онъ долженъ быть вполне откровененъ, что иначе я не въ состояніи буду достаточно приготовиться къ защищенію слабыхъ сторонъ его дѣла. Чтобы вынудить его довѣріе, я назвалъ васъ, но...

— Чтожь онъ сказалъ? спросилъ Джобъ, притаивъ дыханіе.

— Да что? Почти ничего. Только на вопросы отвѣчалъ. А на нѣкоторые вопросы даже и отвѣчать отказался... да, отказался на отрѣзъ. Не знаю, могу ли что-нибудь для него сдѣлать.

— Такъ вы считаете его виновнымъ, сэръ? сказалъ Джобъ уныло.

— Нѣтъ, не считаю! возразилъ Бриджнортъ съ живостью и очень рѣшительно. Теперь я считаю его еще меньше виновнымъ, чѣмъ когда не видывалъ его. Онъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе (замѣтите, я говорю впечатлѣніе: это еще не фактъ, прошу васъ принять это къ свѣденію), такое впечатлѣніе, — и Бриджнортъ опять сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ — какъ-будто онъ объ этомъ дѣлѣ что-то знаетъ, но говорить не хочетъ. И если онъ будетъ упорствовать въ своей скрытности, то при настоящемъ ходѣ дѣла непременно будетъ повѣшенъ. Вотъ и все.

Онъ снова принялся писать, потому что время терять не хотѣлъ.

— Но вѣдь надо, чтобы его не повѣсили! вскричалъ Джобъ съ ожесточеніемъ.

Мистеръ Бриджнортъ поднялъ глаза, слегка усмѣхнулся и покачалъ головою.

— Что же онъ говорилъ, сэръ, смѣю спросить? продолжалъ Джобъ.

— Говорилъ онъ очень немного и такъ коротко и уклончиво, что, какъ я уже вамъ сказалъ, я вывожу заключеніе изъ одного только впечатлѣнія, произведеннаго имъ на меня. Я конечно сказалъ ему, кто я такой и зачѣмъ присланъ. Онъ какъ-будто обрадовался; по крайней мѣрѣ когда я вошелъ, онъ былъ ужасно грустенъ, а тутъ прояснился. Однако отвѣчалъ, что въ защиту свою или оправданіе ему сказать нечего. Тогда я сказалъ ему, что стало-быть онъ признаетъ себя виновнымъ; и желая какъ-нибудь расположить его къ откровенности, сталъ говорить, что понимаю, какъ сильно онъ былъ раздраженъ, тѣмъ болѣе, что слышалъ о красотѣ этой дѣвушки и о томъ, какъ она его дразнила и мучила, прикидываясь по уши влюбленною въ того красиваго молодца Карсона (бѣднягу!). Но Джемъ Вальсонъ на все это ровно ничего не отвѣтилъ. Тогда я перешолъ къ частностямъ: спросилъ, точно ли ему принадлежало это ружье, какъ показала его мать. Онъ очевидно не слышалъ о ея показаніи, потому что внезапно поднялъ голову и быстро на меня взглянулъ. Но видя, что я за нимъ наблюдаю, онъ опять опустилъ голову и сказалъ только, что она права. Ружье точно его.

— Ну! проговорилъ Джобъ въ величайшемъ нетерпѣніи.

— Ну, мнѣ больше почти нечего рассказывать, продолжалъ Бриджнортъ. — Я просилъ его убѣдительноше уведомить меня, какимъ образомъ могло туда попасть это ружье? Онъ съ минуту помолчалъ; а потомъ вовсе отказался отвѣчать. И не только на это отказался, но просто-напросто объявилъ мнѣ, что ничего больше не будетъ говорить объ этомъ предметѣ; поблагодарилъ меня за трудъ, за участіе къ нему, да и квитъ. Только что не выгналъ. Вообще говоря, принялъ меня не очень благосклонно, а? мистеръ Лейгъ. А все-таки, увѣряю васъ, я теперь въ двадцать разъ болѣе убѣжденъ въ его виновности, нежели до этого свиданія.

— Хорошо, кабы Мери Бартонъ пришла поскорѣе! сказалъ Джобъ въ безпокойствѣ. — Она и Вилль что-то долго тамъ копаются.

— Да, это кажется единственная наша лазейка, отвѣчалъ мистеръ Бриджнортъ, продолжая писать. — Я еще до полудня послалъ Джонсона къ Вильяму Вильсону, съ повѣсткою о требованіи въ судъ, и велѣлъ ему сказать, что желаю переговорить съ нимъ. Съ часу на часъ ожидаю его; сейчасъ вѣроятно явится.

Настало молчаніе. Мистеръ Бриджнортъ опять поднялъ глаза и сказалъ:

— Мистеръ Дункомбъ обѣщалъ пріѣхать и засвидѣтельствовать передъ судомъ его хорошее поведеніе. Я еще въ субботу послалъ повѣстку. Впрочемъ присяжные вообще не придають большого значенія такому неопредѣленному отзыву о поведеніи; да и хорошо дѣлають: оно дѣйствительно не можетъ служить вѣрною порукой. Но въ настоящемъ случаѣ это конечно очень для насъ невыгодно, потому что вся наша надежда — на постороннія показанія и поруки.

И перо адвоката опять заскрипѣло по бумагѣ.

Джобъ приходилъ въ сильное волненіе. Онъ сидѣлъ на самомъ кончикѣ стула, чтобы тотчасъ вскочить съ мѣста, какъ только покажутся Вилль и Мери, и прислушивался къ каждому звуку, къ каждому шуму на лѣстницѣ.

Одинъ разъ послышалась въ коридорѣ мужская походка, и старое сердце его такъ и прыгнуло отъ радости. Но то былъ писарь мистера Бриджнорта, принесшій ему списокъ тѣхъ дѣлъ, которыя верховный судъ призвалъ законными и допускалъ къ обсу-

жденію. Взглянувъ мелькомъ на списокъ, адвокатъ передалъ его Джобу, говоря:

— Разумѣется, это мы и прежде знали, и продолжалъ писать.

Искъ противъ Джемса Вильсона признанъ былъ законнымъ. Такъ и слѣдовало ожидать. Но Джобъ еще пуще испугался и приунылъ. Онъ подумалъ, что это ужъ значить конецъ. Мало-по-малу и совершенно безсознательно онъ убѣдился въ невинности Джема: это убѣжденіе пришло къ нему само собою.

А Мери, качавшаяся между тѣмъ въ маленькой лодочкѣ среди широкой рѣки, все не являлась. Не являлся и Вилль.

Сильное безпокойство овладѣло Джобомъ. Онъ хотѣлъ подѣсть къ окну и оттуда выматривать ихъ появленія, но боялся побезпокойствъ адвоката. Наконецъ желаніе посмотрѣть въ окно сдѣлалось мучительно: онъ всталъ, и началъ осторожно ходить по комнатѣ, скрипя сапогами на каждомъ шагу. Облака, насупившіяся надъ Ливерпулемъ и обдавшія Мери такимъ холодомъ среди воды, казались еще мрачнѣе и печальнѣе изъ узкой, тѣсной улицы. Джобъ волновался все сильнѣе и сильнѣе; онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ, то и дѣло шагалъ по комнатѣ, не взирая на нетерпѣливыя движенія и вздохи мистера Бриджнорта, который страдалъ отъ этихъ однообразныхъ, медленныхъ, скрипучихъ шаговъ, раздававшихся за его стуломъ.

Онъ душевно расположенъ былъ къ Джобу и принималъ сильнѣйшее участіе въ Джемѣ: иначе ктожь бы велѣлъ ему такъ долго терпѣть этотъ однообразный скрипъ? Однако подъ конецъ онъ не выдержалъ: бросилъ перо, заперъ свой портфель, и схвативъ шляпу и перчатки, объявилъ Джобу, что пора отправляться въ палату.

— Но вѣдь Вилль Вильсонъ еще не пришелъ, сказалъ Джобъ растерявшись. — Погодите еще минутку, я сбѣгаю къ нему на квартиру. Я бы и прежде сходилъ, но думалъ, что каждую минуту они могутъ придти сюда и боялся съ ними разойтись. Я мигомъ ворочусь.

— Нѣтъ, любезнѣйшій, мнѣ право нужно уйти. Къ тому же я начинаю подозрѣвать, что Джонсонъ все перепуталъ и назначилъ этому Вильяму Вильсону явиться ко мнѣ въ палату. Если хотите ждать его здѣсь, то пожалуйста не стѣсняйтесь, располагайте мою комнату; но я предчувствую, что встрѣчу его тамъ, и въ такомъ случаѣ пошлю его къ вамъ на квартиру: такъ что ли? Вы знаете, гдѣ меня найти. Я буду здѣсь опять ровно въ восемь часовъ, и какъ

только получимъ показаніе этого свидѣтеля, я тотчасъ составлю записку, и мы сегодня же вечеромъ передадимъ ее въ совѣтъ.

Сказавъ это, онъ пожалъ руку Джобу и ушелъ. Оставшись одинъ у двери, старикъ съ минуту подумалъ и отправился къ мистрисъ Джонсъ, гдѣ (по свидѣтельству одного изъ престранныхъ чертежей, которыми испещрена была его старая карманная книжка) долженъ былъ остановиться Вильтъ, и гдѣ по его мнѣнію можно было узнать всю подноготную о немъ и о Мери.

Придя къ мистрисъ Джонсъ, онъ принялся спрашивать ее и изъ вялыхъ ея отвѣтовъ выводить заключенія.

Онъ спросилъ во-первыхъ, была ли здѣсь поутру молоденькая женщина, и видѣлась ли она съ Виллемъ Вильсономъ.

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Да потому, божій вы человекъ, что онъ уѣхалъ на корабль за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ какъ она пришла его спрашивать.

Настало мертвое молчаніе, прерываемое лишь ровнымъ, тяжелымъ постукиваньемъ утюга въ рукахъ мистрисъ Джонсъ.

— Гдѣ же теперь та молодая женщина? спросилъ Джобъ.

— Тамъ гдѣ-нибудь, на пристани, полагала мистрисъ Джонсъ. — Чарли должно быть знаетъ, да его чай дома нѣтъ. Балуется гдѣ-нибудь, какъ Богъ святъ. Мальчики завсегда ужь такъ. Когда-нибудь сломить себѣ шею, это вѣрнѣе всего. — Сказавъ это, она преспокойно плюнула на утюгъ и убѣдившись, что еще шить, продолжала гладить.

Джобъ готовъ былъ дать ей порядочнаго туза: такая его разбирала досада. Однако туза не далъ, и тотчасъ былъ награжденъ за такую побѣду надъ собою. Вополь Чарли, посвистывая съ равнодушнымъ видомъ, что значило, что онъ вполне сознаетъ свое долгое отсутствіе и желаетъ какъ-нибудь замять предстоящую побранку.

— Вотъ старикъ пришелъ, сказала мать, сдѣлавъ ему напередъ легкое родительское увѣщаніе, — пришелъ да и спрашиваетъ ту молодницу, съ которой ты пошелъ сегодня утромъ.

— А я почему знаю, гдѣ она теперь! Я видѣлъ, какъ она отчалила въ лодкѣ, отправляясь въ погоню за *Джономъ Кропперомъ*. Да не догнала должно быть: вѣтеръ переѣхался, его мигомъ подгонить и онъ уйдетъ изъ рейда. Ей бы слѣдовало быть уже дома.

Джобъ кое-какъ добрался до смысла этой нескладной рѣчи, гдѣ

такъ часто чередовались мѣстоименія. Потомъ освѣдомился, какъ бы ему лучше отыскать Мери.

— А вотъ я сбѣгаю на пристань, сказалъ Чарли, — и навѣрное найду ее тамъ.

— Нѣтъ, не побѣдишь! возразила мать, ставъ спиною къ двери. Мальчикъ взглянулъ на Джоба съ уморительною гримасой, но къ удивленію своему не встрѣтилъ на лицѣ старика никакого сочувствія: Джобъ естественно склоненъ былъ принять сторону оскорбленной родительницы, хотя съ радостью воспользовался бы предложеніемъ Чарли. Онъ уже усталъ и подумывалъ воротиться къ бѣдной мистрисъ Вильсонъ, которая между тѣмъ должна сильно беспокоиться въ его отсутствіи.

— Какъ же бы мнѣ найти-то ее? Съ кѣмъ она поѣхала, паренёкъ?

Но Чарли надулся, видя, что мать желаетъ его обуздать при постороннемъ чловѣкѣ, а этотъ посторонній еще и хмурится, тогда какъ онъ, Чарли, думалъ его разсмѣшить.

— Съ рѣчными лодочниками поѣхала, вотъ и все! сказалъ онъ.

— А какъ лодка-то эта называется? настаивалъ Джобъ.

— Я не примѣтилъ. Чай Анна какая-нибудь, или Вильямъ, или другое простое имя. Я почему знаю!

— А съ какой пристани она отчалила? допрашивалъ Джобъ отчаянно.

— О, что до пристани, они отвалили отъ ступенекъ Княжеской пристани; но когда назадъ вернутся, то не пристанутъ тамъ, потому что во время прилива пришолъ большой американскій пароходъ и бросилъ якорь у этого самаго мѣста, такъ что мелочи теперь тутъ негдѣ стать. А вечеръ-то нынче поди какой суровый! Небось, въ морѣ не ладно, прибавилъ онъ лукаво.

— Ну, да будетъ воля божія! Я все надѣялся какъ-нибудь спасти малаго, сказалъ Джобъ грустно, — а теперь опять все прахомъ пошло. И Мери меня беспокоитъ тоже, крѣпко беспокоитъ. Она въ Ливерпулѣ въ первый разъ.

— Такъ она и мнѣ сказывала, сказалъ Чарли. А здѣсь для молоденькихъ женщинъ на всякомъ углу ловушки да западни. Жаль, что некому ее встрѣтить, когда причалить къ берегу.

— Что до этого, возразилъ Джобъ, то я не знаю, кто бы умудрился ее встрѣчать, когда никому не извѣстно, гдѣ она пристанетъ къ берегу. Должно надѣяться, что не пропадетъ она. У ней есть

царь въ головѣ. Всего вѣроятнѣе, что она опять сюда же придетъ. Да больше ей и дѣлать нечего, потому что она другого адреса во всемъ городѣ не знаетъ. Сдѣлайте одолженіе, матушка, если она придетъ сюда, позвольте вашему сыну проводить ее въ Гарденъ-Кортъ, № 8: тамъ-молъ ее друзья дожидаются. А я ему за это дамъ шестипенсовикъ (*).

Мистрисъ Джонсъ, весьма довольная тѣмъ, что къ ней обратились съ просьбою, охотно согласилась; и даже Чарли, сначала возмущившійся при мысли, что дѣйствія его будутъ подчинены материнской волѣ, значительно смягчился въ ожиданіи шестипенсовика; къ тому же ему представлялась возможность подробнѣе узнать сущность этого загадочнаго дѣла.

Но Мери такъ и не приходила.

(*) Полшяллинга, около 16 коп. сер.

Однѣ изъ преситовъ чудеснаго обогащенія Россіи

ЗЕМСКІЙ КРЕДИТЪ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ —
НЕ КАКЪ ТЕОРІЯ

Подъ такимъ заглавіемъ вышли недавно отдѣльной брошюркой 12 страничекъ, въ которыхъ излагается — вѣроятно *новый и лучший*, по мнѣнію автора, — способъ надѣленія Россіи имущественнымъ кредитомъ, а также и избавленія ея отъ тѣхъ затрудненій, въ которыя она поставлена ликвидаціей государственныхъ кредитныхъ установленій и другими подобными мѣрами нашей финансовой администраціи. Предметъ брошюрочки, какъ видятъ читатели, въ высшей степени интересенъ и заслуживаетъ вниманія.

Посмотримъ же, какова мѣра, предлагаемая г. Леономъ Геллеромъ, авторомъ этой брошюрочки.

Одно уже заглавіе статьи г. Геллера довольно оригинально и заслуживаетъ вниманія уже потому, что до прочтенія ея довольно трудно положительно объяснить себѣ, что значать здѣсь слова: *не какъ теорія*; но ознакомившись со статьею, легко понять смыслъ этихъ словъ. Изволите видѣть, г. Геллеръ предлагаетъ не какую-либо *несбыточную теоретическую*, а *практическую мѣру*: таково по крайней мѣрѣ его личное мнѣніе; а такъ-какъ и по его понятіямъ *теоретическое* и *научное* — однозначація выраженія, синонимы, то и слѣдуетъ изъ этого, что г. Геллеръ или не знаетъ политической экономіи и науки о финансахъ, да и не считаетъ нужнымъ знать ихъ, или же, не смотря на знакомство свое съ ними, ни во что не ставитъ добытыя уже наукой истины. Къ такому навѣрное выводу придетъ каждый, кто, зная политическую экономію и теорію финансовъ, ознакомится со статейкой г. Геллера. Такимъ образомъ выходятъ также, что слова *не какъ теорія* поставлены г. Геллеромъ или *въ пику* экономистамъ, ученымъ, теоретикамъ, или же

съ цѣлью отрекомендовать себя уже однимъ заглавіемъ, какъ чело-
вѣка, не раздѣляющаго увлеченій *теоретиковъ*, какъ чело-
вѣка *практическаго, дѣльнаго*, и однимъ уже этимъ поставить себя выше
какихъ-либо *ученыхъ* экономистовъ и финансистовъ, изъ которыхъ,
если только не всѣми, то конечно многими недовольно, и не без-
основательно, наше общество. Посмотримъ же, чѣмъ предложеніе
г. Геллера лучше предположеній нашихъ болѣе или менѣе *ученыхъ*
экономистовъ и финансистовъ, чѣмъ *выше и лучше* ихъ г. Геллеръ,
чѣмъ *практичнѣе* онъ ихъ, а также, что такое, по его понятіямъ,
значитъ быть *практическимъ, дѣльнымъ* чело-вѣкомъ по отношенію
къ государственно-финансовымъ вопросамъ и мѣрамъ.

Г. Геллеръ начинаетъ свои разсужденія нѣкоторыми изъ дока-
зательствъ невозможности устройства у насъ, въ настоящее время,
частныхъ земельныхъ банковъ, — доказательствъ уже не разъ повто-
ренныхъ въ литературѣ, а потому и извѣстныхъ уже всѣмъ тѣмъ,
которые слѣдятъ за разрѣшеніемъ нашихъ общественныхъ вопро-
совъ. Далѣе г. Геллеръ высказываетъ тоже *не особенно-новую но-
вость*, а именно что Россія богата.

• Но какъ бы ни была богата природа, она съ помощью одного
труда, безъ содѣйствія *капитала*, произведетъ немного. *Капитала* же —
продолжаетъ г. Геллеръ — у насъ нѣтъ, не смотря на увѣренія нѣкото-
рыхъ нашихъ ученыхъ экономистовъ, что у насъ черезчуръ много
денегъ, и что изобиліе въ *денегахъ*, въ особенности въ *бумажныхъ*, вы-
пускъ которыхъ усилился во время войны, составляетъ главную при-
чину всѣхъ недостатковъ нашего народнаго хозяйства. Если-бъ воз-
можно было собрать точныя данныя о томъ, на сколько, послѣ уси-
леннаго выпуска *бумажныхъ денежныхъ знаковъ*, усилился у насъ вы-
зовъ *звонкой монеты* промышленностью, туристами, крымскими тата-
рами и т. д., то каждый бы убѣдился, что въ общемъ итогѣ у насъ
теперь гораздо меньше *денежныхъ знаковъ*, чѣмъ было до войны. Впро-
чемъ, если-бы у насъ въ обращеніи и находилось больше денежныхъ
знаковъ, чѣмъ до войны, то возможно ли опредѣлить достаточность
или недостаточность данной суммы иначе, какъ относительно къ ея
назначенію? Стоитъ лишь принять въ соображеніе, сколько намъ нужно
теперь на устройство необходимыхъ только желѣзныхъ дорогъ и на
другіе предметы, въ которыхъ мы до войны не чувствовали потреб-
ности, — для того чтобы убѣдиться, что *суммы*, находящейся въ обра-
щеніи, далеко недостаточно на все это, и что слѣдовательно — *денегъ у
насъ нѣтъ*.

Мы съ умысломъ сдѣлали такую большую выписку изъ этой
брошюрки: она во-первыхъ служитъ несомнѣннымъ свидѣтель-
ствомъ, что, по понятіямъ г. Геллера, капиталы, деньги и денежные
бумажные знаки — одно и тоже; а во-вторыхъ, что г. Геллеръ или

не понимая того что говорятъ наши экономисты, или считаетъ нужнымъ, для достиженія своей цѣли, извращать ихъ слова. Многие изъ нашихъ экономистовъ говорили, и весьма основательно, что у насъ не мало капиталовъ лежитъ непроизводительно; но никто изъ нихъ не говорилъ, чтобы у насъ было *черезчуръ много капиталовъ, денегъ*. Можемъ также увѣрить г. Геллера, что не только наши экономисты, т. е. *всею на всего русскіе*, но и *иностранные экономисты*, даже всѣ вообще сколько-нибудь образованные *иностранные финансисты*, купцы, государственные люди, считаютъ излишній выпускъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, несообразный съ *требованіями промышленности страны*, — зломъ. Такъ думаютъ всѣ эти лица, русскіе и иностранцы, потому, что у нихъ глаза на то чтобы видѣть, а умъ на то чтобы разсуждать, изучать явленія жизни, изучать науку, а не глумиться надъ нею и т. п. Всѣ истинно-умные и *практическіе* люди очень хорошо знаютъ и понимаютъ, что если многіе ученые и вообще занимающіеся наукою люди бываютъ, не смотря на всю ученость свою, сплошь и рядомъ близоруки то въ томъ, то въ другомъ отношеніи, такъ это только потому, что всѣ люди въ большей или меньшей степени близоруки, а не вслѣдствіе большаго или меньшаго знакомства съ наукой. Они понимаютъ также, что если иной и незнакомый съ наукой видитъ *иногда* тотъ или другой предметъ лучше того или другого ученаго, такъ это не вслѣдствіе своего незнанія, а вслѣдствіе болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится онъ для разсмотрѣнія этого предмета или вслѣдствіе особенной способности; но какъ бы ни были благоприятны подобныя обстоятельства и какъ бы велика ни была подобная способность, тотъ человѣкъ можетъ видѣть и сознать предметъ всегда лучше при знакомствѣ съ наукой, нежели безъ ея помощи.

Вѣрныи своимъ убѣжденіямъ, до которыхъ онъ, какъ по всему видно, дошелъ безъ помощи науки, а такъ, собственнымъ своимъ умомъ, г. Геллеръ говоритъ далѣе, что «намъ теперь нуженъ по крайней мѣрѣ еще одинъ миллиардъ — *деньгами* (а это значитъ, по его понятіямъ, *бумажками*) для обращенія въ государствѣ». Для полученія этого миллиарда — *деньгами*, т. е. *бумажками*, г. Геллеръ предлагаетъ между-прочимъ слѣдующую мѣру:

Предоставить *землевладельцамъ и владельцамъ домовъ всѣхъ сословій* (sic!) составить, посредствомъ выборовъ, въ каждой губерніи и уѣздѣ, отвѣтственные комитеты подъ непосредственнымъ наблюдениемъ представителей сословій, для введенія, по особо-составленнымъ правиламъ, ипотечныхъ книгъ и постоянного сообщенія изъ нихъ отчетовъ въ столичныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ то

же время учреждается въ столицѣ одинъ общій для всего государства банкъ, подъ названіемъ *государственнаго ипотечнаго банка*, для котораго заготавливаются особенные билеты подъ названіемъ *государственныхъ ипотечныхъ кредитныхъ билетовъ*, цѣною отъ 25 до 100 рублей — первоначально на 500 миллионѣвъ, а впослѣдствіи и болѣе, по мѣрѣ надобности. Билеты эти передаются *въ полномъ заготовленномъ количествѣ* государственному ипотечному банку, который выдаетъ ими прямо, или чрезъ уѣздныя казначейства, ссуды подъ представленныя свидѣтельства ипотечныхъ комитетовъ, за подписями мѣстныхъ губернаторовъ, до 75 процентовъ противъ суммы оцѣнки имущества, съ платою ежегодно 4 процентовъ интереса и 1 процента на погашеніе. Ипотечные кредитные билеты принимаются всѣми казенными учрежденіями по полной номинальной цѣвѣ и вполне замѣняютъ въ обращеніи теперешніе кредитные билеты.

— Поступающіе въ ипотечный банкъ 4 процента съ билетовъ обращаются имъ, за вычетомъ расходовъ по администраціи банка, на изыятіе изъ обращенія и уничтоженіе теперешнихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ правительство *впередъ прекратило выпускъ таковыхъ*, а съ процента, поступающаго на погашеніе, выдаются новыя ссуды на тѣхъ же условіяхъ. Кромѣ этихъ *бумажныхъ денегъ* (sic!), т. е. ипотечныхъ билетовъ, государственное казначейство можетъ выпускать, по мѣрѣ надобности, *размѣнные билеты*, цѣною отъ 1 до 10 рублей, но должно обезпечить каждый подобный выпускъ *звонкою монетою*, изъ наличнаго государственнаго фонда, дабы имѣть дѣйствительную возможность, при предъявленіи этихъ билетовъ, выплатить по нимъ звонкою монетою. (Стр. 10—11).

Такова мѣра, предлагаемая г. Геллеромъ. Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ практичность ея.

Предположимъ, что наша администрація осуществляетъ это предложеніе, эту мѣру. Свободныхъ денежныхъ капиталовъ у насъ теперь, относительно, крайне-мало, а потому и дороги они, что видно между прочимъ изъ того, что занимать и подъ вѣрный залогъ недвижимыхъ имуществъ можно у насъ теперь не иначе, какъ съ платой 10-ти и болѣе, 9, 8, 7 и никакъ не менѣе, да и то случайно, 6-ти процентовъ въ годъ. Банкъ г. Геллера даетъ, *повсѣдному*, возможность получать деньги за 4 процента въ годъ. Не правда ли? великое благодѣяніе, которымъ непременно захотятъ воспользоваться рѣшительно всѣ, кому только будетъ это возможно! Ясно, что заемъ на такихъ условіяхъ долженъ *казаться* выгоднымъ рѣшительно для всѣхъ: для тѣхъ, кому до-зарѣзу нужны день-

ги, и для тѣхъ, кому они вовсе не нужны. Имѣя напримѣръ домъ, я долженъ *повидимому* полагать, что для меня очень выгодно заложить его на такихъ условіяхъ — хоть бы съ цѣлью, напримѣръ, получивъ такимъ образомъ деньги, заняться учетомъ векселей или дѣлать ссуды подъ залогъ движимой собственности — даже изъ 6-ти, не только 7, 10, 20 и болѣе процентовъ, какъ это водится между прочимъ и у насъ. Такимъ образомъ, *повидимому*, кредитъ у насъ значительно подешевѣетъ и каждый захочетъ по возможности воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

Но въ особенности захотятъ воспользоваться имъ тѣ изъ собственниковъ, которые хотя и не нуждаются въ деньгахъ, но понимаютъ, что очень выгодно занимать денежными знаками, которые, при заключеніи займа, представляютъ собою извѣстное количество, вѣсомъ, — ну хоть мѣди или даже серебра низкой пробы, а при погашеніи займа будутъ представлять собою то же количество, но уже не мѣди или низкопробнаго серебра, а развѣ гнилыхъ досокъ и т. п. Другими словами, въ особенности захотятъ воспользоваться предлагаемымъ г. Геллеромъ способомъ займа тѣ, которые очень хорошо понимаютъ, что если теперь кредитный рубль равняется, болѣе или менѣе, пяти или шести седьмымъ или восьмымъ рубля звонкою монетою, то, въ случаѣ осуществленія мѣры г. Геллера, кредитный рубль будетъ постоянно падать въ цѣнѣ и равняться сначала одной половинѣ, потомъ одной четверти, а тамъ и одной десятой, а можетъ-быть и одной сотой серебрянаго рубля.

Въ самомъ дѣлѣ, почему существуетъ у насъ теперь лажъ не только на серебряную и золотую монету вообще, но и на низкопробную мелкую серебряную монету? Не потому ли, что количество какъ одной, такъ и другой недостаточно у насъ, не удовлетворяетъ существующимъ требованіямъ на серебряную и золотую монету? И почему пала цѣна кредитнаго рубля въ сравненіи съ рублемъ серебрянымъ и золотымъ какъ не потому именно, что у насъ кредитныхъ билетовъ болѣе того количества, какое требуется для нашихъ промышленныхъ сдѣлокъ и ежедневныхъ оборотовъ? Стало-быть, по требованію здраваго смысла, опыта, а также и науки, для того чтобы не было лажа на серебряную и золотую монету, необходимо или уменьшить количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, или увеличить количество звонкой монеты, или же вообще принять мѣры, чтобы какъ количество кредитныхъ билетовъ, такъ и количество звонкой монеты соотвѣтствовало потребностямъ нашего общества. Г. Геллеръ самъ же говоритъ въ своей брошюркѣ (стр. 4), что звонкая монета у насъ, *по рѣдкости своей, приняла въ настоящее время характеръ товара, и продается и покупается по цѣнѣ выше номин-*

нальной. Да потому-то и существуетъ этотъ фактъ, что и монета — товаръ, и притомъ не только въ настоящее время и у насъ, но и всегда и вездѣ она товаръ, а потому и участь ея обуславливается тѣми же экономическими законами, которые существуютъ въ мѣрѣ и дѣйствительны для всѣхъ вообще товаровъ. Даже наши кредитные билеты — товаръ, хотя въ то же время они и денежные знаки, а именно денежные знаки на столько, на сколько они представляютъ собою деньги и на сколько существуетъ потребность у насъ въ такихъ денежныхъ знакахъ, и на столько представляютъ они собою товаръ, на сколько они суть дѣйствительно товаръ, т. е. издѣльнаго сорта бумага. Поэтому повидѣлся ихъ денежное, правдѣе — кредитное достоинство, вслѣдствіе значительнаго выпуска ихъ, до того, что никто не дастъ за 100.000 рублей такими бумажками, какъ кредитными цѣнностями, какъ обязательствами казны, и рублѣ серебромъ. Но и въ такомъ случаѣ они будутъ имѣть свою цѣну какъ товаръ, какъ испечатанные клочки бумаги, годные на примѣръ на выдѣлку новой бумаги и проч. Наоборотъ, извлекши ихъ правительство почти совершенно изъ обращенія, не замѣни ихъ оно вовсе какими подобными билетами и вмѣсто ихъ выпусти оно только звонкую монету, то въ такомъ случаѣ явится въ нашемъ обществѣ значительное требованіе на подобные билеты, явится значительный лажъ на оставшіеся изъ нихъ въ обращеніи. Это потому, что звонкая монета, при всемъ своемъ превосходствѣ предъ бумажными деньгами, имѣетъ и недостатокъ, а именно она все-таки довольно тяжела и объемиста. И какую-нибудь сотню-другую рублей звонкой, даже серебряной и золотой, не только мѣдной монеты тяжело, или, по меньшей мѣрѣ, неудобно носить постоянно въ карманѣ, тогда какъ иногда и многія тысячи рублей въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ легко укладываются въ небольшой бумажникъ. Но не смотря на такое достоинство свое, бумажные денежные знаки, т. е. своего рода векселя или заемныя письма правительства, которые какъ знаки, какъ представители извѣстнаго количества и рода товара — монеты — на столько цѣнны и на столько замѣняютъ собою монету, на сколько существуетъ въ обществѣ потребность въ такого рода денежныхъ знакахъ и на сколько состоителенъ, по отношенію къ своимъ денежнымъ обязательствамъ, такого рода векселедатель или заемщикъ. Почему мы въ прежніе годы такъ же охотно, даже охотнѣе принимали рубль серебромъ кредитнымъ билетомъ, нежели звонкою монетою, а теперь предпочитаемъ эту послѣднюю? Не потому ли, что прежде каждому изъ насъ стоило только пожелать, и тотчасъ-же наши кредитные рубли, безъ всякихъ жертвъ съ нашей стороны, превращались въ монету надле-

жащаго качества ; а теперь мы охотнѣе беремъ цѣлковый на томъ основаніи, что теперь цѣлковый стоитъ не 100, а 110 и болѣе копѣекъ кредитными бумажками ? Почему-же теперь кредитный рубль стоитъ дешевле цѣлковаго ? А потому, что теперь у насъ, относительно, мало цѣлковыхъ — не столько, сколько нужно ихъ нашему обществу, тогда какъ *кредитныхъ билетовъ* у насъ болѣе того, сколько ихъ нужно намъ, и это не смотря на наше *безденежье*, которое не уменьшится, а напротивъ, только увеличится съ умноженіемъ количества кредитныхъ билетовъ. Если бы этихъ билетовъ было у насъ недостаточно, и была бы потребность въ нихъ, то они ходили бы, по цѣнѣ, наравнѣ съ звонкою серебряною и золотой монетою, въ такомъ случаѣ могъ бы быть на нихъ даже лажъ, и каждый изъ насъ старался бы по мѣрѣ своихъ средствъ и надобности, промѣнять свою звонкую монету на кредитные билеты, а въ такомъ случаѣ великимъ было бы для казны или, если вамъ угодно, для государственнаго банка, надѣлать новыхъ кредитныхъ билетовъ *въ замѣнъ* звонкой монеты, а эту хранить до востребованія ея обществомъ. Кромѣ того, если бы звонкая монета и кредитные билеты были равноцѣнны, какъ деньги, какъ товаръ, то казна бы наша не затруднялась немедленно удовлетворить потребности нашего общества въ серебряной и золотой монетѣ ; въ такомъ случаѣ не нужно было бы намъ имѣть способныхъ администраторовъ, чтобъ авилось у насъ звонкой монеты столько, сколько нужно намъ ея, потому что достаточно было бы, въ такомъ случаѣ, только одного приказа г. министра финансовъ — *надѣлать золотой и серебряной монеты*, и такого рода монета появилась бы у насъ такъ же скоро и въ такомъ же количествѣ, какъ теперь можетъ появиться у насъ еще новое значительное количество кредитныхъ билетовъ, въ случаѣ если отданъ будетъ г. министромъ финансовъ приказъ *надѣлать новыхъ кредитныхъ билетовъ или же пустить въ обращеніе уже изготовленные на всякій случай*. Да нѣтъ ! Надѣлать серебряной и золотой монеты не такъ-то легко, какъ надѣлать кредитныхъ билетовъ или бумажныхъ денегъ, потому что металлъ, въ особенности такой металлъ какъ золото или серебро — одно, а бумага другое ; одному одна цѣна, а другой — другая ; для пріобрѣтенія одного надо или имѣть побольше денегъ, или побольше трудиться, имѣть побольше средствъ, нежели для пріобрѣтенія другой, т. е. бумаги на выдѣлку кредитныхъ билетовъ. Одни объясняютъ недостатокъ въ звонкой монетѣ тѣмъ, что Россія прежде была богаче теперешняго ; а другіе тѣмъ, что нѣтъ уже на свѣтѣ прежнихъ умныхъ людей — перемерли, значить ; заграничные займы намъ также не помогли...

Чѣмъ же отличается и превосходитъ предложеніе г. Геллера мѣру, предлагаемую большинствомъ нашихъ экономистовъ?

Экономисты наши предлагаютъ частныя ипотечныя банки, которые бы выпускали свои 4-хъ, 5-ти или 6-ти-процентныя облигаціи. Экономисты не опредѣляютъ процента, потому что *знаютъ науку*, знаютъ, что величина процента зависитъ не отъ чьей-либо воли, а отъ цѣны деньгамъ въ данное время. За сущность мѣры, предлагаемой экономистами, стоитъ наука, стоитъ опытъ, и если частными земскими банками нельзя надѣлать Россію, въ настоящее время, надлежащимъ имущественнымъ кредитомъ, такъ это не потому, чтобъ можно было сказать что-либо противъ сущности частныхъ земскихъ банковъ, а вслѣдствіе разныхъ административныхъ и другихъ причинъ и препятствій, которыя неустранимы въ короткое время.

Г. же Геллеръ предлагаетъ одинъ банкъ вмѣсто нѣсколькихъ, но такой банкъ, который не только не устранить существующихъ затрудненій, но еще увеличить ихъ, а именно тѣмъ, что увеличить количество казенныхъ обязательствъ. Въ случаѣ осуществленія его банка, у насъ будетъ только болѣе бумажныхъ денежныхъ знаковъ, а монеты не будетъ болѣе; бумажныхъ же денежныхъ знаковъ у насъ и теперь довольно, и въ случаѣ увеличенія количества ихъ, поколеблется еще болѣе довѣріе къ нимъ,—все подымется въ цѣнѣ, такъ что и денегъ вообще у насъ окажется менѣе, чѣмъ теперь.

Г. Геллеръ, вѣроятно, полагаетъ, что онъ *даетъ* казнѣ ежегодно около 20 милліоновъ руб. (при ипотечныхъ билетахъ на 500 милл.) дохода; но онъ жестоко ошибается: онъ, своею мѣрой, лишаетъ казну *многихъ* милліоновъ дохода, потому что все вздорожаетъ въ случаѣ выпуска его ипотечныхъ билетовъ, ибо его ипотечные билеты будутъ такіе же кредитные билеты, какъ и настоящіе существующіе кредитные билеты. Надѣлать же Россію еще новымъ количествомъ кредитныхъ билетовъ, это значить не только не принести ей никакой пользы, а только увеличить количество и мѣру существующихъ у насъ затрудненій.

И желательно было бы знать, чѣмъ должно быть, по понятіямъ г. Геллера, правительство или казна, если онъ допускаетъ, что правительство или казна можетъ брать 4 процента отъ своихъ поданныхъ за то, что надѣлаетъ ихъ такими деньгами, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утрачиваютъ свою цѣнность? Не ясно ли, что мѣра предлагаемая г. Геллеромъ, есть кака-то надувательная мѣра? Желательно было бы также знать, на основаніи какихъ соображеній назначаетъ г. Геллеръ 4 процента въ пользу казны? Почему не 5, 6, 7, даже не 10 процентовъ, если намѣре-

віе его, впрочемъ крайне-неудачное, состоитъ въ томъ, чтобъ угодить казиѣ? Если же онъ назначилъ такой невысокій процентъ только изъ любви къ ближнему, то почему же назначилъ 4, а не 3, 2, 1 процентъ, даже не предлагаетъ производить ссуды даромъ, безъ взиманія и малѣйшаго процента, даже безъ возврата занятыхъ суммъ? Вѣдь почти даромъ обходятся — вѣроятно, по его понятіямъ, — кредитные билеты казиѣ и вообще государству, такъ почему жъ бы и не даромъ раздавать ихъ собственникамъ? Мало того, почему-жъ бы и не надѣлать ихъ на столько мильоновъ, сколько жителей въ Россіи, и раздать каждому изъ насъ по мильону? Нѣтъ, это было бы несправедливо; а слѣдовало-бы, примѣрно, вотъ какъ раздать: крестьянамъ по мильону каждому, мѣщанамъ — по два, купцамъ, смотря по гильдіямъ, по три, по четыре, по пяти мильоновъ, дворянамъ и разнымъ чиновнымъ лицамъ, смотря по чину, по шести и болѣе мильоновъ, такъ чтобы каждый виѣющій генеральскій чинъ, получилъ не менѣе какъ по 25 или 50 мильоновъ, ну, а бароны, графы, князья — еще болѣе, отъ 100 до 1000 мильоновъ, а нѣтъ, такъ и болѣе пожалуй. Вѣдь вотъ какъ бы мы всѣ тогда разбогатѣли, и притомъ какъ легко и скоро! Не правда ли, г. Геллеръ? Какъ бы тогда завидовали намъ иностранцы! Русскій народъ былъ бы ужъ тогда не обыкновеннымъ народомъ, а народомъ мильонеровъ; а иностранцы только знали быда при служивали намъ тогда, были бы нашими холопами такъ-сказать, на насъ работали бы, учились да и думали бы конечно за насъ; мы-же, всенепремѣнно! только жили бы себѣ во свое удовольствіе, лежали бы себѣ все на печи, ѣли бы съ медомъ калачи, да запивали бы винами заморскими! То-то было бы житье намъ тогда! И грустно право, какъ подумаешь, что есть средство, и притомъ такое легкое средство обогатить, облагодѣтельствовать насъ всѣхъ, а не хотять у насъ воспользоваться такимъ средствомъ! Вотъ и вы, господа экономисты, вы только переливаете изъ пустаго въ порожнее, а что бы вамъ поднять этотъ вопросъ, т. е. вопросъ о внезапномъ и чудесномъ обогащеніи русскаго народа посредствомъ кредитныхъ билетовъ? А то къ чему служить ваша политическая экономія, которую Богъ знаетъ за что вы величаете наукой о народномъ богатствѣ? Кого обогатила ваша наука? Вѣдь даже и не насъ самихъ! Къ чему же учитесь вы ей и учите другихъ? Подлинно, что вы теоретики, мечтатели, поэты, а не практическіе люди, — не то — что г. Геллеръ напримѣръ. Онъ только подумалъ немножко и тотчасъ же нашолъ средство къ народному обогащенію, словомъ — пришолъ, увидѣлъ, побѣдилъ, или, что въ этомъ отношеніи одно и тоже — задумалъ, подумалъ и придумалъ! И какою еще средствомъ

придумалъ онъ: того и жди, что некуда будетъ дѣвать нашъ своихъ денегъ: столько ихъ будетъ у насъ... ну, а если не денегъ, такъ кредитныхъ билетовъ...

Однимъ словомъ, мѣра, предлагаемая г. Геллеромъ, принадлежитъ къ разряду мѣръ, которыхъ не одобрить ни одно изъ сколько-нибудь образованныхъ и здравомыслящихъ правительствъ, хотя чуть ли не каждый день предлагаются подобные мѣры лицами, не имѣющими ни малѣйшаго понятія объ условіяхъ народнаго благосостоянія. Подобные прожектеры обыкновенно воображаютъ, что какъ для нихъ самихъ главная задача жизни состоитъ въ добычѣ денегъ, такъ точно въ этомъ же состоитъ и назначеніе правительствъ, а такъ-какъ правительства сильнѣе частныхъ лицъ, то — думаютъ обыкновенно такіе прожектеры — правительства могутъ не только чеканить монету изъ металловъ, но даже чеканить ее изъ бумаги, или что то же, требовать отъ своихъ подданныхъ, чтобы они считали бумагу не бумагой, а такимъ же металломъ, какъ золото и серебро и т. п.

Г. Геллеръ говоритъ *положительно* (стр. 11, въ выноскѣ), что предложеніе его «удостоилось *общаго* одобренія со стороны финансистовъ-практиковъ.» Это собственные его слова; но не смотря на такое увѣреніе его, мы смѣемъ увѣрить читателей и даже самого г. Геллера, что такого общаго одобренія его предложенія или мѣры со стороны финансистовъ-практиковъ *не было и быть не могло*. Финансисты-практики, испытывая и на себѣ зло отъ излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ и тому подобныхъ по нерациональности своей финансовыхъ мѣръ, не могутъ одобрить подобнаго предложенія, тѣмъ болѣе, что они *практики* по части финансовыхъ оборотовъ, а это значитъ, что они ясно видятъ разницу между бумажными и металлическими деньгами; къ тому же между ними есть люди, которые изучаютъ и знаютъ политическую экономію, вполне сознаютъ политико-экономическіе законы, а потому, какъ изъ личныхъ выгодъ, такъ и по причинѣ пониманія общности и взаимности интересовъ вообще, они ничего такъ не желаютъ, какъ всеобщаго исполненія экономическихъ законовъ. Да и между финансистами-практиками есть люди, которые понимаютъ, что политико-экономическіе законы не придуманы хитрыми головами, а только раскрыты мыслящими людьми, изучавшими миръ, человѣчество, народы и условія ихъ существованія и благосостоянія, и что эти законы лучше всевозможныхъ отличнѣйшихъ положительныхъ законовъ, а именно потому, что они — законы естественные, непреложные, неизмѣнные. Вотъ еслибъ г. Геллеръ сказалъ, что предложеніе его удостоилось *общаго* одобренія со стороны *нѣсколь-*

жизнь, какъ жить, ему болѣе или менѣе извѣстныхъ финансовъ-практиковъ, то противъ этого мы не могли бы сказать ни слова, потому что очень хорошо знаемъ, какихъ родовъ и видовъ бываютъ *финансисты-практики*. Есть на примѣръ *финансисты-практики*, для которыхъ всякое средство хорошо, лишь бы только оно доставило имъ доходецъ, деньгѹ; но есть и такіе *финансисты-практики*, которые разбираютъ средства, и только тѣ изъ средствъ считаютъ хорошими, которыя дѣйствительно хороши и законны во всѣхъ отношеніяхъ. Мы очень хорошо знаемъ также, что перваго рода *практики* называютъ и считаютъ практиковъ втораго рода мечтателями, поэтами, теоретиками, — словомъ, по ихъ понятіямъ, пустыми людьми; но этого рода практики или мечтатели, пустые люди и т. п., лучше согласятся быть дѣйствительно-пустыми и во всѣхъ отношеніяхъ ничтожными людьми, нежели сдѣлаться *практиками* перваго рода.

Въ заключеніе мы считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе какъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей, для которыхъ это окажется нужнымъ, такъ въ особенности г. Геллера, на слѣдующее обстоятельство. Судя какъ по заглавію, такъ въ особенности по результатности вообще статьи г. Геллера, надо полагать, что г. Геллеръ не больно-то уважаетъ политическую экономію, даже и вовсе не знаетъ и не хочетъ знать ее; такъ и кажется, что онъ только изъ чисто-внѣшняго приличія не говоритъ прямо экономистамъ: «вотъ я, и не зная вашей науки, придумалъ такую вещь, такую административную мѣру, которая не чета вашей, и до какой вы безъ меня никогда бы и не дошли; а это потому, что я не то что вы: вы всего-на-всего только ученые, теоретики, а я практикъ — да какой еще практикъ!» И дѣйствительно, ни одинъ и самый плохой экономистъ въ мірѣ не осмѣлился бы предложить подобной мѣры, ибо подобное предложеніе было бы столь же неумѣство съ его стороны, какъ со стороны математика предложеніе считать дважды-два равнымъ не четыремъ, а на примѣръ двадцати. Мѣра, предлагаемая г. Геллеромъ, до того нераціональна, до того вредна, что можетъ быть осуществлена только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ исключительно одно кулачное право, гдѣ въ государственныхъ лицахъ нѣтъ не только ни малѣйшаго уваженія къ праву собственности, а потому и личности гражданъ, но нѣтъ также и тѣни понятія о достоинствѣ правительства. Можно смѣло утверждать, что какъ бы ни ошибались всѣ, и наши и иностранные экономисты, и притомъ не только въ вопросѣ объ имущественномъ кредитѣ, но и во всѣхъ другихъ финансовыхъ и общественныхъ вопросахъ; но такой грубой ошибки, въ экономическомъ и финан-

совомъ отношеніи, они, покуда по крайней мѣрѣ, ни разу еще не слѣдали, — и не дѣлали, въ чемъ безъ сомнѣнія охотно сознается каждый изъ нихъ, преимущественно потому, что худо ли, хорошо ли, но тѣмъ не менѣе все-таки изучали политическую экономію, и потому много ли, мало ли, а все-таки приобрѣли кое-что для себя и для другихъ отъ такого изученія.

І. НИКИТЪ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О Г. ИСЕНСКОМЪ ПО НОВОДУ ЕГО СОЧИНЕНІЙ

Томъ I. Изд. Стелловскаго. Спб. 1861 г.

Въ нашей литературѣ были, есть и конечно будутъ впредь, явленія фальшивыя, ненормальныя. На литературу нельзя смотрѣть такъ, какъ напримѣръ ботаникъ смотритъ на растенія. Для ботаника каждое растеніе одинаково правильно, одинаково заслуживаетъ мѣсто въ системѣ; все въ своемъ родѣ совершенно, говорятъ иногда натуралисты. Подобный взглядъ непримѣнимъ къ художественной или какой-нибудь другой духовной дѣятельности. Общее правило здѣсь то, что чѣмъ выше сфера такой дѣятельности, тѣмъ обильнѣе она ненормальными явленіями. Такъ напримѣръ, плохихъ стиховъ, которые собственно не должны бы считаться стихами, написано и пишется гораздо больше, чѣмъ настоящихъ стиховъ, т. е. стиховъ поэтическихъ.

Какъ ни горестна мысль, которую я теперь излагаю, доскажу ее до конца. Ненормальныя явленія въ исторіи литературы не оставляютъ никакого слѣда; для нихъ собственно придумано поэтами выраженіе, что они *падаютъ съ Лету*. Но пока они существуютъ, такъ какъ они составляютъ настоящее, а не прошедшее, они имѣютъ всѣ видимыя признаки жизненности. Писатели получаютъ громадную извѣстность, сочиненія ихъ жадно раскупаются и читаются, возбуждаютъ толки, критики, даже переводятся на иностранныя языки. Точно такъ газета или журналъ быстро пріобрѣтаютъ множество подписчиковъ, долгіе годы съ великимъ успѣхомъ увеселяютъ и занимаютъ публику; и потомъ, какъ я сказалъ — все это бухъ въ Лету.

Если мы оглянемся на прошлое и даже очень недавнее прошлое нашей литературы, то конечно признаемъ, что наша картина вѣрна. По сторонамъ главнаго русла нашей литературы, возникало множество ненормальныхъ явленій, получавшихъ часто огромные размѣ-

ры, сіявшихъ очень ярко и шумѣвшихъ очень громко. Теперь все это исчезло; помнѣть конечно громкія имена, но никто ихъ не читаетъ и не вздумаетъ читать. Въ то же время нормальныя явленія отличаются, какъ мы знаемъ, поразительною живучестью. Много ли было написано коротенькихъ стихотвореній *подъ литерой оита*? Но и теперь читатель, равнодушно пропускающій стихотворенія послѣдней книжки журнала, съ радостью перечтетъ и нарочно отыщеть въ старыхъ книгахъ стихи Ключичкова.

Тотъ же взглядъ разумѣется справедливъ и въ отношеніи къ современной литературѣ. И теперь есть любимые и весьма извѣстные писатели, любимые и весьма уважающіе журналы, которые со временемъ бухнутъ въ Лету. Но, благосклонный читатель, не жди отъ меня, чтобы я сейчасъ же началъ разсматривать нашу литературу съ такой опасной точки зрѣнія. Сколько бы ты ни былъ любопытенъ, я не могу удовлетворить твоего любопытства. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы я сталъ пересчитывать по пальцамъ наши фальшивыя знаменитости, еслибы я назвалъ какой-нибудь блистательный журналъ явленіемъ совершенно *ненормальнымъ*, —

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я!

Со временемъ, конечно, мало по малу ты узнаешь все это, читатель; узнаешь съ полными и ясными доказательствами. Вдругъ же сдѣлать этого нельзя. Я потому только и заговорилъ о грозныхъ приговорахъ, возлагаемыхъ на меня обязанностью критика, что передо мною лежитъ книга, очевидно не подвергающаяся никакой опасности грознаго приговора. Г. Писемскій принадлежитъ безъ сомнѣнія къ главному руслу нашей литературы: его извѣстность заслужена истиннымъ талантомъ.

Извѣстно, что г. Писемскій принадлежитъ къ тому *отрицательному* направленію нашей литературы, родоначальникомъ котораго былъ Гоголь. Эту школу называютъ иногда у насъ *натуральною* школою, и къ дальнѣйшему ея развитію нужно отнести и многолетнія явленія обличительной литературы, и болѣе прочныя и правильныя явленія современнаго реализма.

Но сказать, что г. Писемскій — реалистъ, значило-бы сказать очень мало; потому что, какъ намъ кажется, реализмъ его отличается чрезвычайною индивидуальностью, рѣзкими особенностями, въ которыхъ, какъ это всегда бываетъ, заключается и его сила и его слабость.

Первое и главное впечатлѣніе, поражающее читателя при чтеніи его рассказовъ, есть кажда-то нагота, въ которой она являетъ

вдуютъ жизнь. Вася охватываетъ холодомъ и мевольно приковываетъ къ себѣ голая правда, ничѣмъ не смягченное, суровое разоблаченіе дѣйствительности. Ощущеніе это можно сравнить съ тѣмъ, а которомъ удивляется Гоголь, говоря, что есть явленія,

• которыя вдругъ обладаютъ какъ варомъ какого-нибудь замечавшагося двадцатилѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего вѣтъ и что не грезится въ головѣ его? Онъ къ небесахъ и къ Шиллеру: заѣхалъ въ гости — и вдругъ раздается надъ нимъ какъ громъ, роковыя слова; и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близь кабака; и вновь пошла по будничному шеголять чередъ надъ нимъ жизнь».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое отношеніе къ жизни выступаетъ и у г. Писемскаго очень замѣтно. Напримѣръ, его несчастный Феррапонтовъ въ *«Старческомъ грѣхѣ»* иногда очень явственно заѣзжаетъ къ Шиллеру въ гости.

Оскорбленный идеализмъ — вотъ повидимому главная нота, звучащая въ произведеніяхъ г. Писемскаго, или говоря старымъ слогомъ, муза, его вдохновляющая. Въ самомъ дѣлѣ критикъ, столь невѣрно назвавшій *темнымъ царствомъ* міръ, изображаемый въ произведеніяхъ Островскаго, имѣлъ бы полное право примѣнить свое названіе къ міру произведеній г. Писемскаго. Вотъ дѣйствительно темное царство, въ которое не проникаетъ никакихъ свѣтлыхъ лучей, гдѣ все мертво, душно и гнило. Очень часто у г. Писемскаго встрѣчаются лица, которыя какъ-будто должны возбуждать симпатію читателей, и которыя обыкновенно погибаютъ жертвою окружающихъ вліяній. Таковъ Феррапонтовъ въ *«Старческомъ грѣхѣ»*, Анна Павловна въ *«Боярщинѣ»*, Павелъ въ *«Тюфякѣ»*, Рымовъ въ *«Комикѣ»*, Ананій въ *«Горькой Судьбинѣ»* и пр. Но и эти лица всегда болѣе или менѣе отталкиваютъ отъ себя читателей какими-нибудь уродствами, беспощадно выставленными на свѣтъ. Не такъ ли и въ самомъ дѣлѣ бываетъ въ жизни? Люди добрые — глупы, люди умные — слабы, люди крѣпкіе — лауты и т. д.

Какъ бы темны, грязны и уродливы ни были однакоже явленія жизни, искусство всегда имѣетъ на нихъ право; но имѣетъ право только потому, что имѣетъ силу *возводить ихъ въ перлы созданія*. Жизнь и искусство суть двѣ вещи различныя. Жизнь можетъ быть темна и ничтожна; искусство всегда свѣтло и высоко. Явленія жизни могутъ быть уродливы и дикы; произведенія искусства всегда должны быть стройны и прекрасны. Жизнь — иногда грязь, искусство — всегда перлы. И слѣдовательно, когда чередъ нами перлы,

искусства, то отношеніе къ нимъ всегда должно быть одно: мы можемъ только любить ихъ и наслаждаться ими.

Между тѣмъ, какъ я уже замѣтилъ, въ чувствѣ, возбуждаемомъ произведеніями г. Писемскаго, есть что-то тяжелое. Въ холодѣ дѣйствительности, которымъ отъ нихъ вѣетъ, есть что-то рѣзкое. Весьма замѣчательно, что это неопредѣленное непріятное чувство выразилось даже какимъ-то негодованіемъ на г. Писемскаго. На него сердилась Москва за его Калиновича и за Ананія. Разумѣется такимъ негодованіемъ г. Писемскій можетъ только справедливо гордиться. Должно-быть онъ кололъ мѣтко, или его правда, какъ говорится, глаза колетъ.

Но можетъ-быть это негодованіе имѣло другой источникъ, болѣе справедливый. Нельзя отрицать глубокой правдивости, составляющей неотъемлемое достоинство произведеній г. Писемскаго. Но можно приступить къ нимъ съ другими требованіями; можно потребовать отъ нихъ болѣе *полной* правдивости, не одной неуклонной вѣрности, но вмѣстѣ и глубины. Отъ простого, *точного* разсказа о происшествіи, которое намъ случилось видѣть, до художественнаго его воспроизведенія есть тысячи степеней, и художникъ стремится къ высшей изъ нихъ.

Если источникъ произведеній г. Писемскаго есть оскорбленный идеализмъ, то эти произведенія должны заглаживать оскорбленіе, должны по-своему, художественно примирять насъ съ жизнью. Какъ совершается это примиреніе — извѣстно. Если предметы озарены свѣтомъ искусства, такъ что читателемъ неудержимо овладѣваютъ

Негодованье, сожалѣнье

или глубокой смѣхъ, то идеализмъ отомщенъ. Потому что читатель негодующій, скорбящій или смѣющійся, уже этимъ самымъ становится *выше* жизни; онъ судитъ жизнь; онъ увлеченъ искусствомъ въ ту сферу, въ которой явленія жизни являются въ настоящемъ ихъ свѣтѣ; силамъ души дано ихъ правильное обнаруженіе; найдены тѣ струны, которыя должны отвѣчать на извѣстныя явленія.

У г. Писемскаго такое примиреніе не совершается вполне. Если бы мы захотѣли дать преувеличенную рѣзкость нашему приговору, мы могли бы сказать, что произведенія г. Писемскаго не пробуждаютъ ни негодованія, ни смѣха, ни сожалѣнія, но что они производятъ въ читателяхъ только *недоумѣніе*. Въ этомъ можно видѣть величайшую реальность этихъ произведеній. Они возбуждаютъ въ насъ недоумѣніе точно такъ, какъ нерѣдко возбуждаютъ его разные случаи и событія, встрѣчающіеся намъ въ жизни, когда мы не въ

силахъ вполне понять ихъ, вполне проникнуть ихъ смыслъ и значеніе. Г. Писемскій, если можно такъ сказать, рисуется намъ *темноту* жизни.

Лица и событія г. Писемскаго не довольно смѣшать, мало трогаютъ, слабо возбуждаютъ негодованіе. Его рассказы не увлекаютъ: они только *занимательны*, то-есть опять-таки, они представляютъ своего рода реальный интересъ, почти такой же, какой возбуждаютъ въ насъ дѣйствительныя происшествія, или встрѣча съ новыми, незнакомыми лицами. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, не смотря на все наше вниманіе, мы чувствуемъ недостатокъ того глубокаго свѣта, которымъ искусство проникаетъ дѣйствительность и озаряетъ сущность дѣла.

Пустота, мракъ, житейская грязь во всей ея сѣрой безличности и блѣдномъ безобразіи... Подобный характеръ искусства свидѣтельствуемъ можетъ-быть, что недостаточно силенъ, крѣпокъ и свѣтелъ идеалъ, который здѣсь судитъ жизнь. Писатель какъ-будто не довѣряетъ себѣ или просто не умѣетъ смѣло подняться въ область идеала, чтобы ярко и выпукло выступили передъ нимъ явленія. Онъ смотритъ на жизнь скептически, даже цинически, и подозрительно толкуетъ каждое ея явленіе; онъ не приближается къ жизни, не озаряетъ ея, а скорѣе отталкиваетъ отъ себя и покрываетъ тѣнью. У Гоголя на примѣрѣ, жизнь, какъ онъ самъ выражается, дѣйствительно *щеголяетъ* по-будничному; она тѣмъ смѣшнѣе и жалче, чѣмъ сильнѣе щеголяетъ собою; у г. Писемскаго отъ жизни вѣетъ чѣмъ-то мертвымъ и холоднымъ.

Намъ кажется, что этотъ недостатокъ примиренія съ идеаломъ во взглядѣ самого писателя, составляетъ главную причину тяжелаго впечатлѣнія, возбуждаемаго произведеніями г. Писемскаго. Если взять его произведенія въ ихъ цѣломъ, то нельзя не сознаться, что это впечатлѣніе доходитъ до чего-то трагическаго, хотя и не достигаетъ полной силы трагизма. Название одного изъ послѣднихъ его произведеній — *Горькая судьбина*, повидному могло бы быть написано надъ полнымъ собраніемъ всѣхъ его произведеній. Вездѣ одинаково горькая, одинаково неотвратимая судьба, роковая гибель или оскорбленіе всего, хоть сколько-нибудь заслуживающаго сочувствія. Въ чемъ состоятъ рассказы г. Писемскаго? Все это рассказы о преступленіяхъ или несчастіяхъ, въ которыхъ страдаютъ люди, повидному нимало виноватыя. Этихъ людей губятъ какія-то темныя силы, враждебные элементы, господствующіе въ той средѣ, куда они попадаютъ. Для того чтобы привести эти силы къ обнаруженію, къ столкновенію, г. Писемскій употребляетъ даже довольно-механическій приемъ. Часто дѣло у него начинается тѣмъ,

что дѣйствующія лица *прильззаютъ* въ то мѣсто, гдѣ они *вѣдь* сами погибають, или другихъ губають. Такъ Ананій *вляется* нѣ жемѣ, Тюфякъ возвращается изъ университета въ родной городъ, князь и Эльчаниновъ въ Боярщину и проч. Затѣмъ, когда лица сопоставлены, начинается ихъ взаимодействіе, которое совершается такъ же механически, такъ же неизбежно, какъ совершаются процессы въ безжизненной природѣ. Такъ камень тонетъ въ водѣ или нухъ весетъ по воздуху. Дѣйствія, развитія, драмы, борьбы у г. Писемскаго почти нѣтъ. Ни одно изъ лицъ не сознаетъ своего положенія, не дѣлаетъ попытки сбросить съ себя иго обстоятельствъ и уйти отъ своей *горькой судьбины*. Ходъ происшествій обыкновенно очень медленъ; событія зрѣютъ сами собою. Эти люди, тонущіе въ непроходимомъ болотѣ, очень рѣдко дѣлають даже безсознательныя движенія, чтобы вырваться изъ него, и тотчасъ опускають руки, чувствуя свою слабость и бесполезность усилій.

Отъ этого всѣ происшествія получаютъ какой-то нечеловѣчскій характеръ стихійности, мертвенности, которая по временамъ возбуждаетъ ужасъ. Духовныя силы, выводимыя на сцену г. Писемскимъ, дѣйствуютъ какъ слѣпыя стихіи, какъ огонь и вода. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ большей части случаевъ дѣйствующія лица г. Писемскаго совершенно *не понимаютъ* другъ друга; между ними, собственно говоря, нѣтъ никакого духовнаго *общенія*, при которомъ только и возможно сколько-нибудь разумное, просвѣтленное взаимодействіе. Возьмите «Боярщину», «Тюфяка», «Бракъ по страсти»: кто въ этой толпѣ лицъ понимаетъ одинъ другого? Понятно, что при такомъ непониманіи, драмы быть не можетъ; каждый дѣйствуетъ *слѣпо* на другихъ и отъ столкновенія слѣпыхъ страстей и желаній происходитъ какое-то пустое, *вышнее бѣдствіе*.

Хомяковъ въ своемъ неблагоклонномъ отзывѣ о драмѣ *Горькая судьбина* сердито замѣчаетъ, что жена Ананія просто дура. Казалось бы, зачѣмъ тутъ сердиться? Мало ли дурь на свѣтѣ? И отчего ихъ не выводить на сцену? Нужно только, чтобы онѣ были *вѣрны* дѣйствительности. Но посмотрите, какое мѣсто занимаетъ жена Ананія въ драмѣ. Она — узелъ, связывающій всѣ лица между собою. Слѣдовательно, если она *воплнѣ* дура, т. е. пуста умомъ и сердцемъ, то она играетъ роль простой подставки. Драма безконечно выиграла бы, если бы это связующее лицо было *достойно* своей роли: какая полнота человѣческихъ чувствъ могла бы здѣсь раскрыться! Но г. Писемскій какъ-будто имѣлъ совершенно противоположное *намѣреніе*. Онъ хотѣлъ поразить насъ *пустотой* чувствъ, завязавшихъ трагедію; тѣмъ ужаснѣе всѣ страданія дѣй-

ствующихъ лицъ и гибель ребенка и Ананія, что они происходятъ отъ глупой женщины, едва понимающей, что она дѣлаетъ. Это можетъ показаться страннымъ, какъ тѣ старинныя драмы, которыя всѣ основывались на недоразумѣніяхъ; но это становится страшнымъ, когда недоразумѣніе является какъ фактъ не случайный, но естественный, неизбѣжный.

Во всякомъ случаѣ струя истинно-художественнаго реализма всегда спасаетъ произведенія г. Писемскаго отъ односторонности его міросозерцанія. Мы старались только указать на особенности этого реализма и пояснить, а не отвергнуть ихъ значеніе.

Записки о Шамиль. Пристава при восшествіи цѣлѣнномъ А. Руновскаго.

Эта книга, при всей неполнотѣ своей и отрывочности изложенія, представляетъ все-таки большой интересъ, особенно въ нашей литературѣ, такъ небогатой мемуарами и воспоминаніями. Между тѣмъ теперь именно такое время, когда были бы въ высшей степени кстати всякаго рода мемуары и чистосердечныя признанія. Вѣкъ нашъ — вѣкъ рабочій; мысль кипитъ всюду, и немудрено, если въ своемъ кипѣніи, она безпрестанно готова зайти въ область фантазій, въ область несбыточныхъ предположеній, и принять ихъ за дѣйствительность. Мемуары могли бы тутъ по временамъ укрощать буйные порывы ея, возвращать ее къ дѣлу и до нѣкоторой степени руководить ею. Вѣдь нынѣче всѣ стремятся приносить пользу; очень многіе, въ этомъ похвальномъ стремленіи, бываютъ совершенно похожи на одну даму, которая, запыхавшись отъ восторга, прибѣжала къ пишущему эти строки, съ просьбою изложить письменно ея проектъ объ обогащеніи государства, заключавшійся въ томъ, чтобы чеканить рубли величиною и вѣсомъ въ четвертакъ. И она на меня ужасно разсердилась и ушла въ полномъ убѣжденіи, что я ничего не понимаю, когда я сталъ объяснять ей, что если отъ этого рублей будетъ въ государствѣ въ четыре раза больше, то за то они и въ четыре раза меньше стоятъ будутъ. — Такого рода ошибки происходятъ не отъ одного только женскаго усердія, но очень часто встрѣчаются и въ сферѣ людей, которыхъ одни имена способны возбудить уже довѣріе публики. Въ дѣлѣ четвертаковъ можетъ помочь политическая экономія; въ дѣлѣ политической экономіи можетъ помочь исторія; но въ дѣлахъ, касающихся жизни сердца, домашней жизни человѣка, только и могутъ помочь мемуары. Чѣмъ возразишь на какое-нибудь неосновательное предположеніе усердствующей на пользу общую души, и еще души, не признающей авторитетовъ? Мемуаръ же всегда сохранить свой авторитетъ, и все-

гда пригодится, хоть такъ, какъ мнѣ пригодились сегодня рубль четверташной цѣнности. Но записки о Шамилѣ представляютъ интересъ довольно серьезный. Такъ кромѣ тысячи мелкихъ подробностей о жизни Кавказа, о борьбѣ Шамиля съ неумѣннымъ своимъ и своего народа, борьбѣ, заслуживающей полнаго удивленія; кромѣ чрезвычайно-любопытнаго разсказа о кровомщеніи въ немирномъ краѣ, кромѣ всѣхъ интересныхъ подробностей о встрѣчѣ дикаго Шамиля съ цивилизованнымъ міромъ и о впечатлѣніи, произведенномъ на него Москвою, Петербургомъ и вообще всею Россіею и всѣмъ народомъ русскимъ, мы узнаемъ изъ книги г. Руновскаго, что и за стѣнами Кавказа, въ народѣ, огражденномъ отъ всякаго посторонняго вліянія исламизмомъ и воинственнымъ его характеромъ, подъ тактъ всемірныхъ нравственныхъ и политическихъ переворотовъ происходила своя, домашняя нравственная революція. Оказывается, что въ послѣднее время въ этомъ воинственномъ краѣ стояло много трудовъ и ухищреній Шамилю набирать воиновъ для защиты отечества.

Торговля, не смотря на всѣ неудобства, встрѣчаемая ею на Кавказѣ, и не смотря на противодѣйствіе ей со стороны старыхъ обычаевъ в Шамиля, пробралась и туда, и тамъ смягчила и измѣнила нравы, такъ что самъ Шамиль принужденъ былъ дѣлать уступки въ пользу торговыхъ племенъ своего народа и облагать ихъ разными другими повинностями вмѣсто военной. И туда торговля завезла разныя постороннія вліянія, такъ что горцы становились все недовольнѣе и недовольнѣе суровымъ характеромъ управленія Шамиля, и вокругъ него, не смотря на всю любовь къ нему горцевъ и на высокій, неприкосновенный санъ имама, чуть-чуть не вспыхъ заговоръ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ г. Руновскій:

«Лѣтъ двадцать тому назадъ Шамиль очень опасно заболѣлъ, и съ цѣлю обезпечить страну, на случай своей смерти, отъ внутреннихъ волненій порождаемыхъ происками, созвалъ свой «государственный» совѣтъ.

На этомъ совѣтѣ обсуждались мѣры, какія въ крайнемъ случаѣ необходимо будетъ принять, и между прочимъ определено: наслѣдникомъ имама въ власти, согласно предложенію Шамиля, признать Гази-Магомета (сына Шамиля), имѣвшаго тогда семь или восемь лѣтъ отъ роду, а на время его несовершеннолѣтія назначить регентомъ извѣстнаго намба Албазъ-Дебира.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ этого, Гази-Магометъ достигнулъ совершеннолѣтія, и по этому случаю снова былъ объявленъ наслѣдникомъ имама въ званіи, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ наибомъ въ Карату.

Не смотря на очень молодые лѣта (онъ былъ назначенъ наибомъ пятнадцати лѣтъ), Гази-Магометъ управлялъ своимъ наибоствомъ съ

такую умеренностью и тактомъ, что черезъ нѣсколько дѣтъ правители шести сосѣднихъ къ Каратѣ наибствъ постепенно обращались къ Шамилю съ просьбою дозволить имъ, по причинѣ отдаленности ихъ края отъ Дарго, обращаться во всемъ, касающемся гражданскаго и военного управленія, къ Гази-Магомету, совершенно такъ, какъ бы къ самому Шамилю. Просьба эта была признана Шамилемъ основательною, и всѣ шесть наибствъ поступили въ полное вѣденіе Гази-Магомета.

Что касается до населенія страны, то все оно поголовно питало къ Гази-Магомету особенную симпатію за его внимательность и привѣтливость къ каждому, кто бы онъ ни былъ: богатый или бѣдный, чело-вѣкъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, или преступникъ, осужденный на смерть. Этому послѣднему сорту людей Гази-Магометъ оказывалъ, въ противоположность всѣмъ прочимъ предводителямъ горцевъ, особенное свое вниманіе и даже нарочно приходилъ бесѣдовать съ ними, чтобъ усладить послѣднія ихъ минуты. Доброта его сердца вошла въ пословицу, а готовность выслушать всякаго, разобратъ его дѣло, не стѣсняясь временемъ и мѣстомъ, и потомъ содѣйствовать всѣмъ, что отъ него зависѣло, приобрѣла ему отъ жителей Дагестана высокое уваженіе, которое скоро перешло и въ Чечню.

Независимо отъ того, личная храбрость, столь высоко цѣнимая воинственными горцами, въ Гази-Магометѣ обращалась въ полную неу-страшимость, которая должна даже перейти къ потомству въ видѣ эпической поэмы, сочиненной въ честь его и касающейся набѣга на Кахетію.

Всѣ эти данныя, успокоивая горцевъ насчетъ будущности страны, невольно приводили ихъ къ сравненію характеристики будущаго имама съ характеристикю его отца. Результатъ сравненія былъ очевиденъ и оказывался не совсѣмъ въ пользу послѣдняго, потомучто, не смотря на всѣ доблести и заслуги Шамиля, недоступность и нелюдимость, окружавшія его, преимущественно въ послѣдніе годы, составляли рѣзкій контрастъ съ доступностью и привѣтливостью Гази-Магомета; а эти условія не могли не произвести впечатлѣнія на восприимчивыхъ горцевъ. И вотъ, въ послѣдніе два года существованія на Кавказѣ имаанской власти, дагестанская молодежь начала поговаривать, конечно шопотомъ, о замѣнѣ стараго имама молодымъ. Оппозиція въ этомъ случаѣ являлась со стороны немногихъ отъявленныхъ приверженцевъ Шамиля, да стариковъ, которые хотя и имѣли голосъ и вліяніе, но были бы не въ состояніи отстоять своихъ убѣдлениій силою, если бы дѣло приняло серьезные размѣры.

Но Гази-Магометъ не далъ воли этому броженію и усмирилъ его, хотя самъ не былъ вовсе чуждъ тѣхъ же самыхъ сердечныхъ движеній, которыя вокругъ его отца порождали все больше и больше недовольныхъ, желавшихъ измѣненій и въ самыхъ постановленіяхъ вѣры и въ общественныхъ, гражданскихъ постановленіяхъ. И все это дѣлалось, когда на Кавказъ не проникала ни одна книга

ни русской, ни иностранной печати, и даже не потому, чтобы онѣ запрещены тамъ были, а просто оттого, что никому онѣ и не требовались.

Вопросъ о женщинѣ тоже проникъ и на Кавказъ, и воинственные горцы сами стали какъ-то недовольны ея затворничествомъ, ея рабскимъ положеніемъ: имъ начинала нравиться та жизнь, въ которой играетъ роль женщина, гдѣ она является другомъ и совѣтникомъ мужчины, гдѣ она принимаетъ участіе въ бесѣдахъ его съ друзьями и товарищами, и все это бродило вокругъ самого Шамиля, бродило въ головахъ и сердцахъ людей, самыхъ приближенныхъ ему, въ головахъ и сердцахъ его дѣтей и его мюридовъ, избранныхъ имъ для просвѣщенія горцевъ свѣтлымъ словомъ ислама. Изъ людей, носящихъ въ сердцахъ своемъ особенно сильный протестъ противъ всего устарѣлаго, изъ приближенныхъ Шамиля, о которыхъ говорится въ книгѣ г. Руновскаго, откровеннѣе всего выдается мюридъ Хаджію, онъ же и казначей Шамиля. Шамиль ревностный мусульманинъ, молится поминутно Богу, избрѣгаетъ лишніе намазы и въ восторгѣ отъ книгъ своихъ. Онъ говорить, что ихъ книги такъ хороши, что чѣмъ больше читаешь ихъ, тѣмъ больше ихъ читать хочется. «А по моему, замѣчаетъ Хаджію: наши книги такія, что ихъ чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше мысли путаются, и тѣмъ больше спать хочется.» Онъ же съ жолчью и болью говорить, что у нихъ было «разрѣшено все дурное и запрещено все хорошее». Хаджію любитъ Шамиль, любитъ его какъ отца, какъ что-то такое, что онъ обязанъ любить, и возмущенъ кажется всѣмъ умомъ своимъ, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ противъ его характера и противъ всѣхъ тѣхъ вѣдностей, которыми Шамиль покровительствовалъ.» Помняте мое слово, говорилъ онъ однажды г. Руновскому; — я вамъ вѣрно говорю, что сперва жены Казы-Магомета и Магомета-Шеффи (сыновей Шамиля) познакомятся съ вашею женою и начнутъ учиться танцовать; а потомъ послѣдуютъ ихъ примѣру Шуаннатъ (младшая жена Шамиля) и его дочери, а наконецъ всѣхъ ихъ вы увидите въ вашихъ собраніяхъ.»

Хаджію принадлежить кажется къ числу тѣхъ цѣломудреныхъ, любящихъ натуръ, которыя не могутъ считать кого-нибудь слышномъ слабымъ для того, чтобы знать, что они знаютъ; и кто знаетъ? — можетъ-быть, замѣтивши два-три раза въ Шамиль, что онъ, для какой бы то ни было честной цѣли, говорить не то, что думаетъ, возмущился противъ него, и теперь уже что ни дѣлай Шамиль, онъ не купитъ никогда себѣ назадъ сердца Хаджію. Хаджію рискнулъ замѣтить однажды самому даже Шамилю, котораго до

сихъ поръ онъ побаивается, — насчетъ нѣкоторой невѣрности въ ихъ книгахъ, «обѣщающихъ кучу непріятностей мусульманамъ, который только явится въ домъ нечестія, не говоря уже объ участи въ его забавахъ.»—А вотъ, слава Аллаху, заключилъ Хаджіо: — потолки на насъ не обрушились, и мы до сихъ поръ здоровы и невредимы.

Шамиль не отвѣтилъ на это ни слова.

А вотъ еще два отрывка изъ разсказовъ Хаджіо, характеризующихъ и его, и Шамиля, и всю ту жизнь, на которую возстаетъ теперь на Кавказѣ все молодое поколѣніе горцевъ.

— Такой красавицы, какъ Керимать (жена Гази-Магомета) нигдѣ нѣту! говоритъ Хаджіо: — Въ Петербургѣ нѣтъ; въ Москвѣ нѣтъ; въ Харьковѣ нѣтъ. Гази-Магометъ былъ въ театрѣ: тамъ много красавицъ есть... такой, говоритъ, какъ Керимать, нѣту! Нигдѣ такой нѣтъ! И на Кавказѣ нѣтъ! Одна роза такая!..

— Ну, хорошо. Да ты-то почему знаешь, что Керимать такая красавица: вѣдь у васъ нельзя видѣть чужихъ жонъ?

— У Шамиля нельзя; у насъ — можно.

А вотъ и еще, по пріѣздѣ въ Калугу жонъ и дѣтей Шамиля:

— Ну что, Хаджіо: вотъ наше семейство и пріѣхало!

— Ейбогу пріѣхало! — Удивительно.

— Что-жъ тутъ удивительнаго? больше ничего, какъ ѣхало, ѣхало, наконецъ и пріѣхало.

— Шамиль никакъ не думалъ, чтобы пріѣхало.

— Вотъ это хорошо! А сколько разъ я читалъ ему бумаги, въ которыхъ было написано, что семейство его готовится къ отъѣзду, что оно выѣхало изъ Шуры, что оно ужъ ѣдетъ?

— Это правда, только ему все не вѣрилось.

— Вѣрно оттого, что крѣпко хотѣлось увидѣться?

— Отъ этого самага.

— То-то, я думаю, теперь онъ обрадовался!

Мюридъ молчалъ.

— Разскажи, пожалуйста, какая была встрѣча.

— А встрѣча была вотъ какая: когда женщины вышли изъ экипажей, мы пошли вслѣдъ за ними въ домъ; онѣ отправились на самый верхъ, а мы завернули въ ту комнату, гдѣ Шамиль гостей принимаетъ. Тамъ ужъ онъ сидѣлъ на диванѣ, перебиралъ въ рукахъ четки и дожидался пріѣзжихъ. Увидѣвши ихъ, онъ сказалъ: «добро пожаловать.» Тогда Гази-Магометъ пошелъ къ нему и поцѣловалъ его руку, а за нимъ сдѣлали тоже всѣ остальные мужчины, и стали послѣ этого вокругъ Шамиля. Шамиль спросилъ, какъ была дорога, благополучно ли пріѣхали. Ему отвѣчали, что

дорога была скверная, а пріѣхали благополучно. Тогда онъ велѣлъ мнѣ призывать правовѣрныхъ къ молитвѣ. Мы сдѣлали намазъ и пошли въ кунацкую чай пить, а онъ пошелъ на верхъ, къ жонамъ. Вотъ и все.

— Какъ, только-то!.. А жоны, а дочери? Какъ ихъ встрѣтилъ Шамиль?

— А я почему знаю! У насъ женщины не показываются при мужчинахъ.

— Ну, скажи по крайней мѣрѣ, какъ бы ты принялъ свою Фатимматъ?.. Вотъ теперь, напримѣръ, ты скоро поѣдешь на Кавказъ, и увидишь ее: какъ же ты съ нею встрѣтишься?

— Я-то встрѣчусь *просто*: увижу и поцѣлую...

— Одинъ разъ?

— О, вѣтъ! много разъ буду цѣловать, и говорить съ нею буду много.

— Значить, и Шамиль такъ же встрѣтилъ своихъ жонъ?

— Должно-быть такъ же! Только прежде чѣмъ поцѣловать, я думаю, онъ велѣлъ имъ намазъ сдѣлать, чтобы кстати и самому помолиться.

— Ну, и какъ тебѣ кажется: со всѣми женщинами онъ увидѣлся въ одно время, или сперва съ жонами, а потомъ съ дочерьми?

— Нѣтъ, я думаю, онъ и жонъ своихъ увидѣлъ порознь: Магометъ-Шеффи показалъ имъ комнаты — онѣ и дожидались каждая на своей половинѣ... Я былъ тамъ часа ужъ черезъ два послѣ ихъ пріѣзда: въ это время къ Шамилю пришли поздороваться старшія дочери.

— Какъ же онъ съ ними поздоровался?

— А такъ, что когда онѣ вошли въ кабинетъ, Шамиль сперва спросилъ ихъ: «это ты, Нафиссатъ? это ты, Фатимматъ?..»

— Зачѣмъ же онъ спрашивалъ? Развѣ онѣ такъ перемѣнились, что Шамиль не узналъ ихъ?

— Да какъ же онъ ихъ узнаетъ подъ покрывалами?

— Какъ! передъ отцомъ — да подъ покрывалами!

— Да вѣдь онѣ замужнія; а кромѣ того и я тутъ былъ. Впрочемъ теперь и Наджаватъ стала носить покрывало.

— Эга маленькая дѣвочка?

— Какая она маленькая: ей двѣнадцать лѣтъ; а у насъ иногда закрываются и десятилѣтнія дѣвочки.

— Неужели онѣ в передъ отцомъ закрываются?

— Наджаватъ передъ отцомъ всегда закрывается; а въ иныхъ этого нѣтъ.

— Какъ же отецъ встрѣтилъ Наѣссатъ и Фатиматъ : расцѣловалъ, я думаю?

— Какъ это можно! Еслибъ и меня не было, такъ онъ только руку бы у него поцѣловалъ; а теперь онъ просто спросилъ объ ихъ здоровьѣ, и велѣлъ чаще молиться Богу : больше ничего. Послѣ этого онъ и вышли.

— Скучно же, братъ, у васъ встрѣчаются : не стоитъ послѣ того и встрѣчаться... Какъ ты думаешь?

— Да я ужъ сказалъ, что у насъ запрещено все хорошее и позволено только то, что дурно.

— Ну, съ этимъ я не вполне согласенъ : кажется и у васъ есть кое что хорошее.

Мюрядъ цокнулъ.

— Нѣтъ! сказалъ онъ съ видомъ глубокаго убѣжденія : ничего нѣтъ!

А между тѣмъ Хаджіо вовсе не резонеръ, вовсе не хитрый политикъ; даже въ разсказахъ его, по увѣренію г. Руновскаго, не замѣтно ни малѣйшаго желанія хвастнуть невѣріемъ, вольнодумствомъ, поддѣлаться подъ нашъ тонъ. Да и можетъ ли быть такая натура между горцами? — Вѣдь они не стѣснились же выразить своего удивленія и найти ужасно нелѣпымъ, что у насъ нельзя убить вора, когда одинъ изъ нихъ собрался съ винтовкой и прочимъ оружіемъ, караулить лошадей Шамиля, которыхъ, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, собирались увести со двора калужскіе воры, — и былъ оставленъ. «Чортъ побери, произносили они : вора нельзя убить!» Ктому же Хаджіо натура до того простодушная и наивная, что когда Шамиль вычиталъ изъ Евангелія, которое онъ досталъ изъ библіотеки калужской семинаріи, на арабскомъ языкѣ, — что милостыню нужно давать такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая, и передалъ это Хаджіо, — Хаджіо въ самомъ дѣлѣ сталъ раздавать милостыню правою рукою, преусердно упრятывая лѣвую за спину, и находилъ, что такъ дѣйствительно раздавать милостыню гораздо лучше.

Хаджіо плѣненъ нашимъ обществомъ и нашею жизнью. Въ Калугѣ у нихъ много знакомыхъ, и онъ знаетъ кажется наперечеть всѣ именины и рожденія ихъ, и такъ и глядитъ, какъ бы понасть только на наши праздники, и всегда приходитъ въ неопысанный восторгъ, когда Шамиль, на увѣщанія его — ѣхать, чтобы не показывать кому-либо обиднаго невниманія, пошлетъ его вмѣсто себя съ поздравленіемъ или на вечеръ. Ему этого-то главное и хочется, потому что Шамиль всегда стѣсняетъ его своимъ присутствіемъ.

Онъ совершенно сжился съ нашею жизнью, и его влечетъ къ ней, какъ цвѣтокъ къ первому лучу солнца. Признакъ того, что эта жизнь если была для него землею незнакомою, то была все-таки землею желанною. «Валла, говорилъ онъ однажды: въ вѣшихъ собраніяхъ мнѣ гораздо ловче, чѣмъ было въ Гунибѣ... Ваши мужчины такъ обходительны, ваши дамы и дѣвицы такъ добры и пріятливы, что даже глупый человѣкъ въ ихъ обществѣ поумнѣетъ, а всякому другому не захочется разстаться съ ними ни на минуту: такой хорошій народъ!»

Трогательно видѣть восторгъ такой души, при первомъ ея столкновеніи съ цивилизаціею, когда подъ всѣмъ этимъ наружнымъ лоскомъ гостиныхъ она не привыкла еще видѣть печальныхъ закулисныхъ прорѣхъ, тайныхъ язвъ, переходящихъ уже много вѣковъ отъ одного къ другому по наслѣдству, всего этогохлама и гнили, отъ которыхъ мы все еще не можемъ освободиться, и которые до сихъ поръ еще съ прежнею силою раздѣляютъ насъ и подтачиваютъ все не успѣвшее окрѣпнуть, новое; и мнѣ просто стыдно, что мы можемъ еще такъ морочить честныхъ людей и можемъ чувствовать самооловольное упоеніе при видѣ ихъ умиленія передъ нашей любовью и передъ нашими совершенствами. Но Хаджію и не можетъ заподозрить подъ нашими золотыми одеждами и веселыми улыбками существованія червей, насъ съѣдающихъ. Да и какое ему дѣло до этихъ червей? Вѣдь они его не кусаютъ! И если мы, глядя на него, имѣемъ право думать: «хорошо было бы, еслибы и душа наша и наша тайная домашняя жизнь были такъ хороши, какъ то, что видитъ въ насъ Хаджію»; то онъ имѣетъ право сказать: «хорошо что хоть что-нибудь есть хорошее!»

— Го! восклицаетъ онъ: вы скоро услышите, что я буду говорить, когда пріѣду въ свою Карату! Я буду говорить такъ: Шамиль говорилъ — это черное, а я буду говорить — это бѣлое; Шамиль говорилъ — это бѣлое, а я буду говорить — это черное... Вотъ какъ я буду говорить!

— Отчего же ты будешь говорить такъ? Ты еще недавно думалъ иначе...

— Нѣтъ, я давно такъ думалъ; Гази-Магометъ тоже думалъ такъ; еще много нашихъ людей тоже такъ думали, а теперь и Шамиль такъ думаетъ.

— Если вы давно такъ думали, отчего жъ вы раньше не называли бѣлымъ того, что Шамиль называлъ чернымъ?

— Шамиль очень хорошо говорилъ... Шамиль выбралъ весь народъ для того, чтобы онъ защищалъ насъ... Шамиль умный человѣкъ, очень умный человѣкъ, и, еще, онъ очень добрый человѣкъ,

такой добрый, что добрѣе его никого нѣтъ. За то, когда виноватымъ былъ бы Гази-Магометъ, онъ сейчасъ же голову бы ему снялъ... За это всѣ мы любили Шамиля и слушались его во всемъ.

— Отчего же ты думаешь, что Шамиль ошибался, когда говорилъ, что это бѣлое, а это черное?

— Оттого, что ему 65 лѣтъ, и еще оттого, что онъ во всю свою жизнь не зналъ никакихъ удовольствій, а только молился.

— Такъ чтожь?

— Отъ этого онъ запретилъ намъ и табакъ курить, и смотрѣть на женщинъ, и говорить съ ними. А развѣ это можно?

— Это правда, что нельзя; но за то, помнишь, какими молодцами онъ васъ держалъ въ борьбѣ съ русскими?

— Это правда. За тожь мы его любили и слушались... Ну, а теперь этого ненужно. — Шамиль говорилъ, что въ книгахъ написано, что когда мусульманинъ пойдетъ въ такой домъ, гдѣ есть женщины съ голыми шеями и открытымъ лицомъ, или гдѣ танцуютъ и веселятся, такъ на этого человѣка обрушится крыша и задавитъ его: развѣ это правда? Вѣдь были же мы въ театрахъ, вилѣли такихъ женщинъ; однако крыши не валились на насъ, и мы, слава Аллаху, цѣлы... Вотъ поэтому и я думаю, что онъ говорилъ такъ не оттого, что въ книгахъ такъ написано, а просто потому, что онъ старикъ, и его не занимаетъ то, что любятъ молодые.

— Такъ значитъ ты думаешь, что Шамиль ошибался еще и тогда, какъ въ Дарго жилъ?

— Нѣтъ, тогда это было хорошо. Напримѣръ, табакъ онъ запретилъ курить совсѣмъ не оттого, что дымъ нехорошъ, какъ онъ говорилъ въ Россіи тѣмъ, которые его спрашивали объ этомъ, а просто потому, что народъ у насъ бѣдный, сами табаку не сѣютъ, а надо его покупать; значитъ онъ табаку купить, а хлѣба не купить, даромъ—что неурожай... Есть вѣдь у насъ такіе люди!.. Такимъ же манеромъ запретилъ онъ танцовать и быть вмѣстѣ съ женщинами: не оттого онъ запретилъ, что это грѣхъ, а для того, чтобы молодой народъ не промѣнялъ какъ-нибудь ночного караула на пляску да на волокитство; а вы сами знаете, что воиновъ у насъ и безъ того немного, и если мы такъ долго держались противъ васъ, такъ именно потому, что вели строгую жизнь и всякое наслажденіе считали за великій грѣхъ... О, Шамиль большой человѣкъ! —

Пожалуй—что в большой, только не великій. Въ англійской революціи все шло скверно, ни шатко, ни валко, ни на сторону, и шло все такъ до тѣхъ поръ, пока Кромвель не объявилъ своей маленькой избранной дружинѣ всѣхъ своихъ тайныхъ желаній и тайныхъ до того времени замысловъ. Кромвель не взялъ ни одного человѣка,

не открывши ему сначала, на что́ идти они, и съ этою маленькою ватагою понимавшихъ все дѣло, Кромвель дѣлалъ во дни свои то, что на нашихъ глазахъ дѣлаетъ теперь Гарибальди. Гарибальди тоже, я думаю, не скрылъ ни отъ одного человѣка своихъ намѣреній, и за то его любили, и за то онъ остался побѣдителемъ. Кромвель первый кажется понялъ, что только тамъ возможно согласіе и невозможны заговоры, гдѣ идетъ все на чистоту. Открыть явно свои намѣренія значить отнять всякое тайное оружіе противъ себя у враговъ своихъ; Кромвель послѣ, отуманенный успѣхами и увлекаемый честолюбіемъ и деспотизмомъ, забылъ это, и оттого его враги восторжествовали. — Шамиль вовсе не понималъ этого, и это иначе не могло быть: при такомъ усердіи къ исламу, онъ могъ быть, по своему, пожалуй великъ, но также непремѣнно и ограниченъ. Ему нужны были войны, и онъ приносилъ все въ жертву войнѣ, убивалъ въ народѣ въ самомъ дѣлѣ все хорошее, уничтожалъ всякую семейственность, изгонялъ всякое наслажденіе, такъ что мало по малу, не замѣчая этого, довелъ горцевъ до того, что имъ и защищать-то отъ враговъ почти было нечего. И ему ничего не оставалось больше дѣлать, какъ сдаться. Съ нимъ повторилась общая исторія деспотовъ, желающихъ заставить весь народъ жить одной своей головою. Ихъ положеніе совершенно положеніе Крейцберга въ клѣткѣ звѣриной: все будетъ идти хорошо, только не смолкай ни на минуту, и ни на мигъ не ослабѣй ни на одной нотѣ, въ вѣчной болтовнѣ своей; чуть же голось твой задрожалъ, чуть оглянулся назадъ — пропало все безвозвратно. Нѣтъ хуже этого положенія. И Шамиль этого не понималъ. Онъ не понималъ всю жизнь и не понимаетъ до сихъ поръ, что только тогда такой человѣкъ, какъ онъ, силенъ въ самомъ дѣлѣ, когда онъ заодно съ народомъ, когда сила народа — его сила, когда интересы одни, когда ему и народу приходится защищать одно и тоже. Отечество — вещь хорошая; но неужели можно отечествомъ назвать какую-нибудь скудную, или пожалуй и плодородную почву, на которой мы родились? Вѣдь этой почвы отъ насъ навѣрно и не отниметъ никто. Вѣра? — но вѣра дѣло такое сердечное, что ее отнять или измѣнить просто невозможно безъ нашей собственной воли. Затѣмъ остается одна только самобытность, которая выражается конечно не въ вѣрѣ и не въ почвѣ... Народъ дикій, не привыкшій ни къ какому удобству, можетъ пожалуй изъ кожи вонъ лѣзть и зату почву, на которой терпятся безчинства его; но всякое безчинство вызываетъ всегда множество недонольныхъ, и этихъ недовольныхъ можетъ удержать въ преданности почвѣ одинъ только страхъ враговъ, и какъ скоро узнается, что враги люди добрые, глазъ выкалывать не стануть, вѣры насильно перемѣнять не будутъ, то и

самая дикость не поможет, потому что тогда она уничтожится. А Шамилю и въ голову не пришло, что мало — обратить всю страну въ казарму, для того чтобы имѣть вонновъ; что это только развѣ поможетъ расплодить солдатъ, въ худомъ смыслѣ этого слова; и что вмѣсто запрещенія курить табакъ и пить водку, когда всѣмъ это хочется, нужно бы лучше, удовлетворивъ всѣмъ законнымъ желаніямъ народа, дать ему законы, подъ покровительствомъ которыхъ ему ловко бы жить было: вотъ что связываетъ націю и составляетъ силу ея національности. Нужно очень немного человеческого смысла для того, чтобы растухать обманъ, и нужно сверхъестественную пронырливость и прозорливость для того, чтобы долго держаться, обманывая; а вѣчно держаться на обманѣ и невозможно. И ничего этого не понималъ Шамиль; а слѣдовательно и великъ онъ не былъ, не былъ великъ даже и по своему. Но такіе натуры, какъ Гази-Магомета и Хаджіо, безпредѣльно выше натуры Шамиля, которая велика только своею непобѣдимую силою. Да видъ у грома сила еще непобѣдимѣе, однако противъ нея изобрѣтены громоотводы. Мнѣ кажется, именно эти непобѣдимыя-то силы и нуждаются больше всего въ противодѣйствіи, потому что ихъ-то именно часто и претъ, какъ тучу, которая разольется надъ степью или затопитъ безъ того уже всю затопленную водою землю, и пропесется, не замѣчая, надъ какою-нибудь стороною, извуренной засухою. Деспотическій характеръ Шамиля видѣнъ всюду; онъ, какъ всѣ деспоты, считаетъ себя умнѣйшимъ изъ смертныхъ и безпрестанно еще теперь повторяетъ, что «больше войны быть не можетъ, что теперь Кавказъ въ Калугѣ». И повторяетъ это безъ горечи; напротивъ, съ шуточно-самодовольной улыбкою. И если чѣмъ всего болѣе симпатиченъ Шамиль, такъ это безпрестаннымъ раскаяніемъ въ своихъ ошибкахъ, изобличающимъ все-таки чрезвычайно добрую душу.

Впрочемъ, какъ человекъ, Шамиль вездѣ симпатиченъ: и если встрѣча его со своими домашними была нѣсколько холодна, слышкомъ важна и официальна, по обычаю, то ожиданія этой встрѣчи не имѣли въ себѣ ничего официального и были нѣжно-безпокойны до такой степени, что ему, не смотря на всѣ извѣстія, все казалось, что его обманываютъ, и что онъ своей семьи не увидитъ. Вездѣ Шамиль останавливается съ уваженіемъ передъ дѣлами науки и разума, съ любопытствомъ и благодарностью выслушиваетъ всѣ объясненія, выказываетъ величайшій тактъ въ своемъ новомъ положеніи, и очень часто, тронутый до глубины души вниманіемъ къ нему нашей публики, всегда старается однако владѣть собой, чтобы сохранить благородный видъ, приличный его сану. «Когда я

рѣшился исполнить желаніе моихъ жонъ и дѣтей, умолявшихъ меня слѣзть: — рассказывалъ Шамиль — вѣогда я шлоъ на свиданіе съ главнокомандующимъ, я былъ вполнѣ увѣренъ, что услышу отъ него такую рѣчь: «А что, свинья (самая обидная брань у горцевъ), гдѣ твоя шашка, которую ты предлагалъ мнѣ взять самому?» Ожиданіе этой встрѣчи тѣмъ болѣе терзало меня, что я вполнѣ признавалъ себя достойнымъ такого оскорбленія, и потому я рѣшился заколоть себя тотчасъ, какъ услышу его. Но когда мнѣ передалъ слова главнокомандующаго, имѣвшія только дружескій смыслъ, я сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ и, не ожидая ничего подобнаго, долго не могъ дать отвѣта, и когда заговорилъ, то часто путался и казался, совсѣмъ не хорошо говорилъ.»

Въ самомъ этомъ признаніи уже сколько такта! Зная, что оно должно быть очень пріятно для насъ, онъ также точно понимаетъ, что признавшись въ этомъ, онъ этимъ самымъ сниметъ съ себя всю простолупшную комичность тогдашняго своего положенія. Вообще же, если Шамиль фанатикъ, то большой дипломатъ-фанатикъ, и никогда ничѣмъ въ обществѣ не заявитъ онъ своего фанатизма. Онъ никогда не прочь ни съ чѣмъ познакомиться; онъ внимательно перечитываетъ наше евангеліе и слышаетъ его со своими книгами; онъ всему отдаетъ справедливость; всегда просто и искрененъ въ выраженіи своего удивленія, такъ что, увидя въ царскосельскомъ дворцѣ мраморное изваяніе Спасителя, онъ нисколько не стѣсняется подойти и пощупать его рукою для того, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно холодный мраморъ. Вообще къ Христу онъ изъявляетъ вездѣ величайшую симпатію, и 'одинаъ разъ, разсматривая каменки и увидѣвъ тамъ гравюру Христа, онъ поднесъ ее къ губамъ и поцѣловалъ ее, и сказалъ, что онъ будетъ Ему молиться, потому что Онъ многому хорошему училъ насъ, и что Онъ вѣрно и для него много хорошаго сдѣлалъ. — Но Христось уже и такъ для Шамиля много сдѣлалъ хорошаго, и мнѣ странно, что никто не обратилъ вниманія Шамиля на то, кому онъ обязанъ тою любовью и мирнымъ вниманіемъ къ нему публики, которое постоянно доставляетъ Шамилю такое удовольствіе. Ему очень пріятно, что публика такъ имъ интересуется. И я убѣжденъ, что Шамиль былъ искрененъ въ своихъ прощальныхъ словахъ, которыхъ не успѣвъ однако передать публикѣ, собравшейся на платформѣ московской желѣзной дороги, когда Шамиль увѣзъ изъ Петербурга, собравшейся тамъ и провожавшей Шамиля пожеланіемъ ему участливаго пути, всего хорошаго, и кричавшей ему: «Будьте здоровы! Пріѣзжайте къ намъ! Скажите ему, что мы очень любимъ его!»

— Скажите мнѣ пожалуйста, сказалъ Шамиль, переехавшій по

первому предложенію, изъ угла вагона къ окну, чтобы его могла видѣть публика: — скажите имъ пожалуйста, что я не могу выразить моихъ чувствъ словами: они слишкомъ для того глубоки и искренни; скажите только то, что вниманіе ихъ дѣлаетъ меня вполне счастливымъ и доставляетъ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ при полученіи извѣстія объ очищеніи Дарго, какого мнѣ не доставляли успѣхи 43-го года въ Дагестанѣ.

Шамиль публичный человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. И — кто знаетъ? — въ человѣчествѣ патетическое такъ перемѣшано съ комическимъ: можетъ-быть онъ въ самомъ дѣлѣ вполне вознагражденъ за потерю отечества золотымъ плѣномъ своимъ, полнымъ такого вниманія, такой молвы о немъ, какой онъ не наслаждался и на самомъ, можетъ быть, Кавказѣ. И еще эта молва ему можетъ-быть слаще тѣмъ, что она необыкновеннѣе — въ чужой землѣ, въ землѣ, такъ долго бывшей ему враждебною. Въ сущности сердце человѣческое вовсе не такъ прихотливо, чтобы его удовлетворить было дорого. И немножко удовлетворенное тщеславіе — а у кого-жъ его нѣтъ изъ людей, гонящихся за властью и за популярностью? — можетъ сдѣлать плѣнъ слаще свободы.

Отчизна тамъ,

Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

Вотъ, другое дѣло, когда поохладится первый восторгъ публики — этой вѣчно-юной и волшебной царицы, любящей между прочимъ и новизну развлеченій; когда увидитъ Шамиль, что онъ изъ плѣннаго героя сдѣлался отставнымъ героемъ; когда приглядится онъ къ новой квартирѣ: тогда пожалѣетъ онъ можетъ-быть снова о горахъ своихъ, гдѣ одна только смерть развѣ уволитъ бы его въ отставку. Но въ самыхъ глубокихъ человѣческихъ сердцахъ есть все-таки бездна вѣтренности, и Шамиль безпреставно покуда посылаетъ сказать горцамъ, что если бы онъ зналъ, что ему здѣсь такъ хорошо будетъ, то самъ давно бы убѣжалъ съ Кавказа. Ему еще пока ново и дико все то, что для него нами сдѣлано, и онъ въ каждомъ вниманіи нашемъ видитъ себѣ живой укоръ за то зло, которое дѣлалъ намъ.

— Теперь только я вижу, какъ дурно содержалъ я плѣнныхъ книгъ, говоритъ Шамиль: — но я думалъ, что содержалъ ихъ очень хорошо, даже какъ нельзя лучше: я тогда многого еще не видѣлъ. Во всякомъ случаѣ меня такъ мучить совѣсть, что я не могу выразить этого словами. Но не по себѣ одному я сужу такъ: я вижу въ Калугѣ сосланныхъ сюда за преступленія двухъ горцевъ: они ходятъ здѣсь на свободѣ, получаютъ отъ государя содержаніе, зани-

наются вольной работой и живутъ своими домни. Я не такъ со-
держалъ русскихъ-пльннхъ. Если и правду говорить, я имѣлъ воз-
можность содержать ихъ немного лучше; но еслибъ я вдушалъ это
сдѣлать, народъ непремѣнно сталъ бы роптать. Впрочемъ я имѣлъ
столько власти, чтобы заставить замолчать недовольныхъ; но я это-
го не бдѣлалъ, и потому вывезать я одинъ. До какой степени я это
чувствую, и не буду говорить.

А вѣдь между тѣмъ въ положеніи Шамиля самое невыгодное
именно то, что ему дано все заразъ, и больше врядъ ли ему что
дать можно; а сердце наше устроено такъ, что ему всегда нужно
усиливать и увеличивать порціи нищизни его: самыя страданія нужно
усиливать для того, чтобы послѣднія не казались слабѣ первыхъ;
тоже самое и съ удобствами, особенно когда уму и рукамъ дѣлать
ничего. Послѣ кавказскихъ перепалокъ нѣсколько мѣсяцевъ покоя
и вѣги — хорошо. Но потомъ... что послѣ?

Одинъ разъ Шамиль былъ застигнутъ врасплохъ вопросомъ
о томъ, какое впечатлѣніе произвели на него Москва, Петербургъ,
Россія и все, что онъ у насъ видѣлъ и испыталъ.

«Теперь я понимаю, отчего мой сынъ Джемалэдннъ умеръ!»
отвѣчалъ Шамиль, долго думавши.

Но Джемалэдннъ воспитывался въ Россіи; наконецъ, отла-
ный на Кавказъ, онъ былъ оторванъ отъ той среды, отъ той, хотя
ничтожной, дѣятельности, къ которой привыкъ онъ. Можетъ-быть,
и Шамиль, отпущенный опять на Кавказъ, взгрустнулъ бы о Рос-
сіи; но что онъ станетъ дѣлать въ Россіи, не имѣя возможности и
мечтать о возвращеніи на родину?

Но вотъ еще анекдотъ, случившійся съ Шамилемъ въ Калугѣ:
представлялся ему тамъ солдатъ, бывшій въ плѣну у горцевъ. Едва
онъ увидѣлъ Шамиля, какъ кинулся цѣловать ему руку.

— Зачѣмъ ты поцѣловалъ у Шамиля руку, спросили его по-
томъ: — вѣдь ужъ онъ не хозяинъ твой? Въ горахъ можетъ-быть
васъ и принуждали къ тому; ну, а здѣсь, для чего ты это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе, отвѣчалъ бывшій плѣнникъ: — насъ
не принуждали цѣловать у Шамиля руку; а я это сдѣлалъ такъ, по
душѣ.

— Какъ же это, по душѣ?

— Да такъ, ваше благородіе, что человекъ-то онъ стоящій;
только тѣмъ плѣннымъ и бывало хорошо, гдѣ Шамиль жилъ, или
гдѣ проѣзжалъ онъ. Обижать насъ не приказывалъ нашимъ хозяе-
вамъ; а чуть бывало дойдетъ до него жалоба, сейчасъ отниметъ
плѣннаго и возьметъ къ себѣ, да еще какъ ни на есть и накажетъ
обидчика. Я это самъ видѣлъ сколько разъ.

— Такъ бытъ хорошъ была дая вая, павнедътъ?

— Хорошъ, ваше бизгородіе! Одно слово — душа. И карецъ, что въ Христа не вѣруетъ; одначе стоящій чеповѣкъ.

Я очень радъ, что все это случилось, и что Шавыло, когда ему наскучитъ все то, что теперь его такъ занимаетъ; и когда наскучитъ тоже говорить о Кавказѣ со своими дѣтьми и жонами, будетъ кого призвать для того, чтобы отвести свою душу догнать и вирнымъ наиканьемъ о родныхъ горахъ, о забытой войнѣ, и в тѣхъ дняхъ, когда некогда ему было разговаривать.

РЯДЪ СТАТЕЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

III

КНИЖНОСТЬ И ГРАМОТНОСТЬ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Читать, читать, а послѣ — хватать!

Фликусовъ. «Горе отъ ума».

Въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году много говорили у насъ, и въ литературѣ и въ обществѣ, о необходимости книги для народнаго чтенія. Дѣлались попытки изданія такой книги, предлагались проекты, чуть-ли не назначались преміи. «Отечественныя Записки» напечатали въ своей февральской книжкѣ проектъ «Читальника» т. е. книги для народнаго чтенія, и почти съ укоризною обращались къ нашимъ литераторамъ: — Вотъ, дескать, мы напечатали проектъ «Читальника»; а кто отзовется на этотъ проектъ? хоть бы кто изъ литераторовъ сказалъ о немъ свое мнѣніе. — Мы именно хотимъ теперь заняться этимъ разборомъ. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ нему, скажемъ нѣсколько словъ и о любопытномъ общественномъ явленіи; именно о появленіи подобныхъ проектовъ и о распространеніи хлопоталъ высшего общества образовывать низшее. Мы говоримъ: «всеобщихъ» потому что *настолице* вышнее, т. е. прогрессивное общество, всегда увлекало за собой большинство всѣхъ высшихъ классовъ русскаго общества, и потому, если и есть теперь несогласные на народное образованіе, то ихъ скоро не будетъ: всѣ увлекутся за прогрессивнымъ большинствомъ, и если останутся крайніе упорные, то замолчатъ отъ безсилія.

Мы потому говоримъ объ этомъ такъ *навѣрно*, что въ обществѣ постиглась наконецъ полная необходимость всенароднаго образованія. Постиглась же потому, что само общество дошло до этой идеи

какъ до необходимости, увидѣло въ ней элементъ и собственной жизни, условіе собственнаго дальнѣйшаго существованія. Мы этому рады: мы говорили еще въ объявленіи о нашемъ журналѣ: «грамотность прежде всего, грамотность и образованіе усиленныя, — вотъ единственное спасеніе, единственный передовой шагъ, теперь остающійся и который можно теперь сдѣлать. Мало того: даже при возможности и другихъ шаговъ грамотность и образованіе все-таки остаются единственнымъ первымъ шагомъ, который надо и должно сдѣлать». Мы обѣщались особенно стоять за грамотность, потому что въ распространеніи ея заключается единственное возможное соединеніе наше съ нашей родной почвой, съ народнымъ началомъ. Мы сознали необходимость этого соединенія, потому что не можемъ существовать безъ него; мы чувствуемъ, что истратили всѣ наши силы въ отдѣльной съ народомъ жизни, истратили и попортили воздухъ, которымъ дышали, задыхаемся отъ недостатка его и похожи на рыбу, вытѣщенную изъ воды на песокъ. Но обо всемъ этомъ скажемъ подробнѣе послѣ. Обратимъ сперва вниманіе на фактъ въ высшей степени поразительный и знаменательный, на фактъ, имѣющій даже глубокое историческое значеніе въ русской жизни, поразившій насъ уже давно, но проявившійся теперь въ чрезвычайно рѣзкомъ явленіи. Мы говорили объ этомъ фактѣ и прежде. Теперь же видимъ яркое доказательство того, что мы не ошибались въ его существованіи.

Этотъ фактъ — глубина пропасти, раздѣляющей наше цивилизованное «по-европейски» общество съ народомъ. Посмотрите: какъ дошло до дѣла, то и оказалось, что мы даже не знаемъ съ лѣтъ и подступить къ народу. Явилась идея о всенародномъ образованіи; въ слѣдствіе этой идеи явилась потребность въ книгѣ для народнаго чтенія, и вотъ мы становимся совершенно въ тупикъ. Задача въ томъ: какъ составить такую книгу? что именно дать народу читать? Не говоримъ уже о томъ, что мы всѣ какъ-то ужъ молча, безо всякихъ лишнихъ словъ, разомъ сознали, что все написанное нами, вся теперешняя и прежняя литература, не годится для народнаго чтенія. Вѣрю это или нѣтъ, — другой вопросъ; лишь только то, что мы всѣ какъ-будто согласились, безъ спора, что народъ въ ней ровно ничего не пойметъ. А согласившись въ томъ, мы всѣ безмолвно признали фактъ раздѣвленія нашего съ народомъ.

— Въ этомъ фактѣ ровно ничего нѣтъ особенно поразительнаго,

могутъ намъ отвѣтить. Дѣло ясное: одинъ классъ образованный; другой нѣтъ. Необразованный классъ не пойметъ образованнаго съ перваго разу. Это случалось и случается всегда и вездѣ, и тутъ нѣтъ никакого особеннаго значенія.

Положимъ такъ, мы теперь не будемъ спорить объ этомъ. Но мы все-таки до сихъ поръ не придумали, что дать народу читать. Это какъ вамъ покажется? Вѣдь надо же согласиться, что промахи наши въ этомъ случаѣ пресмѣшныя, удивительныя. Посмотрите на всѣ проекты народныхъ «читальниковъ» (ужь одно то, что объ этомъ пишутъ проекты!). Написаны они людьми умными и добросовѣстными; а между тѣмъ ошибка на ошибку. Нѣкоторыя же ошибки доходятъ до комическаго.

А между тѣмъ, опять повторяемъ, всѣ эти читальники, всѣ эти проекты пишутся у насъ литераторами опытными и талантливыми. Иные изъ нихъ пріобрѣли себѣ славу знатоковъ народной жизни. Что-жъ они до сихъ поръ сдѣлали?

Скажемъ болѣе: мы, съ своей стороны, въ высочайшей степени увѣрены, что даже самыя лучшія наши «знатоки» народной жизни до сихъ поръ въ полной степени не понимаютъ, какъ широка и глубока сдѣлалась яма этого раздѣленія нашего съ народомъ, и не понимаютъ по самой простой причинѣ: потому что никогда не жили съ народомъ, а жили другою, особенною жизнью. Намъ скажутъ, что смѣшно представлять таяя причины, что всѣ ихъ знаютъ. Да, говоримъ мы, всѣ знаютъ; но знаютъ отвлеченно. Знаютъ напри- мѣръ, что жили отдѣльной жизнью; но если-бъ узнали, до какой степени эта жизнь была отдѣльна, то не повѣрили-бы этому. Не вѣрятъ и теперь. Тѣ, которые дѣйствительно изучали народную жизнь, даже жили съ народомъ, т. е. жили съ нимъ не въ особой помѣщичьей усадьбѣ, а рядомъ съ нимъ, въ ихъ избахъ жили, смотрѣли на его нужды, видѣли всѣ его особенности, прочувствовали его желанія, узнали его воззрѣнія, даже складъ его мыслей и проч. и проч. Они бѣли вмѣстѣ съ народомъ, его-же пищу; другіе даже яли съ нимъ. Наконецъ есть и такіе, которые даже вмѣстѣ съ нимъ работали, т. е. работали его-же простонародную работу. Хоть мало танихъ, да есть. И что-жъ? Эти люди вполне убѣждены, что они знаютъ народъ. Они даже засмѣются, если мы будемъ имъ противорѣчить и скажемъ имъ: Вы, господа, знаете одну внѣшность; вы очень умны, вы много замѣтили, но настоящей жизни, сущности жизни, сердцевины ея вы не знаете. Простолюдинъ будетъ говорить съ нами, рассказывать вамъ о себѣ, смѣяться вмѣстѣ съ вами; будетъ пожалуй плакать перелъ вами (хоть и не съ вами), но никогда не сочтетъ васъ за своего. Онъ никогда серьезно не со-

чтотъ вась за своего родного, за своего брата, за своего настоящего посконнаго земляка. И никогда, никогда не будетъ онъ съ вами довърниць. Пусть сами вы одѣветесь (или судьба вась одѣнетъ) во все посконное, пусть вы будете даже работать вмѣстѣ съ нимъ и нести всѣ труды его, онъ и этому не поѣритъ. Безсознательно не поѣрять, т. е. не поѣрять, еслибы даже и хотѣли поѣрять, потому что эта недоѣрчивость вошла въ плоть и кровь его.

Разумѣется, причина тому во-первыхъ вся предѣлущая наша исторія, во-вторыхъ взаимная слишкомъ долгодѣтельная отърычка другъ отъ друга, основанная на разности интересовъ нашихъ. Доѣрчивость народа теперь надо заслужить; надо его подѣбить, надо пострадать, надо преобразиться въ него wholly. Умѣемъ ли мы это? Можемъ ли это сдѣлать, допросили-ли до этого?

Наши отвѣты: dorocтаемъ и dorocтемъ. Мы оптимисты, мы вѣримъ. Русское общество должно соединиться съ народною почвой и принять въ себя народный элементъ. Это необходимое условіе его существованія; а когда что-нибудь стадо насущною необходимостью, то разумѣется сдѣлается.

Да; но какъ это сдѣлается?

Въ нынѣшнемъ году правительство высочайшимъ манифестомъ даровало народу новыя права. Такимъ образомъ придало его къ наибольшей самостоятельности и самоѣтельности, однимъ словомъ къ развитію. Мало того: оно до волонеры завело роцъ, раздѣлявшій вась съ народомъ, остальное сдѣлать жизнь и многія условія, которыя теперь необходимо войдутъ въ самую сущность будущей народной жизни. Въ тоже время высшее общество, пройдя эпоху своего сближенія съ Европой, свою эпоху цивилизаціи, почувствовало само собой необходимость обращенія къ родной почвѣ. Эта необходимость предчувствовалась уже задолго прежде, и при первой возможности выразиться, — выразилась. Оба историческія явленія совершились вмѣстѣ и войдутъ параллельно.

Кстати: наши журналы въ последнее время довольно много толковали о народности. Особенно выходили изъ себя «Отечественныя Записки», «Русскій Вѣстникъ», вступивъ благополучно на свою новую, болгаринскую дорогу, дошли наконецъ до того, что, по свидѣтельству «Отечественныхъ Записокъ», усомнились даже въ существованіи руской народности.

И кто-же вознегодовалъ на «Русскій Вѣстникъ», что серьезно началъ защищать и отстаивать передъ ними дѣйствительность рус-

своей народности, т. е. доказывать ему, что она существует? «Отечественныя Записки», т. е. димыя «Отечественныя Записки», которые ничего не признаютъ народнаго въ Пушкинѣ. Что за комизмъ! Между прочимъ, «От. Записки» говорятъ:

...Мысль, сказанная нами годъ назадъ (т. е. что въ Пушкинѣ ничего нѣтъ народнаго), не была плодомъ того яраго журнальнаго раздраженія, которое многихъ заставляетъ говорить вещи дикія, лишь-бы обратить на себя вниманіе: этия промысловъ, слава Богу, мы не имѣемъ надобности занимать.

О Боже мой! вѣрять, видѣть вѣрять. Вы такъ добродушно попали на Пушкина и съ такимъ добродушіемъ, вотъ уже шѣлый годъ, вопреваете литераторовъ въ томъ, что на статью нашу не обратятъ серьезнаго вниманія, что мы никакимъ образомъ не можемъ принять васъ за яраго Герострата или кого-нибудь въ этомъ родѣ. Такая слава вамъ не нужна. Вы люди ученые, вамъ дороже всего истина. По нашему — вы просто шѣмекіе гелертеры, передающыя на петербургскіе нравы, серьезно отыскивающія съ фанатизмомъ въ рубакѣ русскую народность, которая отъ васъ спряталась, а не видима, нѣтъ у васъ прѣсхладить подъ самыя носы.

А кто, если-къ доверенію поминемъ, покажетъ вы будете спорить съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и доказывать ему, что есть русская народность, а онъ обратно, что нѣтъ русской народности. — что если другъ русская народность возьметъ да найдетъ васъ сама? Куда дѣнутся тогда все великія теоріи «Русскаго Вѣстника» и великія масштабы, молъ которые не подходила русская народность! Воображаю я и защитника я въ «Отч. Запискахъ». Онъ будетъ чрезвычайна удивленъ.

— Но вѣдь это на русская народность? скажетъ онъ, смотри ея ядро въ правѣ.

— Нѣтъ-съ, это русская народность, кто-нибудь отгнѣшитъ ему.

— Гм! «можетъ-быть» да, а можетъ-быть нѣтъ»; во всякомъ случаѣ я не знаю ее.

— Очень можетъ-быть не только это она.

— Гм! Ну жомъ?

— Да.

— Какъ-то не вѣрится... Во-первыхъ, обусловлено-ли это явленіе? Совпадаетъ-ли оно съ известными и признанными наукой принципами? Между прочимъ г. Буяковъ говоритъ въ своей книгѣ...

И такъ долѣе, и такъ долѣе. Однимъ словомъ, повторяется случай съ сметанникомъ.

Да, они метафизики. Намъ говорятъ (и мы не одинъ разъ это слышали), что «Отечественнымъ Запискамъ» отвѣчать стыдно. Почему? что за аристократизмъ? Намъ говорятъ, что нельзя говорить съ тѣми, которые самыхъ простыхъ вещей не понимаютъ, языка русскаго не понимаютъ, такъ-какъ нельзя говорить съ слѣпыми о цвѣтахъ, съ глухими о музыкѣ.

— Положимъ такъ: съ слѣпыми трудно говорить о цвѣтахъ; но мы вѣдь вовсе не хотимъ разувѣрять и переубѣждать *ученый журналъ*. Мы говоримъ для публики. Признаемся, мы намѣрены даже тиснуть особую статью въ отвѣтъ на всѣ мнѣнія г. Дудышкина. Конечно, отвѣчать г. Дудышкину чрезвычайно *трудно*, но вѣдь безъ труда ничего не дѣлается...

Вообразите, напримѣръ, хоть бы образъ русскаго лѣтописца въ Борисѣ Годуновѣ. Вамъ вдругъ говорятъ, что въ немъ нѣтъ ничего русскаго, ни малѣйшаго проявленія народнаго духа, потому что это лицо выдуманное, сочиненное; потому что никогда не бывало у насъ, при царяхъ московскихъ, такихъ удивительныхъ, независимыхъ монаховъ-лѣтописцевъ, которые умерли для свѣта и для которыхъ истина въ ихъ елейномъ смиренно-мудромъ прозрѣннѣ стала дороже всего; лѣтописцы, говорятъ вамъ, были люди чужды придворные, любившіе интригу и танувшіе въ известную стору: Да хоть бы и такъ, вскрикиваете вы въ удивленіи: неужели пушкинскій лѣтописецъ, хоть бы и выдуманный, — перестаетъ быть вѣрнымъ, древне-русскимъ лицомъ? Неужели въ немъ нѣтъ элементовъ русской жизни и народности, потому что онъ исторически невѣренъ? А поэтическая правда? Стало-быть поэзія игрушка? Неужели Ахиллесъ не дѣйствительно греческій типъ, потому что онъ, какъ лицо, можетъ-быть никогда и не существовалъ? Неужели Иліада не народная древне-греческая поэма, потому что въ ней всѣ лица явно пересозданныя изъ народныхъ легендъ и даже, можетъ-быть, просто выдуманныя?

А вѣдь «Отечественныя Записки» сплошь да рядомъ шеголяютъ подобными доказательствами. Ну что послѣ этого имъ отвѣчать, когда главного-то дѣла, сердцевинны-го дѣла онѣ не понимаютъ?

Онѣ гниютъ, напримѣръ, у нихъ типъ не народный. Въ немъ нѣтъ ничего народнаго. Это только портретъ велико-свѣтскаго шалопака двадцатыхъ годовъ.

Попробуйте поспорить.

— Какъ не народный? говоримъ, напримѣръ, мы: Да гдѣ же и когда такъ внявъ выразилась русская жизнь той эпохи, какъ въ типѣ Онѣгина? Вѣдь это типъ историческій. Вѣдь въ немъ доосмыслительной яркости выражены именно всѣ тѣ черты, которыя могли

выразиться у одного только русскаго человѣка въ извѣстный моментъ его жизни, — именно въ тотъ самый моментъ, когда цивилизація въ первый разъ ощутилась нами какъ жизнь, а не какъ прихотливый прививокъ, а въ то же время и всѣ недоумѣнія; всѣ странныя, неразрѣшимые по тогдашнему вопросу, въ первый разъ, со всѣхъ сторонъ, стали осаждаютъ русское общество и проситься въ его сознаніе. Мы въ недоумѣніи стояли тогда передъ европейской дорогой нашей, чувствовали, что не могли сойти съ нея какъ отъ истины, принятой нами безо всякаго колебанія за истину, и въ то же время, въ первый разъ, настоящимъ образомъ стали сознать себя русскими и почувствовали на себѣ, какъ трудно разрывать связь съ родной почвой и дышать чужимъ воздухомъ...

— Да съ какой стати вы находите это все въ Онѣгина? прерываютъ насъ ученые. — Развѣ это въ немъ есть?

— А какъ же? разумѣется есть... Онѣгинъ именно принадлежитъ къ той эпохѣ нашей исторической жизни, когда чуть не впервые начинается наше томительное сознаніе и наше томительное недоумѣніе; вслѣдствіе этого сознанія, при взглядѣ кругомъ. Къ этой эпохѣ относится и явленіе Пушкина, и потому-то онъ первый и заговорилъ самостоятельнымъ и *сознательнымъ* русскимъ языкомъ. Тогда мы всѣ вдругъ стали прозирать и увидѣли въ окружающей русской жизни явленія странныя, не подходящія подъ такъ называемый европейскій нашъ элементъ и въ то же время не знали, хорошо ли это или дурно, уродливо или прекрасно? Это было первымъ началомъ той эпохи, когда наши передовые люди рѣзко раздѣлялись на двѣ стороны и потомъ горячо вступили въ междоусобный бой. Славянофилы и западники въѣдъ тоже явленіе историческое и въ высшей степени народное. Въѣдъ не изъ книжекъ же произошла сущность ихъ появленія? Какъ вы думаете? Но при Онѣгинѣ все это еще только едва сознавалось, едва предугадывалось. Тогда, т. е. въ эпоху Онѣгина, мы съ удивленіемъ, съ благоговѣніемъ, а съ другой стороны, чуть не съ насмѣшкой стали впервые понимать, что такое значить быть русскимъ, и, къ довершенію странности, все это случилось именно тогда, когда мы только что начали настоящимъ образомъ сознать себя европейцами и поняли, что мы тоже должны войти въ общечеловѣческую жизнь. Цивилизація принесла плоды, и мы начали кое-какъ понимать, что такое человѣкъ, его достоинство и значеніе, — разумѣется по тѣмъ понятіямъ, который выработала Европа. Мы поняли, что и мы можемъ быть европейцами не по однимъ только кафтанамъ и напудреннѣмъ головамъ. Поняли и — не знали что дѣлать. Мало по малу мы стали понимать, что намъ и нечего дѣлать. Самодѣлатель-

ности для насъ не оставалось никакой, и мы бросились съ горя въ скептическое саморазсматриваніе, саморазглагольваніе. Это уже не былъ доломовскій, наружный, кантемировскій или фонъ-визанскій оксентидизмъ. Скептицизмъ Оцѣгина въ самомъ началѣ своемъ до- селъ въ собѣ что-то трагическое и отъирался многола здобной про- цией. Въ Оцѣгинѣ въ первый разъ русскій человекъ съ горечью сознаетъ мѣю до крайней мѣрѣ начинаетъ чувствовать, что на сѣ- тѣ ему чего дѣлать. Оцѣ европеецъ; что же привнесетъ онъ въ Европу, и нуждается ли она въ немъ? Оцѣ русскій; что же сдѣлаетъ онъ для Россіи, да еще понимаетъ ли онъ ее? Тщя Оцѣ гина именно долженъ быть образрваться впервые въ такъ назъ- ваемомъ высшемъ обществѣ нашемъ, въ томъ обществѣ, которое наибодѣе отрѣшилось отъ почвы и гдѣ чуждость цивилизации достигла высшего своего развитія. У Пушкина это чрезвычайная вървая историческая черта. Въ этомъ обществѣ мы говорили на чужбхъ языкахъ, и равно бѣдны по Европѣ, скучали въ Россіи и въ то же время сознавали, что мы совсѣмъ непохожи на французовъ, немцевъ, англичанъ, что тѣмъ есть дѣло, а намъ никакой, они у себя, а мы — вигаѣ.

Оцѣгинъ — членъ этого цивилизованнаго общества, но онъ уже не уважаетъ его. Оцѣ уже сомнѣвается, колеблется; но въ то же время въ недоумѣніи останавливается передъ новыми явлениями жизни, не зная, поклониться ли имъ, или снѣяться надъ ними. Вся жизнь его выражаетъ эту идею, эту борьбу.

А между тѣмъ, въ сущности, душа его жаждетъ новой истины. Кто знаетъ, онъ можетъ-быть готовъ броситься на колѣна, предъ новымъ убѣжденіемъ и жадно, съ благоговѣніемъ принять его въ свою душу. Этому человеку не устоять; онъ не будетъ никогда прежнимъ человекомъ, легкомысленно воссознующимъ себя и шата- ющимъ; но онъ ничего и не разрѣшитъ, не опредѣлитъ, снѣтъ въ равнвій; онъ будетъ только страдать. Эта первая страданіе рус- ской сознательной жизни.

Русская жизнь, русская природа пахнула на него всѣмъ обая- ніемъ своимъ. Прошла передъ нимъ и русская дѣвушка, — тишъ единственный до сихъ поръ во всей нашей поэзіи, перодъ который съ такою любовью преклозилась душа Пушкина, какъ передъ род- нымъ русскимъ сознаніемъ. Оцѣгинъ не узналъ ее, и какъ снѣдуетъ сначала поломался надъ ней, отчасти оказался и хороющимъ недоуѣ- комъ, и самъ не зналъ, что сдѣлалъ: хорошо или дурно? За то онъ очень хорошо знаетъ, что сдѣлалъ дурно, застрѣливъ Ленскаго... Начинаются его мученія, его долгая агонія. Проходитъ молодость. Онъ здоровъ, силы просятся наружу. Что дѣлать? за что дѣлать?

Сознаніе цепнеть ему, что онъ пустой человѣкъ, злобная иронія шевелится въ душѣ его, и въ то же время онъ сознаеть, что онъ и не пустой человѣкъ: развѣ пустой можетъ страдать? Пустой занялся бы картами, деньгами, чувствомъ, волокитствомъ. Чего жь онъ страдаетъ? Оттого, что нельзя ничего дѣлать? Нѣтъ, это страданіе достается другой эпохѣ. Онѣсидъ страдаетъ еще только тѣмъ, что не знаеть что дѣлать, не знаеть даже что уважать, хотя твердо увѣренъ, что есть что-то, которое надо уважать и любить. Но онъ озлобился, и не уважаетъ ни себя, ни мыслей, ни мнѣній оныхъ; не уважаетъ даже самую жажу жизни и истицы, которая въ немъ; онъ чувствуетъ, что хотя она и сильна, но онъ ничѣмъ для нея не пожертвовалъ — и онъ съ ироніей спрашиваетъ: чѣмъ же ей жертвовать, *жизнь и здѣлье*? Онъ становится эгоистомъ и между тѣмъ смѣется надъ собой, что даже и эгоистомъ быть не умѣеть. О, еслибъ онъ былъ настоящимъ эгоистомъ, онъ бы успокоился!

Чего имъ ждаль? тоска, тоска!

восклицаетъ это дитя своей эпохи среди, неразрѣшимыхъ сомнѣній, страшныхъ колебаній, невыяснившихся идеаловъ, углубшей вѣры въ прежніе идеалы, дѣтскихъ предразсудковъ и неутомимой вѣры во что-то новое, неизвѣстное, но несрѣбно существующее и никакимъ скептицизмомъ, никакой ироніей неразбивасмое. Да! это дитя эпохи, это вся эпоха, *въ первый разъ* сознательно на себя взглянувшая. Нечего и говорить, до какой полноты, до какой гуманности, до какой обаятельной красоты все это — русское, ясное, оригинальное, непохожее ни на что европейское, царское, *эпохъ* тѣмъ вошло наконецъ въ сознаніе всего нашего общества и немолъ перерождается и развивается съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Въ Печоринѣ онъ дошелъ до неутомимой, жолчной злобы и до странной, въ высшей степени оригинально-русской противоположности двухъ разнородныхъ элементовъ: эгоизма до самообожанія и въ то же время злобнаго самоневуваженія. И все та же жажда жизни и дѣятельности, и все то же вѣчное роковое *ничего дѣлать!* Отъ злобы и какъ-будто на смѣхъ, Печоринъ бросается въ дикую, странную дѣятельность, которая приводитъ его къ глупой, смѣшной, ненужной смерти.

И все ядъ это дѣйствительная правда, повторяюсь *дѣйствительно* въ нашей жизни. Являлась потомъ смѣшная маска Гоголя, съ срашнымъ могуществомъ смѣха, — съ могуществомъ, не выразившимся такъ сильно еще никогда, ни въ комъ, ни въ какой литературѣ съ тѣхъ поръ какъ содалась земля. И вотъ послѣ этого смѣха Гоголь умираеть предъ нами, уморивъ себя самъ,

въ безсиліи создать и въ точности опредѣлить себѣ идеалъ, надъ которымъ бы онъ могъ не смѣяться. Но время идетъ впередъ и послѣдняя точка нашего сознанія достигнута. Рулинь и Гамлетъ штигровскаго уѣзда уже не смѣются надъ своей дѣятельностью и своими убѣжденіями: они вѣрують, и эта вѣра спасаетъ ихъ. Они только смѣются иногда надъ самими собою, они еще не умѣють уважать себя, но они уже почти не эгоисты. Они много, безкорыстно выстрадали... Въ наше время прошли ужъ и Рулины...

— Да помилуйте! восклицаетъ ученый журналъ: гдѣ же, въ чемъ тутъ народность?

— Какъ народность? говоримъ мы, разинувъ ротъ отъ недоумѣнія.

— Ну да, русская народность! говоритъ г. Краевскій, стараясь помочь г. Дудышкину: ну тамъ сказки, пѣсни, легенды, преданія... ну и все прочее...

— То-есть не совѣшь тó, поспѣшно прерываетъ г. Дудышкинъ своего достойнаго сотрудника по критической части; а вотъ что: «вся ли Русь исповѣдуетъ элементы поэзіи Пушкина, или только мы одни, образованные? Вѣдь народный поэтъ носить въ себѣ и политическія, и общественныя, и религіозныя, и семейныя убѣжденія народа.» Ну что-жъ это за народный поэтъ, если ничего изъ его поэзіи не проникло въ народъ, въ *настоящій* народъ?

— А вотъ и договорились! Такъ стало-быть вы ужъ не признаете и за народъ высшее общество, такъ называемыхъ «образованныхъ»? Чтожъ они по вашему, — ужъ и не русскіе? Да что за дѣло *съ этимъ* случать, что народъ, государственнымъ переворотомъ, такъ рѣзко раздѣлился на двѣ половины? Вся разпица въ томъ, что одна половина образованная, другая нѣтъ. — Вѣдь образованная половина доказала-же, что она тоже русская, тотъ-же народъ; вѣдь дошла-же она до мысли о соединеніи съ народнымъ началомъ. А такъ какъ эта образованная половина болѣе развита, болѣе сознаетъ, чѣмъ необразованная, то въ ней и явился народный поэтъ. А вамъ бы хотѣлось такого народнаго поэта, который заговорилъ-бы прямо народнымъ языкомъ, прежде совершившагося въ народѣ процесса развитія и сознанія? Да когда-же и гдѣ это бывало? Трудно и представить себѣ такого поэта. Если у французовъ есть напримѣръ Беранже, то развѣ онъ для всего народа поэтъ? Онъ поэтъ только парижанъ: огромное большинство французовъ и не знаетъ и не понимаетъ его, потому что неразвито и не можетъ понять, а сверхъ того исповѣдуетъ и другіе интересы. А если Беранже *всѣ-таки* не такъ далекъ отъ сознанія не понимающаго его большинства, какъ у насъ Пушкинъ отъ простонародья, то это потому, что подобнаго

историческаго раздвоенія народа, какъ у насъ, во Франціи не было. Да позвольте наконецъ : вы кажется прямо опредѣляете народность — простонародностью? Неудивительно послѣ того, что васъ никто не понимаетъ. Почему, съ какой стати народность можетъ принадлежать только одной простонародности? Развѣ съ развитіемъ народа исчезаетъ его народность? Развѣ мы, «образованные», ужъ и не русскій народъ? Намъ кажется даже напротивъ : съ развитіемъ народа развиваются и крѣпнута всѣ дары его природы, всѣ богатства ея, и духъ народа еще ярче выступаетъ наружу. Развѣ во времена Перикла греки были уже не греки, какъ триста лѣтъ назадъ? Вы думаете, мы себѣ противорѣчимъ, доказывая необходимость возвратиться къ народному началу, то-есть сами признаемся, что мы нѣмцы, а не русскіе? Ничуть; мы именно тѣмъ-то и доказали, что мы русскіе, что признаемъ необходимость воротиться на родную почву. Мы создали только, что мы разъединились чисто внѣшними обстоятельствами. Эти внѣшнія обстоятельства не давали остальной массѣ народа слѣдовать за нами и такимъ образомъ привнести въ нашу дѣятельность *всю* силу русскаго народнаго духа. Мы сознаемъ только то, что мы слишкомъ уединенная и маленькая кучка, и если народъ не пойдетъ вслѣдъ за нами, по той же дорогѣ, то намъ нельзя будетъ вполне себя выразить, и мы выразимъ себя слишкомъ односторонне, слабосильно и даже — смѣло можно сказать — даже не такъ какъ выразили бы мы себя, если бы весь русскій народъ былъ съ нами. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ мы потеряли народный духъ, чтобъ мы переродились. Почему-же мы не народъ? Почему, вы лишаете насъ этого почетнаго названія?

Нѣтъ, вы неправы. Вы правы только въ одномъ: что мы не весь народъ, а только часть его; но Пушкинъ, бывшій поэтомъ этой части народа, былъ въ то же время и народный поэтъ: это бесспорно. Вамъ это непонятно? Но скажите, повторяемъ мы опять, гдѣ же вы видѣли такого народнаго поэта, какъ вамъ онъ представляется? Былъ ли онъ когда-нибудь, возможенъ ли онъ по вашему идеалу? Разсудите: если дѣлится такой поэтъ, какъ вы воображаете, объ чемъ же онъ будетъ говорить? Онъ выразитъ «всѣ политическія, общественныя, религіозныя и семейныя убѣжденія народа» говорите вы. Такъ; Веранже вотъ и выражалъ это же, но выразилъ все это только для небольшой части французомъ сравнительно съ массой всего народонаселенія, именно для тѣхъ, которые ждали, которые заинтересованы были въ политическомъ, обще-

ствительно, религиозномъ и семейномъ движеніи индѣи. Остальные же французы даже можетъ-быть и не слыхали о Беранже, потому что еще ни въ какомъ движеніи не участвовали. Когда же будутъ участвовать, то хотя у нихъ и будетъ свой новый Веранже (непремѣнно), и выразить онъ что-нибудь новое, что-нибудь такое, что старому Беранже и не грезилось, но не смотря на то и старый Беранже поймется ими. Они не могутъ его обойти: во первыхъ онъ будетъ имѣть для нихъ историческое значеніе, а во вторыхъ потому что онъ народенъ, потому что онъ все-таки выражалъ мѣлкія, вѣрванія и убѣжденія французскаго же народа. Точно такъ и Пушкинъ. Одна часть (и самая большая) русскаго народа почти совсѣмъ не участвовала въ томъ, въ чемъ участвовала другая, и различіе продолжалось чрезвычайно долго. Пушкинъ былъ народный поэтъ одной части; но эта часть во-первыхъ была сама русская, во-вторыхъ почувствовала, что Пушкинъ первый сознательно заговорилъ съ ней русскимъ изъясномъ, русскими образами, русскими взглядами и воззрѣніями, почувствовала въ Пушкинѣ русскій духъ.

Она очень хорошо поняла, что и Лѣвонисецъ, что и Отрепьевъ; и Пугачевъ, и патриархъ, и вюки, и Бѣлкинъ, и Онѣгинъ, и Татьяна — все это Русь и русское. Не одно современное, слегка-обращенное и отрѣшившееся отъ народнаго духа увидѣло въ немъ общество. Общество знало, что такъ можетъ писать только Българинъ. Разумѣется съвѣдно отвѣчать на такіе вопросы: гдѣ же это русское семейство, которое хотѣлъ изобразить Пушкинъ; въ чемъ это русскій духъ, что именно изобразилъ онъ русскаго? Отвѣтъ легокъ: надобно хоть немножко понимать поэзію. Отбросить все; самое колоссальное, что сдѣлалъ Пушкинъ; возьмите только его иѣсни западныхъ славянъ, прочтите «Видѣніе короля»: если вы русскій, то вы почувствуете, что это въ высочайшей степени русское, не подѣлка подлѣ народную легенду, а художественная форма всѣхъ легендъ народныхъ, форма уже прошедшая черезъ сознаніе поэта, и главное — въ первый разъ намъ поэтомъ указанная. Въ первый разъ — это не шутка! Да, почти въ первый разъ вся красота, вся таинственность и все глубокое значеніе народной легенды было достигнуто массово нашимъ обществомъ. Вы говорите, что въ престонародіи не отразился Пушкинъ? Да, потому что престонародіе не двигалось въ своемъ развитіи, а не двигалось потому, что не могло двигаться. Оно и грамотѣ не умѣетъ. Но чуть-только развитіе коснется народа, Пушкинъ тотчасъ же получитъ и для этой массы свое народное значеніе. Мало того, будетъ имѣть для нея историческое значеніе и будетъ для нея однимъ изъ главнѣйшихъ провозвѣстниковъ общенародныхъ началъ, такъ гуманно и такъ

широко развѣтлаться въ Пушкинѣ: а это-то и самое нужное; потому лучше все раздѣленіе наше заключалось въ томъ, что одна часть общества пошла въ Европу, а другая осталась дома. Съ общечеловѣческимъ элементомъ, къ которому такъ живо склонены русскій народъ, онъ, мы увѣрены, наиболѣе познакомится черезъ Пушкина.

Смѣжемъ болѣе: мы готовы признать, что можетъ явиться народный поэтъ и въ средѣ самого простонародья, — не Коллонтайшапримѣръ, который былъ неизмѣримо выше своей среды по своему развитію, но настоящій простонародный поэтъ. Такой поэтъ во-первыхъ можетъ выражать свою среду, но не возноситься надъ ней отибы, а принять всю окружающую дѣйствительность за форму, за идеаль. Его поэзія почти совпадала бы тогда съ народными пѣснями, которыя сочинялись какъ-то созерцательно въ минуту самаго прѣвша. Могъ бы онъ явиться и въ другомъ видѣ, т. е. не принявши за форму все окружающее, и уже отчасти отрицавъ ее; и изобразить какой-нибудь моментъ народной жизни, какое-нибудь движеніе народное, какое-нибудь желаніе его. Такой поэтъ могъ бы быть очень смелъ, могъ бы выразить неподдѣльно народъ. Но во всякомъ случаѣ онъ былъ бы неглубокъ и кругозоръ его былъ бы очень узокъ. Во всякомъ случаѣ Пушкинъ былъ бы неизмѣримо выше его. Что нужно, что народъ, на теперешней степени своего развитія, не пойметъ всего Пушкина? Онъ пойметъ его потому, и изъ его поэмъ научится познавать себя. И зачѣмъ народный поэтъ долженъ быть непременно ниже развитіемъ; чѣмъ высшій классъ народа? Но-вашему вѣдь непременно выходить такъ: Пушкинъ на той степени своего развитія, на которой онъ стоялъ, никогда бы не могъ быть понятъ простонародьемъ. Неужели ему, для того чтобы его понимало простонародье, слѣдовало непременно вѣсти къ нему и, заговоривъ его языкомъ (что онъ очень бы сумѣлъ сдѣлать), открыть отъ народа свое развитіе? Народъ почти всегда правъ въ основномъ началѣ своихъ чувствъ, желаній и стремленій; но дороги его во многомъ иногда невѣрны, ошибочны и, что плачевнѣе всего, форма идеаловъ народныхъ часто именно противорѣчитъ тому, къ чему народъ стремится; коварно моментально противорѣчить. Въ такомъ случаѣ Пушкину пришлось бы иногда страннымъ вещамъ поддакивать. Пришлось бы срываться сами, вѣрять предвзуданымъ, чувствовать ложно. Какимъ же хитрецомъ представляете вы себя народнаго поэта, и даже какимъ пейзажомъ съ фарфоровой чашки!

Но положимъ наконецъ, что совсѣмъ не надо скрывать свое развитіе и надѣвать маску. Что можно прямо и просто говорить народу истину, безъ лжи и безъ фальши, благородно и смѣло. Что

народъ все пойметъ и оцѣнитъ, будетъ благоларенъ за правду, и что стоитъ только выговорить эту правду простымъ и понятнымъ народу языкомъ.

Не будемъ спорить. Во всякомъ случаѣ такой поэтъ былъ бы не сильнѣе Пушкина и далеко бы не выразилъ того, что выразилъ Пушкинъ. Для такой дѣятельности Пушкину надо бы было бросить настоящее свое дѣло и свое великое назначеніе, часть силъ своихъ оставить втунѣ, намѣренно съузить свой кругозоръ и сознательно отказаться отъ половины своей великой дѣятельности.

А въ чемъ состояла его великая дѣятельность? Опять-таки повторяемъ: чтобъ судить объ ней, нужно прежде всего хоть вѣроятно понимать поэзію.

«Русскій Вѣстникъ» между прочимъ не отдастъ чести Пушкину потому, что онъ неизвѣстенъ въ Европѣ; потому что Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте, проникли всюду въ европейскія литературы и много привнесли въ общечеловѣческое европейское развитіе, а Пушкинъ нѣтъ. Какое дѣтское требованіе!

Не говоримъ ужъ о томъ, что и самый фактъ во многомъ невѣренъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительно ли Шиллеръ и Гёте извѣстны во Франціи? Они извѣстны во Франціи нѣсколькимъ ученымъ, нѣсколькимъ серьезнымъ поэтамъ и литераторамъ, да и то большею частью по переводамъ; въ оригиналѣ же и того меньше. Шекспиръ тоже: развѣ въ Германіи, и то только въ образованномъ кругу, Шекспиръ извѣстенъ; но во Франціи его слишкомъ мало знаютъ. Не ихъ вина разумѣется, но конечно они до сихъ поръ немного сдѣлали для общечеловѣческаго европейскаго развитія, а были полезны каждый у себя дома (*). «Русскій Вѣстникъ» кажется безсознательно впалъ въ ошибку: онъ вѣроятно судилъ объ общечеловѣческомъ вліяніи вышеупомянутыхъ великихъ поэтовъ по русскому обществу. Да, Шиллеръ дѣйствительно вошелъ въ плоть и кровь русскаго общества, особенно въ прошедшемъ и въ заврошешнемъ поколѣніи. Мы воспитались на немъ, онъ намъ родной и во многомъ отразился на нашемъ развитіи. Шекспиръ тоже. Даже Гёте извѣстенъ у насъ несравненно болѣе, чѣмъ во Франціи, а можетъ-быть и въ Англіи. Англійская же литература безспорно несравненно намъ извѣстнѣе, чѣмъ во Франціи, а можетъ-быть и въ Германіи. Но «Русскій Вѣстникъ» только плюетъ на эти факты; для него они не факты, потому что не подходятъ подъ его мѣрочку. Ему указываютъ на фактъ

(*) Мы рассказывали достоверно о существованіи въ Парижѣ такихъ литераторовъ, которые не знаютъ Барбье. Не то-что не читали, а даже имени-то не знаютъ. Гдѣ-жъ имъ послѣ этого знать Шиллера?

проблѣненнаго общечеловѣческаго стремленія русскаго племени, указываютъ на, однако жъ приходящипри этомъ этого стремленія — Пушкина, говорятъ ему, что явленіе это неслыханное и безпримѣрное между народами, что оно можетъ свидѣтельствовать о чрезвычайной оригинальной чертѣ русскаго характера; что оно можетъ быть есть пламенная сущность русской народности. Но «Русскій Вѣстникъ» не слушаетъ, а говоритъ, что и самой-то народности нѣтъ... А главное, чѣмъ виноваты Пушкины, что его покажутся не знаетъ Европа? Дѣло въ томъ, что и Россію-то еще не знаетъ Европа: она видя ее досель, только во тяжелой необходимости. Другое дѣло, когда русскій элементъ войдетъ плодотворной струей въ общечеловѣческое развитіе: тогда узнаетъ Европа и Пушкина, и дѣйствительно отщипнетъ въ немъ несравненно больше, чѣмъ до сихъ поръ могъ отыскать «Русскій Вѣстникъ». А вѣдь тогда стыдно будетъ передъ иностранцами-то!...

Россія еще молода и только-что собирается жить; но это вовсе не вина.

«Отечественныя Записки», отстаивая передъ «Русскимъ Вѣстникомъ» русскую народность, указываютъ какъ на доказательство ея дѣйствительнаго существованія, на чрезвычайное развитіе въ Россіи государственнаго начала.

По нашему не этимъ однимъ, да и вообще не этимъ можно доказать дѣйствительность и особенность русской народности. Особенность ея: бессознательная и чрезвычайная стойкость народа въ своей идее, сильнѣй и чуткѣй отпоръ всему, что ей противорѣчитъ, и вѣковѣчная, благодатная, минѣтъ не омушаемая вѣра въ справедливость и въ правду.

Великъ былъ тотъ моментъ русской жизни, когда великая, вполне русская воля Петра рѣшила разорвать оковы, слишкомъ туго сдвинувшія наше развитіе. Въ дѣлѣ Петра (мы ужъ объ этомъ теперь не споримъ) было много истины. Сознательно ли онъ угадывалъ общечеловѣческое назначеніе русскаго племени, или бессознательно шолъ впередъ, по одному чувству стремившему его, но дѣло въ томъ, что онъ шолъ вѣрно. А между тѣмъ форма его дѣятельности, по чрезвычайной рѣзкости своей, можетъ-быть была ошибочна. Форма же, въ которую онъ преобразовалъ Россію, была безусловно ошибочна. Фактъ преобразованія былъ вѣренъ, но формы его были не русскія, не національныя, а червѣдко и прямо, основнымъ образомъ противорѣчившія народному духу.

Народъ не могъ видѣть окончательной дѣли реформы, да врядъ

ли кто-нибудь понималъ се даже изъ тѣхъ, кто поволялъ за Петра; даже изъ такъ называемыхъ «птенцовъ гайзла Петрова»; они пошли за преобразователемъ слѣпо, и помогали власти для своихъ выгодъ. Если не всё, то почти такъ. Гдѣ же было тогда народу угадать, куда ведутъ его? До него и теперь-то достигла только одна грязная струя цивилизаціи. Конечно невозможно, чтобы хоть что-нибудь не прошло въ народъ живо и плодотворно, хоть бессознательно, хоть только въ возможности. Но то, что было въ реформѣ нерусскаго, фальшиваго, ошибочнаго, тѣ народъ угадалъ разомъ, съ перваго взгляда, однимъ чутьемъ своимъ и такъ какъ — принимаетъ — не могъ видѣть хорошей, здоровой стороны ея, то весь, однимъ разомъ отъ нея отшатнулся. И какъ стойко и спокойно онъ умѣлъ сохранить себя, какъ умѣлъ умирить за то, что онъ считалъ правдой!

Но идея Петра совершилась и достигла въ наше время окончательнаго развитія. Кончилось тѣмъ, что мы приняли въ себя общечеловѣческое начало и даже сознали, что мы-то можетъ-быть и назначены судьбою для общечеловѣческаго міроваго соединенія. Если не всё сознали это, то многіе сознаютъ. Но по крайней мѣрѣ всё сознаются, что цивилизація привела насъ обратно на родную почву. Она не сбѣжала насъ исключительно европейцами, не перелопачивала насъ въ какую-нибудь готовую европейскую форму, не лишила народности. «Русскій Вѣстникъ» безконечно неправъ, говоря, что «тамъ, гдѣ идетъ споръ о народности, тамъ значить ея нѣтъ», и «Отечественныя Записки» совершенно правы, отвѣчая ему на это:

На это отвѣтитъ вамъ исторія литературы въ Германіи въ началѣ XIX вѣка и во Франціи, гдѣ тѣ же споры составили цѣлый періодъ литературы, только назывались не спорами о народности, а спорами о романтизмѣ. Эти споры были занесены и къ намъ, но слишкомъ преждевременно, и мы не были готовы принять ихъ и понять во всей глубинѣ. Извѣстенъ результатъ этихъ споровъ на западѣ: крутой поворотъ европейскихъ литературъ къ самостоятельности, къ народности...

Цивилизація не развила у насъ и сословій: напротивъ, замѣчательно стремится къ сглаженію и къ соединенію ихъ воедино. Можетъ-быть «Русскому Вѣстнику» это очень досадно, но англійскихъ бардовъ у насъ нѣтъ; французской буржуазіи тоже нѣтъ, пролетаріевъ тоже не будетъ, мы въ это вѣримъ. Взаимной вражды сословій у насъ тоже развиться не можетъ: сословія у насъ напротивъ сливаются; теперь покаместъ еще все въ броженіи, ничто вполне не опредѣлилось, но зато начинается уже предчувствоваться наше бу-

лучшее. Идеаль этого слитія сословій воюдино выразится яснѣе въ эпоху наибольшаго всенароднаго развитія образованности.

Образованность и теперь уже занимаетъ у насъ первую ступень въ обществѣ. Все уступаетъ ей; всѣ сословныя преимущества, можно сказать, таятъ въ ней... Въ усиленномъ, въ скорѣйшемъ развитіи образованія — вся наша будущность, вся наша самостоятельность, вся сила, единственный, сознательный путь впередъ и, что важнѣе всего, путь мирный, путь согласія, путь къ настоящей силѣ.

Настоящее высшее сословіе теперь у насъ — сословіе образованное. Но безъ настоящаго, серьезнаго, правильнаго образованія тотчасъ же дѣляется въ обществѣ феноменъ, въ высшей степени вредный и пагубный: это наука *отъ* науки. Такъ какъ жажда знаній и науки никакимъ образомъ не можетъ уничтожиться въ обществѣ, тѣмъ болѣе въ теперешнемъ нашемъ, то при маломъ развитіи настоящаго, правильнаго обученія, желающіе учиться начинаютъ учиться самоучкой, безъ системы, безъ правилъ, верѣдко выбирая себѣ учителей неудачно или, что еще хуже, односторонне знакомыхъ съ наукой. Такимъ образомъ ложныя идеи прививаются къ обществу, особенно молодому и неопытному, укореняются въ немъ и приносятъ впоследствии, а иногда и вскорости, непріятные, вредные результаты. Совершенно напротивъ происходитъ при правильномъ, широкмъ развитіи образованія. У настоящей науки есть свои приемы, преданія, системы. Настоящій хранитель такой науки не даетъ молодому уму сбѣгаться на ложную дорогу. Онъ предохранитъ учащагося отъ заблужденія, потому что дѣйствуетъ на него всей силой науки, всѣмъ преданіемъ ея, всѣмъ тѣмъ, до чего правильно и стойко дошолъ умъ человѣческій.

Только образованіемъ можемъ мы завалить и глубокой ровъ, отдѣляющій насъ теперь отъ нашей родной почвы. Грамотность и усвоенное распространеніе ея — первый шагъ всякаго образованія.

Когда-то «Отечественныя Записки» жестоко смѣялись надъ нами, что мы, провозглашая о необходимости соединенія общества съ народнымъ началомъ, несемъ ему ту же самую европейскую цивилизацію, которую сами же отвергаемъ.

Отвѣчаемъ :

Мы возвращаемся на нашу почву съ сознательно выжитой и принятой нами идеей общечеловѣческаго нашего назначенія. Къ этой-то идее привела насъ сама цивилизація, которую въ смыслѣ исключительно европейскихъ формъ, мы отвергаемъ. Возвращеніе наше свидѣтельствуетъ, что изъ русскаго человѣка цивилизація не могла сдѣлать вѣнца и что русскій человѣкъ все-таки остался русскимъ. Но мы сознали тоже, что идти далѣе намъ однимъ было

нелзя; что въ помощь нашему дальнѣйшему развитію необходимы намъ и всѣ силы русскаго духа. Мы приносимъ на родину нашу почву образованіе, показываемъ прямо и откровенно, до чего мы дошли, съ чѣмъ и что оно изъ насъ слѣдуетъ. А затѣмъ будемъ ждать, что скажетъ вся нація, принявъ отъ насъ науку, будемъ ждать, чтобъ участвовать въ дальнѣйшемъ развитіи нацѣмъ въ развитіи народномъ, настояще-русскомъ, и съ новыми силами, взятыми отъ родной почвы, вступить на правильный путь.

Знаніе не перерождаетъ человѣка: оно только измѣняетъ его, но измѣняетъ не въ одну всеобщую, казенную форму, а сообразно натурѣ того человѣка. Оно не слѣдуетъ и русскаго перусскимъ; оно даже насъ не передѣлало, а заставило воротиться къ самимъ. Вся нація конечно скорѣе скажетъ свое новое слово въ наукѣ и жизни, чѣмъ маленькая кучка, составившая до сихъ поръ наше общество. Мы только отвергаемъ исключительно-европейскую форму цивилизаціи и говоримъ, что она намъ не по мѣрѣ.

Но перейдемъ къ народнымъ книжкамъ и преимущественно къ «Читальнику».

Въ настоящее время въ Россіи существуетъ много различныхъ системъ народнаго просвѣщенія. Одни считаютъ за лучшее, чтобы народъ читалъ только библію и молитвенникъ, другие полагаютъ, что необходимо знакомить его съ исторіею, географіею, естественною исторіею, и т. д. Третьи же считаютъ, что народъ долженъ читать только русскія народныя сказки, легенды, и т. д. Но всѣ эти системы имеютъ свои недостатки. Библія и молитвенникъ не даютъ народу никакого практическаго знанія, исторія и географія не интересуютъ его, а русскія народныя сказки и легенды не даютъ ему никакого практическаго знанія. Поэтому необходимо, чтобы народъ читалъ книги, которыя бы давали ему практическое знаніе, и которыя бы были интересны для него. «Читальникъ» является въ Россіи именно такой книгой. Онъ содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя для народа знанія, и онъ написанъ простымъ и понятнымъ языкомъ. Поэтому онъ является для народа самымъ необходимымъ чтеніемъ.

Въ настоящее время въ Россіи существуетъ много различныхъ системъ народнаго просвѣщенія. Одни считаютъ за лучшее, чтобы народъ читалъ только библію и молитвенникъ, другие полагаютъ, что необходимо знакомить его съ исторіею, географіею, естественною исторіею, и т. д. Третьи же считаютъ, что народъ долженъ читать только русскія народныя сказки, легенды, и т. д. Но всѣ эти системы имеютъ свои недостатки. Библія и молитвенникъ не даютъ народу никакого практическаго знанія, исторія и географія не интересуютъ его, а русскія народныя сказки и легенды не даютъ ему никакого практическаго знанія. Поэтому необходимо, чтобы народъ читалъ книги, которыя бы давали ему практическое знаніе, и которыя бы были интересны для него. «Читальникъ» является въ Россіи именно такой книгой. Онъ содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя для народа знанія, и онъ написанъ простымъ и понятнымъ языкомъ. Поэтому онъ является для народа самымъ необходимымъ чтеніемъ.

РАЗСКАЗЫ О ТЕМНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ

О ВОЛШЕБСТВѢ, НАТУРАЛЬНОЙ МАГІИ, ОБМАХАХЪ ЧУВСТВЪ,
СУЕВѢРІЯХЪ, ФОКУСНИЧЕСТВѢ, КОЛДУНАХЪ, ВЪДМАХЪ ИТ. Д.;
изданные М. С. Хотинскимъ Спб. 1861 г.

Г. Хотинскій вздумалъ собрать въ одну книжку статьи, когда-то помѣщенные имъ въ «Сынъ Отечества». Статьи эти впрочемъ — не болѣе какъ крупицы отъ огромнаго, а можетъ-быть и роскошнаго стола, какимъ г. Хотинскій кажется намъhrenъ вполнѣдствіи угостить насъ. Онъ уже около двадцати лѣтъ, какъ самъ говоритъ въ предисловіи къ изданной книжкѣ, занимается собираніемъ и разработкою матеріаловъ для приготовленной имъ къ печати исторіи чародѣйства и тайныхъ наукъ. Какъ видите, г. Хотинскій — спеціалъ по части чародѣйства и тайныхъ наукъ. Дѣло во всякомъ случаѣ доброе. Темныя стороны въ человѣкѣ весьма интересны для всякаго изучателя человѣческой природы; на западѣ они имѣютъ уже своего рода литературу. У насъ г. Хотинскій едва ли еще не первый ученый, спеціально посвятившій себя разработкѣ «темныхъ предметовъ». Его попытки, какъ первая еще въ этомъ родѣ, могутъ быть не совѣмъ удовлетворительны; тѣмъ не менѣе онѣ не могутъ не возбудить сочувствія въ людяхъ, которые желаютъ добра и заботятся о безостановочномъ развитіи общества.

Если роду человѣческому суждено жить только до того времени, когда онъ совершитъ свою миссію на землѣ, т. е. доколѣ мы достигнемъ полнаго развитія какъ общества, такъ и личности, — то ему придется жить на землѣ еще очень и очень долго. Вся прошлая исторія человечества подготовляла, разумѣется, нынѣшнее развитіе науки и общественныхъ отношеній; но вмѣстѣ съ немногимъ добромъ исторія передала намъ столько рутины, что количество ея далеко превышаетъ количество добра. Какъ ни важно вообще значеніе преданія при воспитаніи молодыхъ поколѣній, однако если разобрать, какіе изъ усвоенныхъ нами матеріаловъ способствуютъ развитію и какіе нѣтъ, то можетъ-быть мы отказались бы

ряться въ 99 процентахъ грязи, чтобы найти сотую долю металла. Прошлая исторія не любила прямого, непосредственнаго изученія природы, долго гонялась за чудеснымъ и таинственнымъ. Постоянное стремленіе къ міру таинственному, заоблачному, не контролируемое свѣтлымъ разсудкомъ, породило множество преданій, повѣрій, обычаевъ. Изъ нихъ время успѣло составить цѣлый міръ сказочный, фантастическій, и въ глазахъ необразованныхъ людей онъ пріобрѣлъ значеніе дѣйствительнаго міра. Каждое молодое поколѣніе по необходимости подвергается вліянію этихъ фантастическихъ, темныхъ преданій, и такимъ образомъ готовится у себя почву, на которой особенно успѣшно растутъ разнаго рода предрасудки. Человѣкъ тутъ теряетъ простой, здравый взглядъ на окружающую природу и самымъ случайнымъ явленіямъ придаетъ особый смыслъ и значеніе. Суевѣріе также точно не пропускаетъ въ душу здоровыхъ и свѣтлыхъ понятій о предметахъ, какъ опѣченное стекло не даетъ прохода чистому, бѣлому свѣту. Вместе того, чтобы въ знаніи природы находить ключъ къ объясненію разныхъ единичныхъ явленій, суевѣрный человѣкъ всегдѣ ищетъ сверхъестественныхъ причинъ. И особенно у насъ, на Руси, много рутинны вѣдѣній исторіей. Въ селѣ навримиѣрѣ шотландской палаты: крестьянинъ никогда не подумаетъ поискать тому причинъ или въ условіяхъ своей мѣстности, а дѣла же въ собственной нерадивости объ ухлѣ скота: «допущеніе божіе!» думаетъ онъ, и вотъ все изслѣдованіе попомичиво, а болѣзнь развивается. А то полита доказывать ему, что можно устроить громостволъ и предохранять дома и людей отъ молніи и грома, «это значитъ — скажетъ онъ — божьей волѣ противиться, стараться быть премудрѣе Бога.» Суевѣрный взглядъ на природу заставляетъ мужика предполагать, что въ изученіи природы и въ услаиваніи ума человѣческаго разгадать и опредѣлить ея мѣру, вѣсь и число есть что-то нехорошее, грѣшное. Впрочемъ что и говорить о мужикѣ: иногда и высшіе-образованные люди, и тѣ не прочь посуевѣрничать. Кто не поддавался когда-либо искушенію подмѣнить извѣстные предметы и угадывать, что предвѣщаютъ сны или извѣстныя событія? Какъ далеко мы подвинулись въ дѣлѣ суевѣрія, это всего лѣнѣе доказываютъ тѣ рассказы о необъяснимыхъ событіяхъ, какихъ цѣлую кучу встрѣтите въ каждомъ селеніи. Не говоримъ уже о множествѣ домовыхъ, чертей, живущихъ въ бѣняхъ и гумнахъ; сколько въ каждой деревнѣ рассказовъ о явленіяхъ на нечистыхъ мѣстахъ припадѣній, которыя конечно всегда интересуютъ судьбами человѣка и во вралѣ ему находить свое удовольствіе. А сколько колдуновъ и по сию пору на святой Руси! Вообще суевѣрія мы очень можемъ похвалиться. Да и не мы одни. И много, много еще

придется наукѣ бороться съ этими идолами, которые мѣшаютъ только человѣческому развитію. Положеніе современнаго общества таково, что прогрессъ долгое время долженъ идти только отрицательнымъ путемъ. Для него много впереди преградъ — и прежде всего онъ долженъ устроить ихъ съ своего пути. Многія изъ нихъ уже устранены; но много еще и остается впереди.

Впрочемъ надобно замѣтить, что между нами теперь суевѣрія гораздо меньше, чѣмъ его было у человѣка древне-вѣковаго. Въ этомъ отношеніи человечество сдѣлало очень замѣтный прогрессъ. Мы не станемъ говорить о суевѣріи древнихъ вѣковъ. Ужь начтѣ мы суевѣры — и то судя о нихъ, говоримъ что молъ народъ все былъ темный, безъ суевѣрія ни на шагъ. То правда, что мы въ своихъ обвиненіяхъ большею частію требуемъ себѣ только вѣры отъ слушателей и рѣдко доказываемъ ихъ фантами. Но за то уже единодушно дѣйствуемъ и слѣдовательно, должно быть, говоримъ истину. Такъ мы и оставимъ астрономамъ вообще справляться о суевѣріяхъ у Тацита, Плинія, Геродота и Фукидида, а въ частности г. Хотинскому, для будущей его исторіи чародѣйства и тайныхъ наукъ. Лучше обратимся къ среднимъ вѣкамъ. Въ древнемъ мірѣ много было и прорицалищъ и авгуровъ; но ихъ количество далеко уступаетъ числу маговъ и чернокнижниковъ, жившихъ въ средніе вѣка. Какъ видите, условія для существованія средне-вѣковыхъ колдуновъ далеко не были такъ благоприятны, какъ для древнихъ: древніе пользовались систематической поддержкой правительствъ, средне-вѣковые ожидали отъ властей только костровъ и пытокъ. Ну какъ бы, кажись, расти дурману на почвѣ; на которой постоянно ходитъ ективаторъ? И все было ничемъ. Это замѣчательно и знаменательно. Костры и пытки несколько не уменьшали въ людяхъ склонности видѣть въ другихъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго круга людей — колдуновъ и чародѣевъ, или самимъ стать предметомъ людскаго удивленія и страха.

Едва Иннокентій VIII — говоритъ г. Хотинскій — издалъ свою буллу, какъ Шпренгеръ съ братіей занялись составленіемъ законной формы слѣдствія и суда по поводу волхвованія. Плодомъ этихъ безумныхъ трудовъ было извѣстное твореніе *Malleus maleficorum*. Съ появленіемъ этого сочиненія, имѣвшаго оффиціальное значеніе, колдуны и колдуньи стали вездѣ являться чуть не топями, по пословицѣ, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Вслѣдъ за Иннокентіемъ загремѣли противъ чародѣйства папы: Александръ VI, Левъ X и Адрианъ II. Александръ VI, представитель адскаго семейства Борджіевъ, возсталъ въ своей буллѣ противъ связей мнимыхъ колдуновъ съ алымъ духомъ, какъ икогда Брутъ противъ Кесаря. Плодомъ такихъ сумазбродныхъ распоряженій

было то, что, по свидѣтельству современныхъ историковъ, западная Европа превратилась тогда въ родъ пандемоніума и вездѣ совершались шабаша вѣдьмъ, какъ на Лысой горѣ; рѣдкій былъ не причастенъ чародѣйству, потомучто тотъ, кто не былъ колдуномъ, считалъ себя околдованнымъ.

Такимъ образомъ и въ средніе вѣка повторялась очень обыкновенная исторія, что матеріальная сила ничего не можетъ принести, кромѣ вреда, когда переносится въ нравственную сферу. Огонь жогъ тѣла колдуновъ, но далеко никого не убѣждалъ отстать отъ сношеній съ чертями. Церковь, взявшись за преслѣдованіе колдуновъ, тѣмъ самымъ указывала на возможность ихъ существованія. Она пыталась и жгла не за обманъ и ложь, а за дѣйствительныя сношенія съ чертями. При исключительномъ развитіи въ средніе вѣка религиозной жизни, или лучше мистицизма, никому не приходило въ голову сомнѣваться, дѣйствительное ли зло преслѣдуется церковью. До какой степени тогдашнему человѣку чужды были подобныя сомнѣнія, доказывается тѣмъ, что людямъ, оклеветаннымъ въ чародѣйствѣ, нарочно давали бѣлену, для того чтобы они сознались въ виновномъ чародѣйствѣ. По недостатку мѣста мы, къ сожалѣнію должны быть кратки. При всемъ томъ, не можемъ не рассказать одной средневѣковой исторіи, заимствованной изъ судебныхъ протоколовъ, когда-то составлявшихся надъ черно книжниками. Исторія, которую мы намѣрены рассказать, указываетъ, до какой степени безумія можетъ дойти невѣжество и самообольщеніе. Герой разказа — одинъ изъ знаменитѣйшихъ черно книжниковъ XV вѣка, до сихъ поръ удержавшійся въ преданіяхъ и сказкахъ сѣверной Франціи, подъ названіемъ «Синяя борода». Правда, Жиль-де-Лаваль, владѣтель Рэза, маршалъ Бретани, герой разказа, который мы хотимъ передать нашимъ читателямъ, страдалъ повидимому разстройствомъ умственныхъ способностей; тѣмъ не менѣе мы и въ этомъ фактѣ можемъ видѣть, къ чему главнымъ образомъ направлялись думы и желанія средневѣкового человѣка и какъ онъ ни предъ чѣмъ не останавливался для достиженія своей цѣли. Этотъ маршалъ не иначе выѣзжалъ изъ своего замка, какъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ капелановъ, одѣтыхъ въ богатыя священныя одежды и цѣлаго хора пѣвчихъ, составленнаго изъ красиво одѣтыхъ и обученныхъ пѣнію мальчиковъ. Предъ маршаломъ носили крестъ и хоругвь.

• Мальчики, изъ которыхъ состоялъ хоръ Жила, брались отъ бѣлыхъ родителей, съ обѣщаніемъ вывести дѣтей въ люди и устроить ихъ будущность; но съ условіемъ, чтобы родители не могли требовать дѣтей своихъ обратно и даже навѣщать ихъ, безъ особаго разрѣшенія.

Мальчиговъ одѣвали и кормили очень хорошо; только каждую недѣлю одинъ изъ нихъ, поочередно, былъ требуемъ къ маршалу и уже не возвращался назадъ. Остальнымъ строго было запрещено развѣдывать объ участи ихъ товарища.

- Впрочемъ наружное благочестіе Жиль было одною личиною, подъ которою скрывались ужасныя злодѣянія.

- Роскошная и нерасчетливая жизнь маршала разстроила его состояніе, и онъ прибѣгнулъ для поправленія его къ алхиміи. Заложивъ свои имѣнія и получивъ значительныя суммы, за огромныя проценты, онъ занялся приговорованіемъ философскаго камня; но деньги улетали въ трубу, не подвигая впередъ алхимическаго добыванія золота. Тогда Жиль де Лаваль, доведенный до крайности, рѣшился прибѣгнуть къ чернокнижью, дабы помощію нечистой силы добыть сталь нужное ему золото. Сообщниками въ этомъ мрачномъ дѣлѣ онъ избралъ своего дворецкаго Силла, одного разстриженнаго священника изъ Сенъ-Мажэ и флорентинца Прелати, — людей, посвященныхъ въ таинства черной магіи.

- Лаваль проживалъ въ своемъ родовомъ замкѣ Машиньѣ. Внутри этого замка находилась башня, дверь которой была наглухо заложена камнями. Маршалъ увѣрялъ, что башня внутри очень ветха, и потому строго запретилъ подходить къ ней, изъ опасенія, чтобы она не разрушилась и не убила своимъ паденіемъ неосторожныхъ. Башня была поэтому необитаема; но супруга владѣтеля (женщина весьма сватскаго рода) неоднократно замѣчала по ночамъ огонь внутри наглухо замурованной башни. Она не осмѣливалась говорить объ этомъ открытіи своему мужу, человѣку мрачному и сердитому, котораго она чрезвычайно боялась.

- Въ самый день св. пасхи 1440 года рыцарь торжественно явился съ женою, объявивъ, что онъ отправляется на поклоненіе св. Гробу. Баронеса была беременна и мужъ позволилъ ей, на все время его отсутствія, пригласить къ себѣ ея сестру, чтобы беременной дамѣ не было скучно.

- Баронеса не замедлила разсказать гостѣмъ о своихъ опасеніяхъ, о ночномъ освѣщеніи таинственной башни и объ исчезавшихъ дѣтей, случавшихся каждую пятницу. Любопытство обѣихъ женщинъ было возбуждено въ высочайшей степени; но его было не легко удовлетворить, потому что рыцарь, перелъ самымъ своимъ отъѣздомъ, строго подтвердилъ, чтобы никто не осмѣливался приближаться къ старой заколоченой башнѣ.

- Сестры сообразили, что такъ-какъ двери въ башню были замурованы, то вѣроятно въ нее проникали сквозь какой-либо потаенный входъ. Послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ, онѣ открыли наконецъ потайную дверь, скрытую за алтаремъ капеллы. За этою дверью находилась лѣстница, опускавшаяся въ подземный ходъ, который велъ въ заповѣдную башню.

- Въ первомъ этажѣ они нашли родъ капеллы; вокругъ алтара были

поставлены черныя восковыя свѣчи; кромѣ того на алтарѣ лежала книга въ черномъ переплетѣ и бронзовая статуйка чудовищнаго существа (вѣроятно изображавшая злого духа), передъ которою горѣла лампада съ чернымъ масломъ.

Во второмъ этажѣ находились печи, перегонные снаряды, силани, уголь и вообще всё принадлежности лабораторіи алхимика.

Комната третьяго этажа была безъ оконъ и наполнена отвратительнымъ зловоніемъ. Сестры посѣдѣли выйти изъ этой ужасной тесноты, но баронесса уронила второнихъ сосудъ съ какою-то густою, вонючею жидкостью, которая замарала ей платье и ноги.

Сестра баронессы, Аннушка, пораженная ужасомъ, хотѣла тотчасъ же бѣжать изъ страшнаго башни; но у супруга владѣтеля Машкула любопытство было сильнѣе страха. Она спустилась въ часовню, зажгла тамъ одну изъ черныхъ свѣчей и отправилась въ комнату третьяго этажа. Тамъ вдоль стѣны стояло множество мѣдныхъ сосудовъ, наполненныхъ какою-то жидкостью и перемѣченныхъ нумерами. Посреди комнаты находился столъ изъ чернаго мрамора и на немъ лежалъ трущъ недавно-вечернувашаго юноши. Одинъ изъ мѣдныхъ сосудовъ, уроненныхъ г-жею Рёзъ, лежалъ на полу.

Когда обѣ женщины опомнились отъ ужаса, онѣ рѣшились скрыть слѣды своего посѣщенія ужасной башни. Для этого онѣ принесли воды и губокъ, и начали мыть полъ, но пятно никакъ не ссызвалось. Во время такихъ занятій, дамы вдругъ услышали шумъ на дворѣ замка и множество головъ громко призывали баронессу, крича, что господинъ ихъ возвращается въ замокъ. Обѣ сестры спѣшили убрать воду и губки и хотѣли уйти изъ башни въ замокъ, но случалась съ дѣстивцы, онѣ слышали голоса въ часовнѣ. Аннушка поспѣшно побѣжала на верхъ и спряталась на платформѣ башни; но сестра ея поскользнулась, упала и вслѣдъ за тѣмъ очутилась лицомъ къ лицу съ своимъ страшнымъ мужемъ, по бокамъ котораго находились разстриженный папери и флорентинецъ Прелати.

Жиль де Лаваль схватилъ жену за руку и, не говоря ей ни слова, потащилъ въ часовню. Тогда Прелати сказалъ маршалу: «Сама судьба за насъ! Жертва добровольно является къ намъ! Неужели вы не видите въ этомъ вѣрнаго знака будущаго успѣховъ?» Баронъ подумалъ съ минутой и потомъ сказалъ рѣшительнымъ голосомъ: «Это правда! Я согласенъ. Начинайте черную жессу».

Разстрига повиновался; а маршалъ, вынувъ изъ ящика, находившагося внутри алтаря, ножъ, сѣлъ подлѣ своей супруги, которая лежала почти замертво на широкой скамьѣ, поставленной у стѣны внутри часовни. Святотатственное служеніе злему духу началось со всѣми обрядами, установленными въ чародѣйныхъ книгахъ.

Для выясненія всего описаннаго выше, должно сказать, что Лаваль вовсе не думалъ ѣхать въ Палестину, какъ о томъ объявилъ жемъ и домашнимъ, а отправился въ Нантъ, гдѣ тогда имѣлъ пребываніе черновикивникъ Прелати. Рыцарь, придя къ нему, началъ его упрекать въ

недѣйствительности обѣщаннаго ему содѣйствія нечистой силой при изготовленіи философскаго камня, и грозился убить Прелата Московскаго, чтобы выиграть время и выманить еще денегъ у догковѣрнаго рыцаря, объявилъ ему, что демонъ требуетъ за свое содѣйствіе сномачательной жертвы. По настоятельному требованію послѣдняго, она объявила, что сатана требуетъ, чтобы рыцарь принесъ ему въ жертву своего собственнаго ребенка. Жиль ничего не отвѣчалъ, но взявъ съ собою Прелата и разстригу, немедленно отправился съ ними въ Москву, гдѣ и всталъ свою жену въ ромовой башнѣ.

Въ то время, какъ въ часовнѣ совершалось служеніе алену духу, сестра Аннушка сидѣла на влатѣоріи башни, никакъ не замѣчая. Вдругъ она увидѣла вдали скачущихъ по дорогѣ въ замку двухъ рыцарей со свитою воиновъ. Тутъ она вспомнила, что два ея брата, жившіе по сосѣдству въ своихъ замкахъ, будучи уведомены объ отѣздѣ владѣтеля Машкула въ Палестину, обѣщали навѣститъ сестру, чтобы утѣшить ее въ одиночествѣ. Аннушка узнала въ рыцаряхъ своихъ братьевъ и дѣзала имъ съ башни знаки влаткомъ, приглашая ихъ воспѣшить прибытіемъ въ замокъ. Черезъ нѣсколько минутъ топотъ всадниковъ послышался на дворѣ замка. Лаваль, увидавъ изъ окна башни гостей, приказалъ прекратить мессу, и обратясь къ жевъ сказалъ:

«На этотъ разъ вы спасены; я дарю вамъ жизнь, и если вы въ точности исполните мою волю, я обѣщаю вамъ, что о всемъ случившемся сегодня не будетъ никогда упомянуто ни одного слова. Сейчас идите въ вашу уборную, одѣвайтесь въ парадное платье и немедленно приходите въ гостиную, гдѣ я приму вашихъ братьевъ. Но смотрите, если вы навѣстите мнѣ хотя однимъ словомъ, хотя однимъ знакомъ, если дадите имъ малѣйшее подозрѣніе о томъ, что адѣсь случилось, то немедленно по отѣздѣ гостей я приведу васъ сюда и мы будемъ продолжать нашу черную мессу съ того самаго мѣста, гдѣ мы остановились. Помните, что васъ ожидаетъ.»

Несчастливая женщина вышла къ братьямъ одѣтая по праздничному. Мужъ не спускалъ съ нея глазъ, и смущеніе бѣдной баронесы достигло до такой степени, что братья, замѣтивъ его, стали беспокоиться о здоровьи сестры. «Это ничего!» отвѣчала она, дрожа всѣмъ тѣломъ: «это отъ беременности!» Она не смѣла продолжать и братья готовы уже были удалиться, чтобы дать покой больной сестрѣ, какъ вдругъ отворилась съ шумомъ дверь и вбѣжавшая Аннушка бросилась къ братьямъ, крича: «Спасите насъ! Жиль де Лаваль чернокожничикъ и убійца! Черезъ четверть часа послѣ вашего отѣзда насъ не будетъ въ живыхъ!» И несчастная въ короткихъ словахъ разсказала братьямъ о случившемся.

Братья, обнаживъ мечи, стали передъ сестрами и громко звали на помощь свою свиту. Воины ихъ не замедлили собраться, и подъ ихъ защитою обѣ сестры были выведены изъ замка и увезены. Какъ ни бѣсновался Лаваль, не могъ одиноко воспрепятствовать этому, потому

что собственные его воины, узнавъ о происшедшем и обожая до-бруто госпожу, весьма неохотно повиновались приказаніямъ вѣбшона-наго рыцаря, и вмѣсто того, чтобы сражаться противъ братьевъ, спѣшили скрываться въ замка, или приставали къ защитникамъ баро-несы.

Братья съ сестрами прискакали въ столицу Бретани и явились во дворецъ владѣтельнаго герцога, прося его о правосудіи и зашитѣ. На другой же день герцогъ Іоаннъ V приказалъ осадить Машкулъ и при-вести къ нему маршала. Такъ-накъ большая часть гарнизона разбѣ-жалась, то Лаваль сдался безъ сопротивленія. Бретанскій парламентъ нарядилъ слѣдствіе, по которому оказалось, что въ замкахъ Машкулъ и Шантоса было умерщвлено нѣсколько сотъ дѣтей. Найдено около двухъ сотъ женскихъ скелетовъ, но преступникъ сознавался, что еще большее количество скелетовъ было сожжено.

Жиль де Лаваль былъ судимъ за черномнижіе судомъ церковнымъ, а за убійства Бретанскимъ парламентомъ. По приговору обонхъ су-довъ, онъ былъ сожженъ живой на площади Магдалины въ Навтъ. Онъ требовалъ и получилъ позволеніе идти на казнь съ пышностью, къ которой онъ привыкъ втеченіе цѣлой жизни. Онъ умеръ безъ покаянія, и всѣ дѣйствія его, отвѣты передъ судомъ и поведеніе передъ казнью свидѣтельствуютъ, что этотъ несчастный былъ столько же злодѣй, какъ и сумашедшій.

Если мы привыкли представлять эпоху среднихъ вѣковъ — эпохой непрощитаемой тьмы, то въ нашемъ представленіи ничего нѣтъ до-жнаго и преувеличеннаго. Дѣйствительно, средніе вѣка были вре-менемъ господства тьмы. Наука и жизнь единодушно сбивались на чудесное: только чудеса, только рассказы о сверхъестественныхъ событіяхъ занимали средневѣкового человѣка. Конечно, плодомъ этого броженія было много и добраго, потомучто тайныя науки повели къ развитію истинныхъ наукъ. Но добро пришло тогда уже, когда человѣчеству приходилось или совсѣмъ погрузиться въ тьму, или сдѣлать поворотъ къ свѣту, послѣ неудачнаго странствованія по темному царству.

Такимъ образомъ человѣчество всегда и вездѣ порывалось, и те-перь еще порывается къ міру фантастическому. Отсюда естествен-но мы приходимъ къ вопросу: на что указываютъ эти порывы че-ловѣчества? даютъ ли они намъ право заключать о дѣйствительности существованія міра, къ которому человѣкъ стремился и стремится? могутъ ли эти порывы служить доказательствомъ дѣйствительно присущей человѣку потребности быть въ сношеніяхъ съ міромъ ве-земнымъ? Вопросы дѣйствительно важныя, потомучто на этотъ міръ дивидѣній и призраковъ, въ которые вѣрило и теперь еще вѣритъ человѣчество, спиритуалисты указываютъ какъ на доказательство

дѣйствительнаго существованія міра духовъ. Намъ думается, что бытіе этого міра вовсе не можетъ быть доказываемо подобнымъ фактомъ. Исторія намъ показываетъ, что суевѣріе людей всегда и вездѣ было въ тѣсной зависимости отъ ихъ умственнаго и нравственнаго состоянія. Въ природѣ много довольно трудныхъ для изъясненія явленій. Ихъ можетъ выиснить одна только наука, уже богатая знаніями законовъ природы и ихъ дѣйствій въ матеріальномъ мірѣ. Съ другой стороны, для изъясненія непонятныхъ явленій природы нужно глубокое знаніе самой природы у наблюдающаго субъекта, потому что многое иногда только кажется сверхъестественнымъ, напримеръ при разстройствѣ наблюдающихъ органовъ, между тѣмъ какъ въ сущности это сверхъестественное не выходитъ изъ обыкновеннаго ряда вещей. Ясно, что недостатокъ тѣхъ и другихъ знаній долженъ былъ расширить фантастическій міръ. Человѣкъ встрѣчался съ какимъ-нибудь явленіемъ; не понимая возможности вывода его изъ общихъ законовъ природы, онъ по необходимости, по самой своей природѣ, требующей хотя какого-нибудь объясненія каждому факту, вводилъ въ природу сверхъестественныя силы и присутствіемъ ихъ объяснялъ извѣстныя въ ней явленія.

Вотъ почему количество невѣжества всегда равнялось количеству суевѣрія, и этотъ фактъ можно просто подвести подъ арифметическую пропорцію: чѣмъ больше было въ людяхъ невѣжества, тѣмъ больше было и суевѣрія. Доказательствомъ этого служитъ вся прожитая исторія человѣчества. Въ древнемъ мірѣ, при плохомъ знаніи природы, чрезвычайно много ходило разсказовъ о различныхъ чудесныхъ явленіяхъ въ природѣ. Тогда вѣрши въ сирень, этихъ полу людей, полу-рыбъ, въ чудесное возрожденіе феникса, въ чрезвычайное значеніе совы и т. п. Тогда Иппократъ могъ давать разные суевѣрные совѣты, а Плиній разсказывать о чудесныхъ явленіяхъ.

Великіе въ области отвлеченнаго мышленія люди, каковы Платонъ и Аристотель, не могли стать выше своего суевѣрнаго вѣка, когда дѣло шло объ объясненіи нѣкоторыхъ явленій природы. Также точно и въ средніе вѣка доказывалась жизнью вѣрность высказаннаго нами уравненія. X и XI вѣка, по сознанію самихъ латинскихъ писателей, — темные вѣка, были въ тоже время эпохой полнаго господства суевѣрія. До какой степени человѣчество тогдашняго времени расположено было къ ожиданію чудесъ, до какой степени оно пренебрегало простымъ и здравымъ взглядомъ на вещи — всего лучше доказывается приготовленіями къ первому крестовому походу. Плохое знакомство съ дѣйствительностью поддерживало въ людяхъ надежду найти секретъ превращенія желѣза въ зо-

лото, философскій камень, жизненный эликсиръ и т. п. А сколько чудесъ всякаго рода рассказываютъ намъ средневѣковыя лѣтописи, — чудесъ, которыми въ свое время вѣрили же люди! Вспомнишь, что и на Руси время глубокаго невѣжества было временемъ глубокаго суевѣрія. Кто читалъ описаніе жизни и нравовъ великорусскаго народа г. Костомарова въ XVI и XVII столѣтіяхъ, тотъ знаетъ, какъ въ эти времена глубокаго невѣжества глубоко погружены были народъ въ суевѣріе. Да и теперь необразованнѣйшая масса нашего простаго народа въ тоже время и чрезвычайно суевѣрна. Такая тѣсная связь невѣжества съ суевѣріемъ приводитъ насъ къ мысли, что главнѣйшій источникъ послѣдняго есть отсутствіе научнаго знанія законовъ природы, а вовсе не потребность челоѵка утончиться въ мѣръ духовъ, вовсе не внутреннее убѣжденіе въ дѣйствительности міра сверхъестественнаго. Невѣжество впродолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій вѣрило, что солнце ходитъ кругомъ земли, что судьба челоѵка зависитъ отъ сочетанія звѣздъ и т. п.; въ подобныхъ мнѣніяхъ челоѵчество въ свое время было такъ же крѣпко убѣждено, какъ и въ томъ, что у каждаго челоѵка есть рука, нога и т. п. Тѣмъ не менѣе никто теперь не вѣритъ въ эти истины и никто не станеть доказывать ихъ непрерывнымъ убѣжденіемъ въ нихъ невѣжественнаго челоѵчества.

Людское суевѣріе ни въ какомъ случаѣ не можетъ доказывать дѣйствительности міра сверхъестественнаго. Нельзя отрицать и того, что могутъ быть и теперь неразгаданныя явленія, которыя повидимому указываютъ на существа другого, чѣмъ мы, рода. Но эти явленія — неразгаданныя, непонятныя, слѣдовательно не могутъ быть основаніемъ для заключенія про или contra міра сверхъестественнаго. Вѣрное заключеніе можетъ у насъ выходить только тогда, когда достаточно установлена вѣрность первой послышки: а первая-то послышка тутъ оказывается непонятною — съ неизвѣстнымъ содержаніемъ. Настаетъ время, когда наука объяснитъ если не всѣ, то весьма многіе изъ фактовъ нынѣ непонятныхъ. И если послѣдніе могутъ служить основаніемъ для какихъ-либо заключеній, то развѣ только для выводовъ о недостаточности современной науки. И то много уже она разгадала такого, что прежде считалось выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. И наоборотъ, теперешняя наука можетъ указать много такого, что для невѣжества должно показаться чудомъ.

Въ былое время алхимики морочили челоѵчество, представляли необыкновенными самыя извѣстныя теперь истины. Въ этомъ имъ много помогала языкъ, какими излагали они свои открытія. Напримеръ, извѣстный алхимикъ Фламель, однажды трудясь въ своей ла-

бораторіи, сдѣлалъ химическое открытіе. Онъ открылъ самую обыкновенную вещь, что при погруженіи кусочка полированного желѣза въ растворъ купороса, мѣдъ быстро осѣдаетъ на поверхность желѣза въ металлическомъ состояніи; отчего желѣзо принимаетъ красивый цвѣтъ мѣди. Это явленіе теперь всякому извѣстно, кто только немного знакомъ съ гальванизмомъ. Но тогда была мода на необыкновенныя вещи, и Фламель самую простую жестию облекъ въ необыкновенную форму. Открытіе свое онъ записалъ такъ:

«Знайте всѣ, путешествующіе по Востоку, что если Марсъ, въ блестящемъ своемъ вооруженіи, бросится въ объятія Венеры, распавшей въ слезахъ, то онъ вскорѣ покраснѣетъ».

Галиматы эта долго быть-можетъ была предметомъ удивленія и благоговѣнія несвѣдущихъ людей. «Христіанскіе скептики» долго не могли понять, какимъ образомъ въ языческихъ храмахъ являлись боги, слышались голоса, статуи издавали по временамъ звукъ и т. п. Они принуждены были отрицать самыя факты, хотя достоверно, что факты дѣйствительно существовали. А наука разъяснить, что и въ этихъ фактахъ, повидимому необъяснимыхъ въ обыкновенныхъ законахъ, ничего нѣтъ сверхъестественнаго, а все основано на знаніи тѣхъ же законовъ, только соединенномъ съ умѣньемъ пользоваться ими для извѣстныхъ цѣлей. Теперь въ любви хорошему театру подражаютъ грому и молніи лучше чѣмъ въ языческихъ храмахъ, говоряція головы можно встрѣтить у любого фокусника; въ древнія времена слыли за чудо фонтаны, которые били: то виномъ, то масломъ, то водой. Въ Эвандѣ напримѣръ, три каменные урны, посвященныя Бахусу, внезапно наполнились виномъ въ день праздника этого бога. Плачущія статуи, неистощимыя лампы и сосуды, стеклянная гробница Бѣла, наполненная масломъ, которая, будучи опорожнена Ксерксомъ, не могла быть вновь наполнена, хотя въ нее было влито нѣсколько сотъ бочекъ масла, — все это въ свое время считалось самыми необыкновенными чудесами. Между тѣмъ теперь — эти вещи очень обыкновенны для того, кто нѣсколько знакомъ съ гидростатикою.

Въ жизни аѳроитно каждому изъ насъ приходилось выслушивать много разсказовъ про необыкновенныя явленія, звуки и т. п., — разсказовъ, герои которыхъ, казалось, были существа нездѣшняго міра. Сколько напримѣръ разсказываютъ о явленіяхъ мертвецовъ, привидѣній, про голоса, которыя неизвѣстно откуда выходили и предсказывали будущее. Всему этому не можетъ не вѣрить человѣкъ, незнакомый съ наукой. Между тѣмъ для образованнаго человѣка подобнаго рода вещи не болѣе, какъ субъективныя иллюзіи, галлюцинаціи. Въ какія заблужденія можетъ вводить напри-

мѣръ нашъ глазъ. Глазомъ мы видимъ предметы; но представленіе предметовъ согласно съ дѣйствительностью только тогда, когда здоровъ нашъ глазъ. То или другое ненормальное состояніе частей глаза, ралужной оболочки, глазныхъ нервовъ, хрусталика — бываютъ причиною различныхъ ненормальныхъ чувственныхъ воспріятій. Напримѣръ больному желтухою всѣ предметы кажутся желтыми. Если мы вспомнимъ при этомъ, что при нашемъ чувственномъ воспріятіи важную роль играетъ то или другое состояніе наблюдающей души, такъ какъ ей собственно передаетъ нашъ глазъ впечатлѣніе; что съ другой стороны, то или другое воспріятіе впечатлѣнія душою зависитъ отъ мѣры ея развитія, отъ свойства понятій, съ какими она приступаетъ къ наблюденію, — то мы поймемъ, сколько можетъ быть ошибокъ, иллюзій, отъ недостаточности какого-нибудь изъ этихъ условій. При недостаткѣ освѣщенія всѣ предметы представляются намъ очень неясно. Наблюдающій ихъ глазъ напрягается, а потому приходитъ въ ненормальное положеніе, и освѣщенные предметы то увеличиваются, то уменьшаются. Такія иллюзіи случаются напримѣръ съ охотниками: замѣченная вдали дичь то теряется у нихъ изъ виду, то опять появляется, хотя она и стоитъ на одной точкѣ. А то можетъ случиться, что въ худо-освѣщенной комнатѣ, слишкомъ слабо освѣщенные предметы могутъ принимать фантастическіе образы. Стараясь сколько можно яснѣе разсмотрѣть такіе предметы, глазъ естественно старается принять въ себя какъ можно болѣе свѣта, зрачокъ расширяется до послѣдней степени, и въ такомъ неестественномъ состояніи, глазъ, худо постигая формы предметовъ, легко можетъ передать мозгу ошибочное о нихъ заключеніе. Какихъ тутъ не явится привидѣній человѣку легковѣрному, трусу, съ развитой фантазіей, худо знакомому съ естественными законами? Привидѣнія всегда являются въ одномъ бѣломъ цвѣтѣ, и это очень понятно, потому что въ темнотѣ только и можно разглядѣть бѣлый цвѣтъ. Одни части предмета могутъ быть больше освѣщены, чѣмъ другія, которыя будутъ то являться нашему глазу, то исчезать, и вотъ неподвижное можетъ показаться движущимся. Подите вы послѣ разувѣрять суевѣра, что его привидѣніе — иллюзія, что все ему только показалось, а на дѣлѣ ничего нѣтъ соответствующаго его разсказу. «Собственными глазами самъ видѣлъ!» скажетъ онъ.

А сколько можетъ быть обмановъ зрѣнія, такъ называемыхъ глазныхъ спектровъ! Они состоятъ въ томъ, что усмотрѣнный нами въ извѣстномъ цвѣтѣ предметъ, часто окрашивается дополнительнымъ цвѣтомъ, послѣ того какъ мы уже отвели отъ него глазъ. Въ физикѣ указаны дополнительные цвѣта каждому основ-

вому цвѣту, явленіе это самое обыкновенное. Возьмите красную фигурку и наклейте ее на бѣлый листъ бумаги. Посмотрите сначала на нее, вы получите впечатлѣніе краснаго цвѣта; потомъ, когда вы отведете глазъ на бѣлое поле бумаги, на немъ вы увидите ту же фигурку, только уже зеленаго цвѣта. Такимъ образомъ можетъ случиться, что фигурка, движущаяся среди сильно освѣщеннаго пространства, произведетъ спектръ, который покажется пожалуй невѣждѣ чудеснымъ явленіемъ. Вотъ случай, рассказанный по этому поводу г. Хотинскимъ:

• Одинъ молодой человекъ, жившій въ деревнѣ, ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ прибытія нотаріуса, котораго онъ приглашалъ къ себѣ по весьма важному дѣлу. Нотаріусъ замедлилъ пріѣздомъ, и молодой человекъ, въ нетерпѣніи выйдя на балконъ, съ напряженіемъ смотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ прибыть ожидаемый гость. Въ это время небо было покрыто весьма густыми облаками, между которыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проглядывала свѣтлая лазурь неба. Домъ молодого человека былъ застанъ густою тучею, какъ вдругъ въ отдаленіи проглянуло солнце и освѣтило яркимъ свѣтомъ узкую полосу далекой равнины, которой вся остальная часть была по прежнему въ тѣни; въ тоже время появился вдали всадникъ, одѣтый въ черное платье, сидящій на бѣлой лошади. Онъ ѣхалъ именно по такому направленію, что солнце сильно освѣщало его, а окрестность находилась въ густой тѣни отъ тучъ. Подоарѣвая въ этомъ всадникѣ ожидаемаго нотаріуса, молодой человекъ съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ движущуюся фигуру; наконецъ, убѣдившись, что это дѣйствительно тотъ, кого онъ ожидалъ, онъ было задумалъ сѣсть ему навстрѣчу. Но каково же было удивленіе нашего юноши, когда онъ, оборотившись на балконъ и случайно взглянувъ въ противоположную сторону, увидѣлъ тамъ въ облакахъ, на темномъ фонѣ тучъ, другого, точно такого же всадника, какъ и нотаріусъ, но только одѣтаго въ бѣлое и ѣдущаго на черной лошади. Мало того, въ которую сторону ни обращался упомянутый молодой человекъ, вездѣ являлось ему новое изображеніе бѣлаго всадника на черномъ конѣ. Ясно, что то былъ спектръ нотаріуса. А если бы молодой человекъ не зналъ физики и былъ суевѣренъ, то это приключеніе могло бы породить не одну исторію о привидѣніяхъ.

То или другое состояніе желудка, крови, легко можетъ отзвѣчаться на глазъ, слѣдовательно и на самомъ воспріятіи. Стоитъ принять бѣлены — и намъ будутъ представляться самыя чудовищныя явленія. Больной горячкою на яву видитъ разныя выходящія изъ разряда обыкновенныхъ явленія. Разстроенное воображеніе, разстройство желудка, разстройство глазныхъ органовъ, слабость ума, соединеніе всѣхъ этихъ условій въ одномъ человекѣ можетъ быть

причиной самых удивительных и чудесных видений. Не можем не выписать любопытнѣйшаго разсказа, сюда относящагося и приведеннаго г. Хотинскимъ, объ одной англійской дамѣ.

Госпожа М... была постоянно здорова и не замѣчала никакихъ необыкновенныхъ видений. 26 декабря 1830 года, въ половинѣ пятого часа, вечеромъ, сидя предъ каминомъ, она вспомнила, что пора уже было одѣваться къ обѣду. Боясь опоздать, она встала съ поспѣшностью, но не успѣла сдѣлать двухъ шаговъ, какъ вдругъ ей послышался голосъ ея мужа, кричавшій: «пои сюда, води скорѣе!». Полагая, что мужъ ея за дверью, она торопливо отворила ее, но къ удивленію, не нашла тамъ никого. Въ это самое время вновь послышался ей голосъ, повторявшій тѣ же прывычныя слова за другою дверью, бывшею въ той же комнатѣ. Госпожа М... отворила и эту дверь, но не нашла и тамъ никого. Это ей показалось до того страннымъ, что она немного встревожилась и для успокоенья вновь присѣла на кресло, стоявшее противъ камина. Но тутъ послышался ей вновь голосъ мужа; на этотъ разъ онъ былъ громче, перенервнѣе и выражалъ какъ-будто страданіе, повторяя тѣ же самыя слова, какъ и въ первые два раза. Госпожа М... не вставая со стула, громко отвѣчала, полагая, что мужъ ищетъ ее: «Я не знаю, откуда ты зовешь меня; я сижу у камина». Не получая на это никакого отвѣта и не видя мужа, дамѣ пошла искать его по всѣмъ комнатамъ, но къ удивленію, не нашла его въ нѣмомъ домѣ. Уже полчаса спустя, господинъ М... возвоинилъ у входа, возвращаясь домой къ обѣду. Жена разсказала ему странный случай, который нынѣ ейчасъ описала, и мужъ объявилъ ей, что полчаса тому назадъ онъ былъ еще на противоположномъ концѣ города. Къ обѣду явилось нѣсколько знакомыхъ. Случай былъ нынѣ разсказанъ и послужилъ предметомъ для веселаго разговора, причислъ одна дама призналась, что съ нею было сходное явленіе за десять лѣтъ предъ тѣмъ, во Флоренціи, гдѣ она, возвратясь съ бала, слышала голосъ мужа, бывшаго въ то время въ Англій. Все это было обращено въ шутку и навѣрное бы забылось, какъ незначащій случай, если бы черезъ четыре дня послѣ того не произошло поваго, болѣе замѣчательнаго явленія. Въ первый разъ была обманута слухъ; во второй разъ обманывалось зрѣніе.

30-го декабря, въ 4 часа по полудни, госпожа М... возвращаясь въ гостиную, изъ которой вышла за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, увидѣла мужа своего, стоящаго спиною къ камину. Зная, что онъ выпелъ за полчаса передъ тѣмъ для прогулки, которая обыкновенно продолжалась отъ одного до двухъ часовъ, она съ удивленіемъ спросила у него, отчего онъ такъ рано возвратился домой? Фигура, неподвижно стоявшая передъ каминомъ и какъ дѣйствительная вода-покомья на ея мужа, пристально посмотрѣла на госпожу М..., съ выраженіемъ задумчивости и печали на лицѣ, но не проманила ни слова. Дамѣ, полагая, что мужъ получилъ неожиданно какое-либо неприятое извѣстіе,

подожгла къ нему и сѣла на пресла передъ каминомъ, едва въ двухъ футахъ отъ привидѣнія, которое считала своимъ мужемъ. Видя, что тотъ не спускаетъ съ нея глазъ, она, посидѣвъ минуты съ три, обратилась къ нему съ вопросомъ, отчего онъ молчитъ, и протянула руку, чтобы приблизить его къ себѣ. Въ то же самое мгновеніе фигура отодвинулась отъ нея и быстрыми шагами пошла къ окну, причѣмъ, къ удивленію дамы, не слышно было ни шума шаговъ, ни шороха платья, ни движенія воздуха: подойдя къ окну, фигура остановилась и продолжала смотрѣть на госпожу М...

• Англичанка была женщина не робкаго десятка, и ей не разъ случалось говорить съ учеными о привидѣніяхъ. Мгновенно мелькнула въ умъ ея мысль испытать средство, слышанное ею нѣкогда отъ свра Дэвида Брюстера, для отличенія видѣній дѣйствительныхъ отъ призраковъ воображенія, состоящее въ пожатіи одного глаза пальцемъ съ боку. Но прежде чѣмъ господина М... собралась съ духомъ, чтобы сдѣлать этотъ опытъ, привидѣніе исчезло за занавѣсью окна. Въ недоумѣніи, что объ этомъ подумать, и все еще сомнѣваясь, не мужъ ли это, она бросилась къ окну, но не нашла тамъ никого. Видя невозможность для тѣлеснаго существа скрыться подобнымъ образомъ, дама убѣдилась, что привидѣніе было результатомъ ея воображенія, занятаго мыслью о мужѣ; а такъ какъ это была женщина весьма умная и образованная, то она нисколько не тревожилась этимъ видѣніемъ.

• Забѣливая, что оно случилось при дневномъ свѣтѣ и продолжалось около пяти минутъ. Привидѣніе было рѣшительнымъ двойникомъ господина М... и являлось со всѣми признаками тѣлеснаго существованія, закрывая собою предметы, находившіеся за нимъ. Последнее обстоятельство очень памятно г-жѣ М...

• Оба разсказанные нами видѣнія случились съ госпожею М... въ то время, когда она была одна въ комнатѣ, но 4 января 1831 года видѣніе повторилось въ другихъ обстоятельствахъ.

• Въ упомянутый день, въ десять часовъ вечера, господинъ и госпожа М... сидѣли вѣсѣтъ въ своей гостиной, и первый всталъ къ камину, чтобы поправить горѣвшіе угли. Въ это мгновеніе жена его вскричала: «кто пустилъ сюда кошку?». Мужъ обернулся, и видя, что жена показываетъ на уголь возлѣ камина, гдѣ рѣшительно ничего не было, ударилъ по этому мѣсту щипцами. «Не тронь ее! закричала жена: это Китти!». Въ домѣ находились двѣ кошки, изъ которыхъ одну дѣйствительно звали этимъ именемъ. «Китти! Китти! продолжала звать госпожа М...; поди сюда! кто пустилъ тебя въ гостиную?». Мужъ, не видя ничего, утѣрялъ жену, что она ошлбается и въ гостиной нѣтъ кошки; но дама встала съ дивана, и чтобы доказать мужу, что она права, хотѣла взять кошку на руки; но та будто побѣжала отъ нея и спряталась на стулѣ.

• Крикнули людей, но кошки не оказалось въ гостиной, и сама госпожа М... не видѣла ея болѣе. Лежавшая у ногъ мужа собака, очень любившая кошку, оставалась спокойною, и вдобавокъ обѣ кошки

тогда же найдены въ комнатѣ у ключницы, гдѣ онѣ давно уже спали. Тутъ только госпожа М... убѣдилась въ томъ, что сцена эта была плодомъ, созданнымъ ея воображеніемъ.

• Не смотря на эти странности, М... оставалась постоянно здоровою какъ тѣлесно, такъ и умственно.

• Прошло съ мѣсяць, и уже мужъ началъ полагать, что подобныя сцены не повторятся болѣе, какъ вдругъ неожиданно случилось новое странное явленіе.

• Госпожа М..., бывшая цѣлый день на ногахъ, очень устала къ вечеру и потому торопилась лечь въ постель. Было одинадцать часовъ вечера, и она убирала на ночь свои волосы, стоя передъ зеркаломъ и думая тольчо о томъ, какъ бы поскорѣе улечься и заснуть. Вдругъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ: въ зеркалѣ увидѣла она, что за нею стоитъ одинъ изъ ея родственниковъ, бывший въ то время въ Шотландіи. Привидѣніе казалось стояло за лѣвымъ ея плечомъ, и глаза ихъ встрѣтились въ зеркалѣ. Пришлецъ былъ закутанъ съ головы до ногъ въ саванъ, какимъ обыкновенно обертываютъ покойниковъ; выраженіе лица было сердитое и виѣстѣ печальное, а глаза, хотя и открытыя, смотрѣли мутно, какъ бы лишонные жизни. Нѣсколько минутъ г-жа М... находилась подъ вліяніемъ того обаянія, которое отнимаетъ у насъ иногда весь произволъ дѣйствій и приковываетъ зрѣніе исключительно къ одному предмету. Невольно смотрѣла она въ зеркало на пришельца изъ могилы и могла въ подробности рассмотреть даже, какимъ швомъ и покроемъ былъ сшитъ саванъ. Наконецъ когда, опомнившись, она обернулась, чтобы убѣдиться въ истинѣ призрака, — привидѣніе исчезло и не появилось болѣе ни на зеркалѣ, ни въ комнатѣ.

• Родственникъ госпожи М., тѣмъ котораго такъ ее перепугала, былъ въ это время дѣйствительно въ Шотландіи и пользовался совершеннымъ здоровьемъ.

• Въ началѣ марта случилось, что мужъ нашей героини провелъ большую часть ночи внѣ дома, на званомъ вечерѣ. Во все это время жена его, лежа въ постели, не спала и непрерывно слышала близъ себя не только дыханіе мужа, но и повороты его въ постели. Какъ ни старалась она увѣрить себя въ невозможности подобнаго явленія, оно продолжало совершаться предъ нею какъ въ яракѣ, такъ даже и тогда, когда внесена была въ комнату свѣча. Жена не видѣла своего мужа, но постоянно слышала его дыханіе и его движенія.

• Очень часто случалось ей впоследствии слышать голосъ мужа въ то время, когда онъ былъ въ отсутствіи. Этотъ голосъ не только произносилъ отдѣльныя фразы, но велъ цѣлыя разговоры съ какими-то лицами, отвѣты которыхъ не были слышны. Голосъ мужа не отвѣчалъ на вопросы жены, и вообще, когда обращался къ ней, то никогда не предлагалъ вопросовъ. Рѣчь ограничивалась описаніемъ окрестныхъ видовъ, разговоромъ слышаннаго и видѣннаго, или изложеніемъ разныхъ проектовъ объ улучшеніяхъ по имѣнію. Невидимый собесѣдникъ го-

ворилъ, какъ-будто онъ дѣйствительно тутъ былъ, никогда не дѣлалъ вопросовъ и не отвѣчалъ на нихъ.

- 17-го марта, госпожа М., приготовляясь лечь въ постель, взяла ножную ванну и выслала отъ себя горничную. За часъ передъ тѣмъ она читала «Edinburgh Review», и теперь припомнила себѣ одну замѣчательную статью этого журнала. Вдругъ поднявъ глаза, она увидѣла на бушеткѣ сидящую фигуру, точь-въ-точь похожую на ея покойную родственницу и пріятельницу, сестру ея мужа. Привидѣніе было одѣто въ платье, которое покойница любила носить въ послѣдній годъ ея жизни; оно сидѣло весьма покойно, немного развалиясь и держа въ рукѣ платокъ. Г-жа М. замѣтила изысканную простоту туалета, разглядѣла даже всѣ мелочи и хотѣла заговорить съ привидѣніемъ, которое пристально смотрѣло на нее, однакожь внутреннее волненіе не позволило ей выговорить слова раньше, какъ по прошествіи минутъ трехъ. При первомъ звукѣ голоса привидѣніе исчезло, и немедленно вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ спальню мужъ госпожи М. Она рассказала ему всѣ подробности видѣнія, совершившагося, по ея словамъ, съ необыкновенною ясностью, отличающею дѣйствительныя, естественныя явленія.

Какъ при этомъ, такъ и при другихъ иллюзіяхъ чувства зрѣнія, госпожа М., за нѣсколько часовъ до видѣнія призрака, чувствовала въ глазахъ какое-то особенное, неизъяснимое ощущеніе, достигавшее высшаго развитія во время самаго видѣнія и исчезавшее вмѣстѣ съ нимъ.

5-го октября, ночью, г-жѣ М. являлось привидѣніе ея тещи, умершей въ Парижѣ, въ 1824 году. 11-го числа, въ то время какъ у ней были гости, показалось нашей дамѣ, что одна ея пріятельница, умершая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вдругъ вошла и сѣла на кресло, противъ камина. Такъ какъ комната была наполнена гостями, то хозяйка, отложивъ въ сторону пустой страхъ, рѣшилась встать съ дивана и сѣсть на кресло, занятое привидѣніемъ. Но едва только подошла она къ креслу, какъ привидѣніе мгновенно исчезло.

26-го числа г-жѣ М. показалось, что карета, запряженная четвернею, вѣзжала къ ней на дворъ, и она уже хотѣла отойти отъ окна, приготовляясь принимать гостей, какъ вдругъ любопытствовала взглянуть сперва, кто къ ней пріѣхалъ. Карета была въ это мгновеніе прямо подъ окномъ, и несчастная женщина съ ужасомъ увидѣла, что какъ кучеръ, такъ и особы сядшія въ каретѣ, были скелеты, одѣтые въ нарядное платье. Нѣсколько минутъ она стояла какъ-бы окаменѣлая отъ страха, и только когда мужъ вошелъ въ комнату, она собралась съ силами и вскрикнула. Въ то же самое мгновеніе карета и скелеты исчезли, не оставивъ слѣда.

Иногда иллюзіи бываютъ такого рода, что и для человѣка безъ предрасудковъ много бываетъ нужно ума и твердости, чтобы сохранить присутствіе духа при необычайныхъ иллюзіяхъ. Явленія

бываютъ иногда такъ поразительны, что образованный человѣкъ забываетъ, что въ жизни и природѣ все совершается по естественнымъ, разъ навсегда установленнымъ законамъ. Такое явленіе впрочемъ очень понятно: человѣкъ постоянно видитъ все въ естественномъ состояніи, и привыкъ вѣрить въ непогрѣшимость своего видѣнія; потомъ вдругъ глазъ подвергается иллюзіи и человѣку въ голову не придетъ мысль, что глазъ можетъ-быть обманывается. Вотъ почему нерѣдко случается, что и образованные люди часто подтверждаютъ дѣйствительность такихъ вещей, которыя несбыточны, невозможны по естественнымъ законамъ. Каждый изъ насъ привыкъ всего болѣе довѣрять своему глазу и неудивительно, что мы введемъ въ обманъ другихъ, когда насъ обманываетъ собственный глазъ нашъ. Иллюзіи въ разсказахъ иногда выдаются за самыя несомнѣныя исторіи, если имъ подверглось нѣсколько человѣкъ разомъ. Такія напримѣръ иллюзіи бываютъ съ моряками, которые видятъ глазомъ корабли въ воздухѣ, видятъ вблизи населенные берега, или путешественники по Сагарѣ видятъ рѣки и плодородныя долины: это такъ называемые миражи. Таковъ напримѣръ Брокенскій миражъ, въ который, Богъ знаетъ сколько вѣковъ, вѣрили же люди, какъ въ чудесное явленіе роговъ. Между тѣмъ оптикъ все это объяснить намъ изъ законовъ преломленія и отраженія свѣта.

Статья г. Хотинскаго о заблужденіяхъ зрѣнія очень интересна, и мы рекомендуемъ прочитать ее нашимъ читателямъ. Мы бы поподробнѣе сами познакомили съ содержаніемъ ея нашихъ читателей, но недостатокъ мѣста заставляетъ насъ перейти къ другимъ интереснымъ выводамъ г. Хотинскаго. Перейдемъ къ обманамъ слуха.

Слухъ можетъ вводить насъ въ большія заблужденія, особенно если мы не можемъ правильно судить о направленіи и разстояніи звуковъ. Когда звучащее тѣло передъ нашими глазами, недалеко отъ насъ, мы вѣрно можемъ отдать себѣ отчетъ, откуда берутся извѣстные звуки. Но можетъ случиться, что звукъ долетаетъ до нашего уха тогда, какъ мы не можемъ сказать навѣрное, откуда берется онъ, когда мы не видимъ самой причины, производящей звукъ. Тогда,сообразно тому или другому своему настроенію въ данную минуту, мы отыскиваемъ и различныя причины необыкновеннаго явленія. Положимъ, мы ночуемъ напримѣръ въ мельницѣ или на гумнѣ, о которыхъ въ дѣтствѣ наслушались, что тамъ живетъ нечистая сила. Очень можетъ случиться, что вой вѣтра въ такихъ мѣстахъ человѣкъ не очень развитый приметъ за игру нечистой силы и т. под. Останься суевѣрный человѣкъ въ одной комнатѣ съ мертвецомъ, про котораго еще при жизни его ходили ве-

добрые слухи, — и неудивительно, если онъ шелестъ листьевъ, цвѣтовъ, которые будутъ тутъ стоять на окошкѣ, приметъ за попытки мертвеца подняться изъ гроба. Необъяснимость, таинственность звуковъ всегда только усиливаетъ бредъ нашей фантазіи и настроиваетъ ее къ чудесному, необыкновенному. Вотъ почему случается иногда, что самые безстрашные люди, принужденные ночевать въ опустѣломъ зданіи, гдѣ фантазія окрестныхъ жителей помѣстила бездну привидѣній, приводятся въ страхъ очень естественными звуками, но только для нихъ необъяснимыми. Страхъ еще болѣе будетъ увеличиваться, если мы будемъ дѣлать самые легкія и поверхностныя изслѣдованія таинственныхъ звуковъ. Отыскать причины тутъ мы пожалуй и не отыщемъ, а между тѣмъ наши quasi-изслѣдованія дадутъ въ глазахъ нашихъ право думать о данномъ явленіи какъ о сверхъестественномъ. И тогда никто не разубѣдитъ человѣка, что слышанное имъ не болѣе какъ иллюзія слуха: скажетъ «самъ слышалъ, и сначала не вѣрилъ, но потомъ уже изслѣдовалъ и повѣрилъ». По этому случаю у г. Хотинскаго разсказывается довольно интересный случай, бывшій съ нимъ самимъ. Дѣло было вотъ въ чемъ. Г. Хотинскій былъ приглашонъ на похороны своего родственника Василья Ермолаевича, проживавшаго въ помѣстьѣ. Этотъ родственникъ при жизни былъ охотникъ играть на флейтѣ. Померъ онъ скоропостижно, что въ глазахъ простыхъ людей даетъ особенное значеніе покойнику. Послѣ похоронъ, ночью г. Хотинскій вдругъ услышалъ, въ своей временной спальнѣ, звукъ флейты, который казалось выходилъ изъ прямо находившейся надъ головою его комнаты, гдѣ жаль, а потомъ лежалъ покойникъ. Надобно замѣтить, что комната послѣ похоронъ была приведена въ порядокъ, замкнута и запечатана, слѣдовательно тамъ никого не могло быть. Чѣмъ долѣе вслушивался въ звуки г. Хотинскій, тѣмъ явственнѣе они становились для него и онъ подумалъ, что кто-нибудь изъ родственниковъ хочетъ подшутить надъ нимъ. Зажегъ свѣчу, поднялся наверхъ къ комнатѣ покойника: ни флейтиста, ни звуковъ нѣтъ; двери замкнуты и запечатаны. По возвращеніи въ спальню, г. Хотинскій опять услышалъ тѣ же самые звуки. Разбуженные лакеи подтвердили, что слышанные звуки дѣйствительно принадлежатъ покойнику и слышатся изъ его комнаты. Всюлопился цѣлый домъ. Комнату распечатали, и чтоже? Она была приведена въ порядокъ, а нашли, что кресла были отодвинуты, ящикъ съ флейтою открытъ, сапоги покойника разбросаны по комнатѣ, тогда какъ все это было приведено въ порядокъ. Вся дворян предположила, что это именно покойникъ игралъ на флейтѣ и что онъ ходитъ съ кладбища въ домъ для этой дѣли. Съ разсвѣтомъ начались изслѣдованія г. Хотинскимъ, и

онъ наполь, что причиною этихъ звуковъ былъ воздухъ, проходившій въ трубу, неплотно прикрытую вьюшкой. Не имѣя возможности судить о подлинномъ направленіи и разстояніи звуковъ, г. Хотинскій отвесъ ихъ къ комнатамъ, находившимся надъ его головой и нѣкогда принадлежавшимъ покойнику. Остальные суевѣрные свѣдѣтели явленія еще легче могли быть введены въ заблужденіе. Мебель была не въ порядкѣ оттого, что, какъ вспомнили послѣ, многіе гости возвращались въ комнату, уже когда все въ ней было приведено въ порядокъ, за забытымъ сургучомъ, для запечатанія комнаты, а самъ же г. Хотинскій отодвинулъ тогда кресло покойника. Такимъ образомъ ларчикъ просто открывался. Между тѣмъ оставъ г. Хотинскій это дѣло безъ изслѣдованія, пошла бы въ ходъ исторія, что-молъ являлся покойникъ и т. д.

И сколько ходитъ въ народѣ quasi-чудесныхъ исторій, въ основѣ которыхъ лежитъ именно иллюзія слуха. Особенно подобныя исторіи восходятъ на самую высшую степень вѣроятности, когда съ иллюзіей слуха соединяется и иллюзія зрѣнія. Привидится бѣдое движущееся существо — и намъ легко представится, что мы слышимъ шумъ его шаговъ и т. д. Послышатея звуки похожіе на шаги — какъ-разъ, при живомъ воображеніи, увидимъ и привидѣніе, причину этихъ звуковъ. И если бы повнимательнѣй разобрать каждый рассказъ о подобнаго рода привидѣніяхъ, такъ можетъ-быть только десятая развѣ часть ихъ не пошла бы подъ категорію вышеупомянутыхъ иллюзій.

До какой степени мы способны къ иллюзіямъ слуха — это доказываетъ чревоушчаніе. Передъ нами говоритъ человекъ, но онъ такъ искусно скрываетъ движеніе рта и чертъ лица, что мы не замѣчаемъ въ немъ ничего необыкновеннаго. Между тѣмъ звуки мы слышимъ и видимой причины ихъ мы не замѣчаемъ; вотъ и можетъ показаться намъ, что съ нами бесѣдуетъ невидимый таинственный голосъ. Вотъ что говоритъ о чревоушчаніи знаменитый физиологъ профессоръ Юганъ Мюллеръ.

• Человекъ можетъ издавать, въ извѣстныхъ условіяхъ, звуки и даже произносить слова совершенно отличнымъ отъ обыкновеннаго образомъ. Мы говоримъ о чревоушчаніи. Нѣкоторые физиологи, слѣдуя Мажанди, полагаютъ, что звуки, производимые чревоушчателами, составляютъ только видоизмѣненіе звуковъ, происходящихъ изъ голосового механизма человека. Другіе, напротивъ того, объясняютъ ихъ особою причиною, предполагая напримѣръ, что чревоушчателы произносятъ слова не во время выдыханія, а во время вдыханія воздуха. Это послѣднее объясненіе пользуется въ настоящее время большимъ авторитетомъ.

• Нельзя отрицать, продолжатъ Мюллеръ, что звуки могутъ соче-

няться во время вдыханія, не смотря на затрудненія, которыя необходимо для этого преодолѣвать, и что звуки, такимъ образомъ произведенные, имѣютъ большое сходство съ чревоушательными. Впрочемъ я не думаю, чтобы такая теорія была справедливою. Существуютъ другіе, гораздо легчайшіе способы видоизмѣнять звонъ голоса, и по моему мнѣнію, къ нимъ-то и прибѣгаютъ чревоушатели.

• Я дѣлаю весьма глубокое вдыханіе воздуха, такъ что діафрагма выпираетъ впередъ внутренности брюха, потомъ выдыхаю особеннымъ образомъ, сильно сжимая дыхательное горло и весьма медленно вытѣсняя воздухъ сжиманіемъ стѣнокъ груди, тогда какъ діафрагма сохраняетъ то же самое положеніе, которое она имѣла при вдыханіи, и сдѣловательно брюхо остается выдавшимся впередъ въ теченіи времени образованія звуковъ рѣчи. Интонація, помощію сильнаго сжатія дыхательнаго горла, при медленномъ выдыханіи, посредствомъ сжатія однихъ грудныхъ стѣнокъ, безъ содѣйствія брюшныхъ мускуловъ, раждаетъ тѣ особенные звуки, которыми отличается чревоушаніе. Звуки, образующіеся при этомъ, кажутся принесенными издадека и похожи на приносимые челоукомъ, стоящимъ поодаль.

• При этомъ самое лицо, производящее опытъ, впадаетъ сначала въ заблужденіе. Такъ какъ животъ остается вздутымъ во время рѣчи, то кажется, будто бы мы говоримъ въ продолженіе періода вдыханія. Вскорѣ однако убѣждаемся, что звуки образуются не при вдыханіи, а дѣйствительно во время выдыханія, потому что если продолжать рѣчь, пока запасъ воздуха въ груди истощится и звуки прекратятся, за неимѣніемъ воздуха въ сжавшейся груди, то необходимо сдѣлать новое вдыханіе, которое тотчасъ обнаружитъ первоначальное заблужденіе.

• Между эффектами чревоушанія, заключаетъ Мюллеръ, многіе зависятъ отъ обмана слуха и другихъ чувствъ. Мы весьма трудно различаемъ направленіе и разстояніе звуковъ, и если вниманіе наше устремлено на какой-либо предметъ, то воображеніе, независимо отъ воли, переноситъ туда же звуки наши, слышимые безъ очевидной причины изъ источника.

Дѣйствительно, мы скорѣе готовы предположить какую угодно самую негѣпную причину звуковъ — какъ говоритъ г. Хотинскій — чѣмъ предполагать ее въ челоуцѣ, который можетъ издавать звуки не открывая рта и не двигая лицевыми мускулами. И конечно этой способностью челоука заблуждаться — очень хорошо пользовалась въ свое время злонамѣренность и корысть. Въ языческихъ храмахъ слышались голоса, которые издавались статуями; если въ нихъ не помѣщались жрецы, то очень вѣроятно, что цѣль достигалась болѣе искусственнымъ образомъ. Приходившіе поклонники настроены были ко всему необыкновенному и чудесному; глядя на статуи, они ожидали отъ боговъ изрѣченій и вѣщаній. Что удивительнаго, если они приписывали звуки этимъ статуямъ, тогда какъ ихъ издавали

чревоушители жрецы? Очень можетъ быть, что подобныя исторіи повторялись и позже. Невѣжественное человѣчество всегда и вездѣ очень легко поддается обману; его суевѣріемъ очень искусно могли пользоваться для извѣстныхъ цѣлей люди, вѣсколько знакомые съ наукой. И если бы теперешняя наука захотѣла измѣнить шестимѣ, и стала бы послушнымъ средствомъ въ рукахъ своекорыстныхъ людей, то вѣтъ сомнѣнія, она много могла бы указать такого, что по видимому необъяснимо и неспостижимо.

Спросите человѣка незнакомаго съ механикой, а еще лучше съ устройствомъ тѣла человѣческаго, чтобы онъ, какъ одинъ фокусникъ Эксбергъ, на поясницѣ выдержалъ деревянную площадку, на которой положена была мѣдная пушка до 70 пудъ вѣсомъ. Съ перваго взгляда — такъ это дѣло совершенно невозможное. Между-тѣмъ на такой опытъ можетъ, съ полной надеждой на успѣхъ, пуститься человѣкъ съ самой обыкновенной силой. Дѣло въ томъ, что кости таза, который облегается ремнемъ образуютъ двойной сводъ, и нужна необычайная сила, чтобы раздавить его. Ноги человѣка могутъ выдержать давленіе отъ 100 до 120 пудъ, и человѣкъ, ловко упершись ногами въ устоя, можетъ поддерживать на крестцѣ тяжесть до 70 пудъ.

А то какъ возможно — подумается съ перваго взгляда — чтобы человѣкъ безъ вреда могъ давать разбивать на наковальнѣ, помѣщенной на его груди, камни? Вѣдь выстоитъ ли грудь подъ ударами? Между тѣмъ, благодаря упругости воздуха, крѣпости грудной полости и инерціи наковальни, подобныя опыты могутъ быть совершенно безвредными.

Не чудеснымъ ли для человѣка, незнакомаго съ механикою, можетъ показаться автоматъ, отлично играющій въ шахматы, автоматъ, который очень удачно подражаетъ человѣческому голосу и т. п.?

Скажите простому человѣку, что можно ходить по чугунной, добѣла раскаленной плитѣ, что можно безъ опасности три-четыре секунды мыть руки въ раскаленномъ чугунѣ, золотѣ и другомъ металлѣ, что можно образовать ледъ въ добѣла раскаленномъ тиглѣ? Онъ никогда не повѣритъ вамъ, и если увидитъ самые опыты, то скорѣй всего припишетъ ихъ сверхъестественной причинѣ. Между тѣмъ это самыя обыкновенныя вещи, которыя не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ явленій, подчиненныхъ вѣчнымъ, неизблѣннымъ законамъ природы.

Наука много уже разъяснила такого, что въ свое время считалось самымъ чудеснымъ, и что она можетъ представить съ своей стороны много такого, что для простого человѣка можетъ пока-

заться сверхъестественнымъ. Въ настоящую минуту конечно она при всемъ своемъ развитіи еще не можетъ объяснить пзъ естественныхъ законовъ всего, что намъ кажется необычайнымъ. Но у науки есть будущность, и вѣроятно она не замедлитъ освободить человѣчество отъ пловъ, мѣшающихъ только его развитію.

Суевѣріе слишкомъ рано закрадывается къ нашу душу. Дитя первыхъ порохъ жизни бываетъ очень воспріимчиво къ разнаго рода впечатлѣніямъ. Такъ какъ все въ мірѣ для него ново, интересно, оно съ любопытствомъ наблюдаетъ, слушаетъ про всякаго рода новыя для него вещи. При особенномъ развитіи въ дитяти воображенія, оно склонно бываетъ преимущественно къ образамъ, и забавляясь всѣмъ необычайнымъ, любитъ фантастическое. Хорошо, если въ эту пору своего развитія дитя окружено здоровой сферой, которая, развивая въ немъ фантазію, удовлетворяя его любопытству, не воспитываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ суевѣрнаго страха. А то необразованныя матери, няньки-невѣжды своими нелѣпыми рассказами про нелѣпыя событія поражаютъ въ молодой душѣ склонность къ таинственному и чудесному, и вслѣдствіе того недовольство простыми и естественными рассказами. И малютка, наслушавшись про домовыхъ, водяныхъ, про разныхъ привидѣній, страшныхъ мертвецовъ, такъ сильно иногда предается суевѣрному страху, что считаетъ для себя невозможнымъ остаться одному въ темной комнатѣ, боится одинъ спать, и во снѣ грезитъ такъ, что нерѣдко просыпается въ ужасѣ. Мы конечно не противъ тѣхъ легендъ и сказокъ, которыя развиваютъ въ дѣтяхъ эстетическое чутье, развертываютъ въ нихъ фантазію и, главное, знакомятъ его съ народомъ. Образы, ими рисуемые, вовсе не ужасны, не страшны, не поднимаютъ волосъ на головѣ малютки: они успокаиваютъ дитя, плѣняютъ его, размягчаютъ его мягкую природу, и не порождаютъ страшныхъ результатовъ, какими сопровождаются тѣ многіе нелѣпыя рассказы, которыми часто кормятъ насъ въ дѣтствѣ. Какъ жаль, что и въ этихъ рассказахъ часто чрезвычайно много родимаго, почвеннаго, выражающаго воззрѣнія, духъ народа и самую жизнь его! Но не смотря на то, вреда отъ нихъ для дѣтей болѣе, чѣмъ пользы, и хоть тяжело, а надо сознаться, что до сихъ поръ чрезвычайно нелѣпыя условія нашего воспитанія, именно съ разсматриваемой стороны. Пусть бы вліяніе нелѣпыхъ страшныхъ сказокъ ограничивалось только дѣтскимъ нашимъ возрастомъ: бѣда-то вся въ томъ, что сдѣлавшись уже взрослыми, мы большею частью не перестаемъ въ этомъ случаѣ оставаться дѣтьми. Взрослыми, мы суевѣрничаемъ ничуть не меньше дѣтей, только съ тою разницею, что наше суевѣріе выходитъ тутъ еще нелѣпѣе. Вліяніе на насъ дѣтскаго воспита-

нія до такой степени бываетъ сильно, что наука иногда не въ состояніи разсѣять нашъ суевѣрный страхъ, и человѣкъ боится такихъ вещей, въ дѣйствительность которыхъ самъ не вѣритъ. Все это кажется смѣшнымъ, хотя естественность такого явленія очень понятна, если принять во вниманіе силу и продолжительность дѣтскихъ впечатлѣній.

Замѣтимъ здѣсь еще, что не отъ однихъ первыхъ дѣтскихъ впечатлѣній укореняется и развивается суевѣріе въ человѣкѣ, и мы во все не ставимъ ихъ какъ единственную и главную причину его. Человѣкъ, выросшій безъ страшныхъ сказокъ, безъ легендъ, безъ преданій, даже безъ почвы и чувства народности, какъ многіе изъ нашихъ прогрессивистовъ воспитываютъ дѣтей своихъ, дѣлая души ихъ похожими на какой-то стертый пятнадцатипятиый, — воспитанный такъ человѣкъ, говоримъ мы, дѣлается иногда такъ же суевѣренъ, да еще и суевѣрнѣе многихъ другихъ. Душа, въ которую не влито чувство народности и не имѣющая въ ней потребности, душа съ неразвѣтой чувствительностью и фантазіей, почти всегда слаба, и только развѣ груба. Отсутствіе суевѣрія вслѣдствіе грубости и тупости душевной — по-нашему право хуже даже, чѣмъ само суевѣріе. Впрочемъ грубость душевная почти всегда соединена съ суевѣріемъ (только своего рода), иногда гораздо опаснѣйшимъ всѣхъ мертвецовъ, колдуновъ и привидѣній.

Но не въ этомъ дѣло. Повторяемъ, что мы рады появленію книжки г. Хотинскаго, хотя она страдаетъ очень важными недостатками. Ей много вредитъ недостатокъ опредѣленнаго взгляда, систематичности въ цѣломъ и логичности въ изложеніи. Главы ея какъ-то плохо вяжутся одна съ другою, и оттого она походитъ на какую-то энциклопедію суевѣрія. Въ самыхъ статьяхъ встрѣчаются повторенія одного и того же, и много сбивчивости. Какъ журнальныя статьи, онѣ могли бы имѣть большія достоинства; но для изданія *особою книгою*, ихъ бы слѣдовало подвергнуть нѣкоторой переработкѣ. При всемъ томъ мы рады ея появленію — въ надеждѣ, что она все-таки принесетъ нѣкоторую пользу нашимъ суевѣрамъ.

БЕЗЦВѢТНЫЯ ЯВЛЕНІЯ

БЫЛЪ МОЛОДЦУ НЕ УКОРЪ

НОВАЯ КОМЕДІЯ Г. Н. ПОТВЪХИНА (ОТЕЧ. ЗАПИСКИ. № 7, ІЮЛЬ)

Недалеко (впрочемъ только въ сравненіи съ вѣчностью) было у насъ то время, когда всѣ общественные интересы, вдругъ получившіе возможность выразиться, вдругъ закипѣли въ общественномъ сознаниіи и вдругъ, всѣ разомъ потребовали себѣ выраженія, и выраженіе ихъ сдѣлалось тѣмъ болѣе необходимо, что въ немъ тогда состояло почти все ихъ удовлетвореніе. Потребовалось печатно выражать ихъ вездѣ и всюду. Что было не о нихъ, того и читать не хотѣли. То было время переворота, время всеобщаго смѣшенія; тогда стихи не умѣли отдѣлать отъ политической экономіи, жизнь сердца отъ какого-нибудь чисто врачебно-полицейскаго вопроса. Въ этомъ ничего не было мудренаго: всѣ идеи, жалобы, страсти всныхнули вдругъ и сиѣшили заявить себя. Безъ вопроса о нововведеніяхъ тогда не могло обойтись даже любовное признаніе; тогда отъ всего требовалось пользы самой грубо-ощутительной, и въ чемъ этой пользы не чувствовалось, то никого и интересовало не могло. Но если изящное перестали тогда считать полезнымъ, то все что носило на себѣ хоть маленькій отпечатокъ грубой пользы, всѣ готовы были признать изящнымъ, если оно хоть по формѣ выраженія изъясляло на это претензію. И такими, въ близорукой поспѣшности, признавались часто вещи, не имѣвшія ни малѣйшаго внутренняго содержанія, но только увѣшенные снаружи побракушками ходившихъ тогда идей или пустыми, холодными намеками на то, что интересовало публику. «Нынче не нужно написать безсмертную вещь, говорилъ одинъ поэтъ въ то время, — чтобы вызвать рукоплесканія публики, а нужно только выйти и сказать: «господа! всѣ городовые — мошенники!» — То было время пѣсенъ объ отку-

пахъ, квартальныхъ, публичныхъ женщинахъ; комедій съ азбучными моралиями, комедій, которыя и не доказывали того, о чемъ говорилось въ нихъ, но публика требовала только, чтобы говорилось о томъ, о чемъ она долго молчала, и всякому, удовлетворявшему ея желанію, она платила рукоплесканьемъ и гоноромъ. Сколько тогда поднялось и вошло въ славу талантовъ, которые посѣщали даже литографировать портреты свои, и которые потомъ, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ словно камнемъ въ воду канули, и никто не читаетъ ихъ, никто не знаетъ ихъ, тогда какъ въ то время ихъ знали всѣ: отъ простаго тулупника-мужика, посѣщавшаго театръ, до знатнаго барина, удивляющагося иногда, отчего Ломоносовъ, такой любимый публикою авторъ, ничего не пишетъ теперь? И все это время прошло; переворотъ пошелъ дальше: онъ не остановился на этомъ. Изъ прежняго хаоса стали образовываться отдѣльныя, гармоническія группы. Поэзія дѣлается снова поэзією; политическая экономія дѣлается опять политическою экономією. Удовлетворивши на скорую руку и кое-какъ своему первому голоду, публика начинаетъ уже сортировать свои блюда и требуетъ, чтобы ей не портили цѣли мороженого. Но такъ это все совершается въ публикѣ, а въ литературѣ все еще продолжается старій хаосъ. Заслуженные ветераны литературы того недавняго времени, когда не въ одномъ Севастополѣ мѣсяць считался за годъ, все еще не желаютъ признать себя отставленными и развѣнчанными и упорно продолжаютъ свою старую службу, не вѣря, чтобы не заплатили за нее по прежнему, и поютъ свою старую пѣсню, даже не замѣчая, что ихъ почти не слушаютъ; что даже и немногіе запоздалые ихъ слушатели начинаютъ зѣвать и нетерпѣливо мнутъ шляпы въ рукахъ, все ожидая, не будетъ ли полъ конецъ чего-нибудь новаго. Но старые вестерапы не понимаютъ ихъ, потому что ничего не знаютъ новѣ своей старой пѣсни, и не могутъ понять, чего хочетъ капризная публика, и считаютъ ее дурашкой немногого; и мы увѣрены даже, что продолжая, по старой привычкѣ, считать неприкосновенной святинею всѣ свои наскоро скроенныя, въ минуту всеобщей нужды, идеи и убѣжденія, они будутъ долго недоброжелательно смотрѣть на новыхъ выходящихъ бойцовъ, не предполагая даже, въ своемъ стариковскомъ упрямствѣ, чтобы могло и таиться что-нибудь бодрое и сильное въ этихъ, начинающихъ жить такъ худо, потому что не по ихнему. Они принимаютъ въ распростертыя объятія только то, что имъ знакомо, что говорить языкомъ, такъ еще недавно увѣнчаннымъ славою ихъ собственныя, нынче уже развѣнчанныя головы. Домъ опустѣлъ и даже въ насъ не отдается за ветхостью, но до сихъ поръ живутъ еще въ немъ, и плодятся, и

множатся, тщетно поджидая новыхъ обитателей, распложенные въ немъ старыми жильцами тараканы. И утилитарная теорія искусства жива понынѣ и неистовствуетъ еще, какъ прежде; и понынѣ случаи двухъ убійствъ излагаются въ видѣ повѣсти, и понынѣ пишутся комедіи, въ родѣ комедій, увѣнчавшихъ г. Львова его однолѣтнею славою. Мы въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», июль 1861 года, прочли одну такую комедію. Это «Быль молодцу не укорь» г. Николая Потѣхина. Г. Потѣхинъ талантъ (если только онъ талантъ) новый, начинающій; онъ всего, кажется, написалъ двѣ комедіи, изъ которыхъ первая, «Дока на доку нашолъ», была напечатана въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», а вторая — та, о которой мы говоримъ теперь. И между тѣмъ молодое произведеніе этого новаго литератора есть не что иное въ сущности, какъ старый, распоротый за негодностію кафтанъ, сшитый безъ перекройки вновь, даже прежними, старыми нитками. Тотъ же тутъ Дмитрій Александрычъ Барскій, молодой человекъ *домашняго воспитанія, сынъ богатого отца, оболыщающій и потомъ покидающій Груню, дочь бѣдныхъ но благородныхъ родителей*. Такъ же онъ покидаетъ ее, по требованію старика-отца, *человѣка варварскихъ убѣжденій*, для того, чтобы жениться на сорокалѣтней дѣвѣ, графинѣ *Побьсиной*. Та же тутъ Груня, *безчестно-продающаяся старику со звѣздой* для отыщенія всѣмъ отвергнувшимъ ее и обманувшимъ ее. Тотъ же тутъ Павелъ Петровичъ Силинъ, *бѣдный молодой человекъ, кончившій курсъ въ университетъ*, племянникъ Лукерьи Дементьевны, содержательницы магазина, въ которомъ Груня работаетъ. Онъ влюбленъ въ Груню, хочетъ жениться на ней; но она не идетъ за него, потому что любитъ Дмитрія Александрыча Барскаго. А когда этотъ г. Барскій бросилъ ее, то она хочетъ идти къ Павлу Петровичу, но тотъ отъ нея уже отказывается, что и заставляетъ ее — *пасть*.

Отличительная черта всѣхъ героевъ и этой комедіи — глупость непостижимая. Она руководитъ всѣми ихъ дѣйствіями, всею ихъ жизнью. Изъ нихъ самые умные, которымъ видимо сочувствуетъ авторъ, и которыхъ авторъ вовсе не признаетъ такими, все-таки глупы смертельно, такъ глупы, что не возбуждаютъ къ себѣ ни малѣйшаго сочувствія. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите у Гоголя: у него умна по своему даже Коробочка: вся глупость ея происходитъ отъ безобразнаго развитія чувства самосохраненія — осторожности, подсказанной можетъ-быть опытомъ, и въ меньшей мѣрѣ своего развитія оправдываемой умомъ, самымъ здравымъ. Плюшкинъ уменъ тоже у Гоголя; умъ его такъ и сквозитъ сквозь непристойную страсть, онуютавшую его своими сѣтями. Оттого онъ такъ и интересенъ; оттого намъ отъ него и глазъ оторвать не

хочется : мы видимъ , онъ живой человѣкъ ; мы чувствуемъ пройденную имъ дорогу , и намъ такъ и хочется добраться до его исторіи , до тѣхъ событій и битвъ , въ которыхъ пала душа его . Онъ живоисентъ и манитъ взоръ , какъ развалина замка , гдѣ все , даже выбитыя окна и лежащія кругомъ во мху камни — напоминаютъ намъ старую жизнь , кипучую жизнь позабытаго времени . Чичиковъ уменъ ужасно , не смотря на то , что онъ всю жизнь не выходилъ изъ того грязнаго общества , въ которомъ родился , и намъ интересно видѣть , какъ ничтожная , пустая , но врожденная ему страсть все запутываетъ собою умъ его , и какой вѣрный слуга этой страсти его умъ . Печоринъ , изъязвленный всѣми недугами , уменъ какъ бѣсъ ; Онѣгинъ уменъ такъ же точно , не смотря на воспитаніе , полученное имъ отъ Мг. l'Abbé ; Чацкій уменъ , не смотря на всѣ глупости , которыя онъ говоритъ безпрестанно ; и оттого всѣ они интересны , и мы не стыдимся знакомства съ ними , и оттого самыя ихъ заблужденія могутъ намъ быть урокомъ и вести насъ къ спасенію . Но не всегда это представляетъ намъ новѣйшая наша литература : у героевъ ея почти и страстей-то нѣтъ , и нѣтъ страстей потому что нѣтъ ума : страсть въ глупой и слабой душѣ всегда безхарактерна , неопредѣленна , шатка , и низводится до степени простаго какого-то побужденія , похоти , потому что не находитъ себѣ адвоката и защитника въ вѣрномъ своемъ прислужникѣ — умѣ . Гоголь зналъ это ; оттого у него прокуроръ и Маниловъ люди безстрастные , вялые . Сколько у Онѣгина , Печорина , Чацкаго , Плюшкина и другихъ , бодрости даже въ самомъ паденіи ихъ ! Ничего этого нѣтъ у героевъ большей части нашихъ новѣйшихъ писателей . Творцы ихъ , не вѣря въ силу сердца , не вѣрятъ и въ силу страсти ; и оттого у нихъ каждое движеніе души и сердца героя объясняется только одною глупостью . Отчего это ? Если это вѣрное изображеніе нашего общества , то неужели въ нашемъ обществѣ только дураки остались ? и могутъ ли дураки быть представителями общества ? Или авторы , въ высококомъ чувствѣ челоуколюбія , рѣшились заботиться только объ этихъ нищихъ міра сего ? Или они имъ кажутся очень умными ? Какъ же это ? Ничего не знаю ; только отъ этой повсемѣстной глупости дѣйствующихъ лицъ нашихъ романовъ и повѣстей распространяется повсемѣстная литературная скука , такая скука , что одурь беретъ . Мы говоримъ не о тѣхъ писателяхъ , имена которыхъ особнякомъ станутъ въ исторіи русской литературы , которыхъ мы знаемъ и умѣемъ цѣнить и теперь . Мы не о нихъ говоримъ . Но напримѣръ возьмите хоть Обломова : онъ глупъ ; Штольцъ , — лицо , отъ ума котораго самъ авторъ въ восторгѣ , — этотъ Штольцъ глупѣе самого Обломова , глупъ при

смерти, не подавая ни малѣйшей надежды на выздоровленіе. Барышня Ильинская глупа тоже, глупа до умничанья, до резонерства. А когда герою, самому г. Обломову, случается сказать что-нибудь умное, напримѣръ спросить Штольца, въ отвѣтъ на его педантическіе совѣты: «Да гдѣ же жизнь-то?», то тутъ авторъ глумится надъ нимъ, и вы уливаетесь, отчего это автору кажется глупымъ? — лучшее ваше впечатлѣніе отравляется.

Чрезвычайно странный характеръ приняла теперь наша литература. И вотъ мы ждемъ съ нетерпѣніемъ чего-нибудь свѣжаго и самобытнаго, ждемъ, не явится ли что-нибудь, какъ являлись гг. Тургеневъ, Островскій; и читаемъ все г. Львова и другихъ подъ разными новыми названіями. Г. Николай Потѣхинъ оказывается старымъ нашимъ знакомымъ, умолкнувшимъ г. Львовымъ, и какъ тотъ, бездарно переводитъ на какой то мертвый языкъ какими-то мертвыми чернилами живыя лица; давно уже живо очерченныя напримѣръ г. Островскимъ, пересыная ихъ мертвыми цвѣтами нравоченій, когда-то, лѣтъ шесть назадъ, волновавшихъ публику. И заставляетъ насъ смотрѣть, какъ глупо ходятъ по сценѣ, глупо размахивая руками, какіе-то глупыя лица, неспособныя ни къ какой борьбѣ и спотыкающіяся и падающія, задѣвши за паутинку или соломку.

Посмотрите, напримѣръ, въ комедіи «Быль молодцу не укоръ» — эта Груня, воспитанная до нѣкоторой степени дѣвушка, и этотъ Павелъ Петровичъ Силинъ, кончившій въ университетѣ курсъ (мы не понимаемъ совсѣмъ, для чего эта подноготная воспитанія: вѣдь конечно легче сказать: «онъ кончилъ курсъ въ университетѣ», нежели нарисовать его такъ, чтобы намъ не приходило и въ голову справиться о его воспитаніи), такъ эти два образованные лица — живутъ въ модномъ магазинѣ Лукерьи Дементьевны: одинъ какъ племянникъ, другая какъ работница. Лукерья Дементьевна *совершенный извергъ рода человческаго*; она съ утра до ночи ругается, она обходится со всѣми съ ними хуже нежели, въ хижинѣ дяди Тома, плантаторы со своими невольниками; она хочетъ Груню продать таможенному чиновнику Хватову, *невъжъ, обидчику и казнокраду*, и между тѣмъ и Груня, и Силинъ покорны ей, не бѣгутъ отъ нея, и Силинъ не говоритъ Грунѣ, чтобы она ушла къ нему, съ нимъ, что онъ заложитъ себя, чтобы накормить и одѣть ее: они, какъ какіе шальные, стоятъ руки по швамъ, когда Лукерья Дементьевна оскорбляетъ ихъ — и все время не можешь понять, какой дьявольскій контрактъ ихъ съ нею связываетъ. Но вдаваться въ подробности при разборѣ этой комедіи вѣтъ никакой возможности. Въ ней даже зацѣпиться не за что, потомучто все равно шатко, равно

безосновательно, и не торчитъ ни одно мѣстечко, имѣющее какой-нибудь положительный смыслъ, положительное достоинство. Тутъ все взято изъ хлама памяти, сохранившей разные остатки разныхъ комедій и повѣстей послѣдняго шестилѣтія, и все это безпорядочно разбросано, даже плохо связанное нитками плохо-придуманнаго содержанія. Объ этой комедіи ничего бы не стоило и говорить, если бы она не заключала въ себѣ всѣхъ элементовъ, составляющихъ общую скуку нашихъ комедій и повѣстей, и еслибы она не была законнымъ, хотя запоздалымъ дѣтищемъ литературы того недавняго времени, съ воспоминавія о которомъ мы начали эту статью.

Хоть бы что-нибудь новое, хоть бы какой-нибудь малѣйшій признакъ возрожденія, хоть бы какой-нибудь эффектецъ — ничего нѣтъ!

Гоненіе на эффекты поднялъ у насъ Бѣлинскій; но вѣдь онъ нападалъ только на эффекты французскихъ мелодрамъ и комедій; онъ не могъ нападать на эффекты жизни; да если бы и нападалъ, такъ чтожь за дѣло? Развѣ истинный талантъ пишетъ по какому-нибудь выученному правилу? — Его вызываетъ сама жизнь, въ руководить любовь къ міру и къ обществу; а въ мірѣ и въ жизни все эффектъ, эффектъ поминутно, и почти одни эффекты насъ трогаютъ. День ли играетъ, молодой, смѣющийся день, на сѣдой бородѣ глядящаго въ гробъ старика — эффектъ! Мѣсяцъ освѣтилъ стволы березъ во мракѣ осенней ночи — эффектъ! Эффектъ все то, гдѣ положеніе дѣла краснорѣчиво объясняетъ значеніе слова, пустого слова, и когда это пустое слово является вслѣдствіе этого полнымъ значенія. Это бываетъ всегда такъ въ жизни; и странно, что у насъ именно это отбросили въ литературѣ съ той поры, какъ задумали изображать жизнь, какъ она есть. Какое глубокое пониманіе жизни! Жизнь, какъ она есть, полна такихъ мучительныхъ эффектовъ, что изъ нея почти ни одна чувствующая душа не выходитъ неразбитою; а литература, ее изображающая, такъ мертва и однообразна, что не знаешь, куда отъ скуки дѣться, и единственное утѣшеніе — перечитывать старое.

А какъ освѣжительны въ изящномъ произведеніи эти потрясающіе эффекты! Какъ они остаются въ памяти! Сколько въ нихъ жизни и свѣжести! Но вѣдь теперь наши литераторы не показываютъ намъ жизни, какъ она есть, просто, оттого что она у нихъ такъ въ сердцѣ засѣла; а хотятъ все учить насъ, и рисуютъ ее не такъ какъ она имъ кажется, а такъ, какъ они хотятъ, чтобы она намъ казалась: все хотятъ напугать насъ, какъ дѣтей, для того чтобы мы лучше были. А мы и видимъ, что они неоткровенны съ нами, или знаютъ жизнь хуже нашего.

Мы отъ литературнаго произведенія желаемъ не выводовъ, а ма-

теріаловъ для размышленія, и любимъ не то, что намъ разжуютъ да въ ротъ положить, а то, что насъ поразить полнотою правды и свѣжести, и что намъ самимъ разжевать захочется. А какъ возьмешь въ ротъ напимѣръ хоть такую комедію, какъ «Быль молодцу не укоръ», когда она вся — изверженіе плохо переваривающей фантазіи самого автора? И что за упорное смотрѣніе все въ одинъ и тотъ же уголь! Понравилось дѣтямъ лечиться — и ужъ мы совсѣмъ другимъ больны; а насъ все они лечатъ отъ старой болѣзни. И какъ имъ по вкусу приглясь эти суровыя обличительныя лица! Ахъ, господа, вѣдь умнаго человѣка замѣтно и тогда, когда онъ въ горѣлки играеть.

И какое ломанье — посмотрите!

Карлъ Богданычъ (*нѣмецъ, мужъ Лукерьи Дементьевны. Онъ пьянъ*). Ахъ, Груня!.. на Германія; о! я какъ былъ студентъ... буршъ, да. Любишь Амальхень... она меня любила... у насъ былъ кошелекъ... онъ оскорбилъ... я (*беретъ чубукъ*) дуэль (*становится въ позу*) ein, zwei, drei (*показываетъ, какъ дрался на дуэли*) ein, zwei, drei... und кошелекъ tot!... (*грустно*). Я женилъ... дѣлалъ магазинъ, коммерціа, Амальхень умирая... Я кидалъ Германія и на Россіи... самъ пропадай! мнѣ Лукерья, мой жена теперь... всѣ деньги взялъ, меня не любилъ.. я пропадай... О, Amalchen! Amalchen!..

Груня. Успокойтесь, лягте...

Карлъ Богданычъ. Мой не можетъ... Груня уйди, я пьянъ... Вамъ нельзя здѣсь... Уйди! (Груня (*уходитъ*): бѣдный человѣкъ!) Что такое сердить Павелъ Петровичъ... а Груня грустный (*пьетъ*). Я повинай, онъ Груня любить, Груня Паша любить, а-а-а? Амальхень, не можетъ я... ходилъ на могилка къ ней... на Рейнъ, тихо, цвѣтутъ цвѣтки... и соловей такъ: три-ли-ли, три-ли-ли... загрустила немножко (*откидывается на спинку кресла, на другой кладетъ ноги*)... Мой Амальхень добрый былъ... и я былъ добрый и водка не зналъ (*качается отъ дремоты*). Теперь я пьяница, нечестный Карлъ Богданычъ... Амальхень... Амальхень... (*храпитъ въ креслѣ*).

Дѣти, когда они стараются, передразнивая большихъ, говорить басомъ, производятъ такое же точно впечатлѣніе, какъ г. Потѣхинъ со своимъ Карломъ Богдановичемъ.

А вотъ еще:

Хватовъ, таможенный чиновникъ, за котораго Лукерья Дементьевна, по праву хозяйки, хочетъ насильно выдать замужъ Груню, пьетъ у Лукерьи Дементьевны чай, онъ грубо заигрываетъ съ Грунею — вообще это дѣтскій сколокъ съ Яичницы. Яичница хотѣлъ жениться на деньгахъ; такой человѣкъ иначе и не можетъ. Груню онъ хлопоталъ бы взять къ себѣ на содержаніе, но и то очень хлопотать не сталъ бы: эка невидаль; за деньги не такую

достану! а Хватовъ г. Потѣхина хочеть на Грунѣ жениться. И вотъ какъ онъ говорить :

•Еще сосудикъ прошу, хозяйюшка, ха-ха-ха! Купцовъ слѣдуетъ бранить, особливо за чай... слѣдуетъ .. Товаръ сомнительный, даже можно сказать двухсмысленный... Цвѣтку не доложилъ, цвѣтокъ отобралъ, фамильнаго подкинулъ — ну, и все... Мастерство ветрудное. . Пѣтъ, вотъ на сомнительномъ товарѣ надуть — такъ... одобрю: похваляю... Вотъ у насъ одинъ молодецъ изъ ихней же братьи штуку отколочъ, такъ .. да! и купецъ-то не признавательный для насъ, не благодарный, всегда ужъ ему, бывало, каверзу какую поставишь — а надуль. Провозить онъ фарфоръ и фаянсъ, громадную партію. Ну, хорошо... все идетъ какъ по маслу... осмотрѣли: бѣлый, не росписной; свѣсили; пошлину взяли, какъ за раскрашенный; увезъ купецъ фарфоръ и фаянсъ въ лавку... Какъ дѣло-то шло, а? Да и купца-то, чай, знаете: Подверткинъ, здоровый такой мужчина, рыжій, борода раздвоилась, все еще правымъ глазомъ мигаетъ... извѣстный... Вотъ какъ оно шло. Захожу я къ нему въ лавку — такъ и ахнулъ, духъ захватило, *сотрясеніе* во всемъ сдѣлалось: весь этотъ фарфоръ и фаянсъ очутился росписной... Я стою, слова не могу сказать, стою съ тяжелой-то, глазамъ не вѣрю, а онъ шельма кланяется да правымъ глазомъ подмигиваетъ. . Смутилъ насъ. Довель-таки до призванія... Всю онъ посуду-то какой-то бѣлой... какъ бы вы думали... мастикой этой заграничной намазалъ, что хоть тресни, кромѣ бѣла ничего не усмотришь. Такимъ манеромъ онъ отъ этой спекуляціи одной пошлны пять тысячъ рублей въ карманъ положилъ. А то чай... чай и на запахахъ, и на вкусъ, и на глазъ взять можно, товаръ безусловный... А вотъ это... да! Видь этотъ подвелъ намъ повиднѣе .

Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ говорятъ всѣ таможенные чиновники? А если не такъ, то зачѣмъ же намъ и знать, что это таможенный чиновникъ? Намъ все равно: мы къ чиновникамъ ни любви, ни ненависти особенной не чувствуемъ... Намъ все равно. Правда, что у г. Островскаго всѣ чиновники смѣшныя очень; но за то они типично смѣшны, и главное — смѣшны, а вѣдь это и несмѣшно даже; и тамъ смѣшно именно потому, что — типично; потомучто въ рѣчахъ ихъ видно, какъ они понимаютъ свое положеніе въ томъ купеческомъ обществѣ, въ которое затесались, и у каждаго есть свое, напримѣръ г. Беневоленскій все важничаетъ, и замѣчательно то, что онъ тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ больше важничать хочеть; и это насъ интересуеть, потомучто мы всѣ смѣшны, когда не умѣемъ быть просты. А Хватовъ совершенно простъ, если онъ такой; до того простъ, что даже ни въ чемъ не высказываетъ своего характера. Его такимъ можно увидѣть и дома, и въ своемъ чиновномъ кругу; увидишь и ничего не узнаешь объ немъ: ничего вѣтъ харак-

теристичнаго: художественнаго нѣтъ ничего. Вѣдь вотъ Чичиковъ рассказываетъ тоже у Гоголя свой анекдотъ о *черненькихъ и бѣленькихъ*. (Авторъ непремѣнно помнилъ объѣтомъ, сочиняя своего Хвато-ва.) Такъ вѣдь зато какъ тамъ смѣшно тоже, и смѣшно особенно потому, что Чичиковъ этимъ рассказомъ хочетъ поймать въ свои сѣти генерала; и смѣшно то, что генералъ идетъ на эту приманку. Тамъ много и возмутительнаго. А здѣсь, чтоже? Да кто изъ насъ не посмѣется надъ такою продѣлкою? Вѣдь это дѣйствительно искусство, искусство. Нужно дать привилегію за изобрѣтеніе такого небывалаго состава. На такую продѣлку и пуститься-то можно только ради искусства: гораздо проще и безопаснѣе добровольное соглашеніе съ членами: наполовину — барышъ все будетъ хорошій. Пресмѣшное правоученіе, и тѣмъ болѣе смѣшное, что совсѣмъ не изящная словесность, а политическая экономія должна учить насъ святости таможенныхъ пошлинъ. А экономія переходитъ уже на сторону свободной торговли: можетъ быть, г. Подверткинъ зналъ это. Мы такъ много говоримъ о выписанномъ нами рассказѣ потому, что достоинства его совершенно тождественны съ достоинствами всей комедіи, а она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ элементы нашей новѣйшей литературы. Выписываемъ еще одно сильное мѣсто изъ комедіи г. Потѣхина:

РАЗСКАЗЪ ЛУКЕРЬИ ДЕМЕНТЬЕВНЫ ХВАТОВОУ О ТОМЪ, КАКЪ ОНА ПРИУТИЛА ГРУНЮ

«Вѣдь и взяла-то я ее больше по виду... ну и состраданіе тоже... Вѣдь какая работа отъ нея — никакой!.. Отець-то ея казначеемъ былъ, а мой покойникъ эскекторомъ... ну, и большіе пріатели были. . оно, знаете, по одной части, по финансовой... нельзя вѣдь. Мой коллежскій ассессоръ и кавалеръ былъ съ пряжкой.. какъ же-съ Такъ на отцѣ-то, сударь, Груни какую-то недонимку въ казенномъ интересѣ нашли... судили его, судили и засудили въ острогъ. Даже параличъ его расшибъ, и въ этомъ самомъ параличѣ и душу Богу сдалъ. Такъ на этомъ дѣло и остановилось. Бѣдность на семью напала, *лдуцкая бѣдность!* Грунина мать, царство ей небесное! заносчивая была женщина, а въ нуждѣ смирилась, до молчанія смирилась; видя свою жалкую ролю, даже дочь на Невскій за подаваніемъ высылать стала. Дочь-то красавица — ну, а знаете, красота и на жестокосердныхъ сердца къ *миротворенію дѣйствуетъ*. — Такимъ, сударь, манеромъ и пробивались онѣ, пока дочь-то еще дѣвчонкой глядѣла... Подросла — опять у матери *опаска*: какъ подростка за подаваніемъ посылать — не нажить бы бѣды какой... Да и Груня-то въ пансіонѣ стала ходить; ей тоже благодѣтельница одна это устроила. Такъ онѣ маялись и маялись годка четыре; чтó было изъ домашняго-то получше, все по-

распродали, остались тряпки — платишки кое-какія; а вѣдь вынече, что на это выручишь? и хорошій бурнусъ за пять цѣлковыхъ на толкучкѣ не продашь... Такъ-съ... Когда ихъ жалючи завернешь къ нимъ... высоко было ходить — на пятомъ этажѣ жили... такъ по своему состоянію когда рубликъ, когда полтинничекъ сунешь да сунешь... Вѣдь это очень пріятно, когда отъ достатка помочь можешь... *умилительно*. . Вотъ съ, заболѣла Грунина мать... хилѣть, да хилѣть — слегла; какъ вотъ теперь мы съ вами толкуемъ, подъ вечеръ.. *отворяетъ это дверь... а я всегда на сонъ грядущій календарь читаю.. Оно очень интересно показывается тамъ, какъ это города называются, сколько верстъ отъ Петербурга и Москвы, какіе государи въ заграничныхъ земляхъ царствуютъ, кто изъ разныхъ сочинителей померъ* (Ужь будто это можетъ интересовать Лукерью Дементьевну, особенно послѣднее? Нужно вѣдь читать сочиненія, чтобы интересоваться жизнью ихъ авторовъ. Вотъ Петрушка читалъ календарь; такъ тотъ совсѣмъ не зналъ, для чего онъ читаетъ). Читаю этотъ самый календарь, и только, сударь, прочла, что нынече-де Анастасіи-узоръшительницы, какъ отворилась дверь, и взошла грунина мать. Лежала; головы вѣдь поднять не могла, сама не въ своей тарелкѣ, волосы повыбились, глаза горьмя горять, блѣдная, вся трясется.. какъ взошла, такъ мнѣ въ ноги... я даже испугалась, отскочила. . А она *трепещущимъ* голосомъ да въ три ручья: матушка, говоритъ, Лукерья Дементьевна, *воззрились на старость мою* *безпомощную, не дайте голодной смертью умереть... Посытила, и сформишь, меня, въ облакъ, въ ошь, въ дымъ, въ вѣтръ* *посытила, осыненемъ я демонскимъ осынена...* Вы мнѣ, говоритъ, указаны: возьмите мужнино дѣло на себя хлопотать. Я такъ даже свѣту не взвидѣла, сладкій страхъ меня обуялъ; думаю, *избрана я на бореііе противъ темнаго, гдѣ же мнѣ этимъ сосудомъ быть?..*

Но довольно отсюда. Видѣли ли вы когда-нибудь этакіихъ содержательницъ магазинновъ? Есть старухи, говорящія такимъ языкомъ, такъ то больше все изъ богомолокъ, пристрастившихся съ дѣтства къ чтенію церковныхъ книгъ, попрошайки, просвирии, сводящія дружбу съ понамарями, съ дьячками. Да и тѣ не такъ говорить. Для чего же языкъ-то такой картавій выдумывать? Вы думаете, что все это на правду похоже? Никакъ илѣтъ-съ. У всѣхъ этихъ людей также смыслъ есть; большая часть изъ нихъ за нами не гонится и живетъ своимъ умомъ, и еще несравненно больше живетъ своимъ умомъ, нежели наши сочинители, такъ что характеризовать ихъ несравненно труднѣе, чѣмъ насъ, и надо впрямѣнно коротко знать ихъ, чтобы не впасть въ пошлость, ихъ описывая. Зачѣмъ же въ нихъ грязью метать? — И это все извиняется *реальнымъ направлениемъ литературы!*..

А вотъ еще :

Николай Васильчъ (отставной изъ военныхъ, лѣтъ 60) и Але-

ксандръ Васильчъ (старикъ, темнаго происхожденія, благопріобрѣтшій состояніе въ откупахъ и другихъ спекуляціяхъ).

Николай Васильчъ (*входитъ*). Eh bien, mon frère!.. Поздравь меня: сегодня я избранъ въ директоры общества главной всероссійской обработки желѣза... Какое названіе? Прелестно, чудесно, неподобно! И сейчасъ съ завода: вообрази, какъ все это устроено... прекрасно, превосходно! Пародъ суетится, бѣгаетъ, шумъ, гамъ... молотъ подымается и упадаетъ — прелестно, превосходно! Да и неудивительно, неудивительно — молотъ въ триста силъ, въ триста силъ, въ триста силъ! (Удивительнѣе всего здѣсь то, что ни изъ чего не видно, у кого такой недостатокъ фантазіи: у Николая Васильча или у автора. Нужно бы было не ставить читателя въ такое непріятное для самого же автора положеніе). Imaginez-vous: такъ фабрика, такъ машины, пламя пышетъ, желѣзо раскалено, съ рабочихъ потъ льетъ, все бѣгаетъ, суетится, стукъ, гамъ, шумъ, машины дѣйствуютъ — прекрасно, чудесно, неподобно! А и неудивительно: молотъ въ четыреста силъ, въ четыреста силъ, въ четыреста силъ!

Александръ Васильчъ. Поздравляю (*показываетъ газету*). Узнаешь карикатуру? Кто это?

Николай Васильчъ. Кошкинъ, Петръ Федорычъ Кошкинъ!.. bon vivant, brave homme! Ха-ха-ха! Чудесно, прелестно, превосходно! И жена его... Вѣра Яковлевна! Bonjour, Вѣра Яковлевна, bonjour, ха-ха-ха!

Александръ Васильчъ. Но согласись, что твой смѣхъ — горькій смѣхъ... Вѣдь это мерзость, пасквиль, въ печати... а какъ мы еще вѣрнимъ печати.. Ну, тамъ бывало, какой-нибудь щелкоперъ похвастать, пустить по рукамъ пасквиль... такъ противъ этого есть судъ; а то прямо, гласно, въ печати!.. Ну подумайте, какъ это дѣйствуетъ на нравы, что вносится этимъ въ общество.

Ну, положимъ, что еще есть такіе разговоры. Въ самомъ дѣлѣ, они еще случаются; да дѣло въ томъ, что объ нихъ уже писано и переписано; и ужъ теперь есть вещи гораздо смѣшнѣе. Нынче есть уже люди, и ихъ много, которые, увидавъ на себя карикатуру, бѣгаютъ по знакомымъ и хвастаютъ, что на нихъ карикатура напечатана. Есть даже такіе, которые стараются увѣрить, что карикатура сочинена на нихъ, когда она просто ни къ чему не относится.

Но дальше:

Николай Васильчъ. Immoralité, immoralité!..

Александръ Васильчъ. Мало. Discorde... разрушаетъ уваженіе къ вышнимъ и старшимъ, отнимаетъ у общества всѣ права — и это прогрессъ, шагъ впередъ. Даже смѣшно!

Николай Васильчъ. Pardon, mon frère... Я за прогрессъ... Прелестно, удивительно!.. Представь себѣ, это молотъ подымается, подымается и — уф! падаетъ... Въ пятьсотъ силъ, неудивительно, въ пятьсотъ силъ;

молотъ въ пятьсотъ силъ? А rgoros... что такое у васъ съ Побѣсиной... Опять Дмитрій на дыбки — а?.. *Mystère, tout-à-fait en mystère.. Imaginez-vous: встрѣчаюсь на дняхъ съ графиней въ фойе... Bonjour, comtesse! votre santé, je suis heureux de vous voir, etc. etc. etc.* Насмѣшливый взглядъ, налѣво кругомъ и въ свою ложу... удивительно, удивительно! Свадьба оглашена, и такой афронтъ, афронтъ... Я жениху вѣдь тоже опсе... дядя, дяюшка, дяденька, ха-ха-ха! Завтра даю обѣдь... Нельзя — директоръ-учредитель; пожалуйста не забудь же... Прощай... я на минутку къ тебѣ... всѣ почетные члены будутъ... Но заводъ какой — прелестно, прекрасно, чудесно... И неудивительно — молотъ въ шестьсотъ силъ, шестьсотъ силъ, шестьсотъ силъ. *Adieu! je l'attends!*

Чтоже такое Николай Васильичъ? «Онъ просто глупъ и — слава Богу!»

Во всякомъ сословіи такіе дураки попадаютъ; для этого не нужно быть военнымъ изъ отставныхъ. Вонъ Скалозубъ, такъ тому непремѣнно было нужно военнымъ быть. А тутъ, ничего.

Могло бы тутъ быть очень характеристично употребленіе французскаго языка. Мнѣ случилось говорить съ однимъ старичкомъ изъ *мышинныхъ жеребчиковъ*, по выраженію Гоголя, — который цѣлый вечеръ, говоря со мною порусски, былъ глупъ нестерпимо; но когда потомъ онъ заговорилъ пофранцузски съ одной иностранкою — откуда умъ взялся! Вольтеръ, совершенный Вольтеръ, такъ что я уши развѣсилъ. Они всѣ отлично владѣютъ французскимъ языкомъ, и всегда прибѣгаютъ къ его помощи для того, чтобы блеснуть готовымъ умомъ и щегольнуть готовою фразою. Но у г. Потѣхина, въ обѣихъ его комедіяхъ, всѣ лица, говоряшія пофранцузски, пробавляются жиденькими словами и фразами пансіонерокъ: *après, tout-à-l'heure, mon ange*, и т. п. Это важное замѣчаніе, потомучто тутъ есть общая черта съ языкомъ Карла Богдановича, Хватова и Лукерьи Дементьевны, т. е. опять-таки совершенное незнаніе дѣла и незнаніе силъ своихъ.

Марья Григорьевна (молодая вдова, родственница Александра Васильича). — *Bonjour, Alexandre!* ахъ, какъ я устала, утомилась. . *voilà.* (*Опускается въ кресла и кладетъ книжку на столъ*). *Otez mes gants.* (*Александръ Васильичъ осторожно снимаетъ перчатки, становясь передъ ней на колѣни; снявши цѣлуетъ ея руки!*). *Laisse-moi... après... après...* Ахъ, какъ я взволнована! Александръ, цинпирску!

Александръ Васильичъ. *Tout-à-l'heure, mon ange...* (*подходитъ къ двери и хочетъ запретъ итѣ*).

Зачѣмъ же? вѣдь она ему родственница. Неужели у насъ такіе гоморскіе грѣхи часты въ обществѣ? А если вѣтъ, то что же и го-

ворить о такихъ исключеніяхъ, тѣмъ болѣе, что Александръ Васильичъ не имѣетъ ничего въ себѣ исключительнаго. И потому, чтожъ? Значитъ, сошлись характерами. Мало ли какія бываютъ страсти? мало ли какія бываютъ обстоятельства! Вѣдь здѣсь не объяснено ничего.

Марья Григорьевна. Александръ... *(строго)* Argès.

Александръ Васильичъ. J'obeis .. Вотъ, *(достаетъ папиросы)* та petite Bibi... папироска и огонь .. ручку за труды... *(она протираетъ ему руку, онъ цѣлуетъ ее нѣсколько разъ)*. Неловко сидѣтъ?.. сейчасъ скамеечку *(Александръ Васильичъ подставляетъ ей скамейку)*: ручку за труды.

Марья Григорьевна. Право, ты странный; я такъ убита... а онъ никакого участія не принимаетъ...

Александръ Васильичъ *(съ чувством)*. Marie, не грѣхъ?

Марья Григорьевна. Ахъ, какъ труденъ обѣтъ помогать несчастнымъ... Я сейчасъ изъ мансарды, гдѣ-то тамъ далеко на Охтѣ... грязь, духота... лохмотья, желтыя лица и страдалецъ художникъ... écoute.. артистъ...

Александръ Васильичъ *(приставалъ, подозрительно)*. Художникъ, артистъ?..

Марья Григорьевна. Что за тонъ?.. Старикъ, слѣпой, шестеро дѣтей...

Александръ Васильичъ. Ручку, mon ange.

Марья Григорьевна. Глупенькій... jaloux... дурачекъ!.. *(протираетъ руку)*. Я шла, шла, по какой-то темной лѣстницѣ, на заднемъ дворѣ! *(съ отвращеніемъ какъ бы вздрагиваетъ)* Фи!.. шла, шла вверхъ .. чувствую, не могу... эта духота, грязь, темнота совсѣмъ раздражила мнѣ нервы... человекъ даже испугался моей бѣдности, вздумалъ было поддержать, но я, Alexandre... какъ бы ты думаешь? осилила себя — вспомнила обѣтъ *(Дукерья Дементьевна)* и вошла на самый верхъ.

Александръ Васильичъ. Бѣдненькая, это подвигъ.

Марья Григорьевна. Ah! écoute... Вхожу... Дверь не обита, въ щеляхъ. Должно-быть, въ нихъ дуетъ. Человекъ отворилъ дверь; къ ней страшно было прикоснуться: такъ она закопчена, засалена... я вошла и *нервически* вскрикнула .. Представь, что я увидѣла...

Александръ Васильичъ. Что такое, что?

Марья Григорьевна. На стѣнѣ... boggeur... охъ! тараканы... *(содрогаясь)*. Фи!

Александръ Васильичъ. Ужасно!

Марья Григорьевна. И не одинъ... Я обернулась въ другой уголь... ахъ!.. тараканъ.

Конечно, все это можетъ быть очень смѣшно рассказано талантливою актрисою; но намъ случилось много видѣть женщинъ, боящихся таракановъ и состоящихъ членами разныхъ благотворитель-

ныхъ обществъ, — по большей части это двѣ вещи нераздѣльныя, — и намъ случалось слышать рассказы о тараканахъ : «Таракановъ! таракановъ!» — А вѣдь вы очень боитесь таракановъ? — «Да; но тутъ ужъ выбываешь объ этомъ...» Вотъ ихъ любимая тема и вѣчный пріемъ. Самыя глупыя изъ нихъ проникнуты этой тактикою. А ужъ если пойдетъ у которой изъ нихъ на-чистоту, такъ тутъ не такія вещи услышишь, какъ у Марьи Григорьевны. И это случается; рѣдко, а случается.

Марья Григорьевна. Какой-то сирадь по всей комнатѣ; кинулись на меня какія-то жалкія тѣни, цѣлуютъ руки, ноги.. но все это въ лохмотьяхъ... Фи! называютъ ангеломъ съ неба, ихъ спасительницей... Вѣдь меня всѣ знаютъ, даже по слухамъ... я ихъ утѣшала, съ такимъ сердечнымъ трепетомъ (ай, ай, ай!..) ты этого не поймешь, Alexandre! Это такой трепеть, такой трепеть! *(усладительно)* Потомъ гдѣ-то раздается кашель: я къ постели — больной сѣдой старикъ, лежитъ въ постели и слѣпой.. у изголовья стоитъ картина не оконченная... какая иллюзія! онъ ослѣпъ за работой. Я начала утѣшать — онъ молчитъ; но кругомъ мать, шестеро дѣтей цѣлуютъ мое платье, ноги... Я рискнула взять его за руку, попробовать его пульсъ.

Александръ Васильичъ. И рискнули?

Марья Григорьевна. Ахъ, Alexandre, объѣтъ ты не забывай!..

Вообще нужно быть очень ловкимъ и опытнымъ, начная карикатурить другого; а то можетъ случиться такая же исторія, какъ если картавій да начнетъ передразнивать другого картаваго: пожалуй еще заставитъ жалѣть себя и краснѣть за самого себя своихъ слушателей.

Но довольно объ этой комедіи: въ ней все неправда, въ ней все сочинено, какъ языкъ Карла Богдановича и Лукерьи Дементьевны; также точно сочинены чувства и положенія, какъ-будто авторъ самъ не зналъ, надъ чѣмъ посмѣяться, и явился со своимъ литературнымъ дѣтищемъ точно также, какъ засмѣялся Жевакичъ при видѣ Кочкарева, помпрающаго со смѣху: слышитъ, всѣ смѣются надъ чѣмъ-то; давай, думаетъ, и я засмѣюсь. Это очень добродушно и смѣшно очень; а ужъ добродушно-то въ высшей степени: ни одного своего лица нѣтъ, ни единой странички собственнаго изображенія; то у Гоголя, то у г. Островскаго, это у Грибоѣдова, а большая часть изъ разныхъ являющихся, какъ метеоры, сочиненій новѣйшаго времени, да еще много недослышанное, перепутанное, — ни дать ни взять какъ рассказъ какого-нибудь денщика, пришедшаго изъ балета, о томъ, что тамъ такое показывалось.

РЯДЪ СТАТЕЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

IV

КНИЖНОСТЬ И ГРАМОТНОСТЬ

Статья вторая

Пожалуй можно выписать длиннѣйшій рядъ заглавій всѣхъ сочиненій, составленныхъ для народнаго чтенія. Мы хоть и обѣщали въ прошлой статьѣ поговорить о всѣхъ этихъ книжкахъ особенно, но такъ-какъ игра почти не стоитъ свѣчъ, то и хотимъ прямо перейти къ разбору «Читальника», какъ единственно сколько-нибудь серьезнаго проекта для народной книги. Мысль нашу о «народныхъ книгахъ» читатель можетъ увидѣть и изъ этого разбора; слѣдственно онъ лишился только одного длиннаго перечня пустыхъ книжонкъ, существующихъ теперь для «народнаго чтенія». Въ иномъ книгопродавческомъ объявленіи можно ихъ всѣ найти, а въ лавкахъ онѣ всѣ лежатъ особо, на отдѣльныхъ столахъ, не исключая и неудавшихся книжекъ г. Григоровича и «Краснаго личка» г. Погодина.

Есть у насъ и еще одинъ «народный» писатель, г. Погоскій. Онъ, правда, пишетъ преимущественно для солдатъ. Но объ немъ мы намѣрены говорить особенно. Г. Погоскій довольно исключительное явленіе въ нашей «народной литературѣ». Объ остальныхъ же «народныхъ» книжкахъ можно сказать, что онѣ числятся десятками, но помянуть ихъ добрымъ словомъ нельзя. Объ одномъ только онѣ свидѣтельствуютъ: о необыкновенной потребности книги для народнаго чтенія; но объ этомъ свидѣтельствуетъ и «Читальникъ», а потому перейдемъ уже прямо къ «Читальнику».

«Читальникъ» не книга, а проектъ книги для народнаго чтенія, сочиненный г. Щербиною и представленный публикѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» нынѣшняго шестьдесятъ перваго года, въ февралѣ мѣсяцѣ. Статья называется: «Опытъ о книгѣ для народа».

Взгляды автора, цѣльность его проекта, даже тонъ его статьи, — все это намъ показалось очень замѣчательно, во-первыхъ ужъ потому, что умѣе его проекта ничего еще у насъ въ этомъ родѣ и не было, сколько намъ помнится. «Отечественныя Записки» замѣчаютъ, что «Опытъ» г. Щербины и обсужденіе этого «Опыта» въ нашей литературѣ принесло бы пользу для составителей народныхъ книгъ. Ну и то дѣльно.

Г. Щербина начинаетъ свою статью тѣмъ, что сердится на одну брошюрку для народнаго чтенія, появившуюся въ концѣ прошлаго года подъ названіемъ «Хрестоматія» и стоящую пять копѣекъ серебромъ. Похваливъ книжонку за то, что она не стоитъ болѣе пяти копѣекъ серебромъ, г. Щербина увѣряетъ, что ему «немыслимо», почему на первомъ планѣ ея напечатана сказка Пушкина о «Кузьмѣ Остолопѣ» и басня Крылова «Демьянова Уха».

Впрочемъ, такъ-какъ мы хотимъ разобрать весь проектъ г. Щербины въ подробности (сообразно разумѣтся силамъ нашимъ), то и выпишемъ изъ начала статьи его всю эту, исполненную негодованія, тираду на недальновидныхъ и простодушныхъ издателей «Хрестоматіи».

• Намъ просто немыслимо, почему на первомъ планѣ ея напечатана сказка Пушкина *О Кузьмѣ Остолопѣ*, или, дайте, басня Крылова *Демьянова Уха*. Не говоримъ уже о названіи «Хрестоматія», непонятномъ народу: это могло произойти и отъ нѣкоторыхъ постороннихъ причинъ, независящихъ отъ издателя; но зачѣмъ было помѣщать сказку Пушкина? Она имѣетъ свой смыслъ и значеніе въ кругу нашемъ, но народу она покажется *дурашною* и скомпрометируетъ, нѣкоторымъ образомъ, въ глазахъ его и самое ученіе грамотѣ. Попадись эта брошюрка въ руки ученика воскресныхъ школъ, то хозяинъ его, степенный шорникъ, мѣдникъ или слесарь, вѣроятно, со вздохомъ сказалъ бы: «чему ихъ тамъ въ школѣ учать!... Только баловство одно...»

• Мужикъ услышитъ подобную сказку и въ кабацѣ, и на площади, мальчикъ — въ своей мастерской и отъ дворника. Книга, такъ зря составленная, не внушитъ уваженія къ грамотѣ и не придастъ ей серьезнаго и полезнаго значенія... А къ-чему, наприимѣръ, послужить для народа знаніе басни «Демьянова Уха»? Она, по содержанію своему, понятна только въ литературномъ и артистическомъ быту, существованія котораго народъ и не подозреваетъ... Да и чтó въ ней занимательнаго или поучительнаго собственно для народа?... Чтó за большое зло добродушная назойливость тороватаго Демьяна!.. Этого ли народу нужно? Это ли въ немъ вопіющая отрицательная сторона, которую нужно преслѣдовать сатирическою солью и насмѣшкою, выраженной въ образѣ?... Подумаешь, что такая «Хрестоматія» издана не въ Петербургѣ, а гдѣ-нибудь въ Аркадіи — такъ отъ ней вѣтъ младенче-

скимъ незнаніемъ жизни, павшими повятіями, буколическимъ просто-душіемъ; такъ и ждешь, что увидишь на заглавномъ листкѣ брошюры слова: изданіе Менака или Тирсиса... Понятно, что болѣе распространяться о ней логически-невозможно; но, за всѣмъ тѣмъ, появленіе ея наталкиваетъ на мысль о книгѣ для народа, которая въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, оказывается крайне-необозидоу.

• Опытъ показавъ, что книги, писанныя исключительно для народа, не удались и не распространились въ немъ. Можно думать, что это отчасти произошло и отъ того, что не было принято практическихъ мѣръ къ распространенію ихъ, но, главное, потому, что Россія для всѣхъ насъ terra incognita. Мы относились къ книгѣ для народа только a priori. Непосредственное наблюденіе, жизнь съ народомъ, проникновеніе его средой — были далеки отъ насъ!...

• Мы любимъ», по словамъ поэта:

Въ роскошно-убранной палатѣ
Потоловать о бѣдномъ братѣ,
Погорачиться о добрѣ...

• И поэтъ, послѣ этого могъ невольно воскликнуть:

О, слово старое поэта:
Слова, слова, одни слова!»

Слова благородныя и сильныя; негодованіе тоже благородное. Нѣкоторыя изъ этихъ разсужденій пожалуй и очень дѣльны; замѣчаніе о томъ, что сказка о «Кузьмѣ Остолопѣ» писана для господъ и примется народомъ съ пренебреженіемъ — очень вѣрно, такъ что даже вчужь начинаешь сожалѣть о благородныхъ, но близорукихъ составителяхъ «Хрестоматія». Но съ разсужденіями о «Демьяновой Ухѣ» мы уже не такъ согласны. То есть собственно говоря, намъ до самой «Демьяновой Ухи» и дѣла нѣтъ, а дѣло есть до нѣкоторыхъ взглядовъ г. Щербина, такъ-сказать до нѣкоторыхъ основныхъ его воззрѣній. «Что за большое зло добродушная назойливость таровитаго Демьяна!» говоритъ онъ. «Этого ли народу нужно? Это ли въ немъ вопіющая отрицательная сторона, которую нужно преслѣдовать сатирическою солью и насмѣшкою, выраженною въ образѣ?»

То-то и есть. «Демьянова Уха» конечно имѣетъ у Крылова значеніе частное; а безъ этого значенія, до котораго народу и дѣла нѣтъ, она не только для него не интересна, но даже могла бы быть успѣшно замѣнена тысячею другихъ басенъ. Въ этомъ мы совершенно согласны, да вѣдь главное-то не въ томъ, а въ томъ именно, какъ увѣряетъ г. Щербина, что въ книгѣ для народа и, по возможности, въ каждой статейкѣ такой книги, надо преслѣдовать разныя «отрицательныя стороны народа», преслѣдовать ихъ «сати-

рической солью и насмѣшкою, выраженною въ образѣ». А «Демьянова Уха» ничего не *преслѣдуетъ* въ народѣ, слѣдственно «Хрестоматія», помѣстившая ее на свои страницы, до того невинна, до того, влите ли, вѣтъ отъ нея «младенческимъ незнаиѣмъ» жизни, наивными понятіями и буколическимъ простодушіемъ, что такъ и ждешь на заглавномъ листкѣ словъ: «изданіе Меналка и Тирсиса».

Мы вовсе не хотимъ здѣсь защищать ни «Демьяновой Ухи», ни «Меналковъ и Тирсисовъ», хотя «сія послѣдніе» и были намъ когда-то полезны и даже милы. Но для насъ то важно, что намъ нужно соли, и непременно «сатирической соли»; что непременно надобно «преслѣдовать насмѣшками, испровергать предразсудки». Надобно такъ-сказать карать... Учить надобно, *главное* учить...

Опять повторяемъ: цѣль во всякомъ случаѣ возвышенная и прекрасная, и соотвѣтствуетъ вполнѣ благородству нашего духа. Просвѣщенные должны учить непросвѣщенныхъ. Это обязанность, не такъ ли? Но вотъ что странно, и даже пожалуй скверно: мы и подойти не можемъ къ народу безъ того, чтобъ не посмѣяться надъ нимъ «безъ сатирической соли», а главное безъ того, чтобъ не учить его. И вообразить не можемъ, какъ это можно намъ политься передъ этимъ посконнымъ народонаселеніемъ не какъ власть имѣющимъ, а запросто? Конечно мы нашими солями и насмѣшками прежде всего имѣемъ въ виду принести пользу (хотя иногда и сама-то хорошо не знаемъ того, надъ чѣмъ въ народѣ насмѣхаемся. Ну, да это между нами). Мы только хотѣли скромно замѣтить, благо пришло къ слову, что прежде непременной, *немедленной* пользы народныхъ книжекъ, кромѣ всѣхъ солей, искорененій и правоученій, очень бы нехудо было имѣть въ виду просто распространеніе въ народѣ чтенія, постараться заохотить народъ къ чтенію внимательностью книги, и потому пусть вещь будетъ хоть и безъ соли, да если чуть-чуть занимательна и положительно *невередна* (надѣюсь поймутъ, что мы подразумеваемъ подъ словомъ: *невередна*), такъ и спасибо за нее...

«Придирка, да еще смѣшная!» скажутъ намъ просвѣтители. «Будто мы противъ занимательности, а главное, противъ распространенія любви къ чтенію! да о немъ-то мы и хлопочемъ! Только вмѣсто «Демьяновой Ухи» все таки можно помѣстить пресмѣшную, презанимательную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преплезную, пренасмѣшливую вещь, «убивающую отрицательныя стороны»... Такимъ образомъ всѣ цѣли будутъ достигнуты. Чѣмъ же дурна полезность? Или, можетъ-быть, вы противъ полезности, говорите вы намъ, противъ искорененія предразсудковъ и разогнанія мрака невѣжества?»

— Ничуть, отвѣчаемъ мы, да и Боже насъ сохрани! Кому пріятны невѣжество и предрасудки, да еще не просто невѣжество, а «мракъ невѣжества»? Только вотъ что: *исключительное* напираніе на невѣжество и предрасудки и исключительная забота поскорѣе какъ можно искоренять ихъ въ народѣ, — по нашему мнѣнію (въ нѣкоторомъ смыслѣ разумѣется) — тоже невѣжество и предрасудокъ. Не знаемъ, какъ бы намъ яснѣе выразиться. Вотъ напри- мѣръ мы знаемъ, что народъ предубѣжденъ противъ насъ, господъ; до того предубѣжденъ, что даже хорошее-то будетъ слушать отъ насъ недовѣрчиво. Ну, а мы, несмотря на это, все-таки хотимъ подходить къ нему не иначе, какъ власть имѣющіе, какъ тѣ же господа, — однимъ словомъ, даже и не можемъ иначе поступить, т. е. поступить пообиходнѣе, помягче, получше узнавъ, въ чемъ дѣло. «Народъ глупъ, слѣдственно его надо учить» — вотъ только это одно мы и затвердили, и если ужъ господами намъ предстать передъ нимъ не удастся, то по крайней мѣрѣ мудрецами предстанемъ... Впрочемъ прервемъ на время наши разсужденія. Мы никакъ не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать тутъ же сужденіе самого г. Щербинны о нѣкоторыхъ нашихъ прогрессистахъ и умни- кахъ и вообще о такъ называемыхъ «знатокахъ» нашей народной жизни, готовящихъ себя въ ея руководители. Это золотыя слова!

• Иная книга и была составлена, повидимому, весьма-умно, но въ народѣ все-таки не прививалась, отъ того, что какъ-то неволью сби- валась на нѣмца или француза, переодѣтаго помужички, а между-тѣмъ, на чувство простолюдина скорѣй подѣйствовали переводы «Потерян- ваго Рая», или «Францила Венеціана», чѣмъ книги, писанныя соотечественниками собственно для народа, его языкомъ и почерпнутыя изъ его исторіи и быта. На это стоить обратить вниманіе. Мы были неспособны инстинктивно, прямодушно и, вѣстѣ съ тѣмъ, практически стать твердою ногою на его почву, поставить себя на его мѣсто, пере- рести на степень его развитія, сердцемъ и умомъ уразумѣть его понятія, вкусъ и наклонности. Въ этомъ намъ не помогли ни таланты, ни познанія, ни наше европейское образованіе, и это отъ того, что Россію знаемъ мы всего менѣе, что *начало національности почти не входитъ въ наше воспитаніе*; отсюда у насъ недостатокъ практичности, физіономіи, самостоятельности мысли. Примемъ ли мы за самихъ себя, за явленія, факты и данныя нашей жизни, мы непремѣнно посмотримъ на нихъ въ какія-либо *цветныя стеклышки* купленные нами или въ Палероаль, или на лейпцигской ярмаркѣ, или на отечественномъ тол- чучемъ рынкѣ.

• Къ-тому жь, мы сами, не замѣчая того, люди рутинны попреиму- ществу, и у всякаго небольшого періода времени есть своя рутинна. *Поврбуи-ка* кто отнесется безъ предубѣжденія, не съ физиономіон-

нымъ анализомъ къ какой-нибудь модной и находящейся во всеобщемъ употребленіи идеѣкъ, или къ какому ни на-есть кумирчику, которымъ мы крѣпки въ данную минуту: онъ будетъ смѣшанъ съ грязью... За-то ужь, когда прорвется — намъ и гиганты ничемъ: мы представляемъ собою, съ одной стороны, раболѣіе, находясь въ крѣпостномъ состояніи у идеекъ и кумирчиковъ, съ другой, нетерпимость и деспотизмъ: у насъ тотъ, кто разнится съ нами въ убѣжденіяхъ — или умственно-ограниченный, или недобросовѣстный человекъ. Слова вѣтъ, у насъ много благородныхъ идеаловъ, просвѣтленныхъ европейской наукой, но вѣтъ знанія многихъ условій, самома́лѣйшихъ данныхъ, духа и обстановки нашей народной и мѣстной жизни. Мы въ практической жизни идеологи, и это частію и потому, что тутъ не требуется большаго труда. Мы не воспринимаемъ знанія всецѣло, органически, не начинаемъ своего изученія об ово: съ насъ довольно послѣднихъ результатовъ мысли, верхушекъ знанія. Большинство изъ насъ не болѣе, какъ «начетчики». У насъ очень-легко сдѣлаться умниками и передовыми людьми, попасть въ литературные или другіе какіе-либо общественыя дѣятели. У насъ только и существуютъ, что двѣ крайности: или свой собственный, доморощенный «глазомѣръ», или безусловное, безотносительное, рабски-догматическое принятіе какого-либо ученія извнѣ. У насъ еще считаютъ образованнымъ, благороднымъ, современнымъ и, главное, умнымъ человекомъ того, кто приобрѣлъ кое-какія знанія *въ абсолютномъ смыслѣ, въ абсолютной сторонѣ и сущности вещей* и кто, имѣя самый обиходный разсудокъ, формулируетъ ихъ, при случаѣ, и разводитъ модными фразами и европейскими общими мѣстами. Притомъ же, подобныя добродѣтели даже и лично выгодны въ наше время. Мы еще далеки отъ того убѣжденія, что истинный разумъ только у того, кто въ каждый извѣстный моментъ найдетъ и сможетъ понять *относительную сторону и значеніе вещей* — этотъ омутъ безирестанно вращающихся, измѣняющихся и возникающихъ данныхъ, кто въ состояніи схватить и невидимую связь ихъ съ идеаломъ, и связь между собою... Да, тутъ ужь требуется самостоятельность, самодѣятельность мысли и прочная крѣпость знанія. Этого ужь не у кого вычитать... Но чтó же дѣлать? Таковъ общій и, можетъ-быть, несовсѣмъ зависящій отъ насъ недостатокъ нашего воспитанія...

Истинно золотыя слова, благородныя и золотыя! Тутъ чтó ни слово, то правда. То, что отмѣчено въ этой выпискѣ курсивомъ, — отмѣчено самимъ г. Щербинюю. Мы-было съ своей стороны хотѣли тоже отмѣтить иѣкоторыя, наиболѣе меткія и правдивыя его выраженія курсивомъ, — да и не отмѣтили, потому что тутъ, что ни фраза, то и отмѣчай ее крестомъ. Такъ мѣтко и истинно, что мы рѣдко читали что-нибудь умнѣе этого сужденія. Жаль только, что немного отвлеченно высказано. Мы и такія-то истины не умѣемъ какъ-то высказать въ болѣе близкомъ приложеніи къ дѣйствитель-

ности, т. е. и умѣемъ, да у насъ это *не примято*. У насъ все болѣе сбивается на теорію, на знаніе въ *абсолютномъ смыслѣ*, въ *абсолютной сторонѣ вещей*, говоря словами самого г. Щербина. Далѣе, продолжая свою тираду, г. Щербина даже увлекается слишкомъ сильнымъ гнѣвомъ. Гнѣвъ его конечно благороденъ, но не совѣмъ справедливъ, потому что ужъ слишкомъ силенъ. Вотъ что говоритъ г. Щербина.

•Подобныя, повидямому, ничтожныя явленія неволью наволятъ на мысль о необходимости кореннаго преобразованія въ нашемъ воспитаніи и просвѣщеніи. Несостоятельность, пустота и бесплодность ихъ очевидны: нѣтъ въ нихъ морней своей народности, себязнанія, нѣтъ въ нихъ прочной и строгой науки. Мы еще просты до того, что пустозвонство модныхъ современныхъ фразъ принимаемъ за образованность; мы благонамѣренны до того, что слово прогрессъ не сходитъ у насъ съ языка, а на-самомъ-дѣлѣ это слово у насъ не имѣетъ никакого значенія. Чтобъ дѣйствовать, нужно любить, чтобъ любить, необходимо знать то, что любишь... Мы же не знаемъ того... И вотъ, всѣ наши благородныя стремленія, что называется «съ вѣтру» привились модою, приняты извнѣ за догматъ, по силѣ всеобщаго авторитета, и самое чувство любви къ нашему дѣлу мы на себя «напустили».

•То кровь кипитъ, то силъ избытокъ» — ибо любить невозможно не зная.

Г. Щербина тутъ слишкомъ строгъ. Не можетъ-быть, что тутъ одна «кровь кипитъ и силъ избытокъ», чтобъ мы чувство любви къ нашему дѣлу на себя «напустили». Мы не вѣримъ въ строгость такого приговора. Настоящее движеніе идей будетъ имѣть современемъ свою строгую и непристрастную исторію. Тогда можетъ-быть дѣло объяснится поглубже и поотрадиѣе. Если посмотрѣть на дѣло не такъ отвлеченно, а нѣсколько попрактичиѣе, основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ, то между фактами, противными нашему мнѣнію, мы навѣрно найдемъ нѣсколько и благопріятствующихъ. Къ чему «одно худое видѣть»? Можно непристрастно смотрѣть на дѣло и, не будучи заклятымъ оптимистомъ, *смѣшнымъ* оптимистомъ, потому что у насъ, при обнаруженіи каждаго мнѣнія, чрезвычайно боятся смѣшного. Оттого-то такъ и много людей, держащихся мнѣній болѣе *общихъ*, взглядовъ *наиболѣе раздѣляемыхъ*. Походить на всѣхъ — самое лучшее средство радикально избѣгнуть смѣшного. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что г. Щербина тоже нѣсколько склоненъ придерживаться *общихъ мнѣній*, походить на всѣхъ. Взглядъ г. Щербинны дѣйствительно раздѣляется *большинствомъ* нашихъ людей, наиболѣе благородныхъ и передовыхъ, а наши передовые естественно не могутъ, въ взглядахъ своихъ на наше поколѣніе, значительно разниться съ думою Лермон-

това, хотя эта дума предупредила насъ четвертью столѣтїа. Конечно между передовыми людьми еще не положено теперь принимать, чтобъ въ двадцать-нѣтъ лѣтъ между нами произошло хоть какой-нибудь прогрессъ; но невозможно, чтобъ его совершенно и не было. Мы увѣрены, что г. Щербина не потребуетъ отъ насъ именныхъ фактовъ для доказательства мнѣній нашихъ. Представимъ ему хоть на примѣръ одинъ случай, — именно слѣдующій: тамъ, гдѣ самъ г. Щербина, въ своей тирадѣ, которую мы выписали, говорить: «мы не знаемъ», «мы не вѣдаемъ»... «мы не любимъ»... «мы чувство любви на себя напустили»... «У насъ кровь кипитъ, у насъ сила избытокъ», — это слово мы у г. Щербины вѣроятно вездѣ поставлено для учтивости. Вѣдь не считаетъ же онъ себя въ самомъ дѣлѣ въ этой же категорїи, то есть великодушнымъ, недозрѣвшимъ, любящимъ неумѣющимъ, начувствующимъ и проч. и проч. Иначе не сталъ бы онъ такъ горячиться, такъ укорять, презирать, давать такіе совѣты. Ну, а если такъ, то вотъ ужъ одинъ и есть, умѣющий и любить, и цѣнить, и дѣйствовать...

— Но вы какъ-будто неискренни, скажутъ намъ: говорите какъ-будто иронически, критикуете... Вотъ давеча, вы кажется замѣтили, что не надо *учить*, что исключительное напирание на невѣжество и предрасудки и исключительная забота, *какъ можно скорѣе* искоренять ихъ въ народѣ, — тоже своего рода невѣжество и предрасудокъ. Какая дичь!

— То есть мы-было и осмѣлились замѣтить, отвѣчаемъ мы, но теперь даже и раскаиваемся, что сдѣлали это замѣчаніе. Для насъ оно ужасно щекотливо. «Попробуй-ка кто отвести безъ предубѣжденія, не съ низковоклоннымъ анализомъ къ какой-нибудь модной и находящейся во всеобщемъ употребленіи идейкѣ, и къ какому ни-на-есть кумирчику, которымъ мы крѣпки въ данную минуту: онъ будетъ смѣшанъ съ грязью». Вотъ собственные слова г. Щербины и мы именно чувствуемъ себя теперь въ этомъ положеніи. — Какъ! закричатъ намъ: не учить народъ, то есть *распространять* предрасудки, невѣжество, безграмотность!.. Обскуранты! Преступники!

Ужасно трудно иногда объясняться!

Боже насъ сохрани! Мы вовсе не про то говоримъ, что *учить не надо*. Сами же мы только одно и кричимъ, только объ одномъ и возвѣщаемъ: грамотность! грамотность! учить, напротивъ, надо. Только много, слишкомъ много надо имѣть, по нашему мнѣнію, самоувѣренности, чтобъ думать, что народъ такъ вотъ и развѣситъ ротъ слушая, какъ мы будемъ его учить. Вѣдь народъ не совѣтъ же сталъ. Мы даже увѣрены, что онъ самъ про себя смекаетъ, а

если не смекаетъ, то хоть чувствуетъ, что мы, господа, сами еще чего-то не знаемъ, идя къ нему въ учителя, такъ что намъ самимъ прежде надо бы кой-чему у него же поучиться, а оттого и дѣйствительно не уважаетъ и всю нашу науку, по крайней мѣрѣ не любитъ ее.

Всякій имѣвшій когда-нибудь дѣло съ народомъ, можетъ провѣрить на себѣ это впечатлѣніе. Вѣдь чтобъ народъ дѣйствительно слушалъ насъ разиня ротъ, надо прежде всего это заслужить отъ него, то-есть войти къ нему въ довѣріе, въ уваженіе; а вѣдь легкомысленное убѣжденіе наше, что стоитъ намъ только разинуть ротъ, такъ мы и все побѣдимъ — вовсе не заслужить его довѣрія, тѣмъ болѣе уваженія. Вѣдь онъ это понимаетъ. Ничего такъ скоро не понимаетъ человекъ, какъ тона вашего обращенія съ нимъ, вашего чувства къ нему. Наивное наше сознаніе въ нашей неизмѣрямой передъ народомъ мудрости и учености покажется ему только смѣшнымъ, а во многихъ случаяхъ даже оскорбительнымъ. Вотъ вы, г. Щербина, кажется совершенно увѣрены, что народъ этого не замѣтитъ, то-есть того необыкновеннаго нашего превосходства передъ нимъ, съ которымъ мы приступаемъ къ составленію для него книги по вашей программѣ. Вы, г. Щербина, любите народъ — мы въ этомъ увѣрены — и изъ любви къ нему работаете. Но вѣдь любить-то просто мало; надо умѣть выказать любовь. Вы вотъ и хотите выказать вашу любовь тѣмъ, что будете учить народъ, хвалить его за добро и смѣяться надъ его зломъ, особенно стараясь преслѣдовать насмѣшкою его «отрицательныя стороны» и проч. и проч. Э! мало ли кто его не училъ и не учить, мало ли кто не смѣялся надъ нимъ и не смѣется! Вѣдь этимъ любви не докажешь, по крайней мѣрѣ неудобно, да и надоѣсть, наконецъ столько учителей! А вдругъ ктому-же, если народъ узнаетъ (а не узнаетъ, такъ какъ-нибудь почувствуетъ), что вѣдь и насъ, обратно, онъ могъ бы многому научить, а мы-то и ухомъ не ведемъ и не подозреваемъ этого, даже смѣемся надъ этой мыслью и подступаемъ къ нему свысока съ своими указками. А научить-то народъ насъ могъ-бы правд многому; вотъ хоть бы тому напримѣръ, какъ намъ его же учить. Вѣдь между нами попадаются иногда удивительные учителя. Иной, знаете, этакъ отъ почвы-то давно ужъ отдѣлился, еще пра-дѣдушка его администраторомъ былъ, съ народомъ никакихъ общихъ интересовъ не имѣлъ, и за стыдъ почиталъ имѣть: развитіе-то у внука вышло по преимуществу свысока, общечеловѣческое, научно-теоретическое, истины пошлы идеальныя, — однимъ словомъ, человекъ вышелъ благороднѣйшій, но необыкновенно похожій на стертый патлатыйный: видно что серебро, а ни клейма, ни года,

никакой націи, французская ли, голландская ли, русская ли монета — неизвѣстно. Иной изъ такихъ ставеть вдругъ фертомъ среди дороги, и ну искоренять предрасудки. Всѣ эти господа чрезвычайно и какъ-то особенно любятъ искоренять предрасудки, напримѣръ суесвятство, дурное обращеніе съ женщинами, поклоненіе идоламъ и проч. и проч. Многіе изъ нихъ уже написали объ этомъ цѣлыя трактаты, другіе изучали эти вопросы въ университетахъ, иногда заграничныхъ, у ученыхъ профессоровъ, по прекраснымъ книжкамъ. И вдругъ этотъ «дѣятель» сталкивается наконецъ съ дѣйствительностью, замѣчаетъ какой-нибудь предрасудокъ. Онъ до того воспаляется, что тотчасъ же обрушивается на него всѣмъ своимъ хохотомъ и свистомъ, преслѣдуетъ его насмѣшками, и въ благородномъ негодованіи своемъ, харкаетъ и плюетъ на этотъ предрасудокъ, тутъ же при всемъ честномъ народѣ, забывая и даже не думая о томъ, что вѣдь этотъ предрасудокъ покажѣтъ все-таки дорогу для народа; мало того, — что низокъ былъ бы народъ и недостойнъ ни малѣйшаго уваженія, еслибъ онъ слишкомъ легко, слишкомъ *по-научному*, слишкомъ *вдругъ* способенъ бы былъ отказаться отъ дорогого и чтимаго имъ предмета. «Ты, баринъ, не смѣйся и не плюй, скажутъ ему мужики: вѣдь это намъ отъ отцовъ и дѣловъ досталось; это мы любимъ и это чтимъ». — Тѣмъ скорѣе надо искоренять въ васъ этотъ предрасудокъ! кричитъ просвѣтитель: значить тѣмъ глубже онъ въ васъ сидитъ; вотъ я и плюю на вашъ предрасудокъ, во-первыхъ потому, что онъ мой благородныя чувства возмущаетъ, а во-вторыхъ, чтобъ вамъ же дуракамъ показать, какъ я его мало цѣню; вы и учитесь на меня глядя. — Ну что съ такимъ дѣлать? Вѣдь этотъ господинъ не только неспособенъ смотрѣть на предметъ *исторически*, въ связи съ почвой и съ жизнью, но и человѣколюбиво-то смотрѣть неспособенъ, потому что и человѣколюбивъ-то онъ теоретически, по книжному. А ужъ о томъ, чтобъ быть почтительнѣе къ народу, съ нимъ и говорить нечего. Ему дѣла нѣтъ, что этотъ предметъ только для него одного ничего не значитъ, а для другихъ онъ свидѣтель и знаменіе прошлой жизни, что онъ и теперь можетъ быть *вся жизнь* и знамя этой жизни. Да что говорить! Мы вѣдь совершенно увѣрены, что г. Щербина знаетъ все это гораздо лучше и основательнѣе насъ. Съ его умомъ какъ не знать. Да вѣдь одного знанія мало; не мѣшало бы быть и поосторожнѣе. А вѣдь слишкомъ исключительное и поспѣшное желаніе — прежде всего «обучить», «осмѣять насмѣшками» и «напасть на отрицательныя стороны», тоже своего рода неосторожность. Не лучше ли подступитъ къ народу на болѣе ровныхъ основаніяхъ? Когда онъ увидитъ въ васъ поменѣе *исключительнаго желанія учить*, то скорѣе вамъ повѣреть.

Учить дѣло превосходное, да вѣдь не всякаго учителя любятъ. А ужь если на то пошло, чтобъ учить и болѣе *ничего*, такъ не лучше ли бы прямо, съ перваго раза объявить откровеннѣе: «Вотъ смотри, народъ: я ученый, а вы всѣ дураки. Васъ учить пришолъ: слушайте и слушайтесь»? Вѣдь это, право, лучше. А то вы даже и тутъ подступаете съ подвохомъ и даже скрываете, что вы *исключительно* хотите учить и больше *ничего*: Хитрите вы очень и — *слишкомъ* ужь считаете народъ глупымъ; а вѣдь это для него обидно. Впрочемъ вамъ наши слова навѣрно покажутся непонятными и даже придирчивыми. Мы и сами видимъ, что нечего разсуждать а priori. Приступимъ лучше прямо къ разбору вашего проекта. А для этого намъ необходимо слѣлать изъ вашей же статьи значительныя выписки.

• *Хрестоматія*, о которой мы упомянули, какъ-бы вызываетъ каждаго, думавшаго о книгѣ для народнаго чтенія, изложить и свой планъ изданія ея. Разумѣется, такая книга назначается только для извѣстнаго времени, и потому на планъ ея должно смотрѣть не иначе, какъ относительно... по, вопервыхъ, назовемъ ее:

• ЧИТАЛЬНИКЪ •

• Предполагается, что эта книга должна распространиться и войти въ народъ, какъ вѣкогда извѣстный *Письмовникъ Курганова*, почему редакція «Читальника» отчасти имѣетъ его въ виду по предмету содержанія и расположенія статей въ книгѣ. Назначеніемъ для народа обуславливается также внѣшній видъ, объемистость и дешевизна изданія.

• Относительно самого названія книги *Читальникъ* можно сказать, по крайнему нашему разумѣнію, то, что оно составлено въ духѣ русскаго языка и простонародья, какъ, напримѣръ, отъ молитва «Молитвенникъ», отъ поминать «Поминальница», отъ пѣсня «Пѣсенникъ», отъ письмо «Письмовникъ» и т. д. »).

• Къ-тому жь, какъ намъ кажется, это названіе легко запечатлѣтся въ народной памяти и сознаніи по формѣ своей и по внутреннему смыслу... Не называть же стать «Хрестоматіей» или прямо «Книгой для Народнаго чтенія и Воскресныхъ школъ»: это было бы непрактически и показало бы недостатокъ знанія народа: не слѣдуетъ ему говорить, что, молъ, эту именно книгу онъ читать долженъ.

• Сперва слѣдуетъ сказать о внутреннемъ содержаніи книги и расположеніи статей, составляющихъ ее.

• При составленіи «Читальника», издатель имѣетъ въ виду: 1) основываясь на *психологическихъ соображеніяхъ*, онъ такъ располагаетъ

*) Въ русской литературѣ до петровскаго періода встрѣчаются названія книгъ въ такой же формѣ: «Травникъ», «Мысленникъ», «Громникъ», «Волховникъ», «Колдникъ» и проч.

отдѣлы и статьи въ книгѣ, чтобъ одинъ отдѣлъ, развивая понятія и подстрекая любопытство въ читающемъ, подготавливалъ его незаметно къ другому отдѣлу: прочтеніе другого отдѣла подготавливаетъ къ третьему и такъ далѣе, въ психической постепенности.

Начиная со случаевъ повседневной жизни простолюдина, выраженныхъ рядомъ басенъ, притчей, пословицъ и т. п. (что всего ближе къ его собственной личности), и переходя отъ нихъ къ предметамъ видимой, окружающей его природы (землѣ, воздуху, небу), онъ совокупностью этихъ и другихъ статей послѣдовательно приходитъ въ концѣ книги къ чтенію о духовно-нравственныхъ предметахъ: положимъ, отъ басни Крылова *Крестьянинъ въ бѣдѣ* до стихотворенія Хомякова: *По прочтеніи Псалма*. 2) Основываясь на *практическихъ ображеніяхъ*, издатель, принявъ къ свѣдѣнію, какіе именно коренные недостатки существуютъ въ народѣ, недостатки общіе или свойственные въ-особенности только нашему народу, такъ и подбираетъ содержаніе статей въ своей книгѣ. Издатель, сверхъ-того, долженъ замѣчать, какія именно знанія необходимы въ условіяхъ народнаго быта и чѣмъ народъ интересуется. Въ послѣднемъ случаѣ ему указать на это предметы, упоминаемые въ народныхъ стихахъ, пѣсняхъ, легендахъ, въ древне русской народной письменности, изъ чего онъ увидитъ, что можетъ быть любо народу въ книгѣ. Тутъ также необходимо издателю принять въ разсужденіе усилъ у народа книжекъ въ родѣ: *Бытовъ русскыхъ съ кабардинцами*, *Милорда Георга*, *Анекдотовъ о Балакиревѣ*, *Старичка-Весельчака*, *Новыйшато Астрономическаго и Астрологическаго Телескопа*, *Мамаева побойща* и т. п.

Въ статьяхъ, назначенныхъ для духовно-нравственнаго развитія, берется содержаніе, выражающее гуманизмъ, или содержаніе, направленное противъ жизни спуста-рукава, противъ бездушнаго своекорыстія, самодурства, безобщественности, неуваженія къ человѣческой личности, къ праву другаго и тому подобнаго, замѣчаемаго исключительно въ нашемъ народѣ, какъ слѣдствіе, независящихъ отъ него, разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Все это по большей части и по возможности берется для книги представленнымъ въ образахъ, а не въ дидактическомъ и догматическомъ изложеніи, принимая во вниманіе, что нашъ народъ находится еще почти въ эническомъ состояніи.

Ясно, что вся книга должна быть направлена къ двумъ главнымъ цѣлямъ: 1) чтобъ доставить народу, при развитіи понятій, *полнота*, необходимыя, какъ воздухъ, каждому человѣку вообще и русскому простолюдину въ-особенности: 2) чтобъ содѣйствовать въ народѣ къ большому развитію нравственнаго, человѣчественнаго чувства, въ строгомъ соображеніи съ духомъ, правами, обычаями, исторіею, обстановкой и бытомъ русскаго простонародья. Притомъ же, для народа нужно такъ составить книгу, чтобъ было въ ней: «чего хочешь — того просишь».

И кромѣ того вы приписываете, по поводу вашего мнѣнія, что

нужно говорить съ народомъ простымъ, яснымъ и отчетливымъ языкомъ, а не поддѣлываться подъ тонъ народный и не стараться заговаривать маленько-мужицкииъ слогомъ, слѣдующее :

• Всякая поддѣлка въ книгѣ подъ народный тонъ, всякое балагурство, ломанье передъ народомъ компрометируетъ какъ известную книгу, такъ и грамоту вообще въ глазахъ народа. Нашъ народъ уменъ, и тотчасъ смекнетъ, кто подходитъ къ нему не просто, а съ подвохомъ; это въ глазахъ его въ некоторыхъ образомъ сбивается на переодѣтыхъ помужичьи господъ, собирающихъ народныя пѣсни, или на баръ, читающихъ мужику-сиволапу наставленіе, которое, какъ обыкновенно всякое наставленіе, всегда и всѣми пропускается мимо ушей. •

Остановимся хоть здѣсь. Вотъ видите, — вы сами противъ всякаго подвоха и говорите объ этомъ превосходно, особенно тамъ, гдѣ упоминаете про переодѣтыхъ помужичьи господъ и про наставленія, пропускаемыя мимо ушей. Теорія у васъ иногда выходитъ очень хорошо, но на практикѣ вы тотчасъ же себѣ противорѣчите. Будто вы сами подходите безъ подвоха, будто все что мы теперь выписали — не своего рода подвохъ, начиная съ самаго названія книги : Читальникъ? Почему читальникъ? Потому дескать, что въ прежней литературѣ до-петровскаго періода встрѣчаются названія : Травникъ, Мысленикъ, Громникъ, Волховникъ, Колядникъ и проч. Но вѣдь то было въ до-петровской литературѣ. Тогда названіе это произошло наивно, тогда всѣ эти книги (назначаемыя и для сословія высшаго) иначе и не назывались. Теперь же книги называются иначе; для всѣхъ иначе, а для народа такъ вотъ постарому: «Читальникъ». Эта особенность можетъ поразить народъ : «значитъ-де для насъ и составлена особая книга, потому тѣ книги, знать, не про нашу честь»... Вѣдь послѣ такого разсужденія не прибавится уваженія къ «Читальнику», да и любящіе чтеніе изъ народа захотятъ скорѣе барскихъ книгъ, запрещеннаго плода, и будутъ уважать ихъ непримѣръ больше своей обиходной, *толонской*, поскопной книги. «Народъ не замѣтитъ», скажете вы. Врядъ ли. А ну какъ замѣтитъ? Ну да положимъ, не замѣтитъ; но согласитесь въ томъ, что ужъ излишнее, исключительное, до *мелочи* доходящее стараніе слѣлать книгу какъ можно больше народною даже самымъ названіемъ ея—ужъ рекомендуетъ отчасти все изданіе. Мы уже предчувствуемъ его дальнѣйшій характеръ и — не обманываемся. Сейчасъ же послѣ этого вы говорите : «Не называть же статью (книгу) «Хрестоматіей» или прямо «Книгой для народнаго чтенія и воскресныхъ школъ»: это было бы непрактически и показало бы недостатокъ знанія народа : не слѣдуетъ ему говорить, что, молъ, эту именно книгу онъ читать долженъ». Вотъ вы ужъ и *обманываете* народъ,

положимъ съ благородною и возвышенною цѣлью; но не говоря уже о томъ, что самое это излишнее и мелочное стараніе ваше скрыть обманъ и наведеть народъ на логалку объ обманѣ (название «Читальникъ» до того необыкновенное и *маленько-мужицкое*, что онъ тотчасъ догадается, потомучто онъ гораздо умнѣе и догадливѣе, чѣмъ кажется вы предполагаете) — не говоря уже о томъ, опять-таки это стараніе скрыть отъ народа истину и подобмануть его, выказываетъ, не смотря на все благородство цѣли, что то неприятное для народа. Вѣдь говорите же вы дальше въ одномъ мѣстѣ, что хоть статья о физической природѣ и надо выпрять изъ дѣтскихъ книгъ, по такъ, чтобы не по чему было замѣтить, что первоначально это писано для дѣтей. «Народъ съ одной стороны тоже лтя», говорите вы.

Разсмотримъ далѣе вашу выписку. Вы пишете: «Основываясь на психологическихъ соображеніяхъ», издатель такъ располагаетъ отдѣлы статьи въ книгѣ, чтобъ одинъ отдѣлъ, развивая понятія и подстрекая любопытство въ читающемъ, подготавливалъ его незаметно къ другому отдѣлу; прочтеніе другого отдѣла подготавливаетъ къ третьему и т. д., въ психической постепенности»,

или:

«Основываясь на практическихъ соображеніяхъ, издатель, принявъ къ свѣденію, какіе именно коренные недостатки существуютъ въ народѣ, — недостатки общіе или свойственные въ особенности только нашему народу, *такъ и подбираетъ* содержаніе статей въ своей книгѣ.» (Это *такъ и подбираетъ* — верхъ совершенства!)

И далѣе:

«Издатель, сверхъ того, долженъ замѣчать, какія именно *знанія необходимы* въ условіяхъ народнаго быта и чѣмъ народъ интересуется...»

Кромѣ того, что довольно поздно замѣчать это уже при составленіи самой книги, — а надо бы знать пораньше, кромѣ этого, — что я за особенный такой человекъ, подумаеть про себя простолюдинъ, что мнѣ и знанія-то надо особенныя? Да я вотъ хочу знать, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Врешь! рано тебѣ это знать, отвѣчаетъ благоразумный онекунъ: — ты мужикъ, а потому и долженъ знать про свое, про мужичье. Вотъ мы тебѣ тутъ *подобрали*...

Отвѣтъ конечно благоразумный и справедливый, и мужикъ конечно долженъ съ нимъ согласиться, но вѣдь слишкомъ-то *явно* высказывать это обидно. Вѣдь извѣстно, за что люди иногда обижаются. Вонъ у Гоголя одинъ герой назвалъ другого поновичемъ.

Тотъ хотя и дѣйствительно былъ поповичъ, а неизвѣстно почему обидѣлся. А за что бы кажется?

Правда, мужикъ не догадается, вы вѣдь на это рассчитываете (я все забываю). Но въ самомъ дѣлѣ: что за щепетильность, что за предосторожности! Вѣдь пожалуй бросится въ глаза. Старанья-то *подбиранія* слишкомъ ужь много. Право, поменьше-бы съ вашей стороны этой исключительной заботливости и даже какой-то подозрительности и ейбогу было-бы лучше. Вы были-бы тогда болѣе зауросто, болѣе на равныхъ основаніяхъ къ вашему будущему ученику-народу. — Ему-бы вотъ что могло тогда придти въ голову: что вы для денегъ, для спекуляціи составили вашу книжку, и самый-то подборъ вашъ, который все-таки въ книгѣ остался-бы, хоть и въ меньшей степени, — послужилъ-бы тогда на пользу. Народъ-бы сказалъ: «Вишь хитрецы! какъ хорошо про все расписали: заманиваютъ, чтобъ книжку раскупить!» И пусть бы онъ такъ думалъ и прекрасно-бы вышло, потому что книжку-то онъ тогда-бы купилъ. Конечно, тогда ужь народъ не догадался-бы обо всѣхъ нашихъ великодушныхъ стремленіяхъ, о нашемъ безкорыстїи, о томъ, что мы добровольно убытокъ приняли, чтобъ только его научить; но вѣдь и кчему это? Во-первыхъ, ужь конечно лучше приготовить себѣ награду на небеси, а во-вторыхъ, еслибъ народъ догадался, то и книжку-то пожалуй-бы не купилъ. Вѣдь народъ глупъ; пожалуй еще махнетъ рукой на всѣ наши труды, да и скажетъ: «Та же опека!» Вѣдь онъ тоже ужасно какъ мнителенъ. Спекуляція лучше; въ видимомъ желанїи выманить у народа деньги, право, было-бы больше съ нимъ панибратства и равенства, а вѣдь оно-то въ этомъ случаѣ и нужно, потому что народъ это любитъ и ужь конечно скорѣе довѣритъ своему брату, чѣмъ опекуну. А вашъ «Читальникъ» точно какой-то заговоръ. По крайней мѣрѣ объ закладъ побьюсь, что книга, составленная по вашей программѣ, не имѣла-бы успѣха въ народѣ, т. е. можетъ и распространилась-бы опекунскими средствами, но самъ-то народъ цѣнить ее много не будетъ. Даже, сдается мнѣ, будетъ смотрѣть на нее съ нѣкоторымъ страхомъ, особенно когда-бы давали ему ее въ награду за хорошее поведеніе и прилежаніе, приговаривая, какъ сказано у васъ въ программѣ, что онъ можетъ ее потерять, истрепать и проч... Но объ этомъ послѣ.

Воображаю я себѣ иную нянюшку: сидеть она въ саду на лавочку съ нянюшками другихъ дѣтей, и начнутъ всѣ эти нянюшки *про свое* разговаривать, а чтобъ попокойнѣе быть насчетъ дѣтей, то вы предварительно острастку зададутъ: «Слышь, Петя, вотъ ты лѣдсь гуляй, а туда въ кусты не ходи, тамъ *окаянный* сидитъ, те-

бя въ мѣшокъ возьметъ и съ собой унесетъ.» Мальчишка слушаетъ, и хоть онъ всего еще пяти лѣтъ, а можетъ ужъ и понимаетъ, что нянька-то вретъ, что никакого тамъ нѣтъ окаиннаго, а напротивъ, есть гдѣ поразгуляться, и маленькимъ своимъ умишкомъ уже смѣется надъ своей нянькой. Еслибъ я былъ мужикъ, право, мнѣ-бы ужасно было досадно, что меня считаютъ еще такимъ маленькимъ мальчикомъ и что обо мнѣ цѣлымъ секретнымъ комитетомъ заботятся, чтобъ меня на помочахъ водить: ейбогу мнѣ-бы тогда (на мужичьемъ мѣстѣ) сауру это представилось. Разумѣется, этого-бы ничего въ сущности не было. Напротивъ, любили-бы меня искренно, желали-бы мнѣ счастья, но мнѣ-то бы тогда такъ представилось. Впрочемъ я вѣдь только по себѣ сужу, и можетъ-быть потому такъ сужу, что я ужъ такое дурное и неблагодарное существо. Я бы и самъ зналъ тогда, (то есть на мѣстѣ мужика), что учиться мнѣ надо и что я еще ничего не знаю, да вѣдь опека-то надоѣдлива. Ишь: все сообразно моимъ порокамъ и недостаткамъ такъ и подобрано, даже отиѣчено, какія мнѣ знанія необходимы и чѣмъ я интересуюсь. Это, дескать, знай, а это не знай, потому рано, обожжешься. Прибавлю еще, что кромѣ всѣхъ моихъ дурныхъ качествъ, я еще ужасно мнительнъ и подозрителенъ, и никакъ не могу теперь и на мужичьемъ мѣстѣ представить себя безъ мнительности и подозрительности. Я бы очень задумался и непременно подумалъ-бы про себя: «Такъ чтожь, что обожгусь? обожгусь я, а не ты, моя забота.» Однимъ словомъ, поступилъ-бы самымъ неблагодарнымъ образомъ.

— Да вѣдь для твоей-же пользы, сиволапый! закричалъ-бы мнѣ благодѣтельный опекунъ.

Я бы, разумѣется, не могъ-бы съ такимъ ученымъ человекомъ говорить и тутъ-же согласился-бы съ нимъ во всемъ. Даже, пожалуй, самъ-бы отъ себя прибавилъ, изъ политики: «Посѣлки, батюшка; мужикъ балуется, такъ ты его и посѣлки», — а книжку все-таки бы не купилъ. Въ утро-бы она мнѣ не пошла.

— Баринъ мой добрый человекъ, продолжалъ-бы я думать про себя: — и проказникъ большой. Возлюбилъ ужъ онъ меня очень за что-то, ужъ совсѣмъ и не знаю за что, кажется: ничего ему не слѣлалъ... такъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего возлюбилъ, ажно жутко становится. Вонъ книжку для меня сочинилъ... сколько труда-то небось привалъ, сердечный! «Поди, дескать, обучись, чтобъ мнѣ было съ тобой о чемъ разсуждать и чтобъ я могъ съ тобой дѣла имѣть; а выучишься по одной книжкѣ всѣмъ наукамъ, другую такую-же дадутъ, тоже со всѣми науками.» И ния ей Читальникъ: прямо стало-быть объяснено, что читать се надо. Вотъ тутъ-то и

штука: У господъ книги, а у меня еще только «Читальникъ». Это значитъ до настоящей, заправной книги ты, братъ, еще не доросъ. И «Читальникъ»-то отъ тебя потихоньку, цѣлымъ комитетомъ сочиняли, чтобъ ты не догадался, что для тебя нарочно его сочиняютъ, да еще, чтобъ мнѣй тебѣ былъ этотъ самый «Читальникъ», справлялись, разыскивали и въ разсужденіе брали: почему тебѣ нравится «Милордъ Георгъ», да «Битва русскихъ съ кабардцями». Ишь сколько объ тебѣ заботы было, о простомъ мужикѣ! Чувствуешь-ли это? — Спасибо господамъ, продолжаю я думать про себя: хорошо-что я вотъ, сиволопый мужикъ, ни объ чемъ объ этомъ не могу теперь догадаться; потому гдѣ-жъ мнѣ, безъ университетскаго образованія, объ этомъ догадаться? А то, пожалуй, при университетскомъ-то образованіи, я бы и отмечилъ такую штуку опекунамъ: «Неужели, дескать, вы, православные опекуны, думаете, что ужъ если я не знаю кто такой графъ Кавуръ, или про то, что въ болотной водѣ водятся инфузориі, такъ ужъ советѣмъ я и глушь и ужъ больше ничего не пойму? Неужели-жъ вы вправду думаете, что народъ не пойметъ, что вы хоть и ужасно хотите обучить его чему-то, но въ тоже время и ужасно хотите скрыть отъ него что-то, по той причинѣ, что онъ до того не доросъ? Нѣтъ, подлинно счастье, что я не получилъ университетскаго образованія, (это я все продолжаю про себя думать), и потому ничего этого теперь не понимаю. А то-бы, при университетскомъ-то образованіи, помянулъ-бы вамъ одно словечко князя Талейрана: «*Pas de zèle, messieurs, surtout pas de zèle!*» Ну да вѣдь вы знаете анекдотъ лучше меня, мужика...»

Написали мы все это теперь и сами испугались: что если разсердятся на насъ читатели и закричатъ намъ: «Неужели вы всѣ эти «хитрости» признаете за г. Щербинной? Неужели онъ не хлопочетъ объ настоящемъ образованіи народа? Неужели-жъ необходимую осторожность его вы признаете за умышленно-зловнамѣренную скрытность? Да! такъ всегда бываетъ у насъ въ литературѣ! Чуть только благородно-мыслящій и ищущій добра человекъ примется за какое-нибудь полезное дѣло, тотчасъ же заскрипятъ на него рецензенты, какъ ищейки начнутъ искать недостатковъ, начнутъ искать къ чему-бы придратъ, чтобъ такое обругать, — и вовсе не для общественной пользы, а просто рука зудитъ, хочется колкихъ словъ высказать, свое остроуміе показать, безъ дѣла свое знаніе дѣла выставить. *La critique est aisée, mais l'art est difficile.* Напишите-ка

лучше сами свой проектъ, да прямо дѣломъ и разубѣдите насъ, а не голословными рецензіями. Тогда можетъ обрататъ и на насъ вниманіе...»

Вотъ этихъ-то криковъ мы и боимся. Главное, боимся того, чтобы не сказали, что мы хотимъ обругать проектъ г. Щербины. Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ! Искренно говоримъ, что мы виноваты ни въ чемъ передъ г. Щербиной и, при взглядѣ на превосходный трудъ его, кромѣ самой искренней благодарности и чувствовать ничего не можемъ. Мы только невольно перенесли себя въ темную и недовѣрчивую массу народа и намъ *показалось*, что все что мы выше написали, можетъ какимъ-нибудь процессомъ придти ему на умъ, такъ что онъ встрѣтитъ книгу г. Щербины (когда онъ издастъ ее) не съ надлежащей симпатіею, а даже можетъ-быть съ недовѣрчивостью. Повторяемъ: намъ это такъ *показалось*, а вѣдь мы, разумеется, можемъ ошибиться (чего въ настоящемъ случаѣ и желаемъ себѣ). Приступимъ же опять, оговорившись нѣсколько передъ публикой, къ продолженію подробнѣйшаго и обстоятельнѣйшаго изложенія всего проекта г. Щербины. Весь этотъ проектъ «Читальника» прелюбопытнѣйшая вещь, по цѣли своей необыкновенно значительная. Объ чемъ же болѣе значительномъ и занимательномъ и говорить, если ужъ это не занимательно? Предупреждаемъ заранѣе: все это такъ умно, такъ хитро составлено, такъ подобрано, подведено, рассчитано, разлинено, до такихъ мелочей обдуманно и предусмотрено, что нѣтъ возможности не признать самага совѣтливаго труда въ проектѣ г. Щербины, нѣтъ возможности не благодарить за этотъ трудъ и даже не полюбоваться невольно этой отдѣлкой, отчеканкой труда, его послѣдовательностью и отчетливостью. Впрочемъ, еще разъ повторяемъ: если намъ что и не нравится въ этомъ проектѣ, если что и смущаетъ насъ, такъ именно — это излишняя старательность; именно то, что это такъ излишне умно, излишне предусмотрено и разлинено; то есть не нравится именно то, что ужъ все это слишкомъ хорошо: — впечатлѣніе конечно нехлѣбное, но въ природѣ иногда случающееся. Даже самыя психологическія основанія проекта, и тѣ точно циркулемъ вымѣранны, точно изъ души нашего мужичка извлеченъ квадратный корень. И все это такъ спокойно, съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ извлечено... Но къ дѣлу.

Проектъ раздѣляется на собственно проектъ и на предварительныя соображенія. Мы уже представили начало этихъ соображеній, этихъ основныхъ воззрѣній, на которыхъ зиждется все зданіе проекта, а вмѣстѣ съ тѣмъ представили и впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ началомъ. Далѣе г. Щербина, продолжая свои

соображенія, говорить, что отъ *книги* народъ менѣ всего требуетъ пѣсничества и скоморошничества, какъ-то завитковъ, прибаутокъ, простонародныхъ шутивыхъ реченій и проч. и что печатное слово для него какъ бы святыня, а не гаерскій балаганъ, и что наконецъ ему по сердцу такъ называемый высокій и чувствительный слогъ, вслѣдствіе чего «Битва русскихъ съ кабардинцами» и расходуется у него въ тысячахъ экземпляровъ. Слѣлавъ это превосходное и даже довольно вѣрное замѣчаніе (хотя и не всегда, потому что *настоящая* остроумная шутка тоже понимается народомъ и онъ отлично способенъ оцѣнить ее), г. Щербина предлагаетъ помѣщать въ «Читальникъ» статьи серьезныя и важныя, въ родѣ «покоренія Казани» изъ исторіи Карамзина. И чтеніе *важное* и *поэтическое* одного изъ событій отечественной исторіи у народа останется. Но на фантастическое и сверхъестественное г. Щербина обрушивается всѣмъ своимъ гнѣвомъ и рѣшительно изгоняетъ изъ «Читальника» все «фантастическое», потому что у народа и безъ того много суевѣрій (и не смотря на то, замѣчаемъ мы отъ себя, что народъ страшно любитъ фантастическое и съ жадностью читаетъ его, или слушаетъ какъ читаютъ). По нашему все это прекрасно, но опять тоже что и прежде, т. е. страшная заботливость, страшная разлиневанность въ томъ, что надо и чего не надо, подозрительность и опасенія доходящія до болѣзни. «Не подходи, не подходи! ты съ вѣтру!» кричитъ Обломовъ. Конечно, книга для народа авторитетъ, авторъ-эфа, какъ выражается г. Щербина, но вѣдь и не такой же народъ ипохондрикъ, какъ *ипохондрикъ* г. Писемскаго—всего боится: дунеть вѣтерокъ, такъ сейчасъ и смерть. Фантастическаго конечно отнюдь не надо. Но г.-то Щербина смотритъ на свою «книгу для народа» ужъ слишкомъ преувеличенно, точно воображаетъ, что въ ней начало и конецъ всей народной будущности, его образованіе, его университетъ, его счастье на тысячу лѣтъ впередъ; воображаетъ, что если народъ чуть-чуть прочтетъ и услышитъ хоть одну строчку владную — тутъ ужъ тотчасъ ему и капутъ. Г. Щербина до того мнителенъ, что даже басню Крылова не хочетъ назвать баснями, а предлагаетъ прямо выставить одно названіе, напримѣръ: *Крестьянникъ и работникъ, Два мужика* и подписать подъ ними «Крыловъ.» Все это на томъ основаніи, что басня, будто бы, принимается въ народѣ какъ пустяки и что «это даже можно заключить изъ пословицы и поговорки: «соловья баснями не кормятъ», или «бабьи басни.» Ну ужъ это слишкомъ, да и басни-то вовсе не въ такомъ неуваженіи у народа. Сколько ихъ между нимъ ходитъ, да еще преостроумныхъ, съ намеками. Вѣдь народъ понимаетъ, что такое басня. Иначе вы хоть и *скроете* отъ него, что это басня, но

ужь однимъ стихотворнымъ рассказомъ собьете его съ толку. Въ этомъ даже было бы больше опасности. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ народъ былъ до такой степени нелукомъ, какъ вы о немъ предполагаете, то конечно остановился бы на стихахъ: скоморошничество, дескать, испочеловѣчески писано, въ рифму. Вы предполагаете даже выбирать басни, гдѣ дѣйствуютъ люди, а не животныя. «Говорація животныя и деревья покажутся народу бахарьствомъ, мороченіемъ, чѣмъ-то шутовскимъ, въ ущербъ кредиту и авторитету книги», говорите вы. Булто? Да развѣ басня-то не изъ народа вышла? Народъ разберетъ, что это форма искусства, не безпокойтесь. Право онъ не такъ глупъ и не до такой степени ограниченъ, какъ вы предполагаете.

Далѣе г. Щербина предполагаетъ изложеніе нужныхъ и общелюбопытныхъ предметовъ, особливо изъ физической природы, но съ тѣмъ, что издатель книги хотя и можетъ почерпать всѣ эти изложенія изъ дѣтскихъ книгъ, написанныхъ для старшаго возраста, но долженъ избирать такія мѣста, чтобъ нѣ по чему было замѣтить, что писано для дѣтей. Ибо «народъ съ одной стороны то же дитя», замѣчаетъ г. Щербина.

Какую щепетильную обидчивость сами вы предполагаете въ народѣ и какъ вы боитесь его! Какая микроскопическая предусмотрительность!

Далѣе долженъ слѣдовать отдѣлъ историческій. Отъ народной исторической пѣсни и легко повятнаго по языку сказанія лѣтописи должно *постепенно и послѣдовательно* перейти къ мѣстамъ почерпнутымъ изъ отечественныхъ историковъ.»

Во-первыхъ, къ чему такая осторожная *постепенность и послѣдовательность*? Чтѣ вы, въ университетѣ чтоли народъ готовите? Ну, а если онъ возьметъ да развернетъ книгу наразбивъ и «отечественныхъ-то историковъ» прочтетъ прежде *лѣтописей и народныхъ пѣсенъ*? Чтожъ онъ, тутъ же сейчасъ и пропадетъ отъ этого? Всѣ ваши труды тогда пропадутъ! Развѣ ужь на заглавномъ листѣ книги напечатать, что книгу сію нельзя читать наразбивъ. Всего бы лучше черезъ земское начальство дѣйствовать и начальствомъ приказывать непремѣнно читать сподрядъ, въ строгой *постепенности и послѣдовательности*, начиная отъ народной исторической пѣсни до отечественныхъ историковъ включительно и т. д.

Конечно народу не по душѣ отрывочность, но для чего непремѣнно приводить въ «Читальнякъ» *подлинную грамоту* о прѣзваніи на царство дома Романовыхъ? К чему *подлинную грамоту*? Если вамъ хочется рассказать народу это событіе, то можно рассказать своими словами, теперешнимъ языкомъ, а не употреблять въ дѣло

прямому, собственно потому что «она написана языкомъ народнымъ (какимъ это народнымъ?) въ смѣшеніи съ церковно-славянскимъ, уважаемымъ народомъ.» Для чего это? И почему церковно-славянской языкъ будетъ милъ народу? развѣ тѣмъ, что непонятнѣе? Но г. Щербина замѣчаетъ:

«Подобнаго рода составъ книги способенъ воспитывать народъ на положительной, коренной почвѣ его народности и исторіи, развивать и направлять его здорово и органически, чего, къ сожалѣнію, недостаетъ и намъ, освѣщаемымъ даже солнцемъ съ Запада.»

Вотъ то-то и есть что вы, кажется, всего разомъ хотите достигнуть однимъ вашимъ «Читальникомъ»: и воспитанія, и образованія, и развитія народнаго—и все это одной вашей книжкой. Вы не для того составляете ее, чтобъ просто доставить пріятное и полезное чтеніе народу. Нѣтъ, вы разомъ хотите достигнуть чуть не университетскаго образованія. Мы не клеветемъ на васъ: это просто въ глаза бросается. Иначе не стали бы вы такъ щепетильничать, выдумывать такія *последовательности*, чтобъ одно выходило изъ другого и изъ себя выпускало третье. Не боялись бы, что народъ прочтетъ одну статью прежде другой. Нѣтъ, для такой цѣли не составляются Читальники, и непремѣнное желаніе достичь этой цѣли невольно придастъ вашей книгѣ педантизмъ, сбивчивость и, главную, нестерпимую сушь.

Мы вовсе не противъ вашихъ стремленій; мы восхищаемся вашимъ умомъ и вашей старательностью искренно. Вотъ вы напримѣръ далѣе требуете, чтобъ въ «Читальникъ» вошли и юридическія статьи, для просвѣтленія народа и даже для поднятія его нравственности, и медицинскую статью «гигіеническаго содержанія», на томъ основаніи, что у насъ слишкомъ много «умретъ и калѣчится понапрасну народа, отъ совершеннаго отсутствія самыхъ простыхъ, общихъ и необходимыхъ гигиеническихъ свѣденій.» (Изъ этого слѣдуетъ, что народъ, прочтя «Читальникъ» тотчасъ же перестанетъ умирать и калѣчиться понапрасну), ибо будетъ уже имѣть гигиеническія свѣденія. Мы не глумимся, мы понимаемъ, что и сами вы не рассчитываете на такое немедленное вліяніе на народъ вашего «Читальника», но какъ будто вы ожидаете этого вліянія: такое именно впечатлѣніе производить «Читальникъ.» Далѣе у васъ предположено помѣстить календарныя свѣденія, словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ во всеобщее употребленіе (NB: когда еще множество русскихъ словъ, употребляемыхъ въ образованномъ обществѣ, неизвѣстно народу), и наконецъ къ довершенію всего вы предполагаете растолковать народу: *«какія есть науки?»*, то-есть разомъ растолковать ему сущность всѣхъ наукъ на свѣтѣ.

• Заключительнымъ отдѣломъ книги — говорите вы — будетъ отдѣлъ *нравственнаго содержанія*, къ послѣдовательному и психически-постепенному воспріятію которыхъ будетъ предпосланъ *отдѣлъ беллетристическій*, нѣчто въ родѣ *антологіи* для народа, въ которой, впрочемъ, по извѣстнымъ практическимъ соображеніямъ, не можетъ быть принята исключительно одна эстетическая цѣль. Въ пьесахъ, мѣстахъ и отрывкахъ этого отдѣла, подъ болѣе или менѣе художественной оболочкой, всегда будетъ заключаться или какое-либо историческое и другаго рода свѣдѣніе, фактъ, или гуманическая и духовно-нравственная идея, нужная въ особенности нашему народу.

Все это прекрасно и полезно, умно и великолѣпно; одно предшествуетъ другому, одно истекаетъ изъ другого, однимъ отдѣломъ «душа простодушна» готовится къ другому отдѣлу и т. д. Чего лучше? Начинается формулированіе вашего проекта. Вы говорите:

• Чтобы яснѣе представить содержаніе, расположеніе, организъмъ книги, необходимо здѣсь сформулировать ее въ *отдѣлы*, чѣмъ яснѣе можно усмотрѣть существенныя свойства логики, практическихъ и психологическихъ соображеній, которыя издатель кладетъ въ основу состава своего «Читальника». Здѣсь разумѣется, указаны будутъ *все отдѣлы и некоторыя, на первый случай, статьи въ нихъ*.

Начинаются отдѣлы:

Первый отдѣлъ. «Настоящее жизни. Житейская мудрость, собственно практика жизни обиходной, изображенная въ художественныхъ формахъ.»

Подъ такимъ пышнымъ заглавіемъ помѣщаются басни Крылова, Хемницера, Дмитріева, Измайлова, сказки въ родѣ «О правдѣ и кривдѣ» (NB: можно бы и позанимательнѣе, и посовременнѣе) далѣе изъ «Памятниковъ старинной русской литературы» Н. Костомарова, «О мудрецѣ Керимѣ» Жуковского, небольшіе рассказы Дала, какъ-то «Ось и чека», анекдоты (самые незамысловатые), притчи въ родѣ «Притча о хмѣлѣ», изъ «Памятниковъ» Костомарова, народныя пословицы, *самыя стереотипныя* (т. е. вѣроятно тѣ, которыя народъ и безъ «Читальника» знаетъ), загадки для гимнастики ума, изреченія и т. п.

«Этотъ отдѣлъ помѣщенъ въ началѣ книги съ расчетомъ, чтобы завлечь на первый разъ читателя художественной приманкою поучительной мысли, съ перваго раза понимаемой, непосредственнымъ простодушіемъ формы, любопытною занимательностью, цѣlostною краткостью выраженія мысли и факта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ неискушенную душу заронить нравственно практическія правила жизни въ повседневныхъ ея явленіяхъ.»

Ну чѣмъ это, кажется, не отдѣлъ? Народъ зачитается, да и только. Правда, на первый случай к чему бы кажется столько «памятниковъ» старинной русской литературы? Что-вибудь посвѣжѣе было бы пріятнѣе. Но какъ вспомнимъ, что безъ этого народъ «не будетъ воспитанъ на положительной, коренной почвѣ его народности и исторіи», то и увидимъ, что памятники эти необходимы.

Все это отлично хорошо; но всего лучше мысль г. Щербяны, что какъ только народъ прочтетъ этотъ первый отдѣлъ, то тотчасъ же въ неискушонную душу его и заронятся нравственно-практическія правила жизни въ повседневныхъ ея явленіяхъ, а виѣтъ съ тѣмъ и приготовятъ ее ко второму отдѣлу. Съ этимъ-то расчетомъ и помѣщенъ между прочимъ этотъ отдѣлъ, какъ увѣряетъ самъ г. Щербяна. Ну какъ же не поблагодарить за такое стараніе и не пожелать успѣха?

Кстати замѣтимъ кое-что о «неискушенной душѣ» народа, благо къ слову пришлось. Вообще душу народа какъ-то ужъ давно принято считать чѣмъ-то необыкновенно свѣжимъ, непочатымъ и «неискушеннымъ.» Намъ же, напротивъ, кажется (т. е. мы въ этомъ увѣрены), что душѣ народа предстоитъ поминутно столько искушений, что судьба до того ее *починала*, и въкоторыя обстоятельства до того содержали ее въ грязи, что пора бы пожалѣть ее бѣдную и посмотреть на нее поближе, съ болѣе христіанскою мыслью, и не судить о ней по карамзинскимъ повѣстямъ и по фарфоровымъ пейзанчикамъ.

Всѣ эти «отдѣлы» — рѣшительные «подвохи» и «подходы».

За этимъ первымъ отдѣломъ слѣдуетъ еще пять отдѣловъ, въ стройномъ порядкѣ, одинъ вызывая другого. Но мы, для краткости, расскажемъ объ нихъ своими словами.

Второй отдѣлъ, это — *прошедшее жизни*, т. е. историческія свѣденія, картины, рассказы, статьи географическаго содержанія. Онъ начинается русскими *историческими пѣснями*, затѣмъ слѣдуютъ мѣста изъ лѣтописей, хронографовъ и проч. Затѣмъ *Акты и грамоты*. (Вы не вѣрите? — рѣшительный университетъ!) Затѣмъ... Какъ вы думаете, что? «Слово о полку Игоревѣ» въ переводѣ Дубенскаго! Это ужъ изъ рукъ вонъ! Да чѣмъ можетъ быть занимательно слово о «Полку Игоревѣ» *теперь*, народу? Вѣдь оно занимательно для однихъ ученыхъ, и положимъ для поэтовъ; но и на поэтовъ-то наиболѣе дѣйствуетъ древняя форма поэмъ. Народъ не виѣтъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи: чтожъ пойметъ онъ въ «Словѣ»? Вѣдь онъ найдетъ въ немъ одну смертельную скуку, да бездну непонятнаго, необъясненнаго. Вотъ что значитъ жертвовать всѣмъ для *ученаго образованія* народа! «Иначе какъ бы онъ воспи-

тался на положительной коренной почвѣ его народности и исторіи?» Точно не было для этого чего-нибудь несравненно замѣчательнѣе и не такъ страннаго!

Затѣмъ слѣдуютъ историческія стихотворенія русскихъ поэтовъ, какъ-то: «Малое слово о Великомъ (Петръ I)» Бенедиктова, и проч. Намъ кажется, лучше бы сперва сообщить что-нибудь народу о Петрѣ, а потомъ уже воспѣвать его.

Отсюда переходъ къ историческимъ рассказамъ и мѣстамъ изъ писателей отечественной исторіи (ну, это хорошо), потомъ біографіи: Ермакъ, Мининъ, Ломоносовъ, Кулибинъ; потомъ статьи русско-географическаго содержанія: Петербургъ, Москва, Кіевъ, Сибирь и проч. Наконецъ рассказы изъ всеобщей исторіи и географіи (въ гораздо меньшемъ количествѣ статей), въ родѣ: Александръ Македонскій, Наполеонъ, Колумбъ, Царьградъ.

Этимъ кончается второй отдѣлъ и наступаетъ третій: *Видимость*, т. е. среда жизни, окружающая человѣка природа.

Въ этомъ отдѣлѣ: о землѣ, о воздухѣ, о небѣ и — объ инфузоріяхъ! К чему смущать народъ безъ нужды, инфузоріями? К чему прежде времени всѣ эти тайны нѣмецкой науки? К чему это нестерпимое желаніе учить, — *поскорѣй, всему научить*? Не любить народъ такихъ учителей, прямо становящихся передъ нимъ его воспитателями и *владѣтелями-просвѣтителями*. Не въ инфузоріяхъ дѣло, а въ этомъ желаніи скороспѣлаго обученія. Народъ *исторически* склоненъ къ недоувѣрчивости, къ подозрительности; не повѣритъ онъ *доброму* въ вашихъ желаніяхъ и не полюбитъ васъ: а вѣдь прежде всего надо бы стараться заставить себя полюбить. Суть, предписанія, ученость, система, инфузоріи; это дескать знай, это не знай — вотъ вашъ «Читальникъ»!

Въ IV отдѣлѣ — энциклопедія и справочное мѣсто. Тутъ помѣщено: какія есть науки? Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка (что необходимо, замѣчаетъ г. Щербина, *при чтеніи газетъ и въ повседневномъ быту... для народа-то? и теперь?*). Затѣмъ излагаются юридическія свѣденія, необходимыя для крестьянина, затѣмъ гигиеническія, затѣмъ календарныя, однимъ словомъ — употреблены рѣшительно всевозможныя средства, чтобъ народъ немедленно спросилъ: зачѣмъ всѣ другія книги не такъ написаны, а эта вотъ такъ написана? и особенно задумался бы надъ этимъ.

За этимъ IV отдѣломъ начинается вторая часть книги. Во второй части являются матеріалы для духовно-нравственнаго развитія. Предполагается, что она будетъ напечатана болѣе ѳикимъ, убористымъ шрифтомъ. Начинается она

V отдѣломъ, *Антологіей для народа*, который кажется самый

лучшій отдѣлъ во всей книгѣ, хотя бы по тому одному, что всѣхъ занимательнѣе. Въ немъ, видите ли, будутъ «систематически» (непремѣнно систематически) расположены цѣлыя пьесы и *мѣста изъ народной словесности и русскихъ писателей, способныя развивать и направлять народъ гуманически* *). Однимъ словомъ, все будетъ расположено съ ужимкой, да и самый отдѣлъ этотъ устроенъ тоже не самъ по себѣ, а чтобъ «подготовить» читателя къ послѣднему, заключительному въ книгѣ отдѣлу. Въ него входятъ пѣсни и стихи, но болѣе проза. Для характеристики отдѣла обозначаются даже въкоторыя изъ выбранныхъ мѣстъ и стихотвореній. Замѣчено тоже, что изъ народныхъ пѣсенъ должно помѣщать только тѣ, которыя «выражаютъ гуманическое чувство, или горько-осуждающія какой-либо коренной недостатокъ въ народныхъ нравахъ и обычаяхъ». Вотъ подколъ, такъ подходъ! Даже и пѣсни-то веселыя на запрещеніи.

Вслѣдъ затѣмъ и помѣщаются: Кольцова — какъ вы думаете, что? ужь разумѣется: «Что ты спишь, мужичокъ», или: «Ахъ зачѣмъ меня силой выдали».

Пѣсни разумѣется прекрасныя, полныя самой свѣжей поэзіи, безсмертныя произведенія Кольцова. Да вѣдь развѣ мы здѣсь пѣсни хулимъ?

Ну ужь разумѣется, затѣмъ и Никитина стихотворенія, и графа А. Толстаго, и Цыганова, и Шевцова, и Некрасова — всѣ подобранные подъ одинъ тонъ; а «также стихотворенія въ этомъ родѣ» Пушкина, Языкова, Майкова, Мея, Берга и проч., а вмѣстѣ съ тѣмъ считается *необходимымъ* помѣстить и Лермонтова «Пѣсню про купца Калашникова»... неужели не догадались, зачѣмъ? А затѣмъ, что «въ ней выражено чувство чести по отношенію къ женѣ, чего большаго частію недостаетъ нашему простонародью».

Затѣмъ переводы въ стихахъ разныхъ сербскихъ, болгарскихъ и проч. пѣсенъ; затѣмъ проза: народные славянскіе рассказы и преданія изъ книги Боричевского, изъ памятниковъ старинной русской литературы Костомарова; анекдоты изъ жизни Петра Великаго, Суворова, Наполеона; отрывки изъ романовъ Загоскина, Лажечникова, изъ рассказовъ Даля, изъ военныхъ рассказовъ Л. Толстаго.

Это разумѣется очень хорошо.

И затѣмъ переходъ къ VI и послѣднему отдѣлу. Этотъ отдѣлъ представляетъ *чтеніе для необходимыхъ духовныхъ потребъ и высшаго развитія (собственно въ народномъ смыслѣ)*. Онъ состоитъ

*) Подчернуто у автора

изъ частей «догматической», «исторической», «практически-правственной» и «духовно-правственной» и заключаетъ въ себѣ, для примѣра, слѣдующія вещи :

Символь вѣры, молитву господню и десять заповѣдей. (Должно быть напечатано церковно-славянскимъ шрифтомъ, для ознакомленія народа съ церковно-славянскимъ шрифтомъ и «чтобы придать книмъ больше вѣса и авторитета»).

Затѣмъ: рассказы изъ священной исторіи, изъ «книги премудрости Иисуса, сына Сирахова, мѣста изъ евангелія, переведеннаго на русскій языкъ, послѣдніе дни Иисуса Христа изъ книги Иннокентія, мѣста изъ объясненій на литургію, изъ сочиненій Гоголя и другихъ, изъ «Начертанія христіанскихъ обязанностей» Кочетова, изъ поученій Иродіона Путятина, слово о пьянствѣ Тихова Задонскаго. Затѣмъ слѣдуютъ статьи «церковно-историческаго и священно-географическаго содержанія», какъ-то: принятіе христіанства Константиномъ Великимъ, принятіе христіанства на Руси Владиміромъ, житіе нѣкоторыхъ мучениковъ, житіе св. Ольги, Кирила и Меодія, Нестора-лѣтописца. Описаніе святыхъ мѣстъ: Иерусалима, Вифлеема, Афона, — извлеченіе изъ путешествій Барскаго, шюка Паренія, *Муравьева* и проч. Затѣмъ стихотворенія духовно-правственнаго содержанія и даже ода «Богъ» Державина.

Опять-таки повторяемъ: все это, разумѣется, превосходно и отлично *подобрано*. Авторъ въ заключеніе говоритъ :

«Такъ представлялись пишущему эти строки содержаніе и строй книги для народа и воскресныхъ школъ. Все, что написано здѣсь, взято изъ непосредственнаго наблюденія и опыта въ средѣ народной и изъ многообразія относительныхъ данныхъ и явленій насущной, практической жизни, возведено въ мысль, которая, можетъ-быть, еще далека отъ надлежащаго требованія, но зато высказана по крайнему разумѣнію и убѣжденію нашему. Никто не можетъ отрѣшиться вполне отъ своей среды, отъ своего воспитанія, и потому и статья эта, вѣроятно, имѣетъ свойственные ей недостатки.»

Что сказать на это? Мы кажется уже все высказали. Припомнимъ впрочемъ здѣсь нѣсколько словъ, сказанныхъ объ «Читальникѣ» нашимъ фельетонистомъ, въ майскомъ номерѣ нашего журнала. Намъ кажется, что эти нѣсколько строкъ могутъ послужить хорошимъ заключительнымъ словомъ и къ нашей теперешней статьѣ.

...«Изъ смѣси двухъ старыхъ жизней можетъ выйти новая. Открывайте свою жизнь мужикамъ и изучайте жизнь ихъ, и конечно отъ этого будете ближе къ желаемому нами примиренію, ближе къ уничтоженію сословной нашей раздѣльности; но передавайте народу тайны жизни нашей во всей ихъ полнотѣ, оставляя на его вы-

боръ худое и хорошее, и тогда онъ помирится съ вами, потомучто повѣрить вамъ: вмаче онъ почувствуетъ сознаваемое вами превосходство надъ нимъ и будетъ послѣднее горше перваго. Нужно уважить вкусъ и любопытство народа; нужно ему дать то, чего онъ проситъ, чего хочетъ онъ, и не раздражать его *статейками экономической содержанія объ артели, трудѣ, домоводствѣ...* Если мы своихъ жонъ не можемъ еще заставить интересоваться такими статьями, то съ какого горя станутъ ихъ читать мужикъ, онъ, которому трудъ еще быть-можетъ противенъ по нѣкоторымъ историческимъ воспоминаніямъ? Пусть для него чтеніе будетъ сначала забавою, наслажденіемъ; потомъ онъ изъ него выжметъ пользу. Свобода! свобода на первомъ мѣстѣ! Зачѣмъ же навязывать?»

Но знаете ли что? Я вѣдь не кончилъ статью мою. Мнѣ вдругъ представилось, что я самъ составляю «Читальникъ» для народа и вѣстѣ съ тѣмъ мнѣ пришло въ голову столько соображеній, что ужасно захотѣлось сообщить ихъ всѣмъ будущимъ составителямъ «Читальниковъ». Разумѣется это только *нѣкоторыя* соображенія. Я вовсе не претендую на такую отдѣлку и отчеканку работы, какимъ отличается «Опытъ» г. Щербины.

Я бы вотъ какъ сдѣлалъ:

Прежде всего я бы поставилъ передъ собой на первый планъ слѣдующую мысль (которую призналъ бы за основную и которой слѣдовалъ бы неуклонно). Именно:

1) Что прежде чѣмъ хлопотать о *немедленномъ* образованіи и обученіи народа, нужно просто-запросто похлопотать сначала о быстрѣйшемъ распространеніи въ немъ грамотности и охоты къ чтенію.

2) Такъ какъ хорошая книга чрезвычайно развиваетъ охоту къ чтенію, то надо хлопотать *преимущественно* о доставленіи народу какъ можно болѣе *приятнаго* и *занимательнаго* чтенія.

3) И ужь потомъ, когда народъ полюбитъ читать книги, тогда уже и приняться за образованіе и обученіе его. И хотя въ первыхъ «Читальникахъ», планнхъ для народа, никто и не мѣшаетъ мнѣ подбирать статьи такъ, чтобъ они принесли народу всевозможную пользу, но все-таки *занимательность* стояла бы у меня на первомъ планѣ, потомучто прежде всего нужно достигъ одной цѣли, а потомъ уже другой, т. е. сначала распространить въ народѣ охоту къ чтенію, а потомъ уже приступить къ его обученію; ибо гоняться за двумя зайцами разомъ не слѣдуетъ и одно могло бы повредить другому.

Примѣчаніе. Разумѣется, нечего и сомнѣваться въ томъ, что упорное и усиленное желаніе *прежде всего* учить и перевоспитывать, повредить книгѣ въ ея занимательности и пріятности для народа; ибо она будетъ слишкомъ *выдѣланная*, слишкомъ *подобранная*, суша до педантизма, со статьями скучными для народа (какъ напримѣръ «Слово о полку Игоревѣ», помѣщенное въ «Читальникѣ» г. Щербяны для того, «чтобъ воспитывать народъ на положительной и коренной почвѣ его народности»... другими словами, чтобъ народъ сдѣлать *народнымъ*), съ отдѣлами, помѣщенными съ расчетомъ, «чтобъ завлечь на первый разъ читателя художественною *приманкою поучительной мысли*» и расположенными такъ, чтобъ одинъ отдѣлъ выпускалъ изъ себя второй, а второй — третій... Все это естественно придастъ книгѣ чрезвычайную тяжеловѣсность, *обнаружитъ передъ народомъ ея заднюю мысль* и этимъ можетъ ей очень повредить съ перваго раза. Однимъ словомъ, все это мы уже высказали. И потому право было бы не грѣхъ на первый разъ пожертвовать ученостью занимательности.

Скажутъ мнѣ пожалуй умные люди, что въ моей книжкѣ будетъ мало *дѣльнаго, полезнаго*? будутъ какія-то сказки, повѣсти, разная фантастическая дичь, безъ системы, безъ прямой цѣли, однимъ словомъ тарабарщина, и что народъ съ перваго разу мою книжку и отъ «Прекрасной магометанки» не отличить.

Пусть съ перваго разу не отличить, отвѣчаю я. Пусть даже задумается, которой изъ нихъ отдать преимущество. Значитъ она ему *покажется*, коли онъ ее съ любимой книгой будетъ сличать. Требовать отъ него *тотчасъ же* точной критики невозможно. Но вѣдь онъ книжку мою полюбитъ, замѣтитъ *че* изданіе (потому что я непременно выставлю это на оберткѣ), и когда я издамъ вторую такую же книжку, съ обозначеніемъ: «изданіе такого-то, выпускъ второй», то онъ не обиняясь, съ удовольствіемъ купитъ и вторую книжку, помня занимательность первой. А такъ какъ я все таки буду помѣщать хоть и *любопытнѣйшія, завлекательнѣйшія*, во вмѣстѣ съ тѣмъ и *хорошія* статьи въ этой книжкѣ, то мало-помалу достигну слѣдующихъ результатовъ:

1) Что народъ за моими книжками забудетъ «Прекрасную магометанку».

2) Мало того, что забудетъ; онъ даже отдастъ моей книжкѣ положительное преимущество передъ нею, потому что свойство хорошихъ сочиненій — очищать вкусъ и разумъ, и это свойство естественное; потому-то такъ я на него и надѣюсь. И наконецъ,

3) вслѣдствіе удовольствія (преимущественно *удовольствія*), доставленнаго моими книжками, мало-помалу распространится въ на-

родѣ и охота къ чтенію. Какъ вы думаете: важныхъ или неважныхъ результатовъ я такимъ образомъ достигну? *Заохотитъ къ чтенію* — я считаю первымъ, главнѣйшимъ шагомъ, настоящей цѣлью; а вѣдь въ способности и умѣньи сдѣлать *первый шагъ* и заключается, по моему, настоящая *практичность* и *дѣловитость* всякаго полезнаго дѣятеля. Намъ не до жиру, а быть бы живу; только бы первое-то дѣло сдѣлать, а жиру-то потомъ наживемъ. А какъ это сдѣлать, не стараясь удалитъ отъ народа всякую мысль о нашей господской опецѣ? Вы конечно справедливы, что для мужика книга важное дѣло; отъ книги онъ требуетъ серьезнаго, поучительнаго. Это такъ. Но *господскаго-то обученія* онъ не любитъ; не любитъ, чтобъ глядѣли-то на него свысока, чтобъ въ опеку его брали даже и тогда, когда онъ полное право имѣетъ самъ по своей волѣ и охотѣ поступать. «Вотъ дескать, мужичокъ, поучись по моей книжкѣ; чтó «Магометанку»-то читать! это дрянь; — вотъ у меня, для твоего развлеченія, въ концѣ книжки изъ романа Лажечникова выписано, изъ «Ледянаго Дома», такъ ужъ не «Магометанкѣ» чета; «Ледяной Домъ!» Ну слыхалъ ли ты, чтобъ была когда такая диковинка: домъ изо льда? Слогъ-то какой! А то я слыхалъ, что ты про божественное любиньш читать; ну вотъ тебѣ тутъ и объ Авоиѣ написано, какъ тамъ иноки, божіи люди, живутъ, молятся. Ну вотъ и поразвлечешься, и поиграешь этими статейками послѣ серьезнаго обученія въ первыхъ отдѣлахъ. А то смотри: в игры-то у тебя какія неблагонаправныя. Вотъ я слыхалъ, ты еще до сихъ поръ въ бабки играешь, а я тебѣ вотъ журналъ «Учитель» принесъ; посмотри, какія здѣсь все благонаправныя и поучительныя игры: вотъ уточки нарисованы, — видишь, плавають? а вотъ тутъ охотникъ ихъ застрѣлилъ; вотъ подписана и загадка: плавало на волѣ пять уточекъ, охотникъ выстрѣлилъ, трехъ убилъ, много-ль изъ пяти останется? ну вотъ ты и угадай, милое дитя... то бишь, милый мужичекъ, — чѣмъ въ бабки-то играть.» — Я не буду тоже увѣрять себя при составленіи моей книги, что мужикъ не узнаетъ, къ чему я клоню, не догадается объ опецѣ. Я знаю навѣрно, что у него есть такое чутье, что онъ всѣ ваши подходы тотчасъ узнаетъ, а не узнаетъ, такъ почувствуетъ ихъ. Я не сталъ бы также прибѣгать къ начальству для распространенія моей книги. Вѣдь отъ этого право недалеко до того, что черезъ начальство начнутъ пожалуй и вытѣснять изъ употребленія всѣ прежнія негодныя книжки, которыя читаетъ народъ. А чтó въ самомъ дѣлѣ, чего смотрѣть-то: собрать бы ихъ всѣ да сжечь! Нѣтъ, кромѣ шутокъ, какъ такой умный человекъ, какъ г. Щербина, можетъ рассчитывать при распространеніи своего Читальника на слѣдующія средства:

«Въ видахъ средствъ распространенія книги приглашать чрезъ газеты, какъ благотворителей и ревнителей духовно-нравственнаго просвѣщенія народа, помѣщиковъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и всѣхъ, у кого есть заведенія, гдѣ бываетъ сборъ простолюдиновъ, покупать «Читальникъ» для поларка грамотнымъ изъ нихъ».

Или въ другомъ мѣстѣ :

«Нужно постановить, что каждый ученикъ, поступающій или находящійся въ воскресной или сельской школѣ (въѣдомства министерствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, а также и солдатскихъ полковыхъ школъ), долженъ непремѣнно получить одинъ экземпляръ «Читальника» въ полную собственность, въ полное свое распоряженіе, безконтрольно. Это будетъ какъ-бы «свидѣтельствомъ» или юридическимъ актомъ, утверждающимъ въ дѣйствительности поступленія въ число учениковъ школы. То же можно было бы постановить и въ приходскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія (*). «Читальникъ» можетъ произвольно мѣняться, проигрываться, дариться учениками, и, такимъ образомъ, переходить изъ рукъ въ руки, слѣвательно, все-таки оставаться въ народѣ же.»

Да помиуйте! вѣдь это вѣрнѣйшее средство придать книгѣ видъ официальный: а вѣдь этого бѣгутъ; вѣрнѣйшее средство, чтобъ она опошлалась, потеряла цѣну. И наконецъ ваши слова: «все-таки останется въ народѣ же» показываютъ, что вы признаете лучшимъ единъ только способъ распространенія: обязательный, чуть не насильственный, но крайней мѣрѣ *навязливый*, т. е. рѣшительно худшій изъ всѣхъ возможныхъ способовъ распространенія. Такимъ способомъ ничего не сдѣлаете. Ужь пробовали. Распространилась чуть ли еще не двадцать лѣтъ тому назадъ книжка официальнымъ способомъ: да развѣ ихъ читаетъ народъ? Сдѣлались онѣ популярными? Но положимъ, еще съ этимъ вы не согласитесь, будете спорить. Но ужъ нижеслѣдующее мѣсто вашей статьи верхъ самаго невозможнаго незнанія дѣйствительности. Посудите :

«Есть еще способъ широкаго распространенія «Читальника» въ народѣ чрезъ посредство администраціи, именно — предложить волостнымъ главамъ и сельскимъ старостамъ въ волостныхъ правленіяхъ и сельскихъ расправахъ, покупая на экономическія деньги, дарить «Читальникъ» грамотнымъ мужикамъ въ селахъ и деревняхъ, какъ бы въ награду за ихъ грамотность. Дареніе происходитъ на мірской сходкѣ

(*) Такъ-какъ почетные попечители училищъ пользуются всеми правами гражданской службы, не употребляя на нее личнаго труда, и бываютъ вообще люди со средствами, то и можно было бы вмѣнить имъ въ обязанность приобретать на ихъ счетъ эти книги для учениковъ училища, что составитъ, во всякомъ случаѣ, небольшую сумму ежегодно.

Лет.

самымъ патріархальнымъ способомъ, безъ всякаго контроля со стороны начальства и бюрократической процедуры. *Est modus in rebus.*

• Можно предположить, что еслибъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ распространеніе книги поручено было непосредственно чиновникамъ земской полиціи, то пожалуй, иные мужики и не сказались бы грамотными. Сельскіе старшины должны объяснить на сходкѣ, что, молъ, книга тебѣ дарится въ награжденіе за то, что ты научился грамотѣ, отдается тебѣ на всю волю: затеряй, продай, промѣняй, подари кому хочешь — твое добро... начальство тебя о томъ никогда не спроситъ. Во всякомъ случаѣ, книга не уничтожается, но все-таки остается въ народѣ, и тѣмъ еще болѣе распространяетъ свою извѣстность, что переходитъ изъ рукъ въ руки... Тогда будетъ *запросъ* на книгу и въ городахъ, у площадныхъ книгопродавцовъ и у коробейниковъ по деревнямъ.

Точно на лунѣ или въ «Марфѣ-посадницѣ» Карамзина. Какая дѣйствительность! Да тутъ все, рѣшительно все — Фролы Силины, благодѣтельные человѣки! «Предложить волостнымъ головамъ и сельскимъ старостамъ въ волостныхъ правленіяхъ и сельскихъ расправахъ, *покупая на экономическія деньги* (эво-на!) дарить «Читальникъ» грамотнымъ мужикамъ, «какъ бы въ награду за ихъ грамотность». То-есть прежде распространенія образованія предположить въ мужикѣ такую любовь къ образованію, такое ясное сознание необходимости его, что онъ *добровольно* согласится на *жертву деньгами*. Потомъ, прежде распространенія «Читальника» и узнанія, что онъ такое, предположить такое огромное къ нему уваженіе, что его ужъ въ награду дарятъ (вѣдь вы не силою же хотите заставить дарить, а по доброй волѣ). Наконецъ главное: такое необычайное, неслыханное происшествіе совершенно не въ привычкахъ и не въ нравахъ народа: это что-то чудовищно-нѣмецкое. Да не лучше ли ужъ пришивать бантики къ правому плечу мужика, изъ розовыхъ лепточекъ, за грамотность! Да вѣдь мужики будутъ ровно тридцать лѣтъ в три года стоять и думать на сходкѣ: что это такое? — когда вы имъ предложите «Читальникъ», да еще на экономическія деньги. Какъ *приказъ*, они конечно исполнять: но *по доброй волѣ*... они и не поймутъ этого. И посмотрите, какое при этомъ тонкое, какое удивительное знаніе народа въ глубоко-юмористическомъ замѣчаніи г. Щербинны, что еслибъ такое распространеніе книги поручено было непосредственно чиновникамъ земской полиціи, то пожалуй иные мужики и не сказались бы грамотными. Ну, а вы такъ непремѣнно увѣрены, что дареніе на мірской сходкѣ, безъ непосредственнаго участія полиціи, произойдетъ у васъ самымъ *патріархальнымъ*, самымъ *благонравнымъ* образомъ?

«Сельскіе старшины, по вашему, должны объяснить не сходѣ, что, молъ, «книга тебѣ дарится въ награжденіе за то, что ты научился грамотѣ, отдастся тебѣ на всю волю: затерай, продай, промѣнай, подари кому хочешь — твое добро... начальство тебя о томъ никогда не спроситъ».

Намъ случилось прочесть въ рукописи одинъ проектъ распространія въ народѣ грамотности. Тамъ прямо представлялось, какъ самое лучшее средство: запретить мужикамъ жениться, до тѣхъ поръ пока они не выучатся грамотѣ. (До какого деснотизма можетъ дойти иной либераль!) Нечего и говорить, что этимъ способомъ, въ сущности совершенно неисполнимымъ, произвелось бы только озлобленіе и отвращеніе къ грамотности; но не смотря на то, этотъ неисполнимый и драконовскій способъ кажется намъ все-таки дѣйствительнѣе невиннаго и дезульеровскаго способа г. Щербины. Воображаю я мужичка, только что получившаго въ награжденіе «Читальникъ» на мірской сходкѣ. Смущенный и встревоженный такой небывальщиной, бережно донесетъ онъ его домой, осторожно, даже со страхомъ положитъ книгу на столъ, сурово отгонитъ отъ стола всѣхъ домашнихъ, которые разбредутся въ страхъ по угламъ, сидеть на лавку, подопретъ обѣими руками голову, и въ недоумѣніи уставится глазами на «Читальникъ». Затѣмъ тотчасъ же наберутся любопытные сосѣди и кумовья, въ свою очередь тоже озадаченные происшествіемъ на сходкѣ.

— Награда, говорятъ. Отъ начальства что ли? скажетъ одинъ.

— Отъ начальства.

— Изъ Петербурха слышно пришло.

— Да какая-жъ тутъ награда, глупый ты человѣкъ! вляжется самъ хозяинъ. Награда зато что грамотѣ знаю! Миѣ же лучше: за чтожъ награждать?

— А зато чтобъ на тебя глядя, и другіе старались награду получить: такъ оноясь Гришка говорилъ, — скажетъ кумъ.

— «Читальникъ». Цѣна 30 коп., прочтеть другой сосѣдъ. А подика продай, пятака пожалуй не дадутъ; лучше-бъ они тебѣ, Гаврила Матвѣичъ, эти самыя тридцать копѣекъ деньгами бы дали.

— Гм! не то ты говоришь, перебьетъ кумъ. Значитъ понимай: то тридцать копѣекъ, ты ихъ пойдешь и въ кабакъ пропьешь, а тутъ тебѣ книга дается, «Читальникъ», въ которой вся, какая вынаестъ, премудрость описана...

— Стой, кумъ, не такъ! кричитъ опять хозяинъ. А зачѣмъ мѣ Григорій Савичъ на сходкѣ сказалъ: затерай, продай, промѣнай, подари кому хошь, — никто съ тебя не спроситъ, твое добро! Кабы

значить эта книга нужна мнѣ быма, зачѣмъ бы я сталъ ее терять, алы продавать? Нѣтъ, тутъ не то... Тутъ начальство!..

— Начальство, отзовутся другіе, въ еще большемъ смущеніи.

— Бѣда!

— Къ становому, ребята! сѣдай коней, Митька! закричить мужикъ рѣшительно вскакывая съ мѣста.

А тутъ еще и насмѣшники найдутся:

— Ишь какую Гаврюхѣ модель подвели!

— Значить все одно что медаль получилъ.

— Опека, ребята!

«Часто распространеніе книги въ народѣ зависитъ отъ случайности», добавляетъ г. Щербина: «иногда на книгу, подходящую по вѣку его вкусу и требованія, онъ вовсе не набредетъ и не наткнется. Эти случайности могутъ прямо вытекать изъ указанныхъ нами мѣръ и представляться несравненно чаще».

Нѣтъ, г. Щербина, отвѣчаемъ мы на это. Изъ такихъ мѣръ, какъ вы предлагаете, ничего не вытечетъ. Только развѣ упадетъ кредитъ книги. Безъ администраціи у васъ ни на шагъ! Даже чтобъ книги народу *понравились*, и то прибѣгаете къ администраціи. А какъ вы думаете: отчего это бываетъ, что книга нравится народу? Вѣдь что-нибудь должна же заключать въ себѣ «Магометанка», что нравится и расходится. Вы вотъ приписываете тому, что она написана высокимъ и чувствительнымъ слогомъ, который народу по сердцу и въ его вкусъ. Тутъ есть крошечное зернушко правды. Дѣйствительно, высокій и чувствительный слогъ можетъ нравиться, потому что заключаетъ въ себѣ и облекаетъ собою дѣйствительность, хоть и невозможную, хоть и бессмысленную, но совершенно противоположную скучной и тягостной обыденной дѣйствительности простолюдина. Но вѣдь это не все, тутъ далеко не вся причина. Главная и первая причина по нашему та, что это книга *не барская* или *перестала быть барскою*. Очень можетъ быть, что авторъ писалъ и назначалъ ее, въ простотѣ своей, для самаго высшаго общества. Но литература наша встрѣтила ее съ насмѣшкой. Издавалась она у маленькаго книгопродавца-спекулятора, который пустилъ ее по рынкамъ, за дешевой цѣну. Отвергнутая «господами», книжка тотчасъ же нашла кредитъ въ народѣ, и можетъ быть ей очень помогло, въ глазахъ народа, именно то, что она не господская. Разумѣется, она не между мужиками расходилась сначала, а попалась горничнымъ, писарямъ, лакеямъ, приказчикамъ, мѣщанамъ и тому полюбившему народу. Понавшись разъ, укоренилась и начала распространяться по казармамъ, а наконецъ даже и по деревнямъ. Только по деревнямъ все-таки очень мало. Мы для того дѣлаемъ это замѣча-

не, что наши составители народных книжек прямо мѣтять на мужика-пахаря. Это глубоко ошибочно. Крестьянин-пахарь еще далеко не ощущает такой потребности въ чтеніи, какъ городской простолюдинъ, мѣщанинъ, писарь, приказчикъ и даже какъ деревенской же дворовый челоѣкъ. Къ крестьянину и книжки-то *заходятъ черезъ этотъ, высшій классъ простолюдиновъ*, и смѣшивать характеры и потребности этихъ двухъ классовъ народа — невозможно, а у насъ ихъ часто смѣшиваютъ, оттого и рождается у насъ ошибочная мысль дѣйствовать при распространеніи книги прямо черезъ сельскія общества. Книга, которая сельскому народу повратится, доидетъ къ нему сама собою, отъ городскихъ простолюдиновъ и отъ дворовыхъ, и вотъ покажѣтъ существующій въ дѣйствительности у насъ способъ распространенія книгъ въ народѣ. Этотъ-то способъ распространенія и надо бы преимущественно имѣть въ виду. Этотъ высшій классъ простолюдиновъ, заключающій въ себѣ лакеевъ, мѣщанъ, писарей и проч., граничить даже съ иными чиновниками и помѣщиками включительно. Многие изъ благородныхъ и изъ служащихъ, недоученые и малообразованные, тоже читаютъ и дѣлать «Магометанокъ»: «Зефироты» же, напримѣръ, дѣйствуютъ не только на высшій классъ, но захватываютъ чрезвычайную массу и изъ высшаго, т. е. даже и не изъ очень мало-образованнаго высшаго. Тотъ, который уже не станетъ читать и «Магометанку», съ наслажденіемъ прочтетъ «Зефиротовъ», равно какъ и всѣ толки о свѣтопреставленіи и прочихъ такихъ же предметахъ. Въ челоѣкѣ, лишонномъ всевозможной самодѣтельности и принявшемъ и (по обычаю, и по невозможности принять иначе) предстоящую дѣйствительность за нѣчто крайне нормальное, невообразимо-непреложное и установившееся, естественно рождается нѣкоторое влеченіе, нѣкоторый соблазнъ къ сомнѣнію, къ философствованію, къ отрицанію. «Зефироты», и проч., представляя собою факты или возможность фактовъ, прямо противоположныхъ насущной дѣйствительности и глубоко-отрицающихъ ея непреложность и ея гнетущее спокойствіе, — чрезвычайно нравятся этой отрицательной точкой зрѣнія средней массѣ общества и, написанные популярно, даютъ превосходный способъ поволноваться умамъ, пофилософствовать и насладиться хоть какимъ-нибудь скептицизмомъ. Вотъ почему и простолюдинъ, и даже пахарь любятъ въ книгахъ наиболѣе то, что противорѣчитъ ихъ дѣйствительности, всегда почти суровой и однообразной, и показываетъ имъ возможность міра другого, совершенно непохожаго на окружающій. Даже сказки, т. е. прамыя небылицы, нравятся простому народу можетъ отчасти по этой-же самой причинѣ. Каково же будетъ дѣйствовать на него все мистическое? А такъ какъ всѣ

эти книги не выходятъ изъ народныхъ воззрѣній и не превышаютъ его философію, то и признаются *своими*, и съ накопленіемъ этихъ книгъ, высшая, *господская* литература все рѣзче и глубже отдѣляется отъ *народной*. И потому ужасно смѣшно, когда г. Щербина предлагаетъ народу «Слово о полку Игоревѣ» и, еще лучше, *пословицы*. То есть то, что изъ народа-же вышло, что составляетъ его обыкновенную дѣйствительность, — пословицы — предлагаются народу-же отъ насъ. Ну к чему ему пословицы? Чтобъ быть еще *народнѣе*? Не безпокойтесь, онъ ихъ не забудетъ и безъ вашихъ напоминаній; вы-то сами ихъ не забудьте.

Въ книгѣ г. Щербини не все совершенно неинтересное для народа. Но тонъ книги, барское происхожденіе ея, подступы и подходы ея — все это будетъ несносно для народа. Онъ *инстинктивно* отвергнетъ ее. Ктому же вышеприведенный способъ распространенія ея убьетъ ея успѣхъ окончательно.

Повторяемъ опять: по нашему самый лучший способъ (изъ искусственныхъ), это спекуляція. Тутъ, если хотите, тоже высшая искусственность, высшая степень подхода и подступа, и отъ этого и успѣхъ тоже можетъ быть отчасти сомнителенъ. Тутъ потому *высшая* искусственность, что весь *подступъ*, весь *подвохъ*, будетъ именно состоять въ томъ, что его совершенно снаружи не будетъ видно, то есть книга съ перваго взгляда какъ будто издана и распространена совершенно для однихъ барышей. Въ самомъ дѣлѣ, спекуляторъ — какой же баринъ? Какой же *умышленный* распространитель просвѣщенія въ народѣ? Спекуляторъ свой братъ, гроши изъ кармана тянетъ, а не *напрашивается* съ своими учеными благодѣяніями. Но вотъ задача: какъ обратить *умышленного* просвѣтителя въ спекулятора? Издаетъ книгу какое-нибудь благотворительное общество, или какой-нибудь вельможа — просвѣтитель челоуѣчества, или, наконецъ, просто ученый — другъ челоуѣчества. К чему имъ деньги? Они рады своихъ положить. Тутъ нужно очень схитрить, чтобъ непримѣтно было народу. Такъ что всего-бы лучше было, еслибъ этотъ другъ челоуѣчества и *справду* былъ спекуляторъ. Въ этомъ, по нашему, и дурного-то не очень много. Трудящійся достоинъ платы; это давно сказано. Представимъ себѣ челоуѣка благодѣтельнаго, сгарающаго желаніемъ добра, но бѣднаго. Въл надобно-же и ему жить и кормиться отъ труда своего. А такъ какъ онъ имѣетъ особый талантъ составлять народные книжки, то-есть знаетъ народъ и что именно ему нужно; а сверхъ всего этого и самъ воспламененъ желаніемъ способствовать наискорѣйшему распространенію въ народѣ грамотности и образованности, то вотъ онъ и на-шолъ себѣ занятіе: издаетъ-себѣ книжки, продаетъ ихъ и дохо-

домъ съ нихъ кормится. И даже вовсе не надо тутъ возвысить особенно цѣну на эти книжки. Если онѣ придутся по праву, то будутъ расходиться въ большомъ колѣествѣ, слѣдственно какъ бы ни былъ малъ барышъ съ каждой книжки, въ суммѣ онъ былъ-бы значительный. Тутъ именно чѣмъ талантливѣе составлена книжка, тѣмъ болѣе ея разоидется, слѣдовательно тѣмъ вѣрнѣе барышъ. А талантливо составить — значитъ занимательно составить, потому что самая лучшая книга, какая-бы она ни была и о чемъ-бы ни трактовала, — это занимательная. Для этого-то и нужно, по возможности, избѣгать всякаго подхода, всякихъ «отдѣловъ», основанныхъ на предварительныхъ ученыхъ и психологическихъ изученіяхъ мужичьей души; всякихъ отдѣловъ, выпускающихъ изъ себя вторые отдѣлы, а вторые третьи и т. д.; всякихъ статей съ расчетомъ завлечь и приободрить, и, однимъ словомъ, чтобъ какъ можно труднѣе (а не яснѣе, какъ сказано было у г. Щербины) можно было «усмотрѣть тѣ существенныя свойства логики, практическихъ и психологическихъ соображеній», которыя издатель положить въ основу своей книги. То-есть и логика, и всѣ эти практическія и психологическія соображенія, непремѣнно должны быть и будутъ у составителя книги, если только онъ умный и дѣльный человѣкъ; но надо, чтобъ они были по возможности скрыты, такъ что всего бы лучше было, еслибъ всѣ эти основы были даже и отъ самого составителя скрыты и дѣйствовали бы въ немъ наввно и даже безсознательно. Но это ужъ идеаль; это возможно бы было только въ томъ случаѣ, когда бы составитель народныхъ книжекъ видѣлъ въ этомъ составленіи неударжимое призваніе свое съ самаго дѣтства и ощущалъ бы въ себѣ самую наввную и горячую потребность жить съ народомъ и говорить съ нимъ во всѣ дни и часы своей жизни. Таковы, говорятъ, бывають нѣкоторые *врожденные* педагоги, до страсти любящіе жить и обходиться съ дѣтьми, которыхъ отнюдь не надо смѣшивать съ учеными и искусственными педагогами. И первые, то есть врожденные, могутъ въ свою очередь тоже быть очень учеными педагогами; но безъ внутренняго влеченія и призванія одна ихъ ученость не принесла бы такихъ плодовъ. Но подобнаго составителя народныхъ книгъ трудно имѣть теперь въ виду, хотя они непремѣнно явятся впоследствии. Всякая вnochъ появившаяся въ обществѣ дѣятельность, достигаетъ наконецъ идеала въ своихъ дѣятеляхъ. У насъ же эта дѣятельность всего только-что зарождается, но общасть перейти въ крайнюю потребность. Такіе дѣятели впоследствии безо всякаго опасенія будутъ издавать и всѣ необходимыя юридическія, гигиеническія и всевозможно-вческія свѣдѣнія для народа, и издадутъ ихъ прекрасно, изладутъ именно *то*, что нужно, безо всякаго

подбоха и подхода, именно потому, что онѣ будутъ нужны народу, и тѣмъ скорѣе все это удастся имъ такъ хорошо, что они-то, сами-то издатели, будутъ настоящими народными дѣятелями, такъ что наконецъ и самъ народъ признаетъ ихъ за своихъ и книжки ихъ будутъ расходиться въ безмѣрномъ числѣ экземпляровъ, потому-что, кромѣ того что будутъ полезны и нужны, онѣ будутъ еще издавы *талантливо*; ибо *прежде всего* нуженъ *талантъ*, чтобъ подходить къ народу и обращаться съ нимъ, наивный и прврожденный талантъ, чего кажется вовсе не имѣютъ въ виду составителя теперешнихъ «Читальниковъ». Но мы теперь покажемъ издаемъ *искусственно* и *съ хитростью*, и потому, чтобъ ужъ какъ-нибудь маскривать эту хитрость, нужно, чтобъ и искусственность в хитрость наша приписана была народомъ одной спекуляціи, одному желанію сбить книгу за деньги. И потому, во-первыхъ, педантская простота такихъ названій, какъ напримѣръ «Читальникъ», могла бы быть и устранена. Народъ вовсе не такой пуританинъ, какъ вы думаете. Онъ не обидится заманчивымъ заглавіемъ и догадается, что оно выставлено на книгѣ единственно для того, чтобъ подманить его купить ее, а не для того, какъ въ «Читальникѣ», что ее нужно читать, для того, что стыдно быть безграмотнымъ и необразованнымъ мужикомъ, стыдно передъ добрыми людьми и благотѣльными господами, которые принуждены были наконецъ административно и офиціально распространять въ невѣжественномъ черномъ народѣ просвѣщеніе. И потому всякое административное расирустраненіе книги должно быть повозможности устранено, а нужно, чтобъ народъ самъ досталъ ее съ рынку, именно потому, что самъ кумъ Матвѣй слышалъ и рекомендовалъ, что книжка «занятная». Никогда такъ сильно не распространяется книга, какая бы она ни была, какъ натурально, сама собою, и это самое вѣрное, самое толковое, крѣпкое и полезное распространеніе ея. Въ книжкѣ этой, по крайней мѣрѣ хоть на *первый разъ*, все должно быть пожертвовано занимательности и завлекательности. И потому при составленіи такой книжки отнюдь не надо чуждаться того, что выходитъ изъ обыденной, видимой и часто противной простолюдину его дѣйствительности. Совсе не преступно будетъ, напримѣръ, дѣйствовать преимущественно на воображеніе простолюдина. Чудеса природы, рассказы объ отдаленныхъ странахъ, о царяхъ и народахъ, о русскихъ царяхъ и ихъ дѣланіяхъ, о карѣ Новгорода, объ самозванцахъ, объ осадѣ Ланры, о войнахъ, походахъ, о смерти Ивана-царевича, занимательныя првключенія частныхъ людей, путешествія, въ родѣ напримѣръ путешествій Кука или занимательнѣйшаго для *всѣхъ классовъ и возрастовъ* путешествія капитана

Бонтекое, гениально-составленнаго изъ прежнихъ матеріаловъ Александромъ Дюма...

Боже! что я слышу! какой гомерическій хохоть, какое страшное негодование поднялось кругомъ. Какъ! въ книгу для народнаго чтенія переводить изъ Александра-Дюма! Но что же дѣлать, если Александръ-Дюма написалъ Бонтекое (для дѣтей кажется) гениально, именно такъ какъ нужно для разсказа народу. Народъ вовсе не такой пуританинъ какъ кажется, а не побрезгать при случаѣ и Дюма-сомъ можетъ-быть было бы именно настоящей—то, желасмой—то практичностью и дѣловитостью, потребной при составленіи книги. Народъ очень не прочь читать, но онъ очень еще не искусслся въ чтеніи. Кчему кормить его заурядъ одними только эссенціями полезности, благоправія и вашей благонамѣренности? Вы скажете, что народъ вовсе не такъ избалованъ вкусами, какъ какая-нибудь барыня, которой непременно надо Дюма, чтобы у ней книга не выпала тотчасъ же отъ зѣвоты изъ рукъ? Согласенъ съ вами; но книга все-таки для народа новинка, и хоть онъ вовсе не того ищетъ въ ней, чего требуетъ отъ нихъ праздная и тупая барыня, но завлекательность крайне не вредитъ. Мнѣ самому случалось въ казармахъ слышать чтеніе солдатъ, вслухъ (одинъ читалъ, другіе слушали), о приключеніяхъ какого-нибудь кавалера де-Шеварни и герцогини де-Лявергондьеръ. Книга (какой-то толстый журналъ) принадлежала юнкеру. Солдатики читали съ наслажденіемъ. Когда же дошло дѣло до того, что герцогиня де-Лявергондьеръ отказывается отъ всего своего состоянія и отдаетъ нѣсколько миліоновъ своего годового дохода бѣдной гризеткѣ Розѣ, выдаетъ ее за кавалера де-Шеварни, а сама, обратившись въ гризетку, выходитъ за Оливье Дюрана, простого солдата, но хорошей фамиліи, который не хочетъ быть офицеромъ единственно потому, что для этого не желаетъ прибѣгать къ унижительной протекціи, то эффектъ впечатлѣнія былъ чрезвычайный. И сколько разъ мнѣ приходилось иногда самому читать вслухъ солдатикамъ и другому народу разныхъ капитановъ Полей, капитановъ Панфиловъ и проч. Я всегда производилъ эффектъ чтеніемъ и это мнѣ чрезвычайно нравилось, даже до наслажденія. Меня останавливали, просили у меня объясненій разныхъ историческихъ именъ, королей, земель, полководцевъ. Я думаю, Диккенсъ произвелъ бы гораздо менѣе эффекта, Текеррей еще менѣе, а военные разсказы Скобелева такъ ничего не производили: только зѣвали отъ скуки. Охъ, да какой это чуткой народъ! Тотчасъ разберетъ ложь и подхоль. И какой юмористичный, острый народъ въ то же время. Разумѣется мнѣ скажутъ: какой же полезной цѣли достигли вы вашимъ чтеніемъ вслухъ? образовали ли

вы вашихъ слушателей, съ чѣмъ ушли они отъ васъ? Во-первыхъ, отвѣчаю, что я вовсе не хотѣлъ образовывать моихъ слушателей, а только доставить имъ удовольствіе, и потому я этого хотѣлъ, что мнѣ самому доставляло это чрезвычайное удовольствіе. Когда же я растолковывалъ о короляхъ, о земляхъ и вообще дѣлалъ полезныя замѣчанія, то и это мнѣ доставляло очень много удовольствія. Во-вторыхъ, тутъ все-таки было *чтеніе*, а не что другое, и какъ бы то ни было, а эти люди все-таки приучались находить наслажденіе въ *книжѣ*. Книга стало-быть вообще выигрывала. Въ-третьихъ, хоть я и вовсе не думалъ тогда о томъ, но впоследствии мнѣ пришло въ голову, что книга все-таки лучше, чѣмъ напримѣръ *три-лѣта* или *горка*. Въ-четвертыхъ, если ужъ пошло на полезность и на отчетъ въ ней, то вѣдь что-нибудь значать же наконецъ хоть напримѣръ вынесенныя изъ чтенія душевныя впечатлѣнія, нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя мечты. Разумѣется было бы несравненно полезнѣе, еслибъ они прослушали «Слово о полку Игоревѣ», «объ инфузоріяхъ», «рядъ пословицъ» объ «аѳонской горѣ» или хоть о «Несторѣ-лѣтописцѣ», (котораго біографія помѣщается въ «Читальникѣ» кажется не потому только, что занимательно было бы узнать житіе Нестора, а потому, что Несторъ былъ *лѣтописецъ*, что разумѣется, въ глазахъ народа, придадо бы ему чрезвычайную занимательность, неправда ли?). Пожалуйста не обвиняйте меня въ полходѣ: я вовсе не спорю и всѣ эти названныя мною статьи «Читальника» могли бы разумѣется быть чрезвычайно и полезны и занимательны для народа. Но вотъ что мнѣ кажется: мнѣ кажется, мало того, чтобъ взять, выбрать ихъ откуда-нибудь и помѣстить въ «Читальникѣ», чтобъ народъ ихъ тотчасъ же съ жадностію прочелъ: мнѣ кажется, ихъ надобно и составить по возможности съ вдохновеніемъ, съ призваніемъ и именно съ тѣмъ талантомъ, который необходимъ для такой *народной* литературы.

Меня спросятъ: да откуда же вы возьмете теперь статей для вашей напримѣръ книги, хотя бы вы ее и составили для спекуляціи, безо всякой официальнойности и подходности и проч. и проч. и проч.? Отвѣчаемъ: Мы бы конечно *теперь* воспользовались тоже нашей современной литературой, хотя вся она, чуть не сплошь, — литература *для господъ*. Но разумѣется и въ ней можно много, даже *очень много* выбрать удобнаго и для народнаго чтенія. Только надобно съумѣть сдѣлать выборъ. Какъ сдѣлать этотъ выборъ, — мы полагаемъ, послѣ всего нами сказаннаго, объяснять излишнимъ. Мы разбираемъ статью г. Щербинны, но вовсе не претендуемъ на то, что мы способны сдѣлать такой выборъ умнѣе и удачлѣе его.

Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, именцо : какія бы мы *спекуляціи* ни предлагали, но думаемъ, что теперь, въ настоящую минуту, хорошаго «Читальника» у насъ всё-таки никто не составитъ. За то мы совершенно увѣрены, что въ послѣдствіи, и можетъ-быть даже скоро, у насъ откроется свой особенный отдѣлъ литературы, собственно для народнаго чтенія. Это только гаданіе, но намъ вѣрится въ его осуществленіе. Дѣятели этой будущей литературы, какъ мы уже упомянули выше, будутъ дѣйствовать по прямому, *врожденному* призванію, по вдохновенію. Можетъ-быть они наивно, безо всякаго труда найдутъ тотъ языкъ, которымъ заговорятъ съ народомъ, и найдутъ потому, что будутъ сами народомъ, дѣйствительно сольются съ его взглядами, потребностью, философией. Они перескажутъ ему все что мы знаемъ, и въ этой дѣятельности, въ этомъ пересказываніи будутъ сами находить наслажденіе. Намъ даже кажется, что имъ не придется нисколько скрывать отъ народа дѣйствительное свое развитіе. Тогда можетъ-быть они ощутятъ въ себѣ и совершенно-новыя взгляды и совершенно-новыя воззрѣнія, живыя, положительныя, сила и самостоятельность которыхъ получится именно отъ новой дѣятельности, отъ потребности этой дѣятельности, и которыя будутъ плодомъ насущной, настоятельной необходимости нашего соединенія съ народнымъ началомъ. Это разумѣется только еще гаданіе, и хотя много бы намъ хотѣлось сказать, въ смыслѣ гаданія, теперь объ этой будущей дѣятельности литературы нашей, но по некоторымъ причинамъ мы теперь объ этомъ умалчиваемъ. Кому же надо объ этомъ особо говорить. Но во всякомъ случаѣ мы отнюдь не отрицаемъ теперѣшней дѣятельности нашихъ умныхъ и благонамѣренныхъ людей при составленіи книгъ, для народнаго чтенія. Давай Богъ. Изъ этой-то дѣятельности и явится послѣдующая, болѣе благотворная. И потому, если мы теперь и не согласились въ чемъ съ г. Щербиною, то повторяемъ: рѣдко что мы читали болѣе умнаго, болѣе благонамѣреннаго, чѣмъ его «Опытъ». Автору «Опыта» мы не можемъ не быть благодарными за превосходный и полезнѣйшій трудъ его, и завидуемъ журналу, помѣстившему у себя такую дѣльную статью.

НѢЧТО О ПОЛЕМИКѢ

(Письмо въ редакцію «Времени»)

Въ настоящее время въ журналахъ много полемики. Поговорите о полемикѢ.

У меня есть пріятель, человекъ немножко лѣнивый, но весьма любознательный. Къ сожалѣнію, главнымъ источникомъ мудрости для него служатъ русскіе журналы. Пока не раздаются бранные клики, онъ довольно спокойно наслаждается произведеніями нашихъ писателей; но какъ скоро начинается полемика, онъ почти всегда приходитъ въ волненіе и негодованіе. «Помилуйте! восклицаетъ онъ; вмѣсто того, чтобы разъяснять дѣло, они только стараются наговорить другъ другу какъ можно больше непріятностей. Любопытнѣйшій вопросъ, а нѣтъ никакой возможности узнать, какъ разрѣшить его. Читашь, читашь и кончшшъ тѣмъ, что повѣршшь взаимнымъ увѣреніямъ противниковъ въ ихъ тупоуміи и невѣжествѣ!»

Не берусь рѣшить, справедливо ли это мнѣніе или нѣтъ; замѣчу только, что оно очень распространено у насъ. Многіе пришли къ странному убѣжденію, что полемика роняетъ въ глазахъ публики объ спорящія стороны, что отъ обоюднo-наносимыхъ ударовъ остаются только раны и увѣчья, но нѣтъ ни славы, ни побѣды. И вотъ почему литераторы, въ видахъ взаимнаго своего сохраненія, часто совѣтуютъ избѣгать полемики, какъ вещи во всякомъ случаѣ вредной.

Я говорю — это странное мнѣніе. Потому что полемика въ настоящемъ своемъ смыслѣ есть не только вещь хорошая, но и необходимая, невѣбжная. Что дурная полемика вредна, это другое дѣло; и что у насъ полемика очень дурна, въ этомъ конечно нѣтъ ничего изумительнаго и съ этимъ всякій согласится.

И такъ есть разные роды полемики и между ними нужно дѣлать строгое различіе. Настоящая полемика есть борьба идей, взглядовъ;

къ сожалѣнію, таковой у насъ не имѣется. Но есть другая полемика, другой сортъ полемики, который представляетъ борьбу лицъ, кружковъ — таковая у насъ въ изобиліи. Вотъ мои главныя положенія, которыя я постараюсь развить.

Полемика идей есть дѣло необходимое и полезное. Какъ скоро взгляды расходятся, борьба между ними неизбежна, и служитъ ко взаимному уясненію. Если у насъ являются только рѣдкіе и слабыя слѣды такой борьбы, то это вполне удовлетворительно объясняется тѣмъ, что полемика идей есть дѣло необыкновенно трудное. Хорошая полемика такого рода есть истинная драгоценность, и значительные образцы ея только изрѣдка встрѣчаются въ самыхъ развитыхъ литературахъ. Отчего такъ, вы сейчасъ увидите, если примете во вниманіе, какихъ тяжкихъ и неудобноисполнимыхъ условій требуетъ хорошая полемика.

Первое условіе — нужно понимать мысль своего противника. Это условіе, какъ оно ни трудно, иногда исполняется; но у насъ исполненіе его встрѣчаетъ почти непреодолимыя трудности.

А второе условіе подобно первому: нужно понять мысль противника *лучше*, чѣмъ понимаетъ ее самъ противникъ; потому что нужно отвѣчать на эту мысль, судить ее. Вотъ это второе условіе, изъ котораго вытекаетъ, что истинная полемика есть прогрессъ, движеніе мысли впередъ, — это условіе уже рѣшительно почти вездѣ не соблюдается.

Эти условія могутъ показаться легкими только человѣку несвѣдущему и неопытному. Въ сущности они чрезвычайно тяжелы. Понимать вообще есть дѣло страшно трудное. Люди не только не понимаютъ чужихъ мыслей, но, по справедливому замѣчанію, которое право не я сдѣлалъ, они часто не понимаютъ своихъ собственныхъ мыслей. Обратитесь къ житейскому опыту: что движетъ людьми, что ихъ воодушевляетъ и заставляетъ дѣйствовать? Страсти, желанія, привычки, предрасудки, все что вамъ угодно, но только не ясное сознаніе. Точно тоже бываетъ и тогда, когда люди мыслятъ. Разглагольствуетъ ли кто-нибудь въ обществѣ или чертитъ перомъ по бумагѣ, — его перомъ или языкомъ управляютъ страсти, желанія, привычки и предрасудки: и чѣмъ сильнѣе они его вдохновляютъ, тѣмъ быстрѣе сыплются слова съ языка, тѣмъ быстрѣе ходитъ его перо; но въ заключеніе, все-таки онъ самъ хорошенько не понимаетъ, что онъ пишетъ или что говоритъ. Все это не такъ дурно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Потому что такимъ образомъ можно писать серьезные статьи, или стихи и повѣсти, даже издавать журналы или энциклопедическіе словари, совершен-

но не понимая, что такое самъ дѣлаешь. Пониманіе задержало бы всю эту дѣятельность и слѣдовательно лишило бы насъ ея плодовъ.

Но если трудно понимать себя, то еще труднѣе понимать другихъ. И если возможно, не понимая своихъ собственныхъ мыслей, написать очень много бумаги, то, къ несчастію, не понимая чужихъ мыслей, невозможно произвести ни одной строчки хорошей полемики. Теперь примите въ соображеніе ту разрозненность умовъ, которая господствуетъ у насъ и о которой я вамъ уже писалъ, припомните стремленіе каждаго изъ нихъ мыслить самостоятельно, самобитно, и вы легко убѣдитесь, что полемики идей у насъ и ожидать трудно. Недавно открылся фактъ, который, признаюсь, я давно подозрѣвалъ, и который весьма важенъ для настоящаго періода нашей литературы. Именно оказалось, что наши журналисты не читаютъ другъ друга. При такомъ положеніи дѣла, въ литературѣ можетъ господствовать всевозможная безсвязица и разноголосица, совершенный хаосъ, а ужъ никакъ не борьба. Я знаю, что эти господа при этомъ опирались на высокое мнѣніе о собственной проникаемости. Мы-де и не читаемъ другихъ, а понимаемъ ихъ насквозь! Но, по вышесказаннымъ причинамъ, то есть по трудности такого дѣла, какъ пониманіе, я мало склоненъ довѣрять такой необыкновенной проникаемости. Я замѣчаю только, что излишняя самоувѣренность въ себѣ есть именно признакъ непониманія другихъ. Кто думаетъ, что онъ одинъ уменъ, а всѣ другіе глупы, тотъ очевиднѣйшимъ образомъ не понимаетъ другихъ и почти столь же очевидно не понимаетъ и себя.

Ко всему этому необходимо прибавить, что и самый принципъ пониманія совершенно чуждъ нашей полемикѣ. Мы стараемся не уяснить себѣ мысль противника, а напротивъ, затемнить ее какъ можно больше, слѣлать изъ нея не мысль, а нелѣпость, зазутать и исковеркать ее на сколько хватитъ силы. И тотъ у насъ молодецъ, кто всѣхъ больше на это мастеръ. Каждый хлопочетъ всѣми средствами превратить своего противника изъ человѣка способнаго сказать что-нибудь разумное, въ глупца, способнаго произносить только одни безсвязныя слова. Наша полемика состоитъ не въ пониманіи мыслей другихъ, но въ ихъ искаженіи; въ ней нѣтъ никакого желанія подняться, и тѣмъ стать выше другихъ, но господствуетъ постоянное стремленіе — столкнуть другихъ ниже себя. Фантастическое и безплодное занятіе!

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ понятно, почему полемики идей у насъ очень мало, чтобъ не сказать, что совсѣмъ нѣтъ. Зато тѣмъ сильнѣе у насъ личная полемика. Можетъ-быть при этихъ моихъ словахъ вамъ овладѣетъ нѣкоторое недоумѣніе. Ужели возможна,

скажете вы, полемика лицъ? Если она основана не на идеяхъ, то на чемъ же она можетъ основываться? Если люди не понимаютъ друга друга, то какъ же они могутъ спорить?

Но то, что такъ трудно въ теоріи, легко на практикѣ. Всѣ говорятъ разомъ, никто другъ друга не понимаетъ и не слушаетъ... помилуйте! да это обыкновеннѣйшее дѣло въ мірѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что оно въ широкихъ размѣрахъ повторялось и въ нашей литературѣ.

Наблюдая за тѣмъ, какъ дѣлается у насъ это важное дѣло, я собралъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя и сообщу вамъ. Полемика идей опирается на идеи; но, спрашивается, на чемъ опирается полемика лицъ? Отвѣчаю — на авторитетѣ лицъ, или, если полемика ведется отъ лица журналовъ, то на авторитетѣ журналовъ. Въ борьбѣ идей господствуетъ власть общихъ началъ; въ полемикѣ лицъ — грубая сила частныхъ мнѣній. Орудіемъ для борьбы идей служитъ мысль; орудіемъ въ полемикѣ лицъ служитъ преимуществу слово. Цѣль борьбы идей есть уясненіе мыслей; цѣль личной полемики — пониженіе авторитетовъ.

Полемика лицъ и кружковъ состоитъ въ томъ, что писатели или журналы отзываются презрительно или высокоумно, насмѣшливо или бранно о другихъ писателяхъ и о другихъ журналахъ, или вообще о какихъ-нибудь лицахъ; но притомъ такъ, что причины отзыва выставляются въ такой малой мѣрѣ, въ какой заблагоразсудится автору; наиримѣръ можетъ быть вовсе не выставлено причинъ. Главное здѣсь — лицо или журналъ, а не мысль. Общая формула этой полемики такая: *такой-то отдѣлялъ такого*. Такъ какъ насмѣшка или брань безъ видимой опоры не составляетъ собственно сужденія или отзыва, то въ послѣднее время очень удачно введено въ употребленіе слово *свистать*. Свистать не значитъ излагать свои разсужденія, или произносить надъ чѣмъ-нибудь свое сужденіе; свистѣть не имѣетъ въ себѣ никакой опредѣленности, свойственной словамъ или мыслямъ. Поэтому высшее и вполне вѣрное выраженіе личной полемики есть свистѣть.

Вы видите, что личная полемика представляетъ несравненно большую простоту, чѣмъ полемика идей. Здѣсь не нужно искать общихъ началъ; не нужно понимать мысли противника, и если бы какъ-нибудь случилось, что она была понята, не нужно искать на нее отвѣта. Попытно, что наша юная литература гораздо съ большимъ успѣхомъ могла подвизаться на поприщѣ этой полемики, чѣмъ на поприщѣ полемики идей. И дѣйствительно, нѣкоторые

журналы дали личной полемикѣ значительное развитіе. Свои фельетоны, критики, рецензіи, внутреннія обозрѣнія они стали пересыпать всевозможными литературными и нелитературными именами, древними и новыми, щипля и терзая ихъ всяческими образами. Въ этомъ же духѣ было написано множество стихотвореній. Весьма любопытно бы было, если бы журналы, систематически занимающіеся подобнымъ упражненіемъ, рѣшились дать ему надлежащую выпуклость и законченность. Можно было бы завести у себя особый, самый убійственный отдѣлъ, подъ грознымъ заглавіемъ:

БРАНЬ

и писать въ этомъ отдѣлѣ краткія и выразительныя статьи такого содержанія:

Статья 1. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статья *такого то* — отвратительная чушь.

Статья 2. Мы нашли въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью такого-то. Непроходимая дичь!

Статья 3. Въ «Современникѣ» читатели встрѣтятъ статью такого-то. Какая невообразимая срунда!

Статья 4. Появилась въ «Русскомъ Словѣ» статья такая-то: Господи, какъ глухи-то бываютъ люди! и т. д.

Сомнѣваться здѣсь нечего. Такіе отзывы имѣли бы за себя авторитетъ того журнала, въ которомъ бы они помѣщались. А между тѣмъ, если бы дѣло велось такимъ образомъ на чистоту, безъ обиняковъ и околичностей, его теченіе и его результаты обнаружались бы гораздо отчетливѣе.

Не смотря однакоже на чрезвычайно сложныя формы, въ которыхъ свистъ является въ нашихъ журналахъ, можетъ-быть мы успѣемъ прослѣдить важнѣйшія черты этого интереснаго предмета.

Прежде всего замѣчу, что не только какой-нибудь толстый журналъ, но и самый тоненькій и неизвѣстный человѣкъ имѣетъ полнѣйшее право свистать по мѣрѣ силъ и возможности. Право на свистъ есть неотъемлемое право каждаго нишупаго, и нельзя потерпѣть ни малѣйшаго его стѣсненія. Но разумѣется, извѣстный человѣкъ и извѣстный журналъ имѣетъ на свистъ больше права, по той причинѣ, что свистъ его имѣетъ больше значенія. Именно значеніе свиста строго пропорціально авторитету свистящаго. Вольтеръ цѣлую жизнь свисталъ и не безъ толку и не безъ послѣдствій. (А вѣдь какъ сердялись на него, и именно за свистъ.) Журналъ съ большимъ авторитетомъ имѣетъ право мимоходомъ свистнуть на ко-

го угодно, потому что его свистъ обратитъ вниманіе и будетъ имѣть вѣсть. Лицо же безъ авторитета, если станетъ свистѣть, можетъ только патрудить свои легкія безъ особенной пользы для общества.

Но отсюда же видно, что свистъ, особенно въ большомъ количествѣ, есть вещь весьма опасная для того кто свищетъ.

Когда журналъ свиститъ, онъ опирается на свой авторитетъ: слѣдовательно онъ рискуетъ своимъ авторитетомъ, онъ ставитъ его на карту и слѣдовательно можетъ сильно проиграться. Кто мыслить и разсуждать, тотъ ничѣмъ не злоупотребляетъ; кто свиститъ, тотъ можетъ злоупотреблять своимъ авторитетомъ, потому что дѣйствуетъ бездоказательно, ибо свистъ есть бездоказательный приговоръ, бездоказательное осужденіе. Кто мыслить и разсуждаетъ, за того отвѣчаютъ его разсужденія. Кто свиститъ, тотъ самъ отвѣчаетъ за свой свистъ и подвергается опасности потерять свой свистящій авторитетъ. Есть многіе, которые сильно боятся свиста можетъ-быть и за себя, но чаще за другихъ. Что касается до меня, то я, признаюсь, еще больше боюсь и боюсь за свистящихъ. Меня всегда беретъ страхъ при видѣ ихъ необыкновенной смѣлости. Возможно ли иногда такъ легкомысленно рисковать собою!

Но такъ всегда бываетъ; если чѣмъ можно злоупотреблять, всегда найдутся злоупотребляющіе. Отыскивая причины этого злоупотребленія, я, кажется, достигъ нѣкотораго свѣта истины въ этомъ дѣлѣ. Свистящіе, мнѣ кажется, рѣшаются злоупотреблять этою громадною силою — свистомъ, только потому, что увѣренные въ громадности этой силы, придаютъ своему личному, фальшивому и потому безсильному свисту тоже огромное значеніе. Не всякій артиллерійскій подпоручикъ можетъ сдѣлаться Наполеономъ. Они безъ сомнѣнія убѣждены, что въ рукахъ ихъ находится какая-то большая сила, т. е. что напечатавши свой свистъ, они много сдѣлаютъ въ отношеніи къ освистанному предмету. Они опираются при этомъ на нашъ старинный предразсудокъ, по которому

Печатный каждый листъ быть кажется святымъ.

Какое странное заблужденіе! Конечно, въ обществѣ мало развитомъ, не привыкшемъ къ печати, сама печать, т. е. печатныя буквы, уже есть сила; но не должно забывать, что въ развитомъ обществѣ печатныя буквы постепенно теряютъ свою силу и сила остается только за однимъ — за мыслью. Какая дикая мысль — воображать, что печатный станокъ самъ по себѣ имѣетъ силу! Возможно ли думать, что достаточно обладать такимъ ставкомъ, для того чтобы возносить другимъ радость и огорченіе, чтобы однихъ возвеличивать, а другихъ губить? Если бы онъ давалъ каждому, его имѣющему,

такую силу, то онъ былъ бы самымъ анархическимъ и гибельнымъ изобрѣтеніемъ. По счастью, сила этого станка совершенно другая. Не много и не надолго вы можете сдѣлать посредствомъ него съ другими, но зато вы все можете сдѣлать съ собою. Вы можете погубить себя или возвеличить, но во всякомъ случаѣ посредствомъ этого драгоценнаго станка вы можете обнаружить себя до конца; можете напечатать и разослать по всему свѣту и свой умъ, сколько его у васъ есть, и всю свою глупость, со всѣмъ ея безобразіемъ. И потомъ уже нѣтъ спасенія и нѣтъ покаянія; топоромъ не вырубить того, что вы съ собой сдѣлали.

Возвеличить же и погубить другихъ можетъ не вашъ станокъ, а только одно — ваша мысль. Такъ должно быть, такъ бываесть, и еще въ большей степени такъ будетъ вперелъ.

Конечно однакоже, покажѣсть будетъ то что будетъ; бываетъ на свѣтѣ много нехорошаго. Изъ того, что я сказалъ до сихъ поръ, легко видѣть, что такая полемика, какъ у насъ, можетъ существовать только при двухъ условіяхъ: 1) при большомъ уваженіи печати въ публикѣ и 2) при большомъ развитіи частныхъ авторитетовъ.

Гдѣ нѣтъ авторитетовъ, тамъ нельзя злоупотреблять ими, и гдѣ печатное не кажется святымъ, тамъ нельзя злоупотреблять печатью. Уваженіе къ печати — дѣло давно извѣстное; но что касается до силы частныхъ авторитетовъ, то ее недурно описать подробнѣе. Совершенно ясно, что наша литература имѣетъ устройство въ высшей степени монополистское. Вся она сосредоточивается въ журналахъ; каждый журналъ есть большой монополистъ, страшный богачъ, передъ которымъ отдѣльные писатели большею частью мелкіе торговши. Слѣдовательно давить и притѣснять этихъ мелкихъ людей у насъ дѣло болѣе возможное, чѣмъ гдѣ-нибудь. А что возможно; то отчасти и дѣлается. Извѣстно, что такое монополистское устройство наша литература получила по совершенно особеннымъ обстоятельствамъ. Припомните то время, когда литература не могла имѣть болѣе трехъ или четырехъ журналовъ. Теперь это монополистское устройство ослабѣло вслѣдствіе размноженія журналовъ, и разумѣется, съ еще большимъ увеличеніемъ числа ихъ, должно совершенно исчезнуть.

Но въ настоящее время журналъ съ авторитетомъ, все равно, фальшиво или правильно приобрѣтенъ этотъ авторитетъ. — есть большой хозяинъ въ литературѣ. Съ монополіею неразлучны и всѣ злоупотребленія монополіи. Журналы чувствуютъ свою власть и иногда пренаивно ее высказываютъ. Недавно — трудно повѣрить! — одинъ журналъ требовалъ отъ нѣкотораго писателя, чтобы тотъ молчалъ, а не то грозилъ освидѣть его. Очевиднымъ образомъ рѣчь совер-

иенно не литературная, то есть вечестная. Журналъ, если понимать его литературно, не можетъ грозить, не можетъ признавать себя разбойникомъ, который кого хочетъ, того обдеретъ. Журналъ долженъ дѣйствовать справедливо. Онъ неизрѣнно долженъ освистать того, кого нужно освистать; и никакъ не долженъ свистать тамъ, гдѣ не слѣдуетъ.

Если же журналы грозятъ, если они явно пользуются силою монополіи, то разумѣется есть и тѣ, кто боится этой грозы, есть такіе, которые страдаютъ отъ этой монополіи. И дѣйствительно, то что не опасно для большихъ людей, можетъ быть весьма больно для маленькихъ. Но да утѣшатся эти страдальцы! Монополисты денежные наживаются злоупотребленіями; монополисты литературные отъ злоупотребленій банкротятся. Каждое несправедливое слово ложится не только на того, о комъ сказано, но и на того, кто сказалъ его. Каждая минута требуетъ отчета у монополистовъ, и если они такъ дурно употребляли свой капиталъ — авторитетъ, то настанетъ время, когда у нихъ не будетъ ни копейки (1).

Какъ бы то ни было, но только одинъ изъ элементовъ нашей полемики составляютъ жалобы на такъ называемыхъ свистуновъ, грустныхъ сѣтованій на ихъ неуважительность и дерзость. Признаюсь вамъ, я никакъ не могу сочувствовать этому унылому настроенію. Жалоба всегда есть причина нѣкоторой слабости, нѣкотораго упадка духа. А уныніе совсѣмъ не идетъ къ намъ, русскимъ людямъ. Мы, какъ извѣстно всему свѣту, народъ бодрый и смѣлый. У насъ все можно, все нипочемъ. Мы — гасемъ не паримъ, переломимъ не тужимъ.

И притомъ всѣмъ намъ извѣстно отъ нѣжнаго дѣтства, что плачемъ горю не поможешь. Напрасно вы будете расточать благороднѣйшее негодованіе: тутъ мало благородства и высокихъ чувствъ. Въ литературѣ требуется еще нѣчто другое; нужно дѣлать, нужно работать, а иначе — горе *только* сѣвающимъ и плачущимъ!

Жалоба есть признаніе слабости, а слабость — дурной совѣтъ. Поэтому и люди жалующіеся въ нашей литературѣ нерѣдко прибѣгаютъ къ неправильнымъ мѣрамъ. Они, наирямѣрь, чтобы защититься отъ своихъ противниковъ, часто хватаются за авторитеты, ища спасенія подъ ихъ же крыльями. Напрасныя старанія! Ав-

(1) Конечно такіа надежды совершенная утопія; но нельзя же иногда не поѣшиться утопіей.

торитеты не помогутъ тому, кто самъ не умѣетъ дѣйствовать. Точно такъ издавна еще можно было подумать, что нѣкоторые наши литераторы головы подать просьбу въ Академію Наукъ, и умолять это многоученое собраніе разрѣшить ихъ недоумѣнія. Но увы! если бы Академія Наукъ имѣла силу точно разрѣшать все вопросы, — хорошо было бы жить на свѣтѣ! Академія Наукъ отлично умѣетъ опредѣлять восхожденіе и захожденіе небесныхъ свѣтилъ, но въ какое неопищенное смущеніе она пришла бы, если бы мы вздумали потребовать отъ нея — опредѣлить движеніе свѣтилъ литературныхъ! Нѣтъ, Академія Наукъ намъ не поможетъ, если мы сами не умѣемъ справиться со своимъ дѣломъ!

И такъ жалобы во всякомъ случаѣ несправедливы. Если люди не умѣютъ быть довольными въ литературномъ мірѣ, то спрашивается, гдѣ же въ другой сферѣ они могутъ ожидать счастья? Потому что въ литературный міръ есть лучший изъ всѣхъ міровъ, какіе есть въ подсолнечной. Въ немъ все явленія имѣютъ наиболѣе правильный, законный и твердый ходъ. Въ немъ заслуги никогда не терются, а все дурное гибнетъ непременно. Въ немъ соблюдается тотъ утопическій законъ, что всякому воздается по его способности и всякой способности по дѣламъ ея. Я разумѣю здѣсь конечно не деньги — презрѣнный металлъ, но то, что должно быть дороже для литературы, то есть славу и значеніе въ общемъ дѣлѣ.

И такъ я становлюсь на сторону свистуновъ. Извѣстно всѣмъ, что мы издавна были воспитываемы въ страхѣ къ авторитетамъ, въ почтительности всевозможной. Мы привыкли думать:

Какъ можно смѣть
Свое сужденіе имѣть?

Нѣкоторые смѣлые люди поназали намъ, *какъ можно смѣть*, и вотъ мы развязали себѣ языки. Что же тутъ дурного кромѣ хорошаго? Вы не уважаете разныхъ важныхъ писателей и дѣятелей, не уважаете разные важные предметы: и прекрасно! не уважайте и высказывайте свое неуваженіе. Не нужно намъ никакого фальшиваго, поддѣльнаго, вынужденнаго уваженія!

Дѣло уяснится само собою. Вы, наиримѣръ, не уважаете какого-нибудь великаго человѣка и отзываетесь о немъ дурно и непочтительно. Отчего же нѣтъ? Не забываете только, что въ этомъ ваша бѣда, а не бѣда того, о комъ вы говорите. Потому что въ это еще вопросъ, нужно ли ему ваше почтеніе или нѣтъ. Можетъ-быть онъ и безъ него обойдется. И въ самомъ дѣдѣ, на кой оно ему прахъ?

Уваженіе лество для человѣка отъ тѣхъ людей, которыхъ онъ самъ уважаетъ; всякій цѣнитъ выше всего мнѣніе тѣхъ, кого онъ самъ высоко цѣнитъ. Этого мало, что вы сами на себя надѣли судейскую мантию: судьей васъ все-таки не признаютъ до тѣхъ поръ, какъ вы не будете достойны этого званія.

И такъ впередъ! Пусть всѣ высказываются, пусть всѣ говорятъ по мѣрѣ силъ и умѣнья. Только такпмъ образомъ мы научимся законцецъ, что значить высказываться, и можетъ быть современемъ станемъ дорожить своимъ мнѣніемъ и не бросать его легкомысленно на вѣтеръ.

Съ удовольствіемъ можно замѣтить, что въ настоящее время этотъ прогрессъ весьма силенъ у насъ. Брань, голословное осужденіе, однимъ словомъ свистъ, не заключающій въ себѣ никакого разумнаго соображенія, уже потеряли много значенія. Кто бы вы ни были, если вы чуть замѣтны, вы можете быть увѣрены, что въ журналахъ васъ будутъ бранить. Будутъ ли хвалить — за это вамъ никто не поручится. При такомъ положеніи, когда свистуть разомъ на всѣхъ, отъ этого свисту никому ни тепло, ни холодно.

Но такъ и должно быть въ развитомъ обществѣ. Въ развитомъ обществѣ пустыя слова не должны имѣть никакого значенія; общество тѣмъ лучше, чѣмъ больше и исключительно оно даетъ вѣсь мысли передъ словомъ, сужденію передъ свистомъ.

И такъ мы учимся, мы совершенствуемся. Передъ нами открывается совершенно безоблачная, ясная перспектива. Иногда говорятъ, что наша критика и полемика рождаетъ достойные авторитеты, тончетъ въ грязь великія имена. Какія страшныя и жалкія оцѣненія!

Невольнo приходятъ мнѣ въ голову по этому случаю одно имя, единственное, которое я приведу въ примѣръ — имя Пушкина. Когда я произношу это дорогое имя, то передъ этою великою дѣйствительностью вся наша современная журналистика вдругъ принимаетъ совершенно фантастическій, мечтательный видъ, и мнѣ кажется, что я попалъ въ царство тѣней. Для меня становится комическою дерзость тѣхъ, кто все произноситъ это имя, не замѣчая, сколько вредитъ онъ себѣ своими сужденіями, и не понимая, что они не имѣютъ никакого значенія для Пушкина. Дѣло, совершенное Пушкинымъ, представляется незыблемымъ памятникомъ:

Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Между тѣмъ нашлись же мечтатели, которые взялись за фантастическую работу — какъ-нибудь покачнуть или сломить эту твер-

дню. Они почти воображаютъ, что въ ихъ власти рѣшить судьбу Пушкина, и добросовѣстѣйшимъ образомъ принимаются ее рѣшать; а вѣдь совершенно ясно, что судьба его таинственно заключена въ немъ самомъ и ни отъ кого не зависитъ. На Пушкина былъ направленъ въ наши дни и чистѣйшій свистъ; но какой же маловѣрный испугается за Пушкина? Напротивъ, кто скорѣе не испугается за свистуновъ?

Какъ безопасно отъ нашей полемики Пушкинъ, такъ безопасно и все чт' имѣеть дѣйствительную, а не фальшивую цѣну. Наша критика и полемика въ этомъ случаѣ преувеличиваетъ свою собственную силу и не замѣчаетъ всей своей слабости. Въ нашемъ журналѣ было начато перечисленіе *яленій, пропущенныхъ нашею критикою*. Вы долго еще будете ихъ перечислять. И къ этому отряду вы легко можете присоединить многіе другіе, наиримѣръ *яленія, некажонныя нашею критикою*; *яленія, преслѣдуемыя нашею критикою*; *яленія, захваченныя нашею критикою* и т. д. Однимъ словомъ, общій фактъ тотъ, что наша изящная литература развивается въ настоящее время помимо критики. Если посмотрѣть хорошенько, то наша изящная литература представляетъ богатое развитіе, лучшее развитіе, чѣмъ какаѣ бы то ни была другая отрасль литературы. Частенько критика пробовала свистѣть на нашихъ творческихъ писателей, но это свистѣнье не имѣло никакого вліянія на значеніе ихъ въ публикѣ и на ихъ развитіе. Сила беретъ свое.

Есть и другая область, хотя не столь богатая у насъ, какъ область изящной литературы, но столь же мало доступная для вліянія личной полемики и свиста, — именно область науки. Труды нашихъ ученыхъ, каковы бы они ни были, имѣютъ свое настоящее значеніе только въ наукѣ, судящей ихъ безпристрастно и нелицемѣрно. Поэтому, если тотъ или другой ученый, по слабости характера, боится свиста или очень хлопочетъ о популярности, то это еще ничего не значитъ. У него все-таки есть твердая точка опоры, есть вѣрное прибрежіе отъ литературной бури, именно наука. Если наука его забранусть, то онъ погибъ дѣйствительно; если же она его признаеть, то тутъ ужъ ничего сдѣлать нельзя: тутъ сколько ни свисти, останется только при своемъ свистѣ.

Говорю все это потому, что широко развившаяся личная полемика задѣваетъ всѣхъ и каждого; она забываетъ свои настоящія границы и часто принимается грозить и пугать тѣхъ, кто отъ нея вполнѣ безопасенъ.

И такъ во всѣхъ этихъ явленіяхъ, совершающихся въ нашей литературѣ, я не вижу ничего, опаснаго и даже ничего дурнаго. Все совершается естественнымъ порядкомъ; злоупотребленіе и насилие

бываетъ, какъ и вездѣ; но только нигдѣ онъ такъ быстро не сглаживается и нигдѣ не уносится такъ мало вреда.

Широкое развитіе брани уронить брань...

Широкое развитіе неправильной и преувеличивающей свою силу полемики, уронить и эту неправильность и это преувеличеніе.

Чему быть, того не миновать. Чему остаться, то останется и чему погибнуть, то погибнуть.

Въ этихъ розовыхъ мечтахъ и надеждахъ меля не смущаетъ даже одна мрачная черта, непрерывно встречающаяся въ нашей полемикѣ. Я говорю объ упрекахъ въ недобросовѣстности. Какъ бы мирно ни начался у насъ споръ, кончится онъ всегда тѣмъ, что противники станутъ упрекать одинъ другого въ недобросовѣстности. Недобросовѣстность — скверное дѣло! Но едва ли можно въ этомъ случаѣ вѣрить спорящимъ. Подобные упреки есть непрямое сдѣлствіе всякаго плохого спора, такъ что въ нихъ можно видѣть только ясный признакъ нашего неумѣнья спорить. Напротивъ, трудно представить себѣ литературу болѣе благородную, чѣмъ наша молодая литература. Недобросовѣстные писатели у насъ были; но мы знаемъ ихъ по надпискамъ; въ настоящее же время, за рѣзкими и всеобщими превращаемыми исключеніями, въ нашей литературѣ нѣтъ недобросовѣстныхъ писателей. Это намъ можно сказать громко, и этимъ мы явно можемъ гордиться. Но саниномъ гордиться тоже не слѣдуетъ. Благородныя дѣла гораздо выше однихъ благородныхъ чувствъ. И есть, говорятъ, нѣчто хуже, чѣмъ недобросовѣстность. Простота, по нашей пословицѣ, хуже воровства. И въ самомъ дѣлѣ, хорошо ли будетъ, если то, что въ жару спора называется недобросовѣстностью, на самомъ дѣлѣ окажется другимъ, именно не болѣе, какъ разыгравшимся туоуміемъ?

Въ нашей полемикѣ встрѣчается на каждомъ шагѣ и маленькая ложь, и маленькая клевета. Говорю это смѣло — *ложь и клевета*; ложь — потому что вполне вѣрно можно судить только о чужой мысли, а судить о лицѣ чрезвычайно трудно; клевета — потому что дурное и неправильное мнѣніе о лицѣ, распространяемое въ публикѣ, есть клевета. Между тѣмъ много въ нашей литературѣ мельонъ назвать лжецомъ и клеветникомъ. Все происходитъ, какъ я сказалъ, оттого, что люди не понимаютъ сами, что они думаютъ. Иной воображаетъ, что говорить остроумнѣйшую колкость и выкать не должаться, что эта колкость есть просто ложь, или личность. Люди бранятся и принимаютъ брань за остроуміе, ложь за обнаруженіе

вѣстны, клевету чуть ли не за геройство. Все это естественно, но все это едва ли утѣшительно. А между-тѣмъ благородство *напримѣръ* не подвергается никакому сомнѣнію.

Скажу болѣе: въ настоящую минуту наша литература почти исключительно руководствуется благороднѣйшими чувствами. После той общей картины полемики, которую я набросалъ вамъ въ крупныхъ чертахъ, естественно является вопросъ о главныхъ пружинахъ полемики. Какія бы плохія формы она ни принимала, она должна же въ чемъ-нибудь корениться. Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ справедливо, что ничто не бываетъ безъ причины. Причина для нашей полемики есть, и притомъ она есть истинно человѣческая причина, то-есть состоитъ въ идеяхъ, въ убѣжденіяхъ. Следовательно сущность полемики хорошая, только форма не соотвѣтствуетъ этой сущности, форма — дурная, фальшивая, бесплодная.

Бываетъ у насъ брань и изъ одного удовольствія браня, то есть изъ того, что языкъ чешется; бываетъ брань и во чисто личнымъ, индивидуальнымъ расчетамъ; но вообще, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, лица служатъ представителями идей, кружи образуются по сходству убѣжденій. Убѣжденія — дѣло святое, а все-таки не мѣшаетъ понимать то, что самъ дѣлаешь и говоришь. Недурно бы было, если бы иной, славящійся твердостью убѣжденій, понималъ, что изъ этой твердости у него ничего хорошаго не выходитъ, а выходитъ только нетерпимость и фанатизмъ. Нетерпимость, по которой онъ готовъ забросать камнями всякаго, кто только покажется ему несогласнымъ съ его убѣжденіями; фанатизмъ, по которому онъ слѣпо вѣруеть въ своихъ собственныхъ идоловъ и слѣпо глухъ ко всякому другому голосу и всякой другой мысли. Недурно бы было, если бы люди убѣжденій убѣдились, что однихъ убѣжденій мало, что и убѣжденіе ихъ и все на свѣтѣ можетъ быть зломъ, что наиримѣръ вмѣсто плодотворной борьбы идей, оно порождаетъ слѣпоту и глухоту, при которой такая борьба невозможна, при которой только и возможенъ свистъ и личная полемика. Тамъ, гдѣ лица только того и ищутъ, чтобы сдѣлаться врагами, тамъ они и доводятся тѣмъ, что смотрятъ другъ на друга враждебно, свистятъ и перебрасываются камешками.

Читая нѣныя молебническія статьи, нельзя не подивиться той искренности и прямотѣ, съ которою въ нихъ излагаются изумительнѣйшія вещи. И публика любитъ за это такія статьи. Она любитъ ихъ искренность и прямоту, любитъ тотъ жаръ, который служитъ имъ подкладкою, который проглядываетъ изъ-за хитрой и нестрой сѣти словъ. Можетъ-быть и долго еще будутъ находиться читатели, которые съ удовольствіемъ будутъ повторять:

Они немножечко дерутъ,
 За то ужъ въ ротъ хитлаго не берутъ
 И всё съ прекраснымъ повеленьемъ!

Но вѣдь все-таки дѣло въ дѣлѣ, а не въ повеленіи. Что если заговорятъ иначе? Что если скажутъ: намъ надоѣла ваша искренность и прямота; мы сыты по горло вашею искренностью и прямотою; да нѣтъ ли же у васъ еще чего-нибудь, кромѣ вашей искренности и прямоты?

И дѣйствительно, являются какіе-то зловѣщіе признаки, о которыхъ я съ ужасомъ помышляю и о которыхъ страшно какъ-то и говорить. Начну издалека. Среди своей полемики нѣкоторые журналы договорились до вещи довольно опасной. Они утверждаютъ, что они презираютъ литературу. Припомните въ самомъ дѣлѣ, кто же потѣшился надъ нашею современною литературою, кто не отзывался о ней свысока? И дѣтская—то она, и забѣдская; и вездѣ въ ней хаосъ и мракъ; и отсталая она, и недозрѣлая и т. д. Таковъ общій голосъ. Отзываясь такимъ образомъ, можетъ быть каждый журналъ выгораживалъ однакоже самъ себя; но вѣдь это старая штука; себѣ-то каждый кажется лучше, чѣмъ другимъ.

И такъ можетъ-быть эти отзывы разовьются въ ясное недопольство литературы собою самою. Если такъ, то это сознаніе своихъ недостатковъ будетъ весьма полезно, и чѣмъ скорѣе оно совершится, тѣмъ лучше.

Но мнѣ приходитъ при этомъ въ голову другая, очень странная мысль: у меня шевелится вопросъ такого рода: не презирать ли общество литературу? Не будемъ пугаться и рассмотримъ это предположеніе съ надлежащимъ хладнокровіемъ. Презрѣніе общества къ литературѣ не есть у насъ дѣло новое или безпримѣрное. Оглянемся назадъ и мы увидимъ на примѣръ, что во все время Пушкина оно было довольно сильно. Маденькій кружокъ Пушкина и его друзей съ высокоуміемъ смотрѣлъ на огромное большинство тогдашней литературы. Взглядъ Пушкина былъ безъ сомнѣнія вполне раздѣляемъ и нѣкоторою частью тогдашняго общества. Теперь, издали, мы совершенно ясно видимъ, что этотъ презрительный взглядъ былъ правъ, что литература его заслуживала. Затѣмъ, когда сталъ писать Бѣлинскій, онъ опять удивлялъ нашу литературу своею строгостью. За Бѣлинскимъ, какъ извѣстно, шла толпа лучшихъ людей его времени и слѣдовательно опять была избранная часть общества, которая презирала многихъ тогда процвѣтавшихъ дѣятелей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ настоящее время наша литература меньше, чѣмъ когда-нибудь заслуживаетъ презрѣнія; мы все-таки за-

нѣтно ушли впередъ, но нѣкоторая доля презрѣнія все-таки можетъ существовать. Если есть литераторы, которые презираютъ литературу, то гораздо больше должно быть число лицъ непишущихъ, которые раздѣляютъ ихъ взглядъ.

Разглядѣть ихъ очень трудно, потому что у насъ вообще трудно подсмотрѣть отношеніе между обществомъ и литературою. Вслѣдствіе монополистскаго устройства, вслѣдствіе исключительнаго развитія журналистики, наши критики и публицисты рѣзче чѣмъ гдѣ-нибудь отдѣляются отъ общества. Половина нашихъ дѣятельныхъ литераторовъ — срочные журнальные работники. Слѣдовательно литература ограничивается немногими лицами, и она далеко не составляетъ органа всего общества. Литература еще не вошла въ наши нравы; множество образованныхъ людей никогда не вздумаютъ взять пера въ руки. И по всему этому легко можетъ быть, что нѣтъ литературы составила или еще составляется масса образованныхъ людей, которые чѣмъ яснѣе сами участвуютъ въ литературѣ, тѣмъ хладнокровнѣе и строже ее судятъ.

Признаюсь вамъ, мнѣ было бы пріятно такъ думать. Наша литература, положимъ, прекрасная литература; но хорошо бы было, если бы общество стояло выше даже этой прекрасной литературы. Самодовольство есть вещь весьма опасная. Я всегда съ нѣкоторымъ огорченіемъ встрѣчалъ признаки самодовольства какъ въ частныхъ лицахъ, такъ и въ литературѣ. Прекрасно бы было, еслибы это самодовольство исчезло въ литературѣ до послѣдняго слѣда. Писатели не будутъ такъ развиты и свободны въ своихъ движеніяхъ, но это ничего. Когда передъ ними какъ призракъ будетъ постоянно мелькать суровый ликъ общественнаго мнѣнія, они конечно не такъ легко будутъ принимать на себя видъ его руководителей и представителей; но за то, я надѣюсь, они станутъ болѣе усердными и менѣе небрежными служителями общества. Они не будутъ уже кокетничать съ публикою и стараться ей понравиться, какъ малому ребенку; они перестанутъ шалить, какъ скоро замѣтятъ, что публика не ребенокъ, а грозный судья, который за ними наблюдаетъ. Весьма полезны тѣ литераторы, которые пишутъ для *особой* публики; они имѣютъ полное право приноровляться къ ней и писать не просто, а такъ, чтобы угодить *своей* публикѣ. Но должны же наконецъ у насъ явиться и такіе, которые пишутъ для публики вообще, слѣдовательно не примѣняясь ни къ чему, а стараясь работать возможно лучше, по мѣрѣ силъ своихъ и средствъ. Должна же явиться у насъ и такая публика, которая не требуетъ, чтобы къ ней примѣнялись, а съумѣетъ безъ этого оцѣнить всякій истинный и по-

лезный трудъ. Если такая публика у насъ уже есть, то тѣмъ лучше для насъ.

Я знаю, что опасеніе общественнаго суда вовсе не въ правахъ нашей литературы. Но тутъ нѣтъ ничего дурного и скорѣе здѣсь видна хорошая черта — увѣренности въ сочувствіи другихъ. Наша литература не привыкла къ презрѣнію. Напротивъ, въ ней живо слышеть голосъ юношеской самоувѣренности, которая не можетъ и подумать, что ее поймутъ дурно и посмотрятъ на нее косо. Такъ говорливый юноша ораторствуетъ съ благороднѣйшимъ жаромъ среди большого общества. Смѣло касается онъ самыхъ разнородныхъ вопросовъ, рѣшительно судитъ про всѣхъ и обо всемъ, и въ своемъ увлеченіи не замѣчаетъ, что многіе уже стали переглядываться и покачивать головами, слушая его юношескія рѣчи. Не будетъ большой бѣды, если онъ наконецъ замѣтитъ, что его слушаютъ уже не съ тою благосклонностью, съ какою встрѣтилъ его первый рѣчи. Благородному юношѣ съ его неподдѣльнымъ жаромъ легко поправить дѣло. И дѣло отъ этого не только не проиграетъ, а напротивъ, бесконечно выиграетъ. Онъ заставитъ уважать себя всѣхъ, и всѣхъ прислушиваться къ своему голосу.

Когда говорятъ о недостаткахъ нашей литературы, то всегда припоминаютъ, что она встрѣчала препятствія въ постороннихъ для нея обстоятельствахъ. Замѣчаніе справедливое, и предметъ этотъ стоитъ полнаго вниманія. Дѣйствительно, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ литература наша получила не совсѣмъ правильное развитіе. Мы не видимъ своихъ границъ, мы не сознаемъ хорошенько что мы дѣлаемъ; мы, какъ фантасты, готовы вообразить себя рыцарями и ежеминутно принимаемъ свое перо за смертоносное копьѣ... Обстоятельства можетъ-быть дѣйствительно повредили нашей литературѣ. Но жалобы на обстоятельства нѣтъ въ ней ложный тонъ, оскорбляющій мое ухо. Полезно дѣло примѣромъ.

Вообразите купца, котораго дѣла идутъ очень дурно, который всюду находитъ неудачу. Какой жалобы всего естественнѣе ожидать отъ него? Если вы спросите его самого, онъ вѣрнѣе всего пожалуется на свои обстоятельства: тотъ валуль его, тотъ не представилъ вовремя товара, тамъ случилась буря; тамъ неурожай и проч. Весьма возможно, что обстоятельства дѣйствительно виноваты въ бѣдствіяхъ купца; но для насъ конечно интереснѣе вопросъ, дѣйствительно ли виноватъ самъ купецъ. Попробуйте же спросить постороннихъ, обратитесь къ сосѣдямъ, и посмотрите,

что они скажутъ. Они навѣрное станутъ гонорать, что купецъ навѣтъ не умѣлъ примѣниться къ обстоятельствамъ и т. п.

Но этого мало. Легко можетъ быть, что вы усмыслите такіе рѣчи: куда-де ему въ торговлю соваться! Найдутся люди помысленнѣе его и побойчѣе! Зачѣмъ же ему было давать потачку? Известно, дѣло торговое, подѣломъ ему!

Такъ что изъ обстоятельствъ вывести заключеніе чрезвычайно трудно. Не знаешь, не то извинить купца, не то бранить! Самому же купцу всего важнѣе сознавать, что произошло отъ обстоятельствъ, и что отъ его собственной вины. Если купецъ самъ дѣйствительно не виноватъ, тогда онъ можетъ, наиримѣръ, съ твердостью просить помочь ему. Онъ постоянно былъ акуратецъ; всему виною были обстоятельства, и слѣдовательно ему можно дать взаимны денегъ. Но совершенно другое дѣло, если кто-нибудь приступить къ намъ съ такою жалобою: я разорился не только отъ обстоятельствъ, но и отъ собственного неумѣнья и нерасторопности; но дайте мнѣ денегъ — и я, клянусь, буду впередъ акуратнѣе.

До свѣденія одного изъ нашихъ (даровитыхъ впрочемъ) литераторовъ достигло, что его называютъ невѣждою. Чѣмъ же, вы думаете, онъ утѣшился и чѣмъ защитился? Онъ отвѣчалъ, что были люди, которые и Гегеля, и Канта, и Декарта называли невѣждами. По моему мнѣнію, весьма слабое утѣшеніе! Конечно, весьма возможно, весьма легко можетъ случиться, что человѣка на самомъ дѣлѣ свѣдущаго назовутъ невѣждою. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Упомянутый литераторъ въ дѣйствительности все-таки можетъ быть невѣждою. Такъ точно иногда дурно защищаютъ и утѣшаютъ нашу литературу. Весьма возможно, что только вслѣдствіе обстоятельствъ у насъ нѣтъ ни Гегелей, ни Кантовъ, ни Декартовъ; но въ дѣйствительности можетъ-быть и мы совершенно неспособны про- извести ни Гегелей, ни Кантовъ, ни Декартовъ.

Главное наше зло безъ сомнѣнія въ томъ, что мы живемъ въ фантастическомъ мірѣ и не можемъ разглядѣть нашего дѣйствительнаго положенія. Литература всегда будетъ и должна быть служительницею общихъ идей; только въ нихъ ея сила. По самой сущности дѣла, передъ общими авторитетами науки, искусства, поэзіи все должно одинаково преклоняться. И публика плоха, если она не понимаетъ ихъ и принимаетъ за нихъ что-нибудь другое, чѣмъ и забавляется; и журналы будутъ пустословіемъ, если они вздумаютъ помимо ихъ служить чему-нибудь другому. Шутить или легкомысленно обращаться съ авторитетомъ науки и искусства — невозможно. Этотъ авторитетъ есть достояніе, пріобрѣтенное цѣлою жизнью человѣчества. Существованіе этого авторитета есть при-

знать того, что въ человѣческой жизни уже не можетъ быть хаоса и колебанія, что она уже не можетъ распастись на атомы. Человѣческая жизнь въ извѣстной степени уже окрѣпла, выработалась, сложилась; она уже не просто жизнь, и никогда не можетъ быть просто жизнью, она есть *жизнь историческая*. Человѣчество выработало себѣ почву, твердыя точки опоры, исторію. Въ настоящее время человѣку уже невозможно отказаться отъ исторіи, невозможно быть отдѣльнымъ, такъ сказать перлоданнымъ человѣкомъ, невозможно разорвать свою связь съ общимъ человѣческимъ міромъ.

И дѣйствительно, какъ ни хаотичны бывають явленія нашего литературнаго міра, очевидно они не могутъ, *не смѣютъ* отказаться отъ общаго авторитета науки и искусства. Журналъ, хотя бы и не хотѣлъ беззавѣтно служить и исключительно подчиняться этому авторитету, никакъ однакоже не можетъ отказаться ни отъ науки, ни отъ поэзіи. И большею частію вся бѣда въ томъ и состоитъ, что такъ или иначе, но только во что бы то ни стало, нужно являться передъ публикою и тонкимъ критикомъ, и жаркимъ поборникомъ науки. Отсюда происходятъ величайшія странности. Въмѣсто того чтобы говорить о томъ, что его дѣйствительно занимаетъ, писатель безсознательно берется за то, что ему чуждо и при томъ выказываетъ полную самоувѣренность. Мы-де и поэзію понимаемъ, и очень тонко можемъ судить о нашихъ поэтахъ; мы и философію отлично знаемъ, и исторію разумѣемъ не хуже другихъ, да и въ химіи тоже маракусь. И вотъ вслѣдствіе этихъ большихъ претензій творятся дѣла, достойныя смѣха. Пишутся критики и умныя статьи, въ которыхъ поэзія и наука извращаются самымъ благонамѣреннымъ образомъ... Конечно, наукѣ и поэзіи при этомъ нечего бояться; но какъ не побояться за тѣхъ, кто съ ними неосторожно обращается?

И. Е.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Дѣло главной кассы жемчужныхъ дорогъ и другихъ акціонерныхъ обществъ въ Парижѣ. — Биржевыя спекуляціи и ихъ связь съ политикою. — Баронъ Видаль и другіе преступники.

Италя и дскія дѣла. — Разбойники, именующіе себя бурбоидами. — Заемъ 500 миліоновъ.

Последнія извѣстія. — Общее подожженіе.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА

Прошедшій мѣсяцъ въ Парижѣ ознаменованъ судебными процессами, обвиненіями, кражами, убійствами, бѣгствомъ раздѣльных чиновниковъ, занимавшихъ важныя и денежныя мѣста, и сверхъ того разными слухами о злоупотребленіяхъ, которыя должны раскрыться на дняхъ и поступить на полицейское разсмотрѣніе. Говорятъ, что уже такой выдающійся тяжелый мѣсяцъ; но такъ ли это? Мѣсяцъ ли тутъ виноватъ? Или виновато 2 декабря, которое посѣлало, а теперь приходится пожинать его горькіе плоды? При внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, оказывается, что денежная буржуазія давно ведетъ Францію (и не одну Францію) къ такимъ событіямъ, которыя затмятъ свою грязность и глубиною денежнаго разврата и процессъ Миреса и Солара, и процессъ барона Видаль, и подвиги общества кредита движимостей, и исторіи о бѣгающихъ съ казенными деньгами важныхъ чиновниковъ.

Второе декабря было плодомъ страстной любви буржуазіи къ своимъ деньгамъ, а нынѣшніе скандалы — мелкое потомство, внуки той же страсти. И потомство это плодится съ неимоверною быстротою; уровень общественной нравственности падаетъ неодолимо, такъ что судебныя преслѣдованія крупныхъ мошенниковъ въ родѣ

можетъ развить работу? Капиталъ, который одинъ можетъ вознаграждать, оплодотворить ее. Если новѣйшія общества сходятся на трудъ и капиталъ; то изъ этого само собою слѣдуетъ, что классъ, который сумѣетъ лучше скопить и приводить въ движеніе капиталы, слѣдуетъ преобладающимъ во всѣхъ отрасляхъ коммерческой дѣятельности; слѣдовательно это преобладаніе достанется еврейскому племени, и въ этомъ именно положеніи и заключается его опасность. — Это размышленіе приводитъ мнѣ на память разговора, который я имѣлъ въ 1856 году съ кардиналомъ Антонелли. Я былъ въ Римѣ, и этотъ человекъ, стоящій такъ высоко по уму, когда удостоивалъ меня приемомъ, и всегда принималъ очень благосклонно. Въ одно изъ такихъ свиданій, онъ спросилъ меня очень просто, что я думаю о дѣлѣ Мортары, похищеннаго и окрещеннаго еврейскаго ребенка. «Кардиналъ, отвѣчалъ я ему, позвольте мнѣ, въ интересахъ евреевъ, не говорить вамъ моего мнѣнія, не потому, чтобы это мнѣніе было не въ похвалу папскому правительству, но — что гораздо важнѣе для людей, преобладающихъ въ Ватиканѣ, — это мнѣніе не будетъ похвалою для ихъ ума, весьма однако высокаго. Но такъ какъ я хочу сохранить ваше расположеніе, то и прошу избавить меня отъ изложенія своихъ мыслей по этому дѣлу.» Но великій кардиналъ, какъ его зовутъ въ Римѣ, милостиво продолжалъ настаивать, напоминая мнѣ, что Римъ и теперь, какъ всегда, страшенъ величайшей свободой слова, что вполнѣ справедливо. «Если вы непремѣнно этого желаете, то вотъ моя мысль. Какъ вы замѣтили сами, могущество капитала; въ наше время больше, нежели когда-нибудь, слѣдилось могуществомъ преобладающимъ; капиталъ теперь повелѣваетъ, его силою образуется общественное мнѣніе, капиталомъ поднимаются народы и стремятся къ матеріальному благосостоянію. Слѣдовательно классъ, обладающій капиталомъ, или, что въ глазахъ толпы одно и то же, слывущій за обладателя, этотъ классъ, въ извѣстную минуту, подверженъ всѣмъ ненавистямъ, всѣмъ самымъ слѣпымъ, самымъ безумнымъ страстямъ. Судите, кардиналъ, что будетъ, если къ этому естественному въ человѣкѣ настроенію присоединится чувство, развиваемое съ дѣтства въ сердцахъ католиковъ, претивъ людей, обвиняемыхъ въ томъ, что они распяли искупителя человеческого рода. Видите ли, кардиналъ, какими опасностямъ было бы подвержено наше племя въ день народнаго заблужденія, когда коммерческая ревность и зависть спрячется подъ личину религіи. Эту перспективу имѣютъ евреи единственно потому, что они обладаютъ капиталомъ или даже потому только, что они считаются богачами. Если вамъ угод-

но будетъ обратитьъ вниманіе на то обстоятельство, что въ некоторыхъ странахъ евреи пользуются равными съ прочими гражданами правами, въ другихъ они идутъ къ уравнию правъ, а все-таки въ глубинѣ сердецъ, въ массахъ, есть чувство отталкивающее евреевъ, то не замѣчате ли, что можетъ возжечь дурныя страсти? Ясно, что матеріальные интересы, зависть, борьбы коммерческія, финансовыя и промышленныя прикроются когда-нибудь предлогомъ религіи или нравственности противъ торговли капиталами, торговли, порицаемой отцами церкви, чтобы организовать пропаганду противъ евреевъ. Лучшій способъ предотвратитьъ отъ насъ эту опасность — поднимать, всякіе пять или десять дѣтъ новое дѣло **Мортары**, которое всегда возбуждаетъ сочувствіе къ евреямъ и уменьшаетъ ненависть, возбуждаемую противъ нихъ обладавиемъ капиталами.» — «А! отвѣчалъ мнѣ остроумно великій кардиналъ, вамъ нужно нѣсколько преслѣдованій? Ну, мой почтенный Миресь, не будетъ вамъ больше преслѣдованій, и вашими единоверцами придется защищаться самимъ.» — Этотъ разсказъ почти передаетъ мою мысль о предметѣ, который я изучаю уже нѣсколько дѣтъ; ибо въ повсемѣстномъ финансовомъ промышленномъ движеніи, которое измѣняетъ націи, возвышая или понижая уровень ихъ владычества чрезъ обладаніе капиталами, въ этомъ движеніи роль, приходящаяся на долю евреевъ, такъ велика, что иной разъ мнѣ страшно за ослѣпленіе людей, наиболѣе заинтересованныхъ въ этой оцѣнкѣ, потому что они упорно отказываются принять ее въ собраніе. Что всего важнѣе въ этомъ ослѣпленіи для нѣкотораго класса, такъ это то, что толпа смѣшиваетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и можетъ-быть когда-нибудь смѣшаетъ въ своемъ гитѣ евреевъ сѣверной съ евреями южной Европы, не видя большой разницы между тѣми и другими, тогда какъ разница оказывается весьма скоро, если изучить то, что происходитъ у насъ передъ глазами. Разница характеризуется особенно финансовою борьбою, которая происходитъ въ Европѣ на разныхъ денежныхъ рынкахъ. Тутъ встрѣчаются великія финансовыя вліянія; на этомъ поприщѣ легко замѣтить стремленія, отличающіи сѣверныхъ евреевъ отъ южныхъ. Эти стремленія впрочемъ суть вѣрное отраженіе, во-первыхъ, народовъ, среди которыхъ они жили, а во-вторыхъ, условій ихъ жизни въ различныхъ странахъ. Сѣверные евреи, иначе называемые нѣмецкими жидами, хладнокровны и методичны, что даетъ ихъ великому уму могущество, которое никогда не отвлекается великодушными страстями отъ предполагаемой цѣли. Соціальная организація Германіи до сихъ поръ исключала евреевъ

изъ обществу и клеймила ихъ унижительными законами. Въ нѣкоторыхъ государствахъ имъ запрещено, подѣ страхомъ тяжолыхъ наказаній, жить иначе, какъ въ извѣстныхъ кварталахъ города; въ другихъ странахъ Германіи число ежегодныхъ браковъ между евреями было ограничено, какъ-будто размноженіе ихъ племени опасно или составляетъ несчастіе. Понятно, что люди, поставленные такимъ образомъ, уходятъ въ себя и не знаютъ другихъ наслажденій кромѣ богатства. Въ самомъ дѣлѣ богатства позволяютъ имъ, въ извѣстныхъ минуты жизни, добыть себѣ или облегченіе общественнаго положенія, или понадечь на другихъ, что составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ утѣшеніе. Въ Германіи еврей — хозяинъ большей части денежныхъ рынковъ; они разработываютъ эти рынки въ свою исключительную пользу; но вообще говоря, они не соединяютъ окончателно своихъ богатствъ съ богатствами и будущностью того государства, въ которомъ живутъ. Евреи южные, называемые также португальскими жидами, почерпнули изъ латинскаго племени, среди котораго жили, благороднѣйшіе инстинкты, а допущеніе ихъ во Франціи ко всѣмъ правамъ гражданства еще больше развило въ нихъ стремленіе къ союзу съ общественными интересами, или для увеличенія своего богатства, или для пріобрѣтенія уваженія, какъ-будто они своими услугами хотѣли признать услуги, оказанныя имъ французскою націей. Эта оцѣнка характера евреевъ сѣверныхъ и южныхъ неоспоримо точна и подтверждается изученіемъ того, что происходитъ у насъ передъ глазами. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже нѣсколько поколѣній финансовое вліяніе гг. Ротшильдовъ преобладаетъ въ Европѣ; они имѣютъ, такъ сказать, монополію государственныхъ займовъ, и горе тому, кто поставитъ въ опасное положеніе это преобладаніе, этотъ родъ царственной власти! Я испыталъ это на себѣ. Стараясь опредѣлить, какія выгоды правительства получили отъ ихъ пособія, всякій будетъ пораженъ финансовымъ и стало-быть политическимъ ослабленіемъ странъ, которыя сдѣлали Ротшильдовъ своими главными банкирами. Но еще особенно замѣчательно, что въ то же время финансовое и личное могущество дома Ротшильдовъ возрастаетъ и достигаетъ неслыханной высоты. Отчего же эта разниа? Оттого, что Ротшильды никогда не давали правительствамъ имѣть дѣло непосредственно съ капиталистами, которые вокругъ нихъ собирались. Эти капиталисты, которые должны были поступить въ вѣденіе правительствъ, оставались ихъ собственностью, и когда государства не хотѣли уступить волю Ротшильдовъ, они не давали денегъ. Но чтобы недалеко искать примѣровъ, можно ограничиться

фантомъ; бывшимъ во Франціи. Спрашивается, въ пользу какого финансовому или промышленному успѣху содѣйствовалъ Ротшильдъ во Франціи, гдѣ однокже его вліяніе преобладаетъ такъ безусловно? Въ какое время Ротшильдъ облегчалъ финансовыя операціи правительства, или поощрялъ промышленность? Великій помнить горячую борьбу партій, въ послѣдніе дни царствования Людовика-Филиппа, по поводу текущаго долга, который обыкновенно, когда слишкомъ накопывается, или отвергается, или преуменьшается посредствомъ займа. Этотъ заемъ, столь необходимый, могъ быть сдѣланъ только чрезъ Ротшильда, и правительство должно было ждать, когда банкиру заблагоразсудится назначить время займа, или опредѣлить степень его важности. Такимъ образомъ политическія нужды были въ зависности отъ воярвела банкира. Помогалъ ли онъ когда-нибудь промышленности, развивалъ ли ее? Въ 1839 году, дороги орлеанская и руанская были имъ встрѣлены скорѣе враждебно, чѣмъ благосклонно. Никогда Ротшильдъ не дѣйствовалъ въ интересахъ Франціи. Когда онъ вошелъ въ дѣла желѣзныхъ дорогъ, то только для собиранія барышей въ видѣ премій; но никогда онъ не рѣшался войти въ дѣло, чтобы оплодотворить работу и быть полезнымъ обществу...»

Миресь старается увѣрить, что онъ и южные евреи хлопотуа не иуть барышей, а дѣйствуютъ совершенно безкорыстно; жь свать и иадать, какъ бы поощрить промышленность, какъ бы помочь постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ бы облагодѣтельствовать Францію. Нѣтъ никакой нужды опровергать весь этотъ вздоръ, и все его книга есть ифито въ родѣ выстрѣла холостымъ зарядомъ. Суду ровне нѣтъ никакого дѣла до его бесѣдъ съ кардиналомъ Антонелли въ Римѣ, ни до его вельраго отаѣта кардиналу. Лучше бы въ своей книгѣ объяснилъ онъ, въ свлу какихъ соображеній онъ продавалъ акціи, ввѣренныя ему на сохраненіе, и на какомъ основаніи онъ считалъ себя въ правѣ продать чужую акцію въ дорогое время, а потомъ говорить, что продать въ дешовое? И въ самомъ дѣлѣ, судъ не обратилъ никакого вниманія на то, что онъ португальскій еврей, а не германскій, не принялъ даже въ соображеніе, что Ротшильдъ въ концѣ 1847 года не далъ правительству денегъ, и проч., и приговаривалъ бывшаго банкира къ тюремному заключенію и къ штрафу за воровство-мошенничество. Онъ подалъ на апеллацію, но вѣроятно нересмотрѣ дѣла приведетъ къ тому же самому приговору.

Къ великому счастью нашему, или несчастію (объ этомъ когда-нибудь поговоримъ), биржевыя спекуляціи у насъ далеко еще не такъ общепотребительны и общеизвѣстны, какъ во Франціи.

Спекуляція бывает преимущественная и безцельная, смотря по ее предмету. Например, книгопролавец заключает контракт съ авторомъ, въ которомъ рукописанъ обязуется издать въ изданную сумму денегъ на ее издательство, съ тѣмъ, что ежели книга вовсе не будетъ продаваться, то книгопролавецъ терять израсходованные деньги безъ возврата, а если пролавецъ хороши, то онъ беретъ себѣ половину чистаго барыша, воротивъ свои издержки: спекуляція производительная. Еще примѣръ. Механикъ употребляетъ все свое время и всѣ свои деньги на опыты устройства такой машины, которая потребуетъ относительно вътрѣ меньшаго количества топлива, противъ обыкновенныхъ машинъ. Если ему удастся, то онъ какъ-бы открываетъ каменноугольные копи, которыхъ богатство вътрѣ болѣе всѣхъ существующихъ. Но удастся ли ему, или нѣтъ? Если удастся, то онъ разбогатеетъ какъ Крезь, если нѣтъ, то все потеряетъ; спекуляція.

Извѣстная исторія фабриканта соломенныхъ шляпъ, который предложилъ горничной императрицы Жозефины 10,000 франковъ, если она устроитъ такъ, что императрица надѣнетъ ея шляпку. Дѣйствительно, мода во сто разъ окупилъ фабриканту заплаченные деньги. Не говоря пока о моральной и нравственной сторонѣ этой проделки, все же это спекуляція.

Много и хорошаго въ спекуляціи; она принесла человѣчеству неисчислимыя выгоды. Въдѣ первый, кто исполнилъ землю и заточилъ въ нее дѣнона, вмѣстѣ того чтобы дѣть събогъ, былъ великій и въ высшей степени полерый спекуляторъ. Но въ спекуляціи есть и дурныя стороны. Во всякой промышленной, торговой и финансово-комбинативной дѣлѣ есть извѣтная доля риска; отъ дѣть быть воля законнаго вознагражденія за полезную услугу, есть всегда въ некоторой частѣ дѣль, дѣна. Когда дѣль служить вознагражденіемъ въ рискѣ, связанный со всякою производительною спекуляціей, тогда она еще законна. Но когда, независимо отъ спекулятивной производительности, сама дѣль дѣляется главнымъ дѣль, то она входитъ въ категорию казачковъ и чертъ она не приближена и безнравственна. Въ такомъ смыслѣ спекуляція есть уже искусство, при помощи въ которой удача, богатѣть безъ работы, безъ капитала, безъ торговли, безъ сеицъ; это секретъ для присвоенія себѣ общественнаго или частнаго дѣль, но дѣль въ замѣтъ дѣть дѣльцо фантомнаго.

Авартыя мира и азклады — простѣйшая форма спекуляціи на удачу, безъ всякой производительности и пользы, но она не совсемъ преступна. Нѣсколько человекъ собирается вокругъ стола,

младуть цѣны кучи бумажекъ, хлопочуть о томъ, какъ дѣлать, вѣютъ ночь напролетъ. Случай одного ласкаться, другого изжить. Одинъ уходитъ разоренный, другой съ небольшимъ выигрываетъ, третій — богачемъ. Чтожь они всё это сдѣлали? Предполагаю, что игра шла безъ плутовства, чтоже они проделали своимъ капиталомъ и своимъ умомъ? Какую цѣнность они создали? — Ровно никакой.

Иной держитъ закладъ о томъ, когда разойдется Нева: прежде полуля 9 апрѣля, или послѣ? — и хлопочеть объ этомъ, какъ-будто о какомъ-то дѣлѣ. Вслѣдствіе этого большая или небольшая сумма переходить изъ одного кармана въ другой; и тѣмъ кончается все дѣло: спекуляція непродуцительная, игра, не больше. Но преступнаго тутъ нѣтъ ничего; это только нелѣпо, въ смыслѣ волюнтарченія, и потому безнравственно.

Биржевыя спекуляціи чаще всего имѣютъ характеръ болѣе чѣмъ безнравственный; но французское общество такъ привыкло къ биржевой игрѣ, что такой эпитетъ покажется ему смѣшнымъ. Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ.

Капиталы, какъ и всякій другой товаръ, подчинены закону предложенія и спроса, подвержены колебаніямъ кредита. Капиталистъ, которому въ данную минуту некуда дѣвать денегъ, покупаетъ билеты государственнаго займа, которые будутъ ему приносить, по ложницѣ, четыре процента. Такимъ образомъ онъ становится кредиторомъ, а должникъ его — правительство, или, вѣрнѣе сказать, все общество, которому правительство служить представителемъ. Если промышленность и торговля даютъ вѣрныхъ шесть процентовъ, то кредиторы государства продаютъ билеты государственнаго займа и употребляютъ деньги на торговлю и промышленность. По случаю продажи государственныхъ бумагъ, цѣна ихъ должна въ сколько пасть, и упадокъ цѣны означалъ бы общее благосостояніе денежнаго рынка. Но когда промышленность и торговля не представляютъ достаточнаго обезпеченія отъ риска, денегъ должно накопиться на рынкѣ много, и долженъ произойти большой спросъ на государственныя бумаги, которыя во всякомъ случаѣ вѣрнѣе всякихъ другихъ дѣлъ. Тутъ должно бы произойти возвышеніе цѣны государственныхъ бумагъ, потому что спросъ на нихъ превосходилъ бы предложеніе, и тогда возвышеніе цѣны на государственныя бумаги означало бы недостатокъ общаго кредита. Таково нормальное значеніе, какое должно бы имѣть биржевыя спекуляціи.

Поэтому, вкѣпаясь лишь въ это естественнаго значенія, и въ большей частѣ случая упадокъ цѣны государственныхъ бумагъ означаетъ плохое состояніе дѣлъ; возвышеніе цѣны бумагъ означаетъ всегда хорошій дѣлъ какъ для правительства, такъ и для всей страны. Причина этого заключается въ томъ, что спекуляторы смотрятъ на правительство, какъ на крупнаго торговца, промышленника, банкира, котораго предѣтъ возвышается и падаетъ, смотря по тому, выгодны и вѣрны ли его операціи, или нѣтъ, который по огромности своихъ оборотовъ управляетъ рынкомъ. Такой враждебный взглядъ биржи на правительство самъ по себѣ уже показываетъ разрозненность между правительствомъ и гражданами, какой-то антагонизмъ между обѣими сторонами, которыя должны бы были между собою согласны, при естественномъ ходѣ дѣлъ, какъ представители и представляемые.

Билетъ государственнаго займа даетъ постоянный доходъ, наприѣръ $4\frac{1}{2}$ франка. Такой билетъ часто можно купить за 90 франковъ, и тогда 4500 фран. годового дохода можно купить за 90,000 франковъ. По этимъ бумагамъ правительство постоянно будетъ выплачивать въ годъ 4500 фран., за какую бы цѣну ни былъ купленъ этотъ доходъ частнымъ лицомъ. Положимъ, что въ тотъ день, когда $4\frac{1}{2}$ франка дохода продается за 90, являетесь на биржу нѣкто и обязуется въ концѣ текущаго мѣсяца продать 100,000 фран. своего годового дохода по 89, т. е. съ уступкою одного франка съ каждаго девяноста, а со всей капитальной суммы, съ которой принимается доходъ во 100,000 фран., т. е. съ 2 мил., онъ обязуется уступить 22,222 рубля. Это значитъ, что у него есть основанія полагать, что государственныя бумаги къ концу мѣсяца упадутъ въ цѣнѣ съ 90 на 88, при чемъ онъ все-таки останется въ выигрышѣ на 1 франкъ съ каждаго $4\frac{1}{2}$ дохода, а въ итогъ на 22,222 франка. Это-то и составляетъ причину, по которой онъ предлагаетъ такой закладъ. Если кто считаетъ, что къ концу мѣсяца государственныя бумаги вздорожаютъ, положимъ на 1 франкъ съ $4\frac{1}{2}$ дохода, и будутъ по 91 франку, тотъ заключаетъ съ продавцомъ условіе, и если онъ угадалъ, то у него въ барышахъ будетъ слишкомъ 44 тысячи франковъ, такъ какъ онъ купитъ по 89 то, что будетъ тогда стоить 91. — Ясно, что предложеніе продавца тутъ въ высокой степени безразвѣстно, опасно для страны. Оно показываетъ и непрочность государственной организаціи, и степень нравственности власти, когда богатство и безопасность гражданъ такъ тѣсно связаны съ какииъ-нибудь министерскимъ рѣшеніемъ, когда правительственныя дѣйствія удобооблаютъ лотерейному розыгрышу.

Дено, что подобныя заклады не только не могут привести къ никакой пользы, но производительны, не экономны, но что сверх того они противны настоящимъ, действительнымъ финансовымъ окрестностямъ и вызываютъ ихъ въ подрыть. Но при ближайшемъ еще разсмотрѣніи окажется, что эта спекуляція весьма часто бываетъ слѣдствіемъ открытія какой-нибудь государственной тайны, бываетъ предательствомъ относительно общества. Положимъ, что индустриальная государственная бумагами канцеляръ въ 50,000 франковъ годового дохода, знаетъ изъ вѣрнаго источника, находящагося въ его собственныхъ рукахъ, что между правительствомъ, и другою, иностранною державою существуетъ дипломатическое затрудненіе, слѣдствіемъ котораго неизбежно будетъ объявленіе войны. Онъ продаетъ на биржѣ по 92, доходъ, который черезъ пять или шесть недѣль неизрѣнно долженъ упасть до 85. Подобный поступокъ со стороны министра былъ бы измѣною, обманомъ, кражей. Но въ биржевомъ мірѣ такіе вещи допускаются и совершенно извиняются; это называется спекуляціей, хотя это и есть не иное что, какъ игра съ явнымъ подсматриваніемъ въ карты.

Большая часть биржевыхъ спекуляцій, иными словами, предметомъ государственныхъ или частныхъ бумагъ, опирается на болѣе или менѣе остроумно соображаемыхъ обстоятельствахъ политическихъ или частныхъ. Первая причина каждой спекуляціи заключается въ какомъ-нибудь секретѣ, украденномъ или у государства, или у ком-паній, въ какой-нибудь нескромности или продажности или администраторовъ акціонерныхъ обществъ, или государственныхъ чиновниковъ. Нынѣшняя спекуляція — уже не игра, въ которой каждый дѣлаетъ все дозволенное закономъ, чтобы исправить, на сколько онъ дозволяетъ благоразуміе, напризвы случая.

Въ операціяхъ промышленныя, финансовыя и торговыя все между собою связано, все зависитъ одно отъ другого. Когда повышается или падаетъ цѣна государственныхъ бумагъ, тотчасъ же повышается или падаетъ цѣна другихъ бумагъ, которыя обращаются на биржѣ. При извѣстіи о биржевыхъ цѣнахъ въ столицѣ, провинціальныя банкиры расширяютъ или суживаютъ свои дѣла; фабриканты увеличиваютъ или уменьшаютъ заказы, фабриканты расширяютъ или суживаютъ фабрикацію, и семейные мелкіе рабочіе нувствуютъ на себѣ упадокъ курсовъ, потому что многіе остаются безъ работы, по случаю суживенія дѣла.

Такимъ образомъ биржа въ нынѣшнее время составляетъ весьма важную силу, держащуюся не отъ чего, ни отъ кого, кроме

голь. Главнѣйшій буржевой законъ: бороться до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ строя ни слава, ни почести, ни патриотизмъ вовсе не входящій въ соображеніе. Неограниченныя — продать биржевую политику въ Парижѣ до вѣка крымской войны.

Съ 1849 года восточный вопросъ спалъ. Вдругъ французскій посланникъ въ Константинополь, подъ какими-то католическими вліяніями выхлопоталъ у Царя, для императора Наполеона кація-то права на вѣковомъ вѣстѣ, въ святыхъ мѣстахъ. Послѣ этого князь Меньшиковъ отаравился въ Константинополь для протеста и требованія удовлетворенія. Царя, опираясь на французскаго посланника, отказываетъ. Русскія войска выступаютъ въ кавказъ. Европѣ грозятъ обидна война. — Что же говорить не все это биржа? Во все время управленія Наполеона III вышній курсъ парижской биржи былъ 16 ноября 1852; въ этотъ день 3% доходъ стоилъ на валютныя деньги 85, 50, а по условію, къ концу мѣсяца 86, 75; 4½% доходъ 106, 15 на валютныя и 107, 90 къ концу мѣсяца. Въ это время Франція готовилась къ подачѣ голосовъ для провозглашенія имперіи; къ тому же въ тендіе дѣлаго бола была принимаема всѣ мѣры, чтобы дать капиталамъ увѣренность и смѣлость; имперія зашла сама очень непродолжительно, раніе спекуляція удвоивалась: говорили, что Наполеонъ III конеть царствовать только чрезъ биржу, доходъ и двингоды.

Возникаетъ восточный вопросъ. 17 марта 1853, червъ двѣ недели по пріездѣ князя Меньшикова въ Константинополь, 3% доходъ доходъ былъ по 80, 80, а 4½% по 104. Когда французскій флотъ выступилъ въ Босфору, курсъ упалъ на 2 фр. Тотъ же самый упадокъ замѣчался при всякой невыгодной новости, и при всякомъ просвѣтлѣннѣ горющаго цѣна государственныхъ бумагъ сильно возрастала. Въ продолженіи сентября 1853 года 3% доходъ былъ по 76, 90; вдругъ, въ началѣ октября, въ англійскихъ газетахъ появились угрожающія статьи противъ Австріи; цѣна дохода упала до 72, 70. Потомъ вдругъ начали доходить извѣстія, рѣзко невыгодныя для Турціи; 12 декабря дошло въ Парижѣ извѣстіе о синакскомъ истребленіи турецкаго флота, и 3% доходъ возвысился до 76, 10, потому что быстрая уцѣха русскіхъ войскъ подавала надежду на скорый конецъ войны. Дѣло въ томъ, что капиталъ — космополитъ; онъ не знаетъ ни соперничества между государствами, ни религиозной, ни племенной ненависти. Капиталъ, какъ червонецъ, не принадлежить ни къ какой народности, ни къ какой вѣрѣ; для него, всего дороже — чтобы не было войны; чтобы миръ предоставлялъ деньги, необходимую для жизни безопасность. Тринадцатаго декабря

стали разлетаться въ Лондонѣ угрозы: такъ называемыхъ турецки-
ловъ: курсъ падаетъ на 25 сантимовъ. 14 и 15 декабря въ газетѣ
Times напечатаны статьи, враждебныя Россіи: курсъ падаетъ на 95
санти. — 16-го стали говорить объ отставкѣ г. Абердина, послѣ-
дней надежды на мирное разрѣшеніе вопроса: упадокъ на 5 санти. —
17-го адмиралъ Гамелевъ получаетъ приказъ войти въ Черное море:
упадокъ на 35 сантимовъ. 3% доходъ продается по 74, 50. Всякая
вѣроятность войны встрѣчается отчаяннымъ упадкомъ курса, всякая
депеша, возбуждающая надежду на миръ, везетъ за собою быстрое
возвышеніе. Спекуляція дѣйствуетъ на дипломатію, которая, въ
свою очередь, дѣйствуетъ на спекуляцію. Болѣе прежняго государ-
ственные люди увѣряютъ въ своихъ увѣренныхъ стремленіяхъ.
При отставкѣ Пальмерстона, курсъ поднимается на 10 санти.; по
поводу воинственнаго манифеста Наполеона III, курсъ падаетъ на
40 санти. Биржа лучше совѣта министровъ знаетъ, чего она хочетъ
и куда идетъ: ея колебанія яснѣе всякихъ протоколовъ. Принцъ На-
полеонъ увѣжастъ въ Брюссель, для того будто бы, чтобы хлопотать
о новомъ священномъ союзѣ между Франціей, Англіей, Прус-
сіей, Австріей, Бельгіей, Турціей и другими державами, противъ
одной Россіи. Биржа обрадовалась быстрому окончанію войны, такъ
какъ Россія не устоять противъ такой колоссальной коалиціи: курсъ
въ три дня возвысился болѣе чѣмъ на два франка. И такъ далѣе;
печего долѣе слѣдить за этими колебаніями чуткаго капитала, кото-
рому для спекуляціи нуженъ прежде всего миръ!

Всѣ спекуляціи на парижской биржѣ дѣлаются чрезъ маклеровъ,
которые берутъ за комиссію отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ процента со всей суммы
сдѣлки; очень немногія иностранныя бумаги только платятъ $\frac{1}{4}$ про-
цента, но большинство сдѣлокъ совершается за $\frac{1}{8}$. Такъ напр. при
покупкѣ 1000 франковъ годоваго дохода, надо заплатить маклеру
 $\frac{1}{8}$ % съ той суммы, съ которой доходъ равняется 1000 франкамъ;
и если 3% покупается по 68, какъ теперь, то за 1000 франковъ го-
доваго дохода надо заплатить 22.666 франковъ, и сверхъ того мак-
леру за комиссію 28 фр. 34 санти. Известно, что доходъ, ежегодно
собираемый такимъ образомъ маклерами бываетъ среднимъ счетомъ
въ 80 миліоновъ: стало-быть каждый годъ черезъ нихъ совершает-
ся сдѣлокъ на 64 миллиарда.

Сдѣлки на наличныя деньги совершаются на биржѣ очень просто.
Покупатель выплачиваетъ деньги, продавецъ выдаетъ проданный
бумаги, маклеръ это записываетъ, получаетъ что слѣдуетъ за ко-
миссію, и тѣмъ дѣло кончается. Но такого рода сдѣлки довольно рѣд-
ки; онѣ возможны только между людьми богатыми, а на биржѣ спе-

кудируютъ люди къ особенностямъ для того, чтобы разбогатѣть. Поэтому большая часть оборотовъ производится иначе, именно *между сроками*, до 15 числа текущего мѣсяца, до конца мѣсяца, до 15 слѣдующаго мѣсяца и до конца слѣдующаго мѣсяца. Срочныя слѣпки бываютъ двухъ родовъ, *прочныя* и съ *премией*.

Прочныя слѣпки тѣ, которыя обязательны для продавца и покупателя; при нихъ не допускается никакого возможнаго ограниченія постановленными условіями.

Напримѣръ, Фонды или билеты государственнаго займа выдаются въ цѣнѣ; политическій вопросъ повидимому занутовывается и долженъ на долгое время поддержать упадокъ курса. Перваго іюня вы продаете, съ вылачею къ концу мѣсяца, 2250 фран. годового дохода 4½% билетами, по 92 франка. Если у васъ нѣтъ продажныхъ билетовъ, то втеченіе мѣсяца вы можете ихъ добыть слѣдующимъ образомъ: 15 числа 4½% билеты улади до 90 франковъ; вы покупаете къ концу мѣсяца 2250 фран. дохода по 90 тогда какъ обязаны отдать ихъ по 92 и такимъ образомъ исполняете обязательство и кладете въ карманъ 1000 франковъ.

Другой примѣръ: Фонды полнмюштаръ; 15 августа вы покупаете къ концу сентября 1500 фран. годового дохода 3% билетами, по 67 франковъ на каждые 3 франка дохода. Въ этотъ промежутокъ времени 3% билеты поднялись до 68. По условіямъ продацомъ, вы все-таки платите только 67, и тутъ же ихъ продаете за 68, т. е. имѣете одновременно барыша по 1 франку съ 3 фран. покупаемаго дохода, или 500 франковъ. По 67 фран. этотъ доходъ стоитъ 33.500 фран., а по 68 онъ уже стоитъ 34.000 франковъ. Надо замѣтить, что у вашего продавца и не было билетовъ на 1500 фран. дохода, и у васъ можетъ быть нѣтъ въ наличности 33.500 франковъ; но это и не нужно. Вся спекуляція дѣлается не затѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ приобрести 1500 фран. годового дохода, а затѣмъ, чтобы выиграть на разности при продажѣ и покупкѣ. Въ этомъ случаѣ вашъ продавецъ 15 августа продавая вамъ къ концу сентября 3% доходъ по 67 фран., нацѣлился и рассчитывалъ, что къ тому времени цѣна 3% будетъ не 67, а не болѣе 66 или 66 фран. 50 сант. Въ первомъ случаѣ онъ выигралъ бы 500 фран., а во второмъ 250. Приходитъ дѣнь расплаты, именно 30 сентября. Курсъ въ этотъ день 68 фран., а вы должны заплатить въ силу условія 15 августа, по 67, т. е. имѣете 34.000 фр. только 33.500 франковъ. У продавца нѣтъ 34.000 фран., чтобы купить билеты, для передачи ихъ вамъ за 33.500 фран.; онъ прямо отдаетъ вамъ 500 фран. своего убытка; а затѣмъ, если вамъ

точно нужно купить билетов 3%, дохода; вы покупаете их у кого угодно за 33.500 фран., а 500 у вас остается из выигранных. Но спекуляторы никогда не действуют на казначейства суммы, а всегда только на равнину.

Маклеръ, записавши ваше условие 15 августа, в некотором образе дружится за его исполнение и тогда вернется беретъ съ васъ все продавецъ залатокъ, могущий покрыть разницу между условною суммою продажи и тѣмъ курсомъ, который имъ его соображенно можетъ быть 30 сентября. И такъ какъ курсъ можетъ быть на одинъ франкъ выше или ниже, то онъ и беретъ съ васъ и съ продавца по 500 фран. залатку; 30 сентября онъ отдастъ вамъ свои 500 фран., и тѣмъ, которые проиграли продавцомъ.

Въ примыслъ сдѣлать потерю можетъ быть очень велика. Такъ вы покупаете къ концу мѣсяца 25 акцій общества полезнаго предмета, по 700 франковъ. Если къ тому времени цѣна будетъ только 670 фран., всестая вы обязаны купить по 700, или залатать продаву по 30 фран. съ каждой акціи разницей, что составляетъ 750 франковъ.

Вся наука спекулятора состоитъ въ томъ, чтобы сѣрво продать въ колебаніи упала и возвышенія курсовъ. Поэтому мной спекуляруеть только на акціи одного общества, другой другой третій только на государственную форму, смотря по тому, у кого тѣмъ есть больше или меньше корысти приобрести или продать въ означенномъ. Поэтому же у чиновниковъ различны акціонерныя и наземныя преданія есть фирмально обязавшись съ тучю въ другую сторону: одно слабо, слаженное истать, можетъ обратиться челоуваа. А во Франція чиновники тоже имѣютъ а семейства, и разнымъ домашніа нужды, и за воспитаніе дѣтей платиты.

Съ арміей сдѣлка обязываетъ одного продавца, а рибку покупателя ограничить.

Примѣръ. Вы покупаете на срокъ 50 акцій северной желѣзной дороги по 1025 фран., изъ коихъ 40 (dont 40). Это значитъ, что вы на всѣ случаи не обязаны приваичивать больше 40 фран. за акцію, а на всѣ — 500 фран. Если въ условный срокъ цѣна акцій упала до 1025 франковъ, то вы купили бы ихъ въ убытокъ, имено по 25 фран. убытку на каждую акцію; но створия, что коихъ 40, ограничиваетъ весь убытокъ только 10 франками на акцію. Если же въ назначенный срокъ цѣна акцій выше условной, напримеръ 1060 фран., то продавецъ не имѣетъ права отказаться отъ представленія акцій, или отъ уплаты 6 фран. разницы на каждую акцію.

Въ этихъ операціяхъ спеціантъ подвергается многочисленнымъ колебаниямъ весьма сложнымъ, и такъ какъ операціи производятся не на капиталы, а на разности, такъ какъ надобно имѣть только небольшой закладъ у маклера, въ нѣсколько тысячъ, и съ него дѣлать дѣла на сотни тысячъ, то понятно, что средній дѣловой оборотъ парижской биржи доходитъ до 214 милліоновъ франковъ.

Иногда спеціантъ, сложивъ биржевой операціи, можетъ получить

на покупку на срочъ 1500 франковъ годового дохода 3%, билетами, по 80 франковъ изъ кои въ 1. Вслѣдствіе зачѣты и ихъ продажу по 80 фр. 70 сантим., весь доходъ 60 сантимовъ. Если къ условному сроку курсъ возвысился, то покупатель премій и въ остатокъ по 70 сантим. съ каждой 3 франка дохода, или 360 фран. Если курсъ упалъ, то покупатель оставляетъ и въ свою премію въ 60 сантим., всего 260 фран.; и в остатокъ продавая 1 франкъ, всего 500 фран.; и остается въ потерю 260 фран. Наконецъ, если курсъ останется тотъ же, или почти тотъ же, напримеръ 80 фран. 5 сантим., то покупатель оставляетъ и въ свою премію въ 60 сантим., что составитъ 260 фран.; а еще и продавъ съ 60 сантим. биржева, при чемъ получитъ еще 25 фр., всего 275 фр., впрочемъ исключая тутъ куртажъ и комиссу маклера. Эта операція предельно простая, премія довольно трудна и требуетъ большого навыка въ биржевомъ дѣлѣ. Начинаящему же надо и привыкаться къ такому сложному операціямъ, въ ней выйдетъ чини лонге и оборотливые люди, которые введутъ новичка въ неисходные разореніе.

Операція на возвышеніи курсовъ иногда дѣлаются зломъ времени, иногда возвышеніе происходитъ не вследствие благонадѣжности своего дѣла, а только вследствие большого увлеченія спекуляціи. Какъ то было объявлено поднянкъ на дѣла отъ Дюпна и отъ Феканъ къ газской желѣзной дорогѣ. 30,000 акцій общества, цѣною въ 16 милліоновъ были проданы и куплены нѣсколько разъ втеченіе одной недѣли. Но изъ этого не слѣдуетъ, что продавцы и покупатели были различнаго мнѣнія о предположенномъ дѣлѣ. Нѣтъ, одинъ и тотъ же впрямъ получалъ и продавалъ въ одну и ту же биржу акціи, которыхъ у него не было, которыхъ вовсе еще не существовало. Продавая и покупая, которыхъ не было въ рукахъ. Дѣло состояло только въ обманѣ и вѣтаній и въ умѣть разности. Многіе продавцы и покупатели не знали дѣла даже по имени, и только шли о дорогѣ изъ Дюпна въ Феканъ, что съ промышленной точки зрѣнія была бы такая же шельфовость, какъ дорога изъ Валлея въ Крестды.

Сверхъ того, курсы возвышаются еще въ некоторыя продолжались

Напримѣръ вотъ какъ распоряжаются, чтобы продать акціи. У меня пять знакомыхъ маклеровъ. Каждому изъ нихъ я дамъ по тысячѣ акцій новаго общества, которое требуетъ поддержки. Общество известно уже изъ многочисленныхъ объявленій и газетныхъ статей. Мои маклеры предлагаютъ публикѣ купить эти акціи на наличные деньги, съ тѣмъ, что въ известный срокъ она имъ вернетъ съ большею или меньшею преміей. Напримѣръ маклеръ предлагаетъ тысячу акцій такой-то желѣзной дороги на провинціальной цѣнѣ 100 франковъ, и въ тоже время предлагаетъ купить ихъ въ концѣ мѣсяца за 110 франковъ, и имъ даетъ 5 премій. Это означаетъ, что ежели маклеръ не захочетъ внести 110 франковъ за акцію, то заплатитъ двадцатидвумя покупателямъ 5 франковъ съ каждой акціи, а сами акціи у него останутся. Такимъ образомъ онъ въ двѣ недели выкажетъ 5 франковъ, а заплаченная 100 франковъ акція останется у него, за 95. Онъ можетъ возобновлять ту же самую операцію всякаждый двѣ недели, безконечно, рассчитывая всага получить премію, а что можетъ случиться худшаго, такъ это то, что въ случаѣ возвышенія курса, акціи у него возьмутъ, но въ такомъ случаѣ заплатятъ. Ктому же всякій купившій акціи по провинціальной цѣнѣ имѣетъ нужду ихъ продать какъ можно выгоды ради, поэтому какъ каждая акція принадлежитъ новому обществу, такъ что продажа акцій въ самомъ дѣлѣ начинается немедленно. Тогда-то и придетъ очередь членовъ всего провинціальныхъ, которымъ имѣетъ по-близости отчитаться, что новое общество идетъ въ гору, и покупаютъ поименно акціи съ надбавкой, только бы какъ-нибудь замянуть отъ себя будущимъ золотымъ рудникомъ.

Но такъ *радуваются* новымъ предпріятіямъ только каміе-нибудь спекуляторы-пролетаріи. А тузы, люди, которые считаются въ миллионахъ, поступаютъ совсѣмъ иначе. Они соединяютъ въ своей особѣ изворотливость Фигаро съ богатствами Шейлока; въ нихъ расчарованіи, при помощи силъ и денегъ, множество тайнъ, неизвѣстныхъ спекуляторамъ мелкой руки; сверхъ того у нихъ главнее орудіе спекуляціи — деньги, и наконецъ нельзя же отрицать, что у нѣкоторыхъ Шейлоковъ есть настоящій каміе барыша и азкивы. Шейлокъ обыкновенно составляетъ собѣ костюмъ изъ шитого, во время какихъ-нибудь общественныхъ несчастій, войны, голода и т. п. Онъ естественный покровитель всего, что представляется большіи барыши; онъ подрячаетъ громадныя работы, подрячаетъ займы, или откупчикъ. Его дѣло не трудно, потому что подѣ монета, какъ говорится, вся вода все-таки стекаетъ въ рѣку. Если онъ спекулируетъ на товары, то лишь отъ нечего дѣлать, покупая цѣлые голо-

вые запасы. Когда мѣдъ онъ покупаетъ, то покупаетъ всю, и такъ какъ промышленность безъ мѣди обойтись не можетъ, то онъ и беретъ себѣ при продажѣ 50%; если онъ покупаетъ лѣнъ, то полавай ему весь лѣнъ, какъ Ноздреву всего барана.

Правительство объявляетъ заемъ въ 3% и вызываетъ капиталистовъ. Шейлокъ является и беретъ заемъ на себя, по 75 франковъ 25 сант. Въ тотъ же день 3% заемъ возвысится до 77. Онъ продаетъ спекуляторамъ свою привилегію внести деньги займа, и не выдавая изъ своей кассы ничего, кромѣ залога, на который получаютъ еще проценты, въ нѣсколько часовъ наживаетъ какихъ-нибудь 15 милліоновъ.

Мелкіе спекуляторы изощряютъ всячески свое чутье, чтобы пронюхать гдѣ бы то ни было признаки такого или другого оборота дѣла. Къ худшему или къ лучшему пойдетъ дѣло, для нихъ все равно; вся цѣль состоитъ въ какомъ-нибудь основаніи для спекуляціи. Но вотъ на биржѣ сошлось нѣсколько тузовъ и разговариваютъ о чемъ-то вполголоса. — Есть новости! думаетъ мелочь; и каждый ищетъ тайну и старается въ нее проникнуть. Но тайна сказана не совсѣмъ тихо; и вотъ каждый изъ мелкихъ считаетъ себя единственнымъ обладателемъ важной новости. Человѣкъ двѣсти или триста угадали дѣло и дѣйствуютъ въ этомъ направленіи каждый за себя; а потомъ, когда замѣчаютъ общее направленіе въ ту же сторону, дѣйствуютъ рѣшительнѣе. А дѣло очень просто: Шейлоку и Фигаро нужно было произвестъ возвышеніе или упадокъ курсовъ, а мелюзга прямо сама залѣзла въ ловушку, да еще лѣзла съ удовольствіемъ. Въ концѣ мѣсяца они заплатятъ тузамъ.

Поговариваютъ о слитіи двухъ компаній, объ увеличеніи ихъ правъ. — Прекрасно! акціи должны подняться: надо покупать; но положимъ болѣе точныхъ извѣстій. — Однажды возвышеніе становится очень яснымъ; теперь пора покупать: признакъ слишкомъ ясный, ясно, что слитіе достоверно. И акціи покупаются, покупаются и цѣна возрастаетъ. Наконецъ великій день наступаетъ, слитіе подписано. Пора продавать. Но цѣна тутъ же падаетъ, потомъ опять падаетъ... Что же это такое? А того бѣдняки и не догадались, что дѣло было уже покончено и настоящіе, вѣрные барыши разложены по карманамъ, когда они рѣшились спекулировать.

Первая политическая мистификація, памятная въ лѣтописяхъ лондонской биржи, была въ царствованіе королевы Анны. Въ одно прекрасное утро показался на королевской большой дорогѣ хорошо

одѣтый всадникъ: онъ мчался во весь опоръ, всѣ заставы передъ нимъ открывались, и онъ кричалъ во все горло, что королева скончалась. Эта вѣсть разошлась по Лондону съ немовѣрною быстротою, и фонды на биржѣ упали такъ же быстро. Кто приготовилъ эту вѣсть, тотъ конечно воспользовался ею и нажилъ миліоны. — На лондонской биржѣ ни одно ложное извѣстіе не было такъ часто распространяемо, и ни одно не бывало принимаемо съ такою радостью, какъ извѣстіе о смерти Наполеона. При этомъ фонды поднимались съ баснословною скоростью, и сочинители *утокъ* наживались. Одинъ разъ даже эта новость была сообщена лорду Гранвилью въ видѣ настоящей, официальной депеши, такъ что всѣ были обмануты, кромѣ самихъ сочинителей.

Но биржевые тузы обыкновенно имѣютъ небольшой кругъ, которому покровительствуютъ. Какъ же не предупредить своего лакея, своего повара, своихъ любовницъ, своего доктора, своего швейцара, своего журналиста, когда наступаетъ благопріятная минута? Все это проданный народъ, котораго усердіе надо поддерживать, который бываетъ полезенъ своею болтовней, особливо свой, домашній журналистъ-газетчикъ. Въ биржевомъ календарѣ на 1857 напечатанъ наивный примѣръ этого: «Лишь послѣ смерти г. Лафонта, и то только благодаря благородной нескромности одного изъ тѣхъ, которые были ему обязаны, оказалось сколькимъ несчастнымъ онъ помогалъ, невѣдомо, тайно, такъ что правая рука его не знала, что творить лѣвая». Г. Миресъ идетъ теперь совершенно по его стопамъ. Какъ многіе писатели были пріятно удивлены, получая по почтѣ такого рода богатые новости: «Милостивый государь, имѣю честь васъ увѣдомить, что я записалъ на ваше имя... акцій въ обществѣ... желѣзной дороги, и теперь продалъ ихъ по вашему порученію. Поэтому прошу васъ пожаловать въ мою кассу для полученія причитающихся на мою долю... франковъ.» Весьма многія черты такого хорошаго тона обезпечили г. Миресу *столько преданныхъ друзей въ печати*, что ихъ благодарность *налагаетъ молчаніе на возгласы зависти.*»

Читая такое милое признаніе въ подкупѣ журналистовъ, не знаешь чему удивляться: безсовѣстности ли автора, который рассказываетъ дѣло безъ сарказма, низости ли Шейлока, или глупости акціонеровъ, которые продолжали довѣрять Миресу, восхваляемому журналистами.

Такимъ образомъ ясно, что биржевая игра непохожа на обыкновенную, гдѣ всякій игрокъ зависитъ только отъ случая и отъ своей собственной оцѣнки обстоятельствъ. Знаменитый адвокатъ

Бере говорить, что здѣсь есть люди, которые заглядываютъ въ карты, что тутъ играютъ въ поддѣланныя кости, и плуты не считаются за мошенниковъ. Здѣсь каждый день совершаются вещи, достойныя строжайшаго суда, а между тѣмъ нѣтъ возможности провести черту между плутовствомъ и дозволенною закономъ спекуляціей. Собственно игра, какъ она ни безнравственна, составляетъ еще наименьшую язву биржи. Очень часто высокопоставленныя лица спекулируютъ на государственныя тайны.

Извѣстный князь Таллейранъ очень хорошо понималъ трудность биржевой игры и невозможность выиграть, когда играешь для игры. Когда онъ дѣлалъ операцію, то онъ хотѣлъ, чтобы она была вѣрная. Онъ принимался за эту игру не иначе, какъ вооруженный ложною тайной или имѣя въ виду событіе, котораго другіе предвидѣть не могли. Ктому же онъ былъ очень недовѣрчивъ. Однажды онъ, зная о скоромъ вооруженномъ вмѣшательствѣ Франціи въ дѣла Испаніи, приказалъ продать 600,000 франковъ годоваго дохода по хорошей цѣнѣ, какая тогда стояла. Маклеръ князя выразилъ по этому случаю свое безпокойство, такъ какъ курсъ имѣлъ твердое направленіе къ повышенію. Но князь велѣлъ все-таки продать, потому что онъ предвидѣлъ войну, которая должна была всвѣхнуть на днѣхъ. Биржа всегда войны боится. Но на этотъ разъ, въ одно время съ объявленіемъ о движеніи войскъ сдѣлалось извѣстнымъ, что всѣ иностранныя державы исполнѣ согласны на вмѣшательство Франціи. Биржа ничуть не испугалась, и государственныя бумаги продолжали возвышаться въ цѣнѣ, такъ что продажа 600,000 фран. годоваго дохода дала чистаго одновременнаго убытка 100,000 франковъ. Маклеръ представилъ князю счетъ всей операціи; князь принялъ его очень милостиво, заплатилъ деньги и сказалъ: «Что же дѣлать? въ другой разъ постараемся быть счастливѣе.»

Когда палъ Севастополь, засыпанный дождемъ бомбъ, французское правительство, нетерпѣливо желавшее объявить публикѣ объ успѣхѣ, немедленно приказало прилѣпить объявленіе объ этомъ на биржѣ. Между спекуляторами это возбудило всеобщій крикъ удивленія передъ безкорыстіемъ императора и его министровъ, потому что они такъ скоро объявили о событіи, изъ котораго могли бы извлечь колоссальныя выгоды, если бы только обнародовали его нѣсколькими часами позже. Это удивленіе было вовсе не ироническое, а совершенно наивное: оно показываетъ мѣру честности удивляющихся, и то, что они сдѣлали бы сами, если бы имѣли власть.

Но не всякому дано быть министромъ , и потому спекуляторы придумали себѣ такія выгодныя комбинаціи , что люди , стоящіе во главѣ ихъ , могутъ получать такія же выгоды , какъ и въ званіи высоко стоящаго чиновника и въ тоже время безнравственнаго чело-вѣка. Когда Шейлокъ вступаетъ въ стачку съ Фигаро , они дѣлаютъ иной разъ чудеса.

Берье , въ одной изъ своихъ рѣчей , говоритъ : « общество кредита на движимости есть величайшій игорный домъ , какой только существовалъ на свѣтѣ . Не слѣдуетъ только загоразивать дѣло пустыми словами . А есть слова великолѣпныя : покровительство промышленности , освобожденіе государственнаго кредита , развитіе частнаго кредита , подкрѣпленіе промышленныхъ цѣнностей . Это все мечта , это только снаружи : они только дали игръ новое имя и зовутъ ее промышленностью кредита . Общество кредита на движимости давно объявляло , что для его громадныхъ операцій недоста-точно капитала въ 60 миліоновъ . Изумительный успѣхъ его , достигнутой средствами , которыхъ разбирать теперь не станемъ , требовавъ увеличенія капитала . Въ августѣ 1855 начинаютъ объявлять что дивидендъ за тотъ годъ будетъ не менѣе 200 фран . на каждую акцію въ 500 фран . Газеты приходятъ въ восторгъ отъ кредита на движимости . Между прочимъ , журналъ желѣзныхъ дорогъ , г . Миреса , объявилъ , что въ этомъ обществѣ есть предположеніе удвоить капиталъ общества посредствомъ выдачи , по нарицательной цѣнѣ , одной новой акціи предъявителю каждой старой . Другія газеты утверждали , что это только пустые слухи , распространяемые безумною спекуляціею . Дѣло было подстроено очень ловко , чтобы слухъ прошолъ сначала сомнительно , потомъ съ нѣскольکو большею достовѣрностью , потомъ еще вѣрнѣе . Наконецъ 1 сентября объявляютъ положительно , что общество увеличиваетъ свой капиталъ выпускомъ облигацій въ 280 фран . , изъ которыхъ 200 фран . вносятся при подпискѣ , а 80 фран . 1 марта 1856 ; при этомъ вмѣсто полученія дивиденда , можно будетъ получить прямо облигацію , ста-ло-быть дивидендъ прямо обозначенъ въ 200 фран . За 200 фран . ежегоднаго дохода нетрудно заплатить 1200 фран . , даже 1500 фран . Сентября 8 Мониторъ объявляетъ тоже самое о выпускѣ облигацій ; правительственной газетѣ нельзя не вѣрить , и акціи поднялись до 1600 франковъ , и даже начали продаваться дороже . Вдругъ 28 сентября объявляютъ , что общество кредита на движимости , чтобы войти въ виды правительства , не будетъ выпускать новыхъ облигацій . Произошло ужаснѣйшее побоище . Акціи съ 1655 франковъ упали на 1100... «и степь убитыми покрылась , какъ тучей черной саран-

чи.» Спекуляторы одного провинціального городка Нанси потеряли въ этой наглой продѣлкѣ до десяти миліоновъ. Всѣхъ акцій было выпущено 120,000; возвышеніе и упадокъ курса въ сентябрь 1855, на 555 франковъ, составило для послѣднихъ покупателей большой убытокъ. Если 20,000 акцій оставались въ рукахъ прежнихъ покупателей, то въ оборотахъ было ихъ до ста тысячъ, что составляетъ при паденіи курса убытокъ на всѣхъ въ 55 съ половиною миліоновъ. Если изъ этой суммы десятая или осьмая доля употреблена была на ложныя объявленія въ Мониторѣ и проч. газетахъ, на поддержаніе золотыхъ слуховъ, то все-таки директоры и тѣ, которые знали секретъ воспользовались порядочною суммой въ 50 миліоновъ. Ясно, что это не игра, что это должно называться иначе.

Во Франціи вся забота основателей новаго общества на акціяхъ состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно бойчѣе пустить дѣло въ ходъ. Для этой цѣли большая часть акцій оставляется основателями въ свою пользу, съ предполагаемымъ, конечно, взносомъ денегъ. Выдаютъ они подписчикамъ столько акцій, сколько нужно для того, чтобы ознакомить съ ними биржу. Сначала газеты выхваляютъ предпріятіе выше облаковъ. Когда начинается подписка, является столько желающихъ, что можно было бы раздать акцій впятеро больше, чѣмъ предположено, и чѣмъ больше лишнихъ подписчиковъ, тѣмъ лучше. Затѣмъ основатели отдѣляютъ себѣ назначенное уставомъ количество акцій, а остальные распределяютъ между подписчиками, такъ что кто требовалъ двѣсти, получаетъ только двадцать акцій, или меньше, что производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Съ своей стороны подписчики всегда бываютъ соучастниками той продѣлки, которая съ ними разыгрывается: они спрашиваютъ гораздо больше акцій, нежели сколько въ самомъ дѣлѣ хотятъ получить; но чтобы получить столько, сколько хотятъ, они преувеличиваютъ спросъ; это и даетъ возможность объявить вполне справедливо, что выдается одна акція на десять, на двадцать требованій. Поэтому покупатели опять ищутъ акцій. Тогда основатели пишутъ къ подписчикамъ письма, въ которыхъ объявляется число приходящихся на долю каждаго акцій. Эти письма называются *объщаніями*. Тотчасъ же *объщанія* дѣлаются предметомъ сдѣлокъ. Ихъ продаютъ, ихъ покупаютъ, счастливый владѣлецъ *объщанія* уступаетъ съ хорошимъ барышомъ свой лоскутъ бумаги, а счастливый покупатель становится на его мѣсто, т. е. получаетъ право вносить за акцію всѣ положенные и добавочные платежи. Между тѣмъ ловкіе основатели поддерживаютъ цѣну своевременною покупкою нѣкоторыхъ изъ *объщаній*; отъ этого цѣна ихъ еще возрастаетъ. На-

конецъ выпускаются и самыя акціи, и показываются на биржѣ; оильть-таки своевременная покупка и продажа этихъ акцій основателями поднимаетъ цѣну ихъ до баснословной высоты. Тогда основатели продаютъ оставленныя въ свою пользу акціи по высокой цѣнѣ, небольшими партіями, а между тѣмъ все-таки понемногу покупаютъ ихъ, только для поддержанія цѣны, и то не за валютныя деньги, а *на срокъ съ преміей*, предоставляя премію продавцу, причемъ прилагается много старанія, чтобы выхвалять предпріятіе и общать за него золотыя горы. Потомъ, когда акціи основателей сбыты, дѣлю предоставляется своему естественному ходу, а между тѣмъ акулы кидаются на новую добычу.

Надо замѣтить, что это дѣлается не въ одной Франціи. Англія, страна свободныхъ учрежденій, далеко не свободна отъ акціонерныхъ продѣлокъ. Вотъ что читаемъ въ Эдинбургскомъ Обзорѣнн, одномъ изъ лучшихъ Обзорѣнн въ Англіи: «Масса публики, которая въ газетахъ не читаетъ отчетовъ акціонерныхъ обществъ, и даже старается ихъ не читать, воображаетъ, будто тѣ безчестные поступки, которые доходятъ иногда до ея свѣденія, составляютъ рѣдкія исключенія, принадлежащія къ сумасброднымъ спекуляціямъ, которыя проходятъ, какъ всякій другой кризисъ. Публика не хочетъ думать, чтобы крупныя капиталисты и вліятельныя лица, управляющія дѣлами компаній, были способны обогащаться косвенно насчетъ своихъ довѣрителей. Простодушные люди должны были бы весьма скоро разубѣдиться, еслибы узнали закулисныя тайны разныхъ обществъ. Они узнали бы, какъ еще недавно директоры раздѣлили между собою 15,000 новыхъ акцій, которыя продавались тогда съ преміей; какъ она употребили общественныя деньги на первоначальный взносъ по этимъ акціямъ, и какъ одинъ изъ нихъ почерпнулъ такимъ образомъ до 80,000 фунт. стерл. Они узнали бы, что въ другомъ обществѣ полмиліона фунт. стерл. было записано на небывалыя, воображаемыя имена, какъ во многихъ обществахъ директоры выкупали въ пользу общества свои собственныя акціи, платя себѣ деньгами акціонеровъ. Они узнали бы, что директоры, во время высокаго курса денегъ, занимаютъ изъ текущаго расхода обществъ деньги по низшему курсу; что другіе платятъ себѣ жалованье выше назначеннаго, маскируя излишекъ въ темномъ углу *большой книги* подъ глухимъ названіемъ *разныхъ мелкихъ расходовъ*. Они нашли бы, что въ вѣкоторыхъ случаяхъ разныя спорныя мѣры приняты были общимъ собраніемъ на основаніи не-правильнаго изложенія дѣла, что директоры компаній проводятъ вѣкоторыя рѣшенія при помощи акцій, записанныхъ на имя раз-

ныхъ начальниковъ станцій и кондукторовъ, или по довѣренности дѣтей секретаря, которыя не учились еще писать, и проч. и проч.»

Биржевая спекуляція возведена въ перлъ созданія устройствомъ общества кредита на движимости. Когда это общество только-еще основывалось, публика спрашивала, что это такое? для чего оно? чего оно хочетъ? Собственно говоря, ростовщики тоже дѣлаютъ кредитъ на движимости или на такъ называемые ручные залогн; но основатели, конечно, не того хотятъ. Предсказанія были самыя противорѣчивыя. Говорили: «Это учрежденіе высокой важности! — Оно стоить вниманія по писанамъ основателей. — Оно скоро обанкрутится. — Оно составитъ эпоху въ исторіи промышленности. — Это военная машина въ рукахъ основателей. — Барышни директорамъ, убытки акціонерамъ...»

Не смотря на такое разногласіе, *объщанія* акцій покупались съ большими преміями. Съ 500 франковъ, изъ которыхъ было уплачено 200, цѣна *общаній* доходила до 1800 фр. Это потому, что во главѣ новаго общества стояли гг. Эмиль Перейра, Исаакъ Перейра, Бенедиктъ Фульдъ, Аюльфъ Эйхталь, Эрнестъ Андрѣ, баронъ Селлеръ, Гейнрихъ де Ноаль, герцогъ Муши, герцогъ Рафаэль Галлиера, Хозэ-Луисъ де Абароа и другіе. Общество учреждено на 99 лѣтъ съ 18 ноября 1852. Капиталъ общества 60 миліоновъ франковъ, раздѣленный на 120,000 акцій, по 500 фр. каждая. Операцин общества будутъ состоять: 1) Въ покупкѣ публичныхъ бумагъ, акцій и облигацій различныхъ промышленныхъ и кредитныхъ предпріятій на акціяхъ, именпо предпріятій желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, рудниковъ и друг., уже основанныхъ, или имѣющихъ основаться. 2) Въ выпускъ своихъ собственныхъ облигацій на сумму, равную той, которая употреблена будетъ на покупку акцій другихъ обществъ. 3) Въ продажѣ всевозможныхъ купленныхъ бумагъ, акцій и облигацій и въ обмѣнѣ ихъ на другія бумаги. 4) Въ принятіи на себя государственныхъ займовъ и въ уступкѣ ихъ, также какъ и въ разныхъ публичныхъ работахъ. 5) Въ дачѣ денегъ подъ залогъ акцій и облигацій, въ открытіи кредитовъ, текущими счетами, подъ залогъ такихъ бумагъ. 6) Въ полученіи суммъ для текущихъ счетовъ. 7) Въ совершеніи выдачъ на счетъ вышеозначенныхъ компаній, въ уплатѣ ихъ процентныхъ или дивидендныхъ купоновъ и проч. 8) Въ содержаніи кассы склада бумагъ этихъ предпріятій. — Послѣ окончательнаго выпуска общественнаго фонда, облигація общества могутъ простираться до суммы, въ десять разъ превышающей капиталъ. То-есть съ 60 миліонами капитала, общество можетъ выпустить облигацій на 600 миліоновъ; и эти облигація обезпечены

различными купленными акціями цѣною на 60 милліоновъ. Но при малѣйшемъ вниманіи, всякій видитъ, что это не обезпеченіе.

Акціи куплено на 60 мил.; положимъ, что всѣ онѣ исправно хранятся. Но если курсъ ихъ падаетъ, то обезпеченіе уже не полно, если только можно назвать полнымъ обезпеченіемъ десятую долю выпущенныхъ бумагъ. Въ коммерческихъ банкахъ — совсѣмъ другое. Въ торговыхъ колебаніяхъ, цѣна товара можетъ измѣняться, но если принять вексель въ такую-то сумму, то онъ достаточно обезпечиваетъ банкъ, потому что именно такой суммы стоитъ. Предметы торговли измѣняются въ цѣнѣ, но это не имѣетъ вліянія на цѣну принятаго въ уплатѣ векселя: тутъ упадокъ цѣны невозможенъ. Должникъ всѣмъ своимъ достояніемъ и личностью отвѣчаетъ за свой вексель, и въ случаѣ неуплаты, взысканіе происходитъ весьма скоро. Но общество кредита на движимости покупать бумаги на свой рискъ; бумаги становятся его собственностью. Какъ только оно получило бумаги и выдало за нихъ или свои деньги, или свои облигаціи, то продавецъ ни за что не отвѣчаетъ. Упадокъ цѣны — убытокъ общества, возвышеніе цѣны — прибыль того же общества. Стало-быть, въ минуту упадка цѣны, бумаги на 60 милліоновъ уже не обезпечиваютъ его облигацій или долга въ 60 милліоновъ. Такъ какъ его капиталъ составляетъ только десятую долю его займовъ, то съ упадкомъ цѣны различныхъ бумагъ только на одну десятую, уничтожается все, что имѣетъ общество. Но что за бѣда! Покамѣстъ, да здравствуетъ биржа, да здравствуетъ кредитъ на движимости, потому что теперь ни одно акціонерное предпріятіе невозможно безъ этого общества, безъ покровительства Э. Перейры, И. Перейры, Б. Фульда, А. Эйхталя и прочихъ директоровъ.— Не смотря однакоже на великое умѣнье этихъ господъ вести дѣла, акціи ихъ общества подвержены огромнымъ колебаніямъ. Очень часто отъ одной биржи до другой курсъ измѣняется на 25 и на 30 франковъ. Сначала акціи стояли на 1785 фр.; въ 1853 году онѣ держались между 640 и 960; въ 1854 низшая ихъ цѣна была 430 фр.; въ 1855 году онѣ доходили до 1650 фр.; въ 1856 до 1800 фр.; а теперь, 25 іюля (нов. ст.) цѣна только 667 фр. 50 сант. Но это потому, что финансовыя тузы, по случаю лѣтняго времени отдыхаютъ на водахъ и на морскихъ купаньяхъ; осенью цѣна ихъ акцій опять поднимется. Общество кредита на движимости — величайшее воплощеніе духа игры, духа растрепаной, запыхавшейся, лихорадочной спекуляціи. Къ несчастію для любознательнаго читателя, это общество ничего не объявляетъ о своихъ оборотахъ и дѣяніяхъ, а выдаетъ только акціонерамъ хорошій дивидендъ. А любопытно было-бы

прослѣдить хоть одинъ годъ этого колоссальнаго пиршества ажіотажъ и спекуляція. Дивидендъ за 1855 годъ былъ 203 фр. 70 сант. на акцію; всѣхъ же акцій 120,000, стало-быть всего продано 24.444,000 франковъ. Считая съ отложенными въ резервный капиталъ, въ вознагражденіе за труды директорамъ и проч., выйдетъ валового дохода до 32 миліоновъ франковъ. Прекрасно; почему же не заработать такой суммы, или хотя-бы въ десятеро большей? Но какимъ же трудомъ? за что? Кто и за что заплатилъ эти 32 миліона? Заплатили ни за что ни про что обыгранные спекуляторы, и ежели общій оборотъ общества кредита на движимости принесъ промышленности нѣкоторую пользу, за то же онъ заставилъ промышленниковъ хорошо за это заплатить, такъ что нельзя назвать его дѣятельность слишкомъ безкорыстною.

Миресъ, плѣненный роскошными дѣяніями общества кредита на движимости, основалъ общество въ подражаніе этому, подъ названіемъ: *Главная касса желѣзныхъ дорогъ*. Капиталъ общества 50 миліоновъ франковъ. Это, безъ десяти мил., равняется обществу кредита на движимости, съ тою только разницею, что общество Миреса не получило права выпускать облигацій болѣе своего основнаго капитала. Почему же это такъ? Протекція такой не было, а въ этомъ случаѣ протекція — великое дѣло. Такимъ образомъ Миресъ, съ своимъ обществомъ, оказался на биржѣ въ шесть или въ семь разъ слабѣе своихъ противниковъ, Э. Перейры, И. Перейры, Б. Фульда, А. Эйхтала и проч. Вся вина его состоитъ теперь въ томъ, что онъ не выдержалъ могучей конкуренціи.

Миреса потребовали въ судъ за такія вещи, которыя позволяютъ себѣ всякій директоръ большаго общества, въ Парижѣ, и потому онъ привялъ за большою скандалъ всѣ обвиненія, на него взведенныя. Онъ сильно горячился во время суда, во время допроса свидѣтелей, и нѣсколько разъ восклицалъ, что если бы его судили не судьи, а дѣловые люди (вѣроятно, онъ разумѣлъ здѣсь дѣловыхъ людей биржевыхъ), то они нашли бы всѣ его продѣлки очень естественными. Напримѣръ, открыто и доказано, что онъ давалъ подѣ разными акціи, займы, деньги, и — имѣлъ на это право; но не имѣлъ онъ права продавать заложенныя у него акціи, именно въ такое время, когда цѣна на нихъ была высока, а потомъ, во время сильнаго упадка курсовъ, объявлять, что проданы заложенныя акціи, для пользы самого владѣльца, проданы будто бы ниже того, сколько подѣ нихъ дано было денегъ, и потому съ бывшаго владѣльца требовался еще дополнительный взносъ. Такимъ образомъ казенныхъ было очень много: при капиталѣ въ 50 миліоновъ можно было дѣ-

дать большія дѣла. Такимъ образомъ наприѣръ иѣкто г. Аліу внесъ въ кассу желѣзныхъ дорогъ сто акцій австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и получилъ подъ залогъ ихъ 40.000 франковъ. Акціи его были проданы за 59.000 франковъ, и вмѣсто того чтобы доплатить ему разницу, Миресъ дождался упадка акцій во время австрійско-сардинско-французской войны, и объявилъ г. Аліу, будто онъ, опасаясь еще ббльшаго упадка курсовъ, продалъ его акціи, для его же выгоды, за 36.000 франковъ, такъ что съ него надо получить еще 4 тысячи. Такихъ продѣлокъ было множество. Многіе, казенные такимъ же образомъ, какъ г. Аліу, приходили къ Миресу за объясненіями, но онъ чаще всего выпроваживалъ ихъ съ крайнею грубостью, а если, случалось, нападать на человѣка неробкаго десятка, который стращаль его огласкою подвиговъ его въ газетахъ, то Миресъ стращаль его самого угрозами суда, такъ какъ законъ не позволяетъ порочить имя торговаго дома. Людей небогатыхъ, которыя являлись съ одною, съ двумя, съ пятью акціями, казнили точно также немилосердо, и когда они приходили потомъ требовать назадъ своихъ денегъ, — выпроваживали посредствомъ ливрейныхъ лакеевъ.

Въ этомъ грязномъ процессѣ обнаружилось, что Миресъ и товарищъ его Соларъ виновны въ составленіи фальшивыхъ инвентарей, въ раздачѣ мнимыхъ дивидендовъ, въ мошенничествѣ (*escroquerie*) и въ расхищеніи 9.151.750 франковъ, довѣренныхъ ему различными корреспондентами. И все это дѣлалось конечно не въ пользу акціонеровъ, а такимъ образомъ, что самыя выгодныя операціи, сдѣланныя на бумаги вкладчиковъ, Миресъ относилъ на свой личный, собственный счетъ, а наименѣе выгодныя — на счетъ общества. Открыто, что онъ, постоянно дѣйствуя дружно съ своимъ товарищемъ Соларомъ, взялъ однажды изъ кассы общества 21.000 акцій, продалъ ихъ на биржѣ при высокомъ курсѣ, потомъ купилъ опять при низкомъ курсѣ и возвратилъ назадъ въ кассу, живя при этомъ около двухъ миліоновъ. Открыто и доказано было еще множество неправильностей, и между прочимъ, что члены совѣта управленія не довольно внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ и не повѣряли книгъ и инвентарей. Миресъ и Соларъ приговорены каждый къ пятилѣтнему тюремному заключенію и къ уплатѣ 3.000 франковъ штрафа. Предсѣдатель совѣта управленія графъ Симеонъ, который зналъ иѣсколько мошенничествъ и не принялъ никакихъ мѣръ для ихъ прекращенія, приговоренъ, вмѣстѣ съ Миресомъ и Соларомъ, къ вознагражденію всѣхъ потерпѣвшихъ убытки, и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Замѣтить надо, что многіе такъ называемые дѣловые люди на биржѣ смотрѣли на процессъ Миреса довольно косо; были недовольны тѣмъ, что публично оглашены такія биржевыя продѣлки, которыя должны бы были быть неизвѣстны довѣрчивымъ акціонерамъ, на счетъ которыхъ процвѣтаетъ спекуляція.

Послѣдній, только-что состоявшійся заемъ въ Парижѣ, или выпускъ облигацій, еще разъ показалъ, какъ публика жаждетъ спекуляцій. Выпускается только 300.000 облигацій, а подписчиковъ явилось на 4,695,413 облигацій, въ 15½ разъ болѣе, нежели нужно. Болѣе двухъ третей этой суммы, именно 2,971,775 облигацій, записано на такія лица, которыя требуютъ 1001 и болѣе облигацій. Эти лица, конечно, подписывались на возможно большія числа, чтобы при раздѣлѣ получить побольше. Бумаги еще не выпущены, а спекуляція уже завладѣла ими, и квитанціи на взносъ денегъ продаются выше своей цѣны. Въ другой разъ мы возвратимся къ итогам финансовыхъ операцій и къ сравнительному разбору прогрессіи государственныхъ долговъ съ прогрессією налагаемыхъ на будущія времена уплатъ и еще съ прогрессією государственныхъ доходовъ, и увидимъ, что эти три прогрессіи возрастаютъ непропорціонально одна къ другой, такъ что внуки наши, если займы будутъ продолжать возрастать попрежнему, доживутъ до разорительныхъ ликвидацій.

Величайшій изъ современныхъ двигателей, деньги, породилъ еще нѣсколько судебныхъ разбирательствъ, и между прочимъ одинъ постыднѣйшій процессъ, который теперь еще не кончился. Это процессъ барона Видиля. Этотъ достопочтенный баронъ, французъ, жилъ постоянно въ Англіи, женатъ былъ на англичанкѣ, жилъ роскошно, былъ членомъ жокей-клуба, давалъ обѣды, держалъ на скачкахъ большіе пари, бывалъ у всѣхъ членовъ орлеанской фамиліи, живущихъ въ Англіи, и слылъ за богача. Жена его давно умерла, оставивъ малолѣтняго, слабого здоровьемъ сына, и большое состояніе, которое должно было перейти къ сыну. Опекуномъ остался конечно отецъ, который долженъ былъ наследовать сыну, въ случаѣ смерти ребенка. Но на зло отцу, ребенокъ остался живъ, и достигъ совершеннолѣтія. Наступила пора, когда барону пришлось отдавать сыну отчетъ въ принадлежащемъ ему материнскомъ состояніи. Однажды отецъ приглашалъ сына прокатиться верхомъ, заѣхать къ одному изъ орлеанскихъ принцевъ, и вообще насладиться хорошею лѣтнею погодой. Поѣхали. Дорогой у отца разболѣлась голова, однако прогулка шла благополучно. Потомъ сынъ сталъ замѣчать, что отецъ, противъ своего обыкновенія, все пробирается

темными и узкими тропинками парка. Послѣ одного изъ поворотовъ, когда сынъ ѣхалъ нѣсколько впереди отца, почувствовалъ онъ вдругъ жестокой ударъ по головѣ чѣмъ-то тяжелымъ, затѣмъ другой ударъ, который совершенно лишилъ его чувствъ. Молодой человекъ въ изнеможеніи припалъ на шею лошади, которая рванула впередъ и вынесла его изъ опасности. Въ 70 шагахъ отъ сцены убійства, лошадь остановилась передъ какими-то двумя прохожими, которыхъ присутствіе и спасло сына отъ корыстолюбивой кровожадности отца. Прохожіе видѣли, какъ отецъ старался убить сына, и донесли молодого человека, потерявшаго сознание, до ближайшей гостиницы. Въ тотъ же день вечеромъ баронъ Видаль былъ въ своемъ клубѣ, былъ очень веселъ, разговорчивъ; на другой день его тоже видѣли въ разныхъ мѣстахъ; дѣло между тѣмъ поступило въ судъ, а баронъ уѣхалъ въ Парижъ. Тотчасъ же вслѣдъ за нимъ отправленъ былъ агентъ, и дипломатическая нота, адресованная тюльерійскому кабинету, требовала выдачи преступника. Завязалась переписка, возникъ вопросъ. Между Франціею и Англіею существуетъ договоръ, обязывающій обѣ страны взаимно выдавать преступниковъ неполитическихъ; но договоромъ не было предусмотрено такого рода обстоятельство, чтобы пришлось выдать француза, совершившаго преступленіе въ Англіи, для суда надъ нимъ въ той странѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ преступленіе. Однако баронъ, на всякій случай, былъ въ Парижѣ арестованъ. Когда онъ увидѣлъ, что переговоры клонятся къ его выдачѣ, онъ съ замѣчательною храбростью объявилъ, что самъ поѣдетъ въ Англію, будучи вполне увѣренъ, что ему весьма легко будетъ оправдаться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уѣхалъ, но не одинъ, а въ сопровожденіи полицейскихъ, и въ Лондонѣ посаженъ въ тюрьму. Тогда потребовали къ новому допросу сына, который между тѣмъ выздоровѣлъ. Онъ объявилъ, что въ первый разъ, дѣйствительно, сдѣлалъ показанія противъ своего отца, потомучто хотѣлъ обезопасить свою жизнь отъ новыхъ покушеній; но тогда онъ не зналъ, что дѣло приметъ такой грозный оборотъ. А теперь онъ не рѣшится быть обвинителемъ своего отца, ни за что не рѣшится, и хотя не знаетъ, что съ нимъ сдѣлаютъ въ такомъ случаѣ, но свидѣтельствовать противъ своего отца не станетъ. «Если вы будете настаивать, чтобы я говорилъ — прибавилъ онъ — то я буду въ ужасномъ положеніи. Вы не все знаете. Мнѣ говорили, что отецъ мой на меня жаловался, меня обвинялъ. Если онъ скажетъ что-нибудь противъ меня, я буду вынужденъ все сказать. Пусть онъ знаетъ, что ежели онъ будетъ упорствовать, то я поневолѣ расскажу все.»

Ясно, что тутъ сыноубійство изъ-за денегъ. Но сынъ отказался преслѣдовать судомъ своего отца; поэтому обязанность преслѣдованія прямо переходитъ на правительство. «Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!»

Между тѣмъ въ Парижѣ носятя разные денежно-зловѣщія слухи, такъ что они отзываются даже на лондонской биржѣ. И тамъ дѣла вло дѣлаются; и туда дошолъ слухъ о скоромъ судебномъ преслѣдованіи общества кредита на движимости, о преслѣдованіи одного марсельскаго банкира. Говорятъ еще, что одно важное лицо не увернется отъ суда за разныя денежные неправильности. Говорятъ о преслѣдованіи разныхъ чиновниковъ за мелкіе противузаконныя поборы.

Все это прекрасно, зло должно быть истребляемо; но все это мѣры паліативныя, только на время и въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожающія зло. Слѣдовало бы принимать радикальныя мѣры противъ причинъ зла, и эти мѣры состояли бы въ очищеніи душевной политической атмосферы. Ея злокачественное вліяніе въ данную минуту ничтожно, незамѣтно, почти равняется нулю. Но когда это вліяніе постоянно и непрерывно накапливается годами, то оно развиваетъ тяжкія болѣзни.

Императоръ живетъ теперь въ Виши, пьетъ тамошнія щелочныя воды, купается въ нихъ, занимается украшеніемъ этой резиденціи и продолжаетъ свою давно начатую работу: Исторія Юлія Цезаря. Постройки вокругъ источниковъ, разведеніе парковъ, проведеніе фонтановъ и идутъ съ неизмовѣрною быстротою. Присутствіе его величества вездѣ выражается характеромъ грандіозности и скорой исполнительности предпринятыхъ работъ.

Итальянскія дѣла

Итальянскій парламентъ работаетъ неутомимо, очень быстро и чрезвычайно согласво, дружно. Онъ собирается два раза въ день, утромъ и вечеромъ, рѣшаетъ множество дѣлъ, утверждаетъ множество законовъ, клонящихся къ упроченію единства Италіи, и одна изъ главныхъ, принятыхъ въ послѣднее время мѣръ состоитъ въ томъ, что всѣ долги бывшаго королевства Сардинія, бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій, бывшихъ герцогствъ Тосканскаго и Пармскаго соединены теперь въ одну долговую книгу итальянскаго королевства. Такимъ образомъ составился громадный долгъ, по ко-

тому итальянское правительство будетъ платить до 112 миліоновъ процентныхъ денегъ въ годъ. Изъ этихъ денегъ 15 миліоновъ находятся внѣ утвержденной нынѣшнимъ закономъ операціи; это долги особенные и съ особыми обезпеченіями, такъ что въ сущности Италія будетъ платить 97 миліоновъ процентныхъ денегъ, представляемыхъ бумагами двухъ родовъ: на 5% платится 91 мил., что составитъ капиталъ въ 1,820,000,000, и 6 мил. по 3%; что соотвѣтствуетъ капиталу въ 200 мил. Стало-быть весь долгъ итальянскаго королевства будетъ болѣе двухъ миллиардовъ, не считая новаго, нынѣ приготавлиаемаго займа въ 500 миліоновъ.

Бывшій неаполитанскій король, до сихъ поръ упрямно живущій въ Римѣ и всячески препятствующій Италіи организовать, счелъ нужнымъ и на этотъ разъ поставить дѣлу хотя небольшой тормазъ съ своей стороны, посредствомъ протеста. Въ этомъ документѣ говорится о безбожномъ вторженіи Пьемонта въ Неаполь, объ узурпаціи законно призваннаго всею Европою престола, о разореніи всего бывшаго королевства и т. д., въ доджностномъ слоgѣ. И совершенно справедливо, что нынѣшнимъ итальянцамъ, бывшимъ молдавнымъ Франциска II, придется платить значительно больше, нежели они платили прежде, какъ потому, что они естественно должны выплачивать приходящуюся на нихъ долю того долга, который сдѣлалъ Пьемонтъ для освобожденія Италіи, такъ и потому, что всякая перестройка, особенно такая фундаментальная, какъ происходящая на полуостровѣ, требуетъ издержекъ. Даже найдется очень много недовольныхъ новыми порядками, потому что они дороги; очень многіе будутъ роптать, и громко, потому что теперь это можно. Но если бы тѣмъ же самымъ недовольнымъ не теперь, а подъ бурбонскимъ управленіемъ предложили на выборъ, что они хотятъ: платить ли на половину больше прежняго, съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ пропозвола, или — остаться попрежнему, то ни одинъ изъ нихъ не задумался бы ни на минуту, и предложилъ бы платить не вполовину, а втрое больше. Недовольныхъ и теперь много, больше нежели можно было ожидать, но только, разумѣется, въ классѣ самомъ невѣжественной, между людьми, которые цѣнятъ свой грошъ несравненно выше своего личнаго достоинства, т. е. которые личнаго достоинства не имѣютъ.

Еще во время осады Гаэты тридцать тысячъ челоvѣкъ неаполитанскаго войска перешли границу папской области и сдались главнокомандующему французскимъ войскомъ, генералу Гойону. Онъ ихъ обезоружилъ, и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Естественнымъ образомъ, они мало по малу пробрались назадъ, на родину,

И такъ какъ воинственный духъ арміи въ нихъ остался, такъ какъ они отвыкли уже отъ своихъ домашнихъ работъ и — въ особеннoсти — такъ какъ они получали и до сихъ поръ получаютъ разнаго рода поощренія изъ Рима, то они и продолжаютъ вести походную, воинственную жизнь. Они до сихъ поръ дѣйствуютъ отъ имени короля Франциска II, ведутъ войну съ его подданными, убиваютъ людей, призывающихъ существующее правленіе, жгутъ ихъ дома и бѣгаютъ во всѣ стороны отъ регулярныхъ отрядовъ итальянскаго войска и отъ подвижной національной гвардіи. Давно ходили слухи, что ихъ поддерживаютъ различныя вліянія изъ Рима, но въ послѣднее время еще прошолъ слухъ, будто въ Римѣ 30.000 ружей, отобранныхъ отъ вошедшихъ въ папскую область неаполитанскихъ солдатъ — пропали. До сихъ поръ эти слухи официально не опровергнуты, и потому весьма можно допустить, что они заслуживаютъ полной вѣры.

Между тѣмъ подвиги этихъ шаекъ различными газетами описываются весьма различно. Газета Union и другія клерикальныя газеты называютъ инсургентовъ роялистскими шайками, и во всякомъ своемъ номерѣ говорятъ, что роялисты становятся съ каждымъ днемъ все многочисленнѣе. Если бы это было справедливо, то давно всѣ до одного жители превратились бы тамъ въ разбойниковъ. Газеты эти утверждаютъ, будто роялисты высадились на берегъ въ Сапри; произошло сраженіе, но Богъ хранитъ защитниковъ дѣла: послѣ краткаго, но упornaго и кровопролитнаго боя, они пробались сквозь непріятелей, потерявъ только одного раненаго, и ушли въ горы. Но справкѣ оказывается, что дѣйствительно это было, и все точно такъ и случилось. Именно 22 іюня, вечеромъ, патруль національной гвардіи, состоящій изъ трехъ человекъ, наткнулся на выходившихъ на берегъ изъ лодки четверыхъ вооруженныхъ людей. Патруль окликнулъ ихъ; они бросились бѣжать; одинъ изъ преслѣдователей на бѣгу выстрѣлилъ изъ ружья и попалъ одному изъ бѣглецовъ въ ногу. Тотъ упалъ, а остальные въ темнотѣ, скрылись. Въ этомъ заключается правда, раздутая въ пышныхъ фразахъ клерикальной газеты, которая прибавляетъ еще, что нѣтъ никакой возможности найти словъ для описанія всѣхъ чудесъ ловкости и настойчивости солдатъ королевскаго (Франциска II) войска, нельзя описать того пламеннаго усердія, съ какимъ они избѣгаютъ вѣга Пьемонта и дерутся за своего обожаемаго короля. Справедливость требуетъ замѣтить, что и это совершенная правда: народъ служивый, ловкій, народъ привычный къ походамъ, наконецъ народъ, которому нечего терять. Ворвутся въ село, нападутъ

на домъ мирнаго судьи, сожгутъ его, судью зарѣжутъ, вытребуютъ себѣ съѣстныхъ припасовъ и денегъ. Но если на ту бѣду въ то же село нагрянетъ отрядъ регулярнаго итальянскаго войска, то такъ называемые (и весьма неловко называемые такъ) роялисты «съ пламеннымъ усердіемъ къ павшему престолу» избѣгаютъ встрѣчи съ такъ называемымъ непріателемъ. Они разбѣгаются какъ кролики при появленіи хорька. Само собою разумѣется, что бываютъ и стычки, и тогда — горе разбойникамъ. Взятые съ оружіемъ въ рукахъ бываютъ судимы на скорую руку, и тутъ же ихъ разстрѣливаютъ безъ пощады. Есть одна шайка, которая сдѣлалась особенно знаменита. Она дѣйствуетъ надъ начальствомъ извѣстнаго бандита Кьявоне. Онъ печатаетъ прокламаціи, и между прочимъ въ Толедо роздалъ ихъ множество. Еще печатаются и раздаютъ прокламаціи отъ имени генерала Боско; въ нихъ возвѣщается скорое возвращеніе короля, разныя льготы и милости, прибавка жалованья войску; въ тѣхъ же прокламаціяхъ генералъ Боско приглашаетъ гражданъ и національную гвардію, или, вѣрнѣе сказать, народную стражу сидѣть смирно и предоставитъ королевскимъ войскамъ перевѣдываться съ пьемонтскими. Но въ томъ-то и дѣло, что лучшую силу новаго итальянскаго правительства составляетъ народная стража. Войска нѣтъ столько, чтобы имѣть его на всякій случай на всѣхъ возможныхъ пунктахъ, гдѣ инсургентамъ вздумается напасть на мирныхъ гражданъ, и именно то обстоятельство, что народная стража съ увлеченіемъ всегда идетъ противъ инсурентовъ, прикрывающихся королевскимъ именемъ, и показываетъ прочность того порядка вещей, который теперь устанавливается.

Нѣкоторыя англійскія газеты утверждаютъ безусловно, будто такого рода бандиты, какъ Кьявоне, дѣйствуютъ въ самомъ дѣлѣ по порученію короля Франциска II, будто генералъ Боско въ самомъ дѣлѣ исполняетъ волю короля, разсылая и разбрасывая возмутительныя прокламаціи. Нѣтъ возможности этому повѣрить: это значило бы предполагать въ юномъ королѣ ужасную несправедливость противъ Италіи, полнѣйшее, какое-то средневѣковое, феодальное презрѣніе къ жизни своихъ бывшихъ подданныхъ. Гораздо естественнѣе предположить, что всѣ разсѣянныя теперь по королевству шайки лишь прикрываются высокимъ именемъ, а дѣйствуютъ отъ себя и на свой счетъ, развѣ иногда получая денежныя преміи.

Сардинское правительство наконецъ принимаетъ рѣшительныя мѣры для прекращенія безпорядковъ въ бывшемъ неаполитанскомъ королевствѣ. Первая изъ этихъ мѣръ — назначеніе генер-

рала Чіальдини намѣстникомъ въ Неаполѣ. Вотъ его прокламація 19 іюля:

«Неаполитанцы! Королевское правительство послало меня къ вамъ съ порученіемъ *истребить* разбойничьи шайки, свирѣпствующія въ нашей прекрасной странѣ. Въслѣдствіе достойной сожалѣнія отставки графа Понца де Сан-Мартино, его величество, декретомъ 14 іюля, назначилъ меня своимъ намѣстникомъ въ этихъ провинціяхъ. Это сдѣлано конечно съ цѣлью соединить въ одной рукѣ власть военную съ гражданскою, чтобы облегчить исполненіе моего порученія. Моему пріѣзду предшествовало выраженіе благорасположенія со стороны городскихъ властей Неаполя, которыя признали меня здѣшнимъ гражданиномъ. За такой лестный и дорогой моему сердцу титулъ, на мнѣ лежалъ долгъ благодарности; я пріѣхалъ чтобы заплатить его. Но я мало могу или ничего не могу безъ васъ. Съ вами я все могу. Между тѣмъ, которые васъ грабятъ и убиваютъ, и тѣмъ, которые хотятъ защищать ваши имущества и жизнь, выборъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Пусть мнѣ довѣрятся и здравый смыслъ добраго неаполитанскаго народа, и умъ народной стражи. Я взываю и довѣрчиво ожидаю опоры всѣхъ отгѣнковъ великой либеральной партіи, потому что дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, — ихъ дѣло. Либеральное не по виду только, и не въ чьемъ-нибудь личномъ интересѣ. Пусть же затихнетъ борьба партій. Кто хочетъ свободы съ ручательствомъ прочно-поддерживаемыхъ законовъ, кто хочетъ Италіи свободной и единой, съ Викторомъ Эммануиломъ, тотъ будетъ со мною, потому что я ничего больше не хочу».

Генераль Чіальдини получаетъ теперь изъ сѣверной Италіи довольно много войскъ. По-видимому онъ хочетъ быстро прекратить безпорядки и въ самомъ дѣлѣ *истребить* инсургентскія шайки. Кажется еще, что онъ рѣшился на важную и благоразумную мѣру: употребить для этого желающихъ изъ гарибальдистовъ, и тѣхъ, которые были въ Неаполѣ, пригласилъ уже къ принятію дѣятельнаго участія въ усмиреніи страны. Потомъ ожидаютъ въ Неаполѣ короля Виктора Эммануила, который намѣренъ тамъ провести всю наступающую зиму, даже, говорятъ, со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ. Это сильно оживитъ Неаполь, и мелкіе городскіе интересы вознаградятся въ томъ, что они терпятъ отъ отсутствія въ городѣ двора.

Между тѣмъ въ Позиллиѣ захваченъ большой центральный бурбонскій комитетъ, бывший подъ предсѣдательствомъ прелата монсеньора Чьенатемпо. Захвачена корреспонденція, списокъ соумышленниковъ и большая сумма денегъ.

Общая политика сардинскаго правительства остается прежняя. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ г. Риказоли въ палатѣ депутатовъ, излагая свои виды на общее положеніе дѣлъ: «Силы и средства нашего отечества велики и разнообразны; при взглядѣ на будущее, нельзя не происходить надеждами и увѣренностью, что Италия не будетъ ниже никакой другой страны и въ отношеніи промышленномъ. Возрастающія богатства съ излишкомъ вознаграждать тѣ жертвы, которыя теперь требуются отъ гражданъ для защиты и свободы отечества. Этой защитѣ правительство намѣрено посвятить свои безпрерывныя заботы; съ этою-то цѣлью оно будетъ дѣлать и продолжать національное вооруженіе. Ежели всегда оружіе составляетъ силу и необходимость націй, то въ нынѣшнее торжественное время оно для Италии — условіе жизни или смерти. Мы вооружаемся не только для защиты національной земли, въ томъ видѣ какъ она теперь была, но также и для того, чтобы ее дополнить, чтобы возвратитъ ей естественныя и законныя границы. (Здѣсь одобренія.) Въ этомъ отношеніи, господа, политика правительства есть не иное что, какъ право народа. Правительство не знаетъ другихъ границъ; оно не остановится иначе, какъ на предѣлахъ, которые указаны правомъ. Къ этой двойной цѣли, къ защитѣ и къ пополненію национальныхъ земель стремятся всѣ наши воины и приготовления на сушѣ и на морѣ. Доказательствомъ этого могутъ служить различныя законы, частію уже утвержденныя вами, частію еще приготовляемые. Теперь вамъ остается съ довѣрчивостью свѣдѣть правительству средствами для исполненія этихъ плановъ. Нація великодушная и сильная всегда имѣетъ друзей. Истина этой мысли доказывается всякій день нашими вышними отношеніями. Правительство имѣетъ счастье объявить парламенту, что за исключеніемъ Австріи, его дружескія отношенія съ главнѣйшими державами Европы находятся въ удовлетворительномъ состояніи. Итальянское дѣло подызуется общимъ сочувствіемъ и можетъ имѣть еще союзниковъ... Я слышалъ, говорили объ уступкѣ. Позвольте мнѣ, господа, оттолкнуть съ величайшимъ презрѣніемъ и слово, и мысль! (Браво!) Королевское правительство не знаетъ ни одного вершка итальянской земли, который оно могло бы уступать; оно не хочетъ этого, не сдѣлаетъ этого, вѣтъ, рѣшительно нѣтъ! (Прекрасно! Браво!) Королевское правительство видитъ землю, которую надо защититъ и воссодѣлать. (Хорошо! Хорошо!) Оно видитъ Римъ, оно видитъ Венецію. И къ вѣчному городу, и къ гирьцѣ Адриатики стремится печали, желанія, надежды и проекты ищія. (Очень хорошо!) Правительство понимаетъ трудное дѣло, и

нать дѣлаше; оное рѣшилось его исполнить, и съ божьей помощью исполнить. Событія, которыя готовятся и въ свое время разовьются, откроютъ дорогу въ Венецію. А между тѣмъ, станемъ думать о Римѣ. Да, мы хотимъ идти въ Римъ, (Движеніе вниманія.) Римъ, политически отдаленный отъ остальной Италіи, останется центромъ интригъ и заговоровъ, вѣчною угрозою общественному порядку. Стадо быть идти въ Римъ, есть для Италіи не только право, но и не избѣжная необходимость. (Хорошо!) Но какъ мы пойдемъ туда? Королевское правительство въ этомъ отношеніи болѣе нежелаетъ во всякомъ другомъ будетъ откровенно и точно. (Глубоко молчаніе.) Мы же хотимъ идти въ Римъ при помощи возмущеній и другихъ, несовременныхъ средствъ, которыя могутъ повлечь за собою опасность уже совершившее. Мы хотимъ идти въ Римъ въ согласіи съ Франціей. Вы объявили это сами въ достопамятное засѣданіе 27 марта, а правительство не можетъ отделиться отъ рѣшеній парламента. Мы хотимъ идти въ Римъ не для того, чтобы разрушать, но чтобы создавать, чтобы дать церкви средство, открыть ей путь для преобразования самой себя; чтобы дать ей ту свободу, ту независимость, которыя долгие бы ей, подстрекнули бы ее къ перерожденію, въ чистотѣ, религиознаго духа, въ простотѣ нравовъ, въ откровенности послушанія, во всѣхъ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя къ великой чести и славѣ папства, такъ прославили его первые дѣла; (Браво! Браво!) возродиться наконецъ въ откровенномъ и честномъ отреченіи отъ свѣтской власти, совершенною противной великой, вродѣ духовной дѣла ея учрежденія. (Рукоплесканія.) Господа, правительство не считаетъ дѣло легкимъ; но оно подчеркиваетъ мужество и надежду въ величій самаго дѣла и въ силѣ общественнаго сознанія.» (Браво! Браво!)

Уступка, отъ которой такъ усердно, г. Риказоли отрекался въ своей рѣчи, есть уступка острова Сардиніи въ пользу Франціи. Объ этомъ дѣйствительно были слухи. Даже недавно въ англійскомъ парламентѣ поднималъ этотъ вопросъ г. Книгленъ, депутатъ, сдѣлавшійся известнымъ тѣмъ, что еще прежде всѣхъ, даже прежде министерства, получаетъ извѣстія изъ Италіи, и въ то время когда между Франціей и Сардиніей шли тайные, никому неизвѣстные переговоры объ уступкѣ Савойи и Ниццы, еще предупреждаетъ объ этомъ парламентъ. На этомъ основаніи можно предполагать, что и теперь онъ не ошибается. Но на запросъ объ уступкѣ Сардиніи, г. Россель отвѣчалъ, что правительство не получило объ этомъ никакихъ извѣстій, что это невѣроятно уже потому, что г. Риказоли такъ ясно и опредѣлительно объявляя не уступать ни вершка

итальянской земли, что наконец такая уступка неизбежно пошла бы къ расторженію дружескихъ отношеній между Англією и Франціей.

Надо надѣяться, что на этотъ разъ г. Книглевъ ошибся.

Послѣднія извѣстія. Общее положеніе

21 іюля австрійскій императоръ подписалъ рескриптъ, въ отвѣтъ на адресъ венгерскаго сейма, о которомъ мы говорили два мѣсяца тому назадъ. Рескриптъ этотъ составляетъ такое важное явленіе въ исторіи Венгріи, какого давно не бывало, можетъ быть со времени прагматической санкціи. Всѣ до одного желанія представителей, выраженныя въ адресѣ отвергнуты, всѣ ихъ стремленія опровергнуты и подтверждены только требованія, выраженныя въ знаменитомъ дипломѣ 20 октября. Рескриптъ написанъ съ замѣчательною ловкостью, какою впрочемъ всегда отличались дипломатическія бумаги вѣнскаго кабинета. Рескриптъ признаетъ прямо и открыто, что «Венгрія должна быть управляема относительно лицъ, системы и формы способомъ особеннымъ, соответствующимъ старинной конституціи, и что слѣдовательно слитіе (*Verschmelzung*) земель, принадлежащихъ къ коронѣ св. Стефана съ остальною монархією, не имѣется въ виду императора и весьма далеко отъ его сердца.» Но тутъ же, въ томъ же рескриптѣ говорится, что въ отношеніи финансовъ и войска, двухъ главнѣйшихъ признаковъ самостоятельности, отдѣльности, неслитности страны, Венгрія должна быть слита со всѣми прочими землями австрійской имперіи. Вслѣдствіе чего и дается знать представителямъ, что императоръ никогда не признавалъ тѣхъ изъ статей законовъ 1848 года, которыя сколько-нибудь противорѣчатъ диплому 20 октября 1860 и 26 февраля 1861, и (сказано въ рескриптѣ) «мы никогда не рѣшимся ихъ признать, потому что не считаемъ себя лично обязанными къ этому признанію.» Затѣмъ повелѣвается пересмотрѣть законы 1848 года съ тѣмъ, чтобы согласить ихъ совершенно съ дипломомъ 20 октября, а между тѣмъ немедленно прислать депутатовъ въ государственныя совѣты. Далѣе, въ томъ мѣстѣ диплома, гдѣ говорится объ отношеніяхъ Венгріи къ славянскимъ землямъ, къ Трансильваніи, Кроаціи и Славоніи и къ тѣмъ славянамъ, которые живутъ въ предѣлахъ нынѣшней Венгріи, магнаты получили хорошій и вполне заслуженный урокъ. Рескриптъ имъ напоминаетъ, что въ 1848 году славяне имѣли много поводовъ не быть довольными тѣсными

союзомъ съ Венгріей. Если же мы припомнимъ, какъ презрительно венгерцы смотрятъ на славянъ, какъ они считаютъ ихъ почти-что не людьми, если вспомнимъ, что и теперь славянскія земли не хотѣли войти въ союзъ съ Венгріей, прежде опредѣленія своихъ самостоятельныхъ правъ, а магнаты требовали безусловнаго союза, съ тѣмъ, что права опредѣлятся впоследствии большинствомъ голосовъ на сеймѣ, гдѣ иадваровъ въ десять разъ больше было бы, чѣмъ славянъ, — то нельзя не сознаться, что Венгрія побивается ея же оружіемъ. Она желала другіяго того, чего себѣ не желала. И не странно ли, что магнаты не воспользовались уроками еще недавней исторіи?

Какъ бы то ни было, Венгрія теперь въ невѣроятномъ положеніи. На сеймѣ теперь три партіи. У одной программа очень рѣшительная: не расколотся ни въ какомъ случаѣ и дѣйствовать рѣшительно. Эта партія очень немногочисленна, и каждый день еще уменьшается. Другая партія, Деака, требуетъ, чтобы сеймъ выпелъ весь кабинетъ въ отставку, сначала протестовавъ передъ лицомъ Европы и оградивъ впредь венгерскія права. У этой партіи два отдѣла: одинъ требуетъ исполненія этой программы немедленно, а другой совѣтуетъ сначала войти снова въ сношеніе съ австрійскимъ правительствомъ, чтобы истощить всѣ средства примиренія. Такое раздѣленіе на два отдѣла очень ослабляетъ партію. Третья, приверженцы бывшаго канцлера Валя, предлагаютъ подробно отвѣчать на всѣ пункты рескрипта; но въ то же время послать въ государственный совѣтъ требуемыхъ 80 депутатовъ, въ надеждѣ на поддержку членовъ чешскихъ, польскихъ и другихъ славянскихъ, которые помогутъ имъ составить сильную оппозицію противъ вѣмцевъ. Они рассчитываютъ вырвать такимъ образомъ у правительства различныя уступки, не выходя изъ постановленій конституціи. Вѣроятно, послѣдняя партія одержитъ верхъ, потому что къ ней принадлежатъ самыя вліятельныя люди.

Новый султанъ турецкій Абдуль-Азизъ удивляетъ европейцевъ своими преобразованіями; но еще больше, чѣмъ европейцевъ, — своихъ турокъ. Онъ напримѣръ разогналъ гаремъ своего покойнаго брата; около 400 наложницъ, живетъ съ одною своею женою и не заводитъ себѣ новаго гарема. Онъ разогналъ множество безполезной во дворцѣ прислуги. Былъ тамъ цѣлый полкъ поваренковъ, цѣлый батальонъ наживателей трубокъ и еще разныхъ ирра-служняковъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимались надѣвaniemъ туфли султану на лѣвую ногу, а другіе на правую. Намолъ онъ,

что въ войскѣ множество офицеровъ только записанныхъ, а не служащихъ; всякій паши прежде записывалъ своего трехлѣтняго сына въ полкъ офицерами, и получалъ за него надлежащаго жалованья. Такихъ офицеровъ приказано исключать изъ службы. Вообще ео. времени вступленія на престолъ новаго султана Турція сдѣлала огромные усиѣки, но не въ политическомъ отношеніи, а только въ отношеніи къ малочисленному закону, именно стала отъ него удалаться. Уже и это странная ересь к султану не держатъ громаднаго количества наложницъ; но сверхъ того еще ересь: двое христіанъ провозглашены въ званіи паши, не считая того, который уѣхалъ управлять Ливаномъ.

Европейскія газеты возмущаются распоряженіемъ султана до небесъ, находятъ, что онъ преобразуетъ Турцію, введеть строгое государство въ семью европейскіхъ державъ, обновитъ ее, и т. д. Все это было бы прекрасно, и каждый, безъ сомнѣнія, желаетъ ему великаго усиѣка. Но усиѣкъ тутъ сомнительенъ. Прошло мѣсяць, а кромѣ сокращенія нѣкоторыхъ расколовъ, не сдѣлано еще ровно ничего. Конечно, экономія дѣло хорошее, и 400 наложницъ — цифра слишкомъ большая; но одною экономіей ничего ровно нельзя сдѣлать. Финансы въ государствѣ — очень важное обстоятельство; но затѣмъ еще остается очень многое. Напримѣръ, воцѣль султанъ приказалъ выдаты войску недолгаче жадованье, и повидному вообще на войско обращаетъ большое вниманіе. Но спрашивается, для чего Турція войско, когда ата держава находится, подѣ усиленнымъ и ревнивымъ покровительствомъ европейскіхъ державъ? Стало-быть, нападенія извнѣ ей опасаться нечего; остаются еще внутреннія нужды, какъ-то: содержать почетныя гарнизоны въ крепостяхъ, гдѣ живутъ сосланные паши и другіе преступники, и главное — содержать въ доминіоніи подвластныхъ христіанъ. Что бы вы говорили, въ память дорлова величайшій любитель турокъ г. Редклифъ, а священная сабля Османа, вручаемая султану при вступленіи на престолъ, означаетъ не иное что, какъ притѣсненіе христіанъ и защиту корана. Преобразователь замѣтевь, по слову дѣлянному не черезъ мѣсяць, не черезъ годъ, но вступленіи на престолъ, а въ тотъ же день. Впрочемъ, султанъ осматриваетъ разные женскія фабрики, заводы, но все выкиаетъ, обращаетъ вниманіе на мельничія мелочи; это нѣсколько странно; султанъ уже далеко не слишкомъ молодъ, и имѣлъ бы иржется время заниматься съ пороховымъ напимѣръ заводомъ, или съ обдѣлкой ласета. По крайней мѣрѣ теперь положительнао извѣстно, что онъ еще не совсѣмъ хорошо ознакомился съ значеніемъ книгопечатанія въ государствѣ

Въ послѣднее время слы, что требованіе французскаго посланника, запретить на два мѣсяца англійскую газету въ Турціи — *Levant Herald*. Этому случаю нѣкоторые французскія газеты очень радуются, и — дошли до этого своимъ собственнымъ умомъ, какъ говорятъ. Они утверждаютъ, что *Levant Herald* есть органъ англійскихъ интересовъ, и ежели запретить, то это показываетъ, что султанъ Абдуль-Азизъ не вполне подчиненъ англійскому вліянію, что онъ слушается также и французскаго. Бывшіе газетчики не поняли, что такое запрещеніе равняется обрѣзанію у человѣка носа за то, что онъ великъ, и что у нихъ самихъ носы жестоко подпилены. А радуются!

Въ сѣверной Америкѣ дѣла начинаютъ принимать все болѣе и болѣе кровавый оборотъ. Было нѣсколько небольшихъ сраженій, и до сихъ поръ военное счастье держится на сторонѣ свободныхъ штатовъ; владѣльцы невольниковъ вездѣ побиты. Надо видѣть неописанный восторгъ толны при полученіи извѣстія хотя о самой маленькой одержанной побѣдѣ. Народъ бѣгаетъ по улицамъ, суетится; всѣ кричатъ, поздравляютъ другъ друга; на стѣнахъ вездѣ аршинными буквами напечатанныя афиши: Огромная побѣда! Вотъ напримѣръ отчетъ объ одной изъ подобныхъ побѣдъ. Генералъ Мак-Клеванъ, въ западной Виргиніи, отрядилъ молодого офицера Розенкранса, съ четырьмя полками изъ Огейо и изъ Индіаны, черезъ горы, для отысканія бунтовщиковъ, въ Дрорингъ-Рѣнъ, на разстояніи около 9 миль. Послѣ двѣнадцати-часоваго перехода, бригадиръ Розенкрансъ встрѣтилъ арьергардъ бунтовщиковъ, и послѣ полутора-часоваго сраженія, обратилъ ихъ въ бѣгство, отбилъ всѣ ихъ пушки, фургоны и лагерныя принадлежности. Въ плѣнъ взяты очень многіе, и между ними нѣсколько офицеровъ. У бунтовщиковъ убито 60 человѣкъ, и очень многіе ранены. Со стороны Союза 20 убитыхъ и 40 раненыхъ. Услышавъ пушечные выстрѣлы, генералъ Мак-Клеванъ поспѣшилъ впередъ, но поспѣлъ на мѣсто, только чтобы убѣдиться въ побѣдѣ Розенкранса.

Въ такомъ родѣ всѣ сраженія между американцами. Это далеко не то что какое-нибудь Сольферино или Малжента, гдѣ убитые считались тысячами; но здѣсь ужасно то, что братья дерутся съ братьями, что такимъ образомъ въ нерѣшительныхъ стычкахъ, ничего не рѣшающихъ или рѣшающихъ дѣло только на нѣсколько дней, борьба можетъ продлиться много лѣтъ безъ результатовъ, кромѣ разоренія. Президентъ Линкольнъ, открывая конгрессъ, въ своемъ длинномъ посланіи требовалъ разрѣшенія собрать, въ слу-

чай нужны, до 400.000 человекъ волонтеровъ и занять для этого до 400 миллионовъ долларовъ. Конгрессъ въ действительномъ своемъ жарѣ, разрѣшилъ ему войска на сто тысячъ, а денегъ на сто миллионовъ болѣе. Если онъ рѣшится собрать прямо, сразу огромное войско, то можно надѣяться, что война скоро будетъ кончена. А пора кончить эту распрю, не дѣлающую чести человѣчеству. Но чѣмъ она кончится? Что изъ этого можетъ выйти? — Объ этомъ мы поговоримъ неговоримъ въ другое время.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

- Итальянскія дѣла. — Стремленіе Италіи къ Риму. — Гойонъ-меродовская ссора. — Разбойники въ Неаполѣ. — Письмо Чернуски. — Заемъ. Австрійскія дѣла. — Адресъ венгерскаго сейма. — Славянскія стремленія. — Законъ о печати.
- Французскія дѣла. — Участіе духовенства въ праздникъ 15 августа. — Денежные процессы. — Ожиданіе прусскаго короля.
- Англійскія дѣла. — Закрытіе парламента. — Захватъ островъ Вити.
- Американскія дѣла. — Битва при Буллъ-Рунѣ. — Полезное для войны изобрѣтеніе.
- Общее положеніе. — Последнія извѣстія.

Итальянскія дѣла

Италіи теперь недостаетъ одного только Рима, занятаго французскими войсками, и бѣдная, неустроенная Италія стремится къ Риму всѣми силами, всѣмъ своимъ патріотизмомъ. Но Римъ неприступенъ, занятый войсками воинственнаго народа. Покойный Кавуръ изощралъ свой изворотливый умъ, чтобы какъ-нибудь избавить Италію отъ покровительства, прибѣгалъ къ всевозможнымъ уловкамъ, просилъ, уговаривалъ, и — если вѣрить слухамъ — готовъ былъ за Римъ уступить островъ Сардинію. И надо признаться, что ежели только можно уступать часть своей роины, то отдать Сардинію за Римъ — это составило бы еще не очень дорогую покупку. Итальянцы, глубоко преданные своей родинѣ, составили протестъ, который теперь покрывается безчисленнымъ множествомъ подписей, протестъ противъ занятія Рима французскими войсками, «потому что въ силу народныхъ преданій и согласія всей Европы, Римъ долженъ быть столицею Италіи; потому что пока французскія войска въ Римѣ, права итальянской націи остаются непризнанными, итальянскій вопросъ остается нерѣшеннымъ, и нѣтъ никакого довода, кромѣ силы, который можно бы противопоставить попыткамъ Австріи или другой державы противъ областей Италіи, уже освобожденныхъ; — потому что Римъ есть те

перь и всегда будетъ, пока продлится пребываніе Французовъ, центромъ заговоровъ, которые отодвигаютъ Италію назадъ, питаютъ на югѣ полуострова междоусобную войну и стремятся посѣять безначаліе тамъ, гдѣ энтузіазмъ свободы и единства породилъ согласіе; — потомучто въ Римѣ только, въ силу воспоминаній и общаго уваженія, могутъ окончательне утомиться всѣ маленькія ссоры, которыя все еще продолжаются, къ великой опасности итальянскаго единства; — потомучто двадцатьдва мильона итальянцевъ не должны, не могутъ выносить, чтобы Римъ оставался отдѣленнымъ и порабощеннымъ, тогда какъ они свободны и независимы, тогда какъ продолжительное пребываніе Французовъ порождаетъ борьбу и ненависть между двумя націями, которыя для блага общаго и въ силу недавней братской связи, заключенной на поляхъ сраженій, призваны ко взаимной любви и помощи; — потомучто продолженіе занятія Рима находится въ явномъ противорѣчій съ старинными обѣщаніями и съ послѣдними деклараціями Франціи; — потомучто нѣтъ никакого предлога для занятія, ни въ защитѣ религіи, на которую никто не думаетъ нападать и которую безчестить и подвергаетъ опасности опора иностранныхъ штыковъ; ни въ покровительствѣ папѣ, которому никто не угрожаетъ и за котораго Италія готова ручаться; — потомучто продолжаемое безъ разумнаго повода занятіе въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ равняется завоеванію, котораго ни Европа, ни Италія допустить не могутъ; — потомучто пребываніе французскихъ войскъ въ Римѣ есть явное нарушеніе принципа невмѣшательства, провозглашеннаго Англіею и даже Франціей; — потомучто Италія принадлежитъ итальянцамъ, а не чужеземцамъ, кто бы они ни были. Нижеподписавшіеся адресуютъ этотъ протестъ Франціи, которая сражалась за независимость Италіи, отъ Альпъ до моря; Англіи, которая прежде всѣхъ провозгласила ученіе невмѣшательства; всей Европѣ, которая дружески привѣтствовала воскресеніе Италіи къ общей національной жизни и для которой самовольное и неопредѣленное занятіе Рима составляетъ серьезную угрозу и опасность».

Итальянскій министръ внутреннихъ дѣлъ Миннетти, по поводу этого протеста, сдѣлалъ ошибку, которая потомъ выведена была на публичное обсужденіе какимъ-то нескромнымъ чиновникомъ. Министру показалось, что протестъ не только бесполезенъ, но даже можетъ быть вреденъ. Поэтому онъ и разослалъ своимъ чиновникамъ циркуляръ, которымъ требуетъ, чтобы каждый изъ его подчиненныхъ *всѣми законными, зависящими отъ него средствами*, отклонялъ населенія отъ подписи этого протеста, составленнаго такъ называемою партіей *дѣяствій*. Но когда этотъ весьма

конфиденціальныи циркуляръ былъ напечатанъ въ газетѣ Еврего, то о приготовленномъ протестѣ узнали всѣ, узнали и тѣ, кто безъ того и не подозревалъ бы, что существуетъ такой протестъ. Тогда же всѣ постарались и съ протестомъ ознакомиться, и вся смѣшная сторона дѣла вышла наружу. Оказалось, что не о чемъ хлопотать, что протестъ въ самомъ дѣлѣ выражаетъ истинныи и далеко не очень заносчивыи желанія народа, который требуетъ своей столицы, въ мирное время занимаемой иностранными войсками, безъ всякаго разумнаго предлога, только по праву силы. При этомъ г. Мингетти достигъ двухъ цѣлей, только не тѣхъ, которыхъ хотѣлъ достигнуть: именно, сдѣлалъ очень извѣстнымъ то, что хотѣлъ забыть, и — собственнымъ опытомъ доказалъ, что излишнее, ненужное усердіе ставить человека усердствующаго въ очень смѣшное положеніе и бываетъ вредно самому дѣлу.

Замѣтимъ кстати, что сами событія, и безъ протеста партій дѣйствія, такъ и тѣснятся, чтобы ввести въ общее сознаніе всю безправность французскаго занятія Рима, такъ что общее мнѣніе даже самыхъ ревностныхъ сторонниковъ свѣтской власти папы начинаетъ разясняться и просвѣщается. Франція оберегаетъ въ Римѣ остатки свѣтской власти; римскій дворъ положительно этого не хочетъ. Но для охраненія безопасности папы совершенно достаточно французскихъ силъ; а тутъ же, рядомъ съ ними, римскій дворъ устраиваетъ свои маленькую армію. Представитель, по католическимъ понятіямъ, высшаго ученія благости и любви держитъ войско и обучаетъ его убиванью людей, и тутъ же, рядомъ, почти отлучаетъ отъ церкви тѣхъ, кто защищаетъ свѣтскую власть папы, какъ это было перваго января нынѣшняго года. Но какъ бы то ни было, свѣтская власть папы пока еще существуетъ со всѣми своими противорѣчіями, и естественно, что среди всѣхъ этихъ противорѣчій безпрестанно наталкивается на нелѣпости.

30 іюля была напечатана въ газетѣ Раусъ очень коротенькая статья, надѣлавшая много шума:

«Довольно важная сцена произошла недавно въ Римѣ. Она показываетъ, до какой степени чувства нѣкоторыхъ членовъ папскаго правительства отличаются отъ чувствъ самого святаго отца, который никогда не говоритъ объ императорѣ иначе, какъ съ выраженіемъ своей благодарности. Въ недавней ссорѣ между двумя солдатами, французскимъ и римскимъ, ссорѣ, происшедшей изъ-за женщины, первый былъ раненъ. По договорамъ, папскій солдатъ въ такомъ случаѣ долженъ быть судимъ французскимъ военнымъ судомъ, а генераль Гойонъ его потребовалъ. Г. Меродъ воспротивился. Генераль Гойонъ адресовался къ кардиналу Антонелли, который

призналъ право и далъ соответственные приказанія. Новый отказъ со стороны г. Мерода. Вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе папы, который велѣлъ сообщить г. Мероду, чтобы онъ солдата выдалъ. Г. Меродъ продолжалъ упрямо сопротивляться верховной волѣ. Онъ прибѣжалъ къ генералу Гойону, съ видомъ сердитымъ, съ угрожающими жестами, и въ разговорѣ произнесъ слова самыя оскорбительныя для императора Наполеона. Тогда генералъ заставилъ его замолчать, и пояснилъ ему, что такъ какъ онъ не можетъ дать ему пару пощечинъ по случаю его священническаго платья, то даетъ ихъ нравственно, а потомъ прибавилъ, что ежели г. Меродъ сниметъ съ себя рясу, то онъ сниметъ мундиръ и они переверѣдаются оружіемъ. Г. Меродъ отговорился своимъ духовнымъ саномъ. Генералъ отвѣтилъ, что тѣмъ не менѣе онъ поддерживаетъ оскорбленіе, нанесенное его словами, и послалъ въ фортъ Сант-Анджело начальника французскихъ жандармовъ въ Римъ за солдатомъ, который наконецъ и былъ ему выданъ».

Храбрый генералъ не могъ дать настоящихъ пощечинъ военному министру папы и потому далъ ихъ нравственно (что за нравственность въ одной или въ двухъ пощечинахъ — непонятно). Потому тотъ же храбрый генералъ предложилъ военному министру посланокъ, а тотъ отказался по случаю своего сана. Опять вышло противорѣчіе: если *военный* министръ, то военный, а не духовный; если же духовный, то стало быть не военный министръ. И тутъ смѣсь духовнаго съ свѣтскимъ приводитъ къ противорѣчію. Какъ бы то ни было, эта статейка произвела большую суматоху: Какъ преданныя дѣлу Италіи французскія газеты, такъ и противныя, стали въ одинъ голосъ кричать, что послѣ такой неслыханной дерзости надо предоставить Римъ его собственной судьбѣ, бросить папу, который такъ неблагодаренъ, что держитъ подобныя Мероду министровъ, враждебныхъ покровительствующей націи и ея императору. Стали ходить самыя противорѣчивыя слухи: одни говорили, что Меродъ долженъ быть выгнанъ папою изъ службы; другіе рассказывали, будто Меродъ подалъ въ отставку, но папа его прошенія не принималъ; третьи доказывали, что этою ссорой окончательно разрѣшится римскій вопросъ, и Франція должна же наконецъ устать оказывать покровительство людямъ, которые упорно отъ этого покровительства отказываются и даже не даютъ себѣ труда скрывать своей ненависти къ покровителямъ. Цѣлыя дѣи недѣли газеты пробавлялись гойонъ-меродовскою ссорой и упражнялись въ рѣшаніи римскаго вопроса на всѣ лады. Даже императоръ въ совѣтѣ своихъ министровъ предлагалъ на обсужденіе эту ссору: господа министры горячились, обсуживали вопросъ со всѣхъ сторонъ, а императоръ,

какъ волята, своего мнѣнія не высказалъ. Такъ дѣло и осталось нерѣшѣннымъ. А ларчикъ просто открывался: французскія войска занимаютъ Римъ вовсе не для того, чтобы сдѣлать одолженіе папѣ: ни для кого не тайна, что это въ высшей степени для папы непріятно; и вовсе не для того, чтобы покровительствовать католической религіи: она и безъ этой поддержки будетъ имѣть всю силу. Вопросъ также не въ томъ, чтобы сохранить свѣтскую власть папы; самый актъ занятія Рима и его области иностранными войсками показываетъ уже, что у него нѣтъ свѣтской власти, когда она въ рукахъ главнокомандующаго иностранными войсками. Дѣло въ томъ, что всякая сила стремится къ своему проявленію, что у силы и нѣтъ другого смысла, кромѣ проявленія, и что для силы такъ же трудно отказаться отъ своего проявленія, какъ тѣмъ трудно сдѣлаться свѣтомъ. Здѣсь пока мы не говоримъ о степени разумности данной силы. Но есть силы, которыя не подчиняются никакимъ уговориваньямъ, не въ состояніи выслушать никакихъ доводовъ, и дѣйствуютъ какимъ-то слѣпымъ, роковымъ образомъ.

Газеты подходят къ дѣлу со всѣхъ сторонъ, стараются убѣдить общественное мнѣніе, что занятіе Рима ненужно, бесполезно, даже невыгодно для Франціи, вредно, стараются подѣйствовать и со стороны права, и — все напрасно. А съ точки зрѣнія права, римскій вопросъ весьма несложенъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ французское правительство вмѣшалось въ римскія дѣла безъ всякаго права, но предлогъ, по крайней мѣрѣ, былъ понятенъ: оно взялось поддерживать свѣтскую власть папы съ тѣмъ непреложнымъ условіемъ, что папское правительство произведетъ преобразованія, необходимыя для того, чтобы сдѣлать себя сноснымъ для своихъ подданныхъ. Это условіе не исполнено, стало быть Франція развязана: предлогъ не существуетъ. Во всякомъ договорѣ есть, кромѣ выраженныхъ условій, еще условія подразумеваемыя, о которыхъ не говорится ничего собственно потому, что они разумѣются сами собою. Такимъ образомъ никакой не было надобности, чтобы французское правительство говорило папскому: я даю вамъ помощь съ условіемъ, что вы эту помощь не воспользуетесь противъ моихъ союзниковъ и противъ самого меня, съ условіемъ, что вы изъ Рима не сдѣлаете гнѣздо заговоровъ; съ условіемъ, что вы не будете компрометировать достоинства моихъ войскъ, которыми вы только и держитесь. Этого не было сказано; но несомнѣнно, что все это разумѣлось само собою. Не исполняя высказанныхъ въ договорѣ условій и не исполняя условій подразумевавшихся, папское правительство не только развязало Францію отъ ея обязательствъ, но и поставило ее въ необходимость прекратить занятіе Рима.

Въ самомъ дѣлѣ, пока римскій дворъ противопоставлялъ только неослабное сопротивленіе дружескимъ совѣтамъ Франціи, — еще можно было выжидать. Правда, что изъ всего видна была неспособность свѣтской власти папы въ поддержаніи самой себя, невозможность переродиться, ожить; правда, что цѣлая нація, также имѣющая свои права, чтобы достроиться, имѣла нужду въ развалинахъ свѣтской власти папы; но все-таки, имѣя въ виду только правильныя отношенія между Франціей и Римомъ, можно было съ нѣкоторою натяжкою допустить, что Франція пренебрегаетъ на время своими общими политическими интересами и продолжаетъ оказывать покровительство. Но наконецъ то мѣсто, гдѣ Франція почти исключительно охраняла главу католичества, сдѣлалось лабораторіей, гдѣ изготовляются заговоры, грабежи и пожары. Выходитъ, что покровительство оказывается не свободѣ папскаго престола, а свободѣ всевозможныхъ преступленій. Папа, обманутый просками тѣхъ, кто увѣряетъ, будто ему служить, совершенно безсиленъ въ вѣчномъ городѣ. Когда папы царствовали въ самомъ дѣлѣ, они снаряжали экспедиціи противъ разбойниковъ; а теперь разбойничьи экспедиціи снаряжаются въ Римъ: разбойники собираются, вооружаются, получаютъ деньги и выступаютъ въ неаполитанскую область сотнями и — извѣстны ихъ подвиги. — Вотъ что нынче дѣлается въ Римѣ. Но что замышляется впредь, то можетъ быть еще храбрѣе по отношенію къ Франціи. Римъ враждебенъ нынѣшнему порядку вещей во Франціи; онъ гораздо больше имѣетъ сочувствія къ Австріи, къ легитимизму, къ бурбонамъ, и подъ покровительствомъ наполеоновскаго оружія многія партіи хлопочуть о томъ, чтобы организовать и содѣйствовать паденію Наполеона. Въ Римѣ ожидаютъ революціи, которая сдѣлаетъ необходимымъ возвращеніе во Францію графа Шамбора, и дѣлаются для этого радостнаго событія приготовленія, происходятъ свиданія и совѣщанія предводителей партій, совѣщанія бесполезныя, бесплодныя, потому что пока живъ императоръ Наполеонъ, пока французы такъ способны, какъ теперь, къ полицейской дѣятельности, нынѣшній порядокъ вещей во Франціи совершенно проченъ.

За то въ неаполитанской области Римъ дѣйствуетъ довольно успѣшно. Бывшій король неаполитанскій держится довольно осторожно въ сторонѣ отъ происковъ и интригъ; за то графъ Транани нѣсколько не скрываетъ своихъ сношеній съ такъ называемыми бурбонистами, или реакціонерами, принимаетъ у себя предводителей разныхъ шактъ, открыто ведетъ съ ними переговоры и явно отправляетъ ихъ въ неаполитанскую область, снабжая оружіемъ и деньгами. Съ своей стороны, нынѣшній королевскій на-

нѣстникъ въ Неаполь, генераль Чіальдини, принимаетъ противъ нихъ весьма дѣятельныя мѣры, которыя въ послѣднее время увѣщались многими успѣхами. При самомъ вступленіи его въ должность, открытъ былъ заговоръ, въ которомъ замѣшаны были князь Монтеилетто, князь Пополи, князь Оттаиано, и многія другія знатныя лица; но знатнѣйшимъ изъ заговорщиковъ оказался кардиналь-архіепископъ неаполитанскій, Ріаріо-Сфорца. Положительно не доказано, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ, но всеѣмъ было извѣстно, что онъ былъ въ постоянной оппозиціи итальянскому правительству: его гостинныя служили сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ непріятелей Италіи. Поэтому сказано ему было, чтобы онъ или объявилъ себя за Италію, или оставилъ Неаполь; онъ отвѣчалъ, что архіепископскаго поста своего не оставитъ, и что останется вѣренъ Франциску II. Тогда ему прислали паспортъ и поставили къ его крыльцу карету, ожидать, когда онъ вздумаетъ уѣхать. Когда онъ замѣтилъ, что съ нимъ не шутятъ и не ограничиваются пустыми угрозами, онъ топнулъ ногой и вскричалъ: Проклятый! (Maledetto!) Но не сказалъ, кого онъ проклиняетъ. На площади собралась большая толпа, и когда изгнанный ирелать поѣхалъ къ порту, раздались свистки и шиканье. Такимъ образомъ Неаполь, когда-то бывший городомъ весьма католическимъ, шумно радовался изгнанію своего архіепископа. Въ тотъ же вечеръ передъ дворцомъ намѣстника опять собралась большая толпа народу; рукоплесканія и крики: да здравствуетъ Чіальдини! да здравствуетъ Гарибальди! раздавались долгое время.

Затѣмъ въ Неаполь наступила самая благополучная тишина, самое роскошное спокойствіе. Жители Неаполя теперь говорятъ, что мало — видѣть Неаполь и потомъ умереть; теперь уже говорятъ, что надо видѣть его, пожить въ немъ, а потомъ уже умирать. Свободный Неаполь такъ теперь хорошъ, такъ свѣжа въ немъ стала политическая атмосфера, что вмѣстѣ съ своимъ очаровательнымъ климатомъ, онъ, безъ сомнѣнія, лучшій городъ въ Европѣ или даже на земномъ шарѣ. Газеты, и въ особенности клерикальныя, увѣряютъ, что бурбонисты одолѣваютъ революціонеровъ; другія, болѣе либеральныя газеты увѣряютъ, что бурбонисты держатся еще во многихъ мѣстахъ, но отчасти уже истрѣбленные, скоро будутъ уничтожены окончательно. Жители же Неаполя, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, и слышать не хотятъ о инсургентахъ, имъ до нихъ и дѣла нѣтъ никакого. Въ самомъ дѣлѣ, Европа имѣетъ слишкомъ преувеличенное понятіе объ этихъ шайкахъ; въ некоторыхъ мѣстахъ дѣйствительно бродятъ отряды, шны и многочисленныя, человекъ въ двѣсти; но для Неаполя это ничего

не значить. Это тоже самое, какъ еслибы мы знали, что въ полутора верстахъ отъ Петербурга есть шайка разбойниковъ, въ пятидесяти другая, и даже произведенъ какой-нибудь грабежъ въ десяти верстахъ отъ города. Для большей части мирныхъ жителей эти извѣстія были бы вовсе не важны и не мѣшали бы наслаждаться и хорошею погодой, «и солнцемъ въ море заходящимъ, и Лиды ясной красотой».

Ложнымъ понятіямъ о состояніи Неаполя способствуетъ еще великое невѣжество жителей неаполитавской области. Еще есть возможность добиться правды въ самомъ Неаполѣ, гдѣ образованность распространилась въ массы противъ воли бывшаго королевскаго правительства, а во всѣхъ остальныхъ частяхъ бывшаго королевства народъ отличается совершеннымъ отсутствіемъ грамотности и, стало быть, легковѣріемъ, незнаніемъ ни законовъ, ни силъ своего правительства, суевѣріемъ и способностью вѣрить только вооруженной силѣ. Для примѣра возьмемъ одно только мѣстечко Скафати, въ часовомъ разстояніи отъ Неаполя. Тамъ съ необычайною наглостью распространяются самые желтые слухи. Такъ на примѣръ 1 августа прошелъ тамъ слухъ, что въ столицѣ разстрѣляны всѣ бурбонистскіе предводители, и между прочимъ генералъ Боско. Такъ какъ во всякомъ глупѣйшемъ слухѣ есть хотя малая доля правды, то и тутъ была правда; но она заключалась въ томъ, что поймали, но еще не разстрѣляли, одного изъ предводителей шакетъ, капитана Боско. Народъ въ Скафати не принадлежитъ собственно ни къ бурбонистамъ, ни къ приверженцамъ итальянскаго единства, и тоже самое можетъ быть сказано обо всей южной Италіи. Просвѣщенные классы держатся всѣми силами новаго порядка, и чѣмъ просвѣщеннѣе община, тѣмъ она либеральнѣе. Толпа не держится ничьей стороны и уступаетъ той партіи, которая страшнѣе. Въ прошломъ году въ эту пору Гарибальди боялись какъ огня, и страхъ передъ нимъ былъ въ народѣ съ сильнымъ религіознымъ отбѣнкомъ, тотъ же самый страхъ, съ какимъ ожидаютъ страшнаго суда; и этотъ-то страхъ сильно пособилъ баснословно-быстрому завоеванію Обѣихъ Сицилій. Пьемонтцевъ боялись уже гораздо меньше, потому что они поступали гораздо умѣреннѣе, да и дѣло ихъ состояло уже не въ разрушеніи стараго порядка, а только въ сохраненіи новаго; и тогда реакція модняла голову. Намѣстникъ короля, Понца ди Сан-Мартино, старался прослыть челоуѣкомъ самымъ кроткимъ и миролюбивымъ; отъ этого реакція сдѣлалась всеобщою и почти превратилась въ возстаніе. Совсѣмъ не разбойники, не реакціонеры обвиняютъ Чіальдини въ безпощадности. Отъ этихъ клеветъ Чіальдини, въ глазахъ народа, сдѣ-

зался какимъ-то колоссальнымъ демономъ разрушенія всякой преграды, поставленной итальянскому единству, тогда какъ у людей просвѣщенныхъ благодушіе Чіальдини, пощадившаго столько крови, вошло почти въ поговорку.

Страхомъ все объясняется въ этой несчастной, хотя и облагодѣтельствованной природою странѣ. Такъ напр. въ Скафати есть ситцевая фабрика Мейера, съ двумя тысячами рабочихъ. Въ прошедшемъ году, еще при Францискѣ II, одинъ работникъ этой фабрики убилъ подмастерью. Не было никакой возможности добиться правосудія, и убійца продолжалъ жить въ общинѣ, и разгуливалъ по улицамъ свободно, среди бѣла дня. Жители боялись его; ни одинъ не смѣлъ его схватить и представить въ судъ, боясь столько же шенія убійцы, сколько судебныхъ проволочекъ и прикосновенности къ дѣлу. Это продолжалось до появленія Гарибальди. Тогда уже убійца пришла очередь бояться, и въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ. Но въ послѣднее время онъ опять появился на улицахъ Скафати: онъ не зналъ, что обстоятельства сильно перемѣнились, что въ Италіи естьуже земская стража, называемая національною гвардіей: убійца теперь схваченъ и сидитъ въ тюрьмѣ.

Это крошечный образчикъ того, что дѣлалось и дѣлается въ цѣлой неаполитанской области, почти въ каждой общинѣ. Страхомъ объясняется тамъ все. Но это не кладетъ шокора на цѣлый народъ, который тутъ ни въ чемъ не виноватъ: онъ таковъ, какимъ его сдѣлали; онъ не глупъ, но невѣжественъ; онъ испорченъ, онъ не низокъ, а униженъ. По усмиреніи нынѣшнихъ безпорядковъ и разбоевъ, придется дѣлательно приступить къ образованію этого народа; и это не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда: въ продолженіе послѣдняго года, по крайней мѣрѣ въ самомъ Неаполѣ, онъ сдѣлалъ огромные успѣхи.

Для усмиренія страны, Чіальдини принимаетъ весьма дѣятельныя мѣры: земская стража, регулярное войско и гарибальдисты быстрыми передвиженіями изумляютъ разбойниковъ, разбиваютъ ихъ при каждой встрѣчѣ, и уже не далеко то время, когда положеніе измѣнится къ лучшему, въ ожиданіи болѣе радикальнаго его исправленія, именно освобожденія итальянской столицы отъ присутствія иноземныхъ войскъ. Въ этомъ направленіи министерство Риказоли работаетъ, но съ какимъ успѣхомъ — пока еще неизвѣстно: несомнѣнно только то, что переговоры ведутся, что итальянскій посолъ при французскомъ дворѣ, г. Нигра, очень торжественно и въ то же время очень ласково былъ принятъ императоромъ, и что г. Риказоли представлялъ пять или шесть проектовъ различныхъ способовъ рѣшенія римскаго вопроса. Къ несчастію, самое это ино-

жество различныхъ проектовъ показывають уже, что ни одинъ изъ нихъ покажется не отличается особенною удовлетворительностью и большою вѣроятностью принятія.

Между тѣмъ денежные дѣла страны находятся въ довольно удовлетворительномъ положеніи. Заемъ удался вполне. Положено было, что сначала будутъ подписываться частныя лица, приблизительно до половины всей назначенной для займа суммы въ 500 милліоновъ, а потомъ остальное будетъ роздано банкирамъ. Частная подписка была такъ успѣшна, что зашла за тысячу милліоновъ, и такимъ образомъ каждый подписчикъ получать только четвертую часть облигацій, которыхъ требовалъ. Любители биржевой игры и ажіотажа упрекали министра финансовъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ въ пользу банкировъ слишкомъ малую уступку, только $\frac{1}{2}$ процента, и въ то же время сдѣлалъ ту же уступку и частнымъ лицамъ, при подпискѣ на 100.000 фр. годового дохода. Поэтому многія частныя лица складывались понемногу, чтобы, внося деньги разомъ, получить $\frac{1}{2}\%$ уступки. Но г. Бастолжи не могъ распорядиться иначе въ интересахъ своей операціи. Поведя онъ дѣло не такъ, банкиры навели бы биржу своими облигаціями, предлагая ихъ съ уступкою $\frac{1}{4}$ проц., и операція была бы подорвана, потому что банкиры продавали бы облигаціи на $\frac{1}{4}$ проц. дешевле правительства. Надо замѣтить, что это все-таки дѣлается, хотя теперь и не представляетъ большой опасности. Заемъ выпущенъ по $70\frac{1}{2}$, а на биржахъ онъ продается уже съ 29 іюля по 70—26, и по 70—20 банкирами, которые получили $\frac{1}{2}$ уступки за коммисію. Понятно, что банкиры погубили бы и заемъ, и съ нимъ вмѣстѣ дѣло всей Италіи, если бы частнымъ лицамъ не была сдѣлана тоже уступка въ $\frac{1}{2}$ процента.

Другія распоряженія правительства не такъ удачны, и въ этомъ согласны даже всѣ ревностнѣйшіе поклонники Риказоли и его министерства. Таковы всѣ дѣла, имѣющія сопркосновеніе съ Гарібальди. Великій освободитель южной Италіи требовалъ четвертымъ изъ своихъ сподвижниковъ высшей степени савойскаго военнаго ордена. Генералы Медичи, Биксіо, Тюрръ и Козенцъ должны были получить звѣзды и ленты этого ордена. Военный министръ своимъ умомъ дошелъ до того, что эти генералы не имѣютъ права на такую высокую степень отличія, потому что статуты ордена требуютъ для этого извѣстныхъ сроковъ выслуги, и именно въ извѣстныхъ офицерскихъ чинахъ. Надо признаться, что мудрено придумать другую такого же рода мелкую прилирку. Дѣло идетъ о вознагражденіи заслугъ совершенно выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, по поводу которыхъ не могутъ быть принимаемы въ соображеніе никакіе статуты, никакія правила. Послѣ этого и самъ Гарібальди

не имѣть права на этотъ орденъ, вѣдомучто не выслужилъ срока. Придерживаться закона, рутинны — дѣло иногда весьма хорошее; но надо же и тутъ знать мѣру. *Est modus in rebus* — предлагается здѣсь. — Говорятъ, что гарибальдійскіе генералы отказываются отъ командорскихъ крестовъ военнаго ордена, предлагаемыхъ намѣсто звѣздъ, которыхъ требовалъ ихъ предводитель. Если уже допустить возможность награжденія орденами героевъ освобожденія южной Италіи, то само собою разумѣется, что они могутъ принять только то, что требовалъ для нихъ предводитель — уже изъ одного уваженія къ нему, и къ себѣ, и къ совершенному подѣ его начальствомъ дѣлу.

Послѣ первыхъ успѣховъ Гарибальди въ Сициліи, всею Италіею или во крайней мѣрѣ вѣрною частью ея населенія овладѣло чрезвычайное безпокойство, неодолимое стремленіе туда, гдѣ тысяча человекъ побѣждала десятки тысячъ, гдѣ загоралась заря свободы и единства Италіи. Въ регулярномъ войскѣ оказались весьма частыя побѣги; сначала дезертировали рядовые, а потомъ и офицеры бросали свои знамена, записывались въ волонтеры и ѣхали въ Сицилію. По окончаніи похода, диктаторъ потребовалъ отъ короля полного прощенія всѣхъ, оставившихъ свои полки и присоединившихся къ волонтерамъ. Король охотно на это согласился; бывшій тогда министромъ г. Фарини написалъ декретъ, далъ его подписать королю и передалъ диктатору на его разсмотрѣніе и одобреніе. Среди тогдашней суматохи, Гарибальди, не любившій вообще заниматься бумажными дѣлами, позабылъ объ этой бумагѣ и съ остальнымъ своимъ добромъ захватилъ ее и увезъ къ себѣ на островъ Капреру. Между-тѣмъ министерство продолжало дѣйствовать по рутинѣ, и по мѣрѣ возвращенія освободителей южной Италіи къ своимъ полкамъ, сажало ихъ въ тюрьму, какъ дезертировъ, и подвергало военному суду. Жалобы на это рутинное законничество дошли наконецъ до капрерскаго пустынника; онъ вспомнилъ о декретѣ прощенія, отыскалъ его и напечаталъ въ газетахъ. Тогда только министерство догадалось, что поступало слишкомъ нелогично, преслѣдуя законнымъ порядкомъ людей, оказавшихъ отечеству не совсѣмъ формально-законную, но колоссальную услугу. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Италія не организуется до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ слѣдовать тупой рутинѣ: среди обстоятельствъ необыкновенныхъ нужно принимать и мѣры несомнѣнныя обыкновенныя.

Г. Риказоли разослалъ 31 іюля циркулярную депешу представителямъ Италіи за границей, поручая имъ сдѣлать изъ этой депеши такое употребленіе, какое они найдутъ удобнѣйшимъ для блага Ита-

лія. Въ депешѣ заключается довольно подробный обзоръ законченныхъ парламентскихъ работъ, и расчеты на будущія работы. Этотъ замѣчательный документъ послужитъ намъ основаніемъ для очерка занятій перваго итальянскаго парламента. Сначала, г. Риказоли обращаетъ вниманіе на выборы. Въ провинціяхъ, которыя незадолго до того составляли независимыя государства, и только что вступали въ новое положеніе, безъ всякой опытности въ свободныхъ учрежденіяхъ, выборы происходили совершенно правильно и въ полнѣйшемъ порядкѣ. Этотъ фактъ еще тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что провинціи, позднее другихъ присоединенныя, какъ Мархин и Умбрія, въ нѣкоторыхъ пунктахъ подвергались нападению напскіихъ войскъ именно во время выборовъ; въ то же время, въ провинціяхъ неаполитанскихъ и сицилійскихъ происходило сильное политическое волненіе, павлій король продолжалъ еще сопротивляться въ Гаэтѣ, и Мессина еще держалась. Не смотря на такое непрочное положеніе, новыя провинціи, составляющія теперь наибольшую часть королевства, свободно и правильно избрали своихъ депутатовъ; парламентскія пренія и голоса всей оппозиціи имѣли предметомъ только подстреканіе правительства къ ускоренію событій для пополненія независимости и единства Италіи, а не увлекали ее назадъ, къ прошедшему. Это, быть-можетъ, единственный примѣръ въ исторіи, показывающій, какъ глубоко въ сердцѣ каждаго итальянца чувство своей національности. Представители, созванные изъ разныхъ частей Италіи, вслѣдствіе прежняго политическаго устройства вовсе не знавшіе другъ друга, тотчасъ оказались согласными между собою въ основныхъ понятіяхъ единства и правъ націи. Новость положенія итальянскихъ провинцій была поводомъ къ многочисленнымъ и частымъ запросамъ, которые для нѣкоторыхъ казались излишними, а между тѣмъ были очень полезны, потому что знакомили представителей между собою, помогали имъ сближенію и облегчали слитіе различныхъ странъ между собою.

Первымъ дѣломъ представителей было торжественное подтвержденіе желаній народа — провозглашеніемъ королямъ Италіи того государя, котораго благородство и воинскія доблести такъ много помогли Италіи слѣлаться тѣмъ, что она есть. Слѣдуетъ замѣтить между прочимъ, что г. Риказоли въ своемъ циркулярѣ вспоминаетъ о Кавурѣ, говоритъ съ благодарностью о Викторѣ Эммануилѣ, а ни слова не упоминаетъ о томъ, кому Италія обязана и своимъ единствомъ, и своимъ освобожденіемъ, и тѣмъ согласіемъ, какос замѣчалось въ основныхъ принципахъ депутатовъ, и единодушнымъ провозглашеніемъ короля Италіи, и тою почти лихорадочною дѣ-

тельностью, съ какою производилась дѣла въ парламентѣ. Величіе освободителя Италіи не дастъ покоя людямъ, которые мельче его, и они дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы только не упомануть о немъ.

Далѣе, циркуляръ г. Риказоли дѣлаетъ обзоръ законодательной дѣятельности парламента. Утверждены законы о наборѣ сухопутныхъ и морскихъ войскъ, расширено учрежденіе подвижной земской стражи. Утвержденъ законъ о соединеніи долговъ мелкихъ государствъ въ одну итальянскую долговую книгу, и кромѣ того удачно совершонъ заемъ. Приняты рѣшительныя мѣры для быстрого устройства большой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Всего уступлено 2700 верстъ желѣзныхъ дорогъ, которыя должны быть готовы въ разное время, отъ 1½ до 8 лѣтъ. Вся эта сѣть обойдется въ 750 миліоновъ, изъ которыхъ 290 миліоновъ будутъ выданы правительствомъ. Затѣмъ, бросая взглядъ на пройденный Италією путь, г. Риказоли съ гордостью находитъ достаточныя поводы сказать, что Италія слѣлана. «Да, повторяетъ онъ, Италія слѣлана, хотя часть ея находится еще въ рукахъ иностранцевъ, ибо мы увѣрены, что Европа, увидя насъ хорошо организованными, хорошо вооруженными и сильными, убѣдится въ нашемъ правѣ владѣть всею нашею землею, и найдетъ ручательство за миръ въ возвращеніи намъ недостающихъ частей; ибо мы увѣрены, что Европа, хорошо насъ узнавъ, убѣдится, что мы, народъ по преимуществу католическій, лучше всякаго другого народа понимаемъ истинныя интересы церкви, когда требуемъ, чтобы она отказалась отъ феодальныхъ правъ, несогласныхъ съ цивилизаціей, когда предлагаемъ ей въ обмѣнъ полную независимость и свободу въ отправленіи ея святого призванія, и благодарность и уваженіе возрожденной націи.»

Но для итальянскаго правительства — не все розы безъ шиповъ. Нѣкоторые уважаемые и вліятельные въ Италіи люди не держатъ сторону итальянскаго единства и предпочитаютъ этому единству конфедерацию. Они обвиняютъ министерство Кавура и нынѣшнее въ непередусмотрительности, въ излишней осторожности, даже въ трусости, въ пьмонтествѣ. Надо замѣтить, что изъ всѣхъ обвиненій, послѣднее опаснѣе другихъ, потому что Италія хочетъ остаться Италіей, — а не слѣлаться Пьемонтомъ. Одинъ изъ этихъ обвинителей есть знаменитый Чернуски, который двѣнадцать лѣтъ тому назадъ былъ сотрудникомъ Мадзини въ управленіи римской республики. Въ послѣдней рѣчи своей въ палатѣ, 29 мая, Кавуръ упомянулъ имя Чернуски, отвѣчая на запросъ депутата Брофферіо. Этотъ послѣдній, доказывая необходимость признать данныя диктаторомъ Гарибальди чины, назвалъ и Чернуски, какъ одного изъ за-

ичитниковъ Рима въ 1849 году. Кавуръ, какъ пзвѣстно, по непостижимой близорукости, соглашался на утвержденіе въ чинахъ только тѣхъ лицъ, которыя сражались въ сѣверной Италіи въ 1859 году, а о Чернуски сказалъ, что «онъ имѣлъ въ Парижѣ хорошее мѣсто, и въ 1859 году не счелъ нужнымъ его оставить, чтобы сражаться за Италію въ регулярномъ войскѣ или вмѣстѣ съ волонтерами...» На это Чернуски готовилъ отвѣтъ, когда вдругъ узналъ о смерти Кавура, и отложилъ это дѣло. Но потомъ онъ очень основательно сообразилъ, что слова такого человѣка, какъ Кавуръ, могутъ имѣть большой вѣсъ, и рѣшился выпче обнародовать свой отвѣтъ, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Мы рѣшаемся познакомить съ нимъ читателей, потому что въ отвѣтъ Чернуски превосходно изложенъ взглядъ на устройство Италіи большей части передовыхъ итальянцевъ. Тѣмъ не менѣе нельзя одобрить отвѣта Чернуски съ другой стороны, именно съ точки зрѣнія спокойствія Италіи. Страна эта еще такъ непрочно, несмотря на увѣренія г. Риказоли, будто она уже сдѣлана, такъ еще она въ зависимости отъ иностранной помощи, что не для чего было прибавлять ей затрудненій отвѣтомъ такого человѣка, какъ Чернуски. Но для насъ, зрителей постороннихъ, хотя и не равнодушныхъ, этотъ отвѣтъ любопытенъ въ высшей степени. Вотъ онъ почти сполна:

I

«Десять лѣтъ я молчу. Безмолвно, но внимательно и съ трепетомъ сердечнымъ слѣжу я за опытомъ, который производится въ Италіи. Я воздержался отъ всякой оппозиціи, я воздерживался даже отъ возвращенія въ отечество. Теперь, оскорбленный въ своей чести итальянца, я обязанъ обьясниться.

Во время паденія римской республики, я одинъ изъ всѣхъ представителей былъ задержанъ, и два раза былъ судимъ французскимъ военнымъ судомъ. Послѣ двукратнаго оправданія, я былъ перевезенъ во Францію. Въ 1852 году, когда было основано общество кредита на движимости, я поступилъ туда на службу. Въ февралѣ 1859 г. я вышелъ въ отставку, и когда въ апрѣлѣ разразилась война, я не имѣлъ службы, я былъ совершенно свободенъ.

Если я приговорилъ себя къ бездѣйствію, если я сражался въ 1848 и 1849 годахъ, а въ 1859 не принялъ никакого участія въ движеніи, если я остался во Франціи, то это потому, что я не имѣлъ никакого довѣрія къ пьемонтской политикѣ, которая проводитъ и конфискуетъ Италію въ свою пользу; это потому, что я федералистъ и по чутью, и по убѣжденію, основанному на здоровомъ размышленіи; это потому, что я не вѣрю; не смотря на кажущееся противно-

рѣшіе, окончателъному успѣху усилій, направленныхъ на слитіе Италіи въ одну націю.

II

«Война 1859 года должна была быть войною за независимость: Италія этого хотѣла. Но что вышло? австрійское войско нахлынуло на Пьемонтъ, французское войско при Маажентѣ освободило, а при Сольферино завоевало Ломбардію, которую Наполеонъ III подарилъ Виктору-Эммануилу.

Я знаю, что сардинскія войска сражались храбро, я горжусь этимъ, какъ итальянецъ; но я знаю также, что по несоразмѣрности числа и средствъ, они не могли бы освободить Пьемонтъ и завоевать Ломбардію.

Я знаю, что волонтеры, новая слава Италіи, опять платили своею кровью, также какъ они это дѣлали въ Венеціи и въ Римѣ; но они, наравнѣ съ сардинскими войсками, могли быть только вспомогательными отрядами при французской арміи. Такимъ образомъ, когда Франція остановилась, оставивъ Австрію въ Веронѣ, поневоля — все остановилось. Тогда итальянцы могли видѣть, что десять лѣтъ единодушныхъ возгласовъ не сдѣлали изъ Пьемонта *спаци* Италіи, обѣщаннаго освободителя.

III

«Далека отъ меня мысль, что мы могли бы освободиться безъ военной и дипломатической помощи Франціи. Намъ нужна Франція вещественно и нравственно. Если поступать иначе, то Италія заплутается, оставаясь въ ложномъ убѣжденіи о собственной инициативѣ, что неизбежно приведетъ къ ея гибели.

Это убѣжденіе въ необходимости помощи Франціи было причиною того, что римскіе республиканцы просили помощи французской республики, и довѣріе ихъ поддерживалось даже тогда, когда эта помощь, подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ, перешла въ нападеніе, въ войну. Франція, запустивши руки въ итальянскія дѣла, не должна была, не могла уйти ранѣе приведенія этихъ дѣлъ въ порядокъ. Это довѣріе, это убѣжденіе выражалъ я всегда и передъ французскимъ военнымъ судомъ, говоря: «Вашъ послѣдній батальонъ не отправится отсюда никогда».

Я всегда желалъ для своего отечества помощи Франціи, помощи, которая состоитъ въ томъ, что слабый опирается на сильнаго, не отдаваясь ему вполнѣ. Но вы, пьемонтская партія, именно по тщеславному стремленію къ единству Италіи (что васъ уединяетъ и не даетъ вамъ права обратиться къ суду Европы), находитесь въ та-

кой зависимости отъ Наполеона III, что вы должны были уступить ему днѣ свои старинныя провинціи, чтобы заставить его простить вамъ занятіе средней Италіи. Федеральная система, на которую какъ-то нарочно смотрять съ презрѣніемъ за ея воображаемую слабость, не дала бы даже и повода къ такой печальной и суровой крайности.

Въ силу этой уступки, Италия конечно становилась меньше, но это было вамъ ничего, потому что вы увеличивали Пьемонтъ; и Тоскана, благородная страна, мать столькихъ великихъ гражданъ, поифрила, будто она станетъ итальянскою только тогда, когда откажется отъ своей самостоятельности и войдетъ въ составъ сардинской монархіи.

IV

«Печально развитіе пьемонтской политики съ 1848 года. Она тогда называлась политикою слѣтія. Говоря о національности, о независимости, она имѣла одну только цѣль: захватывать какъ можно скорѣе и какъ можно больше земель, всѣми возможными средствами, играть на Италію, и во чтобы то ни стало спасти ставку, Пьемонтъ.

Эта политика, увлеченная реформами Пія IX, вслѣдъ за конституціей, обнародованной въ Неаполь (1), рѣшилась наконецъ обнародовать статутъ (2), взявъ однакоже предосторожность *укрѣпить и стянуть свои дружескія связи съ Австріей* (3).

Эта политика, положившая руку Пьемонта въ руку Австріи, оказалась помогать Милану, пока тамъ продолжалось возстаніе, а когда потомъ мы, миланцы, послѣ пятидневной кровавой борьбы, прогнали австрійцевъ (4), сардинскія войска перешли Тичино (5), чтобы предупредить, — какъ писали вы изъ Турина державамъ (6), — катастрофу, которая подвергла бы опасности тронъ его сардинскаго величества, и чтобы поддержать порядокъ въ странѣ, оставшейся безъ правительства (7). Самъ великій герцогъ Тосканскій не такъ себя вѣмъ; онъ предупредилъ Пьемонтъ и двинулъ свои войска противъ австрійцевъ при первомъ слухѣ о возстаніи въ Миланѣ (8).

(1) 11 января 1848.

(2) 8 февраля 1848.

(3) Подлинныя слова депѣши 13 марта 1848 года отъ сардинскаго кабинета Австріи.

(4) Ночь 23 марта 1848.

(5) 26 марта 1848.

(6) Циркулярная депѣша сардинскаго кабинета. См. англ. сивюю кнгу 1849 г., ч. II. № 155.

(7) Тамъ же, № 163.

(8) Великогерцогская прокламація 21 марта 1848. Тамъ же, № 165.

Эта политика хлопотала о немедленномъ обладаніи всею верхнею Италіей, когда тамъ стоялъ еще непріятель, стремилась къ завладѣнію Сициліей, упрямо отказывалась подписать десять статей договора, написаннаго Росмини, принятаго и подписаннаго всѣми правительствами Италіи, и такимъ образомъ давала Риму, Неаполю и Флоренціи законный поводъ отказаться и отозвать войска и флотъ, которыхъ они не могли не дать національному дѣлу.

Эта политика говорила осажденной Венеціи: «Присоединись, я помогу тебѣ»; и въ то же время говорила Австріи: «Я отдамъ тебѣ присоединенную Венецію, если ты признаешь за мною Ломбардію». (9).

Она, эта политика, послѣ того поторопилась предупредить просьбу о помощи, посланную въ Парижъ ломбардскимъ правительствомъ, послала королевскихъ комиссаровъ съ надлежащимъ полномочіемъ (10) и праздновала присоединеніе Милана въ виду приближавшихся австрійцевъ; она, на третій день послѣ этой церемоніи, дѣлала видъ, будто намѣревается начать защиту, сожгла миланскія предмѣстья, и черезъ двадцать четыре часа потомъ отгнала миланцевъ на произволъ Радецкаго, въ ту самую минуту, когда Карлъ Альбертъ публично клялся, будто скорѣе похоронитъ себя подъ развалинами города, чѣмъ его покинетъ (11). Навѣки несчастенъ тотъ роковой день, когда доблестный городъ, задушенный между войсками королевскими и войсками императорскими, былъ предательски лишенъ верховнаго права, на которое рассчитывалъ, права защищаться противъ иностранцевъ, которыхъ выгналъ четыре мѣсяца тому назадъ!

Это та политика, противъ которой Росси энергически боролся въ Римѣ; это та политика, которая торжествовала по случаю его смерти (12); которая, послѣ отъѣзда папы, стала вести переговоры о вступленіи пьемонтскихъ войскъ въ папскую область (13), которые переговоры вызвали негодованіе римскаго собранія и ускорили провозглашеніе республики (14), если не были ихъ прямою причиною. Эта политика подозрительно смотрѣла на римское демократическое движеніе; она, не посовѣтовавшись съ Италіей, съ одними

(9), Письмо, сполна написанное рукою сардинскаго короля, изъ Ровербелла, 7 іюля 1848 года. См. англ. синюю книгу 1849, ч. III, № 58.

(10) 2 августа 1848.

(11) 5 августа 1848.

(12) 15 ноября 1848.

(13) 18 января 1849. Секретная конвенція между римскимъ правительствомъ и чрезвычайнымъ комиссаромъ е. в. Карла Альберта, *короля Верхней Италіи*.

(14) 8 февраля 1849.

сардинскими силами, попытка атаковать австрийцев, что кончилось новарским поражением⁽¹⁵⁾, изъ которого Пьемонтъ вышелъ побѣжденнымъ, но цѣльнымъ⁽¹⁶⁾, тогда какъ Венеція была раздавлена.

V

«Послѣ такого умѣнья вести дѣло, вы неможко собрались съ духомъ и снова начали свою непрерывную и честолюбивую работу.

Итальянскіе государи видѣли въ увлекшемъ ихъ движеніи только случайныя, проходящія судороги; они продолжали то, на чемъ остановились; Австрія, черезъ ихъ посредство, безъ контроля царствовала надъ всей Италіей.

Вы съумѣли разставить приманку конституціонныхъ мѣръ. Населенія, смотря на васъ, кричали: Вотъ гдѣ помощь! Можетъ-быть вы также хотѣли истиннаго прогресса для Пьемонта, но въ вашихъ либеральныхъ стремленіяхъ главную роль играло желаніе увлечь этимъ Италію.

Г. Кавуръ, присоединивъ сардинское войско къ французскому и англійскому, открылъ Пьемонту двери въ парижскій конгрессъ, и это одно изъ самыхъ славныхъ его дѣлъ. На конгрессѣ, въ интересахъ Сардиніи и отъ ея имени⁽¹⁷⁾, министръ присоединился къ деклараціи, которую сдѣлалъ уполномоченный Франціи касательно ненормальнаго состоянія Италиі; и тогда Италиі показалось, что Пьемонтъ — ея адвокатъ.

Тогда, пользуясь великодушнымъ увлеченіемъ пламеннаго и отчаяннаго патріотизма предводителей партіи, пользуясь вѣрою въ единство, которое въ глазахъ итальянцевъ означаетъ тоже, что искупленіе, вы покрыли полуостровъ сѣтью пропаганды, которую Туринъ стѣснялъ и расширялъ по своему произволу.

VI

«Благодаря Гарибальди и его тысячѣ волонтеровъ, которыхъ вы допустили отправиться⁽¹⁸⁾ въ Марсалу, безо всякихъ средствъ, кромѣ ихъ геройства, отъ которыхъ вы потомъ отказались⁽¹⁹⁾, которыхъ потомъ признали и наградили, или лучше-сказать опозорили шестимѣсячнымъ жалованьемъ за то, что они вамъ дали два королевства, два волкана; благодаря Гарибальди и волонтерамъ, которые дали вамъ предлогъ воспротивиться ихъ революціонной

(15) 23 марта 1849.

(16) Сивья книга, т. IV, № 225, 233.

(17) Засѣданіе 8 апрѣля 1856, XXII протоколъ.

(18) 5 мая 1860.

(19) Офиціальная сардинская газета, 18 мая 1860.

пропагандѣ, вы захватили Умбрию и Мархин; наконецъ, все-таки благодаря Гарибальди и переговорамъ съ республиканскими приверженцами единства Италіи, эта страна въ восторгѣ отдается вамъ безусловно, и вамъ кажется, что вы достигли цѣли.

Теперь пьемонтскій мундиръ и савойскій крестъ царствуютъ на полуостровѣ до глубины Сициліи. И королевство итальянское говоритъ Европѣ: Васъ пять великихъ державъ; я — въ войнѣ съ одною, живу подъ покровительствомъ другой, но я хочу быть вамъ равною, хочу сдѣлаться шестою великою державой. И вы полагаете, вы провозглашаете, что безъ великихъ пожертвованій съ вашей стороны, на васъ будутъ смотрѣть какъ на Грецію и Бельгію, которыя были вполне признаны европейскими договорами? — Такъ вы забываете, что эти королевства родились отъ раздробленія, а не отъ скопленія старыхъ государствъ, что имѣтъ совершенно другое значеніе на вѣсахъ европейской политики. Вы забываете особенно, что вы никогда не одерживали большихъ побѣдъ, а это необходимое условіе, чтобы сдѣлаться великою державой.

Вы называете себя сильнымъ государствомъ; но Европа знаетъ и вы должны знать, что бы вы тамъ ни дѣлали, чтобы это скрыть: послѣ столькихъ присоединеній вы слабѣе прежняго. Дѣло въ томъ, что нельзя безнаказанно прикасаться къ поземельной организаціи цѣлаго народа, распредѣленнаго природою и исторіей на нѣсколько государствъ. вмѣсто того, чтобы собирать полки и миліоны, какъ вы надѣялись, вамъ приходится посылать деньги и войска, чтобы подавить сопротивляющуюся самостоятельность, чтобы наказывать въ странѣ, отдавшейся вамъ единодушно, разбойниковъ и бунтовщиковъ, которыхъ до присоединенія не было. Вы то слабы, то деспоты, вы управляете при помощи произвола и уловокъ, на этомъ югѣ, который вамъ такъ легко достался. Ваши намѣстники смѣняются тамъ безпрестанно, и вы зовете югъ — неудобноуправляемымъ.

Такъ какъ вамъ нельзя совѣтоваться съ присоединенными государствами о ихъ законодательной организаціи, ни оставить имъ ту, какая есть, болѣе опасныхъ уступокъ федералистамъ, самостоятельности каждаго края, то вы по необходимости налагаете диктаторски пьемонтскіе законы, ставите пьемонтскихъ чиновниковъ, которыхъ нигдѣ не терпятъ. Вы не освободили Италію, и зато вы принуждены обращаться съ нею такъ, какъ-будто вы ее завоевали.

Населенія угнетенныя, страдающія, волнуемыя и соблазненныя обманомъ такого рода, будто ихъ голоса рѣшаютъ судьбу Рима и Венеціи, отдавались свободно; но наконецъ они не позволяютъ обращаться съ собою какъ съ завоеваннымъ народомъ. Если они бу-

дуть продолжать страдать, если новый порядок вещей не составяется для нихъ ни политическаго, ни общественнаго шага впередъ, если Римъ и Венеція останутся такъ, какъ теперь, то логически случится вотъ что: за общею подачею голосовъ въ пользу единства съ Пьемонтомъ послѣдуетъ общая подача голосовъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ итальянскихъ земель. Одного часа бури совершенно довольно будетъ, чтобы распьемонтировать полуостровъ.

VII

«Если бы вы помогали развитію, или лучше—сказать передѣлкѣ итальянскихъ государствъ, вмѣсто того, чтобы пакликать и для одной только собственной выгоды разрабатывать овладѣвшую Италіей лихорадку единства, вы дали бы Италіи устроиться не проходя черезъ горестные опыты, которыхъ неуспѣшность ожидается всѣми. Пусть вспомнятъ размышленія, выраженные въ одной изъ важнѣйшихъ французскихъ депешъ⁽²⁰⁾: «Необходимо, чтобы Италія могла обвинять только самое себя въ разочарованіяхъ, которыя она себѣ готовитъ. Поражаемая неудачами, вызванными ея собственною опрометчивостью, или отрезвленная отъ волнующихъ ее «страстей», она приметъ изъ рукъ Европы какъ благодѣяніе то, что теперь ей кажется насиліемъ.» Эти размышленія ничуть не потеряли своего значенія съ тѣхъ поръ, какъ итальянское королевство признано Франціей...

Наше существованіе еще весьма зависимо; Италія дрожитъ и колеблется въ самыхъ основаніяхъ своихъ; ея средства парализованы; мы не только не сильны, мы едва живемъ. Откуда же эта зависимость и эта слабость, если не оттого, что правительство противорѣчитъ органическимъ свойствамъ страны?

VIII

«Италія не склонна къ единству ни по географическому очертанію своему, ни по исторіи, ни по рѣзкой самостоятельности населеній.

Прежде Рима, у нея не было единства; во время римской республики и имперіи, итальянскіе народы, завоеванные послѣ долгаго сопротивленія, видѣли въ Римѣ не столицу, а владѣтеля какъ самой Италіи, такъ и цѣлаго свѣта. Римъ палъ, въ Италіи оказалось нѣсколько различныхъ центровъ, и все центры свободы и величія, которые опять сдѣлали изъ нея расадникъ просвѣщенія. Вы ска-

(20) Деша министра иностранныхъ дѣлъ графу Монтебелло въ С. Петербургъ, 17 октября 1860.

жете, что разсадникъ палъ, истерзанный и ослабленный внутренними раздорами, и подчинился иностранцамъ. Такъ, по тогда Италія не знала еще федеральной, союзной связи. Одинъ разъ она въ союзъ вступила, во времена ломбардской лиги, и тогда одолѣла германскаго императора; но для государствъ то была еще пора завоеваній, общія выгоды тогда еще не установили новѣйшаго закона уваженія къ чужой землѣ, на чемъ теперь основано европейское равновѣсіе.

IX

«Французское единство составляетъ силу Франціи: вотъ великій доводъ, увлекающій итальянцевъ къ единству. Но единство это заключается въ самомъ очертаніи Франціи. Форма ея плотная, почти четырехугольная; всѣ важныя точки ея прямыми радіусами соединяются съ сердцемъ. У нея есть столица не выбранная, не приказанная, а настоящій центръ, около котораго собрались и сгруппировались различныя земли. И какимъ образомъ? Мало по малу, вслѣдствіе медленныхъ и тяжкихъ усилій. Впрололоженіе многихъ вѣковъ, каждый вѣкъ вносилъ свою лепту: тутъ участвовали и браки, и покупки, и уступки, и завоеванія. И прежде чѣмъ къ приставшей провинціи присоединялась новая, первая уже успѣвала войти въ тѣсный составъ единства; она уже не была предметомъ замѣшательства и затрудненій; она составляла прибавку силы, которая дозволяла совершить новое присоединеніе и усвоеніе.

Италія развѣ въ тѣхъ же условіяхъ? Гдѣ естественный центръ ея растянutoй формы? Въ какой точкѣ сходятся ея радіусы? Съ которыхъ поръ начался и вокругъ какой точки происходитъ процессъ соединенія?..

X

«Соединеніе находится въ умахъ! Это возможно; но если надъ странкою пронесся порывъ вѣтра, какъ бы онъ ни былъ силенъ, еще изъ этого не слѣдуетъ, что онъ-то и есть нормальная атмосфера, въ которой все будетъ процвѣтать. Заключается ли единство въ возможности, въ намѣреніяхъ неумолимой распорядительницы, именуемой силою обстоятельствъ? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Единство въ Италіи импровизовано уничтоженіемъ государствъ; но это уничтожаетъ всѣ отдѣльные центры, замѣняя ихъ однимъ, искусственнымъ и нелюбимымъ прочими; единство оскорбляетъ интересы, обычаи, чувства; оно, однимъ словомъ, разлагаетъ страну, а соединить ее не можетъ, потому что соединеніе страны есть плодъ или медленной работы уподобленія, или насилія. Времени нѣтъ у васъ впереди. Расчитываєте вы на насиліе? Но непріятель у дверей.

Федерация, напротивъ, уважаетъ самостоятельности; она оставляетъ каждое государство полнымъ распорядителемъ своего правительства и управления; она оживляетъ соревнованіе, она охраняетъ всѣ интересы, всѣ обычаи, всѣ чувства; она не хлопочетъ о соединеніи страны въ одно цѣлое: она связываетъ ее только въ одинъ пукъ.

По множеству и равновѣсію своихъ центровъ, Италія способна на федерацію, но неспособна на союзъ. Прогрессъ для нея состоитъ стало-быть въ томъ, чтобы сдѣлать лучшую изъ федерацій, а не худшее изъ единствъ, именно наоборотъ противъ того, что во Франціи, гдѣ прогрессъ заключается въ улучшеніи единства, а не въ основаніи невозможной федераціи.

Глупа, бесполезна и вредна всякая попытка, подъ предлогомъ улучшенія органическаго тѣла, начинать съ перемѣны самаго организма и даже организма частей.

Если единство, даже въ нынѣшнемъ состояніи, стоило намъ альпійскихъ склоновъ, которые не такъ нужны для защиты Франціи, уже столь сильной, какъ для защиты слабой Италіи, федерация, по признанію самой Франціи, сохранила бы намъ Савойю и Ниццу.

Справедливо или нѣтъ, только единство Италіи не правится Европѣ; единство признается, но все ограничено и условно. Федерация, напротивъ, есть новая и истинная независимость, которая дастъ намъ жить собственною жизнью, и успокоитъ Европу насчетъ излишняго вѣса, какой Италія давала нѣкогда Австріи, а теперь дастъ Франціи.

А успокоитъ Европу самымъ фактомъ истинно-независимой Италіи, значитъ — призвать лучшіе дни для Венеціи, приблизить ея освобожденіе.

XI

«Независимо отъ внѣшней политики, всякой націи, которая хочетъ организовать и жить, представляются три великіе, жизненные вопроса: войско, финансы, законы. Эти вопросы требуютъ немедленнаго рѣшенія. А ваше единство разрѣшаетъ ли ихъ, и какъ разрѣшаетъ?»

Вы хотите имѣть большое войско. Но вы столько говорили и повторяли, что все спасеніе въ единствѣ, что это — лекарство отъ всѣхъ болѣзней, вы сдѣлали изъ единства, въ глазахъ народа, какое-то провидѣніе, которое должно обо всемъ заботиться, все исправить, улучшить. Что же вышло? Что всякій считаетъ себя лично избавленнымъ отъ исполненія своей обязанности, отъ взноса своей помощи общему дѣлу; всякій ждетъ всѣхъ благъ, а жертвовать не хочетъ, и это войско, столь желанное, еще не близко къ

своему образованію. Теперь уже мы имѣли бы его, еслибы вмѣсто увеличенія сардинскаго войска, вы устроили войско федеральное.

Соревновеніе очень сильно въ Италіи; нѣкогда производило оно чудеса; оно и теперь произвело бы свое дѣйствіе. Каждая изъ сошанныхъ земель захотѣла бы превзойти всѣ другія въ воинственномъ усердіи. Сама Сицилія, которая не давала солдатъ бурбонамъ, не захотѣла бы остаться позади своихъ союзниковъ, особенно Неаполи. Сицилійскій отрядъ теперь уже былъ бы у насъ, тогда какъ теперь вы не знаете, какъ приняться за наборъ солдатъ для общаго, единаго войска, среди этого народа пламеннаго и страстно любящаго отечество.

Отчего же Италія не подражаетъ Швейцаріи? Не составляя единства, а заключая только союзъ, швейцарскіе кантоны пріобрѣли независимость. Именно благодаря конфедераціи, Швейцарія, при населеніи въ десять разъ меньшемъ противъ нашего, имѣетъ 80.000 войска, резервъ и земскую стражу во 100.000 человекъ. Ни отъ кого не завися, швейцарская конфедерація, хотя и замкнутая среди большихъ государствъ, сумѣла составить себѣ уважаемое политическое положеніе, и своими твердыми отношеніями добилась освобожденія своей Венеціи, Пешинателя, который однако, по трактатамъ, былъ въ зависимости отъ одной изъ великихъ державъ.

Вильгельмъ Тель не хлопоталъ о единствѣ, но скромный и честный, храбрый и упорный, онъ умѣлъ вести свои дѣла.

ХІІ

«Въ такой богатой странѣ, какъ Италія, съ государствами, изъ которыхъ многія имѣли первоклассное финансовое положеніе, легко было имѣть хорошіе финансы. Но не нужно было находить удовольствія въ смѣшиваньи, въ слитіи дѣлъ одного государства съ дѣлами другого.

Не нужно было предпринимать этой противурѣчивой, роковой работы, клонящейся все къ матеріальному единству, и то уничтожать налоги въ одномъ мѣстѣ, то налагать новые въ другомъ. Когда всѣ возстаютъ противъ новыхъ налоговъ, никто не станетъ благодарить васъ за уничтоженіе старыхъ, потомучто это уничтоженіе считается одною изъ необходимостей, которой вы не можете избѣгнуть по случаю единства.

Не надо было думать о слитіи въ одно цѣлое всѣхъ старинныхъ итальянскихъ долговъ. Эта мѣра прежде всего убавила цѣну фондовъ въ южныхъ государствахъ, а если вы захотите вознаградить тѣхъ, кто отъ этого пострадалъ, то придется еще увеличить свой долгъ.

Конфедерация не такъ бы поступала. Она опредѣлила бы для каждаго изъ союзныхъ государствъ взносы деньгами, точно также какъ и войсками. Всякій штатъ свободно распределяетъ свои частныя налоги, свободно ихъ измѣняетъ, и весьма довольный своею собственною инициативой, взапуски давалъ бы свои милыоны, безъ ропота, безъ жалобъ.

XIII

«Вы обѣщаете заняться заготовленіемъ однообразнаго кодекса для всей Италиі; а между тѣмъ вы распространяете временное единство сардинскихъ законовъ.

Когда бы успокоились дѣла политическія, можно бы похлопотать о постепенныхъ улучшеніяхъ, мѣстныхъ, не торопившихъ, обдуманыхъ, чтобы уменьшить разницу между различными итальянскими законодательствами; это было бы рационально, такъ поступала бы конфедерация. Но торопливо, среди политическихъ бурь и переворотовъ, замѣнить шесть различныхъ законодательствъ однимъ, хотя бы оно было самое лучшее (а оно хуже прочихъ), — это значитъ — паходить удовольствіе въ актѣ введенія замѣшательства даже въ святилище законовъ. Всякій новый законъ долженъ отправляться отъ стараго, на мѣсто котораго онъ вступаетъ. Чтобы нововведенія не были источникомъ замѣшательствъ и ошибокъ, надо, чтобы была очевидна связь между старымъ закономъ и новымъ. А введеніе пьемонтскихъ законовъ произошло съ полнымъ презрѣніемъ этихъ необходимыхъ предосторожностей.

Отъ этого судьи и судимые громко ропщутъ; въ Ломбардіи всякій согласился бы остаться при старыхъ законахъ, хотя вы и зовете ихъ австрійскими; въ Болоньѣ недавно подписывались прошенія о сохраненіи папскихъ законовъ.

XIV

«Вамъ до всего этого нѣтъ дѣла; вы торопитесь учредить единство; вы хотите все смѣшать и перепутать, чтобы ужъ единство не было вопросомъ. Чтобы добиться единства, вы ни на что не смотрите: у васъ мало войска, плохи финансы, путаница въ законахъ, въ судопроизводствѣ, въ администраціи, неудовольствіе общее. И вы думаете, что строите не на пескѣ?»

А между тѣмъ, чтобы поддержать самообольщеніе, вы безпрестанно говорите о Венеціи, о Римѣ. Но первый изъ этихъ вопросовъ вы не разрѣшите ни въ пывшшемъ году, ни въ будущемъ, ни въ третьемъ, потомучто вы не нападете на Австрію, хотя у васъ есть охотѣ поощрительный, Новара, послѣ которой вы остались нетронуты.

Что касается до второго вопроса, до римскаго, то вы его точно такъ же не разрѣшите, какъ и первый. Онъ не отъ васъ зависитъ.

XV

«Римъ! Безъ Рима, говорятъ, единство умираетъ; повторяютъ, что ни Туринъ, ни какой другой городъ не можетъ быть столицей Италіи. Воображаютъ, будто Римъ однимъ именемъ своимъ будетъ имѣть магическое вліяніе на итальянскія столицы, и что онъ преклонится безъ возраженія и навсегда передъ этимъ великимъ воспоминаніемъ; говорятъ, будто Капитолій одинъ можетъ быть органическимъ центромъ королевства.

Римъ! Это солнце, освѣщавшее міръ много вѣковъ, свѣтило, къ которому обращаются очарованные взоры всѣхъ поколѣній. И теперь еще Римъ составляетъ задачу для Запада. Итальянцы требуютъ Рима; воды Тибра, говорятъ они, текутъ съ Апенниновъ; семь холмовъ вѣчнаго города — авзонскіе, стало быть онъ нашъ!

И я также думалъ, что Италія въ Римѣ. Пламенный и твердо убѣжденный, я бросился было туда ⁽²¹⁾. Паны не было: онъ бѣжалъ. Форумъ былъ въ огнѣ. Мы засѣдали въ Капитоліѣ. Галлы Бренна, сдѣлавшіеся потомками крестоносцевъ, проникли въ сенатъ ⁽²²⁾, сорвали насъ съ нашихъ креселъ, но не могли изъ насъ вырвать ни слова примиренія.

Но что же я видѣлъ въ Римѣ? Я видѣлъ, что сверхъ катакомбъ, посреди базиликъ, нѣтъ мѣста для трибуновъ, и еще меньше для короля.

Въ негодованіи противъ чудесъ искусства, которыя сдѣлали изъ Рима городъ первосвященниковъ, возбужденный громомъ пушекъ, въ отчаянномъ припадкѣ патріотизма, я набрелъ на вандальскую мысль: взорвать церковь Петра, обрушить этотъ куполь Микели Анджео, куполь, прикрывающій папство! О, вѣдь и я тоже чувствовалъ то, что чувствуютъ теперь итальянцы; я чувствовалъ это на самой вершинѣ Капитолія: я хотѣлъ Рима во что бы то ни стало.

Съ тѣхъ поръ годы и размышленія открыли мнѣ жестокою дѣйствительностью, которой я не зналъ. Я узналъ, что пока двѣ большія имперіи, отдѣляемыя отъ насъ альпами, будутъ объявлять себя католическими, онъ не дадутъ Италіи Рима, или отнимутъ его у нея.

Въ своей монархической средѣ, церковь еще сильна. Она хочетъ остаться римскою; она не намѣрена выселиться. Она была слаба

⁽²¹⁾ Декабрь 1848.

⁽²²⁾ 5 іюля 1849.

для сохраненія своихъ провинцій ; но запертая въ Римъ , она защищена штыками католической политики.

Но если, потерявъ всякое собственное достоинство, вы упрощаете, умоляете и не можете получить отъ Французовъ то, что они сдержатъ, если вы не можете отнять у нихъ ключи второго Иерусалима, то развѣ поэтому мы откажемся устроить Италію ?

Имѣть Римъ, когда имѣемъ Неаполь, Палермо, Флоренцію, Венецію, Миланъ, Туринъ, — это былъ бы лишній перлъ въ конфедерація ; но это не талисманъ.

Счастливо еще мое отечество ! Какая нація на лицѣ земномъ могла бы сдѣлать какъ она : уступить Римъ и остаться Италіей !

XVI

«О патриоты ! вы, которые всегда и вездѣ сражались тамъ, гдѣ развѣвалось итальянское знамя, не спрашивая, какая рука держитъ его, республиканская или королевская, федеральная или унитарная ! Вы, дорогие и незабвенные друзья по Милану и Риму, не бойтесь съ моей стороны возмутительныхъ словъ, которые вы проклянете. Я не произнесу ни одного слова вызова. Не принадлежа ни къ какой нынѣшней партіи, избѣгая мрака заговоровъ, я никогда не умышлялъ ничего втихомолку. Когда я дѣйствовалъ, то это было всегда среди бѣла дня, въ ту минуту, когда дѣйствіе начиналось по самой силѣ всей. Вы всѣ, которые прежде всего хотите быть итальянцами, идите, испытайте свои силы !

Но если наступитъ кризисъ, если единство покачнется, если оно, подавленное столькими трудностями внутри и извнѣ, расширяется, въ тотъ день опасность будетъ ужасна, въ тотъ день умереть нельзя.

Австрійская реакція постарается проникнуть во всѣ щели ; она знаетъ почву ; она сумѣетъ кликнуть кличъ къ самостоятельнымъ, не совсѣмъ заснувшимъ ; однимъ взмахомъ она вновь состроитъ старинныя государства со всею прежнею механикой. Опираясь на старые центры, она будетъ чувствовать себя сильною въ сравненіи съ непріятелями разсѣянными, растерянными, которые будутъ ждать приказаній изъ искусственнаго, удаленнаго, шаткаго центра. Въ тотъ день, итальянцы, колебаться нечего, нечего терять ни минуты. Вамъ теперь извѣстенъ планъ реакціи : перехитрите его, исполните его сами, въ другую сторону. Займите раньше позицію непріятеля, овладѣйте прежними государствами. Вы предупредите реакцію. Тогда вы установите правительства, когорья скоро и легко организуются, будутъ свободны, равны между собою, и утвердятся вокругъ федеральнаго ковчега, скажутъ Европѣ : вотъ Италия !»

Хотя все это и очень горячо и довольно убѣдительно сказано, хотя во всемъ этомъ очень много правды, но этою рѣзкою выходкой такой уважаемый въ Италіи человѣкъ, какъ Чернуски, могъ сильно повредить своей Италіи. Федеральное устройство несомнѣнно выгоднѣе единства уже по одному тому, что въ отдѣльныхъ, почти вовсе независимыхъ одинъ отъ другого штатахъ, свобода развивается привольнѣе, цивилизація проникаетъ въ массы удобнѣе, чѣмъ въ огромномъ государствѣ. Этому способствуетъ и небольшой объемъ штата, и соревнованіе между сопредѣльными и даже дальними областями, и болѣе короткое знакомство съ государственными потребностями въ болѣе тѣсномъ кругу государства, не говоря уже о томъ, что въ Италіи областныя историческія преданія заранѣе приготовили страну къ федеральному устройству. Но объ этомъ теперь нечего говорить. Дѣло слѣдано, и теперь возвращеніе къ отдѣленію областей для образованія федераціи было бы непростительною слабостью, даже трусостью. Теперь едва ли были бы довольны этимъ самыя населенія, попомучто отдѣленіе отъ Италіи для образованія напр. новой Тосканской области, тотчасъ напомнитъ населенію и самоуправство, и Австрію, и бѣлые мундиры, нѣмецкихъ солдатъ, и всѣ миновавшіе теперь ужасы разрозненности земель прекрасной Италіи.

Австрійскія дѣла

Г. фонъ Меттернихъ говорилъ, что Италія не существуетъ, что это не болѣе, какъ географическое выраженіе. Но обстоятельства сложились послѣ того такъ удачно, что итальянцы теперь съ большимъ удовольствіемъ примѣняютъ сказанную о нихъ фразу къ самой Австріи. Въ самомъ дѣлѣ, военная сила до сихъ поръ держала австрійскія земли въ искусственной связи. Вдругъ, довольно неожиданно, дипломъ 20 октября прошлаго года съ большою осторожностью даетъ имъ нѣкоторую долю самостоятельной жизни, не болѣе того, сколько нужно, чтобы не дать имъ окончательно задохнуться. Для сильной центральной власти почти незамѣтно было, какъ чужды другъ другу ей подвластные элементы. Давно извѣстно, что исторія никогда не научаетъ ничему тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ. Такъ и центральная австрійская власть, подобно старинному алхимику, не знала, что явныя соединенія образуютъ опасныя вещества, въ роѣ пороха или гремучаго воздуха, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣйствуютъ разрушительно, и что другія вещества никакъ не могутъ соединиться при одномъ только условіи давленія, какъ бы это давленіе ни было сильно. Но увѣренный въ томъ, что соединеніе совершилось, алхимикъ открываетъ свою колбу и въ присутствіи

цѣлой толпы любопытныхъ зрителей , которые съ участіемъ слѣдятъ за опытомъ , съ великимъ смущеніемъ находятъ , что элементы не соединились , отталкиваются , разсыпаются , ползутъ врозь . Сначала алхимикъ macht dazu ein dummes Gesicht , какъ говоритъ Гейне , а потомъ вдругъ догадывается , что нужно дѣлать , скорѣе закрываетъ колбу и рѣшается , чтобы вѣриѣе подѣйствовать , налечъ еще сильнѣе , надавить искусно придуманными снарядами . Когда произойдетъ взрывъ , и произойдетъ ли онъ , алхимикъ ничего этого знать не хочетъ ; онъ увѣренъ , что произойдетъ слитіе подвергаемыхъ опыту элементовъ , и давить сильнѣе .

При открытіи колбы 20 октября , объявлено было , что Венгрія хотя и составляетъ отдѣльное въ нѣкоторомъ смыслѣ королевство , но собственно говоря она есть страна , во всѣхъ отношеніяхъ совершенно слитая съ имперіей . Собрался венгерскій сеймъ , и вмѣсто того , чтобы доказать свою слитость назначеніемъ членовъ въ общій для всей Австріи государственный совѣтъ , объявляетъ , что онъ желаетъ остаться отдѣльнымъ отъ имперіи государствомъ какъ по сбору податей , такъ и по рекрутскимъ наборамъ . Въ отвѣтъ на это алхимики вѣнскаго кабинета сочинили рескриптъ , о которомъ говорено было въ прошломъ мѣсяцѣ , можетъ-быть въ увѣренности , что это только такъ кажется , а что слитіе произошло . Тогда венгерскій сеймъ , съ большою рѣшимостью , соглашался даже хотъ сейчасъ назадъ въ колбу , отвѣчаетъ , что слитія нѣтъ и не будетъ . Что же сдѣлаютъ алхимики ? Захлопнуть ли колбу ? Или признаютъ опытъ неудавшимся и дозволить несоединившимся элементамъ существовать такъ , безъ соединенія ? Это покаместъ еще покрыто мракомъ неизвѣстности , даже и по телеграфу ничего еще не слыхать .

Но вопросъ весьма любопытный . Достанетъ ли у г. фонъ Шмерлингъ твердости , чтобы не только составить новое положеніе , но и настоять на его исполненіи ? Или императору угодно будетъ назначить новаго министра для приведенія въ порядокъ произведенной этимъ господиномъ кутерьмы ? Или конституціонное устройство будетъ отмѣнено окончательно и все останется въ томъ видѣ , какъ было до 20 октября прошлаго года ?

Послѣдняго несчастья кажется бояться нечего , потому что государственный совѣтъ предположено было созвать для поправленія финансовъ , а съ 20 февраля они , какъ извѣстно , еще нѣсколько запутались . Министерство хотѣло было на дняхъ вынудить небольшой заемъ , миліоновъ въ полтора или въ двѣсти , но банкиры ужаснулись . 16 августа облигаціи 5% займа 1852 г. продавались на вѣнской биржѣ по 67,80; въ случаѣ новаго займа , цѣнность этихъ бумагъ упала бы очень много , никто не брался даже опредѣлить на сколько ,

да сверхъ того и новый заемъ не удался бы вовсе. Къ такому печальному обстоятельству присоединилась еще продѣлка какого-то шутника въ государственномъ совѣтѣ, г. Мертля съ товарищи, который сдѣлалъ министерству нескромный запросъ. Тутъ со всѣхъ сторонъ бѣда: мадьяры не хотятъ отказаться отъ своихъ правъ, утвержденныхъ старинными договорами и многими обѣщаніями и присягами императоровъ; славяне не выбираютъ депутатовъ въ вѣискій государственный совѣтъ, въ Трансильваніи не былъ еще созванъ сеймъ, венеціанская область (которая по ошибкѣ все еще въ актахъ зовется *ломбардо-венеціанскимъ* королевствомъ) находится въ напряженномъ состояніи пассивнаго сопротивленія; подати въ мирномъ краю приходится собирать вооруженною силой, а тутъ г. Мертля пристаётъ съ наивнымъ запросомъ къ военному министру:

«Такъ-какъ имперія находится въ мирѣ со всѣми европейскими государствами, а финансы находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи, то нижеподписавшіеся спрашиваютъ, почему не распускаютъ большей части войска?»

Всякій изъ читателей, да и сами дѣлающіе запросъ, очень легко могутъ дать отвѣтъ, но все-таки любопытно послушать, что отвѣтитъ на него военный министръ, фельдцейхмейстеръ графъ фонъ Дегенфельдъ. Впрочемъ извѣстно, что онъ можетъ отказаться отъ отвѣта, такъ какъ министерство отвѣчаетъ на запросъ палаты только въ такомъ случаѣ, когда находитъ это удобнымъ, именно когда отъ обвародованія отвѣта не пострадаютъ важные государственные интересы или начатые переговоры съ иностранными державами.

Но въ Австріи всѣ ждутъ переменъ министерства, такъ что графъ фонъ Дегенфельдъ можетъ отвѣчать все что ему угодно, или ничего не отвѣчать: онъ не будетъ имѣть вліянія на дальнѣйшій ходъ дѣлъ, которыя теперь находятся на высшей степени напряженности.

Адресъ венгерскаго сейма въ отвѣтъ на императорскій рескриптъ, о которомъ говорено было въ прошломъ мѣсяцѣ, опровергаетъ этотъ рескриптъ на всѣхъ пунктахъ, анализируя его подробно. Намъ невозможно привести здѣсь цѣликомъ весь этотъ важный документъ, составленный Деакомъ. Чтеніе его въ палатѣ продолжалось цѣлые три часа: такъ онъ обширенъ. Но вотъ его начало:

«Императорское и королевское апостольское величество,

«Когда прекратилась тяготѣвшая надъ нами въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ система, мы думали, что страданія наши кончились и положительно нацѣлились, что оставшіяся отъ нея несчастія излечатся

временемъ, а разореніе насъ и всей имперіи вознаграждаются силами націй, если только не наступятъ новыя несчастія... Сеймъ былъ созванъ, и мы считали первую своею обязанностью — съ почитательною откровенностью изложить вашему величеству все что, по закону, необходимо нужно для полнаго возстановленія конституціи и, стало быть, для успокоенія народа. Мы говорили отъ имени народа монарху, который хотѣлъ стать законно-коронованнымъ королемъ Венгріи, по закону о наследствѣ; мы говорили потому, что въ предварительныхъ мѣрахъ видѣли общее нарушеніе законовъ; мы считали своею обязанностью высказать, какими условіями право наследства и коронованія ограничены въ основномъ трактатѣ, которымъ венгерскій престолъ переданъ царствующему дому.

«Не мы постановили эти условія, и теперь не въ первый разъ требуется ихъ исполненіе. Ваши предки на тѣхъ же условіяхъ были коронованными государями Венгріи, и престолъ венгерскій достается вашему величеству на основаніи того же трактата, которымъ постановлены условія. Въ своемъ адресѣ мы не прошли уступокъ, мы не предлагали новыхъ законовъ для обезпеченія своихъ правъ. Мы требовали только, чтобы прагматическая санкція была строго исполняема во всемъ своемъ объемѣ, со всѣми условіями и со всѣми зависящими отъ нея обстоятельствами; мы просили, чтобы наша конституція и законы, постановленные сеймомъ, и отмененные безусловною властью, были возстановлены, чтобы право давать законы, измѣнять ихъ и отиѣнять не было у насъ отнято ни въ какой отрасли. Однимъ словомъ, мы хотѣли, чтобы законность и уставъ замѣнили безусловную власть не виоловину, а совершенно и исполнѣ. — Рескриптъ, обнародованный вашимъ величествомъ 21 іюля, положительно отвергаетъ наши законныя желанія: изъ всего его содержанія и его духа мы съ горестью убѣдились, что ваше величество желаетъ не царствовать въ Венгріи въ силу прагматической санкціи.»

Далѣе въ адресѣ вычисляется множество законовъ для доказательства того, что никогда не было совершенной связи между Венгріей и остальною монархіей, и между прочимъ приводится законъ 1715 г. ст. 3: «его королевское величество не хочетъ управлять страню иначе, какъ наблюдая законы, постановляемые сеймами» и что «Венгрія не можетъ быть управляема какъ другія страны». Далѣе сказано, что сеймъ не можетъ довольствоваться тѣмъ будто бы ручательствомъ за свою самостоятельность, какое выражено въ рескриптѣ, именно что представители Венгріи будутъ обсуживать налоги и рекрутскіе наборы вмѣстѣ съ другими провинціями. Сеймъ «нисколько не успокоенъ этими словами. Уставная самостоятель-

ность страны нарушена уже тѣмъ, что ваше величество, безъ предварительнаго согласія сейма, предписываетъ законы, и даже не спрашиваетъ сеймъ, принимаетъ ли онъ это важное измѣненіе устава.» Сеймъ спрашиваетъ: «Гдѣ же будетъ ручательство за эту самостоятельность, если одинъ изъ наследниковъ вашего величества, ссылаясь на нынѣшній примѣръ, такимъ же образомъ поступитъ и съ остальными нашими правами и законами?»

Разсматривая финансовый вопросъ, адресъ говоритъ: «Не станемъ останавливаться на законахъ 1715 и 1790 годовъ, и упомянемъ только четвертую статью 1827 года, гдѣ сказано ясно и положительно, что «все роды налоговъ и другихъ сборовъ деньгами или продуктами, также какъ и рекрутскій наборъ, будутъ подчинены разсмотрѣнію сейма; что это право не можетъ быть отнято у сейма ни подъ какимъ видомъ, даже въ случаяхъ необыкновенныхъ; и что нельзя увеличивать налоги, положенные сеймомъ, ни учреждать новые, безъ согласія сейма.»

Въ рескриптѣ было сказано, что царствующій домъ всегда управляетъ иностранными сношеніями всей имперіи, и будто бы изъ этого слѣдуетъ, что слитіе Венгріи съ остальною монархіею было *полное*. Адресъ отвѣчаетъ на это: «Въ нашемъ отечествѣ есть также верховныя права, которыя уставною грамотой вручены самому королю. Но такъ какъ король венгерскій есть также государь другихъ провинцій, то естественно, что подобныя права, какъ по отношенію къ Венгріи, такъ и по отношенію къ другимъ землямъ, принадлежали одному монарху. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы *слитіе было полное*. Одно изъ такихъ правъ короля венгерскаго состоитъ въ томъ, что онъ устроиваетъ отношенія съ иностранными землями сообразно своей верховной королевской власти. Наши законы (поименованы числа и статьи) заключаютъ въ себѣ ограниченіе, что вопросы о войнѣ и мирѣ, именно по отношенію къ Турціи, должны разсматриваться съ участіемъ мадяровъ; что въ Венгріи и въ земляхъ къ ней принадлежащихъ, война не можетъ быть предпринята безъ согласія страны; что условія заключеннаго мира должны быть сообщены сейму: что при оттоманской портѣ, возлѣ императорскаго резидента, будетъ резидентъ венгерскій, на одинаковыхъ правахъ», и т. д.

Далѣе, по поводу финансовъ, адресъ доказываетъ, что въ этомъ случаѣ Венгрія была всегда совершенно независима, и что не далѣе какъ въ 1811 году правительство хотѣло заставить Венгрію заплатить сто миліоновъ за билеты *размѣнной кассы*, выпущенные правительствомъ, и въ этой просьбѣ Венгрія отказала. «Еслибы Венгрія не была самостоятельна и независима, то его величество

не обратился бы къ ней съ предложеніемъ уплатить часть государственныхъ долговъ, и Венгрія не могла бы въ этомъ отказать.» Изъ всего этого адресъ заключаетъ, что полнаго слитія никогда не существовало и что законы 1848 года не посягали ни на общественное право, ни на исторію Венгрии, и только возвысили страну на ту степень развитія, какая требовалась по современному состоянію цивилизаціи.

Далѣе адресъ разъясняетъ противорѣчіе, вкравшееся въ рескриптъ. Тамъ говорится, что Венгрія произвела смуты 1848 года вслѣдствіе исполненія законовъ этого года; адресъ напоминаетъ, что и Кроація, которая шла *противъ* эти законы, тоже потеряла свои права.

«Уже одно выраженіе рескрипта, что ваше величество, «въ полнотѣ своей королевской власти, желаете условно возстановить венгерскую конституцію» — достаточно, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое довѣріе, даже по отношенію къ сдѣланнымъ обѣщаніямъ. Прагматическая санкція не признаетъ полноты королевской власти въ дѣлахъ законодательства. Король венгерскій можетъ отвергнуть представленный ему проектъ закона, можетъ пригласить сеймъ составить новые законы; но онъ обязанъ уважать законы, утвержденные королевскою властью, до тѣхъ поръ, пока они не уничтожатся обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ, точно такъ же, какъ всякая страна и всякій гражданинъ обязанъ преклоняться передъ ними и повиноваться монарху, какъ верховному установленному исполнителю законовъ.»

Въ рескриптѣ сказано, что законы 1848 года составляли посягательство на права другихъ провинцій. Адресъ не знаетъ, что это за права? Въ прагматической санкціи ни слова не говорится о правительствѣ общемъ, а ст. 10 закона 1790 года гласитъ, что «Венгрія есть страна свободная, и, по отношенію къ законной формѣ своего правленія, независимая и ничѣмъ не обязанная никакой другой странѣ или народу (*nulli alteri regno aut populo abnoxium*), но что она обладаетъ самостоятельностью и собственнымъ устройствомъ.»

«Мы желаемъ — говорится далѣе — остаться въ братскомъ согласіи съ народами наслѣдственныхъ провинцій и по справедливости дѣлить съ ними несчастія и тягости. Но это можетъ быть и при удержаніи нашихъ законовъ и нашей самостоятельности, безъ малѣйшей опасности для государства.» Потомъ адресъ разсматриваетъ то мѣсто рескрипта, гдѣ говорится о Трансильваніи и Кроаціи. Доказывается, что присоединеніе первой, происшедшее въ 1848 году, совершенно законно и имѣетъ полную силу, потому что законно собраный сеймъ Трансильваніи рѣшилъ присоединеніе,

венгерскій сеймъ его принялъ, его величество утвердилъ и наконецъ трансильванскіе депутаты засѣдали въ парламентѣ 1848 года. Что касается до Кроаціи, то законы 1848 года не присоединили эту страну, а оставили ее въ качествѣ «союзной страны».

Адресъ кончается слѣдующими словами: «И такъ мы принуждены, какъ представители народа, съ глубочайшимъ почтеніемъ и откровенностью объявить, что мы крѣпко держимся прагматической санкціи и всѣхъ безъ исключенія уставовъ, входящихъ въ ее составъ, и что все, противное ей, не допускается, какъ неконституціонное. Мы крѣпко держимся конституціонной независимости страны и не можемъ признать, по отношенію къ другимъ странамъ, внѣхъ связей, кромѣ тѣхъ, которыя постановлены прагматическою санкціей. Мы не можемъ признать императорскаго диплома, обнародованнаго 20 прошлаго октября, ни распространенія на Венгрію патента 26 февраля и не можемъ принять ихъ содержаніе въ основу нашихъ совѣщаній, ни признать ихъ обязательными для Венгріи. Мы тоже торжественно протестуемъ прогивъ того, будто государственный совѣтъ можетъ имѣть для Венгріи, въ какомъ бы-то ни было отношеніи, власть законодательную, или какую другую, а объявляемъ, что не пошлемъ въ него представителей; и, объявляя, что всякое избраніе такого рода, которое можетъ быть произведено внѣ сейма, и всякое принятіе полюбныхъ избраній—будеть нарушеніемъ нашей конституціи, мы не признаемъ, чтобы люди, избранные такимъ образомъ, могли какъ бы то ни было представлять собою Венгрію. Такъ какъ внѣ воли законнаго короля и внѣ конституціонной воли націи никто не можетъ законно располагать Венгріею и ея правами, то мы объявляемъ, что будемъ признавать неконституціонными и несуществующими декреты государственнаго совѣта касательно Венгріи; что мы не будемъ считать обязательными для Венгріи никакихъ налоговъ, никакихъ обязанностей, какія могутъ быть наложены государственнымъ совѣтомъ, никакого займа, никакой продажи земли, какіе онъ можетъ назначить, и будемъ признавать все это несправедливымъ, такъ какъ это будетъ сдѣлано безъ согласія страны. — Мы объявляемъ, что хотимъ сохранить въ неприкосновенности конституціонное право націи, по которому она, въ своемъ сеймѣ, располагала своими налогами и солдатами, и не соглашаемся уступить этихъ правъ государственному совѣту. — Мы крѣпко держимся конституціоннаго права, по которому власть издавать новые законы, толковать и отмѣнять существующіе, принадлежитъ только государю и законно созванному сейму. Мы не признаемъ законными самовольные законы и не можемъ допустить, чтобы утвержденные законы были въ которой-нибудь изъ своихъ

частей уничтожаемы или измѣняемы самовольною властью. Поэтому мы крѣпко держимся законовъ 1848 года, во всемъ ихъ прострѣствѣ, и считаемъ ихъ правильными, потому что они были постановлены конституціоннымъ порядкомъ и торжественно утверждены королями. Мы объявляемъ, что прежде нежели сеймъ будетъ дополненъ на основаніи закона, мы не можемъ приступить ни къ обсужденію законовъ, ни къ обсужденію диплома восшествія на престолъ. Мы объявляемъ наконецъ, что признаемъ нынѣшнее управленіе страной — именно самовольныя распоряженія неконституціонныхъ чиновниковъ — незаконнымъ, подлежащимъ наказанію по нашимъ законамъ, а прямыя и косвенныя налоги, постановленные и распределенныя въ противность закону и собраніе ихъ посредствомъ вооруженной силы — противными конституціи.

«Мы съ горестію видимъ, что ваше величество, королевскимъ рескриптомъ, сдѣлали невозможнымъ всякое соглашеніе и окончательно порвали нить. Королевскій рескриптъ находится внѣ венгерской конституціи; но онъ постановляетъ основнымъ закономъ императорскіе дипломъ и патентъ, изданные самодержавною властью и противныя нашей конституціи; мы, напротивъ, по обязанности относительно отечества, по нашему положенію представителей, и по убѣжденію, держимся венгерской конституціи и только можемъ разсуждать на ея основаніи. Эти два расходящіяся, противныя направленія не могутъ привести къ желаемому соглашенію. Намъ начертано направленіе нашими священнѣйшими обязанностями, и мы не можемъ его оставить. Мы объявляемъ это съ глубокимъ прискорбіемъ, но вслѣдствіе рескрипта государя, мы вынуждены признать, что нить парламентскихъ переговоровъ разорвана.

«Можетъ-быть снова наступятъ для нашего отечества бѣдственныя дни, но мы не должны выкупать ихъ цѣною своихъ гражданскихъ правъ. Конституціонная свобода страны не составляетъ нашей собственности, которою мы могли бы свободно распоряжаться; нація довѣрила намъ охрану своей свободы, и мы отвѣчаемъ за нее передъ отечествомъ и своею совѣстью. Если нужно страдать, нація будетъ страдать, чтобы спасти для будущаго поколѣнія конституціонную свободу, доставшуюся отъ предковъ. Она будетъ страдать, не теряя надежды, также какъ предки страдали и терпѣли для защиты правъ своей страны; ибо что можетъ отнять сила и власть, то могутъ отдать время и благоприятныя обстоятельства, но то, отъ чего нація свободно откажется, боясь страданій, — приобретается обратнo съ трудомъ и сомнительно. Нація будетъ страдать, надѣясь на лучшую будущность и твердо вѣруя въ справедливость своего дѣла.»

Получивъ такой отвѣтъ на рескриптъ, министерство должно

было почувствовать себя весьма нехорошо ; но императоръ отиѣчалъ , что адресъ будетъ зрѣло обдуманъ , и отвѣтъ въ свое время будетъ доставленъ .

А между тѣмъ и славяне , на аграмскомъ сеймѣ , тоже зрѣло обдумывали свои дѣла , и находили , что ихъ прежняя конституція была гораздо либеральнѣе нынѣшней , основанной на патентѣ 26 февраля , и что они потеряли ее по причинамъ совершенно невѣдомымъ . Въ Венгріи , положимъ , была революція , Венгрія за это и лишилась своей конституціи . А кроаты , съ своимъ знаменитымъ баномъ Елашичемъ , вѣрой и правдой отстаивали престолъ , а между тѣмъ тоже остались безъ старинныхъ правъ , но съ новымъ правомъ сколько угодно говорить понѣмецки . Славяне находили , что ни патентъ , ни государственный совѣтъ не даютъ имъ ручательства за свободное развитіе ихъ народныхъ интересовъ . Совѣщаніе на аграмскомъ сеймѣ были далеко не благопріятны для Венгріи , и еще болѣе выражали недовѣрчивости къ вѣнскому государственному совѣту . Въ своихъ совѣщаніяхъ славяне находили , что королевство должно быть сначала восстановлено , конституція прежняя должна быть ему возвращена , а потомъ уже можно будетъ поговорить о коронованіи короля триединого королевства кроато-славо-далматскаго . Различные члены сейма предложили три разныхъ рѣшенія по вопросу о выборѣ представителей въ государственный совѣтъ . Предложеніе : оставить этотъ вопросъ до окончательнаго устройства политическихъ отношеній между Кроаціей и Венгріей — было отвергнуто . Другое предложеніе : условиться объ этомъ прежде съ центральнымъ правительствомъ — также отвергнуто . Принято было просто объявить , что Кроація не желаетъ принять участія въ совѣщаніяхъ государственнаго совѣта . Поводы этого рѣшенія явствуютъ сами собою изъ преній , происходившихъ на сеймѣ .

Получивъ такой отвѣтъ , министерство тоже должно было почувствовать себя нехорошо .

На самомъ дѣлѣ , оно не исполнило того , чего отъ него ожидали при самомъ началѣ , при вступленіи г. фонъ Шмерлинга , даже преданнѣйшіе его друзья . Такъ напримѣръ г. фонъ Шмерлингъ представляетъ государственному совѣту на разсмотрѣніе проектъ закона о печати . Проектъ заимствованъ не изъ англійскихъ , не изъ бельгійскихъ , не изъ прусскихъ учреждений : онъ взятъ отъ Испаніи и отъ Франціи , съ значительнымъ развитіемъ строгостей , со введеніемъ даже того , что въ послѣднее время оставлено даже и во Франціи . Его проектъ — ученое соединеніе мѣръ предупредительныхъ съ карательными , при большомъ распространеніи случаевъ соучастія . Съ одной стороны правительству предоставляется право за-

крывать типографіи, что ставитъ издателей въ прямую зависимость; съ другой стороны правительство приостанавливаетъ или запрещаетъ журналы по поводу одного или двухъ предостереженій. Наконецъ упругость нѣкоторыхъ опредѣленій и расширеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ нарушенія закона даютъ чрезвычайно-широкое поле приговорамъ за *нравственное соучастіе*. По нѣкоторымъ статьямъ проекта, въ нравственномъ соучастіи можетъ быть обвиненъ учитель математики, преподававшій эту науку двадцать лѣтъ назадъ тому, чья статья подлежитъ почему-нибудь судебному преслѣдованію.

Австрійскія газеты сильно обезпокоились этимъ проектомъ, который прежде всего былъ разобранъ въ вѣнской Presse. Онѣ стали восхвалять прежнюю цензуру, которая не давала повода къ преслѣдованіямъ за нравственное соучастіе, при которой вопросъ о напечатанной или не напечатанной статьѣ ограничивался подписью официального лица, на самой статьѣ.

Французскія дѣла

Во Франціи все обстоитъ въ высшей степени благополучно. Впрочемъ, само собою разумѣется, что иначе тамъ и быть не можетъ: такой уже тамъ заведенъ порядокъ. Въ послѣднее время тамъ самое рѣзкое событіе состояло въ *возможности* приѣзда въ шалонскій лагерь короля прусскаго, и газеты по этому случаю потратили много краснорѣчія и истощали весь свой запасъ догадокъ и предположеній. Сначала газеты рассказывали, будто носятя слухи о приѣздѣ его прусскаго величества въ шалонскій лагерь; потомъ заговорили громче, что слухи подтверждаются, что это уже окончательно рѣшено и подписано, что свиданіе короля съ императоромъ назначено рѣшительно такого-то числа. Рассказывали даже, какіе смотрятъ войскамъ котораго числа будутъ производиться, и какимъ маршемъ который полкъ будетъ проходить мимо августѣйшаго гостя и августѣйшаго хозяина. Упоминали сверхъ того, что войска будутъ маневрировать совсѣмъ особеннымъ образомъ, какой еще не виданъ въ цивилизованной Европѣ, но какимъ именно образомъ — это составляло тайну императора, какъ самого изобрѣтателя этого великаго и многознаменательнаго преобразованія.

Слѣдуетъ замѣтить мимоходомъ, что всѣ эти слухи, обозначавшіе сближеніе Франціи съ Пруссією и слѣдовательно обѣщавшіе упроченіе мира, были причиною довольно значительнаго возвышенія курсовъ, и что этимъ возвышеніемъ воспользовались какъ слѣдуетъ — кто могъ.

Прусскій король былъ въ это время на волахъ въ Баденѣ, и тамъ сумашедшій студентъ Беккеръ выстрѣлилъ въ его величество и

нанесъ ему незначительную рану въ шею. Тогда со всѣхъ сторонъ Европы посыпались поздравленія съ счастливымъ исходомъ этого преступнаго покушенія, а 8 августа въ Монитёрѣ было объявлено, что король Вильгельмъ не поѣдетъ въ шалонскій лагерь, а будетъ имѣть свиданіе съ императоромъ Наполеономъ во Франціи, но въ слѣдующемъ октябрѣ. Газеты схватили это извѣстіе и начали его обрабатывать на всѣ лады. По вопросу, гдѣ произойдетъ свиданіе? отвѣчали, что въ Страсбургѣ; а когда именно? замѣтили, что 8 октября. На запросъ, не будетъ ли еще кого при этомъ свиданіи, газеты отвѣчали, что будетъ, и именно германскіе короли: баварскій, саксонскій, виртембергскій и ганноверскій, и даже начали-было по именамъ называть машинистовъ тѣхъ локомотивовъ, которые повезутъ ихъ величества въ Страсбургъ.

Но потомъ оказалось, что это все — напрасная тревога, потому что король Вильгельмъ не поѣдетъ на это вымышленное свиданіе. За то король шведскій былъ въ шалонскомъ лагерѣ, и былъ конечно очень хорошо принятъ. Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ, кричали ура, все было какъ слѣдуетъ. Изъ Франціи король шведскій поѣхалъ въ Англію, видѣлся съ королевскою фамиліей, присутствовалъ въ Лондонѣ на обѣдѣ, данномъ въ честь его, выслушалъ нѣсколько рѣчей и уѣхалъ домой.

Между тѣмъ наступало великое торжество 15 августа, день рожденія его величества императора французовъ. Сердца вѣрнопопданыхъ готовились излить свои чувства въ усердныхъ возгласахъ, въ иллюминаціяхъ, въ фейерверкахъ, въ хорошихъ биржевыхъ оборотахъ, ибо на эти послѣдніе обращено самое постоянное, самое влюбленное вниманіе всякаго истаго француза. Такъ какъ въ этотъ великій день должно было проявиться все усердіе французскаго народа, такъ какъ желанія всѣхъ французовъ, благоденствующихъ подъ ловкимъ управленіемъ обожаемаго императора, должны были слиться въ одинъ торжественный и радостный гимнь, то министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій обратился къ епископамъ съ циркулярнымъ предложеніемъ слѣдующаго содержанія:

«Ваше преосвященство, праздникъ императора черезъ нѣсколько дней будетъ считатьъ еще одну новую годовищину и созоветь населенія къ сочетанію ихъ молитвъ и желаній въ пользу государя, который съ такою заботливостью печется о драгоценнѣйшихъ интересахъ нашихъ. Увеличивая всякій день благосостояніе страны, его величество, сверхъ того, твердою рукою поддерживаетъ наши славныя преданія. Трактатами открывается дальній востокъ для цивилизующей силы евангелія; наши флоты обезпечиваютъ покровительство христіанъ въ Сиріи, и торжественнымъ актомъ святѣйшій

отецъ благодарить наши войска за получаемую отъ нихъ опору и безопасность. Правда, остается еще побѣдигь большія затрудненія; но ихъ разрѣшеніе должно быть дѣломъ политики терпѣливой, правдивой и умѣренной, и въ особенности дѣломъ провидѣнія. Будемъ просить Всевышняго о божественной помощи ихъ императорскимъ величествамъ въ ихъ постоянныхъ заботахъ о мирѣ народовъ, о счастіи и величїи Франціи. Такимъ образомъ моя просьба совпадетъ и съ вашимъ намѣреніемъ: она состоитъ въ томъ, чтобы вы назначили торжественный *Te Deum* съ молебствіемъ за императора, въ день Успенія, во всѣхъ церквахъ нашей епархіи, по окончаніи приходской обѣдни. Я приглашаю г. префекта условиться съ вашимъ преосвященствомъ о мѣрахъ, какія должны быть приняты при этомъ религіозномъ и народномъ торжествѣ.

Почти всѣ епископы сообщили этотъ трогательный циркуляръ приходскимъ священникамъ съ предписаніемъ его исполнить; но нѣкоторые сочли полезнымъ прибавить съ своей стороны надлежащія наставленія и іеремїады. Такъ напримѣръ епископъ аррасскій прибавляетъ, что «мы сильно нуждаемся *въ испрашиваніи помощи божїей*, ибо наша католическая цивилизація, которая одна сдѣлала истинное добро новѣйшимъ обществамъ, теперь, болѣе нежели когда-либо, подвержена нападеніямъ, клеветамъ, лжи и скандаламъ безстыдной и необузданной печати...» Далѣе епископъ сѣтуетъ на нынѣшнее время, что христіанство падаетъ, что «христіане стали скуны, деньги любятъ, деньги прячутъ, мало Богу даютъ», и что правительство Наполеона III нехорошо поступаетъ, позволяя «междоусобной войнѣ обогрять кровью прекрасныя страны Италїи, гдѣ таинственные судьбы народовъ совершаются въ ужаснѣйшихъ суророгахъ, среди борьбы *счастливыхъ преступленій противъ умственныхъ высокихъ добродѣтелей*, а посреди и сверху всего этого величайшїй, священнѣйшїй представитель порядка на землѣ, папство, служить цѣлью сорвавшихся съ цѣпи страстей, тогда какъ *левъ рыкающій* безначальныхъ революцій бродитъ вокругъ Рима, въ нетерпѣнїи, въ нѣнѣ, въ одышкѣ выжидающїи минуты, чтобы пожрать эту трижды священную добычу, которую наши солдаты имѣютъ неслыханную честь охранять днемъ и ночью.» «А впрочемъ», — прибавляетъ епископъ, — «соображаясь съ видами правительства, отслужите 15 числа требуемыя молебствїя.»

Праздникъ 15 числа былъ великолѣпный; было много счастливыхъ, потому что въ этотъ день нѣсколько столбцовъ «Монитера» было занято именами лицъ пожалованныхъ кавалерами ордена почетнаго легїона различныхъ степеней. Между счастливыми оказалось нѣсколько композиторовъ, литераторовъ, довольно много чи-

новининовъ, и конечно особенно много военныхъ. Массы наслаждались иллюминаціями, фейерверками, музыкой, и какъ разумеется само собою, любители чужихъ часовъ и платковъ обдѣлывали въ толпѣ свои дѣлишки, и нѣкоторые изъ нихъ, захваченные недремлющимъ окомъ заботливой полиціи, были отвелены въ тюрьму.

Промышленники болѣе высокаго полета свои дѣла обдѣлывали нѣсколько удачнѣе: Г. Эмиль Перейра получилъ орденъ почетнаго легіона, а членъ законодательной палаты г. Каллей Сен-Поль, судомъ оправданъ. Г. Каллей Сен-Поль въ 1856 году задумалъ колоссальное предпріятіе въ роляхъ кассы Миреса и общества кредита на движимости: онъ основалъ *Финансовый и промышленный союзъ* съ капиталомъ во сто миліоновъ франковъ. Но по подпискѣ на акціи собрано было всего только 13½ миліоновъ. Въ 1860 была ликвидація, и оказалось всего 5,600,000 франковъ. Изъ этихъ денегъ четыре миліона употреблены на покупку восточныхъ соляныхъ варницъ, миліонъ назначенъ на оборотъ по варницамъ, а 600,000 роздано акціонерамъ. Во время этихъ различныхъ тревоженій общества, *окралось* въ дѣла нѣсколько злоупотребленій, какъ напри- мѣръ раздача искусственныхъ, неправильныхъ дивидендовъ, биржевая игра для искусственнаго возвышенія цѣны акцій, фальшивые счета, обманъ акціонеровъ, общее собраніе составленное основателемъ изъ шести только акціонеровъ, и проч. и проч. Но все кончилось довольно благополучно, такъ какъ независимо отъ произведенныхъ фальшивыхъ денежныхъ оборотовъ, г. Каллей Сен-Поль произвелъ еще двухъ дочерей, изъ которыхъ одна за генераломъ Флери, а другая за герцогомъ д'Исли. Поэтому судъ нашолъ, что дѣйствія г. Каллей Сенъ-Поль во всемъ этомъ дѣлѣ заслуживаютъ строгаго порицанія, но что преступленія собственно не было, и потому отвѣтчикъ освобождается отъ дальнѣйшаго преслѣдованія; съ платою только 3,000 фр. штрафу за неправильно-розданные, искусственные дивиденды.

Миресь, о которомъ мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, подалъ на апелляцію и теперь каждую ночь проводитъ въ тюрьмѣ, а каждый день работаетъ съ адвокатами въ своей бывшей канцеляріи, приготавливая защиту. Это очень хорошо, и если онъ можетъ, то пусть оправдается; но только чѣмъ же виноваты бѣдные люди, имѣвшіе съ нимъ дѣла и разоренные доверьзя? Этотъ господинъ живетъ теперь чрезвычайно роскошно, всякій день великолѣпно обѣдаетъ въ своей канцеляріи и, говорятъ, не можетъ обѣдать иначе, какъ съ оркестромъ музыки, который услаждаетъ его слухъ, въ то время, какъ услаждается желудокъ. Многіе изъ акціонеровъ и лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла, считали бы себя совершенно

удовлетворенными, если бы получили только то, чего стоит одинъ его обѣдъ съ музыкальною приправой. Шейлокъ-Фигаро имѣеть еще въ то же время свойства Фальстафа: удивительно широкая натура! какъ говорилъ адвокатъ, защищавшій его передъ судомъ. Но еще не столько широты въ этой троеличной натурѣ, сколько емкости.

АНГЛІЙСКІЯ ДѢЛА

Парламентъ закрыть обыкновенною королевскою рѣчью, и за-сѣданія кончились. Когда они начинались мѣсяцевъ шесть тому назадъ, всѣ ждали, что пренія будутъ горячія, плодотворныя, и всѣ ошиблись. Какъ будто всѣ партіи согласились не подымать ни одного серьезнаго конституціоннаго вопроса. Не было представлено билля о реформѣ, поговорили слегка о закрытой подачѣ голо-совъ или балотировкѣ, о майнутахъ субсидіи, о дипломатическихъ и консульскихъ расходахъ: тѣмъ и кончилось. Опозиціи не было; изъ ея предводителей одинъ, г. Дерби, былъ нездоровъ, другой, г. Дизраели, не приготовился снова вступить въ управление. Трех-ная рѣчь обѣщала много хорошаго, именно что представлень бу-детъ законъ о банкротствахъ, законъ объ облегченіи продажи ве-движимой собственности, объ уравненіи повинностей въ Англіи и Валлисѣ, о преступленіяхъ, и «многія другія общепользныя дѣла.» Особенно послѣдняя фраза много обѣщала.

Но въ первый же день, г. Уайтъ предложилъ измѣненіе въ адресѣ съ требованіемъ билля о реформѣ. Произошли великія пренія, въ которыхъ очень мало было сказано о реформѣ и очень много говорено объ Италіи; послѣ чего измѣненіе было отвергнуто 129 голосами противъ 46. Черезъ недѣлю представлень былъ законъ о банкротствахъ. Онъ былъ измѣненъ, передѣланъ и иска-жонъ палатою лордовъ и наконецъ принятъ только 1 августа. Въ первыя двѣ недѣли на палату сыпались разные частныя проекты, обыкновенно представляемые членами. По средамъ эти проекты разсматривались, и аккуратно каждую среду правительство было разбираемо одинъ, а иногда и два раза. Но во всѣхъ этихъ зако-нахъ заключался только интересъ мѣстный, въ нихъ ничего не было политическаго, и потому дѣло всякій разъ не имѣло другихъ послѣдствій. Правительство приняло на свой счетъ большую часть похвалъ, которыя были расточаемы войску и флоту по поводу ки-тайской экспедиціи, хотя и было сдѣлано нѣсколько строгихъ замѣчаній за пожаръ императорскаго дворца въ Пекинѣ.

Съ самаго начала собранія не прошло почти ни одной недѣли, чтобы не было преній о поведеніи иностранныхъ правительствъ, о

дипломатическомъ вліяніи Англіи на дѣла въ Италіи, въ Австріи, въ Россіи, въ Испаніи, въ Турціи, въ Америкѣ, вездѣ. Всякую недѣлю одинъ изъ ораторовъ дѣлалъ доносъ на честолюбивые виды Франціи, на реакціонное движеніе въ Австріи, на прошки папы и итальянскихъ герцоговъ, на расчеты Австріи противъ Италіи. Цѣлыя засѣданія были посвящены этимъ вопросамъ, съ прибавкою толковъ о торговлѣ неграми и о протестантахъ въ Испаніи. Между тѣмъ обѣщанія тронной рѣчи о «многихъ другихъ общепользующихъ дѣлахъ» не исполнялись. Пренія о банковыхъ билетахъ Кошута заняли также нѣсколько бесполезныхъ засѣданій.

Первая попытка оппозиціи была 5 марта, въ видѣ предложенія г. Додсона, который требовалъ, для пользы земледѣлія, уничтоженія пошлины на хлѣбъ. Г. Дизраели поддерживалъ предложеніе, но палата его отвергла. Въ тотъ же день правительство было разбито, по поводу предложенія г. Эльфинстона, который заставлялъ палату выдѣлать сѣдствіе о производствахъ во флотѣ. Сѣдствіе ровно ничѣмъ не кончилось, но оно было весьма неприятною угрозой морскому министерству.

Большая борьба происходила по поводу финансоваго обзора г. Гладстона, который сохранялъ пошлину на чай и сахаръ и уничтожилъ акцизъ на бумагу. Нѣкоторое время само существованіе кабинета было въ опасности по этому предмету, и смѣта г. Гладстона прошла безъ измѣненій.

Послѣ того цѣлую недѣлю заняли пренія объ Америкѣ, о положеніи Юническихъ острововъ, о бракоразводномъ процессѣ майора Гельвертона. Потомъ г. Вудъ представилъ свою смѣту для Индіи, съ требованіемъ займа; смѣта была утверждена, заемъ вполне удался.

Потомъ опять зашла рѣчь о парламентской реформѣ, но только стороной и случайно, по поводу мѣстечекъ Севт-Альбана и Седбери, и тѣмъ кончилась законодательная дѣятельность нынѣшняго года. Она весьма небогата. Время прошло въ очей занимательныхъ преніяхъ, но «многія другія общепользующія дѣла» остались неразсмотрѣнными и даже непредставленными.

Но надо замѣтить, что разсужденія о чужихъ земляхъ были по совѣту бесполезны, въ особенности для тѣхъ земель, о которыхъ шла рѣчь, потому что одобреніе или неодобреніе просвѣщенной націи составляетъ во всякомъ случаѣ весьма важный залогъ для успѣха или неуспѣха начатаго дѣла. Хотя разумѣется, что одобреніе въ англійскомъ парламентѣ, равно какъ и порицаніе того или другаго событія, производится съ исключительно корыстными цѣлями, но тѣмъ не менѣе это важно: большинству все кажется, что тутъ

говорить сочувствіе къ свободѣ народовъ, къ либеральнымъ учрежденіямъ. Ничего такого въ Англіи нѣтъ и не бываетъ; парламентъ сочувствуетъ развитію свободныхъ учрежденій въ Италіи потому, что страна несвободная всегда бѣдна, стало быть составляетъ весьма дурной рынокъ для англійскихъ произведеній; тогда какъ при болѣе свободномъ развитіи страна богатѣетъ, просвѣщается и мало по малу становится очень хорошимъ, прочнымъ рынкомъ. Но что за дѣло до побужденій, когда громко выраженное сочувствіе парламента придаетъ бодрости народамъ, придаетъ имъ нравственную силу?

Для самой Англіи парламентскіе разговоры о чужихъ земляхъ не всегда бываютъ выгодны. Такъ напримѣръ въ нынѣшнемъ году необыкновенно часто говорено было о чрезвычайныхъ вооруженіяхъ Франціи, и вслѣдствіе этого стала чрезвычайно вооружаться и Англія. Съ обѣихъ сторонъ издержки колоссальныя, къ тому же еще взаимное раздраженіе, вовсе не ведутъ къ поддержанію добраго или сердечнаго согласія, изобрѣтеннаго еще покойнымъ Людовикомъ-Филиппомъ. Собственно говоря, Франція находится въ разорительной войнѣ съ Англіей, но только безъ кровопролитія и безъ пушечныхъ выстрѣловъ. Настоящей, истинной войны быть не можетъ между ними, потому что война такого рода не имѣла бы цѣли. Франція не можетъ же имѣть цѣлью совершенно покорить Англію своей власти; это была-бы такая-же нелѣпность, какъ покореніе Франціи Англіей. Грабежъ или контрибуція теперь уже считаются неприличными, и ограбленіе пекинскаго загороднаго дворца заслужило достойныя порицанія всѣхъ честныхъ людей. Контрибуція, взимаемая съ побѣжденной страны въ видѣ возмрата военныхъ издержекъ, никогда этихъ издержекъ не покрываетъ. Теперь считается вообще, что частное имущество во время войны должно быть уважаемо, и если можно разрушать, то только имущество казенное. Но здѣсь оказывается значительное противорѣчіе. Такъ какъ въ образованныхъ государствахъ правительство не составляетъ чего-то отдѣльнаго отъ народа, чего-то стоящаго внѣ народа, то у нихъ вредъ, нанесенный правительству, прямо отзывается на народѣ. Какъ бы то ни было, цѣль войны между Франціей и Англіей могла-бы состоять только въ нанесеніи другъ другу какъ можно большаго вреда. Если возможно хоть сколько нибудь оправдать эту цѣль, то она достигается вполне: эти два государства взаимно разоряютъ другъ друга дорогими вооруженіями: усиливаютъ флотъ, укрѣпляютъ берега, увеличиваютъ число пушекъ, увеличиваютъ ихъ калибръ и дѣлаютъ всевозможныя улучшенія орудій, служащихъ для убійства. Все это расходы разорительныя, которые омлачиваются

правительствомъ, то-есть гражданами: вредъ весьма значительный, выражающійся недочетомъ въ сѣбѣхъ и потомъ долгами.

Передъ закрытіемъ палатъ, г. Линдсей, показавъ палатѣ, какъ все это разорительно, выразилъ надежду, что императоръ французскій и желаетъ, и имѣетъ выгоду остаться въ дружныхъ отношеніяхъ съ Англіей. «И потому я надѣюсь, что во время вакансій правительство ея величества постарается войти въ соглашеніе касательно объема морскихъ вооруженій обѣихъ сторонъ. Въ этомъ вѣчномъ соревнованіи заключается большая опасность; увеличивая такимъ образомъ наши флоты, мы играемъ весьма опаснымъ орудіемъ, и не смотря на большое желаніе сохранить миръ, очень можетъ случиться, что мы будемъ вовлечены въ войну. Я увѣренъ, что французское правительство готово войти въ соглашенія по этому предмету. Взаимно-угрожающія вооруженія доведены до безумныхъ размѣровъ, и пора положить этому предѣлъ.»

Г. Пальмерстонъ отвѣчалъ, что «такое соглашеніе — дѣло очень трудное. Хотя съ перваго взгляда оно и кажется политическимъ, но мнѣ кажется, что всякое правительство въ Англіи долго колебалось бы, прежде нежели вошло-бы въ переговоры съ иностраннымъ правительствомъ для нестановленія границъ морскимъ и военнымъ силамъ Англіи. Намъ надо заниматься не одною только нынѣшнею минутой, и мнѣ кажется, что договоръ такого рода поведетъ къ нескончаемымъ спорамъ и ссорамъ. Еслибы мы заключили такой договоръ съ одною державою, то надо-бы его распространить и на всѣ остальные, ибо намъ надо заниматься не только морскими силами Франціи, но также и Союзенныхъ Штатовъ и Испаніи, которой флотъ со дня на день все увеличивается, и другихъ морскихъ державъ. Намъ надо будетъ имѣть офицеровъ, чтобы слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ другихъ земляхъ; тѣ, въ свою очередь, будутъ присылать къ намъ своихъ людей смотрѣть, что у насъ дѣлается. Явились-бы подозрѣнія; возникли-бы вопросы о добросовѣстности, и я боюсь, что вмѣсто мира и согласія такіе договоры, напротивъ, произведутъ несогласіе и вражду.» — Такъ и было рѣшено, что въ соглашеніе съ Франціею о такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ вооруженіе, войти нельзя, и взаимное разореніе посредствомъ вооруженій продолжается во всей силѣ. Англійскихъ политиковъ особенно сильно занимаютъ корабли, обложенные желѣзными плитками, толщиной въ $4\frac{1}{2}$ дюйма. Сначала французскіе моряки были такого мнѣнія, что такой броненосный корабль вовсе не будетъ страдать отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Но потомъ въ Англіи опыты показали, что усовершенствованныя армстронговы пушки пробиваютъ такую кирасу на разстояніи четырехъ или пяти верствъ. Однакоже

противъ обыкновенныхъ деревянныхъ кораблей эти желѣзные гиганты несравненно безопаснѣе, и потому многіе члены парламента ревниво слѣдятъ за постройкою такихъ фрегатовъ во Франціи и съ настойчивымъ безпокойствомъ требуютъ точно такихъ построекъ и въ Англіи. Они излагаютъ притомъ такого рода убѣжденіе, что дружественной державѣ, какъ Франція, нехорошо, неприлично стараться имѣть морскія силы равныя англійскимъ, что друзья такъ не дѣлаютъ, что Англіи надо во всякомъ случаѣ уступить преимущество на моряхъ, ибо Англія такъ ужъ поставлена, что должна быть первою морскою державою, а если другая держава хочетъ тоже быть первой, то это нехорошо, не подружески, неблаго-родно. Какое-же, говорятъ они, можетъ быть послѣ этого сердечное согласіе, когда Франція будетъ на морѣ такъ же сильна, какъ Англія?...

Между тѣмъ, придерживаясь своей давнейшей системы, Англія продолжаетъ распространять свое колониальное могущество. На Тихомъ океанѣ есть довольно большая группа острововъ Вити или Фиджи. Это былъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ архипелаговъ, потому что жители отличались необыкновеннымъ предательствомъ и несправимымъ людоедствомъ. Китоловы не приставали къ нимъ ни въ какомъ случаѣ, а если буря и загоняла ихъ къ островамъ, то ни одинъ матросъ не рѣшался сойти на берегъ: непременно гдѣ-нибудь въ кустахъ, незамѣтно подстерегала европейца толпа дикарей, и дѣло оканчивалось мучительною смертію и отвратительнымъ широмъ канибаловъ, которые, какъ знатоки, предпочитали мясо бѣлаго человѣка мясу пятерыхъ цвѣтныхъ.

Англичане, благодаря своей достохвальной настойчивости, обуздали этихъ дикарей, и теперь острова заняты во имя королевы Викторіи. Царь Токомбу и всѣ царьки мелкихъ острововъ архипелага заключили договоръ, которымъ торжественно уступили свои острова Англіи. Теперь тамъ губернаторомъ англійской консуль Притчардъ, сынъ извѣстнаго миссіонера. — Острова эти лежатъ почти въ срединѣ Полинезіи, и составляютъ въ Тихомъ океанѣ то же что островъ Перимъ въ срединѣ выхода изъ Краснаго моря въ Индѣйское, что Мальта въ срединѣ Средиземнаго моря и островъ св. Елены среди южной половины Атлантическаго океана.

АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА

Много на свѣтѣ бывало войнъ нелѣпыхъ, бесполезныхъ, преступныхъ, бессмысленныхъ и безобразныхъ; нынѣшняя война въ сѣверной Америкѣ между Сѣверными Штатами и Южными принадле-житъ къ нелѣпѣйшимъ и безобразнѣйшимъ. Два взрослые брата всѣ

сли два тягла, но жили въ одномъ хозяйствѣ; младшій вздумалъ отдѣлаться, чтобы хозяйничать особо, а старшій принимается его за это тужить; въ отвѣтъ на такое самоуправство, младшій отвѣчаетъ ему тѣмъ же, и потасовка разыгрывается. Дѣло, безъ сомнѣнія, кончится тѣмъ, что братья разойдутся по особымъ хозяйствамъ, но за то съ поломанными ребрами, помятыми носами и покрытыми всякими царапинами. Если бы даже на бѣду который-нибудь изъ братьевъ одолѣлъ и силою принудилъ другого къ согласію и миру, то — не надолго такія искусственные отношенія: побитый братъ соберется съ силами, и дѣло, все-таки кончится тѣмъ, что разойдутся. Такъ для чего же драться, когда извѣстно, чѣмъ кончится? Такое безобразіе можетъ объясняться развѣ только рутиннымъ предразсудкомъ старшаго брата: какъ такъ? жили все вмѣстѣ, въ одномъ хозяйствѣ, а тутъ вдругъ — врозь?

Давно стояли на общей границѣ войска сѣвера (болѣе чѣмъ на половину составленные изъ переселившихся нѣмцевъ) и войска юга (состоящіе по большей части изъ ирландцевъ) одни противъ другихъ почти безъ движенія. Сѣверныя войска твердо вѣрили, что побѣда останется на ихъ сторонѣ, и пылали воинственнымъ жаромъ. Южныя войска тоже пылали, и были увѣрены, что побѣдятъ. 12 іюля сѣверное войско вступило въ непріятельскую землю, и до 18-го дѣла его шли очень хорошо. Южное войско ретировалось очень проворно, оставляя въ рукахъ непріятеля палатки, багажъ, муку и сверхъ того множество провизіи, именно свѣжей говядины. Мак-Довель, командовавшій сѣвернымъ войскомъ, до 50.000 человекъ, 18 іюля приказалъ двинуться дальше, рассчитывая, что южные примутъ наконецъ сраженіе для защиты столицы Виргиніи, Ричмонда. Дойдя до небольшого холма, на берегу ручья, называемаго Буль-Рунъ, сѣверные были встрѣчены залпомъ батарей, которыя до тѣхъ поръ были маскированы. Южными командовалъ генералъ Борегаръ; онъ съ намѣреніемъ отступалъ на позицію, которая заранѣе была укрѣплена маскированными батареями. Произошло сраженіе, въ которомъ, судя по рапортамъ, сѣверные командиры дѣйствовали безъ общаго опредѣленнаго плана, и кромѣ того, судя по рассказамъ участвовавшихъ въ сраженіи, нѣкоторые изъ сѣверныхъ командировъ, на радостяхъ, что непріятель отступаетъ, выпили до извѣстной степени, такъ что не понимали приказаній главнокомандующаго. Ктому же еще нѣкоторые полки, именно ньюйоркскіе были весьма дурно снабжены боевыми припасами; да еще кромѣ того, нѣкоторымъ изъ сѣверныхъ полковъ на другой день истекалъ тотъ кратковременный срокъ службы, на который они вызвались, такъ что имъ конечно не хотѣлось подвергать свою

жизнь опасности накануне отставки. Сначала сѣверное войско довольно живо отвѣчало на неожиданное нападеніе, а потомъ очень скоро побойще превратилось въ отступление сѣверныхъ и наконецъ въ самое беспорядочное бѣгство. Убитыхъ и раненыхъ было отъ 4 до 5 тысячъ, но вѣроятно впоследствии это число придется нѣскольکو убавить, потому что очень многіе изъ бѣглецовъ бродятъ по лѣсамъ и втихомолку возвращаются не въ полки свои, а прямо на родину.

Со стороны южныхъ, говорятъ, въ бою участвовало отъ 30 до 40 тысячъ человекъ, съ резервомъ въ 75 тысячъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; со стороны сѣверныхъ, не болѣе 25 или 35 тысячъ успѣли вступить въ сраженіе, какъ началось бѣгство. Бѣглецы потеряли всю свою артиллерію, обозъ, множество ружей, которыя они бросали, чтобы удобнѣе было бѣжать, а южные почти ихъ не преслѣдовали и не сошли съ поля сраженія. Тѣмъ дѣло и кончилось. Южные, повидному, не собираются идти впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нужно только, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, они не хотятъ ничего ни завоевывать, ни покорять, и въ этомъ случаѣ положеніе ихъ гораздо выгоднѣе. Они въ укрѣпленнхъ позиціяхъ будутъ ждать нападеній, и будутъ ихъ отражать безъ большого урона.

На сѣверѣ продолжается сборъ войска, но уже не съ тою лихорадочною дѣятельностью, какъ сначала. Изобрѣтенія слѣдуютъ за изобрѣтеніями, и иногда совершенно бесполезныя даже для того вреда, для котораго назначаются. Такъ устроили американцы паровую пушку, но не въ томъ смыслѣ паровую, чтобы она стрѣляла паромъ; се только движеть паровой локомотивъ, а она обыкновенная большая пушка, поставлена въ обитый желѣзомъ вагонъ. Понятно, что такое орудіе — совершенно излишняя роскошь, потому что если въ одномъ только мѣстѣ желѣзной дороги сломать или вынуть рельсъ, — то пушка, вмѣстѣ съ локомотивомъ и артиллерістами исчезнетъ какъ дымъ.

Между тѣмъ въ военномъ дѣлѣ происходитъ замѣтное движеніе, которымъ конечно воспользуются обѣ воюющія стороны въ Америкѣ. Изобрѣтенъ новаго состава бѣлый порохъ, который состоитъ изъ снпильнокислаго кали, тростниковаго сахару и хлористаго кали. Онъ почти вдвое сильнѣе обыкновеннаго чернаго пороху, меньше оставляетъ осадка, не такъ сильно нагрѣваетъ орудіе, меньше принимаетъ сырости, не воспламеняется отъ толчка и удара и гораздо легче готовится.

Другое шлое изобрѣтеніе состоитъ въ томъ, чтобы наполнять бомбы не порохомъ, а расплавленнымъ чугуномъ. Въ Манчестерѣ сооружено уже 120 подвижныхъ на колесахъ печей, въ которыхъ

чугунъ, при помощи вентилятора, расплавляется въ 20 минутъ. Бомба, только-что налитая расплавленнымъ чугуномъ, выстрѣливается изъ пушки и попадаетъ, положимъ, въ корабль. Черезъ нѣсколько времени внутренній жаръ такого сваряда нагрѣтъ свои стѣнки до красна, и произойдетъ непременно пожаръ.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ. ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Далеко не удовлетворительно общее положеніе, и послѣднія извѣстія, полученныя по телеграфу, не представляютъ ничего утѣшительнаго. Рѣчь королевы Викторіи, закрывшая засѣданія палаты, общала миръ: надо надѣяться, что миръ и будетъ; но дѣла принимаютъ тяжелое направленіе, политическій горизонтъ, какъ говорить, покрывается тучами. Начиная съ дальняго запада, въ Америкѣ, послѣ большой побѣды юга, война можетъ затянуться надолго. Ктому же туда поѣхалъ принцъ Наполеонъ, и недавно обѣдалъ у президента Линкольна. Англійскіе алармисты спрашиваютъ себя, зачѣмъ онъ могъ поѣхать? И припоминаютъ, что южные штаты когда-то были французскими колоніями и съ тѣхъ поръ тамъ еще не пропала... не то-что любовь, а какая-то привычка къ Франціи. Чтѣ же тамъ будетъ? Какой оборотъ примутъ дѣла? Чтѣ, если южные штаты, которые имѣютъ значительныя монархическія наклонности, вздумаютъ водворить у себя порядокъ и покончить съ сѣверомъ при помощи принца?...

Съ другой стороны, императоръ Наполеонъ принималъ г. Нигра очень ласково; но кчему онъ такъ хорошо принималъ въ Виши генерала Прима, тетуанскаго героя, пріѣхавшаго изъ Испаніи? Чтѣ за связь съ Испаніей? Недаромъ Франція хотѣла возвести Испанію на степень первоклассной державы, какъ-будто это можно слѣлать по заказу, какъ возвести человѣка на степень поручика. Чтѣ же такое съ этой стороны замышляется? спрашиваютъ себя англійскіе алармисты. И предсказываютъ, что будетъ что-то...

Въ Неаполѣ Чіальдини подалъ въ отставку, потому будто-бы, что не можетъ справиться съ разбойниками... Но потомъ пришло извѣстіе, что онъ отказывается только отъ гражданскихъ дѣлъ въ Неаполѣ, а военныхъ не оставитъ, пока не справится съ разбойническими бурбонистами.

Въ Англіи безпрестанно посылаются подтверженія въ порты, чтобы скорѣе оканчивали броненосные корабли, которыя уже строятся, и приказано заложить нѣсколько новыхъ того-же рода. Арсеналы работаютъ усиленно. Въ Вульвичѣ работаетъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ въ двѣ смѣны, день и ночь, будто непріятель высаживается уже на берега...

По телеграфу получено извѣстіе, что въ Вѣнѣ постановлено рѣшеніе распустить венгерскій сеймъ, и что это будетъ объявлено даже не манифестомъ, а простымъ рескриптомъ, съ приказаніемъ собрать новый сеймъ черезъ шесть мѣсяцевъ. 21 августа депутаты имѣли тайное совѣщаніе о томъ, какъ протестовать противъ распушенія сейма. Деакъ предложилъ протестовать и приглашалъ націю, по поводу наступающихъ испытаній быть терпѣливою и оставаться въ строжайшихъ предѣлахъ законности.

Ко всему этому, сербскій князь не захотѣлъ послать къ султану депутацію для поздравленія его съ восшествіемъ на престолъ, а просто поздравилъ его письмомъ. Это уже явное нарушеніе вассальнаго этикета, и алармисты уже рассчитываютъ, что онъ стало-быть держитъ сторону Черногорья, которое все не покоряется Омеру-пашѣ. Хотя по телеграфу и есть извѣстіе, будто Омеръ паша разбилъ черногорцевъ на голову, но въ той же депешѣ говорится, что онъ уступаетъ имъ все, чего они требовали. Это что-то не только не потурецки, да и вовсе несообразно съ военными понятіями. Если такъ, то зачѣмъ было драться?

Сверхъ всего этого, въ Константинополѣ перемѣнилось министерство. Бывшій великій визирь Кибризли-паша впалъ въ немилость, что видно изъ того, что онъ назначенъ губернаторомъ въ Багдадъ: паденіе ужасное. На мѣсто его назначено три министра. Къ довершенію разнообразныхъ опасеній алармистовъ, его величество султанъ женился еще на трехъ или четырехъ женахъ.

Наковецъ съ дальняго востока извѣстія очень дурны. Изъ Шанхая пишутъ, что въ Японіи было совершено нападеніе на дома европейскіхъ купцовъ, что будто это сдѣлано съ согласія правительства, и дневной грабежъ былъ страшный. Въ Пекинѣ тоже вспыхнуло новое возстаніе.

Все это вмѣстѣ составляетъ густыя, непроглядныя тучи. Что-то будетъ?!

С М Ъ С Ъ

ЗАМѢТКА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

О ВЫГОДАХЪ ТРЕТЕЙСКАГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА СПОРОВЪ МЕЖДУ КРЕСТЬЯНАМИ И ПОМѢЩИКАМИ

Случалось ли вамъ , любезный читатель , пробѣгая коллекцію всяческихъ картинъ , наткнуться на слабую копию съ хорошо извѣстнаго вамъ великаго мастера ? Не правда ли , что на первую минуту , знакомымъ свѣтомъ блеснули передъ вами дорогія черты картины , подняли хоромъ ваши силы ? Но это только на первую минуту . Вы всматриваетесь пристальнѣе , ищете въ копіи знакомыя черты и замѣчаете , что слишкомъ безжизненна эта слабая копиа . И общій смыслъ картины , и трепеть жизни въ каждой чертѣ ея , все потеряно . Линіи оригинала переведены такъ досадно-мертво , такъ безжизненно : они распадаются и не вьжутся въ копіи . Не унывайте , читатель , всмотритесь пристальнѣе , и можетъ-быть въ этой слабой копіи вы найдете хотя одинъ образъ , хотя одну черту образа вѣрно-схваченные изъ оригинала . Эта черта отчасти вознаградитъ васъ : опираясь на нее , вы легче и яснѣе оживите въ своемъ воображеніи самый оригиналъ , и можетъ-быть за одну черту простите бездарному художнику его жалкую пародію на великаго мастера .

Простите и мнѣ , читатель , эту жалкую пародію на величайшій вопросъ нашихъ дней , простите ради одной черты его , которую я постараюсь поставить передъ вами вѣрно . Общій смыслъ великаго вопроса потерявъ въ моей замѣткѣ ; главныя черты его я положу передъ вами мертвыми , безъ живой связи , но за то употреблю всѣ усилія , чтобы не ошибиться въ той чертѣ великаго вопроса , на которую обращаю ваше вниманіе .

Мнѣ показалось необходимымъ сдѣлать это предисловіе, чтобы поставить читателя на настоящую точку зрѣнія. Кроме того, нужно прибавить еще нѣсколько словъ. Знакомство съ различными предметами бываетъ весьма различно. Напримѣръ мнѣ рассказы-вали очень оригинальное знакомство города Мглина съ искусствами. Туда проѣзжій фокусникъ привозилъ показывать Венеру медицейскую, сикстинскую Мадону и проч.; медицейская Венера шла даже въ числѣ контрабандныхъ секретностей. Читатели русской литературы хорошо знаютъ, сколь многообразны бываютъ источники свѣденій и сколь многообразны цѣли всякихъ статей. Смѣю увѣрить читателя, что бѣдная черта крестьянскаго вопроса, о которой будетъ моя рѣчь, берется прямо изъ оригинала, и что вся цѣль моей замѣтки — въ этой самой чертѣ.

Моя рѣчь будетъ о недоразумѣніяхъ между крестьянами и помѣщиками, или собственно говоря, объ одномъ изъ способовъ къ устраненію этихъ затрудненій. Этотъ способъ — *третейскій разборъ между спорящими сторонами*. Третейскій судъ долженъ быть первою заботою несогласныхъ сторонъ, и только за неуспѣхомъ такого суда, или за отказомъ одной изъ сторонъ отъ такого разбора при возникшемъ недоразумѣніи, слѣдуетъ обращаться за рѣшеніемъ къ властямъ, начиная съ мирового посредника и т. д. Этотъ способъ прекращенія недоразумѣній принять «Положеніями 19 февраля» и кажется намъ самымъ разумнымъ, самымъ лучшимъ.

«Положенія 19 февраля» не только принимаютъ или покровительствуютъ третейскому разбору недоразумѣній, но даже вызываютъ его, и вообще они предоставляютъ самый полный просторъ разрѣшенію крестьянскаго вопроса добровольными соглашеніями крестьянъ съ помѣщикомъ. Не только развязка какого-либо мелочнаго недоразумѣнія, напр. уничтоженіе какого-либо мірскаго приговора по требованію помѣщика, но и самыя важныя задачи, напр. опредѣленіе надѣла, назначеніе повинностей предоставляется добровольному соглашенію крестьянъ и помѣщика.

Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса данное «Положеніемъ 19 февраля», представляетъ три существенныя черты:

- 1) предоставленіе крѣпостнымъ крестьянамъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, съ тѣми ограниченіями, которыя опредѣляются ихъ временно-обязаннымъ положеніемъ;
- 2) предоставленіе крестьянамъ пользовація усадьбами и поземельнымъ надѣломъ, съ правомъ выкупа ихъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и
- 3) устройство общественнаго сельскаго управленія.

Вотъ три главныя черты, три главныя задачи, о которыхъ я упоминаю такъ безжизненно-сухо.

Самая сложная, самая трудная задача состоитъ въ выкупѣ усадьбы и поземельнаго надѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ это самая существенная задача. Выкупъ поземельнаго надѣла составляетъ окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Съ приобретеніемъ его въ собственность крестьянъ, между ними и помѣщикомъ оканчиваются всѣ обязательныя отношенія и крестьяне становятся самостоятельными гражданами. Определеніе надѣла и повинностей за него, составляетъ тоже большую задачу: тутъ переплетаются интересы. Разрѣшеніе этихъ главнѣйшихъ трудностей, т. е. определеніе надѣла, повинностей и проч., а также определеніе условій выкупа, законодательство предоставляетъ прежде всего добровольному соглашенію крестьянъ и помѣщика. Обязательное для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе вопроса властью имѣетъ мѣсто только тогда, когда добровольное соглашеніе не состоялось. Становясь хранителемъ рѣшеній, выработанныхъ добровольными соглашеніями, т. е. утверждая ихъ, правительство требуетъ только дознанія дѣйствительной добровольности соглашеній, и разумѣется требуетъ, чтобы они не нарушали правъ, предоставленныхъ «Положеніемъ», а также и общихъ законовъ. Такимъ образомъ правительство конечно не можетъ утвердить тѣхъ добровольныхъ соглашеній, которыми увѣковѣчивается барщина, или отнимается возможность перейти съ барщины на оброкъ, или надѣленіе землею на определенныя сроки, а не въ постоянное пользованіе, съ правомъ выкупа. Если можно упрекать тутъ «Положеніе», то развѣ за его полную вѣру въ добровольныя соглашенія.

Возможность правильнаго исхода такихъ соглашеній основывается на самостоятельности обѣихъ договаривающихся сторонъ. Если стороны несамостоятельны, то конечно онѣ не могутъ заключить свободнаго условія. Дарованіе крѣпостнымъ крестьянамъ правъ личныхъ, имущественныхъ и по состоянію поставляетъ ихъ въ такое положеніе относительно помѣщика, при которомъ возможны между ними многія добровольныя соглашенія. Извѣстно, что законами о вольныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, правительство открывало возможность слѣлокъ, разрѣшавшихъ крѣпостное состояніе, но при этомъ оно не доставило крестьянъ въ независимое положеніе относительно помѣщика. Оттого эти мѣры не имѣли никакого успѣха. «Положеніе 19 февраля», выражая надежду на voluntary agreement, съ тѣмъ вмѣстѣ установило и обязательныя правила, на случай, если не будетъ соглашенія. Этимъ оно еще увеличало независимое положеніе крестьянъ и помѣщиковъ. Опираясь

на «Положеніе», крестьянинъ знаетъ предѣлы того, что онъ можетъ требовать и знаетъ, чего ему не могутъ не дать, а помѣщикъ съ своей стороны видитъ, что съ него могутъ потребовать и то, въ чемъ онъ энтъ не можетъ отказать. При такомъ опредѣленномъ положеніи обѣихъ сторонъ, между ними уже могутъ возникать добровольныя соглашенія.

Пожелаемте-же, чтобы чаще и чаще возникали эти соглашенія. Мы не разсуждаемъ здѣсь о выкупной операціи: мы указываемъ только на то, что по вопросамъ самой громаднѣйшей важности «Положеніе» открываетъ полный просторъ добровольнымъ соглашеніямъ, старается обезпечить ихъ возникновеніе.

Открывая такой просторъ для добровольныхъ соглашеній въ главнѣйшихъ вопросахъ, какъ опредѣленіе отношеній, установленныхъ «Положеніемъ» (т. е. опредѣленіе надѣла, повинностей и пр.), какъ окончательная развязка крестьянскаго вопроса (т. е. выкупъ), «Положенія 19 февраля» прямо вызываютъ разрѣшеніе недоумѣній и споровъ, безъ вмѣшательства власти, т. е. добровольно. Такое разрѣшеніе можетъ быть дано третейскимъ разбирательствомъ.

Просимъ замѣтить, что «Положеніе о губервскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ», параграфомъ 54, *обязываетъ* мирового посредника, на разрѣшеніе котораго поступилъ споръ, прежде всего предложить обѣимъ сторонамъ окончить споръ третейскимъ разборомъ, указать способы его, и даже во время самаго разбирательства, даже передъ самымъ постановленіемъ рѣшенія склонять спорящихъ къ примиренію или третейскому разбору.

Этотъ параграфъ такъ важенъ для насъ, что мы повторимъ его прямою выпискою:

§ 54. «По предварительномъ объясненіи съ обѣими сторонами, мировой посредникъ *предлагаетъ* имъ прекратить дѣло миромъ, или окончить споръ третейскимъ разборомъ, указывая дѣйствительные, по его мнѣнію къ тому способы. Мѣры для склоненія спорящихъ къ примиренію, или къ третейскому разбору, посредникъ *обязанъ* принимать и во время разбирательства дѣла, даже передъ самымъ постановленіемъ рѣшенія».

Просимъ замѣтить, что тутъ сказано «принимаетъ», т. е. не то что *имѣетъ* право принимать, а что *обязанъ* принимать, и это уже совершенно ясно изъ второй фразы параграфа.

Такимъ образомъ «Положеніе» до послѣдней минуты, т. е. до постановленія рѣшенія, старается отклонить споръ отъ вмѣшательства власти, вызываетъ вполне добровольное разрѣшеніе, какъ такое,

которое уже въ самомъ себѣ заключаетъ залогомъ своей справедливости.

«Положеніе» придаетъ столь важное значеніе добровольному разрѣшенію недоразумѣній и споровъ, т. е. третейскому разбору, что постановляетъ семидневную отсрочку, на случай если спорящія стороны согласятся на лучшее разрѣшеніе дѣла.

§ 55 говоритъ: «Если обѣ стороны изъявятъ желаніе прекратить дѣло миромъ или третейскимъ разборомъ, то посредникъ можетъ дать имъ, для окончательныхъ соглашеній, отсрочку, не болѣе однако же семи дней.

Наконецъ «особыя правила», приложенныя къ «Положенію о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ», сообщаютъ всѣ подробности устройства третейскаго разбора.

Надѣмся, что читателю извѣстно обыкновенное устройство третейскаго суда. Каждая изъ спорящихъ сторонъ избираетъ по одному или по извѣстному числу посредниковъ, которые въ свою очередь избираютъ одного общаго посредника и рѣшаютъ съ нимъ споръ по большинству голосовъ; конечно обѣ спорящія стороны могутъ прямо избирать одного общаго посредника, и предоставить ему рѣшеніе дѣла, по его убѣжденію и совѣсти. Когда общій посредникъ не согласится ни съ однимъ изъ мнѣній частныхъ посредниковъ, имѣющихъ одинаковое число голосовъ, а предложитъ свое мнѣніе, то оно обращается въ рѣшеніе, если будетъ принято хотя однимъ изъ частныхъ посредниковъ; но если и этого не будетъ, то третейскій разборъ считается несостоявшимся.

Заботы «Положенія» о добровольныхъ рѣшеніяхъ, безъ вмѣшательства власти, видны изъ самыхъ «Правилъ». По п. 4 этихъ правилъ, если ни спорящія стороны, ни частные посредники не могла согласиться въ выборѣ общаго, то обязанность его исполняетъ мировой посредникъ. Это даетъ возможность всѣмъ мировымъ посредникамъ рѣшать споры съ участіемъ выборныхъ отъ обѣихъ сторонъ и прибѣгать къ своей власти, къ обязательному для обѣихъ сторонъ рѣшенію, только при неуспѣхѣ всѣхъ попытокъ на третейскій разборъ. «Положеніе» даромъ столько заботилось о рѣшеніи споровъ третейскимъ разборомъ. Дѣйствительно, это лучший способъ разрѣшенія, о чемъ мы и хотимъ сказать теперь нѣсколько словъ.

Въ случаѣ, если обѣ спорящія стороны равно добросовѣстны, и споръ происходитъ только по одному недоразумѣнію, то разумѣется онъ можетъ быть разъясненъ всего лучше лицами, выбранными этими сторонами изъ числа людей наиболѣе знакомыхъ съ дѣломъ, изъ числа жителей самаго селенія или его ближайшихъ окрестно-

стей. Во многихъ случаяхъ мировой посредникъ можетъ быть менѣе знакомъ съ обстоятельствами дѣла, чѣмъ лица, которыя могутъ быть избраны именно вслѣдствіе знакомства ихъ съ дѣломъ. На мировомъ посредникѣ лежитъ такъ много дѣлъ, что онъ не можетъ посвящать каждому спору столько же времени, сколько могутъ употребить на него лица постороннія. «Правила» дозволяютъ выбирать посредниковъ «изъ лицъ всякаго состоянія и сословія». Это даетъ возможность напримѣръ помѣщику, вовсе не руководствующемуся сословными притязаніями, но просто желающему разъяснить недоразумѣніе, напримѣръ по требуемому имъ уничтоженію мірскаго приговора, избрать посредника напримѣръ изъ среды самихъ крестьянъ, самаго толковаго или знающаго дѣло, или сослаться на мѣніе совершенно посторонняго человѣка, напримѣръ купца, шѣщанина. Вотъ уже сколько удобствъ третейскаго разбора успѣли мы пересчитать.

Добросовѣстный помѣщикъ, взвѣсивъ всѣ эти выгоды, не станетъ ждать напоминанія мирового посредника о третейскомъ разборѣ: онъ самъ предложитъ крестьянамъ третейское разбирательство. Добросовѣстный помѣщикъ пойметъ, что на немъ лежитъ обязанность инициативы для лучшаго окончанія возникшаго спора.

«Положеніе 19 февраля», предоставляя крѣпостнымъ права личныя, имущественныя и по состоянію, уничтожило крѣпостное право въ законѣ, но къ уничтоженію его въ нравахъ оно могло содѣйствовать только отдаленно, только пресѣкая самый источникъ. «Положеніе» не могло дать правилъ къ прекращенію всякихъ проявленій крѣпостнаго права въ самыхъ нравахъ, «не могло принять мѣръ къ немедленному пресѣченію каждаго такого проявленія, въ какой бы формѣ оно ни было сдѣлано. Опредѣляя права крестьянъ и помѣщиковъ, оно конечно не могло опредѣлить всѣ результаты этихъ правъ во нравахъ, въ проявленіи воли отдѣльныхъ лицъ, обусловленной этими правами. Оно должно было открыть просторъ для проявленія такой воли, и оно открыло его. «Положеніе» не могло сдѣлать третейскій разборъ обязательнымъ потому, что все достоинство его состоитъ въ доброй волѣ заинтересованныхъ сторонъ, зависящей прежде всего отъ наклонностей и пониманія самихъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Добрую волю нельзя вызвать никакимъ постановленіемъ, но постановленія должны открывать просторъ для нея, и «Положеніе» открыло полный просторъ для добровольныхъ соглашеній, для третейскаго разбора. Дѣло очищенія нравовъ принадлежитъ уже самому обществу, лицамъ, его составляющимъ. Они сами ради своего достоинства и благополучія должны заботиться, чтобы крѣпостное право перестало выказываться; въ

какой бы то ни было формѣ. «Положеніе» признало крестьянъ самостоятельными гражданами передъ лицомъ закона, а общество само уже должно признать ихъ самостоятельными во всѣхъ сношеніяхъ, во всѣхъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ своимъ новымъ полноправнымъ членомъ. Помѣщикъ ничѣмъ не можетъ показать признанія самостоятельности крестьянъ передъ нимъ, какъ предоставивъ возникшій споръ общему разбирательству, въ которомъ обѣ стороны будутъ представлены равно самостоятельно. Повторяемъ еще разъ, что «Положеніе» не могло войти въ душу частныхъ лицъ, не могло сдѣлать третейскій разборъ обязательнымъ, но на каждомъ помѣщикѣ, дѣйствительно желающемъ скорѣйшаго искорененія крѣпостнаго права во всѣхъ его проявленіяхъ, лежитъ гражданская обязанность — стараться кончить всякій споръ съ крестьянами третейскимъ разборомъ, а вовсе не бѣжать по всякому мелкому случаю тотчасъ и прямо къ защитѣ власти. За то, если третейскій разборъ не состоится, то помѣщикъ съ гораздо большею основательностію и правомъ прибѣгнуть къ авторитету и силѣ власти, т. е. сперва обратится къ мировому посреднику, потомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, и къ высшей инстанціи. Такой образъ дѣйствій поставитъ представителей дворянства, теперешнихъ мировыхъ посредниковъ, въ гораздо лучшее положеніе относительно крестьянъ, еще болѣе поставитъ его выше подозрѣній.

Если бы между читателями этого журнала былъ хотя одинъ крестьянинъ, то мы распространились бы о томъ, что и крестьяне должны стараться кончить всякое недоразумѣніе прежде всего третейскимъ разборомъ, а не браться тотчасъ же за жалобу къ власти. Самое уваженіе къ власти требуетъ, чтобы къ ней прибѣгали въ случаяхъ наиболѣе важныхъ, когда оказалась невозможность рѣшить дѣло собственными средствами. Власть не можетъ не чувствовать неудобства въ разбирательствѣ всякаго рода мелочей и пустыхъ недоразумѣній.

Во всякомъ случаѣ всякая сторона, забывающая о возможности третейскаго разбора, или неосновательно уклоняющаяся отъ него, дѣлаетъ сознательно и безсознательно — гражданскій промахъ.

Существуетъ еще много другихъ обстоятельствъ, указывающихъ на необходимость и большія выгоды третейскаго разбирательства споровъ.

Вслѣдствіе многихъ историческихъ обстоятельствъ, между классами образованными и такъ называемыми «низшими» существуетъ взаимное недоверіе. О немъ столько говорилось въ журналахъ, что намъ не для чего распространяться. Одна изъ сильнѣйшихъ причинъ этого недоверія — это взаимное непониманіе другъ друга, до-

ходящее до того, что крестьянинъ не понимаетъ ни логики, ни языка барина, а тогъ часто находится точно въ такомъ же положеніи относительно крестьянина. Легко понять, что третейскій разборъ будетъ способствовать сближенію крестьянъ и помѣщиковъ, къ ихъ взаимному пониманію. Крестьяне вѣроятно изберутъ изъ среды себя самаго толковаго и добросовѣстнаго, и вѣроятно выборъ помѣщиковъ будетъ цѣнить эти же достоинства. Кромѣ того выборъ посредниковъ долженъ падать на лицъ наиболѣе знакомыхъ съ дѣломъ, наиболѣе могущихъ понять различныя его стороны.

При взаимныхъ объясненіяхъ посредниковъ, для обѣихъ сторонъ болѣе выяснится сущность ихъ притязаній. Посредникъ помѣщика, узнавъ настоящую причину спора, можетъ предложить условіе, устраняющее ее, и которое нельзя было видѣть при непониманіи другъ друга, столь обыкновенномъ у насъ. Третейскій разборъ, при которомъ будутъ сходиться представители обоихъ классовъ, долженъ способствовать знакомству съ ихъ потребностями и возрѣніями, а это приведетъ за собою возможность скорѣйшаго и болѣе полнаго сближенія. Мы знаемъ, что развитіе самостоятельныхъ сношеній даже между цѣлыми странами способствовало къ искорененію самыхъ упорныхъ предрасудковъ, входявшихъ въ плоть и кровь племенъ. Въ третейскомъ разборѣ крестьянинъ увидитъ, что помѣщикъ признаетъ и его сужденіе, и оспариваетъ его на основаніи закона, а не чего-либо посторонняго. Чѣмъ болѣе будутъ распространяться третейскіе разборы, тѣмъ менѣе будетъ оставаться поводовъ къ подозрѣнію помѣщиковъ въ стачкѣ съ властью, о чемъ мы читали въ нѣкоторыхъ официальныхъ извѣстіяхъ по крестьянскому вопросу, напримѣръ въ селѣ Безднѣ, имѣнія г. Мусина-Пушкина. Третейскій разборъ яснѣе покажетъ крестьянамъ, на сколько несправедливы ихъ подозрѣнія.

Участіе крестьянъ въ третейскомъ разборѣ будетъ способствовать къ ознакомленію ихъ съ «Положеніемъ», въ болѣе широкихъ и болѣе широкихъ размѣрахъ, съ болѣею основательностью. Выгоды отъ такого ознакомленія многочисленны и всякому понятны безъ объясненій. Сколько недоразумѣній происходитъ именно отъ того, что крестьяне мало знакомы или не понимаютъ «Положенія», что имъ неизвѣстны съ должною опредѣлительностью предоставленныя имъ права, что они думаютъ иногда, будто могутъ получить гораздо болѣе того, что имъ предоставлено. Необходимость знакомства съ «Положеніемъ» очень сильно чувствуется крестьянами: они платятъ значительныя для нихъ деньги всякимъ чitalьщикамъ.

При такомъ развитіи грамотности въ народѣ, извѣстно, что грамотѣи пользуются особою силою. Крестьянинъ считаетъ ихъ не

только умѣющими читать, но и болѣе смыслящими, болѣе понимающими и имѣющими болѣе свѣдѣній. Къ несчастью, крестьяне жестоко ошибаются. Просвѣщеніе грамотника часто не идетъ далѣе искусства разбирать по слогамъ, а у нѣкоторыхъ грамотѣвъ, при извѣстномъ способѣ ихъ воспитанія, просто извращенъ смыслъ человѣческой. Кто не знаетъ, что нвые грамотѣи выражаются до того просвѣщенно, что приводятъ въ ужасъ непривычнаго чело-вѣка? Типъ грамотѣвъ извѣстнаго рода, — это писарь съ созна-ніемъ своего безпредѣльнаго достоинства, своего нахальнаго само-довольства и въ то же время съ готовностью на всякій обманъ.

— Отчего у тебя рожа подбита? спросилъ какого-то писаря господина, выразавшійся по-старому.

— Мы съ пріателемъ поговорили, отвѣчалъ краснорѣчивый пи-сарь: — слово за слово, онъ и хватъ меня для избѣжанія излишней переписки.

Мы не говоримъ, чтобы у всѣхъ грамотѣвъ былъ въ такой степени извращенъ человѣческой смыслъ, но право ужасаемся тому, какъ подобные грамотѣи толкуютъ народу «Положеніе», ужасаемся этой Немезидѣ. Прибавьте ко всѣмъ достоинствамъ грамотѣя его ревнивую заботливость о сохраненіи своего авторитета въ селѣ, во что бы то ни стало, не смотря ни на какую роль. Какъ возможно, чтобы такой сельскій мудрецъ признался, что онъ не знаетъ чего-либо, когда даже провинціальныя авторитеты, даже нѣкоторые представители литературы не могутъ разстаться съ претензіями на всезнаніе?

Намъ передавали слѣдующее объясненіе «Положенія», совер-шенное какимъ-то отставнымъ служилымъ:

«Когда мы еще въ Питерѣ были, такъ по этому дѣлу государь императоръ самъ совѣтовался съ нами. Призвалъ насъ и спраши-ваетъ: какъ вы думаете ребята, сколько земли дать крестьянамъ?» Мы говоримъ столько-то и столько-то. Государь императоръ и от-вѣчаетъ: ну, быть по вашему; вамъ значитъ это дѣло извѣстное, сами произошли сквозь него. Вы вотъ тутъ, косолапые, ничего не знаете. Ну, зачѣмъ бары ростятъ себѣ бороду, а? не знаете? Это значитъ они придутъ съ бородой-то въ Питеръ къ государю импе-ратору, какъ-будто значитъ вашъ братъ, да и поютъ: «всѣмъ ба-тюшка довольны, и помѣщиками и всѣмъ». Вотъ оно что! и т. д.

Какъ ни грустно признаться, но нельзя же видѣть, что даже свой братъ обманываетъ народъ.

Лучшее средство для противодѣйствія недобросовѣстнымъ чи-тальщикамъ, это третейскій разборъ по сиорамъ. При такомъ раз-борѣ крестьянинъ на самомъ дѣлѣ познакоится съ «Положеніемъ».

Не надо забывать, вѣдь это цѣлая книга, которая и отъ насъ требуетъ изученія.

Нельзя не замѣтить также, что толковое, но краткое изложеніе сущности «Положеній», пущенное по дешевой цѣнѣ, было бы крайне полезно для народа. До сихъ поръ вышло одно только сколько-нибудь сносное объясненіе, но въ двухъ частяхъ и стоитъ оно дорого: 1 р. 50 к. с.

Съ недавняго времени во многихъ деревняхъ стали жить образованные помѣщики, которые по независимости своей и характеру, пользуются довѣріемъ крестьянъ. Найдя свое хозяйство совершенно запутаннымъ, они принялись теперь за его исправленіе и дѣйствительно имѣютъ мало свободнаго времени. Вотъ одна изъ причинъ, почему эти помѣщики уклоняются отъ общественныхъ обязанностей. Еще недавно, въ одномъ изъ циркуляровъ исправляющаго должность министра внутреннихъ дѣлъ, выражалось сожалѣніе, что образованнѣйшіе помѣщики часто держатся всторонѣ отъ общественной службы. Не имѣя времени, чтобы исполнять должность мирового посредника, эти лица могутъ принести много пользы для крестьянскаго вопроса участіемъ въ третейскихъ разборахъ, принятіемъ на себя посредничества. Это тоже важное достоинство третейскаго разбирательства. Оно на большую цѣну увеличиваетъ количество лучшихъ силъ въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Читатели знаютъ, что мировые посредники имѣютъ слишкомъ много дѣлъ и что имъ поручается очень значительное число селеній. Въ «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника» было рассказано, что одинъ изъ посредниковъ какого-то уѣзда саратовской губерніи имѣетъ въ своемъ участкѣ столько селеній, что можетъ посвящать каждому не болѣе 2-3 дней, да и то не считая проѣзда. Между тѣмъ мировой посредникъ иногда долженъ повѣрять плавы, уставныя грамоты, съемку мѣстности, хотя и домашними средствами. Многие помѣщики, не имѣя времени для занятій по должности мирового посредника, легко могутъ участвовать въ нѣсколькихъ разбирательствахъ. Ктому же и отвѣтственность и обстановка тутъ совсѣмъ иныя.

При многочисленности занятій мирового посредника, обѣ стороны, ради успѣшности самыхъ дѣйствій посредника, должны заботиться, чтобы онъ не былъ слишкомъ обремененъ дѣлами, особенно мелочными. Это опять указываетъ на рѣшеніе по крайней мѣрѣ въ значительныхъ спорахъ третейскимъ разбирательствомъ. Нужно стараться, чтобы мировому посреднику приходилось не только разбирать споры, но и утверждать добровольныя соглашенія, въ тѣхъ

случаяхъ, когда утверждение властью нужно для вступленія рѣшенія въ законное дѣйствіе.

Въ сельскомъ хозяйствѣ иногда крайне нужно, чтобы возникшее недоразумѣіе было рѣшено возможно скорѣе, безъ перерыва или неопредѣленности въ отношеніяхъ. Разумѣется, что третейскій разборъ можетъ состояться тотчасъ же, гораздо скорѣе, чѣмъ отправленіе дѣла къ мировому посреднику, часто находящемуся не вблизи, чѣмъ исполненіе всѣхъ вызововъ посредника или пріѣздъ его па мѣсто, если это требуется. Кромѣ того, третейскій разборъ можетъ повести, если не къ окончательному рѣшенію, то къ временному соглашенію до окончательнаго разрѣшенія дѣла мировымъ посредникомъ; а это часто можетъ сохранить значительные интересы. Напримѣръ, можетъ быть условлено, что крестьяне сдѣлають то-то, и что если они окажутся правы, то получать такое-то вознагражденіе; а если нѣтъ, то лишаются его. Подобно этому, § 54 «Положенія о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ» допускаетъ условное введеніе въ дѣйствіе уставной грамоты, при оставленіи на отвѣтственности помѣщика, въ мѣрѣ указанной особыми статьями (73 и 74 того же «Положенія»), могущую оказаться впоследствии разницу между размѣромъ надѣла, показаннымъ въ грамотѣ, и размѣромъ, находящимся въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ. Эти временныя соглашенія подлѣ извѣстными условіями тѣмъ возможно при третейскомъ разбирательствѣ, что выработанное ими рѣшеніе дѣлается безповоротнымъ только при утвержденіи мирового посредника. Само-собою разумѣется, что если третейскій разборъ учрежденъ мировымъ посредникомъ, дѣлается съ его участіемъ, то рѣшеніе такого суда уже не можетъ быть оспариваемо. Если спорщики стороны не будутъ довольны рѣшеніемъ третейскаго разбора, установленнаго ими безъ участія мирового посредника, то имъ остается возможность переразбора ихъ дѣла мировымъ посредникомъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ тѣми инстанціями, въ которыхъ обжаловываются его рѣшенія.

Если-бы насъ просили указать на неудобства третейскаго разбора, то задали бы трудную задачу. Онъ не представляетъ даже потери времени при его размѣрѣ, ибо способствуетъ уясненію дѣла, опредѣленію настоящаго положенія спорящихъ сторонъ другъ къ другу.

Перечислимъ вкратцѣ всѣ выгоды третейскаго разбора. Онъ

1) способствуетъ прекращенію крѣпостнаго права во нравахъ, къ выраженію самостоятельности обоихъ сословій и къ ихъ сближенію;

2) представляетъ прекрасное средство для изученія крестьянами «Положеній» и уничтоженіе вредныхъ слуховъ;

3) привлекаетъ къ участию въ крестьянскомъ дѣлѣ образованныхъ людей, не могущихъ взять на себя должности мировыхъ посредниковъ; а также лицъ другихъ сословій, напримѣръ учителей, купцовъ, и прочихъ постороннихъ лицъ всякаго званія;

4) облегчаетъ занятія мирового посредника, возвышаетъ и очищаетъ его власть;

5) даетъ возможность рѣшать споръ съ помощью лицъ наиболее знакомыхъ съ дѣломъ, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ и могущихъ употребить на рѣшеніе дѣла болѣе времени;

6) даетъ возможность достигнуть скорѣйшаго, почти немедленнаго рѣшенія и

7) открываетъ возможность временныхъ соглашеній, на извѣстныхъ условіяхъ, въ случаяхъ наиболѣе экстренныхъ.

Надѣмся, что всякій видитъ, имѣли ли мы полное право сказать, что забвеніе или уклоненіе отъ третейскаго разбора, столь сильно вызываемаго «Положеніемъ», что обращеніе со всякими мелочами прямо къ власти — сильный гражданскій промахъ.

Послѣднія извѣстія о крестьянскомъ дѣлѣ говорятъ, что со вступленіемъ мировыхъ посредниковъ въ отправленіе ихъ обязанностей, недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками кончаются успѣшнѣе и случаи неповиновенія становятся рѣже. Первое дѣйствіе мировыхъ посредниковъ — это напоминаніе о третейскомъ судѣ, и вѣроятно, оно не остается безъ результатовъ. Надѣмся, что помѣщики, не желающіе отставать отъ «Положенія», не будутъ дожидаться напоминанія мирового посредника и станутъ первыя заботиться о третейскомъ разборѣ.

Простите ли вы мнѣ, читатель, мою слабую попытку по великому вопросу?

И. ВОСКОВОЙНИКОВЪ

5 іюля 1861 года.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Лѣтній зной и книжная духота. — Воображаемая теорія. — Потребность въ свѣжемъ воздухѣ. — Третьекласный вагонъ и волжскій пароходъ. — Приключеніе. — Что значитъ обманывать общественныя ожиданія. — Старушечье говорованье о своемъ и общемъ горѣ. — Тяжолое время, не пропускающее глупостей. — Споръ, вызванный *собачкой* и *курочкой*, и приводящій въ смущеніе «господина добродушнаго свойства». — Нападеніе на нищихъ. — Нѣчто объ артелях. — Ассоціація поэтическихъ талантовъ. — Народныя недуги и враги народной нравственности. — Спорные пункты: 1) есть ли у насъ *люди* или *нѣтъ*; 2) слѣдуетъ ли кой-кого посыпать персидскимъ порошкомъ, или не слѣдуетъ. — Всенсѣвляющее средство и вопросъ о томъ, дѣйствительно ли оно безъ правительственнаго содѣйствія. — Новѣйшія приложенія этого средства.

Лѣтомъ въ Петербургѣ душно вообще, а тому, кто осужденъ обстоятельствами на усердное чтеніе печатныхъ книжекъ, газетъ и журналовъ, душно въ особенности. Душитъ раскаленный камень съ стоящею надъ нимъ тонкою пылью, душитъ журнальная разноголосица, душитъ кабинетная философія и почтовая гоньба на предвзятыхъ идейкахъ, душитъ наконецъ литературное аристократство, драпирующееся на пьедестальчикѣ, осуждающее всѣхъ за недостатокъ учености и громко, неприятно-громко возглашающее, что вотъ оно, аристократство, стоитъ себѣ одно, на пьедестальчикѣ, на извѣстной высотѣ, и дѣлаетъ дѣло — проповѣдуетъ истины, а вокругъ, у его подножія, волнуется «океанъ пустословія, пошлостей, фальши, фразъ безъ смысла», и что этотъ океанъ будто-бы «затопляетъ нашу литературу, литературу безъ науки, безъ всякихъ нормъ, безъ значительныхъ серьезныхъ преданій»; душитъ, признаемся, это литературно-ученое аристократство, желающее запугать простодушныхъ людей ужаснымъ океаномъ и требующее, чтобъ ему вѣрили на слово, не спрашивая, чѣмъ оно измѣряло чужую ученость и чѣмъ можетъ оно доказать, что у нашей литера-

туры нѣтъ ни науки, ни значительныхъ серьезныхъ преданій, а у него напротивъ, у него одного есть и наука, и какія-то значительныя серьезные преданія... Чувствуешь, что слѣдовало-бы смѣяться «добродушнымъ смѣхомъ» надъ этой накрахмаленой, комически-строгой фигурой, но... душно! и смѣхъ не поднимается изъ души. Давно уже, т. е. относительно-давно, съ той поры, какъ литература наша стала говорливѣе, живѣе, оживленнѣе, многолюднѣе, съ той поры, какъ стали набѣгать группами можетъ-быть небольшія, но молодыя и свѣжія силки и шумно засуетились вокругъ мирныхъ, уютно-свитыхъ гнѣздъ, плотно установившихся на поприщѣ, по уже начинавшихъ сохнуть и изнашиваться старыхъ силъ, — съ той самой поры мало по малу начались у насъ перекоры о томъ, кто кого ученѣе, кто солиднѣе, кто выше беретъ въ многоголосномъ концертѣ нашей текущей, повременной литературы. И находятся трудолюбивые люди, которымъ хочется взять всѣхъ выше и которые, наирагая всѣ силы, чтобы выложить на показъ какъ можно больше учености, валять съ плеча такія богатырскія тяжести на читателя, что и въ прохладное время года его иной разъ въ жаръ бросить, а въ лѣтній зной, на раскаленной плитѣ, подъ тонкой, стоячей пылью — ему становится невыразимо-душно. А если еще, глядя на важно-дравирующееся учено-литературное аристократство, подумаешь: какое впечатлѣніе должны произвести, какіе плоды должны принести его возгласы, въ которыхъ оно всю литературу, кажущуюся ему «безъ науки и безъ значительныхъ серьезныхъ преданій», мѣшаетъ съ соромъ, выметеннымъ изъ темнаго угла, и мѣшая, произносить заклинанія, имѣющія для него силу талисмана, охраняющаго отъ вражескаго оружія; когда прислушаешься къ этому голосу, который сначала звучитъ строго-разумной проповѣдью, а потомъ, мало по малу переходя въ голось страсти, достигаетъ степени вопля, вызывающаго «катаклизмъ» на всю литературу безъ науки, катаклизмъ, который-бы «очистилъ его ниву», чтобы ему было просторнѣе, тогда и смѣхъ бѣжитъ далеко, и становится тяжело и грустно... Зачѣмъ катаклизмъ?.. Обличайте неправду и ложь, но не призывайте бѣды ни на чью голову! Сейчасъ была проповѣдь о благодати и христіанской терпимости, и сейчасъ призывается на землю катаклизмъ, который-бы затопилъ и свесъ, выгнѣлъ съ соромъ, и всю литературу, кромѣ одного самодѣльнаго пьедестала, съ возвышающимся на немъ и громко проповѣдующимъ ученымъ аристократствомъ. Чтѣ же ваша благодать и христіанская терпимость? Проповѣдникъ, только-что обличившій маленькаго лжепану, который изъ темнаго угла, смѣясь изподгишка, посылаетъ проклятія, — тотчасъ-же вслѣдъ затѣмъ самъ становится ма-

девятымъ залой и призываетъ небесный свѣтъ на гѣхъ, кто ему мѣшаетъ. «Книжники и фарисеи!» воскликнетъ можетъ-быть иной, дослушавъ проповѣдь до того мѣста, гдѣ вызывается катаклизмъ, и невольно настроившись самъ на тонъ проповѣдника...

Да! лучше въ книжной атмосферѣ, въ лѣтней энон, на расканденой плитѣ!.. Вотъ листокъ, легкій листокъ, скользящій кажется по самой поверхности... Читаемъ:

«...Итъ пѣсни веснѣ и любоваться луной или описывать райские сады въ то время, когда жизнь путается въ тысячѣ разныхъ противорѣчій, значить тоже что утѣшать голоднаго картиной богатаго пира. Не водите насъ къ Шиллеру на луну, не уносите насъ за облака, въ чертоги радостей и мира: распутайте сперва наши пути, облегчите насъ, посмотрите сперва на то, гдѣ и какъ живемъ мы, и дайте намъ то, что нужно. Далекъ намъ еще до міра правды, когда предъ нами поле взятокъ, ханжества, низкопоклонничества, раболопства. Далекъ намъ до героевъ добродѣтели, когда еще какой-нибудь членъ откупа можетъ остановить васъ, отвести въ часть и пожалуй сдѣлать что-нибудь хуже. Очистите сперва эти травы, излечите сперва наши раны, а тамъ и дѣлайте что хотите... Впрочемъ въ послѣднее время защитники *теоріи* искусства для искусства уже и сами стали сознавать свою несостоятельность, но имъ только какъ-то совѣстно отказаться заразъ отъ своего взгляда, и вотъ они прибѣгли къ премудрому правилу, издавна, только къ-несчастью неизвѣстно кѣмъ придуманному: «держись середины». Они согласны, что теорія искусства для искусства немножко смѣшана и пуста, но въ тоже время думаютъ, что и признать искусство лишь отраженіемъ жизни общества — неловко, и потому говорятъ: искусство есть соединеніе того и другого. Выводъ, какъ видите, недурень: вѣтъ ничего легче, какъ такъ рѣшать дѣло. Но бѣда-то въ томъ, что хоть середина и зовется золотою серединой, но признаніе ея обыкновенно никогда и не вело и не ведетъ къ толку, а въ настоящемъ случаѣ, оно просто тоже что соединеніе масла съ водой», и пр.

Боже мой! да вѣдь мы это уже давно слышали, и вы сами вѣрно уже объ этомъ говорили, потомучто объ этомъ говорили всѣ и говорить перестали! Какую вы еще теперь нашли *теорію* искусства для искусства? какія нашли вы крайности и середину? Оставьте искусство съ его законной свободою творить, а главное — закройте хоть на минуту ваши книжки, разстаньтесь съ вашимъ душнымъ кабинетомъ, выходите на свѣжій воздухъ, загляните въ міръ дѣйствительной жизни. Сдѣлайте это, и тогда не можетъ быть, чтобы во всемъ нашемъ днѣ, во всемъ этомъ мірѣ не нащлось ни минутки,

ни уголка, гдѣ-бы не торчали передъ вами призраки откупщиковъ, взяточниковъ, ханжей и низкопоклонниковъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ дѣйствительная жизнь *есть* и *каждого* была въ такой ужащающей степени опутана этими травами, какъ опутало ее ими ваше кабинетное воображеніе, то ни одному честно-думающему и чувствующему человѣку невозможно было бы ни жить, ни шагъ ступить, — заглохло бы всякое доброе движеніе. Представьте-же себѣ человѣка, которому судьба вздумала послать такое неслыханное счастье, что живетъ онъ мѣсяцъ, живетъ и нѣсколько мѣсяцевъ, ни разу не столкнувшись ни съ откупщикомъ, ни съ ханжой, ни съ взяточникамъ; а вѣдь падаютъ-же въ теченіе этихъ мѣсяцевъ ему на душу какія-нибудь впечатлѣнія и — вообразите, что эти впечатлѣнія свѣтлыя, даже вдохновляющія... Куда прикажете ему дѣваться съ ними? Прятать что-ли отъ всего свѣта божьаго? Потомучто вы не позволяете водить васъ къ Шиллеру, а приглашаете всѣхъ къ г. —бову, гонителю искусства для искусства. Между тѣмъ эти свѣтлыя впечатлѣнія пришли изъ той же дѣйствительной жизни, въ которой растутъ и сказанныя «травы», но которая на столько сложна, что не исчерпаешь ее четырьмя словами: откупщикъ, взяточникъ, ханжа и низкопоклонникъ; изъ той дѣйствительной жизни, которую вы изволили забыть, занявшись одной вычитанной въ книжкѣ идеей о существующихъ общественныхъ противорѣчійхъ, да забывши дѣйствительную жизнь, вообразили какую-то *теорію*, которою будто-бы искусство должно руководствоваться въ выборѣ предметовъ для своего творчества.

Согласитесь-же, читатель, что человѣку запертому въ четырехъ стѣнахъ, въ сообществѣ печатныхъ книжекъ и листовъ, но еще не совсѣмъ утратившему чутье къ жизненной правдѣ, очень естественно, подъ вліяніемъ двойной духоты — отъ горячей уличной пыли и книжной мудрости, пожелать, и пожелать страстно, выйти хоть на время изъ этой духоты и освѣжить забытую голову подъ непосредственнымъ дыханіемъ текущей жизни. Пишущій эти строки очень радъ, что ему пришлось испытать въ себѣ это желаніе и... исполнить его, — радъ тѣмъ болѣе, что иначе можетъ-быть онъ принужденъ былъ-бы остаться во все время бесѣды съ вами въ невеселомъ настроеніи, выразившемся въ предыдущихъ строкахъ; онъ радъ, что теперь можетъ впечатлѣнія отъ прочтеннаго перемѣшать съ впечатлѣніями отъ видѣннаго и слышаннаго непосредственно. Что выдетъ изъ этой смѣси и займутъ-ли васъ наши впечатлѣнія — не знаемъ, но знаемъ навѣрное, что въ словахъ нашихъ не будетъ «фальши», что не скажемъ мы ни одного слова изъ постороннихъ, чуждыхъ вамъ побужденій, не скажемъ ни слова съ

какой-нибудь задней, до васъ не касающейся и недостойной васъ мыслью. Мы не боимся, что вы намъ не повѣрите, потому что ваше собственное чувство васъ не обманетъ...

Петербургъ за мною; я въ третьеклассномъ вагонѣ николаевской желѣзной дороги. Въ сосѣднемъ отдѣленіи небольшая артель молодыхъ рабочихъ поетъ пѣсню, изъ рода тѣхъ пѣсенъ, о которыхъ цыгане пшутъ въ афишкахъ: «веселая, хоромъ». Мудрено вслушаться въ смыслъ словъ этой пѣсни, но легко почувствовать смыслъ звуковъ. Это пѣнье — выраженіе безотчетно-веселой идиллической жизни въ дружескомъ кружкѣ; поется подъ влияніемъ недавней легкой выпивки, со всею упоеніемъ пѣнья, какъ видно по свивнутымъ совсѣмъ на-бекрень шляпамъ и по взаимнымъ похлопываньямъ лѣвнвою, полуразслабленною рукою по плечу другъ друга. Кончилась пѣсня, и вмѣсто рукоплесканій или иныхъ одобрительныхъ знаковъ, послышались два-три голоса: «Ай-да молодцы!» Вотъ и все... Вотъ и все, что я вынесъ изъ третьекласснаго вагона Николаевской желѣзной дороги. Немного, правда; но что-жъ дѣлать? Хотѣлось-бы разговориться, да нужно особенное умѣнье, чтобы разговориться съ русскимъ человѣкомъ: заговорите неумѣючи, онъ все будетъ отвѣчать полусловами, да послѣ каждаго полуслова обмѣривать васъ полнымъ, открытымъ взглядомъ съ головы до ногъ. Эти взгляды не смущаютъ, а только затрудняютъ неумѣющаго собесѣдника; за ними слышится мысль: «А кто тебя знаетъ, какой ты человѣкъ и чего отъ меня хочешь!» Тутъ казалось-бы стоитъ только никѣмъ и ничѣмъ не прикидываться, а явиться самимъ собой, чтобы пріобрѣсть довѣріе и развязать языкъ русскаго человѣка. Но и это не всегда такъ: явится иной тѣмъ, что онъ есть, т. е. наблюдателемъ; наблюдаемый субъектъ почувствуетъ это инстинктивно — и сожмется... Словомъ, тутъ нужно умѣнье, которое не у всякаго изъ насъ найдется въ достаточномъ количествѣ.

Желѣзная дорога въ сторонѣ. Мы на Волгѣ, на пароходѣ общества «Самолетъ». Это не та Волга, о которой поется пѣсня и которая прозывается *широкимъ раздольемъ*; это верховая Волга, скромная, оливковая рѣка, еще не принявшая въ себя подручныхъ, питающихъ ее рѣкъ. Тихо идетъ по ней пароходъ съ стоящимъ на носу мужичкомъ, по временамъ опускающимъ въ воду длинный шестъ, раздѣленный на разноцвѣтные футы, и мѣрно восклицаящимъ: «Че-ты-ре!.. Три съ половино-ой!.. Три!.. Два съ половино-ой!.. Два!».. При послѣднемъ восклицаніи нашъ ходъ прекращается; все сущее на пароходѣ поднимается съ напряженнымъ вниманіемъ; все чего-то ждетъ... «Три!» слышится съ носа... «Че-

ты-ре!» Колеса снова шумят, все успокоивается; шесть раздѣленный на футы убирается на бортъ. Прошла часть, другой, — и опять та же исторія. Плыли мы безъ особенныхъ приключеній, видѣли между пассажирами г. Ноздрева, господина всѣмъ знакомаго, и увѣрились, что этотъ господинъ еще не скоро выведется изъ Руси и даже переродится не скоро. При самомъ концѣ плаванія случилось однако съ нами маленькое приключеніе, начало котораго восходитъ къ пребыванію нашему въ Петербургѣ. Разкажемъ это приключеніе.

Въ Петербургѣ прочли мы въ газетахъ, что обществу «Самолетъ» явилась конкуренція со стороны общества «Дружина», и потому «Самолетъ», кромѣ пароходовъ, отходящихъ изъ Твери ежедневно въ шесть часовъ утра, назначилъ въ нѣкоторые дни экстренные рейсы по пониженнымъ цѣнамъ, и что эти экстренные пароходы отходятъ въ два часа пополудни. Пассажирскіе поѣзды желѣзной дороги, какъ извѣстно, приходятъ изъ Петербурга въ Тверь въ двѣнадцать часовъ дня, и мы подумали, что гораздо удобнѣе сѣсть на пароходъ черезъ два часа по пріѣздѣ, нежели ждать въ Твери слѣдующаго утра; притомъ и пониженная цѣна — вещь весьма удобная и пріятная. Прочли мы также въ газетахъ, что за всякими свѣденіями о движеніи пароходовъ общества «Самолетъ» можно обращаться въ петербургскую контору общества, находящуюся въ Стремянной улицѣ въ домѣ Богданова. Идемъ въ домъ Богданова, и контора намъ объявляетъ, что экстренные пароходы ходили когда была высока вода, а теперь (это было 17 іюня) уже не ходятъ. Дѣлать нечего, простились мы съ мечтою о пониженныхъ цѣнахъ и безъ нея уѣхали изъ Петербурга. На тверской станціи желѣзной дороги сдали свои пожитки въ контору пароходства, взяли билетъ на слѣдующее утро, и дождавшись урочнаго часа, поплыли. Плыли, какъ сказано выше, благополучно,плыли долго-ли коротко-ли, наконецъ достигли пристани, гдѣ слѣдовало намъ сойти на сушу. Предъявляемъ билетъ на пожитки; начались поиски, поиски дружные, усердные; но — пожитковъ на пароходѣ не оказалось. Произошло великое смятеніе, къ счастью продолжавшееся недолго. Обыскавъ всѣ люки и склады на палубѣ, капитанъ парохода самъ, своей особой, сбѣжалъ на пристань и увидѣвъ стоящаго тамъ, опершись на перила, мужичка, должно быть ему извѣстнаго, обратился къ нему съ торопливымъ вопросомъ:

— Не принимали ли вещей?

— Приняты вещи; отвѣчалъ мужичокъ, слегка поправивъ на головѣ шляпу.

— Что жъ ты молчишь? восклицаетъ капитанъ, съ нѣкоторымъ украшеніемъ въ слогѣ.

— А что жъ мнѣ говорить, коли не спрашиваютъ?

— Да вѣдь видишь... тутъ ищутъ, беспокоятся; а ты стоишь разинувъ ротъ... вотъ я тебя!

— Подитка, попробуй!.. За что? ты еще спасибо скажи, что вѣли да прибрали вещи; а то: что молчишь! Почему мнѣ знать, о чемъ вы тамъ беспокоитесь?

— Да гдѣ же вещи? спросилъ я.

— У насъ въ гостинницѣ.

— Какъ же онѣ сюда попали прежде насъ? снова спросилъ я; обращаясь уже къ капитану.

— Онѣ привезены на экстренномъ пароходѣ, который отходилъ третьяго дня въ два часа.

— Развѣ ходятъ у васъ такіе экстренные пароходы?

— Ходятъ.

— Гм!

За что же, подумали мы, сойди на землю и поднимаясь по ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ на крутой и высокой берегъ, на которомъ рисовалась сияющая усалба съ садомъ (это было въ четвертомъ часу утра), — за что же петербургская контора насъ обманула? Дѣло правда неважное; намъ есть за что благодарить судьбу: ядваніе мы совершили безбѣдно, крушенію не подверглись, на мели не стоили, пожитки наши не уплыли у насъ изъ рукъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ, и насъ ожидаетъ сейчасъ радостное свиданіе съ ними... чего же больше? При такихъ обстоятельствахъ древній пловець приносилъ усердную жертву богамъ, а новый ограничится тѣмъ, что перекрестится. Стало-быть все слава Богу, но... почему же вмѣстѣ съ тѣмъ не вспомнить стариннаго нравоученія: обманете кого въ маленькомъ дѣлѣ, — послѣ не будутъ вѣрить и въ большіе. Послушайте на примѣръ, какъ оборвались и зачали возникшіе было зачатки пароходства въ западной Сибири. Вотъ что разсказывается въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», со словъ «Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостей»:

«Еще въ началѣ 1858 года екатеринбургскій купецъ г. Рязаномъ получилъ десятилѣтнюю привилегію на учрежденіе пароходства между Тобольскомъ, Березовомъ и Обдорскимъ селеніемъ. Репутація г. Рязанова, какъ одного изъ первыхъ екатеринбургскихъ капиталистовъ, ручалась за успѣхъ предпріятія, столь важнаго въ интересахъ бѣдныхъ сибирскихъ народцевъ, остяковъ и самоѣдовъ, которые по недостатку плавающего сообщенія, платили мелкимъ тор-

повцамъ неслыханныя цѣны за предметы самой первой необходимости...

«Получивъ привилегію, г. Рязановъ составилъ компанію, которая тотчасъ же приступила къ постройкѣ судна хозяйственнымъ образомъ. Пока строили пароходъ, одинъ изъ компаньоновъ былъ командированъ въ Березовъ, для ознакомленія съ краемъ, такъ какъ управленіе пароходомъ въ первый же разъ возлагалось на него. Въ 1859 году, путешествуя по березовскому округу, этотъ компаньонъ *увѣрил* остяковъ, что въ 1860 году будетъ спущенъ пароходъ, который привезетъ имъ всѣ необходимые предметы за самую дешовую цѣну. Слова его такъ обнадѣжили инородцевъ, что они положили ждать невиданнаго парохода и не брать никакихъ товаровъ отъ русскихъ купцовъ. Съ другой стороны и продавцы, боясь соперничества компаніи, значительно ограничили на этотъ годъ подвозъ товаровъ...

«Со вскрытіемъ рѣкъ, дѣйствительно компанейскій пароходъ въ тридцать шесть силъ, кое-какъ сколоченный какимъ-то самоучкой, былъ спущенъ на воду. Къ нему прицѣпили три баржи, нагруженные 5.000 пудовъ муки и другихъ товаровъ. Но путь его былъ слишкомъ дологъ. Ровно мѣсяць шолъ онъ отъ Тюмени до Тобольска (280 верстъ), починаваясь на каждомъ шагу. Наконецъ онъ достигъ и до Тобольска, но какъ? По дорогѣ негодный пароходъ разбросалъ свой грузъ, и не доѣзжая сто верстъ до Березова, принужденъ былъ оставить двѣ баржи съ товарами, третья же была брошена еще прежде, на пути. Остяки, заслышавъ приближеніе парохода, расположились по берегамъ Соссы и Оби встрѣтить судно. Они ожидали, что пароходъ пролетитъ стрѣлой мимо ихъ, и горько ошиблись: онъ тащился такъ медленно, что инородцы обговяли его въ насмѣшку на своихъ лодкахъ и пришли въ сильное негодованіе. Насмѣшканы, криканы со стороны туземцевъ не было конца втеченіе трехъ сутокъ, которыя пароходъ простоялъ у берега. Больше всего досталось самому компаньону-управителю: даже мальчишки повсюду встрѣчали и провожали его свистками, подражая пароходнымъ сигналамъ. Положеніе парохода и компаньона-управителя сдѣлалось наконецъ такъ щекотливо, что въ одну прекрасную ночь пароходъ внезапно скрылся вверхъ по Соссѣ уже безъ всякихъ сигналовъ. Но обратное шествіе парохода было не болѣе удачно. Еще въ переднюю путину компаньонъ-управитель приторговалъ у инородцевъ и русскихъ рыбопромышленниковъ всю рыбу, которую они наловятъ втеченіе лѣта; поэтому остяки и русскіе, наловивъ рыбы довольно, съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія парохода. Новое разочарованіе! Компаньонъ-управитель предложилъ остякамъ взять у

него хлѣбъ на деньги, назначивъ самую высокую цѣну, а наловленную для него рыбу отказался вымѣнивать на муку, предлагая за нее или деньги, или другіе товары, за весьма высокую цѣну. Предложеніе это конечно не было принято, и мѣстные жители остались безъ хлѣба.

«Такъ кончилась эта неудачная попытка... Прибавимъ, что компанія березовскаго пароходства убила на это предпріятіе до 70.000 р. с., а пароходъ оставилъ по себѣ, по всему пути отъ Тобольска до Березова, глубокіе слѣды: остяки и русскіе потерпѣли убытки отъ несбыта наготовленной рыбы и остались безъ хлѣба, и дали другъ другу клятву не имѣть никакого дѣла съ пароходами».

Легко сказать! Внушить и вызвать такую клятву!.. Согласитесь однако, что рассказанное событіе такъ странно, странно до смѣшно-го, такъ оно не вяжется съ условіями всякой сколько-нибудь разумной предпріимчивости, что весь рассказъ даже смахиваетъ нѣсколько на какую-то нравоучительную сказку, смахиваетъ даже у насъ, въ мірѣ безпреставныхъ промаховъ, недодѣлокъ и тщетныхъ начинаній, а народамъ, усвоившимъ условія и пріемы разумной предпріимчивости, онъ и не можетъ показаться ничѣмъ инымъ, какъ нравоучительной сказкой, какихъ, — если вы до нихъ охотники, — много можете найти въ персидской хрестоматіи — рекомендуемъ!.. Да если-бы даже въ самомъ дѣлѣ и была въ приведенномъ рассказѣ легкая сказочная примѣсь, — пусть она идетъ въ мірѣ въ видѣ назиданія: да вѣдаютъ тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что значить дѣлать кое-какъ и обманывать общественныя ожиданія!

Такъ вотъ — мы на сушѣ, вдали отъ берега, *внутри страны*. Мы за вечернимъ чайнымъ столомъ, поставленнымъ подъ старой березой, въ саду помѣщицы... Чуть не сказали: помѣщицы Коробочки. Но нѣтъ, это не Коробочка: это вовсе не «дубиноголовая», какъ говорилъ Чичиковъ, а просто добрая и очень чувствительная старушка, изъ тѣхъ старушекъ, которыя готовы заробѣть предъ всякой дѣйствительной, а иногда и кажущейся невзгодой и разрѣшиться горькими старушечьими слезами, но черезъ минуту утѣшиться отъ одного успокоительнаго слова, а черезъ другую минуту уже смѣяться и радоваться, забывъ не только про минувшую, но даже и про дѣйствительную невзгону, при видѣ веселящейся молодежи или играющихъ дѣтей. Это особый типъ старушекъ, невозможно безъ характерныхъ, страдающихъ слабостью сердца, которыя въ большей части своихъ невзгодъ бываютъ сами виноваты, включая конечно тѣхъ случаевъ, когда задѣнетъ ихъ неотразимая сила обстоятельствъ, предъ которою и крѣпкое сердце сжимается и воесть.

— А на меня сегодня что-то такой невеселый день! говоритъ

старушка, поданая мнѣ стаканъ чаю: ужъ я даже немножко заплакала.

— О чемъ же это вы плакали?

— Да такъ, грустно стало... И какъ, скажите, не погрустить? Времена-то ужъ очень тяжолыя. Вотъ мнѣ пужно было лѣску славить; у меня всегда славляли лѣсъ, и никакихъ хлопотъ не было; а теперь мужики отказались, пошли къ предводителю: насъ, говорить, посылають на работу, вредную для здоровья. Предводитель и пишетъ ко мнѣ, что покорнѣйше прошу распорядиться, чтобъ освободить людей отъ работъ, вредныхъ для ихъ здоровья. Чтѣ-жь дѣлать? надо было нанять; наняла, лѣсъ слава Богу славлили.

— Ну, если слава Богу, то и слава Богу; о чемъ же плакать-то?

— Какъ это вы судите, родной мой! Тутъ найми, въ другомъ мѣстѣ найми.. Вотъ я уменьшила запарку на половину... Да у насъ здѣсь и всѣ умевшили; даже многіе богатые уменьшили; а которые поупрямились, не хотѣли нисколько отступитъ отъ своихъ порядковъ, тѣ себѣ же безпокойствъ и хлопотъ нажили... это ужъ тоже, правду сказать, нехорошо... Такъ я, гонорю, уменьшила, а и тутъ нажется не убраться безъ найма. А на чтѣ нанять? денегъ нѣтъ, и взять ихъ не откуда. Занять? На чтѣ глядя займешь? Да у кого? нынче кажется у отца родного не займешь. Вотъ у моего братца двоюроднаго пожалуй и есть, — немного, а есть. И самъ говорить: есть деньги, сестрица, да вы ихъ у меня не просите: насъ жалѣючи не дамъ. Вѣдь не захотите же вы, чтобъ я вамъ подарилъ мои деньги; стало-быть вамъ надо будетъ ихъ возвратитъ мнѣ. Хорошо! Затратите вы ихъ на свое хозяйство; положимъ на дѣло затратите, а не на вѣтеръ бросите, какъ бывало съ нами грѣшными иногда. Да вспомните, говорить, что при нынѣшнихъ насмныхъ цѣнахъ вамъ работа только-только окупится, да и то не знаю; а вамъ-то вамъ-то и останется — ничего. Денегъ не будетъ, а долгъ на плечахъ... Нѣтъ, говорить, вы ужъ лучше перебейтесь какъ-нибудь. Ничего! своими средствами, добромъ да кротостью, уберетесь: человекъ не звѣрь: увидитъ добро, добромъ и отавернется... Такъ вотъ какъ, родной мой!.. Братецъ-то можетъ-быть и правду говорить, можетъ-быть и обойлусъ въ самомъ дѣлѣ: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Только на душѣ-то очень неспокойно. Ужъ и сердце ни къ чему не лежитъ, — отъ безпокойства что-ли!.. Правду сказать, и сама я немножко виновата: жила до сихъ поръ и хозяйствовала спустя рукава; все шло у меня кое-какъ; денегъ не берегла. На дурное хоть не тратила, а не берегла. Кошты бы вало было, экономничать, а я смолоду не научилась экономничать-то...

Мы не выдумали этой рѣчи; тема, на которую ведена она, едва ли теперь не повсемѣстная тема, на которую разыгрываются разные варьяціи на разные тоны. Вы можетъ-быть подумаете, что и мы разыграли собственную варьяцію на тему, которую наприимѣръ, въ № 59 «Одесскаго Вѣстника», набросалъ корреспондентъ изъ бобринецкаго уѣзда (херсонск. губ.):

«Крестьяне вздохнули свободнѣе (сказано тамъ); помѣщики стали серьезнѣе думать о своемъ хозяйствѣ и иначе смотрѣть на свое положеніе и назначеніе. Положеніе ихъ въ настоящую минуту дѣйствительно затруднительно. Затрудненіе увеличивается отъ совершеннаго недостатка въ кредитѣ, а въ немъ не нуждается развѣ десятый изъ землевладѣльцевъ. Многие не знаютъ, какъ они управятся это дѣло; будь деньги, — все-еще ничего; но гдѣ ихъ вать въ настоящую минуту?» и т. д.

Увѣряемъ васъ, что мы не разыгрывали собственной варьяціи: мы прочли случайно эту корреспонденцію, уже выслушавши горючанье старушки. Потомъ случилось намъ столкнуться съ однимъ хозяиномъ, неутомимо и дѣльно ведущимъ свое хозяйство.

— Повсемѣстное уменьшеніе запашки, рѣшились мы скромно замѣтить, — конечно предполагаетъ и уменьшеніе сбора. Что-жь будетъ потомъ?

— Ничего, отвѣчалъ хозяинъ. Недостанетъ хлѣба, — намъ придется уезжать американцы.

— А чѣмъ мы будемъ влатить имъ?

Хозяинъ улыбнулся и пожалъ плечами.

«Времена-то очень тяжелыя», говоритъ горющая старушка. — «Теперь не тѣ уже времена, чтобъ дуло стараться шеголять другъ передъ другомъ моднымъ экинажемъ, платьемъ жены, модными и др.», отвѣчаютъ въ Елисаветградѣ, на георгіевской ярмаркѣ, помѣщики на предлагаемый имъ вопросъ: отчего они ничего не покупаютъ. Изъ ихъ словъ выходитъ, что теперь не тѣ времена, чтобъ дѣлать глупости. Между тѣмъ времена теперь тяжелыя; стало-быть тяжело не дѣлать глупостей.. Силогизмъ кажется не совсемъ правильный, но — ничего! Сущность дѣла въ томъ, что дѣйствительно нынѣшнее время для многихъ тяжело и оно же не прощуетъ безнаказанно никакихъ — не только глупостей или безразсудствъ, но даже и неосторожностей, рѣшительно никакихъ, ни большихъ, ни маленькихъ, ни хозяйственныхъ, ни промышленныкъ, ни даже литературныхъ... Это вѣрно! На той же елисаветградской ярмаркѣ ходилъ, говорятъ, французъ съ розовыми воздушными шарами и продавалъ совершенно одинаковые шары — кому за 30 к., кому за 1 р., кому за 1 р. 50 к., смотря по званію и

полу покушника. Дѣло, какъ видите, самое неважное, даже ничтожное, ничтожнѣе невѣрнаго свѣденія, объявленнаго намъ петербургскою конторою общества «Самолетъ». Но и объ этомъ ничтожномъ дѣлѣ напечатали въ газетахъ (Од. В. № 56), и какой-нибудь дамѣ, заплатившей за розовый шаръ 1 р. 50 к., сдѣлается можетъ быть стыдно, и этотъ стыдъ будетъ ей маленькимъ, совершенно соответствующимъ винѣ наказаніямъ. Г. Воскобойниковъ началъ на г-жу Ишимову за курочку и собачку... Надо сказать, что мы никакъ не думали, чтобы намъ въ другой разъ пришлось столкнуться съ этими маленькими животными; мы думали покончить съ ними прошлымъ мѣсяцемъ, но нѣтъ! они, видите ли, вызвали споръ объ очень важномъ предметѣ, да еще подвели г-на Воскобойникова подъ сильный упрекъ въ незнаніи дѣйствительности: и это все оттого, что наше время ничего не пропускаетъ безнаказанно. Такииъ образомъ пройти теперь мимо двухъ маленькихъ животныхъ безъ вниманія, значитъ пренебречь важнымъ предметомъ, что невозможно. Позвольте же объяснить, какъ совершился переходъ отъ курочки и собачки къ важному предмету.

Г-жа Ишимова, какъ вамъ извѣстно, написала книжку: *Ученіе для воскресныхъ школъ*, въ которой, внушая дѣтямъ необходимость трудиться, приводитъ въ примѣръ собачку и курочку. Г. Воскобойниковъ, въ статьѣ: «Первое собраніе распорядителей воскресныхъ школъ» (въ которомъ трактовали о книжкѣ г-жи Ишимова и признали эту книжку неудобною для воскресныхъ школъ), доказывая неудобство книжки, провнесъ между прочимъ слѣдующія слова:

«Низшія сословія измала приучаются къ труду и долго сохраняютъ способность къ нему, даже при переходѣ въ другіе классы общества. Между тѣмъ книжка Ишимова именно посвящается дѣтямъ низшихъ классовъ, которымъ право странно толковать о трудѣ курочки или собачки...»

Далѣе:

«Въ избѣ, въ подвалѣ, вознагражденіе за трудъ составляетъ событіе. Сколько слезъ льется, сколько раздается проклятій, за неимѣніемъ какого-нибудь рубля, отъ котораго часто зависитъ сохраненіе нравственнаго достоинства бѣдняка; какой враздникъ — полученіе денегъ!..»

Наконецъ:

«...при одномъ появленіи барина, народъ дѣлается серьезнѣе, и даже малые ребята смотрятъ невесело.»

Слушая эти слова, вы чувствуете, читатель, что г. Воскобойниковъ говоритъ подъ влияніемъ благихъ сердечныхъ побужденій; во

въ то же время дѣлаете предположеніе, что онъ вѣроятно все больше читаетъ книжки, да по временамъ можетъ-быть дѣлаетъ прогулки по Петербургу, заглядывая въ подвальные этажи, гдѣ трудится бѣдное рабоче и ремесленное население столицы, и заглядывая въ эти жилища, удостоверяется, что написанное про нихъ въ книжкахъ болѣею частію справедливо. Что же касается до русскаго народа вообще, до народа въ столицѣ и вдали отъ нихъ, то наблюдать его автору или совсѣмъ не удавалось, или удавалось мало, только въ немногихъ пунктахъ.

Должно-быть точно такое предположеніе о г. Воскобойниковѣ сдѣлалъ г. Арлевъ, потому что онъ, въ 21 № «Современной Лѣтописи», взявъ въ разсмотрѣніе сейчасъ выписанныя нами положенія и рѣшительно не соглашаясь съ ними, коритъ г. Воскобойникова за совершенное незнаніе народа и его быта, что его видимо раздражаетъ и сердитъ. Онъ говоритъ — противъ перваго положенія:

«Что «весь нашъ рабочій классъ мало трудится и дурно выполняетъ свой трудъ»; что «всякій фабрикантъ можетъ удостовѣрить, что главная причина дороговизны нашихъ фабричныхъ издѣлій заключается въ привычкѣ нашего народа къ праздности и въ дурновѣ и небрежсовѣдномъ исполненіи работъ»; что «ни въ одной странѣ образованнаго и даже полуобразованнаго міра нѣтъ столько праздниковъ и прогульныхъ дней, какъ у насъ: какъ же могла этого можно тѣшить себя пустыми фразами, что нашъ народъ трудолюбивъ?» наконецъ — что «собственно тружениковъ никакъ нельзя искать въ низшихъ классахъ: они находятя только въ образованномъ; но бѣдномъ классѣ — преимущественно въ классѣ часовниковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ, дѣлающихся чиновниками, литераторами и пр.»

По поводу втораго положенія, о слезахъ, льющихся въ избѣ и подвалѣ за неимѣніемъ рубля, за неполученіемъ вознагражденія за трудъ, г. Арлевъ восклицаетъ:

«О какомъ народѣ вы это пишете? Я начинаю думать, что вы не имѣете никакого понятія о русскомъ народѣ; я прихожу къ предположеніямъ, что вы даже и не живете въ Россіи; г. Воскобойниковъ, а пишете въ Парижѣ или Лондонѣ. Мы, живущіе въ Россіи, привыкли встрѣчать во всѣхъ отрасляхъ земледѣльческой и мануфактурной дѣятельности недостатокъ въ рукахъ, видимъ еще болѣе увеличеніе требованія на нихъ при производящихся постройкахъ желѣзныхъ дорогъ, почти не имѣемъ теперь выгоды въ городахъ употреблять капиталы на постройки, а въ деревняхъ — на производство хлѣбопашества; мы платимъ въ стѣнной южной Россіи дорожне рубля оребромъ въ день коцу и отъ этого часто

продаемъ свой хлѣбъ съ убыткомъ: а вы увидите насъ, что въ насъ и подвалъ вознагражденіе за трудъ составляетъ событіе!.. «Вы бы обратили вниманіе хоть на нашихъ нищихъ. Существованіе ихъ въ такомъ числѣ можетъ имѣть мѣсто только въ странѣ, гдѣ трудно умереть съ голоду, и гдѣ, къ несчастію, нравственное чувство недостаточно развито для того, чтобы многіе, даже и не изъ нашего класса народа, не предпочитали прошеніе милостыни честному труду. У насъ нищенство не необходимость, а промыселъ, который очень легко уничтожить при большей дѣятельности полиціи и заведеній, устроенныхъ для призрѣнія нищихъ и уничтоженія нищеты.»

Наконецъ — противъ послѣдняго положенія о невеселомъ смотрѣніи на барина крестьянами и ихъ дѣтьми, г. Арлевъ утверждаетъ слѣдующее:

«Имѣя помѣстья въ одной изъ великороссійскихъ губерній, я довольно часто бывалъ въ гостяхъ у своихъ крестьянъ; и во время угощенія меня чаемъ, блинами и проч., всѣ ребятами хозяйскаго семейства бывали здѣсь же, со мною въ одной хатѣ, и всегда смотрѣли на меня весело. Также и мнѣ, ни у себя, ни въ другихъ имѣніяхъ, я не замѣчалъ такой нелюбви и страха къ помещикамъ, какъ ихъ говоритъ въ статьѣ г. Воскобойникова.»

Довольно!.. Господи! что же это? воскликнетъ гоголевскій «господинъ добродушнаго свойства»; одинъ говоритъ: трудятся; другой — не трудятся; одинъ говоритъ: бѣдствуютъ, слезы льютъ, вознагражденія за трудъ не получаютъ; другой — лѣнятся и правдннимаютъ, изъ лѣвосты нищенствуютъ, или получаютъ по рублю въ день закосьбу; одинъ говоритъ: хмурятся и смотрятъ невесело; другой: вѣтъ! смотрятъ весело. Кому же, кому вѣрять?..

Господинъ добродушнаго свойства! удостойте подать намъ руку и поступайте вмѣстѣ во свойственному намъ съ вами добродушію, повѣрните обоимъ по немножку... Вы не бойтесь, что люди, не имѣющіе нашего мирнаго свойства, но обладающіе другимъ колючимъ свойствомъ — насмѣшливостью, услышатъ насъ съ вами и засмѣются. Это ничего! пусть засмѣются, а мы съ вами не можемъ поступать иначе, потому что тутъ у обѣихъ спорящихъ сторонъ есть болѣе или менѣе правды, но обѣ стороны немножко погорячились. Подумайте: говорить о всемъ рабочемъ классѣ, о цѣломъ народѣ такой обширной страны, какъ наше отечество, не исключая ни городского, ни сельскаго населенія, и коснувшись такихъ чертъ, какъ трудолюбіе, степень нужды и нищеты, степень любви или нелюбви и страха крестьянина къ барину, — произносить рѣзкое историческое сужденіе, рѣшительный приговоръ, положить общее

приняло, безъ всякихъ оговорокъ... можно ли это? Положеніе г. Воскобойникова уже давно сложилось и сдѣлалось ходячимъ; онъ повторилъ ихъ подъ вліяніемъ прочтенныхъ книгъ и наблюденій городской жизни. Г. Арлеву повидимому короче знакомъ сельскій бытъ можетъ-быть одной извѣстной мѣстности, да еще издали знакомъ бытъ фабричный; наблюденія его славы при условіяхъ, теперь составляющихъ недавнее прошлое, т. е. при существованіи крѣпостнаго права. Одинъ пишетъ грустную, безотрадную картину изъ головы; другой какую-то успокоительную иллюзію, какой-то *жанръ* съ какой-то исключительной помѣщичьей деревни. Повѣривъ обоимъ живописцамъ въ невозможъ, мы все-таки болѣе чувствуемъ грустную картинѣ. Въ ней вамъ кажется болѣе соли, не правды, то истинны. На одну деревню, гдѣ крестьяне распиваютъ чай, заѣдая его блинами, сколько насчитаете вы такихъ, гдѣ приходится въ ужасъ, оттого наприимѣръ, что соль вздорюда.

Что нашъ работникъ не такъ дѣлатель и работа его не такъ свора, какъ въ иныхъ-прочихъ образованныхъ странахъ, что нѣтъ у него той лѣвкости, той отчетливости въ трудѣ, что наконецъ крѣпостное состояніе приучило его къ труду вялому, неохотному, приучило стремиться, при всякомъ удобномъ случаѣ, отдѣлывать отъ невольной, нисколько не интересующей его работы, — вѣдь все это такъ, все это правда. Но эта извѣстная и несомнѣнная истина неужели дастъ право вовсе отрицать въ нашемъ народѣ трудолюбіе, говорить, что онъ вообще трудится мало, и что если есть у насъ труженники, то никакъ не въ низшихъ классахъ, а только между чиновниками и мелкопомѣстными дворянами?.. Послѣднее даже что-то во все странно!.. Прежде нежели осуждать весь народъ за лѣность, за малость труда, — можно было бы, я думаю, принять въ соображеніе хоть его домашній бытъ и соразмѣрить его вялый трудъ съ условіями, поддерживающими его нравственныя и физическія силы; припомнить, гдѣ онъ живетъ и что ѣсть, да сравнить это житье наприимѣръ съ житьемъ англійскаго работника, а потомъ уже и восклицать, что англійскій работникъ сдѣлаетъ противъ троихъ нашихъ. Въ семьѣ не безъ урода, говоритъ пословица. Мы слышали и знаемъ, что есть крестьяне лѣнныя и есть работячіе, что есть цѣлая семья, цѣлая деревня лѣнныхъ или лѣннѣвшихся; но есть также цѣлая семья, цѣлая деревня неутомимыхъ работниковъ. За что же тѣхъ и другихъ мѣшать безъ разбора въ одну категорію мало-трудящихся?

Что между лѣтми низшихъ классовъ много праздности — правда! Да чѣмъ же наполнить было ихъ возрастъ до семидесяти и даже десяти лѣтъ, т. е. то время, когда еще нѣтъ физическихъ силъ

для сельскаго труда? Грамотѣ ихъ до сихъ поръ не учили, а представляли запасаться на свободѣ этими физическими силами въ бѣтаньѣ и уличныхъ играхъ. Нѣтъ между дѣтьми—простолюдьми понятія о необходимости труда? — Еще бы! Но не говорите противъ того, что они съ-измала приучаются къ трудностямъ, къ чернотѣ и тяжести труда, которая ихъ потомъ уже пугать не можетъ. Внушать имъ понятіе о необходимости труда, объяснять его значеніе — конечно нужно; но... согласитесь же, что «собачка» и «курочка» тутъ совсѣмъ не идутъ къ дѣлу. Мы говоримъ о томъ, что этотъ способъ объясненія совсѣмъ не въ духѣ дѣтей—простолюдиновъ; заговорите съ ними подобными примѣрами, — они долго будутъ глядѣть вамъ въ глаза, ничего не понимая, а когда поймутъ, — непремѣнно засмѣются, и, чего добраго, еще по своейственной имъ грубости провозвѣтъ, прозовутъ васъ «курочкой». Вотъ и пропали всѣ ваши внушенія!..

Слова г. Воскобойникова о подвалѣ съ льющимися слезами конечно дадутъ больше понятіе о парижскомъ или лондонскомъ паушеркѣмъ; и уши вовсе нейдутъ къ нашему сельскому быту, т. е. вовсе не характеризуютъ его. А что касается до горолскаго, въ особенностяхъ столичнаго быта, то... какъ вамъ сказать? Напримѣръ мы говоримъ разъ съ одной старушкой, которая, по сохранившемуся у ней умѣнью и чинно состоянію своего здоровья, не можетъ ничего больше дѣлать, кромѣ какъ вязать чулки. На вязанье чулки есть много потребителей, стало быть и работа у ней есть. Вязетъ она очень проворно, а знаете ли, сколько приобрѣтаетъ въ день чистой заработки, за исключеніемъ матеріала? — Семь или восемь копѣекъ серебромъ! Не вѣрите? Извольте сами раочитать. Теперь представьте, что жена чиновника заказала старушкѣ люжину чулокъ; та исполнила заказъ къ тому дню, на который у ней уже не осталось ни куска пропитанія, и приноситъ. А заказчица, за часъ предъ тѣмъ, свесла послѣдній рубль на рынокъ и занаслась на него провизіей на два дня, потому что черезъ два дня мужъ ея получитъ жалованье. Вотъ и проситъ она старушку за деньгами придти черезъ два дня; а старушка въды не знаетъ, что рубль—то тамъ былъ послѣдній, — ей можетъ—быть и не вѣрится. Случай, какъ видите, самый обыкновенный, простой; взятый не изъ парижской или лондонской жизни, а изъ нашей. Тутъ конечно дѣло обойдется безъ проклятій, а безъ слезъ—то можетъ—быть и не обойдется, и полученіе рубля едва ли не составитъ событія.

Приближаемся наконецъ къ самому любопытному и щекотливому пункту спора, къ вопросу: весело ли смотрять (правильнѣе — смотрѣли) крестьянскія дѣти на барина; или не весело? Чувствуютъ ли

(правильнѣе — чувствовали ли) крестьяне нелюбовь и страхъ къ помѣщикамъ, или не чувствовали? Мы не имѣемъ права не вѣрить г. Арлеву, утверждающему, что къ нему крестьяне не питаютъ ни нелюбви, ни страха, и что дѣти ихъ смотрятъ на него весело. Изъ этого мы прямо заключаемъ, что г. Арлевъ — добрѣйшій помѣщикъ, и намъ очень пріятно узнать это. Если бы теперь кто-нибудь насъ увѣрилъ, что и всѣ наши помѣщики — добрѣйшіе люди, то мы ужъ такъ и знали бы, что г. Воскобойниковъ кругомъ неправъ... Что же? вѣдь крѣпостного права у насъ уже не существуетъ; стало-быть мы говоримъ теперь о прошедшемъ, а о прошедшемъ говорится какъ-то свободнѣе и правнѣе. Въ чемъ состояло зло крѣпостного права? — Въ произволѣ помѣщичьей власти; въ томъ, что все личное и имущественное благосостояніе крестьянъ, вся участь ихъ зависѣла отъ личныхъ свойствъ помѣщика... Послѣ этого предоставляемъ г. Арлеву самому сдѣлать конечный выводъ: можно ли было однимъ примѣромъ его добрѣйшей личности опровергать слова г. Воскобойникова; и если послѣдній явился невиннымъ въ незначеніи нѣкоторыхъ сторонъ нашей дѣйствительности, то и за г. Арлевымъ не открылась ли небольшая замашка «водить читателей къ Шидлеру на дуну», какъ выразился одинъ фельетонистъ въ приведенной нами выше тирадѣ изъ легкаго листка?

Успокойтесь же, господинъ добродушнаго свойства! Можетъ быть и теперь заклятые насмѣшники будутъ продолжать смѣяться, и иной даже пожалуй пуститъ ядовитую остроу въ родѣ того, что назоветъ насъ съ вами *миравыми посредниками* или удостоитъ другинъ еще болѣе почетнымъ титуломъ — пусть! Острота никому не покажется острою, и никто изъ людей нашего добродушнаго свойства надъ ней не улыбнется, видя ясно, что она есть плодъ одного непреодолимаго, но трудно-исполнимаго желанія острить. Вѣдь вы сами видите, что не могли же мы поступить иначе, какъ повѣрять понемножку обонимъ спорящимъ, и если впали въ роль примирителей или пожалуй мировыхъ посредниковъ, то не потому, чтобы набивались на эту роль, а потому, что самый предметъ вызвалъ насъ на нее. Мы не хотѣли быть пристрастными ни къ одной сторонѣ, мы хотѣли примирить... Можетъ, правда, случится и то, что обѣ стороны останутся недовольны нами; но... и это ничего! Пусть жалуются на насъ высшему литературному начальству, на примѣръ «Русскому Вѣстнику» или «Отечественнымъ Запискамъ», изъ которыхъ въ тотъ, ни другія вѣрно не откажутся принять на себя роль губернскаго присутствія, потому что это роль важная, удовлетворяющая и честолюбію и другимъ страстямъ, важнымъ лицамъ

свойственныиъ. Только намъ съ вами нечего бояться ихъ суда, потому что мы поступали по совѣсти.

Г. Арлевъ упоминалъ между прочимъ о нищенствѣ... Надо сказать, что мы еще не привели заключенія его статьи, гдѣ онъ, изобразивъ недостатки нашего рабочаго класса, указываетъ и на средства къ ихъ исправленію. Но къ этому заключенію намъ можетъ быть еще придется обратиться послѣ; а теперь собственно о нищенствѣ. По мнѣнію г. Арлева, наше нищенство доказываетъ, что у насъ трудно умереть съ голоду. Это правда:

«Здѣсь хлѣба не выпоешь, — выплачешь легче.» Удивительно вѣрное и мѣткое слово! (Не ругаемъ только, вѣрно ли привела мы этотъ стихъ изъ идилии Гнѣдича: *Рыбаки*). Теперь только въ Петербургѣ иностранные нише кое-какъ приучили народъ къ подавнѣ милостыни за музыку, веселія пѣсни и акробатическія штуки... Г. Арлевъ говоритъ, что существованіе нашего нищенства доказываетъ еще недостатокъ развитія нравственнаго чувства. Можетъ быть; но не знаю, гдѣ больше страдаетъ нравственное чувство — въ выпрашиваніи ли хлѣба Христа ради, или въ пѣньѣ в кривляньѣ поды окнами изъ-за мѣднаго гроша. Кажется это зависитъ отъ сложившагося въ томъ или другомъ народѣ понятія; какъ бы то ни было, но мы признаемъ, можетъ-быть по національному чувству, скорѣй миримся съ откровеннымъ выпрашиваньемъ, нежели съ этимъ кривляньемъ, имѣющимъ цѣлю — выпросить. Конечно, съ тѣмъ или другимъ миримся въ томъ только случаѣ, если видимъ дѣйствительную невозможность труда; а г. Арлевъ говоритъ, что у насъ нищенство не необходимость, а промыселъ, который легко уничтожить. Не слишкомъ ли смѣло, не слишкомъ ли общо это сказано? Вотъ «Московскій комитетъ о просищихъ милостыни» публиковалъ отчетъ о его занятіяхъ и дѣйствіяхъ за 1860 годъ. Въ этомъ отчетѣ есть между прочимъ слѣдующее свѣдѣніе: въ 1860 г. въ вѣденіе комитета поступило всего 2,490 человекъ; это число раздѣляется по возрасту такъ: отъ 1 года до 7 лѣтъ 66 человекъ, отъ 7 до 14-ти лѣтъ — 34 человекъ, отъ 14-ти до 50-ти — 550, отъ 50-ти до 60-ти — 1,340, старше 60-ти — 500 человекъ. При этомъ дѣлается замѣчаніе: «Эта краткая табель показываетъ, что большая часть нищихъ, задержанныхъ въ вѣденіи комитета, имѣли такія лѣта, когда человекъ встрѣчаетъ препятствія къ содержанію себя трудами, и приводитъ къ тому утѣшительному убѣжденію, что у насъ въ весьма маломъ количествѣ поражаются нищетою люди, еще не лишонные силъ и здоровья». Если приведенная табель вѣрна (въ чемъ мы не смѣемъ сомнѣваться), то кто же имѣетъ право утверждать, что наше нищенство — только промыселъ? Это

немножко жестко: причины нищеты не такъ легко исчислить, источники нищенства не такъ легко изслѣдовать, какъ думаетъ г. Арлевъ. Есть, говорятъ, нищенскія *артели*, обратившія сборяныя милостыни въ промыселъ; но нельзя же изъ этого дѣлать общаго правила о просящихъ милостыню. Есть у насъ конные барышники, но изъ этого не слѣдуетъ, что всякій покушающій нужную или продающій ненужную ему лошадь; есть барышники... Мы утаимъ, что сами мы не дальше какъ на дняхъ слышали такой фактъ: староста въ урочный день собираетъ народъ на земледѣльческую или общественную работу; одной женщины не оказывается на лицо. «Гдѣ же Матрена Губанова?» спрашиваетъ староста. Ему отвѣчаютъ: «*въ міръ ушла.*» И староста удовлетворяется, считая причину отсутствія уважительною и законною. Таково сложившееся въ народѣ понятіе!.. Но это все-таки не даетъ права заключать о экономическомъ характерѣ всего нашего нищенства: такой характеръ остается за одиѣми нищенскими артелями, существующими: развѣ только, въ столицахъ, да въ другихъ немногихъ пунктахъ. Вообще же рѣдкой или рѣдкой *пойдетъ въ міръ* изъ такого рабочаго сельскаго общества, гдѣ нѣтъ дѣйствительной нищеты, порожденной мѣстными или временными неблагоприятными условіями.

Мы говоримъ о нищенскихъ артеляхъ. Слово *артель*, какъ вы знаете, очень важно для насъ; въ послѣднее время оно особенно какъ-то часто слышится и наводитъ экономистовъ на многія мысли. Можетъ-быть оно же приведетъ и къ мѣрамъ для устраненія нищеты и нищенства, мѣрамъ болѣе кореннымъ и разумнымъ, нежели «большая дѣятельность полиціи», на которую возлагаетъ надежды г. Арлевъ, а вмѣстѣ съ нимъ въроятно и «Русскій Вѣстникъ», помѣтившій статью его. «Духъ ассоціаціи (говоритъ наприимѣръ одинъ экономистъ) вообще силенъ въ русскомъ народѣ, что доказываетъ сохранившіеся до сихъ поръ формы экономическаго ассоціаціи — артелью и общиною; удѣляли также формы гражданскаго ассоціаціи — мірская сходка и громада. Мы думаемъ, что въ возможномъ будущемъ развитіи этихъ народныхъ формъ заключается великое будущее Россіи. Но это развитіе возможно только тогда, когда образованныя сословія внесутъ въ эти формы просвѣщенное сознаніе и высшія цѣли, слѣвавшіяся обязательными влаждствіе самой силы вещей, т. е. современнаго историческаго движенія. Отсюда для образованныхъ сословій ставится обязательнымъ воспитаніе въ себѣ духа ассоціаціи, если онъ утратился вслѣдствіе долгой разобщенности съ живымъ источникомъ — народомъ. А гдѣ же и воспитать его, какъ не въ единственно-возможной для образованныхъ сословій формѣ экономическихъ ассоціацій; эту

которыхъ всѣхъ легче для осуществленія — ассоціація капиталовъ? Мы крѣпко убѣждены, что если члены русскаго общества будутъ слѣдовать девизу: «плыви, кто можетъ», которому они до сихъ поръ слѣдовали, то никогда не избавятся отъ того историческаго фатума, который втѣсняетъ насъ въ мѣръ восточный. Въ отеченіи отъ восточной мѣни и мелкаго эгоизма, въ стремленіи къ общенію интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ, въ солидарномъ ихъ сплоченіи, лежитъ возможность спасенія отъ тяжкаго кризиснаго времени.» (М. Вѣд. № 132.)

Таково въ самомъ дѣлѣ значеніе нашей артели и таковы мысли, на которыя она естественно наводитъ. Но вотъ что нѣсколько ближе къ тому, о чемъ говорили мы выше. Въ журналѣ «Промышленность» прочли мы замѣтки, въ которыхъ, говоря о давно-распространившемся на западѣ науперизмѣ между рабочимъ классомъ и о томъ, что тамъ издавна принимаемы были разные мѣры для улучшенія быта работниковъ и для облегченія участи обѣднѣвшихъ, приходятъ къ заключенію, что изъ подобныхъ мѣръ «тѣ только дѣйствительно благотворны, въ которыхъ есть личное участіе, личная забота, личная инициатива со стороны рабочихъ, въ пользу которыхъ мѣры эти направлены. Къ числу такихъ дѣйствительно благотѣльныхъ мѣръ относятся ассоціаціи работниковъ.»

Замѣтъ представивъ формы такихъ ассоціацій, развившіяся въ Англіи, Франціи и Германіи, преимущественно же въ первой, замѣтка говоритъ:

«Въ средѣ русскаго народа очень развиты ассоціаціи, называемыя артелями. Гдѣ соберутся нѣсколько челоѣкъ работниковъ, тотчасъ между ними устроивается артель. Нѣкоторыя изъ этихъ артелей имѣютъ въ виду только общее продовольствіе, другія составляются для общей работы и раздѣла общей выручки *порознь*, безъ соразмѣрности съ качествомъ работы. Эта коммунистическая примѣсь къ экономическому элементу ассоціаціи объясняется отчасти простотою самой работы, отчасти существованіемъ денежныхъ штрафовъ между членами артели за неисправности и упущенія. У насъ можно найти артели при всякомъ промышленномъ предпріятіи...»

Далѣе исчисляются нѣкоторыя изъ существующихъ у насъ артелей: бурлацкія, рыбацкія, торговыя артели на Украинѣ, наконецъ самыя богатая и развитая — биржевыя артели.

«Подъ вліяніемъ крѣпостнаго права и тягостной системы паспортовъ (говоритъ потомъ авторъ замѣтокъ), когда свобода труда, передвиженіе и развитіе работника были стѣснены, не могли созидать»

тельно выработаться въ Россіи ассоціаціи работниковъ и достигнуть того широкаго развитія, которое встрѣчаемъ въ другихъ странахъ и особенно въ Англіи».

Въ Англіи, видите-ли, огромное число фабричныхъ работниковъ, а у насъ ихъ немного; въ Англіи городская жизнь развита чрезвычайно сильно, а у насъ очень слабо; въ Англіи существуютъ рабочничья дома, т. е. построенные нарочно для рабочихъ, съ цѣлью доставить имъ удобныя и дешовыя квартиры, у насъ съ этою цѣлью только недавно составились два акціонерныя общества—одно въ Ригѣ, другое въ Петербургѣ; въ Англіи всюду распространены сберегательныя кассы, у насъ о нихъ недавно заговорили, и онѣ только что возникаютъ, да и то еще не между рабочими.—Онѣ возникаютъ между чиновниками. Такъ въ Петербургѣ вышла брошюра: «Предположенія объ устройствѣ санктпетербургскаго общества взаимнаго вспоможенія лицъ гражданской службы»; она вышла въ видѣ предварительнаго проекта, съ цѣлью вызвать замѣчанія, которыя уже и сдѣланы въ нѣкоторыхъ журналахъ. *Предположеніе* вообще признается дѣльнымъ, и слѣдовательно осуществленіе общества мѣротно. Между тѣмъ въ Могилевѣ также составилось нѣчто подобное: чиновники губернскаго правленія согласились образовать у себя ссудно-сберегательную кассу, чтобы имѣть возможность получать въ крайнихъ случаяхъ займы небольшія суммы за незначительные проценты, и кромѣ того положили вносить изъ получаемаго ими содержанія 3%, чтобы въ теченіе службы составить какой-нибудь запасный капиталъ...

Читая о формахъ ассоціаціи, развившихся въ разныхъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Германіи, мы вспомнили встрѣтившееся намъ недавно извѣстіе изъ Риги, бросающееся въ глаза по своей національной характерности. Извѣстіе говоритъ, что учреждается рижское общество любителей литературы, цѣль котораго состоитъ въ *совокупныхъ занятіяхъ* нѣмецкою поэтическою литературою и въ *взаимномъ поощреніи членовъ къ самостоятельному поэтическому творчеству*. Желаящій вступить въ общество обязанъ просить чрезъ одного изъ членовъ о принятіи его и представить свое *стихотвореніе*. Члены общества (прозаически) вносятъ по три руб. сер... Это уже не ассоціація капиталовъ или матеріальнаго труда, о которой мы хлопочемъ, это ассоціація поэтическимъ талантовъ!.. Предлагаемъ вопросъ: существуетъ ли между нашими, русскими поэтами потребность во «взаимномъ поощреніи къ самостоятельному поэтическому творчеству»?

Мы незамѣтно пришли къ нѣмецкимъ и русскимъ поэтамъ отъ нашихъ рабочихъ классовъ и выходящаго изъ ихъ среды нищен-

ства. Но предметъ, который мы оставили-было такимъ образомъ — народъ; его судьбы выдвигаются теперь на передній планъ русской жизни; онъ становится дѣйствующимъ лицомъ, какииъ очень долго не былъ, и въ теченіи этого долгаго времени гложъ въ неизвѣстности и заросталъ разными сорными травами. Одинъ изъ родовъ этихъ травъ замѣтилъ г. Арлевъ, изобразилъ его въ сильной степени, и мы хотѣли говорить объ указываемомъ имъ средствѣ къ его истребленію. Только если уже говорить объ этихъ травахъ, о народныхъ недостаткахъ, то говорить все, о чемъ ходятъ толки, тѣмъ болѣе, что средство г. Арлева лечитъ не одинъ недугъ, а многіе разомъ.

Говорятъ напримѣръ о невыразимомъ равнодушіи народа къ его общественнымъ дѣламъ. «Общество, привыкшее въ мельчайшихъ отправленіяхъ своей жизни возлагать всю заботу на правительство, теряетъ съ теченіемъ времени не только способность, но какъ-бы и самую охоту самолично, помимо правительства, входить въ свои собственныя, исключительно до него самого относящіяся дѣла. Лучшимъ подтвержденіемъ этого могутъ служить тѣ случаи, въ которыхъ такому обществу предоставлена полная самостоятельность: какое безсиліе, какая неспособность, а главное — что за равнодушіе ко всему, что выходитъ за тѣсныя предѣлы личныхъ интересовъ каждаго лица въ отдѣльности!..» Такъ разсуждаетъ нѣкто Г—цкій въ письмѣ къ издателю «Русскаго Вѣстника», и въ подтвержденіе этого разсужденія разсказываетъ о порядкахъ, существующихъ въ русскихъ торговыхъ селахъ, о томъ, какъ какой-нибудь помѣщикъ-кулакъ, становой приставъ да съемщикъ торговыхъ мѣстъ, взявшій ихъ какъ будто съ торговъ, а въ сущности вовсе безъ торговъ, — потому что торги бывають только номинальныя, — какъ этотъ триумвиратъ нещадно обираетъ торгующихъ, ничего не удѣляя на общественную пользу; какъ это всѣ знаютъ и понимаютъ, всѣ — и сельское общество, и другіе, не вступающіеся въ дѣло помѣщички, если они есть въ селѣ, — всѣ знаютъ и всѣ молчатъ, непроходимо молчатъ, позволяя расхищать общественное достояніе, т. е. ихъ самихъ, безпрепятственно и безнаказанно... Этотъ разсказъ очень интересенъ въ своихъ подробностяхъ. Можете, если угодно, прочесть его въ 23 № «Современ. Лѣтописи».

Нѣкто г. Б., путешествуя въ тверскую Карелію, на пространствѣ около трехъ сотъ верстъ постоянно слышалъ отъ благомыслящихъ крестьянъ жалобы, которыя и передаетъ отъ лица ихъ слѣдующими словами:

«Точно какая-то страшная язва, разливаясь въ народѣ пьянство. Бывало, да и не такъ чтобы давно, о водкѣ, кромѣ великихъ

праздниковъ, и въ голову не войдетъ; да и въ праздни-ки-то больше пробавлялись домашнею брагой; а вотъ теперь ребята, праздни-ки не праздни-ки, только того и норовятъ, какъ бы улизнуть въ кабакъ, да нарѣзаться до упаду. Бывало, о масляницѣ возьмешь четвертушку и угостишь всѣхъ добрыхъ людей, а тамъ и самъ поѣдешь къ добрымъ людямъ — разгуляешься; теперь-же вонъ молодые-то возьмутъ ведро, на брагу ужъ и не смотреть, да и то ненадолго хватаетъ. И ужъ хоть пили-то бы дома, а то съ утра уйдутъ изъ дому, и поминай какъ звали. Иной такъ сутокъ по двое, по трое и глазъ не кажетъ. И ужъ явится чистехонекъ: окромѣ того, что стащить деньгами, — шуба, поддевка, все пропало; въ грошовомъ кафтанѣ вернется домой. На нашу бѣду и разоренье шинки развелись въ каждой деревнѣ. Да и господа, суди ихъ Богъ, польстились на грѣшные алтыны и въ своихъ деревняхъ открыли кабаки, да еще лучшія избы отбили для нихъ у мужиковъ. И ужъ разбойники всѣ эти кабачники и шинкари: кто-бы что ни притащилъ имъ, все берутъ, разумѣется только-что не даромъ. Послѣ иной-бы и выкупилъ, такъ и концовъ не найдетъ: «не знаемъ, не брали», да и въ шею добраго молодца. И до чего дошло! молодые бабы стали шлѣться по кабакамъ, дѣвки навѣдываться къ шинкаркамъ. А прежде, и лѣтъ за десять не больше, и дома-то срамно было выпить молодой бабѣ, о дѣвкахъ и говорить нечего. И вотъ что завели: хоть-бы теперь, о масляницѣ, днемъ покружатся по улицамъ, покатаются по деревнямъ, этого мало, — завели ночныя гулянки. А тамъ, посмотришь, и ребенокъ очутится гдѣ-нибудь въ рѣкѣ или въ лѣсу; и найдетъ полиція, и раздѣлывайся вся деревня. Вотъ въ Кесовѣ (село кашинскаго уѣзда) году не проходитъ безъ этого, и теперь идетъ слѣдствіе: задушоннаго ребенка нашли въ суметѣ. А спившаяся съ кругу молодежь и пошлавать начинается. Въ позапрошлую ночь совсѣмъ-было уходили нашего крестьянина, съ деньгами возвращавшагося съ ярмарки; отбили наѣхавшіе обозники. А по клѣткѣ-то, и говорить нечего: ночи не проходитъ, чтобы не подломилъ то тамъ, то здѣсь. Вотъ до чего дошло, а что будетъ дальше?»

Предположимъ, читатель, что въ этихъ словахъ есть какая-нибудь доля естественныхъ, но всѣ времена бывающихъ жалобъ старости на новыя времена; но все же, слушая ихъ, нельзя не ощутить значительнаго опасенія за народную нравственность, особенно если знаешь, что есть враги этой нравственности, пмѣющіе свои временныя выгоды душиить ее нещадно, всѣми возможными средствами. Объ этихъ врагахъ мы намѣрены сейчасъ привести одинъ любопытный и важный документъ, стоящій быть напечатаннымъ и оглашаннымъ всюду, гдѣ только можно. Это письмо одного сель-

скаго священника , помѣщенное въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Вотъ оно :

«При исполненіи христіанскихъ требъ , я старался внушать моимъ прихожанамъ , какъ вредно излишнее употребленіе горячаго вина . Неоднократныя внушенія мои увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ . Однажды приходятъ ко мнѣ три почетнѣйшіе прихожанина и просятъ , отъ имени всего общества , прійти въ сельскую расправу . Немедленно прихожу и спрашиваю о причинѣ ихъ собранія . Мнѣ отвѣчаютъ : «Благодаримъ васъ , батюшка , за неоднократныя убѣжденія наши о прекращеніи въ нашемъ обществѣ пьянства . Мы наконецъ убѣдились , что все зло между нами происходитъ отъ излишняго употребленія водки , а потому и рѣшились совершенно оставить пить ее . Но чтобы наша общая , добровольная рѣшимость была ненарушима , то мы покорнѣйше просимъ васъ , батюшка , въ слѣдующій воскресный день привести насъ всѣхъ къ присягѣ и отслужить Господу Богу молебствіе.» Я объяснилъ имъ , что къ присягѣ приводить ихъ по этому дѣлу совершенно излишне , и притомъ просилъ ихъ поусерднѣе помолиться Господу Богу о томъ , чтобы Онъ оградилъ ихъ отъ нападенія врага , который , сказалъ я имъ , немедленно начнетъ ратовать противъ нихъ за это доброе , истинно-христіанское ихъ намѣреніе . И не замедлилъ врагъ начать свои дѣйствія .

«Черезъ два или три часа послѣ свиданія моего съ прихожанами , пріѣзжаетъ ко мнѣ главноуправляющій питейною конторой и объявляетъ , что прихожане мои бунтовщики (собственные слова его) , а я ихъ предводитель . При этомъ онъ не преминулъ замѣтить мнѣ , что если мои прихожане переставутъ пить водку , то этимъ слѣлаютъ великій подрывъ государственнымъ доходамъ , вносимымъ откупщикомъ , а такъ какъ я внушалъ имъ прекратить пьянство , то , говорилъ онъ , васъ будутъ судить , какъ государственнаго преступника .

«Терпѣливо выслушавъ приговоръ , я пригласилъ главноуправляющаго конторою выйти изъ моего дома . Послѣ сего онъ вдругъ перемѣнилъ тактику , предлагая мнѣ 100 руб. сер. и безденежный отпускъ вина изъ конторы за то только , что я не буду слѣдить за исполненіемъ даннаго моими прихожанами обѣта . Услышавъ въ другой разъ то же требованіе оставить меня , онъ удалился . Вскорости послѣ него пріѣзжаетъ ко мнѣ начальникъ волости , благодаритъ меня (искренно повидимому) за мои заботы о нравственности моихъ прихожанъ , восхваляетъ ихъ доброе намѣреніе , и тутъ же приказываетъ сельскому старшинѣ немедленно высдѣть въ волостную расправу двѣнадцать человекъ , первѣе рѣшившихся оста-

вить пьянство, для выслушанія за то особенной благодарности. Но мужички заблагоразсудили, что лучше выслушать особенную благодарность отъ волостного начальства не двѣнадцати только чело-вѣкамъ; а всему обществу, рѣшившемуся изгнать изъ среды себя нестерпимѣйшій порокъ; и такъ къ волостному начальнику отпра-вилось болѣе четырехсотъ чело-вѣкъ. Видя такое множество жажду-щихъ благодарности, волостной начальникъ приказалъ двѣнадцать чело-вѣкъ изъ этой массы за карауломъ отправить въ окружное управленіе.

«Устрашонные этимъ приказомъ, прихожане мои приходятъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я сказалъ имъ, что сдѣлавъ доброе дѣло, они не должны бояться, а напротивъ, явившись начальству и обстоятельно разказавъ ходъ дѣла, они должны ожидать непремѣнно благодарности. На другой день семь чело-вѣкъ почетнѣйшихъ здѣшнихъ жи-телей рѣшились явиться въ окружное управленіе, гдѣ немедленно, по приказанію г. окружнаго командира, были посажены за рѣшотку, какъ преступники. Извѣстіе объ арестованіи этихъ почетнѣй-шихъ семи прихожанъ немедленно разнеслось въ селѣ, и прихо-жане мои, а наипаче семейства заключенныхъ въ тюрьму, рѣши-тельно упали духомъ; кромѣ того, и здѣсь почти ежедневно требо-валось въ волостную расправу не менѣе двѣнадцати чело-вѣкъ, ко-торымъ волостной голова и писарь, конечно подкупленные уже кон-торой, объясняли, какъ велико ихъ преступленіе и какому они со-временемъ подвергнутся наказанію. Неизлишнимъ считаю замѣ-тить, что волостной начальникъ при подобныхъ увѣщаніяхъ лично не присутствовалъ, а дѣйствовалъ чрезъ вышеозначенныхъ голову и писаря, что и видно изъ его форменнаго ко мнѣ отношенія.

«Ежедневно получая отъ моихъ прихожанъ свѣдѣнія о безо-вѣстныхъ дѣйствіяхъ волостнаго головы и писаря, я обратился къ начальнику волости съ покорнѣйшею просьбой о томъ, чтобъ онъ прекратилъ такое дѣйствіе своихъ подчиненныхъ. Формальною бу-магой онъ не замедлилъ извѣстить меня между прочимъ и о томъ, что на основаніи 2025 ст. закона, за то что называлъ я дѣйствія головы и писаря безсовѣстными, подлежу заключенію въ тюрьму отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года; послѣ заключенія я обязанъ испросить у обиженныхъ прощеніе, а буде пожелаютъ, то уплатить имъ без-честіе.

«Таковъ результатъ заботъ моихъ объ искорененіи въ приходѣ самаго нестерпимаго порока!

«Какое послѣ этого нравственное наставленіе могу я преподать моимъ прихожанамъ, знающимъ по опыту, что наставленія воло-стнаго головы и писаря дѣйствительно и справедливы мои?»

«Прихожане мои, послѣ вышеописанныхъ испытаній, начинаютъ опять употреблять горячее вино — и, къ прискорбію, въ большой прежняго мѣрѣ. Теперь, какъ ни стараюсь внушать имъ, чтобы воздерживались отъ излишняго употребленія водки, но вижу, что все мое убѣжденіе — гласъ воніющаго въ пустынь.»

Этотъ документъ гласитъ только о той неотрицаемой правдѣ, что огромная половина сорныхъ травъ, которыми заросъ нашъ народъ, тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которыми теперь корятъ его люди, оплакивающіе его «нравственное растлѣніе», падеть тяжелоымъ грузомъ на совѣсть и отвѣтственность личностей подобныхъ тѣмъ, которыя были дѣйствующими лицами въ приведенномъ разсказѣ. Мы не фанатики-проповѣдники, мы не призовемъ на ихъ голову ни катаклизма, ни иныхъ стихійныхъ бѣдъ; потому что они, какъ все сущее на землѣ, порожденіе времени, и имѣютъ свое право на временное существованіе; придетъ время, и они исчезнутъ, исчезнутъ тогда, когда будетъ у насъ столько людей, чтобъ можно было замѣнить ими этихъ не-людей. Теперь же, говорятъ, у насъ нѣтъ людей, или есть, но очень мало...

Въ самомъ дѣлѣ, между множествомъ разныхъ спорныхъ пунктовъ, недавно выступилъ вопросъ и о томъ: есть ли у насъ люди, или нѣтъ?.. Такъ какъ мы уже разъ попали въ непрошенные посредники спора, то почему жъ намъ еще я еще не облечься въ эту должностную мантию собственнаго приготовленія?.. Вопросъ зашолъ по поводу назначенія лицъ во вновь учрежденную должность судебныхъ слѣдователей. Вамъ уже извѣстно, что правительствомъ изъявлено желаніе, чтобъ въ эту должность назначаемы были преимущественно люди, т. е. лица, болѣе или менѣе просвѣщенные. «Московскія Вѣдомости», слыша толки о томъ, что это желаніе не вездѣ исполняется, сказали какъ-то, что причина этому — недостатокъ людей: «кому неизвѣстно (сказали Вѣдомости), что у насъ вообще мало людей? Что было тому причиной, это уже другой вопросъ; но что людей мало, это несомнѣнный фактъ, неоднократно подтверждавшійся.»

Съ этимъ несомнѣннымъ фактомъ «осмѣлился» не согласиться г. Z. Онъ говоритъ: нѣтъ! люди есть: я самъ знаю въ нашемъ уѣздѣ 4—5 человекъ... людей; причина — не недостатокъ ихъ, а слой старыхъ (отсталыхъ) чиновниковъ, занимающихъ мѣста болѣе или менѣе начальственныя (совѣтниковъ, ассесоровъ, правителей канцелярій и пр.). Сквозь этотъ слой, видите ли, люди-то и не могутъ никакъ пробиться... Чтожъ? это можетъ-быть и правда, даже очень и очень можетъ быть, что правда. Только вѣдь это почти то же, что сказала «Московскія Вѣдомости». Если бы людей, т. е. настоящихъ

людей, и просвѣщенныхъ, и провикнутыхъ чистыми, свойственными такимъ людямъ стремленіями, съ достаточнымъ количествомъ эвергіи и воли, — если бы такихъ людей было много, а слой, ихъ заграждающій, былъ бы слабъ и тонокъ, то они конечно пробились бы сквозь него и тотчасъ же сами образовали бы верхній слой. Тутъ не было бы даже необходимости въ количественномъ равенствѣ, людей могло-бы быть и меньше, потомучто на ихъ сторонѣ была-бы свѣжесть и нравственная сила, а въ заграждающемъ слоѣ — ветхость, гнилость, червоточина. Какъ же могъ-бы этотъ дряхлѣющій слой удержать стремленіе мощныхъ молодыхъ силъ? А вотъ онъ держитъ! Чтожъ тутъ дѣлать? Поднять развѣ иконы, идти на ниву и молить о катаклизмѣ? Или ужъ не лучше ли подождать? Время совершаетъ чудеса: подъ его дыханіемъ сами собою падаютъ стѣны Иерихона... Какъ-бы то ни было, но мы видимъ ясно, что масса истинныхъ людей у насъ еще мала и слаба, и этого не могутъ опровергнуть ни оказавшіеся въ вѣкоторомъ уѣздѣ четыре-пять человекъ, немощные пробиться на поприще, ни даже приводимая г-мъ Z. цифра, означающая количество существъ, ежегодно образующихся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ихъ легко пересчитать, пока они сидятъ на студенческихъ скамьяхъ; но куда улетаютъ они съ этихъ скамей, во что и во что превращаетъ ихъ потомъ жизнь, подвержены ли они значительнымъ превращеніямъ, какимы и въ какой мѣрѣ — это тоже все вопросы, и вопросы достойные глубокихъ статистическихъ изслѣдованій.

Мы слышали еще одинъ споръ, и сильно подмываетъ насъ... не то-что вмѣшаться, а такъ, слегка коснуться его. Этотъ споръ, происшедшій предъ лицомъ издателя «Сѣверной Пчелы», заключался въ томъ: слѣдуетъ ли *ходобщикова по чужимъ дѣламъ и карманамъ* посыпать персидскимъ порошкомъ, или не слѣдуетъ? Г. Крессинъ и редакция «Свѣточа» говорятъ, что слѣдуетъ, а г. Лѣсковъ, отвѣдая почтительно въ сторону редакцію «Отечественныхъ Записокъ», которую хотѣли-было вызвать на словесный поединокъ, и выступивъ самъ на арену, утверждаетъ, что не слѣдуетъ. Говоря не шутя, вотъ въ чемъ было дѣло. Г. Крессинъ, въ заключеніе своей (помѣщенной въ «Свѣточѣ») статьи о *ходобщикахъ*, подъ которыми разумѣются частные стряпчіе, ходатаи по дѣламъ, составляющіе, какъ извѣстно, преимущественно въ Москвѣ, особый плодovitый типъ, сказалъ: «Желательно было-бы, чтобъ человекъ, болѣе меня опытный, придумалъ какія-нибудь средства къ уничтоженію этихъ *ходобщиковъ* силою закона, какъ людей вредныхъ обществу, или хоть какимъ-нибудь порошкомъ, въ родѣ персидской ромашки отъ тара-

кановъ и клоповъ, потомучто ходебщики для общества вреднѣе, чѣмъ самыя вредныя наскѣкомыя».

Г. Лѣсковъ, разбирая (въ «Отечественныхъ Запискахъ») статью и одобряя ее вообще, не одобрилъ мысли, замѣченной имъ въ вышеприведенныхъ словахъ, не одобрилъ убѣжденія относительно необходимости уничтожить ихъ (ходебщиковъ) правительственными мѣрами. «Виноватъ самъ народъ», прибавилъ онъ, и потомъ уже вступивъ въ споръ, объяснился такимъ образомъ:

«Существованіе ходебщиковъ поддѣрживается, безъ всякаго сомнѣнія, самимъ обществомъ, которое въ нихъ нуждается частію по неумѣнью справиться съ своими тяжѣбными дѣлами, производящимися въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, а частію потомучто не всякій сроденъ самолично угощать извѣстныхъ господъ въ Новомосковскомъ трактирѣ, гдѣ, по выраженію г. Кресина, падаеть канцелярская тайна...» Далѣе, г. Лѣсковъ заключаетъ: «Гораздо лучше, по моему, вмѣсто того чтобы кусаться, изобличать обманщиковъ путемъ печатной гласности: оно и гуманнѣе, и дѣйствительнѣе, какъ въ видахъ предупрежденія неосторожныхъ довѣрителей, такъ и съ цѣлью уничтоженія неблагонамѣренныхъ стряпчихъ, безъ посылки ихъ персидскимъ порошкомъ».

Редакція «Свѣточа» вступилась за народъ, и вступилась со всѣмъ жаромъ ревностнаго защитника. Зачѣмъ сказали, что «виноватъ самъ народъ»? Это-то и послужило источникомъ и сущностью спора, который заключился тѣмъ, что обѣ стороны, каждая произнесши свою рѣчь, обратились къ публикѣ, предлагая на ея разрѣшеніе одинъ и тотъ же вопросъ: «всякій ли журналъ у насъ, оставивъ личные счеты и крайнее увлеченіе, служить истинѣ честно, разумно и безо всякой задней мысли?»

Не намъ предложили этотъ вопросъ, не намъ его и разрѣшать. Посыпать ли ходебщиковъ персидскимъ порошкомъ или не посыпать; кто долженъ производить эту операцію — правительство или сама публика, и наконецъ, одни ли собственно ходебщики могутъ быть подвергнуты дѣйствию порошка, или не мѣшаетъ, по прикосновенности къ дѣлу, прихватить тутъ же и еще кого-нибудь — все это будутъ разрѣшать патентованные судьи. Мы же хотѣли собственно коснуться слегка только того существеннаго пункта, гдѣ говорится, что въ существованіи ходебщиковъ виноватъ самъ народъ. Тутъ кажется произошла маленькая недомоляка. Видите ли: если вы знаете о существованіи «канцелярской тайны» и если признаете «необходимость» угощать извѣстныхъ господъ въ Новомосковскомъ трактирѣ, — то какъ же вы рѣшитесь обвинять прямо одно только общество за то именно, что въ немъ есть много неумѣющихъ спра-

вѣться съ своими тяжкими дѣлами и несподвижныхъ производить самолично сказанное угощеніе?.. Винавать ли въ самомъ дѣлѣ народъ, что не было у него силъ справиться съ тяжкими дѣлами? винавать ли тотъ, кто не могъ сродниться съ самоличнымъ трагическимъ угощеніемъ?.. Намъ кажется, что ужь если «служить истинѣ честно», то говорить все, или если находишь это неудобнымъ, по крайней мѣрѣ воздержаться отъ тяжкаго обвиненія того, кто... безъ вины винавать.

«Всякое учрежденіе или правило (говорить одинъ благомыслящій *псевдонимъ*), предназначенное ко всеобщему руководству, конечно только тогда можетъ-быть полезнымъ или умѣстнымъ, когда появленіе его вызвано дѣйствительною потребностью, или оправдывается вѣроятностью пользы. Въ противномъ случаѣ оно очевидно становится бесполезнымъ. Согласившись съ такимъ выводомъ, нельзя не стать въ противорѣчіе съ однимъ изъ практическихъ началъ нашего судопроизводства, — тайною, которою облакаются дѣйствія судебныхъ инстанцій отъ публики и даже причастныхъ къ дѣлу лицъ. Многіе, я полагаю, сѣтовали и сѣтуютъ на то, что многія обстоятельства дѣлъ осуждены не выходить изъ предѣловъ зданія суда: какъ они ни бываютъ интересны для участниковъ дѣла, во этому интересу служить преградой — бюрократическая тайна»... «Исчислять всѣ случаи, гдѣ бюрократическая тайна бесполезна, нѣтъ надобности: они хорошо извѣстны на практикѣ своимъ многообразіемъ»... «Тайна эта могла бы еще, пожалуй, быть безвредною, еслибъ всѣ безъ исключенія служащія лица были люди вполне преданные справедливости и свободные отъ разныхъ эгоистическихъ побужденій»... «Наконецъ дѣйствительно ли тайна такъ свято соблюдается? Практическіе примѣры показываютъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ эта тайна для нѣкоторыхъ не существуетъ, вполне однакъжь сохраняя силу для ихъ противниковъ. И такъ, въ этомъ случаѣ правило о тайнѣ только предоставляетъ одной сторонѣ очевидныя преимущества предъ другою, не успѣвшею возбудить къ себѣ сочувствіе... Тутъ правосудіе не можетъ не страдать, и правило о тайнѣ становится не только мертвою буквою, но часто и довольно сильнымъ орудіемъ, употребляемымъ по произволу въ пользу одной изъ сторонъ». (Од. Вѣсти. № 58)

Не дивитесь же, что не всякій съумѣетъ, безъ провожатаго-хозяина, не заблудиться и не завязнуть въ этомъ окружномъ тайною лѣсу!

Кстати примолвимъ, что недавно поднялся-было новѣйшій вопросъ: объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ. Но поднявшій его М. Е. Салтыковъ вскорѣ потерпѣлъ сильное пораженіе за нѣко-

торыя бюрократическія тенденціи, которыя, правду сказать, нельзя считать теперь вполне своевременными.

Мы обѣщались однако говорить о средствѣ, долженствующемъ исцѣлить нравственные недуги нашего народа. Это средство давно извѣстно и давно признано единственнымъ, всеисцѣляющимъ; это средство — образованіе. Оттого-то такъ много говорятъ и пишутъ о распространеніи грамотности; оттого-то всё, сколько ни есть у насъ повременныхъ изданій, такъ зорко, неустанно и съ такимъ теплымъ участіемъ слѣдятъ за ходомъ воскресныхъ и другихъ народныхъ школъ и училищъ; оттого-то всякое вновь учрежденное народное училище заносится въ современные лѣтописи, какъ замѣтное событіе, какъ новый шагъ къ цѣли, какъ новое подспорье общему важному дѣлу; оттого наконецъ всякій дѣятельный, чистосердечный начинатель въ этомъ дѣлѣ считается благодѣтелемъ, истиннымъ *человѣкомъ*... Но г. Арлевиъ говоритъ, что тутъ неизбѣжно правительственное содѣйствіе; онъ соглашается, что «литература справедливо обвиняетъ помѣстныхъ дворянъ въ равнодушіи къ общественнымъ интересамъ, въ глубокомъ снѣ, въ который погружено дворянство»; но затѣмъ говоритъ, ссылаясь на свидѣтельство исторіи, что «дворянство наше никогда не оставалось глухо и невнимательно къ призывамъ правительства», и что потому «если и теперь правительство выразитъ ясно свое желаніе, дворянство отзовется...» Вслѣдъ за этимъ онъ прибавляетъ: «Не худо бы нашему дворянству брать примѣръ съ Англіи: тамъ лорды, богатые помѣщики, считаютъ своимъ долгомъ употреблять свои капиталы на дѣло народнаго образованія и удѣлять народу часть своего времени, посвященнаго государственнымъ заботамъ».

Все это добрыя рѣчи; только вотъ что странно: неужели наше дворянство еще сомнѣвается въ томъ, что правительство желаетъ распространенія народнаго образованія? Какого же еще нужно яснаго выраженія этаго желанія — воззваній, указовъ или циркулярныхъ предписаній? Неужели это *неизбѣжно*?.. Ну, а для того чтобы, по примѣру англійскихъ лордовъ, употребить собственный, частный капиталъ на дѣло народнаго образованія, — для этого что нужно? разрѣшеніе правительства, или другое болѣе сильное содѣйствіе?

Если мы позволимъ себѣ усомниться въ *неизбѣжности* правительственнаго содѣйствія въ распространенія народнаго образованія, то не иначе, какъ представивъ примѣръ, могущій сколько-нибудь подкрѣпить наше сомнѣніе. Вотъ этотъ примѣръ:

Г. Богдановъ, изъ кузнецкаго уѣзда, саратовской губерніи, пишетъ въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», что вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, тамошній уѣздовый предводитель дворянства,

Д. И. Хардинъ, предложилъ дворянамъ содѣйствовать распространенію грамотности въ низшемъ классѣ, и на объѣздѣ, данномъ имъ поэтому случаю (куда приглашены были дворяне, чиновники и крестьяне), сказалъ между прочимъ слѣдующее :

«Что касается до меня, то я считаю заботу о распространеніи грамотности въ кузнецкомъ уѣздѣ своею обязанностію, и чтобы доказать, что я говорю не пустымъ слова, я жертвую *три тысячи руб. сер.* на открытіе школъ грамотности въ помѣщичьихъ селахъ, преимущественно въ тѣхъ, гдѣ будутъ открыты волости. Кроме того, беру на себя открыть въ моемъ селѣ Невѣркинѣ, на свой счетъ, независимо отъ этой суммы, такую же школу. Призываю васъ, господа дворяне, къ пожертвованіямъ на это благое дѣло. А вы, крестьяне, расскажите вашимъ односельцамъ, что слышали здѣсь, и приглашите ихъ удѣлить ленту изъ своихъ достатковъ для той же цѣли, для вашей же пользы».

Г. Богдановъ тутъ же прибавляетъ, что уже собрано денегъ до шести тысячъ рублей, и что нѣкоторые помѣщики теперь же открыли въ своихъ домахъ школы для крестьянскихъ мальчиковъ и сами занимаются ихъ обученіемъ, а жены и дочери ихъ учатъ крестьянскихъ дѣвочекъ.

Надо думать, что г. Хардинъ поступилъ прямо по примѣру англійскихъ лордовъ; а можетъ-быть и то, что поступаая такъ, онъ и не помнилъ о существованіи англійскихъ лордовъ и только слѣдовалъ своему сердечному порыву. И отозвались же дворяне кузнецкаго уѣзда на этотъ порывъ, не ожидая правительственнаго вызова или предписанія! И обошлись же они безъ всякаго правительственнаго содѣйствія! Тутъ остается только желать, чтобы чувство, вызвавшее это движеніе, усвоилось и укрѣпилось въ сердцахъ дворянъ, перешло въ сознательный, ненарушимый долгъ, а не осталось однимъ мгновеннымъ порывомъ, — и тогда, вмѣсто того чтобы отправляться за примѣромъ въ Англію, къ тамошнимъ лордамъ, можно будетъ за тѣмъ же самымъ отправляться въ кузнецкій уѣздъ саратовской губерніи. Лишь бы только была охота слѣловать хорошимъ примѣрамъ! Лишь бы только была охота начинать и довершать добрыя дѣла, не ожидая и не требуя ни особыхъ приглашеній, ни поощрительныхъ толчковъ!

Вотъ еще примѣръ частнаго, такъ-сказать домашняго, но весьма своеобразнаго начинанія. Рассказываютъ, что графъ Кушелевъ-Безбородко въ своемъ имѣніи, бобровскаго уѣзда, платитъ всякому желающему обучать грамотѣ больше 1 руб. въ мѣсяцъ за каждаго мальчика. Всѣ грамотные крестьяне принялись учить своихъ дѣтей. Графъ прислалъ въ имѣніе 2000 азбукъ.

Г. Арлевъ находитъ необходимымъ во всѣхъ столичныхъ, областныхъ и губернскихъ городахъ устроить комитеты для народнаго образованія, которые бы состояли изъ предсѣдателя и десяти членовъ (непремѣнно десяти), въ томъ числѣ: шесть изъ дворянъ, владеющихъ не менѣе 1000 десятинъ земли и избранныхъ на общихъ дворянскихъ выборахъ, два имѣющихъ ученую степень и два изъ достаточныхъ обывателей города. Чтожь? дай Богъ добраго здоровья комитетамъ, если они устроятся! Правда, люди, у которыхъ желаніе дѣйствовать такъ сильно и искренне, что имъ не терпится, — тѣ, не ожидая осуществленія проекта о губернскихъ комитетахъ, уже составили и составляютъ частныя общества грамотности, безъ ограниченія числа своихъ членовъ и безъ раздѣленія ихъ на категоріи, и дѣйствуютъ по крайнему разумію. Мы видѣли обширную программу комитета грамотности (тоже комитеты, но иного устройства), образовавшаяся при вольномъ экономическомъ обществѣ, слышали о составлявшихся въ разныхъ городахъ обществахъ грамотности, и вотъ теперь слышимъ о такомъ же обществѣ въ Харьковѣ, гдѣ, какъ рассказываютъ, на призывъ преподавателей и преподавательницъ воскресныхъ школъ, въ нѣсколько дней откликнулось до сотни человекъ желающихъ быть членами, такъ что существованіе общества матеріальными средствами уже теперь оказывается вполне обеспеченнымъ; проектъ устава составленъ и теперь вѣроятно уже представленъ на утвержденіе, а можетъ-быть даже и утвержденъ.

Это такъ; но конечно губернскіе комитеты, распоряжаясь ежегодно ассигнуемыми дворянствомъ суммами и находясь подъ нѣкоторымъ контролемъ посылаемыхъ отъ министерства народнаго просвѣщенія ревизоровъ (какъ предполагаетъ г. Арлевъ), будутъ дѣйствовать сильнѣе и успѣшнѣе, какъ облеченные авторитетомъ. Авторитетъ — великое дѣло! Притомъ въ нихъ и порядка будетъ больше: и переписка правильнѣе, и годовые отчеты интереснѣе. Хорошо было бы еще, еслибъ они изобрѣли средство не придавать учреждаемымъ сельскимъ школамъ излишне-школьнаго характера: мы слышали, — не знаемъ правда ли, — что крестьяне почему-то робѣютъ предъ дисциплированными казенными училищами и боятся отдавать въ нихъ своихъ дѣтей. Объясняютъ наблюдатели, что воскресныя школы оттого и привлекли такъ много учащихся, оттого и приохотили ихъ такъ ревностно учиться, что въ нихъ совершенно отброшена всякая школьная формальность, а вмѣсто нея существуетъ простота и свобода отношеній...

Къ слову: не замѣтили ли вы въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 120), подъ рубрикою: *черта нравовъ*, слѣдующихъ строкъ: «На

дняхъ мы получили письмо отъ старшаго ученика одной изъ провинціальныхъ семинарій. Письмо, само по себѣ, не представляетъ интереса, но намъ показалось весьма любопытнымъ то, что у нихъ запрещено не только писать что-нибудь для газетъ, но и посѣщать публичную бібліотеку!»

Для соображенія о частныхъ и общественныхъ начинаніяхъ въ дѣлѣ народнаго образованія, считаемъ полезнымъ указать на сообщаемую въ газетахъ поучительную исторію несостоявшаго женскаго училища въ Сумахъ, харьковской губерніи. Дѣло было такъ: сумское городское общество изъявило желаніе открыть у себя женское училище, положило приговоромъ извѣстный сборъ съ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, собрало единовременно 1000 р., выбрало почетнаго блюстителя, обѣщавшаго жертвовать ежегодно по 400 р., предназначило извѣстное лицо въ начальницы и, обезпечивъ такимъ образомъ существованіе будущаго училища, просило думу о разрѣшеніи открыть его. Мѣстное дворянство во всемъ этомъ не принимало никакого участія. Дѣло пошло форменнымъ порядкомъ и шло этимъ порядкомъ полтора года. Потомъ сумскій предводитель дворянства неожиданно получаетъ предложеніе губернскаго начальства составить попечительный совѣтъ и открыть училище. Неожиданность эта произошла оттого, что пока шло дѣло, составлялось положеніе о женскихъ училищахъ, по которому ими долженъ управлять попечительный совѣтъ, состоящій изъ предводителя и двухъ депутатовъ отъ дворянъ. Такъ какъ сумскіе дворяне въ настоящемъ случаѣ не участвовали, то городской голова отозвался, что не можетъ приступить къ открытію училища на новыхъ основаніяхъ, безъ согласія общества. Собралось общество и — отказалось передать свои пожертвованія лицамъ, въ нихъ не участвовавшимъ. Вотъ и все! Сумы остались пока безъ училища.

Что касается до воскресныхъ школъ, то о нихъ можно было бы уже и не распространяться, какъ о дѣлѣ вполне опредѣлившемся, если бы не встрѣчались такіа невеселыя замѣтки, каковая есть въ 61 № «Одесскаго Вѣстника». Довольно привести изъ него нѣсколько лаконическихъ фразъ: «Воскресныя школы въ Одессѣ приходятъ въ упадокъ... Воскресная школа при одесской 2-й гимназіи открыта въ концѣ прошлаго года. Сначала было много преподавателей, потомъ число ихъ уменьшилось, и наконецъ осталось всего только три — на 70 мальчиковъ»... Далѣе: «Я получилъ свѣденіе, что воскресныя школы, бывшія при уѣздномъ училищѣ, нѣкоторыхъ приходскихъ училищахъ и проч., въ послѣднее время одна за другою закрыты. Почему? Первая причина — недостатокъ средствъ, а вторая, и самая главная, та, что со времени полученія программы

для воскресныхъ школъ, многіе преподаватели оставили это дѣло, а дальнѣйшее посѣщеніе школы мальчиками, уже знакомыми съ начальною грамотою, стало бесполезнымъ. И такъ осталась одна только воскресная школа при 2-й гимназій (это съ тремя-то преподавателями!). — *Выписка*: «Намъ говорили, что и эта школа будетъ закрыта съ слѣдующаго воскресенья».

Замѣтка, какъ видите, весьма скорбная, и наводимое ею узніе можетъ сколько-нибудь умѣряться развѣ только тѣмъ, что видишь, какъ въ одномъ мѣстѣ падаютъ, а въ другихъ въ то же время возникаютъ, и возникаютъ не въ такихъ бойкихъ и многолюдныхъ мѣстахъ какъ Одесса, а въ болѣе скромныхъ и бѣдныхъ, какъ Вытегра, Балашовъ и т. п. Даже Березовъ, отдаленнѣйшій, имѣющій только одну тысячу жителей, — Березовъ охотно и скоро сварядилъ себѣ женское училище... Относительно женскихъ училищъ случилось намъ услышать стороною одно такое комическое, но тѣмъ не менѣе докучное обстоятельство, которое и прелусмотрѣть не вдругъ догадаешься. Видите ли, въ Кашинѣ (тверской губ.) существуетъ женское училище, въ которомъ учатся нѣскольکو дочерей богатыхъ купцовъ и много дочерей самыхъ бѣдныхъ обывателей города. Вотъ эти бѣдные обыватели, или собственно обывательницы, матери учащихся дѣвочекъ, и жалуются своимъ знакомкамъ въ такихъ или подобныхъ выраженіяхъ:

— Чтó, матушка! отдала я дочку въ училище, да ужь и сама не рада; право, хоть назадъ бери.

— Это отчего?

— Да взбѣленилась совсѣмъ дочка. Посылаю ее водицы принести — куда тебѣ! Чтó ты, говоритъ, маменька! какъ пойду я за водой? увидить вотъ такая-то, чтó рядомъ со мной сидитъ, — засмѣеть! А ты, говоритъ, маменька, шляпку мнѣ купи; вотъ та-то и эта въ шляпкахъ ходятъ въ училище, а я линючій платчишко накинута на голову, да такъ и вду — срамъ! Ну, чтó съ ней будетъ дѣлать? Право, не знаю какъ и быть!

О вы, скорбящія родительницы! сказали бы мы ницъ: — велика скорбь ваша, но не берите дочекъ изъ училища, а лучше излѣйте вашу скорбь предъ начальницей училища, и если она сколько-нибудь понимаетъ свое назначеніе, то непременно заставитъ вашихъ дѣвочекъ понять и цѣту шляпки и ложность стыда относительно хожденія за водою. Отъ нея зависитъ устроить такъ, чтобы весь кругъ у ней учащихся проникся совсѣмъ другимъ духомъ, духомъ не равенства одежды, а равенства нравственнаго, не зависящаго ни отъ шляпокъ и платковъ, ни отъ рода домашняго труда. Этотъ-то воздѣланный духъ и составляетъ существенное отличіе новыхъ

училищъ, въ которыхъ дѣти учатся, не отторгаясь и не отчуждаясь отъ своихъ семей. Это безъ сомнѣнія понимаетъ училищное начальство, — поймите же это и вы, и дѣйствуйте сообща, не унывая и не приходя въ отчаяніе отъ ребяческихъ желаній вашей дѣвочки.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько бываетъ иногда нужно предусмотрительности и практическихъ знаній при образованіи какого-нибудь учрежденія, назначаемого для народа, и для всѣхъ классовъ общества, не исключая и народа. Вотъ на примѣръ нѣкто г. Б., описывая (въ 22 № «Совр. Лѣтоп.») полноту и другія несомнѣнные достоинства тверской общественной бібліотеки, остановился на маломъ числѣ подписчиковъ изъ мѣщанъ, которыхъ нашлось всего 18, не смотря на то, что подписная цѣна съ нихъ назначена въ годъ тридцать коп. (т. е. за право брать книги на домъ, независимо отъ дароваго чтенія въ самой бібліотекѣ). Остановившись на этомъ числѣ 18, г. Б. нашолъ объясненіе явленія въ отзывѣ одного мѣщанина, съ которымъ ему случилось разговариваться. «Много нашлось бы охотниковъ читать (говорилъ ему мѣщанинъ), которые бы заплатили трижды-тридцать и больше; да вотъ, извольте прислушаться. Начать съ того, чтобы зайти въ бібліотеку и читать. Ну, кому бъ не хотѣлось этого? А какъ зайдешь и разсядешься читать въ этомъ кафтанѣ? Не поды-стать свѣтлымъ пуговицамъ да моднымъ сюртукамъ. Такъ и пройдешь мимо. Иное дѣло, кабы допускали утромъ пораньше, пока господъ нѣтъ: много бы нашлось охотниковъ. Да утромъ не пускаютъ. Вотъ и подписка! Заплатить рубля два-три — плевое дѣло. А что дадутъ читать? Спросишь четь-миною, говорятъ — нѣтъ; спросишь шестодневъ — тоже; исторію тамъ какую-нибудь, говорятъ семинаристамъ отдана; по хозяйству что-нибудь попроче, все же нѣтъ; поучительное для жизни что-нибудь, и все и все нѣтъ. И пойдешь съ пустыми руками. Что говорить, журналовъ ео всей охотой даютъ, сколько хочешь. Ну, да сами разеудите, идутъ ли намъ журналы? Хитро и мудрено пишутъ тамъ, все не про насъ. Да и толкуютъ о томъ, что неприкладно для насъ. Ученымъ людямъ идутъ они, а не намъ слѣпымъ. Ребята, подписавшись, носятъ вотъ сказки какія-то; я прочиталъ двѣ, душу помутило. И полно, и въ домъ не надо задаромъ, а не то-что за деньги. Да ужъ что? Русской неалтири, Иисуса Сирахова русскаго, говорятъ, не добьешься; такъ ужъ что тутъ подписываться? Одно слово — не про насъ бібліотека.»

Дѣйствительно ли проговорилъ все это самъ мѣщанинъ, дѣйствительно ли онъ, не читая журналовъ, узналъ, что въ нихъ все толкуютъ о томъ, что для него неприкладно, — за это мы не ручаемся,

но во всякомъ случаѣ отзывъ очень вѣроятный и естественный, и малое число подписчиковъ—мѣщанъ очень понятно. Библиотека дѣйствительно должна быть не про нихъ; между тѣмъ учредители вѣроятно желали, чтобъ она была про всѣхъ, въ томъ числѣ и про нихъ. Такъ зачѣмъ же нѣтъ въ библиотекѣ Иисуса Сирахова русскаго? зачѣмъ нѣтъ и еще чего-нибудь... поучительнаго или по изысканію попроще? Мало у насъ такихъ книгъ, а все-таки наберешь, если подумать... Если же и подумавши нельзя было бы составить удовлетворительнаго выбора, то «Общество распространенія полезныхъ книгъ» должно скоро пополнить этотъ недостатокъ. Изъ начавшихся дѣйствій этого общества можно указать на объявленный попечительнымъ совѣтомъ московскаго учебнаго округа (вслѣдствіе отзыва къ нему общества) конкурсъ для составленія *Руководства къ первоначальному обученію грамотъ*, приспособленнаго къ понятіямъ и потребностямъ простаго народа.

Въ объявленіи объ этомъ конкурсѣ сказано, что «Руководство» должно состоять въ азбукѣ, гражданской и церковной, съ присовокупленіемъ молитвъ и самыхъ необходимыхъ для всякаго грамотнаго человѣка статей назидательнаго и практическаго содержанія, каковы: основныя положенія и нѣкоторыя общія статьи изъ своихъ законовъ о правахъ и обязанностяхъ гражданина и о присутственныхъ мѣстахъ; краткія свѣденія о Россіи въ историческомъ и особенно въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ указателемъ главнѣйшихъ городовъ и мѣстностей, важныхъ для народа въ національномъ и промышленномъ значеніи; краткія свѣденія о праздникахъ и табельныхъ дняхъ; элементарныя понятія о счетѣ, съ присовокупленіемъ таблицы церковно-славянскаго счисленія. Дальше говорится, что изложеніе статей должно быть по возможности упрощено и всѣ затруднительныя выраженія объяснены.

Вотъ программа требуемаго руководства. Не смотря на ея ясность, простоту предметовъ и видимую легкость задачи, «Руководство» все-таки должно быть составлено очень разумно, и для составленія его необходимо короткое знакомство съ народомъ и его потребностями, такъ что задача вполнѣ стоить конкурса.

За удовлетворительное исполненіе «Руководство» общество распространенія полезныхъ книгъ назначаетъ составителю 300 руб. и сверхъ того входитъ съ нимъ въ соглашеніе объ условіяхъ изданія. Срокъ для приема рукописей — годъ со дня объявленія. Рукописи, по обыкновенію, должны быть представляемы подъ девизами, съ запечатанными въ особыхъ конвертахъ именами авторовъ.

Въ заключеніе нашей статьи, не можемъ умолчать, что для Мо-

сквы готовится или уже совершается важное событіе: румянцовскій музеумъ переносится изъ Петербурга въ Москву; тамъ избрано для него помѣщеніе въ домѣ бывшемъ Пашкова, куда перемѣщаются также принадлежащіе московскому университету музеи и кабинеты; туда же приглашаются частныя лица и нѣкоторыя учрежденія, какъ-то монастыри, помѣстить имѣющіеся у нихъ собранія, вызываются частныя пожертвованія, — съ тѣмъ, чтобъ изъ всего этого составилаь *московская публичная бібліотека и музей*.

Важность этого событія и торжество Москвы по этому случаю будутъ понятны, если вспомнить, что въ ней, въ Москвѣ первопрестольной, до сихъ поръ не было достойной ея, достойной ея древности — публичной бібліотеки.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТЕРИКА

Представляемъ публикѣ полную перепечатку статьи «Русскаго Вѣстника» противъ фельетона, помѣщеннаго въ апрѣльской книгѣ нашего журнала. Въ этой статьѣ насъ ставятъ на одну доску съ «Домашней Бесѣдой». Ниже, въ нѣсколькихъ строкахъ, мы позволяемъ себѣ высказать наше мнѣніе объ этомъ новомъ поступкѣ «Русскаго Вѣстника».

Статья написана невозможнымъ языкомъ. Она очень длинна; мы выписываемъ изъ нея только то, что до насъ касается.

Вотъ эта статья :

«Наши журнальные борзописцы только и знаютъ что потѣшаются надъ г. Аскóченскимъ и его *Домашнею Бесѣдой*, а оглянулись бы нѣкоторые на себя или на товарищей! Еще вопросъ, кто смѣшнѣе, онъ ли съ своимъ грубымъ цинизмомъ, или кто-нибудь изъ этихъ раздушенныхъ фертовъ, выступающихъ манерною походкой и сыплющихъ вычурныя фразы? Еще разъ, бѣда нашего общества состоитъ въ томъ, что у нашихъ образованныхъ людей есть все, что хотите, но только въ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, и очень мало въ какой-нибудь реальной цѣнности. У насъ наготовленъ такой страшный избытокъ словъ, словъ и словъ, такая бездна фразъ, что всякій признакъ мысли, чего-нибудь въ правду познаваемого или чувствуемого, есть большая рѣдкость, которой не нарадуешься, если гдѣ ее встрѣтишь. Мы усвоили себѣ всѣ наружныя приемы людей мыслящихъ, чувствующихъ, чѣмъ-нибудь занятыхъ; мы можемъ болтать обо всемъ на свѣтѣ какъ люди все и весьма глубоко знающіе; намъ ни по чемъ никакія науки, никакія высоты мысли, и Хлестаковъ у насъ великій, всеобъемлющій типъ. Хлестаковство у насъ во всемъ, не только въ фельетонистахъ, не только въ безбородыхъ юношахъ, но и въ нашихъ *soi-disant* ученыхъ и въ маститыхъ старцахъ. Часто отъ людей, повидному весьма порядочныхъ, даже пожившихъ на свѣтѣ и извѣдавшихъ кое-что, услышите вы вдругъ самыя безсовѣстныя рѣчи, обли-

чающія совершенное отсутствіе чувства истины въ говорящемъ. Да, хлестаковство — нашъ общественный недугъ, и безсмертный типъ, созданный Гоголемъ, будетъ современемъ еще болѣе оцѣненъ. Даже то, что Хлестаковъ есть петербургскій чиновникъ — черта весьма глубокая и существенная въ этомъ типѣ. Случалось ли вамъ, читатель, въ нашей сѣверной Пальмирѣ встрѣчать этихъ весьма благоприличныхъ по наружности господъ, которые съ перваго разу обратятъ на себя ваше вниманіе бойкими, складными фразами о разныхъ предметахъ: слова безостановочно льются и вижутся, обо всемъ высказывается мнѣніе готовое и рѣшительное; прекрасный слогъ, свѣдѣніи пропасть, идеи блестящія. Но этотъ миражъ не продолжителенъ: вы скоро начинаете чувствовать, что передъ вами гробъ повапленный, что въ этомъ краснорѣчивомъ и мыслящемъ господинѣ ничего нѣтъ и никогда ничего не было, что это истый Хлестаковъ, только что отказавшійся отъ управленія министерствомъ и сбросившій свою шинель Марѳушкѣ. Мы спрашиваемъ, случалось ли вамъ?.. Но нужно ли спрашивать? Какъ же бы не случалось, если вы живете или бывали въ сѣверной Пальмирѣ? Впрочемъ, типъ этотъ распространился теперь повсюду; въ какой бы вы ни жили глуши, вы навѣрно встрѣтите его въ вашемъ губернскомъ, въ вашемъ уѣздномъ городѣ, даже по сосѣдству въ деревнѣ.

«Отсутствіе всякаго реальнаго содержанія, всякихъ дѣйствительныхъ движеній въ душѣ и въ умѣ, вмѣстѣ съ подавляющимъ обиліемъ готовыхъ выраженій для всякаго чувства и для всякой мысли, вотъ оно это хлестаковство, которое, говоря языкомъ г. Аскоченскаго, какъ духъ тьмы, царствуетъ въ нашей литературѣ. А эта тьма, по нашему мнѣнію, хуже всякой тьмы, и поневолѣ приходится жать какого-нибудь катаклизма, который снесъ бы весь этотъ страшный хламъ съ нашихъ нивъ и возвратилъ бы имъ какое-нибудь плодородіе.

«Не случилось ли вамъ когда-нибудь читать слѣдующіе стихи г. Полонскаго? —

• И падъ пепельной грудой камней,
Изъ-за темнозеленыхъ вѣтвей
Поднималась статуя. Вѣка
На лицѣ пощадилъ черты
Первобытной ея красоты —
И была лишь отбита рука,
Да обтесаны складки одежды
Безпощадной рукою невѣждъ.»

«Вотъ вы теперь прочли эти стихи: какъ они вамъ нравятся?»

Вы удивляетесь этому вопросу и перечитываете эти стихи. Вы спрашиваете, стоило ли их выписывать и стоит ли о них говорить? Г. Полонский написал очень много милых, поэтических пьес; но выписанные стихи ни сколько не характеризуют его поэзии и ровно ничего в себѣ не заключаютъ. Статуя поднималась изъ-за зеленыхъ вѣтвей, вѣка пощадилъ черты ея первоначальной красоты; но у ней отбита рука и обтесаны складки драпировки невѣждами: вотъ и все. Ни въ вашей мысли, ни въ вашей душѣ, нечему шевельнуться отъ этихъ стиховъ. Въ нихъ ровно ничего нѣтъ, о нихъ почти ничего нельзя сказать. Вы такъ думаете? Послушайте однако, что такое можно сказать. Вотъ какъ выражается объ этихъ стихахъ фельетонистъ одного изъ петербургскихъ журналовъ: ¹

• И если бы голосъ мой задрожалъ, если бы слезы потекли при этихъ строчкахъ изъ глазъ моихъ, я не устыдился бы этого, потому что эти строки полны такой святой тоски, такого праведнаго упрека, такого небесно-прозрачнаго горя, что я бы гордился тѣмъ, что могу имъ сочувствовать. Это одно изъ лучшихъ стихотвореній въ нашей поэзии; я завидую г. Полонскому, что онъ написалъ его; я готовъ клеветать за это на всѣ другія его стихотворенія, но на это я клеветать не могу. •

«Естественнспытатель посвящаетъ долгое и напряженное вниманіе изученію какой-нибудь микроскопической букашки; мы просимъ васъ, въ энтомологическомъ интересѣ, помедлить лишнюю минуту на этихъ строчкахъ и сличить ихъ смыслъ или бессмыслицу съ вышеприведеннымъ стихотвореніемъ, къ которому онѣ относятся. Вотъ вамъ разительный примѣръ, вотъ вамъ фактическое доказательство хлестаковства! Вотъ до какихъ чудовищныхъ размѣровъ оно доходить у насъ!

«Нить, Гоголевскій Хлестаковъ — нитка передъ этимъ колосомъ. Все, что тотъ вралъ въ гостиной городничаго, блѣдно и мелко въ сравненіи съ этою изумительною чушью. И вотъ наша литература, наша критика, наши фельетоны!

«Въ томъ же фельетонѣ встрѣчаются вещи самыя изумительныя.

«Извольте прочесть слѣдующее: ²

• Я зналъ человѣка, который совершенно спокойно, да какое спокойно! — съ восторгомъ, съ увлеченіемъ разсказывалъ, какъ онъ надулъ жиды, и какъ онъ надуваетъ свою любовницу. — Вы думаете, я чувствовалъ отвращеніе? — Ничуть. Я смѣялся, и смѣялся такъ же

¹ *Время*, апрѣль, № 4. Фельетонъ, стр. 141.

² *Время*, апрѣль, № 4. Фельетонъ, стр. 134.

отъ души, какъ смѣялся при чтеніи Плюшкина. Другіе, слушавшіе его — онъ не мнѣ и рассказывалъ — старались изобразить презрѣніе на своей улыбкѣ, но сквозь это презрѣніе такъ и просвѣчивалъ добродушный смѣхъ. И нельзя было не смѣяться, видя какъ просто-душно, какъ дѣтски доволенъ этотъ человѣкъ ловкими своими продѣлками. И рассказчикъ, замѣчая благопріятное впечатлѣніе, все веселѣе и веселѣе рассказывалъ далѣе. — И вамъ не стыдно это! замѣтилъ я, чтобы посмотрѣть, что онъ отвѣтитъ. — Э, возразилъ онъ, дружески до меня дотрогиваясь: то ли еще я дѣлаю! — И тутъ же онъ принялся рассказывать свои новыя похождения. — Онъ мошенникъ, сказала я, когда его уже не было: но онъ мнѣ нравится, и я люблю его. — Это доказываетъ замѣтили мнѣ многіе, какъ неискренно въ васъ все то, что вы тутъ проповѣдуете о добрѣ и о безкорыстїи. — Можетъ-быть, сказалъ я, и пожалъ плечами. Мнѣ было обидно, что эти господа не понимаютъ меня. Но я тутъ же былъ вознагражденъ тѣмъ, за кого получилъ упрекъ себѣ. — Я васъ люблю, сказалъ онъ мнѣ, оставшись со мною наединѣ (вотъ тутъ-то я и кладу скромность въ карманъ): — я люблю васъ именно потому, что изъ всѣхъ этихъ господъ, меня презирающихъ, одни только вы имѣли бы на это самое полное право, потому что только вы дѣйствительно составляете противоположность со мною: у васъ душа чиста, и я поклонюсь головой, что вы никогда ничего, подобнаго моимъ поведеніямъ, не сдѣлаете. А эти? — это все тотъ же я, только въ вашемъ платьѣ. Они хуже меня воры: у нихъ ничего нѣтъ своего; у нихъ все краденое. — И въ этомъ мы съ вами братья, сказалъ я ему, протягивая руку: мы здѣсь одни — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. — И ему это доставило неизяснимое наслажденіе. — Но только, прибавилъ я: если я васъ застаю на вашихъ поведеніяхъ, я все-таки первый закричу полицейскаго. — А я, сказалъ онъ смѣясь: если убѣжать не успѣю, перваго васъ повову судить меня, потому что отъ васъ мнѣ не будетъ обидно принять своего осужденія. — Но я не позвалъ бы противъ этого человѣка полицїи: я лучше бы самъ какъ-нибудь съ нимъ раздѣлался. Но я даже увѣренъ, что по моей просьбѣ, онъ удовлетворилъ бы всѣхъ обиженныхъ имъ на моихъ глазахъ, только не далъ бы слова, что не будетъ впередъ дѣлать этого. Другому онъ дастъ слово, но обманетъ его. — И я люблю этого человѣка; и одинъ онъ любилъ меня на службѣ, и одинъ онъ слушалъ меня съ удовольствіемъ и дорожилъ моимъ мнѣніемъ, и говорилъ мнѣ: Я люблю васъ слушать, потому что вы никогда не лжете; и я не хотѣлъ бы при васъ сдѣлать когда-нибудь что-нибудь дурное, не потому чтобы мнѣ было стыдно васъ, но потому, что я не хочу сдѣлать вамъ неудовольствїя. — Чувствуете ли вы, сколько было въ этомъ человѣкѣ хорошаго, что мирно съ нимъ всякаго, кто не имѣлъ только повода ему завидовать и за что-нибудь лично негодовать на него? •

«Это превосходитъ все, что намъ случалось встрѣчать подобна-

го, даже въ нашей литературѣ. Тутъ не знаешь чему удивляться : безсовѣстной ли фразѣ, которая не спотыкается ни на чемъ, наивности ли бессмыслия, или нравственной изломанности, Этотъ фразеръ съ любовью слушаетъ мошенника объ его ловкихъ продѣлкахъ, съ любовью смотритъ на него, прилѣпляется къ нему всюю душой, приобретаетъ его взаимность и гордится ею ; онъ сообщаетъ намъ любезности, сказанныя ему этимъ милымъ мошенникомъ, который любилъ его слушать (къ счастью, изъ всѣхъ товарищей этого Хлестакова онъ только одинъ любилъ слушать его и дорожилъ его мнѣніемъ), — и сообщивъ намъ, какъ мошенникъ этотъ любитъ и почитаетъ его, спрашиваетъ насъ : *чувствуете ли вы, сколько въ этомъ человѣкѣ было хорошаго ?* Какая колоссальная наглость ! И все это говорится среди бѣлаго дня, передъ публикой ! Любить мошенника за то именно, что онъ артистъ въ своемъ ремеслѣ, видѣть правду въ томъ, что человѣкъ усваиваетъ себѣ въ совершенствѣ всякую подлость и мерзость, любить его именно за то, что эта мерзость становится въ немъ живою природою, что онъ въ этой мерзости легко и свободно вращается, что онъ смакуетъ ее и гордится ею, — и наконецъ отгнѣять все это чувствомъ собственнаго достоинства, щеголять своею хлестаковскою фигурою, которая будто-бы жаждетъ природы и правды, между тѣмъ какъ все въ ней налгано, — какое нозмутительное безобразіе ! Что значитъ, передъ этою тошмою приторностью, грубый квасной цинизмъ г. Аскóченскаго ?

«Но испейте до конца вашу чашу, читатель ; прочтите еще слѣдующее изъ того же фельстона :

«Я зналъ одного разбойника, признавагося въ двадцати трехъ убійствахъ. Отъ него требовали, чтобъ онъ показалъ могилы, въ которыхъ схоронены его жертвы. Онъ совершенно охотно показалъ первую. Но когда вырыли гнилой и обезображенный трупъ, онъ, стоявшій поодаль, отвернулся. Ему велѣли подойти : онъ не шолъ. Когда его три полицейскихъ сержанта повели, противъ его желанія, онъ умирался, вырывался, отвертывался ; все лицо его искажалось страшными судорогами, какъ у ребенка, котораго ведутъ наказывать. Подведенный къ труну, онъ взглянулъ на него и упалъ безъ чувствъ. Это была мощная, непоколебимая натура ; и въ эту минуту каждому сердцу, откровенному въ своихъ ощущеніяхъ, его было бы больше жаль чѣмъ покойника. Онъ узнавалъ имъ убитаго. Только это и было нужно слѣдователямъ. Черезъ нѣсколько дней привели его къ другому мѣсту и просили его указать другую могилу. Онъ не хотѣлъ. Онъ не понималъ, для чего имъ нужно это ; но по странному закону судьбы всѣ, бывшіе тутъ, истинную причину ихъ требованія считали, кажется, совершенно недостаточной ; и ему объясняли одинъ господинъ, что нужно открыть тѣло для того, чтобы предать его честному погребенію, и т. п. — Онъ ухмыльнулся :

«Все равно, сказалъ онъ, гдѣ лежать». Тогда другой господинъ сталъ говорить ему, что нужно отрыть грѣло для того, чтобы примириться съ нимъ: «Поцѣлуй его въ его гнилыя губы!» сказалъ онъ. Арестантъ задумался и сказалъ, что въ этомъ больше правды; но могилы не показавъ все-таки. — Отчего имъ было не сказать ему попросту, безъ всякаго желанія потрясти или смутить его грустную душу искусственной рѣчью: «Намъ нужно знать эту могилу и отрыть грѣло для того, чтобы какъ-нибудь послѣ не отрыли ее случайно, и чтобы тогда не падо подозрѣнiе на кого-нибудь вовсе невиноватаго». Онъ бы показавъ тогда. Это была душа, которая не солгала ни одного слова при допросѣ своемъ, и не запутала ни одного невиннаго. Но у этихъ господъ у самихъ не было этого сознанiя. И они вступили въ новые разговоры съ убійцею.—За что ты убилъ этого? спросили они.—А за то, что мнѣ водки хотѣлось, а денегъ не было.—Сколько же ты нашолъ у него?—Четвертакъ. — И стоило изъ-за четвертака убивать человѣка! — Преступникъ посмотрѣлъ на нихъ съ увлеченiемъ: «Все равно, сказалъ онъ: что изъ-за четвертака, что изъ-за тысячи». У этого человѣка было больше смысла, чѣмъ у тѣхъ, кто его допрашивалъ. Имъ все хотѣлось благодушно снизойти до его грубаго пониманiя, и онъ постоянно оказывался выше нихъ, и вмѣсто того, чтобы имъ завладѣть его душою, онъ все больше и больше прибрѣталъ надъ ними власти, и они поминутно чувствовали себя перелъ нимъ школьниками. Его грубая открытенность поминутно уничтожала ихъ, потомучто въ ней все больше и больше, все страшнѣе и неотразивнѣе возставалъ его человѣческой образъ, тогда какъ у нихъ все пугливѣе и пугливѣе, все мельче и все ничтоживѣе пряталась ихъ душа подъ грудю страницъ, вырванныхъ изъ разныхъ когда-то прочитанныхъ книгъ, подъ грудю правилъ, пестрящихъ наши прописи и азбуки

«И я, еще юноша тогда, поддался обаятельному впечатлѣнiю этого человѣка».

«Какой здоровый человѣкъ, какъ бы ни былъ не развитъ и грубъ его смыслъ, прочтеть эти строки безъ омерзѣнiя! Какая ложь, какая пошлость! И какое въ то же время артистическое хлестаковство фразы! Фельетонистъ какъ-будто дѣло говорить; слова такъ и льются, и звучать такъ убѣдительно, какъ будто человѣкъ дѣйствительно вынесъ это чувство, эти мысли изъ жизненнаго опыта. Что мальчика, безъ всякаго отпора въ душѣ, могъ обаятельно поразить образъ душегубца, совершившаго двадцать три убiйства, это очень возможно. Но оправдывать это мальчишеское обаянiе, видѣть въ немъ нѣчто нормальное и обязательное для зрѣлаго человѣка, говорить объ этомъ серьезно, даже съ какою-то претензiей на нравственный пафосъ, говорить бойко, не запинаясь, съ артистическимъ увлеченiемъ — такая непродолима фальшь! Эстетически таить и нравственно млѣть передъ дикимъ душегубомъ, видѣть въ немъ ка-

кой-то колоссальный человѣческій образъ, подавляющій собою прочихъ мелкихъ людишекъ, изъ которыхъ ни одинъ никого еще не зарѣзалъ, и которые осмѣлились подивиться, какъ это чудовище рѣшилось изъ-за шкалика водки на свое страшное дѣло, — скажите, какое должно быть перо, способное написать это! Чѣмъ это лучше той новой Мессалины, о которой рассказываютъ, что не довольствуясь Европой, она ѣздила въ Алжирю, къ Кабиламъ? Нѣтъ, въ нравственномъ смыслѣ это хуже! Но вѣрнѣе будетъ сказать, что тутъ нѣтъ никакого нравственнаго смысла. Фельетонистъ не выражалъ никакого дѣйствительнаго настроенія своей души; все заставляетъ думать, что онъ неспособенъ къ какимъ нибудь *дѣйствительнымъ* настроеніямъ; онъ живетъ въ стихіи фразъ, образующей свой собственный міръ, въ которомъ возникаютъ призрачныя подобія настроеній и мыслей. Эти фальшивыя подобія могутъ развиваться и сочетаться въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ, составлять изъ себя поэмы, критическія статьи, цѣлыя книги. Процессъ и элементы этихъ развитій тѣ же самыя, какіе Гоголь типически изобразилъ намъ въ Иванѣ Александровичѣ Хлестаковѣ. Точно такъ писалъ онъ къ своему другу, фельетонисту Тряпичкину; точно такъ вѣроятно писалъ и Тряпичкинъ свой фельетонъ. И Тряпичкинъ не мало не подозреваетъ, какой сумбуръ нагородилъ онъ въ своемъ фельетонѣ! Возмутительный душегубъ, за которымъ отказывается слѣдить всякое человѣческое чувство, всякій человѣческій смыслъ, этотъ звѣрь, который бросается на свою жертву съ тѣмъ чтобъ удовлетворить минутную прихоть, даже хуже чѣмъ звѣрь, потомучто у звѣря по крайней мѣрѣ нѣтъ прихотей, это чудовище является, въ глазахъ Тряпичкина, могучимъ человѣческимъ образомъ, обаятельнымъ и чарующимъ, подавляющимъ мелкія душишки, которыя прячутся *подъ грудою правилъ, пестрящихъ прописки и азбуки*. Посмотрите, какъ онъ адвокатствуетъ за этотъ великій человѣческій образъ! Посмотрите, какую позу принимаетъ Тряпичкинъ передъ обыкновенными смертными, которые подивились, какъ можно было зарѣзать человѣка изъ-за четвертака! «Все равно, сказалъ преступникъ, что изъ-за четвертака, что изъ-за тысячи», и Тряпичкинъ восклицаетъ: «У этого человѣка было больше смысла, чѣмъ у тѣхъ, кто его допрашивалъ!» Тряпичкинъ увѣренъ, что сказалъ великую истину. Онъ даже сослался на смыслъ... А именно смыслъ-то и заставилъ простыхъ людишекъ изумиться. Эта «непоколебимая и мощная натура» захотѣла выпить водки, и вотъ она спокойно рѣжетъ человѣка и беретъ изъ его кошель четвертакъ, какъ-будто ничего легче и проще этого не было. Передъ этимъ бессмысленнымъ, тупымъ, отвратительнымъ звѣрствомъ нашъ фелье-

тонистъ преклоняетъ колѣни. Объ этомъ-то говорить онъ тономъ даже какого-то нравственнаго убѣжденія, какой-то гуманности, которая тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ болѣе жеманится.

«Между Хлестаковыми есть еще порода такихъ, которые зовутъ себя демоническими натурами. Такихъ молодцовъ дѣйствительно нельзя не побаиваться. *Зарьзать они не зарьзутъ, но не кладите вашего четвертака плохо*».

Мы нарочно перепечатали цѣликомъ, все касающееся до насъ, чтобъ дѣло само за себя говорило. Отвѣчать на такую статью значить терять свое достоинство. Призываемъ на судъ публику: пусть она рѣшитъ, гдѣ, когда въ нашемъ фельетонѣ разбойникъ похваленъ за то, что онъ разбойникъ, за то, что онъ рѣзалъ людей? Гдѣ и когда мы любовались мошенниками и ставили ихъ выше честныхъ людей?

Въ раздраженіи «Русскаго Вѣстника» противъ насъ выказывается все болѣе и болѣе что-то истерически-женское. Онъ не отвѣчалъ на серьезный отвѣтъ нашъ противъ его обвиненія, и придрался къ страничкѣ нашего фельетона, тиснувъ противъ нея огромнѣйшую статью и намѣренно, злоумышленно исказивъ дѣло. Не вступая въ прямой и честный бой, онъ подкрался сзади, ущипнулъ и убѣжалъ прочь.

Что же касается до заключительныхъ словъ его статьи, въ которыхъ онъ говоритъ о демоническихъ натурахъ и о пропавшемъ четвертакѣ, то мы не понимаемъ, какъ человекъ, себя уважающій, можетъ всенародно рѣшаться на такую площадную пошлость. Но припоминаемъ, что «Русскій Вѣстникъ» рѣшается на это не въ первый разъ: когда-то онъ подобнымъ же образомъ извѣщалъ публику о пропавшей съ чьего-то стола книгѣ, по поводу отпаденія отъ журнала одного изъ его прежнихъ сотрудниковъ.

Во всякомъ случаѣ мы считаемъ, что заключительныя слова статьи противъ насъ писаны *съ бользни*, именно въ истерикѣ. Въ такихъ бользняхъ нужно ужъ обращаться къ медицинскимъ средствамъ; литературныя не помогутъ.

Не можемъ отказать г. Кускову, автору обруганнаго фельетона, въ помѣщеніи здѣсь его письма къ «Русскому Вѣстнику.» Но почувствуя, что это письмо вызоветъ безконечный рядъ писемъ со стороны «Русскаго Вѣстника», по примѣру прежнихъ его переписокъ, столь извѣстныхъ публикѣ, мы прелупреждаемъ нашихъ читателей, что готовы открыть въ журналѣ нашемъ особый отдѣлъ: переписка г. Кускова съ «Русскимъ Вѣстникомъ.»

ПИСЬМО П. А. КУСКОВА КЪ РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

Много причинъ заставляетъ меня писать къ вамъ, г. «Русскій Вѣстникъ». Во-первыхъ, я никакъ не могу отказать себѣ въ удовольствіи лично разговаривать съ вами, не отъ журнала, а отъ своего собственнаго имени, хотя я и не вѣрю насмѣшливымъ на вашъ счетъ увѣреніямъ, что вы заведете со мной большую и скучную переписку, на подобіе переписки своей съ г-жею Евгеніею Туръ и съ г. Утинымъ. Вы, конечно, можете заводить такіа переписки съ одними только знаменитостями. Во-вторыхъ, я пишу къ вамъ потому, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи говорить о прекрасной вашей статьѣ «Одного поля ягоды», въ которой я такъ остроумно сравненъ съ г. Аскоченскимъ, и изъ которой лучшій отрывокъ, верхняя нотка этой статьи, выше и перепечатывается. Въ третьихъ — потому, что кто же, кромѣ меня самого имѣлъ бы право всенародно объявить, что вашъ душа-Тришичкинъ, другъ гоголевскаго Хлестакова, чиновника изъ Петербурга — я, П. А. Кусковъ, безнаказанно оскорбляемый всѣми, кого поименно и называть не слѣдуетъ. Только я самъ могу выйти на такой вызовъ и расклаваться. Въ четвертыхъ — смотрите, сколько причинъ заставляетъ меня писать къ вамъ — гдѣ, какъ не въ этомъ письмѣ, могу я лучше всего перепечатать слѣдующія строки изъ письма, полученнаго мною отъ одного моего московскаго пріятели:

«Что это «Русскій Вѣстникъ» слѣлалъ съ вами! (вы равно ничего со мною не слѣлали; но я хочу быть точнымъ въ этой вышескѣ). Какая грубая пошлость! Но меня всегда смѣшитъ, когда «Русскій Вѣстникъ» начнетъ говорить о поэзии, стихахъ и разныхъ такихъ предметахъ. «Русскій Вѣстникъ», разсуждающій о стихахъ и Полонскомъ! А вѣдь это прекомично! Разсуждающій послѣ классическихъ пошлостей г. Донгинова о Хомяковѣ, Тепловои etc. (Ничего этого не читалъ, но такъ въ письмѣ стоитъ), послѣ разсужденія о «Египетскихъ ночахъ» Пушкина! Послѣ тѣхъ стиховъ, какіе онъ кучами печатаетъ въ своихъ безцвѣтныхъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ кляж-

какъ!.. А какъ онъ понялъ то, что вы говорите о своемъ мошенникѣ! Вотъ, по Гоголю, бываетъ такое, что вдругъ человѣкъ и смекнетъ въ чемъ дѣло!.. пожалуйста, хорошенько... (Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько словъ, которыя я, изъ любви къ вамъ, не хочу выписывать)... для котораго всѣ шарлатаны, мальчишки... Они вишь одни столпы отечества! — Самое пошлое, возмутительное высокохвѣріе!

Если вы пойдете на меня за этотъ отрывокъ жаловаться, то я покажу вашу статью во-первыхъ; а во-вторыхъ, у меня самыя обидныя для васъ слова пропущены, и наконецъ это все изъ частнаго письма, а въ частныхъ письмахъ можно говорить все, что угодно.

Такъ это все въ четвертыхъ.

А въ пятыхъ, мнѣ хочется вамъ дать одинъ очень хорошій советъ; держите себя получше. Конечно, я согласенъ съ вами, что очень неприятно, когда мы такъ долго важничали, ни съ кѣмъ не хотѣли говорить, заставляли, храбро ставъ среди дороги, обходить себя весь честной народъ, и вдругъ начинаемъ толчки чувствовать. Все это неприятно, я знаю; но нельзя же вѣчно стоять, уперши руки въ боки, какимъ-нибудь усачемъ «служакомъ старыхъ временъ» и своимъ богатирствомъ загораживать публикѣ дорогу. Вы знаете, сколько скверныхъ анекдотовъ случилось съ такими господами во время оно? Когда имъ приходилось плохо, они начинали бунить, не пренебрегая никакими средствами для внушенія къ себѣ уваженія. Вотъ и вы нынче забуивали въ нашей литературѣ; значитъ, сами видите, что вамъ плохо. Извините за выраженіе; но вѣдь это такъ; и вотъ:

Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не появъ позора своего,

Вы начинаете толкать и тузить все зря: «Египетскія ночи» вамъ попались, вы и «Египетскія ночи»; г-жа Толмачева (совсѣмъ посторонняго вѣдомства), вы и г-жу Толмачеву; г. Полонскій, вы и его! Подвернулся неизвѣстный кто-то, вы и того по шанкъ — окаялось, что это я. И все, рѣшительно, на перекоръ общественному мнѣнію: но объ себѣ-то ужъ я не говорю; въ общественномъ мнѣніи, я, пожалуй и ничего не значу; но общественное мнѣніе за г-жу Толмачеву, противъ г. Камня Виногорова: вы противъ нея, за него; общественное мнѣніе за «Египетскія ночи»: вы противъ нихъ; такъ подъ рядъ, противъ всего: общественное мнѣніе за г. Полонскаго и очень уважаетъ его талантъ; вы кичливо не хотите знать, что такое Феть и что такое Полонскій. Тутъ что-то придуманнаго много. Вѣдь всегда торопятся презирать другихъ тѣ, которые къ себѣ не надѣются никому внушить уваженія. И вѣдь всѣ ваши мнѣнія и от-

звывы за послѣдній годъ похожи на мучительный крикъ вышедшаго изъ себя самолюбія, которое, въ предсмертной тоскѣ, или себя, или все остальное зарѣзать хочетъ. Но въ суматохѣ-то, вы все поворотнику больше попадаете, да еще тупой стороной оружія. Можетъ быть, въ томъ, что я сказалъ о мошенникѣ и о разбойникѣ, что-нибудь и не такъ, и неловко выражено, непонятно сказано, но навязать мнѣ то, что вамъ хочется, — вамъ не удастся. Вѣдь не такъ легко обмануть публику, какъ вы думаете. Защищать свой фельетонъ я не намѣренъ; вѣдь это только въ перепугѣ, въ сильномъ раздраженіи, можно думать, что мы-де заставимъ публику понимать каждое слово, какъ намъ вздумается — утопающій хватается за соломенку; а я знаю, что публика пойметъ такъ, какъ написано, и что ваша соломенка васъ не выручитъ; знаю тоже, что и вся ваша статья нуждается только въ перепечаткѣ, а не въ критикѣ: такъ она сама за себя говоритъ. Но я хочу сказать нѣсколько словъ о выписанныхъ мною строчкахъ изъ стихотворенія г. Полонскаго «Статуя».

Вѣка

На лицѣ пощадилъ черты
Первобытной ея красоты,
И была лишь отбита рука
Да обтесаны складки одеждъ
Безпощадной рукою невѣжды.

Такъ это значить, по вашему: «Статуя поднималась изъ-за зеленыхъ вѣтвей; вѣка пощадилъ черты ея первоначальной красоты; но у ней отбита рука, и обтесаны складки драпировки невѣждами. Вотъ и все»? — Право? Вы даже на своихъ читателей смотрите, какъ на дѣвочку, которой скажетъ мать, что отъ поцѣлуя мужчины у ней почернѣютъ губы, и она повѣритъ, и не станетъ цѣловаться съ мужчинами. «Статуя поднимается изъ-за зеленыхъ вѣтвей; лицо у ней отъ времени не попортилось; только какіе-то шалопан у ней оббили руки да юбку поиспортили». Такъ вотъ смыслъ этого стихотворенія! — А какой слогъ въ остальной статьѣ:

• Нѣтъ, гоголевскій Хлестаковъ — пигмей передъ этимъ колоссомъ. Все, что тотъ *ералъ* въ гостиной городничаго, блѣдно и мелко въ сравненіи съ этою изумительною чущью.

Читаю я эти строки и думаю, что сдѣлалъ бы «Русскій Вѣстникъ», если бы въ его распоряженіи вмѣсто словъ и печати была порядочная матеріальная сила? Тутъ-то, я думаю, онъ привался бы вмушать къ себѣ уваженіе! — Но однако какъ же? неужели такъ-таки въ вышеприведенныхъ строчкахъ г. Полонскаго ничего и нѣтъ, кромѣ того, что вамъ угодно было замѣтить въ нихъ? И нѣтъ тутъ горь-

кой жалобы на невѣжество, погубившее, можетъ быть, больше, не жели погубило само время? И нѣтъ тутъ ничего такого широкаго, подо что подошли даже вы съ вашимъ журналомъ, потому что отзывъ вашъ о «Египетскихъ ночахъ» и о самой «Статуѣ» г. Полонскаго есть, если не отбитіе рукъ и одежды прекрасному художественному произведенію, то непремѣнно попытка оббить ихъ, въ надеждѣ внушить къ себѣ уваженіе презрѣніемъ къ тому, что уважаютъ другіе. Вы не думайте, что я заподозрѣваю какую нибудь неискренность въ этомъ презрѣніи: такой клеветы я на васъ не взведу никогда. Вы совершенно искренно презираете все, что не ваше. И слово *безпощадной*, эпитетъ къ рукъ невѣждъ, въ нашемъ парафразѣ пропущено единственно потому, что вы и не подозреваете, что есть что-нибудь у другихъ такое, на что можно бы было обратить вниманіе. Вѣдь вы совершенно искренно презираете даже самую публику, хотя и говорите противное, тоже чистосердечно убѣжденные, что вы ее совершенно достаточно уважаете. Но вы презираете ее, потому что иначе вы не позволили бы себѣ писать статей такимъ *совершенно раздѣтымъ* слогомъ. Я не знаю, какъ вы, но на меня ваша статья произвела рѣшительно впечатлѣніе того господина, который, на пари, проскакалъ голый верхомъ по цѣлому городу. Это храбрый поступокъ съ вашей стороны. Но тотъ господинъ принесъ въ оправданіе, что онъ въ такомъ костюмѣ галопировалъ по двору, для своего удовольствія, и что его лошадь вынесла. А васъ что вынесло? Или ужъ не заподозрили ли вы, что авторъ этой статьи какой нибудь голиафъ новѣйшей литературы, привыкшій къ поклоненію, который распѣтушится пуще васъ услышавъ сравненіе свое съ Тряпичкинымъ, да и хватить въ отвѣтъ вамъ что-нибудь такое, что ужъ потомъ родится вопросъ, кому прежде нужно просить извиненія передъ публикой. А передъ вами Платонъ Кусковъ, который нисколько и не обижается этимъ: ну что-жъ? Тряпичкинъ, такъ Тряпичкинъ. Я можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ Тряпичкинъ. Я пишу, не размышляя о томъ, кто я. Ich singe wie der Vogel singt. Такая ужъ у меня птичья натура. Оттого я и насѣкомыхъ люблю. И какъ издалека вы начали, чтобы меня выругать. Двадцать страницъ подходу и пять обо мѣ! На мнѣ остававляется ваша верхняя нотка! Признайтесь, кого вы считали авторомъ этой статьи? Вѣдь не могли-же вы и заподозрить, что это я, и ужъ конечно, вы никакъ не рѣшились-бы, даже ради истинны, начать ругать меня вмѣстѣ съ тѣми господами, которые вотъ ужъ полтора года все хлопчуть доказать, что я говорю совѣмъ не о нихъ въ своемъ пророческомъ стихотвореніи «Комары да мухи», а о дѣйствительныхъ комарахъ, въ саду летающихъ, и что это плохое стихотвореніе—

что я и безъ нихъ знаю. И вдругъ вы становитесь наравнѣ съ ними моимъ зопломъ, и превосходите ихъ типичностью брани своей. Вы можетъ-быть замѣтите, что въ моемъ письмѣ много словъ и мало дѣла? Каждое слово мое тутъ въ высшей степенѣ дѣло, когда его безпрестанно можно провѣрить и скрѣпить перепечатаннымъ здѣсь отрывкомъ изъ вашей характеристической статьи. Вѣдь эта статья не нечаянно попала въ журналъ вашъ? вѣдь вы за нее не будете извиняться передъ публикой? Стало быть, статья эта ваша, такая же точно по духу и характеру, какъ всѣ прочія ваши статьи; въ ней плоть и кровь вашего журнала, и больше мнѣ ничего не надо. Я съ нея буду писать портретъ вашъ.

И посмотрите, еще какая отсталость: вражда съ Петербургомъ. Теперь, когда все хлопочетъ жидовъ помирить съ христіанами, вы хотите съ Петербургомъ Москву посорить! Мнѣ кажется, вы скоро, какъ Агафья Тихоновна, заведете споръ о томъ, купецъ или дворянинъ лучше. Фи! Но такъ бываетъ всегда съ людьми, которые держались не своею *внутреннею* силою, по прекрасному вашему выраженію. Вѣдь съ внутренней-то силой люди не трусятъ; имъ что! они себя заявлять при случаѣ. Не то случается съ тѣми, которые долго, вѣскольکو лѣтъ пользовались соображеніемъ, что хвастуна съ богатымъ не распознаешь. Тѣ какъ разъ перетрусатся, переполошутся, и не имѣя храбрости ждать, чтобы это открылъ кто-другой, начинаютъ торопливо сами всѣмъ свои язвы показывать, не помня сами что дѣлаютъ.

Такъ ужъ поудержитесь, поовладѣйте собой немножко. Конечно, васъ «Время» задѣло; но у этого журнала ужъ такая задача: онъ со всѣми спорить будетъ: затѣмъ и издается; впрочемъ «Время» оно вѣдь не знало, что вы такъ переполошитесь. Оно считало васъ гораздо по сильнѣе. Оттого можетъ-быть и заспорило съ вами. Теперь пожалуй не станетъ. Развѣ напишете что-нибудь опять ужъ очень... средневѣковое.

Н. П. КУСКОВЪ

С М Ъ С Ъ

МЕ Ч И Т А Т Е Л Ь Н И Ц А

повѣсть Амедея Ашара

I

Когда, въ 1840 году, Маргарита Тьеде выходила за графа Вовера, ей было около двадцати лѣтъ. Это была высокая, стройная блондинка, съ матовымъ цвѣтомъ лица, немного худощавая; во всей ея особѣ было что-то такое нѣжное, граціозное, пожалуй немного сентиментальное, что легко было составить себѣ понятіе о ея характерѣ. Родные и знакомые обожали ее, да и на самомъ дѣлѣ, у ней былъ одинъ только недостатокъ — излишняя чувствительность, переходящая въ какую-то болѣзненную экзальтацію, такъ что, не будь она окружена людьми совершенно ей преланными, ей часто приходилось бы выслушивать упреки въ неестественности. Все это происходило впрочемъ отъ слишкомъ развитого и ложно направленаго чувства деликатности. Поклонники, въ которыхъ у ней не было недостатка, сравнивали ее съ горностаемъ, который безпрестанно бьется замарать свою бѣленькую шкурку, или съ изображеніями тѣхъ чистыхъ и величественныхъ дѣвъ, которыя мы видимъ на поляхъ священныхъ книгъ. Даже люди болѣе либеральнаго направленія задавали себѣ вопросъ, что станется съ этой голубкой въ томъ ястребиномъ гнѣздѣ, которое попросту называется Парижемъ?

Сначала эта склонность къ сентиментальности была только слѣдствіемъ слабаго организма, но мало по малу начала вкореняться въ характерѣ, а изъ людей, окружавшихъ Маргариту, не нашлось никого, кто бы имѣлъ сильное и здоровое вліяніе на ея воспитаніе. Одна изъ дальнихъ родственницъ г-на Тьеде, esprit fort

въ шоколадномъ платьѣ, давно перешедшая за предѣлы первой молодости, сказала, что «эту дѣвочку взростили въ банкѣ съ сыропомъ», и съ ней нельзя было не согласиться, хотя хорошая натура Маргариты верѣдко брала верхъ надъ уродливымъ воспитаніемъ и не мѣшала ей быть прелестнымъ, граціознымъ созданіемъ.

Недостатки ея были какъ осенніе туманы, заслоняющіе на время прекрасный пейзажъ, отъ которыхъ нисколько не теряется его прелесть и гармонія.

Когда умерла г-жа де Тьеле, Маргаритѣ было всего лѣтъ восемь. Отецъ пригласилъ къ себѣ двухъ своихъ сестеръ и поручилъ имъ воспитаніе малютки, которая сдѣлалась единственною цѣлью всей его жизни. Женился онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и другихъ дѣтей у него не было; общественная его дѣятельность тоже прекратилась, потомучто г-жа де Тьеле скончалась нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ июльской революціи. Всѣ эти жизненные переломы заставили его совершенно отказаться отъ свѣта и продолжать сношенія только съ близкими родственниками или съ людьми одинаковыхъ убѣжденій. Обѣ сестры его были бездѣтны; мужъ одной умеръ въ Испаніи, въ экспедиціи съ герцогомъ ангулемскимъ, а мужъ другой занималъ при жизни важную придворную должность; понятно, что обѣ онѣ раздѣляли приверженность маркиза къ старому порядку и все новое приводило ихъ въ ужасъ. Чтобы имѣть доступъ въ гостиную маркиза лицу постороннему, нужно было представить ясныя доказательства преданности королевскому дому. Обѣ женщины съ радостью посвятили свое существованіе Маргаритѣ, но, къ несчастью, ихъ собственныя понятія о жизни были цѣлкомъ почерпнуты изъ романовъ г-жи Рокобони, и чтобы быть въ глазахъ ихъ человѣкомъ достойнымъ, требовалось совершить нѣсколько рыцарскихъ подвиговъ. Г-жа де Севт-Оръ была полна, маленькая женщина съ пурпуровымъ цвѣтомъ лица, а г-жа л'Эрмуа высокая, сухая и блѣдная, но разнилась онѣ только одною наружностью. Обѣ были впрочемъ добрыя женщины, съ мягкимъ сердцемъ, что не мѣшало Маргаритѣ заимствовать отъ нихъ совершенно ложный взглядъ на жизнь и людей. Обыкновенныхъ людей для нея не было: ей нужны были герои, и она твердо вѣрила въ ихъ существованіе.

Отецъ не замѣчалъ всѣхъ этихъ недостатковъ; онъ былъ простой и честный человѣкъ, но съ узкимъ взглядомъ, и если соблюдались вишніе религіозные обряды и приличія, онъ былъ совершенно доволенъ.

Общество собиралось у нихъ небольшое, и всѣ смотрѣли на Маргариту какъ на восьмое чудо. Когда бывало она садилась за фор-

тѣшно, всѣ разговоры смолкали, игроки клали карты, дамы не смѣли воднести ко рту чашки съ чаемъ, чтобы не проронить одного звука; даже политическія пренія умолкали. Похваляемъ разумѣется не было конца, тетужки роняли слезы, друзья аплодировали, отецъ смотрѣлъ на дочь съ выраженіемъ умиленія; такъ было и во всемъ прочемъ. Въ продолженіе своей молодости, Маргаритѣ приходилось поплакать только надъ несчастіями принцессы клевской.

Каждый день аккуратно ее водили въ церковь, иногда приходилось сдѣлать визитъ родственникамъ, а большею частью отправлялись гулять или кататься въ Булонскій лѣсъ или Люксамбургъ; раза два въ мѣсяцъ ѣздили въ оперу и изрѣдка на парадный балъ. Съ пятнадцатаго мая уѣзжали въ деревню, гдѣ оставались ровно до перваго декабря; путешествій разумѣется никакихъ не предпринималось.

Будущему зятю маркиза предстояло посвятить ее въ тайны жизни. Старики всегда эгоисты: имъ хочется только имѣть подлѣ себя дорогое имъ существо; она и не думаетъ, что у него могутъ быть свои потребности. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы Маргарита скучала въ деревнѣ; она любила бродить одна, мечтать о чемъ-то невѣдомомъ и даже часто возвращалась съ заплаканными глазами. Ей тогда было восемнадцать лѣтъ.

Г. де Тьеле старался какъ можно дольше не думать о замужствѣ дочери, но наконецъ благоразуміе взяло верхъ, и онъ рѣшился, хотя не безъ сожалѣнія. Дѣло было не шуточное: во-первыхъ, требовался человѣкъ, способный осчастливить Маргариту и оцѣнить ея достоинства; во-вторыхъ, нужно было, чтобы онъ происходилъ изъ хорошаго рода и былъ воспитанъ въ духѣ монархизма. Маркизь созвалъ домашній совѣтъ, кромѣ разумѣется дочери: какое ей дѣло, что рѣшается ея будущая судьба! Прежде ей много толковали о средствѣхъ души, необходимости взаимной симпатіи, тайныхъ влеченіяхъ, но въ настоящемъ случаѣ, это было упущено изъ вида. Въ свѣтѣ рѣдко руководятся логикой, и разница между словомъ и дѣломъ грѣхомъ не считается; тоже повторилось и съ воспитателями Маргариты: будетъ того, что потолковали, а примѣнить сказанное на практикѣ никто не заботился. Личность мужа конечно имѣетъ свое значеніе, но главную роль при заключеніи брака должны, по мнѣнію большинства, играть связи, политическія мнѣнія, происхожденіе: на этомъ пунктѣ уступокъ не дѣлается.

Ровно черезъ годъ, фениксъ, во образѣ претендента, былъ наконецъ найденъ. Его звали Теодоромъ де Воверъ; онъ былъ графъ, имѣлъ тридцать лѣтъ отъ роду, порядочное состояніе и нигдѣ не

служилъ : а это было главное. Отецъ графа Вовера былъ пресек-томъ во времена реставраціи и пользовался славой хорошаго чело-вѣка и пресквернаго администратора ; онъ умеръ полтора года тому назадъ. Сынъ его принималъ участіе въ нандейской войнѣ и велъ себя какъ прилично храброму дворянину, даже былъ равенъ въ грудь, что придадо ему столько вѣса въ глазахъ маркиза ; что онъ упустилъ изъ вида неравенство состоянія.

Природная застѣчивость Маргариты помѣшала ей вникнуть по-глубже въ характеръ жениха ; она лишь изрѣдка , и то украдкой , старалась прочесть на его лицѣ свою будущую судьбу. Не смотря на безусловную покорность волѣ родныхъ , ее иногда мучило какое-то неопредѣленное сомнѣніе : она искала симпатіи , того взаимнаго стремленія двухъ родственныхъ душъ , о которомъ ей часто гово-рили , и не находила его. Г. де Воверъ въ сущности нравился ей не менѣе другихъ ; онъ былъ вѣжливъ , имѣлъ хорошія манеры , хотя въ словахъ его прорывалась нѣкоторая рѣзкость , но многое вѣдь можно извинить чело-вѣку , который долгое время провелъ въ лѣсахъ Бретани , въ обществѣ шуановъ. Онъ былъ недурень со-бой , лицо его носило отпечатокъ здоровья и довольства жизнью ; взглянувши въ него пристальнѣе , можно было замѣтить , что онъ не лишонъ нѣ котораго лукавства , свойственнаго всѣмъ шикардій-цамъ , но оно проявлялось рѣдко и никогда безъ достаточной при-чины. Вообще говоря , графъ де Воверъ былъ личность честная , благородная , но ему не доставало той поэзіи , въ которую былъ до сихъ поръ облеченъ идеаль Маргариты. Она шла за него безъ от-вращенія , но и безъ страсти. Отъ этого перваго самостоятельнаго шага въ жизни осталась у ней на душѣ какая-то тайная грусть , какъ отъ несбывшагося ожиданія. Прошло четыре года послѣ за-мужства г-жи де Воверъ , и она стала считаться одной изъ самыхъ привлекательныхъ женщинъ Парижа. Она была не только хороша , въ обыкновенномъ значеніи этого слова , но въ ней была какая-то особенная грація , не встрѣчающаяся у другихъ женщинъ. Въ ея красотѣ было какое-то спокойствіе , ясность , легкій отгѣнокъ вѣж-ности и грусти , производящій успокоивающее дѣйствіе. У ней былъ такой откровенный взглядъ , такая добрая улыбка , и вмѣстѣ съ тѣмъ во всей фигурѣ проявлялось величіе , дѣлавшее ее похожей на тѣхъ королевъ стараго времени , которыя были причтены къ лику святыхъ. Она слегка пополнѣла , сдѣлавшись женщиной , но не утратила прежняго изящества формъ. У ней былъ большой , бѣлый лобъ , окаймленный прекрасными волосами пепельнаго цвѣта , голу-бые глаза , глубокіе и ласкающіе , изящный овалъ лица , губы ве-много полныя , но смягченныя дѣтской улыбкой , блѣднорозовыя ще-

ки, шедь такая прозрачная, что въ ней можно было перечесть всѣ жилки. Г-жа де Воверъ была очень добра и всегда ровнаго характера; ее никакимъ образомъ нельзя было уличить въ пересудахъ: она не только не говорила сама, но и не слушала свѣтскихъ сплетень съ тѣмъ сдержаннымъ, но жаднымъ любопытствомъ, которое слушателя дѣлаеть участникомъ въ нѣкоторой степени. Она была предупредительна безъ навязчивости; во всѣхъ ея дѣйствіяхъ замѣтна была сдержанность. Впрочемъ, надо было очень хорошо знать эту женщину, чтобъ оцѣнить ее вполне; только въ самомъ короткомъ кругу она разговаривалась, и тѣ, которые сравнивали ее съ полевой лиліей, бывали поражены силою и жаромъ, съ которыми она защищала свои убѣжденія. Она много развилась сравнительно съ прежнимъ, но мечтательность не искоренилась. Одинъ разъ старая кузина, которая часто гостила у нихъ въ домѣ и въ разговорѣ сравнивала г-жу де Воверъ съ средневѣковыми шателениями, застала ее погруженною въ мечты на балконѣ: «Дитя мое, вѣдь нынче ужь не возвращаются изъ Палестины!» сказала она. Г-жа де Воверъ покраснѣла и поспѣшно затворила балконъ.

II

Кругъ знакомства Маргариты расширялся съ каждымъ годомъ. По положенію своему въ свѣтѣ, графъ де Воверъ имѣлъ доступъ и къ тогдашней аристократіи; Маргариту вездѣ встрѣчали съ одинаковою предупредительностью. Г. де Тьеде сначала очень не нравилось, что зять вступаетъ въ общество, чуждое его убѣжденіямъ, но графъ съумѣлъ его успокоить. Каждое лѣто, по прежнему, проводили въ деревнѣ. Г-жѣ де Воверъ чрезвычайно нравился этотъ отдыхъ отъ свѣтской жизни. Самостоятельность и перемѣна обстановки мало подѣйствовали на ея характеръ; она платила любезностью за любезность, появлялась въ свѣтскихъ гостинныхъ безъ принужденія; нравиться ей не стоило многихъ хлопотъ, такъ что, собственно говоря, утомляться было ей нечѣмъ, а между тѣмъ, какъ только наступили лѣтніе мѣсяцы, она вздыхала свободнѣе и съ нетерпѣніемъ ждала отъѣзда.

Г. де Воверъ рѣдко бывалъ дома лѣтомъ; онъ страстно любилъ лошадей и охоту, и съ перваго сентября до января путешествовалъ по всей провинціи, наѣзжая отъ времени до времени въ свое помѣстье, съ многочисленнымъ обществомъ пріятелей. Эти собранія людей, большею частію молодыхъ, не производили на Маргариту ни малѣйшаго впечатлѣнія; съ одной и тою же равнодушною улыб-

кой, она просиживала вечера въ шумномъ, веселомъ обществѣ и гуляла на другой день одна по аллеямъ парка. Часто она брала съ собой книгу, но рѣдко читала ее.

Г. де Воверъ былъ такимъ мужемъ, съ которымъ не ужиться нужно особенное искусство. Ревность была совершенно не въ его натурѣ: это было для него слово, взятое изъ еврейскаго или савскритскаго языка и котораго значенія онъ вовсе не отыскивалъ. Маргарита могла жить совершенно по своему усмотрѣнiю, выходить и выѣзжать когда вздумается, принимать и не принимать кого угодно: никто не спрашивалъ у ней отчета. Маркизъ де Тьэле чрезвычайно уважалъ своего зятя вообще, а въ особенности за то, что онъ былъ хорошей стрѣлокъ и умѣлъ отлично ѣздить верхомъ, и каждый день благодарилъ судьбу, что удалось такъ хорошо пристроить дочь. Маргариту же тяготила ея свобода: она чувствовала повременамъ припадки злости противъ вѣчнаго равнодушiя мужа; его постоянная веселость и ровность характера такъ же раздражали ей нервы, какъ вѣчно-голубое небо Египта надобляетъ путешественнику. Когда имъ изрѣдка случалось провести вечеръ вавоемъ, она жадно всматривалась въ каждое его движенiе, старалась отыскать причину этого возмущавшаго ее спокойствiя. Она смутно чувствовала, что ей недостаетъ чего-то, и обвиняла въ этомъ мужа. Чѣмъ больше Маргарита взглядывалась въ жизнь, тѣмъ грустнѣе становилось у ней на сердцѣ. Неужели можно жить только для того, чтобъ принимать и отдавать визиты, три или четыре раза въ годъ дѣлать балы, кататься каждый день въ Елисейскихъ поляхъ и каждый вторникъ показываться въ оперѣ? А эти платья, шляпки, на выборъ и примѣриванье которыхъ выходитъ столько времени, для кого они? Тутъ припомнились ей разговоры съ тетущками, ихъ великолѣпныя теорiи о чувствахъ. Увы! въ этой жизни, развѣременной по лицейкѣ, гдѣ нѣтъ ни порывовъ, ни нечаянностей, сердце оказывалось совершенно лишней вещью. Вѣрно тетущки ошибались, или г. де Воверъ не похожъ на другихъ людей!

Нельзя однакожь было обвинять его въ равнодушiи къ Маргаритѣ. Разъ, когда она опасно заболѣла, онъ плакалъ.

— Такъ вы меня любите? спросила она, взявъ его за руку.

— Развѣ возможно сомнѣваться въ этомъ! возразилъ онъ: — неужели нужно каждую минуту увѣрять въ чувствахъ?.. Если честный человекъ разъ поклялся посвятить свою жизнь женицѣ, ему слѣдуетъ вѣрять... Положитесь же на меня и будьте спокойны.

Когда опасность миновала, г. де Воверъ предался прежнему образу жизни и какъ-будто забылъ о Маргаритѣ. Правда, малѣйшiя ея желанiя исполнялись немедленно.

Надежда на сближеніе, зародившаяся было въ душѣ молодой женщины, снова исчезла; она впала въ какое-то апатическое состояніе: большую часть времени просиживала въ своей комнатѣ, ничѣмъ ни занималась, погруженная въ неопредѣленные думы. Иногда вдругъ, безъ всякой причины, кровь бросалась ей въ голову, сердце билось, на глазахъ выступали слезы. Если случалось ей встрѣтить дорогой толпу молодыхъ дѣвушекъ, съ звонкимъ смѣхомъ выходящихъ изъ магазина, смѣхъ этотъ болѣзненно отзывался въ ея ушахъ: она спрашивала себя, почему же она не смѣется?

Около этого времени умеръ г. де Тьёле, унося въ могилу твердое убѣжденіе, что дочь его счастлива. Г-жа де Воверъ, на время траура, уѣхала въ Виндль и почувствовала себя еще болѣе одинокою. Грусть ея приняла громадныя размѣры, но г. де Воверъ не замѣчалъ этого; онъ часто уѣзжалъ въ Парижъ, и только когда по возвращеніи находилъ жену блѣднѣе обыкновеннаго, съ опухшими глазами, онъ вдыхалъ и пожималъ плечами. При этомъ Маргарита съ покорностью поднимала глаза къ небу, онъ цѣловалъ ее и уходилъ заниматься дѣлами.

Когда кончился трауръ и графиня возвратилась въ Парижъ, поэты гостившихъ сравнили ее съ цвѣткомъ, склонившимся подъ тяжестью росы. Она стала напоминать Офелію Шекспира, постоянно носила платья неопредѣленнаго цвѣта и обвиняла голову члущемъ и болотными растеніями. Ее ставили въ образецъ дочерней любви, а дѣвица Кошероль (такъ звали старую кузину), выведенная изъ терпѣнія, объявила, что казаться печальной не трудно, если это дѣлаетъ такую интересною; но она была неправа: Маргарита дѣйствительно любила отца, и къ сожалѣнію о немъ примѣшивалась еще тайная грусть, причины которой свѣтъ не подозрѣвалъ.

Однажды за завтракомъ, перелистывая журналы, г-жа де Воверъ увидѣла въ одномъ изъ нихъ имя своего мужа, и тутъ же попался ей подъ руку пригласительный билетъ на балъ въ тюльерійскомъ дворцѣ; все это удивило ее. Она показала газету мужу, и спросила, что это такое. Онъ равнодушно взглянулъ и отвѣчалъ, что это объявленіе.

— А это?

— Это приглашеніе на придворный балъ.

— Я васъ не понимаю, сухо сказала Маргарита.

— Это однако очень просто: во-первыхъ, составила компанія для проведенія желѣзныхъ дорогъ, и я одинъ изъ ея учредителей; во-вторыхъ, король даетъ балъ и сдѣлалъ намъ честь, пригласить насъ, вотъ и все.

Г-жа де Воверъ смотрѣла на него вопросительно.

— Хорошо, объяснимся подробнѣе, сказалъ графъ. — Вы слишкомъ молоды, милая Маргарита, и между нами сказать, летаете между небомъ и землею. Сойдите на минуту съ своего Олимпа и будете разсуждать какъ обыкновенные смертные, даже какъ парижане. У насъ 50.000 ливровъ дохода; это конечно хорошо; живутъ люди и съ меньшимъ, но мы держимъ экипажъ, людей, принимаемъ и выѣзжаемъ много, такъ что приходится тратить часть капитала. Я по глазамъ вашимъ вижу, что вы предложите мнѣ радикальную перемѣну въ образѣ жизни; это средство, къ которому прибѣгаютъ народы и семейства въ затруднительномъ положеніи; но въ нашихъ обстоятельствахъ реформа невозможна, да и жертвы теперь ужь не въ модѣ, надо дѣйствовать сообразно съ требованіями вѣка. Теперь никто не позволитъ отгечь себѣ руку, какъ Муцій Сцевола, и ни одна дама не надѣнетъ костюма своей прабабушки. Вотъ и представился случай удвоить, можетъ-быть даже учетверить наши доходы. Отчего же имъ не воспользоваться? Люди имѣютъ глупость, а можетъ-быть и не глупость — придавать значеніе имени; я воспользовался извѣстностью, которая соединена съ моимъ. Это васъ удивляетъ, даже можетъ-быть огорчаетъ? Если бы я былъ расположенъ философствовать сегодня, я бы сказалъ вамъ, что мы приближаемся къ эпохѣ возрожденія. Желѣзныя дороги распространятся повсюду; имя самое громкое, лѣтъ черезъ двадцать, не будетъ имѣть ровно никакого значенія. Предоставьте мнѣ вести дѣла. Женясь на васъ, я далъ себѣ слово уравнивать наши состоянія и удвоить то, что я получалъ отъ васъ: это также одно изъ условій семейнаго счастья. Могу сказать безъ излишней самонадѣянности, что практическаго смысла у меня на это достанетъ. Вотъ разрѣшеніе первой загадки.

Что же касается до приглашенія на балъ, которое вамъ не нравится, я самъ добивался его. Вы удивляетесь, приходите въ негодованіе? вамъ непонятно, какъ дворянинъ, сражавшійся когда-то подъ другимъ знаменемъ, присоединяется къ новому правительству? Я не отрекаюсь отъ своего прошедшаго, и если бы мы жили въ тѣ славныя времена, когда наши отцы сражались при Брессерѣ и Фонтенѣ, я не задумавшись послѣдовалъ бы ихъ примѣру. Но времена перемѣнились. Уже въ послѣднюю войну, у насъ было мало союзниковъ: значить Франція не съ нами; а я обязанъ служить Франціи. Вотъ почему безъ увлеченія, можетъ-быть съ тайнымъ сожалѣніемъ, я вступаю на путь, по которому идутъ всѣ другіе.

Г. де Воверъ всталъ, онъ казался взволнованнымъ.

— Такъ вы поѣдете на балъ? спросилъ онъ. Графиня покачала головою. — Ну, какъ вамъ угодно. И пожавъ ей руку, онъ вышелъ.

Скоро для Маргариты началась новая жизнь. Мужъ попросилъ ее назначить день для званыхъ обѣдовъ. У нихъ стали бывать личности изъ разныхъ слоевъ общества. Тутъ графиня въ первый разъ услышала живую, дѣльную рѣчь, безъ свѣтской напыщенности. За столомъ ихъ обѣдали инженеры, капиталисты, издатели журналовъ, писатели, депутаты; она была со всѣми вѣжлива, но нѣсколько холодна. Разговоръ шолъ о предметахъ положительныхъ и часто затрогивалъ ея любопытство, но тонъ его иногда неурядно поражалъ ея аристократическій слухъ. Дѣвица Кошероль опять пріѣхала погостить къ нимъ и нашла очень по душѣ настоящую обстановку; тутъ былъ просторъ ея живому, саркастическому уму. Г-жа де Воверъ рѣдко принимала участіе въ разговорахъ, и это бросалось въ глаза многимъ. Одинъ молодой совѣтникъ, пользующійся репутаціей такого краснорѣчія, къ которому одна развѣ Маргарита могла оставаться равнодушной, сказалъ дѣвицѣ Кошероль: «Да это просто спящая красавица: ее не разбудишь и сотней пушечныхъ выстрѣловъ!»

— Да, пушечные выстрѣлы тутъ не помогутъ, а какой-нибудь нѣжный вздохъ... кто знаетъ?

Дѣла по желѣзнымъ дорогамъ пошли успѣшно. Г. де Воверъ прикупилъ 500 десятинъ земли къ своему помѣстью, продалъ старый отель и купилъ новый, изящно меблированный; экипажъ и ливрея графини считались образцомъ вкуса. У ней безпрестанно появлялись самые изысканные наряды и иногда букеты; на послѣдніе она обратила вниманіе и вздумала поблагодарить за нихъ графа. «Почему вы могли угадать, что я люблю цвѣты?» спросила она. Г. де Воверъ отвѣчалъ, что всѣ женщины любятъ цвѣты, а если ей они доставляютъ особенное удовольствіе, то онъ каждый день велитъ приносить ей букеты. Маргарита вздохнула. Ей бы дороги были не букеты, а то, что объ ней думали, посылая ихъ; теперь же это дѣлалось какъ-будто по заказу.

Въ одинъ осенній вечеръ, когда въ Винѣлѣ собралось большое общество охотниковъ и всѣ сидѣли у камина, поднялась страшная буря. Вошелъ человекъ и объявилъ, что одинъ господинъ, застигнутый грозой у воротъ парка, проситъ позволенія переночевать и подалъ его карточку.

Графъ взялъ и прочелъ имя виконта Роже де Шеври. «Проси!» сказалъ онъ.

Пять минутъ спустя, явился виконтъ. Онъ былъ въ дорожномъ костюмѣ. Развязно раскланявшись съ хозяиномъ, онъ, въ изящно-шутливомъ тонѣ, извинился за неожиданный пріѣздъ и рассказалъ свое приключеніе, прибавивъ, что кондукторъ никакъ не хотѣлъ

везти его далѣе, иначе онъ не явился бы такимъ горючимъ компли-
ской оперы. Однимъ словомъ, вырочденіе нѣсколькихъ минутъ,
г. де Шеври незамѣтно разсказалъ о себѣ все, что нужно было
знать обществу: онъ объявилъ, что ѣдетъ въ сосѣднее имѣніе ба-
рона Гобекъ, а потомъ думаетъ прожить до зимы въ маленькомъ
сельскомъ домикѣ, который купилъ неподалеку. Послѣ чаю, онъ
ушелъ въ свою комнату, оставивъ общество въ томъ убѣжденіи,
что онъ личность немного холодная, но безукоризненно хорошаго
тона.

III

На другой день г. де Шеври уѣхалъ чуть-свѣтъ, не дождав-
шись, пока проснутся въ Виннѣль. Онъ поручилъ челоуѣку передать
графу, что налѣтается имѣть честь поблагодарить его за гостепрїим-
ство. Спустя дней пять, онъ дѣйствительно явился вечеромъ, изви-
нился, что не могъ быть раньше и вступилъ въ общій разговоръ.
Между гостями графа нашлись личности, съ которыми онъ встрѣ-
чался въ Парижѣ. Начался разговоръ о лошадаяхъ; виконтъ разска-
залъ, какія породы онъ выдалъ въ Персіи, Сиріи и Англіи; когда
зашла рѣчь объ охотѣ, онъ оказался также знатокомъ этого дѣла,
хотя разстроенное здоровье и не позволяло ему теперь пользоваться
этимъ удовольствіемъ.

Къ концу бесѣды, г. де Воверъ былъ въ восторгѣ отъ своего
гостя и сожалѣлъ только, что онъ не можетъ принять участія въ
завтрашней охотѣ.

Когда г. де Шеври сталъ прощаться, графъ спросилъ его, го-
стить ли онъ еще у барона Гобекъ.

— Нѣтъ, я уже переѣхалъ въ Ормо.

— Тѣмъ лучше, къ вамъ можно будетъ прїѣхать въ гости.

Г. де Шеври улыбнулся.

— Знаете ли что, сказалъ онъ графу, взявъ его подъ руку: —
если вамъ вздумается поохотиться на земляхъ Гобека, онъ не толь-
ко будетъ этому радъ, но и самъ поѣдетъ съ вами.

Г. де Воверъ былъ очень удивленъ.

— Какъ вы могли узнать? спросилъ онъ.

— Въ прошедшій разъ, когда я произнесъ имя Гобека, на лицѣ
вашемъ показалось выраженіе неудовольствія; я рѣшился привести
это въ ясность и распросилъ барона. Оказалось, что между вами
было маленькое недоразумѣніе, изъ-за котораго двумъ такимъ хо-
рошимъ сосѣдямъ не стоитъ ссориться; баронъ диодіи убѣдился
въ этомъ.

Извѣстіе это несказанно обрадовало де Вовера. Поля барона тѣсно прилегалъ къ винѣльскому лѣсу; звѣрь, выгнанный собаками, часто перебѣгалъ за границу и охота должна была прекращаться. Часто однакожь разгоряченные охотники рѣшались не упускать добычи, и изъ этого происходили ссоры, процессы, и де Воверъ думалъ ужь отказаться отъ своего любимаго удовольствія, какъ вдругъ, неожиданно-мегаданно, явился избавитель.

— Клянусь честью, вы человекъ, какихъ мало! воскликнулъ графъ, пожимая руку виконта. — Потрудитесь передать мою благодарность барону, и если я могу чѣмъ-нибудь быть вамъ полезенъ, располагайте мною во всякое время.

Виконтъ Роже де Шеври служилъ въ дипломатическомъ корпусѣ. Послѣдняя командировка на востокъ, въ которой онъ оказалъ важную услугу правительству, сдѣлала его извѣстнымъ. Онъ даже рисковалъ быть убитымъ, но счастливо спасся, получивъ однакожь опасную рану. Въ отечество онъ воротился уже съ готовой репутацией. Вообще, Роже де Шеври родился подъ счастливой звѣздой. Ему совершенно нечаянно досталось порядочное состояніе отъ тетки, которой онъ вовсе не зналъ; природа надѣлила его такой замѣчательной наружностью, что онъ невольно производилъ впечатлѣніе. Онъ былъ замѣчательно уменъ и образованъ, и хотя не особенно старался обратить на себя общее вниманіе, но стоило ему гдѣ-нибудь появиться, какъ около него составлялся кружокъ. Онъ говорилъ не часто и не вдругъ вступалъ въ споръ, но когда рѣчь заходила о близкомъ ему предметѣ, слова лились у него рѣкою, живо и увлекательно, и блестящіе парадоксы сдѣлавали одинъ за другимъ.

Не прошло шести недѣль, какъ г. де Шеври былъ уже своимъ человекомъ въ Винѣлѣ. Графъ де Воверъ нерѣдко прибѣгалъ къ нему за совѣтомъ въ дѣлахъ, даже графиня какъ-будто вышла изъ своей апатіи. Ей нравилась эта живая, сильная натура, даже самая рѣзкость, проявлявшаяся иногда въ его возраженіяхъ, удивляла и привлекала ее. Она видѣла и цѣнила его достоинства, но приписывала ему много такихъ, которыхъ у него вовсе не было. Напрасно говорятъ, что женщины искусились въ обманѣ: стоитъ имъ только полюбить, и онѣ сильнѣе насъ поддаются обману. Страсть заставляетъ видѣть любимый предметъ въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, что всѣ недостатки исчезаютъ. Г-жа де Воверъ, не имѣвшая времени хорошо узнать виконта, считала его существомъ загадочнымъ и старалась подмѣчать малѣйшія черты его характера; она съ намѣреніемъ наводила его на откровенныя разговоры и умѣла сдѣлать это такъ хорошо и просто, что онъ невольно поддавался.

Г. де Воверъ и друзья его большую часть времени проводили на охотѣ, такъ что молодому дипломату почти всегда приходилось пользоваться лишь обществомъ графини. Разстояніе отъ его дома было такъ незначительно, что онъ могъ пріѣзжать въ замокъ почти каждый день, и даже, если случалось запаздывать, для него всегда приготовлена была отдѣльная комната. Маргарита терпѣливо сносила его насмѣшки надъ своею сентиментальностью, надъ стремленіемъ въ неизвѣстную даль и проч. Для его положительной натуры это были совершенно необъяснимыя вещи. Когда же самому ему случалось съ особеннымъ жаромъ заговорить о какомъ-нибудь случаѣ или воспоминаніи, она въ свою очередь подсмѣивалась надъ нимъ.

— Смотрите, вы тоже принимаетесь за поэзію!

— Какъ быть! поэзія прилипчива, какъ чума, возражалъ онъ полшута, полусерьезно.

Письмо, которое г. де Шеври писалъ, въ концѣ осени, къ одному парижскому другу, покажетъ читателю состояніе его духа.

Ормо, 14 декабря.

«Если бы вы спросили меня, мой старый другъ, отчего я такъ долго зажилъ въ Берри, — видитъ Богъ, я не сумѣлъ бы вамъ отвѣтить, хотя конечно не скрываю ничего отъ такого испытаннаго друга. Конечно, я не могу похвастать такимъ крѣпкимъ здоровьемъ, какъ тѣ старые турки, которымъ мы съ вами завидовали, но вѣдь и воздухъ Парижа не вовсе уже смертеленъ, да и есть у меня дѣла, требующія моего присутствія. На охотѣ я не былъ ни разу, верхомъ не ѣзжу, даже ничего не читаю, развѣ только пробѣгу два раза въ недѣлю журналы, чтобы узнать, не измѣнился ли составъ министерства. Миѣ право кажется, что мною овладѣлъ восточный кейфъ; да странно только допустить мысль о кейфѣ, глядя на наши глубокіе снѣга и затопленные камни.»

«Подумавъ хорошенько, конечно можно донскаться причины моего продолжительнаго житья въ этихъ странахъ. Эту причину философы находятъ въ каждомъ поступкѣ мужчины и она именуется... женщиной! Не думайте, чтобы я былъ влюбленъ безумно, страстно: ничего этого пока нѣтъ, но тѣмъ не менѣе я остаюсь здѣсь вслѣдствіе женскаго вліянія. Мысль эта возмущаетъ меня, а побѣдить себя я не въ силахъ.»

Потомъ слѣдовалъ портретъ г-жи де Воверъ, на которомъ авторъ съ намѣреніемъ остановился.

«Недавно здѣсь гостила одна ихъ родственница, которая кажется мастерски опредѣляетъ характеръ, и она-то говоритъ, что

Маргаритѣ слѣдовало родиться столѣтіемъ или двумя ранѣе. На самомъ дѣлѣ ее можно причислить къ тѣмъ женщинамъ, представительницей которыхъ была знаменитая Юлія д'Анжель. Вы знаете, какого я мнѣнія о любви; какъ и всѣ, я заплатилъ извѣстную дань этому чувству, но думаю, что съ двадцати-пятилѣтняго возраста она не должна играть большой роли въ жизни. Судите же, захочу ли я добровольно поддаться ей теперь. Кромѣ того, я во всю жизнь не встрѣчалъ женщины менѣе сходной съ вами во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Однакожь, если я нѣсколько дней не вижу Маргариты, то думаю о встрѣчѣ съ ней, какъ школьникъ о праздничномъ днѣ. Извольте послѣ этого надѣяться на свою опытность!

«Встрѣчю съ г. де Воверомъ я обязанъ грозѣ, отъ которой укрылся въ ихъ домѣ и нашолъ въ хозяинѣ дѣлового человѣка, а въ супругѣ его сантиментальную женщину; одинъ вѣчно смотритъ впередъ, хоть и стрѣляетъ куропатокъ, другая постоянно стремится въ невѣдомыя страны и такъ оригинально хороша, что ей увлекаешься. У графа есть кажется желаніе предложить себя въ кандидаты на слѣдующіе выборы, и я стараюсь утвердить его въ этой мысли: легко можетъ случиться, что его выберутъ депутатомъ, и тогда будетъ у меня сильная поддержка. Графиня строитъ воздушные замки и я помогаю ей строить, а потомъ мы разрушаемъ ихъ вѣстьѣ.

«Не подумайте, что я стараюсь завлечь ее: нѣтъ, я далеко отъ этой мысли! Для меня уже прошла пора побѣдъ, да онѣ ни къ чему и не ведутъ. Могу однако сказать безъ излишней самонадѣянности, что я далеко не противенъ владѣтельницамъ винѣльскаго замка, и вижу, что она способна полюбить серьезно, даже слишкомъ серьезно, а всякая серьезная привязанность привела бы меня къ уtratѣ свободы. Нѣтъ, въ тридцать лѣтъ любовь — излишнее бремя! На этомъ основаніи, я постараюсь не сказать рѣшительнаго слова, и оставлю мою птичку порхать въ идеальныхъ мірахъ. Мнѣ кажется, ей недостаетъ только случая, чтобы спуститься ко мнѣ на землю, и я постараюсь не доставлять ей его, но тѣмъ не менѣе не желалъ бы, чтобы этимъ случаемъ воспользовался другой. Вы скажете пожалуй, что это уже шагъ впередъ, почти признаніе; какъ быть! Найдите человѣка такого безгрѣшнаго, чтобы бросить въ меня камень. Скажу вамъ еще болѣе: слушайте и судите, какъ человѣкъ бываетъ малодушенъ, не смотря на сѣдые волосы и плѣшь, которую люди въ простотѣ сердечной приписываютъ зрѣлости мысли и усиленному труду.

«Есть здѣсь одинъ молоденькой совѣтникъ, который проложилъ себѣ дорогу, подавая голоса противъ министерства. Онъ довольно уменъ, находчивъ и говорить нашолъ успѣхъ въ политическихъ

обществахъ. Онъ вздумалъ повести аттику противъ г-жи де-Воверъ и принялся за дѣло какъ человекъ бывалый, но равнодушнѣе Маргариты постоянно сбиваетъ его съ толку. Въ началѣ это меня сѣвнило, но одинъ разъ — представьте! — застаю ихъ шарящими въ тѣхъ идеальныхъ высотахъ, которыя до той поры доступны были одному лишь мнѣ; я знаю по опыту, какъ опасны эти путешествія. Ужаснѣйшая ревность овладѣла мною. Еслибъ въ моей власти было распорядиться холерой или лихорадкой, злополучный совѣтникъ погибъ бы безвозвратно. Мое мажорнушнѣе дошло до того, что я капризничалъ и сердился, но это продолжалось только пять минутъ. А чтѣ случилось со мною, когда г-жа де-Воверъ подала руку г. Ферье и увидалъ съ нимъ въ оранжерею, гдѣ онъ имѣлъ дерзость поднести ей розу, которую она приколола къ своему поясу! Эта проклятая роза не давала мнѣ покоя. Смѣйтесь, другъ мой, право вѣдь есть чему! Я нашолъ случай, въ продолженіе вечера, спокойно наемкнуть графинѣ на этотъ цвѣтокъ, а между тѣмъ злость такъ и душила меня. Эта шилая женщина, не говоря ни слова, вынула розу и бросила въ огонь. Удивляюсь, какъ остались цѣлы ея руки послѣ моихъ поцѣлуевъ; я хотѣлъ говорить, и не могъ. Видно всегда будутъ въ жизни минуты, въ которыя чувствуешь себя двадцатилѣтнимъ юношей! На другой день шолъ снѣгъ ужасный. Я сѣлъ на самую бѣшеную лошадь, поскакалъ во весь опоръ въ сосѣдній городъ, опустошилъ тамъ лучшую оранжерею и торжественно возвратился съ букетомъ бѣлыхъ розъ. Десять лье для десяти цвѣтковъ! Г-жа де-Воверъ, увидя, что я схожу съ лошади, невольно вздрогнула. Я быстро вошелъ и подаль ей свой букетъ. Нужно ли прибавлять, что я дрожалъ? Она посмотрѣла на меня влажными глазами. «Вы, верхомъ и въ такую погоду, когда ваше здоровье не позволяетъ даже слѣдовать за охотой!» — А роза, которой вы мнѣ пожертвовали, вскричавъ я: развѣ не нужно было замѣнить ее?.. Я обязанъ былъ возвратитъ вамъ ее, чего бы это мнѣ ни стоило.»

«Эта пошлая фраза произвела эффектъ. Г-жа де-Воваръ не смѣла поднять глазъ и покраснѣла до шеи; букетъ остался у ней. Я уже много разъ замѣчалъ, что самыя старыя, самыя избитыя вещи и самыя величныя преувеличенія находятъ дорогу прямо въ сердце. Этимъ-то объясняется, почему такъ часто дураки имѣютъ огромный успѣхъ.»

«Вы уже готовы осудить меня, но подождите: надо же выслушать и оправдательные пункты. Разъ г-жа де-Воверъ ожидала меня, чтобъ вмѣстѣ прочесть новую книгу, надѣлавшую много шуму. Мужъ и компанія охотились. Я сидѣлъ дома у каминна и имѣлъ твердость отправить въ Виндль записку съ извиненіемъ, а самъ про-

весь три дня въ Ормо, составляя отчетъ министру. Мнѣ кажется, что я не думала о Маргаритѣ болѣе двухъ разъ. Я принадлежу къ такимъ людямъ, у которыхъ сердце смолкаетъ, какъ только заговорить разсудокъ. При первомъ посѣщеніи, я замѣтилъ, что Маргарита блѣдна; она не слѣдала мнѣ ни одного упрека, но видно было, что съ этой только минуты она опять начала дышать свободно. Я цѣлый вечеръ проигралъ въ вистъ.

«Ну, оправдался ли я? Приходить зима, и я не намѣренъ провести ее здѣсь до конца. Будетъ дурачиться, воротиться въ Парижъ и займемся снова дѣломъ. Вы вѣдь помните, что до смерти почтенной тетюшки у меня ровно ничего не было. Наслѣдство обязываетъ. Посмотримъ, чѣмъ были мои предки: мой прадѣдъ былъ генералъ-лейтенантъ королевской арміи при Дененѣ, мой дѣдъ начальникомъ эскадры за двадцать лѣтъ до 89 года, мой отецъ членомъ Съѣзда-пятисотъ. Родъ нашъ, какъ видите, постепенно клонился къ упадку, теряя съ каждымъ царствованіемъ частицу своего величія. Мнѣ хочется возстановить его. Сначала нужно слѣлаться уполномоченнымъ министромъ, потомъ членомъ посольства и имѣть доступъ въ Люксамбургъ. Все это право стоитъ той гнилой ладьи, которую называютъ любовью. И такъ, я скоро распрощаюсь съ Винѣлемъ. Конечно не безъ сожалѣнія, но за то безвозвратно.»

IV

Въ январѣ мѣсяцѣ, г. де Шеври все-еще былъ въ Винѣлѣ. Г. де Воверъ долѣе обыкновеннаго оставался въ деревнѣ, по причинѣ выборовъ, а Маргарита и не думала о Парижѣ. Она испытывала то неопредѣленное блаженство и безотчетный страхъ, которые предшествуютъ важному кризису: внезапный румянецъ покрывалъ ея щеки; она часто впадала въ продолжительную задумчивость; въ голосѣ у ней проявились какія-то особенныя музыкальныя ноты. Г. де Шеври почти уже не возвращался въ Ормо. Однажды, во время жаркаго разговора, Маргарита коснулась вѣеромъ руки виконта; онъ вздрогнулъ и едва удержался отъ крика.

— Я васъ ушибла? спросила Маргарита, поблѣднѣвъ.

— Не вы, а вашъ вѣеръ, отвѣчалъ Роже. — Онъ дотронулся до старой турецкой раны, которая всегда разбаливается въ дурную погоду.

— Ахъ, сказала Маргарита, съ глазами полными слезъ: — мнѣ, кажется, я не могла бы утѣшиться, еслибъ васъ тамъ убили, хотя я вовсе и не знала васъ въ то время!

— Такъ, вы непремѣнно хотите, чтобы я полюбилъ васъ? вскричалъ де Шеври въ невольномъ порывѣ страсти.

Маргарита закрыла глаза; она бы упала, еслибъ рука ея не замерла на мраморной доскѣ камина. Она въ эту минуту отдавала всю свою душу.

Избытокъ счастья испугалъ г-жу де Воверъ: ей странно было, что она такъ сильно и много чувствуетъ, и подобно испуганной птичкѣ, она скрылась въ свое гнѣздо и провела одна много тревожныхъ часовъ, которые однакоже казались ей самыми пріятными въ жизни. Она была тревожно счастлива. Изъ всего, что говорилось вокругъ нея, она различала только голосъ Шеври, узнавала его шаги, когда онъ шолъ по двору, инстинктомъ угадывала всюду его присутствіе, и сердце начинало у ней такъ сильно биться, что она задыхалась. Томленіе, боязнь, внезапная радость при одномъ словѣ или взглядѣ, бессонница и лихорадка ясно показывали ей, что наступило то время, о которомъ рассказывали г-жа де Сентъ-Оръ и г-жа д'Эрмуа. Она находила отраду даже въ угрызеніяхъ совѣсти. Одно только смущало ее невыразимо: это ласковое обращеніе мужа. Когда онъ цѣловалъ ее, возвращаясь съ охоты, холодъ пробѣгалъ по ея жиламъ. Когда онъ съ добродушнымъ смѣхомъ рассказывалъ ей, какъ усиленно идутъ выборы и толковалъ объ общихъ интересахъ, мурашки пробѣгали у ней по тѣлу.

Въ эти часы она испытывала такую душевную муку, что уливлялась, какъ это не выражается на ея лицѣ. Скоро впрочемъ она привыкла владѣть собою и ей сдѣлалась горько, что она въ состояніи улыбаться, когда всего болѣе ныло сердце. Въдъ такъ же поступаютъ и всѣ тѣ женщины, на которыхъ она прежде смотрѣла, гордая своей невинностью. Ни разу не пришло ей въ голову обвинить г-на Шеври: она искала только опоры въ его любви, какъ голубокъ ищетъ, при приближеніи грозы, защиты на родномъ деревѣ. Она старалась увѣрить себя, что ненавидитъ себя, что ненавидитъ своего мужа, но справедливость брала верхъ, и она невольно вспоминала всю его доброту и ровность характера.

Дѣвица Кошероль опять посѣтила Винѣль. Эта подвижная особа являлась и исчезала какъ метеоръ. Теперь, по ея словамъ, ей очень надоѣлъ жаръ на берегахъ Дюрансы и она ощущала потребность подышать сырýmъ воздухомъ. На самомъ же дѣлѣ, ее мучила неизвѣстность, какъ идутъ безъ нея дѣла въ Винѣлѣ. Она не слѣдовала системѣ всѣхъ любопытныхъ, не спрашивала, а приняла безпечный видъ и подмѣчала, надѣясь впоследствии дать волю своему язычку.

Однажды, въ тотъ таинственный часъ, когда начинается смер-

каться, она застала Маргариту у окна, изъ котораго видна была большая дорога. Легкій туманъ застилалъ опушку лѣса, небо имѣло свинцовый оттѣнокъ, деревья покрыты были инеемъ. Маргарита, вся перешедшая въ ожиданіе, не слыхала шаговъ старой дѣвы, которая подстерегала ее, какъ кошка мышенка. Она дышала на стекло, и потомъ машинально выводила на немъ пальцемъ какія-то буквы; глаза ея не могли оторваться отъ пустыннаго поля, на которомъ вѣроятно чудились ей всѣ мирты Италіи. Дѣвица Кошероль, чтобъ разсмотрѣть поближе буквы, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ окну; въ эту минуту вдали показались два всадника; одинъ изъ нихъ вѣхалъ впередъ. Быстрѣе молніи, Маргарита отворила дверь балкона, оперлась руками о холодную рѣшотку и перевѣсилась внизъ всѣмъ тѣломъ; холодный вѣтеръ раздувалъ ея волосы, но она и не замѣчала этого. Дѣвица Кошероль вышла, слѣдомъ за нею, на балконъ, уже не скрывая своего присутствія, но Маргарита слышала только приближающійся топотъ лошади. Туманъ усилился, а фигура всадника неясно рисовалась на темномъ фонѣ; щеки г-жи де Воверъ горѣли, губы раскрылись вполонину и силились произнестъ какое-то имя. Дѣвица Кошероль тронула ее за плечо. «Стало быть еще возвращаются изъ Палестины?» спросила она. Г-жа де Воверъ вздрогнула: она припомнила, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, старая родственница говорила ей тоже самое, и быстро вышла изъ комнаты.

Около этого времени Шеври писалъ своему другу :

Винѣль, 20 января.

«Смѣйтесь надо мною, другъ мой, осыпайте меня всѣми возможными сарказмами. Я сумасшедшій. Я люблю эту женщину, которой присутствіе и слова прежде такъ раздражали меня; да, я люблю ее, но не думайте, чтобъ я покорился совершенно. Все возмущается во мнѣ при мысли объ этой несвоевременной страсти; она пришла со спѣгомъ и съ нѣмъ-же исчезнетъ! Вотъ въ этой-то борьбѣ и поможетъ мнѣ моя опытность. Сегодня шесть недѣль, какъ я нахожусь въ какомъ-то очарованіи, но разсудокъ начинаетъ вступать въ свои права и побѣда останется за мною. Я не знаю, какъ все это случилось. Развѣ можно опредѣлить, отчего приходитъ лихорадка? Скажу только, что я поддался искушенію съ упоеніемъ молодости. Въ тридцать пять лѣтъ, утомленный скукой и жизнью, новсе не склонный къ мечтамъ, я считалъ себя застрахованнымъ отъ увлеченій, во увы, ошибся! Мои прежніе дни возвратились; я юноша, я забываюсь по цѣлымъ часамъ, но есть что-то во мнѣ, что вѣчно стоитъ на-сторожѣ, какъ въ присутствіи непріятеля. Позвольте мнѣ сдѣ-

латъ вотъ какое сравненіе : сердце мое — это городъ, взятый приступомъ ; гарнизонъ выведенъ, но горсть храбрыхъ воиновъ заперлась въ крѣпости и защищается до послѣдней капли крови ; ничто не заставитъ ихъ сдаться на капитуляцію. Эта-то горсть храбрыхъ защитниковъ — моя воля, мой умъ. Какое тягостное бремя любовь въ тридцать семь лѣтъ !

«Всѣ нѣжности, которыя надѣлали мнѣ какъ жужжанье васѣкомыхъ въ лѣтнюю пору и казались приторнѣе меда, теперь пріятнѣе всякой музыки. Маргарита существо уповѣтельное ; въ ней столько усложняющей нѣжности, такая мягкость и кротость, что я поддаюсь совершенно ; но и въ эти минуты, во мнѣ шевелится какое-то безпокойное чувство. Скоро придетъ время, когда я перерву эти отношенія, сложившіяся по волѣ случая, удивленія и неожиданности. Надѣюсь поступать съ такою постепенностью, что разрывъ будетъ стоять не очень многихъ слезъ прекраснѣйшъ глазамъ Маргариты. Не обвиняйте меня въ эгоизмѣ : вѣдь ужъ, по неизмѣнному закону природы, одинъ любить сильнѣе, другой слабѣе, и этоъ другой я. Какой-нибудь сильный толчекъ заставитъ меня онемѣннться, и это вѣроятно будетъ извѣстіе въ Монитерѣ. Тогда, ярощай отдыхъ ! Мы наступимъ какъ два судна, случайно сошедшіяся въ морѣ : противный вѣтеръ разнесетъ насъ въ разныя стороны. Надо сознаться, что Маргарита будетъ грустить гораздо долѣе.»

Ожиданія г-на Шеври оправдались. Графъ и графиня уѣхали въ Парижъ въ половинѣ февраля и де Воверу повезло счастье : объ ясмъ уже говорили какъ объ одномъ изъ самыхъ значительныхъ капиталистовъ. Страсть его къ лошадямъ увеличилась ; онъ купилъ ихъ множество^и принималъ участіе въ скачкахъ. Въ домѣ его встрѣчались разнообразныя личности : извѣстнѣйшіе финансисты, аристократы, и люди, составившіе себѣ имя на политическомъ поприщѣ. Жизнь Маргариты была въ то время очень оживлена ; они принимали часто и много, и въ ней самой проявлялось гораздо болѣе одушевленія. Тогда разнесся слухъ, что этой пережившей она обизавя Роже де Шеври. Посторонніе потихоньку говорили объ этомъ, а люди близкіе подтверждали предположеніи, принимая таинственный видъ, какъ скоро заходила рѣчь о графинѣ. Г-нъ де Шеври держался очень осторожно : никогда не оказывалъ г-жѣ де Воверъ ни малѣйшаго предпочтенія, былъ съ ней вѣжливъ, иногда даже фамильяренъ, во не слишкомъ, и входя въ какую-нибудь гостиную, никогда не подходилъ къ ней первой. Для свѣтскихъ людей, изучавшихъ всѣ демонстраціи, эта мнимая холодность со стороны человѣка, прошедшаго цѣлое лѣто почти безвыѣздно въ домѣ графини, была только признакомъ интимныхъ отношеній. Роже завязъ въ Парижѣ не

слишкомъ видное мѣсто, и люди, знавшіе его честолюбіе, заключили, что есть тайная причина, удерживающая его въ столицѣ.

Роже старался въ разговорахъ придавать большое значеніе этому мѣсту, но если кто-нибудь другой заговаривалъ въ его присутствіи о перемѣнахъ въ министерствѣ, его начинало коробить.

Г-жа де Воверъ, не любившая до этого времени верховой ѣзды, появилась однажды на лошади въ Булонскомъ лѣсу. Это тотчасъ приписали тому, что доктора разрѣшили виконту ѣздить верхомъ, и онъ могъ сопутствовать графу и графинѣ.

Г-нъ де Воверъ былъ постоянно веселъ; въ немъ незамѣтно было ни малѣйшаго признака ревности. Напротивъ, съ каждымъ днемъ онъ становился внимательнѣе къ Маргаритѣ, и когда ему случалось въиграть пари или окончить какое-нибудь выгодное дѣло, онъ входилъ къ ней, обнималъ ее за талію и цѣловалъ въ плечо.

— Не хотите ли получить свою долю? я велѣлъ отнести въ вашу комнату.

Маргарита краснѣла или блѣднѣла въ эти минуты; самая сильная физическая боль была бы ей менѣе чувствительна.

Однакожъ мало по малу ея гордая и деликатная натура сроднилась и съ этимъ мученіемъ. Къ мужу она чувствовала какое-то чувство сожалѣнія и дружбы, потребность вознаградить его вниманіемъ и заботливостью. Ей не хотѣлось бы, чтобъ онъ былъ несчастливъ, когда она живетъ такою полною жизнью. Одно только казалось ей страннымъ, даже по временамъ огорчало ее: это то, что Роже ни мало не завидовалъ проблескамъ нѣжности ея къ мужу, но даже былъ доволенъ ими. Съ послѣдней побѣдки въ Венгелъ, Маргарита не парила уже въ облакахъ, какъ прежде: она сдѣлалась самою оборотистой хозяйкою дома. Святая Елизавета венгерская, какъ называла ее дѣвица Кошероль, сдѣлалась милою царшицею. Она стала свиняться съ обыкновенною жизнью и ужъ гораздо меньше мечтала. Свѣту правилась эта перемѣна, но онъ далъ знать, что понимаетъ, откуда она происходитъ. Г-жѣ де Воверъ приходилось выносить трудныя минуты, когда напримѣръ какая-нибудь пріятельница, упрасивая ее пріѣхать на вечеръ, прибавляла въ видѣ самаго неопровержимаго аргумента: «у насъ будетъ и виконтъ де Шеври». Слова эти производили дѣйствіе раскаленного желѣза на свѣжую рану. Иногда, если ихъ заставляла разговаривающими вдвоемъ, всѣ постепенно удалялись. У свѣтскихъ людей есть своего рода приемы, показывающіе, что они извиняютъ заблужденія, но не дадутся въ обманъ. Маргарита невыносимо страдала отъ этихъ булавочныхъ царапинъ, но не хотѣла или не умѣла оградиться отъ нихъ.

Если есть люди, которые хвастаютъ небывалыми побѣдами, то

есть и такіе, которые всѣми силами стараются скрыть отъ глазъ свѣта свои «успѣхи». Г. де Шеври принадлежалъ къ послѣднимъ. Ему было инстинктивно противно всякое нарушеніе приличій, и онъ желалъ бы окружить свою любовь тройной преградой, подобно тому какъ древніе скрывали свое божество отъ глазъ толпы.

Женщины вообще неосторожны; онѣ менѣе боятся скандала, нежели мужчины, и если страдаетъ репутація одной изъ нихъ, можно сказать почти навѣрное, что она сама виновата. Г-жа де Воверъ поступала въ этомъ случаѣ какъ и всѣ прочія: ее легко было заставить врасплохъ; она хлопотала только о томъ, чтобъ Роже видѣлъ, какъ она его любитъ, и когда онъ просилъ ее быть осторожнѣе, она увѣряла, что онъ не любитъ ее болѣе.

Маргарита была воспитана въ твердыхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и сохранила ихъ и послѣ замужества. Теперь она сдѣлалась еще набожнѣе, часто отправлялась пѣшкомъ въ самую уединенную церковь и простаивала цѣлые часы на колѣняхъ. Дѣвица Кошероль, догадывавшаяся о причинѣ набожности, сказала ей разъ, когда онѣ вмѣстѣ были въ церкви: «да не стойте же все на колѣняхъ: получаютъ, что у васъ на душѣ есть какой-нибудь тяжкій грѣхъ».

Порученіе, данное г-ну Шеври, приходило къ концу и начали ходить слухи, что онъ снова вступить на прежнюю дорогу. Самые близкіе къ нему утверждали, что онъ назначенъ уже въ посольство къ одному изъ германскихъ дворовъ. Г. де Ферне поспѣшилъ передать это графинѣ, съ цѣлью отомстить за себя. «Я полагаю, это вамъ извѣстно лучше нежели всѣмъ прочимъ, говорилъ онъ: мѣсто такого рода, что его дадутъ людямъ, заслуживающимъ особое уваженіе. Потрудитесь передать г-ну Шеври, что я очень радъ за него». Маргарита собрала все свое мужество, чтобъ сохранить на лицѣ улыбку, тогда какъ холодъ пробѣгалъ по всему тѣлу, въ ухахъ звенѣло, и если бы пришлось ей перемѣнить мѣсто, она навѣрное упала бы въ обморокъ.

Въ эту минуту г. де Воверъ подошелъ къ ней. «Ну, какъ вы себя чувствуете сегодня? спросилъ онъ.

Она подумала, что онъ замѣтилъ ея разстройство.

— Я немного озябла, но это пройдетъ, отвѣчала она.

— Кстати, продолжалъ графъ: вы слышали, что Роже отправляется во Франкфуртъ? Всѣ говорятъ здѣсь объ этомъ.

— Нѣтъ, я не знала, отвѣчала графиня и чувствовала, что у ней выступаетъ холодный потъ.

— Жаль будетъ, если онъ уйдетъ: этотъ человѣкъ всюду полезенъ! Когда вернемся домой, напишите, чтобъ онъ пріѣхалъ завтра.

— Хорошо, отвѣчала она.

Въ полночь, графъ и графиня уѣхали съ бала. Первымъ дѣломъ Маргариты, при входѣ въ комнату, было схватить листъ бумаги; перо такъ и ходило у ней въ рукѣ, она позвала горничную.

— Завтра чѣмъ-свѣтъ, чтобъ это письмо было у г-на Шеври.

Горничная хотѣла-было раздѣть ее, но она выслала ее изъ комнаты и заплакала до трехъ часовъ ночи.

Письмо ея заключало только эти слова: «Я въ смертельной то-скѣ. Приѣзжайте завтра».

V

Съ разсвѣтомъ, она была уже на ногахъ и не знала, какъ убить время. Она пробовала читать, работать, сидѣла нѣсколько минутъ спокойно, сжавъ руками голову и усиливаясь не думать. Когда потомъ взглядывала на часы, ей казалось, что стрѣлка вовсе не двигалась. Каждый шумъ подтѣзжавшаго экипажа заставлялъ ее вздрагивать; она подбѣгала къ окну и прикладывала горячій лобъ къ холоднымъ стекламъ. Чтобъ обмануть самое себя, она мысленно назначала срокъ, послѣ котораго Роже долженъ непременно приѣхать, рассчитывала, сколько времени нужно ѣхать отъ его квартиры, и когда срокъ проходилъ, она утѣшала себя надеждою, что кто-нибудь задержалъ его на дорогѣ, можетъ-быть встрѣтилась надобность переговорить съ министромъ. Потомъ вдругъ нетерпѣние возвращалось съ новой силой, она быстро ходила по комнатѣ, слезы душили ее. Въ одиннадцать часовъ пришли сказать ей, что подано завтракать. Г-нъ де Воверъ спросилъ, писала ли она къ Роже. «Отчего это онъ не ѣдетъ?» прибавилъ онъ.

Маргарита, стараясь принять равнодушный видъ, сказала, что онъ вѣроятно будетъ позже.

— Побравите его хорошенько и постарайтесь оставить обѣдать.

Въ пять часовъ де Шеври еще не являлся. Не въ силахъ долге выдерживать, Маргарита накинула шаль, шляпку и пѣшкомъ вышла изъ дому. Шоль мелкій парижскій дождь, которому кажется и конца не будетъ. Шеври жилъ въ Люксамбургской улицѣ, въ верхнемъ этажѣ одного большого отеля.

Почти машинально Маргарита добралась до его квартиры. Роже сидѣлъ въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ; передъ нимъ горѣли двѣ свѣчи и слабо освѣщали большую комнату, съ темными драпировками. Онъ даже не поднялъ головы, когда скрипнула дверь. Въ

три шага, Маргарита была уже у стола. Роже, пораженный, вско-
чилъ со стула.

— А вы думали, что я не приду? спросила она.

На лицѣ Роже выразилось сдержанное нетерпѣніе.

— Какое безразсудство!.. Ну, успокойтесь... У васъ рука какъ
ледь.

— Вы уѣзжаете? спросила она, пристально смотря ему въ лицо.
Онъ взялъ ее за руки и хотѣлъ посадить у камина.

— Уѣзжаете вы, да или нѣтъ? повторяла она, вырываясь изъ
его рукъ.

Губы г-на Шеври слегка дрогнули.

— Ну, да! отвѣчалъ онъ.

Г-жа де Воверъ поблѣднѣла какъ смерть и вся дрожала.

— Маргарита! вскричалъ Роже, тронутый этимъ вѣвымъ стра-
даніемъ.

— Ахъ, вы меня не любите?

— Вѣчно одно и то же! вскричалъ онъ.

— Ну, виновата, вы меня любите... Простите меня, только не
уѣзжайте!

Роже взялъ ее за руки и умолялъ выслушать его спокойно. Онъ
говорилъ, что если онъ останется въ Парижѣ, это повредитъ ея ре-
путации, что честь и любовь къ ней заставляютъ его уѣхать, что
отношенія ихъ отъ этого не измѣнятся, только имъ обоимъ будетъ
спокойнѣе. При концѣ каждой фразы, она кивала головой, какъ-
будто соглашаясь.

— Все это можетъ-быть и правда. Поѣзжайте, и я поѣду съ
вами.

Шеври вскочилъ со стула.

— Вы хотите ѣхать со мною?

— Почему жъ мнѣ не ѣхать? Развѣ что-нибудь привязываетъ
меня къ Парижу? Въ васъ заключается все что мнѣ дорого на свѣ-
тѣ. Я съ радостью стала бы жить въ самомъ неизвѣстномъ уголкѣ
и никогда не вспомнила бы о свѣтской жизни!.. Счастье стоять
того, чтобъ ему пожертвовать блескомъ!

Маргарита долго говорила на эту тему, постепенно одушевляясь:
глаза у ней блестѣли, щеки пылали. Роже смотрѣлъ на нее съ удив-
леніемъ, въ которомъ проглядывала нѣжность.

— Мечты! вѣчно мечты! произнесъ онъ со вздохомъ. — Нѣтъ,
это невозможно! если бы я согласился принять вашу жертву, намъ
нужно бы было поселиться въ стѣняхъ, а не въ столичномъ городѣ.

— Ну, такъ что же? спросила графиня, и въ голосѣ ея слыша-
лось убѣжденіе.

— Пусть будетъ по вашему! съ горечью вскричалъ Роже и разорвалъ въ клочки только-что написанный листъ бумаги. Это былъ рапортъ министру. — Въмѣсто него я напишу, что отказываюсь.

Маргарита бросилась ему на шею.

— Вы добры! сказала она.

— И, нѣтъ! я сумасшедшій, отвѣчалъ онъ.

Уже было темно, когда г-жа де Воверъ вышла изъ Люксамбургской улицы; она сѣла въ первую попавшуюся карету и всю дорогу плакала, хотя чувствовала себя счастливой. Черезъ четверть часа, де Шеври прѣхалъ обѣдать.

— Ну, что? спросилъ де Воверъ, какъ только гость вошелъ въ комнату.

— Мѣсто отдано другому... Мнѣ ничего не удастся! отвѣчалъ де Шеври.

Маргарита усердно иѣшала уголья въ каминѣ.

Присутствіе Роже снова подѣйствовало на нее благотворно: печаль ея разсѣялась; только заглядывая поглубже въ свое сердце, Маргарита чувствовала какой-то тайный страхъ, какъ бы предчувствіе неизбѣжнаго горя. Роже сказалъ ей однажды, что его тяготитъ бездѣйствіе; такъ стало-быть любовь не наполняетъ всего его существованія? Онъ свободенъ, молодъ, любимъ, имѣетъ всѣ средства жить по своему произволу—и сожалѣтъ о трудахъ и заботахъ! Маргарита чувствовала, что рано или поздно Роже пойдетъ своей дорогой. Она старалась отдалить эту минуту, удвоивъ вѣжливость къ нему, и въ душѣ сожалѣла, что онъ не принялъ отъ нея жертвы, которая бы связывала ихъ на-вѣки; тогда бы онъ узналъ, какъ глубока и сильна ея преданность.

Нѣсколько дней спустя, г. де Воверъ предложилъ Маргаритѣ покататься верхомъ. День былъ ясный и свѣжій, маленькія облака ходили по небу, Они отправились въ Виль д'Авре, Графъ былъ задумчивъ, противъ своего обыкновенія, и посвистывалъ сквозь зубы.

— Не сердитесь на меня, если я буду говорить съ вами откровенно, сказалъ онъ наконецъ. — Не знаю почему, но вотъ уже нѣсколько дней, какъ я ощущаю эту потребность, да и давно ужъ я обязанъ сдѣлать это. Въ вашемъ характерѣ есть нѣкоторыя черты, которыя меня очень беспокоятъ.

Графиня поблѣднѣла и наклонила голову, какъ-будто поправляя узелку.

— Не придавайте моимъ словамъ большаго значенія, чѣмъ то, которое я прилаю имъ самъ. Вы слишкомъ молоды и вамъ дано было ошибочное воспитаніе. Вамъ представили жизнь въ совершенно превратномъ видѣ и заставляли искать въ ней того, чего на

самомъ дѣлѣ не бываетъ ; я боюсь , что вы измучите себя несбыточными мечтами .

— Что вы хотите этимъ сказать ? спросила Маргарита прерывающимся голосомъ .

— Сейчасъ объяснюсь . Я много наблюдалъ за вами , со дня нашей свадьбы , во-первыхъ потому , что считалъ себя обязаннымъ заступитъ для васъ мѣсто родственниковъ , во-вторыхъ потому , что былъ искренно вамъ преданъ . Мало-по-малу я приходилъ къ убѣжденію , что вы слишкомъ поддаетесь мечтательности , не живете дѣйствительною жизнью ; въ васъ постоянно есть желаніе обратитъ жизнь въ романъ , а это можетъ имѣть дурныя послѣдствія . Повѣрьте , счастье можно найти здѣсь на землѣ , а не въ тѣхъ заоблачныхъ сферахъ , гдѣ витаетъ ваше воображеніе . Живите больше дѣйствительностью . Я нерѣдко сожалѣлъ , что не осуществляю собой того идеала , который создало ваше дѣвическое воображеніе ; для этого мнѣ нужно было совершенно измѣнить свою натуру , а это навѣрное бы не удалось , и переставъ быть естественнымъ , я не сдѣлался бы поэтомъ . Вотъ почему я рѣшился остаться тѣмъ , чѣмъ меня создала природа и жизнь ; надѣюсь , что по крайней мѣрѣ я заслуживаю вашей дружбы ? Дайте мнѣ руку , и я буду доволенъ .

Разстроганная и удивленная Маргарита протянула ему руку .

— Ахъ , зачѣмъ вы такъ поздно вздумали говорить со мною ! сказала она съ выраженіемъ , котораго онъ не понималъ .

— Потомучто не въ моей натурѣ говорить много ; да кромѣ того , на мужа начинаютъ смотрѣть какъ на непріятеля , если онъ вздумаетъ подавать совѣты . Мы же такъ мало сходимся характерами : я смотрю на жизнь съ практической точки , вы ищете въ ней поэзіи . Послушайте меня , выбросьте изъ сердца эти неопредѣленные желанія , тайныя сожалѣнія , неясныя надежды , плоды болѣзненной мечтательности : они надѣлаютъ вамъ много горя !

Лошадь его спотыкнулась о камень , онъ ловко удержалъ ее .

— Вотъ я поступаю какъ астрологъ въ баснѣ : философствую и не вижу , что у меня подъ ногами . И онъ весело улыбнулся .

— Не правда ли , какая длинная мораль ? Представьте себѣ , что съ вами говорилъ отецъ или братъ , и не сердитесь за нее .

Онъ пустилъ свою лошадь въ галопъ и заставилъ ее выдѣлывать па . При выѣздѣ изъ лѣса , онъ взялъ руку Маргариты и поцѣловалъ ее въ то мѣсто , которое не закрывала перчатка .

— Я старался васъ сдѣлать счастливою , на сколько это было въ моей власти , и если бы мнѣ пришлось умереть , я желалъ бы увести убѣжденіе , что это мнѣ удалось отчасти .

Разговоръ этотъ сильно взволновалъ графиню ; она не нашлась .

что отвѣтить, слезы выступили у ней на глазахъ. Графъ замѣтилъ это и не сказалъ ничего болѣе. Маргарита воротилась домой разстроенная; мысль, что она не такъ понимала характеръ мужа, блеснула какъ молнія въ ея умѣ. Нѣсколько дней оставалась она подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, но любовь до того овладѣла всѣмъ ея существомъ, что не оставляла мѣста другому чувству. Впечатлѣніе это не то что вовсе изгладилось, но скрылось гдѣ-то на днѣ души Маргариты.

Вскорѣ послѣ этого разнесся слухъ въ оперѣ, что г. де Воверъ упалъ съ лошади и сильно расшибся; говорили даже, что жизнь его въ опасности. Мы уже говорили, что графъ былъ страстный охотникъ до лошадей и держалъ всегда дорогихъ. Для него было величайшимъ удовольствіемъ объѣзжать ихъ самому, и часто въ легонькой, щегольской каретѣ, онъ мчался во весь опоръ въ Елисейскихъ поляхъ. Одинъ разъ онъ объѣзжалъ новую пару; съ нимъ ѣхали Маргарита и г. де Шеври. По неровному движенію экипажа, Роже замѣтилъ, что творится что-то недоброе и предложилъ свои услуги графу.

— Ничего, лошади горячатся, но я справлюсь, отвѣчалъ тотъ. Но лошади понесли.

— Сидите спокойно! крикнулъ Воверъ, видя, что Маргарита хотѣла выскочить, и наклонился впередъ подобрать возжи; въ это самое время карета зацѣпилась за камень, онъ потерялъ равновѣсіе и упалъ головой на мостовую. Его подняли и безъ чувствъ привезли домой, гдѣ Роже ожидалъ уже его съ докторомъ. Послѣ кровопусканія, графъ пришелъ въ себя, посмотрѣлъ вокругъ, какъ человѣкъ проснувшійся послѣ долгаго сна.

— Чортъ возьми, рано бы еще умирать въ тридцать-шесть лѣтъ! проговорилъ онъ и снова впалъ въ безпамятство.

Три дня онъ оставался между жизнью и смертью, и все это время Маргарита не отходила отъ его постели. На четвертый день сдѣлалось лучше, и Воверъ немсленно пожелалъ видѣть нотариуса. Маргарита не соглашалась, но онъ настаивалъ.

— У меня много кузеновъ, которые надоѣдали мнѣ цѣлую жизнь; не мѣшайте же мнѣ отстать имъ передъ смертью.

Графиня покачала головой.

— Не вѣрите? Ну, такъ позвольте мнѣ сдержать клятву, которую я далъ себѣ, женись на васъ... Вѣдь я имѣю право думать о вашей будущности. И онъ привлекъ къ себѣ блѣдную Маргариту. — Когда меня не будетъ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ: — помните, что не нужно слишкомъ поддаваться мечтамъ.

Потомъ онъ попросилъ, чтобъ его оставили одного съ нотариу-

сомъ. Когда Маргарита вошла потомъ въ комнату, онъ былъ очень блѣдень, пожалъ ей руку и закрылъ глаза. Вечеромъ нашли его уже холоднымъ. Доктора объявили, что онъ умеръ отъ сотрасенія мозга.

Нотариусъ представлялъ завѣщаніе, по которому все имѣніе доставалось Маргаритѣ, съ условіемъ, не продавать Вивель и держать въ домѣ верховныхъ лошадей и собакъ графа до ихъ смерти. Г-жа де Воверъ не разыгрывала роль неутѣшной вдовы; она пролила нѣсколько искреннихъ слезъ о мужѣ, овлакала сдѣлѣ свою шину противъ него и переехала въ Вивель, куда послѣдовала за нею дѣвица Кошероль, не для того чтобъ утѣшать ее, а чтобы посматрѣть, чѣмъ кончится послѣдній актъ комедіи, какъ она выражалась.

Переибыта въ судьбѣ Маргариты была такъ внезапна, что она не успѣла еще оиомниться. Она чувствовала, что жизнь ея намѣнилась, но къ лучшему ли эта переибыта, она не знала. Мысль о проступкѣ и желаніе загладить его законнымъ образомъ не давали ей покоя. Ей нужно было подняться въ своемъ собственномъ имѣніи, и она съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда ей можно будетъ располагать собою; но что-то принесетъ ей эта минута? Она принималась анализировать всѣ прежніе проступки г. Шеври, стараясь вывести изъ нихъ заключеніе о его будущемъ поведеніи.

По прошествіи шести недѣль, онъ написалъ ей письмо; оно было нѣжно, но не высказывало никакихъ намѣреній. Пуще всего боялась она, чтобы онъ не уѣхалъ изъ Парижа въ ея отсутствіе, и даже написала ему объ этомъ. Онъ поклялся не принимать никакихъ рѣшеній безъ ея вѣдома и она успоковалась. Желаніе видѣть его доходило у ней до страсти, и какъ бы была она ему благодарна, если бы онъ рѣшился пренебречь приличіями и пріѣхать въ Ормо! Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды г-жа де Воверъ была въ оранжереѣ; ей пришла доложить, что кто-то дожидается ее въ гостиной. Сердце забилося у ней отъ тайваго предчувствія; прошло уже десять мѣсяцевъ со времени разлуки съ Роже.

Маргарита дрожала такъ сильно, что не могла произнести ни слова, когда дѣйствительно увидѣла виконта.

— Я ѣду черезъ недѣлю, сказалъ онъ ей.

Г-жа де Воверъ пошатнулась, въ глазахъ у ней потемнѣло.

— Вы ѣдете? произнесла она чуть слышно.

— Да, но прежде чѣмъ отправлюсь на мѣсто службы, желалъ бы попросить руки графини де Воверъ для виконта Роже де Шеври.

Маргарита радостно вскрикнула и упала почти безъ чувствъ къ нему на руки. Они порѣшили, что Шеври поѣдетъ теперь въ Ита-

лію, а черезъ пять мѣсяцевъ возьметъ отпускъ и воротится въ Парижъ, гдѣ будетъ ихъ свадьба; до этого времени, все должно было оставаться въ тайнѣ.

Черезъ часъ послѣ разговора, виконтъ лѣгълъ уже въ почтовой каретѣ. Когда, потерявъ его изъ виду, Маргарита возвратилась домой, ей показалось, что вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и лучъ свѣта, озарившій ея гостиную.

Черезъ пять мѣсяцевъ, парижскіе знакомые Маргариты получили приглашеніе присутствовать при бракосочетаніи графини Маргариты де Воверъ, урожденной де Тьёле, съ виконтомъ Роже де Шеври, уполномоченнымъ министромъ.

— Ну, кончена исторія! сказала дѣвица Кошероль.

VI

Не прошло еще года послѣ свадьбы, какъ де Шеври подалъ въ отставку, вслѣдствіе несогласія съ правительствомъ. Объ этой отставкѣ сильно заговорили. Шеври, какъ ловкій человекъ, воспользовался обстоятельствами и сжогъ свои корабли. Онъ былъ тогда достаточно богатъ, чтобъ вступить на политическую арену и даже рассчитывать занять мѣсто въ *assemblées délibérantes*. Нуженъ былъ депутатъ въ одной сильной оппозиціонной партіи: Шеври представился, опираясь на свою извѣстность и поддерживаемый многими главными представителями, и былъ выбранъ. Онъ не спалъ ночь, которая предшествовала балотировкѣ, но какаѣ это были пріятная бессонница! Съ тѣхъ поръ онъ твердо надѣялся быть современемъ министромъ.

Что же дѣлала Маргарита въ то время, какъ политика такъ сильно завладѣла всѣмъ существомъ ея мужа? Она искренно вѣрила въ несправедливость правительства и въ необыкновенныя заслуги Роже, сочувствовала всѣмъ сердцемъ его надеждамъ; только когда они оставались вдвоемъ, ей казалось, что политика занимаетъ уже слишкомъ много мѣста въ ихъ жизни. Въ Италіи она пользовалась счастьемъ, которое правда не удовлетворяло ее вполне, но не давало времени одуматься. Она рѣшила, что, сдѣлавшись женою любимаго человека, должна быть счастлива, и упорно поддерживала себя въ этой мысли; но возвратившись въ Парижъ и взглянувшея попристальнѣе въ свою жизнь, она увидѣла, что любовь изъ нея исчезла. Шеври былъ ея мужемъ, и о волненіяхъ и тревогахъ чувства не было болѣе поминна.

Открытіе это поразило Маргариту въ самое сердце. Она начала

дѣятельно отыскивать причину переменъ, но умъ ея все-еще не былъ до того практиченъ, чтобы напасть на истину: она приписывала все какому-то тайному несчастью и обвиняла Роже. Мысли ихъ теперь уже вовсе не сходились: она осталась прежнею мечтательницею, онъ погрузился въ практическую жизнь и весь отдался честолюбію. Для него увлеченія молодости имѣли свое опредѣленное время, по прошествіи котораго начиналась жизнь дѣльная; въ ней не искалъ онъ выгодъ, его завлекала та постоянная борьба страстей, которую испытываетъ человѣкъ, вступившій на политическое поприще. Жениться, по его мнѣнію, было необходимо человѣку серьезному, имѣющему уже опредѣленную цѣль въ жизни. Онъ любилъ г-жу де Воверъ, но, выйдя изъ церкви, совершенно забылъ свои прежнія отношенія. Любовь его какъ-будто состарилась и надѣла бѣлый галстукъ.

Г. де Шеври жилъ открыто, но заводилъ знакомство съ чисто практической цѣлью. Посредствомъ его, онъ пріобрѣталъ себѣ сотрудниковъ или людей съ сильнымъ вліяніемъ. Обязанностью Маргариты было поддерживать это знакомство и устроить такъ, чтобы въ ея гостиной, ничье самолюбіе не было сильно задѣто, ничье мнѣніе не уничтожено слишкомъ рѣзко; требовалось подъ-часъ угождать даже посредственностямъ.

Она исполняла все это съ покорностью, но какъ часто, бесѣдуя съ какими-нибудь политическими знаменитостями, случалось ей пожалѣть о тѣхъ уединенныхъ вечерахъ въ Виндлѣ, когда слышался лишь одинъ свистъ осенняго вѣтра!

Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ посвящаетъ себя политикѣ, онъ перестаетъ принадлежать самому себѣ, и надо имѣть истинное призваніе, чтобъ переносить терпѣливо всѣ мелкія требованія этой жизни. Какой-то философъ сказалъ, въ минуту юмора, что честолюбіе есть первая степень на званіе мученика. Бываютъ конечно и минуты полнаго торжества, но бѣлая часть времени проходить въ томъ, что вы встрѣчаетесь съ людьми, съ которыми у васъ нѣтъ ничего общаго, но которымъ вы обязаны угождать; въ томъ, что вся ваша жизнь идетъ по заранѣ начерченному плану: столько-то часовъ употреблять на пріемы, столько-то на обѣды, столько-то на визиты, пустую болтовню и повтореніе общахъ мѣстъ. Г. де Шеври переносилъ все это, вовсе не ощущая никакой трудности, но на Маргариту такая жизнь дѣйствовала раздражительно. Нельзя сказать, чтобы Роже былъ холоденъ въ семейныхъ отношеніяхъ; онъ, вѣроятно очень бы удивился, еслибъ ему сказали, что онъ теперь менѣе любитъ Маргариту; но онъ считалъ

себя слишкомъ серьезнымъ, чтобъ войти въ роль обыкновеннаго человѣка и дать иногда волю чувству.

Всѣ домашніе расходы были рассчитаны заранѣе, и Маргарита не могла уже надѣяться на экстраординарный кредитъ, къ которому такъ охотно прибѣгаютъ женщины и правительства. По этому поводу нерѣдко вспоминалась ей аристократическая щедрость де Вовера. Шеври имѣлъ большую претензію на аристократизмъ и требовалъ, чтобы жена его во всемъ поступала по однажды принятому правилу, которое онъ самъ предписывалъ. У него была странная способность соединять равнодушіе съ ревностью: если онъ переставалъ смотрѣть на жену единственно какъ на хозяйку дома, такъ только для того, чтобъ деспотически слѣдить за каждымъ ея шагомъ; опредѣлялъ, сколько и съ кѣмъ ей слѣдуетъ танцовать, когда и по скольку съ кѣмъ говорить. Общественное мнѣніе было его кумиромъ; хотя повидимому онъ взиралъ на все съ высоты собственного достоинства, но въ сущности едва ли кто болѣе дорожилъ мнѣніемъ свѣта. Ему не нравилось, если Маргарита бывала веселѣе обыкновеннаго или вела одушевленный разговоръ съ мужчиной; тутъ мучило его не опасеніе лишиться ея любви, а боязнь, какъ на это посмотрятъ другіе. Самолюбіе его было вѣчно насторожѣ. Дѣвица Кошероль называла домъ виконта храмомъ приличій. Маргарита на каждомъ шагу встрѣчала какое-нибудь препятствіе; казалось, Роже не могъ простить себѣ, что когда-то во имя любви отступилъ отъ принятаго плана поведенія, или боялся, чтобъ страсть не вступила снова въ свои права и не помѣшала ему слѣдовать карьеру; только съ тѣхъ поръ онъ не выходилъ уже изъ роли серьезнаго человѣка.

Для Маргариты настали минуты горькаго разочарованія. Теперь у ней не было даже того утѣшенія, что выходя замужъ, она покорялась вліянію родственниковъ. Въ бракѣ съ человѣкомъ, котораго любила и выбрала по собственному желанію, несчастье чувствовалось еще сильнѣе. На этотъ разъ, ни съ чьей стороны не могло быть расчета! У г. де Вовера, не смотря на его практичность и страсть къ лошадамъ, бывали иногда минуты непринужденной веселости. Правда, онъ не совсѣмъ деликатно схватывалъ ее иногда за талію и вообще ласки его были немного шумны, все же онѣ выражали расположеніе. Въ тѣ времена, когда все это дѣлалось, Маргарита даже не обращала на то никакого вниманія. Теперь же, если ей случалось изъяснить г. Шеври какое-нибудь романическое желаніе, напримѣръ поѣхать вдвоемъ, въ хорошій вечеръ, за городъ или провести вечеръ въ театрѣ, онъ взглядывалъ на нее съ видомъ такого удивленія, что слова останавливались на губахъ.

Маргарита чувствовала себя одинокой и покинутой, хотя в жизни ее не было ни одного свободного часа. Г-жа де Сент-Орвь умерла два года тому назад, а г-жа д'Эрмуа, старая и больная, доживала свой векъ въ деревнѣ. Маргарита чувствовала, что сердце ее полно, и не знала куда излить свои чувства; она не совсѣмъ еще потеряла надежду возвратитъ снова сердце своего мужа, который попрежнему былъ ей идоломъ.

Однажды вечеромъ, вконецъ собравшись уѣхать и выходя изъ изъ маленькой гостиной, гдѣ обыкновенно сидѣла его жена, въ непріемные дни, какъ она оставила его за руку.

— Чтѣ вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Сегодня 20 октября, отвѣчала Маргарита.

— Двадцатое октября, повторилъ онъ машинально.

— Вы не помните? робко проговорила Маргарита.

— Чтѣ бы это могло быть? говорилъ онъ, вспоминая.

— Это день, въ который мы первый разъ встрѣтились съ вами.

— А!..

— И мнѣ бы хотѣлось провести этотъ вечеръ вдвоемъ, вотъ въ этой комнатѣ, у камина... Я думаю объ этомъ уже цѣлую недѣлю... хотите?

Рожѣ съ нетерпѣніемъ пожалъ плечами и покровительственнымъ тономъ произнесъ: «какое ребячество!»

— О пятъ! вскричала Маргарита, этотъ день для меня священный. Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Но у меня въ половинѣ десятаго назначено свиданье съ членами одной комиссіи.

— Ну, вы пропустите это свиданье. Письмо вѣдь написать не долго, а васъ не стануть ждать.

— Но дѣло идетъ объ измѣненіи закона...

— А здѣсь дѣло идетъ обо мнѣ, и я васъ очень прошу!

Нѣжный и кроткій взглядъ Маргариты произвелъ свое дѣйствіе. Шеври раздумывалъ; она взяла у него изъ рукъ шляпу и положила на стулъ.

— Ну, такъ и быть! вы дѣлаете изъ меня все что хотите.

Маргарита позвала человѣка и не велѣла никого принимать вечеромъ; она была совершенно счастлива. Минута, которой она ожидала со страхомъ и надеждою, наступила; она какъ-будто помолодѣла и снова повѣрила въ счастье; кровь кажется быстрѣе потекла въ ея жилахъ; она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, съ граціозными движеніями молодого котенка; очаровательная улыбка скользнула по губамъ, глаза горѣли тихимъ блескомъ. Она спустила занавѣски на окнахъ и дверяхъ, чтобъ никакой шумъ не

нарушалъ ея счастья. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье, съ широкимъ поясомъ; прекрасныя бѣлыя руки были полуоткрыты. Она поставила на столикъ двѣ чашки и чайный приборъ, и придвинулась къ мужу. Можно было подумать, что она въ лихорадкѣ: такъ быстры были ея движенія.

— Ахъ, какъ хорошо такъ! сказала она и кокетливо склонила голову, прислушиваясь къ стуку экипажей на улицѣ. И есть же люди, которые ѣдутъ на балъ или въ театр! Бѣдные люди!

Все въ ней дышало откровенною радостью; она долго говорила, и въ голосѣ ея звучали такія задушевные ноты; она даже не замѣчала, что говорить одна, потомучто Шеври давалъ очень односложные отвѣты. Она носилась въ облакахъ, онъ шолъ по землѣ. Чай, который ему налили, показался ему недостаточно крѣпокъ; въ продолженіе четверти часа онъ три раза надѣлъ и снялъ перчатки, подавилъ два-три нескромные зѣвка и посмотрѣлъ на часы. Потомъ мѣрными шагами началъ ходить по комнатѣ, садился то на диванъ, то на кресло и вдругъ быстро вставалъ.

Мargarита замѣтила наконецъ всѣ эти маневры, голосъ ея началъ ослабѣвать, въ горлѣ славилло. Убѣдившись, что съ нею случаютъ, она рѣшилась покоячить, и въ то время какъ Роже навстрѣивалъ по столу маршъ изъ Шуританъ, она сказала: «Теперь еще только десять часовъ, вы вѣрно встрѣтите еще въ оперѣ нѣкоторыхъ изъ вашихъ сослуживцевъ?»

— Въ самомъ дѣлѣ! наивно отвѣчалъ онъ.

— А я немного устала, продолжала Margarита.

— О, такъ вамъ надо отдохнуть! подхватилъ онъ съ живостью, подѣловалъ ея руку, и въ два шага былъ уже за дверьми.

Margarita рылая упала въ кресло.

— О мечты! что вы со мною сдѣлали! проговорила она.

Съ этой минуты Margarита сосредоточилась сама въ себѣ; она какъ-будто измѣрила глубину своего душевнаго страданія и пришла къ убѣжденію, что рана неизлечима. Обязанности въ отношеніи къ мужу исполнялись еще старательнѣе, но съ какою-то тупою покорностью. Теперь ей было все равно, какъ жить: сердце не принимало уже никакого участія въ этой жизни. Она продолжала являться въ свѣтъ, была всегда мила и вѣжлива, но холодна и безстрастна; принимала всѣ приглашенія, появлялась въ театрахъ, и домъ ея считался самымъ лучшимъ въ Парижѣ. За то внутренняя ея жизнь измѣнилась: шкафъ, гдѣ хранились ея любимыя квивги, больше не открывался: она боялась, чтобы ихъ пламенные страницы не пробуждали въ ней прежней жажды чувства, и желала, чтобы сердце навсегда зашерло.

Такъ прошолъ годъ. Г. де Шеври, видя съ какою точностью исполняются его малѣйшія требованія и не замѣчая болѣе въ женѣ эксцентричныхъ желаній, сказалъ ей однажды:

— Ну, вотъ теперъ вы умѣете жить и любите меня, какъ жена должна любить мужа.

— О, да! отвѣчала Маргарита съ улыбкой, а въ душѣ чувствовала, что отъ этой любви и жизни вѣтъ какимъ-то могильнымъ холодомъ.

VII

На одномъ вечерѣ въ морскомъ министерствѣ, Маргаритѣ представили молодого человѣка, съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ; она взглянула на него мелькомъ, сказала нѣсколько словъ и отошла въ сторону. Случилось такъ, что они стали встрѣчаться и во многихъ другихъ домахъ. Такъ она случайно узнала, что Люсьенъ Л. былъ капитанъ фрегата, получилъ опасную рану, принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ и пріѣхалъ въ Парижъ назавтра тому два мѣсяца. Обыкновенно біографіи новыхъ лицъ составляются въ свѣтскихъ гостивыхъ со всѣми подробностями. Скоро узнали, что Люсьенъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи, которая потерпѣла много несчастій, и онъ своею карьерой обязанъ единственно личнымъ достоинствамъ. Намекали на какую-то романическую исторію, измѣну, которая оставила глубокіе слѣды въ сердцѣ молодого человѣка. Въ обществѣ онъ былъ холодно-вѣжливъ и видимо избѣгалъ общаго вниманія. Даже выѣзжать въ свѣтъ онъ сталъ только по настоящему требованію одной своей кузины, съ которой вѣсть воспитывался и былъ друженъ съ дѣтства. Невозможно было мѣнѣе походить на моряка, какъ Люсьенъ: онъ говорилъ тихо, руки у него были маленькія, бѣлыя, волосы свѣтло-каштановые, цвѣтъ лица нѣжный. Такимъ ли обыкновенно представляютъ себѣ капитана фрегата, участвовавшего въ дѣлу сраженій? Чтобъ заставить его молчать, стоило только повести рѣчь о его компаніяхъ: при первой похвалѣ онъ начиналъ заикаться, а при второй обращался въ бѣгство. Всего пріятнѣе ему было, если его оставляли въ покоѣ. Кузина называла его «своимъ дикимъ» и всегда радовалась, если ей удавалось затащить его на балъ, гдѣ онъ тотчасъ же ретировался къ карточному столу. Впрочемъ, это была личность въ высшей степени естественная и прямая; онъ любилъ свою службу, потому что находилъ въ ней много случаевъ жить уединенно. Во то время какъ они встрѣтились съ Маргаритой, здоровье его видимо поправлялось.

Г-жѣ де Шеври показалось страннымъ, что человѣкъ, котораго преслѣдуетъ общее вниманіе, такъ упорно избѣгаетъ его, и она смутно почувствовала, что между ними есть много общаго.

Какъ-то случилось имъ разговариваться и они сошлись во многихъ мнѣніяхъ. Люсьенъ, при каждой встрѣчѣ, сперва долго слѣдилъ за Маргаритой издали, и наконецъ рѣшился подойти къ ней. Разъ даже она вынудила у него разсказъ о томъ, какъ онъ былъ раненъ и спросила, что онъ испытывалъ, когда падалъ на землю.

— Небо было такое голубое, вокругъ было такъ весело: жаль было оставлять все это, отвѣчалъ онъ.

— И только? спросила Маргарита.

Люсьенъ не отвѣчалъ. Кузина замѣтила потомъ, что онъ очень воодушевился, разговаривая съ г-жею Шеври, и вѣрно скоро слѣдается ручнымъ. Съ тѣхъ поръ онъ ровно двѣ недѣли не смѣлъ подойти къ Маргаритѣ. Нельзя сказать, чтобъ она обратила на это большое вниманіе, но раза два-три ей случилось подумать, что Люсьенъ вовсе не похожъ на остальное общество, что онъ меньше высказываетъ чѣмъ думаетъ, а у другихъ это дѣлается наоборотъ. Онъ сталъ интересовать ее какъ исключительная личность, и ей было немного жаль, что они разошлись такъ скоро. Молодой человѣкъ далеко не такъ холодно смотрѣлъ на встрѣчу съ Маргаритой; онъ былъ въ томъ переходномъ состояніи, когда старая страсть утихаетъ, а молодое сердце требуетъ новой привязанности. По прошествіи двухъ недѣль, одинъ изъ его товарищей ввелъ его въ домъ къ г-жѣ де Шеври.

— Не правда ли, очень глупо съ моей стороны, явиться неприглашоннымъ въ домъ, гдѣ меня едва знаютъ? сказалъ онъ.

— Мнѣ было бы очень пріятно заставить васъ сдѣлать ради меня неловкость: это бы значило, что вы сильно желали попасть въ мое общество, любезно отвѣчала Маргарита и показала ему приглашительную записку, которая не была отправлена потому только, что не знали его адреса.

— Вы сами писали ее? спросилъ онъ.

— Конечно, отвѣчала Маргарита.

Цѣлый вечеръ Люсьенъ бродилъ около стола, на которомъ лежала записка между тетрадами нотъ и книгами; наконецъ ему удалось похитить ее и унести съ собой. Никогда еще не дрожалъ онъ такъ сильно, даже подъ огнемъ непріятеля.

Дома онъ не сказалъ, гдѣ провелъ вечеръ.

Анатія, овладѣвшая Маргаритой съ двадцатаго октября, въ то время еще не прекратилась. Время отъ времени, она съ невольнымъ содроганіемъ вспоминала про этотъ вечеръ и рѣшалась никогда уже

не дѣлать подобной попытки, а между тѣмъ чувствовала, что сердце еще не отжило. Единственнымъ удовольствіемъ ея было кататься одной по берегамъ Сены и припоминать всю свою прошедшую жизнь.

— Ахъ, тетушка, тетушка! что вы изъ меня сдѣлали? часто говорила она. Теперь ей чувствовалась вся тягость неправильнаго воспитанія; она видѣла, что ей легче бы было жить и ее болѣе бы любили, еслибъ она была какъ другія. А теперь? она никому не нужна на свѣтѣ, и живетъ въ обществѣ какъ узникъ въ душной тюрьмѣ!

Люсьенъ началъ посѣщать г-жу де Шеври. Сначала она принимала его равнодушно-ласково, но потомъ рѣчь стала заходить о вещахъ, составляющихъ вѣчный предметъ разговора между молодымъ мужчиной и молодой женщиной, и они сблизились. Люсьенъ иногда увлекался и высказывалъ столько страсти, что Маргарита смущалась. Если являлось третье лицо, онъ переставалъ говорить или бралъ шляпу и уходилъ домой. Оставаясь одна, Маргарита съ улыбкой вспоминала о Люсьенѣ, но иногда и задумывалась. Часто случалось ей съ тайнымъ удовольствіемъ слѣдить за ходомъ этой заражающей, но уже сильной страсти, но вдругъ оскорбленная гордость ея просыпалась, и она становилась на-сторожѣ.

Г. де Шеври очень охотно видѣлъ у себя молодого капитана; его скромность и желаніе оставаться незамѣченнымъ усыпляли его ревность, онъ обращался къ нему съ нѣсколько покровительственнымъ тономъ и часто говорилъ женѣ, что такіе люди дѣлаютъ честь арміи и недурно бы всѣмъ брать съ нихъ примѣръ.

Маргарита смотрѣла на него обыкновенно съ проноіей, и при исчисленіи рѣдкихъ качествъ Люсьена, ей хотѣлось иногда вскрикнуть: да вѣдь онъ влюбленъ въ меня, какъ вы были влюблены, когда я была графиней де Воверъ!

Ошибка была только въ томъ, что никогда де Шеври не любилъ такъ, какъ любилъ молодой офицеръ; этого впрочемъ Маргарита не могла знать. Она была убѣждена, что Роже измѣнился, но въ свѣтъ прошлой его любви не сомнѣвалась, только вѣра въ будущее была потеряна.

Истинная и ранняя страсть не дала Люсьену израсходовать своего сердца на мелкія интриги; правда, оно наболѣло отъ первой неудачи, но было способно на всѣ высокія жертвы, составляющія принадлежность двадцатилѣтняго возраста. Что ни говори гг. философы, а любовь истинная и любовь мимолетная выражаются одинаковымъ языкомъ, даже самыя опытныя кокетки иногда обманываются. Не признаются же въ этомъ во-первыхъ изъ самолюбія, а

во-вторыхъ потому, что женщинѣ необыкновенно трудно сродниться съ мыслью, что есть возможность не любить ея истинно и исключительно.

Къ несчастію, психологическіе анализы вдвоемъ, въ уединенномъ будуарѣ, вещь очень опасная. Въ одно прекрасное утро Маргарита замѣтила, что день, въ который не приходитъ Люсьенъ, тянется нестерпимо долго. Это открытіе взволновало ее: ей припомнилась вся ея бурная, разбитая молодость и она поклялась, что задумитъ любовь въ самомъ зародышѣ. Гордость говорила такъ сильно, что цѣбѣда казалась возможною, но она по опыту знала, что бороться лицомъ къ лицу трудно, и потому рѣшилась не принимать Люсьена и уѣхать въ Виндль.

Но уѣхать изъ Парижа въ самый разгаръ парламентскихъ засѣданій, была для г. Шеври вещь невозможная; настаивать было бы бесполезно, и Маргарита осталась. Въ этотъ же вечеръ она встрѣтилась съ Люсьеномъ у англійскаго посланника и старалась избѣгать его, но случай столкнулъ ихъ вмѣстѣ. Она поражена была чувствомъ глубокой горести на его лицѣ, да и молчать было бы невозможно.

— Вы вѣроятно были больны? спросила она.

— Нѣтъ, я боялся за васъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Оттого что я васъ не принимала! Это былъ просто капризъ, возразила она, нечувствительно поддаваясь желанію помучить любящее существо.

— Тѣмъ лучше! потомучто случись съ вами что-нибудь важное, я, кажется, сошолъ бы съ ума.

Маргарита почувствовала себя совершенно обезоруженной, холодность исчезла, и къ концу разговора, она позволила Люсьену литься къ ней на другой день. Нужно ли говорить, что онъ не пропустилъ приглашенія? Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разговоръ былъ на этотъ разъ еще душенивѣ. Приготовлялась дальняя экспедиція, въ которой Люсьену предлагали мѣсто капитана; онъ говорилъ, что приметъ въ ней участіе совершенно машинально, потомучто его сердце, умъ и воля останутся въ Парижѣ. «А тамъ, что ждетъ меня? прибавилъ онъ.

— А чинъ капитана корабля? спросила она, улыбаясь.

— Ахъ, я съ восторгомъ примѣнялъ бы его вотъ на это! И онъ взялъ со стола старинную печать съ крестомъ и девизомъ: *credo, perche amo.* — Я здѣсь люблю и вѣрю: развѣ это не стоитъ почестей?

Есть увлеченія, которыя дѣйствуютъ заразительно. Маргарита замѣтила на его цѣпочкѣ медальонъ, вѣроятно подарокъ женщины; это стало ей непріятно.

— Будемте мѣняться вотъ на это, сказала она.

Морякъ взглянулъ на медальонъ.

— Вы не рѣшаетесь?

— Чтó тому до прошедшаго, кто въ настоящемъ отдастъ всю свою жизнь? сказалъ онъ и взялъ руку Маргариты. Она не отняла ея... Обмѣвъ былъ сдѣланъ, и Люсьенъ воротился домой чуть не обезумѣвъ отъ счастья.

Едва затворилась за молодымъ человѣкомъ дверь, какъ Маргаритой овладѣло какое-то странное, безпокойное чувство; она была недовольна Люсьеномъ, недовольна сама собою. Съ медальономъ въ рукахъ, опустилась она на кресло и принялась анализировать свои чувства; счастья не было. Совѣсть громко упрекала ее за уступку, самолюбіе возмущалось; она быстро отбросила медальонъ, встала, открыла окно и подставила пылающей лобъ холодному вѣтру.

— Того ли я ожидала отъ своей твердости? повторяла она. Въ этотъ же вечеръ пріѣхала дѣвица Кошероль, и замѣтивъ разстроенный видъ Маргариты, рѣшила, что тутъ что-нибудь кроется. На бѣду, ей бросился въ глаза медальонъ, и она убѣдилась, что къ прежнему роману готовъ эпилогъ. Она только два раза видѣла Люсьена, но отъ ея зоркаго глаза ничего не укрылось.

— Не правда ли, тотъ молодой морякъ, чтó бываетъ у васъ, очень напоминаетъ Сида?

— Какъ это Сид? спросила Маргарита.

— Потому что у него, кажется, есть Химена, которую онъ обожаетъ и которая его ненавидитъ; а вы помните, какъ кончается трагедія?

Маргарита выронила изъ рукъ сахарные щипцы, г. де Шеври очень смѣялся надъ сравненіемъ и спросилъ: въ Парижѣ ли эта Химена.

— Чтó вамъ за дѣло? вы вѣдь женатый человѣкъ! отвѣчала дѣвица Кошероль, съ невиннымъ видомъ прихлебывая чай.

Разговоръ этотъ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ умѣ Маргариты. Она нѣсколько разъ краснѣла и блѣднѣла, припоминая его, всякое слово равнялось удару ножемъ въ сердце; гордость ея была унижена. Она ясно увидѣла, на какую ложную дорогу влекла ее ея мечтательность, и больно было ей, что другіе разгадали ея тайныя чувства. Дѣвица Кошероль, довольная результатомъ, уѣхала домой, г. де Шеври уполь слѣдомъ за нею и Маргарита осталась одна.

Опять началось тягостное раздумье. Что она полюбила Роже, это было естественно и извинялось молодостью, потребностью сердца; но увлечься теперь, испытать горькое разочарованіе, которое должно бы было убить въ ней всякое чувство—о, это горько! Вѣдь

она сама избрала свою судьбу и должна выносить ее безъ ропота; послѣ Роже не должно быть уже ничего болѣе. Слезы текли изъ ея глазъ, но на душѣ было легче; она возвысилась въ собственномъ мѣстѣ.

Въ это самое время ей подали записку, съ ея прежнею печатью; она еще болѣе раздражила ее. Какъ многое измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ Люсьень, счастливый, вышелъ изъ этой комнаты! Блѣдная, съ стиснутыми губами и прерывающимся дыханіемъ, она стала читать письмо. Возможно ли, чтобы все въ немъ написанное могло относиться къ ней? Въ письмѣ Люсьена было много молодой, пылкой страсти. Маргарита горько улыбнулась и опустила руки на колѣни: зачѣмъ такъ поздно! Сердце у ней правда еще билось, но рассудокъ бралъ верхъ. Люсьень писалъ, что онъ не въ силахъ уѣхать изъ Парижа, что слава обойдется ему слишкомъ дорого, если онъ лишонъ будетъ счастья ее видѣть; что если она скажетъ одно только слово, онъ готовъ поселиться въ самой отдаленной части Парижа, гдѣ никто не узнаетъ о его любви, а онъ будетъ хоть изрѣдка видѣть ее. Вся его страстная, преданная натура высказывалась въ этихъ страницахъ. Маргарита задумалась, какъ-будто что-то припоминая; вдругъ быстро вскочила со стула, отворила ящикъ и достала изъ него связку писемъ. Пробѣжавъ два изъ нихъ, она долго остановилась на третьемъ, и стала сличать его съ письмомъ Люсьена, потомъ сжала обѣими руками голову и долго осталась въ такомъ положеніи. Письмо Роже, полученное ею пять лѣтъ назадъ, совершенно напоминало теперешнее. Если два существа, такіе различные по характеру, такъ сходятся въ выраженіи страсти, не будетъ ли она имѣть и одинаковаго исхода? Вѣдь нашлись же и у Роже, не смотря на его сухой, эгоистичный характеръ, минуты экзальтаціи: какъ же провѣрить послѣ этого истинность чувства? Роже промѣнялъ любовь на политику, Люсьень можетъ промѣнять ее на военную славу!

Маргарита долго сидѣла неподвижно, смотря на оба письма. Сколько надеждъ утрачено, съ полученія одного изъ нихъ!

Въ эту минуту ей живо припомнился разговоръ съ де Воверомъ, въ лѣсу, незадолго до его смерти. Какъ разумны были тогда его совѣты, и какъ бы она была счастлива, еслибъ послѣдовала имъ! Онъ говорилъ такъ задушевно, просто, не преувеличивая и не уменьшая, и всѣ его поступки всегда согласовались съ его искренней рѣчью. Она рѣшилась теперь, изъ уваженія къ его памяти, послѣдовать его совѣтамъ и загладить вину свою полнымъ, чистосердечнымъ раскаяніемъ. Не успѣвъ даже отереть слезы, она взяла перо и написала Люсьену только четыре слова, которыя должны

были отнять у него всякую надежду. Письмо было немедленно отправлено.

Когда ушел слуга, она долго прислушивалась къ шуму его шаговъ, навсегда прощаясь съ любовью, потомъ вынула письма Роже и сожгла ихъ въ каминѣ. «Пусть погибаетъ все, какъ погибло чувство!»

Спустя нѣсколько дней, часа въ четыре дня, карета остановилась у воротъ кладбища и изъ нея вышла женщина. Если бы вѣтеръ приподнялъ густой черный вуаль, мы въ ней узнали бы Маргариту.

Въ тотъ день былъ густой туманъ; деревья стояли какъ тѣни на сторожѣ, шло медкій осенній дождь. Маргарита невольно остановилась при входѣ въ одну изъ густыхъ аллей, но быстро повернула назадъ и дошла до гробницы, на мраморной доскѣ которой было написано: «графъ Теодоръ де Воверъ, скончавшійся на тридцатьшестомъ году, 14 мая 1854 года».

Она встала на колѣни и прислонилась пылающимъ лбомъ къ желѣзной рѣшеткѣ. Потомъ положила на гробницу букетъ и зарыдала...

— Ты отмщенъ, бѣдный другъ мой! сказала она: вотъ я опять одна, и никто уже не подастъ мнѣ дружескаго совѣта!

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Однажды въ нашемъ журналѣ было сказано, что мы, русскіе, преимущественно предъ всѣми другими извѣстными міру народами, обладаемъ однимъ замѣчательнымъ свойствомъ, именно способностью къ искреннему признанію своихъ недостатковъ и гласному, чистосердечному самоосужденію. Способность прекрасная, могущая быть источникомъ великаго добра! Но бывають у насъ такія явленія, которыя не знаешь, выводить ли изъ этого національнаго свойства, или отнести къ чему-нибудь другому? — только другого-то не приищешь скоро... Такъ изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время въ Петербургѣ и Москвѣ повременныхъ изданій осталось уже очень, очень немного такихъ, которыя не успѣли до сихъ поръ бросить общій, но глубокій взглядъ на всѣ существующія въ сказанныхъ столицахъ повременныя изданія (т. е. на самихъ себя), поговорить о преобладающемъ въ нихъ направленіи и поплакать благочестивыми слезами объ этомъ направленіи, ясно будто бы указывающемъ на упадокъ ихъ нравовъ, на ожесточеніе сердецъ ихъ, на исчезновеніе между ними мира и взаимнаго согласія... «Возгорѣлись брани, говорятъ они, поселился внутренній раздоръ, усобица; братъ возсталъ на брата...» И чуть не прибавляютъ вслѣдъ затѣмъ, что «сіе есть начало скорбей».

Внимая этому плачу, мы давно облеклись бы во вретиче и посыпали бы пепломъ главу нашу, если бы дѣйствительно почувствовали вблизи себя *начало скорбей*, услышали бы шипѣніе злобы, узрѣли бы брата, возставшаго на брата... Правда, мы не разъ слышали напимѣръ про между двумя журналами, начинавшуюся обыкновенно разномысліемъ о какомъ-нибудь общественномъ предметѣ,

и переходившую потомъ въ жаркую схватку, въ которой изъ-за мнѣній выдвигались уже и лица, взаимно надѣлявшія другъ друга довольно чувствительными нравственными тузанами; мы слышали мрачный крикъ «Домашней Бесѣды» на иновѣрца, именуемаго «Сыномъ Отечества»; видѣли, и теперь видимъ, два стоящія другъ противъ друга лагеря — лагерь смѣющихся и лагерь нахмуренныхъ; видѣли, и теперь иногда видимъ, наступательное движеніе неукротимыхъ отрицателей и силы, готовые противостоять этому движенію и отразить нападеніе. Все это мы слышали и видѣли, но принимали одно за случайныя, одиночныя, исключительныя явленія, другое за неизбежное въ человѣчествѣ разнообразіе способовъ дѣйствія, третье за столь же неизбежную въ человѣчествѣ борьбу мнѣній и взглядовъ; четвертое наконецъ за дѣйствительное разоблаченіе нечистыхъ побужденій, прорывающихся иногда въ литературѣ, независимо отъ личныхъ отношеній литераторовъ... Подозрѣвать же повсюдный внутренній раздоръ и смуту, сквозь видимый смѣхъ и видимыя слезы подсматривать притаившуюся вражду и злобу — мы никакъ не могли найти достаточнаго повода, а потому не облакались во вретиче, не посыпали пепломъ главы, и теперь недоумѣваемъ и спрашиваемъ себя: откуда этотъ плачь, откуда мысль о всеобщей взаимной враждѣ и усобицѣ? И кто первый возопилъ? Гдѣ этотъ первый Іеремія? Не зная человѣка сего, мы думаемъ однако, что онъ долженъ быть изъ числа людей черезчуръ робкихъ, изъ числа тѣхъ людей, которые черезчуръ боятся или нарушенія приличій, или нарушенія ихъ собственнаго спокойствія. Къ числу первыхъ, т. е. черезчуръ боящихся нарушенія приличій, должны, если не ошибаемся, принадлежать «добрые пріатели» составителя *Современной хроники Россіи* въ «Отечественныхъ Запискахъ». Они, эти добрые пріатели, такъ запугали составителя, что вынудили его принести публичное покаяніе въ слѣдующихъ, печатно сказанныхъ имъ словахъ:

«... въ должность мирового посредника изъяснилъ желаніе вступить «Свѣточъ», но, говорятъ, пока неудачно. Гораздо болѣе способности къ этому званію имѣеть «Время», но журналъ этотъ занялъ уже другую, не менѣе почетную должность — должность присяжнаго судьи, безпристрастно изрекающаго приговоры. И то хорошо. «Русскій Вѣстникъ» будетъ стало-быть ловить мазуриковъ, а «Время» судить ихъ. Значить въ литературныхъ судахъ воцарится наконецъ правда...»

Добрые пріатели увѣрили составителя *Хроники*, что тутъ есть слова, «которые могутъ оскорбить нѣкоторыхъ уважаемыхъ людей», и что по этимъ словамъ онъ «можетъ быть обвиненъ въ зломъ умы-»

слѣ, въ личномъ оскорбленіи, *расчитанно* нанесенномъ какимъ-то личнымъ врагамъ и противникамъ».

Ну, если въ этихъ словахъ непремѣнно подозрѣвать личную вражду и видѣть злой умыселъ, то конечно немудрено не только всю нашу журналистику принять за непроходимую усобицу и смуту, но пожалуй и вообразить въ самомъ дѣлѣ близость свѣтапредставленія! Мы не думаемъ и не хотимъ причислять себя къ разряду *уважаемыхъ* людей, о которыхъ тутъ говорится; повтому опасенія составителя и его добрыхъ пріятелей могли бы и не относиться къ себѣ; но такъ какъ во фразѣ, возбудившей эти опасенія, говорится и о журналѣ «Время», то мы все-таки объяснимся за себя. Мы замѣтили эту фразу и, понявъ ее точно такъ, какъ объяснилъ впоследствии самъ составитель, приняли ее за легкую шутку, за острое слово, отъ котораго можно отшутиться, но можно пожалуй и не отшучиваться, а просто встрѣтить и проводить его минутной улыбкой. Обижаться... да чѣмъ же обижаться? да стѣитъ ли это того, чтобъ обижаться?.. Какъ приняли эту шутку *уважаемые люди* — не знаемъ; но полагаемъ, что если они приняли ее за личное оскорбленіе и злой умыселъ, то послѣ этого можно было бы и не слишкомъ уважать ихъ, по крайней мѣрѣ ихъ личный характеръ, независимо отъ ихъ другихъ, можетъ-быть несомнѣнно достойныхъ уваженія качествъ.

Мы замѣтили шуточную фразу, о которой идетъ рѣчь, тотчасъ какъ только попалась намъ въ руки майская книга «Отечественныхъ Записокъ», потому что съ нѣкотораго времени разрѣзываемъ Современную хронику съ надеждою найти тамъ одну, двѣ, а можетъ-быть и нѣсколько страницъ, въ которыхъ скажется живое и сильное слово, и эта надежда насъ иногда не обманываетъ, особенно если тамъ рѣчь зайдетъ о предметѣ, о которомъ должно-быть долго накопило и много накопило на сердцѣ у составителя. Пусть эти немногія страницы тонуть во множествѣ другихъ страницъ, составляющихъ настоящую, въ собственномъ смыслѣ хронику, со всею свойственною хроникамъ сухостью; но за эти немногія живыя страницы мы готовы мириться съ двумя печатными листами голыхъ выписокъ и сухого перечня распоряженій и происшествій. Мы надѣемся всякій разъ найти живое слово въ хроникѣ не потому конечно, чтобы лично знали составителя (мы его совсѣмъ не знаемъ), а потому только, что намъ стало знакомо его честное слово. За то, не зная его и не имѣя къ нему никакихъ личныхъ отношеній, мы готовы принять незлобно сказанную имъ на нашъ счетъ, хотя бы даже и рѣзкую шутку; а о личной враждѣ и личныхъ оскорбленіяхъ здѣсь очевидно не можетъ быть ни слова, ни

помышленія. Самъ составитель, въ своей покаянной замѣткѣ, говоритъ, что онъ «такъ мало сталкивался съ литературными кружками, что не имѣлъ возможности изучить ихъ на столько, чтобы воспылать къ нимъ враждою». Зачѣмъ же онъ вѣрять тому, что кто-нибудь можетъ заподозрить его въ зломъ умыслѣ, враждѣ и расчитанномъ личномъ оскорбленіи? Неужели кто-нибудь въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать, что онъ дошелъ до вражды и даже ненависти за то напрямѣръ, что въ какихъ-то игривыхъ и снѣхотворныхъ стихкахъ упомянуто о какой-то его бывшей фуражкѣ? Воля ваша, если (какъ и слѣдуетъ) не принимать въ расчетъ, что кромѣ литературныхъ, могутъ существовать еще между людьми частныя, домашнія отношенія, съ фуражками, перчатками и другими предметами частной собственности; если сулить только по тому, что является въ печати, то нѣтъ возможности, въ присутствіи здраваго смысла, допустить уродливое предположеніе объ этой враждѣ и ненависти составителя; а человѣку совсѣмъ постороннему и понять тутъ что-нибудь невозможно... Нельзя стало быть не вспомнить при этомъ, что возникаютъ иногда опасенія вслѣдствіе особеннаго предрасположенія къ ложному, призрачному страху, похожему на тотъ страхъ, который порождаетъ звезда съ хвостомъ или явленіе на небѣ огненныхъ столбовъ, предвѣщающихъ войну и неразлучный съ нею рекрутскій наборъ... Кто же напустилъ этотъ страхъ? Какая зловѣщая комета успѣла подѣйствовать на пугливое воображеніе нашей журналистики до такой степени, что она принялась бичевать самое себя за упадокъ правовъ, за недостатокъ братолюбія, сердечнаго согласія и всякихъ мирныхъ добродѣтелей? Не рѣшая этого темнаго вопроса, взглянемъ на себя еще съ другой стороны.

Есть въ насъ еще одно свойство, которое слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что мы... не что-чтобы не созрѣли, а какъ-будто не выработались. Приступая къ какому-нибудь дѣлу, мы тотчасъ увлечемся и накинемся изо всѣхъ силъ; но вслѣдъ затѣмъ заробѣемъ, сконфузимся, начнемъ стыдиться самихъ себя и засмѣемся надъ собственнымъ увлеченіемъ. Что это дескать мы расхотѣлись? что объ насъ скажутъ? не покажется ли это мальчишествомъ? Такъ оно выходитъ вообще; въ частности же конечно бываютъ разные отбѣнны чувства: одинъ напрямѣръ не любитъ, безотчетно не любитъ никакихъ увлеченій и мрачно негодуетъ на нихъ; другой боится увлеченій, считая ихъ опаснымъ дѣломъ; третьему она мѣшаютъ, какъ комары или мухи-кусачки, мѣшаютъ его мирнымъ занятіямъ, стройному теченію его дѣла, и пр. и пр... Прежде напрямѣръ литература наша вообще и журналистика въ особенности долго говори-

ли сквозь зубы, почти не раскрывая рта, и мы жаловались на ихъ вялые и неполныя рѣчи. Потомъ у нихъ развязался языкъ; рѣчи стали живы и игривы, можетъ-быть повремениамъ даже слишкомъ игривы, — и вотъ поднялись жалобы, что слишкомъ много развелось крикуновъ и свистуновъ. Чтѣ же сдѣлали, чтѣмъ повредили эти крикуны и свистуны? Заглушили серьезныя и строгія рѣчи? Или не они ли сгубили сердечное согласіе? Не они ли породили раздоръ и усобицу? Неужели это такъ? Неужели такъ думаютъ Іереміи, оплакивающіе погибшую чистоту журнальныхъ нравовъ?.. О, если такъ, то куда уведутъ насъ подобныя размышленія!.. Нѣтъ! ужь лучше остановиться и повернуть въ сторону...

Сбираясь повернуть въ сторону, оглянемся еще разъ на нашу журналистику и пожелаемъ ей, въ цѣломъ ея составѣ, не различая ни кружковъ, ни лагерей, пожелаемъ ей добраго здоровья и благополучнаго пути, на которомъ она, вопреки злой судьбѣ, нерѣдко карающей наши увлеченія (какъ покарала увлекшуюся акціонерную предприимчивость), не останавливается, не хирѣетъ, а бодро двигается впередъ и ширится. Вотъ и теперь, за полгода впередъ, уже начинаются обѣщанія новостей на будущій 1862 годъ. Гдѣ-то упомянуто напримѣръ, что съ 1 января будетъ издаваться въ Москвѣ новая газета «День», подъ редакціею И. С. Аксакова... Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ исполненія этого обѣщанія! А еще рассказываютъ, что въ Благовѣщенскѣ, въ томъ далекомъ Благовѣщенскѣ, куда однажды мы съ вами, читатель, отправлялись на балъ, на которомъ видѣли выразившеся въ рѣдкой степени стремленіе къ сближенію сословій, въ этомъ Благовѣщенскѣ, также съ 1 января 1862 года, собираются издавать журналъ подъ названіемъ «Другъ Манджуровъ», на русскомъ и манджурскомъ языкахъ. Развѣ это не любопытно? развѣ не весело слушать такія диковинныя вѣсти?.. Очень любопытно и то, о чемъ доводитъ до свѣденія публики «Сынъ Отечества». Еще при самомъ возникновеніи нынѣшняго «Сына Отечества», блаженной памяти баронъ Брамбеусъ отозвался съ большою похвалою о томъ, что журналъ этотъ первый значительно повизилъ цѣну на умъ... Прежде (говорилъ баронъ) товаръ этотъ продавался чуть не на вѣсъ золота, и вдругъ «Сынъ Отечества» предлагаетъ за *четыре съ полтиной* около полутора ста печатныхъ листовъ произведеній ума человѣческаго. Дешево, ужасно дешево!.. Вообразите же, что теперь, при нынѣшней всеобщей дороговизнѣ, онъ же, «Сынъ Отечества», еще дѣлаетъ скидку съ своей цѣны, и какую скидку! Онъ предлагаетъ почти за ту же самую цѣну (шесть рублей съ пересылкой) уже не 150, а ровно 469 листовъ того же товара, т. е. ума (конечно не самаго ума, чтѣ было

бы неправдоподобно, а произведеній его). Цѣна предлагаемыхъ листовъ опредѣляется по слѣдующему расчету: журналъ преобразуется съ 1 января въ ежедневную газету и будетъ давать по одному печатному листу каждый день, не исключая праздниковъ, значить 365 листовъ въ годъ; да при этомъ воскресные номера будутъ въ нынѣшнемъ размѣрѣ, т. е. по три листа: стало-быть въ 52 недѣли выйдетъ прибавки 104 листа, что и составитъ всего 469. Количество большое, и дешевизна въ частномъ предпріятіи у насъ небывалая! Разумѣется, при покупкѣ всякаго товара принимается въ соображеніе и его доброта; но рассчитывать на ухудшеніе своего товара, сравнительно съ нынѣшнимъ, «Сынъ Отечества» никакъ не рѣшится въ виду современной требовательности публики; слѣдовательно надо предположить, что первый опытъ пониженія цѣны оказался для него выгоднымъ; а это-то и важно... Пускай же подвизается «Сынъ Отечества», и пускай множатся потребители его произведеній, въ пику злобствующей на него «Домашней Бесѣдѣ» и для косвеннаго внушенія ей той истины, что злобствовать на ближняго нехорошо и грѣхъ!

Н Е Т Р О Н Ъ М Е Н Я

Нехорошо также некстати обижаться... Обидчивость не принадлежитъ къ числу нашихъ національныхъ недостатковъ, — скорѣй напротивъ; но она существуетъ и у насъ можетъ-быть въ видѣ прививки. У насъ обижаются нерѣдко, обижаются не только за себя, но и за другихъ. Конечно, ужь если обижаться, то лучше обижаться за другихъ, нежели за себя: оно какъ-то благороднѣе, доблестнѣе, только не переходила бы обидчивость черезъ край; а то вѣдь даже всякое достоинство, всякая добродѣтель, переходя черезъ край, перестаютъ быть достоинствомъ и добродѣтелью. Напримѣръ выразительное чтеніе доставляетъ истинное наслаженіе слушателю; но испытывали ли вы впечатлѣніе, которое производитъ излишняя выразительность чтенія? На нашъ слухъ она бываетъ до того невыносима, что не знаешь куда отъ нея дѣваться. Когда намъ приходилось слушать перехватывающаго черезъ край чтеца, то поплъ конецъ мы обыкновенно чувствовали страшную усталость въ лицевыхъ мускулахъ; отчего — Богъ знаетъ; можетъ-быть не отъ напряженнаго ли ожиданія, что вотъ-вотъ утихнетъ, придетъ въ себя? А иногда даже и всѣ члены послѣ были какъ-будто отбитые. Не знаю, всѣ ли испытываютъ то же ощущеніе; но

кажется, вообще на слабыя сложенія подобная операція должна такъ дѣйствовать.

Или вотъ еще другой примѣръ излишества. Согласіе въ семействѣ — конечно вещь рѣдкая и драгоцѣнная; взаимная горячая привязанность между членами большого семейства — явленіе истинно-умилительное. Но посмотрите, что можетъ выйти изъ этого умильтельнаго явленія. Мы знаемъ напримѣръ одно семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ, съ ихъ чадами; всѣ эти братья и сестры любятъ другъ друга до того, что родственная любовь переходитъ у нихъ въ какое-то обожаніе, въ ослѣпляющую страсть. Будьте вы въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ семействомъ и попробуйте въ присутствіи одного изъ членовъ замѣтить какой-нибудь недостатокъ другого члена, или слегка полтрунить надъ нимъ; сдѣлайте это по сущей справедливости и въ видахъ чистаго доброжелательства — все равно: вы уже рискнули сдѣлаться человѣкомъ непріятнымъ для всего семейства. Если же вы обнаружите въ себѣ подобное поползновеніе замѣчать недостатки въ другой и въ третій разъ — конечно! вы дѣлаетесь врагомъ семейства, можетъ-быть даже предметомъ ненависти всѣхъ его членовъ. Не говорите потомъ о вашей благодти, о вашемъ доброжелательствѣ и благихъ побужденіяхъ: о благодти думать не будутъ, ея и въ расчетъ не примутъ; къ вамъ будутъ чувствовать антипатію безотчетную; въ каждой вашей улыбкѣ будутъ видѣть насмѣшку, въ каждомъ взглядѣ — намѣреніе осудить, въ каждомъ жестѣ — оскорбительное презрѣніе, и вы не будете знать, куда дѣваться съ вашими улыбками, взглядами и жестами; опустите руку, потупьте глаза, приведите вашу физиономію въ самое безобидное и безгрѣшное положеніе, и со смиреніемъ ожидайте, когда утихнетъ волненіе крови въ жилахъ членовъ почтеннаго семейства... Между тѣмъ мы говоримъ о семействѣ достойномъ во многихъ отношеніяхъ, о людяхъ съ свѣтлымъ умомъ и живыми сердечными движеніями. Что же это такое? Это тоже роль болѣзненной обидчивости за близкихъ сердцу людей.

На всѣ эти размышленія и на воспоминаніе о любящемъ семействѣ навелъ насъ г. С. Дружниковъ, что изъ Нижняго-Новгорода, сильно обидѣвшійся за одного духовно-родственнаго ему человѣка, и вслѣдствіе того вознегодовавшій на г. Н. Иванисова 2-го, что изъ Звенигорода, который, г. Иванисовъ, оскорбилъ будто бы память того человѣка своимъ недостойнымъ воспоминаніемъ. Дѣло идетъ о Бѣлинскомъ, который, какъ извѣстно, былъ родомъ изъ пензенской губерніи, откуда, какъ оказывается, происходитъ и проживающій нынѣ въ Звенигородѣ г. Иванисовъ. Г. Иванисовъ

написалъ и помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» небольшое, не занявшее и одного столбца воспоминаваніе о Бѣлинскомъ, относящееся къ дѣтству какъ Бѣлинскаго, такъ безъ сомнѣнія и самого г. Иванисова. Это—то воспоминаваніе и возмутило г. Дружинова, который въ «Спб. Вѣдомостяхъ» восклицаетъ: «Скажите ради Бога, что это такое? Балаганная шутка, имѣющая цѣлю бросить кусочекъ грязи въ дорогое для каждаго порядочнаго человѣка имя, — или просто звенигородская *чепуха*, помѣщенная христа-ради въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» для увеселенія читателей?» — «Съ величайшимъ вниманіемъ (говорить въ другомъ мѣстѣ г. Дружиновъ) читали мы нѣсколько разъ это воспоминаваніе звенигородскаго публициста и никакъ не могли понять, для чего и для кого оно написано г. Иванисовымъ, и тѣмъ болѣе для чего *ученая редація* «Московскихъ Вѣдомостей» напечатала его.»

Испуганные этими восклицаніями за дорогую память Бѣлинскаго, мы устремились, по указанію г. Дружинова, въ 135 № «Московскихъ Вѣдомостей», прочли тамъ крошечную статейку г. Иванисова и изумились, отчего она не произвела на насъ никакого возмущающаго дѣйствія. Вотъ что заключается въ этой статейкѣ:

Что такъ какъ родъ Бѣлинскаго происходитъ изъ села *Бѣлины*, то и фамилію его надо произносить Бѣльинскій или Бѣлынскій, — какъ его и называли всѣ въ Пензѣ; но Бѣлинскій, по пріѣздѣ въ Москву, неизвѣстно почему, настоялъ, чтобъ его называли Бѣлинскимъ.

Что въ Пензѣ Бѣлинскій жилъ въ большой бѣдности; зимой ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасные боченки. «Но (замѣчаетъ г. Иванисовъ) *бѣдность и лишения не всегда убиваютъ дарованія!*»

Что Бѣлинскій былъ тогда необразованъ (будучи ребенкомъ—то) и не имѣлъ понятія о лучшихъ писателяхъ; спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хераскова, восхищался романами Радклифъ и изъ дома отца г. Иванисова впервые получалъ для чтенія романы Вальтеръ-Скотта, въ русскомъ переводѣ; страстно любилъ театральныя зрѣлища и часто посѣщалъ пензенскій театръ, который содержалъ тогда помѣщикъ Гладковъ и гдѣ актеры и актрисы были — его крѣпостные люди, большею частью пьяницы. «Какъ Бѣлинскій былъ *простъ* въ то время (рассказываетъ г. Иванисовъ), показываетъ слѣдующее обстоятельство. Когда онъ пришолъ въ нашъ домъ, то братья мои принесли ему нѣсколько романовъ Радклифъ. Одинъ изъ этихъ романовъ былъ съ картинкой, которая представляла подземелье съ кучей костей.

Кто-то изъ насъ спросилъ у другого о романѣ съ картинкой: каковъ онъ, хорошъ ли? Бѣлинскій, не дождавшись отвѣта, вскричалъ: «Разумѣется, хорошъ: видишь — кости!»

Что Бѣлинскій былъ задорный спорщикъ, и г. Иванисовъ всякій разъ, когда встрѣчалъ его у знакомыхъ, заставлялъ его за жаркимъ споромъ; что наконецъ онъ не ужился въ университетѣ, потому что посѣщалъ лекціи только тѣхъ профессоровъ, которые ему нравились.

Статьку свою г. Иванисовъ заключаетъ слѣдующими словами, взятыми уже не изъ его собственныхъ воспоминаній, а прибавленными такъ, вѣроятно для округленія періода: «Извѣстно, что онъ (Бѣлинскій) былъ потомъ сотрудникомъ редакторовъ разныхъ журналовъ. Какъ видно, онъ получалъ мало за свои труды, а трудился слишкомъ много для своего здоровья»...

Г. Дружинову *кажется*, что г. Иванисовъ все — и бѣдность, и дѣтскую неразвитость, и задорную спорливость — все это ставить въ вину Бѣлинскому... Вотъ это-то и есть та болѣзненная обидчивость, которую страдаетъ и знакомое намъ любящее семейство!.. «Впрочемъ (прибавляетъ самъ г. Дружиновъ о г. Иванисовѣ) Богъ его знаетъ, можетъ-быть онъ стряпалъ свое воспоминаніе такъ-себѣ, отъ простоты душевной, безъ всякой задней мысли».. Да конечно такъ! Неужели г. Дружиновъ, прочитавшій нѣсколько разъ «съ величайшимъ вниманіемъ» статью г. Иванисова, не замѣтилъ въ ней той наивности, которая именно отзывается душевной простотой, неспособной никого серьезно обидѣть? Правда, что даже и не читая нѣсколько разъ статьи г. Иванисова, а пробѣжавъ ее одинъ разъ и обративъ только вниманіе на первыя и послѣднія ея строки, легко можно догадаться, что г. Иванисовъ не знаетъ хорошенько значенія Бѣлинскаго для русской литературы и не можетъ опредѣлить мѣста, какое онъ занимаетъ въ ряду русскихъ писателей. Вѣроятно, читая журналы, онъ увидѣлъ, что о Бѣлинскомъ много пишутъ, заключилъ изъ этого, что онъ человѣкъ замѣчательный, вспомнилъ, что въ дѣтствѣ зналъ его лично, и счелъ долгомъ довести до общаго свѣденія о томъ, что помнить и знаетъ. Вотъ и все! Началъ онъ такъ: «Извѣстный Бѣлинскій былъ родомъ и пр. А окончилъ: «Извѣстно, что онъ потомъ былъ сотрудникомъ разныхъ» и пр. Вотъ уже по этому приступу и этому заключенію можно догадаться, въ какой степени г. Иванисовъ знакомъ съ Бѣлинскимъ какъ съ писателемъ, какъ съ критикомъ. Стало бытъ требовать отъ него многого нельзя, но и сердиться на него тоже нельзя.

Что же возмутило г. Дружинова? То, что рассказывают о нагольном тулупѣ и квасныхъ боченкахъ, о *необразованности* мальчика-Бѣлинскаго и его дѣтской спорливости? Да вѣдь все это правдоподобно и характерно, и никакой тѣни, не только грязи, на память Бѣлинскаго не бросаетъ. Ну, вообразите, что кто-нибудь написалъ, что Бѣлинскій, будучи десяти или двѣнадцати лѣтъ, всегда ходилъ въ изящной курткѣ, съ батистовыми воротничками, а зимой въ шинелькѣ съ бобровымъ воротникомъ; что въ такомъ возрастѣ онъ уже зналъ *наизусть* имена и произведенія лучшихъ русскихъ и французскихъ писателей, и отвѣчалъ безъ запинки объ ихъ достоинствахъ по запискамъ своего учителя или гувернера; что въ гимназію пріѣзжалъ онъ всегда въ сопровожденіи стараго дядьки, былъ благонаравнѣйшимъ мальчикомъ, никогда не вступалъ въ споръ о томъ, чего не читалъ въ своихъ тетрадкахъ и не слышалъ ни отъ папеньки, ни отъ учителя и гувернера, а съ семинаристами и вообще съ мало образованнымъ людемъ совѣмъ не знался... Вѣдь все это такія пріятныя свѣденія, которыя казалось бы ничьей памяти оскорбить не могутъ; а между тѣмъ, если бы вы вспомнили, что это рассказывается о Виссаріонѣ Григорьичѣ Бѣлинскомъ, то вамъ непремѣнно сдѣлалось бы неловко. Во-первыхъ, вы бы такому разсказу не вдругъ и повѣрили, а если бы повѣрили, то непріятно было бы вамъ знать, что изъ такой тепличной атмосферы, изъ такой молочной закваски вышелъ такой человекъ, какъ Бѣлинскій.

Г. Дружиновъ разсуждаетъ такъ: «Всѣ знаютъ, что бѣдные люди не могутъ носить опойковыхъ сапоговъ, и потому довольствуются выростковыми; знаютъ также, что никакой бѣдакъ не можетъ купить шинели съ бобровымъ воротникомъ, и потому носить нагольный тулупъ и проч., и проч., и проч. Все это совершенно справедливо, но только къ воспоминаніямъ о писателѣ несколько не относится»...

Какъ не относится? Да мы желаемъ знать исторію развитія писателя, исторію развитія его личнаго характера и его взглядовъ на жизнь; а между тѣмъ бѣдность бѣдности рознь. Разные бываютъ виды бѣдности, и не всѣ эти виды одинаково отражаются на человекѣ, оставляютъ одинаковыя въ его душѣ впечатлѣнія. Если вамъ говорить о человекѣ, что онъ въ дѣтствѣ былъ очень бѣденъ, то какъ-будто тотчасъ уже и рисуются передъ вами непремѣнно нагольный тулупъ и квасныя боченки? Бѣдность можетъ представить вашему воображенію безыменное рубище, суму и просительное письмо въ тощей, дрожащей рученкѣ; или холодный и голодный уголь и озлобленныхъ нищетою родителей; или сиротство и чужой кусокъ, бросаемый съ попрекомъ. Все это бѣдность страдальческая.

Но можетъ быть и такая бѣдность, отъ которой не пострадаютъ нравственныя и физическія силы ребенка, которая пронесется надъ его головой, незамѣтно для него самого, такъ что онъ не погнется, не ощутитъ на себѣ вліянія ея разрушительнаго дыханія, а только освѣжится подъ дуновеніемъ ея холодныхъ крыльевъ. Среди такой бѣдности еще можно читать романы Радкливъ и спорить съ семинаристами, забывая думать о томъ, что носишь нагольный тулупъ и сидишь на квасномъ боченкѣ.

«Для чего и для кого писано воспоминаніе г. Иванисова и для чего *ученая* редакція напечатала его?»

Для васъ, г. Дружиновъ, и для насъ также... Неужели вы, любя и уважая писателя, не пожелали бы узнать его коротко, какъ человѣкъ? А если вы не можете надѣяться лично встрѣтить когда-нибудь этого писателя, потому что его уже нѣтъ на свѣтѣ, то откуда же вы его узнаете, какъ не изъ полной, совершеннѣйшей біографіи, такой, какихъ у насъ почти еще нѣтъ и какія создаются изъ множества разныхъ, преимущественно личныхъ и непосредственныхъ воспоминаній, въ числѣ которыхъ пусть будутъ и такія, какое сострѣпалъ въ Звенигородѣ г. Иванисовъ? Если бы всѣ товарищи пензенскаго дѣтства Бѣлинскаго поступили точно такъ, какъ поступилъ г. Иванисовъ — записали бы и напечатали все что они помнятъ о Бѣлинскомъ, всѣ его споры, всѣ мягкія черты его дѣтскаго характера и дѣтской *необразованности*; если бы и всѣ товарищи его московской студентской жизни сдѣлали бы тоже, — какъ вы думаете, хорошо ли бы это было? Можетъ-быть конечно, что въ этихъ воспоминаніяхъ много было бы смѣшного, мелочнаго, ничтожнаго; но мы не пренебрегли бы ничѣмъ, и за то имѣли бы полнѣйшую исторію внутренняго развитія Бѣлинскаго, опредѣлившую и его личный характеръ, и характеръ его послѣдующей дѣятельности. Г. Иванисовъ мало сказалъ интереснаго; но вѣдь можно упрекать напримѣръ г. Панаева за то, что онъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ не собралъ ничего достаточно крупнаго, достойнаго тѣхъ личностей, съ которыми онъ сходилъ въ то время, когда и самъ уже былъ литераторомъ, и они были въ полномъ расцвѣтѣ своихъ талантовъ; а г. Иванисовъ разсказалъ кое-что о ребенкѣ и о томъ времени, когда онъ самъ вѣроятно былъ ребенкомъ; такъ почему же и воспоминанію его не быть воспоминаніемъ дѣтскимъ? Не мѣшайте же ему вспоминать!.. Да, г. Дружиновъ, если вы истинно любите память Бѣлинскаго или другого достопамятнаго человѣка, то никому не мѣшайте разсказывать вамъ о нихъ, особенно людямъ, лично ихъ знавшимъ. Пусть и дѣти лепечутъ, слушайте и ихъ дѣтскій лепетъ; и онъ можетъ пригодиться вамъ,

Т. IV. — Отд. IV.

когда вы хотите составить себѣ полное и отчетливое понятіе о дорогой вамъ личности. Пусть даже кто-нибудь и неблагопріятно взглянетъ на эту личность, — слушайте и не обижайтесь, если не имѣете данныхъ опровергнуть показаніе, какъ ложь и клевету: намъ нуженъ не панегирикъ, а исторія человѣка. Но г. Ивансовъ не клеветалъ; въ его воспоминаніи слышится только дѣтскій лепетъ. Чтожь? Тѣмъ больше чистосердечія, больше простоты и — правды. Между тѣмъ посмотрите: этотъ маленькій спорщикъ, дѣлающій поспѣшное заключеніе о романѣ Радклифъ по картинкѣ, изображающей кости, уже не остается для васъ отвлеченной фигурой бѣднаго мальчика, а становится чѣмъ-то осязаемымъ, рельефнымъ образомъ, живымъ человѣкомъ...

Еще разъ: не пренебрегайте мелкими чертами; онѣ, собравшись во множествѣ, могутъ сами собою, безъ всякаго съ вашей стороны напряженія, изобразить вамъ живого человѣка, и онъ будетъ вамъ знакомъ, и вы поймете во всей глубинѣ его душу, узнаете все существо его... Положимъ, незнакомый вамъ человѣкъ, случайно почувствовавъ къ вамъ довѣріе, или такъ, по свойству собственной откровенности, разговорится вамъ о своемъ житъ-бытьѣ, простомъ, убогомъ, обыденномъ; онъ будетъ говорить о вещахъ, повидимому совершенно пустыхъ, ничего не значащихъ; но не прерывайте его, и посмотрите, какъ съ каждымъ словомъ будутъ выясняться предъ вами и его житъ-бытьѣ, со всею обстановкой этого житъ, и самъ онъ онъ, со всѣми тончайшими оттѣнками его характера... Пишущему эти строки случилось недавно ѣхать по желѣзной дорогѣ въ вагонѣ третьяго класса и имѣть сосѣдями одного молодого парня изъ-подъ Клина, да одну молодую женщину изъ-подъ Костромы. Ему... т. е. мнѣ, пришлось сидѣть у окна, а сосѣдямъ момъ хотѣлось иногда посмотрѣть на окрестности, полюбоваться обгорѣвшими въ прошлогодній лѣсной пожаръ сосенками, или иными не менѣе веселыми и привлекательными видами, — и вотъ они, безъ спросу, поочередно ложились локтями ко мнѣ на колѣни и смотрѣли на окрестности. Я не препятствовалъ имъ въ этомъ; я молча предоставилъ мои колѣни въ ихъ полное распоряженіе, и они, должно-быть почувствовавъ угрызеніе совѣсти, или просто въ видѣ платы за пользованіе колѣнями, нагнали меня безконечными разказами о себѣ и о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Особенно женщина изъ-подъ Костромы оказалась щедрою на эту плату. Отъ нея узналъ я все: — и о томъ, какой у ней былъ строгій свекоръ, и какъ онъ любилъ, чтобы былъ порядокъ въ домѣ и чтобы всего было вдоволь за столомъ, и что они ѣли и что пили при свекрѣ, и какъ живетъ она теперь, безъ свекра. А живетъ она

такъ, какъ я не воображалъ, чтобъ жили наши сельскіе обыватели: живетъ она въ селѣ, расположенномъ на берегу Волги, одна въ домѣ, съ пятерыми малыи дѣтьми, а мужъ ея находится въ Питерѣ, торговлей занимается, къ ней пріѣзжаетъ передъ великимъ постомъ, мѣсяца на два; а теперь она ѣдетъ къ нему на свиданіе... И живетъ она на всемъ покупномъ: ни хлѣба, ни овощей—ничего нѣтъ своего; даже воду съ Волги возятъ ей за мѣсячную плату.

— Что же дѣлаешь ты дома?

— Какъ что? Ну, въ домѣ приберешь, за дѣтьми присмотришь, чайку разокъ другой-третій напьешься, день-то и пройдетъ.. У меня дядя тоже былъ — умеръ; богатый былъ человекъ, капиталу оставилъ тысячу двадцать. Остались сынъ да дочь; сынъ-то выпелъ безчастный: параличъ его расшибъ; одна рука не владѣетъ, работать ничего не можетъ; только сидитъ да на счетахъ кладетъ: охоту такую имѣетъ — все сидитъ да выкладываетъ, все щелкаетъ на счетахъ. Дочь—невѣста, еще дѣвушка; женихъ сватался, да очень много приданого просилъ, не сошлись...

— Сколько же просилъ приданого?

— Да просилъ онъ, я вамъ скажу, восемь салоновъ, да четыре бунуса теплыхъ, да два холодныхъ, да платье бархатное, да атласныхъ, да шолковыхъ, да...

— Постой, постой!.. Восемь салоновъ, говоришь?

— Восемь салоновъ.

— Куда же такое множество вдругъ?

— Ну такъ! Говоритъ, чтобы одежи было много. Капиталу, говоритъ, мнѣ пожалуй не надо: капиталъ у меня есть свой; а чтобы одежи было много.

— Да все же — восемь салоновъ!... Вѣдь это больше, чѣмъ на всю жизнь. Пока она носятъ два салона, остальные моль съѣстъ.

— Пускай съѣстъ, а все-таки чтобы много было одежи.

— Кто же былъ этотъ женихъ? купецъ?

— Нѣтъ, тоже изъ нашихъ.

Это значить бывший крѣпостной, а теперь временно-обязанный крестьянинъ.

— А вотъ я выходила, примолвила сосѣдка, такъ за мной ничего не просили. Батюшка былъ тоже богатый, а не просили ничего.

— Отчего же такъ?

— Ну такъ! Былъ бы, говорятъ, человекъ...

Сосѣдка улыбнулась и потупилась. Надо замѣтить, что она очень недурна собой.

— Экая эта дорога! говоритъ между тѣмъ сосѣдъ изъ-подъ Клина, плотно налегая на мои колѣни и выглядывая въ окно вагона: — чего стоить вся эта дорога?

— Вся-то дорога стоить, говорятъ, больше ста миліоновъ.

— Господи! восклицаетъ сосѣдка, — какая куча денегъ! А что народу разорила эта дорога!

— Кого же она разорила?

— Да кого! Мало ли тутъ народу извозомъ занимались; что они теперь дѣлають? всѣ обѣдали.

— Полно, матушка! У насъ много дѣла, были бы руки! Ужъ вѣрно давно другой промыселъ нашли.

— Да! поди, нашли! Вотъ у насъ по Волгѣ тоже теперь машина ходить, — сколько она горя надѣлала! У насъ на селѣ много было расшивщиковъ; расшивы свои имѣли, хлѣбъ возили. Какіе были богатые дома! Теперь всѣ обѣдали.

— Чтожь они ничѣмъ другимъ не займутся?

— Занимаются кое-чѣмъ по мелочи, да ужъ все не то; рыбу стали было иные ловить, — и рыбу-то всю машина разогнала!

— Какъ разогнала?

— Такъ и разогнала: вѣдь она вонъ идетъ, хлопаетъ, по волѣ-то шумъ такой! Ну, рыба вытаращитъ глаза, да и бѣжитъ какъ полуумная, сама не знаетъ куда, — вся убѣжала. Бывало у насъ стерлядокъ много ловили; а теперь почти-что совсѣмъ нѣтъ... Теперь ужъ совсѣмъ другое. Бывало встанешь ранехонько, взглянешь — на Волгѣ-то стонъ стоитъ: расшивы идутъ; что тутъ народу работасть — видимо-невидимо! И цѣлый божій день такъ-то; а теперь все тихо!

— Что же это? развѣ меньше хлѣба везуть? дѣлаю я наивный вопросъ.

— Нѣтъ, не меньше; да вѣдь она идетъ, машина-то, тащить за собой сколько барокъ, а гдѣ-гдѣ человекъ виденъ; пройдетъ себѣ въ минуточку, и опять все тихо да пусто. Такъ, право, даже скучно.

— Послушай однако, голубушка: вѣдь съ машиной, сама видишь, меньше труда, меньше возни...

— Конечно меньше.

— Ну, стало быть легче, стало быть лучше?..

— Да оно лучше тому, у кого машина: онъ богатъ, завелъ себѣ машину и беретъ большіе барыши; а бѣднымъ-то какво! Вѣдь бывало расшива-то станеть — что тутъ надо народу! Изъ нашего села иной бывало три-четыре дня поработасть, — рублей пятьдесятъ и получить...

— О-го! А каково-то было хозяйну! Во что ему-то эта работка обходилась?

— Ну, ужь конечно обходилась недешево.

— Такъ вѣдь все это падало на хлѣбъ; хлѣбъ оттого становился дороже; а съ машиной стало-быть хлѣбъ долженъ сдѣлаться дешевле...

— Да! а вотъ онъ не сталъ же дешевле-то!

Тутъ пришолъ конецъ нашему разсужденію. Сосѣдка поставила меня въ тупикъ: я чувствовалъ, что не могу объяснить ей убѣдительною образомъ причину, почему и при существованіи машины хлѣбъ не сдѣлался дешевле. И осталась она, моя смазливая сосѣдка, въ томъ печальномъ убѣжденіи, что машина — вещь недобрая, по крайней мѣрѣ для ихъ приволжскаго села. Грустно, да чтоже дѣлать!.. Конечно тутъ тоже своего рода *нетронь меня*; машина рыбу разогнала, да отняла легкую добычу у тѣхъ расчетливыхъ мужичковъ; которые можетъ-быть прежде по цѣлымъ днямъ сидѣли на бережку, сложа руки да поджидая, не стаетъ ли распива, чтобы вдругъ въ три-четыре дня взять пятьдесятъ рублей... Другой сельскій обыватель, съ которымъ пришлось мнѣ вмѣстѣ сидѣть на пристани, поджидая прибытія парохода, разсуждалъ совсѣмъ иначе о пароходахъ и желѣзной дорогѣ: онъ говорилъ, что они доставляютъ ему большое удовольствіе. Но — объ этомъ какъ-нибудь послѣ, если случится къ слову.

Мы увлеклись собственными недавними воспоминаніями и очень далеко отбѣгли отъ темы о припадкахъ болѣзненной обидчивости, темы, съ которой впрочемъ кажется можно уже и покончить.

САМЫЕ ПРОСТЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА САМОЕ ВОЛЬНОЕ МѢСТО НАШИХЪ ДОМАШНИХЪ ДѢЛЪ

Что мы легко пугаемся собственной прыти и скоро начинаемъ стыдиться собственныхъ увлеченій, это можно замѣтить во многомъ. Мы какъ-будто похожи на новичка въ публикѣ, который шагнетъ, да и оглядывается съ робкой улыбкой на незнакомыхъ людей, желая знать, какъ на него смотреть и такъ ли онъ шагнулъ... Поднимается какой-нибудь свѣжій вопросъ; предметъ его половъ современнаго интереса и задѣваетъ за живое всѣхъ или очень многихъ. Все читающее и пишущее тотчасъ принимается за вопросъ, накидывается на него. Между тѣмъ въ числѣ читателей нахо-

дятся такіе, до которыхъ онъ непосредственно не касается, и они слушаютъ толки о немъ, какъ говорится, однимъ краемъ уха. Находятся и такіе, до которыхъ онъ касается прямо и можетъ-быть съ болью; эти слушаютъ толки съ участіемъ, жадно слѣдятъ за разработкой вопроса, или съ нетерпѣніемъ ждутъ разрѣшенія возникшаго недоумѣнія. Находится наконецъ третій родъ читателей, въ которыхъ по предмету затѣявшагося вопроса поднимаются собственныя размышленія; этимъ безпокойнымъ читателямъ уже тяжело и невозможно кажется остановиться на полупутѣ; они непремѣнно хотятъ довести свои размышленія до конца, до полного разъясненія дѣла. И вотъ, въ то время когда эти заинтересованные не видятъ еще за собой и половины пути, ведущаго ихъ къ желанной цѣли, — уже начинаютъ они слышать оговорки въ родѣ слѣдующихъ: «всѣ дескать говорятъ и пишутъ объ этомъ предметѣ; говорить о немъ сдѣлалось модой; мы не будемъ распространяться о немъ, потому что боимся наскучить читателямъ, мы только такъ, мимоходомъ, слова два, — извините пожалуйста!» и проч. И заинтересованный читатель поднимаетъ брови, недоумѣваетъ и спрашиваетъ: въ чемъ они извиняются? Я хочу слушать и жду, не скажутъ ли чего новаго, а они извиняются! Да вы говорите только дѣло, а не пустяки, такъ и извиняться не въ чемъ будетъ...

Въ число такихъ, возбуждающихъ литературную стыдливость предметовъ кажется, скоро попадетъ еще далеко не утратившій своего жизненнаго интереса вопросъ о существующемъ у насъ безденежьи и тѣсно связанномъ съ нимъ промышленномъ застоѣ. По крайней мѣрѣ первые симптомы такой стыдливости, обнаружившіеся по поводу этого вопроса, мы уже видѣли: гдѣ-то встрѣтилось уже намъ нѣчто въ родѣ сказанныхъ оговорокъ и извиненій, за которыми однако слѣдовало разсужденіе, только несказавшее ничего новаго. Но если бы эти вѣжливые, такъ любезно извиняющіеся господа послушали тѣхъ, кого уже стиснули обстоятельства, порождаемыя настоящимъ экономическимъ положеніемъ, у нихъ вѣрно не пошевелился бы языкъ произнести слово: мода, о такомъ явленіи, въ которомъ кружатся люди какъ въ водоворотѣ и начинаютъ теряться, не зная, за что ухватиться и какъ выплыть изъ этого водоворота. Не говоря о людяхъ, ведущихъ большія промышленныя и коммерческія дѣла, положеніе которыхъ, какъ слышно, начинаетъ повременамъ принимать трагическій характеръ, — посмотрите, въ какомъ настроеніи духа пребываетъ большинство мелкихъ собственниковъ. Мы знаемъ такихъ, которые, имѣя денежный капиталецъ, рѣшительно не знаютъ, куда съ нимъ дѣваться; знаемъ и такихъ, которые, не имѣя денежнаго капитала, но обладая недви-

жностью, напримѣръ землю, не знаютъ, что съ нею дѣлать. Кажалось бы, ничего нѣтъ легче, какъ имъ взаимно помочь другъ другу: имѣющій капиталъ вручилъ бы его тому, кто обладаетъ недвижностью, чтобы тотъ приложилъ къ ней капиталъ и платилъ бы на него проценты. Но это легко только на словахъ и на бумагѣ; на дѣлѣ же столько слышится съ обѣихъ сторонъ возраженій, и столько затрудненій находятъ они, что въ результатѣ остается одна невозможность. Незвѣстность будущаго и происходящія оттого недвѣріе, опасенія, панической страхъ — это уже не исключительныя явленія, а повальный недугъ, по крайней мѣрѣ среди людей, не проникающихъ во всю глубину и во всѣ тайны экономическихъ законовъ и смиренно ожидающихъ спасенія отъ знатоковъ этихъ законовъ. Что будетъ съ цѣнами на землю? что будетъ съ цѣнами на трудъ? что будетъ съ цѣнностью монетныхъ знаковъ? — обо всемъ этомъ недоумѣваютъ и ничего разрѣшить или предусмотрѣть не умѣютъ люди, которые не догадались заранѣе сдѣлаться глубокими экономистами и давно упустили время учиться. Они теперь умѣютъ только бояться, теряться и терять всякую охоту къ какому-нибудь рѣшительному дѣйствию...

Мы еще не уснѣли надлежащимъ образомъ усвоить взгляды новѣйшихъ философовъ, отвергающихъ исторію, а потому вѣруемъ пока, что всякое будущее непременно должно прямо и логически вытекать изъ настоящаго, ибо иначе и истечь ему не изъ чего. Наше будущее для нашихъ темныхъ людей должно-быть совсѣмъ неизвѣстно, потому что въ настоящемъ-то многое ими не создано и не понято. Многія изъ послѣднихъ преобразованій даже людьми, съ виду образованными, не всегда хорошо понимаются, а о простыхъ людяхъ и говорить нечего: имъ они почти или вовсе неизвѣстны. Самое положеніе 19-го февраля — какъ оно дурно было понято вначалѣ, это уже показали факты; но и до сихъ поръ самыя коренныя основанія этого положенія до того темны простымъ людямъ, что размышленія ихъ объ этомъ дѣлѣ доходятъ иногда до смѣшнаго. Разговариваетъ напримѣръ государственный крестьянинъ съ мелкопомѣстнымъ дворяниномъ:

— Что, батюшка? спрашиваетъ онъ, когда крестьяне-то ваши будутъ ужъ совсѣмъ вольные, — какъ же вамъ-то? жалованье чтоли положить?

— Что ты, Богъ съ тобой! Какое жалованье! Вѣдь я буду получать отъ крестьянъ оброкъ за землю, которую имъ отдаю; ну, и своей землей, что у меня остается, буду какъ-нибудь распорядиться.

— Долго ли же они вамъ будутъ оброкъ-то платить?

- До тѣхъ поръ, пока не выкупятъ землю.
- А если не выкупятъ?
- Ну, такъ будутъ платить оброкъ.
- Такъ все и будутъ платить?
- Да.

Мужичекъ качнулъ головой и видимо остался въ недоумѣніи.

Такъ размышляютъ простые люди и недоумѣваютъ; надъ ними мелкіе собственники недоумѣваютъ о судьбѣ своей собственности: дагѣ — крупныя промышленники недоумѣваютъ объ участи своихъ промышленныхъ дѣлъ, и наконецъ, едва ли не впадаютъ въ недоумѣніе сами глубокіе экономисты: по крайней мѣрѣ читая всѣхъ ихъ и внимая всѣмъ ихъ разнообразнымъ взглядамъ, очень немудрено придти въ положеніе недоумѣвающего... Всѣ недоумѣваютъ, каждый по своему и каждый въ своемъ кругѣ дѣлъ и взглядовъ...

Въ июньской книжкѣ «Вѣстника Промышленности», безъ всякихъ оговорокъ и извиненій, прямо и безцеремонно объясняютъ, что «ездѣ слышенъ одинъ голосъ — жалобы на безденежье; на фабрикахъ или уменьшаютъ работу, или совершенно ее оставляютъ на лѣто, или владѣльцы фабрикъ ищутъ возможности сдать ихъ въ арендное содержаніе...»

Въ той же книжкѣ, другая статья гласитъ такъ: «почти уже годъ прошолъ съ преобразованія коммерческаго банка, отъ котораго такъ много ожидали, но кризисъ не только что не прекратился, а напротивъ усилился: обороты ставаются день ото дня труднѣе, частныя учетныя проценты выше и банкротства чаще...» «Что недостатокъ въ деньгахъ составляетъ характеристическую черту послѣдняго времени, это неоспоримый фактъ. Въ настоящее время ни на что нѣтъ цѣны, кромѣ какъ на деньги: ни земли, ни лѣса, ни заводы, ни фабрики, — ничего не стоятъ; объ акціяхъ акціонерныхъ обществъ нечего и говорить. Намъ скажутъ, что настоящій кризисъ происходитъ отъ недостатка не въ деньгахъ, а въ капиталахъ вообще: но вѣдь земли, лѣса, заводы, государственныя облигаціи — это также капиталы; если они продаются дешево, даже за безцѣнокъ, то нельзя не придти къ заключенію, что въ этомъ родѣ капитала недостатка нѣтъ. А такъ какъ напротивъ деньги теперь чрезвычайно дороги, и чтобы добыть ихъ, необходимо другіе капиталы пролавать за безцѣнокъ, то отсюда безспорно слѣдуетъ, что въ настоящемъ положеніи нашей торговли у насъ денегъ слишкомъ мало, и что мы не имѣемъ средствъ производить безъ затрудненія наши торговые и промышленныя обороты. Единственное доказательство, на которомъ основываются всѣ, не хотящіе признавать существую

щого у насъ крайняго недостатка въ деньгахъ , это дороговизна, т. е. высокая денежная цѣна на работы и въкоторые предметы первой необходимости, какъ-то : на хлѣбъ , мясо и тому подобное ; но такъ какъ это дороговизна (какъ выше сказано) не распространяется на другіе виды капитала , то и должно считать ее не общимъ , а частнымъ явленіемъ , происходящимъ отъ какихъ-нибудь причинъ , вслѣдствіе которыхъ отношеніе между предложеніемъ и требованіемъ на рабочія руки и предметы первой необходимости измѣнилось еще болѣе отношенія между предложеніемъ и требованіемъ денегъ. Такъ напримѣръ система ежегодныхъ рекрутскихъ наборовъ , введенная у насъ съ тридцатыхъ годовъ , должна была имѣть значительное вліяніе на уменьшеніе рабочихъ рукъ соразмѣрно съ остальною частию народа , ибо для арміи выбирается цвѣтъ народонаселенія. Последняя война потребовала еще нѣсколько сотъ тысячъ человекъ , изъ которыхъ многіе не возвратились домой. Наконецъ множество новыхъ предпріятій и въ особенности устройство желѣзныхъ дорогъ потребовали и продолжаютъ требовать огромное число работниковъ. Вслѣдствіе этого земледѣліе могло упасть, если не относительно пространства , то относительно обработки полей, и потому производство хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости могло значительно уменьшиться и обходиться дороже.

«Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что въ нашихъ южныхъ губерніяхъ во время войны погибло огромное количество рогатаго скота, а что съ тѣхъ поръ у насъ было почти повсемѣстно два хлѣбныхъ неурожая ; при возвышеніи же цѣвъ на съѣстные припасы очень естественно , что и цѣны на всѣ другіе предметы должны были повыситься, ибо содержаніе рабочихъ стоило дороже. Наконецъ должно сказать , что прежнія цѣны на работы и предметы первой необходимости были далеко не нормальныя, а напротивъ такъ низки , что не вознаграждали труда. Намъ кажется , что такимъ образомъ гораздо удовлетворительнѣе объяснится возвышеніе денежной цѣны припасовъ , разныхъ ремесленныхъ товаровъ и задѣльной платы , нежели предположеніемъ извѣщества денежныхъ знаковъ , которое несогласно со многими другими обстоятельствами, столь же неоспоримыми, какъ и самая дороговизна.»

Могло быть такъ , говоритъ авторъ. Разумѣется могло быть такъ и хотя было можетъ-быть немного и иначе , но все же это объясненіе весьма удобоваримое , и на немъ могутъ сколько-нибудь отвѣсти душу и на минуту успокоиться люди, страдающіе отъ нашей дороговизны на жизненные потребности; потомучто, знаете, если видишь, откуда и по какой причинѣ послѣдовалъ ударъ, то хоть оно все такъ же больно, но не такъ досадно.

Послѣ этихъ соображеній, авторъ статьи обращается къ финансовымъ мѣрамъ послѣднихъ лѣтъ и выводитъ, что въ кредитныхъ билетахъ былъ излишекъ въ то время, когда въ публикѣ было билетовъ ломбардныхъ и другихъ банковъ на 845 мил., которые обращались въ деньги по востребованію, а отчасти даже ходили вмѣсто денегъ. Но когда, съ пониженіемъ банковыхъ процентовъ, при начавшейся акціонерной горячкѣ, изъ этихъ 845 мил. осталось только около 78 мил., а остальные 767 мил. пошла на утоленіе горячки, то кредитныхъ-то билетовъ и стало недостаточно... Вы уже видите конечно, къ чему направляется авторъ? Онъ направляется къ рѣшительному заключенію о необходимости новаго выпуска монетныхъ знаковъ, именно: не довыпущенныхъ, противъ обѣщанія, металлическихъ 4% билетовъ, и даже пожалуй безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ на 50 миліоновъ, не боясь и того, что затѣмъ могъ бы временно понизиться вексельный курсъ, что впрочемъ, по его мнѣнію, есть средства предотвратить. Онъ не боится новаго выпуска, хотя бы даже и безпроцентныхъ бумажныхъ знаковъ, «ибо и безпроцентные выпуски опасны только тогда, когда они дѣлаются для удовлетворенія нуждъ государственнаго казначейства, вмѣсто потребностей внутренняго народнаго размѣна.» «Если бы (продолжаетъ онъ) только родилась увѣренность, что каждый новый выпускъ такихъ билетовъ вызывается дѣйствительною потребностью внутренняго народнаго размѣна, то всѣ мы, при огромныхъ разстояніяхъ, въ нашемъ огромномъ отечествѣ только бы радовались облегченію денежныхъ сдѣлокъ.»

Какъ-бы то ни было, какъ-бы ни были приняты доводы приводимой нами статьи, — но мы хотимъ только сказать, что голоса въ пользу новаго выпуска монетныхъ знаковъ слышатся чаще и чаще, а противъ мнѣнія теоретиковъ, стоящихъ за рациональность нашихъ финансовыхъ преобразованій и утверждающихъ, что наши торговля и промышленность должны одними собственными средствами выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія, — противъ этого мнѣнія возраженія становятся рѣзче и рѣзче. Теоретики упрекаютъ въ фантастическомъ служеніи ихъ теоріи, въ тупомъ невниманіи къ голосу общихъ нуждъ, въ безчеловѣчномъ равнодушіи къ общественному бѣдствію. Имъ указываютъ примѣры и говорятъ: «Не такъ дѣйствуютъ государственные люди въ классической странѣ политической мудрости и твердаго, надежнаго прогресса; пусть взглянуть, съ какою осторожностью принимаются въ Англій за исправленіе многолѣтнихъ злоупотребленій, какъ опасаются срѣзать болѣзненный наростъ, чтобы не подвергнуть опасности всего организма» и прочее.

Впрочемъ на этотъ счетъ мы высказали уже наше мнѣніе и не далѣе какъ въ іюльской книгѣ нашего журнала. По нашему мнѣнію выпускъ новыхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ едва ли поможетъ дѣлу. Здѣсь же мы только заявляемъ мнѣніе нѣкоторыхъ органовъ, посвященныхъ исключительно нашей промышленности.

Вы знаете, что въ Петербургѣ недавно была выставка мануфактурныхъ произведеній. Экспоненты выставки, то-есть представители нашей промышленности, дѣлали объѣздъ и на объѣздъ произносили рѣчи, обращенныя къ присутствовавшему тамъ министру финансовъ. Въ этихъ рѣчахъ говорилось преимущественно о тягости настоящаго положенія промышленности, о твердости, необходимой для перенесенія посланнаго ей испытанія и о теплыхъ надеждахъ, поддерживающихъ ихъ, промышленниковъ, среди этого испытанія. Какъ на основаніе этихъ надеждъ, указывалось въ особенности на прероброванія учебно-промышленныхъ заведеній, преобразованія, въ которыхъ видать они «стремленіе освѣтить народную дѣятельность наукою» и прочее. Но одна изъ рѣчей заключена была слѣдующими словами: «Сохраненіе содѣйствія народному труду и участія къ грустному положенію промышленности составляетъ убѣдительную просьбу всѣхъ насъ, испытавшихъ на дѣлѣ, какъ трудно у насъ работать, — не смотря на все желаніе, — сознающихъ, какъ мало еще окрѣпла наша промышленность и какъ было-бы преждевременнымъ лишеніе ея всякой поддержки со стороны кредитныхъ учреждений и заботливости административныхъ властей».

Профессоръ Киттары, бывшій на объѣздѣ въ числѣ экспертовъ, также говорилъ рѣчь. Здѣсь естественно мы должны услышать не голосъ ласкающей себя надеждами и молящей о помощи промышленности, а голосъ критика, дающаго ей благіе совѣты. Судя по сообщаемому газетами содержанію рѣчи г. Киттары, онъ замѣтилъ, что выставка представила признаки значительнаго развитія и успѣховъ мануфактурной промышленности собственно въ предметахъ, составляющихъ потребности высшихъ слоевъ общества; что предметовъ, производимыхъ для низшихъ слоевъ, то-есть для массы народа, почти совѣмъ не было на выставкѣ; предметы же, потребляемые преимущественно средними классами, хотя были, но въ нихъ успѣхъ не такъ замѣтенъ, въ нихъ преобладаетъ прежній вкусъ, прежнее требованіе: стало-быть развитіе самыхъ этихъ слоевъ идетъ тихо. Размышляя объ этомъ, г. Киттары говоритъ, что промышленность должна содѣйствовать развитію вкуса въ народѣ, должна не полагиваться къ его старымъ вкусамъ, а вести его впередъ. Но съ другой стороны, чтобы явились въ народѣ сколько-нибудь высшія потребности, необходимы начатки общечеловѣческаго

развитія, которые невозможны безъ грамотности, какъ средства къ чтенію. Отсюда — совѣтъ фабрикантамъ не пренебрегать заведеніемъ при фабрикахъ училищъ, тѣмъ болѣе, что они пользуются несъема выгоднымъ для нихъ трудомъ малолѣтнихъ.

За рѣчью профессора Киттары слѣдовало, какъ сказано въ газетахъ, одушевленное слово А. И. Ходнева. Указавъ на отсутствіе на выставкѣ многихъ коренныхъ русскихъ произведеній (напримѣръ сохи), онъ говорилъ о маломъ нашемъ умѣньѣ обрабатывать собственныя сырыя произведенія такъ, чтобы они, въ обработанномъ видѣ, голны были для внѣшней торговли, и затѣмъ вывелъ заключеніе, что русскому народу *нужно учиться*, какъ для развитія общаго, такъ и для пріобрѣтенія техническихъ свѣденій. «Намъ нужна наука (сказалъ онъ) — это первое; но намъ нужно еще многое. Намъ нужны пути сообщенія: безъ нихъ нѣтъ полной жизни въ промышленной дѣятельности. Пути сообщенія водворяются, но къ сожалѣнію не такъ, какъ мы бы того желали. Богъ дастъ, эти пути какъ-нибудь устроятся... Но есть еще потребность: намъ нужны собственныя конторы, а не иностранныя, дорого обходящіяся. Первую попытку такихъ конторъ для иностранныхъ сношеній уже сдѣлала «Общественная Польза», предлагающая непосредственныя сношенія съ главнѣйшими иностранными промышленными учрежденіями. Надо желать, чтобы подобныя учрежденія окрѣпли и размножились».

Наконецъ — негоціантъ и бельгійскій консулъ Е. Миллеръ говорилъ понѣмецки. Рѣчь его въ русскомъ переводѣ также напечатана въ газетахъ; въ ней находимъ мы между прочимъ слѣдующую разумную мысль. «Теперь (говоритъ онъ) времена уже не тѣ, что были въ старину: прежде нѣкоторыя державы могли уединяться, отдѣляться отъ другихъ, считать себя привилегированными относительно нѣкоторыхъ произведеній, свойственныхъ странѣ, и полагать, что иностранцы будутъ вынуждены пріобрѣтать эти произведенія, по какой бы то ни было цѣнѣ. Теперь, послѣ безконечнаго развитія новыхъ сообщеній, не время считать себя привилегированнымъ для отпуска какого бы то ни было произведенія: торговля получала всемірное значеніе, разстоянія болѣе не существуютъ, и умъ негоціантовъ пріучился искать въ разныхъ странахъ такія мѣстности, почва которыхъ имѣетъ одинаковыя свойства, чтобы взрастить тѣ же продукты и замѣнить наши, если только разица въ цѣнѣ можетъ покрыть издержки. Поэтому торговцы нашихъ внутреннихъ губерній должны покинуть увѣренность, что наши произведенія имѣютъ конкуренціи съ произведеніями другихъ странъ. Эта ошибочная мысль побуждала насъ держаться высокихъ цѣнъ,

и теперь мы видимъ вредныя послѣдствія ея : вывозъ коноплянаго масла почти прекратился ; вывозъ многихъ другихъ произведеній также уменьшается съ каждымъ годомъ. Поэтому необходимо, чтобы наши негоціанты оставили старинныя предрасудки ; надобно, чтобъ они сблизились и освоились съ европейскою торговлею, оставили узкія понятія и обняли болѣе обширнымъ взглядомъ ходъ всемірной торговли. Тогда только мы достигнемъ дѣйствительнаго успѣха соотвѣтственно усиліямъ, которыя сдѣлаемъ, чтобъ не отстать отъ другихъ». Рѣчь г. Миллера оканчивается такими желаніями и благословеніями : «Будемъ надѣяться, что земледѣліе усилятся болѣе и болѣе ; что руки, назначенныя для обработки земли, сдумаютъ оцѣнить великій подвигъ благодѣянія, которое имъ оказано, что золотыя колосья, воздѣланныя отнынѣ свободными руками, наполнятъ наши житницы съ избыткомъ и дадутъ торговлѣ новыя средства для усиленія отпускнуой торговли», и прочее.

Будемъ конечно надѣяться, потомучто безъ надежды — жизнь не въ жизнь... Ну, не намъ, такъ дѣлать нашимъ ! — какъ говорятъ обыкновенно люди, добродушно-надѣющіеся и безкорыстно-заботающіеся о благополучіи своего потомства.

Слова г. Миллера весьма поучительны, но это поученіе относится собственно до нашего промышленнаго люда. Вообще же, говоря о больномъ мѣстѣ, мы подслушали такимъ образомъ голосъ главнѣйшихъ общественныхъ нуждъ : намъ, говорятъ, нужны деньги, т. е. денежные знаки ; намъ нужна наука, т. е. прежде грамотность и за ней образованіе ; намъ нужны пути сообщенія. О первой нуждѣ заботиться не наше дѣло. О второй и третьей — будемъ ука- зывать на факты, какіе найдутся.

КОЕ-ЧТО ИЗЪ СЛЫШАННАГО И ЧИТАННАГО

Сидѣли мы съ мужикомъ на крутомъ берегу Волги, поджидая прибытія къ пристани парохода снизу. Было утро, и время было жаркое, только вѣтерокъ дулъ порядочно, и потому дышать было не тяжело. Сидѣли мы сначала долго и молчали ; потомъ мужикъ заговорилъ первый.

— Скучненько ждать-то.

— Да, скучно.

— А все значить оттого, что на мѣстѣ. Вотъ на пароходѣ ничего : хоть и тихо идетъ, а нескучно. Посидишь этакъ, а тамъ прой-

дешья, поговоришь съ тѣмъ, съ другимъ, пойдешь чайку напьешься, — ну, и ничего. Знаешь, что не стоишь на мѣстѣ, впередъ идешь, — ну, и весело.

— А тихо-таки ходять здѣсь пароходы.

— Тихо... Да начто тебѣ скоро-то? Ты, сударь, Бога благодаря, что дожили мы до такой бѣды. Чтó это было прежде, — такъ просто бѣда! Бывало въ Питеръ... куда тебѣ! и не собратсья, въ годъ не собратсья. А теперъ — сѣлъ-себѣ, взялъ билетъ, и гóрюшка мало: привезуть тебя на мѣсто, — всталъ да и пошолъ, и все тутъ! И дешево, и скоро; а спокойствіе-то! Истинно, подумавъ, какъ дошолъ человекъ до всего этого! Только теперъ ужъ до всего дойдуть; ужъ коли пошло на то, такъ дойдуть до всего. Теперъ чтó ни годъ, то новая диковина. Вотъ посмотрѣлъ бы, въ Твери есть фабрика... Чтóжъ, братецъ мой? Отъ фабрики-то къ машинѣ положили желѣзныя полосы; по нимъ и ходять фуры съ товаромъ, а какъ ты думаешь: триста, четыреста пудовъ одна лошадь везетъ — нипочемъ! Идетъ-себѣ, точно фура-то за ней порожняя... Ахъ, ты, Господи! Гдѣ-бы хозяину-то содержать десять, двѣнадцать лошадей, да народу сколько къ нимъ, а тутъ глядишь — двѣ-три лошади за глаза... Вѣдь это расчесть, почтенный!

— Конечно расчесть.

— Да я то-жъ и говорю, что теперъ до всего дойдуть. Ужъ пошло на то!.. Все пошло на науку; куда ни взглянешь... Нынче и нашему брату наука нужна стала... Вотъ у насъ въ селѣ — повѣришь ты мнѣ, почтенный? — пансіоны завелись...

— Какъ пансіоны?

— Такъ же!.. Школы то-есть такія — для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Грамотѣ учать... ну, дѣвочекъ рукодѣлю тоже всякому; поутру грамотѣ, а послѣ обѣда рукодѣлю. Мальчиковъ-то человекъ восемьдесятъ учатся, и дѣвочекъ десятка три будетъ... У насъ въ селѣ становой живетъ, такъ у него сестрица — дѣвица образованная, разнымъ тоже языкамъ обучена, — согласилась въ наставница; и такая охочая, занятная; любитъ значить съ дѣтьми заниматься, — чтó твой учитель!

— А для мальчиковъ-то вѣдь вѣрно есть учитель? — изъ какихъ же онъ?

— Изъ богослововъ. Богословъ значитъ кончить науку, а мѣста священническаго ему еще нѣтъ; вотъ онъ и идетъ въ учителя; жалованье тоже получаетъ.

— Изъ какихъ же это ты мѣсть?

— Я изъ оставшковскаго уѣзда; село Селяжарово есть; тамъ рѣчка Селяжаровка, и село у насъ большое, знатнос.

— На чей же счетъ заведены у васъ эти училища?

— Самы, то-есть міромъ пожелаши, сто рублей въ годъ положили. Ну, есть конечно на селѣ иныя необразованныя... Зачѣмъ, говорить, намъ? дѣвчонки научатся, — работать не будутъ... Да это они такъ, не дѣло болтають.

Послѣ такого разговора очень совѣстно приводить нѣкоторыя мѣстныя корреспонденціи; но мы приведемъ ихъ для того, чтобы ужъ и еще кому-нибудь было такъ же совѣстно.

Нѣкто г. Копытовскій, посѣтившій въ маѣ мѣсяцъ астраханскую воскресную школу, пишетъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», что онъ нашолъ ее въ весьма печальномъ положеніи. Онъ нашолъ довольно просторную, свѣтлую комнату и въ ней за столами девять учениковъ разнаго возраста. На этихъ девять учениковъ былъ одинъ преподаватель, и то *обязательный*, учитель уѣзднаго училища. Онъ признался посѣтителю, что не ходилъ въ школу втеченіе двухъ мѣсяцевъ, и явился въ нее только затѣмъ, чтобы «отбыть свою очередь»; что по *очереди* должны были въ этотъ же день придти еще двое учителей гимназій, но они не пришли и никого за себя не прислали. Читають мальчики плохо, пишутъ еще хуже; двое изъ нихъ, сидѣвшіе со счетами въ рукахъ, не имѣли даже поверхностнаго понятія объ употребленіи этого инструмента. Ученики помельше возрастомъ откровенно зѣвали надъ учебниками...

При этомъ слышимъ такое примѣчаніе: «Къ сожалѣнію, сѣтованія на запусканіе воскресныхъ школъ стали раздаваться довольно часто. Неужели въ самомъ дѣлѣ такому благому дѣлу суждено заглохнуть? Неужели и открытіе воскресныхъ школъ было дѣломъ одной только моды?..»

Опять *мода*? Далось людямъ это легкое словцо!.. Я думаю, что дружное открытіе всюду воскресныхъ школъ было дѣломъ вснухнувшей неподдѣльной энергіи, которая, какъ видно, начинаетъ гаснуть мѣстами. Кто ее гаситъ или убиваетъ въ насъ? — разбирайте какъ вамъ угодно это запутанное дѣло!

Вотъ другая, подтвердительная корреспонденція изъ того же города Астрахани:

«Первой женской воскресной школы болѣе не существуетъ съ 14 мая...

«Мужскія воскресныя школы (двѣ) почти не существуютъ, т. е. являются въ школу иногда пять, восемь или много-много четырнадцать учениковъ; учителя же иногда приходятъ, иногда не приходятъ, такъ что ученики ждуть-ждуть, да и разбѣгутся... Въ мужскую воскресную школу ходятъ учителя *по наряду* директора

гимназій , установившаго *очередь* между учителями гимназій , уѣздныхъ и другихъ училищъ. Можно себѣ представить , какъ охотно учать такіе обязательные учителя!

«Что касается до учебныхъ пособій, то они въ самомъ жалкомъ положеніи. Книгъ въ школахъ, кромѣ катихизиса и плохихъ азбукъ, никакихъ не найдете, не смотря на то, что воскресныя школы имѣютъ свои деньги. Для чего же эти деньги? — Никто объ этомъ въ Астрахани и не думаетъ...»

Въ Астрахани *никто* не думаетъ?.. Любопытно однако слѣдять за порядкомъ угасанія этой энергіи , породившей воскресныя школы. Мы помнимъ слухъ объ упадкѣ ихъ въ Одессѣ; теперь слышимъ объ Астрахани. Между этими городами есть аналогія; вѣтъ ли и общей причины, почему они раньше другихъ стали отвертываться отъ воскресныхъ школъ? Если бы эта эпидемія охлажденія ограничилась одними морскими берегами и не пошла вовнутрь страны, мы бы можетъ-быть и не стали ужь очень-то горевать.

Дѣйствительно, внутри страны еще обнаруживаются повременамъ вспышки той же энергіи, и все больше въ бѣдныхъ и темныхъ углахъ. Такъ напримѣръ 11 іюня открыта мужская воскресная школа въ г. Тимѣ, курской губерніи, и учащихся набралось въ нее *пятьдесятъ одинъ* человекъ, какъ извѣщаетъ штатный смотритель тимскаго уѣзднаго училища, при которомъ открыта школа.

«Намъ нужны еще пути сообщенія — говоритъ г. Холневъ — и пути эти водворяются, но не такъ, какъ бы мы желали.» Стало быть желается не такое успѣшное водвореніе путей, какое напримѣръ даруетъ намъ «Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ». Между тѣмъ это «великое» общество (*grande société*), не далѣе какъ въ маѣ, открыло линію отъ Москвы до Владимира. По поводу этого открытія «Указатель Экономическій» завелъ такую рѣчь:

«Признаки приближенія общаго собранія главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ (оно уже было) видимо множатся: владимірская дорога открыта чрезъ годъ послѣ срока...

«...сторонники французской компаніи хоромъ вопіютъ о необходимости вспомошествованія этой компаніи со стороны правительства, т. е. со стороны платящаго подати народа, потерпѣвшаго уже такой уронъ отъ несостоятельности дѣйствій общества, сравнительнаго съ его контрактомъ. На бѣдность просятъ тамъ, гдѣ вѣтъ къ тому никакой нужды...

«Правда, главное общество, говорятъ, угрожаетъ оставить еоодоссійскую дорогу. Зная, какъ подобное французское общество задерживаетъ окончаніе австрійской линіи въ Триестъ, и заключа

възъ того, что французскіе распорядители не любятъ чужихъ линій къ бассейну Средиземнаго моря, мы весьма вѣримъ этому; но полагаемъ, что врядъ ли льготы заставятъ ихъ ускорить и облегчить нашъ выходъ къ Черному морю, — и чего добраго, мы скорѣй дождемся желѣзной дороги на Амуръ, нежели французской линіи къ Черному морю», и пр.

Какъ бы то ни было, что бы ни сдѣлало съ нами главное общество впредь, но владимірская дорога открыта, и пассажировъ, говорятъ, уже проѣхало по ней — нѣсть числа. . Да и вѣдомъ же существуетъ нижегородская ярмарка!.. Корреспонденты двухъ большихъ газетъ почли долгомъ прежде, или почти прежде всѣхъ проѣхать по линіи туда и назадъ и донести подлежащимъ редакціямъ объ испытанныхъ ими впечатлѣніяхъ. Повидимому впечатлѣнія, произведенныя на нихъ поѣздой, были благопріятны, по крайней мѣрѣ замѣтно, что они прокатились съ большимъ удовольствіемъ и вообще пріятно провели время, за исключеніемъ развѣ того, что одинъ изъ нихъ очень сильно усталъ, отыскивая московскую станцію, помещенную чрезвычайно далеко, гдѣ-то за покровской заставой, да еще того, что петербургскіе (а не московскіе) часы, по которымъ назначено время движенія, немножко сбили ихъ съ толку. Что на большихъ станціяхъ буфеты оказались почти пустыми, и одинъ корреспондентъ съ голоду принужденъ былъ покушать какихъ-то совсѣмъ засохшихъ бутербродовъ, — это разумѣется такіе пустяки, о которыхъ и говорить не стоитъ. За то — плавный ходъ вагоновъ, безъ малѣйшей тряски (что приписывается между прочимъ улучшенной системѣ скрѣпленія рельсовъ), понравившееся господамъ корреспондентамъ устройство этихъ вагоновъ (особенно живописное ходеніе кондукторовъ вокругъ царужныхъ стѣнъ вагоновъ, по досчечкѣ, — ходеніе чрезвычайно удобное и безопасное въ морозъ или мятель, по обледенѣвшему на досчечкѣ снѣжку), достаточная скорость ѣзды — все это естественно расположило путешественниковъ въ пользу устройства линіи. Не смотря на то... странное дѣло! — прочитавъ подробное описаніе ихъ поѣздки, остаешься съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ. Эготъ неудачно придѣланный къ хвосту *кассѣ* *хвостъ*, по которому непримѣтно для глаза движутся черноработіе покупщики билетовъ, въ то время какъ *чистля* публика шагаетъ чуть не черезъ самый хвостъ прямо къ окну кассы и беретъ-себѣ билеты скоро и безпрятственно, оставляя такимъ образомъ назадъ несчастный и не достигающій предположенной цѣли хвостъ; эта лошечная *politesse великой* націи съ *чистыми* пассажирами и презрительная грубость ея съ пассажирами *черными*; это вышескиваніе достойными служителями *великой* администраціи ведерь

квасу на землю, вслѣдствіе дикаго воспрещенія окрестнымъ жителямъ продавать на станціяхъ припасы; наконецъ это іерархическое начало въ подвижномъ составѣ, съ безконечными «форменными отличками», — все это, смѣшанное вмѣстѣ, производитъ такое невкусное, претящее кушанье, что какъ ни совѣстно произносить вслухъ, а не выдержишь, отдашься минутному чувству и невольно шепнешь за Лермонтовымъ :

• Мнѣ хочется сказать великому народу :
Ты.. . и проч.

Не хвастайся они до такой степени, не считай и не зови себя цивилизаторами всего человѣчества и провозвѣстниками правъ его, мы бы можетъ-быть не замѣчали и не ставили бы въ строку этихъ смѣшныхъ недостатковъ; а то... вотъ и приходится сочувствовать нѣкоему юному *топтателю мостовой*, который, по поводу до невозможности-усиленнаго счета, подавнаго ему съ пріятелемъ у Дюссо, взываетъ устами этого пріятеля: «Нѣтъ, нѣтъ! Французы совершенно правы! Скажи мнѣ, гдѣ видѣлъ ты человѣка (разумѣю, благоразумнаго человѣка), который бы шолъ на собственныхъ погахъ тогда, когда онъ можетъ осѣдлатъ или навьючить какую-бы то ни было скотину? Онъ сѣдластъ и вьючить, — и онъ въ своемъ правѣ...»

Оставляя въ сторонѣ г. Топтателя, совершенно независимо отъ него мы намѣрены сдѣлать нѣкоторое наблюденьице. Намъ кажется, что послѣднее время начинаетъ производить извѣстный поворотъ въ умахъ: именно не старики, прямо отстаивающіе все старое и все свое, какъ это бывало прежде, а уже молодья и свѣжія головы начинаютъ понемногу протестовать противъ господъ, осѣдлавшихъ насъ своимъ цивилизованьемъ и долго крѣпко державшимся на этомъ сѣмлѣ, услаждая всѣ чувства своей послушной скотинки безконечно обольстительными галантерейностями. И надо признаться, что искусство управлять несущимъ животнымъ они довели было уже до крайней степени. Говорятъ напримѣръ (правда ли, нѣтъ ли?), будто бы существуетъ въ Петербургѣ какой-то иностранннй магазинъ дѣтскаго платья, въ которомъ цѣна за дѣтское платьице восходитъ до пятидесяти руб. сер., а за двадцать-пять рублей можно купить тамъ только очень простенькос. Мы попытались-было усомниться въ возможности существованія такого чуда, но намъ сказали, что, по признанію самого магазина, его питаютъ почти исключительно одни иногородные заказы, и что иначе онъ дѣйствительно не могъ бы существовать.

Мы отвлеклись отъ водворенія у насъ путей сообщенія, и хотя

могли бы еще кое-что сказать по этому предмету, но признаемся откровенно, не имѣемъ на сей разъ времени возвращаться назадъ. По порядку, ида впередъ, мы должны были бы упомянуть и даже распространиться еще о нѣкоторыхъ предметахъ, достойныхъ вашего вниманія и участія. Такъ напримѣръ слѣдовало бы съ прискорбіемъ рассмотреть, какъ на югѣ саранча поѣдаетъ нашъ хлѣбъ насущный и какъ, по словамъ г. Э. Руккера, многіе богатые владѣльцы дѣйствуютъ относительно своихъ бѣдныхъ сосѣдей заодно съ саранчей, требуя отъ этихъ сосѣдей помощи для спасенія своихъ полей отъ нашествія страшнаго насѣкомаго, и уклоняясь сами отъ подавія такой же помощи сосѣдамъ... Слѣдовало бы также обстоятельно рассказать о томъ, какъ нѣкоторые господа замышляютъ воздвигнуть косвенное гоненіе на любителей псовой охоты и любителей мосекъ, шницовъ, книгчарльсовъ и другихъ очаровательныхъ лающихъ малютокъ, — замышляютъ, говоримъ, воздвигнуть таковое гоненіе посредствомъ обложенія пошлыною лошадей и собакъ; слѣдовало бы изложить и то, какъ одинъ утопистъ, предлагая проектъ налога собственно на собакъ, обѣщаетъ чрезъ это ~~десять~~ ~~миллионовъ~~ дохода государственнаго, да кромѣ того безчисленныя пользы обществу въ экономическомъ, промышленномъ, гигиеническомъ, нравственномъ и многихъ ивыхъ отношеніяхъ. Наконецъ слѣдовало бы намъ, не торопясь, исповѣдать передъ вами, читатель, что приведенію въ исполненіе этого замысла мы съ своей стороны были бы рады, и что мечтанія утописта кажутся вамъ весьма быточивымъ и осуществленіе ихъ плодотворнымъ, если не совершенно въ томъ, какъ онъ полагаетъ, то все-таки въ довольно чувствительномъ размѣрѣ. Все это сочли бы мы своею обязанностию выполнить не кое-какъ, а такъ, какъ требуетъ достоинство самыхъ предметовъ, и выполнили бы, если бы въ періодъ времени со дня начатія первой нашей замѣтки до сего часа наши мыслительныя силы, чрезъ посредство органа слуха, не были поражены нѣкоторыми впечатлѣніями, препятствующими углубляться надлежащимъ образомъ въ дѣла міра сего и заставляющими насъ поколебаться нѣсколько въ направленіи мыслей, прорывшемся въ первыхъ строкахъ нашей первой замѣтки. Чтобы дать вамъ понятіе о родѣ этихъ впечатлѣній, мы попросимъ васъ воротиться съ нами на минуту на волжскій пароходъ и прослушать напримѣръ слѣдующую краткую, но поучительную бесѣду.

Погода дождливая. На насъ напираетъ черная, повисшая въ воздухѣ какими-то лохмотьями туча. На носу и на кормѣ парохода, подъ растянутыми дырявыми брезентами, засѣляетъ проѣзжающее челоуѣчество, со смиреніемъ готовящееся припять на себя небес-

ную влагу чрезъ отверстія, образовавшіяся въ брезентахъ отъ времени и искръ, летящихъ изъ парохолной трубы. Человѣчество по преимуществу занято утоленіемъ голода или жажды различными способами, — кто чаемъ, кто огурцомъ съ хлѣбомъ, кто вареной щучкой, тоже разумѣется съ хлѣбомъ. Старушка-иностранка, одна, безъ товарищей, утоляетъ разомъ и голодъ и жажду своимъ иностраннымъ способомъ: она цѣлый день возится съ собственнымъ кофейникомъ; вынимаетъ его изъ сумки, идетъ въ буфетъ, возвращается, наливаетъ, пьетъ и убираетъ кофейникъ въ сумку; а чрезъ нѣсколько часовъ опять его вынимаетъ, опять идетъ въ буфетъ и такъ далѣе.

Между тѣмъ человѣчество, подкрѣпивъ силы и забывая о висшихъ на небѣ лохмотьяхъ, разбилось на кружки, и каждый кружокъ ведетъ свою спокойную бесѣду. Я присутствую при одной изъ нихъ. Замѣчательнѣйшій представитель кружка — человѣкъ неизвѣстнаго званія и ранга; его одежда, состоящая изъ короткаго триковаго сюртука, носитъ признаки долговременнаго тренія и отпечатки маслянистыхъ веществъ; въ висшей у него черезъ плечо кожаной сумкѣ, какъ оказалось по моимъ наблюденіямъ, преобладаетъ табачная пыль и папиросныя гильзы, въ которыхъ онъ зачастую насыпаетъ пыль, составляетъ такимъ образомъ папироски и немедленно выкуриваетъ ихъ; лицо его покрыто сильнымъ загаромъ, сѣрые глаза подернуты влагой, на верхней губѣ растутъ колючіе усы. Онъ кажется намъ человѣкомъ, испытаннымъ жестокость судьбы. Тутъ же бесѣдуютъ: одинъ изъ временно-обязанныхъ дворовыхъ высшаго разряда, именно изъ разряда приказчиковъ или управляющихъ имѣніями; остальные — больше все промышленный людъ — ярославцы, возвращающіеся съ родины въ Питеръ, гдѣ они находятся въ званіи купеческихъ приказчиковъ или сидѣльцевъ.

Человѣкъ, испытанный жестокость судьбы, только-что сходилъ наверхъ, гдѣ свѣжій вѣтеръ пронизалъ его до дрожи. Онъ усѣлся и говоритъ:

— Какое, братцы мои, хорошее жалованье получаетъ помощникъ капитана!.. Вотъ бы мѣстечко-то получить! Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, да на всемъ готовомъ! А что онъ дѣлаетъ? билеты отбереть и за порядкомъ присмотритъ — вотъ и все.

— А капитанъ сколько получаетъ? спросилъ кто-то.

— Капитанъ, говорятъ, сто двадцать пять.

— Ну, я чай, и доходишки есть.

— Откуда же тутъ доходы? вмѣшался я.

— Откуда! по дорогѣ-то берутъ пассажировъ, всѣмъ что ли даютъ билеты? кто ихъ тутъ усчитаетъ?

— При такомъ жалованьѣ стыдно было бы.

— Да вѣдь коли совѣсть есть! А совѣсти нѣтъ, такъ что ни дай, все хапать будетъ.

— А вотъ, замѣтилъ управляющій: — кто хапаетъ-то, ему и впрокъ это не идетъ: хапаетъ, хапаетъ, а все ничего не остается; только-что сытно живеть, а послѣ хватъ! ничего и не осталось. Должно быть ужъ такое опредѣленіе; а все нейдетъ: по совѣсти-то нынче кажется ужъ и никто не живеть...

— Нынче? воскликнулъ съ особеннымъ одушевленіемъ человѣкъ, испытавшій жестокость судьбы: нынче — никто! Нынче человечества нѣтъ, жалости нѣтъ ни въ комъ! Вотъ ты бѣдный, тебѣ ѣсть нечего, надѣтъ нечего; приди просить мѣста — не дадутъ; а за тобой придетъ примазанный да чистенькій — ему дадутъ: онъ, говорятъ, хорошо одѣтъ, долженъ быть хорошій человѣкъ... Да нынче брату родному... Что тутъ! Позвольте, милостивые государи, мнѣ о себѣ сказать. У меня есть братья... чтобы имъ поперхнулось отъ моего слова!.. У одного было восемьдесятъ душъ, у другого больше ста, и то они ограбили меня среди бѣла дня, какъ разбойники на большой дорогѣ. Была у насъ сестра... И та хороша была, не тѣмъ будь помянута, чтобъ ей!.. Братья вокругъ вся юлили, хотѣли, чтобъ она имъ все оставила за ихъ попеченія... И имъльнишко-то у ней лядащее, грошовое... Завѣщанья не написала, такъ чтоже? — они, говорятъ, мертвой рукой водили. Такъ и ограбили брата, что называется — у ницаго суму отняли.

Минутное молчаніе.

— Да! проговорилъ вздохнувъ управляющій: — если бы не было еще на землѣ угодныхъ Богу людей, то кажется земля бы не устояла.

— Не устояла бы! подтвердили нѣсколько ярославцевъ.

— Стало-быть есть еще угодные-то люди!

— Еще бы! снова подхватилъ испытавшій жестокость судьбы и ожесточившійся человѣкъ: — да вотъ хоть бы у нихъ, продолжалъ онъ, указавъ на сосѣда, вѣроятно изъ знакомыхъ ему мѣстъ... Ну, вотъ и нашъ тоже... Конечно въ земной жизни святымъ почитаться не можетъ, а всѣ говорятъ, что планету божію знаетъ...

— Какъ это?..

— Такъ! вотъ кто отъѣзжаетъ, — онъ говоритъ, каковъ путь будетъ; и исполняется по слову. И какую жизнь велеть! Другіе не вѣрятъ его жизни, а посмотрѣть на него — подлинно, что одно только созданіе!..

Въ дальнѣйшій разговоръ я не вслушался, потому что невольно предался такому размышленію: вѣдь вотъ и въ самомъ дѣлѣ братъ возсталъ на брата; значить... Только развѣ это что-нибудь прежде не бывало? Неужели послѣ Каина до нынѣшняго года братья на братьевъ не возставали? Зачѣмъ же люди говорятъ, какъ о чемъ-то небываломъ? И зачѣмъ мнѣ сообщаются отъ нихъ такіа мрачныя мысли? Ужъ не звѣзда ли съ хвостомъ, недавно пролетѣвшая по небу, напустила ихъ на насъ?..

ПРОТИВОРѢЧІЯ И УВЛЕЧЕНІЯ «ВРЕМЕНИ»

«Сѣверная Пчела» въ своемъ 165 № дѣлаетъ намъ сильныя упрёки за наши противорѣчія, за полемику и даже за наши увлеченія. Такъ-какъ у насъ остается нѣсколько времени и мѣста, то мы хотимъ показать нашимъ читателямъ образчикъ той критики, которая, если не господствуетъ, то все еще проживаетъ въ нашей литературѣ. Объ насъ уже много говорили газеты и журналы. Много лестныхъ отзывовъ, но много и нападокъ, явныхъ придирокъ и даже непріязни мы уже успѣли встрѣтить въ разныхъ нашихъ изданіяхъ. Мы молчали, говорили только тогда, когда, по нашему, было нужно, т. е. когда дѣло касалось не лично до «Времени», а касалось до извѣстныхъ идей, до извѣстныхъ убѣжденій, слишкомъ дорогихъ въ наше время, чтобъ объ нихъ можно было молчать; кому же «Время» не щепетильно и о немъ можно говорить многое не раздражая его. Но на этотъ разъ намъ вздумалось поговорить: представляется хорошій случай разомъ отвѣтить на многія обвиненія. Подвернулась «Сѣверная Пчела»... очень рады; поведемъ съ ней бесѣду.

Она насъ уврекаетъ въ противорѣчіяхъ: начнемъ съ противорѣчій.

Въ одной изъ нашихъ критикъ мы сказали:

«...учите (ребенка) всему, все ему открывайте, но оставляйте пощаще его душу въ покоѣ, *давайте ему то, чего онъ передѣлать не можетъ; знаніе не передѣлывается, а пониманіе измѣняется. И пусть онъ смотритъ на все, какъ ему удобнѣе; потомъ жизнь научитъ; а ужъ кого жизнь не научитъ, того вамъ не научить...*» (все подчеркнуто «Сѣверной Пчелой»).

• Другими словами (продолжаетъ «Пчела»): дайте ему факты, но не смыслъ фактовъ; Боже васъ сохрани — толковать факты, чтобъ ваше

дита понимало ихъ такъ какъ понимаете вы : сама жизнь должна ему растолковать ихъ ...»

Совершенно вѣрно и мы согласны на такое толкованіе. Конечно лучше, если ребенокъ съ малыхъ лѣтъ будетъ приучаться *самъ* къ осмысливанію фактовъ. Большой, онъ будетъ судить самостоятельно; онъ будетъ «смѣть свое сужденіе имѣть», онъ будетъ имѣть свое собственное лицо, свою собственную физиономію, и не будетъ тѣмъ стертымъ пятналтыннымъ, которые такъ часто встрѣчаются въ жизни и... въ литературѣ. Разумѣтся (да и ктожь этого не разумѣтъ) совершенно безъ объясненія фактовъ, хотя бы вы дѣло имѣли и съ ребенкомъ — невозможно. Ужь одно то, что противъ родительскаго чувства, или противъ чувства, преданнаго дѣлу воспитателя, идти нельзя; какъ могутъ они удержаться, чтобъ не объяснить своимъ дѣтямъ фактовъ, съ той именно точки зрѣнія, которую они считаютъ спасительной? Но это объясненіе, эти *указанныя напередъ* точки зрѣнія, должны быть сдѣланы слишкомъ осторожно, — вотъ что мы хотѣли сказать. Мы именно говоримъ: «*почаще* оставляйте его душу въ покоѣ», а не *всегда*, какъ вы рѣзко насъ перетолковали. Факты и познанія ребенокъ не можетъ передѣлать, а тотъ *смыслъ*, то *пониманіе фактовъ* (подчеркиваемъ это въ угоду «Сѣверной Пчелѣ»), которые вы ему насильно навязаете, подвергнется въ его душѣ сильной и можетъ-быть мучительной переработкѣ; можетъ-быть, послѣ многихъ неудачъ, ошибокъ и самообольщеній въ жизни, онъ проклянетъ своихъ учителей, навязавшихъ ему свои вѣрованія и страсти. Все это можетъ случиться съ нимъ, если вы не успеете подавить въ немъ индивидуальность и характеръ, и ничего подобнаго не случится, если вмѣсто челоуѣка своими толкованіями вы выпустите на свѣтъ божій забавную обезьянку или ученаго попугая, который все будетъ повторять чужія слова, т. е. ваши же слова, ваше ученіе, а этому ученію уже и время прошло.

Само собою разумѣтся, что крайности всегда вредны, и мы вовсе не хотимъ, чтобъ при воспитаніи къ нимъ прибѣгали.

Замѣйте, что все это нами сказано журналу «Учитель», который ужъ слишкомъ, по нашему мнѣнію, хлопочетъ о стертыхъ пятналтынныхъ. Оттого-то мы и были къ нему такъ строги, не смотря на то, что онъ журналъ новый и издается очень добросовѣстно. «Сѣверная Пчела» сильно упрекаетъ насъ за то, что мы попали на журналъ новый и издаваемый добросовѣстно, хотя сего направление «*можетъ-быть* немножко одностороннее и нѣмецкое», прибавляетъ

она. Все это прекрасно, но для насъ воспитаніе нашего молодого поколѣнія дороже всякихъ «Учителей». *Можетъ-быть*, скажемъ и мы въ свою очередь, его метода хороша въ Германіи. Мало ли что можетъ быть хорошо въ Германіи. Педагогика—наука наиболѣе нѣмецкая; нѣмецкихъ дѣтей муштрують по ея правламъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, а вѣдь нельзя сказать, чтобъ нѣмцы могли служить идеалами человѣчества.

Можетъ-быть, повторяемъ, эта метода и хороша въ Германіи, а у насъ она была бы *положительно* вредна. Вотъ почему такъ рѣзко мы и сказали о ней свое мнѣніе.

Но гдѣ же противорѣчія? А вотъ извольте послушать.

И такъ, говорить «Пчела», въ этой статьѣ вы говорите, что не должно дѣтямъ слишкомъ толковать факты, т. е. ихъ значеніе, т. е. осмысливать ихъ. Вѣдь не должно?

— Не должно, отвѣчаемъ мы въ извѣстномъ нашемъ смыслѣ.

— А какъ же у васъ въ другой статьѣ, именно въ критикѣ «Энциклопедическаго Лексикона» говорится, что «фактъ самъ по себѣ, голый фактъ, почти ничего не значитъ», и вы упрекаете редакцію Лексикона за то, что она не осмысливаетъ, не освѣщаетъ фактовъ никакою идеей? Вѣдь вы говорите это?

— Говоримъ.

— А развѣ это не противорѣчіе?

— Противорѣчіе, сознаемся мы. Да еще такія ли у насъ есть противорѣчія? Стоитъ только поискать да порыться. У насъ, напримѣръ, въ одной и той же книгѣ нашего журнала въ одномъ мѣстѣ говорится: «дѣтямъ нужно преподавать исторію какъ можно короче и отрывочнѣе», а не далѣе какъ черезъ десять страницъ, въ другой статьѣ — вы можете прочесть слѣдующую мысль: «...исторія, — такая наука, которою посвятившій себя историческимъ изслѣдованіямъ долженъ долго и кропотливо заниматься, долженъ заниматься всю свою жизнь, изучать всѣ ея подробности, потому что иногда одна какая нибудь, повидному и маловажная подробность можетъ освѣтить цѣлую эпоху и т. д.»

Вотъ это такъ противорѣчіе. Хорошо что «Пчела» не забвѣла порыться и поискать и не упрекнула насъ имъ. Впрочемъ мы, такъ и быть, исправимся и теперь же скажемъ, что если кому-нибудь придетъ шовая мысль издать Энциклопедическій словарь *для дѣтей*, то мы будемъ совѣтовать издателю давать одни только факты и не очень стараться освѣщать ихъ идеями. Для дѣтей это не нужно.

Да и для «Пчелы» кажется тоже очень-то не надо бы их освѣщать. Вѣдь вотъ, если освѣтить идеей фактъ *отыскиванія у насъ противорѣчій* почтенною газетой, то выйдетъ пожалуй вещь несомнѣно хорошая. Вѣдь тѣ, которымъ придется фантазія освѣтить этотъ фактъ, пожалуй спросятъ, вслѣдствіе какихъ поводовъ газета отыскивается, роется и находитъ у насъ *такія* противорѣчія?

Что мы тогда отвѣтимъ, какъ вы думаете, «Пчела»?

А теперъ нѣсколько словъ о нашихъ нелѣпостяхъ.

«Что, напримѣръ, скажете вы объ этихъ высокоумныхъ фразахъ?» спрашиваетъ любопытная «Пчела», и дѣлаетъ все изъ той же статьи объ «Учителѣ» слѣдующую выписку:

• Мнѣ кажется, что *главная* задача чтенія — читать *машинально*; иначе всю жизнь придется читать по складамъ. И правильно писать нужно научиться именно *машинально*, чтобы *сама рука писала безъ ошибокъ*, иначе никогда правильно писать не будешь (что за логика)! *Также точно* нужно научиться *всегда* хорошо и честно поступать *машинально*, т. е. въ силу привычки, а не соображенія (?): думать во время дѣйствія поздно; нужно раньше (отлично!) Всѣ искусства состоятъ въ этомъ (буато?), и только при такомъ навѣкѣ возможны самоувѣренность и спокойствіе, *которыя сдѣлаютъ возможнымъ и размышленіе въ рѣшительныя минуты*. Но, виновать, я увлекся... • Дѣйствительно ужъ черезъ чуръ увлеклись, продолжаетъ «Пчела»...

Слѣдуетъ маленькое, но весьма рутинное глумленьце. Кстати: всѣ мѣста, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты «Пчелой». Она же и снабдила ихъ обычными и уже порядочно устарѣлыми восклицаніями въ скобкахъ.

А вѣдь напрасно поглумилась «Пчела». Вѣдь ей сейчасъ стыдно будетъ за своего сотрулика, который, *оборвавшись* на противорѣчійхъ, сейчасъ оборвется и на этой выпискѣ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ конечная цѣль ученія чтенію и письму состоятъ въ томъ, чтобы дойти до того предѣла, когда начнешь читать и писать *машинально*. Неужели и это нужно объяснять? Вѣдь, право, нѣкоторыя вещи объяснять даже совѣстно. Какъ вы станете объяснять, что дважды два — четыре и тому подобныя истины? Но дѣлать нечего: вы требуете — извольте. Будемъ объяснять и это.

Когда вы еще нетверды въ чтеніи, вы читаете по складамъ; вашъ глазъ не обънимаетъ еще всего слова, всей фразы. Вѣдь напримѣръ мы съ вами, достойный сотруликъ «Пчелы», мы читаемъ *машинально*. Мы съ вами начали читать *машинально* съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали находить удовольствіе въ чтеніи разныхъ

книжекъ. Мы уже не споткнемся съ вами не только на словѣ, но даже и на цѣлой фразѣ. Это случается только съ дѣтми, да съ какимъ-нибудь сельскимъ грамотѣемъ, которому еще несовсѣмъ далась грамота и который еще не дошелъ до машинальности чтенія. Мы же съ вами, смѣемъ увѣрить васъ, читаемъ *машинально*. А вы этого еще не знали, не знали, что всю свою жизнь говорили прозой?

Насчетъ письма мы тоже съ вами, достойный сотрудникъ, давно уже говоримъ прозой, т. е. пишемъ *машинально*. Неужели и это еще пояснять прикажете? Когда мы печатали приведенный вами отрывокъ, мы думали, что говоримъ очень ясно. Правда, мы думали, что имѣемъ дѣло съ публвкой, съ обыкновенными читателями, которые понимаютъ вещи такъ какъ онѣ передаются. Мы совсѣмъ и забыли, что насъ будетъ читать не одна публика, и не приняли въ расчетъ нѣкоторыхъ публицистовъ. Впередъ будемъ осторожнѣе, будемъ пояснять всякую фразу, и если намъ придется, напримѣръ, гдѣ-нибудь выразить самую простую мысль, что «нѣкоторые люди туги на пониманіе», то непременно объяснимъ, какъ и почему, и по этому поводу коснемся устройства человеческого мозга, а главное, пояснимъ, что иногда эта тугость пониманія происходитъ не отъ устройства головы, а отъ нехотѣнія понимать, отъ желанія притрагаться во что бы то ни стало къ смыслу или фразѣ, отъ взаимныхъ отношеній пишущаго къ критикующему. Однимъ словомъ, будемъ пояснять все, чтобъ только угодить вамъ.

Вотъ и теперъ, позвольте вамъ объяснить, что мы съ вами и пишемъ тоже *машинально*. Вѣдь мы съ вами не думаемъ, когда пишемъ, гдѣ ставить букву *ь*, гдѣ *е*, гдѣ запятую, точку съ запятой и т. п. Они ставятся у насъ *сами собою*. Это значить, что мы съ вами достигли извѣстнаго мастерства въ писаньи, и что еслибъ мы задумывались напримѣръ надъ этими буквами и знаками, то мы были бы съ вами еще только учениками. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что мы не должны и думать о томъ что пишемъ. Иногда вѣдь и это бываетъ: зато и попадаешься въ просакъ.

Точно такъ и въ искусствахъ. Пьянствовать, напримѣръ (настоящій пьянствовать, а не ученикъ), играть знакомый ему пассажъ вовсе не задумываясь надъ тѣми нотами, которыя перебираются его пальцами. Живописецъ, кладя краски, вовсе не думаетъ какъ повернуть ему кисть или дернуть рукой, чтобъ вышелъ эффектный, лихой мазокъ. Онъ у него выходитъ *машинально*. Скульпторъ, актеръ, изучившій роль свою, сильфиды, порхающая на сценѣ, поступаютъ

точно также, т. е. машинально, если они достигли известного мастерства.

Точно также и честно поступать мы должны приучиться машинально, инстинктивно. Тут, достойный сотрудник, вы сдѣлали одинъ вопросительный знакъ и поставили въ скобкахъ два словечка: *будто? отлично!* Очень жаль, что вы этого не поняли и что это показалось вамъ греческимъ языкомъ, тарабарской грамотой.

А между тѣмъ это очень понятно. Есть случаи въ жизни, и ихъ много, которые такъ близко касаются чувства чести, что истинно честный человѣкъ рѣшается въ такихъ случаяхъ вдругъ, именно машинально. Онъ не станетъ обдумывать своего рѣшенія, потому что покраснѣлъ бы отъ стыда, при одной мысли, что могъ колебаться и повести хоть на минуту торгъ съ совѣстью. Кажется, это очень понятно. Вы сами, достойный сотрудник, безъ всякаго сомнѣнія, очень часто поступали машинально въ своей жизни.

Надѣмся, вы насъ теперь совершенно поняли и не разсердитесь на насъ, если мы изъ чувства возмездія, даже просто изъ чувства самаго обыкновеннаго и очень позволительнаго въ нашемъ положеніи, желанія отплатить вамъ чѣмъ-нибудь, кольнуть васъ какъ-нибудь за исъ ваши недобросовѣстные придирки — надѣмся, что вы позволите намъ выписать одно мѣсто изъ вашей образцовой статьи?

Ужь позвольте, сдѣлайте милость, и не сердитесь очень.

Вотъ это мѣсто :

«Вотъ хоть бы «Время», гдѣ напечатана приведенная нами характеристика нашей критики (*) — первыя двѣ его книжки представили намъ нѣсколько здравыхъ и дѣльныхъ критическихъ замѣтокъ, за что мы съ удовольствіемъ привѣтствовали новый журналъ. Но въ послѣдующихъ книжкахъ оказалось, что новый журналъ рѣшился во что бы то ни стало прослыть журналомъ полемическимъ, и въ своей горячности на этотъ поприщѣ договаривается до такихъ фразъ, что послѣ, по видимому, и самому дѣлается совѣстно и приходится оправдываться умеченіемъ (эти фразы, прибавимъ отъ себя, мы уже выписали и сейчасъ отвѣчали на нихъ). Конечно, увлеченіе молодости въ глазахъ судьи часто имѣетъ значеніе и смягчаетъ наказаніе; но отъ литературнаго органа мы вправѣ ожидать болѣе мужественной зрѣлости, безъ излишнихъ юпошескихъ увлеченій, чтобы не приходилось прилагать къ нимъ извѣстную фразу: *молодо, зелено!* Странно, если Редакція, въ своей поле-

(*) «Сѣверная Пчела» выписываетъ длинную тираду изъ одной нашей критики и повидимому остается ею очень довольна.

нической запальчивости, будетъ замѣчать безпрестанныя противурѣчія въ своемъ изданіи тогда только, когда другіе на то укажутъ ей: (впередъ только, оиать таки прибавляемъ мы, указывайте намъ на дѣйствительныя противурѣчія, а не на воображаемыя вами. Въдь отъ такихъ указаній, какія вы намъ слѣдали и которыя мы сейчасъ разобрали, не намъ приходится совѣститься и краснѣть за нихъ) какое же довѣріе можетъ имѣть публика къ ея критическимъ сужденіямъ?.

Вотъ вы насъ страшаете гнѣвомъ публики, а сами, повидимому, вовсе не боитесь ея гнѣва и равнодушія. Неужели вы думаете, что это критика? что вы насъ дѣльно разобрали? Если допустить, что у насъ вы дѣйствительно отыскали одно противурѣчіе и выставили его на показъ публики, то неужели вы думаете, что такъ ужъ насъ вы и убили? Ктожь не знаетъ, что въ двѣнадцати книгахъ въ годъ, въ любомъ журналѣ, безъ большихъ натяжекъ можно отыскать нѣсколько противурѣчій? Въдь не думаете же вы, какъ нѣкоторые господа, неумѣющіе читать *машинально*, что всю книгу пишетъ кто-нибудь одинъ. Въдь не можетъ же быть, чтобъ всѣ сотрудики журнала мыслили, желали и вѣрили какъ одинъ человекъ. Противурѣчія всегда будутъ. Только въ хорошемъ журналѣ эти противурѣчія будутъ заключаться въ какихъ-нибудь мелкихъ подробностяхъ, о которыхъ и говорить не стоитъ. Хорошая критика все это знаетъ и къ пустякамъ не придирается. Лишь бы главная мысль проводилась послѣдовательно и безъ противурѣчій. Когда вашъ сотрудникъ писалъ на насъ свою діатрибу (замѣтте, милая сестра по ремеслу, что мы винимъ одного вашего сотрудника, а не васъ, затѣмъ что вамъ, существу такому легкому и трудолюбивому, не углядѣть за всѣми вашими шмелями и трутвями), онъ вѣроятно не думалъ о публикѣ. И что же вышло? Онъ не только не уличилъ насъ, но еще вдобавокъ мы даримъ ему педагогическое правило, что дескать не все то годится для дѣтей, что необходимо для взрослыхъ; вмѣсто чепухи и нелѣпостей оказывается, что чепуха-то и нелѣпость сидятъ не въ нашемъ журналѣ.

Вотъ хоть бы то мѣсто, гдѣ вы говорите, что двѣ первыя книжки наши были хороши, но что потомъ мы захотѣли стать журналомъ полемическимъ и пошли у насъ противурѣчія, нелѣпости и разныя увлеченія. А съ первыхъ же двухъ книжекъ и началась у насъ полемика. Какъ же вы этого не замѣтили? Можетъ-быть потому не замѣтили, что въ нихъ полемическія статьи не отдѣлены отъ критическихъ. Впоследствии мы всѣ ихъ отвесли въ «Смѣсь» и такимъ образомъ, онѣ стали для васъ виднѣе. Съ самаго начала мы хотѣли полемики. Въ самомъ объявленіи объ изданіи нашего

журнала, мы сказали, что на критику и на полемику обратимъ особенное вниманіе. Скажемъ болѣе: мы и не можемъ не быть полемическимъ журналомъ. Наши убѣжденія, и литературныя и политическія и общественныя, идутъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями многихъ нашихъ журналовъ. Мы должны отстаивать то, во что вѣримъ, и потому и споримъ и полемизируемъ. Прочтите наше объявленіе объ изданіи нашего журнала на 1861 годъ, и вы увидите, что мы поступаемъ совершенно послѣдовательно, и что иначе мы и поступать не можемъ....

Но вамъ не нравится полемика?

Въ самомъ-дѣлѣ, бросимъ ее и будемъ лучше «уважать другъ друга».

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Ѡ. БАЗУНОВА

КОМИССИОНЕРА МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

*Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста,
въ домѣ Ольгиной.*

ТАТИЩЕВЪ И ЕГО ВРЕМЯ. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи, первой половины прошедшаго столѣтія. Соч. Николая Попова. Изд. Солдатенкова и Щепкина. М. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

МИТЮХА ВАЙДАЙСКІЙ. Трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ (пародія на трагедію Озерова: «Дмитрій Донской»). М. 1861 г. Ц. 60 к., съ перес. 1 р.

РИСУНКИ КЪ ИЗВѢСТНОМУ СОЧИНЕНІЮ И. Ѡ. БОГДАНОВИЧА, повѣсти въ стихахъ «Душенька», гравированные графомъ Ѡ. Толстымъ. Шесть тетрадей большого формата. 62 листа съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ. Цѣна назначается уменьшенная: 6 р., съ перес. 8 р.

АКСЕЛЬ. Повѣсть Исаи Тегнера въ русскомъ переводѣ. Д. Ознобишина. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ОБЪЯСНЕНИЕ 7,000 ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ, ВОШЕДШИХЪ ВЪ УПОТРЕБЛЕНІЕ ВЪ РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. Составилъ Михельсонъ. М. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ПОВѢЗКА ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ. А. Леванасьева-Чужбинскаго. Часть первая (очерки Дибра). Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО И ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКОВЪ. Составлено Ѡ. Буслаевымъ. М. 1861 г. Большой томъ. Ц. 3 р., съ перес. 4 р.

КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. Доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ. Переводъ Е. и В. Корша. Выпускъ десятый и послѣдній (отъ польской революціи до учрежденія второй французской имперіи). М. 1861 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Первые 9 выпусковъ ц. 7 р. 60 к., съ перес. 9 р.

РУКОВОДСТВО къ изученію Высочайше утвержденныхъ Е. И. В. 19

февраля 1861 г. Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Составленное Д. О. 2 части. (На 2-ую выдается билетъ.) Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р

РУКОВОДСТВО къ составленію уставныхъ грамотъ для помѣщиковъ, извлеченное изъ Высочайше утвержденного положенія о крестьянахъ. Составилъ Соболевъ. М. 1861 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО къ практической зоологін, изданное А. Богдановымъ. Выпускъ первый. Таблицы Генемана для опредѣленія европейскихъ бабочекъ (*Macrolepidoptera*), съ примѣненіемъ къ московской фаунѣ. Съ полигипажами. М. 1861 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ БОТАНИКЪ. Составлено и издано В. В. Григорьевымъ, преподавателемъ естественной исторіи въ первой московской гимназій. Съ 517 полигипажами въ текстѣ, во второй части. М. 1861 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КЮРИ РУКОВОДСТВО КЪ ОПРЕДѢЛЕНІЮ РАСТЕНІЙ легкимъ и точнымъ способомъ, помощью собственнаго изслѣдованія. Переводъ съ девятаго изд. Съ указаніемъ правилъ для собранія и сушенія растеній. Изд. В. В. Григорьева. М. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

О НАРОДНОМЪ ВРАЧЕБНО-ИСПРАВЛЕННОМЪ ЛЕЧЕНІИ НАДУЧЕЙ БОЛѢЗНИ НАСТОЙКОЮ ЛАНДЫША. Соч. доктора Ѳ. Иноземцова. М. 1861 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО къ распознаванію и леченію болѣзней собакъ. Д-ра Гертвига. Перев. Ѳ. Фишеръ. Спб. 1861 года. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

РУКОВОДСТВО КЪ СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ И ВОСПИТАНІЮ ЧЕЛОВѢКА. Письма о тѣлесномъ и душевномъ воспитаніи и достиженіи возможно-счастливаго состоянія чловѣка во всякомъ возрастѣ, полѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Необходимая книга для всякаго образованнаго вообще, и въ особенности для врачей, родителей и воспитателей. Составлена по сочиненію К. Г. Розенберга В. Добронравовымъ. Въ 4 част. Спб. 1858 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ Горупъ Безавеца, профессора химіи и директора химической лабораторіи въ эрлангенскомъ университетѣ. Переводъ И. Бордугова. Выпускъ первый. М. 1860 г. Ц. 65 к., съ перес. 1 р.

ОРУЖЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ, издаваемый В. Бестужевымъ-Рюминымъ и В. Чебышевымъ. 2 книжка. Съ рисунками. (На 2-ю выдается билетъ) Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 4 р.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Мое дѣтство. (Изъ однихъ записокъ). М. Воронова	5
<i>Толпы счастливыхъ, разодѣтыхъ...</i> Стих. Ѳ. Берга.	46
Каролина англійская и Бергами. (Процессъ 1820 г.).	47
Современное состояніе швейцарской демократіи. В. А. Ф—ъ	101
Знакомые. (Воспоминаніе былого). I. Семейство Головастовыхъ. II. Семейство Шепотковыхъ. Марьи Каменской	129
Три стихотворенія П. А. Кускова. I. Послѣ бури. II. <i>Я люблю тебя, ребенокъ</i> .. III. <i>Какъ хорошо, что занята...</i>	170
Главныя черты исторіи философіи. (Изъ исторіи философіи Куно Фишера) перев. Н. Страховъ	173
Мери Бартопъ. Повѣсть о манчестерскихъ труженикахъ. (Съ англій- скаго). Часть четвертая. Пер. Е. Бекетовой.	201
Часть пятая.	531
Одно ненапечатанное стихотвореніе Пушкина.	286
Униженные и Оскорбленные. Романъ. Эпизодъ. Послѣднія воспоми- нія. Ѳ. М. Достоевскаго.	284
<i>Ты мнѣ вѣдь знала...</i> Стих. Ѳ. Берга	315
Отъ Босфора до Персидскаго залива. Изъ записокъ, веденныхъ во время четырехлѣтняго путешествія демаркаціонной комисіи по Турціи и Персіи. М. Г. (Продолженіе)	317
Липочка. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. В. О.	349
Стихотвореніе А. Шлецкева (съ нѣмецкаго)	412
М-г Отрепьевъ и М-ше Боярышниковъ. Губернскія сцены. М. Стопановскаго.	413
Плачь Дѣтей. (Изъ поэмы Елизаветы Барротъ Брѳонингъ - the cry of the Children). Стих. В. Костомарова	451
Изъ портфеля доктора. Е. А.	453
Сладкое Житіе. (Изъ разказовъ городского сторожила). А. Леви- това	477

Погребальная пѣсня (на мотивъ изъ Теннисона). А. Плещеева	516
Финансовыя и иные симптомы во Франціи. Статья первая	517

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Одинъ изъ проектовъ чудеснаго обогащенія Россіи. Земскій кредитъ въ соединеніи съ государственнымъ — не какъ теорія.	
И. Шилля	1
✓ Нѣсколько словъ о г. Писемскомъ по поводу его сочиненій. Томъ I.	
Изд. Стелловскаго.	13
✓ Записки о Шамилѣ. Пристава при военно-плѣнномъ А. Руновскаго	20
✓ Рядъ статей о русской литературѣ. III. Книжность и грамотность.	
Статья первая	35
Статья вторая	91
✓ Разсказы о темныхъ предметахъ: о волшебствѣ, натуральной магии, обманахъ чувствъ, суевѣріяхъ, фокусничествѣ, колдунахъ, вѣдьмахъ и т. п., изданные М. С. Хотинскимъ.	53
Безцвѣтныя явленія. — Быль молодцу не укоръ. Новая комедія г Н. Потѣхина. «Отеч. Зап.» № 7, Іюль	77
Нѣчто о полемикѣ. (Письмо въ редакцію «Времени»).	131

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Дѣло главной кассы желѣзныхъ дорогъ и другихъ акціонерныхъ обществъ въ Парижѣ. — Биржевыя спекуляціи и ихъ связь съ политикою. — Баронъ Видаль и другіе преступники. — Итальянскія дѣла. — Разбойники, именующіе себя бурбонстами. — Заемъ 500 миліоновъ. — Общее положеніе. — Последнія извѣстія.	1
Итальянскія дѣла. — Стремленіе Италіи къ Риму. — Гойонъ-Меродовская ссора. — Разбойники въ Неаполѣ. — Письмо Чернуски. — Заемъ. — Австрійскія дѣла. — Адресъ венгерскаго сейма. — Славянскія стремленія. — Законъ о печати. — Французскія дѣла. — Участіе духовенства въ праздникъ 15 августа. — Денежныя процессы. — Ожиданіе прусскаго короля. — Англійскія дѣла. — Закрытіе парламента. — Захватъ острововъ Вити. — Американскія дѣла. — Битва при Буль-Рунѣ. — Полезное для войны изобрѣтеніе. — Общее положеніе. — Последнія извѣстія	41

СМѢСЬ

Замѣтка по крестьянскому вопросу о выгодахъ третейскаго разбирательства споровъ между крестьянами и помѣщиками. И. Восковойникова	1
Литературная истерика	50
Письмо П. А. Кускова къ «Русскому Вѣстнику»	59
Мечтательница. (Повѣсть Амедея Ашара)	65
Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки).	
Лѣтній зной и книжная духота. — Воображаемая теорія. — Потребность въ свѣжемъ воздухѣ. — Третьекласный вагонъ и волжскій пароходъ. — Приключеніе. — Что значитъ обманывать общественныя ожиданія. — Старушечье гореванье о своемъ и общемъ горѣ. — Тяжолое время, не пропускающее глуостей. — Споръ, вызванный <i>собачкой и курочкой</i> , и приводящій въ смущеніе «господина добродушнаго свойства». — Нападеніе на нищихъ. — Нѣчто объ артели. — Ассоціація поэтическихъ талантовъ. — Народные недуги и враги народной нравственности. — Спорные пункты: 1) есть ли у насъ <i>люди</i> или нѣтъ; 2) слѣдуетъ ли кой-кого посыпать персидскимъ порошкомъ, или не слѣдуетъ. — Всенсцѣляющее средство и вопросъ о томъ, дѣйствительно ли оно безъ правительственнаго содѣйствія. — Новѣйшія приложенія этого средства.	13
У страха глаза велики.	103
Не тронь меня	108
Самые простые взгляды на самое больное мѣсто нашихъ домашнихъ дѣлъ.	117
Кое-что изъ слышаннаго и читаннаго	125
Противорѣчія и увлеченія «Времени».	135

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 23 августа 1861 года

Цензоръ *Ө. Веселого*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЗАУАРА ДРАЦА

JW

JUL 3 1935

